

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

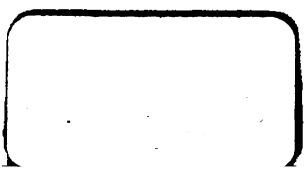
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190878 6

*QCA

Digitized by Google

11. 12. 13.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

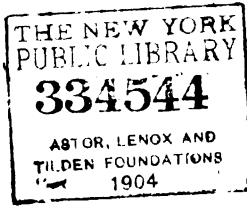
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 25 августа, 1864 года.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЕДКИНА И КОМП.

ПРОГРЕСЪ ВЪ МРЪ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

«Легкіе и бѣглыя очерки», безъ отдѣльныхъ заглавій.

У.

На языкѣ всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ такіа слова, которыя каждый здравомыслящій человѣкъ долженъ употреблять всегда съ крайнею осмотрительностью. А еще гораздо лучше было бы совсѣмъ не употреблять ихъ; но, въ сожалѣнію, это почти невозможно. Умъ, чувство, истиннѣй, талантъ, гений, темпераментъ, характеръ и разныя другія выраженія, относящіяся къ всенеческой жизни животныхъ организмовъ, — все это очень опасныя и неудобныя слова. Они заставляютъ собою живые еанты, и никто не знаетъ навѣрное, что именно подъ ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произносить эти слова, и при этомъ всегда старается этими неопытными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопросъ объ умственныхъ способностяхъ всѣхъ животныхъ, стоящихъ ниже человека, совершенно затененъ разными неопытными словами, которыя приносятъ особенно много вреда, потому что всѣ къ нимъ прислушались и привыкли, и всѣ воображаютъ, будто въ этихъ знаковыхъ словахъ заключено очень опредѣленный смыслъ. Вамъ ежеминутно приходится слышать, что собака любитъ хозяина по инстинкту, конка, преслѣдуетъ мышью по инстинкту, ласточка вьстѣ гнѣздо.

по инстинкту, пчела устроивает восковую ячейку по инстинкту. Куда какъ это хорошо и удобно! Все по инстинкту! А что такое инстинктъ — это всякій понимаетъ; это вотъ — когда собака любить хозяина, кошка преслѣдуетъ мышей, ласточка и т. д.; вотъ это и есть инстинктъ. Поняли вы теперь, почему собака любить хозяина, почему кошка и т. д.? Ну, какъ же не понять. Вы знаете Петра? — Нѣтъ не знаю. — Да это тотъ, что женатъ на Авдотѣ: — Да я и Авдотью не знаю. — Ахъ, Боже мой, да это та, что замужемъ за Петромъ. — А! Ну, теперь знаю и Петра, и Авдотью. Давно бы вы мнѣ такъ объяснили. Благодарю васъ покорно за то, что научили меня уму-разуму! Мы почти всегда разсуждаемъ такимъ манеромъ, т. е. неизвѣстнаго Петра объясняемъ неизвѣстною Авдотьею, а потомъ, когда прислушаемся, во время объяснительнаго разговора, къ обоимъ неизвѣстнымъ именамъ, то начинаемъ считать ихъ извѣстными, и вопросъ оказывается рѣшеннымъ. На сколько подобное рѣшеніе вопросовъ можетъ быть полезно для нашего умственнаго развитія, — объ этомъ пусть разсуждаетъ мой просвѣщенный читатель, какъ ему самому будетъ угодно. Я же, съ своей стороны, перейду къ изображенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ той дѣятельности животныхъ, которую мы такъ превосходно объяснили словомъ: инстинктъ. Извѣстно, что наша европейская кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ; эта другая птица очень добросовѣстно высиживаетъ подкидышей наравнѣ съ своими собственными дѣтьми, а высиженный подкидышъ, при первой возможности, выживаетъ, т. е. просто выбрасываетъ изъ гнѣзда своихъ благопріобрѣтенныхъ братцевъ и сестрицъ. Подобная исторія повторяется каждый годъ, и порода кукушекъ постоянно процвѣтаетъ, благодаря своей дотопаивости и безцеремонности. Если мы предположимъ, что этотъ инстинктъ кукушки возникъ въ ее породѣ мгновенно, то одно это предположеніе повалитъ всю теорію медленнаго развитія, потому что одинъ случай, какъ бы ни былъ онъ самъ по себѣ незначителенъ, будетъ доказывать возможность скачковъ, а эта возможность находится въ радикальной и непримиримой враждѣ со всякимъ простымъ и естественнымъ объясненіемъ существующихъ явленій. Поэтому необходимо отыскать въ живой природѣ причины этого инстинкта и тотъ путь постепенныхъ измѣненій, по которому онъ долженъ былъ пройти къ своему теперешнему положенію. Причины дѣйствительно найдены и путь развитія можетъ быть указать съ при-

близительною вѣрностью. Кукушка несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня; если бы она сама высиживала ихъ въ собственномъ гнѣздѣ, то старшія яйца уже превратились бы въ птенцовъ, въ то время, какъ младшія находились бы еще въ своемъ первобытномъ состояніи. Это было бы очень неудобно во многихъ отношеніяхъ. Живые птенцы своими движеніями могли бы помѣшать развитію младшихъ братьевъ, пожалуй, даже могли бы продавить скорлупки ихъ яицъ; для птенцовъ требуется пища, а между тѣмъ мать не можетъ отлетѣть отъ яицъ, которыя постоянно нуждаются въ ея теплотѣ; такимъ образомъ, всѣ заботы о прокормленіи старшихъ дѣтей должны упасть на отца, а, кажется, самцы во всемъ мірѣ животныхъ управляются съ такими дѣлами не такъ удачно, какъ самки. Но эти неудобства не составляютъ еще непреодолимаго препятствія, и американская кукушка, которая также кладетъ яйца не ежедневно, свиваетъ свое собственное гнѣздо, и сама заботится о своемъ потомствѣ, не смотря на эти неудобства. Гораздо важнѣе то, что европейской кукушкѣ приходится очень рано отлетать въ теплый климатъ; это неудобство уже не можетъ быть устранено, и, вслѣдствіе этого обстоятельства, кукушка, свившая свое собственное гнѣздо, была бы принуждена оставить большую часть своихъ дѣтей въ самомъ безпомощномъ состояніи. Стало быть, подииваніе яицъ въ чужія гнѣзда дѣлается вовсе не по беззаботности, а, напротивъ, именно по любви къ дѣтямъ, и вслѣдствіе желанія устроить ихъ судьбу какъ можно благополучнѣе. Положимъ теперь, что древняя прародительница нынѣшней европейской кукушки устраивала свои дѣла такъ, какъ устраиваетъ ихъ теперешняя американская кукушка; высидѣвъ своихъ дѣтей, она собирается летѣть въ теплый климатъ; въ это время она чувствуетъ потребность снести яйцо, и въ это же время она видитъ чужое гнѣздо. О высиживаніи этого запоздалаго яйца ей нельзя и подумать; она находится на отлетѣ, ей уже становится холодно, или, — что все равно, — та пища, которая для нея необходима, дѣлается уже очень рѣдкою въ это время года; стало быть, ей предстоитъ альтернатива, или уронить яйцо на полъ, или положить его въ то гнѣздо, которое она видитъ. Въ этомъ случаѣ, та естественная, или истинная, или какъ вамъ угодно, заботливость, которую всѣ матери обнаруживаютъ къ своему потомству, должна склонить заведывающую кукушку къ тому, чтобы бережно положить свое послѣднее яйцо въ чужое гнѣздо, вмѣсто того, чтобы совер-

шенно небрежно бросить его на землю. Очень правдоподобно, что это подкинутое яйцо будет счастливѣе и разовьется лучше своихъ братьевъ, высижанныхъ самою матерью, которая принуждена была во время высиживанія возиться постоянно съ голодными итенцами разныхъ возрастовъ. Если подкидыши будутъ постоянно превосходить другихъ итенцовъ кукушки здоровьемъ и крѣпостью, то они постоянно будутъ ихъ переживать и расплодятся сильнѣе ихъ. Въроятно, эти подкидыши, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ получаютъ по наслѣдству отъ своей матери ту догадливость, которая побудила ее воспользоваться чужимъ гнѣздомъ. Та кукушка, въ которой эта догадливость будетъ особенно развита, сообразитъ, что, если можно положить въ чужое гнѣздо одно яйцо, то отчего же не распорядиться такимъ же образомъ и со всеми остальными; сообразитъ она это тѣмъ скорѣе, чѣмъ неудобнѣе ей будетъ нянчиться съ итенцами разныхъ возрастовъ и съ недосиженными яйцами; а такъ какъ неудобство это довольно значительно, то и соображеніе, по всей вѣроятности, явится на выручку довольно быстро. Соображающая кукушка будетъ имѣть преимущество передъ несоображающею, потому что потомство первой, благодаря добросовѣстнымъ стараніямъ разныхъ обманутыхъ матерей изъ другихъ птичьихъ породъ, будетъ развиваться и выкармливаться лучше, чѣмъ потомство второй кукушки, болѣе усердной, но менѣе остроумной. Но мы уже давно знаемъ, что преимущество, какъ бы оно ни было незамѣтно, всегда доставляетъ со временемъ своему обладателю полную побѣду въ истребительной борьбѣ за существованіе. Поэтому, мы можемъ сказать навѣрное, что чрезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ, типъ добродѣтельной кукушки будетъ совершенно вытѣсненъ типомъ кукушки практической. Можетъ быть, инстинктъ подкидыванія найдетъ себѣ поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что подкидывающая мать сама выросла въ чужомъ гнѣздѣ, и поэтому считаетъ именно эти гнѣзда естественнымъ пріютомъ молодой кукушки. Можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ воспоминанія дѣтства. У Дарвина есть одно мѣсто, которое, по видимому, намекаетъ на возможность такихъ воспоминаній. «Аналогія, говоритъ онъ, побуждаетъ насъ заключить, что итенцы, высижанные и вскормленные такимъ образомъ чужими родителями, наследуютъ въ большей или меньшей степени ту ненормальность инстинкта, вслѣдствіе которой ихъ мать отказала имъ въ своихъ попеченіяхъ». Я подчеркнулъ тѣ слова, въ которыхъ я вижу

возможность намека, но такъ какъ этотъ намекъ выраженъ очень легко и не совсѣмъ ясно, то я и не рѣшаюсь настаивать на своемъ предположеніи о возможности кукушкныхъ воспоминаній. Не думаю однако, чтобы мы имѣли основаніе совершенно отвергать существованіе этихъ и многихъ другихъ проявленій умственной жизни въ мірѣ животныхъ. Когда мы видимъ, со стороны какого нибудь животнаго, рядъ поступковъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли, и вполне достигающихъ этой цѣли, то мы обыкновенно, по нашей всеобъемлющей мудрости, утверждаемъ сплеча, что животное не знаетъ, къ чему именно клонятся его поступки, что оно дѣйствуетъ совершенно безсознательно, подобно тому, какъ шарманка выпускаетъ изъ себя одну ноту за другою, не имѣя ни малѣйшей возможности слѣдить за развитіемъ мелодіи. Можетъ быть, это сравненіе животнаго съ шарманкою въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно вѣрно; можетъ быть даже, это сравненіе прилагается также удачно къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ человѣка. Напримѣръ, половое влеченіе клонится къ размноженію породы; а между тѣмъ, влюбленный юноша всего менѣе думаетъ о предстоящихъ обязанностяхъ отца; каждый его поступокъ, каждое слово, каждое помышленіе ежеминутно стремится къ этой неизбежной развязкѣ, а въ то же время, самая развязка, быть можетъ, даже пугаетъ его, какъ значительное приращеніе заботъ и непосильныхъ расходовъ. Здѣсь человѣкъ, очевидно, изображаетъ собою шарманку. Но когда молодая женщина, чувствуя приближеніе срока своей беременности, старается приготовить для будущаго ребенка пеленки и рубашечки, тогда нѣкто не скажетъ, что она поступаетъ безсознательно, по неизвѣстному ей импульсу. Можетъ быть, жизнь кукушки представляетъ намъ такия же явленія, отчасти шарманочныя, отчасти нешарманочныя. Но какое явленіе отнести къ одной категоріи, какое — къ другой?— это, мнѣ кажется, вопросъ чрезвычайно затруднительный, и даже не всегда разрѣшимый. Когда юная и дѣвственная кукушка въ первый разъ въ жизни отдаетъ любимому самцу лапку и сердце, то знаетъ ли она, что за актомъ любви послѣдуетъ кладка яицъ? Можно ли дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ? И возможенъ ли тутъ вообще такой отвѣтъ, который отвѣчалъ бы разомъ на всѣ отдѣльныя случаи этого вопроса? Можетъ быть, одна кукушка знаетъ, а другая не знаетъ, смотря по тому, какъ великъ, или какъ малъ запасъ ея житейской опытности. Но мы видимъ, что американская кукушка, подобно всѣмъ другимъ птицамъ, свиваетъ себѣ гнѣздо

тотчасъ послѣ того, какъ началась нормальная дѣятельность ея половой системы. Дѣйствуетъ ли она въ этомъ случаѣ, какъ шарманка, или нѣтъ? Что побуждаетъ ее къ этому дѣйствию? Тутъ можно выразить только два предположенія: или ей пріятно строить гнѣздо; то есть, удовлетворивъ своему половому влеченію, она чувствуетъ потребность успокоиться, усѣсться на мѣстѣ, какъ можно комфортабельнѣе, и поэтому старается окружить себя тѣми удобствами, которыя ей можетъ доставить ея кукушечья ловкость и сметливость. Или же, она устраиваетъ гнѣздо съ опредѣленною цѣлью, т. е., поступаетъ такъ же сознательно, какъ поступаетъ молодая женщина, заготавливающая колыбель и пеленки. Никакого третьяго предположенія допустить нельзя. Найдите мнѣ хоть одинъ примѣръ, чтобы какое нибудь животное, находящееся въ совершенно здоровомъ состояніи, добровольно принимало на себя, безъ всякой опредѣленной цѣли, трудъ, не доставляющій ему въ данную минуту ни малѣйшаго наслажденія. Но первое предположеніе наше оказывается несостоятельнымъ. Если бы птица чувствовала потребность устроить удобный пріютъ лично для себя, то европейская кукушка, находящаяся въ самомъ ближайшемъ родствѣ съ американскою, также свивала бы себѣ гнѣздо; мы знаемъ, напротивъ того, что она этого не дѣлаетъ, и что она устраиваетъ свои дѣла такъ, какъ это удобно для ея будущихъ дѣтей. Это значить, что шарманка, смотря по обстоятельствамъ, играетъ то «*la donna e mobile*,» то «*Marlborough s'en va-t-en guerre*;» и сама оцѣниваетъ обстоятельства, и выбираетъ именно ту пьесу, которая всего болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и мѣста. Согласитесь, что такая дипломатизирующая шарманка въ значительной степени похожа, напримѣръ, на опытнаго редактора, выбирающаго для своей книжки именно тѣ статьи, которыя въ данную минуту могутъ поправиться большинству читающаго общества. Согласитесь также, что, имѣя дѣло съ такою благовоспитанною шарманкою, мы не имѣемъ никакого разумнаго основанія утверждать съ плеча, что въ ней не совершается никакого особеннаго процесса, или, что въ ней совершается такой процессъ, который не имѣетъ ничего общаго съ размышленіемъ. Произнести слово истиннѣе очень не трудно, но вѣдь мы уже давно знаемъ эту исторію: Петръ женатъ на Авдотѣ, а Авдотья замужемъ за Петромъ. Отъ этого дѣло не подвигается дальше, ни взадъ, ни впередъ. — Много другихъ вопросовъ приходится задавать себѣ по

поводу кукушкннхъ поступковъ. Если она неслась въ нынѣшнемъ году, то запомнить ли она до будущаго года тотъ рядъ причинъ и слѣдствій, который составляетъ собою актъ дѣторожденія во всей его сложности и во всѣхъ различныхъ фазахъ его развитія? — Этотъ вопросъ сводится на другой вопросъ, болѣе общій: способна ли вообще кукушка, или какая нибудь другая, близкая къ ней, птица накоплять въ своемъ умѣ прямыя указанія своего личнаго опыта? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ: «способна,» то мы этимъ отвѣтомъ окончательно допустимъ возможность причяго прогресса, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Мы допустимъ не только прогрессъ породы, совершающійся въ теченіи тысячелѣтій, посредствомъ естественнаго выбора, — но и прогрессъ отдѣльнаго субъекта, совершающійся въ теченіи дней и мѣсяцевъ, посредствомъ разнообразныхъ впечатлѣній, — словомъ тотъ прогрессъ, который называется воспитаніемъ, и который достается на долю каждому изъ насъ въ родительскомъ доми, въ школѣ и въ жизни. Если же мы отвѣтимъ: «неспособна,» то я рѣшительно не знаю, какимъ образомъ мы объяснимъ, наприимѣръ, слѣдующій общій фактъ, извѣстный каждому ружейному охотнику, безъ исключенія. Когда вы приходите съ ружьемъ въ такую мѣстность, въ которой не было сдѣлано ни одного выстрѣла въ теченіи многихъ лѣтъ, то вы можете смѣло идти прямо къ птицѣ, останавливаться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и совершенно открыто прицѣливаться; птица не полетитъ, и даже будетъ смотрѣть на васъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Когда же вы, пользуясь этою первобытною невинностью птицъ, пострѣляете въ этой благословенной мѣстности недѣли двѣ, три, тогда птицы сдѣлаются гораздо болѣе осторожными, и вамъ придется подкрадываться, и употреблять различныя хитрости. Вамъ тогда всякій мужикъ скажетъ, что птица напугана, и вы, вѣроятно, не найдете въ этихъ простыхъ словахъ ровно ничего удивительнаго; а между тѣмъ, что значить «напугана»? Значить, составила себѣ понятіе объ опасности, которая прежде была ей неизвѣстна; значить — присоединила новый опытъ къ своему прежнему запасу житейскихъ опытовъ. Если это не прогрессъ, то я, послѣ этого, рѣшительно не знаю, что такое прогрессъ. Но, если кукушка можетъ приобрѣтать себѣ опытность посредствомъ личныхъ впечатлѣній, то не можетъ ли она также кое-чему научиться, глядя на старшихъ кукушекъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно мы не можемъ. Если же такая передача опы-

та изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣйствительно существуетъ, то намъ необходимо будетъ въ каждомъ поступкѣ кукушки отдѣлять элементъ врожденности отъ элемента воспитанія. Тоже самое можно сказать о каждомъ поступкѣ каждаго другаго животнаго. Пока намъ не удастся ясно разграничить эти два элемента, до тѣхъ поръ всѣ наши понятія объ умственныхъ отправленияхъ животныхъ будутъ въ высшей степени сбивчивы и неудовлетворительны. Въ самомъ рельефномъ фактѣ, который извѣстенъ намъ изъ обычаевъ кукушки, въ инстинктѣ подкидыванія, намъ, или по крайней мѣрѣ, мнѣ представляется очень много неясныхъ сторонъ, требующихъ значительнаго количества изслѣдованій и наблюденій. Напримѣръ, владеть ли кукушка свои яйца въ первое попавшееся гнѣздо, или она обнаруживаетъ предпочтеніе къ гнѣздамъ извѣстныхъ породъ? Если это предпочтеніе существуетъ, то какимъ именно образомъ оно выражается? Выбираетъ ли кукушка то или другое гнѣздо, смотря по его формѣ? Или она владеть свои яйца къ такимъ птицамъ, которыхъ яйца до нѣкоторой степени похожи на кукушечьи? Вѣдь если бы кукушка подкинула ихъ, напримѣръ, къ курицѣ, то врядъ ли это было бы особенно удобно для кукушечьяго потомства, потому что насѣдка, при всемъ своемъ добродушіи, никакъ не могла бы принять кукушечье яйцо за свое собственное. Конечно къ курицѣ кукушка не можетъ подкинуть, но вѣдь есть и между лѣсными птицами такія, которыхъ яйца очень рѣзко отличаются отъ кукушечьихъ. Или, наконецъ, кукушка выбираетъ гнѣзда тѣхъ птицъ, которыя по мельче и по слабѣе, и которыхъ, слѣдовательно, подкинутый птенецъ можетъ со временемъ вышвырнуть изъ родительскаго пріюта? Все это вопросы въ высшей степени интересные, и если бы они были удовлетворительно разрѣшены прямыми наблюденіями, то умственная жизнь кукушки разъяснилась бы для насъ въ значительной степени. Я не ручаюсь за то, что эти вопросы вполне удачно поставлены, но, мнѣ кажется, насъ не должно смущать то обстоятельство, что они, по видимому, предполагаютъ въ кукушкѣ очень обширное развитіе мыслительной дѣятельности. Наслѣдственная сообразительность, личный опытъ, вліяніе старшихъ птицъ, а главное—постоянный контроль естественнаго выбора, сохраняющаго только самыя полезныя инстинкты, все это вмѣстѣ можетъ дать намъ самыя изумительныя результаты. Грей и нѣкоторые другіе наблюдатели доказали, что европейская кукушка не совсѣмъ утратила свою материнскую нѣж-

ность и свою заботливость о птенцахъ. Въ какой специальной формѣ проявляются эти свойства и какимъ образомъ они уживаются съ инстинктомъ подкидыванія — если только мы не примемъ самаго подкидыванія за вынужденное видоизмѣненіе материнской любви — этого Дарвинъ не сообщаетъ; а такъ какъ мои личныя зоологическія свѣдѣнія совершенно ничтожны, и въ настоящее время ограничиваются только книгою Дарвина, да учебникомъ г. Григорьева, то я ровно ничего не могу сообщить читателю о материнской нѣжности кукушки. Можетъ быть, и даже вѣроятно, всѣ вопросы, на которые навели меня поступки этой птицы, давнымъ давно поставлены и разрѣшены различными натуралистами, но наше читающее общество объ этомъ ровно ничего не знаетъ, и я также ровно ничего не знаю. Выписалъ же я всѣ эти вопросы, пришедшіе мнѣ въ голову, конечно, не для того, чтобы принести пользу естествознанію; такая претензія была бы смѣшна и глупа до послѣдней степени; а для того, чтобы позвать подобнымъ мнѣ профанамъ, какая бездна непонятныхъ для насъ подробностей заключается въ каждомъ мельчайшемъ фактѣ, совершающемся ежеминутно передъ нашими глазами, въ каждомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, которые мы, по своей крайней неразвитости, считаемъ совершенно вострыми и незаслуживающими нашего пресвѣдательнаго вниманія.

VI.

Самка американскаго страуса (*Rhea americana*), подобно кукушкѣ, несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня. Вслѣдствіе этого, нѣсколько самокъ составляютъ между собою ассоціацію, и общими силами устриваютъ на земаѣ нѣсколько гнѣздъ; за тѣмъ, каждая изъ участвующихъ самокъ владетъ въ первое гнѣздо по нѣскольку яицъ, и, когда гнѣздо такимъ образомъ наполнится, то высиживаніе поручается одному изъ самцовъ. Черезъ два или черезъ три дня, такимъ же образомъ наполняется второе гнѣздо, за тѣмъ третье, и такъ далѣе, до самаго конца носки. По видимому, этотъ инстинктъ въ настоящее время еще не успѣлъ окончательно сформироваться и установиться; многіе страусы роютъ свои яйца, гдѣ

случится, такъ что Дарвинъ, находясь на охотѣ, въ одинъ день видѣлъ на равнинѣ штукъ двадцать брошенныхъ и испорченныхъ яицъ этой породы. Инстинктъ ассоціаціи вырабатывается именно посредствомъ истребленія этихъ яицъ. Та самка, которая постоянно будетъ усыпана своими яйцами равнины южной Америки, разумѣется, не оставитъ послѣ себя ни одного потомка, и слѣдовательно, никому не передастъ по наслѣдству свои безпорядочныя привычки. Напротивъ того, тѣ самки, которыя всего болѣе расположены къ составленію полезныхъ ассоціацій, выкормятъ себѣ самое многочисленное потомство, и въ этомъ новомъ поколѣніи повторится та же самая исторія. Такимъ образомъ, число безпечныхъ самокъ будетъ постоянно уменьшаться, а число самокъ, одаренныхъ общественными инстинктами, будетъ также постоянно возрастать, до тѣхъ поръ, пока стремленіе къ ассоціаціи не сдѣлается непремѣннымъ свойствомъ каждаго отдѣльнаго страуса, подобно тому, какъ оно сдѣлалось свойствомъ пчелы и муравья. Нѣкоторыя насѣкомыя поступаютъ совершенно такъ, какъ европейскія кукушки. Въ семействѣ пчелъ есть много паразитовъ, которые всегда кладутъ свои яички въ гнѣзда другихъ пчелиныхъ породъ, и это извращеніе инстинктовъ связано у нихъ съ измѣненіемъ въ организаціи. У этихъ чужездныхъ пчелъ нѣтъ на ногахъ того снаряда, посредствомъ котораго самостоятельныя пчелы собираютъ цвѣточную пыль, необходимую для пропитанія вылупившихся личинокъ. Многія породы осъ также воспитываютъ свое потомство на чужой счетъ. Въ этомъ отношеніи оса *Tachytes nigra* особенно замѣчательна потому, что у нея инстинктъ паразитизма въ настоящее время только что развивается, и до сихъ поръ находится еще въ неустановившемся состояніи. Обыкновенно она сама трудится для своего потомства, но при удобномъ случаѣ она воруетъ. Это насѣкомое принадлежитъ къ многочисленной группѣ тѣхъ осъ, которыя ведутъ одинокую жизнь, и устрояютъ въ землѣ гнѣздо для своихъ личинокъ; когда гнѣздо готово, тогда оса наполняетъ его съѣстными припасами; для этого она отпраляется на охоту за разными насѣкомыми, которыхъ она побѣждаетъ большею частію посредствомъ нечаяннаго нападенія. Оса внезапно кидается на свою добычу, и, пользуясь первою минутою ея испуга, схватываетъ ее своими острыми челюстями за голову; потомъ направляетъ заднюю часть своего тѣла подъ ея животъ и наноситъ ей рану своимъ жаломъ, находящимся въ связи съ ядовитою желѣзкою. Ядъ

осы дѣйствуетъ на раненное насѣкомое мгновенно, но не убиваетъ его, а только погружаетъ въ совершенное оцѣпенѣніе, такъ что оно теряетъ способность стоять, ходить, или вообще дѣлать какое бы то ни было произвольное движеніе. Оса переноситъ побѣжденное насѣкомое въ свое гнѣздо, и продолжаетъ совершать такіе же подвиги до тѣхъ поръ, пока не наберется достаточный запасъ парализованной добычи. Тогда она кладетъ свои яички, и за тѣмъ перестаетъ заботиться о ихъ дальнейшей участи. Изъ яичекъ выходятъ личинки—маленькіе, безногіе червячки, которые тотчасъ принимаются за истребленіе съѣстныхъ припасовъ; съѣстные припасы эти свѣжи и мягки, потому что пораженные насѣкомыя живы, и могутъ прожить въ гнѣздѣ осы нѣсколько недѣль или даже нѣсколько мѣсяцевъ. Они, вѣроятно, чувствуютъ, какъ личинка вѣдается въ ихъ тѣло, но не могутъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія своему слабому и ничтожному врагу. Въ гнѣздо осы попадаютъ такимъ образомъ, для продовольствія ея потомства, личинки или гусеницы разныхъ бабочекъ, мухи, мелкіе кузнечики, а иногда даже пчелы, пауки и тараканы, которыхъ оса побѣждаетъ послѣ упорной и опасной барьбы. Оса *Tachytes nigra* обыкновенно поступаетъ точно также, но, если ей случается найти гнѣздо, вырытое и уже наполненное трудами другой осы, то она кладетъ свои яички; и ея личинки поѣдаютъ то, что было назначено для потомства законной хозяйки. *Tachytes nigra* находится, стало быть, въ переходномъ состояніи, и балансируетъ въ настоящее время между двумя различными складами привычекъ. Во многихъ другихъ семействахъ осы чужеродныя инстинкты окончательно установились, и проявляются въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Одни, напримѣръ, хризиды или золотыя осы тайкомъ кладутъ свои яички въ гнѣзда пчелъ или другихъ осъ. Другія, напримѣръ, ихневмониды, прокалываютъ кожу живыхъ гусеницъ или даже взрослыхъ насѣкомыхъ, и кладутъ яички прямо въ ихъ тѣло, такъ что личинки этихъ осъ ѣдятъ живое существо, которое вмѣстѣ съ ними ходитъ, бѣгаетъ и летаетъ, до тѣхъ поръ, пока непрощенные гости не заберутся слишкомъ глубоко, и не положить конецъ всякому бѣганію и летанію. Наконецъ, третьи, напримѣръ *Hemiteles* и *Chrysolampus*, очень маленькія насѣкомыя, распоряжаются еще хитрѣе: они кладутъ свои яйца въ такую чужеродную личинку, которая сама сидитъ подъ кожей живаго насѣкомаго. Такимъ образомъ личинка осы *Bracon* наѣдается жиромъ гу-

сеницы, а въ это самое время ея собственный жиръ истребляется личинкою *Hemiteles*; точно также личинка *Aphidius* ѣсть живую тлю, и сама съѣдается за живо личинкою *Chrysolampus*. При этомъ надо замѣтить, что *Hemiteles* и *Chrysolampus* никогда не воспитываются иначе, а такъ какъ эти насекомыя очень многочисленны, то само собою разумѣется, что въ природѣ должны встрѣчаться на каждомъ шагу трехъ-этажныя строенія самой оригинальной архитектуры. Первый этажъ—гусеница или тля; второй—личинка *Bracon* или *Aphidius*; и третій—личинка *Hemiteles* или *Chrysolampus*. Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» сообщаетъ чатателямъ, что онъ однажды написалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезная природа!» и заплакалъ отъ сладостнаго волненія. Если бы Карамзину случалось иногда созерцать въ природѣ трехъ-этажныя зданія вышеописанной конструкции, то, по всей вѣроятности, волненіе его было бы менѣе сладостно, и, можетъ быть, ему удалось бы понять, что любезность природы совсѣмъ не такъ велика, какъ это можетъ показаться русскому путешественнику, одаренному чувствительнымъ сердцемъ, и не обременившему свой умъ полезными знаніями. Впрочемъ, человѣческое остроуміе такъ неистощимо, знакомство человѣка съ природою такъ неудовлетворительно, и замѣчательные умы, способные объять и осмыслить всю совокупность собранныхъ наблюденій, такъ рѣдки, что, кажется, нельзя выдумать той видиллической нелѣпости, которая не нашла бы себѣ глубокомысленныхъ защитниковъ даже между современными европейскими натуралистами. Дарвину приходится иногда сталкиваться съ такими соображеніями, которыя смѣло могутъ стать рядомъ съ «любезною природою» Карамзина. «Предъидущія замѣчанія, говоритъ онъ, даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о протестѣ, поднятомъ въ последнее время нѣкоторыми натуралистами противъ утилитарнаго ученія, по которому каждая подробность строенія сложилась для блага одареннаго ею организма. Эти натуралисты полагаютъ, что многія черты строенія созданы лишь для того, чтобы прельщать глазъ человека, или просто для разнообразія.» (Русскій переводъ стр. 161). Совершенно справедливо разсуждаютъ эти остроумные натуралисты. *Bracon* вноситъ драматическое «разнообразіе» въ безцвѣтную жизнь гусеницы, а *Hemiteles* «прельщаетъ глазъ человека» поучительнымъ зрѣлищемъ правосуднаго наказанія. А теперь мы снова обратимся къ менѣе философскимъ соображеніямъ. Хризиды и другія осы,

воспитывающія свое потомство въ чужихъ гнѣздахъ, обыкновенно дѣйствуютъ очень осторожно, подкрадываются къ гнѣзду во время отсутствія хозяйки, и стараются положить свои яички такъ, чтобы хозяйка не замѣтила ихъ послѣ своего возвращенія. Но та пчела или оса, которой принадлежитъ гнѣздо, также держитъ ухо остро, твердо помнитъ наружность и обычай чужездннхъ перодъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, расправляется съ ними очень круто. Вслѣдствіе этого происходятъ часто самыя драматическія столкнове- нія между двумя чуждолюбивыми матерями, изъ которыхъ одна тру- дится для своихъ дѣтей, а другая также для своихъ дѣтей рѣшится на воровство, сопряженное съ опасностью жизни. «Золотая оса *Hedychrum regium*, говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ «Зоологи- ческихъ писемахъ», кладетъ свои яйца въ гнѣзда обыкновенной стѣнной пчелы (*Osmia tugaria*). Эти гнѣзда устроиваются на ста- рыхъ стѣнахъ, часто на значительной высотѣ, и строительница на- полняетъ ихъ запасомъ меда и цвѣточной пыли. Эта пища, соб- ранная пчелою для ея собственной личинки, съѣдается заблаговре- менно чужездными личинками золотой осы, если только послѣдней удастся подкинуть свои яички въ гнѣздо. Одна золотая оса вымот- рѣла гнѣздо такой стѣнной пчелы и, оборотившись задомъ къ этому гнѣзду, только что хотѣла просунуть заднюю часть своего тѣла въ отверстіе ячейки, чтобы положить въ нее свое яичко, какъ вдругъ стѣнная пчела приметѣла домогъ съ грузомъ цвѣточной пыли, броси- лась на своего врага съ особенными жужжканіемъ и схватила осу своими острыми челюстями. Золотая оса, по обыкновенію своей пе- роды, въ ту же минуту свернулась въ клубокъ. Пчела напрасно на- талась нанести ей рану своимъ твердымъ панциремъ, и когда ее уса- дилъ въ этотъ отношеніи остались безплодными, тогда она, наконецъ, откусила у нея воѣ четыре крыла у самого корня и протѣмъ бро- сила ее на землю; послѣ этого пчела съ замѣтнымъ благополучіемъ обыскала свое гнѣздо и, убѣдившись, что яичка нѣтъ, улетѣла опять на промыселъ. Стѣнная пчела полагала, безъ сомнѣнія, что, отку- савъ у золотой осы крылья, она отняла у нея возможность снова добраться до гнѣзда. Но расчеты зпоть были не вѣрны. Какъ только стѣнная пчела оставила свое гнѣздо, золотая оса, лежав- шая на землѣ, развернулась, прямо по стѣнѣ полезла къ гнѣзду и положила въ него свое яичко» (*Zoologische Briefe*, I-er. Band. S. 554 и 555). Осторожность, хитрость, неустрашимая твердость де-

рактера, умѣніе свертываться въ глубину и чужеродный инстинктъ— все это идетъ одно къ одному, и все это должно было развиваться въ одно время. Всѣ эти особенности ума и тѣлосложенія порождены гнетущею необходимостью, усовершенствованы постояннымъ упражненіемъ, и упрочены непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Каждое отдѣльное существо такой чужеродной породы живетъ на свѣтѣ только вслѣдствіе удачнаго обмана, совершеннаго его матерью надъ какою нибудь другою насѣкомымъ. Понятно, стало быть, что только самыя хитрыя осы успѣваютъ пристроить своихъ личинокъ, и что искусство обманывать должно постоянно совершенствоваться, потому что бдительность обраемныхъ породъ также развивается посредствомъ естественнаго выбора. Золотая оса постоянно совершенствуется стѣнную пчелу, подобно тому, какъ Карлъ XII усовершенствовалъ стратегическія способности Петра Великаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, прогрессъ составляетъ прямое слѣдствіе борьбы и соперничества.

VII.

Инстинкты кукушки, американскаго страуса и чужеродныхъ насѣкомыхъ могутъ быть названы очень простыми, если мы сравнимъ ихъ съ тѣми сложными проявленіями умственной дѣятельности, которыя представляются намъ въ общественной жизни пчелъ и муравьевъ. Но мы уже видѣли, что происхожденіе самыхъ сложныхъ и совершенныхъ органовъ объясняется теоріею естественнаго выбора такъ же удовлетворительно, какъ и происхожденіе самыхъ простыхъ особенностей тѣлосложенія. Глазъ животнаго гораздо сложнѣе, чѣмъ нога или хвостъ, а между тѣмъ, и глазъ, и нога, и хвостъ, и всѣ другіе органы совершенствовались постепенно, и притомъ такъ, что каждое улучшеніе или усложненіе органа было полезно тому существу или, вѣрнѣе, той породѣ, у которой это усложненіе или улучшеніе проявлялось и упрочивалось. Вся разница между исторіею глаза и исторіею какаго нибудь другаго, болѣе простаго органа, заключается только въ томъ, что глазъ испыталъ большее количество видоизмѣненій, и что, слѣдовательно, на его формированіе по-

тратилось больше времени, то есть болѣе значительное число животныхъ поколѣній. То же самое можно сказать и объ инстинктахъ; чѣмъ проще инстинтъ, тѣмъ скорѣе онъ могъ выработаться; чѣмъ сложнѣе инстинтъ, тѣмъ дольше ему надо было выработываться. Но, какъ бы ни была усложненъ какой нибудь инстинтъ, никогда его сложность не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу необъяснимыхъ случаевъ и противъ теоріи медленныхъ видоизмѣненій. Отказаться отъ этой теоріи при встрѣчѣ съ очень сложнымъ явленіемъ органической жизни значить вообще отказаться отъ всякой попытки объяснить и понять происхожденіе этого явленія, или, другими словами, значить отрѣзать въ данномъ направленіи всякій дальнѣйшій путь научнаго изслѣдованія. Когда вамъ говорить, что первый муравей провѣшалъ на свѣтъ со всѣми своими лапками, челюстями, усиками и инстинктами, словомъ, совершилъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его потомки являются передъ вами въ настоящую минуту, тогда, разумѣется, у васъ заранѣе отнимають навсегда всякую надежду узнать что бы то ни было о томъ, какими образомъ муравей возникъ и развивался. Теорія Дарвина не посягаетъ такимъ образомъ на будущіе успѣхи науки; она открываетъ передъ мыслителемъ тотъ единственный путь, который можетъ современемъ ввести человѣческій умъ въ самыя таинственныя и недоступныя лабораторіи природы; но, если бы мы стали требовать отъ этой теоріи, чтобы она теперь, готчасъ же, объяснила намъ все то, чего мы не понимаемъ, и чтобы она, кромѣ того, подтвердила всѣ свои объясненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, основательными фактами, то такія требованія обнаружили бы только крайнее ребячество нашей мысли, которая все ожидаетъ, что когда нибудь жареные рибчики сами собою свалятся въ ней въ ротъ. Встрѣчаясь съ инстинктами или умственными способностями животнаго царства, теорія Дарвина, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, принуждена ограничиваться совершенно общими и чисто гипотетическими объясненіями, не потому, что она не въ силахъ справиться съ фактами, а, напротивъ, потому, что фактовъ собрано слишкомъ мало, и еще потому, что для прошедшихъ временъ не существуетъ совсѣмъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Мы можемъ дѣлать очень много предположеній на счетъ того, что сложные инстинкты развивались такъ и такъ и проходили черезъ такіа-то и такіа-то фазы, но показать эти фазы въ живой природѣ не всегда биваетъ возможно; а отм-

сказать въ геологическихъ остаткахъ какіе нибудь намени на минувшее существованіе этихъ фазъ мы рѣшительно не въ состояніи. Обь умышленныхъ способностяхъ исчезнувшихъ породъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія; мы также не можемъ знать, каковы были инстинкты теперешнихъ животныхъ за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени; и наконецъ, совершенно неосновательно было бы ожидать, что живая природа представить намъ въ настоящую минуту такой непрерывный рядъ родственныхъ животныхъ породъ, по которому мы могли бы прослѣдить ~~всю~~ ~~жизнь~~ ~~каждой~~ ~~изъ~~ ~~этихъ~~ ~~породъ~~ ~~и~~ ~~такимъ~~ ~~образомъ~~ ~~ублаживать~~ должно постоянно совершенныхъ и кончая ~~самымъ~~ ~~бдительнѣйшимъ~~ мы уже знаемъ давно, что усовершенствованнаго ~~существо~~ ~~всегда~~ ~~вытѣсняетъ~~ и истребляетъ неусовершенствованную, ~~и~~ для сохраненія породы развитые инстинкты имѣютъ такое же важное значеніе, какъ, напримеръ, вѣрніе мускулы, острые когти или зоріе глаза. Здѣсь, какъ и вездѣ, органическая природа идетъ впередъ и, самымъ процессомъ своего движенія, замечаетъ за собою свой слѣдъ. Въ дѣлѣ развитія инстинктовъ, это замечаніе производится еще гораздо нежѣе, чѣмъ въ дѣлѣ развитія органовъ. Въ большей части случаевъ, слѣдъ замеченъ вполне, и тогда, разумеется, никакой Дарвинъ не можетъ доказать, что тутъ дѣйствительно совершалось движеніе, и что оно проходило именно черезъ точки А, В, С, Д и такъ далѣе. Не за то ни одинъ человекъ въ мірѣ не можетъ также доказать, что движеніе въ этомъ мѣстѣ не существовало. На этомъ основаніи Дарвинъ, говоря о простыхъ и сложныхъ инстинктахъ, принимаетъ строго-оборонительное положеніе и не ищетъ здѣсь никакихъ новыхъ подтвержденій для своей теоріи. Онъ доказываетъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, его теорія не встрѣчаетъ себѣ непобѣдимыхъ и необъяснимыхъ препятствій.

VIII.

Если мы посмотримъ на восковой сотъ обыкновенной пчелы, то правильность и изящество его архитектуры приведутъ васъ въ изумленіе, и вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, какъ превосходно это восковое строеніе приспособлено къ своей цѣли. «По свидѣ-

тельству математиковъ, говорить Дарвинъ, пчелы практически разрѣшили трудную геометрическую задачу и придали своимъ ячейкамъ ту форму, при которой, съ крайнимъ сбереженіемъ драгоцѣннаго воска, онѣ могутъ вмѣстить наибольшее количество меда. Было высказано мнѣніе, что искусный работникъ, снабженный приличными орудіями для работы и измѣренія, лишь съ большимъ трудомъ могъ бы построить восковыя ячейки надлежащей формы, между тѣмъ какъ это дѣлается въ совершенствѣ толпою пчелъ, трудящихся въ темнотѣ. (Русскій пчеловодъ... Стр. 181). Теорія естественнаго всякой попытки объяснить и понять вопросъ: какимъ путемъ строительное искусство пчелы пришла отрѣзать въ законному совершенству? Противники всякихъ рациональныхъ оцѣнъ. Къ немедленно возражаютъ, что вопросъ этотъ самъ по себѣ неумѣстенъ, потому что никакого пути тутъ не было, и пчела, какъ есть пчела, такъ и была всегда пчелою, со всѣмъ своимъ строительнымъ искусствомъ и съ полнымъ его совершенствомъ. Переспорить этихъ господъ желанія и рассуждать съ ними бесполезно. Но мы посмотримъ теперь, какия условія необходимы для того, чтобы въ строительномъ инстинктѣ пчелы можно было допустить возможность развитія. Прежде всего надо замѣтить, что, по самой сущности дѣла, теорія естественнаго выбора въ настоящемъ случаѣ не можетъ представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Если мы скажемъ защитнику этой теоріи: «покажите намъ рядъ восковыхъ сотовъ, принадлежащихъ къ разнымъ геологическимъ эпохамъ и представляющихъ въ своемъ строеніи различныя степени совершенства», то подобное требованіе трудно будетъ назвать вполне законнымъ и благоразумнымъ, и отъ насъ въ такомъ случаѣ можно будетъ ожидать, что мы вдругъ прикажемъ антиварію представить намъ въ подлинникъ супъ или соусъ, приготовленный поваромъ Лукулла или, пожалуй, Сарданапала. Если мы пожелаемъ видѣть передъ собою сотни видовъ различныхъ живыхъ пчелъ, которыя всѣ строили бы свои ячейки различнымъ образомъ, такъ, чтобы различная архитектура этихъ ячеекъ показала намъ, какимъ образомъ совершенствовался строительный инстинктъ пчелы, то желаніе это будетъ очень замысловато, но, по всей вѣроятности, неисполнимо. Люди во время оно шили себѣ платье изъ древесныхъ листьевъ, а потомъ изъ звѣриныхъ шкуръ, и пользовались жилими животныхъ вмѣсто нитокъ, а рыбьими костями вмѣсто иглокъ, но въ настоящее время трудно найти живыхъ портныхъ та-

кого сорта, не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ. Если бы даже и родился такой художникъ, то прожилъ бы онъ, по всей вѣроятности, недолго, потому что сильная конкуренція болѣе лужавыхъ товарищей подорвала бы его торговлю и уморила бы его голодною смертью. Породы недоучившихся или отсталыхъ пчелъ постоянно должны были испытывать на себѣ тѣ бѣдствія, которыя постигли бы въ наше время ископаемаго портнago. Поэтому и сохраниться до нашихъ временъ имъ было несомнѣнъ удобно. Но мы знаемъ, что естественный выборъ можетъ дѣйствовать только на тѣ органы или инстинкты, которыхъ совершенствованіе полезно для данной породы. Слѣдовательно, мы можемъ спросить: въ какомъ отношеніи изящная и правильная архитектура ячеекъ приноситъ пчеламъ дѣйствительную пользу? Ну, вотъ, слава Богу! договорились мы, наконецъ, до настоящаго дѣла. На этотъ вопросъ защитникъ теоріи обязанъ найти отвѣтъ *рано или поздно*, потому что врядъ ли пчела стала бы учиться и развиваться для того, чтобы вносить въ природу элементъ *разнообразія*, или для того, чтобы *премещать глазъ челоуька* красивою формою шестигранныхъ ячеекъ. Но и здѣсь я поставилъ слова *рано или поздно* потому, что мы, при теперешнемъ состояніи нашихъ фактическихъ знаній, даже на дѣльные вопросы не имѣемъ права требовать отъ натуралиста немедленнаго отвѣта. Что инстинктъ долженъ быть полезенъ—это ясно; но тѣмъ именно полезенъ—это во многихъ случаяхъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, потому что животныхъ очень много, а натуралистовъ очень мало. Впрочемъ, въ вопросѣ о строительномъ инстинктѣ пчелъ намъ имѣть надобности отладывать рѣшеніе въ долгій ящикъ. Известно, что восковой сотъ необходимъ для пчелы, какъ колыбель молодого поколѣнія и какъ кладовая для сбереженія меда. Известно также, что пчелы выделяютъ воскъ изъ своего организма очень медленно и въ незначительномъ количествѣ; чтобы выдѣлать одинъ фунтъ воска, улей пчелъ долженъ съѣсть отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ сухаго сахара; а такъ какъ пчелы, вмѣстѣ сухаго сахара, ѣдятъ обыкновенно жидкій сахарный сиропъ, заключенный въ цвѣтахъ, то жгь, для выдѣленія одного фунта воска, надо съѣсть несравненно больше пятнадцати фунтовъ вѣточного сиропа или нектара. Воскъ достается пчелѣ очень дорого, тѣмъ болѣе, что пчелы, занимающіяся выдѣленіемъ этого вещества, вмѣсто того, чтобы вылетать изъ улья за добычею, должны, въ теченіи

многихъ дней, сидѣть на одномъ мѣстѣ и ѣсть готовую пищу. Стало быть, чѣмъ больше потребуется воска на сооруженіе ячеекъ, тѣмъ меньше будетъ приготовлено меда, а для пропитанія пчелъ во время зимы необходимъ очень значительный запасъ этой пищи, и если запасъ окажется недостаточнымъ, то улей погибнетъ. Ясно, стало быть, что бережливость въ обращеніи съ воскомъ прямо рѣшаетъ для колоніи пчелъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи. Пчеламъ, подъ страхомъ голодной смерти, необходимо было разрѣшить на практикѣ ту мудреную геометрическую задачу, о которой говоритъ Дарвинъ, то есть имъ необходимо было отыскать для своихъ ячеекъ такую форму, при которой наименьшее количество воска вмѣщало бы въ себя наибольшее количество меда. Вѣроятно, пчелы, въ теченіе многихъ и многихъ тысячелѣтій, медленно и ощупью подвигались впередъ къ рѣшенію этой задачи ихъ жизни; а въ это время естественный выборъ, дѣйствуя здѣсь на коллективныя единицы, постоянно сохранялъ только тѣ общины пчелъ, которыя въ этомъ отношеніи имѣли какое нибудь, хотя малѣйшее, преимущество надъ другими. Такимъ образомъ, польза строительнаго инстинкта пчелы доказана и, слѣдовательно, отысканъ тотъ путь, по которому этотъ инстинктъ, подъ вліяніемъ естественнаго выбора, долженъ былъ подвигаться впередъ къ своему теперешнему совершенству. Кромѣ того, теорія Дарвина можетъ здѣсь выдвинуть въ свою пользу такія пояснительныя подтвержденія, которыхъ мы, по настоящему, даже не имѣемъ права отъ нея требовать. Въ настоящее время существуютъ еще насѣкомыя, у которыхъ строительное искусство находится въ различныхъ, менѣ совершенныхъ фазахъ своего развитія. Шмели употребляютъ для храненія меда свои старые коконы—это низшая степень архитектурной техники. Иногда они придѣлываютъ къ коконамъ короткія восковыя трубочки—вторая степень. Иногда они строятъ изъ воска отдѣльныя ячейки, округлыя и очень неправильныя—третья степень. Въ Мексикѣ живетъ насѣкомое *Melipona domestica*, которое по строенію своего тѣла занимаетъ средину между шмелемъ и пчелою. «Она строитъ, говоритъ Дарвинъ, почти правильныя восковой сотъ изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и, кромѣ того, нѣсколько крупныхъ восковыхъ ячеекъ для храненія меда. Эти послѣднія ячейки почти шарообразны, приблизительно одинаковой величины и скучены въ неправильную массу.» (Стр. 182.) Между шмелемъ и пчелою, съ одной стороны, и

между мелипоною и пчелою, съ другой стороны, недостаетъ очень многихъ переходныхъ степеней. Кромѣ того, ни шмель, ни мелипона ни въ какомъ отношеніи не могутъ считаться прямыми предками пчелы; они могутъ быть названы только ея боковыми родственниками, остановившимися на низшихъ степеняхъ развитія. Не смотря на то, читатель, конечно, согласится, что простые инстинкты шмеля и усложняющіеся инстинкты мелимоны въ значительной степени помогаютъ намъ понять, какимъ образомъ могло сформироваться сложное и вполне развитое архитектурное искусство обыкновенной пчелы. Готтентоты или алеуты также не могутъ считаться прямыми предками современныхъ англичанъ; а между тѣмъ, образъ жизни существующихъ дикарей въ значительной степени разъясняетъ намъ многія подробности изъ далекаго прошедшаго цивилизованныхъ народовъ. Но если бы какія нибудь обстоятельства погубили весь родъ шмелей и мелипонъ, или всѣхъ дикарей, живущихъ на земномъ шарѣ, то и тогда мы едва ли бы имѣли разумное основаніе думать, что пчела всегда была отличнымъ архитекторомъ, или что англичане всегда пользовались неприкосновенностью жилища. Хотя шмель и мелипона очень интересны для натуралиста, а дикари — для антрополога, однако, они ничѣмъ не застрахованы противъ уничтоженія, и во всякое время могли исчезнуть съ лица земли такъ же легко, какъ и всякая другая порода. Исчезновеніе ихъ, очевидно, нисколько не могло бы подорвать теорію Дарвина и не имѣло бы ничего общаго съ постановкою вопроса объ инстинктѣ пчелы, или объ исторіи англійской конституціи.

МУРАВЬИ.

I.

Все рабочее населеніе ульезъ и муравейниковъ состоитъ изъ бесплодныхъ самокъ, которыя значительно отличаются отъ своихъ родителей по устройству тѣла, и еще сильнѣе расходятся съ ними въ направленіи инстинктовъ и въ образѣ жизни. Родители, или вообще самцы и плодовые самки совсѣмъ не работаютъ, а без-

плодныя самки, напротивъ того, трудятся постоянно, и при этомъ далеко превосходятъ самцовъ и плодovitыхъ самокъ своей породы развитіемъ умственныхъ способностей и спеціальной технической ловкостью. Спрашивается, какимъ же образомъ могли выработаться эти свойства рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ?—Ни одно изъ этихъ насѣкомыхъ не можетъ имѣть потомства, и, слѣдовательно, никому не можетъ передавать по наслѣдству особенности своего тѣлосложенія и своего инстинкта. Всѣ счастливыя индивидуальныя уклоненія, всѣ результаты упражненія и развитія, все это умираетъ вмѣстѣ съ каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ, и не можетъ обратиться въ постоянное качество всей породы. Каждый рабочій муравей, отличающійся отъ своихъ сверстниковъ особенною ловкостью, или силою, или догадливостью, имѣетъ, конечно, преимущество надъ другими субъектами; въ силу этого преимущества онъ можетъ ихъ пережить; надъ его личностью обнаружится такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго выбора. Но во всякомъ случаѣ, дальше его личности это дѣйствіе не пойдетъ, потому что этотъ муравей все таки умретъ безъ потомства, хотя бы онъ прожилъ сто лѣтъ, и хотя бы онъ былъ гениемъ первой величины. На породу муравьевъ это долготѣіе и эта гениальность не могутъ имѣть никакого вліянія, потому что муравья слѣдующаго поколѣнія родятся не отъ этихъ дѣятельныхъ и даровитыхъ субъектовъ, а отъ обыкновенныхъ и постоянно праздныхъ самцовъ и самокъ. Повидимому, тутъ представляется для теоріи естественнаго выбора неопредѣлимое затрудненіе; повидимому, тутъ не можетъ быть постепеннаго улучшенія или очищенія породы, потому что отдѣльныя поколѣнія этой породы разобщены между собою, то есть, не происходятъ другъ отъ друга; а между тѣмъ, только постоянное накопленіе мелкихъ усовершенствованій, передаваемыхъ изъ одного поколѣнія въ другое, могло бы объяснить намъ то громадное и своеобразное развитіе умственныхъ способностей, до котораго дошли въ настоящее время рабочія пчелы и рабочіе муравья. Если же намъ придется допустить, что эти способности возникли мгновенно, безо всякаго подготовленія и историческаго развитія, то теорія Дарвина можетъ считать свое дѣло окончательно проиграннымъ, потому что, здѣсь, повидимому, живой фактъ возмущается противъ теоріи, и самымъ своимъ существованіемъ уличаетъ ее въ несостоятельности. Дарвинъ сознается въ своей книгѣ, что инстинкты бесполоыхъ насѣкомыхъ долго казались ему неопровержимымъ возраже-

нѣмъ, окончательно гибельнымъ для теоріи естественнаго выбора и медленныхъ видоизмѣненій. Однако, онъ не отчаялся въ успѣхѣ, и дѣйствительно отыскалъ ключъ къ пониманію этой живой загадки.

Рабочій муравей не можетъ имѣть дѣтей; это несомнѣнно; но у этого рабочаго муравья есть отецъ и мать, которые могутъ имѣть очень многочисленное потомство; стало быть, у рабочаго муравья будетъ много братьевъ и сестеръ; братья всѣ будутъ способны къ половой дѣятельности, а изъ сестеръ однѣ будутъ бесплодны, подобно нашему рабочему, а другіе будутъ плодовиты, подобно своей родной матери. Если всѣ эти братья и сестры, плодовитые и бесплодные, разбредутся въ разныя стороны, какъ только сдѣлаются способными добывать себѣ пищу безъ помощи родителей,—то произойдетъ очень простая исторія. Бесплодныя самки умрутъ безъ потомства, плодовитыя — народятъ ручу дѣтей; въ этомъ второмъ поколѣніи повторится та же простая исторія: бесплодныя умрутъ, плодовитыя обзаведутся семействами. То же самое случится и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи, и въ двадцатомъ, до тѣхъ поръ, пока бесплодныя самки совершенно переведутся. Съ каждымъ поколѣніемъ бесплодныя самки будутъ становиться рѣже, потому что естественный выборъ будетъ постоянно направляться противъ ихъ матерей. Положимъ, напримѣръ, что самка *A* родитъ постоянно бесплодныхъ дочерей; ясно, что потомство этой самки въ слѣдующемъ же поколѣніи совершенно прекратится, и что способность рождать *исключительно* бесплодныхъ дѣтей рѣшительно, по самой сущности своей, не можетъ сдѣлаться наследственной. Другая самка *B* родитъ и бесплодныхъ и плодовитыхъ, а третья *C* исключительно плодовитыхъ. Ясно, что у *C* окажется болѣе многочисленное потомство, чѣмъ у *B*. Число дѣтей будетъ, пожалуй, одинаково у обѣихъ, но число внучатъ будетъ уже различно, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ различіе будетъ увеличиваться въ пользу *C*, если только обѣ самки, и *B*, и *C*, передадутъ свои личныя особенности всему своему плодовитому потомству. Но, при одинаковыхъ условіяхъ, быстро размножающаяся порода должна непремѣнно, рано или поздно, вытѣснить и истребить породу, размножающуюся медленно. Такимъ образомъ, самки, подобныя своей прародительницѣ *B*, то есть имѣющія способность рождать иногда бесплодныхъ, уничтожатся, и, вслѣдствіе этого, бесплодіе перестанетъ существовать, если только оно не будетъ поддерживаться какими нибудь искусственными средствами. Все

это произойдетъ въ томъ случаѣ, когда плодотыныя и безплодныя братья и сестры будутъ расходиться въ разные стороны и жить совершенно независимо другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности дѣло приняло совершенно другой оборотъ, потому что въ породѣ муравьевъ проявилось стремленіе къ общественной жизни за много тысячелѣтій до тѣхъ временъ, когда въ младенческихъ обществахъ человѣка начали формироваться первые очерки мифическимъ сказаній. Когда это стремленіе проявилось, то есть, когда молодые члены семейства рѣшились оставить на всю жизнь вмѣстѣ съ родителями, и общими силами стали заботиться объ удовлетвореніи своихъ общихъ потребностей, тогда одинокіе муравьи должны были уничтожиться, потому что борьба и соперничество съ обществами во всѣхъ отношеніяхъ оказались имъ не по силамъ. Если шло дѣло на драку, то одинокаго колотили или убивали; если приходилось заготавливать запасъ пищи, то десять членовъ ассоціаціи, помогая другъ другу, добывали больше пищи, сохраняли ее лучше, и съ большимъ успѣхомъ защищали ее противъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ пятнадцать одинокихъ личностей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную; когда надо было нянчить и кормить молодое поколѣніе, то и въ этомъ дѣлѣ общество обнаруживало свое превосходство надъ разрозненными единицами. Принципъ раздѣленія труда и соединенія силъ даетъ себя знать вездѣ, гдѣ составляется общество, и гдѣ появляется коллективный трудъ. Кто составляетъ общество, и кто трудится — люди или муравьи — это рѣшительно все равно. Законы труда и свойства ассоціаціи остаются неизмѣнными при всѣхъ условіяхъ. Когда общежительные инстинкты муравья окончательно упрочились, тогда въ положеніи безплодныхъ самокъ произошла существенная перемѣна *).

Надо замѣтить, что въ мірѣ животныхъ безплодіе часто соединяется съ самыми разнообразными измѣненіями въ тѣлосложеніи. «Намъ даже извѣстны, говорить Дарвинъ, въ разныхъ породахъ скота особенности въ рогахъ, сопряженныя съ искусственнымъ несовершенствомъ мужскаго пола: волю извѣстныхъ породъ имѣютъ рога болѣе длинныя, чѣмъ коровы и быки тѣхъ же породъ». (Стр. 191).

*) Некогда можетъ быть, что безплодіе совершенно не существовало во время одинокой жизни муравья, и порождено именно складомъ его общественной жизни; но объ этомъ я поговорю впоследствии, а теперь я предлагаю дѣло такимъ образомъ, чтобы рельефнѣе выставить противоположность между одинокимъ и общежительнымъ періодомъ муравьиной негоріи.

Извѣстно также, что оскотленіе человѣка ведетъ за собою измѣненія въ голосѣ, въ развитіи волосъ на бородѣ, въ цвѣтѣ лица, и во всемъ складѣ характера. Если же безплодіе производится не насильственнымъ истребленіемъ половыхъ частей, а медленнымъ и глубокимъ вліяніемъ развитія и воспитанія даннаго субъекта, то, разумѣется, надо ожидать, что развитіе между бесплоднымъ и плодовитымъ животнымъ окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между воломъ и быкомъ, или между евнухомъ и мужчиною. Замѣчено вообще, что напряженная дѣятельность мозга рѣдко уживается съ напряженною дѣятельностью половой системы. Люди, сильно работающіе умомъ, рѣдко оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, и Джонъ Стюартъ Милль весьма усердно и настоятельно совѣтуетъ женщинамъ побольше размышлять, чтобы поменьше предаваться пагубному занятію дѣторожденія. Во всемъ мірѣ животныхъ можно также замѣтить то общее явленіе, что животное размножаетъ свою породу тѣмъ быстрѣе, чѣмъ несовершеннѣе строеніе его мозга. У бесплодныхъ муравьевъ половые органы остаются на всю жизнь въ томъ зачаточномъ положеніи, въ какомъ они находились у муравьиной личинки, только что вылупившейся изъ яйца. Стало быть, есть основаніе думать, что мозгъ бесплодной самки развивается въ ущербъ половой системѣ, и что, вслѣдствіе этого, бесплодное насекомое всегда становилось немного умнѣе плодовитаго, безъ всякаго содѣйствія естественнаго выбора. Когда у муравьевъ и у пчелъ укоренились общежительныя привычки, тогда это легкое умственное превосходство бесплодныхъ субъектовъ получило очень важное значеніе для благосостоянія каждаго отдѣльнаго общества.

II.

Представимъ себѣ, что въ какой нибудь мѣстности существуетъ нѣсколько сотенъ, или нѣсколько тысячъ муравейниковъ, населенныхъ самцами, самками и бесплодными субъектами. Эти муравейники, конечно, ведутъ между собою такую же ожесточенную и разнообразную борьбу, какую до составленія обществъ вели между собою отдѣльные муравьи.

Муравейники нападаютъ другъ на друга, отбиваютъ другъ у друга пищу, похищаютъ другъ у друга куколки, и во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, прямыхъ или косвенныхъ, то есть, выражающихся въ видѣ открытой драки или въ видѣ глухой борьбы за средства къ существованію,—во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, говорю я, побѣда остается на сторонѣ сильнѣйшаго муравейника, точно такъ, какъ она прежде оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго муравья. Побѣжденные муравейники погибаютъ, и причины ихъ гибели такъ же разнообразны, какъ въ свое время были разнообразны причины гибели отдѣльныхъ муравьевъ. Одинъ муравейникъ погибаетъ подъ ударами сосѣдняго общества, заключающаго въ себѣ большое количество сильныхъ, храбрыхъ или хитрыхъ насѣкомыхъ. Другой ослабѣваетъ отъ голода, потому что его жители уступаютъ сосѣдямъ въ умѣнны добывать себѣ пищу. Третій размывается дождемъ, потому что жители не умѣютъ строить такіе своды и крыши, которые могли бы устоять противъ дѣйствія водяныхъ капель. Въ четвертомъ число жителей постоянно убавляется отъ плохаго воспитанія личинокъ, или отъ того, что самки слишкомъ ревностно исполняютъ спасительный совѣтъ Джона Стюарта Милля. Въ тоже время, рядомъ съ этими слабыми, голодными и угнетенными обществами, существуютъ общества сильныя, сытыя и угнетающія другихъ. Спрашивается, на чемъ же основано различіе между первыми и вторыми? Очевидно на томъ, что вторыя располагаютъ большею массою сильныхъ мускуловъ и дѣятельныхъ мозговъ. Для благосостоянія муравейника необходимо, чтобы число его жителей не уменьшалось, чтобы эти жители умѣли добывать себѣ много пищи, чтобы они умѣли построить себѣ удобное и прочное жилище, чтобы они заботливо ухаживали за своими личинками,—и, наконецъ, чтобы они, во всякое время, могли встрѣтить и отразить нападеніе своихъ враждебныхъ единоплеменниковъ и сосѣдей. Если въ муравейникѣ слишкомъ много бесплодныхъ самокъ, то число жителей уменьшается, и, вслѣдствіе этого, общество, рано или поздно, погибаетъ естественною или насильственною смертію. Если въ муравейникѣ совсѣмъ нѣтъ бесплодныхъ самокъ, или если ихъ слишкомъ мало, то оказывается недостатокъ въ умственныхъ силахъ и въ технической ловкости; вслѣдствіе этого, сосѣдніе муравейники приобрѣтаютъ перевѣсъ, и со временемъ губятъ это отстающее общество. Такимъ образомъ, естественный выборъ постоянно сохраняетъ тѣ общества, которыя строже своихъ соперни-

ковь поддерживаютъ у себя должное равновѣсіе между дѣятельностью мозга и дѣятельностью половой системы, то есть, между количествомъ бесплодныхъ и количествомъ плодовыхъ жителей. Но отъ чего же зависитъ поддержаніе этого должнаго равновѣсія?

Дарвинъ говоритъ, что оно зависитъ отъ различныхъ особенностей въ тѣлосложеніи плодовыхъ субъектовъ. Если самка муравья рождаетъ бесплодныхъ дѣтей, то, конечно, причина этого явленія заключается въ томъ или другомъ свойствѣ ея организма; это свойство, подобно всякому другому, подвержено индивидуальнымъ колебаніямъ, то есть, у одной самки развито сильнѣе, у другой—слабѣе, и нѣкоторыя изъ этихъ колебаній выгодны для муравейника, а другіе не выгодны. Какое это свойство, и какія въ немъ могутъ быть колебанія,—этого мы не знаемъ, но наше незнаніе нисколько не должно насъ смущать или изумлять. Мы также не знаемъ, напримѣръ, почему у одной четы супруговъ рождаются постоянно мальчики, у другой—дѣвочки, а у третьей—и дѣвочки, и мальчики. Однако, не остроумно было бы утверждать, что это дѣлается безъ причины, и еще неостроумнѣе было бы произносить по этому поводу бессмысленное слово «случай», выражающее то, что въ дѣйствительности не существуетъ нигдѣ, и не существовало никогда. Не трудно понять, что причина должна заключаться въ тѣлосложеніи родителей, или въ обстоятельствахъ ихъ жизни и ихъ взаимныхъ отношеній.

Уничтожая одни муравейники и сохраняя другіе, естественный выборъ черезъ это уничтожаетъ вредныя, и сохраняетъ полезныя колебанія, проявляющіяся въ тѣлосложеніи плодовыхъ субъектовъ. Рано или поздно полезныя колебанія упрочиваются, и, вслѣдствіе этого, плодовые самки будутъ постоянно рождаютъ плодовыхъ и бесплодныхъ дѣтей въ надлежащей пропорціи. Точно такимъ же образомъ, естественный выборъ постоянно благоприятствуетъ тѣмъ муравейникамъ, въ которыхъ живутъ самые умные, самые дѣятельные и самые ловкіе работники. Такіе муравейники процвѣтаютъ и отличаются особенною долговѣчностью, а вмѣстѣ съ этими муравейниками сохраняются и упрочиваются тѣ половыя особенности самцовъ и самокъ, которыя сообщаютъ бесплодному потомству умъ, дѣятельность, и ловкость.

И такъ, естественный выборъ дѣйствуетъ не на тѣхъ животныхъ, которыя сами обладаютъ умомъ, дѣятельностью и ловкостью, а на тѣхъ, которыя составляютъ причину этихъ свойствъ, то есть, на

родителей рабочихъ насѣкомыхъ, и вообще на все плодovitое населеніе муравейника или улья. Такимъ образомъ, развитіе и совершенствованіе становятся возможными и даже неизбежными. «Моя вѣра, говоритъ Дарвинъ, въ могущество выбора простирается до того, что я не сомнѣваюсь, что можно было бы постепенно образовать породу, въ которой волю имѣли бы постоянно необыкновенно длинныя рога, лишь тщательно наблюдая, какіе быки и коровы производятъ самыхъ длиннорогихъ воловъ, не смотря на то, что ни одинъ волъ не могъ бы передать своихъ признаковъ породѣ». Такъ, полагаю я, было и съ общественными насѣкомыми; легкое видоизмѣненіе въ строеніи, въ инстинктѣ, сопряженное съ бесплодіемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ общины, было для нея выгодно; слѣдственно, плодovитыя самцы и самки той же общины благоденствовали и передавали своему плодovитому потомству расположеніе къ произведенію бесплодныхъ членовъ, видоизмѣненныхъ подбнымъ образомъ. И я полагаю, что этотъ процессъ повторялся, пока не обозначилось между плодovитыми и бесплодными самками одного вида то разительное развитіе, которое представляютъ многія общественныя насѣкомыя. Я подчеркнул слово *общественныя*, потому что въ немъ заключается весь смыслъ этого явленія, и единственный ключъ къ его пониманію. Если бы нормальное бесплодіе, и связанное съ этимъ бесплодіемъ развитіе особенныхъ инстинктовъ такой породѣ животныхъ, которая ведетъ одну жизнь, то подобное явленіе оказалось бы совершенно необъяснимымъ, и одного такого примѣра было бы достаточно, чтобы навсегда погубить теорію Дарвина. Но такихъ явленій не подмѣтилъ до сихъ поръ ни одинъ натуралистъ, и, слѣдовательно, теорія естественнаго выбора остается неприкосновенною и непобѣдимую.

III.

Теперь уже намъ не трудно будетъ прослѣдить въ общахъ чертахъ дальнѣйшее развитіе муравьиной породы. Въ общественной жизни муравьевъ встрѣчается много замѣчательныхъ явленій, и всѣ эти явленія нисколько не противорѣчатъ теоріи естественнаго выбора. «Во многихъ видахъ муравья, говоритъ Дарвинъ, безплодыя

особы разнятся, не только отъ плодовиныхъ самцовъ и самокъ, но и между собою, распадаясь такимъ образомъ на двѣ или даже на три касты. Эти касты, сверхъ того, обыкновенно не представляютъ переходовъ между собою, по такъ же рѣзко разграничены, какъ любые виды одного рода, или, точнѣе, роды одного семейства. Такъ у *Eciton* есть бесполое рабоче и воины съ чрезвычайно разнородными челюстями и инстинктами; *Cryptoeris* рабоче лишь одной касты снабжены очень страннымъ щитомъ на головѣ, употребленіе котораго совершенно неизвѣстно; у мексиканскаго *Murmesocystus* рабоче одной касты, никогда не оставляютъ гнѣздо; ихъ кормятъ рабоче другой касты, и у нихъ безмѣрно развитое брюхо, выделяющее родъ меду, замѣняющаго выдѣленіе тлей или дойнаго скота, содержиимаго *) нашими европейскими муравьями.» (Стр. 192). Факты эти не представляютъ никакихъ серьезныхъ затрудненій для теоріи естественнаго выбора, и доказываютъ только, что тѣлосложеніе муравья отличается вообще замѣчательною гибкостью и измѣнчивостью. Раздѣленіе рабочаго населенія на касты объясняется очень просто.— Положимъ, что существуютъ въ близкомъ сосѣдствѣ между собою нѣсколько муравейниковъ вида *Eciton*. Дѣйствіе происходитъ въ глубокой древности. У *Eciton* еще не успѣли образоваться двѣ касты рабочихъ и воиновъ, а существуетъ только одна каста бесплодныхъ самокъ, которыя немного умнѣе и дѣятельнѣе своихъ родителей и плодовиныхъ сестеръ. Въ это время, въ муравейникѣ *A*, обнаруживается въ тѣлосложеніи нѣсколькихъ бесплодныхъ самокъ легкое уклоненіе, вслѣдствіе котораго челюсти ихъ становятся немного покрѣпче, а характеръ немного позадорнѣе, чѣмъ у другихъ муравьевъ того же вида. Эти задорные и зубастые муравьи заводятъ драку съ сосѣднимъ муравейникомъ *B*, и, благодаря своимъ челюстямъ и своей храбрости, одерживаютъ рѣшительную побѣду. Муравейникъ *B* окончательно разоряется; часть жителей погибаетъ въ сраженіи, и поѣдается побѣдителями; остальные разбѣгаются по окрестностямъ, и умираютъ отъ голода и отъ разныхъ лишеній, потому что они уже разучились вести ту одинокую жизнь, которую въ былое время вели ихъ предки. Та же жестокая участь постигаетъ общества *C*, *D*, и *E*. Муравейникъ *A* торжествуетъ и процвѣтаетъ, свирѣпствуетъ въ своемъ око-

*) Ухитрился же г. переводчикъ низизать три причастія и три прилагательныя предложенія одно на другое: 1) „выделяющее“... 2) „замѣняющаго“... и 3) „содержимаго“!.....

людѣ, и постоянно обжирается трупами и жуолками побѣжденныхъ враговъ. Но, въ одинъ прекрасный день, онъ сталкивается съ муравейникомъ *F*, и, къ своему крайнему изумленію, встрѣчаетъ такой энергическій отпоръ, какого ему до той минуты не случалось испытывать нигдѣ; оказывается, что сами муравейники *F* также произвели на свѣтъ храбрыхъ и зубастыхъ дѣтей, которые уже успѣли показать свою удачу муравейникамъ *G*, *H* и *K*. Такимъ образомъ, муравейники *A* и *F* остаются нераззоренными, и, въ случаѣ войны, отражаютъ другъ друга съ одинаковымъ успѣхомъ. Но равновѣсіе между ними продолжится только до тѣхъ поръ, пока въ одномъ изъ нихъ не обнаружится дальнѣйшее развитіе храбрости и зубатости *). Кто обогналъ противника въ этомъ отношеніи, тотъ и побѣдилъ. Малѣйшее выгодное измѣненіе въ тѣлосложеніи воинственныхъ рабочихъ рѣшить вопросъ, кому изъ этихъ завоевательныхъ республикъ жить, и кому умирать. Борьба можетъ тянуться десятки лѣтъ, потому что общества муравьевъ, подобно обществамъ пчелъ и государствамъ людей, существуютъ постоянно, до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушить стеченіе какихъ нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Муравейники *A* и *F* разрастаются и основываютъ множество колоній, потому что старое помѣщеніе становится слишкомъ тѣснымъ для увеличивающагося числа жителей. Гдѣ жили прежде общества *B*, *C*, *D*, *E*, *G*, *H* и *K*, тамъ поселяются потомки зубастыхъ и воинственныхъ муравьевъ *A* и *F*. Эти потомки всѣ зубасты и воинственны, но въ одномъ изъ этихъ новыхъ обществъ, въ какомъ нибудь муравейникѣ *Z* обнаруживается особенное развитіе этихъ героическихъ качествъ. Тогда *Z* истребляетъ всѣ колоніи *A* и *F*, вмѣстѣ съ обѣими метрополіями, и, разросшись въ свою очередь, на ихъ развалинахъ самъ основываетъ свои колоніи, еще болѣе храбрыя и зубастыя. Черезъ нѣсколько времени, таже самая исторія повторяется въ потомствѣ муравейника *Z*. Тотъ, кто сильнѣе, постоянно торжествуетъ, и, такимъ образомъ, общій уровень муравьиного могущества постоянно возвышается, потому что все, что стоитъ ниже этого уровня, ежедневно и ежеминутно уничтожается, то оружіемъ враговъ, то голодомъ, то разными другими причинами. Сами герои, или вѣрнѣе, героини не могутъ передать свои достоинства потомству, но у героинь

*) У муравьевъ нѣтъ зубовъ, и читатель, конечно, понимаетъ, что выраженія: „зубастый“ и „зубастость“ употребляются, для большей краткости, вмѣсто словъ: „одаренный сильными челюстями“, и „сильное развитіе челюстей“.

есть родители и плодовитыя сестры, которыя, живя съ героинями въ одномъ муравейникѣ, и пользуясь плодами ихъ побѣды, благоденствуютъ, и постоянно производятъ на свѣтъ новыя поколѣнія завоевателей.

Теперь намъ надо еще объяснить, почему и какимъ образомъ рядомъ съ кастою воиновъ сохранилась и развилась каста работниковъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ очень не трудно. Работники были такъ же необходимы для существованія общества, какъ воины были необходимы для отраженія враговъ. Пока герои совершали чудеса храбрости, личинки могли умереть съ голоду и куколки могли измокнуть подъ дождемъ, если въ муравейникѣ не было дѣятельныхъ и расторопныхъ субъектовъ, воспитывающихъ молодое поколѣнiе, и предохраняющихъ его отъ всякой напасти. Положимъ, что въ муравейникѣ *M* есть бесплодныя самки одарены воинственными наклонностями и соответствующимъ тѣлосложенiемъ; въ муравейникѣ *N*, напротивъ того, *все* бесплодныя самки относятся къ кастѣ мирныхъ работниковъ, а въ третьемъ муравейникѣ *O* есть и воины, и работники. Ясно, что послѣднiй муравейникъ переживетъ своихъ одностороннихъ сосѣдей; *N*, по всей вѣроятности, будетъ завоеванъ и разоренъ, а *M* ослабѣетъ и погибнетъ отъ того, что не кому будетъ заботиться о личинкахъ и куколкахъ. Мы видѣли выше, какимъ образомъ естественный выборъ можетъ привести дѣло къ тому результату, что въ каждомъ муравейникѣ будетъ находиться именно столько бесплодныхъ и столько плодовитыхъ самокъ, сколько того требуетъ благосостоянiе общества. Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, тогда естественный выборъ, продолжая дѣйствовать по прежнему, тѣмъ же самымъ способомъ устроитъ такъ, что изъ числа бесплодныхъ одна часть будетъ одарена однимъ тѣлосложенiемъ, а другая—другимъ. Сначала разница между этими двумя типами будетъ очень невелика, но, если для общества выгодно, чтобы эта разница увеличилась, то понемногу она и увеличится, потому что долголѣтнiе другия будутъ оказываться тѣ муравейники, въ которыхъ работники и воины сильнѣе отличаются другъ отъ друга. Можетъ случиться, что эти двѣ касты въ свою очередь раздробятся на новыя касты, и эти подраздѣленiя также сдѣлаются постоянными, если только они окажутся полезными для муравейника въ данную минуту, и при данныхъ условiяхъ мѣстности. Такимъ путемъ произошли—цѣль на головѣ у *Cryptocerus*, в медоточивое брюхо у *Myrmecocystus*.

IV.

Естественный выборъ постоянно сохраняетъ всякое видоизмѣненіе въ организаціи рабочаго муравья. Но спрашивается, какія именно причины производятъ эти видоизмѣненія? Зависятъ ли они волишь отъ тѣлосложенія родителей, или же тутъ дѣйствуютъ какія нибудь другія вліянія? Попробую отвѣтить на этотъ вопросъ, но предупреждаю читателя, что отвѣтъ мой будетъ выраженъ въ формѣ догадокъ, сомнѣній и предположеній.

Какъ у пчелъ, такъ и у муравьевъ, каждая самка кладетъ яйца трехъ родовъ, сначала для будущихъ рабочихъ, потомъ для самцовъ, и наконецъ для плодовыхъ самокъ. Изъ этихъ яицъ выходятъ личинки, и въ первое время своего существованія личинки рабочихъ несколько не отличаются отъ личинокъ плодовыхъ самокъ. — Существуетъ ли въ личинкѣ расположеніе сдѣлаться со временемъ бесплоднымъ или плодовитымъ насѣкомымъ, этого мы не знаемъ, но достовѣрно извѣстно, что это расположеніе, если оно существуетъ, можетъ быть переработано воспитаніемъ. Воспитаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ огромное значеніе. Это доказывается тѣмъ, что муравьи и пчелы содержатъ будущихъ рабочихъ совсѣмъ не такъ, какъ будущихъ самокъ: пища, помѣщеніе, уходъ — все совершенно различно. Пчелы, всегда соблюдающія въ расходованіи воска крайнюю бережливость, строятъ для будущихъ самокъ или мамокъ отъ шести до десяти ячеекъ такой величины, что на каждую изъ нихъ тратится во сто разъ больше воску, чѣмъ на ячейку простой рабочей. Разумѣется, пчелы не стали бы этого дѣлать безъ надобности. Кромѣ того, извѣстно, что, въ случаѣ необходимости, пчелы могутъ сформировать себѣ новую матку изъ такой личинки, которой сначала назначено было сдѣлаться рабочей. «Если на бѣду, говоритъ Карлъ Фохтъ, старая матка останется въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока молодыя матки начнутъ выходить изъ куколокъ, то она ихъ умертвить безъ милосердія, и рабочія не будутъ сопротивляться этому поступку. Но, такъ какъ старая царица *) въ это время уже неспособна влать.

*) Извѣстно, что пчелиная матка называется также царицею; но пчелки всегда всегда называютъ *Monigin* медолюба.

яйца, то общество разсѣвается послѣ ея смерти; или же рабочіе формируютъ себѣ новую царицу, то есть, переносятъ рабочую личинку, которой еще не минуло трехъ дней, въ царскую ячейку, и кормятъ ее царскою пищею; при такихъ условіяхъ ея половыя части развиваются, а при простомъ рабочемъ содержаніи онѣ остаются въ зачаточномъ состояніи». (Zoologische Briefe. I-er B. S. 684). Муравейникъ никогда не терпитъ недостатка въ плодовыхъ самкахъ, и поэтому муравьямъ нѣтъ никакой надобности формировать себѣ самку изъ рабочей личинки. Но за то, случается довольно часто, что плодовая самка муравья работаетъ сама надъ построениемъ ячеекъ, и это обстоятельство доказываетъ, что разстояніе между инстинктами плодовыхъ и бесплодныхъ муравьевъ не такъ громадно, какъ можно было бы подумать, глядя на обыкновенный образъ жизни тѣхъ и другихъ. «Основаніе новыхъ муравьиныхъ обществъ, говоритъ Фохтъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ, послѣ полудня громадные рои крылатыхъ самцовъ и самокъ оставляютъ гнѣзда, и совокупаются на воздухѣ. Самцы умираютъ почти тотчасъ послѣ совокупленія; большую часть самокъ рабочіе ловятъ и уводятъ назадъ въ муравейникъ, гдѣ самки кладутъ яйца преимущественно во время весны будущаго года. Оплодотворенныя самки, не пойманныя рабочими, прежде всего сами обрываютъ себѣ крылья, слабо прикрѣпленныя къ ихъ тѣлу, а потомъ устрояютъ въ землѣ галлерею, и присоединяютъ къ ней комнатки, въ которыя онѣ кладутъ яйца для рабочихъ. Какъ только эти рабочія разовьются, такъ онѣ начинаютъ помогать матери въ ея работахъ, проводятъ вмѣстѣ съ нею зиму, и съ весны ведутъ хозяйство дальше, между тѣмъ, какъ самка, подобно пчелиной маткѣ, занимается, съ этого времени, исключительно кладкою яицъ, и соблюдаетъ при этомъ ту же очередь; то есть, кладетъ сначала рабочія яйца, потомъ мужскія, и наконецъ женскія». (Zool. Br. I-er B. S. 686. 687). Оказывается такимъ образомъ, что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ рабочей личинки пчелиную матку, и что обстоятельства жизни могутъ на время превратить праздную самку муравья въ очень усердную работницу. Рожденіе, воспитаніе и обстоятельства жизни—вотъ тѣ три элемента, которые создаютъ тѣлосложеніе и весь характеръ взрослога насѣкомаго. Но рѣшить, что именно вложено самкою въ яичко, и что дано впоследствии воспитаніемъ личинки—это такая задача, которая въ настоящее время превышаетъ силы естественныхъ испытателей. Дарвинъ по видимому, расположенъ

думать, что вліяніе матери очень значительно, то есть, что почти всё свойства и особенности будущаго насѣкомаго заключены въ личиѣ, и находятся въ немъ въ ту минуту, когда это яичко отдѣляется отъ тѣла матери. Склонность Дарвина къ этому мнѣнію выражается въ томъ, что онъ, говоря объ инстинктахъ и тѣлосложеніи безплодныхъ насѣкомыхъ, постоянно наираетъ на половую систему ихъ родителей, и совершенно оставляетъ въ сторонѣ воспитаніе личинокъ. Не противорѣча идеямъ великаго натуралиста, я, въ этомъ случаѣ, позволю себѣ обратить вниманіе читателя на ту сторону дѣла, которую Дарвинъ отодвинулъ на второй планъ. — Половые части личинки, по словамъ Карла Фохта, «находятся въ совершенно зачаточномъ положеніи, и выражаются преимущественно во внутреннихъ органахъ, приготовляющихъ семя, или яички, но эти органы чрезвычайно малы, и съ трудомъ могутъ быть отисканы» (Zool. Vr. 1-er B. S. 551). «Во время кукольнаго періода, говоритъ онъ далѣе, формируются изъ жирнаго тѣла личинки преимущественно половыя части, такъ что большая часть насѣкомыхъ способны къ оплодотворенію тотчасъ послѣ своего выхода изъ кокона» (S. 552). «Червовидныя личинки бабочекъ, мухъ, жуковъ и т. д., говоритъ Дарвинъ, гораздо ближе схожи между собою, чѣмъ полныя насѣкомыя, хотя личинки, какъ зародыши дѣятельные, приспособлены къ разнымъ образамъ жизни.» (Стр. 347.) «Въ случаѣ такихъ особыхъ приспособленій, говоритъ онъ далѣе, сходство между личинками или дѣятельными зародышами сродныхъ животныхъ значительно затемняется.» (Стр. 348). Мы видимъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, что Дарвинъ считаетъ личинки дѣятельнымъ зародышемъ насѣкомаго, то есть, зародышемъ, ведущимъ свою самостоятельную жизнь, и развивающимся на свободѣ, а не въ тѣлѣ своей матери. А на страницѣ 7-й Дарвинъ говоритъ, такъ: «опыты Жоюэруа-Сентъ-Илера доказываютъ, что вліяніе неестественныхъ условій на зародышъ производить уродивости, и между уродивостями и уклоненіями нельзя провести рѣзкой границы. Теперь, читатель мой, потрудитесь вывести общія заключенія изъ всѣхъ этихъ выписокъ. У личинки половыя части находятся въ зачаточномъ состояніи—стало быть, разовьются ли эти части, или останутся онѣ навсегда неразвитыми—это такой вопросъ, который рѣшается во время жизни личинки, а не въ ту минуту, когда самка владетъ яичко. Половыя части насѣкомаго вырабатываются изъ жирнаго тѣла личинки, въ то

времени, когда личинка находится уже въ состояніи куколки; стало быть, для того, чтобы эти части выработались, необходимо известное количество жидкого вещества, а это жидкое вещество, рожимется, добавляется личинкою изъ пищи, и личинка обыкновенно бываетъ очень прожорлива. Именно потому, что ей надо накопить материалы для будущихъ видоизмѣненій. Но, если личинку будутъ кормить супно, то она, конечно, ничего не накопитъ, и посылитъ чашею же изъ чего будетъ сформироваться. У животныхъ, ведущихъ одиночную жизнь, личинка всегда ѣсть столько, сколько сама пожелаетъ. А у общественныхъ животныхъ личинку доставятъ въ заварки, и ее кормятъ взрослыми насекомыми, рожководствами при этомъ своими особенными приспособленіями. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть одну изъ причинъ, почему безплодіе проявляется постоянно только у общественныхъ насекомыхъ. Если личинка есть *длительный зародышъ*, и если *вліяніе естественныхъ условий производитъ ее зародышъ удюдлиности или утолщенія*, то, какъ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что воспитаніе личинки можетъ произвесть въ тѣлосложеніи будущаго насекомого самыя обширныя и глубокія измѣненія. Припомните наконецъ, какъ изъ образковъ пчелы формируются себѣ новую матку изъ рабочей личинки, и тогда вы, вѣроятно, не найдете слишкомъ смѣлнмъ это предположеніе, что бесплодіе рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ есть явленіе чисто естественное, выработанное складомъ изъ общественной жизни, и постоянно поддерживаемое тѣмъ воспитаніемъ, которое старыя насекомыя даютъ огромному большинству новорожденныхъ личинокъ. Постыдователи Мальтуса жезуютъ, чтобы въ человеческихъ обществахъ рабочіе также были до нѣкоторой степени безплодны, и это обязательство доказывать, что общественная жизнь, дойдя до нѣвѣской степени развитія, обыкновенно стабилизируется съ роковыми вопросами: куда дѣвать избытокъ населенія?—Муравьи и пчелы отвѣтили на этотъ вопросъ тѣмъ, что наши возможности постоянно убывать производительныя способности у огромнаго большинства своей породы. Муравьятъ и пчеламъ это извѣстно, потому что у нихъ нѣтъ ни неравннхъ женщинъ, ни химическаго анализа, ни рациональной агрономіи, а главное, нѣтъ такихъ мыслителей, какъ Нильсонъ, Лабакъ или Дарвинъ. Люди могли бы рѣшить вопросъ иначе, но мало ли что они могли бы дѣлать. *Si vieillesse savait, si jeunesse pouvait.*

У

Дѣйствія естественнаго выбора нисколько не стѣсняются ничѣмъ предположеніемъ насчетъ искуственнаго происхожденія безплодія. Естественный выборъ во всякомъ случаѣ истребляетъ или сохраняетъ весь муравейникъ съ родителями и воспитателями; стало быть, отъ того бы ни зависѣло тѣлосложеніе молодаго поколѣнія, отъ родителей или отъ педагоговъ, причина этого тѣлосложенія все-таки будетъ истреблена или сохранена, смотря по тому, вредно или полезно это тѣлосложеніе для даннаго общества. Теорія естественнаго выбора остается такимъ образомъ въ полной безопасности, но высказанное мною предположеніе интересно для насъ въ другомъ отношеніи.—Прогрессъ въ органическомъ мірѣ дѣйствительно существуетъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Но совершается ли этотъ прогрессъ совершенно независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ животныхъ, или же, напротивъ того, нѣкоторые животные своими сознательными усиліями содѣйствуютъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя обрекаютъ ихъ породе?—Этотъ вопросъ вѣроятно кажется читателю очень страннымъ, а между тѣмъ, онъ возникаетъ въ насъ ужъ совершенно естественно, когда мы вглядываемся въ жизнь высшихъ насѣкомыхъ, подобныхъ пчелѣ и муравью. Читатель все-таки смѣется, и никакъ не хочетъ вѣрить, чтобы муравей могъ сознательно участвовать въ прогрессѣ своей породы; но мнѣ кажется, что читатель въ этомъ случаѣ ошибается. Если безплодіе рабочихъ и раздѣленіе ихъ на различныя касты производится исключительно различными особенностями въ тѣлосложеніи плодовыхъ самокъ, то измѣненія муравьиной породы или ея прогрессъ происходятъ совершенно независимо отъ воли и сознанія самихъ муравьевъ. Если же, напротивъ того, безплодіе и касты, составляющія, въ большой или въ меньшей степени, результатъ воспитанія, то прогрессъ находится въ рукахъ самихъ муравьевъ, или другими словами, *муравьи сами дѣлаютъ свой прогрессъ*. Если судьба личинокъ зависитъ отъ воспитателей, если воспитатели могутъ произвести значительныя измѣненія въ конституціи будущаго насѣкомаго, если отъ нихъ зависитъ повернуть развитіе личинки въ ту или въ другую сторону, сдѣлать изъ личинки плодотворную самку или воина, простаго рабо-

чаго или дойную корову (*Mugmecosystus*), то, разумеется, все будущее благосостояние муравейника во всякую данную минуту зависеть целиком от его взрослого населения. В таком случае, ум и опытность рабочего муравья не умирают вместе с нимъ. Все, что онъ получалъ отъ природы, все, что онъ приобрѣлъ воспитаниемъ, все, что ему передали старшіе муравьи, все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ своей собственной жизни, все это прилагается къ дѣлу воспитанія личинокъ, все это передается потомъ молодому муравью, и все это становится навсегда двигательнымъ элементомъ въ прогрессѣ породы. Каждое поколѣніе собираетъ свой запасъ опытности, каждая личность вноситъ въ этотъ запасъ свою крупинку, и все это вместе присоединяется къ общему капиталу, и производитъ прочное приращеніе въ умственномъ и матеріальномъ богатствѣ общества и породы. Читатель сердится или смѣется. Онъ увѣренъ въ томъ, что я фантазировалъ, и что критическія способности моего ума перестали слѣдить за движеніями моего пера. Читатель хочет напомнить мнѣ, что я все-таки говорю о муравьяхъ, а не о людяхъ, но я самъ твердо помню это обстоятельство, и внимательнымъ взоромъ наблюдаю за шалостями моего легкомысленнаго, (о, даже слишкомъ легкомысленнаго!) пера. Но что же васъ, читатель мой, смущаетъ? Вы, вѣроятно, думаете, что у муравья не можетъ быть индивидуальныхъ мыслей, что онъ не способенъ накопить запасъ личной опытности, и что онъ не въ состояніи дѣлиться съ своими согражданами—своими ощущеніями, соображеніями и воспоминаніями. Да, муравей, конечно,—животное маленькое и невзрачное. Неловко какъ-то приписывать такому ничтожеству разныя высшія способности и отправления. А между тѣмъ, вы, мой читатель, все-таки потрудитесь преодолѣть ваше замѣшательство, и прочтите слѣдующій простой рассказъ Карла Фохта, человѣка, совершенно нерасположеннаго фантазировать и умиляться. «Одинъ изъ моихъ друзей, говоритъ Фохтъ, сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе. Муравьи объѣдали у него шишки съ одного дерева. Чтобы отвадить ихъ, онъ вымазалъ стволъ дерева кругомъ на вершокъ въ ширину густымъ табачнымъ нагаромъ изъ трубки, собраннымъ нарочно для этой цѣли. Муравьи, выбравшіеся на дерево толпами, поворотили назадъ, когда дошли до этого клейкаго и вонючаго кольца. Тѣ, которые были на деревѣ, и хотѣли спуститься внизъ, не осмѣлились перешагнуть черезъ кольцо; они валились опять на верхъ, и съ вѣтромъ свалились на землю.

Дерево скоро освободилось отъ своихъ посѣтителей. Но, черезъ нѣсколько времени муравьи полезли толпами вверхъ по стволу. Каждый изъ нихъ несъ въ челюстяхъ кусочекъ земли, и съ величайшею осторожностью начали они накладывать на табачный нагаръ одинъ комокъ возлѣ другаго, такъ что мало по малу образовалась настоящая мощенная дорога, которую они укрѣпили и расширили съ величайшею старательностью. Потомъ, когда составила полоска шириною въ полвершка, колонна муравьевъ съ полною безопасностью могла снова взбираться на дерево, которое дѣйствительно покрылось немедленно толпами опустошителей.» (Zool. Br. I-er. V. S. 555). Если животныя дѣйствуютъ постоянно по инстинкту, и если всѣ инстинкты представляютъ только рядъ машинальныхъ привычекъ, полученныхъ каждымъ животнымъ при самомъ рожденіи по наслѣдству отъ предковъ, то надо предложить, что всѣ муравьи, посѣщающіе вишневая деревья, имѣютъ наслѣдственную привычку хватать въ челюсти кусочки земли, какъ только они увидятъ или обнюхаютъ на деревѣ какую нибудь гадость. Можно было бы возразить на это остроумное предположеніе, что цѣлыя сотни или тысячи поколѣній муравьевъ могли прожить на бѣломъ свѣтѣ, не встрѣтивши ни на одномъ деревѣ клейкаго кольца изъ табачнаго нагара, но если мы уже рѣшились объяснять все наслѣдственными привычками, то насъ не должно смущать это выраженіе. Мы скажемъ, что у тысячи поколѣній этотъ инстинктъ существовалъ, но не проявлялся, а потомъ, когда другъ Фохта сдѣлалъ муравьямъ неприятность, этотъ скрытый инстинктъ тотчасъ и развернулся. Намъ отвѣтять, что такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, каждому муравью приходится таскать съ собою миллиарды разныхъ скрытыхъ инстинктовъ, потому что на каждый отдѣльный случай должно существовать въ этой ходячей аптекѣ особенное, готовое лекарство. Но мы и тутъ нисколько не струсимъ: ну, и пускай таскаютъ миллиарды инстинктовъ! Инстинктъ есть вѣчто невѣсомое, и, стало быть, для муравья такая обуза не можетъ быть обременительною. Если же у моего читателя не достанетъ храбрости, чтобы побѣждать всѣ препятствія подобными соображеніями, то онъ непременно долженъ будетъ допустить, что у муравьевъ рождаются индивидуальныя мысли, которыя отъ одной личности переходятъ въ массу, и потомъ приводятся въ исполненіе соединенными усиліями всѣхъ муравьевъ, усвоившихъ себѣ новую идею. Въ самомъ дѣлѣ, трудно же предположить, чтобы всѣмъ му-

равьямъ, натянувшимся на табачную трясину, въ одну минуту пришла въ голову одна и таже мысль, и, чтобы всё они, не сговариваясь между собою, тотчасъ побѣжали бы за конками земли. Тутъ, мнѣ кажется, можно допустить только два предположенія: или какой нибудь особенно умный муравей самостоятельно выдумалъ эту уловку, въ ту самую минуту, когда встрѣтилось затрудненіе; или же онъ припомнилъ сходный эпизодъ изъ своей жизни, и пустилъ въ ходъ свою опытность, примѣняя ее къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, личный умъ или личная опытность обогатили общество муравьевъ новымъ знаніемъ или новою идеею, а такой прогрессъ, мнѣ кажется, было бы очень несправедливо называть невольнымъ и безсознательнымъ. Но, если мы только допустимъ, что муравей можетъ что нибудь придумать, и сообщить свою выдумку своимъ товарищамъ, то намъ придется совершенно отказаться отъ нашихъ негнѣмыхъ предвзятыхъ идей о машинности тѣхъ сложныхъ и вполне цѣлесообразныхъ поступковъ, которые совершаются муравьями и другими животными для блага общества и для сохраненія породы. Когда мы, оставивъ въ сторонѣ наши предубѣжденія, посмотримъ на нѣкоторые явленія общественной жизни муравьевъ, тогда передъ нами раскроется замѣчательный смыслъ этихъ явленій, и тогда мы поймемъ, что сознательный прогрессъ и чисто историческое развитіе составляютъ неотъемлемое достояніе всѣхъ высшихъ породъ животнаго царства. Надо только видѣть въ каждомъ явленіи то, что въ немъ дѣйствительно заключается, а не то, что вложено въ наши бѣдныя головы добродушными руководителями нашего счастливаго младенчества и нашей довѣрчивой юности.

VI.

Въ муравейникахъ мексиканскаго *Myrmecocystus* живутъ въ освоенныхъ ячейкахъ толстобрюхіе рабочіе, выдѣляющіе на пользу общества сладкій сокъ, подобный меду. Специально развитое брюхо этой касты, подобно всѣмъ органамъ всевозможныхъ животныхъ, произошло не вдругъ; оно выработалось постепенно, посредствомъ медленныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ организациі обыкновеннаго

Mutuosocietas. Какъ и по новой принятой заповѣди первый народъ не такого видоизмѣненія—этого мы не знаемъ, потому что вообще приемы и законы всѣхъ видоизмѣненій до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдованы. Когда выгодное видоизмѣненіе проявилось, тогда началось дѣйствіе естественнаго выбора, и произошла та обыкновенная исторія, которую читатель знаетъ уже наизусть. Но, мнѣ кажется, что, кромѣ естественнаго выбора, тутъ дѣйствуютъ еще одинъ элементъ, именно сознательное вліаніе самихъ рабочихъ муравьевъ на тѣлосложеніе воспитываемыхъ личинокъ. Личинка, какъ «*дьявольскій зародокъ*», одарена чрезвычайною гибкостью тѣлосложенія, а рабочіе муравьи, занимающіеся воспитаніемъ молодого поколения, какъ важнѣйшимъ дѣломъ всей своей жизни, навѣрное довели до нужнѣйшаго совершенства свое умѣнье пользоваться этою гибкостью. Они, навѣрное, умѣютъ распознавать всѣ мельчайшія личинныя особенности въ организаціи личинки; они знаютъ, какъ развить эти особенности, или какъ остановить ихъ развитіе; они знаютъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ дѣйствуютъ та или другая температура, то или другое помѣщеніе; и всѣми этими знаніями, которыми непремѣнно должны были накопиться у нихъ въ теченіе тысячелѣтій, они пользуются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ такою направленною внимательностью, какою не можетъ похвалиться ни одинъ изъ педагоговъ самолюбиваго человѣчества. Поэтому, когда въ муравейникахъ *Mutuosocietas* проявились задатки медоточиваго брюха, рабочіе пустили въ ходъ всѣ свои знанія, и всю свою старательность, чтобы развить до крайнихъ предѣловъ эту цѣлесную особенность. Естественный выборъ сдѣлалъ также свое дѣло, но приписать ему одному весь получившійся результатъ было бы не совсѣмъ основательно. Медоточивое брюхо не составляетъ для муравейника крайней необходимости, такъ что, въ этомъ случаѣ, естественный выборъ не могъ отличиться особенною строгостью. У огромнаго большинства муравьиныхъ породъ нѣтъ телстобрюхихъ рабочихъ, выделяющихъ сладкій сокъ, и однако же эти муравьи живутъ очень благополучно, и пользуются сокомъ тлей или травяныхъ вшей, которыя совершенно справедливо могутъ быть названы дойными коровами муравьевъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ подчинилъ своему господству то или другое животное, тогда мы говоримъ, что это подчиненіе произведено силою человѣческаго ума. Если мы отложимъ въ сторону наши предубѣжденія, то мы должны будемъ высказать

тоже самое сужденіе, когда увидишь, что муравей подчинилъ своему господству тлю. А что это подчиненіе дѣйствительно существуетъ, въ этотъ читатель убѣдится изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ Карла Фохта и Дарвина. «У настоящихъ тлей, говоритъ Карлъ Фохтъ, находятся на задней части тѣла двѣ прямыя трубочки, изъ которыхъ вытекаетъ сладкій сахарный сокъ, съ жадностью пожираемый муравьями. Каждый муравейникъ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ свою область деревьевъ, кустовъ и травъ, на которыхъ сидятъ по листьямъ и по стволамъ колоніи тлей. Муравьи заботливо ухаживаютъ за этими колоніями, и даже иногда перетаскиваютъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Можно видѣть, какъ муравьи ласкаютъ этотъ дойный скотъ, тихо глядятъ и постукиваютъ его своими щупальцами до тѣхъ поръ, пока не выступитъ изъ трубочекъ медовый сокъ, который съ жадностью поглощается муравьями.» (Zool. Vr. 1-er B. S. 568. 569). На страницѣ 685 той же книги, отношенія между тлями и муравьями описаны еще подробнѣе: «Лѣтомъ, говоритъ Фохтъ, рабочіе муравьи добываютъ пищу не только для самихъ себя, но и для личинокъ, для самокъ и для самцовъ, которые всё ничего не дѣлаютъ. Они кормятъ ихъ всевозможными органическими веществами, но преимущественно сладкими растительными соками, которые доставляютъ имъ тли... Муравьи обращаются съ тлями крайне заботливо, пересаживаютъ ихъ съ засохшихъ вѣтвей и побѣговъ на свѣжіе, живые листья, и до тѣхъ поръ ласкаютъ ихъ щупальцами, пока онѣ не выпустятъ медоваго сока. Большая часть муравьиныхъ породъ строятъ отъ своего гнѣзда крытые проходы, настоящія искусственныя дороги, къ тѣмъ деревьямъ и кустамъ, на которыхъ находятся колоніи ихъ дойнаго скота; другіе даже приносятъ въ свои гнѣзда такихъ тлей, которыя питаются корнями растений, и эти тли проводятъ зиму въ муравейникѣ.» А вотъ личное наблюденіе другаго натуралиста, доказывающее, что тли дѣйствительно могутъ быть названы въ отношеніи къ муравьямъ ручными животными. «Я удалилъ, говоритъ Дарвинъ, всѣхъ муравьевъ отъ группы изъ дюжины тлей, сидѣвшихъ на щавелѣ, и не допускалъ къ нимъ муравьевъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. По прошествіи этого времени я былъ убѣжденъ, что тлямъ уже хочется выдѣлять свой сокъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ въ лупу, но ни одна изъ нихъ не выдѣляла сока. За тѣмъ я принялся трогать и щекотать ихъ волоскомъ, по возможности тѣмъ же способомъ, какъ щекочутъ ихъ муравьи

своими усиками; но ни одна изъ нихъ не выпустила соку. Вслѣдъ затѣмъ я допустилъ къ нимъ муравья, и по дѣятельности, съ которою онъ забѣгалъ вокругъ нихъ, было очевидно, что онъ тотчасъ замѣтилъ, на какое богатое стадо онъ попалъ. Онъ тотчасъ принялся щекотать усиками брюшко сперва одной тли, потомъ другой, и каждая тля, какъ только ощущала прикосновеніе усиковъ, тотчасъ подымала свое брюшко, и выдѣляла прозрачную каплю сладкаго сока, которую жадно глоталъ муравей. Даже самыя молодыя тли поступали такъ же, доказывая тѣмъ, что это — дѣйствіе инстинтивное, но не слѣдствіе опыта. Но такъ какъ выдѣленіе чрезвычайно липко, то тлямъ, вѣроятно, полезно отдѣлываться отъ него, и поэтому тля, вѣроятно, выдѣляетъ сокъ инстинктивно, не для одного блага муравьевъ». (Стр. 171). Къ этому можно прибавить, что тлямъ вообще очень полезно находиться подъ покровительствомъ муравьевъ, и что, именно вслѣдствіе этого, самыя молодыя тли, по наслѣдственному инстинкту, обращаются съ своими покровителями такъ довѣрчиво, какъ, напримѣръ, щенокъ или теленокъ обращается съ человѣкомъ. Если мы сравнимъ обычайныя породы *Myrmecocystus* съ дѣйствіями другихъ муравьевъ, покорившихъ тлей, то мы увидимъ, какъ это даровитое насѣкомое (муравей, а не тля) умѣетъ соображаться съ обстоятельствами. Гдѣ представилось внутри самой породы выгодное видоизмѣненіе, тамъ муравьи довели его до крайнихъ предѣловъ и извлекли изъ него всевозможную пользу для своего общества. Гдѣ такого видоизмѣненія не случилось, тамъ муравьи устроили свои дѣла иначе и доставили себѣ удобства жизни силою собственной изобрѣтательности. Изъ того, что сообщаетъ Фохтъ, можно вывести заключеніе, что муравьи ведутъ свое скотоводство гораздо рациональнѣе, чѣмъ какіе нибудь киргизы или лапландцы, у которыхъ скотъ — у первыхъ лошади, у вторыхъ — сѣверные олени, зимуютъ подъ открытымъ небомъ и кормятся чѣмъ богъ пошлетъ. Разумѣется, это скотоводство муравьевъ развивалось такъ же послѣдовательно и постепенно, какъ и всѣ остальные отрасли ихъ общественнаго быта; и навѣрное, опыты и соображенія отдѣльныхъ личностей, понемногу входившіе въ сознаніе массъ, и превращавшіеся въ прочную привычку, составляютъ единственное основаніе теперешняго господства муравьевъ надъ тлями. Кому нибудь изъ муравьевъ надо же было открыть тотъ фактъ, что тля даетъ сладкій сокъ; потомъ это *открытие* должно было распространиться и обобщиться.

Прогрессъ совершился вполне сознательно, и если вы съ этимъ не согласитесь, то вы должны будете предположить, что сама природа, создавая муравья, вложила въ его мозгъ понятіе о тѣхъ и о ея сакѣ. Отчего бы не сказать въ такомъ случаѣ, что и въ нашего мушкетера вложено самою природою понятіе о яровомъ и озимомъ хлѣбѣ? —

VII.

У *Eciton* и у многихъ другихъ муравьевъ личинки, осужденныя на безплодіе природою или воспитаніемъ, развиваются по двумъ различнымъ направленіямъ: одніе становятся воинственными amazonками, а другія заботливыми и трудолюбивыми хозяйками. Если бы одна изъ этихъ кастъ развилась въ ущербъ другой, то есть, если бы явилось слишкомъ много работниковъ, или слишкомъ много вояковъ, то благосостояніе общества пострадало бы отъ такой поребѣны, потому что въ первомъ случаѣ муравейнику стала бы угрожать опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, а во второмъ случаѣ доконченія работы и воспитаніе дѣтой приняла бы въ уладокъ. Если бы это нарушеніе равновѣсія между кастами проявилось въ очень значительныхъ размѣрахъ, то оно могло бы окончательно погубить общество или породу. Вѣроятно, очень многіе муравейники или даже цѣлыя виды муравьевъ погибли вслѣдствіе этого обстоятельства. Не нигуристамъ извѣстны двѣ породы, у которыхъ это равновѣсіе совершенно нарушено, и которыя, не смотря на то, существуютъ и размножаются; въ основаніи ихъ общественной жизни лежатъ чисто-искусственное учрежденіе, играющее очень важную роль въ исторіи человѣчества. Эти двѣ породы сдѣлались совершенно воинственными, *завели себѣ рабовъ* и на нихъ сложили значительную часть хозяйственныхъ и педагогическихъ заботъ. Рабство находится у этихъ двухъ породъ на двухъ различныхъ степеняхъ развитія. У кроваваго муравья (*Formica sanguinea*), перерабатывающаго чертыкъ, господа работаютъ вмѣстѣ съ рабами; напротивъ того у рыжеватого (*Formica rufescens*) захватывающаго бурыхъ, господа равно ничего не дѣлаютъ, и даже разучились ѣсть безъ помощи рабовъ. Всѣ эти факты доказаны прямыми опытами и самыми тщательными наблюденіями

Нотра Губера, Спитта, Дарвина и другихъ первоклассныхъ натуралистовъ. Безплодные самцы рыжеватого муравья умѣютъ только вести войну, разорять чужіе муравейники и захватывать рабовъ. «Безплодные субъекты кровавого и рыжеватого муравья, говорятъ Карль Фохтъ, встрѣчающіеся въ нашихъ мѣстахъ, сами не работаютъ, но предпринимаютъ настоящія военныя походы, нападаютъ на гнѣзда другихъ муравьевъ и выхаживаютъ оттуда куколки рабочихъ. Большою частью тактика ихъ состоитъ въ томъ, что они внезапно бросаются на собѣдній муравейникъ, и когда его обитатели начинаютъ обороняться, тогда главная масса нападающихъ даетъ формальное сраженіе, между тѣмъ, какъ отдѣльныя отряды обходятъ крылья непріятеля, и опустошаютъ его гнѣздо. Послѣ такой борьбы поле сраженія бываетъ покрыто трупами; обѣ стороны кусаютъ другъ друга съ величайшимъ ожесточеніемъ; раненные и неспособные къ борьбѣ, падаютъ прикрытіемъ друзей удаляются изъ свалки въ безопасное мѣсто. Похищенныя куколки развиваются въ слѣдствіи въ жилищѣ похитителей и исправляютъ тамъ рабскія обязанности, т. е. принимаютъ на себя всѣ хозяйственныя работы, кормятъ своихъ праздныхъ господъ и ухаживаютъ за ихъ личинками. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ смѣшанныя общества муравьевъ, въ которыхъ существуютъ четыре разряда обитателей: самцы, самки и войны (такъ называемыя амазонки) одного вида и трудящіеся рабы другого вида.» (Zool. Вг. I-er B. S. 686). Дарвинъ объясняетъ происхожденіе рабевладѣльческихъ учрежденій тѣмъ, что куколки, захваченныя для съѣденія, случайно развились въ муравейникѣ своихъ похитителей. Муравьи, вышедшіе изъ этихъ куколъ, по влеченію своего врожденнаго инстинкта, принялись за работу. Это обстоятельство оказалось выгоднымъ для общества, и за тѣмъ началось обыкновенное дѣйствіе естественнаго выбора. Эта гипотеза Дарвина очень правдоподобна, но нельзя не замѣтить, что Дарвинъ здѣсь, какъ и вездѣ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ сознательную дѣятельность самихъ муравьевъ. Почему дѣлаетъ это Дарвинъ — этого я не знаю. Можетъ быть потому, что онъ не хочетъ входить въ подробности, неизмѣющія прямого отношенія къ его теоріи; а можетъ быть и потому, что онъ пишетъ для англійскаго общества, которое любитъ, чтобы «всякій сверчокъ зналъ свой шестокъ», и которое, слѣдовательно, не желаетъ, чтобы ничтожный муравей осмѣливался пускаться въ слишкомъ остроумныя размышленія. Какъ бы то ни было, я считаю не

лишнимъ постоянно выдвигать эту сторону дѣла впередъ, и освѣщать ее, какъ можно ярче. Похищенные куколки развились, и ново-рожденные муравьи начали работать; — прекрасно, но вѣдь эти муравьи по фигурѣ и по цвѣту были совершенно не похожи на воинственныхъ владѣльцевъ муравейника; почему же хозяева оставили ихъ въ живыхъ, между тѣмъ, какъ тѣ же хозяева имѣли обыкновеніе убивать на войнѣ и съѣдать послѣ побѣды соотечественниковъ этихъ муравьевъ? Стало быть, кому нибудь изъ хозяевъ пришло въ голову, что эти плѣнники своею работою могутъ принести больше пользы, чѣмъ своею смертію. Потомъ еще кому нибудь пришло въ голову, что можно захватить нѣсколько куколокъ нарочно для того, чтобы сформировать изъ нихъ плѣнныхъ работниковъ. Потомъ, когда эти двѣ мысли распространились и обобщились, воинственные муравьи быстро сообразили, что можно сложить на плѣнныхъ значительную долю тѣхъ домашнихъ работъ, которыми, до того времени, по необходимости и съ крайнею неохотою занимались сами хозяева. Тогда одно занятіе за другимъ стало переходить въ руки рабовъ. Хозяева отдали все свои помышленія войнѣ и грабежу, и наконецъ, избаловались до такой невѣроятной степени, что рабы принуждены въ настоящее время кормить своихъ взрослыхъ и воинственныхъ повелителей, какъ маленькихъ личинокъ. Рыжеватые муравьи, подобно людямъ, постоянно стремились совершенно сознательно къ тому, что въ каждую данную минуту казалось имъ выгодною или удобнымъ; и, подобно людямъ, они не умѣли смотрѣть вдаль, и потому, въ общемъ результатѣ, эти стремленія къ близкой выгодѣ и къ близкому удобству привели ихъ къ окончательной и неисправимой деморализаціи. Если мы сравнимъ исторію рыжеватаго муравья съ исторіею многихъ рабовладѣльческихъ государствъ, то мы увидимъ поразительное сходство въ расположеніи причинъ и слѣдствій. И здѣсь, и тамъ — сначала война, потомъ рабство, и наконецъ деморализація. Это доказываетъ намъ, что какъ только образуется общество, такъ начинается немедленно неотразимое господство социальныхъ законовъ, которые, подобно всемъ остальнымъ законамъ природы, дѣйствуютъ совершенно безпристрастно, и не допускаютъ никакихъ исключеній. Отношенія между рыжеватыми муравьями и ихъ бурными рабами доказываютъ намъ, кромѣ того, что инстинкты муравья чрезвычайно гибки, не только въ цѣлой породѣ, но и въ каждой отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ это обстоятельство:

рабы всё безплодны, и каждое новое поколѣніе рабовъ набирается посредствомъ новаго похищенія куколокъ. Каждая похищенная куколка родилась въ свободномъ муравейникѣ и провела въ немъ весь личиночный періодъ своей жизни. Стало быть, ни отъ своихъ родителей, ни отъ своихъ первыхъ воспитателей, куколка не могла получить ни одной частицы тѣхъ специальныхъ инстинктовъ, которые потребуются отъ нея въ рабовладельческомъ муравейникѣ. Изъ куколки выходитъ взрослое насекомое, и принимается за работу; это, конечно, наследственный инстинктъ, усиленный воспитаніемъ личинки. Но кормить взрослыхъ муравьевъ — развѣ это наследственный инстинктъ, и развѣ онъ могъ быть привитъ къ личинкѣ такими воспитателями, которые, оставаясь свободными, сами кормятъ только личинокъ. При переселеніяхъ изъ одного муравейника въ другой, бурые рабы рыжеватого муравья берутъ своихъ господъ въ челюсти и переносятъ ихъ на новоселье. Этотъ обычай также не существуетъ въ свободномъ муравейникѣ и, слѣдовательно, тутъ также не можетъ быть рѣчи о наследственности. Какимъ же образомъ эти особенные обычаи сформировались и поддерживаются? Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Когда первыя поколѣнія бурыхъ рабовъ вышли изъ похищенныхъ куколокъ, тогда рыжеватые рабовладельцы сами принялись за воспитаніе этихъ новорожденныхъ муравьевъ, и переработали ихъ естественныя наклонности сообразно съ своимъ собственными требованіями. Потому взрослые и вышколенные рабы стали помогать своимъ господамъ въ воспитаніи новичковъ, съ которыми эти старые рабы были связаны, какъ единствомъ происхожденія, такъ и одинаковостью общественнаго положенія. Наконецъ, когда господа совсѣмъ облѣнились, рабы приняли на себя всю эту заботу, вмѣстѣ со всѣми остальными хозяйственными распоряженіями. Это доказываетъ намъ, что муравей можетъ воспитать другаго муравья, не только въ физическомъ смыслѣ кормленія, какъ рабочіе воспитываютъ личинокъ, но и... но и... — Все, отвѣчалъ спокойно Базаровъ. Между первымъ поколѣніемъ господъ и первымъ поколѣніемъ рабовъ не могли существовать тѣ отношенія, которыя существуютъ теперь между этими двумя классами въ рабовладельческихъ обществахъ. До появленія первыхъ рабовъ рыжеватый муравей самъ работалъ; не могъ же онъ, тотчасъ послѣ ихъ появленія, вдругъ выдумать, что онъ самъ не въ состояніи даже ѣсть. Такой штуки не выдумаетъ сразу ни муравей, ни человѣкъ. Впослѣдствіи, это пове-

введенію также не могло повѣстись вдругъ, потому что всякій новый обычай вводится только постепенно, такъ, что къ нему приспосабливаются и привыкаютъ постепенно. Обычай устанавливается самъ собою, а не выдумывается. Стало быть, каждое новое поколѣніе господъ и рабовъ медленно и незаметно измѣняло что нибудь въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, и одинъ день былъ не похожъ на другой, и одна недѣля еще меньше была похожа на другую. Молодые рабы перенимали привычки старыхъ, но потомъ, во время своей жизни, измѣняли эти привычки, и въ этомъ измѣненномъ видѣ передавали ихъ новому поколѣнію, которое въ свою очередь производило въ нихъ перемѣны. Мудрое, очень мудрое животное этотъ муравей! Личный умъ, индивидуальная необратительность, разнообразіе характеровъ и наклонностей, цѣлесообразное воспитаніе, сила поколѣній, ведущая за собой силу обычаевъ, развитая общественная жизнь съ ошибками и усовершенствіями, умѣнье пользоваться обстоятельствами, способность участвовать сознательными усиліями ума въ прогрессѣ собственной породы — все это мы находимъ у муравья, и все это вѣстѣ несомнѣнно обеспечивать за нимъ первое мѣсто въ громадномъ отдѣлѣ числительныхъ или существительныхъ животныхъ. Но для насъ должны быть еще гораздо важнѣе тѣ общія мысли, на которыя наводитъ насъ весь этотъ дивный, и, между тѣмъ, чрезвычайно отрывочный и неполный очеркъ муравьиного жителя-бытья. Прочитавши эти страницы, читатель, быть можетъ, убѣдится въ томъ, что прогрессъ дѣйствительно существуетъ въ мірѣ животныхъ и растений.

P. S. Въ послѣдней статьѣ я представлю бѣглый очеркъ геологическихъ, географическихъ, эмбриологическихъ и анатомическихъ доказательствъ теоріи Дарвина.

Д. Шварцъ.

ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА XV

НЭРАМОУНТЬ КРЕМЕНТЬ.

Лэди Мэклеодъ занимала въ Нэрамоунть Крементъ, въ Челтенгамъ небольшую квартиру, состоявшую изъ хорошенькой гостиной, изъ спальни, выходившей окнами на конюшенный дворъ, и изъ третьей комнаты, которая, будь сэръ Арчибальдъ живъ, называлась бы уборной, а теперь служила столовой. Вязость конюшеннаго двора не придавала особенной прелести помещению; но за то она была причиною дешевизны квартиры, а лэди Мэклеодъ была не та женщина, чтобы пренебрегать подобными соображеніями. Какъ ни ограничены были ея средства, они все же давали ей возможность жить съ большимъ комфортомъ; но она была изъ тѣхъ женщинъ, которые считаютъ своею обязанностью оставить что нибудь по своей смерти, а лэди Мэклеодъ не пренебрегала сознательно ни одной обязанностью. И такъ, она урѣзывала себя во всемъ, выдыхала благоуханія конюшенъ и ругалась съ избойщиками для того только, чтобы завѣщать тысячу фунтовъ какой нибудь лэди Миддлеттанъ, которая, быть можетъ, и спасибомъ не помянула бы ее за эти деньги.

Если бы Алиса согласилась жить съ нею, то обязанность, что нибудь оставить по своей смерти перешла бы въ другую

обязанность, — пристроить племянницу. Но Алиса ушла от нея а потому и деньги справедливей было копить не для нея, а для лэди Мидлотіанъ. Впрочемъ экономическія соображенія откладывались въ сторону каждый разъ, какъ Алиса пріѣзжала въ Чельтенгамъ. Лэди Мэклеодъ была старушка добрая и хлѣбосольная, жаль только что она была такая несносная, жаль что она была такъ сурова съ извозчиками, такъ расположена подозрѣвать поголовно торговцевъ, слугъ и вообще людей низкаго званія, жаль что она такъ строго осуждала многихъ и изъ своего сословія за то, что они въ будни играютъ въ карты, а по воскресеньямъ не ходятъ въ церковь; но пуще всего жаль, что, относясь такъ недовѣрчиво къ бѣднымъ, она была такъ снисходительна къ порокамъ графовъ и графскихъ сынковъ.

По зрѣломъ обсужденіи вопроса, Алиса сочла за лучшее письменно извѣстить лэди Мэклеодъ о томъ, что у нея вышло съ мистеромъ Греемъ. Строгое порицаніе неизбежно должно было изобразиться на лицѣ лэди Мэклеодъ при полученіи этого извѣстія, какъ бы она ни получила его; изустно или письменно. Но, въ послѣднемъ случаѣ, первая горечь упрека должна была смягчиться прежде, чѣмъ Алиса успѣетъ пріѣхать. Тѣмъ не менѣе Алиса дрожала, подѣзжая къ № 3 Пэрамоунтъ Кремента. Тетка встрѣтила ее, по обмѣновенію, на самомъ порогѣ гостиной, и Алиса, съ перваго же взгляда увидѣла, что если лице это могло выражать еще болѣе горечи; чѣмъ въ настоящую минуту, то первобытная горечь была, должно быть, очень горька.

— Алиса! проговорила она, обнимая и цѣлуя племянницу, что я узнаю про тебя, Алиса!

— Да, тетушка я знаю, что это очень дурно, отвѣчала Алиса, пытаясь обратить все дѣло въ шутку. Молодые дѣвушки дѣлаютъ тяжкій грѣхъ, когда постунаютъ очертя голову. Но если разъ такой грѣхъ случился; имъ болѣе ничего не остается, какъ раскаяться.

— Раскаяться! повторила лэди Мэклеодъ. Да, я надѣюсь что ты раскаешься. Бѣдный мистеръ Грей! Что онъ долженъ былъ обо всемъ этомъ подумать?

— Я могу только надѣяться, тетя, что онъ въ скоромъ времени и вовсе броситъ объ этомъ думать.

— Ну это, милая, пустяки. Онъ, конечно, не бросить объ этомъ думать, и ты, конечно, увидешь за него за мужъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, тетя?

— Конечно. Помилуй, Алиса, вѣдь дѣло это ужъ было рѣшено официальнымъ порядкомъ лэди;—Мидлотіанъ были извѣстны всѣ подробности дѣла, и мнѣ тоже. Развѣ ты не дала ему слова? Я, право, не понимаю, что ты дѣлаешь. Я просто въ толкъ не могу взять, какъ это ты отступишься отъ того, что уже было порѣшено. Когда мужчина такъ поступаетъ, его исключаютъ изъ общества. Но, право, такой поступокъ со стороны женщины кажется мнѣ еще позорнѣе.

— Въ такомъ случаѣ пускай меня исключаютъ изъ общества; затрудненіе только въ томъ, что я къ обществу-то и не принадлежала никогда.

— И подумай, Алиса, какой грѣхъ ты берешь на душу!

— Тетушка! Когда вы говорите объ обществѣ и о лэди Мидлотіанъ, я молчу, отчасти, быть можетъ, потому, что мнѣ ни до той, ни до другого дѣла нѣтъ. Но когда вы начинаете толковать мнѣ о грѣхѣ и о моей совѣсти, то я думаю, что лучшею судьбою въ этомъ дѣлѣ, я сама. Именно моя совѣсть и боязнь грѣха и побудили меня сдѣлать то, что я сдѣлала.

— Ты, должна Алиса, руководствоваться совѣтами старшихъ.

— Нѣтъ, въ такомъ дѣлѣ, старшіе мнѣ не указчики. Я не повѣрю, чтобы было честнымъ поступкомъ сдѣлаться женою человѣка, не имѣя увѣренности, что онъ будетъ со мною счастливъ.

— Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было принимать его предложеніе?

— Я ошибалась. Я не стану себя оправдывать и вы можете бранить меня, тетушка, сколько угодно. Но, что касается того, выходить ли мнѣ или не выходить за него замужъ теперь, ужъ предоставьте мнѣ самой рѣшить этотъ вопросъ.

— Жаль, что ты обо всемъ этомъ раньше не подумала.

— Жаль, очень жаль. Я сама себя сдѣлала непоправимое зло; я это знаю и готова нести послѣдствія своей вины. Въ тоже время я знаю, что нанесла ему обиду и глубоко сожалею объ этомъ. Единственное мое оправданіе въ томъ, что я могла нанести ему еще большую обиду.

Все это было сказано при первой же встрѣчѣ между тетужкой и племянницей, и благо имъ, что оно такъ случилось. Всегда лучше, стоя подъ душою, сразу дернуть шнурокъ.

— Ну, милая, сказала ея сѣятельство, ты, конечно, не прачъ будешь пойдти къ себѣ въ комнату и раздѣться. Когда ты сойдешь въ гостиную, Мери подастъ тебѣ чаю.

Бѣда миновалась. До обѣда время прошло въ разговорахъ о постороннихъ предметахъ и, хотя въ теченіе вечера лэди Маклеодъ и упомянула разикъ о «бѣдномъ мистерѣ Греѣ», но далѣе этого разговоръ не пошелъ. Алиса выказала большое участіе къ недугамъ своей тетужки, и съ большимъ, противъ обыкновеннаго, вниманіемъ выслушивала длинный перечень всѣхъ грѣховныхъ дѣлъ, творившихся въ Чельтенгамѣ, избѣгая перечить религиознымъ воззрѣніямъ лэди Маклеодъ. За тѣмъ разговоръ перешелъ къ тетужкѣ Гринау, въ которой лэди Маклеодъ питала сильнѣйшее нерасположеніе, какъ и вообще ко всѣмъ родственникамъ Алисы съ отцовской стороны. Наконецъ Алиса выказалась почитать вслухъ, и прочитала тетужкѣ длинный рядъ страницъ, изъ ужасающей книги проклятій, одной изъ тѣхъ книгъ, которыя появляются отъ времени до времени въ печати, для того только, чтобы возвѣстить намъ, что всѣ мы обречены гееннѣ огненной. Лэди Маклеодъ любила, чтобы ей объ этомъ возвѣщали и, такъ какъ бѣдная старушка сама не могла читать при свѣчахъ, то она осталась очень довольна настоящимъ вечеромъ. На слѣдующій день не было помину о мистерѣ Греѣ, и Алиса начинала надѣяться, что постояннымъ чтеніемъ книги проклятій, ей удастся смягчить тетужкино сердце. Но, на пятый день, лэди Маклеодъ возобновила атаку.—Желаетъ ли Джонъ Греѣ, чтобы обязательство оставалось въ прежней своей силѣ?—таковъ былъ категорическій вопросъ, предложенный ею. Тщетно старалась Алиса обойти его; лэди Маклеодъ настаивала на своемъ правѣ ее допрашивать, и Алиса вынуждена была сознаться, что, на сколько ей извѣстно, онъ этого желаетъ.

По истеченіи десяти дней, десяти ужасныхъ дней, посвященныхъ назидательнымъ разговорамъ о бракѣ и чтенію книги проклятій, на имя самой лэди Маклеодъ пришло письмо отъ мистера Грея. Мистеръ Греѣ свидѣтельствовалъ свое почтеніе

лэди Мэклеодъ. Полагая, что почтенной лэди не безызвѣстна его помолвка съ миссъ Вавазоръ, онъ испрашивалъ ея разрѣшеніе посѣтить послѣднюю въ Чельтенгамѣ, и въ то же время выражалъ надежду, что лэди Мэклеодъ не откажетъ ему въ удовольствіи лично съ ней познакомиться. Лэди Мэклеодъ ни слова не сказала Алисѣ о полученномъ ею письмѣ, и когда послѣ завтрака почтенная старушка поплелась къ себѣ, Алисѣ и въ голову не пришло, что въ тишинѣ этой спальни, выходящей окнами на конюшню, она строчитъ отвѣтъ мистеру Грею, заключающій въ себѣ увѣреніе, что ему очень рады будутъ въ Парамоунтѣ Крементѣ.

Въ день ожидаемаго приѣзда мистера Грея, лэди Мэклеодъ въ видимомъ волненіи сидѣла за чайнымъ столомъ. Алиса сдѣлала ей нѣсколько незначущихъ вопросовъ, но ея смущеніе было такъ очевидно, что Алиса не могла не замѣтить его. Лэди Мэклеодъ откладывала объясненіе до окончанія завтрака. Когда горничная приняла чашки, и, поправивъ уголья въ каминѣ, удалилась, лэди Мэклеодъ приступила къ этому объясненію. Вынувъ письмо мистера Грея изъ бармана, и положивъ его на маленькій столикъ передъ собою, она заговорила:

— А я жду сегодня гостя, Алиса.

Алиса тотчасъ же угадала, кто былъ этотъ гость, но она мастерски сумѣла скрыть свою проникательность.

— Гостя, тетущка! проговорила она.

— Да, гостя. Мнѣ бы давно слѣдовало предупредить тебя, но мнѣ казалось... Я думала, что лучше не говорить объ этомъ заранѣе. Гость этотъ—мистеръ Грей.

— Вотъ какъ, тетущка! Это онъ къ вамъ приѣдетъ повидаться?

— Конечно, главная цѣль его—видѣться съ тобою, но, въ то же время, онъ изъявилъ желаніе познакомиться со мной, и желаніе это, при существующихъ обстоятельствахъ, весьма естественно. Понятно, Алиса, что онъ хочетъ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ твоими родственниками.

— Охъ, кабы мои родственники не мѣшались въ это дѣло! отвѣчала Алиса;—право было бы лучше.

— Я принесла съ собою его письмо, и ты можешь прочитать его, если хочешь. Оно очень мило написано, и что до

меня касается, мнѣ и въ голову не приходитъ отказать ему. Но, вотъ въ чемъ теперь затрудненіе: какъ мы его примемъ? Слѣдуетъ ли мнѣ пригласить его къ обѣду? Что касается до ночлега, то, полагаю, онъ и самъ пойметъ, что я не могу предложить его, такъ какъ я не живу своимъ хозяйствомъ.

— О, да, тетушка, будьте увѣрены, что онъ пойметъ это.

— Но пригласить ли мнѣ его къ обѣду? Мнѣ было бы весьма приятно угостить его хорошенько, хотя, какъ тебѣ извѣстно, средства мои очень не велики. Но я, право, не знаю, какъ это уладить; какъ-то вы встрѣтитесь съ нимъ?

— Будьте спокойны, тетушка; мы не подеремся.

— Это-то я знаю, но если ты не можешь быть дружественна въ обращеніи съ нимъ...

— За обращеніе свое не ручаюсь, тетушка; но могу васъ завѣрить въ одномъ: что въ душѣ я всегда буду дружественно къ нему относиться. Я всегда буду считать его лучшимъ своимъ другомъ, хотя, быть можетъ, пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ мнѣ позволено будетъ выказать ему это чувство.

— Все это, можетъ быть, и очень хорошо, Алиса, но ему, вѣроятно, не того хочется. Теперь, какъ я пораздумала, мнѣ начинаетъ казаться, что лучше ужъ не приглашать его къ обѣду.

— Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, такъ будетъ лучше, тетушка.

— За обѣдомъ всего неприятнѣе натянутыя отношенія между присутствующими; къ тому же и слуги могутъ замѣтить. Нѣтъ, не идетъ его приглашать къ обѣду.

— Мнѣ и самой такъ кажется, замѣтила Алиса, спѣшившая окончить этотъ разговоръ.

— Только бы онъ не приписалъ это недостатку радушія съ моей стороны. Я бы всей душою рада была принять его какъ можно лучше, потому что, Алиса, я все-таки смотрю на него, какъ на твоего нареченнаго мужа. А когда въ Чельтенгамъ прїѣзжаетъ кто нибудь изъ моихъ родственниковъ, я всегда приглашаю его къ обѣду и нарочно нанимаю по этому случаю сосѣдскаго лакея.

— Никто, такъ мало не обращаетъ вниманія на эти пустыя приличія, какъ мистеръ Грей.

— Тѣмъ болѣе причинъ для меня обращать на нихъ вниманіе. Но, мнѣ кажется, будетъ удобнѣе пригласить его вечеромъ.

— Гораздо удобнѣе, тетушка.

— Онъ долженъ пріѣхать передъ обѣдомъ. Полагаю, что онъ захочетъ видѣться съ тобою наединѣ, а потому я уйду къ себѣ въ комнату. Но, если ты желаешь, я приму его первая и приплю скажу тебѣ съ горничной, чтобы ты сошла внизъ.

Какъ ни тягостенъ былъ этотъ разговоръ для Алисы, все же по окончаніи его она въ душѣ поблагодарила тетку. Во всѣхъ распоряженіяхъ леди Мэклеодъ видѣлось желаніе сдѣлать свиданіе съ мистеромъ Греемъ, по возможности, менѣе тягостнымъ для Алисы, и дѣйствительно, окончательное рѣшеніе, ея сіятельствомъ, вопроса объ обѣдѣ и о приѣмѣ гостя было самое удовлетворительное.

Въ три часа доложили о пріѣздѣ мистера Грея, и леди Мэклеодъ приняла его одна въ своей гостиной. Она приготовилась надавать ему кучу добрыхъ совѣтовъ, вдохнуть въ него, такъ сказать, мужество. Но въ мистерѣ Греѣ она нашла человѣка, которому ей нечего было совѣтовать. Во все время этого совѣщанія говорилъ онъ, а она только слушала. Съ перваго же взгляда онъ внушилъ ей какое-то благоговѣніе. И странное дѣло! послѣ этого перваго свиданія леди Мэклеодъ возымѣла о немъ болѣе высокое мнѣніе, чѣмъ когда либо, но въ то же время она меньше прежняго удивлялась, что Алиса могла отказать ему. Совѣщаніе было непродолжительное; черезъ четверть часа послѣ его пріѣзда горничная вошла въ комнату Алисы и позвала ее въ гостиную.

Мистеръ Грей встрѣтилъ Алису посреди комнаты; той величественности, которая такъ смирила леди Мэклеодъ, не было теперь на лицѣ его и слѣда. Онъ улыбнулся ей такою ласковою улыбкою, какъ будто она пришла сказать ему, что готова назначить день ихъ свадьбы.

«Однако, онъ, какъ видно, не очень-то огорченъ», подумала она про себя.

— Вы не сердитесь на меня, что я осмѣлился послѣдовать за вами даже сюда? заговорилъ онъ.

— Конечно, не сердусь, мистеръ Грей. — Если кто изъ насъ вправѣ сердиться, то ужь, конечно, вы, а не я.

— Въ такомъ случаѣ о гнѣвѣ между нами не будетъ и мину. Какъ бы вы ни поступили, я не стану сердиться. Я прїѣхалъ сюда по совѣту вашего отца.

— Такъ вы съ нимъ видѣлись?

— Да, я видѣлся съ нимъ. Я прїѣхалъ въ Лондонъ въ день вашего отъѣзда.

— Какъ мнѣ тяжело думать, что я была для васъ причиною столькихъ безпокойствъ.

— Вы причините мнѣ несравненно большее безпокойство, если... Но не за тѣмъ я прїѣхалъ сюда, чтобы говорить вамъ объ этомъ. Кажется, по общепринятому правилу, мнѣ бы и вовсе не слѣдовало прїѣзжать къ вамъ; но я не слишкомъ-то придерживаюсь этихъ общепринятыхъ правилъ.

— Нарушила-го всѣ правила я.

— Когда дѣвушка объявляетъ мужчине, что не желаетъ болѣе его видѣть...

— О, мистеръ Грей! Я этого вамъ не говорила.

— Не говорили? Мнѣ утѣнительно слышать отъ васъ это увѣреніе. Но вы поймете, что я хотѣла сказать. Когда женщина отказываетъ мужчине, обязанность мужчины не навязываться болѣе. Но я не могу такъ легко перестать любить, а любя, я не могу не стараться взять съ бою свое счастье. Мнѣ кажется, что я, по крайней мѣрѣ, имѣю право знать, какъ вамъ живетъ пока... пока вы, Алиса, не переѣхали свое имя на другое, не мое.

— Я намѣрена сохранить свое собственное, проговоривъ она тихо, почти шепотомъ.

— И вы мнѣ не откажете въ этомъ правѣ?

— Я не могу помѣшать вамъ. Какъ бы вы ни поступали, сама я такъ много виновата передъ вами, что не могу обвинять васъ.

— Между нами не можетъ быть и рѣчи о виновности. Пускай въ нашихъ разговорахъ и въ нашей перепискѣ...

— О, мистеръ Грей! Не требуйте, чтобы я вамъ писала!

— Выслушайте меня. Если только наша переписка не пре-

принялся, жусай въ ней не будетъ и поминку о минувшыхъ или настоящихъ обидахъ.

— Но я нанесла вамъ обиду, великую обиду.

— Полноте, Алиса; я не хочу и слышать объ этомъ. Когда я просилъ вашей руки, я зналъ, что прощу драгоценнѣйшаго дара, какой только могъ достаться смертному, и умѣлъ высоко цѣнить ваше обѣщаніе отдать мнѣ ее. Теперь, когда вы берете свое обѣщаніе назадъ, я знаю, что вы все та же, какъ и прежде, и по добротѣ своей болѣе заботитесь о моемъ счастьи, чѣмъ о своемъ собственномъ.

— О, да, мистеръ Грей, это правда, суцая правда!

— А зная это, какъ могу я считать себя обиженнымъ. Я могу думать, что вы судите ошибочно, подъ вліяніемъ обманчивыхъ впечатлѣній; это такъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ любить васъ по прежнему. Я думаю, что сумѣлъ бы васъ осчастливить, если бы вы были моей женой; но я положительно увѣренъ, что все мое счастье зависитъ отъ того, чтобы вы стали ею.

Она взглянула ему въ лицо; выраженіе его было спокойно въ своей мужественной красѣ. Когда ея двоюродный братъ находился подъ вліяніемъ сильнаго чувства, волненіе его тотчасъ же отражалось въ его глазахъ. Но мистеръ Грей говорилъ о счастьи цѣлою своей жизни, говорилъ, сознавая, что ему въ эту самую минуту грозитъ роковой ударъ, а между тѣмъ толось его ни разу не дрогнуло; лицо его оставалось такъ же безстрастно, какъ, если бы онъ приказывалъ своему садовнику переставить горшокъ съ розаномъ.

— Я надѣюсь, мистеръ Грей, и вѣрю, что вы найдете свое счастье въ другомъ.

— Ну, въ этомъ намъ съ вами никогда не согласиться, Алиса. Теперь мнѣ остается объяснить вамъ цѣль настоящаго моего прѣвода. Если бы я продолжалъ писать вамъ противъ вашего желанія, это походило бы на преслѣдованіе. Но если бы я остался пассивнымъ послѣ того, что вы мнѣ сказали, можно бы было подумать, что я принялъ ваше рѣшеніе за послѣднее слово. А этому не бывать. Я прѣехалъ просто за тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я по прежнему вашъ женихъ. Если вы позволите, я повидаюсь съ вами въ январѣ,

по приѣздѣ вашемъ въ Лондонъ. Думаю, что вы не откажете мнѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала она, — я не могу отказать вамъ въ свиданіи.

— Въ такомъ случаѣ я такъ и сдѣлаю, и не буду докучать вамъ ни письмами, ни присутствіемъ своимъ въ настоящую минуту. Передайте вашей тетускѣ, что я исполнилъ то, что было цѣлью моей поѣздки, и крѣпко поблагодарите ее отъ меня.

И, уходя, онъ пожалъ ей руку, но не тѣмъ пожатіемъ, какъ Джоржъ Вавазоръ. Когда лэди Мэглеодъ возвратилась въ гостиную, она узнала, что вопросъ о приглашеніи къ чаю уладился самъ собою.

ГЛАВА XVI.

ЗНАТНАЯ РОДНЯ АЛИСЫ ВАВАЗОРЪ.

Борго Фицджеральдъ былъ юноша, родившійся въ пурпурѣ англійской аристократіи. Половина всѣхъ герцоговъ королевства и цѣлыхъ три графини доводились ему сродни. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ увидѣлъ себя обладателемъ такого состоянія, которое совершенно избавляло его отъ необходимости жить своимъ трудомъ; и, хотя онъ съ тѣхъ поръ давнымъ давно успѣлъ промотать все что у него было, но никто еще не отваживался подступить къ нему съ такимъ забавнымъ предложеніемъ. Въ настоящую минуту ему было тридцать лѣтъ отъ роду и всѣ знали, что въ послѣдніе годы онъ жилъ, перебываясь съ копѣйки на копѣйку, и даже хуже того. Но это не мѣшало ему вращаться въ тѣхъ же кругахъ, пить и ѣсть сладко, развѣзжать на собственныхъ лошадяхъ, держать лакея и грума. Одни приписывали это щедротамъ герцоговъ, другіе говорили, что платятъ за него графини; между тѣмъ какъ третьи были того мнѣнія, что самые щедрые милостивцы у него жиды. Какъ бы то ни было, онъ и не думалъ измѣнять свой прежній образъ жизни, отважно долгалъ тор-

говнамъ и пренебрегалъ всѣми правилами, регулирующими жизнь другихъ людей.

Года за полтора до того времени, къ которому относится нашъ рассказъ, на долю этого молодого человѣка чуть было не выпала выгодная операція и онъ едва не сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ цѣлой Англіи. Существовала въ то время богатая невѣста, въ рукахъ которой сосредоточились наслѣдства нѣсколькихъ древнихъ родовъ. Эти-то богатства едва не достались Борго вмѣстѣ съ рукою лэди Гленкору Мэкельюски, сердцемъ которой, если вѣрить молвъ, онъ успѣлъ завладѣть. Но нашлись вельможныя головы, которыя ужаснулись готовившагося событія и, раскинувъ собща умоу-разумомъ, такъ обработали дѣло, что лэди Гленкора образумилась. Гордо покачивалась ея величавая головка и тревожно билось молодое, страстное сердце, пока они держали свои рѣчи; но въ концѣ концовъ она все же выслушала ихъ и образумилась. Въ послѣдній разъ увидѣлась она съ Борго и объявила ему, что помолвлена за Плантагенета Паллизера, племянника и наслѣдника герцога Омнума.

Фицджеральдъ перенесъ свою неудачу, какъ и подобаетъ мужчинѣ; никто не слыхалъ отъ него жалобъ, никто не видалъ, чтобы онъ измѣнился въ лицѣ при имени лэди Гленкору. Она вышла за мужъ за мистера Паллизера и въ день ея свадьбы онъ безпечно стоялъ у двери своего клуба, слушая свадебный трезвонъ и съ неподражаемымъ хладнокровіемъ сдѣлалъ нѣсколько правдныхъ замѣчаній по поводу совершавшагося событія. У него изъ подъ рукъ выскользнула блестящая партія. Къ тому же, полно объ однихъ ли деньгахъ жалѣлъ онъ въ эту минуту? Была у него замужня сестра, въ домѣ которой онъ познакомился съ лэди Гленкорою; ей-то онъ высказался однажды:—Теперь уже конечно, я никогда больше не женюсь,—и пошелъ жить своею прежнею, безпутною жизнью. То былъ одинъ изъ тѣхъ безбородыхъ юношей, съ темными кудрями и голубыми глазами, краше которыхъ земля не родитъ людей. Прекрасенъ былъ Борго Фицджеральдъ и, каковы бы ни были его недостатки, онъ имѣлъ покрайней мѣрѣ то достоинство, что не чванился своею красотою. Но человѣкъ онъ былъ при-выкшій къ разнузданной, безцѣльной жизни, не подозревав-

пій и существованія другихъ интересовъ, кромѣ удовольствія сладко поѣсть и сладко попить.

Личность эта преимущественно важна для насъ потому, что та самая лэди Гленнора, которая любила его и, вышла бы за него за мужъ, если бы въ дѣло не вѣивались многоумныя головы, приходилась Алисѣ Вававуръ двоюродною сестрою. Она принадлежала къ той знати, съ которой Алиса по матери состояла въ родствѣ, но отъ которой она постоянно держалась на отдалѣ, предпочитая оставаться въ тѣмъ кругѣ, къ которому принадлежалъ ея отецъ. Впрочемъ съ лэди Гленнорою она одно время стояла на короткой, почти дружественной ногѣ. Случилось это въ то время, когда вѣтреная наследница съ облокурными, развѣвающимися лудрами сильно помышляла о томъ, чтобы отдать себя и свои богатства въ распоряженіе Борго Фицджеральда. Въ прежнія времена Борго имѣлъ денежные дѣла съ Джоржемъ Вававоромъ, зналъ его коротко, очень коротко и узналъ такимъ образомъ о родствѣ, существовавшемъ между кузиною его пріятеля и лэди Гленнорою. Въ эти-то тяжелые дни гоненій, воздвигнутыхъ многоумными головами на любящую чету, лэди Гленнора навѣстила свою кузину и рассказала ей свою повѣсть. Вслѣдъ за тѣмъ Алисѣ былъ предложенъ вопросъ: боится ли она хоть смельке никому графинь и маркизь со всей ихъ знатностью и богатствомъ? — Алиса отвѣчала, что нисколько ихъ не боится. — Въ какомъ случаѣ, позволить ли Алиса лэди Гленнорѣ назначить Борго свиданье въ ея гостиной, одно только свиданье, во время котораго они могли бы сговориться о побѣгѣ? — Но этого одоженья Алиса не могла оказать своей новооткрытой кузинѣ. Она объяснила ей, что удерживаетъ ее не опасеніе прогнѣвать многоумныхъ вельможъ, но собственное сознаніе, женственное чувство приличія въ подобныхъ дѣлахъ.

— Почему бы мнѣ не выйти за него за мужъ? проговорила лэди Гленнора со сверкающими глазами. Видъ онъ мнѣ равный.

Алиса объявила, что ничего не имѣетъ противъ этого брака. Она увѣщавала кузину не извѣщать своей любви, если только любовь ея сама по себѣ была искренна. Но она выставила ей на видъ, что она, Алиса, будучи сама еще дѣвужкой не мо-

жетъ оказать едва знакомой кузинѣ ту услугу, которой та отъ нея требовала.

— Если вы мнѣ не поможете, то я пропала! воскликнула леди Гленгора, и, опустившись на полъ, у ногъ Алисы, припала кудрявой головкой къ колѣнямъ кузины. Скажите, чѣмъ мнѣ васъ подкупить? продолжала она. Слушайте: послѣ него я буду любить васъ больше всѣхъ на свѣтѣ. — Алиса поцѣловала эту красивую головку и созналась, что это дѣйствительно было бы для нея высокою наградою; но въ то же время объявила, что ничѣмъ не дастъ подкупить себя въ подобномъ дѣлѣ. Тогда леди Гленгора обидѣлась, назвала ее безжалостной и напонила ей, что и сама она можетъ извѣдать горе и нуждаться въ утѣшенъи. Алиса умолчала про свою собственную повѣсть, про то, какъ она любила своего двоюроднаго брата и принуждена была разстаться съ нимъ; но съ помощью ласковыхъ увѣщаній ей удалось успокоить голубоокою, кудрявую красавицу. Она продолжала ѣздить къ ней ежедневно во все время, пока многоумныя головы строили свои козни, и въ эту горестную пору ея жизни Алиса была ея утѣшительницей.

Но многоумныя головы, какъ мы уже знаемъ, одержали побѣду, и леди Гленгора Мэжельюски превратилась съ соблюденіемъ всевозможныхъ формальностей, въ леди Гленкору Палливеръ, вмѣсто того, чтобы помимо всякихъ формальностей сдѣлаться женою бѣднаго Борго. При этомъ она написала Алисѣ коротенькую записку, въ которой проглядывалъ отъѣнокъ грусти. Въ этомъ письмѣ говорилось, что она уступила совѣтамъ людей, находившихъ, что ей не слѣдуетъ любить, такъ какъ она думала любить, и распростилась съ евою мечтою. Выражалась увѣренность, что кузина Алиса сохранитъ ея тайну. Далѣе говорилось, что она готовится сдѣлаться женою прекраснѣшаго въ цѣломъ мѣрѣ человѣка, счастье котораго будетъ для нея единственною задачею всей ея жизни. О любви въ этому новому властелину не говорилось ни слова. Свадьба должна была состояться немедленно. Письмо заключалось приглашеніемъ Алисѣ принять къ рою подругъ, которыя будутъ провожать невѣсту подъ вѣнецъ.

Алиса отъ души пожелала ей всякаго благополучія, по крайней мѣрѣ, такъ выразилась она въ своемъ отвѣтѣ, но отъ че-

сти провожать ее подъ вѣнецъ отказалась. Она не желала подвергаться осматриванію съ головы до ногъ со стороны всѣхъ лэди Джулій и лэди Дженъ, знакомыхъ и перезнакомыхъ между собою, но совершенно чужихъ для нея. И такъ, она послала кузинѣ небольшое колечко, прося ее сохранить его въ числѣ богатыхъ свадебныхъ подарковъ, обильная дань которыхъ со всѣхъ сторонъ должна была сноситься къ ея ногамъ.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени Алиса совершенно потеряла изъ виду лэди Гленкору. Тотчасъ же послѣ свадьбы новобрачные уѣхали справлять медовый мѣсяцъ на берега одного изъ очаровательныхъ озеръ Италиі. Въ Англію они возвратились не ранѣе рождества, которое отпировали на славу въ великолѣпномъ замкѣ герцога, дяди мистера Паллизера. Пиршества продолжались вплоть до того времени, когда мистеру Паллизеру насталъ срокъ явиться къ своему посту въ парламентъ. Прошелъ и лондонскій сезонъ, а Алиса по прежнему не получала никакихъ извѣстій о своей кузинѣ. Впрочемъ, обстоятельство это мало ее заботило. Случай свелъ ее на время съ этимъ милымъ ребенкомъ, но она чувствовала, что короткость эта между ними не можетъ быть продолжительна. Думая о новобрачной, она не могла не припоминать того бурнаго любовнаго эпизода, которымъ ознаменовалось ея дѣвичество. Ей казалось страннымъ, что подруга ея на одной и той же недѣлѣ могла изливаться передъ нею въ выраженіяхъ самой страстной любви къ одному человѣку и, вслѣдъ за тѣмъ, объявить ей, что она невѣста другого. Многое, впрочемъ, напоминало ей въ этомъ ея собственную повѣсть, съ тою только разницею, что у нея промежутокъ времени былъ больше.

Въ одно прекрасное утро, дня три спустя послѣ посѣщенія мистера Грея, Алиса получила два письма, почеркъ которыхъ былъ ей совершенно незнакомъ. Лэди Мэклеодъ успѣла предупредить ее, не безъ нѣкотораго замѣшательства, потому что лэди Мэклеодъ таки побаивалась племянницы, что знатные родственники ея, извѣстившись о поступкѣ ея съ мистеромъ Греемъ, высказали по этому поводу свое крайнее прискорбіе и даже почти гнѣвъ. Предупредивъ ее объ этомъ, лэди Мэклеодъ была ровно на столько откровенна, на сколько у нея хватало духу; но она могла бы сказать еще болѣе, не по-

грѣшая противъ истины. Дѣло въ томъ, что лэди Мидлотіанъ прямо выразилась, что подобный поступокъ позоритъ всю семью, а маркиза Ольдъ-Рика попросила, чтобы ей на милость сказали, чего хочетъ эта дѣвчонка?

Оба письма пришли въ то время, когда лэди Мэклеодъ не было въ комнатѣ, и я сильно подозреваю, что одно изъ нихъ было написано по ея наущенію. Но, если это дѣйствительно было такъ, то она успѣшила скрыться, чтобы не быть свидѣтельницей немедленнаго дѣйствія выстрѣла, направленнаго ея же рукою. Другое письмо, въ которомъ ужь конечно лэди Мэклеодъ была не повинна, было отъ лэди Гленгоры. Мы доставимъ читателю возможность заглянуть въ оба эти посланія; но начнемъ съ письма графини:

«Кэстль-Рики. Окт. 186..

Любезная миссъ Вавазоръ!

Я не имѣю удовольствія знать васъ лично, хотя и много слышалась о васъ отъ нашей общей доброй знакомой и родственницы, лэди Мэклеодъ, у которой вы, какъ я слышала, гостите въ настоящую минуту. Ваша бабушка, со стороны вашей матери, лэди Флора Мэклеодъ и мать моя, графиня Лейтъ, были сводными сестрами; и хотя нѣкоторые обстоятельства, случившіяся съ тѣхъ поръ, не позволяли намъ съ вами видѣться такъ часто, какъ было бы желательно, но я не забывала связывающія насъ кровныя узы и не переставала питать къ вамъ родственное участіе».

(Съ тѣхъ поръ! Съ какихъ же это поръ? подумала Алиса.— Она ни разу меня въ глаза не видала; что же она толкуетъ о томъ, что мы не видались такъ часто, какъ было бы желательно?)

«Мнѣ было весьма пріятно узнать, что вы помолвлены за достойнѣйшаго джентльмена, мистера Грея изъ Недеркотса въ Кэмбриджшейрѣ. Когда я впервые услышала объ этомъ, я сочла своимъ долгомъ навести кое-какія справки, и душевно порадовалась, когда оказалось, что выборъ вашъ дѣлаетъ вамъ честь. (Если читатель понялъ характеръ Алисы такъ, какъ я старался изобразить его, онъ легко догадается, какъ ее взорвало при этихъ словахъ.) Я узнала, что мистеръ Грей, джентль-

мень въ полномъ смыслѣ слова, ведетъ безукоризненный образъ жизни, обладаетъ весьма достаточными средствами, словомъ, соединяетъ въ себѣ всѣ условія, обеспечивающія семейное счастье той женщины, которая будетъ его женою. Все это было источникомъ живѣйшаго удовольствія какъ для меня, такъ и для маркизы Ольдъ-Рики, состоящей съ вами почти въ такомъ же близкомъ родствѣ, какъ и я, и принимающей, могу васъ увѣрить, самое теплое участіе въ вашемъ благополучіи. Въ настоящую минуту я гощу въ ея замкѣ, и во всемъ, что я говорю, она вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе.

«Вы поймете послѣ этого, какимъ ужаснымъ ударомъ было для насъ узнать черезъ леди Мэклеодъ, что вы объявили мистеру Грею о перемѣнѣ вашего намѣренія. Милая миссъ Вавазоръ! неужели это правда? Есть вещи, въ которыхъ молодая дѣвушка, разъ уже рѣшившись, не имѣетъ права измѣнить свое намѣреніе; и безъ сомнѣнія, къ числу такихъ вещей принадлежитъ слово, данное ею мужчиной. По закону, онъ не можетъ принудить васъ сдѣлаться его женою, но онъ имѣетъ на васъ безспорное право передъ Богомъ и передъ людьми. Подумали ли вы, что онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, меблировалъ свой домъ по случаю предстоявшей ему женитьбы и въ угоденіе, быть можетъ, вашимъ же собственнымъ желаніямъ? (Подозрѣваю, что леди Мэклеодъ проговорилась графинѣ о работахъ, производившихся въ саду.) Приняли ли вы въ соображеніе то обстоятельство, что онъ, какъ водится, извѣстилъ о своей женитьбѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ? Можете ли вы, по крайней мѣрѣ, привести какія нибудь причины въ оправданіе своего отказа? Я думаю, что нѣтъ. А между тѣмъ ни на что не слѣдуетъ рѣшаться безъ основательныхъ причинъ, а тѣмъ болѣе на такой шагъ, отъ котораго зависятъ ваше счастье и даже, можно сказать, репутація. Надѣюсь, что вы пораздумаете обо всемъ этомъ прежде, чѣмъ пойдете далѣе по этому пути, на которомъ губите свое счастье и счастье другаго, быть можетъ весьма достойнаго человѣка.

До меня дошли слухи, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда вы были еще много моложе, вы имѣли неосторожность привязаться къ человѣку, не обладающему ни однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ свойствъ, которые говорятъ въ пользу мистера

Греш. Какъ и мнѣ, такъ и маркизъ, вполнѣ раздѣляющей мой взглядъ на это дѣло, было бы весьма присвободно узнать, что причина вашего отказа мистеру Грею лежитъ въ возобновленіи той связи. Могу васъ увѣрить, милая миссъ Вавазоръ, что это было бы большее несчастье, чтобъ не выразиться еще сильнѣе.

Мнѣ намегнули, что нѣсколько словъ съ моей стороны, какъ представительницы родственниковъ вашей покойной матушки, были бы не лишни, тѣмъ болѣе, что, высказывая мои собственные чувства, въ настоящемъ случаѣ, я въ то же время высказываю и чувства леди Ольдъ-Рики. Итакъ, я умоляю васъ, дорогая миссъ Вавазоръ, не забывать ваши обязанности передъ Богомъ и передъ людьми, и сдержать слово, данное вами же самими. Партія эта, во всѣхъ отношеніяхъ приличная, и ея желаютъ всѣ ваши родственники и друзья. Согласившись на нее, вы всегда найдете искренняго друга

въ Маргаритѣ Мидлотіанъ .

Я того мнѣнія, что леди Мэклеодъ жестоко ошибалась, разсчитывая на дѣйствіе этого письма. Пора бы ей было лучше знать Алису; но собственное ея благоговѣніе передъ знатными родственниками было до того велико, что она все еще никакъ не могла понять отсутствіе того же чувства въ племянницѣ. Алиса прочитала письмо не торопясь, снова вложила его въ конвертъ и спокойно откинулась въ креслѣ, уставившись глазами на чайникъ, стоявшій передъ нею на столѣ. Но у нея еще было въ запасѣ другое письмо, которое нѣсколько развлекло ее и помѣшало предаваться слишкомъ сильному негодованію на графиню.

Письмо леди Гленгоры было слѣдующаго содержанія:

«Милая кузина!

Я только что возвратилась изъ Шотландіи, гдѣ до меня дошли слухи о вашихъ маленькихъ непріятностяхъ. Были и у меня когда-то маленькія непріятности, и вы были такъ добры до меня въ то время! Не пріѣдете ли вы къ намъ на недѣль-

ку, другую? Мы пробудемъ здѣсь до рождества. Я предупредила мужа, что мы съ вами не только кузины, но и большіе друзья, и что онъ долженъ встрѣтить васъ какъ можно радушнѣе. Человѣкъ онъ очень смиренный, весь ушелъ въ свою политику, но думаю, что онъ вамъ понравится. Такъ пріѣзжайте же, пожалуйста! Сюда ожидаютъ много гостей, такъ что вамъ скучно не будетъ. Назначьте только день и мы вышлемъ вамъ экипажъ на станцію желѣзной дороги, а можетъ быть, мнѣ и самой удастся выѣхать къ вамъ на встрѣчу.

Преданная вамъ

Гленкора Паллизеръ.

PS. Знаю напередъ, какое у васъ найдется возраженіе: вы спросите, отчего же не была она у меня въ Лондонѣ? Кажется, дорога въ улицу Королевы Анны была ей хорошо известна. Милая Алиса! не судите такъ. Увѣряю васъ, въ Лондонѣ у меня было столько дѣла, что голова у меня совсѣмъ закружилась. Но, хотя бы я и была виновата, простите меня великодушно. Мистеръ Паллизеръ поручаетъ мнѣ передать вамъ его привѣтъ, какъ кузинѣ, и повторить еще разъ, чтобы вы непременно пріѣзжали».

Письмо это, безспорно, было лучше перваго, но, прочитавъ его, Алиса пришла къ твердому рѣшенію не принимать приглашенія. Во-первыхъ, одинъ уже намекъ на ея маленькія неприятности показался ей оскорбительнымъ; во вторыхъ, она находила, что отказъ ея мистеру Грею вовсе еще не можетъ служить ей поводомъ ѣхать къ великолѣпной кузинѣ. Ужь не приглашали ли ее съ тѣмъ, чтобы лично свести ее съ лэди Мидлотіанъ и поставить ее въ упоръ передъ цѣлой батареей нападокъ графини?

Часовъ около одиннадцати въ комнату вошла лэди Мэклеодъ. Съ полчаса Алиса хранила молчаніе, и лэди Мэклеодъ, съ своей стороны только поглядывала вопросительно то на Алису, то на письмо, лежавшее возлѣ рабочаго ящика племянницы. Наконецъ Алиса первая заговорила.

— Тетушка, начала она, я получила сегодня письмо отъ вашей пріятельницы, лэди Мидлотіанъ.

— Она моя родственница, Алиса, и твоя тоже.

— Ну, отъ вашей родственницы что ли. Но значительнѣе то обстоятельство, что она ваша пріятельница, ваша, а ужъ конечно, не моя. Что же касается до ея родства со мною, то оно не даетъ ей ни малѣйшаго права мѣшаться въ мои дѣла.

— Помилуй, Алиса, такая знатная особа...

— До знатности ея, тетушка, мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Я не намѣрена преклоняться передъ нею. Вотъ ея письмо, можете прочесть его, если желаете, а потомъ я его сожгу. Отвѣчать ей, само собою разумѣется, я не стану.

— Но что же мнѣ сказать ей, Алиса?

— Отъ меня, тетушка, ничего; отъ себя — все, что вамъ угодно.

Снова прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Еще получила я другое письмо отъ лэди Гленкору, что вышла замужъ за мистера Паллизера. Я познакомилась съ ней въ Лондонѣ прошлую весною.

— Что жъ? И это письмо показалось тебѣ оскорбительнымъ?

— Нѣтъ, въ немъ не было ничего оскорбительнаго. Она зоветъ меня въ замокъ своего мужа, Мэтчинъ-Прејори, только я не поѣду.

Но Алиса передумала и поѣхала; вотъ какъ это случилось. Она написала лэди Гленкорѣ и откровенно объяснила, что не можетъ принять ея приглашеніе потому, что можетъ встрѣтиться у нея въ домѣ съ лэди Мидлотіанъ, а лэди Мидлотіанъ позволила себѣ непрошенное вмѣшательство въ ея дѣла, и она не желаетъ съ нею знакомиться. На это съ первой же почтой пришелъ отвѣтъ лэди Гленкору, въ которомъ она говорила, что у нея и въ мысляхъ не было такого предательскаго поступка въ отношеніи Алисы; что въ Мэтчинъ-Прејори не будетъ ни лэди Мидлотіанъ, ни кого другаго изъ ея клики, и что въ такой-то день сама лэди Гленкора выѣдетъ на встрѣчу къ Алисѣ на станцію желѣзной дороги. Продумавъ два дня по полученіи этого письма, Алиса рѣшилась и приняла приглашеніе.

ГЛАВА XVII.

Дань изъ Ойленшюда.

Когда Кэть Вавазоръ писала Алисѣ о своемъ намѣреніи пробыть съ тетушкой Гринау долѣе условленнаго срока, ей не совсѣмъ ловко было оправдать свой поступокъ послѣ тѣхъ насмѣшекъ, которыми она еще такъ недавно осыпала вдовицу. Но видно мистрисъ Гринау, при всей своей суетности и пустотѣ, обладала еще другими качествами, которыя Кэть проглядѣла въ ней при первомъ знакомствѣ. Она была умна, щедра и обходительна. Упраздивъ Кэть остаться съ нею она увѣла такъ поставить вопросъ, какъ будто Кэть сдѣлаетъ ей одолженіе.—*Какая мнѣ радость, что у меня есть деньги,* проговорила она съ небывалымъ дотошъ отѣнкомъ искренняго чувства.—*Другаго-то у меня ничего нѣтъ.* Я бездомная скиталица. Почему бы мнѣ и не остаться въ Норфолькѣ, гдѣ у меня нѣсколько человекъ добрыхъ знакомыхъ? Впрочемъ, если ты предпочитаешь другое мѣсто, я готова и туда ѣхать. Кэть не совсѣмъ вѣрила въ искренность этого послѣдняго увѣренія, и сильно подозрѣвала свою тетушку въ желаніи присосѣдиться къ своимъ приморскимъ обомателамъ. Но, какъ бы то ни было, она согласилась, и онѣ поселились въ уютной квартирѣ въ Норвичѣ.

По смерти мистера Гринау прошло теперь уже полгода, но вдова его дѣлала видъ, что перепутала числа и отодвигала все печальное событіе нѣсколько далѣе.—*Какъ подумаю,* проговорила она въ день ихъ переѣзда въ Норвичъ, *вспинивая надъ чемоданами миньятюръ супруга, какъ подумаю, что всего еще девять мѣсяцевъ тому назадъ онъ былъ со мною!*

— Вы хотите сказать только шесть мѣсяцевъ, *вступила, но обдуманно вѣспалась Кэть.*

— Только девять мѣсяцевъ, *повторила мистрисъ Гринау, дѣлая видъ, что не слышала замѣчанія племянницы.*

Съ этихъ поръ Кэть зареелась поправлять тетушкины ошибки въ этомъ родѣ.

Она обѣщалась прогостить у тетки еще мѣсяцъ, а мистрисъ Гринау съ своей стороны поклялась, что до истеченія этого мѣсяца мистеръ Чизсакеръ сдѣлаетъ формальное предложеніе Кэтъ. Тщетно протестовала Кэтъ противъ навязываемаго ей поклонника и грозпла подать ему карету.

— Толкуй себѣ, милал, отвѣчала ей обмолновенно тетушка Гринау. Рано или поздно, падо же дѣвушка пристроиться; ты и сама это знаешь. А въ Ойлимидѣ ты будешь поживать себѣ барыней.

Мистеръ Чизсакеръ безспорно выказывалъ большую внимательность. Онъ хлопоталъ о наймѣ квартиры, прислалъ изъ Ойлимида сливокъ и куръ, и на другой же день по приѣздѣ дамъ поспѣшилъ явиться къ нимъ съ визитомъ. Но все это вниманіе преимущественно относилось не къ племянницѣ, а къ тетушкѣ. — По миѣ, мистеръ Чизсакеръ куда лучше капитана, миссъ, высказалась однажды Жанета. Тотъ, пожалуй, изъ себя и покрасивѣе будетъ, да что толку въ красотѣ, коли въ карманѣ ничего нѣтъ? Терпѣть не могу эту голь, да и барыня тоже. Изъ этого явствуетъ, что Жанета не относилась мистера Чизсакера къ свитѣ поклонниковъ миссъ Вавазоръ.

Капитанъ Бельфильдъ тоже обрѣтался въ Норвичѣ, куда онъ былъ назначенъ обучать волонтеровъ. Должно полагать, что онъ обладалъ таки кое-какими свѣденіями по этой части и, повраженію его друга, мистера Чизсакера, ему предстояло хоть разъ въ жизни заработать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ. Капитанъ и мистеръ Чизсакеръ успѣли покончить всѣ распри, какія у нихъ были въ Ярмутѣ, и снова сдѣлались тѣснѣйшими союзниками. По всѣмъ вѣроятіямъ между ними состоялась извѣстнаго рода сдѣлка, потому что капитанъ, благодаря щедрости своего друга, былъ снова при деньгахъ, и о старыхъ счетахъ не было и помину. Сверхъ того, мистеръ Чизсакеръ обѣщался, что, въ случаѣ если дѣла пойдутъ хорошо, въ Ойлимидѣ за всю зиму не будетъ недостатка въ гостепріимствѣ. На это капитанъ Бельфильдъ кивнулъ головою и объявилъ, чтобы мистеръ Чизсакеръ не беспокоился; все пойдетъ хорошо.

— Думаю, что вамъ не часто придется видѣться съ капитаномъ Бельфильдомъ, обратится мистеръ Чизсакеръ къ мис-

трись Гринау, явившись къ ней съ визитомъ на другое утро, послѣ ея водворенія въ Норвичѣ. Онъ предпринялъ эту дальнюю поѣздку въ городъ съ нарочною цѣлью освѣдомиться о ея здоровьи, да кстати понавѣдаться и на рынокъ.

— Должно полагать, что не часто, отвѣчала вдова. Онъ говорилъ мнѣ, что долженъ быть на службѣ отъ десяти до двѣнадцати часовъ въ сутки. Бѣдняжка!

— Для него это чертовски выгодная должность, и онъ еще долженъ сказать мнѣ спасибо, потому что безъ меня ему бы ея не видѣть. Но онъ просилъ меня передать вамъ, чтобы вы не сердились, если онъ не тотчасъ же явится къ вамъ съ визитомъ.

— О, нѣтъ, конечно я не буду сердиться, зная въ чемъ дѣло.

— Дѣло въ томъ, видите ли, что не поработай онъ теперь, плохо ему будетъ. У него нѣтъ ни одного шиллинга за душой?

— Неужто?

— Таки ни одного шиллинга, мистрисъ Гринау; и въ добавокъ онъ въ долгу, какъ въ шелку. Малый-то онъ, если хотите, и хорошій, только одна бѣда, что ему ни въ чемъ довѣрять нельзя. — И послѣ нѣсколькихъ распросовъ, въ которыхъ выражалась почти нѣжная заботливость, мистеръ Чизсакеръ распростился, чуть было совсѣмъ не позабывъ освѣдниться о миссъ Вавазоръ.

Но передъ уходомъ изъ дому онъ перекинулся двумя тремя словами съ Жанетою.

— Скажи-ка, Жанни, былъ онъ у васъ?

— И глазъ не показывалъ, сэръ, съ той поры, какъ мы здѣсь. Мнѣ даже это немножко странно показалось.

Мистеръ Чизсакеръ сунулъ горничной полкроны и удалился. Жанета, должно полагать, забыла, что, не далѣе какъ наканунѣ вечеромъ, капитанъ Бельфильдъ урвался отъ своихъ служебныхъ обязанностей, чтобы заѣхать къ мистрисъ Гринау.

Десяти-двѣнадцати часовые труды капитана, по видимому, не постоянно отнимали у него одни и тѣ же часы, потому что во всякое время дня его можно было встрѣтить слоняющимся по городу; особенно же часто видали его въ окрестностяхъ вдовушкиной квартиры. Въ Норвичѣ бываетъ два базарныхъ

дня въ недѣлю, и должно полагать, что самый разгаръ его служебныхъ занятій какъ разъ совпадалъ съ этими днями, потому что тогда его и видомъ не видать было возлѣ квартиры мистрисъ Гринау. А такъ какъ мистеръ Чизсакеръ прїѣзжалъ въ городъ только къ базарнымъ днямъ, то имъ и не приходилось встрѣчаться. Въ каждый прїѣздъ свой мистеръ Чизсакеръ подъѣзжалъ къ дому мистрисъ Гринау и оставлялъ у входа корзину, наполненную роскошными гостинцами съ его скотнаго двора. Тщетно протестовала мистрисъ Гринау противъ этихъ даровъ, тщетно грозилась, что будетъ отсылать ихъ обратно. Дары продолжали являться, и мистрисъ Гринау становилась въ тупикъ, какъ ей съ ними поступать. Самъ мистеръ Чизсакеръ не заходилъ въ домъ; онъ обыкновенно завозилъ корзину и отправлялся далѣе по своимъ дѣламъ; и только покончивъ ихъ, возвращался провѣдать нашихъ дамъ. Уѣзжая домой, онъ никогда не забывалъ спросить свою корзину у Жанеты и, пользуясь этимъ случаемъ, вступалъ съ нею въ тайные переговоры, и наводилъ справки о капитанѣ.

— Ну, что мнѣ дѣлать съ этимъ? воскликнула мистрисъ Гринау, когда Кэтъ, войдя однимъ прекраснымъ утромъ въ гостиную, снова нашла на столѣ небольшую корзину, прикрытую чистою салфеткою. — Шутка ли? Жанета едва дотащила ее!

— Подлинно, что едва дотащила, сударыня; а ужъ у меня ли, кажется, нѣтъ силы въ рукахъ.

— Какъ же мнѣ быть, Кэтъ? Онъ такой добрякъ!

— И ужъ такъ съ ума сходить по васъ обѣихъ, вмѣшалась Жанета.

— Конечно, мнѣ не хотѣлось бы обижать его по многимъ причинамъ, продолжала тетушка, бросая на племянницу многозначительный взглядъ.

— Не знаю, какія у васъ могутъ быть причины, тетушка, но я на вашемъ мѣстѣ оставила бы корзину не тронутую до его возвращенія.

— Да отчего бы тебѣ самой не переговорить съ нимъ, Кэтъ, и не объяснить ему, что такъ не годится дѣлать? Ну, на

это разъ, такъ и быть, прими подарокъ, только возьми съ него слово, что это будетъ послѣдній.

— Этого, тетушка, я не могу сдѣлать; подарки эти не мнѣ возьматся.

— И тебѣ не стыдно, Кэтъ?

— Полноте, тетушка, что пустяки говорить? Хоть бы Жанеты посовѣстились.

— А мнѣ такъ кажется, сударыня, что онъ вамъ обѣимъ возить; право, такъ. А ужь правду сказать, такихъ сливокъ и яицъ въ цѣломъ Норвичѣ не купите за деньги.

— Что бы такое могло быть въ этой корзинкѣ? проговорила мистрисъ Гринау, приподнимая край салфетки. Какъ бы вы думали? Индѣйка!

— Вотъ тебѣ на! воскликнула Жанета, индѣйка! Да на рынкѣ вы ее дешевле десяти шиллинговъ и шести пенсовъ и въ жизнь не купите.

— Нѣтъ ужь, сдѣлайте одолженіе, увольте меня отъ объясненія съ нимъ по этому поводу, проговорила Кэтъ.

— Право не понимаю, почему бы не все равно было кому объясниться, тебѣ или мнѣ, замѣтила мистрисъ Гринау.

— А вотъ что, сударыня, сказала Жанета; я поспрошаю у него, кому онъ привезъ индѣйку; мнѣ-то онъ скажетъ.

— Пожалуйста, не дѣлай такихъ глупостей, Жанета, отвѣчала Кэтъ. Что тутъ спрашивать, тетушка. Конечно подарокъ предназначается вамъ. Кто же станетъ возить сливки и индѣекъ какойнибудь... Да это смысла не имѣеть.

— Не вижу почему бы и сливки, и индѣйка не предназначались для тебя. Да ужь коли хочешь знать, онъ самъ мнѣ разъ въ этомъ сознался.

— Въ такомъ случаѣ, я выставлю эту корзину на подъѣздѣ нашего дома, пускай его тамъ ее и найдетъ. И Кэтъ, взяла было корзину, чтобы унести ее.

— Не трогай ее Кэтъ, проговорила мистрисъ Гринау, съ нѣкоторою торжественностью и съ оттѣнкомъ грусти въ голосъ. Я сама переговорю съ мистеромъ Чизакеромъ.

— И надѣюсь, что вы при этомъ не упомянете моего имени. Удивляюсь, какъ можно было забрать себѣ въ голову та-

кую важность? Человѣкъ десяти словъ не сказалъ со мною во все время нашего знакомства.

— За то она много говорила со мною, отвѣчала мистрисъ Гринау.

— Это-то я знаю, замѣтила Кэтъ.

— И доверила, душа моя, о тебѣ.

— Спросите, что ли, она ѣдитъ сюда съ такими большущими цѣтками въ петлицѣ? сказала Жанета.

— Ужъ конечно не спросите, подтвердила мистрисъ Гринау.

— Знаете ли, гусыня, манала Кэтъ, я думаю написала дѣдушкѣ, чтобы она ядала меня на днѣхъ домой.

— Что-о? воскликнула мистрисъ Гринау. Поднимать такую тревогу изъ-за мистера Чизсакера? Полно, Кэтъ, я не ожидала отъ тебя такой глупости.

На этотъ разъ рѣшено было, что мистрисъ Гринау сама переговоритъ съ мистеромъ Чизсакеромъ и постарается остановить порывы его щедрости. Въ четыре часа, обычный часъ его посѣщеній, мистрисъ Гринау одна засѣдала въ гостиной передъ столомъ, на которомъ были разставлены всѣ деревенскіе гостинцы, составлявшіе вмѣстѣ съ индѣйкой довольно порядочный грузъ.

— А я заѣхала къ вамъ узнать, какъ вы поживаете, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, входя въ комнату.

— Какъ видите, мы не подвергаемся опасности умереть съ голоду, отвѣчала мистрисъ Гринау, указывая на разставленные передъ ней лакомые кусочки.

— Не забывайте на маломъ гостинцѣ, отвѣчалъ мистеръ Чизсакеръ. Моя старуха пристала, чтобы я непременно свезъ это вамъ.

— Но ваша старуха черезъ-чуръ уже роскошничаетъ, возразила мистрисъ Гринау. Она совсѣмъ переконфузила насъ съ Кэтъ.

Въ расчеты мистера Чизсакера вовсе не входило, чтобы имя Кэтъ упоминалось при настоящемъ разговорѣ. — Дорогая мистрисъ Гринау, просидѣвъ она перебитъ ее, право тутъ не изъ чего конфузиться. Помилуйте, все это такія бездѣлицы, самыя, такъ сказать, воздушныя гостинцы, и говорить-то о нихъ не стоитъ.

— За то они насъ съ Кэтъ заставляютъ очень и очень задумываться. Знаете ли, что у насъ съ нею сегодня былъ длинный споръ о томъ, слѣдуетъ ли отослать ихъ обратно въ Ойлимидъ?

— Отослать обратно, мистрисъ Гринау?

— Да. Какъ же иначе поступать женщинамъ въ подобномъ случаѣ? Когда джентльмены становятся черезъ-чуръ уже щедрь, ихъ надо немножко осадить.

— А вы находите, мистрисъ Гринау, что я черезъ-чуръ уже щедръ? Но, помилуйте, что за важность бакал набудь индюшка, когда человѣкъ готовъ отдать все, что онъ имѣеть?

— Ну, мистеръ Чизакеръ, у васъ слишкомъ много всякаго добра, чтобы имъ такъ легко поступиться. Но объ этомъ мы не станемъ говорить теперь.

— А когда же?

— Если вы дѣйствительно имѣете что сказать, то совѣтую вамъ обратиться къ самой Кэтъ.

— Мистрисъ Гринау, вы не такъ меня поняли, увѣряю васъ, что я не объ этомъ думалъ.

Но въ эту самую минуту мистрисъ Гринау услышала, какъ сдѣлала видъ, что услышала шаги Жанеты въ сосѣдней комнатѣ, и подойдя къ двери, кликнула горничную. Жанета не откликнулась на ея зовъ, но тутъ она повзвонила въ колокольчикъ и объявила вошедшей Жанетѣ: — убери эту провѣзю, Жанета; мистеръ Чизакеръ общался, что больше возить подарковъ не будетъ.

— Но я и не думалъ общаться, возразилъ мистеръ Чизакеръ.

— Я знаю, вы не захотите огорчить насъ съ Кэтъ. А теперь, Жанета, скажи миссъ Вавазоръ, что я готова идти съ ней гулять.

Мистеръ Чизакеръ понялъ, что на этотъ разъ ему не удастся довести свое объясненіе до конца. До отхода поѣзда, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать домой, оставалось уже немного времени, и онъ поспѣшилъ раскланяться. Изъ дома мистрисъ Гринау онъ вышелъ въ сопровожденіи прислуживающаго ему мальчика, который несъ за нимъ корзину, салфетку и жестяной молочникъ.

ГЛАВА XVIII.

ЧТО-ТО ВУДЕТЬ?

Слѣдующій день былъ воскресенье, и всѣ живущіе въ одномъ домѣ съ мистрисъ Гринау знали, что въ этотъ день нечего ожидать мистера Чизакера. Мистрисъ Гринау позаботилась довести до его свѣденія, что терпѣть не можетъ воскресныхъ посѣтителей; она боялась, чтобы онъ не вздумалъ слишкомъ ревностно посвящать ей этотъ досужій день. Утромъ тетушка съ племянницей были въ соборѣ, въ три часа онѣ пообедали. Къ обѣду была приглашена Чарли Ферстерсъ, все семейство которой переехало изъ Ярмутъ на мѣсто своего постоянного жительства въ Норвичъ. Чтобы молодой дѣвушкѣ не было скучно, добрыйша мистрисъ Гринау пригласила и капитана Бельфильда. Обѣдъ оказался превкуснымъ. Капитанъ рѣзалъ индѣйку, и при этомъ отъ души похваливалъ мистера Чизакера. Когда дѣло дошло до сельдерея, присланнаго тоже съ фермы, капитанъ отпустилъ нѣсколько ловкихъ шутокъ на счетъ этого благословеннаго Ойлимида, въ которомъ все находилось въ такомъ изобиліи.

— Въ жизнь свою я не встрѣчала болѣе щедрого человѣка, замѣтила мистрисъ Гринау.

— Это сущая правда, и я предлагаю выпить за его здоровье, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ. Бѣдняжка Чиза! Экая жалость, что онъ до сихъ поръ не обзавелся женою.

— Я не знаю человѣка болѣе способнаго составить счастье женщины, сказала мистрисъ Гринау.

— Еще бы, вмѣшалась миссъ Ферстерсъ. Мнѣ говорили, что у него тамъ, на фермѣ, все чудо какъ устроено.

— Особенно хорошъ у него сѣнной сарай и прудъ, гдѣ купаютъ лошадей, проговорилъ капитанъ Бельфильдъ, и вслѣдъ за тѣмъ они выпили за здоровье отсутствующаго пріятеля.

Въ началѣ было рѣшено, что дамы отправятся послѣ обѣда въ церковь, при чемъ принималось въ расчетъ, что, быть можетъ, и капитанъ Бельфильдъ вызовется ѣхать съ ними. Но когда пришло время ѣхать, Кэтъ и Чорли были уже готовы, а мистрисъ Гринау и не думала еще одѣваться: она осталась дома, — съ тою единственною цѣлью, какъ она объявила впоследствии племянницѣ, чтобы не сдѣлать виду, что она прощается капитана изъ дома. — А то представь себѣ, милая, продолжала она хохотить; если бы я не задержала его здѣсь, то ему, бѣдняжкѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ плестись въ отвратительныя казармы.

И такъ, капитану Бельфильду было дозволено пріютиться въ гостиной мистрисъ Гринау. Впрочемъ, когда молодые дѣвочки возвратились изъ церкви, его уже не было, и двѣ девушки сидѣла одна и мечтала, какъ она объявила имъ, о невозвратномъ прошломъ, — да! невозвратномъ. Но будетъ, я же хочу наводить васъ, мои милочки, на грустныя мысли.

За тѣмъ имъ подали чай, и сливки мистера Чизсавера были выпиты съ большимъ аппетитомъ.

Между тѣмъ капитанъ Бельфильдъ сумѣлъ воспользоваться случаемъ, такъ счастливо выпавшемъ на его долю. Въ первые четыре часа по уходѣ дѣвицъ онъ сидѣлъ почти молча, потягивая вино изъ стоявшаго передъ нимъ стакана, который онъ уже успѣлъ опорожнить два раза. — Боюсь, что вино вамъ не понравится, замѣтила мистрисъ Гринау; но если бы вы знали, какъ трудно достать хорошее вино въ этикъ меблированныя квартиры.

— Сказать вамъ правду, мистрисъ Гринау, я совсѣмъ обвину и не думалъ въ настоящую минуту, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ. А впрочемъ, вино, кажется, не дурное. За тѣмъ настала новая пауза.

— Скажите, началъ капитанъ, вамъ не скучно жить на меблированной квартирѣ?

— Не знаю, что вы, капитанъ Бельфильдъ, подразумеваете подъ словомъ скучно, но, само собою разумѣется, что женщины въ моемъ положеніи не слишкомъ-то весело живутся. Еще и году нѣтъ, какъ я потеряла все, чѣмъ жизнь была для

мнѣ дорота, и я почти съ удивленіемъ, какъ еще горе въ ко-
нацѣ не сложило меня.

— Отчаянье большой грѣхъ, мистрисъ Гринау.

— То не самое говорить мнѣ и милая моя Катъ, и я, пра-
во, стараюсь, на сколько хватаетъ моихъ силъ, не поддавать-
ся этому нувству.— Тутъ нѣсколько слезинокъ тѣло святились
по щекамъ мистрисъ Гринау, при чемъ можно было убѣ-
диться по крайней мѣрѣ въ неискренности тѣло съни-
лѣннаго цвѣта лица, который придавалъ не мало блеска ей
красотѣ. Она поспѣшила приложить платокъ къ глазамъ и, сла-
бо улыбаясь, обратилась къ капитану: я право не желала уго-
стить васъ подобною сценою, капитанъ Бельфильдъ.

— Дорого бы я далъ, мистрисъ Гринау, за позволеніе осу-
шить эти слезы.

— Одно время можетъ осушить ихъ, капитанъ Бельфильдъ,—
болѣе никто.

— Но развѣ времени не могутъ пособить въ этомъ отно-
шеніи любовь и дружба?

— Дружба, да. Чѣмъ была бы наша жизнь, если бы она
не улаждалась дружкой?

— Но, во сколько разъ лучше самой дружбы жаркое пламя
любви? Съ этими словами капитанъ Бельфильдъ съ умысломъ
всталъ и придвинулъ свой стулъ поближе къ вдовушкѣ. Но
вдовушка, точно также умышленно, пересѣла на противу-
положный конецъ дивана. Капитанъ на этотъ разъ остался
на своемъ мѣстѣ и даже виду не показалъ, что принимаетъ
это движеніе съ ея стороны за бѣгство отъ него.

— Во сколько разъ лучше жаркое пламя любви? повторилъ
онъ свой вопросъ, глядя ей прямо въ лице. Онъ было надѣ-
ялся, что на этомъ мѣстѣ разговора дѣло дойдетъ до пожа-
тія руки.

— Жаркое пламя любви, капитанъ Бельфильдъ, если вы
только испытали его на своемъ вѣку...

— Испыталь-ли я его на своемъ вѣку! Но развѣ я не ис-
пытываю его теперь, мистрисъ Гринау? Я не могу болѣе
скрывать свои чувства. Я никогда не умѣлъ совладать съ сво-
ими чувствами, когда они были затронуты за живое.

— А часто это случалось, капитанъ Бельфильдъ?

— Да, въ различныхъ обстоятельствахъ моей жизни; на-примѣръ, на полѣ сраженія...

— Вотъ какъ! Я и не знала, что вы бывали въ дѣлѣ!

— Не знала, что я бываю въ дѣлѣ! А что-же, шутки, что ли, я шутилъ на равнинахъ Зузуландіи, когда съ горстью удалцовъ я удерживалъ въ продолженіи семи недѣль пять сотъ кафровъ; цѣлыхъ семь недѣль спалъ подь открытымъ небомъ, не зная, что такое подушка!

— Цѣлыхъ семь недѣль, говорите вы? спросила мистрисъ Гринау.

— Да-съ. Или, быть можетъ, я шутки шутилъ въ Эссиквебо, на раскаленномъ побережьи Гвіяны, когда все лѣсное населеніе дикихъ африканцевъ поднялось и грозило стереть колонію съ лица земли? А чей же мечъ, какъ не мой, способствовалъ взятію корабля съ цѣлымъ грузомъ невольниковъ при устьѣ рѣки Китчингамо?

— Ей Богу, въ первый разъ слышу, проговорила мистрисъ Гринау.

— Га! вижу, въ чемъ дѣло. Этотъ Чизакеръ—во многихъ отношеніяхъ отличный малый, но ему тошнѣе смерти отдать справедливость о человѣкѣ за его спиною. Это онъ умалилъ мои достоинства въ вашихъ глазахъ. А кто же, какъ не я первый, взобрался на Инкерманскія выси? Въ минутномъ увлеченіи капитану Бельфильду казалось, что семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, и вратъ понемножку не стоитъ.

— Но когда вы заговорили о чувствахъ, мнѣ казалось, что вы подразумѣваете болѣе важныя чувства.

— Такъ, такъ, вы были совершенно правы. Я самъ не знаю, какъ это я отклонился въ сторону и повелъ рѣчь о такихъ вещахъ, про которыя, вообще, не говорится. Дѣло въ томъ, что досадно мнѣ стало на злой язычекъ, увѣрившій васъ, будто я не бываю въ дѣлѣ. Нѣтъ, мистрисъ Гринау! Я служилъ ея величеству вѣрой и правдой въ четырехъ частяхъ свѣта. А теперъ я готовъ служить вамъ, если вы только позволите, до гробовой доски.—И съ этими словами онъ однимъ движеніемъ очутился возлѣ дивана и опустился передъ нею на колѣна.

— Но я не нуждаюсь ни въ чьихъ услугахъ, капитанъ Бельфильдъ. Прошу васъ, встаньте: горничная можетъ войти.

— Какое мнѣ дѣло до горничной. Я останусь въ этомъ положеніи, пока вы мнѣ не дадите отвѣта, пока я не услышу отъ васъ хоть одного слова, которое позволило бы мнѣ надѣяться.— Тутъ онъ сдѣлалъ попытку овладѣть ея рукою, но она заложила руки за спину и подкачала головою. Арабелла! продолжалъ онъ, неужели вы мнѣ не скажете и словечка?

— Не скажу ни полслова, капитанъ Бельфильдъ, пока вы не встанете. И прошу васъ не называть меня Арабеллой. Я вдова Самюэля Гринау, человека пользовавшагося глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, кто его зналъ, и мнѣ не прилично выслушивать такія рѣчи.

— Но я хочу, чтобы вы сдѣлались моею женою, и тогда...

— Тогда было бы другое дѣло. Только врядъ ли вамъ этого дождаться. Вставайте же, Капитанъ Бельфильдъ, не то я столкну васъ съ дороги и позову горничную. Что за плутовская поза для мужчины? На колѣняхъ можно стоять только во время молитвы, которой вы по настоящему и должны бы были посвятить этотъ часъ. Встаньте же, говорятъ вамъ; теперь ровно половина седьмого, а вельбл Жанетъ придетъ во мнѣ объ эту пару.

Въ голосѣ вдовы была такая повелительная интонація, что онъ не посмѣлъ ослушаться и медленно поднялся съ пола.— Ахъ вы неловкій! Всѣ стулья поодвигали съ мѣста, проговорила она; живо привела въ порядокъ всю мебель и дернула за звонокъ. Когда вошла Жанета, она приказала ей приготовить чай къ приходу молодыхъ дѣвушекъ и спросила у капитана Бельфильда, нужно ли и для него приготовить чашку? Онъ объявилъ, что это не нужно, и распростился съ нею въ присутствіи Жанеты. Она, какъ ни въ чемъ не бывало, протянула ему руку и даже выразила надежду снова увидѣть его въ скоромъ времени.

— А красивый онъ мужчина, этотъ капитанъ, проговорила Жанета, между тѣмъ какъ герой, отличившійся при устьѣ Кэчиггамо спускался съ лѣстницы.

— Въ твои годы еще рано думать о красотѣ мужчинъ, замѣтила мистрисъ Гринау.

— Да я о ней и не думаю, возразила Жанета. Не знаю, как тамъ другія, а у меня ничего такого и въ мысляхъ нѣтъ. Только отчего жь и не похвалить мужчину, коли онъ точно красавецъ.

— Я подозреваю, что капитанъ Бельфильдъ зарасположилъ тебя подблуду и парой перчатокъ.

— Ну, по части перчатокъ и вслѣдствіи подарковъ, мистръ Чизсамеръ потороватѣе его будетъ; это-то мы всё знаемъ, не такъ ли, сударыня? А что касается подблуды, то я съ этимъ добромъ никому не позволяю подвѣшивать къ себѣ. Каждый свертокъ знай свой шестокъ. Вотъ если капитанъ обзаведется женою, пускай съ ней и дѣлается.

Въ слѣдующій вторникъ утромъ явился по обыкновенію мистръ Чизсамеръ, но на этотъ разъ безъ корзины. Онъ привезъ только букетъ цвѣтовъ и велѣлъ сказать, что заѣдетъ въ половинѣ четвертаго и надѣется видѣть мистрисъ Гринау по-важному дѣлу.

— Это онъ, Кэти, объ тебѣ хочетъ переговорить, замѣтила мистрисъ Гринау.

— Ну, нѣтъ, я тутъ въ сторонѣ. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что онъ не со мною хочетъ видѣться.

— Онъ желаетъ переговорить со мною. Теперь, какъ видно, ужь мода такая у джентльменовъ—свататься черезъ третье лице. Конечно, если онъ скажетъ, что ибудь такое, я отойду его къ тебѣ...

— Изъ чему же? Скажите ему прямо, что я не хочу за него идти. Но онъ столько же думаетъ обо мнѣ, сколько и...

— Сколько и обо мнѣ, хотѣла ты сказать?

— Нѣтъ тетунка, я этого вовсе не хотѣла сказать.

— Ну, тамъ увидимъ. Если у него дѣйствительно есть какія ибудь намеренія, то ты конечно властна поступить, какъ знаешь; только, право, мнѣ кажется, ты могла бы сдѣлать и худшій выборъ.

— Но если я вовсе не хочу дѣлать никакого выбора?

— Дѣлай, какъ знаешь; я могу только сказать тебѣ свое мнѣніе.

Ровно въ половинѣ четвертаго явился мистръ Чизсамеръ. Провожая его въ гостиную, Жанета успѣла сообщить ему, что

капитанъ Бельфильдъ заѣхалъ въ воскресенье послѣ обѣда, но что миссъ Ферстеръ и миссъ Вавзоръ все время, пока онъ былъ, оставались въ комнатѣ. Мистеръ Чизсакеръ былъ въ новомъ платьѣ и лѣвая рука его была обтянута въ перчатку, изъ чего Жанета заключила, что онъ прѣхалъ по какому нибудь важному дѣлу. Скриня своили новыми сапогами, онъ вошелъ въ гостиную, гдѣ мистрисъ Гринау дождалась его одна.

— Благодарю васъ за цѣлты, заговорила она. Съ вашей стороны было очень мило привезти такой подарокъ, который ничто не жѣлало намъ принять.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ, я не вижу, почему бы вамъ нельзя было принять точно такъ же какой нибудь кувшинчикъ сливокъ. Ну да я надѣюсь, что вы скоро перестанете церемониться.

На это вдова ничего не отвѣчала, но, приглашая мистера Чизсакера садиться, бросила на него очень ласковый взглядъ.

Онъ сѣлъ, но предварительно бережно поставилъ шляпу и трость въ уголокъ, потомъ снялъ перчатку, что ему стоило не малаго труда, потому что рука у него вспотѣла. Онъ видимо готовился къ чему-то необычайному.

— Ну, какъ идутъ дѣла въ Ойлимидѣ? спросила мистрисъ Гринау, видя, что гость ея нуждался въ посторонней помощи, чтобы начать разговоръ.

— Понемногу, мистрисъ Гринау, понемногу. Всѣ мои дѣла устроятся отлично, если только сегодня мнѣ удастся одно дѣльцо.

— Отъ души желаю вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ.

— Что касается денежныхъ предпріятій, мистрисъ Гринау, — я не могу пожаловаться на недостатокъ успѣха. Имѣніе мое чистенькое, незаложенное ни въ одномъ банкѣ. Хлѣба у меня еще съ прошлаго года лежитъ намоченный, а этихъ немногихъ могутъ похвастаться между нашими братьями земледѣльцемъ. Ну да я то правда, много ли между ними такихъ, которые не платили бы ренты? а потому мнѣ жалеть и не приходится хвастать.

— Я знаю, мистеръ Чизсакеръ, что провидѣнiе вамъ стало васъ своими щедротами во всемъ, касающемся земныхъ благъ.

— Ну, да я и самъ не сидѣлъ сложа руки. Сколько мнѣ извѣстно, полагаясь на одно провидѣнiе, далеко не уѣдешь. Я самъ работаю съ раннего утра до поздней ночи, и у меня до послѣдней копѣйки высчитано, сколько можетъ мнѣ дать барыша трудъ каждаго работника, словно и взаправду мнѣ безъ этого угрожала бы голодная смерть.

— Я всегда была того мнѣнiя, мистеръ Чизсакеръ, что вы знаете толкъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

— И еще какъ знаю! Когда время выдается, я не прочь и подурачиться, какъ вы могли видѣть въ Ярмутѣ. Я держу трехъ, четырехъ охотничьихъ собакъ, какъ и подобаетъ сельскому джентльмену, и подчасъ охочусь на своей землѣ. Но трудъ для меня прежде всего. Есть люди, которые вѣкъ свой бьютъ баклуши, какъ напริมѣръ, капитанъ Бельфильдъ. И чѣмъ же это кончается? Они не выходятъ изъ долговъ.

— Но онъ сражался за отечество, мистеръ Чизсакеръ.

— Онъ сражался! Да онъ, какъ я вижу, насаждалъ вамъ, по старой привычкѣ, разныхъ басенъ. Онъ десять лѣтъ былъ въ Вестъ-Индiи, и ни съ кѣмъ не сражался кромѣ москитосовъ.

— Но онъ былъ въ Крыму. Подъ Инкерманомъ, напрімѣръ.

— Онъ былъ въ Крыму! Вотъ какъ! Только не мѣшало бы вамъ разузнать стороною, прежде чѣмъ повѣрить ему на-слово. Но... о чемъ бишь я говорилъ, мистрисъ Гринау? Да! Вы вѣдь видѣли мой домикъ въ Ойлимидѣ?

— Домикъ у васъ восхитительный. Не достаетъ вамъ только хозяйки.

— Именно такъ, не достаетъ только хозяйки. Но знаете ли, одну только женщину въ мiрѣ я желалъ бы видѣть хозяйкою моего дома. Арабелла Гринау! согласны ли вы быть этой женщиной? И съ этими словами онъ всталъ и остановился передъ нею, приложивъ правую руку къ сердцу.

— Я, мистеръ Чизсакеръ! воскликнула она.

— Да, вы. Кому же и быть, какъ не вамъ? Съ той минуты, какъ я увидѣлъ васъ, другiя женщины для меня не существовали. Съ перваго же дня нашего знакомства съ вами я понималъ, что все мое счастье въ вашихъ рукахъ.

— О, мистеръ Чизсаверъ! Я думала, что вы имѣете виды на другую.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вы жестоко ошибались. Я глубоко уважаю миссъ Вавазоръ, но...

— Мистеръ Чизсаверъ, я, право, не знаю, что сказать вамъ.

— Не знаете, что сказать мнѣ? Скажите, что вы будете моею, скажите, что вы берете меня, берете Ойлимидъ. Скажите, что вы возьмете ту красивую коляску, въ которой я еще нынче утромъ присматривался. Вообразите себѣ, настоящая игрушка, въ нее впрягаютъ пару маленькихъ пони, и дама сама можетъ ею править. Точь въ точь такая колясочка у супруги лорда намѣстника. И такъ, мистрисъ Гринау, скажите, что вы все это берете.

— Ахъ, мистеръ Чизсаверъ, вы не скоронили, какъ я, любовь и гордость своей молодости всего только годъ тому назадъ.

— Но вѣдь вы скоронили его, ну, и царство ему небесное. Вѣдь горюя съ утра до ночи, вы его не воротите. Мнѣ и самому душевно жаль его, право! Бѣдный Гринау. Но больше я ничѣмъ не могу почтить его память.

— За то я могу, мистеръ Чизсаверъ. Я могу оплакивать его въ тишинѣ моей комнаты.

— Нѣтъ, нѣтъ, что пользы сокрушаться по пустякамъ, и меня сокрушать. Объ этомъ-то вы и не подумали?—И въ голосъ мистера Чизсавера слышался упрекъ.

— То, объ чемъ вы просите, мистеръ Чизсаверъ, невозможно.

— Почему же невозможно? Полноте, мистрисъ Гринау; мы съ вами, какъ нельзя лучше, понимаемъ другъ друга; и такъ, моя желанная... съ этими словами онъ придвинулся къ ней, какъ бы желая взять ее за талью. Но въ эту минуту раздался звонокъ, и Жанета пришла доложить своей госпожѣ, что капитанъ Бельфильдъ желаетъ видѣть ее по особенно важному дѣлу.

— Конечно просить капитана Бельфильда, ствѣчала мистрисъ Гринау.

— Чортъ бы его побралъ, этого капитана, провозорилъ мистеръ Чизакеръ.

ГЛАВА XIX.

АЛИСА ВЫСЛУШИВАЕТЪ ЛЕКЦІЮ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБРАЩАТЬСЯ КЪ СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНѢ.

Прежде чѣмъ настала день отъѣзда Алисы въ Мэтчингъ-Прейори, она успѣла двадцать разъ раскаяться въ принятомъ ею намѣреніи. Она такъ привыкла чуждаться своихъ знатныхъ родственникововъ, — чему не мало способствовали внушенія Лэди Мэклеодъ; направленные къ совершенно противоположной цѣли, — что встрѣча съ ними пугала ее. Что касается лэди Гленкору, то она одно время испытывала къ ней ту мимолетную привязанность, которая порождается какимъ нибудь случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и потомъ проходитъ, вмѣстѣ съ поразившими ее обстоятельствами, не оставляя по себѣ особенно глубокаго слѣда. И потомъ, какъ знать, найдетъ ли она въ этой лэди Гленкорѣ, окруженной всею роскошью и блескомъ ея званія, ту лэди Гленкору, которая пріѣзжала къ ней въ улицу королевы Анны? Другихъ знакомыхъ въ этомъ кругу у нея не было, и она боялась, что будетъ стоять тамъ одиноко, чувствуя притомъ, что ея самолюбіе оскорбляется на каждомъ шагѣ. Лэди Мэклеодъ съ самаго начала одобрила ея намѣреніе жить, въ надеждѣ, что этотъ шагъ будетъ способствовать ея примиренію съ мистеромъ Греемъ. Къ тому же шагъ этотъ самъ по себѣ уже заслуживалъ одобренія. Лэди Гленнора не иначе, такъ завтра могла сдѣлаться герцогинею, а такъ какъ она бесспорно приходилась близкою родственницею Алисѣ; то ясно, что Алиса непременно должна была принять ея приглашеніе. Надо отдать справедливость лэди Мэклеодъ, она была совершенно безкорыстна въ своемъ благоговѣннн передъ знатностью рода. Ея роль въ жизни была уже кончена; и врядъ

ли она могла надѣяться дожить до того дня, когда ей позволено будетъ назваться родственницею Герцогини Омнiумъ. Но она любила Алису и желала ей всего лучшаго.

Что касается дальнѣйшей переписки между лэди Мэклеодъ и лэди Мидлоттанъ, то она оставалась тайною для Алисы. На убѣжденiя тетки отвѣтить на письмо графини, она отвѣчала положительнымъ отказомъ; наконецъ, выведенная изъ терпѣнiя, она объявила, что если лэди Мэклеодъ еще будетъ приставать къ ней съ этимъ, что она напишетъ лэди Мидлоттанъ, что находитъ вмѣшательство ея въ высшей степени нахальнымъ.

— Старѣюсь я, Алиса, крѣпко старѣюсь, жалобно проговорила старая лэди, и вижу, что мнѣ лучше не вмѣшиваться въ это дѣло. Если я и говорила что до сихъ поръ, то говорила, тебѣ же добра желая.—Тутъ Алиса встала, поцѣловала тетьку, и постаралась объяснить ей, что за ея вмѣшательство она и не думаетъ сердиться, и будетъ благодарна ей, что бы она ни сказала и ни сдѣлала, но что ее возмущаетъ навязчивость со стороны людей, которыхъ она въ глаза не видала, и которые считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ ея дѣла только на основанiи своей знатности.

— Ну, и потому тоже, что они тебѣ не чужіе, замѣтила лэди Мэклеодъ, въ видѣ оправданiя.

Въ половинѣ ноября Алиса распростилась съ Чельтенгамомъ. Путь ея въ Мэтчингъ-Прейори лежалъ черезъ Лондонъ, гдѣ она предполагала провести сутки. Отецъ встрѣтилъ ее на станціи желѣзной дороги и, провожая ее домой, пробормоталъ что-то о невозможности обѣдать въ этотъ день дома; за то на слѣдующее утро онъ милостиво обѣщался отзавтракать съ нею.

— А я радъ, что ты ѣдешь туда, Алиса, сказалъ онъ дорогой.

— Это почему, папа?

— Почему? Да потому, что это тебѣ будетъ очень полезно. Ты знаешь, я никогда не распространялся съ тобою о родствѣ твоей матери. Мнѣ оно седьмая вода на кисель, и я знаю, что самое имя Бавазоръ имъ не извѣстно, хотя нашъ родъ и подревнѣе ихняго будетъ.

— Вотъ почему я и не вижу, что заставляетъ васъ особенно одобрять мой поступокъ. Меня меньше удивило бы, если бы вы его положительно не одобряли, и въ такомъ случаѣ я конечно осталась бы.

— Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ непременно слѣдуетъ ѣхать. Знатьность и богатство безспорно большія преимущества, иначе, за чѣмъ же бы всѣ добивались ихъ?

— Но у меня ни того, ни другаго не прибавится отъ того, что я побываю въ Мэтчингъ-Прејори.

— За то на твою долю достанется нѣкоторая часть выгодъ, сопряженныхъ съ ними. Взятая въ общей сложности, англійская аристократія не такое сословіе, знакомствомъ котораго можно бы было пренебрегать. Самъ я не слишкомъ-то гонялся за этимъ знакомствомъ, хотя я и могу сказать, что породнился съ ними черезъ женитьбу. Но обстоятельство это было мнѣ скорѣе помѣхою къ дальнѣйшему сближенію. А между тѣмъ, вѣрь мнѣ, и люди, такъ же, какъ растенія, должны развиваться, обращаясь преимущественно къ солнечной сторонѣ. Каждый долженъ стараться упрочить себѣ по возможности наилучшее положеніе въ свѣтѣ, и если бы мнѣ предоставили выбирать между знакомствомъ булочника и знакомствомъ пера, я безъ сомнѣнія выбралъ бы пера. Кромѣ, развѣ, того случая, если бы какія нибудь особенно важныя соображенія заставили меня предпочесть булочника. Это еще не означаетъ по моему паразитства и не обязываетъ тебя превращаться въ прожывалку. Это то же самое естественное стремленіе, которое заставляетъ деревья расти по направленію къ свѣту.

Алиса съ улыбкой на лицѣ выслушала этотъ урокъ житейской мудрости, преподаанный ей отцемъ, но оставила его безъ возраженія. Вообще ей не часто случалось получать отъ него совѣты, даже въ той отрывочной формѣ, въ какой онъ высказался теперь.— Дѣлать нечего, папа, постараюсь расти по направленію къ свѣту, проговорила она, выходя изъ экипажа. Мистеръ Вавазоръ, не заходя домой, отправился въ клубъ.

На столѣ у себя Алиса нашла записку отъ кузена Джоржа. слѣдующаго содержанія: «Я узналъ, что вы ѣдете завтра къ Паллизерамъ въ Мэтчингъ Прејори, писалъ онъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ вы уѣдете, а потому

не позволите ли вы мнѣ явиться къ вамъ сегодня вечеромъ, положимъ въ девять часовъ? Д. В. Отказаться отъ этого свиданія не было никакой возможности, и она отъ души досадовала на это обстоятельство. Ее занималъ вопросъ, отъ кого узналъ Джорджъ о ея поѣздѣ и о томъ, что она именно въ этотъ день будетъ въ Лондонѣ? Съ какою цѣлью слѣдить онъ за всѣми ея поступками? Покончивъ къ девяти часамъ всѣ свои сборы въ дорогу, она сѣла дожидаться его въ гостиной.

— Я радъ, что вы ѣдете въ Мэтчингъ—Прейори, было его первое слово, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Какъ вы узнали, что я ѣду? спросила она.

— Мнѣ сказалъ одинъ пріятель, Борго Фицджеральдъ, если ужъ вамъ непремѣнно нужно знать.

— Мистеръ Фицджеральдъ? воскликнула Алиса въ изумленіи. Онъ-то отъ кого могъ узнать?

— Ну этого я не съумѣю вамъ сказать, Алиса, полагаю, во всякомъ случаѣ, что не отъ самой лэди Гленкоры.

— Это было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ.

— Конечно. Если не ошибаюсь, она дружна съ его сестрою; не мудрено, что извѣстіе дошло до него этимъ путемъ.

— Не отъ него ли вы тоже узнали и день моего отъѣзда? Онъ, по видимому, имѣлъ очень точныя свѣденія.

— Нѣтъ, объ этомъ-то я разузналъ черезъ Кэтъ. Что? какъ видно Кэтъ неправа была, что отвѣчала мнѣ? Ей конечно было строжайше запрещено сообщать о вашихъ намѣреніяхъ и поступкахъ такой ничтожной личности, какъ вашъ мокорнѣйшій слуга. Но не сердитесь на Кэтъ. Она ни слова не говорила мнѣ о вашемъ намѣреніи ѣхать въ Мэтчингъ—Прейори, пока изъ моего вопроса не догадалась, что оно уже мнѣ извѣстно. Признаюсь, я не понимаю, изъ за чего тутъ себретничать.

Алиса чувствовала, что краснѣетъ. Предостереженіе, о которомъ говорилъ Джорджъ, дѣйствительно было сдѣлано ею кузинѣ, боторая, не смотря на просьбы Алисы, въ письмахъ своихъ все-таки проговаривалась порою о братѣ. Но даже и теперь Алиса не подозрѣвала двойственности въ поведеніи кухни и всю вину сваливала на собственную свою неосторожность.

— Не понимаю, продолжалъ Джорджъ, не глядя на нее. Не

далѣе, какъ намереніи, мы были самыми близкими друзьями. Помните ли вы балконъ въ Базелѣ? А теперь мы стали вдругъ точно чужіе, или даже хуже, чѣмъ чужіе, я какъ будто нахожусь подъ какою-то опалой. Если я чѣмъ нибудь оскорбилъ васъ, Алиса, то такъ и скажите прямо, какъ это слѣдуетъ женщицѣ съ вашимъ энергическимъ характеромъ.

— Вы меня ничѣмъ не оскорбили, отвѣчала Алиса.

— Въ такомъ случаѣ за что же я нахожусь подъ опалой? За что вы намереніи объявили мнѣ, чтобы я не смѣлъ поздравлять васъ съ избавленіемъ отъ грозившаго вамъ ига? Я смѣло говорю, что если бы вы пришли къ этому рѣшенію, когда еще мы съ вами были въ Швейцаріи, вы позволили бы мнѣ, какъ другу, какъ брату, войти съ вами въ разсужденіе объ этомъ предметѣ.

— Не думаю, Джорджъ.

— А я такъ убѣжденъ въ этомъ. И на какомъ это основаніи сестрѣ Кэтъ было запрещено сообщать мнѣ о вашей повѣдкѣ къ Палдизерамъ? Я знаю, что ей было запрещено, хотя она ни слова мнѣ объ этомъ не говорила.

Алиса сидѣла молча, не зная, какъ отвѣчать на взводимое на нее обвиненіе и питая, быть можетъ, смутную надежду, что ей удастся отмолчаться. Но отъ Вавазора не такъ-то легко было отдѣлаться. — Если у васъ дѣйствительно были какія нибудь причины, Алиса, то я, кажется, имѣю право спросить о нихъ.

Еще нѣсколько минутъ она просидѣла молча, обдумывая свой отвѣтъ. Онъ съ своей стороны не говорилъ ни слова и не спускалъ съ нея глазъ. Когда она взглянула на него, — широкій шрамъ и яркіе, почти злобно горѣвшіе, глаза одни выдавались на этомъ лицѣ. Она поняла, что разговоръ завязывается серьезный. — Я думаю, что вы имѣли это право, проговорила она наконецъ

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ воспользоваться имъ.

— Я думаю, что вы имѣете это право, но нахожу, что съ вашей стороны не великодушно имъ пользоваться.

— Этого я что-то въ толкъ не возьму. Но, Боже мой, Алиса, неужели вы не видите, что я не могу долѣе оставаться въ

этой независимости? Если я чѣмъ-нибудь оскорблѣю васъ, то я, быть можетъ, могу загладить свою вину покаяніемъ.

— Вы, маля, ничѣмъ не оскорбили.

— Или, быть можетъ, дѣйствительно существуетъ какая-нибудь причина, по которой вамъ нельзя оставаться въ Лондонѣ на той дружеской ногѣ, на которой мы съ вами стояли въ Швейцаріи? Но въ такомъ случаѣ, объясните мнѣ эту причину, и я, быть можетъ, признаю ее основательной. Но свѣдѣю, если мнѣ останется въ сомнѣніи, когда мнѣ прямо говорить, что я имѣю право требовать разъясненія загадки.

— Хорошо, Джоржъ, я буду говорить съ вами откровенно, хотя, какъ вы сами поймете, мнѣ это будетъ не легко.— Она снова остановилась и взглянула ему въ лице, не сладится ли онъ надъ нею? Но все-то-тъ же шрамъ, все-тѣ же глаза глядѣли на нее съ этого лица и ни тѣмъ состраданія не могла она уловить на нихъ.

— Ваша сестра, Джоржъ, вообразила, что моя размова съ мистеромъ Греемъ доведетъ въ возобновенію нашихъ прежнихъ отношеній съ вами. Вы знаете ея завѣтную мечту: и видите, что я была вынуждена просить ее обходить этотъ предметъ молчаніемъ. Нужно ли объяснять вамъ остальное?

— И такъ я между навазаніе за-я грѣхъ? проговорилъ онъ. И шрамъ на его лицѣ какъ не бывало, и глаза снова заиспрились прежнею веселостью.

— Я ни слова не говорила, Джоржъ, о чѣмъ бы то ни было грѣхъ; я просто считала нужнымъ держаться на сторожѣ.

— Такъ, проговорилъ онъ, помолчавъ, — вы честная женщина, Алиса; честнѣйшая изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною. Я уйму Кэтъ, а намъ теперь ничто не мѣшаетъ быть снова друзьями, не такъ ли? И онъ протянулъ ей черезъ столъ свою руку.

— Да, отвѣчала она, — конечно, если вы только желаете этого. Но въ голосѣ ея слышалось желаніе скрыть отъ него свою радость.

— Само собою разумѣется, я этого желаю всѣмъ сердцемъ, отвѣчалъ онъ. Тогда она протянула ему свою руку.

— Вы мнѣ позволите теперь говорить о вашей новопріобрѣтенной свободѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она — не говорите объ этомъ. Жен-

щипъ не безъ страданій обходитя тайой поступокъ, какъ мой. Довольно того, что мысль о немъ преслѣдуетъ меня и днемъ, и ночью; не вынуждайте меня еще говорить о немъ.

— По крайней мѣрѣ вы разрѣшите мнѣ коснуться другаго предмета, именно вашей побѣдки въ Мэтчингъ? Въ голосѣ его звучала такая игривая струна, что она поддалась ея обаянцію и весело отвѣчала ему:—не знаю, что вы можете сказать объ этомъ предметѣ.

— Очень многое. Я радъ, что вы туда ѣдете. Смотрите, постарайтесь заключить тѣсную дружбу съ мистеромъ Паллизеромъ.

— Съ мистеромъ Паллизеромъ?

— Да, съ нимъ самымъ. Для этого вы должны прочитать нѣсколько сочиненій, трактующихъ о финансахъ. Если хотите, я вамъ пришлю ихъ.

— Полноте дурачиться, Джоржъ.

— Я вовсе не дурачусь. Относительно книгъ я конечно пошутилъ: у васъ и времени нѣтъ ихъ прочитать. Но что касается мистера Паллизера,—я говорю, отложивъ всякія шутки въ сторону. Онъ кавѣрное будетъ при первой же перемѣнѣ министерства канцлеромъ казначейства.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но съ какой стати мнѣ заключать дружественный союзъ съ канцлеромъ казначейства? Я не нуждаюсь въ государственной казнѣ.

— Но я-то въ ней нуждаюсь, дитя мое. Понимаете ли, что я хочу сказать?

— Ничего не понимаю.

— Я надѣюсь при слѣдующихъ выборахъ попасть въ парламентъ.

— Я тоже надѣюсь за васъ и отъ души желаю вамъ успѣха.

— Если же я попаду, то конечно мой планъ дѣйствій будетъ состоять въ поддерживаньи министерства, т. е. новаго министерства, потому что въ составѣ кабинета предвидятся перемѣны.

— Надѣюсь, что новые министры будутъ стоять за правое дѣло.

— О, это не подлежитъ никакому сомнѣнью, Алиса.

— Какъ бы хорошо было, если бы всѣхъ ихъ замѣнили новыми людьми!

— Ну, это-то не такъ легко дѣлается. Мечтать объ этомъ, отчего не мечтать; но такихъ людей, какихъ вы желали бы видѣть, людей, вышедшихъ изъ народа, и въ то же время способныхъ занять высшія государственныя должности, не существуетъ въ дѣйствительности. Любовь къ животнымъ не дѣлаетъ человѣка способнымъ управлять четвергой лошадей хотя онъ и старается чтобы упряжь не причиняла лошадямъ ни малѣйшей боли. Такъ точно одно желаніе ввести хорошій порядокъ управленія не дѣлаетъ человѣка способнымъ дѣйствительно хорошо управлять.

— Неужели никогда не будетъ такихъ людей, которое соединили бы въ себѣ всѣ нужныя условія?

— Этого я не скажу. Откроюсь вамъ по секрету, что самъ я стремлюсь къ тому, чтобы сдѣлаться однимъ изъ нихъ. Но ребенокъ, прежде чѣмъ научится ходить, долженъ ползать. Человѣкъ, желающій, подобно мнѣ, сдѣлаться со временемъ политическимъ дѣятелемъ, долженъ умѣть пользоваться каждою случайностью. Для меня вовсе не бездѣлица, если мистеръ Паллизеръ сдѣлается другомъ человѣка, мнѣ дорогаго и близкаго, въ особенности же если человѣкъ этотъ носитъ одно со мною имя.

— Боюсь, Джоржъ, что я окажусь вамъ плохой помощницей въ составленіи подобныхъ связей.

— Говорятъ, что его водить за носъ жена и что она очень умная женщина. Но я прежде всего хотѣлъ сказать, Алиса, что рассчитываю въ моей политической карьерѣ на ваше сочувствіе и содѣйствіе.

— За сочувствіе я вамъ ручаюсь. Что же касается содѣйствія, то я боюсь, что оно мало принесетъ вамъ пользы.

— Въ этомъ вы ошибаетесь, Алиса, особенно если вы займете то положеніе въ обществѣ, которое, я убѣжденъ, рано или поздно будетъ вашимъ. Неужели вы думаете, что женщины въ настоящее время не имѣютъ вліянія на ходъ политическихъ событій. Да онѣ управляютъ ими столько же, сколько и мужчины.—Въ отвѣтъ на это Алиса покачала головою, но въ душѣ она чувствовала себя польщенною.

Джоржъ простился съ нею, не сказавъ болѣе ни слова о ея прошедшихъ или будущихъ планахъ касательно замуж-

стра; жадась спать, она подумала, что все-таки хорошо, что это объяснение состоялось.

ГЛАВА XXX.

ДЕНДИ И БОКЕТКА.

Около трех часов пополудни Алиса благополучно прибыла на станцію мэтчингской дороги. Какъ только остановился поѣздъ, она почувствовала, что теперь ей уже нечего болѣе заботиться о своей особѣ. Къ отворенному окну вагона подошла дакей въ ливреѣ и почтительно освѣдомилась, не она ли миссъ Вавазоръ? Вслѣдъ за тѣмъ у нея подхватили всѣ ея чемоданчики, и она вышла изъ вагона, сопровождаемая начальникомъ станціи съ одной стороны, лакеемъ съ другой и сторожемъ железнодорожной дороги сзади. Она не замедлила почувствовать, что часть аристократическаго блеска отразилась и на ней потому только, что она пріѣхала временной гостьей въ Мэтчингъ-Прейори. У подъезда станціи стоялъ омнибусъ, отъѣзжавшій въ маленькій городокъ Мэтчингъ и предназначавшійся для обыкновенныхъ смертныхъ, немѣвшихъ счастья Алисы расти по направленію къ свѣту. Тутъ же стояла легкая, красивая телѣжка и наконецъ небольшой, низенькій шарабанъ, запряженный парой великолѣпныхъ маленькихъ лошадокъ; въ этомъ шарабанѣ, вся окутанная въ мѣхъ, сидѣла лэди Гленнора.

— Милая Алиса, заговорила она, какъ я рада, что вы пріѣхали! Мы вотъ какъ распорядимся, милочка: ваша горничная поѣдетъ съ вашими вещами вотъ въ этой фурѣ—это она красивую телѣжку называла фурой—ей будетъ въ ней очень удобно, а вы садитесь ко мнѣ. Очень вы озябли?

— О нѣтъ, нисколько.

— А между тѣмъ ужасно холодно. Вы сидѣли все время въ душномъ вагонѣ, но здѣсь, ручаюсь вамъ, порядкомъ назябнетесь.

— Ахъ, лэди Гленнора, мнѣ право жаль, что вы изъ за

меня поѣхали въ такую стужу, проговорила Алиса, занимая возлѣ нея мѣсто въ шарабанѣ.

— Что завздорь! Чего тутъ жалѣть! Да я, Богъ знаетъ какъ, ждала этой встрѣчи съ вами наединѣ съ самаго того дня, какъ вы написали мнѣ, что пріѣдете. Если бы все утро шелъ снѣгъ, я и то пріѣхала бы. Когда мы пріѣзжаемъ въ Мэтчлингъ-Прейори, я катаюсь каждый день, если только домъ не слишкомъ набитъ гостями и я могу улѣзнуть. Забудьтеесь потащете; тутъ множество дѣтковъ и дсакой всячины. Хотите править? Я вамъ уступлю возжи.

Но отъ этого удовольствія Алиса отказалась, поблагодаривъ за предложеніе, какъ умѣла.

— А я такъ страшная охотница править. Мистеръ Паллизеръ того мнѣнія, что дамамъ не годится ѣздить на охоту, и такъ какъ онъ самъ не охотится, то мнѣ, само собой разумѣется, неловко было бы перецеголять его. Я ѣзжу верхомъ, но его я никогда не видала въ сѣдлѣ. Порой мнѣ, кажется, что я охотно взялась бы править четверкой лошадей, только развѣ немножко страшно бы было.

— Съ виду это было бы очень страшно, замѣтила Алиса.

— Да, не правда ли? Но, какъ и многое другое, болѣе съ виду, чѣмъ въ дѣйствительности. А, не правда ли, красивая у меня пара лошадокъ? Ихъ зовутъ Дэдди и Кокетка; самъ герцогъ подарилъ мнѣ ихъ и назвалъ этими именами. Вы никогда не видали герцога?

— Нѣтъ, никогда, отвѣчала Алиса.

— Сюда-то онъ пріѣдетъ только къ рождеству, но въ Лондонѣ я васъ непременно представлю ему. Онъ добрѣйшій старикъ, и я пользуюсь его особеннымъ расположеніемъ, хотя мы обыкновенно десяти словъ не скажемъ другъ другу при встрѣчѣ. Онъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не разговариваютъ; я же напротивъ, какъ вы сами вскорѣ увидите, люблю доболтать. Мнѣ кажется, что эти вкусы передаются изъ рода въ родъ; всѣ Паллизеры неболтливы. Это впрочемъ еще не значитъ, чтобы они не были рѣчисты; мистеръ Паллизеръ неутомимо ораторствуетъ въ парламентѣ, и про него говорятъ, что онъ одинъ изъ немногихъ государственныхъ людей, обла-

дающих достаточно здоровыми легкими, чтобы, не переводя духъ, прочитатъ финансовый отчетъ.

Алиса замѣтила, что сама она почти все время молчала и, въ сожалѣнію, должна была сознаться, что не знаетъ, о чемъ говорить. Если бы разговоръ продолжалъ вращаться на достоинствахъ Дэнди и Кокетки, то она еще ухитрилась бы какъ нибудь придти въ восторгъ отъ лошадей; но не могла же она пуститься въ разсужденія по поводу молчаливости, общей всѣмъ Паллизерамъ, и неутомимыхъ въ служеніи отечеству легкихъ того представителя этого имени, который былъ супругомъ ея пріятельницы. И такъ, она ограничилась вопросомъ: далеко ли до Мэтчинга.

— А вамъ ужъ наскучило со мною ѣхать? сказала лэди Гленкора.

— Я вовсе не потому спросила, отвѣчала Алиса; прогулка эта мнѣ очень нравится; но мнѣ страннымъ показалось, что мэтчингская станція такъ далеко отстоитъ отъ Мэтчингъ-Прейори.

— Ахъ да, это всѣхъ сбиваетъ съ толку; но дѣло въ томъ, что станція эта по настоящему должна бы называться станціей мэтчингской дороги; она въ восьми миляхъ отъ города.

— А въ Мэтчингѣ есть и городъ?

— Да, такъ себѣ, крошечный городишка. Когда-то онъ пользовался правомъ избирать себѣ представителей и принадлежалъ герцогу; на время била о реформѣ гнилыхъ мѣстечекъ у него отняли эти права. Герцогу было предложено на выборъ, сохранить или Мэтчингъ, или Сильвербриджъ; вы знаете, мистеръ Паллизеръ засѣдаетъ въ парламентѣ депутатомъ отъ Сильвербриджа. Герцогъ, или вѣрнѣе его отецъ, избралъ Сильвербриджъ, такъ какъ онъ въ то время собирался строить большой замокъ въ Борестшейрѣ, близъ Сильвербриджа. Этого жители Мэтчинга никакъ не могли ему простить, такъ какъ самъ онъ, во время преній о реформѣ, былъ представителемъ ихъ города. Потомъ отецъ герцога умеръ, а онъ совсѣмъ почти пересталъ пріѣзжать сюда. А мнѣ здѣсь гораздо болѣе нравится, чѣмъ въ Гадерумъ-Кэстлѣ. Конечно той пышности нѣтъ, но я ненавижу пышность; вѣдь и вы ее тоже ненавидите.

— Я еще не имѣла случая ознакомиться съ ней такъ, какъ вы.

— Ну, послушайте, ужъ это съ вашей стороны недобросовѣстно; во мнѣ-то ужъ, кажется, нѣтъ и тѣни пышности.

— Да, но вы жили въ томъ кругу, гдѣ ея много.

— А вы сами не захотѣли вступить въ этотъ кругъ. Вольно жъ вамъ было отталкивать отъ себя всю вашу родню, и лэди Мидлотіанъ по преимуществу? Проказница вы этакая! Если бы вы знали, какъ я разозлилась, когда узнала, что вы считаете меня предательницей. Вамъ ли было не знать, что я всего менѣе способна на такое дѣло?

— Я и не говорила, что вы затѣваете предательство, но я думала...

— Не вывертывайтесь, Алиса, я знаю, что вы думали. Вы думали, что лэди Мидлотіанъ дѣлаетъ изъ меня орудіе, посредствомъ котораго приберетъ васъ къ рукамъ и будетъ ѣсть васъ поѣдомъ, пока не вгонитъ въ объятія мистера Грея; вотъ что вы думали. Не знаю, заслужила ли я особенно хорошее мнѣніе съ вашей стороны, но знаю, что положительно не давала вамъ права такъ дурно обо мнѣ думать.

— За чѣмъ вы говорите о дурномъ мнѣніи? Я просто была поставлена въ необходимость оберегать себя.

— Никто не посмѣетъ васъ тронуть, я беру васъ подъ свое покровительство. Имя мистера Грея не будетъ произноситься въ вашемъ присутствіи, съ тою только оговоркою, что я надѣюсь узнать отъ васъ всю эту исторію. Да, расскажите мнѣ какъ нибудь про этого опаснаго кузена, о которомъ мнѣ говорили столько ужасовъ въ Шотландіи. Впрочемъ, я и прежде о немъ слышала. Эти послѣднія слова лэди Гленнора проговорила тихо и медленно, измѣнившимся голосомъ, какъ будто они вызвали у нея тяжелое воспоминаніе. Вѣдь слышала она о Джоржѣ Вавзорѣ отъ Борго Фицджеральда.

Алиса затруднялась продолжать разговоръ. Не могла же она говорить о самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ въ открытомъ экипажѣ, гдѣ каждое ея слово могъ слышать лакей, сидѣвшій за ея спиною; да и самая первая встрѣча съ кузиною, которую она знала очень мало, не благопріятствовала откровенности. Итакъ, она молчала.

— А вотъ и паркъ начинается; проговорила лэди Гленора, указывая на старый сломленный дубъ, стоявшій на широкомъ газонѣ, оцѣпленномъ дорогу. — Это мэтчингскій дубъ, подъ которымъ Ричардъ Львиное Сердце, или Эдуардъ Третій, не припомню кто изъ нихъ, былъ встрѣченъ сэромъ Гай-де-Паллизеромъ, по возвращеніи съ войны; или съ хоты, или съ чего-то такого. То есть это король возвращался съ войны, или съ чего другаго въ этомъ родѣ, а сэръ Гай напоилъ и накормилъ его съ дороги. Джефри Паллизеръ, двоюродный братъ моего мужа, говоритъ, что покойный сэръ Гай въ добрый часъ откупорилъ свою фляжку съ водкой. Король тутъ же подарилъ ему всѣ земли, принадлежащія въ Мэтчингу; только на этихъ земляхъ стоялъ монастырь съ кучею монаховъ, и я не совсѣмъ понимаю, какъ это было устроено. Знаю только, что одинъ изъ младшихъ въ родѣ Паллизеровъ обыкновенно бывалъ аббатомъ и засѣдалъ въ палатѣ лордовъ. Въ то же время король подарилъ ему и Литльбери, въ семи миляхъ отсюда. Джефри Паллизеръ говоритъ, что красную цѣну далъ король за какой-нибудь глотокъ изъ фляжки. Джефри Паллизеръ гоститъ теперь у насъ; надѣюсь, онъ понравится вамъ. Если я останусь бездѣтной, и мистеръ Паллизеръ не женится во второй разъ, Джефри сдѣлается его наследникомъ. И тутъ снова гомось ея понизился, и вся интонація измѣнилась.

— Полагаю, что и большая часть древнихъ родовъ приобрѣла свои помѣстья тѣмъ же путемъ.

— Или грабежемъ. Многіе между ними были отъявленными разбойниками и, по всѣмъ вѣроятіямъ, сэръ Гай не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ. Съ тѣхъ поръ кто-нибудь изъ Паллизеровъ непременно носилъ имя Плантагенета. Моего мужа тоже зовутъ Плантагенетомъ. Герцога зовутъ Джоржемъ Плантагенетомъ, и король былъ его крестнымъ отцемъ. Моею крестною матерью была, если не ошибаюсь, королева, но мнѣ отъ этого мало прибыли. Вообще не понимаю, къ чему служить крестные отцы и матери; и если бы у меня родился ребенокъ... Ахъ, Алиса! какъ ужасно быть бездѣтной; когда такъ многое отъ этого зависитъ.

— Но вы еще такъ недавно замужемъ.

— Да, это такъ. А между тѣмъ я по глазамъ его вижу,

каково у него на душѣ, когда онъ разспрашиваетъ меня. Я убѣждена, что онъ не рѣшится оскорбить меня ни однимъ словомъ, хотя бы и собственнорѣчье его положеніе отъ этого зависѣло. А вотъ и городокъ Мэтчингъ, я нарочно сдѣлала объѣздъ, чтобы вамъ его показать. Когда мы минуемъ вонъ тѣ ворота, мы увидимъ церковь: она стоитъ посреди парка и очень красива; но куда красивѣе развалины аббатства, которыя находятся возлѣ самаго дома. Я такъ люблю бродить по нимъ въ лунныя ночи! И тогда вы мнѣ почему-то всегда приходите на мысль. И знаете ли, почему? Когда нибудь я скажу вамъ, а теперь... Куда же вы, миссъ Кокетка?

Прѣвзяя паркомъ, лэди Гленгора указала Алисѣ церковь и вслѣдъ за тѣмъ развалины аббатства. Въ двухъ стахъ ярдахъ отъ воротъ аббатства стоялъ и самый домъ Паллизеровъ. То было красивое, большое строеніе, но не болѣе, какъ домъ; его нельзя было назвать ни дворцомъ, ни замкомъ. Между этимъ домомъ и старымъ аббатствомъ веленѣлъ лугъ, который заходилъ и за ограду монастыря и замѣнялъ полъ въ часовнѣ и въ трапезѣ.

Когда экипажъ остановился у подъѣзда, какой-то джентльменъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

— А вотъ и мистеръ Паллизеръ, замѣтила лэди Гленгора;— это служить вамъ доказательствомъ, что вы у насъ почетная гостя, потому что онъ заваленъ работой и, будьте увѣрены, никого другаго не вышелъ бы встрѣчать. Плантагенетъ, вотъ я и привезла тебѣ миссъ Вавазоръ. Алиса, рекомендую вамъ моего мужа.

Мистеръ Паллизеръ протянулъ руку и помочь имъ выйти изъ экипажа.

— Надѣюсь, что вы не слишкомъ озлбли, проговорилъ мистеръ Паллизеръ.— Нынѣшній годъ зима настала такъ внезапно.

И онъ ничего болѣе не сказалъ ей до самаго объѣда. Мистеръ Паллизеръ былъ высокій, худощавый мужчина. На видъ ему казалось не болѣе тридцати лѣтъ; съ перваго же взгляда въ немъ нельзя было не признать джентльмена, но вообще наружность его не представляла ничего замѣчательнаго. У него было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя вы двадцать разъ можете

увидѣть и позабыть. А между тѣмъ, разбирая черты этого лица по-одиночѣ, вы убѣждались, что въ нихъ много хорошаго; форма лба изобличала умъ, въ очертаніи губъ высказывался энергичный характеръ. Наконецъ, глаза его, хотя ихъ и нельзя было назвать блестящими, всегда свѣтились какою нибудь мыслью. Но контуръ лица, чрезвычайно тонкій, не имѣлъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что мистеръ Палливеръ не носилъ даже бороды, которая могла бы придать ему сколько нибудь рельефности. Но мистеръ Палливеръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые рассчитываютъ на свою наружность для упроченія за собою виднаго положенія въ свѣтѣ. Не въ томъ состояла завѣтная мечта его честолюбія, чтобы на него глядѣли, а въ томъ, чтобы про него читали въ газетахъ. Объ немъ поговаривали, что онъ будетъ канцлеромъ казначейства, но никому и въ голову не приходило намекнуть, что недостатокъ замѣчательности въ его наружности помѣшаетъ ему занять эту должность.

— Что гости еще въ разбродѣ? спросила у него жена.

— Мужчины еще не возвращались съ охоты, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется; а дамы, если не ошибаюсь, катаются. Впрочемъ я никого не видалъ съ самой той поры, какъ ты уѣхала.

— Я такъ и знала. Ему, Алиса, вѣчно недосугъ видѣться съ кѣмъ бы то ни было. Однако, милая, пойдемъ на верхъ. Я распорядилась, чтобы намъ подали чай въ мою уборную, такъ какъ я думаю, что вы не захотите прямо съ дороги отправиться въ гостиню. Я думаю, вы умираете съ голоду. Если вы не хотите переодѣваться двадцать разъ, то можете просидѣть на верху у камина до самаго обѣда.

И она побѣжала на верхъ, куда за ней послѣдовала и Алиса.

— Вотъ моя уборная, а вотъ, на-искосокъ, и ваша комната. Окна у васъ прямо выходятъ въ паркъ. Но пойдемте ко мнѣ, я покажу вамъ изъ своего окна развалины аббатства.

Алиса послѣдовала за лэди Гленкорою черезъ корридоръ и очутилась въ комнатѣ, которую та называла своей уборной. Нельзя было вообразить ничего роскошнѣе этого маленькаго убѣжища: оно было заставлено самыми красивыми столиками, самыми покойными креслами; на этажеркахъ красовались са-

мыя прихотливья бездѣлки изъ стариннаго фарфора. Всюду глазъ встрѣчалъ самыя веселыя цвѣта; потолокъ былъ разрисованъ нимфами, на дверяхъ виднѣлись купидоны.

— Не правда ли, здѣсь очень мило? спросила лэди Гленгора, живо обернувшись къ Алисѣ. Я называю эту комнату своей уборной для того только, чтобы отдѣлаться отъ непрощенныхъ посѣтителей; но мыло и щетки припрятаны у меня въ другой маленькой комнаткѣ, а платья... ну, платья-то мои вездѣ, кажется, валяются, только здѣсь нѣтъ ни одного. Не правда ли, здѣсь мило?

— Очень мило.

— Эту комнату отдѣлывалъ самъ герцогъ; у него много вкуса въ этихъ вещахъ. Мистеръ Паллизеръ, тотъ совсѣмъ другое дѣло; въ его глазахъ уборная—неболѣе какъ уборная, спальня. просто спальня. Для него красота послѣднее дѣло, даже въ женѣ, иначе онъ не женился бы на мнѣ.

— Вы не свазали бы этого, если бы въ самомъ дѣлѣ такъ думали.

— Право не знаю. Порою, глядя на себя, когда мнѣ случается быть самой собою, безъ всѣхъ этихъ прикрасъ и кривляній, я готова подумать, что безобразіе меня молодой женщины не бывало подъ луною. А лѣтъ черезъ десять я буду безобразнѣйшей въ мірѣ старухой. Повѣрите ли, волосы мои уже теперь начинаютъ сѣдѣть, а мнѣ еще нѣтъ двадцати одного года. Посмотрите!—и она приподняла прядь своихъ кудрей надъ самымъ ухомъ.—Впрочемъ, мнѣ остается одно утѣшеніе, что онъ не обращаетъ вниманія на красоту. Сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ за двадцать за пять, отвѣчала Алиса.

— Какой вздоръ! Въ такомъ случаѣ я жалѣю, что спросила у васъ.

— Вотъ это ужъ подлинно вздоръ. Съ какой стати стану я стыдиться своихъ лѣтъ?

— Не знаю, право, только другіе стыдятся. А я никакъ не воображала, чтобы вы были такъ стары. Мнѣ двадцать пять лѣтъ кажется ужъ Богъ знаетъ какую старостью. Конечно, если бы вы были замужемъ, еще это было бы ничего; только вы врядъ ли выйдете замужь.

— А можетъ быть, когда нибудь и выйду.

— Конечно выйдете. Какъ вы тамъ ни бейтесь, а должны будете уступить. Они васъ переселятъ. Вашъ отецъ на васъ раскричится, лэди Мэклеодъ будетъ читать вамъ правоученія, лэди Мидлотіанъ накинется на васъ, какъ бѣшеная кошка.

— Я ни ваши не боюсь лэди Мидлотіанъ.

— Не говорите, милочка; я знаю, что это такое, когда на васъ накинутся со всѣхъ сторонъ. Мы съ негодованіемъ говоримъ о французахъ, которые выдаютъ замужъ своихъ дочерей, все равно какъ продали бы поле или домъ; а сами будто мы не то же самое дѣлаемъ? Когда всѣ они примутся идти на васъ не на шутку, что тутъ прикажете дѣлать? Какая же дѣвущка устоитъ противъ этого?

— Думаю, что я сужью устоять.

— Да, вы конечно старше, и потому, вы не такъ связаны своимъ положеніемъ. Но что же это? Я совсѣмъ не хотѣла объ этомъ говорить, по крайней мѣрѣ теперь. Мнѣ пора, милочка, идти внизъ. У насъ гоститъ герцогиня Сентъ-Бонгэй, и если я не буду съ ней любезничать, мистеръ Паллизеръ разсердится. Герцогъ будетъ предсѣдателемъ новаго кабинета, либо онъ теперь предсѣдательствуетъ въ старомъ. Какъ я ни стараюсь запомнить всѣ эти вещи, никакъ не могу, да и какое мнѣ дѣло, что тамъ у нихъ творится. Это впрочемъ не мѣшаетъ мнѣ желать, чтобы мистеръ Паллизеръ сдѣлался канцлеромъ казначейства... Такъ какъ же? предпочтаете ли вы остаться здѣсь, или сойти внизъ, или отправиться въ вашу комнату? Въ послѣднемъ случаѣ я зайду за вами передъ обѣдомъ. Мы садимся за столъ въ восемь часовъ.

Алиса предпочла отправиться къ себѣ въ комнату. Оставшись одна, она стала раздумывать о своемъ настоящемъ положеніи. Что было дѣлать ей въ обществѣ герцогини Сентъ-Бонгэй и мистера Джефри Паллизера, который, быть можетъ, тоже доживетъ до герцогскаго титула? Что касается мистера Паллизера, то, дѣло ясное, онъ не станетъ изъ за нея измѣнять своимъ привычкамъ. О, если бы она могла возвратиться въ улицу королевы Анны или даже подъ кровъ докучливой лэди Мэклеодъ! И очень нужно ей было прѣвзжать въ этотъ аристократическій домъ? Правда, лэди Гленнора была съ ней

отънъ ласкова, но самая эта ласковость приводила ее въ смущеніе. Къ тому же она понимала, что лэди Гленкора не можетъ посвящать ей исключительно все свое время, когда на ней лежитъ обязанность «любезничать», какъ она выражалась, съ политическими союзниками ея мужа.

Тутъ мысли ея обратились къ самой лэди Гленкорѣ. Что за причудливое, загадочное созданье была эта женщина съ круглыми голубыми глазами и вудрявыми волосами, казавшаяся подчасъ ребенкомъ, а минуту спустя старухой? Какія странныя и страшныя вещи она говорила, сама того не подвѣвая! Съ какой стати при первомъ же свиданіи съ нею она намекнула на то, какииъ образомъ была выдана замужъ. — Ей никогда, никому не слѣдовало бы говорить объ этомъ, рѣшила про себя Алиса. Если она чувствуетъ себя несчастною въ замужествѣ, тѣмъ болѣе причинъ молчать. — И Алиса торжественно обѣщала самой себѣ, что никакой отецъ, никакая матушка, никакая лэди Миддлоганъ не заставить ее выйти замужъ противъ ея воли. Но лэди Гленкора привела въ свое оправданіе причины, которыя отчасти имѣли дѣйствительное значеніе, она была молода и связана по рукамъ и по ногамъ своимъ богатствомъ.

Алисѣ казалось, что въ эти полтора часа она узнала повесть своей кужины и ея мужа. Лэди Гленкора показала ей, какъ безучастенъ онъ къ ея удовольствіямъ и какъ тщетно старается она заставить себя сочувствовать его интересамъ. Въ довершеніе всего она была пока бездѣтна, а отъ этого, какъ сама она выразилась, «зависѣло такъ много».

Два часа, остававшіеся до обѣда, показали Алисѣ цѣлою вѣчностью; наконецъ вошла ея горничная.

— Ну, какъ у васъ тамъ идутъ дѣла съ новыми знакомыми, Джэнъ, спросила Алиса.

— Ничего, миссъ,—это мнѣ только сначала страшно показалося: они всѣ такіе вѣжливые, мы славно напились чаю въ комнатѣ экономки. Насъ будетъ человекъ пять или шесть горничныхъ, миссъ; и цѣлый-то божій день намъ нечего дѣлать, развѣ только шить отъ скуки, сидя у каминна.

За нѣсколько минутъ до восьми часовъ, лэди Гленкора постучалась въ дверь къ Алисѣ и, взявъ ее подъ руку, повела

въ гостиную. Она была великолѣпно одѣта; платье ея пыльнымъ шлейфомъ разстиралось по землѣ, а логоны были такъ взбиты, что въ нихъ не проглядывало ни одного сѣдаго волоска. Но, при всей этой роскоши убора, она казалась почти ребенкомъ.

— Постоите, проговорила она, идя по лѣстницѣ. Я скажу Джефри, чтобы онъ былъ вашимъ кавалеромъ во время обѣда. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, которые гостятъ у насъ въ эту минуту, онъ самый веселый и остроумный. Правда, онъ ко всему относится съ какимъ-то пренебреженіемъ, но это не помѣшаетъ ему быть пріятнымъ собесѣдникомъ, не такъ ли, милая? Вѣдь къ вамъ онъ не станетъ относиться съ пренебреженіемъ.

— А можетъ быть и станетъ.

— Нѣтъ онъ этого не сдѣлаетъ. Менѣе, чѣмъ кто либо, онъ способенъ забыть должное уваженіе передъ женщиной. Вотъ мы и въ гостиной; здѣсь никого еще нѣтъ; я такъ и наровила придти первой. Приличія требуютъ, чтобы хозяйка первая являлась въ свою гостиную. Я постоянно стараюсь не отступать отъ приличій. И сколько мнѣ съ этимъ хлопотъ! А еще толкуютъ о людяхъ, зарабатывающихъ хлѣбъ свой въ потѣ лица. Я ли не въ потѣ лица его зарабатываю? А какъ смѣшно было бы перенестись куда нибудь въ Азію и ѣсть руками цыпленка, сидя въ палаткѣ, а у входа палатки былъ бы разведенъ огонь, для острастки тигровъ и львовъ! Представьте себѣ, вы сидите по одну сторону костра, а тигры и львы по другую и скалятъ на васъ изъ за пламени зубы.—И леди Гленгора скорчила, какъ умѣла, львиную физиономію и оскалила передъ зеркаломъ зубы,

— Ну, если бы они не страшнѣе этого скалили зубы, то я не испугалась бы, замѣтила Алиса.

— Могу вообразить. А вотъ и гости мои, баста гримасничать. Герцогиня, не хотите ли придвинуться поближе къ камину. Ну что, какъ вы, согрѣлись? Это моя кухня, миссъ Вавазоръ. Герцогиня свысока кивнула головою и вслѣдъ за тѣмъ объявила, что согрѣлась, какъ нельзя лучше.—Не знаю, какъ вы дѣлаете, только лѣстницы у васъ чудо какъ удобны! Представьте же себѣ, въ Лонгрэйстонѣ, чего, чего мы не дѣлали:

проводили по всему дому трубы съ горячей водою, ну словомъ принимали всевозможныя мѣры, и все же вы шагу не можете ступить въ корридорахъ, чтобы васъ такъ и не обдало сквознымъ вѣтромъ. — Герцогиня говорила съ особеннымъ удареніемъ на каждомъ словѣ и порой до того выцѣживала одинъ какой нибудь слогъ, что голосъ ея переходилъ въ какой-то свистъ. Такъ выговорила она слово «трубы», и у Алисы долго не могли выйдти изъ головы лонгрэйстонскія трубы съ горячей водою. — Я сейчасъ говорила лэди Гленкоръ, миссъ Паллизеръ, что въ жизнь свою не встрѣчала болѣе теплаго дома, какъ въ Мэтчингъ и, какъ ни прискорбно мнѣ сказать, болѣе холоднаго, чѣмъ въ Лонгрэйстонъ. — И удареніе, сбѣланное на словѣ Лонгрэйстонъ, исторгло бы слезы у самой требовательной публики въ любомъ театрѣ. Герцогиня была женщина лѣтъ сорока, красивая, стройная, свѣжая, но, къ сожалѣнію, набитая дура. Рѣчь ея была обращена къ одной миссъ Паллизеръ, хотя въ комнатѣ было двѣ дѣвицы этого имени: онѣ приходились двоюродными сестрами Пантагенету Паллизеру, и я долженъ сказать о нихъ, что, каковы бы ни были ихъ другія свойства, онѣ ни подъ какимъ видомъ не могли назваться дурами.

— Ничего нѣтъ легче, какъ нагрѣть небольшой домъ, какъ этотъ, отвѣчала та сестра Паллизеръ, которая имѣла несчастье получить при крещеніи имя Ифигеніи Теодаты, и которую близкіе называли уменьшительнымъ именемъ Ифи; и ничего не можетъ быть труднѣе, какъ нагрѣть большой домъ, въ родѣ лонгрэйстонскаго. — Другую миссъ Паллизеръ звали Ефиміей.

— Могу только завѣрить васъ, герцогиня, что у насъ не проведено трубъ, замѣтила лэди Гленкора, и Алисъ показалось, что слово «трубъ» она выговорила со свистомъ, слегка передразнивая выговоръ герцогини. Видимо, кузинѣ Алисы, какъ ни старалась она оставаться въ границахъ приличія, это не всегда удавалось.

Вскорѣ и мужчины стали собираться одинъ за другимъ. Мистеръ Паллизеръ подошелъ къ Алисъ и сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, видимо съ цѣлью показать ей, что считаетъ ее, если не близкой родственницей, то и не совсѣмъ

чужою. — Моя жена такъ радовалась вашему прїѣзду; мы постараямся, чтобы вы у насъ не соскучились. — Алиса, значительная уже чувствовать себя покинутою всѣми, была ему благодарна за эти немногія слова, и тутъ же рѣшила про себя, что постарается полюбить мистера Паллизера.

Джефри Паллизеръ явился въ комнату однимъ изъ послѣднихъ. Леди Гленгора тотчасъ же, какъ увидѣла его, встала и поспѣшила къ нему на встрѣчу. — Вы должны сегодня вести къ обѣду мою кувину, миссъ Вавзоръ, сказала она ему; и еще... хотите вы мнѣ сдѣлать одолженіе?

— Конечно, да; кто жъ устоитъ противъ такой просьбы?

— Въ такомъ случаѣ постарайтесь, чтобы ей было по себѣ. — И съ этими словами она представила ихъ другъ другу, и Джефри Паллизеръ проболталъ съ Алисою вплоть до обѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ РЕМЕСЛЕННЫХЪ БРАТСТВАХЪ.

Ingegnaſi, se puoi, d'esser paese.

Dante.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный, то свѣтлое и хорошее время, какъ послѣ долгой ночи зашли наконецъ на европейскомъ горизонтѣ лучи итальянскаго *risorgimento*... Какъ все хорошее на блѣдомъ свѣтѣ, время это прошло весьма скоро. Такіе восторженные, художественно-полные моменты, каковъ былъ въ Италіи 1860-й годъ — праздники въ жизни народовъ; а народамъ долго праздновать нельзя и некогда.... — Такъ или иначе, время это прошло, и объ этомъ нечего долго распространяться.

Вы всѣ, слѣдившіе за итальянскими событіями съ тѣмъ дилетантскимъ сочувствіемъ, съ которымъ взрослые люди слѣдятъ за хорошою драмою или смотрятъ на историческія судьбы чуждыхъ имъ народовъ — вы, говорю я, отвернулись отъ Италіи, только что наступилъ для нея иной періодъ, довольно однообразный и скучный, безъ пороховаго дыму и торжественныхъ демонстрацій. Успокойся: — я вовсе не думаю журить тебя.

Конечно, люди неохотно расстаются съ тѣмъ, что хотя на минуту вдохновило ихъ, увлекло. Слѣды пиршества и послѣдніе его остатки обыкновенно переживаютъ праздничное настроеніе гостей.... Такъ и въ Италіи. Водушевленіе 1860-го года прошло... Остались воодушевляющія надписи на заборахъ, знамена и флаги въ астеріяхъ,

подвалахъ, кофейныхъ. Когда-то полныя силы и значенія, комитеты продолжали собираться, горячо спорить о чемъ-то. Въ парламентѣ поднимались полныя современнаго значенія вопросы...

Немного надо было времени, чтобы убѣдиться въ пустотѣ, въ ненужности всей этой игры, гдѣ призраки подставлялись на мѣсто живыхъ людей и событій. Да и сами игроки не могли долго выдержать... На глазахъ же у меня былъ непогрѣшимый барометръ: я видѣлъ равнодушіе, съ которыми встрѣчали и провожали все это тѣ, которые такъ недавно еще забывали собственную нищету во имя одной, общей всѣмъ имъ, живой народной идеи.

Не вездѣ однакожь жажда дѣятельности прошла вмѣстѣ съ вдохновеніемъ. Ассоціація — была любимыи мотивъ всего этого броженія. Оно и понятно въ Италіи, гдѣ ассоціаціи сдѣлали все, что было славнаго въ исторіи Италіи.

Ассоціаціи были вездѣ и всюду. О нихъ писались статьи въ журналахъ и читались всѣми; переводили Грудона и раскупали на расхватъ. Составлялись ассоціаціи для постройки желѣзныхъ дорогъ и для игры въ рулетку; для упражненія въ реторикѣ и для дѣланья долговъ съ патриотическою цѣлью; для изданія общепользныхъ журналовъ и для сооруженія памятника Кавуру... Гарибальди предложилъ ассоціацію для освобожденія Венеціи и Рима; другіе предложили свою для избіенія сельскаго народонаселенія Калабрій и Базилликатъ... Не удивительно, что мало кто обратилъ вниманіе на нѣсколько сотъ городскихъ пролетаріевъ, составившихъ свою ассоціацію для обезпеченія другъ другу куска хлѣба насущнаго, на случай болѣзни или недостатка въ работѣ... Журналы всѣхъ партій похвалили ихъ какъ-то вскользь, и вскользь-же обругала ихъ клерикальная *Armnia*.

А между тѣмъ тутъ надо искать разрѣшенія великой исторической задачи не только для одной Италіи, но и для всей Европы. Итальянскія ремесленныя братства появились въ видѣ ассоціаціи для взаимнаго вспомошествованія. Я ничего не имѣю противъ принципа взаимнаго вспомошествованія и не понимаю, что можно разумно возразить противъ него. Избавить людей отъ опасности голодной смерти и отъ филантропіи, о которой особенно заботился покойный Кавуръ, дѣло хорошее во всѣхъ отношеніяхъ. Теряла при этомъ только королевская лотерея, потому что изъ большинства работниковъ, покупавшихъ себѣ еженедѣльно въ нее билетъ, мало нашлось такихъ, ко-

которые не рѣшились бы вместе въ кассу новаго братства требуемые ею двадцать сантимовъ (т. е. около 5-ти к. с.) въ недѣлю, такъ какъ за эту незначительную плату они приобрѣтали навѣрное то, чего могли ожидать отъ игры только подъ большимъ сомнѣніемъ. А для работника обезпеченіе ему 1 франка и 40 сант. ежедневно, на все время могущей постигнуть его болѣзни, едва ли не большіе значутъ, чѣмъ капиталъ въ нѣсколько сотъ франковъ, который все же не дастъ ему возможности подняться на серьезно обезпечивающее его предпріятіе... Можетъ быть отъ того, что братство взаимнаго вспомошествованія вступало какъ-бы въ конкуренцію съ королевской лотереею — въ официальныхъ кружкахъ его приняла не благоприятно.

Была, правда, и другая причина. Итальянскіе теоретическіе демократы не могли обойти своею милостью подобнаго рода ассоціацію и въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. въ Свенѣ, ихъ вліяніе на развитіе ремесленныхъ братствъ оказалось самое вредное. Засѣданія ассоціацій обратились въ какіе-то учено-отвлеченные домагогическіе диспуты о предметахъ, по большей части лишенныхъ всякаго интереса для работниковъ. Эти послѣдніе, не видѣвшіе большой выгоды для себя отъ подобныхъ упражненій въ краснорѣчій, остыли мало по малу и къ самому предпріятію. Управляющій дѣлами ассоціаціи, комитетъ получилъ отъ этого возможность распорядиться самовластно и повелъ дѣла такимъ образомъ, что касса скоро опустѣла, не смотря на то, что при устроенномъ съ самаго начала контролѣ не было никакой возможности, кому-бы то ни было, употребить въ свою пользу общественныя деньги. Дефицитъ произошелъ не отъ безчестности комитета, а только отъ плохаго пониманія ими рабочничихъ нуждъ. Тоже, или почти тоже, повторилось во многихъ другихъ городахъ...

Въ такомъ своемъ простѣйшемъ видѣ, т. е., имѣя исключительно въ виду взаимное вспомошествованіе, итальянскія ремесленныя братства могли бы существовать очень долго, развиваться въ извѣстныхъ предѣлахъ, не внося собою ничего новаго въ народную жизнь, а слѣдовательно и не представляя особеннаго интереса для фізіологіи общества... Я говорю: могли; но на дѣлѣ оказалось, что они вышли на болѣе широкую и видную дорогу...

Имѣя въ виду цѣль исключительно общественную, они должны были чуждаться политическихъ вопросовъ, на сколько это было воз-

можно, подъ опасеніемъ притаять къ какой либо изъ существующихъ здѣсь партій и стать, какъ онѣ, исключительными. Въ какой бы партіи ни пристали онѣ—это бы навѣрное послужило помехою къ дальнѣйшему ихъ развитію, потому что рабочиѣе состояніе вовсе не представляетъ здѣсь политической партіи, а, какъ вездѣ, дѣлится въ этомъ отношеніи на разряды, сочувствующіе то одному, то другому изъ политическихъ кортисеевъ. Общество же должно было стать общимъ для всѣхъ дѣломъ.

Задача довольно трудная—оставалась одна скользкая и узкая дорожка между двухъ пропастей. Впасть ли въ политиканство, или же въ непростительный индифферентизмъ, полное равнодушіе къ судьбамъ Италіи—и то, и другое было одинаково скверно... Недоброжелатели рабочиѣихъ братствъ понимали это очень хорошо, и подталкивали его довольно усердно то въ ту, то въ другую сторону; то требовали они, чтобы правительство запретило совѣтамъ обществу заниматься на своихъ засѣданіяхъ политическими вопросами; то, совершенно напротивъ, они требовали отъ представителей этихъ ассоціацій, собравшихся въ Парижѣ на общемъ конгрессѣ, чтобы они выслазали свой политическій символъ... Вотъ почему только тѣ изъ ремесленныхъ ассоціацій и всплыли на верхъ, которые прямо имѣли постоянно въ виду передъ собою чисто практическую сторону своего существованія. И это обстоятельство помогло имъ окрѣпнуть. Что было плохо понято въ теоріи, на то указала ясно самая жизнь.

И забылъ тебѣ сказать, что, благодаря федеративному духу итальянцевъ, пережившему въ нихъ унитарный переворотъ, ремесленное братство явилось съ самаго начала вовсе не централизованнымъ. Каждый городъ имѣлъ свое общество и притомъ совершенно независимое отъ каждаго другаго. Каждое управляется своимъ особеннымъ комитетомъ, выбираемымъ по большинству голосовъ между его членами, и каждое посылаетъ отъ себя депутатовъ на конгрессъ, собирающійся два раза въ годъ въ одномъ изъ итальянскихъ городовъ, для того, чтобы составить уставъ для всѣхъ подобнаго рода братствъ. Въ этомъ и все ихъ единство. Прибавь впрочемъ еще другое, чисто внѣшнее по видимому: имя Гарибальди, котораго каждое общество совершенно свободно выбрало своимъ почетнымъ председателемъ или патрономъ...

И не стану распространяться дальше о ихъ внутреннемъ устройствѣ, потому что оно дѣло вовсе не копченное и измѣняется по

кѣрѣ расширения самой программы братствъ. Теперь уже это не то, тѣмъ было при самомъ началѣ своемъ.

Въ то время, какъ появились въ Италіи ремесленные братства, политическіе вопросы носились въ воздухѣ. Два человѣка не могли поговорить между собою полчаса, не затронувъ ихъ весьма серьезно и страстно. Какимъ образомъ ремесленные братства не обратились тотчасъ же въ политическія, — а между тѣмъ удержались на чисто экономической сторонѣ вопроса, — это можно объяснить величайшею способностію итальянцевъ къ общественной жизни и той «человѣчностію», съ которой они не по французски, не бочкомъ подошли къ своему дѣлу, а прямо, искренно и честно. Одно это заставляетъ твердо вѣрить въ будущность этого народа.

Не малая доля тутъ принадлежитъ чисто личному участию одного человѣка, котораго имя — одно изъ самыхъ популярныхъ въ Италіи — ты едва слышалъ, можетъ быть, въ своей сѣверной Пальмирѣ, «которой подобной, судырь ты мой, нѣтъ на свѣтѣ»: такъ, кажется, отзывается о ней капитанъ Колейкинъ...

Я говорю о Джузеппе, или какъ его тутъ называютъ Пенне-Дальонъ; это флорентійскій будочникъ, вполне достойный стать на ряду съ лучшими современными людьми Италіи. Какъ вообще современные итальянскіе герои, Дальонъ личность до крайности оригинальная и самобытная. Опъ не похожъ ни на братьевъ Бандіера, ни на Гарибальди, ни на кого другаго — онъ самъ по себѣ.

Дальонъ для флорентійскаго хлеба то, чѣмъ былъ для римскаго — Чичероваккію, и даже больше. Трудно разказать, какимъ образомъ приобрѣлъ онъ это колоссальное вліяніе, потому что приобрѣталось оно не громадными недвигами, а тѣмъ, что всего труднѣе, — тою постоянною вѣрностію самому себѣ, подъ которую нельзя поддѣлаться. Все въ этомъ человѣкѣ привлекаетъ къ нему, внушаетъ самое полное и безграничное довѣріе, начиная съ самой наружности... Я узналъ его уже пятидесятилѣтнимъ старикомъ... Впрочемъ слово старикъ вовсе не идетъ къ этой геркулесовской фигурѣ, сохранившей и до сихъ поръ такую желѣзную силу мышцъ, которой многіе могутъ позавидовать... Волосы его и борода совсѣмъ сѣдые, но глаза смотрятъ свѣтло и горятъ, какъ у юноши. Разказать гармонію чертъ лица нельзя, а потому скажу только, что иностранные скульпторы и живописцы, которыми, какъ тебѣ известно, полна Флоренція, *останав-*

мываются на улицѣ, встрѣчая Дальфи, какъ тѣ любители лошадей, о которыхъ рассказываетъ Гогадь въ своемъ «Невскомъ Проспектѣ».

Дальфи игралъ значительную роль во всѣхъ тосканскихъ переворотахъ отъ 48 года и до сихъ поръ. Рассказывать его исторію не стану. Довольно того, что онъ былъ барометромъ, по которому измѣнялось политическое настроеніе массы флорентійскаго народонаселенія. Постоянно и упорно отказываясь отъ какой-бы то ни было официальной власти или вообще отъ слишкомъ важныхъ ролей, онъ тѣмъ не менѣе представлялъ собою во всякое время флорентійскій народъ, потому что онъ нравственно заключалъ въ себѣ все, чѣмъ живетъ народъ этотъ и никогда не могъ бы, даже если бъ захотѣлъ, порвать этого нравственнаго единства съ нимъ... По общественному положенію и по образу жизни, онъ скорѣе буржуа—мелкій *possidente*—какъ здѣсь говорятъ. Но въ Италіи, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, буржуазія еще не сословіе, по крайней мѣрѣ ни въ одеждѣ, ни въ образѣ жизни нѣтъ еще рѣзко опредѣленной границы между самымъ бѣднымъ работникомъ и достаточнымъ фабрикантомъ... Коротенькій скюртучекъ безъ талии и сѣрая поярковая шляпа тѣмъ только и разнятся отъ одежды *fachino*, таскающаго мѣшки съ мукою изъ его лавки, что онѣ чище и не изорваны...

Тридцать лѣтъ тому назадъ, сидя прикащикомъ въ булочной своего отца, онъ, не зная грамотѣ, слылъ за отчаянную голову, сидѣлъ въ тюрьмѣ по болонскимъ дѣламъ и прельщалъ свою живую античною красотою красавицъ работничьяго квартала города... Потомъ онъ, въ свою очередь, сталъ *padrone* я, не пользуясь еще никакимъ политическимъ вліяніемъ, судилъ и ридилъ домашнія ссоры между собою ремесленниковъ, питающихъ и здѣсь, какъ вездѣ, слишкомъ сильное благоговѣніе къ преторамъ и трибуналамъ...

Въ 1859 и 60-мъ г. Дальфи былъ не только предсѣдателемъ, но и живымъ центромъ—дѣйствительною душою тѣхъ ассоціацій, которыми освобождена южная Италія...

Когда въ Августѣ 1860 г. Риказоли, по распоряженію кавуровской и лафариньянской партіи, объявилъ военнооплѣнными бригаду тосканскихъ волонтеровъ, думавшую подъ предводительствомъ Никотеры сдѣлать вылазку въ Римскихъ владѣніяхъ, и когда, вслѣдствіе этого, Никотера, умѣвшій въ весьма короткое время привязать къ себѣ сво-

ихъ гражданъ—солдатъ, объявилъ что онъ оставляетъ начальство надъ ними, не видя другаго средства избавить ихъ самихъ отъ преслѣдоваій—сильное волненіе распространилось между волонтерами. Они хотѣли вернуться къ домамъ, на что временное правительство Тосканы предоставляло имъ не только право, но и средства... Минута была критическая:—на вооруженіе этой бригады были истратчены всѣ деньги, собранныя патриотическими комитетами. Возвращеніе волонтеровъ, которыхъ, не смотря на все ихъ страстное желаніе, не допустили даже до врага, имѣло бы неизбежнымъ послѣдствіемъ своимъ упадокъ воодушевленія во всей Тосканѣ, недоверіе всѣхъ къ комитетамъ, понапрасу истратившимъ народныя деньги, недоверіе къ тѣмъ наконецъ, которые продались бомбардировать награжденную на дрянномъ пароходѣ лучшую итальянскую молодежь, за то только, что ей казалось недостаточно доблестнымъ идти въ Сицилію, гдѣ Мелатто было уже взято гарибальдійцами...

Въ это время явился Дальфи. Не извѣстно, почему всѣ ожидали отъ него разрѣшенія всей этой путаницы. И онъ разрѣшилъ ее. Онъ говорилъ, какъ будто прямо отъ него все зависело... Глаза его искрились, онъ былъ раздраженъ въ обѣ стороны... Онъ обѣщалъ... И не только всѣ повѣрили его обѣщаніямъ, но все обѣщанное имъ было сдержано до послѣдней подробности, хотя исполненіе, повторяю, ни на волосъ не зависело отъ него...

Ремесленные братства застали его уже въ полномъ блескѣ его политическаго значенія.

Само собою разумѣется, что онъ сталъ какъ-бы естественнымъ средоточіемъ этого новаго рода ассоціацій. До сихъ поръ дѣло это еще не успѣло развиться во всю свою ширь, но мое твердое убѣжденіе, что Дальфи только теперь и сталъ на настоящую свою дорогу. Можетъ быть, ему на ней не суждено добиться лично для себя и для своей репутаціи тѣхъ блестящихъ результатовъ, какихъ достигъ онъ на политическомъ поприщѣ. Онъ самъ едва ли много думаетъ объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ теперь у него подъ ногами твердая почва, и то, что посѣетъ онъ на ней, принесетъ обильную жатву, которую пожнетъ если не самъ онъ, то маленькой его *Dolphino*, которому онъ далъ имя Вильгельмъ-Тэль, и который съ любимымъ своимъ котомъ на рукахъ засѣдаетъ уже на высокомъ стулѣ при демократическихъ пирушкахъ въ домѣ своего отца....

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

У Далери, какъ и у большинства современныхъ итальянскихъ дѣателей, нѣтъ замочанной теоріи, определенной доктрины. Точно также нѣтъ ея и у итальянскихъ ремесленныхъ братствъ. И тутъ вовсе не идетъ рѣчь о приведеніи въ исполненіе чего нибудь, въ чемъ бы всѣ были болѣе или менѣе согласны заранее... Понятно, что у всѣхъ есть точны соврѣковованія, безъ этого бы никакого дѣла нѣльзя было бы имѣ дѣлать вмѣстѣ. Но главное, что есть у нихъ и чего не достаетъ многимъ ассоціациямъ въ той-же самой Италиі, — это живая общность интересовъ и сознаніе этой общности.

Развитію этого сознанія много помогли послѣднія политическія событія въ Италиі, какъ они ни были призранны въ существѣ своемъ. Они возбудили народныя силы, такъ долго дремавшія, и тѣмъ оказали великую услугу ремесленнымъ братствамъ. Я уже сказалъ, что эти послѣднія не имѣютъ органической связи съ политическимъ движеніемъ, но, благодаря ему, они устроились и приобрѣли прочное общественное положеніе. Чтобы лучше выяснить этотъ фактъ, я долженъ буду коснуться политической стороны итальянской жизни.

Изъ всѣхъ гучихъ вопросовъ, волновавшихъ Италию въ послѣдніе годы, единство ея было главнымъ стремленіемъ всего полуострова.

Что такое это единство и какой историческій, т. е. общечеловѣческій, смыслъ имѣетъ только что исполнившійся переворотъ, имѣвшій это единство и знаменемъ, и лозунгомъ, и вонечною своею цѣлью...

Нельзя не сознаться, что это національное единство только теперь, т. е. съ 1848 года стало такъ дорого итальянцамъ. Оно идетъ прямо противъ самыхъ блестящихъ изъ итальянскихъ традицій и даже нѣсколько противорѣчитъ, по видимому, послѣднимъ даннымъ общественной науки.

Я не стану распространяться о томъ, что каждый изъ дѣателей итальянскаго возрожденія — отъ Кавура и кончая послѣднимъ изъ парибальдійскихъ стрѣлковъ, геройски умеравшихъ на баррикадахъ св. Маріи Капуанской съ крикомъ: *viva l'Italia una!*.. что каждый изъ нихъ, говорю я, понималъ, по всей вѣроятности, что

кабудъ свое подъ этими звунными словами: Единство Итали. Намъ интересенъ не этотъ смыслъ, измѣнявшійся до безконечности, а именно та сторона дѣла, которая всего меньше зависитъ отъ какихъ бы то ни было личностей, благодаря которой унитарная мысль стала сама по себѣ силою и такою силою, что заставляла следовать передъ собою всѣ другія, по видимому, несравненно болѣе ея современныя, разумныя и практическія политическія теоріи и доктрины...

Признаюсь, я довольно долго былъ склоненъ видѣть во всемъ этомъ не больше, какъ предлогъ, какъ знамя, преднамѣренно принятое Италією въ угоду дипломатіи, а подъ которымъ въ сущности скрывались нныя стремленія...

«Неужели вы думаете», говорили мнѣ практическіе люди, не итальянцы: «что мысль итальянскаго единства могла бы имѣть такой успѣхъ въ самомъ народѣ, если бы Австрія не упорствовала смотрѣть на Италію, какъ на колонію, заботясь исключительно о томъ, чтобы извлечь изъ нея по возможности болѣе выгодъ для самой метрополіи, т. е. Вѣны...»

И мнѣ казалось, что большая доля правды была въ этомъ взглядѣ. А между тѣмъ смотрѣть на человѣческія дѣла исключительно съ точки зрѣнія выгоды, — значило бы предполагать въ людяхъ гораздо болѣе послѣдовательности, чѣмъ въ нихъ дѣйствительно есть ея... Я видѣлъ совершенно безкорыстные подвиги людей и народовъ, да и вы видѣли ихъ не дальше, какъ на Невскомъ проспектѣ. Такъ напримѣръ, весьма расчетливый господинъ несетя на лихомъ рысакѣ. Ему ничего не стоитъ ѣхать тише; а онъ несетя во весь опоръ подъ опасеніемъ раздавить какого нибудь бѣдняка съ я нымъ ущербомъ для своего кармана... Вся Франція съ восторгомъ и энтузіазмомъ отправляетъ войска въ Сирію спасать невинныхъ ея тамошнихъ христіанъ, въ Римъ поддерживать папу, въ котораго сама не вѣритъ, въ Мексику — бить мексиканцевъ, до которыхъ ей нѣтъ никакого дѣла... Какая же во всемъ этомъ користь? Какой расчетъ, или выгода во всемъ этомъ... Я понимаю, т. е. признаю за фактъ, существующій международная ненависть, въ особенности въ Итали, гдѣ народъ страстный, по преимуществу безъ рефлексіи... Такъ ужъ не смотрѣть ли на итальянское *risorgimento*, какъ на дѣло чисто международной вражды между итальянцами и нѣмцами? Навѣр-

ное и въ этомъ взглядѣ есть своя, и весьма значительная, доля правды...

Но все это вовсе еще не характеризуетъ итальянское дѣло. Основаніемъ всякаго народнаго дѣла, всякой государственной или общественной системы было конечно другое непосредственное, нерелективированное чувство. Мы все еще не знаемъ: жертвуетъ ли Италия всѣми сторонами органическаго, общечеловѣческаго своего быта исключительному положенію угнетенной народности, въ которомъ она находится?

Если такъ, то что можемъ дать мы ей, кромѣ того дилетантскаго отчасти сочувствія, которое возбуждаетъ въ насъ каждое страданіе чужаго намъ, совершенно посторонняго лица, или народа. Вѣдь мы сами, благодаря Господу Богу, не находимся въ подобныхъ ей обстоятельствахъ...

Или самая народная жизнь, благодаря именно этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, не жертвуя въ сущности ничѣмъ, — выработала себѣ иную самобытную дорогу и продолжаетъ идти впередъ къ общечеловѣческому цѣлямъ, но не тѣмъ рутиннымъ путемъ, который выработала исторія другихъ европейскихъ народовъ, нетерпѣвшихъ того усложненнаго гнета, который суждено было выпести ей? Если справедливо это послѣднее положеніе—въ чемъ я совершенно убѣжденъ въ настоящую минуту — то итальянское *risorgimento* неогцѣненный фактъ для физиолога, представляя ему совершенно новую сторону общественной жизни, въ которой не могли не опредѣлиться весьма ярко и рѣзко, съ новой совершенно точки зрѣнія, тысячи коренныхъ условій общечеловѣческаго быта и условій, которыя не выяснились, не заявили себя въ жизни другихъ народовъ, шедшихъ совершенно инымъ и одностороннимъ путемъ историческаго развитія.

Но убѣдиться въ томъ, что оно именно такъ, я не могу безъ нѣкотораго отступленія отъ главнаго предмета моего письма. Однакожъ я рѣшаюсь на это, такъ какъ этимъ отступленіемъ только и выяснится мой взглядъ на итальянскія ремесленныя братства, и тогда будетъ понятно, почему я придаю имъ такое широкое и общее значеніе...

Но прежде всего надо, какъ можно рѣзче и опредѣленнѣе, поставить самый вопросъ. Онъ сводится весь къ *праву національностей*, выработанному въ лѣтописяхъ Италии до общечеловѣческаго права.

На сколько искренно провозглашено было это національное право,—

намъ до этого нѣтъ дѣла. Гораздо интереснѣе знать, представляетъ ли оно не больше, какъ дипломатическую фикцію, случайный принципъ, временное отступленіе отъ теоріи европейскаго равновѣсія, или что иное?

Извѣстно, что всякое радикальное измѣненіе въ мѣрѣ международной юриспруденціи не только не остается безъ весьма существенныхъ послѣдствій въ мѣрѣ государственномъ или гражданскомъ, но что, напротивъ того, оно само является только, какъ послѣдствіе новаго шага впередъ, сдѣланнаго народами на поприщѣ внутренняго устройства своего быта, т. е. на поприщѣ чисто государственномъ или гражданскомъ.

Признаніе принципа національности не въ теоріи, а въ самой жизни, должно необходимо предполагать новый шагъ впередъ, или по крайней мѣрѣ новое видоизмѣненіе въ самомъ внутреннемъ устройствѣ быта, если не всѣхъ народовъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, въ пользу которыхъ онъ будетъ признанъ... Но дѣло въ томъ, что самый принципъ національностей является до крайности туманнымъ, неразработаннымъ и неопредѣленнымъ. Ни одна національность не представляетъ въ настоящее время тѣсно единой и компактной массы — переходъ отъ итальянцевъ, напримѣръ, къ французамъ, или къ нѣмцамъ даже вовсе не такъ крутъ и обрывистъ, чтобы сразу можно было рѣшить: кому — Германіи или Франціи, Италіи или кому бы то ни было другому, должна принадлежать такая-то провинція. Въ опроверженіе этого же принципа приводятъ еще и Швейцарію, которая только и можетъ существовать во имя принципа равновѣсія, и которая между тѣмъ такъ довольна своей судьбой, что не перемѣнитъ добровольно свое устройство ни на какое другое... Все это трудности, надъ которыми конечно слѣдуетъ призадуматься и которыми даже положительно неразрѣшными съ точки зрѣнія прежнихъ понятій о равновѣсіи...

А признаніе европейскаго равновѣсія считаютъ громаднымъ движеніемъ впередъ, сдѣланнымъ на поприщѣ развитія общественности. Оно такимъ и было въ дѣйствительности, но потому, что въ немъ принципъ, плодъ человѣческой мысли, былъ признакъ всеміи и противупоставленъ матеріальной силѣ. Государства общимъ согласіемъ глади предѣль честолюбію и жадности завоевателей; гарантировали политическую личность противу другой, сильнѣйшей ея, открывая

такимъ образомъ возможность каждому государству отказаться отъ исключительной централизаціи, необходимой для развитія въ немъ возможно большей военной силы, но препятствовавшей развитію всѣхъ другихъ сторонъ общественности. Но это желаніе такъ и осталось однимъ желаніемъ. Политическія желанности — отдѣльными государства, которыя такимъ образомъ гарантировалась ихъ независимость въ составѣ своемъ все еще представляли слишкомъ много случайнаго. Теорія стратегическихъ границъ является, какъ необходимый выводъ принципа равновѣсія. Принадлежавъ существованію Швейцаріи, наприимѣръ, необходимымъ для европейскаго равновѣсія, державы должны гарантировать ей обладаніе тесинскимъ кантономъ, который навѣрное выдуналъ бы отпасть отъ нея, если бы Швейцарія задумала завести у себя французское гражданское устройство. Система европейскаго равновѣсія не имѣетъ въ себѣ ровно ничего, чтобы гарантировало ее самое противъ подобныхъ случайностей, при которыхъ необходимо будетъ прибѣгнуть все къ той же матеріальной силѣ.

Самая Италия до сихъ поръ вовсе не представляла стройнаго организческаго цѣлаго. Она стремится стать такою. Исторія ея за послѣднее время (т. е. съ начала тридцатыхъ годовъ) становится похожею на исторію Франціи, но взятою на выворотъ. Едва Франція, упорно централизованная при всѣхъ Людовикахъ, начиная съ XI-го, и даже въ самое время революціи, начинаетъ поговаривать хоть и стороною о федерализмѣ, — федеральная искони Италия начинатьъ стремится къ единству. Чиро-Менотти первый произнесъ это слово послѣ Наполеона I-го, и всѣ насторожили уши. Но Менотти не успѣлъ выясниться.

За тѣмъ временемъ его являются вполне санативами централизаціи, больше всѣхъ французскихъ султановъ — отъ Карла Великаго, и до Наполеона послѣдняго включительно. — Если единство Италии въ глазахъ итальянцевъ меньшее зло, которое они готовы принять на мѣсто большаго — т. е. австрійскаго ига, то почему-же унитарныя рѣчи Наполеона и самая субъ-альпийская республика были здѣсь такъ мало популярны? — Въ устахъ Наполеона слово это дѣйствительно звучало пораженіемъ всякихъ тедесновъ... А меньше чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ идея эта находить себѣ защитниковъ во всѣхъ концахъ Италиі.

Еще одно обстоятельство, котораго не слѣдуетъ упускать изъ ви-

ду, — самая ненависть къ австрійцамъ далеко не была въ Италіи такимъ универсальнымъ и осязательнымъ фактомъ до появленія «Молодой Италіи». Карбонары мирились съ Австрією или интриговали въ пользу конституціонной Франціи т. е. они сами не ясно совнавали, къ чему стремились. Только съ появленіемъ «Молодой Италіи» эти стремленія переходятъ въ ясное и живое пониманіе какъ внутреннихъ, такъ и вѣшнихъ враговъ Италіи. «Перейдите за Альпы, и мы снова братья»: эти прекрасныя слова встрѣтили общій отголосокъ какъ въ Неаполѣ, такъ и во Флоренціи, и теперь сдѣлалось ясно, кого надо ненавидѣть и кого любить. Въ этомъ великая заслуга «Молодой Италіи». Съ глубокою вѣрою въ свой народъ, она показала ту свѣтлую блестящую роль, которую могла играть Италія въ современномъ мірѣ. Она указала тотъ идеалъ, къ которому упорно стремились федеральныя республики временъ возрожденія и осуществить который помѣшала имъ враждебная сила сѣверныхъ варваровъ.

Идеалъ гражданской Италіи никогда не жилъ и ничѣмъ не заявилъ себя въ конкретной дѣйствительности. Онъ несвоевременно явился на свѣтъ во время реакціи древнему міру, котораго онъ былъ законный сынъ и наследникъ. Возмутившіеся варвары, въ рукахъ которыхъ на этотъ разъ была сила, задушили было младенца... Молодая Италія сумѣла возстановить его по тѣмъ слѣдамъ, которые онъ оставилъ по себѣ во множествѣ художественныхъ произведеній. Она угадала его въ прерванномъ рядѣ полуразрушенныхъ памятниковъ прошедшаго. Въ разрѣшенія этой мудреной загадки ея колоссальный успѣхъ.

Итальянецъ, федералистъ по природѣ, по развитію. Его личность, какъ и каждый клочекъ его земли, имѣетъ свою рѣзкую физиономію, которая не хочетъ, не можетъ стереться, ни во имя ничего на свѣтѣ. Пока феодально-католическая и нео-протестантская безличность давали свой строй общественности, итальянцы считали себя неспособными къ ней, не видя за предѣлами выработанныхъ въ Италіи формъ ничего возможнаго. — Одни впадали въ полныи индифферентизмъ, признавая чѣмъ-то неизбежнымъ, фатальнымъ, самою исторією оправданнымъ, паразитизмъ своего существованія. Другіе истили обществу за то, что считали себя не для него созданнымъ. И это было и въ частной, и въ политической жизни ихъ. — Свято хранимая многими память о давно перенесенныхъ ими обидахъ,

давала имъ силы на злобу, на месть. Но единства и въ ненависти этой не было....

Единство явилось тогда, когда «Молодая Италия» указала имъ, что народъ имѣеть свое призваніе, свой идеалъ общественности, задавленный, отстраненный на время варварами, покончившими римскій міръ — но способный возродиться. И этого было довольно. Во имя лучшаго будущаго, во имя стремленія каждаго влочка своей земли, каждой своей отдѣльной личности, не утрачивая собственную индивидуальность, жить въ обществѣ — Италия почувствовала свое единство...

«Централизація во имя личности и федерализма!» — Это покажется пожалуй вопиющей нелѣпостью, наборомъ противурѣчащихъ одно другому словъ....

Но во-первыхъ — мы еще и не говорили о централизаціи, а только о единствѣ стремленій, настроенія всеобщей мысли, которое необходимо должно заявить себя фактомъ, но можетъ сбойдтись при нѣкоторыхъ условіяхъ и безъ централизаціи... Во-вторыхъ — и да будетъ это сказано разъ навсегда — жизнь идетъ сцѣпленіемъ всевозможнаго рода противорѣчій... Нѣтъ сомнѣнія, что при нѣкоторыхъ условіяхъ, внутреннее единство можетъ заявить себя и безъ централизаціи. Но въ Италиі именно этихъ-то нѣкоторыхъ условій и не было....

То, что человекъ способенъ вполне понять и вмѣстить въ себя — того нѣтъ надобности говорить ему — онъ самъ найдетъ его, отроеетъ изъ бездны подробностей, мелочей и побочныхъ, которыми все существенное бываетъ обыкновенно опутано въ будничной дѣятельности. А вся громадная заслуга «Молодой Италиі» заключается именно въ томъ, что она изъ осколковъ итальянской жизни возродила, такъ сказать, идеалъ народный. Другіе поняли и приняли этотъ идеалъ, на сколько онъ былъ нуженъ имъ, доступенъ, по плечу имъ... Большинство, увлеченное святою вѣрою великаго слова, только почувствовало свое призваніе, но у него не хватило духу заглянуть ему, такъ сказать въ лицо — узнать, въ чемъ оно и что оно? — Но и этого было совершенно достаточно для того, чтобы раздуть въ грозное пламя истинно народной вражды ту злобу, которая давно кипѣла въ сердцахъ необезсилѣвшихъ окончательно подъ развращающимъ гнетомъ общественнаго замиранія. Говоря другими

словами: хватило силъ на борьбу со старымъ, но на постройку новаго ихъ не оказывалось...

Если бы Италия, какъ Илья Муромецъ, просидѣла бы сиднемъ триста лѣтъ, то, можетъ быть, она и встала бы, какъ богатырь, сильная и могучая — врагъ побѣждалъ бы отъ одного ея взгляда, и новая жизнь — эта Дантовская *vita nuova* — явилась бы, какъ Минерва во всѣхъ регалияхъ и зацвѣла бы на славу. Но такія превращенія возможны только въ сказкахъ. Въ дѣйствительности же, кто заснетъ на 300 лѣтъ, тотъ не сохранится, а проснется изнеможенный и полусгнившій отъ застоя... Италия въ это время замирала, но не коченѣла, не спала. Народились въ ней поколѣнія болѣе или менѣе паразитныя. Они не видѣли даже средствъ бороться противъ врага иными средствами, какъ тѣ, которыя самъ онъ давалъ имъ.

— Вотъ при какой обстановкѣ появляются здѣсь ремесленныя братства...

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Теперь я могу поближе подойти къ самому предмету, а потому я прямо приступаю къ главному вопросу: что дѣйствительно новаго вносить съ собою эти братства въ исторію развитія итальянской общественности?

На это можно отвѣтить однимъ изъ пунктовъ самой ихъ программы, тѣмъ именно, въ которомъ говорится, что работники составили между собою ассоціацію для того, чтобы достигнуть своего нравственнаго и физическаго благосостоянія, и что ассоціація рѣшается вступить въ состязаніе съ капиталомъ. Но состязаніе это ей самой является не въ смыслѣ уличной драки, не насиліемъ она будетъ дѣйствовать для достиженія своей цѣли, а чисто внутреннимъ путемъ, путемъ, который бы можно было назвать экономическимъ, если бы рутіна политической экономіи не извратила это слово въ общемъ сознаніи нашего поколѣнія.

Удастся, или нѣтъ? — Это вопросъ посторонній, который здѣсь необходимо обойти по весьма простымъ и понятнымъ причинамъ. Но не въ этомъ одномъ весь интересъ самаго дѣла...

Теперь все это еще только въ будущемъ. Какъ фактъ, существуютъ только подобныя ассоціаціи и именно въ указанномъ мною смыслѣ. А это не шутка...

Но вникнемъ прежде въ самый вопросъ, такъ рѣзко поставленный здѣсь, отчасти, можетъ быть, и безъ ихъ собственнаго вѣдома, итальянскими ремесленными братствами, вопросъ между трудомъ и капиталомъ. Политическая экономія, пользовавшаяся до сихъ поръ монополиею въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ, только запутала ихъ своею неудачною quasi-научною, и болѣе мифическою терминологіею... Подъ словомъ капиталъ она понимаетъ то благодѣтельное и неопредѣленное вмѣстѣ съ тѣмъ божество, которому поклоняется вмѣстѣ съ нею вся буржуазная плутократія. Въ ней капиталъ все, и все капиталъ, она трудъ смѣшиваетъ съ нимъ до извѣстной степени.

Итальянскіе работники, смотрять иначе. Для нихъ капиталъ нѣчто весьма опредѣленное.

Объясняется этотъ практическій взглядъ такимъ образомъ.

Производительностию вообще называютъ тотъ многосложный процессъ, посредствомъ котораго лице или общество обращаетъ въ годный для своего потребленія продуктъ вещество или матеріалъ, составляющій природное богатство его. Активная роль въ этомъ процессѣ принадлежитъ труду. Вещество является, какъ матеріалъ его. Прибавь те къ этому орудіе, посредствомъ котораго трудъ обращаетъ свой матеріалъ въ продуктъ общественной (или личной) производительности. Вотъ три главные элемента производительности, вѣ которыхъ не можетъ быть никакой другой. Если бы вся общественная жизнь ограничивалась однимъ этимъ процессомъ, то самое понятіе о капиталѣ никогда не могло бы зародиться...

Но при спеціальному раздробленію труда, — т. е. когда каждый производитъ не всѣ нужные ему продукты, а только одинъ разрядъ ихъ — является другой процессъ: обмѣнъ, или торговля — непроеизводительный самъ по себѣ, т. е. не увеличивающій массу общественныхъ богатствъ, а только перемѣщающій ихъ сообразно требованіямъ даннаго момента. Назначеніе торговли состоитъ въ отстраненіи тѣхъ условій пространства и времени, которыя въ дѣйствительности служатъ препятствіемъ сближенію между собою, предназначенныхъ для обмѣна, продуктовъ.

При обменѣ разнородныхъ продуктовъ является необходимость въ отвлеченной и абсолютной единицѣ стоимостей, которая бы служила мѣрою всѣхъ возможныхъ стоимостей. И, какъ вещественная форма для этого отвлеченія, являются деньги.

Съ одной стороны, деньги, слѣдовательно, имѣютъ только чисто условную стоимость. Съ другой, онѣ являются, какъ новый продуктъ, имѣющій то преимущество передъ всеми остальными продуктами, что стоимость его утверждена и признана цѣнами обществомъ, и что относительно ея теряются всѣ другія стоимости...

Теперь возьмемъ слѣдующій простой случай. Два работника А и В, помогая, заработали каждый по 50 р. сер. Отложивъ себѣ, сколько нужно на жизнь въ теченіе, положимъ, одного мѣсяца, А на оставшіяся у него деньги покупаетъ себѣ матеріалъ, изъ котораго, претрудившись надъ нимъ цѣлый мѣсяць, онъ извлекаетъ известный продуктъ, продажою котораго выручить себѣ средства на дальнѣйшее существованіе...

Б поступилъ иначе. Онъ купилъ на свои деньги матеріалъ не собственнаго своего ремесла, а какого нибудь другаго, изъ котораго самъ онъ не сумѣетъ сдѣлать никакого полезнаго продукта. Стоимость этого продукта опредѣляется, какъ извѣстно, при современныхъ условіяхъ, съ одной стороны, спросомъ на него (*demande*), съ другой — предложеньемъ его (*offre*) на существующихъ рынкахъ. Б, являясь на него ненормальнымъ запросчикомъ, разрушаетъ тѣ отношенія, въ которыхъ были между собою запросъ и предложеніе въ тотъ моментъ, когда онъ покупалъ извѣстный матеріалъ. Число запросчиковъ увеличилось — поднялась, слѣдовательно, и цѣна на этотъ продуктъ. Б, воспользовавшись этимъ ея повышеньемъ, перепродаетъ его нормальнымъ потребителямъ. Повторивъ въ теченіе мѣсяца нѣсколько разъ подобную спекуляцію, къ концу его онъ оказывается богаче, чѣмъ А.

Конечно, со стороны отдѣльныхъ лицъ для подобнаго рода спекуляцій требуется очень часто больше, можетъ быть, всякихъ умственныхъ качествъ, чѣмъ на производство опредѣленной работы; но все не въ этомъ дѣло. Богатство общества, которому принадлежитъ взятый мною здѣсь спекуляторъ, не увеличилось ни на волосъ. Кто же заплатилъ ему то, что онъ приобрѣлъ такимъ образомъ?

Очевидно, прежде всего работникъ, перекупившій у него матеріалъ.

Дальше: цѣна на продуктъ, выдѣлываемый изъ этого матеріала, необходимо тоже повысилась. Слѣдовательно, В вальз отчасти данъ и со всѣхъ потребителей на этотъ продуктъ. Ясно, что, взятая въ большихъ размѣрахъ, подобная спекуляція должна дать весьма вредные результаты для цѣлаго общества.

Но пока насъ еще можетъ интересовать другая сторона всего этого... Деньги въ описанномъ выше случаѣ представляютъ для самого В какой-то суррогатъ труда, т. е. даютъ ему возможность богатѣть, не производя для общества ничего, или даже дѣйствуя въ ущербъ ему. Остановимся нѣсколько минутъ надъ этимъ. Политико-экономы признаютъ и благословляютъ подобнаго рода сдѣлки, опредѣляютъ ихъ въ своихъ доктринахъ подъ рубрикою «производительности капиталовъ». Оно бы и хорошо; но только эта производительность, которой я представилъ здѣсь одинъ изъ простѣйшихъ видовъ, едва ли не главная причина нищеты, пауперизма и всякихъ общественныхъ золъ.

Что дало возможность В извлечь для себя выгоду изъ подобнаго оборота? Очевидно, деньги. Если бы у него въ рукахъ былъ натурою продуктъ его производительности, то онъ не могъ бы сдѣлать этого. Покупая матеріалъ труда другаго производителя, онъ бы отнималъ тѣмъ самымъ у него возможность приобрести впредь его собственный продуктъ, такъ что именно та часть его, которую онъ обмѣниваетъ на этотъ матеріалъ, потеряла-бы всякую цѣну, за немѣнѣемъ на себя потребителя. Съ деньгами этого случиться не можетъ, потому что онъ продуктъ привилегированный, цѣна на который менѣе всѣхъ другихъ стоимостей зависитъ отъ равновѣсія между запросомъ и предложениемъ. Поколебать ее гораздо труднѣе, чѣмъ всякую другую стоимость... Способность приносить доходъ, не требуя труда, принадлежить только деньгамъ. Въ этомъ слишкомъ легко убѣдиться изъ самой дѣйствительности...

Всякій продуктъ—матеріалъ труда, или орудіе его, могутъ продаваться, отдаваться въ наемъ или на поддержаніе, только деньги даются въ ростъ, на $\%_0$... И это вовсе не пустая разница словъ... Тотъ, кто отдалъ мнѣ въ наемъ свою землю, беретъ съ меня плату не за право пользоваться ею, а беретъ стоимость матеріала, изъ котораго я дѣлаю годный для общественнаго потребленія продуктъ. Предполагая, что подобный наемъ совершенъ нормальнымъ порядкомъ,

мы должны смотрѣть на него, какъ на дань, которую общество платитъ землевладѣльцамъ, а вопросъ о томъ, законна или незаконна подобная дань — подлежитъ вѣденію юриспруденціи. Съ точки зрѣнія общественной физиологіи противъ этого ничего нельзя возразить, потому что плата за наемъ (нормальная) соответствуетъ дѣйствительной стоимости нанимаемой земли, участвующей въ производствѣ общественнаго богатства, какъ пассивное начало — какъ матеріалъ труда. Но что даетъ мнѣ существеннаго тотъ, кто даетъ мнѣ за извѣстные проценты, какую-бы то ни было, сумму денегъ? и что выражаютъ собою эти проценты, эта дань, которую я ему плачу за это?

Опъ далъ мнѣ «возможность» пріобрѣсти матеріалъ для моего труда. Очень хорошо, но посмотримъ дальше. Я пріобрѣлъ на эту сумму данный матеріалъ и сдѣлалъ изъ него требуемый продуктъ. Но тогда стоимость этого продукта (которая во внѣшности только формулируется равновѣсіемъ между спросомъ и предложеніемъ, и въ сущности состоитъ изъ стоимости матеріала съ прибавкою стоимости приложеннаго къ нему труда) для самого производителя представляетъ не только сумму стоимостей труда и матеріала, а еще тѣ проценты, которые онъ долженъ заплатить за взятые въ займы деньги. Вотъ эту-то прибавку стоимости онъ долженъ вычесть изъ вырученной отъ продажи своего продукта суммы. Это новая дань, которую работникъ платитъ уже не за матеріалъ труда, (п. ч. за него онъ заплатилъ само по себѣ), а за возможность, за право работать. Въ большей части случаевъ, конечно, производитель заставитьъ потребителей заплатить эту надбавку стоимостей. Но положеніе и этимъ вовсе не улучшается. Дань, взимаемая работодателемъ, все же выплатится на счетъ труда и во всякомъ случаѣ въ ущербъ общественной производительности, потому что продуктъ такимъ образомъ цѣнится дороже, чѣмъ онъ стоитъ. Давшій въ займы деньги не прибавилъ ничего къ стоимости продукта, но за это *ничего* онъ беретъ барышъ.

Но давая возможность производить тому, кто не имѣлъ ея, онъ увеличиваетъ массу общественныхъ богатствъ: Это сутяжническая уловка, которою экономисты дабно уже отводятъ глаза и вниманіе всѣхъ отъ этого интереснаго предмета.

Посмотримъ поближе.

Что выражаютъ себѣ тѣ деньги, которыя даются въ ростъ?

Капиталъ, отвѣтитъ мнѣ каждый смысленный человѣкъ. Тутъ-то мы и разберемъ этого новаго Юпитера экономического Олимпа, посмотримъ, что въ самомъ дѣлѣ за божественный нектаръ течетъ въ его доктринерскихъ жилахъ...

Отдавая другому свои деньги, обладатель ихъ лишаетъ себя прежде всего возможности производить. Производить только трудъ—сдѣлать онъ лишаетъ себя возможности трудиться. Не трудясь, онъ можетъ жить, только поглощая продуктъ чужой производительности. Тамъ за это онъ заставляетъ себя платить? Очевидно, что нибудь не такъ...

Вернемся на минуту къ моимъ алгебраическимъ героямъ, авось отъ нихъ узнаемъ что-нибудь объ этомъ интересномъ дѣлѣ...

Мой работникъ Б, очевидно, неохотникъ до труда, иначе онъ не пустился бы на спекуляцію, которую хоть и одобряютъ экономисты, но за которую все же косится сильно на него его прежніе собратья. Онъ не заставитъ себя платить за то, чтобы жить сложа руки... Да, но отдавая другому деньги, онъ отниметъ у себя возможность продолжать впредь подобныя спекуляціи, оказавшіяся очень выгодными для него. А отказаться отъ нихъ онъ не намѣренъ даромъ. Имъ онъ разжался—онъ сталъ *капиталистъ*...

Что означаетъ это слово?

Б не на всѣ тѣ 50 р. с., съ которыми я его пустилъ въ свѣтъ, можетъ получать доходъ, а только на ту ихъ часть, которая остается у него свободною, т. е. которую онъ не обязанъ обмѣнять на извѣстный рядъ продуктовъ, подъ опасеніемъ участи, постигшей семейство Уголино въ Пизанской башнѣ. Говоря другими словами: только избытокъ его производительности надъ тѣмъ, что онъ поглощаетъ, составляетъ его *капиталъ*. Это уже объясняетъ намъ отчасти, почему онъ имѣетъ возможность жить, не трудясь въ теченіи извѣстнаго времени. «Вовсе не деньги даютъ ему эту возможность, скажетъ по этому случаю экономистъ: очень естественно, что онъ не отдастъ даромъ никому этотъ избытокъ».

Да. Но вообразите себѣ, что Б сапожникъ и въ одинъ годъ онъ надѣлалъ столько сапоговъ, что можетъ обмѣняться на другіе нужные ему продукты въ количествѣ, превышающемъ въ десять разъ сумму поглощаемаго имъ ежегодно капитала. Деньги, говорите вы, ничего не

значуть: онѣ продуктъ, какъ и всякій другой. Онѣ повѣрили вамъ и не обмѣняя свой капиталъ на деньги. Всѣ случайности, положимъ, сложились въ его пользу. Сапоги не дешевиють ни мало (что уже очень трудно предположить при такомъ изобиліи на нихъ производства). Онѣ прожилъ десять лѣтъ, обмѣнивая свой запасъ на необходимые для него продукты. Но по окончаніи этихъ десяти лѣтъ у него не осталось ничего. Онѣ съѣлъ свой капиталъ. Тогда Боже его сохрани пуститься съ своими сапогами на спекуляцію, подобную разсказанной выше. Если ему удастся поднять цѣну на какой-либо другой продуктъ, то онѣ ровно столько-же потеряетъ на своемъ собственномъ товарѣ. А если онѣ кому-либо далъ въ займы пару своихъ сапоговъ, тотъ навѣрное не возвратитъ двѣ пары по истеченіи какого угодно срока. Никакой избытокъ продуктовъ не даетъ процента. Это ясно, какъ день, и можетъ даваться сбивчивымъ потому только, что какъ деньги представляютъ все, такъ и все съ своей стороны представляетъ деньги.

Итальянскіе работники, по поводу которыхъ я вступаю въ эти длинныя разсужденія и изслѣдованія, обошли вопросъ чисто юридическій: какимъ образомъ избытокъ производительности концентрируется все больше въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Или правильнѣе — они не подошли къ нему еще, какъ я уже сказалъ выше. А потому я и не коснусь его здѣсь. Главное было показать, что капиталъ, въ томъ значеніи, которое они ему придаютъ, представляетъ нѣчто не только враждебное труду и рабочему сословію, но и цѣлому обществу.

Сказаннаго, можетъ быть, было-бы довольно для того, чтобы снова возвратиться къ дѣятельности ремесленныхъ братствъ — дѣятельности пока еще ребяческой, робко подходящей ко всемъ этимъ томительнымъ вопросамъ. Но я коснулся условій слишкомъ существенныхъ, слишкомъ основныхъ для всякаго общественнаго быта и не считаю себя вправѣ оставить ихъ не объяснившись.

Я не думаю проповѣдывать крестоваго похода противъ денежной системы — необходимость ея доказывается достаточно исключительнымъ ея существованіемъ повсюду. Я также не думаю говорить о частныхъ злоупотребленіяхъ — онѣ неисчислимы. Но указать тѣ противорѣчія, которые приеущи ей, безъ которыхъ она немислима при современномъ экономическомъ порядкѣ, я считаю необходимымъ.

Деньги, рассматриваемыя, какъ продуктъ, не удовлетворяютъ своему назначенію, онѣ нелѣпы, губительны, несправедливы... Онѣ опора и основаніе экономической рутинны и общественной бѣдности.

«Но чѣмъ же виноваты деньги? — Развѣ при простомъ обмѣнѣ продукта на продукты-же... говорить мой противникъ, воображающій, что лучше и могущественнѣе денегъ нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Что было бы при отсутствіи денегъ — это намъ очень трудно вообразить себѣ, но едва ли бы было что-нибудь хуже. Бѣда въ томъ, что деньги представляютъ, вмѣсто отвлеченной мѣрки стоимостей, самобытный продуктъ, имѣющій надъ всякимъ другимъ то преимущество, что онъ по преимуществу удобообмѣняемъ на всѣ возможные продукты, что онъ стоитъ совершенно изолированно отъ всѣхъ другихъ продуктовъ, что цѣнность его опредѣлена и обусловлена общественнымъ признаніемъ, что она относительно постоянна; главное же, что онѣ производимы въ рукахъ того, у кого онѣ свободны, т. е. у кого ихъ столько, что за покупкою необходимаго у него остаются еще деньги; а между тѣмъ онѣ непродуцибельны, даже не продуктъ, а чистое отвлеченіе въ рукахъ того, кто обязался купить на всю обладаемую имъ сумму извѣстный рядъ продуктовъ...

Вотъ противъ этого-то зла вступаютъ въ борьбу итальянскія ремесленныя братства. А какъ онѣ берутся за дѣло? объ этомъ я поговорю въ четвертомъ письмѣ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Не особенно трудно догадаться, что итальянскіе работники въ пониманіи экономического вопроса — борьбы между трудомъ и капиталомъ — руководствуются не глубокимъ и основательнымъ изученіемъ вопроса, а тѣмъ, что обыкновенно называютъ инстинктомъ массы, тѣмъ синтетическимъ пониманіемъ предмета, вѣрности котораго очень много удивлялись всѣ идеологи, испускавшіеся до изученія народа... Это синтетическое пониманіе, въ самомъ дѣлѣ, многихъ можетъ поражать своею вѣрностью дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе оно все-таки далеко отъ научнаго пониманія... Въ самомъ дѣлѣ откуда пізшло на народы это вдохновеніе, въ силу котораго они

схватываютъ истину помимо весьма тяжелаго, но единственно извѣстнаго къ ней пути — науки, анализа?

Народъ гораздо больше всякихъ идеалоговъ бываетъ вѣрять дѣйствительности, потому что онъ слишкомъ неразрывными узами связанъ съ нею и ему не легко оторваться отъ нея. Но именно благодаря этому-то, онъ всегда видитъ только одну, самую близкую ему сторону ея. Для того, чтобы схватить ее всю, во всей ея цѣлости, необходимо до известной степени отдалиться отъ нея...

Вся обыденная жизнь работника убѣждаетъ его (если только онъ обладаетъ способностью выработать себѣ хоть какое-нибудь убѣжденіе изъ тысячи фактовъ и случайностей, связывающихся ему весьма ощутительно и шероховато), что надъ нимъ стоитъ сильный и могучій врагъ въ лицѣ каждаго, кто, по видимому, благодѣтельствуетъ его, поощряетъ его производительность. — Въ Италіи это всего болѣе ощутительно. — Здѣсь нѣтъ денежной аристократіи, которая бы сорила деньгами и патронировала бы работниковъ. Здѣсь нѣтъ англичанъ, какъ солидныхъ антрепренеровъ фабричной промышленности, нѣтъ даже французской буржуазіи, мелкой, расчетливой, но имѣющей въ своихъ рукахъ средства выплачивать работнику хоть бы только то, чего оттягать у него невозможно. — Въ Италіи нѣтъ ничего подобнаго. Буржуазіи здѣсь явленіе до крайности паразитное, оторванное отъ всякой почвы, — и это я говорю безъ метафоры: — поземельная собственность здѣсь вовсе не въ рукахъ буржуазіи, у нея нѣтъ никакого основанія, никакого фонда. Она пробавляется фикціями, и торговля — вся внутренняя торговля безъ малѣйшаго исключенія — дошла здѣсь до самаго современнаго развитія: — она обратилась въ азартную игру, въ ажіотажъ, маклерство, куртажничество. — Товаръ забирается въ долгъ у работника и вовсе не потому, чтобы негоціантъ внушалъ ему хоть малѣйшее довѣріе, а потому только, что работникъ самъ не имѣетъ ни средства, ни возможности открыть большой магазинъ для сбыта своихъ продуктовъ въ лучшей части города. Въ маленькую-же его лавченку не заглянетъ ни одинъ форестьеръ — единственный потребитель въ Италіи, для котораго существуетъ здѣсь торговля... Если вы сомнѣваетесь въ истинѣ извѣстнаго выраженія Наполеона I: — «торговля организованный дневной разбой» — то загляните въ любую итальянскую лавку, хотя бы устроенную на самый цивилизованный ладъ съ *приблизкомъ* и *ин-*

миши-спокемомъ. Я не говорю уже, что съ тобою поступаютъ, здѣсь, какъ съ попавшимся военно-плѣннымъ. Но весь товаръ, разставленный по лакированнымъ полкамъ и за зеркальными стеклами, самыя полки и стекла — все забрано у работниковъ безъ копѣйки денегъ; въ уплату пошли векселя, которыя никто не размѣняетъ на биржѣ за пол-цѣны. Что дѣлать работнику—представить ко взысканію?—Но тогда лавка негоціанта распродана съ аукціоннаго торгу—долги его заплачены по пяти копѣекъ за рубль.

Достаточно было, чтобы подвозъ форестьеровъ прекратился на одинъ только часъ—что дѣйствительно случилось въ 1860—и девять десятыхъ изъ тузовъ здѣшней торговли—банкроты, нищія; за каждымъ изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, сотни работниковъ пошли по-міру...

Но что же дѣлать, скажете вы: иностранцы единственные потребители здѣсь. Ихъ нѣтъ, — понятно, что производительность падаетъ. Оно такъ, но не совсѣмъ.

Негоціантъ, забирающій товаръ за бумажку, которой нѣтъ никакого хода, успѣлъ убѣдиться изъ политической экономіи, что онъ лице необходимое для благосостоянія общественнаго, что онъ двигаетъ впередъ цивилизацію всей Европы, не только роднаго края... За это онъ самъ себѣ присуждаетъ весьма порядочное годовое жалованье... Продуктъ, который самъ онъ приобрѣлъ за рубль отъ работника, онъ стремится продать его за пять, а если продастъ его за три, онъ въ убыткѣ, потому что самъ издержался на поддержку наружными средствами своего кредита. Работникъ неохотно продастъ частному лицу свой продуктъ за ту же цѣну, за которую отдаетъ его негоціанту, хотя бы частный покупатель платилъ за него наличными деньгами. Это очень понятно: негоціантъ забираетъ гуртомъ, кромѣ того, онъ покровительствуетъ работника и за свое покровительство требуетъ нѣкоторой подчиненности. Работникъ тогда только убѣждается, что этому брюхатому господину, съ толстой золотой цѣпочкой и громкимъ голосомъ, не изъ чего было покровительствовать ему, когда уже онъ получалъ пять копѣекъ вмѣсто обѣщаннаго рубля.—Негоціантъ объясняетъ ему эту неприятную случайность громкими фразами, политическими событіями, финансовымъ и торговымъ кризисомъ... Все это справедливо. Но отчего самый торговый кризисъ?

Работнику ясно одно:—нѣтъ денегъ, деньги вздорожали. Дешевы

такой же продуктъ, какъ и другіе: много ихъ—они дешевы, мало—они дороги.

Работнику въ голову не приходитъ, что для него нуженъ вовсе не новый продуктъ и что, какъ продуктъ, деньги для него вовсе не существуютъ: для него онѣ отвлеченіе, представляющее ему данный рядъ нужныхъ ему продуктовъ. Онъ не подумаетъ о томъ, что если бы антрепренеръ забралъ въ свои руки всякій другой изъ существующихъ продуктовъ, то самъ антрепренеръ разорился бы прежде всѣхъ, если бы деньги представляли такой же продуктъ, какъ другіе, и ничего больше;—что банкиръ или ростовщикъ спекулируетъ на деньги вовсе не какъ на продуктъ, а что онъ спекулируетъ на ихъ изолированность отъ всѣхъ другихъ продуктовъ.

Работникъ понимаетъ одно: ему нужны деньги. Ломбардъ съ каждымъ мѣсяцемъ почти уменьшаетъ ссудную сумму. Ростовщикъ, къ которому онъ необходимо долженъ обратиться, разоряетъ его тяжестью процентовъ. Какъ пособить горю?

Общество взаимнаго вспоможенія обезпечиваетъ его отъ голодной смерти тогда только, когда ему грозитъ опасность умереть, другимъ образомъ—когда онъ боленъ. Но онъ здоровъ, а ему не на что приобрести себѣ здоровой пищи. Онъ устроиваетъ своего рода *providenza*, которая дѣйствительно для него благотворное провидѣніе: онъ уже не будетъ платить своей даніи капиталисту съ каждаго фунта рису, муки, которую онъ потребляетъ. Благодаря этому, онъ съ меньшими издержками можетъ быть сытъ. Но и это благо дѣло оказывается каплею меду, почти незамѣтно пропадающею въ болѣе дегтю, съ которою можно сравнить его жизнь. Ему мало быть сытымъ, ему нужно работать: безъ этого никакая *providenza* не спасетъ его отъ голоду; но заработанныхъ имъ денегъ не хватаетъ на покупку орудія, матеріаловъ.

И вотъ одною народною инициативою прибавляется къ программѣ братствъ еще третій пунктъ:

«Общество при первой возможности устроить при себѣ заведеніе кредита для своихъ членовъ.»

Пока эта возможность еще не открылась. Разумѣется, работникъ и не идетъ дальше въ обсужденіи этого пункта. Будетъ время об-

судить его тогда уже, когда будутъ деньги на новое учрежденіе. За тѣмъ остается постоянная возможность улучшать его по мѣрѣ того, какъ практически обнаружатся недостатки, которые необходимо вращаются въ его организацію...

Пророчествовать въ этомъ дѣлѣ нельзя. Предвидѣть все многообразныя случайности, которыя будутъ имѣть вліяніе на дальнѣйшіе развитіе заведенія кредита при итальянскихъ ремесленныхъ братствахъ, невозможно. Но стоять ли оно на вѣрной дорогѣ къ успѣху? т. е. предполагая, что это новое или предполагаемое учрежденіе разовьется нормальными путями, то будетъ ли достигнута цѣль, которую братства эти имѣютъ въ виду?

Какъ палліативная мѣра, такое учрежденіе будетъ, очевидно, полезно вдвойнѣ. Съ одной стороны работнику представится возможность имѣть деньги за меньшіе проценты, чѣмъ въ настоящее время. На сколько облегчится этимъ его судьба? судить трудно теперь; пока еще не извѣстно, какого рода будетъ самое кредитное учрежденіе: приметъ ли оно за норму уставъ существующихъ коммерческихъ банковъ или ломбардовъ, или же наконецъ приметъ оно себѣ за основаніе чисто личный кредитъ, довѣріе, внушаемое тою или другою личностью? Этого не знаемъ пока еще не только мы съ тобою, но и никто его не знаетъ. Такъ и оставимъ его на время въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что есть другая сторона во всемъ этомъ, несравненно меньше зависящая отъ случайностей, вытекающая изъ самой сущности дѣла и о которой считаю не лишнимъ поговорить здѣсь, потому что она объяснитъ намъ отчасти: куда идутъ итальянскія ремесленныя братства.

Изъ всего числа членовъ общества въ настоящее время весьма значительное большинство имѣетъ постоянную надобность въ кредитѣ. А программа будущаго кредитнаго заведенія должна быть одобрена этимъ большинствомъ. Даже больше, она будетъ составлена этимъ большинствомъ, такъ какъ комиссія, которой специально будетъ поручено ея составленіе, выберется по большинству голосовъ изъ самихъ же членовъ общества... Очень вѣроятно, что на первое время большинство это взглянетъ на вопросъ весьма узко, что оно увидитъ въ новомъ заведеніи кредита только одну его чисто палліативную сторону; т. е. даваемую посредствомъ его возможность брать въ займы деньги за меньшіе проценты противъ прежняго. Ненужно-

щеся въ займахъ меньшинство не упустить, конечно, поставить ему на видъ, что часть платимыхъ процентовъ, какъ входящая въ составъ общественнаго капитала, возвращается самому должнику.

Я общалъ не останавливаться надъ тѣми случайностями, которыя могутъ отклонить временно предполагаемое кредитное учрежденіе отъ его нормальнаго, т. е. неизбежнаго развитія. Но это раздвоеніе интересовъ самого общества въ дѣлѣ кредитнаго учрежденія вовсе не случайное и отстранить его не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а между тѣми существовать долго съ подобнымъ дуализмомъ въ самомъ себѣ общество не можетъ.

Пользованіе кредитомъ отъ общества должно составлять преимущество, привиллегію самихъ членовъ братства надъ принадлежащими къ нему работниками. Слѣдовательно, общество должно выдавать деньги за меньшіе проценты, чѣмъ любое изъ кредитныхъ учреждений, существующее для всѣхъ. Отчуждая такимъ образомъ часть своего капитала, въ пользу хотя-бы своихъ же собственныхъ членовъ, по за возможно меньшіе проценты, изъ которыхъ кромѣ того нужно вычесть еще издержки на поддержаніе самого кредитнаго заведенія, общество теряетъ уже часть тѣхъ выгодъ, которыя-бы оно могло другими путями извлечь изъ своего капитала — т. е. каждый членъ общества теряетъ на столько, на сколько онъ солидаренъ съ самимъ обществомъ. Кромѣ того проценты, вносимые каждымъ работникомъ за взятую имъ въ кредитъ изъ общества сумму, необходимо должны быть меньше, чѣмъ то, что работникъ этотъ выигрываетъ, обративъ взятый капиталъ въ матеріалъ своей производительности. А такъ какъ выигрышъ этотъ весьма различный, смотря по цѣху или мастерству (чему въ итальянскихъ ремесленныхъ братствахъ соответствуетъ коммуна), то или процентъ съ капитала долженъ быть рассчитанъ сообразно доходамъ съ самаго невыгоднаго ремесла, либо же онъ тоже долженъ быть различный для важной коммуны, либо наконецъ онъ будетъ рассчитанъ сообразно среднему заработку, который примется обществомъ какъ-бы за норму заработковъ.

Это послѣднее—самое вѣроятное, но съ тѣми выстѣ и самое худшее, изъ трехъ возможныхъ рѣшеній, изъ которыхъ впрочемъ ни одно не удовлетворительно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни распорядилось общество въ этомъ

случаѣ; но и само оно, и всѣ тѣ изъ его членовъ, которые воспользовались въ меньшей степени или вовсе не воспользовались лично для себя кредитнымъ учрежденіемъ, потеряютъ при этомъ больше, нежели могутъ выиграть воспользовавшіеся имъ, и мало по малу дойдутъ до того, что каждый изъ членовъ ремесленнаго братства будетъ либо вынужденъ, либо добровольно (т. е. безъ крайней необходимости) станеть занимать деньги изъ общественной кассы. Это не только возможно, но необходимо должно случиться, потому что только при этомъ одномъ условіи, при которомъ каждый будетъ въ одной и той же степени заемодавцемъ и должникомъ, можетъ установиться равновѣсіе, безъ котораго ремесленное братство обратится либо въ эксплуатацію бѣднѣйшихъ изъ своихъ членовъ богатѣйшими, либо обратно, либо наконецъ и въ то, и въ другое вмѣстѣ. А оно не можетъ сдѣлать этого, не измѣнивъ одному изъ коренныхъ своихъ принциповъ, не можетъ кромѣ того и по чисто-матеріальнымъ еще причинамъ...

Сколько времени понадобится на то, чтобы общество вернулось къ этому единственно возможному для него состоянію внутреннего равновѣсія?— это загадка. Какими путями дойдетъ оно до него?— въ этомъ весь драматизмъ современной исторіи. Но что при этомъ равновѣсіи само кредитное учрежденіе станеть ненужною нецѣлостью—это очевидно. Каждый, на сколько онъ заемодавецъ, выигрываетъ то, что проигрываетъ, какъ должникъ. А заемодавецъ и должникъ платятъ за существованіе кредитнаго учрежденія, не приносящаго имъ никакой пользы, и кромѣ того теряютъ, отклоняя часть общественнаго капитала на ненужную игру. Кредитное учрежденіе либо упадетъ совершенно, убѣдивъ работниковъ, что имъ нужно искать другихъ выходовъ изъ своего положенія, — либо же преобразуется само и очень радикально. Деньги, которыя оно могло-бы выдавать работникамъ безъ залога или подъ залогъ, за какіе-бы то ни было проценты, оно можетъ выдавать имъ въ видѣ ссуды за ихъ же собственные продукты, изъ которыхъ такимъ образомъ устроятся при обществѣ складочныя магазины по всѣмъ отраслямъ работничьяго производства, и такіе магазины могутъ очень легко представлять всѣ удобства существующихъ теперь частныхъ лавокъ и купеческихъ домовъ. По продажѣ продуктовъ работникамъ будутъ доданы слѣдующія имъ деньги за вычетомъ изъ вырученной продажей суммы про-

центовъ, необходимыхъ на поддержаніе подобнаго учрежденія. Такимъ образомъ только могутъ быть достигнуты все тѣ выгоды, которыхъ можно ожидать въ настоящее время отъ какаго-бы то ни было кредитнаго заведенія и безъ малѣйшихъ изъ тѣхъ существенныхъ неудобствъ, о которыхъ только что говорено. Даже самые проценты, слѣдующіе на поддержаніе этихъ складочныхъ магазиновъ, въ сущности выплачивались не работниками, а монополистами... Чѣмъ болѣе разовьется подобное предпріятіе, тѣмъ все меньше и меньше представится возможность существовать паразитнымъ классамъ общества, тѣмъ болѣе и болѣе производительность будетъ входить въ свои нормальныя условія, и цѣна каждаго продукта, устанавливаемая въ дѣйствительности равновѣсіемъ между спросомъ и предложеніемъ на существующихъ рынкахъ, будетъ болѣе и болѣе выраженіемъ дѣйствительной стоимости продуктовъ; все это вмѣстѣ приведетъ къ тому, что дѣйствительное значеніе труда возвысится на столько, на сколько должна упасть эксплуатація паразитными классами рабочихъ силъ. Изъ суммы этихъ трехъ стоимостей, которая составляетъ цѣну продукта, состоитъ, какъ извѣстно, дѣйствительная стоимость каждаго предмета. Конечно, она не абсолютно, а только относительно поставлена, какъ стоимость денегъ въ настоящее время... Такъ должно быть и такъ будетъ въ Италіи, благодаря дѣятельности здѣшнихъ ремесленныхъ братствъ. Какая бы судьба ни ожидала ихъ въ будущемъ, но развитіе ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И дѣйствительно, они развиваются быстро, даже тогда, когда идутъ къ своей цѣли ошупью. А что было бы, если бъ они дѣйствовали сознательно, освѣщаемые съ одной стороны наукой, а съ другой подкрѣпляемые матеріальной силой. Но и теперь, съ голыми руками и во мракѣ, они устрояютъ свое положеніе гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Голодная смерть не стучится въ двери тѣхъ, кто работаетъ общими силами съ братствомъ; даже является избытокъ тамъ, гдѣ бѣдность была какъ будто врожденнымъ наказаніемъ, и такимъ образомъ экономическая реформа дѣлается господствующимъ направленіемъ итальянской жизни. Предъ этой реформой блѣднѣютъ все воинственные крики, парламентскія комедіи, политическая суета суетствій и дипломатическая болтовня. Я въ одномъ глубоко убѣжденъ, что тотъ народъ, кото-

рый разрѣшить вопросъ труда на самыхъ рациональныхъ основаніяхъ, — будетъ ли то Италия, или Россія; — поворотить цивилизацію въ другую сторону и пойдетъ впереди образованнаго міра. Не даромъ изъ-за этого вопроса Америка проливаетъ рѣки крови и ставитъ уничтоженіе привилегій, монополя и рабства выше самой жизни. Рано или поздно, а придется всѣмъ окончить тѣмъ же. Такова неотразимая логика фактовъ.

А. Бранди.

О СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКѢ ВЪ РОССІИ

I.

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ положительныхъ и точныхъ наукъ: — такъ опредѣляется XIX столѣтіе всѣми мыслящими людьми. И дѣйствительно, ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему вѣковъ не отличался такимъ множествомъ открытій въ области естествознанія, математики, механики и другихъ наукъ, какъ наше время. Не случайное ли это явленіе? Нисколько: кромѣ того, что оно есть продуктъ всей прошедшей жизни человѣчества, но и умозрительное философское направленіе предшествовавшихъ вѣковъ, своею несостоятельностью и неточностью своихъ выводовъ доказало, во-первыхъ, что спасеніе человѣчества и его прогрессъ вовсе не въ отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, а въ открытіяхъ, математическихъ, физическихъ и химическихъ; и во-вторыхъ, что умозрительныя науки, вмѣсто того, чтобы строить à priori гипотезы, должны прежде изслѣдовать законы индивидуумовъ и народной жизни, а потомъ ужъ, на основаніи этихъ данныхъ, приходять къ тому или другому заключенію. Да и неудивительно, что человѣчество пришло къ такимъ результатамъ: большая часть абстрактныхъ и абсолютныхъ теорій не выдерживали строгой критики; одні смѣнялись другими, одна уничтожала другую; такъ что умозрительныя науки наконецъ не знали, на чемъ остановиться. Такое колеблющееся положеніе ихъ и заставило человѣчество отыскивать болѣе положительную почву, и началами умозрительныхъ

наукъ явились тѣ неизмѣнные законы, которые управляютъ организмомъ человѣка, его нравственною и общественною жизнью.

Подобно всѣмъ другимъ умозрительнымъ наукамъ, и правовѣдѣніе стояло, еще въ первой четверти настоящаго вѣка, на чисто метафизической точкѣ зрѣнія: всѣ теоріи права опирались на абстрактныхъ началахъ; поэтому, не имѣя твердаго и положительнаго основанія, онѣ колебались, и каждая остроумная новая мысль уничтожала предшествовавшее положеніе, внося въ науку одно только пустословіе и заблужденіе. Последнее же имѣло огромное вліяніе на юридическій бытъ европейскихъ народовъ: оно внесло ложныя начала во всѣ его отрасли, ложныя воззрѣнія на то — что полезно и что вредно человѣчеству; что свойственно и несвойственно его природѣ. Стоитъ только вспомнить при этомъ весь вредъ, принесенный Европѣ ученіемъ Канта и Фасрбаха, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ *). Такая положительная вредность и шаткость юридической науки вызвала мыслителей обратиться на иной путь — нежели тотъ, какой избрали нѣмецкіе философы: прежде построенія теоріи изслѣдовать законы человѣческаго организма и общественной жизни.

Путь этотъ былъ самый вѣрный: юридическая наука открыла въ индивидуальной и общественной жизни людей такіе вѣчно-неизмѣнные законы, какъ и въ остальной природѣ. Еще знаменитый Спенсера, à priori, безъ тѣхъ матеріаловъ, которые впоследствии представлены наукѣ статистикою, сказалъ: «люди потому только воображаютъ, будто они свободны, что сознаютъ свои поступки, не зная впрочемъ причинъ, вызвавшихъ эти поступки. Ребенокъ думаетъ, что произвольно желаетъ молока; злой мальчижъ — что онъ свободно желаетъ мщенія; трусъ — что онъ самъ рѣшается на бѣгство; пьяный — что онъ говоритъ по рѣшенію свободной воли. Дети, глупецъ, болтунъ и множество людей этого рода воображаютъ, что они говорятъ по свободной волѣ, между тѣмъ какъ они просто не въ состояніи принудить себя не болтать». **)

Что великій философъ облекъ въ такую крайнюю формулу, то во многомъ подтвердила современная статистика. Кэстле въ сочиненіи своемъ: «de l'influence du libre arbitre de l'homme sur les

*) До настоящаго времени уголовные кодексы Европы не могутъ освободиться отъ ихъ жестокихъ теорій.

**) Ученіе это въ новѣйшее время оправдывается также теоріею Січенова „о рефлексамъ головного мозга“.

faits sociaux» (О влияніи свободной воли челоѣка на социальныя факты), съ поразительною логикою, выводитъ изъ статистическихъ данныхъ слѣдующія положенія: «что существуетъ неизмѣнный законъ не только въ количественномъ отношеніи брачующихся лицъ, производительности народныхъ силъ, смертности, рожденій, но и преступленій и наказаній. Равноѣрность замѣчается не только въ самоубійствахъ и въ самоувѣчьяхъ, для избѣжанія конскрипціи, но и въ суммахъ, проигрываемыхъ въ публичныхъ домахъ Парижа, и даже въ числѣ неточно и неправильно адресованныхъ по почтѣ писемъ, которыя поэтому не были доставлены. Однимъ словомъ, все совершается такъ, какъ будто разнообразныя роды явленій подлежали чисто *физическимъ* причинамъ». Но прийдя къ такимъ результатамъ, Кетле однакожъ не отвергаетъ, подобно Спинозѣ, свободу воли. «Должно ли, говоритъ онъ, безусловно отрицать челоѣческую свободу воли при такой правильности явленій?.. Не думаю. Мнѣ только кажется, что эта свобода во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ заключена въ очень *тѣсныя* границы, и въ общественныхъ явленіяхъ она играетъ роль только случайной причины. Поэтому, отрѣшившись отъ отдѣльныхъ личностей и рассматривая только предметы въ общемъ и цѣломъ, мы видимъ, что вліянія *случайныхъ причинъ нейтрализуются* и такъ взаимно уравновѣшиваются, что господствующими остаются только истинныя причины, въ силу которыхъ существуетъ и держится общество. Возможность основанія нравственной статистики и извлеченія изъ нея полезныхъ слѣдствій вполне зависитъ отъ того основнаго положенія: *что свободная воля челоѣка исчезаетъ и остается безъ видимаго дѣйствія, какъ скоро наблюденіе распространяется на большое число личностей*. Тогда только можно узнать постоянныя и неизмѣчивыя причины, которыя управляютъ обществомъ; чтобы произвести полезныя реформы, нужно прежде всего подумать объ измѣненіи этихъ причинъ».

Эго мнѣніе Кетле раздѣляетъ въ своей сравнительной статистикѣ и Кольбъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что юридическая наука становится наконецъ на реальную почву, и матеріаломъ ея служитъ статистика. Мы съ точностію не можемъ сказать — кто первый началъ употреблять эти приемы; кто первый сталъ вникать въ смыслъ, по видимому мертвыхъ, цифръ; но мы знаемъ только то, что эти приемы взяты изъ политической экономіи и что въ настоящее время судебная статистика принимаетъ видъ положи-

тельной науки. Но для того, чтобы наука эта вышла из тѣснаго круга народности, въ которомъ она вертится въ настоящее время, и сдѣлалась бы формулою жизни всего рода человѣческаго, для этого ей необходимы многія условія, разрѣшеніе которыхъ едва ли возможно не только въ настоящемъ вѣкѣ, но и чрезъ нѣсколько столѣтій. Причиною тому—различіе не только въ степени развитости народовъ, но и въ ихъ социальномъ, юридическомъ и политическомъ бытѣ. Вотъ почему для судебной статистики могутъ, въ настоящее время, представлять данныя только Европа и Америка. Но и тутъ встрѣчается безчисленное множество препятствій вслѣдствіе различія религиозныхъ, юридическихъ и политическихъ тенденцій, внесенныхъ въ положительныя законодательства націй, обитающихъ въ этихъ двухъ частяхъ свѣта. Отъ этого-же различія законодательствъ европейскихъ и американскихъ происходитъ не только то, что въ статистическихъ таблицахъ различныхъ государствъ замѣчается различная номенклатура однимъ и тѣмъ же юридическимъ явленіямъ; но и самая ихъ жизнь видоизмѣняется отъ разнообразія общественныхъ формъ. Соціальная экономія, въ настоящее время, пришла къ тому убѣжденію, что юридическій бытъ народа имѣетъ огромное вліяніе на экономическій его бытъ, а послѣдній вліяетъ на всю его нравственную жизнь. Слѣдовательно я полагаю, что вообще едва ли возможно будетъ когда нибудь формулировать въ одинъ законъ жизнь всѣхъ народовъ въ совокупности. Статистическіе же выводы по отдѣльнымъ народностямъ и сравненіе статистическихъ данныхъ однихъ народовъ съ другими могутъ принести ту пользу, что по этимъ сравненіемъ можно придти къ заключенію: что есть общаго и что особеннаго въ жизни народовъ; что можетъ быть подведено подъ общую формулу и что нѣтъ; какое вліяніе имѣютъ различныя общественныя учрежденія и формы на матеріальный и нравственный бытъ народовъ; какія изъ нихъ хуже, какія лучше; какія законодательныя мѣры полезны и какія вредны. Къ такимъ выводамъ и пришли Кетле и Кольбъ въ сравнительной своей статистикѣ. Эти причины и побудили лицъ, интересующихся въ успѣхъ наукъ и развитіи ихъ началъ къ мысли: организовать международный статистическій конгрессъ. Мысль эта появилась еще въ 1851 г., съ цѣлью: 1) обсудить, какія статистическія данныя и въ какомъ объемѣ необходимы, для современныхъ потребностей науки и администраціи; 2) установить общій методъ разработки и практическаго примѣненія этихъ данныхъ. Но эти мысли получили

осуществленіе только въ 1853 году, въ Брюсселѣ, гдѣ собрался первый конгрессъ. За тѣмъ организовались еще конгрессы: въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, Лондонѣ *) наконецъ въ прошломъ 1863 году въ Берлинѣ. На послѣднемъ конгрессѣ со стороны Россіи были: гг. Семёновъ, фон-Бушенъ, Щепицъ, Вешняковъ и Гейкинъ. Конгрессъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ, кромѣ другихъ научныхъ, разсмотрѣнныхъ имъ, предметовъ, преимущественно занялся разрѣшеніемъ вопроса — относительно приданія болѣе положительной формы самому конгрессу. Еще на лондонскомъ конгрессѣ знаменитый Кетле предложилъ: устроить, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, въ Брюсселѣ нѣчто въ родѣ международного архива, съ цѣлью изданія своднаго статистическаго сборника всѣхъ европейскихъ государствъ. 23 статистическихъ учрежденія (въ томъ числѣ и центральный статистическій комитетъ Россіи) приняли эту мысль; но она осталась безъ исполненія. Въ виду облегченія этого дѣла, требующаго, кромѣ огромной переписки, сосредоточенія, для общей пользы, въ одномъ мѣстѣ всевозможныхъ статистическихъ матеріаловъ, — Кетле возобновилъ свое предложеніе въ прошломъ году берлинскому съѣзду. При чемъ онъ проектировалъ: обсудить возможность и колызу учрежденія постоянного центрального международного бюро, въ которое бы, во всякое время, можно было обращаться за необходимыми справками, которое специально занималось бы сношеніями съ статистическими учрежденіями и специалистами, и издавало бы международный статистическій сборникъ. Приготовительная коммиссія берлинскаго конгресса, подъ вліяніемъ нынѣшняго политическаго настроенія Пруссіи **), переработала этотъ первоначальный проектъ Кетле по своему. Вслѣдствіе этого возникъ проектъ огромнаго международного статистическаго общества и, въ такомъ видѣ, онъ поступилъ на обсужденіе перваго отдѣленія конгресса, въ которомъ засѣдало большинство *официальныхъ* делегатовъ и директоровъ статистическихъ учрежденій, въ томъ числѣ и авторъ первоначальнаго проекта — Кетле. Послѣ жаркихъ и продолжительныхъ преній, отдѣленіе отвергло проектъ въ цѣломъ; но, придерживаясь первоначальной, общепользующей и практической мысли, опредѣлило воз-

*) Конгрессъ этотъ между прочимъ предложилъ Европейскимъ государствамъ ввести единообразныя судебно-статистическія таблицы.

**) Государственный министр Пруссіи былъ председателемъ конгресса.

обновить предложенеіе Бетле на будущемъ конгрессѣ, который рѣшено открыть въ С. Петербургѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ избираа международная коммиссія для приготовленія къ слѣдующему съѣзду новаго проекта. Коммиссія эта составлена: изъ Фишера (Белгія), Фарра (Англія), Легоа (Франція), Семенова (Россія), Фиккера (Австрія), Энгеля (Пруссія). Проектъ коммисіи, прежде внесенія его на конгрессъ, будетъ сообщенъ всѣмъ *официальнымъ* представителямъ статистики, непосредственно заинтересованнымъ въ дѣлѣ *). Мы же съ своей стороны полагаемъ, что распубликованіе его въ Европѣ, и въ особенности въ Россіи, гдѣ предполагаетъ собраться ближайшій конгрессъ, можетъ принести дѣлу несомнѣнную пользу, давая въ этомъ важномъ случаѣ возможность высказаться не только официальнымъ любителямъ статистики, но и всѣмъ лицамъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Но это—второстепенная вещь: насъ же радуетъ то, что международный статистическій конгрессъ не есть болѣе утопія, а осуществленіе его, съ каждымъ годомъ, идетъ все ближе и ближе къ концу. Слѣдовательно и Россія должна принимать въ этомъ дѣлѣ самое живое и дѣятельное участіе; а потому для будущаго конгресса мы должны приготовить матеріалы свои съ большею обработанностію, съ большимъ вниманіемъ, такъ чтобы и нашъ матеріалъ могъ войти въ общій составъ сравнительныхъ статистическихъ таблицъ Европы. Задача эта трудна и многосложна, и требуетъ самаго энергическаго участія нашей литературы; съ другой стороны желательно бы было, чтобы и тѣ учрежденія, которыя собираютъ у насъ статистическія данныя, дѣлали это съ большею точностію, въ особенности по предметамъ судебной статистики.

II.

Итакъ, статистика хотя и возникла только въ настоящемъ вѣкѣ, но плоды ея огромны: она успѣла уже уяснить не только пользу или вредъ той или другой законодательной мѣры, причины того или другаго общественнаго зла; но и тѣ законы, по которымъ совер-

*) См. Отчетъ Русскаго географическаго общества за 1863 годъ.

шаются извѣстныя событія. Казалось бы страннымъ, къ чему и для чего, напримѣръ, собирать данныя относительно количества совершенныхъ преступленій и судебныхъ рѣшеній; но опытъ убѣдилъ человѣчество, что эти цифры, если можно такъ выразиться, суть итоги прожитой народомъ жизни, -- итоги, въ которыхъ всецѣльно выражаются его экономическія, юридическія и нравственныя потребности. Кромѣ этого, числовое отношеніе преступленій къ общей суммѣ народонаселенія обнаруживаетъ, что при однихъ и тѣхъ же общественныхъ и социальныхъ условіяхъ, существуетъ какой-то одинъ неизмѣнный законъ; самыя даже колебанія этихъ цифръ доказываютъ измѣненіе строя цѣлой народной жизни. Такимъ образомъ каждый мыслитель въ судебной статистикѣ можетъ найти богатѣйшій матеріалъ для своей наблюдательности и для изученія общества. Къ величайшему сожалѣнію, у насъ, въ Россіи, судебная статистика сдѣлалась общественнымъ достояніемъ только съ 1859 года, когда, въ журналѣ Министерства Юстиціи, стали печататься всеподданнѣйшіе отчеты этого министерства, начиная съ 1858 года.

Но и такое, еще недавнее, возникновеніе нашей судебной статистики принесло ужъ несомнѣнную пользу: она указала многія явленія, о которыхъ мы прежде и не думали. Мало того, что она опредѣлила характеръ каждой мѣстности, но и указала ихъ потребности, развитіе, нужды; показала, гдѣ и въ какой мѣрѣ должны быть произведены реформы; уяснила, что нужно сдѣлать для блага народа... Такъ, въ отчетѣ министра юстиціи за 1862 годъ *), предъ глазами нашими является показаніе, что въ теченіи 1862 года въ судебныхъ палатахъ было дѣлъ:

въ уголовныхъ . . .	70,039
» гражданскихъ . . .	104,499

Не указываютъ ли эти цифры на необходимость скорѣйшей реформы судопроизводства? 70,000 уголовныхъ дѣлъ, и сколько въ нихъ прагматовенныхъ лицъ?..**) Между тѣмъ погрѣшимость палатъ доказывается тѣмъ, что свыше 24% рѣшеній, поступающихъ оттуда въ сенатъ, — отменяется; а свыше 14% —измѣняется.***) Фактъ этотъ можно бы счи-

*) См. журналъ М. Юстиціи за январь и февраль.

**) Безъ переноса въ сенатъ рѣшено ими дѣлъ на 30,925,094 р. 88 к.

***) Въ 1862 г. изъ 2,247 рѣшеній палатъ, 557 отменены, а 319 измѣнены.

тать случайнымъ, если бы мы не имѣли въ виду, что изъ числа 182 дѣлъ коммерческихъ судовъ, бывшихъ на разсмотрѣніи въ 1862 г. у правительствующаго сената, по 146 дѣламъ рѣшенія судовъ вполне признаны правильными, по 12 — дополнены или измѣнены, а по остальнымъ 24 дѣламъ рѣшенія коммерческихъ судовъ перевершены или отвергнуты сенатомъ. Такимъ образомъ отмѣнено въ коммерческихъ судахъ только 12%, а въ с. петербургскомъ коммерческомъ судѣ состоялось рѣшеній, подлежащихъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ 220, и изъ нихъ обжаловано только 37, то есть, едва $\frac{1}{7}$ часть. Не доказываютъ ли эти факты, что коммерческіе суды, имѣя лучшія формы судопроизводства и судоустройства, чѣмъ палаты, на столько непогрѣшимѣе послѣднихъ, на сколько 12: 24.

Въ первыхъ степеняхъ суда въ 1862 г. было:

	поступило	разрѣшено
уголовныхъ дѣлъ	216,668.	163,445.
гражданскихъ	155,732.	72,300. *)

Окончательно, безъ переноса, рѣшено на 12,455,667 р. 36 к. Такимъ образомъ мы видимъ, что первая двѣ инстанціи окончательно рѣшили дѣлъ, безъ переноса, на 43,381,661 руб.; а коммерческіе суды—на 29,752,599 р., итого, въ первыхъ и вторыхъ инстанціяхъ рѣшено окончательно дѣлъ на 73,134,260 руб. Основываясь на этой цифрѣ, мы было хотѣли сдѣлать приблизительное исчисленіе: сколько имѣютъ тяжущіеся въ судахъ расходовъ, казенныхъ и частныхъ; но, къ величайшему сожалѣнію, въ отчетѣ министерства не показано въ отдѣльности количество *окончательно* рѣшенныхъ дѣлъ въ палатахъ и въ первыхъ степеняхъ. Однако же съ одной стороны, имѣя въ виду, что 38% рѣшеній палатъ признаются сенатомъ неправильными, и зная, что первая двѣ степени (кромя коммерческихъ судовъ) рѣшаютъ окончательно дѣлъ на 43,391,661 руб., — мы приходимъ къ тому заключенію, что первыми двумя степенями ежегодно рѣшается неправильно дѣлъ на 16,155,031 руб. А по уголовнымъ дѣламъ выходитъ, что изъ трехъ дѣлъ одно рѣшается неправильно. Съ другой стороны, какъ практику имѣя положительно извѣстно, что самый дешевый способъ веденія процесса обходится тяжущимся въ 10%; слѣдовательно, по вышеприведеннымъ даннымъ, тяжущіеся

*) Въ этомъ числѣ опекунскихъ было 53,000.

употребляютъ для однихъ окончательно рѣшенныхъ дѣлъ первыми двумя степенями, 7,313,426 р., т. е., почти въ полтора раза болѣе, нежели получаетъ, по бюджету, все министерство юстиціи (оно получало, въ 1862 году, 5,502,896 руб. 2 коп.). Десятипроцентное исчисленіе наше очень умѣренно: мы допускаемъ тотъ случай, что тяжущійся во время теченія процесса не имѣлъ никакихъ издержекъ и что ему приходится уплатить только сумму взысканія, то и тутъ онъ теряетъ болѣе 10%: 1) если наличныхъ денегъ нѣтъ къ уплатѣ, то, занявъ ихъ, онъ, теряетъ 10%; 2) если у него продаютъ по взысканію имущество, то потеря его равняется 10%; 3) если у него есть деньги, то онъ теряетъ тотъ процентъ, какой этотъ капиталъ могъ бы ему принести.

Изъ этого видно, что неизбежный расходъ тяжущихся по окончательно рѣшеннымъ дѣламъ не менѣ той цифры, которую мы привели. Если же принять эти цифры и сообразить ихъ съ цѣнностью всего промышленнаго производства Россіи, то мы получимъ слѣдующіе результаты: по *Тенборскому*, все промышленное производство простирается у насъ на 550 милліоновъ *); а по *статистическимъ таблицамъ* за 1856 г., та же промышленность, за исключеніемъ ремесленной, простирается на 224,332,362 руб. Но придержимся *Тенборскому*, такъ какъ послѣдняя цифра далеко уменьшена и мы получимъ: что окончательно рѣшенія судовъ первыхъ двухъ инстанцій обнимаютъ почти $\frac{1}{7}$ часть всего промышленнаго производства Россіи; что 2,93% этого производства теряется по неправильнымъ рѣшеніямъ этихъ судовъ; а 1,3% употребляется на издержки по этой потерѣ. А сколько еще тяжущіеся расходуютъ на дѣла, идущія по апелляціи въ сенатъ? Между тѣмъ, какъ выше объяснено мною, рѣшенія палаты далеко несовершенны. Рѣшенія уѣздныхъ судовъ носятъ почти тотъ же характеръ: изъ числа 52,425 дѣлъ, поступившихъ во вторыя степени въ 1862 г., отиѣнены 12,520; а 16,342 измѣнены и пополнены. Жаль, что въ отчетѣ министерства не показано количество тѣхъ дѣлъ, которыя, при разсмотрѣніи въ сенатѣ рѣшены согласно основаніямъ уѣздныхъ судовъ; имѣя эти данныя, можно бы было судить о томъ, кто непогрѣшимѣе въ своихъ рѣшеніяхъ—палаты или уѣздные суды. Но такъ какъ этого матеріала нѣтъ, то намъ остается сказать, что, сравнительно,

*) См. Кольба руководство къ сравнительной статистикѣ, 1862. т. 1. стр. 281.

рѣшенія первыхъ степеней непогрѣшимѣе рѣшеній вторыхъ инстанцій. Хотя изъ отчета министерства видно, что болѣе половины дѣлъ первыхъ подвергаются измѣненію палатами; но за то рѣшенія вторыхъ подвергаются измѣненію сенатомъ въ количествѣ 38%, и по большей части, какъ извѣстно изъ практики, въ подобныхъ случаяхъ, рѣшенія сената подходятъ, по началамъ своимъ, къ рѣшеніямъ первыхъ степеней. Вслѣдствіе этого, собственно говоря первая степени едва ли погрѣшаютъ въ своихъ рѣшеніяхъ на 12%—цифра почтенная, но довольно еще сносная. За то первая степени суда грѣшатъ медленностью дѣлопроизводства. Впрочемъ это — хроническая болѣзнь стараго порядка нашего суда, съ его тяжелыми формами и сроками, такъ что никакія палліативныя мѣры, употребляемыя постоянно министерствомъ, не могутъ помочь горю. Отчетъ министерства по этому предмету говорить слѣдующее: «изъ имѣющихся въ министерствѣ юстиціи свѣденій видно, что продолжительное производство нѣкоторыхъ дѣлъ зависитъ отъ свойства ихъ: такъ производство опекунскихъ, конкурсныхъ, межевыхъ и слѣдственныхъ дѣлъ замедляется часто по причинамъ, отъ судебныхъ мѣстъ независящимъ. Сверхъ того изъ отчетности судовъ первыхъ степеней видно, что дѣла нерѣдко весьма продолжительное время останавливаются въ производствѣ по недоставленію полиціями затребованныхъ отъ нихъ свѣденій. Въ случаѣ усмотрѣнной медленности, министерство немедленно принимаетъ мѣры къ понужденію подвѣдомственныхъ ему судебныхъ мѣстъ и неоднократно входило въ сношенія съ другими министерствами и главными управленіями, прося ихъ содѣйствія къ скорѣйшему движенію судебныхъ дѣлъ, останавливающихся за судебными мѣстами».

Изъ таблицы движенія дѣлъ въ первыхъ инстанціяхъ, съ 1858—1862 г., можно видѣть, что постоянно нерѣшенныхъ дѣлъ остается въ процессахъ уголовныхъ отъ 43,000—49,000; въ гражданскихъ же процессахъ замѣчается слѣдующее теченіе дѣлъ:

	Производилось.	Нерѣшенныхъ.
Въ 1858 году	99,199	38,136
» 1859 »	98,026	38,479
» 1860 »	151,525	79,314
» 1861 »	154,520	82,576
» 1862 »	155,732	83,432

Изъ этого усматривается, что когда было въ первыхъ степеняхъ 99 тыс. дѣлъ, тогда почти $\frac{1}{3}$ дѣлъ оставалась нерѣшенными; когда же въ судѣ почти удвоились дѣла, тогда хотя нерѣшенными осталось почти такое количество дѣлъ, сколько прежде было въ производствѣ въ судахъ; но за то суды стали рѣшать свѣше, нежели на 10 тыс. дѣлъ болѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Такъ въ 1858 году рѣшено было 61,063 дѣла; а въ 1862 г. 72,300. Слѣдовательно особенной медленности въ 1862 году незамѣтно къ теченію дѣлъ въ первыхъ степеняхъ; но общій застои дѣлъ, замѣтный съ 1858 — 1862 годъ, убѣждаетъ только, что никакія палліативныя мѣры не помогаютъ дѣлу, а необходима наискорѣйшая, коренная реформа юстиціи на болѣе разумныхъ началахъ, изложенныхъ въ основныхъ положеніяхъ судебной реформы въ Россіи.

Дѣятельность судебныхъ слѣдователей имѣла слѣдующій характеръ: въ 1862 г., въ 44 губерніяхъ, въ которыхъ числятся 444 уѣзда, слѣдователей было 873,

	Производилось.	Окончено.	Не окончено.
слѣдствій	117,814	85,299	32,515

По дѣламъ, бывшимъ въ 1862 г. у судебныхъ слѣдователей и слѣдственныхъ комиссій, числилось лицъ, надъ проступками и преступленіями которыхъ производились слѣдствія, всего 124,581. Изъ нихъ содержалось подъ арестомъ 25,910 муж. и 3,074 женщинъ; всего 28,984. Последняя цифра такъ почтенна, и дѣятельность слѣдователей была такъ неудовлетворительна, что министерство юстиціи вынужденнымъ нашлось въ началѣ 1863 г. объяснить слѣдователямъ «установленныя законамъ правила о мѣрахъ для пресѣченія обвиняемымъ способамъ уклоняться отъ слѣдствія и суда». Эта министерская мѣра вѣроятно взвѣсила судебныхъ слѣдователей, т. е., сдѣлала ихъ вдругъ и опытные и гуманные, что доказывается тѣмъ, что въ 1863 году числятся лицъ, (надъ проступками и преступленіями которыхъ производится слѣдствіе), 66,960; а арестованными считаются только 3,395 чело-вѣкъ. Среднимъ числомъ по 44 губерціямъ приходится на одного судебного слѣдователя 132 порученныхъ ему слѣдствій. Но мы спрашиваемъ: возможно-ли добросовѣстно произвести одному слѣдователю столько дѣлъ при тѣхъ сложныхъ формахъ, какими облеченъ у насъ уголовный процессъ?.. Едва ли. Но при этомъ не забывайте, что

число 132—цифра средняя; а многие слѣдователи производили еще большее количество дѣлъ. Поэтому можно себя вообразить, какъ хромаетъ наше уголовное правосудіе. Но я нисколько не виню судебныхъ слѣдователей: дѣла нужно окончить, а то можно лишиться мѣста... Съ увеличеніемъ же числа дѣлъ, нужно бы поприбавить и число слѣдователей; а у насъ дѣла растутъ, количество же слѣдователей не измѣняется. Такъ мы замѣчаемъ, что съ 192,818 уголовныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ въ первыхъ степеняхъ, цифра эта достигаетъ въ первый же годъ существованія судебныхъ слѣдователей до 207,6,673; а въ 1863 г. цифра повышается на 216,668. Дѣла же эти должны были пройти чрезъ руки судебныхъ слѣдователей: тутъ конечно ничего не пришлось дѣлать болѣе, какъ только вести процессы на скорую руку, лишь бы спустить ихъ въ судъ и зачесть ихъ у себя оконченными.

Но кромѣ этихъ явленій отчетъ министерства представляетъ еще слѣдующія черты нашей судебной дѣятельности:

Въ 1862 г., наибольшая правильность рѣшеній является въ палатахъ:

Уголовныхъ—губерній: вологодской, вятской, петербургской, кievской, курской, орловской, пермской, самарской и херсонской.

Гражданскихъ—губерній: владимірской, могилевской, пензенской, полтавской, петербургской, саратовской, тульской и черниговской.

Въ первыхъ степеняхъ суда въ губеріяхъ: вятской, гродненской, курляндской, лифляндской, орловской, с. петербургской и черниговской.

Изъ этого мы видимъ, что въ однихъ губерніяхъ всѣ присутственные мѣста правильно рѣшаютъ дѣла; въ другихъ—только два присутственныхъ мѣста; въ третьихъ—одно.

Но почему, вопросъ, въ петербургской губерніи, не смотря на большее, сравнительно напримѣръ съ вологодскою губерніею, количество поступающихъ процессовъ въ ея присутственные мѣста, дѣла правильнѣе рѣшаются, нежели въ послѣдней? Почему въ вятской губерніи уголовная палата и первая степени суда правильнѣе рѣшаютъ дѣла, чѣмъ въ гражданской ея палатѣ?.. и т. д. Отвѣтъ на эти вопросы простой: если мы замѣчаемъ, что, сравнительно, количество дѣлъ въ двухъ мѣстностяхъ, А и Б,—одинаковое, и что количество дѣлъ, рѣшенныхъ въ мѣстности А, не только превосходитъ количество рѣшенныхъ дѣлъ въ мѣстности Б, но что самыя рѣшенія правильнѣе,—то

мы должны сказать, что составъ суда въ мѣстности А лучше, чѣмъ въ Б. Вотъ почему мы находимъ, что подробное объислѣдованіе причинъ такой разности въ отправленіи правосудія, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, можетъ познакомить изслѣдователя съ степенью развитости судей; чрезъ что получится возможность, уничтожая причину, искоренить и происходящее отъ того зло.

Числительность уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ представляеть намъ также не мало интереса: въ этомъ отношеніи мы бросимъ взглядъ только на первыя инстанціи.

Въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ этихъ судахъ производилось слѣдующее количество:

	Уголовныхъ дѣлъ.			Гражданскихъ дѣлъ.		
	Производи.	Рѣшено.	Осталось.	Производи.	Рѣшено.	Осталось.
1858 г.	181,945.	137,950.	43,995.	99,199.	61,063	38,136.
1859 »	187,432.	141,313.	46,119.	98,026.	59,547	38,479.
1860 »	192,818.	145,728.	47,090.	151,525.	72,211	79,314.
1861 »	207,673.	161,457.	46,216.	154,520.	71,944	82,576.
1862 »	216,668.	167,145.	49,523.	155,732.	72,300	83,432.

Если бы у насъ имѣлись подъ рукой судебнo-статистическія свѣденія по крайней мѣрѣ за 15 л. до 1858 г., то мы вывели бы пропорцію ежегоднаго возрастанія дѣлъ въ существующемъ, въ настоящее время, порядкѣ суда и расправы. Но не имѣя этихъ данныхъ, мы не можемъ вывести этого закона, потому что представляемыя здѣсь цифры относятся только къ періоду отъ 1858—1862, т. е., ко времени, когда у насъ совершились важныя социальныя и финансовыя реформы, которыя, имѣя вліяніе на весь строй нашей народной жизни, не могли также не вліять на ходъ самаго теченія нашихъ судебныхъ дѣлъ. Поэтому представленная мною таблица важна въ другомъ отношеніи: требуется объислѣдовать причину сильнаго возвышенія съ 1858 года по 1862 уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ — первыхъ: на 97,723; вторыхъ: на 56,533.

Увеличеніе дѣлъ уголовныхъ съ 1858 года мы приписываемъ отчасти совершившемуся у насъ экономическому перевороту въ государствѣ, отчасти же введенію въ судахъ судебныхъ слѣдователей.

И действительно, мы находимъ, что всѣхъ подсудимыхъ въ 1860 году было 393,020; а въ 1862 г. цифра подсудимыхъ достигаетъ уже 456,251... Такое огромное увеличеніе подсудимыхъ въ два года нельзя считать нормальнымъ. Если бы въ каждые два года подсудимыхъ увеличивалось въ такой прогрессіи, то, много—много чрезъ десять лѣтъ, все народонаселеніе имперіи обратилось бы въ подсудимыхъ. А потому нужно доискаться причинъ этого ненормальнаго теченія уголовного правосудія. Ихъ не трудно отыскать, если мы примемъ въ соображеніе, что прежде многіе уголовные процессы получали окончаніе въ полиціяхъ и земскихъ судахъ, гдѣ нерѣдко дѣла сдавались въ архивъ, а подсудимые освобождались.

Съ учрежденіемъ же судебныхъ слѣдователей это зло прекратилось, и каждое дѣло, производящееся у нихъ, поступаетъ непремѣнно въ судъ. Въ силу этого — уже одинъ этотъ порядокъ долженъ былъ увеличить число дѣлъ въ первыхъ инстанціяхъ, вмѣстѣ же съ тѣмъ и количество самихъ подсудимыхъ. Но тутъ примѣшалась и крестьянская эманципация, которая имѣла огромное вліяніе на увеличеніе числа уголовныхъ дѣлъ. Многіе помѣщики, при самомъ возникновеніи вопроса о крестьянахъ, стали освобождать дворовыхъ людей и даже осѣдлыхъ крестьянъ на волю; но при этомъ не озаботились обезпечить ихъ быта. *) Отсюда явилась цѣлая масса пролетаріевъ, непривычныхъ ни къ серьезному труду, ни къ самостоятельной, внѣ сельскаго общества, дѣятельности: такъ что, на первыхъ порахъ, нужда побудила ихъ къ проступкамъ и преступленіямъ. Съ выходомъ же манифеста отъ 19 февр. 1861 г., многіе изъ крестьянъ не поняли смысла своей новой свободы и чрезъ это впали въ преступленія. Эта же свобода дала также возможность многимъ лѣнивымъ и неблагонадежнымъ крестьянамъ выйти изъ волостей и отправиться въ города, гдѣ они предавались разврату и пороку, за что и попадались вскорѣ въ руки блюстителей правосудія. Но этого, быть можетъ, и не было бы, если бы чрезъ крестьянскую и финансовую нашу реформу не вздорожали въ городахъ всѣ жизненныя потребности; если бы финансовый кризисъ въ государствѣ, и исчезновеніе капиталовъ, также постоянныя банкротства, — не сдѣлали заработокъ дѣломъ невѣрнымъ. Фабрики и заводы наши упали, частный кредитъ исчезъ, многія мастерскія закрылись, сбытъ товаровъ

*) Интересно бы собрать свѣдѣнія, сколько крестьянъ вынуждено на волю безъ земли, въ періодъ обсужденія вопроса о крестьянахъ.

плохой, помѣшанки и купцы сидятъ безъ оборотныхъ капиталовъ; словомъ, во всемъ и вездѣ застой. А при такомъ положеніи вещей, первый страдалецъ — работникъ: онъ остается безъ труда и безъ куса хлѣба. Отсюда и рождаются проступки и преступленія: одна только горькая нужда вызываетъ человѣка на отвратительные пороки и побуждаетъ его къ преступленію. Что дѣйствительно таково общественное наше положеніе, то этому свидѣтельствомъ то обстоятельство, что гражданскихъ дѣлъ въ 1862 г., противъ дѣлъ 1858 года, возросло на 56,533. Почему же это такъ, спросите вы? Большое количество гражданскихъ дѣлъ должно бы, кажется, свидѣтельствовать движеніе, жизнь и дѣятельность въ обществѣ?.. Не совѣтъ такъ: гражданскіе искъ, при нормальномъ управленіи государственнаго организма, появляются всегда въ известномъ небольшомъ процентѣ, въ сравненіи съ промышленными его продуктами. Если же является такая большая цифра гражданскихъ дѣлъ, какъ въ 1862 году, то это доказываетъ, что въ государственномъ организмѣ совершились ненормальныя отправления. И въ самомъ дѣлѣ, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, каждый помѣщикъ, купецъ и промышленникъ зналъ сроки своимъ долговымъ обязательствамъ, соблюдалъ въ точности свои договоры; но когда платежи прекратились, то прежніе исправные кредиторы и контрагенты сдѣлались неисправными. Такое положеніе вещей вызвало протесты векселей, заемныхъ обязательствъ и контрактовъ; вызвало такіе искъ и тяжбы, которые при обыкновенномъ теченіи дѣлъ никогда бы не возникли; наконецъ вызвало банкротства съ неизбежными ихъ конкурсными управленіями и администраціями. Иначе и нельзя понимать такое большое увеличеніе гражданскихъ процессовъ, потому что, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ въ обществѣ, дѣла напротивъ того должны были уменьшиться: такъ какъ каждый, не имѣя особой, чрезвычайной, надобности въ начатіи иска, могъ ожидать скорѣе долженствующей совершиться судебной реформы. Поэтому ужъ одно то обстоятельство, что общество, не ожидая этой реформы, рѣшилось прибѣгнуть къ дорогому и тяжелому настоящему судопроизводству, доказываетъ всю чрезвычайность нашего финансоваго положенія. Эта ненормальность нашего общественнаго строя доказывается еще тѣмъ, что одной торговой несостоятельности въ 1862 г., въ однихъ коммерческихъ судахъ, свыше, нежели на 30 мил., и что цѣнность явленныхъ и совершенныхъ актовъ въ

1862 г. превышает вредствовавший годъ на 18,435,584 р. 75 к. Последнее обстоятельство въ особенности важно: известно, что тѣмъ нормальнѣе государственный организмъ, тѣмъ прочнѣе недвижимая собственность и тѣмъ медленнѣе переходъ его изъ однихъ рукъ въ другія; слѣдовательно, только сильныя потрясенія государственнаго организма могли вызвать такой большой сбѣтъ недвижимой собственности, какъ въ 1862 г. И дѣйствительно, гдѣ потрясеніе было сильнѣе, тамъ замѣчаются и крупнѣйшія цѣны. Такъ — первое потрясеніе всегда отражается въ столицахъ: вотъ почему въ Москвѣ и Петербургѣ совершено и явлено актовъ на 131,867,604 р. 68 к. За тѣмъ слѣдуютъ остзейскія губерніи, Малороссія, Новороссійскій край и западныя губерніи: ковенская, подольская и волынская.

Такимъ образомъ мы объяснили причину увеличенія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Но къ сожалѣнію, мы, не по своей волѣ, приняли методъ, обратный тому, который мы рѣшились употреблять при объясненіяхъ явленій общественной жизни: изъ статистическихъ данныхъ мы должны были прійти изъ вышеприведеннымъ выводамъ; а мы сдѣлали это обратно. Впнью этому то, что въ отчетѣ министерства не показано ни отношеніе числа подсудимыхъ къ сословіямъ, ни свойство гражданскихъ дѣлъ, ни даже раздѣленіе актовъ по родамъ имуществъ; *) а безъ этихъ данныхъ нельзя прійти къ непогрѣшимымъ выводамъ.

III.

Количество подсудимыхъ, число лицъ подвергшихся наказаніямъ, свойство проступковъ и преступленій, и взаимное ихъ отношеніе, — представляютъ для исследователя также не меньшій интересъ, чѣмъ другіе предметы судебной статистики.

Число подсудимыхъ въ 1862 г., сравнительно съ прежними двумя годами, увеличилось въ слѣдующемъ размѣрѣ.

*) Судя по таблицѣ сбора 4% и $\frac{1}{2}$ % мы вывели цѣны слѣдующимъ образомъ: перешло недвижимыхъ имуществъ въ другое владѣніе на 234,308,352 р. денежныхъ обязательствъ явлено на 33,152,800 р; перешли въ другія руки по наслѣдству, по дарственнымъ и раздѣльнымъ недвижимымъ имуществамъ на 26,251,904 р.

	1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1866 г.	1867 г.	1868 г.
	Мужч.	Женщ.	Итого.	Мужч.	Женщ.	Итого.	Мужч.	Женщ.	Итого.
Всего въ теченіи года было	346496	46524	393020	384700	48794	433494	404821	51430	456251
Изъ нихъ убыло	267337	38004	296459	39003	30503	335462	308176	42359	350565
осталось къ слѣдующему году	79109	8520	87629	88211	9791	98032	96645	9041	105586

Изъ этой таблицы открывается, что число подсудимыхъ съ 1860 года возросло до огромной цѣфы, а именно: съ 393,020 до 456,251; разность составляетъ 63,231, то есть, слишкомъ 16^о/₁₀₀ въ теченіи двухъ лѣтъ. Такая прогрессія совершенно ненормальна, и мы приписываемъ ее тѣмъ же причинамъ, какія вызвали увеличеніе дѣлъ уголовныхъ; слѣдовательно, послѣднія имѣютъ тѣсное соотношеніе съ увеличеніемъ числа подсудимыхъ. Огромная же *убыль* подсудимыхъ объясняется особенною дѣятельностью нашихъ судовъ въ виду судебной реформы: вслѣдствіе чего преимущественно рѣшались, въ первыхъ степеняхъ, дѣла уголовныя—отчего уменьшалось значительно и число подсудимыхъ. Это ясно доказывается тѣмъ, что изъ числа 105,686 подсудимыхъ, оставшихся къ 1863 г., подъ стражею находятся только 9,761 мужчинъ и 1,159 женщинъ.

Эти подсудимыя содержатся:

менѣе одного года	7,733
болѣе года	1,965
болѣе 2 лѣтъ	593
болѣе 3 лѣтъ	361
болѣе 4 лѣтъ	268
Итого	10,920

Изъ этого слѣдуетъ, что еще до 1860 года порѣшены всѣ старыя дѣла и что большинство нынѣ содержащихся преступниковъ относится къ періоду отъ 1860 года; а за прѣжніе годы всѣхъ подсудимыхъ въ имперіи всего 629 человекъ.

Изъ числа 456,251 бывшихъ подсудимыхъ въ 1862 г. было:

на свободѣ	346,715 муж.	43,820 женщинъ.
подъ стражею	58,106 муж.	7,610 женщинъ.

Слѣдовательно, изъ подсудимыхъ на 8 мужчинъ приходилось по 1 женщинѣ; а въ числѣ 6 человекъ] подсудимыхъ 1 находится подъ стражей.

Имѣя въ виду при этомъ, что по 10 народной переписи *) податныхъ числится въ Европейской Россіи:

29,367,422 мужскаго пола.
29,963,330 женскаго пола.

А потому мы должны считать, что женщинъ въ имперіи болѣе, нежели мужчинъ; на этомъ основаніи мы должны сказать, по количеству подсудимыхъ, что женщины совершаютъ менѣе преступленій, чѣмъ мужчины. Но обратно, судя по цифрамъ о количествѣ содержащихся подъ стражею мужчинъ и женщинъ и находя, что изъ числа подсудимыхъ мужчинъ 16% содержатся подъ стражей, а изъ числа женщинъ 17%; поэтому слѣдовало бы заключить, что общая преступность воли болѣе развита у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ; но за то, въ частности, женщины, рѣшаясь на преступленіе, совершаютъ только преступленія серьезные. Большая разность, въ числѣ подсудимыхъ женщинъ противъ мужчинъ, происходитъ отчасти и отъ общественнаго положенія тѣхъ и другихъ: мужчина несетъ у насъ все тягости общественныя, и кромѣ того содержаніе семьи на полной его обязанности; слѣдовательно ужь одна эта экономическая особенность вызываетъ со стороны мужчинъ большее количество нарушеній, преслѣдуемыхъ общественною властью. Сверхъ этого есть преступленія, которыя болѣе спеціальны мужчинамъ, нежели женщинамъ, какъ напримѣръ: сопротивленіе распоряженіямъ правительства, оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ, взломъ тюремъ, преступленія и проступки по службѣ. Наконецъ, есть такія преступленія, которыя требуютъ большую физическую силу, какъ напримѣръ: порубка лѣсовъ, грабежъ, личное оскорбленіе и т. д. Эти-то причины, собственно говоря, и увеличиваютъ число преступности мужчинъ; но не потому, чтобы первые были безправственнѣе вторыхъ въ обществѣ стрѣе всей народной жизни.

*) См. статистическія таблицы Россійской Имперіи, выпускъ 2, 1863 г., стр. 187.

Въ свойствѣ же преступленій мы находимъ такую послѣдовательность:

Самое большое количество проступковъ является въ нарушеніи уставовъ о казенныхъ лѣсахъ: по предмету этому осуждено мужчинъ—21,900, женщинъ—305. Причина этихъ нарушеній лежитъ въ томъ, что въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что лѣсъ, какъ даръ божій, который не съется и не разрабатывается человекомъ, есть достояніе общее. Съ другой стороны, не смотря на сильное преслѣдованіе законами этого рода нарушеній, они все-таки не прекращаются, а ежегодно возростають, что показываетъ крайнюю нужду народа въ лѣсномъ матеріалѣ, какъ въ одной изъ главныхъ потребностей народнаго хозяйства *). Эти причины и должны вызвать со стороны лѣснаго вѣдомства правильный сбытъ лѣсовъ на мѣстные надобности: единственная рациональная мѣра, которая можетъ если не совершенно уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабить порубку лѣсовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ превратить преслѣдованіе и наказаніе таковой значительной массы людей.

За порубкою казенныхъ лѣсовъ слѣдуетъ воровство—кража: осужденныхъ по этому предмету было въ 1862 г. мужчинъ—21,350, женщинъ—3,292. Этотъ родъ преступленій вызывается обыкновенно экономическимъ бытомъ народа, такъ что чѣмъ менѣе въ немъ пролетаріевъ, тѣмъ меньше и число воровъ. Кромѣ этого паспортная система, господствующая у насъ, развиваетъ не только этотъ родъ преступленій, но еще и другія: это доказывается тѣмъ, что за нарушеніе паспортнаго устава у насъ наказано въ 1862 г. мужчинъ 5,668, женщинъ—1,092; цифры эти занимаютъ третье мѣсто по преступленіямъ, а относительно женщинъ второе **). Выдача женщинамъ паспортовъ зависитъ или отъ ихъ родителей и опекуновъ, или отъ мужей; вотъ почему женщина, при деспотизмѣ послѣднихъ, избѣгая тяжелой домашней жизни, вынуждена нарушать уставъ паспортный. Безпаспортную же рѣдко кто рѣшается взять въ услуженіе: отчего и рождаются развратъ и гибель женщины. По этимъ основаніямъ мы находимъ между нарушеніемъ паспортнаго устава и всѣми вообще преступленіями самую тѣсную и большую связь. Это-то

*) Замѣчательно, что и во Франціи встрѣчается то же самое явленіе (см. Миттермайера).

**) Относительно женщинъ первое мѣсто занимаютъ воровство-кража, а второе—нарушеніе паспортнаго устава.

и убѣждаетъ насъ, что предполагаемая реформа паспортнаго устава и карательныхъ мѣръ за его нарушение — есть настоящая и крайняя потребность нашей общественной жизни.

По предмету отступленийъ отъ вѣры и постановленийъ церкви замѣтно слѣдующее явленіе: въ отношеніи мужчинъ проступки эти записаны въ ряду преступленийъ одиннадцатое мѣсто; а у женщинъ — шестое. Въ общемъ кажется, что женщины болѣе благочестивы, болѣе религіозны, болѣе тверды въ своихъ вѣрованіяхъ, чѣмъ мужчины; а между тѣмъ по статистическимъ даннымъ въ цѣломъ строѣ народной жизни выходитъ совершенно противное. Правда, по этому предмету вы найдете, что въ 1862 г. мужчинъ наказано 694, а женщинъ 439; но нужно обратить вниманіе на то, что по предмету религіи кругъ дѣятельности мужчинъ обширнѣе дѣятельности женщинъ; поэтому хотя наказуемость женщинъ меньшая, но въ сравненіи съ общимъ числомъ ихъ наказуемости она даетъ болѣе значительный процентъ, нежели проступки этого рода мужчинъ.

Изъ общаго числа приговоренныхъ къ наказаніямъ въ 1862 году было:

Неграмотныхъ	67,903.
Умѣющихъ читать и писать	14,473.
Получившихъ образованіе.	1,073.

По этимъ цифрамъ казалось бы, что неграмотные, по невѣжеству и грубости, болѣе совершаютъ преступленийъ, чѣмъ грамотные и образованные люди. Но дѣло выходитъ не такъ, если мы основательнѣе вникнемъ въ этотъ предметъ.

Изъ статистическихъ таблицъ 1856 года *) открывается: болѣе одного процента учащихся на 100 жителей обоаго пола считается въ 10 губерніяхъ; отъ 1% до $\frac{1}{4}$ % или 1 учащійся на жителей отъ 100 до 200 въ 21 губерніи; ниже $\frac{1}{2}$ % или менѣе 1 учащагося на 200 жителей въ 18 губерніяхъ.

Поэтому, если бы мы приняли, по таблицамъ 1856 г., учащихся 1% на 100 жителей по цѣлой имперіи, то согласно этому исчисленію,

*) См. Кольба руковод. къ сравнит. статистикѣ; переводъ Норсикова. 1832 г. стр. 257. т. I.

считая общее число грамотныхъ противъ учащихъ въ 5 разъ, на 100 жителей мы получили бы 5% грамотныхъ. Но съ 1856 года дѣло грамотности подвинулось у насъ довольно быстро впередъ, посредствомъ воскресныхъ и сельскихъ школъ; а потому мы, нападъ, что въ 1862 г. число грамотныхъ удвоилось противу 1856 г., насколько не преувеличимъ, если будемъ въ 1862 г. считать свыше 7% грамотныхъ на 100 жителей.

Основанія наши слѣдующія: *) училищъ высшихъ, среднихъ и пародныхъ, въ Россіи, въ 1862 г., **) числилось 31,285; учащихъ въ нихъ было 860,471. Считая число грамотныхъ противъ учащихъ въ 5 разъ, мы получимъ грамотныхъ въ Россіи въ 1862 г., — 4,302,355. Населеніе въ Европейской Россіи 59,028,387 мужскаго и женскаго пола; и изъ нихъ таковы образцы:

Неграмотныхъ.	55,028,397.
Грамотныхъ.	4,302,355.

Отношеніе къ этимъ цифрамъ наказуемости въ 1862 г. слѣдующее:

Неграмотныхъ.	0,1%
Грамотныхъ и получившихъ образованіе.	0,4%

Такимъ образомъ преступность грамотныхъ и образованныхъ относится къ преступности неграмотныхъ, какъ $\frac{4}{10}$: въ $\frac{1}{10}$, или другими словами: какъ 4 къ 1. Во Франціи, по мнѣнію Миттермайера, ³⁾ существуетъ другое явленіе: тамъ неграмотные совершаютъ болѣе преступленій, чѣмъ грамотные. Но взглядъ этотъ ошибоченъ: для этого вывода Миттермайеръ принялъ то основаніе, что во Франціи, въ 1858 г., (изъ числа 5,375 обвиненныхъ) 2,365 были совершенно безграмотны, а 2,081 едва умѣли читать и писать. Но пріемъ такого вывода невѣренъ: отношеніе преступниковъ грамотныхъ и неграмотныхъ должно браться по общему количеству тѣхъ и другихъ

*) См. Академическій мѣсяцесловъ за 1861 г. ст. 105—107.

**) Въ 1856 году было училищъ 8,227, а учащихся 450,032. См. сравн. статистику Кольба, т. 1., стр. 237.

***) См. практическіе выводы уголовной статистики Миттермайера. Юридическій Вѣстникъ за 1862 г. Т. 3, стр. 88.

въ государствѣ. Придерживаясь этого правила, и во Франціи выйдеть большій процентъ преступниковъ на грамотныхъ.

Прочитавъ этотъ выводъ, противники грамотности (какъ напр. Даль и компанія) обрадуются и стануть доказывать положительный вредъ ученія; но мы, признавая, какъ фактъ, большую степень преступности между грамотными, однакоже приходимъ совершенно къ другимъ заключеніямъ. Вѣря въ полезность и необходимость грамотности, какъ въ первый шагъ къ умственному прогрессу народа, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не считаемъ ее крайнюю цѣль общественной жизни: улучшеніе матеріальнаго, экономическаго быта народа, гражданская его полноправность: — вотъ главная задача социальныхъ наукъ. Съ улучшеніемъ же экономическихъ потребностей общества, съ полноправностію и довольствомъ народа приходитъ само собою развитость и образованность, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и преступления. Если экономическій бытъ народа не улучшенъ и если въ него вносятся грамотность и образованность, какъ искусственныя продукты, то преступления и проступки увеличиваются, по той простой причинѣ, что грамотные люди, какъ болѣе развитые, умѣютъ глубже чувствовать и сознать свое положеніе: отъ того, не находя отзыва своимъ стремленіямъ въ окружающей общественной сферѣ, по неполной развитости своей, они впадаютъ въ порокъ и преступленіе. Человѣкъ образованный въ подобномъ случаѣ мирится съ своею участію; человѣкъ полуобразованный падаетъ нравственно подъ ударами обстоятельствъ.

Слѣдовательно, тутъ нельзя винить грамотность, а тѣхъ, которые видятъ въ ней крайнюю общественную цѣль... При подобномъ социальномъ положеніи не ищите добрыхъ плодовъ отъ грамотности: еще тягостнѣе становится положеніе человѣка среди нужды и неудовлетворяющей его среды; а полуобразованность представляетъ ему мало путей къ выходу изъ этого положенія. Не находя въ самомъ себѣ отвѣтовъ на многіе вопросы, терзающіе его умъ, видя въ превратномъ видѣ многіе предметы, полуобразованный человѣкъ теряется въ своихъ понятіяхъ, и паденіе въ подобномъ случаѣ есть вещь послѣдовательная въ его нравственной жизни. Поэтому матеріальное благосостояніе и гражданская полноправность должны идти рука объ руку съ народнымъ образованіемъ, и только при ихъ, если не полной, то возможной гармоніи можно ожидать улучшенія общественной нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенія числа преступленій и проступковъ.

Справедливость моихъ словъ доказывается слѣдующею сравнительною по сословіямъ таблицей лицъ, приговоренныхъ у насъ въ 1862 году къ наказаніямъ:

ПРИГОВОРЕНО

	къ ссылкѣ.			къ дру-	Всѣго.
	На ка- торгу.	На по- селеніе.	На под- вораніе.	гимъ на- казані- ямъ.	
Дворянъ:					
Потомственныхъ.	14	46	100	637	797
Личныхъ.	9	23	105	524	661
Городскихъ обывателей.	119	426	539	9,410	10,485
Брестьянъ.	720	152	2,203	61,057	65,509
Духовнаго званія.	22	10	18	165	215
Прочихъ сословій и инород- цевъ.	193	912	808	3,869	5,782
	1,068	2,946	3,773	75,662	83,449

Наказуемость, а слѣдовательно и преступность—по отношенію къ общему количеству народонаселенія и по отношенію къ сословности—равняется слѣдующимъ выводамъ *):

Преступность дворянъ: потомственныхъ и личныхъ.	0,16%
— Духовенства.	0,03%
— Горожанъ.	0,23%
— Брестьянъ.	0,01%
— Остальныхъ сословій и инородцевъ.	0,04%

По этимъ выводамъ наказуемость, а слѣдовательно и преступность, по сословіямъ является въ слѣдующей послѣдовательности: горожане, дворяне и чиновники, инородцы и другія сословія, духовенство и крестьяне...

Первое мѣсто, по преступности, у насъ занимаютъ такимъ образомъ горожане: — явленіе противоположное мнѣнію Миттермайера о Франціи. Въ послѣдней Миттермайеръ, въ статьѣ своей «о практическихъ выводахъ уголовной статистики,» находитъ, что сельскіе

*) Здѣсь мы брали отношенія преступниковъ къ количеству народонаселенія въ Россіи, исчисленнаго по свѣдѣніямъ Ц. Статистич. Комитета. (См. Ср. статистику Кольба, ст. 170, т. I.)

жители болѣе преступны, чѣмъ горожане. Это онъ основываетъ на томъ, что, въ 1858 г., 3,074 человекъ преступниковъ жили въ сельскихъ общинахъ, а 1,994 — въ городахъ. Но соображеніе это невѣрно: если бы Миттермайеръ взялъ отношеніе сельскихъ преступниковъ къ общему числу народонаселенія общинъ, и это же самое сдѣлалъ относительно горожанъ, то онъ пришелъ бы вовсе къ другимъ заключеніямъ и не утверждалъ бы, что статистика опровергаетъ общепринятое мнѣніе объ отношеніи большей преступности жителей городовъ въ сравненіи съ крестьянами. Да и неудивительно, что преступниковъ является болѣе между городскими, нежели между сельскими обывателями. Самъ Миттермайеръ находитъ, «что въ Англіи число преступленій въ продолженіи года увеличивается, смотря по тому, бываютъ ли жизненные припасы дороже или дешевле; предлагается ли высокое или низкое вознагражденіе за трудъ. Такимъ образомъ объясняется, что въ тѣ годы, когда жизненные припасы дешевы и когда нѣтъ излишка въ рабочихъ рукахъ, кражи и сбмапы бываютъ рѣже, тогда какъ другіе проступки, какъ, напримѣръ, нанесеніе ранъ и побоевъ, сопротивленіе общественнымъ властямъ — совершаются чаще.» Миттермайеръ указываетъ также на то, что въ 1859 г. изъ таблицъ Манчестера видно, что въ этомъ городѣ изъ числа покражъ — 489 относятся къ дѣятельности публичныхъ женщинъ и 108 изъ нихъ совершены въ непотребныхъ докахъ. Такимъ образомъ ясно, что большая, нежели въ сельскихъ общинахъ, развращенность жителей городовъ, большая дороговизна жизненныхъ продуктовъ, болѣе соблазны и многія другія причины вліяютъ и на отношеніе преступности горожанъ къ преступности крестьянъ. Это же явленіе и объясняетъ причину большаго числа преступниковъ между грамотными, нежели между неграмотными: горожане населеніе болѣе образованное, чѣмъ сельское, и процентъ преступности первыхъ болѣе процента вторыхъ; а потому мы должны сказать, что преступность болѣе развита между грамотными, нежели между неграмотными. Последнее оправдывается и тѣмъ, что у насъ крестьяне (сословіе менѣе образованное, чѣмъ дворянство и духовенство) по преступности занимаютъ послѣднее мѣсто. Послѣ горожанъ самая большая преступность является у насъ между дворянами и чиновниками: причина та, что эти два класса занимаютъ у насъ большую часть общественныхъ и гражданскихъ должностей; поэтому

преступленія противъ должностей и службы, можно сказать, суть особенная, специальность этихъ сословій.

Духовенство занимаетъ у насъ четвертое, а крестьяне пятое мѣсто по преступности. Причина тому очевидная: и духовенство, и крестьяне въ настоящее время болѣе или менѣе обеспечены въ матеріальномъ своемъ бытѣ, и въ сельскихъ обществахъ нѣтъ тѣхъ причинъ, которыя увеличиваютъ преступность горожанъ и дворянства; съ возможностью же устраненіемъ этихъ причинъ, мы не сомнѣваемся, что и преступность этихъ сословій уменьшится. Первое условіе здѣсь—улучшеніе экономическаго быта этихъ сословій, обезпеченіе ихъ труда, а слѣдовательно и производительности; уменьшеніе бродяжничества и нищоты, ассоціація рабочихъ, гражданская полноправность этихъ классовъ на широкыхъ юридическихъ, политическихъ и экономическихъ началахъ. Эти только условія, по нашему мнѣнію, могутъ уменьшить преступность сословій—городскаго и дворянскаго; всѣ же нынѣ мѣры не послужатъ ни къ чему: корень преступности данного общества глѣдится во всемъ его составѣ, во всей его внутренней и внешней организаціи.

По отношенію къ возрасту мы встрѣчаемъ слѣдующія явленія нашей юридической жизни: изъ числа 83,449, обвиненныхъ въ 1862 г. по суду и приговоренныхъ къ наказаніямъ, было:

		Мужчинъ.	Женщинъ.
Малолѣтнихъ	(отъ 10 до 17 лѣтъ) . .	779	199
Совершеннолѣтнихъ	(» 17 » 21 ») . .	6,173	1,492
Въ возрастѣ	(» 21 » 35 ») . .	30,420	4,743
»	(» 35 » 70 ») . .	36,029	3,325
»	(свыше » 70 лѣтъ) . .	268	23

Изъ цифръ этихъ видно, что преступность идетъ у насъ въ слѣдующей послѣдовательности по возрасту: 1) отъ 35—70 лѣтъ; 2) отъ 21—35; 3) отъ 17—21; 4) 10—17; 5) свыше 70 лѣтъ. Такимъ образомъ періодъ полного развитія человѣка есть у насъ періодъ наибольшей преступности. Кромѣ этого, относительно возраста, являются слѣдующія характеристическія черты: въ малолѣтнихъ преступность больше у мужчинъ, нежели у женщинъ, какъ 779:199; преобладающее преступленіе въ этомъ возрастѣ—воровство вража, которое составляетъ болѣе 50% общей суммы преступности. Это дока-

зывается, что участь малолѣтнихъ и воспитаніе ихъ плохо обезпечиваются обществомъ, такъ что пороки являются въ нихъ, вслѣдствіе крайней нужды и неимѣнія пасущаго хлѣба. Остальные же возрасты носятъ въ себѣ общій характеръ: порубка лѣсовъ и воровство вража—составляютъ ихъ главный отличительный признакъ. Старческій же возрастъ (свыше 70 лѣтъ) имѣетъ еще ту отличительную черту, что слишкомъ $\frac{1}{2}$ часть преступленій относится къ отступленію отъ вѣры и постановленій церкви, или другими словами, въ старческомъ возрастѣ у насъ является большая склонность къ расколу, нежели въ другихъ возрастахъ.

Сравнивая эти данныя съ тѣми, которыя представляетъ судебная статистика Англіи за время отъ 29 сент. 1862 по 29 сент. 1863 года, *) мы приходимъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: .

Совершено въ Англіи преступленій	52,211
Арестованныхъ лицъ	30,410
Подсудимыхъ было: мужчинъ	109,441
» » женщинъ	33,709
Итого	144,519
Приговоровъ произнесено	15,799
Изъ нихъ къ смертной казни	29
Къ постоянной каторгѣ	20

Цифры эти въ высшей степени неутѣшительны: они доказываютъ, что въ какой мѣрѣ хорошая организація суда вліяетъ на смягченіе уголовныхъ наказаній или на наказуемость, на столько матеріальное обезпеченіе народнаго быта обуславливаетъ преступность въ государствѣ.

По переписки 1851 г. жителей	
въ Англіи числилось—мужчинъ	13,369,442
— » » женщинъ	14,074,314
Итого	27,443,756

Принимая во вниманіе, что по Кольбу **) съ 1841 по 1851 годъ, приращеніе жителей въ Англіи было ежегодно 0,32%, мы

*) См. С.-Петербургскія вѣдомости № 175, за 1864 г.

**) См. сравнит. статистику Кольба, т. I., стр. 2.

должны считать, что въ Англіи народонаселеніе должно бы было увеличиться къ 1862 году до 80 милліоновъ, но не имѣя вѣрныхъ данныхъ по этому предмету и принимая во вниманіе, съ одной стороны постоянную эмиграцію въ Англію, съ другой—что и въ Россіи со времени послѣдней переписи народонаселеніе увеличилось, — мы должны прійти къ заключенію, что народонаселеніе въ Англію и въ Россію близко подходят другъ къ другу. А потому, основываясь на этомъ, намъ остается только рассмотреть: каковы отношенія между собою въ этихъ государствахъ преступности и наказуемости.

Россія въ 1862 г., въ обыкновенныхъ судахъ, приговорила къ каторгѣ 1,068 *) человекъ; Англія 29 человекъ лишила жизни, а 20 за-живо похоронила въ тюремныхъ стѣнахъ. При сравненіи этихъ цифръ, мы приходимъ въ заключенію, что Россія имѣетъ преимущество предъ Англіею по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что по обыкновеннымъ уголовнымъ преступленіямъ въ ней нѣтъ смертной казни. Но за то несовершенство ея уголовныхъ приговоровъ относится къ англійскимъ, какъ 1068 : 49...

Съ другой стороны, по видимому, преступность въ Англію превосходить преступность въ Россію на столько, на сколько относится: 144,519 : 83,449, т. е., почти вдвое. Большая преступность въ Англію, чѣмъ въ Россію, обнаруживается еще изъ того, что лицъ, подозрѣваемыхъ въ 1862 г. въ преступленіи, у первой было : 126,139; у второй—55,106. Это обстоятельство съ одной стороны объясняется тѣмъ, что русскій народъ болѣе обезпеченъ въ своемъ насущномъ, чѣмъ англичане, а съ другой тѣмъ, что у насъ, изъ боязни заводить дѣло съ судомъ и съ полиціей, многія преступленія скрываются... Англію въ умственномъ, промышленномъ, торговомъ и фабричномъ отношеніяхъ стоить неизмѣримо выше русскаго народа; хорошая судебная организація Англію также способствуетъ ея благу. Но мы одного не оправдываемъ: что въ Англію въ числѣ 126,139 заподозрѣнныхъ лицъ считается 16,941 **) чел. дѣтей, имѣющихъ мѣсяцъ

*) Изъ нихъ: въ рудникахъ, безрочно . . .	69
на опредѣленное время	358
въ крѣпостяхъ	228
въ заводахъ	413
Итого	1068

**) По переписи 1851 г. въ Англію числилось семействъ 4,312,388. Поэтому, если будемъ считать, что въ 10 лѣтъ число семействъ увеличилось, то ихъ должно считать въ 1862 г. 8 милліоновъ; слѣдовательно 2% семействъ того народонаселенія не имѣютъ чѣмъ прокормить своихъ дѣтей.

16 л. Въ Россіи же въ этомъ возрастѣ обвинено дѣтей только 978 ч. Откуда можетъ родиться подобное явленіе, какъ не изъ того, что почти 16 тыс. семействъ въ Англіи не имѣютъ средствъ и возможности ни прокормить, ни воспитать своихъ дѣтей?.. Если бы у нихъ былъ вѣрный кусокъ хлѣба, они озаботились бы о томъ, чтобы дѣти ихъ не были ворами и мошенниками: да и сами дѣти не имѣли бы надобности прибѣгать къ воровству, для прокормленія себя.

IV.

Итакъ, мы сдѣлали нѣсколько выводовъ изъ тѣхъ скучныхъ данныхъ, какія намъ представляетъ наша отечественная статистика. Мы чувствуемъ и сознаемъ всю неточность нѣкоторыхъ изъ нашихъ положеній: что зависѣло отъ недостаточности матеріала, который имѣется въ отчетѣ министерства за 1862 годъ. Излишне было бы здѣсь вновь повторять о пользѣ судебной статистики; но, остановись на положеніи, что безъ нея повислины никакія общественныя реформы, такъ какъ въ ней выражаются продукты всѣхъ социальныхъ, политическихъ и юридическихъ учрежденій народа, — мы находимъ необходимымъ: 1) разработку судебной статистики до нашей судебной реформы; 2) разработку ея, послѣ этой реформы.

Намъ необходимы статистическія данныя за прошедшее время, по нравней мѣрѣ за 10 лѣтъ до крестьянской реформы. Изъ этихъ данныхъ можно будетъ вывести законы возрастанія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, по отношенію къ народонаселенію; пропорцію преступности и наказуемости по отношенію къ сословіямъ, возрасту и полу; состояніе кредита въ различные годы; успѣхъ той или другой мѣры; несостоятельность или полезность исправительныхъ мѣръ. Но для этого намъ необходимо подробное обозначеніе:

1) *По дѣламъ уголовнымъ*: а). Числа подсудимыхъ (по сословію, возрасту и полу), числа рѣшенныхъ дѣлъ (по инстанціямъ); и сколько изъ подсудимыхъ оправдано, сколько обвинено и какое число наказанныхъ по сословіямъ, возрастамъ, полу, по родамъ и видамъ преступленій. При чемъ не будетъ излишне обозначить: сколько совершено дѣтубійствъ въ законномъ бракѣ и отъ незаконнаго сожитія и въ какомъ возрастѣ. Сколько было подкидышей и число

смертности отъ подобныхъ случаевъ. И наконецъ количество убійствъ и преступленій, по которымъ виновные не открыты. б). Число со-державшихся подъ стражею и сколько изъ нихъ умирало ежегодно до окончанія суда. в). Сколько изъ наказанныхъ вновь были судимы за преступленія. г). Сколько бѣжало изъ тюремъ и во время пересылки подсудимыхъ; сколько осужденныхъ ушло съ этапа во время пересылки; сколько ушло преступниковъ изъ Сибири. д). Сколько изъ наказанныхъ умерло въ каторгѣ, въ ссылкѣ — въ тюрьмахъ, въ арестантскихъ ротахъ и исправительныхъ домахъ, не выждавъ установленнаго срока наказанія. е). Сколько возстановлено дѣлъ, по которымъ подсудимые получили наказаніе, но потомъ, по вновь представившимся обстоятельствамъ, оправданы. ж). Сколько преступленій совершено въ непотребныхъ домахъ. з). Сколько забираемо было полиціею бродягъ и лицъ подозрительныхъ; сколько изъ нихъ предано суду и сколько осуждено.

По дѣламъ гражданскимъ. а). Сколько и на какую сумму поступило исковъ и какого рода. б). Сколько было истцовъ и отвѣтчиковъ, и къ какимъ сословіямъ они принадлежали. в). Сколько было конкурсныхъ дѣлъ. г). Сколько и на какую сумму содержалось въ долговыхъ отдѣленіяхъ и какое время; какаѣ была смертность между этими лицами, и какаѣ сумма внесена была истцами на ихъ содержаніе. д). На какую сумму совершалось обязательствъ явочныхъ и крѣпостныхъ. е). Сколько векселей и заемныхъ нисемъ протестовывалось и на какую сумму. ж). Сколько было конкурсныхъ дѣлъ и на какую сумму. з). Сколько исковыхъ, переносныхъ и нубликаціонныхъ денегъ поступило въ каждую судебную инстанцію; сколько при-суждено къ возврату и сколько осталось въ казнѣ. і). Въ какомъ количествѣ правительствующій сенатъ утверждалъ рѣшенія первыхъ степеней суда, при отмѣнѣ рѣшеній вторыхъ степеней.

Статистическія данныя по этой программѣ за прошедшее время намъ необходимы ужь потому, что если мы не будемъ знать нашего прошедшаго во всей подробности, то намъ нельзя будетъ прійти ни къ какому заключенію о томъ: какое вліяніе будетъ имѣть наша новая судебная реформа на нашъ общественный бытъ, и улучшится ли онъ или ухудшится. Поэтому и разработка статистическихъ данныхъ съ такою полнотою, какъ указано мною выше, и при нашей судебной реформѣ, составляетъ также крайнюю народную потребность. Но при формѣ суда присяжныхъ слѣдуетъ указать: сколько было под-

судимыхъ, сколько изъ нихъ обвинены предъ присяжными и сколько изъ нихъ оправданы; сколько приговоровъ присяжныхъ принято судами, сколько отвергнуто. Кроме этого полезно бы было собрать самыя подробныя свѣденія въ волостныхъ и будущихъ мировыхъ судахъ о количествѣ, качествѣ и цѣнности гражданскихъ и полицейскихъ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣденію; о количествѣ штрафовъ, налагаемыхъ ими, и о количествѣ лицъ оштрафованныхъ.

Было бы также полезно собрать свѣденія въ консисторіяхъ и духовныхъ учрежденіяхъ другихъ исповѣданій—о дѣлахъ и тяжбахъ, производящихся въ нихъ по предметамъ вѣры и браковъ.

Имѣя сравнительныя таблицы по всѣмъ исчисленнымъ мною предметамъ, можно будетъ изобразить полную картину нашей юридической и общественной жизни; можно будетъ открыть законы того или другаго общественнаго явленія. Въ настоящее же время мы находимся во мракѣ, и приходимъ къ общимъ выводамъ по частнымъ явленіямъ: отчего мы нерѣдко впадаемъ въ заблужденіе относительно той или другой законодательной мѣры, относительно того или другаго общественнаго явленія. Поэтому опубликованіе подробныхъ судебно-статистическихъ данныхъ за прошлое время составитъ важный шагъ къ дальнѣйшему развитію отечественной статистики и самаго права. Независимо отъ этого, изданіе въ свѣтъ подробнаго статистическаго матеріала важно еще въ томъ отношеніи, что юридическая литература можетъ тогда принять живое участіе въ распредѣленіи и классификаціи юридическихъ предметовъ въ такомъ видѣ, чтобы они могли войти въ общія европейскія таблицы. Составленіе же таблицъ и разгруппировка предметовъ, по одной программѣ, какъ ее составитъ международная статистическая коммисія, представить возможность, въ слѣдствіи времени, съ одной стороны дать оцѣнку различнымъ общественнымъ формамъ; съ другой—вывести законы общечеловѣческихъ юридическихъ явленій. Основываясь на этомъ, намъ остается только въ заключеніе пожелать, чтобы тѣ учрежденія, въ рукахъ которыхъ находится возможность собиранія юридико-статистическаго матеріала, и самый матеріалъ,—не отлагали бы наукъ въ своемъ содѣйствіи и въ скорѣйшемъ исполненіи требованій времени.

М. Филипповъ.

ГОСПОЖА РОЛАНЪ.

Mémoires de Madame Roland. Paris 1864. — Etudes sur Madame Roland et son temps, par C. A. Dauban. Paris 1864.)

9 ноября 1793 г., въ четыре съ половиною часа вечера, на парижскій эшафотъ всходила тридцатидевятилѣтняя женщина съ красивымъ мертвецескимъ лицомъ, съ удивительною улыбкой, съ глазами, въ которыхъ ярко свѣтилась страстная, благородная натура. Черезъ нѣсколько минутъ ея уже не было на свѣтѣ: гильотина сдѣлала свое дѣло. Эта женщина была госпожа Роланъ.

Каждому, знакомому хотя отчасти съ исторіею французской революціи, извѣстно имя этой женщины, вся жизнь которой была борьбой за ея страстные убѣжденія и любовь къ свободѣ, и которая пала жертвою этихъ чувствъ и несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ. Имя г-жи Роланъ тѣсно связано съ именами всѣхъ жирондистовъ, она стояла во главѣ ихъ, руководила многими ихъ дѣйствіями и пала, когда правленіе ея благородныхъ друзей сѣгнулось врозь вѣрными триумвиратомъ Дантона, Марата и Робеспьера.

Недавно появились подлинные мемуары этой замѣчательной женщины, представляющіе въ яркомъ свѣтѣ личность ея. На основаніи этихъ мемуаровъ, мы прослѣдимъ жизнь Роланъ, поучительную во многихъ отношеніяхъ и вызывающую въ душѣ историка чувство глубокаго удивленія и уваженія... Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы предполагаемъ въ нашихъ читателяхъ знакомство съ главными событіями французской революціи и потому будемъ упоминать о нихъ только для того, чтобы не прерывать связи разсказа.

Частная жизнь г-жи Роланъ не богата приключеніями и шла довольно однообразно и безцвѣтно до тѣхъ поръ, пока она не вышла на

политическую дорогу. Но эту частную жизнь нельзя пройти молчаливою потому что и въ ней страстная, могучая натура будущей жироидистки проявлялась при каждом удобномъ случаѣ, и многіе факты изъ этой жизни важны для изученія ея характера.

Марія-Жанна Флиповъ родилась въ Парижѣ 18 марта 1754 г. Отецъ ея былъ небогатый граверъ и въ то же время занимался торговыми спекуляціями, — обстоятельство, бывшее впоследствии причиною его разоренія. Дѣвочка росла подъ присмотромъ доброй матери и въ самомъ раннемъ возрастѣ обнаружила глубокую любознательность и поэтическія наклонности; книги и цвѣты составляли ея любимое занятіе. Сила ея характера также выказалась въ дѣтствѣ.

«Я была—писатьъ она—очень упряма; другими словами, исполняла приказанія и совѣты только тогда, когда сама сознавала справедливость ихъ; если же я видѣла въ нихъ только желаніе повелѣвать мною или простую прихоть, то всегда сопротивлялась. Моя мать, ловкая и благо-разумная женщина, отлично понимала, что для убѣжденія меня въ чемъ бы то ни было, надо было дѣйствовать или на мой разумъ, или на мое чувство; оттого-то я никогда не сопротивлялась ей. Но отецъ мой, человекъ довольно крутой, требовалъ беспрекословнаго повиновенія, и потому рѣдко оставался удовлетвореннымъ; иногда онъ прибѣгалъ къ деспотическимъ наказаніямъ, и въ это время его кроткая дочь становилась львомъ. Два или три раза онъ принимался стѣть меня; но я укусила его за ляжку, на которую онъ положилъ меня и не допустила до наказанія». — Замѣтимъ здѣсь кетати, что чувство гордости и собственного достоинства не оставляло ее во всю жизнь. Черезъ 32 года послѣ только что приведеннаго случая, она писала изъ своей тюрьмы: «Во всѣхъ страданіяхъ, перенесенныхъ мною, самое живое впечатлѣніе боли всегда сопровождалось честолюбивымъ желаніемъ побороть своими силами несправедливость, постигшую меня и преодолѣть мое несчастіе или добрымъ дѣломъ въ отношеніи къ другимъ, или усиленіемъ моего собственнаго мужества. Такимъ образомъ, несчастіе можетъ преслѣдовать меня, но не въ силахъ подавить; тираны могутъ гвать меня, но унижить меня имъ не удастся никогда, никогда!»

Жизнь дѣвочки проходила въ непрерывномъ чтеніи; но такъ какъ вокругъ нея не было хорошихъ совѣтниковъ, то она читала безъ разбора, тутъ были: и житія святыхъ, и библія, и римскіе классики, и «Комическій Романъ» Скаррона, и собраніе каламбуровъ, и жемурь

дѣвицы Монпасье, и т. д. и т. д. «Страсть учиться—пишетъ она— была такъ сильна во мнѣ, что разъ, откопавъ гдѣ-то трактатъ о геральдическомъ искусствѣ, я принялась изучать его.» Самое большее вліяніе произвели на нее сочиненія Плутарха; «съ этого времени—говоритъ она—начинаются мои впечатлѣнія и тѣ идеи, которыя, помимо моего вѣдома и желанія, сдѣлали меня страстной поклонницей свободы».

Но въ это же самое время овладѣвало ею религіозное направленіе.

«Моя жизнь, дѣлавшаяся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уединенною, казалась мнѣ еще слишкомъ свѣтскою для того, чтобы я могла приготовиться къ первому причащенію; это великое дѣло занимало всѣ мои мысли. Богослуженіе начинало мнѣ сильно нравиться, торжественность его начинала поражать меня; я съ жадностью читала объясненіе церковныхъ обрядовъ; я проникалась ихъ мистическимъ значеніемъ; я каждый день перечитывала житія святыхъ, я вздыхала о тѣхъ временахъ, когда бѣшенство язычества доставляло христіанамъ мученической вѣнецъ. Я стала серьезно думать о перемѣнѣ образа жизни и наконецъ составила рѣшительный планъ... Дѣятельное воображеніе мое поселило въ моей головѣ возвышенныя или романтическія мысли о монастырѣ, его уединеніи и тишинѣ...»

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей и впечатлѣній Жанна упростила своихъ родителей отдать ее на годъ въ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ католическихъ монастырей. Нечего удивляться такому настроенію въ дѣвочкѣ, по видимому одаренной здоровымъ и прямымъ разумомъ; вотъ что она писала черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого: «надо сознаться, что католическая религія очень способна поработать воображеніе, которое она поражаетъ величіемъ и ужасомъ, занимая въ то же время чувства таинственными обрядами». «Философія—продолжала она—не уничтожила дѣйствія въ некоторыхъ предметахъ на мои чувства... Я до сихъ поръ еще могу присутствовать не безъ интереса при совершеніи мессы, когда она совершается съ торжественною важностью. Я забываю шарлатанство католическихъ аббатовъ и многія нецѣлности ихъ; я вижу передъ собою только собраніе слабыхъ людей, умоляющихъ о помощи высшее существо; бѣдствія человѣчества, утѣшительная надежда на лучшее будущее занимаютъ мои мысли... если богослуженіе еще сопровождается музыкой, я точно переносусь въ другой міръ и выхожу лучшею изъ мѣста, въ которое многіе другіе сходятся безъ всякихъ размысленій... Дюжинные люди думаютъ мало, вѣрятъ на слово и дѣйствуютъ по истинкѣ».

ту, вслѣдствіе чего между полученными предписаніями и нутромъ, по которому онѣ слѣдуютъ, господствуетъ постоянное противорѣчіе. Не такъ поступаютъ натуры сильныя; имъ нужна гармонія, ихъ поведенію — вѣрное изображеніе ихъ *отры*. Въ дѣтствѣ я должна была принять ту вѣру, которую мнѣ дали; но и послѣ этого все мои дѣйствія были строгими послѣдствіями ея. Я удивлялась легкости тѣхъ, которые, заявляя свою вѣру, дѣйствовали вопреки ей; точно такъ же, какъ теперь приводитъ меня въ негодованіе низость людей, которые хотятъ имѣть отечество и въ то же самое время придаютъ своей жизни какую нибудь цѣну, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы рискнуть ею за это отечество...»

Жанна пребыла въ монастырѣ всего одинъ годъ, но тайное желаніе посвятить себя монастырской жизни еще довольно долго оставалось въ ней; чтенія мистическихъ средневѣковыхъ сочиненій поддерживали эту страсть. Но разсудокъ мало по малу вступалъ въ свои права.

«Первое, что заставило меня не совсѣмъ благосклонно взглянуть на католическую религію, была мысль о проклятіи аббатами всѣхъ, не исповѣдающихъ ихъ религію. Когда, наученная исторією, я хорошо поняла ходъ вѣковъ, судьбы государствъ, общественныя добродѣтели, заблужденія многихъ націй, — мнѣ показалась ужасною мысль объ осужденіи на вѣчныя муки безчисленнаго множества людей, брошенныхъ на землю среди столькихъ опасностей и въ тьму невѣжества, которое было уже для нихъ источникомъ столькихъ страданій. Я сказала себѣ: ясно, что я ошиблась въ этомъ пунктѣ; не ошиблась ли я и въ другихъ; обсудимъ. Съ той минуты, какъ католикъ дѣлаетъ такое разсужденіе, церковь можетъ считать его потеряннымъ для нея.»

Съ тѣхъ поръ, какъ въ душу молодой дѣвушки закралось первое сомнѣніе въ непогрѣшимости католическаго культа, пылкій умъ ея началъ дѣятельно работать; критическія сочиненія, произведенія философовъ, моралистовъ, метафизиковъ сдѣлались любимымъ предметомъ ея чтенія. Въ то же самое время эти писатели знакомили ее съ міромъ, съ людьми и разбивали въ ней многія изъ прежнихъ иллюзій. Особенное вліяніе произвелъ на нее Гельвецій. «Онъ — писала она изъ тюрьмы, когда вспоминала о своей молодости — огорчилъ меня; онъ уничтожилъ восхитительнѣйшія грезы мои; онъ указывалъ мнѣ всюду отвратительное своекорыстіе; но за то сколько мудрости въ его словахъ. Я убѣждала себя, что Гельвецій изобразилъ людей такими, какими они сдѣлались вслѣдствіе испорченности общества; я пришла къ тому заклю-

ченію, что провиннуться этимъ писателемъ слѣдовало для того, чтобы не попадаться въ просакъ въ сношеніяхъ съ людьми; но я ни за что не хотѣла принять его принципы для узнанія человека въ собственномъ смыслѣ этого слова и для оцѣнки самой себя; я бы считала себя униженной, если бы приняла ихъ для этого; я чувствовала себя способною къ тому благородству, котораго онъ не признаетъ въ людяхъ. Съ какою восхищеніемъ я противопоставляла сужденіямъ этого писателя великіе факты исторіи и доблести прославленныхъ ею героевъ. Я не читала ни одного разсказа о какомъ нибудь славномъ подвигѣ безъ того, чтобы не сказать себѣ: вотъ такъ бы и я поступила. Я пристращалась къ республикамъ, въ которыхъ встрѣчала самое большое число добродѣтелей, возбуждавшихъ мое удивленіе, и людей достойныхъ моего уваженія; я находила, что стою не ниже первыхъ, съ негодованіемъ отталкивала мысль соединиться съ челоуѣкомъ, не стоящимъ вторыхъ, и со вздохами спрашивала себя, почему я не родилась среди ихъ.»

Въ эту пору привелось ей познакомиться съ версальскимъ дворомъ, представлявшимъ въ то время, какъ извѣстно, образецъ самой глубокой неискренности и челоуѣческаго униженія. Понятно, какъ этотъ дворъ подѣйствовалъ на душу молодой дѣвушки, о настроеніи которой въ то время читатели могутъ судить по только что приведенному отрывку изъ ея мемуаровъ. Во время пребыванія въ версальскомъ дворцѣ мать спросила Жанну, довольна ли она поѣздкой?—Да, отвѣчала Жанна—лишь бы мы скорѣе уѣхали; еще нѣсколько дней, и я начну такъ сильно ненавидѣть людей, которыхъ вижу здѣсь, что не буду знать, что дѣлать съ своею ненавистью.—Что же дѣлаютъ тебѣ эти люди? спросила мать.—Они заставляютъ меня, отвѣчала дѣвушка, чувствовать несправедливость и каждую минуту смотрѣть на разныя мерзости.

Общество, въ которомъ она вращалась по неволѣ, это общество, уже окончательно сгнившее и стоявшее накануне революціи, все болѣе и болѣе развивало въ молодой Жаннѣ отвращеніе къ старому порядку и стремленіе къ новому; гниеніе еще усиливало ихъ. Несомнѣнно — читаемъ мы въ ея мемуарахъ — что наше общественное положеніе имѣетъ большое вліяніе на нашъ характеръ и мнѣнія; но помимо этого, въ воспитаніи, которое я получила, въ идеяхъ, которыя я приобрѣла вслѣдствіе чтенія и съ помощью свѣта, все какъ будто нарочно соединилось для того, чтобы поселить въ моей душѣ энтузіазмъ къ свободѣ, заставляя меня быть

свидѣтельницей смѣшного или чувствовать несправедливость множества привилегій и общественныхъ событій. Въ тѣхъ книгахъ, которыя составляли предметъ моего чтенія, я пристрастилась къ защитникамъ равенства; я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ, я была Гракхамъ въ Римѣ; я удалялась съ народомъ на авентинскую гору и подавала голосъ въ пользу трибуновъ... Когда мнѣ случалось быть свидѣтельницей разныхъ нарядныхъ, официальныхъ церемоній, тогда я съ глубокимъ прискорбiемъ ставила эту азиатскую роскошь, это нахальное великолѣпiе на ряду съ нищетою и униженiемъ отупѣвшаго народа. Распущенность двора въ послѣднiе годы царствованiя Людовика XV, презрѣнiе къ нравственности, овладѣвшее всеми классами общества, распутные поступки, составлявшiе предметъ всѣхъ частныхъ бесѣдъ,— все это вызывало во мнѣ негодованiе и удивленiе. Въ то время я еще нигдѣ не видѣла зародышей революцiи, и потому спрашивала себя, какимъ родомъ могъ продолжаться этотъ порядокъ вещей. Я знаю изъ исторiи, что всѣ государства, доходившiя до такой степени испорченности, наконецъ распатывались и падали, и въ то же время слышала, какъ французы пѣли пѣсни и смѣялись надъ своими собственными бѣдствiями; неудивительно поэтому, что я не обвиняла англичанъ за то, что они смотрѣли на своихъ сосѣдей, какъ на дѣтей. Я привязалась къ англичанамъ; сочиненiе Делюльма близко познакомило меня съ ихъ конституцiей; я старалась узнать англiйскихъ писателей и изучала англiйскую литературу.»—Въ 1776 г., т. е. за семнадцать лѣтъ до революцiи, когда г-жѣ Роланъ было всего 22 года, она писала еще вотъ что: «Если нынѣшняя система управленiя останется и сѣтвые припасы, такъ же, какъ и арендная плата будутъ по прежнему дороги и народъ будетъ продолжать страдать,—то послѣдствiемъ этого будетъ или сильный кризисъ, который можетъ испровергнуть старый порядокъ и дать намъ новую форму правленiя, или летаргическiй сонъ, похожiй на смерть.»

По смерти ея матери, въ 1775 г.,—матери, которую она любила такъ горячо, какъ только могутъ любить такiя страстныя и энергическiя натуры,—окончилась спокойная и безмятежная жизнь Жанны. Отецъ ея началъ вести самую безпорядочную жизнь, разстроилъ все состоянiе своей дочери, не разъ заставлялъ ее испытывать самыя тяжелыя непрiятности. Въ это время все утѣшенiе ея заключалось въ книгахъ; къ этому же времени относится знакомство ея съ произведенiями Жанъ-Жака Руссо.

Въ 1755 г. она въ первый разъ увидѣла Ролана де-ла-Плетьеръ, своего будущаго мужа, а въ 1780 г. вышла за него замужъ. Судя по словамъ Жанны, постоянно относящейся въ своихъ мемуарахъ къ мужу съ величайшимъ уваженіемъ, онъ былъ человекъ весьма образованный, умный и дѣятельный; изъ исторіи же намъ извѣстно, что все достоинство его состояло въ истинномъ благородствѣ души, но что умственнымъ развитіемъ онъ не щеголялъ;—всѣ бумаги, которыя онъ подписывалъ, всѣ распоряженія, которыя онъ дѣлалъ—все это было дѣломъ его жены;—она была его руководительницею и душою кружка, собиравшагося въ домѣ Ролана и бывшаго средоточіемъ Жиронды. Между тѣмъ, въ своихъ мемуарахъ г-жа Роланъ постоянно отодвигаетъ себя на второй планъ и выставляетъ главнымъ дѣтелемъ своего мужа; не разъ повторяетъ она, что все призваніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть добродѣтельной женою и матерью. Что заставляло ее высказывать такіа мысли,—ее, вся жизнь которой была служеніемъ общественному дѣлу,—мы рѣшительно не понимаемъ...

Первый годъ замужества она провела въ Парижѣ, куда Роланъ, служившій въ управленіи мануфактурными заведеніями, былъ призванъ для составленія новаго положенія о нихъ. Съ этого времени уже начинается политическое поприще будущей жирондистки; она сближается съ людьми, игравшими впоследствии, въ исторіи революціи, немаловажную роль. Послѣ годичнаго пребыванія въ Парижѣ они переѣхали въ Амьенъ, а оттуда въ 1784 г., Роланъ перешелъ на службу въ Ліонъ. Здѣсь мы будемъ продолжать нашъ рассказъ большею частью словами самой г-жи Роланъ; для насъ важно не историческое изложене фактовъ того времени, по большей части уже извѣстныхъ, но то, какую роль играла въ нихъ эта замѣчательная женщина и характеръ ея политической дѣятельности; а это лучше всего будетъ видно изъ ея собственныхъ словъ. Впрочемъ, просимъ читателя не забывать того, что мы недавно сказали о ея непонятной скромности въ отношеніи къ собственнымъ заслугамъ и дѣятельности, и принимать все, рассказываемое ею о мужѣ, на счетъ ея самой.

«Среди кризисовъ, неизбѣжныхъ въ революціонное время, когда принципы, предрассудки, страсти ставятъ неодолимыя преграды между людьми, которые до тѣхъ поръ какъ будто подходили другъ къ другу,—Роланъ былъ опредѣленъ на службу въ ліонскій муниципалитетъ. Его образъ жизни, семейныя связи и частныя отношенія, по видимому, должны были привязывать его къ аристократіи; его характеръ и репута-

ція дѣлали его пріятельскимъ для партіи народной. Едва его назначили, какъ у него появились враги, тѣмъ болѣе рьяные, что онъ, движимый чувствомъ несокрушимой справедливости, громко и безопашдно обличилъ всѣ злоупотребленія, размножившіяся въ управленіи городскихъ финансамъ. Число его враговъ увеличилось еще по другой причинѣ: начавшаяся въ 1789 г. революція охватила меня и мужа своимъ огнемъ; будучи друзьями человечества, поклонниками свободы, мы думали, что этотъ переворотъ преобразуетъ родъ человѣчскій, разрушить позорную нищету несчастнаго класса, такъ часто вызывавшаго наше глубокое сожалѣніе, — и поэтому встрѣтили его съ надеждой. Нашъ образъ мыслей возстановилъ противъ насъ въ Ліонѣ многихъ людей, которые, привыкнувъ къ коммерческимъ расчетамъ, не понимали, что можно вызывать и принимать съ рукоплесканіями перемены, полезныя только для другихъ. Вслѣдствіе злоупотребленій въ управленіи финансами, на Ліонѣ оказалось долгу сорокъ милліоновъ. Надо было просить у правительства помощи, потому что фабрики пострадали въ первый годъ революціи и двадцать тысячъ работниковъ оставались безъ хлѣба въ продолженіе зимы; было рѣшено отправить въ Учредительное Собраніе экстраординарнаго депутата для объясненія положенія дѣлъ, и этимъ депутатомъ былъ Роланъ. Мы пріѣхали въ Парижъ въ 1791 г. Я уже пять лѣтъ не видала этого города; я слѣдила за ходомъ революціи, за работами Учредительнаго Собранія, я изучала характеръ и дарованія ея вѣятельнѣйшихъ членовъ съ трудно-вообразимымъ интересомъ, — интересомъ, который можно понять только тому, кто знаетъ мою натуру и дѣятельность. Пріѣхавъ въ Парижъ, я стала усердно посѣщать засѣданія собранія; я увидѣла могущественнаго Мирабо, удивительнаго Казалеса, смѣлаго Мори, хитраго Ламета, холоднаго Барнава...

«Бриссо нѣсколько разъ бывалъ у насъ... Его простые манеры, откровенность, совершенно естественная небрежность показались мнѣ вполне гармонирующими съ суровостью его принциповъ... Чѣмъ больше я узнавала его, тѣмъ больше уважала; невозможно представить себѣ болѣе полное соединеніе безкорыстія и ревностнаго служенія обществу дѣлу и болѣе сильное самозабвеніе въ стремленіи къ добру... Бриссо познакомилъ насъ съ Петіономъ и другими членами Учредительнаго Собранія; было рѣшено, что они будутъ сходиться у насъ четыре раза въ недѣлю по вечерамъ.

«Это рѣшеніе какъ нельзя больше пришло мнѣ по сердцу; оно

давало мнѣ возможность слѣдить за вещами, для меня крайне интересными; оно удовлетворяло моей наклонности къ знакомству съ политическимъ образомъ мыслей и къ изученію людей...

«Больше всего поражалъ и странно огорчалъ меня въ этихъ собраніяхъ тотъ родъ болтовни и легкости, съ помощью котораго люди съ здравымъ смысломъ проводятъ вмѣстѣ три, четыре часа, не приходя ни къ какому рѣшенію. Отдѣльно вы можете услышать тутъ поддержку отличныхъ принциповъ, заявленіе хорошихъ идей, уясненіе въ некоторыхъ вопросахъ; но въ массѣ постоянно замѣтно отсутствіе принятаго плана, прочнаго результата и опредѣленнаго пункта, къ которому эти люди условились бы идти тѣмъ или другимъ путемъ. Нетерпѣніе мое не разъ доходило до того, что я надавала бы пощечинъ этимъ мудрецамъ, которыхъ съ каждымъ днемъ все больше и больше уважала за честность ихъ души и чистоту намѣреній; я видѣла, что они отлично разсуждаютъ, что всѣ они философы и на словахъ мудрые политики, но что ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ управлять людьми, а слѣдовательно и неспособенъ имѣть вліяніе въ общественномъ собраніи; обыкновенно они совершенно понапрасну тратили свой умъ и научныя познанія.

«Впрочемъ, въ этомъ кружкѣ было составлено нѣсколько хорошихъ декретовъ, которые потомъ были утверждены Учредительнымъ Собраніемъ; скоро коалиція меньшинства аристократіи окончательно ослабила лѣвую сторону. Осталось весьма небольшое число людей, продолжавшихъ смѣло и несокрушимо бороться за принципы, и наконецъ кружокъ этихъ людей ограничился только тремя—Бюзо, Петіономъ и Робеспьеромъ. Робеспьеръ казался мнѣ въ то время честнымъ человѣкомъ; за его принципы я прощала ему грубые обороты рѣчи и скучную фразеологию. Но я замѣтила, что въ собраніяхъ, происходившихъ въ нашемъ домѣ, онъ всегда былъ какъ-то сосредоточенъ; онъ выслушивалъ всѣ мнѣнія, рѣдко высказывалъ свое и на другой день, какъ мнѣ говорили, провозглашалъ съ трибуны мысли, высказанныя наканунѣ его друзьями... Друзья нѣсколько разъ мягко упрекали его въ этомъ; онъ отдѣльвался уловками, и ему прощали эту хитрость, какъ хитрость всепожирающаго честолюбія, которое въ самомъ дѣлѣ мучило его... Въ то время я была убѣждена, что Робеспьеръ страстно любилъ народъ и охотно приписывала его поведеніе излишеству горячаго рвенія; тотъ родъ молчаливости, характеризующій Робеспьера, который служить доказательствомъ или боязни быть узаннымъ людьми, или недовѣрчи-

ности человека, не находящаго въ самомъ себѣ ничего, способнаго внушить ему вѣру въ добродѣтель другихъ людей,—огорчала меня, но я принимала его за скромность... Никогда улыбка довѣрія не появлялась на губахъ Робеспьера; за то вы всегда могли встрѣтить на нихъ горькій смѣхъ зависти, желательной, чтобъ ее приняли за презрѣніе. Его ораторское дарованіе было ниже посредственнаго; тривіальный голось, неузнанные выражаться, неправильное произношеніе — все это дѣлало его рѣчи чрезвычайно скучными. Но онъ защищалъ принципы съ жаромъ и упорствомъ; а это было большою храбростью въ то время, когда чело защитниковъ народа уменьшилось въ сильной степени *).

«Когда Людовика XVI схватили послѣ его бѣгства въ Варенъ, Робеспьеръ очень обрадовался; по его мнѣнію, это событіе предвращало все несчастія. Другихъ же оно огорчило; они находили, что возвращеніе Людовика снова вносило раздоръ въ управленіи государствомъ, что интриги должны были снова начаться, что раздраженіе народа стихнетъ отъ удовольствія видѣть главнаго виновника бѣдствій арестованнымъ, и поэтому народъ перестанетъ помогать своимъ друзьямъ...

«Якобинцы предложили обратиться въ Учредительное Собраніе съ просьбой назначить судъ надъ королемъ, а покамѣстъ объявить, что Людовикъ лишился довѣрія парижскаго населенія... Для сочиненія прошенія были выбраны комиссары, и въ томъ числѣ Лакло и Бриссо.»

Въ это время напряженіе и волненіе г-жи Роланъ дошло до крайней степени; она всею душою отдалась великимъ сценамъ, разыгрывавшимся передъ ея глазами.

«Теперь — читаемъ мы въ другомъ письмѣ — мы переживаемъ десять лѣтъ въ двадцать четыре часа; событія и привязанности сжѣшиваются между собою и сжѣняются одно другимъ съ страшною быстротою; никогда еще умы не были заняты такими великими интересами; все стараются стать въ уровень съ ними, общественное мнѣніе выясняется и образуется среди грозы и подготавливаетъ царство справедливости.»

Письмо это заключается слѣдующими словами: «Наконецъ я увидѣ-

*) Просимъ читателя не забывать, что эти строки г-жа Роланъ писала уже въ тюрьмѣ, когда правленіе Жиронды кончилось и началась система самаго свирѣпаго кровопролитія, возбуждавшая отвращеніе во всѣхъ истинныхъ друзьяхъ свободы, а слѣдовательно и въ г-жѣ Роланъ. Понятно, что въ это время она уже не могла говорить безъ раздраженія о Робеспьерѣ.

ла, что заря новой жизни замялась въ моей землѣ. Она не потухнетъ больше; послѣднія событія обратятъ ее въ день. Свѣтъ разсудка соединился съ истиннымъ чувствомъ для поддержанія этого яснаго дня... Я умиру, когда природа пожелаетъ этого; но послѣднее дыханіе мое будетъ дыханіемъ радости и надежды за будущія поновленія.»

Историческое значеніе жирондистовъ слишкомъ извѣстно, чтобы распространяться о немъ. Что было особенно замѣчательно въ этой фанатизированной партіи—это роль женщинъ, которыхъ мы видимъ здѣсь на первомъ планѣ. Мишле объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что эта партія дѣйствовала болѣе подъ влияніемъ страстнаго увлеченія, чѣмъ холоднаго разсудка. Въ убѣжденіяхъ и въ поступкахъ жирондистовъ смѣшивалась поэзія съ политикой, мистицизмъ съ философіей и стоическая твердость, отличавшая дѣятелей этой эпохи, съ слабостію сентиментальныхъ мечтателей. Г-жа Роланъ была цѣльнымъ выраженіемъ этой партіи. Она ненавидѣла тиранію жестокаго триумвира, съ ужасомъ смотрѣла на страшные подвиги гильотины, ея поэтической душѣ была противна революціонная драма съ ея бурными перемѣнами и катаклизмами, но въ то же время она создавала идеалы самой мечтательной будущности для Франціи, и въ каждомъ отступленіи отъ своего любимаго идеала находила или интригу честолюбца, или шпіону продажнаго узурпатора. Ей казалось, что колесо быстро смѣнявшихся событій можно остановить на всемъ ходу и среди самаго разгара страстей и происшествій перейти къ мирному рѣшенію громаднаго вопроса, волновавшаго тогдашнюю Францію. Поэтому въ характерѣ этой благородной личности многое остается неразгаданнымъ. Ея profession de foi всего лучше высказалось въ словахъ, которыя она писала не за долго до самой казни.

«Спокойная и удовлетворенная сознаніемъ исполненія моего долга, я смотрю на будущность свѣтлыми глазами. Мои серьезные наклонности, моя любовь къ знаніямъ держали меня въ одинаково далекомъ разстояніи отъ безпутной жизни и интригъ. Преданная свободѣ, цѣну которой я узнала вслѣдствіе размышленія, я съ восторгомъ приветствовала паденіе стараго порядка; я была убѣждена, что этотъ переворотъ устранить злоупотребленія, о которыхъ я такъ часто скорбѣла, когда думала о судьбѣ несчастной Франціи. Я съ жадностью слѣдила за событіями, я горячо разсуждала о нихъ; но никогда не переступала границъ, назначенныхъ мнѣ моимъ поломъ. (Послѣ этого въ исповѣди г-жи Ро-

лавъ слѣдуютъ строки, въ которыхъ она приписываетъ все свои дѣянія своему мужу).

«Я знаю, что во время революціи часто забываются законъ и справедливость; доказательство тому—мое заточеніе. Своею участіемъ я обязана только той враждѣ и насильственной ненависти, которыя развиваются во время великихъ волненій и обыкновенно обрушиваются на тѣхъ, кто стоитъ не на заднемъ планѣ, или извѣстенъ, какъ человѣкъ съ нѣкоторымъ характеромъ. Съ моимъ мужествомъ мнѣ было бы легко избавиться отъ приговора, который я предвидѣла; но я нашла, что поступлю лучше, если подчинюсь этому приговору; я нашла, что тираніи слѣдовало предоставить гнусное дѣло принесенія въ жертву женщины, все преступленіе которой заключалось въ нѣкоторыхъ дарованіяхъ, которыми она никогда не хвасталась, въ ревностномъ стремленіи къ благу человѣчества, въ мужествѣ, съ которымъ она признавала своихъ друзей несчастными и, рискуя собственной жизнью, хотѣла остаться справедливой. Души, сколько нибудь великія, умѣютъ забывать о самихъ себѣ; онѣ чувствуютъ, что принадлежать всему роду человѣческому и видятъ себя только въ будущемъ. Я принадлежу Ролану, добродѣтельному и гонимому; я была въ сношеніяхъ съ людьми, которые ушли въ изгнаніе или погибли вслѣдствіе ослабленія и ненависти завистливой посредственности. Необходимо, чтобы я въ свою очередь погибла, потому что принципъ тираніи требуетъ, чтобы она приносила въ жертву того, кого сильно угнетала, и уничтожала даже свидѣтелей своихъ подвиговъ. Вотъ почему вы должны казнить меня, и я жду этой казни. Когда невинность идетъ на эшафотъ, куда ведутъ ее заблужденія и подлость, тогда она приходитъ къ славѣ. Дай богъ, чтобы я была послѣднею жертвою бѣшенства партій!... Истина! отечество! дружба! дорогіе предметы, чувства, драгоценныя для моего сердца, примите мою послѣднюю жертву! Жизнь моя была посвящена вамъ; вы же сдѣлаете мою смерть сладостною и славною.—Праведное небо! освѣти этотъ несчастный народъ, для котораго я желала свободы!... Свобода! Она создана для гордыхъ душъ, презирающихъ смерть и умѣющихъ во время давить ее. Она не для тѣхъ слабыхъ людей, которые всгупаютъ въ сдѣлки съ преступленіемъ, прикрывая названіемъ благоумія свой эгоизмъ и свою подлость. Она не для тѣхъ развращенныхъ людей, которыя выходятъ изъ грязи, распутства и нищеты она для мудраго народа, который любитъ человѣчество, поступаетъ справедливо, призываетъ своихъ льстецовъ, знаетъ своихъ истинныхъ друзей

и уважаетъ истину. До тѣхъ поръ, пока вы, о мой соотраждане, не сдѣлаетесь такимъ народомъ, вы напрасно будете толковать о *свободѣ*, вы будете пользоваться только *волею*, и каждый изъ васъ въ свою очередь падеть ея жертвой; вы будете требовать хлѣба, вамъ будутъ давать труны, и вы кончите тѣмъ, что превратитесь въ рабовъ?..»

Мы оставили разсказъ нашъ на томъ времени, когда готовился судъ надъ королемъ. Ожиданія г-жи Роланъ и ея кружка на первый разъ не осуществились. Народъ, собравшійся на шарковомъ полѣ съ нѣсколькими провозгласить Людовика XVI низложеннымъ, былъ разогнанъ силою оружія; всѣ члены собранія, принадлежавшіе къ партіи якобинцевъ и кордельеровъ, вышли изъ него. Роланъ ухажалъ съ женой въ деревню. Они вернулись въ Парижъ 15 декабря 1791 г., а въ началѣ 1792 его назначали членомъ комитета корреспонденціи якобинцевъ, — общества, бывшаго въ то время центромъ революціоннаго движенія и гдѣ тогда господствовала партія Бриссо.

Вліяніемъ Бриссо Роланъ былъ призванъ въ министерство и получилъ должность министра внутреннихъ дѣлъ. Г-жа Роланъ объясняетъ причину этого выбора. «Положеніе дѣлъ — говоритъ она — и волненіе умовъ беспокоили дворъ. Министры сдѣлались скоро предметомъ общей ненависти, и дѣйствительно ихъ образъ дѣйствій только подрывалъ конституцію, которой король присягнулъ противъ желанія и которую не хотѣлъ сохранять. Частыя перемѣны въ системѣ министерства приводили въ безспокойство дворъ; онъ мучился и не зналъ, на комъ остановить свой выборъ. Вокругъ него громко говорили, что если бы Людовикъ XVI дѣйствовалъ искренно, онъ выбралъ своими агентами людей, гражданское чувство которыхъ не было подвержено сомнѣнію. Дворъ рѣшился исполнить этотъ совѣтъ изъ слабости или страха и съ надеждою привлечь на свою сторону новыхъ министровъ, или съ рѣшимостью, въ случаѣ неудачи, снова удалить ихъ. Какъ бы то ни было, а онъ выказалъ готовность составить министерство изъ тѣхъ людей, которыхъ они называли патриотами.»

Такимъ образомъ Роланъ, искренній приверженецъ демократической партіи, сдѣлался министромъ. Онъ принялъ должность съ намѣреніемъ сдѣлать хорошее дѣло и, какъ человекъ недалековидный, вѣрилъ въ чистосердечіе короля. Г-жа Роланъ лучше понимала Людовика XVI; — обращаемся снова къ ея мемуарамъ.

«Людовикъ XVI выказывалъ при своихъ новыхъ министрахъ самое

наивное простодушіе; этотъ человѣкъ не былъ именно такимъ, какими старались выставить его для того, чтобы унизить его: это не былъ ни оступѣвшій потомокъ Людовика XV, ни честный, добрый и чувствительный человѣкъ, котораго прославляли его друзья. Природа сдѣлала изъ него дюжинное существо, которое было бы у мѣста въ какомъ нибудь темномъ положеніи; тогдашнее придворное воспитаніе развратило его, а посредственность погубила въ то трудное время, когда онъ могъ спастись только съ помощью генія или добродѣтели... Людовикъ XVI имѣлъ отличную память и былъ очень дѣтелекъ: онъ никогда не оставался безъ дѣла и часто читалъ. Но въ Людовикѣ XVI, лишенномъ величія души, силъ ума и силы характера, образъ мыслей сдулся и чувства извратились іезуитскими предразсудками. Людовикъ XVI боялся всего и сомнѣвался во всемъ. Еслибъ онъ родился двумя столѣтіями раньше и имѣлъ разумную жену, онъ прожилъ бы также безслѣдно, какъ многіе изъ его предковъ. Вступивъ на престолъ среди распушеннаго двора Людовика XV и разстройства финансовъ, окруженный испорченными людьми, онъ былъ увлеченъ вѣтренною женщиною, которая къ австрійской гордости присоединяла самонадѣянность молодости и величія, упоеніе чувственности и полную безпечность. Людовикъ XVI, слишкомъ слабый для того чтобы править государствомъ, стремившимся къ разрушенію, ускорилъ паденіе безчисленнымъ множествомъ промаховъ... Всегда колебавшійся между боязнью раздражить своихъ подданныхъ и желаніемъ сдерживать ихъ и совершенно неспособный управлять ими, онъ созвалъ генеральные штаты вмѣсто того, чтобы уменьшить издержки и установить порядокъ въ своемъ дворѣ; онъ самъ создалъ зачатки нововведеній и предложилъ средства для приведенія ихъ въ исполненіе, а потомъ захотѣлъ подавить ихъ. Ему оставалось только добровольно пожертвовать одною частью своей власти, для того чтобы удержать за собою въ другой возможность снова захватить ее всю въ свои руки; не умѣвъ этого сдѣлать, онъ сталъ прибѣгать только къ жаднымъ интригамъ... Его уклончивость и двуличность вызвала сначала недовѣріе, а потомъ общее негодованіе. . Когда онъ выбралъ себѣ министровъ изъ патриотовъ, то старался только о томъ, чтобы пріобрѣсть ихъ довѣріе, и такъ хорошо успѣлъ въ этомъ, что Роланъ и Клавьеръ, очарованные образомъ мыслей короля, только грезили, что о лучшемъ порядкѣ вещей и утѣшали себя надеждою, что резолюція кончена.—Боже мой!—говорила я имъ:—каждый разъ, какъ вы отправляетесь въ совѣтъ съ чувствомъ такого довѣрія къ ко-

ролю, мнѣ кажется, что вы готовитесь сдѣлать какую нибудь глупость. Увѣрю васъ — отвѣчалъ мнѣ Клавьеръ—король очень хорошо понимаетъ, что его собственный интересъ требуетъ сохраненія только что установленныхъ законовъ.—Что до меня касается—замѣчалъ Роланъ—то я думаю, что если овъ не самый честный человѣкъ, то самый большой хитрецъ въ цѣломъ государствѣ; такъ притвориться невозможно. А я возражала, что не могу вѣрить, въ человѣка, поведение котораго въ послѣднее время доказало отсутствіе въ немъ дарованій и добродѣтели. Доказательствомъ справедливости моего замѣчанія я приводила бѣгство Людовика XVI въ Варенгъ.»

Предсказаніе жирондистки сбылось самымъ блистательнымъ образомъ. Поведеніе короля было по прежнему образцомъ двуличности и малодушія. Энергическая и благородная женщина выходила изъ себя. «Я чувствовала въ душѣ волненіе, которое трудно передать словами; оболыщенная революціею, убѣжденная, что слѣдовало, во что бы то ни стало, подвинуть впередъ конституцію, проникнутая желаніемъ видѣть благосостояніе моей родины, я томила въ какой-то нравственной лихорадкѣ, не дававшей мнѣ покоя. Увертки короля доказывали его фальшивость. Роланъ убѣдился въ этомъ; честному человѣку и министру оставалось только одно—выйти въ отставку, въ случаѣ если бы король продолжалъ упорно отказываться отъ принятія мѣръ, необходимыхъ для спасенія государства».

Не дурно г-жа Роланъ написала слова, которыя мы привели выше: «дворъ рѣшился выбрать новыхъ министровъ изъ патриотовъ, съ надеждою привлечь ихъ на свою сторону или съ рѣшимостью, въ случаѣ неудачи, снова удалить ихъ». Привлечь неудалось, оставалось второе.

Однажды вечеромъ одинъ изъ этихъ министровъ, Серванъ, пришелъ къ г-жѣ Роланъ и съ радостнымъ лицемъ сказалъ ей:—Поздравьте меня, я выгнанъ.—Мнѣ очень досадно — отвѣчала она—что вы первые уступились этой чести; но я надѣюсь, что ее скоро доставятъ и моему мужу.—И дѣйствительно, Ролана также скоро прогнали въ числѣ прочихъ; «польза и слава—говорила его жена—слѣдовали за нимъ въ уединеніе; я не гордилась его вступленіемъ въ министерство, но гордилась его выходомъ изъ него».

Послѣ низверженія Людовика мы снова видимъ Ролана министромъ. Отсылаемъ читателя къ любой исторіи французской революціи; тамъ овъ найдетъ подробное изложеніе всѣхъ событій того времени; мы же переходимъ къ борьбѣ Жиронды съ враждебной партіей, рѣшившей участь нашей героини.

Между тѣмъ, какъ Роланъ или, вѣрнѣе, жена его,—потому что, опять повторяемъ, она была душою жирондистовъ и имя ея было извѣстно всей Франціи,—и такъ, между тѣмъ какъ Роланъ ревностно и честно служилъ республикѣ не подавая въ то же время руки своимъ врагамъ демагогамъ, народъ тоже позорилъ его, въ клубахъ имя его предавалось поруганію. Сильная зависть жадно слѣдила за нимъ и за его женою, потому что всѣ знали, какую огромную роль играла эта женщина. Въ то время въ Парижѣ издавалась газета «Père Duchesne». Это былъ органъ, щеголявшій самымъ неприличнымъ тономъ и не отступавшій ни передъ какой клеветой. Изъ этой журнальной клоаки на голову благороднѣйшей женщины, жены Ролана, сыпались самыя гнусныя обвиненія. Ролана обвиняли въ воровствѣ и корыстолюбіи, жену его—въ куртизанствѣ. Конвенція не довольствовалась тѣмъ, что клеветала на ненавистныхъ ей жирондистовъ и выставляла ихъ измѣнниками отечеству; она еще хотѣла сдѣлать ихъ смѣшными, возбудить противъ нихъ народъ, приучить его ругаться надъ людьми, любившими его искренно. Большая часть этихъ нападокъ приходилась на долю г-жи Роланъ, и въ этомъ нельзя не видѣть доказательства значенія, которое ей придавали французы. Для того, чтобы читатели могли судить, до какой гнусности доходили эти клеветники, мы выпишемъ одно мѣсто изъ «Père Duchesne»:

«Мы уничтожили феодальную власть, а позволяемъ существовать гораздо болѣе ненавистой власти. Нижняя половина добродѣтельного Ролана водить въ настоящее время Францію на помочахъ, какъ въ бывшее время Помпадуръ и дю-Барри. Бриссо—главный конюхъ этой новой королевы, Луве—ея камергеръ, Бюзо—главный канцлеръ, Фоме—духовникъ, Барбару, котораго Марать называетъ шпиономъ—капитанъ ея гвардіи, Верньо—церемоніймейстеръ, Гюаде—оберъ-шенкль. Таковъ новый дворъ, управляющій теперь всѣми дѣлами въ конвентѣ и департаментахъ.

«Засѣданіе этого двора происходитъ каждый вечеръ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Антуаннета подготовляла съ австрійскимъ комитетомъ новую варфоломеевскую ночь. Какъ эта бывшая королева, нынѣшняя гослжа Коко (такое прозвище давали г-жѣ Роланъ), лежитъ на кушеткѣ, окруженная этими beaux-esprits и толкуеть о войнѣ, о политикѣ и о народномъ продовольствіи. Въ этомъ-то притонѣ фабрикуются всѣ объявленія,—и т. д.»

Но не только оскорбленія сыпались на Ролана и его жему; угрозы

нхъ враговъ доходилъ до того, что жизнь ихъ была нѣсколько разъ въ опасности. Вотъ что говоритъ одинъ изъ современниковъ о положеніи г-жи Роланъ въ эту пору: «Съ каждымъ днемъ появлялась передъ нею новая опасность; каждая ночь была, казалось, послѣднею ночью въ ея жизни толпа убійцъ готовилась придти къ ней вечеромъ и зарѣзать ее съ мужемъ; самыя зловѣщія извѣстія доходили къ ней со всѣхъ сторонъ; ее умоляли не ночевать въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но все, что отзывалось уныніемъ и малодушіемъ, такъ противорѣчило ея характеру, что она едва согласилась послѣдовать этому совѣту. Разъ, продолжаетъ тотъ-же очевидецъ, — я былъ свидѣтелемъ случая, доказывающаго твердость духа этой женщины. Въ десять часовъ вечера ее уведомили, что вооруженные люди весьма подозрительнаго вида бродятъ вокругъ ея дома, что по всей вѣроятности они скоро войдутъ въ ея комнаты, что ей слѣдовало бы непремѣнно скорѣе уйти, переодевшись, для того, чтобы никто не узналъ ее. Всѣ присутствующіе были того же мнѣнія; тогда она увидѣла невозможность сопротивляться и надѣла крестьянское платье. Присутствующіе нашимъ, что головной уборъ ея не довольно похожъ на крестьянскій и предложили замѣнить его другимъ; это предложеніе не понравилось ей и въ порывѣ сильной досады она сбросила съ себя уборъ и всю остальную одежду и вскричала: «я стыжусь роли, которую меня заставляютъ играть; я не хочу ни переодеваться, ни уходить. Если меня хотять убить, то пусть убиваютъ въ моемъ домѣ. Я должна подать примѣръ твердости, и подамъ его». Эти слова были произнесены съ такою живостью и твердостью, что никто и не подумалъ возражать ей. Съ этой минуты до отставки Ролана его жена ни на минуту не оставляла своего дома».

Между тѣмъ время кровавой развязки приближалось. Въ Парижѣ главную роль игралъ триумвиратъ изъ Дантона, Марата и Робеспьера. Якобинцы становились все сильнѣе и сильнѣе, жирондисты все ближе и ближе подходили къ безднѣ погибели. 22-го января Роланъ подалъ въ отставку, хотя еще за нѣсколько дней до того говорилъ: «Я останусь на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока меня не выгонять или не принесутъ въ жертву, и тогда потребую чтобы меня судили.» Въ длинной запискѣ, написанной тономъ негодованья, онъ объяснялъ причины своего выхода изъ министерства; онъ вышелъ совершенно обезкураженный, преслѣдуемый самою сильною ненавистью и не желая ничего, кромѣ тишины и уединенья.

Но ни ему, ни женѣ его не было суждено мирно окончить жизнь.

Враждебная имъ партія такъ усилилась, такую черную тѣнь бросила на жирондистовъ, что они потеряли и расположеніе народа и отчасти вѣру въ свои собственные силы... Ихъ стали ненавидѣть. Изъ всѣхъ этихъ людей самую большую долю ненависти и преслѣдованья несли на себѣ Роланъ и его жена. Марать продолжалъ называть домъ Ролана будуаромъ госпожи Роланъ, въ которомъ составлялись заговоры для разрушенія республики; Роланъ требовалъ суда, ему отвѣчали разными уловками и постоянно отсрочивали этотъ судъ. Положеніе супруговъ становилось невыносимо. Между тѣмъ народъ, мучимый голодомъ и нищетою, взбунтовался и 24 февраля бросился грабить парижскія лавки. Въ Якобинскомъ клубѣ во всемъ этомъ обвинили Ролана; Колло д'Эрбуа прибавилъ, что Роланъ скрылъ въ Англии 42 милліоновъ. Обвиненія слѣдовали за обвиненіями, а между тѣмъ къ суду все-таки не приступали... Борьба началась на смерть.

Мы проходимъ мимо всѣхъ этихъ кровавыхъ сценъ, интригъ, темныхъ дѣйствій, въ которыхъ сущность дѣла уже давно была отодвинута на второй планъ, и останавливаемся на первомъ арестѣ госпожи Роланъ. Онъ совершился 4-го іюня. Ее повезли въ каретѣ, окруженной военнымъ конвоемъ; народъ, обманутый своими возмутителями, толпами слѣдовалъ за ея экипажемъ; и нѣкоторыя женщины кричали: «на гильотину!» — Не хотите ли поднять шторы? спросилъ ее одинъ изъ комиссаровъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нею въ каретѣ. — Нѣтъ, господа — отвѣчала она — невинность, какъ бы сильно ни угнетали ее, никогда не смотритъ такъ, какъ преступникъ; я не боюсь ни чьихъ взглядовъ. — У васъ больше характера, чѣмъ у многихъ мужчинъ — замѣтилъ комиссаръ — вы спокойно ожидаете правосудія. — Правосудіе! — вскрикнула госпожа Роланъ: — еслибъ оно было, я не была бы теперь въ вашихъ рукахъ; но пусть неправедный судъ повлечетъ меня на эшафотъ, — я взойду на него такъ же твердо и спокойно, какъ отираюсь теперь въ тюрьму. Я глубоко сожалею о моемъ отечествѣ; я сожалею о томъ, что считала его созрѣвшимъ для свободы и счастья; но я понимаю цѣну жизни; я всегда боялась только преступленія, я презираю несправедливость и смерть. Изъ тюрьмы г-жа Роланъ послала въ Национальный Конвентъ энергическое письмо, заключавшееся слѣдующими словами. «Вели мое преступленіе состоитъ въ томъ, что я раздѣляла строгость принциповъ моего мужа, энергію его мужества и его горячую любовь къ свободѣ, то я признаю себя виновною и ожидаю своего наказанія. Произнесите ванъ судъ, законодатели! Франція, свобода, судьба республики.

ки и ваша собственная, требуютъ непременно правосудія, которое находится въ вашихъ рукахъ».

Она писала также къ министру внутреннихъ дѣлъ, къ министру юстиціи, къ другимъ лицамъ, но всѣ ея настоянія оставались безъ отвѣта. Изъ первой тюрьмы ее перевели въ другую, и наконецъ въ самую страшную—въ Conciergerie. Силы духа не оставляли ее, и она бодро ждала рѣшенія своей участи. Только по временамъ овладевало ею уныніе. «Бѣдствія моего отечества—писала она изъ тюрьмы—заставляютъ меня страдать; потеря моихъ друзей подрываетъ мое мужество; невольная печаль овладеваетъ моими чувствами, подавляетъ мое воображеніе и сушитъ сердце. Франція теперь ничто иное, какъ широкая сцена рѣзни, кровавая арена, на которой собственныя дѣти Франціи терзаютъ другъ друга.»

На другой день послѣ ея пріѣзда въ Conciergerie, ее потребовали къ допросу; черезъ два дня былъ другой допросъ. Но это была одна пустая формальность. Судьба несчастной женщины уже заранѣе была рѣшена.

9-го ноября въ 4 $\frac{1}{2}$ часа вечера, изъ тюрьмы выѣхала телѣга, въ ней сидѣла госпожа Роланъ и директоръ фабрики ассигнацій Ламаркъ. Телѣга направилась къ тому мѣсту, на которомъ возвышалась гильотина. Огромная толпа слѣдовала за осужденными. Она указывала на нихъ пальцами и неистово кричала: «На гильотину! на гильотину!»

Ламаркъ совершенно упалъ духомъ; жирондистка сжалась надъ нимъ и начала ободрять его. Вотъ что говоритъ объ этомъ путешественникъ одинъ изъ очевидцевъ его :

«Совершенно непредвидѣнное обстоятельство, конечно отнюдь независящее отъ моей воли, было причиною того, что я встрѣтилъ эту необыкновенную женщину на ея пути къ эшафоту. Она стояла, непоколебимо спокойная, въ своей телѣгѣ; на ней было бѣлое платье съ буке-тами розоваго цвѣта. Никакого унынія не было замѣтно на ея лицѣ. Глаза ея сверкали живымъ огнемъ, лицо блестяло свѣжестью, очаровательная улыбка скользила на губахъ; но въ то же время она была серьезна и не шутила со смертью. Подлѣ нея сидѣлъ несчастный Ламаркъ; онъ былъ такъ удрученъ страхомъ, что голова его по видимому готова была упасть при каждомъ толчкѣ телѣги. Героиня ободряла этого несчастнаго, который уже не былъ похожъ на человѣка. По временамъ она до того овладевала собою, что находила слова, полныя умной веселости и вызывала ими улыбку у своего убитаго страхомъ

товарища. Не знаю, что случилось со мной в эту минуту, но весь этот короткий, палач и его прислужники точно исчезли передь моими глазами; все мое внимание сосредоточилось на жертвѣ и глаза на нее, я не понималъ, что она идетъ на смерть.»

Телѣга остановилась. Палачу было приказано казнить сначала госпожу Роланъ; но она сказала Даварку: «Ступайте первый; у васъ не хватаетъ силъ видѣть мою смерть.» Палачъ не рѣшался исполнить даннаго приказанія.—Неужели—спросила она съ улыбкой—вы можете отказать женщинѣ въ послѣдней просьбѣ?

И просьба ея была исполнена. Пришла и ея очередь. Въ ту минуту, какъ ее привязывали къ роковой доскѣ, глаза ея упали на колоссальную статую свободы, воздвигнутую на этомъ мѣстѣ.—«Свобода!—воскликнула она—какъ тебя обманула!...»

Это были ея послѣднія слова. Черезъ минуту все было кончено...

Предѣлы небольшой журнальной статьи позволили намъ очертить—и то бѣгло—личность госпожи Роланъ только со стороны ея политической дѣятельности. Но и частная жизнь ея можетъ быть предметомъ самаго любопытнаго изученія; и въ частныхъ отношеніяхъ ея проглядываетъ каждую минуту энергическая натура, отличительной чертой которой надо признать страстность. Пусть каждый, кому хочется близко ознакомиться съ этой женщиной, прочтетъ ея мемуары,—и онъ остановится съ изумленіемъ и уваженіемъ передь многими фактами, отиѣтвшими трагическую судьбу какъ великой исторической эпохи, такъ и выдвинутой ею на сцену личности г-жи Роланъ.

Завячимъ эту краткую характеристику стихами, написанными на одномъ изъ ея портретовъ:

*J'étois républicaine et j'ai vécu sans crime,
O mes concitoyens, ne plaignez point mon sort;
J'étonnai les tyrans dont je fus la victime:
La femme de Caton devoit braver la mort.*

ВЪ ГОСТЯХЪ У БАБУШКИ.

(ПОВѢСТЬ.)

I.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда моя мать собралась ѣхать въ Петербургъ, чтобы пристроить своего сына въ корпусъ; кромѣ того у нея были и другія дѣла. Оставляя меня одну, безъ надлежащаго присмотра, матери не хотѣлось. Вотъ почему и рѣшилась она отвезти меня къ моей бабушкѣ, черноозерской помѣщицѣ и аристократкѣ, Настасьѣ Даниловнѣ Бѣлугиной.

Настасья Даниловна изволила милостиво согласиться помѣстить меня въ своемъ домѣ. Она мало знала меня; еще меньше чувствовала ко мнѣ родственнаго расположенія и приняла у себя потому только, что любила всегда и вездѣ оказывать милости, а подчасъ прихвастнуть и попрекнуть ими. Впрочемъ это ужь общая черта всего русскаго барства.

Настасья Даниловна Бѣлугина была единственною дочерью гвардіи капитана и кавалера разныхъ орденовъ, Даниила Петровича Грусевскаго. По рассказамъ, дошедшимъ до меня въ разное время, Грусевскій былъ истый сынъ восемнадцатаго столѣтія, только съ своимъ собственнымъ замкомъ. Будучи настоящимъ

русскимъ аристократомъ, онъ тѣмъ не менѣе отъ души ненавидѣлъ всю свою братью, и изо всѣхъ силъ старался гадить разнымъ князькамъ и графамъ. Въ особенности же онъ не терпѣлъ нѣмцевъ-аристократовъ, называя ихъ попросту го-лоштанными прихлебателями.

Воспитаніе свое онъ получилъ въ Парижѣ, лично зналъ Вольтера, и былъ принятъ въ его кругѣ, какъ свой; за всѣмъ тѣмъ Грусеккій былъ самодуръ и деспотъ, какихъ видало рѣдко даже любезное наше отечество.

Въ домѣ его никогда не видно было ни одного церковника; даже дѣтей крестили въ отдаленной приходской церкви, тайкомъ отъ него. Также ни одного скомороха, ни одной приживалки не было у него на глазахъ. За то цѣлый этажъ его дома находился подъ чистѣйшимъ гаремомъ, со всѣми гаремными прелестями и ужасами. Надо отдать справедливость капитану гвардіи временъ Екатерины, Данилу Петровичу Грусеккому въ томъ, что онъ былъ знатокъ красоты, и не малый любитель разнообразія въ своихъ эротическихъ наслажденіяхъ. Жилъ онъ открыто; давалъ непрерывно балы и праздники; только дамы, говорятъ, рѣдко посѣщали ихъ, даже изъ самыхъ неустрашимыхъ, не смотря на то, что Данило Петровичъ былъ давно женатъ. Вообще всѣ женщины мало-малышскіе, недурныя собой, всѣ отъ него прятались, всѣ отъ него бѣжали. Недавно еще мнѣ удавалось слышать рассказы стариковъ о томъ, какъ мужья и отцы задирали отъ его ястребиныхъ взоровъ своихъ женъ и дочерей; какъ братья и жевки не разъ собирались толпами для того, чтобы извести ихъ этого разлучника.

Жена Грусеккаго представляла собой вполне тотъ переходный типъ русскихъ боярынь, который сложился подъ вліяніемъ реформы Петра. Она одѣвалась и носила шудру, какъ природная французская маркиза, и вѣтила съ тѣмъ сама представляла для мужа различныя наливки и пивушки, довольно порядочно въяснялась по нѣмецки, и ни слова не могла написать по русски; пѣла пронасть французскихъ романсовъ, но леко не скромно содержавши, а по средамъ и патинами отнюдь не позволяла тотъ инаею волосю своей домышлей че-

ляди. Въ довершеніе всего, она дралась съ горничными, какъ настоящая, провинціальная русская барыня.

Изъ этого всерастлѣвающаго гнѣзда и вышла на свѣтъ Настасья Даниловна. Отецъ хотѣлъ непременно дать ей французское воспитаніе. Для этого изъ Женевы былъ выпи- санъ юный педагогъ, monsieur Сюрло, который, кромѣ фран- цузскаго языка, получилъ еще приказаніе учить шестнадцати- лѣтнюю Настю астрономіи, физикѣ и химіи. Эти науки пре- подавались при отцѣ; безъ него же ловкой французикъ, чтобъ незамѣтно подобраться къ сердцу молодой и пылкой Настень- ки, читалъ съ нею разныя книжки любовнаго содержанія. Настасья Даниловна скоро вошла во вкусъ такого воспита- нія, и потому молодой и прекрасный Сюрло скоро сдѣлался для нея необходимою. Съ нимъ мечтала она у развалинъ старой сельской церкви (мѣсто ея тайныхъ свиданій), востор- женно бросаясь ему на грудь и замирая въ сладостномъ поцѣ- луѣ; съ отцомъ пила она наливки и шампанское на его до- машнихъ спектакляхъ и, наконецъ, по примѣру матери, руга- лась и нерѣдко дралась съ несчастными горничными, пока еще совершая это безъ особеннаго наслажденія. Отецъ ко- нечно зналъ о романѣ дочери и долго смотрѣлъ на него сквозь пальцы, но когда Настѣ вздумалось подарить своему возлю- бленному Жаку кое-что изъ своихъ дорогихъ брилліантовъ, Данило Петровичъ, немедля ни минуты, выгналъ Жака изъ- дому, а дочь отдалъ за сорокалѣтняго богача Бѣлугина, пер- востатейнаго болвана, когда либо существовавшаго на свѣтѣ.

Деятнадцати лѣтъ Настасья Даниловна называлась уже М-ше Бѣлугиной. Горевала она не долго; съ перваго же дня забравъ мужа въ свои руки, она тотчасъ отправилась съ нимъ въ Петербургъ, — *пожуровать*. Свезла она, куда слѣ- дуетъ, цѣлую груду рекомендательныхъ писемъ, которыми, въ утѣшеніе за ненавистный бракъ, щедро наградила ее ба- тюшка, и, съ помощью ихъ, опредѣлила своего вѣдота на службу. Благодаря значительному богатству, мѣсто дали ему доходное и видное, такъ что Настасья Даниловна, надѣлен- ная отъ природы нѣкоторыми умомъ и красотою, очень скоро стала считаться одной изъ первыхъ львицъ своего вре- мени. Отношенія ея къ супругу ограничивались тѣмъ, что

она доставляла ему чины и отличія. Такъ напр. получивъ камеръ-юнкера, Бѣлугинъ захотѣлъ имѣть камергера. Настасья Даниловна взяла съ него довольно значительный кушъ, и золотой ключъ не замедлилъ украсить ея мужа. Болѣе близкихъ отношеній между ними не существовало.

Проживъ такимъ образомъ въ Петербургѣ болѣе двадцати лѣтъ, Настасья Даниловна переѣхала сама и перевезла своего камергера въ провинцію, очень хорошо понимая, что для столицы она уже слишкомъ стара. Между тѣмъ умерла ея мать и съ нею окончилось блаженство Давиды Петровича. Очаровательныя французенки и прочія иноплеменницы принялись такъ дѣятельно обкрадывать совершенно отупѣвшаго старика, что огромныя его имѣнія скоро поступили въ продажу съ аукціоннаго торга. Настасья Даниловна, разумѣется, не выпустила ихъ изъ рукъ, немедленно отдавъ своему идиоту повелѣніе скупать все до нитки... Отцу она отвела, какой-то старый флигелекъ съ садикомъ и двумя рябыми служавками. Обождатель Вольтера не вынесъ такой скромной идилліи, и вскорѣ умеръ на рукахъ этихъ, далеко не пышныхъ, красавицъ. Имѣнія жены, еще за живо, было отданы его двумъ сыновьямъ, служившимъ гдѣ-то на югѣ, въ кавалеріи.

По пріѣздѣ въ Черноозерскую губернію, Бѣлугинъ, строго выполняя всѣ приказанія жены, рѣшительно не зналъ что ему дѣлать. Настасья Даниловна и тутъ нашлась, и тутъ выручила. Она прежде всего принялась кормить, словно на убой, всю мѣстную знать. Результатъ вышелъ хорошій.. На первыхъ же выборахъ камергеръ Бѣлугинъ былъ торжественно и единодушно провозглашенъ предводителемъ дворянства цѣлой губерніи. Онъ успѣлъ просидѣть на этомъ мѣстѣ два трехлѣтія и за тѣмъ немедленно переселился «въ лучшую жизнь». Огромный, каррарскаго мрамора, памятникъ былъ ему наградой за такое, единственное въ его жизни, умное дѣло.

Вскорѣ, откуда-то попала къ ней двухлѣтняя дѣвочка съ поэтическимъ именемъ «Полина». Эта дѣвочка была ею усыновлена и назначена полной и единственной наслѣдницей ея имѣній. Что это была за привязанность, никто хорошенько и понять не могъ. Правда, многіе находили, что носъ бабушки будто бы весьма схожъ съ носомъ Полины, почему увѣ-

ряли, будто бы Полина плодъ тайной любви, которой предавалась генеральша уже въ очень и очень почтенномъ возрастѣ. Они утверждали, будто бы Полина была нарочно припрятана до поры до времени въ одну далекую деревеньку, во избѣжаніе разныхъ пересудовъ. Но впрочемъ такъ утверждали люди злые, всегда болѣе или менѣе склонные къ преувеличенію, въ особенности по отношенію къ тѣмъ, которые пользуются разными благами міра сего. Напротивъ, люди добрые съ неутомимой энергіей защищали чистую, по ихъ словамъ, безукорызненную репутацію Настасьи Даниловны, доказывая что двадцати-трехлѣтняя Полина—племянница, а никакъ не дочь ея, и благодѣтельствована ею единственно по рѣдкой мягкости и добротѣ ея любящаго сердца, и т. д.

Итакъ, взявъ къ себѣ Полину, Настасья Даниловна переехала изъ города въ одно изъ своихъ ближайшихъ помѣстій, и зажила себѣ помѣщицей - барыней въ полномъ смыслѣ этого слова. .. Въ ее-то деревню и приготовлялись везти меня.

Разставаясь съ своими для того, чтобы отправиться въ неизвѣстный еще мнѣ домъ бабушки, я, разумѣется, плакала, хотя въ сущности мнѣ ровно никого не было жалко. Мнѣ, напротивъ, сильно хотѣлось перемены мѣста, новыхъ, еще неизвѣданныхъ, ощущеній. Расплакалась же я отъ однихъ только прощальныхъ церемоній, которыми меня доняли.

Подали коляску. Тутъ я перестала плакать, — меня уже начинала занимать новость моего положенія. Съ важностью усѣлась я въ коляску и прегордо взглянула на маленькихъ братьевъ, какъ мнѣ показалось, завистливо поглядывавшихъ на меня. И странное дѣло! Хоть бы скольконибудь я ихъ пожалѣла! Такъ мало была я привязана къ своему родному дому!

II.

Послѣ пятичасовой ѣзды, по мерзѣйшей большой дорогѣ, стали показываться красныя крыши бабушкиной усадьбы.

Помню, какъ задрожала я, когда мы подъѣхали къ околицѣ, отъ какого-то, вдругъ раздавагося, дикаго вопля. Мать тоже не могла остаться спокойной, и съ тревогой завертѣлась въ коляскѣ, приказавъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе.

— Семень Гаврилычъ свирѣпствуютъ-съ! проговорилъ тотъ, въ полъ-оборота повернувшись къ намъ, и за тѣмъ погналъ лошадей такъ, какъ будто самъ удиралъ отъ таинственнаго Семена Гаврилыча.

Я взглянула на мать; она отвернулась и, назвавъ кучера дуракомъ и грубияномъ, поспѣшила обратить мое вниманіе на какую-то восьми-угольную пеструю башню въ японскомъ вкусѣ; но и тутъ картина была не утѣшительная. Два маленькихъ, тощихъ и оборванныхъ, мальчугана, крехтя и надрываясь, катили къ ней большую зеленую бочку. Увидавъ насъ, они остановились, машинально сняли шапки, за тѣмъ поплевали на свои крошечныя, худыя ладони, и снова покатали тяжелую бочку.

Когда обогнули мы огромный, на-глухо заросшій травой, прудъ, надъ которымъ въ бездѣйствіи стояла водяная мельница, передъ нами развернулся цѣлый рядъ громадныхъ оранжерей. До самого дома было еще далеко; нужно было проѣхать густую сосновую рощу, за которой скрывалось жилище бабушки. Мать стала экзаменовать меня во французскомъ языкѣ; сказала, что меня встрѣтятъ три кузины и еще одна молодая дѣвушка, дочь M-me Biard, — гувернантка. Долго и много толковала она мнѣ о необходимости покоряться старшимъ. Изъ всей ея, внятно произнесенной, рѣчи я отчетливо запомнила только одно, а именно, что бабушка любить дѣвочекъ смирныхъ. Будь я дома, меня бы это озадачало сильно, но тутъ мнѣ просто было некогда и я, пропустивъ мимо ушей всѣ наставленія безпокойшейся матери, слѣдила лишь, за окружавшей меня, чудной картиной.

Имѣніе бабушки было первое по красотѣ мѣстоположенія и изяществу строеній, первое не только въ уѣздѣ, но и въ цѣлой губерніи... Роща, по которой мы ѣхали, разрѣдилась: передъ нами открылся домъ бабушки, и вотъ пошли мелькать террасы, балконы, вазы, бронзовые львы, — все это мѣнилось и тонуло въ разнообразной зелени дикаго винограда, плюща и

настурціи. Мы въѣхали въ садъ, разбитый на подобіе английскаго снэра; этотъ снэръ шелъ по одну сторону дома и служилъ за-одно и дворомъ, и манежемъ, въ большіе же праздники, даже мѣстомъ свиданія генеральши съ ея крестьянами. Здѣсь приносилось ей превосходительству поздравленій всякій разъ, непременно съ хлѣбомъ и солью... Громадное бѣлое зданіе, выстроенное во вкусъ второй половины прошедшаго столѣтія, шло полукругомъ. Сотни маркизъ съ пунцовыми фестонами глядѣли мнѣ прямо въ глаза; мнѣ показалося, что они глядѣтъ еще не совсѣмъ сурово. «Которое-то изъ этихъ оконъ будетъ моимъ?» невольно подумала я... Зданіе дѣлилось на три равныя части двумя подъѣздами; одинъ изъ нихъ устланъ былъ цвѣтами и деревьями; къ нему-то именно мы и подъѣхали.

Какъ только остановилась наша хорошенькая четверка, мать крѣпко обняла меня, перекрестила, сама перекрестилась и быстро вышла изъ коляски... Какое-то непонятно-тоскливое чувство сжало мое сердце; я готова была уже расплакаться, да взглядъ матери остановилъ меня. Слезы застыли, и я въ первый разъ ощутила чувство страха...

Волна ласкъ, всевозможныхъ лицъ и возрастовъ, во фражкахъ и перчаткахъ, высыпала къ намъ на встрѣчу и разомъ бросилась вынимать меня изъ коляски. Дворецкій бабушки, Петръ Емельянычъ, въ бѣломъ жилетѣ и таковомъ же галстунѣ, встрѣтилъ мать на крыльцѣ, почтительно докладывая, что «генеральша здоровы, но въ настоящее время изволятъ позевать»... Это нѣсколько ободрило мать... За тѣмъ дворецкій повелъ насъ по великолѣпной круглой лѣстницѣ изъ рѣзнаго дуба.

На шестидесятихъ ступенькахъ лѣстницы, до насъ сталъ долетать веселый, но какъ будто сдержанный, смѣхъ. Остановившись предъ дверью изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, мать стала поправляться, а я же утерпѣла, заглянула въ одно изъ красивыхъ стеклышекъ, которыя я видѣла въ первый разъ въ жизни, заглянула, да такъ и замерла отъ изумленія.

За дверью происходила слѣдующая сцена... Въ огромномъ залѣ съ хорами, люстрами и зеркалами стояла, къ намъ спиной; прелестная блондинка. Напротивъ нее помѣщался не-

обыкновенно красивый офицеръ, и они занимались совершенно непоетнымъ для меня препровожденіемъ времени... Красивенькая женская фигурка щипала его за усы, а вонюкъ ловилъ губами ея пальчики и цѣловалъ ихъ. Признаюсь, подобное зрѣлище было мнѣ въ диковинку, и я почувствовала почему-то неловкость... Мать взялась за ручку двери, предварительно кашлянувъ раза два; мы вошли. Офицеръ стоялъ уже на противоположной сторонѣ залы, а блондинка пресерьезно разбирала ноты.

Начались прѣвѣтствія, поцѣлуи. Офицеръ оказался моимъ дядюшкой, а хорошенькая блондинка родной племянницей моей матери, слѣдовательно одна изъ моихъ кузинъ.

— Какъ вы не во время прѣѣхали!... замѣтилъ офицеръ моей матери. — Тетка спитъ теперь... остальные всѣ въ саду, добавилъ онъ, обращаясь преимущественно ко мнѣ.

Кузина Варя (такъ звали блондинку) самымъ любезнымъ тономъ вызвалась проводить меня въ садъ; но очевидно, это была только попытка удалить меня. Войдя со мной на террасу, Варя остановилась и, махнувъ куда-то вдаль своей хорошенькой ручкой, сказала по французски.

— Ступай туда, — въ садъ!.. Тамъ ты найдешь всѣхъ своихъ кузинъ: Полину, Мери и Анюту. Ступай!.. Тамъ тебѣ будетъ весело!... договорила она, улыбувшись и за тѣмъ, повернувшись назадъ, исчезла.

Я осталась одна въ громадномъ, старинномъ саду бабушки. Садъ былъ разбитъ неправильно; пропасть извилистыхъ дорожекъ лежала передо мною, я пошла, куда глаза глядятъ. Побродивъ между клумбами цвѣтцвъ, я стала думать о Варѣ. Естественно, что сцена, на которую я такъ неожиданно наткнулась, служила не малой канвой для моихъ размышлений. «Они, должно быть, женихъ и невѣста», рѣшила я, и рѣшила такъ на томъ основаніи, что, не задолго до моего отъѣзда, обвѣнчались у насъ лакея Ваську и горничную Стешу; а обвѣнчали ихъ именно потому только, что лакею Васькѣ вздумалось разъ поцѣловать Стешу. Вспомнила я, какъ черезъ недѣлю послѣ свадьбы онъ былъ Стешу и какъ мать грозилась отдать его въ солдаты. Съ однимъ я не могла сладить: Стеша переносила побои мужа съ удивительной стойкостью:

она была такая толстая, здоровая; Варя же такая хорошенькая, тоненькая, блѣдная. Я понимала, что бить ее, какъ Степу, будетъ невозможно. «Какъ же онъ будетъ бить ее?» неотвязно вертѣлось въ мой головѣ... «Вѣрно, какъ нибудь особенно... А бить будетъ непременно!...» окончательно рѣшила я и пошла далѣе.

Еще нѣсколько разъ покружила я по ближайшимъ дорожкамъ и очутилась на площадкѣ, въ концѣ которой находился небольшой гротъ. Я намѣревалась уже войти въ него, какъ неожиданная новая встрѣча заставила меня остановиться. Изъ грота выходилъ господинъ въ бѣломъ пальто подъ руку съ другой, незнакомой мнѣ дѣвушкой. Эта дѣвушка была такъ хороша, что я невольно залюбовалась ею. Господинъ-же, на руку котораго она опиралась, представлялъ самый разительный контрастъ съ нею. Съ перваго взгляда я даже ужаснулась его безобразной фигуры. Дѣтина вершковъ одиннадцати росту, здоровый, плотный, съ крупными чертами лица, съ длинными русыми волосами и чуть-чуть пробивающейся бородкой, весь въ угряхъ, такъ и смотрѣлъ удалымъ русскимъ парнемъ, умницей, но страшнѣйшимъ гулякой и кутялой. Походка его была самоувѣренна и тверда. Также не мало изумило меня общее выраженіе его лица. Въ немъ такъ засѣло какое-то полупрезрѣніе ко всему на свѣтѣ, что даже на спутницу свою онъ смотрѣлъ насмѣшливымъ взоромъ. Студенческая фуражка сидѣла на немъ особенно гордо, словно она ему съ бою досталась.

Отъ грота, кромѣ большой липовой аллеи, была еще другая, маленькая, тѣнистая. Она простиралась въ длину шаговъ на двадцать; въ нее-то и повернули они. Я стала на углу двухъ аллей и слышала ихъ каждое слово. Они меня совершенно не замѣтили и говорили между собой вполне неприужденно.

— Такъ ты, Мери, придешь сегодня ко мнѣ? говорилъ студентъ.

— Приду, лаконически отвѣчала та.

— Чортъ знаетъ, что дѣлается со мной!... я, кажется, не доживу до вечера!

— Только помните уговоръ, М-сир Коневъ!... А то, вля-
нусь вамъ, въ первый и послѣдній...

— Ахъ, да; слышала я это!.. знаю!.. Приходи только, ра-
ди бога!

— Приду!.. Приду!.. Тебѣ я ѣсть сегодня не хочется. Вотъ
диво-то!.. произнесла Мери и захохотала.

— И ѣсть не хочется, махнувъ рукой, отвѣчалъ онъ.

— А работы ты скоро кончишь? спросила Мери.

— Вотъ что вздумала!.. я буду тянуть ихъ до поздней
осени. Нѣтъ! теперь уже ея превосходительство пусть по-
дождетъ: меня силой отсюда не выживешь.

— Ну, а денегъ-то ты много забрала?

— Половину.

— И спустила? смѣясь, спросила Мери.

— Разумѣется; что-же я на нихъ глядѣть что-ли буду?

— А Агашѣ даль-ли хоть сколько нибудь?

— Не только сколько нибудь: предлагала даже выкупить
ее; отказалась.

— Почему?

— Скоро, говорятъ, всѣ будемъ вольные; нужно еще ей
деньги платить. Двадцать рублей взяла, а больше не хочетъ.

— Она замѣчательная дѣвушка!.. въ раздумьи проговари-
ла Мери.

— Да!.. со смысломъ дѣвочка!.. Ну и хорошенькая тоже,
весело отвѣчалъ Коневъ.

— По твоему, вѣдь это первое качество!.. Ты у меня эс-
тетикъ не послѣдній.

— Что-же дѣлать? грѣшный человѣкъ, не могу переносить
безобразія въ женщинахъ. Уважаю каждую,—и красивую, и не
красивую; схожусь съ удовольствіемъ, если она не глупа, но
хоть сколько нибудь развита; даже въ состояннѣ подружиться
съ некрасивой женщиной, но полюбить—никогда.

— Такъ что, потеряй я свою красоту, ты меня разлю-
бишь?.. Полно, Коля, ты клеветишь на себя.

— Ничуть! увѣряю тебя. Если бы ты подурнѣла немно-
го, я бы этого, можетъ быть, и не замѣтилъ; но обратись ты,
какимъ нибудь чудомъ, въ полнѣйшаго урода,—я за себя не
отвѣчаю.

— Мерси. Вотъ это мило!.. Какъ же мы-то любимъ перѣдко уродовъ, а не красивыхъ сплошь и рядомъ.

— Примеромъ чего служишь первая ты? не такъ-ли?

— Пожалуй и такъ, отвѣчала Мери, нѣжно взглянувъ на него.

— А ужь Аллахъ вѣдаетъ, какъ вы это ухитряетесь, шутливо произнесъ онъ, какъ видно очень довольный ея взглядомъ; но сейчасъ-же и прибавилъ серьезно: стойте выше насъ,—вотъ отчего.

— Въ этомъ отношеніи — непремѣнно.

— Сегодня ждуть какую-то гостью или родственницу съ дочерью... Мнѣ болтала объ этомъ что-то по утру Полива, проговорила Мери, помолчавъ немного.

— Съ взрослой дочерью?..спросилъ Коневъ.

— Четырнадцать лѣтъ; учится еще... Ее оставятъ здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ.

— Что же она, бѣдная дѣвочка что-ли?.. Изъ милости вѣрно беретъ ее ваша генеральша?

— Я не знаю.. Вѣроятно, чтобъ Анютѣ не было скучно....

— Кто же будетъ заниматься съ этой пріѣзжей?.. ужь вѣрно ты?

— А развѣ насъ мало?.. Я, ты; Александръ тоже ничего не дѣлаетъ.

— Только безнадежно страдаетъ по тебѣ, со смѣхомъ замѣтилъ Коневъ... Это вѣдь ангельская душа! готовъ надъ каждой козявкой плакать, а обираетъ крестьянъ вмѣстѣ съ батюшкой такъ же исправно, какъ и вся ихъ братья. Задамъ я имъ жару обѣимъ, дай только шибѣ принять ишѣнье въ свои руки.

— Ну! вошелъ опять въ свою колею!.. сѣлъ на любимого конька!. улыбаясь, говорила Мери... Достанется теперь всѣмъ, не исключая и пріѣзжей; а напрасно!.. говорятъ, она славная дѣвочка; такая живая, бойкая.

— Ты говоришь живая... Ну теперь понятно, за чѣмъ берутъ ее: чтобъ присмирѣла!

Я задрожала при этихъ словахъ всѣмъ тѣломъ... Господи!.. куда это завезли меня?.. могла только прошептать я.

Наконецъ я не выдержала, выскочила изъ-за куста и бро-

сплелась къ Мери и Колеву. Увидавъ меня, онъ въ ту же минуту оставилъ ея руку, а она просто отшатнулась отъ меня... Я совсѣмъ растерялась. Мнѣ было горько и стыдно. Въ эту минуту я плакала уже не потому, что боялась бабушкѣ; нѣтъ: мнѣ была невыносима мысль, что оба они съ перваго же разу сочтутъ меня за дѣвочку неблагородную... Тутъ только мнѣ стало ясно, какъ нечестно поступала я, подслушивая такъ долго чужой разговоръ.

Они съ удивленіемъ поглядывали на меня. Тяжело вздохнувъ раза два, я овладѣла собой, на сколько могла, и принялась имъ объяснять, что я именно та самая дѣвочка, которую ждали сегодня, и что Варя послала меня въ садъ отыскивать моихъ кузнецъ.

— О чемъ-же вы плачете, скажите на милость?—съ своей насмѣшливой улыбкой спрашивалъ Колеву. Вы вѣрно слышали нашъ послѣдній разговоръ о васъ?

— Я слышала... и... не одинъ... послѣдній; я.. слышала.. что.. вы и прежде... говорили.. только.. я.. не.. вино:вата, задыхаясь отъ слезъ проговорила я.

— Ну перестанете-же плакать, и скажите лучше, какъ васъ зовутъ? заговорилъ онъ опять.

— Надей, всхлипывая и утирая слезы, отвѣчала я.

— Что-же? такъ и прикажете называть васъ? — извольте. Теперь потрудитесь объяснить, который вамъ годъ?

— Четырнадцать.

— И въ четырнадцать лѣтъ, вы плачете о томъ, что подслушали случайно чужой разговоръ? Bravo! Я вижу, вамъ не шутя можно протянуть руку. Ну-съ? хотите быть нашимъ другомъ? Отвѣчайте скорѣе. А то невесело же, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на васъ, какъ вы рыдаете. Глядите: М-де Мери тоже готова сію минуту разрыдаться вмѣстѣ съ вами, этого я ужь, конечно, не прошу вамъ, что, вѣроятно, и не удивить васъ если вы успѣли только понять что либо изъ нашего разговора... Скажите, поняли вы что нибудь?..

— Перестань, Коля!.. ты все смѣешься: дай ей успокоиться, тихо замѣтила ему Мери.

— Нѣтъ, я не все поняла. Я никогда не слышала подобнаго разговора, отвѣчала я.

Коневъ покотился со смѣху...

— Ха! ха! ха!.. Вы не слыхивали, такъ я вамъ растолкую его, когда познакоимся покороче.

Я взглянула на него еще разъ. Какъ симпатична показалась мнѣ вся его некрасивая фигура! Въ открытомъ лицѣ его было столько подвижности, столько прямоты, что я чуть было не бросилась ему на шею. Но за то я сдѣлала это съ Мери.

— Ну! въ Аркадію переѣхали! замѣтилъ онъ, — а потому позвольте мнѣ отретироваться. Прощайте-съ! пойду отыскивать вашихъ родственниковъ.

— А вы кто же? обратилась я къ Мери послѣ того, какъ онъ ушелъ.

— Я?.. я дочь М-me Biard, здѣшней гувернантки... Впрочемъ называйте меня просто Мери.

— А этотъ Коневъ, кто онъ такой?

Она чуть-чуть покраснѣла.

— Онъ студентъ, товарищъ Александра Аркадьича; они въ одномъ университетѣ учатся... Александръ же Аркадьичъ, вѣроятно, придется вамъ какимъ нибудь родственникомъ.

— Да, я теперь припоминаю... Мери, простите ли вы мнѣ когда нибудь мою ...мое...

— Э, полноте, Надя!.. перестаньте!..

— Клянусь вамъ, я никому не скажу!

— Вѣрю, вѣрю, мой другъ, успокойтесь только, и забудьте, пожалуйста, все. А! вотъ и остальные идутъ; надо вамъ и съ ними познакомиться.

III.

Дѣйствительно, въ концѣ аллеи показалась довольно большая группа гуляющихъ. Впередѣ всѣхъ выступала Коневъ, вѣдь руку съ двумя остальными кузинами; рядомъ съ ними шелъ

еще какой-то студентъ въ сѣренькомъ пальто и большой соломенной шляпѣ. Двѣ или три молоденькія горничныя, съ корзинами и зонтиками барышень, держались нѣсколько поодаль.

— Сродственниковъ веду, M-elle Nadine: извольте приготовляться къ представленью! — кричал издали Коневъ.

Господинъ въ сѣромъ пальто первый подошелъ ко мнѣ и, снимая шляпу, крѣпко пожалъ мои пальцы.

— Мое почтеніе, милая сестрица!.. сказалъ онъ пріятнымъ баритономъ; я двоюродной братъ вашъ, Александръ Аркадьичъ Волжскій.. Надѣюсь, помните?

— Нѣтъ, не помню... Да мнѣ кажется, что я васъ вижу въ первый разъ.

— А мнѣ кажется, что вы сильно похорошѣли, не смотря на то даже, что ваши глазки заплаканы.. Развѣ тетка встала? загадочно спросилъ онъ Мери.

— Нѣтъ; все это надѣлала вѣтренница Варя; пустила дѣвочку совершенно одну: ей стало скучно, — вотъ она и расплакалась..

— Уважительная причина, особенно для здѣшняго мѣста, замѣтилъ онъ.

Эти слова, произнесенныя сквозь зубы, снова напомнили мнѣ конецъ разговора Конева и Мери; и я почувствовала, какъ меня обдало холоднымъ ужасомъ... Да что же это за мѣсто?.. промелькнуло въ головѣ моей. На видъ все такъ богато, красиво, и кухни одна другой лучше?.. Но размышлять было некогда... Полина и Анюта, обступивъ меня, осаждали вопросомъ самаго разнообразнаго свойства: «смогло у меня братьевъ? ѣздятъ-ли къ намъ гости? и; если ѣздятъ, то бываетъ-ли весело? играю-ли я на фортепьянахъ? позволяютъ-ли мнѣ гулять?» У меня даже голова закружилась отъ подобнаго вздора. Полина была нѣсколько старше Вари и Мери и нѣсколько не хуже первой лицомъ, съ тою лишь разницей, что Варя была блондинка, а Полина — чистѣйшая брюнетка. Одно только поражало въ ней непріятно, это какая-то удивительная вертлявость; и это тѣмъ сильнѣе шокировало глазъ каждого; что было какой-то неграціозной смѣсью съ желаніемъ казаться полною; положительной хозяйкой въ домѣ. Другая кузина — Анюта, родная сестра Вари, была мохикъ лѣтъ, —

худая и блѣдная дѣвочка, «пришибленная», по выраженію Конева.

— Пора, пора, однакожь, собираться въ гостиную, господу затораторила Полина.—Мамаша скоро встанеть.

Мери и Анюта пошли къ террасѣ, взглядомъ приглашая и меня сдѣлать тоже; но Александръ надулся.

— Погоди, Полина, куда ты спи́спишь? Дай хоть подышать немного.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. пора идти!.. точно не знаешь, что мамаша не любитъ, когда она выходитъ и не всѣ въ сборѣ...

— Доводъ прясный, Полина Александровна! ядовито отвѣчалъ Коневъ. Вы такъ блистательно умѣете поддерживать власть Настасьи Даниловны, что я первый готовъ повиноваться вамъ. Позвольте предложить вамъ руку, добавилъ онъ уже своимъ обычнымъ насмѣшливымъ тономъ.

Полина старалась показать, что она нисколько не обижена, и по этому съ самымъ безпечнымъ, разсѣяннымъ видомъ, подала ему руку и пошла съ нимъ впередъ. Александръ: взявъ меня подъ руку.

Я не знаю, что чувствовалъ въ это время Александръ, но думаю, что ему было не весело. Онъ шелъ молча и похуривъ голову; широкія поля его шляпы мѣшали мнѣ взглянуть на его лицо, да и глядѣлъ-то онъ какъ-то въ сторону, словно избѣгая моихъ взглядовъ.

На встрѣчу намъ съ террасы спускалась моя мать. Полина поздоровалась съ ней и сказала, указывая пальцемъ на Конева: онъ самъ вамъ отречомендуется, та сошлите, если вы не знакомы.

— Студентъ червоозерскаго университета, Николай Васильичъ Коневъ-съ, проговорилъ онъ, почтительно раскланиваясь передъ ней.. Вслѣдствіе такого, уваживаю права, надеюсь уже третій мѣсяцъ въ мѣстѣ вашей тетупки; а за прѣдѣльное трудолюбіе и успѣхи во вѣдѣньяхъ мнѣ работахъ даю мнѣ нѣкое счастье: пользоваться малостепеннымъ вниманіемъ ея превосходительства. Съ вашей же доверью, продолжалъ онъ на мало не смущаясь сконуженнымъ видомъ моей матери, имѣлъ уже удовольствіе познакомиться и смѣю васъ уви-

рять, что такого кипучаго организма еще не видалъ въ ихъ возрастѣ.

— Что!?!.. она успѣла уже нашалить!.. съ самой искренней тревогой спросила мать и даже поблѣднѣла замѣтно.

— О, нѣтъ!.. не извольте пугаться, сударыня. Нашалить ваша дочь не успѣла, а заявить себя нѣкоторымъ образомъ—да.

— Что-же она сдѣлала?

— Подружилась со мной, сударыня.

— Да вы вѣрно приласкали ее?

— Ошибаетесь, сударыня, — я не умѣю ласкать, напротивъ, я все смѣялся и бранился, чѣмъ, кажется, и заслужилъ расположеніе вашей дочери. А это признакъ, по моему, хорошій.

Между тѣмъ на террасѣ, среди померанцовыхъ и другихъ деревьевъ, собралось довольно большое общество. Кромѣ знакомыхъ уже читателю Вари съ дядей (я такъ и буду звать его дядей), не вдалекѣ отъ Мери помѣщалась стройная и красивая дама; она казалась старшей сестрой Мери; на самомъ же дѣлѣ это была ея мать — *M-me Biard*. Въ сторонѣ отъ нее помѣщались два священника, поминутно обращавшіе глаза на дверь, изъ которой должна была появиться бабушка. Мать подвела меня сперва къ священникамъ, и, когда они оба, какъ водится, благословили меня, я была представлена *M-me Biard*. Она замѣтила мнѣ самымъ чистымъ парижскимъ акцентомъ, что мнѣ стоитъ только немного поху-дѣть, и мое личико будетъ очень пикантное.

Коневъ заговорилъ съ матерью о хозяйствѣ и, на этотъ разъ, кажется серьезно. Александръ подсѣлъ къ Мери, и говорилъ ей что-то необыкновенно горячо и развязно. Мери только хмурила брови и пожимала плечами. *M-me Biard* съ большимъ вниманіемъ слѣдила за всѣми ея движеніями. Я и Аяюта молча оглядывали другъ друга. Голубенькіе глазки Вари все скользили по блестящему мундиру дяди; смотрѣть на него самого она не рѣшалась.

Скоро въ гостиной послышалась суета; лакеи и горничныя засновали и заметались изъ угла въ уголь; за тѣмъ на террасу вбѣжали два казачка и, распахнувъ настежъ обѣ половинки дверей, вытянулись у нихъ въ струнку. Показалось руч-

ное кресло, двгавшееся сзади личностью во фракѣ, напоминающею мнѣ изображенія дикобразовъ. Рядомъ съ кресломъ шла Полина; въ рукахъ у нея было нѣсколько пунцовыхъ подушечекъ. Въ креслѣ сидѣло крошечное, сморщенное, до-нельзя высохшее существо; кружевный чепчикъ накрывалъ это существо сверху, и за тѣмъ ничего нельзя было больше рассмотреть: потому что все остальное скрывалось въ кучѣ подушекъ.

Я обратила глаза къ матери. Она, поблѣднѣвъ замѣтно, стала тихими, неслышными шагами подводить меня къ подушкамъ.

— Покажи ее!.. покажи!.. зазвучалъ какой-то хриплый шопотъ, и пара хищныхъ, мутныхъ глазъ пронизали меня насквозь.

Я подходила робко, удерживая дыханье.

— Смирная!.. смирная!.. произнесъ тотъ же голосъ, и тотчасъ же на одну изъ штофныхъ подушекъ выползло что-то въ родѣ подобія женской руки. Мать сказала громко, чтобы я приложилась къ этой рукѣ, и сама принялась жарко цѣловать ее. У меня слезы подступали къ горлу при видѣ униженья матери, которому она подвергалась ради меня. Я попробовала поискать глазами Конева, но онъ ушелъ еще раньше внутрь дома.

— Ну, поживи, поживи у меня!.. шалить не будешь?.. проговорила бабушка по прежнему тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ грозно, что я въ эту минуту забыла, шалила-ла я когданибудь. Да ты не бойся меня, старуху: я добрая, очень добрая. Спроси вонъ у нихъ.

Никто однако не собрался съ духомъ отвѣчать.

— Что-же вы никто не ободрите ребенка? продолжала она, обводя свинцовымъ взоромъ все общество. Аль я вамъ лиходѣйка какая, въ самомъ дѣлѣ?..

— Помилуйте, ма tante, пролепетала мать, — вы такъ ее обласкали; ей и въ голову придти ничего не можетъ...

— То-то-же!.. а то долго-ли запугать ребенка. Ну что, хорошо-ли здѣсь у меня?.. познакомились-ли со всѣми?..

— Со всѣми, шатап, подхватила Полина.

— Поди, садись на мѣсто!.. А ты не бойся, обратилась она къ матери. Не съѣдятъ; все свои, родные..

— Что вы, ma tante!.. да я и не думаю.

Одному Богу извѣстно, сколько бы еще времени длилась эта мучительная сцена; но вошелъ Петръ Емельянычъ и громко произнесъ.

— Кушать подано, ваше превосходительство!

Все засуетилось, задвигалось; всѣ точно ожили. Дядя и Александръ покатали кресло бабушки. Коневъ вошелъ и подаль руку матери; Мери взяла мою; M-me Biard поднялась и пошла съ Варей и Анютой. Священнослужители замыкали шествіе. Когда стали усаживаться, бабушка замѣтила священниковъ и попросила ихъ подойти и благословить ее. Тѣ съ немалой долей почтительности исполнили требуемое. Коневъ сѣлъ рядомъ съ матерью; я подлѣ него съ Мери.

— Что ваши работы?.. спросила его бабушка.

— Я хочу пріостановить ихъ на время, спокойно отвѣчалъ Коневъ, глотая ложку супа.

— Отчего?

— Отъ того, что во-первыхъ жара смертная, и я не могу работать въ такое время, а во-вторыхъ управляющій затрудняется людьми; «хлѣбъ, говорить, высыпется,—руки нужны».

— Вы говорили съ нимъ?

— Говорилъ, а сегодня и опять поговорю.

— Что же вы на это время въ городъ поѣдете?.. съ многозначительной усмѣшкой выспался мой изящный дядюшка.

— Поѣду, если останется время отъ кабинетной работы. «Много, модъ, взять?» говорили его сѣрые глаза, смотря ему прямо въ лицо.

За десертомъ Петръ Емельянычъ подаль мнѣ, отъ имени бабушки, маленькій, серебряный подносикъ съ «рунтами»: всѣ обратились ко мнѣ, какъ-бы поздравляя съ такой нежданной милостью. Въ эту минуту я была готова кинуться въ ноги провалиться: надо было вставать и идти благодарить, чего мнѣ смертельно не хотѣлось; я и стыдилась, и робѣла. Коневъ замѣтилъ это.

— Вы вѣрно хотите пройти, поблагодарить бабушку, поз-

вольте, я отодвину вамъ стулъ, сказалъ онъ, и обычная улыбка заиграла на его губахъ.

— Благодарю по французски, шепнула Мери...

— *Toute indigne de vos graces...* начала было я, но вдругъ остановилась и покрасѣла; мнѣ стало стыдно своего униженія... *Merci pour les beaux fruits*, достаточно бойко докончила я.

Но бабушка соблаговолила почему-то услышать только первыя слова. Оставшись ими очень довольна, она тутъ же приказала Полинѣ выйти изъ-за стола и принести ей шкатулку. За тѣмъ она достала оттуда два золотыхъ и подала ихъ мнѣ.

— На!.. возьми!.. и помни, что бабушка умѣетъ награждать покорныхъ дѣвочекъ.

О, какъ хотѣлось мнѣ въ эту минуту не брать этихъ двухъ золотыхъ, а бросить ихъ обратно въ сухую, сморщенную фигуру бабушки; но на меня во всё глаза смотрѣла мать; она видѣла, что происходитъ во мнѣ, и умоляющій взглядъ нонцадтъ ее взялъ свое... Я взяла деньги, даже принудила себя еще разъ приложиться къ рукѣ бабушки, и за тѣмъ уже отправилась къ своему мѣсту; Коневъ подарилъ меня очень, очень серьезнымъ взглядомъ; Мери же, отыскавъ подъ столомъ мою руку, крѣпко пожала ее. Всѣ остальные физиономіи выражали какую-то пошлую приторность.

Обѣдъ кончился. Бабушка, сверхъ всякаго ожиданія, встала довольно бодро и, подойдя къ двери балкона, съ котораго видѣлась церковь и какая-то итальянская часовня, положила три поклона.

Я только-что хотѣла спросить Мери, что это значитъ, какъ надъ моимъ ухомъ раздался шопотъ Конева:

— Ея превосходительство благодаритъ за обѣдъ вашего дѣдушку.

— Какого дѣдушку?

— Да что гниетъ въ этой часовнѣ-то. Полюбуйтесь съ какимъ благоговѣніемъ смотритъ на нее ваша матушка; умная женщина генеральша: людей умѣетъ морочить.

Я побоялась продолжать разговоръ съ нимъ, замѣтивъ, что на меня смотритъ матушка.

Часъ спустя, у подъезда заржали лошади. Мать прошла мимо меня прощаться съ бабушкой. Черезъ нѣсколько минутъ она подошла ко мнѣ, и за тѣмъ началась одна изъ тѣхъ сценъ, которыя на долго врѣзываются въ память. Въ короткихъ словахъ мать поручала меня Александру и Мери... За тѣмъ она протянула руку Коневу, желая этимъ, вѣроятно, и его просить быть моимъ защитникомъ при случаѣ.

— Она такая горячая, нервная! говорила мать всѣмъ имъ троимъ. Не давайте, ради Бога, ей сходитья съ Полиной: они непременно будутъ ссориться.

— Не дадимъ, будьте покойны.

— А главное, чтобъ она рѣже попадалась на глаза тетускѣ. А то она такая горячая, — не выдержитъ, надѣлаетъ глупостей... я ужъ ее характеръ знаю.

Александръ и Мери въ одинъ голосъ успѣшили успокоить разстроенную мать, обѣщавъ не допустить и до этого.

Наконецъ, она обьяла меня въ послѣдній разъ и передала Мери. Коневъ, вѣроятно, для того, чтобы избавиться отъ продолженія тяжелой сцены, взялъ руку матери и почти насильно вывелъ ее изъ сада. Я плакала. Въ эту минуту мнѣ стало вдругъ ужасно жаль всего, что оставалось тамъ, за мной, дома; стало жаль и братьевъ, и мою бѣдную мать... Мысль, что я остаюсь въ домѣ бабушки, которую я уже ненавидѣла отъ всей души, не давала мнѣ покоя. Долго бы еще, вѣроятно, проплакала я, если бы меня не стала уговаривать Мери. Взглянувъ на ея, въ высшей степени симпатичное, лицо, я бросилась къ ней на шею и въ теплоемъ, любящемъ поцѣлѣ забылась совершенно.

Вечеромъ, за чайнымъ столомъ, бабушка обратилась къ Мери:

— Мери! Nadine будетъ жить съ тобой; болѣе ей негдѣ помѣститься. Варя съ Анютой, а Полина не захочетъ, да у ней и мѣста не найдется.

— Что жъ такое? Я очень рада, весело прервала ее Мери.

— До того, что ты рада или не рада—мнѣ дѣла никакого нѣтъ. Ребенка надо же куда нибудь дѣвать: одного бросить нельзя.

— Да я вѣдь ничего не говорю; мнѣ очень пріятно остаться и заниматься будетъ ловчѣе...

Тотчасъ-же послѣ того, всѣ окна и двери были заперты, и бабушка, благословивъ всѣхъ поочередно, отправилась въ свою спальню. Всѣ стали молча расходиться. Никто изъ кухни не смѣлъ уже выходить на воздухъ, хотя всего былъ десятый часъ... И такъ, лучшая часть лѣтняго дня, провадала для нихъ даромъ.

Коневъ подошелъ пожать мнѣ руку.

— Смотри же, я жду!.. тихо сказалъ онъ Мери, почтительно раскланиваясь съ ней.

— Непремѣнно, какъ только улягутся, отвѣчала та, дѣлая церемонный реверансъ.

Черезъ минуту мы были уже въ своей комнатѣ. Мнѣ была приготовлена небольшая, хорошенюкая кроватка съ тончайшимъ бѣльемъ; возлѣ нея стоялъ небольшой орѣховый комодъ и на немъ маленькая серебряная кружка съ водой. Все дышало полнѣйшимъ комфортомъ. Комнатъ у насъ было двѣ. Моя постель стояла въ одной; Мери расположилась въ другой. Но въ этотъ первый вечеръ она взяла меня къ себѣ и долго, долго проговорила со мной. Говорила она о бабушкѣ, о Варѣ и дядѣ; сказала, что Варя до безумія любитъ дядю и боится его, а онъ хочетъ жениться на ней. Потомъ стала говорить о Полинѣ, и жалѣла, что ее испортила бабушка. Наконецъ передала мнѣ, что знала о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ матери и заключила все это тѣмъ, что она рада мнѣ, искренно полюбила меня, будетъ много и съ удовольствіемъ заниматься со мной.

Въ домѣ, между тѣмъ, почти совершенно затихло: всѣ улеглись. Я тоже отправилась на свою кроватку, но заснуть не могла. Впечатлѣнія этого дня были такъ разнообразны, что я долго не могла привести свои мысли въ порядокъ. Одно становилось для меня достаточно ясно: подъ кровлей дома, гдѣ жила я, находилось два міра: старый, уже за-живо разлагавшійся, и молодой, только что загоравшійся свѣжимъ румянцемъ первыхъ дней молодости.

Мысли мои были прерваны Мери; она стояла предо мной.

На головѣ ея былъ большой, бѣлый платокъ; на плечи накинута мантилья...

— Надя, ты спишь?

— Нѣтъ, Мери... Ты... ты... куда идешь?

— Какъ куда! Развѣ ты забыла, или не слыжала, — я обѣщала придти къ Коля — и иду...

Я молчала.

— Ты, кажется, удивляешься, Надя, что я не ушла тайкомъ... Но отъ кого же скрываться-то мнѣ? отъ тебя, что ли?.. но вѣдь ты уже знаешь все, да если бы не знала, такъ я не стала бы прятаться отъ тебя. Я бы и отъ нихъ не скрывалась, да они не стоятъ этого! докончила она и проворно вышла изъ комнаты.

Я упала на постель и зарылась въ подушки. Я уже отъ всей души любила Мери и почему-то сильно боялась за нее.

Часа черезъ два Мери вернулась. Она прошла мимо, даже не взглянувъ въ мою сторону. Видно было, что ей не до меня въ эту минуту. Я слышала, какъ она, не раздѣваясь, бросилась въ постель и, должно быть, сейчасъ же заснула...

Луна, освѣщавшая мою комнату въ началѣ ночи, давно исчезла.

Красавица зорька въ небѣ загоралась!

IV.

Коневъ и Александръ были камералисты; Александръ готовился быть помѣщикомъ, Коневъ его управляющимъ. Случилось же это такимъ образомъ:

Отецъ Александра, а мнѣ дядюшка, Аркадій Александровичъ Волжскій, былъ первымъ богачемъ въ своей губерніи и жалъ, какъ маленький царекъ на собственныхъ заводахъ, въ десяти верстахъ отъ губернскаго города П — и. Заводы же у него были всякіе: и чугунные, и желѣзные, и конные, и винокуренные; даже ему почему-то захотѣлось имѣть шоко-

ладные, и онъ завѣлъ; заводъ, говорятъ, выгнелъ отличный, лишь одна бѣда оказалась — некуда было сбывать производство. Нашлись нѣкоторые добродушные люди, изъ записныхъ поклонниковъ дѣдушкинаго ума, которые предлагали ему попробовать пустить свой товаръ на юго-востокъ казакамъ, и на югъ — башкирамъ и калмыкамъ; но всякому просвѣщенному читателю, вѣроятно, не безызвѣстно, что эти народы до такой степени цивилизаціи еще не доспели и, не смотря на освятительную близость дѣдушкиной фабрикаціи, продолжаютъ еще до сихъ поръ упиваться одни — кирпичнымъ чаемъ, другіе — кумысомъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ заводовъ и фабрикъ, Аркадій Александровичъ Волжскій владѣлъ громаднѣйшимъ наслѣдіемъ своихъ славныхъ предковъ, а именно: двумя богатѣйшими нѣбѣнами по Волгѣ, необозримыми поешными дугами по той же рѣкѣ и наконецъ значительными рыбными тонами въ Каспійскомъ морѣ. Резиденція его — чугунно-млавильный заводъ — могла пристыдить любой изъ нашихъ промышленныхъ уѣздныхъ городовъ. И дѣйствительно, чего только не было въ прелестной резиденціи моего дѣдушки. Благотворительныхъ заведеній — Тма; увеселительныхъ учреждений — бездна; а различныхъ торговъ, промысловъ — и говорятъ нечего. Къ благотворительнымъ заведеніямъ Аркадій Александровичъ причислялъ во-первыхъ частную гимназію, устроенную на собственный счетъ; во-вторыхъ больницы: мужскую и женскую, и въ-третьихъ колумазвалившуюся избу, на которой была пригнана черная доска съ надписью: «домъ трудолюбія». Въ эту избу собрано было все старое, беззубое, изувѣченное человечество изъ дѣдушкиной дворян; обязанность находившихся въ «домѣ трудолюбія» сегоюда въ вязаньи чулковъ и носковъ, также въ ягеленъ сѣтой и тенеть для его охоты. Къ увеселительнымъ заведеніямъ онъ причислялъ: 1) оперію; 2) общественный домашній театръ съ нѣкими подобіемъ музыкальной консерваторіи. Къ промысламъ его должно непременно причислить и рисовальную школу, угроженную дѣдушкой по общію, послѣ какой-то тяжкой болѣзни. Поэтому-то въ новоосажденной школѣ, жѣсткие таланты унаследовались преимущественно въ живописи духовно-пазидательнаго жанра. Правда,

что побывавшій въ ней разъ, проѣдавъ, какой-то протопѣтъ ужаснулся твореніямъ домеропонныхъ художниковъ, но, пообѣдавъ какъ никогда, соблаговолилъ разсудить весьма основательно, что здѣсь не Италия, — лучшихъ мастеровъ и взять не откуда, такъ и не сталъ перечить благочестивому «болярину Аркадію». Но самой капитальной рѣдкостью дѣдушкиной резиденціи была безспорно, основанная имъ, собственная дворовая гимназія. Эта замѣчательная гимназія положительно изумляла баснословнымъ обиліемъ преподаваемыхъ въ ней предметовъ. Изъ нея выпускались юноши съ самыми разношерстными познаніями, а именно: домашніе доктора, конюхи, садовники, столяры, кузнецы, шорники и наконецъ небольшого роста казачки, предназначавшіеся постоянно торчать на глазахъ самого барина, обыкновенно самые красивые мальчики. Однихъ только поваровъ и не доставляла мѣстная гимназія; и это потому только, что дѣдушка, будучи рѣдкимъ гастрономомъ, проѣвшимъ половину своего имѣнія (онъ проѣлъ бы и остальную, да сыновья подросли), былъ истинъ гений по этой части, и поэтому никакъ не рѣшался доверить крѣпостнымъ своимъ педагогамъ образованіе индивидуумовъ, столь близкихъ его желудку: всѣ его повара обучались чуть ли не за границею.

Въ этой-то дворовой гимназіи и получилъ первоначальное образованіе Николай Васильчъ Коневъ. Какъ онъ попалъ туда — я разскажу сейчасъ.

Давно еще, въ лѣта своей юности, Аркадій Александровичъ, кончивъ блестятельно курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, былъ назначенъ въ одну изъ близъ лежащихъ къ Оренбургу станицъ на важное и запутанное слѣдствіе противъ какого-то казака-раскольника. Какъ онъ производилъ это слѣдствіе и чѣмъ оно кончилось — никто не знаетъ. За то достоверно знаютъ и отлично помнить, что воротился онъ съ него не одинъ. Въ его коллегъ, рядомъ съ нимъ, прибылъ высокій, необыкновенно гибкій, стройный молодой казачекъ, который, тотчасъ-же по приѣздѣ въ имѣнье, былъ сданъ на руки старухъ-няннѣ. Самъ-же Аркадій Александровичъ продолжалъ свой путь въ Петербургъ, слеталъ туда и обратно въ двѣ съ половиной недѣли и, вымолвивъ

тамъ у отца позволеніе выйти въ отставку, возвратился въ свое имѣніе. Прямо изъ коляски, онъ бросился въ комнату молодого казака; но не былъ имъ впущенъ... Въ двѣ съ половиной недѣли этотъ загадочный юноша успѣлъ околовать рѣшительно самые смѣлые умы, раслутивъ длинную русую косу и переѣбнивъ голубой казацкій чепанъ на черное женское платье...

Нѣсколько мѣсяцевъ возился дядюшка съ своей безпокойной плѣнницей, то преданной и любящей его до безконечности, то суровой и грозной до неистовства. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что она мало по малу сохнетъ отъ тоски по родицѣ, что ничто не можетъ развеселить и успокоить ее. Потерявъ всякое терпѣнье, измученный долгимъ ухаживаньемъ, онъ съезъ, наконецъ, ее въ городъ П—, и беременную, обезумѣвшую отъ душевныхъ терзаній сдалъ на руки какому-то мѣщанину Коневу, умоляя его беречь ее и лелѣять.

Мѣщанинъ, получивши нѣсколько сотъ рублей, конечно, сберегъ ее по своему... Она умерла черезъ два мѣсяца, оставивъ только что рожденнаго сына... Коневъ донесъ обо всемъ моему дядюшкѣ. Тотъ очень опечалился, но счумѣлъ для сына сдѣлать только то, что заставилъ, за порядочную сумму, сговорчиваго мѣщанина назвать ребенка своимъ. Самъ-же Аркадій Александровичъ сталъ считаться по бумагамъ воспріемникомъ малютки.

На нѣсколько лѣтъ дѣло было улажено. Занятый безпрестаннымъ потрафленьемъ на свою капризную, рѣдко властолюбивую, супругу, онъ не успѣвалъ заботиться о своемъ родомъ дѣтищѣ и считалъ лишь только непремѣннымъ долгомъ снабжать деньгами мѣщанина Конева, къ несказанному его удовольствію.

Ребенокъ, названный при крещеніи Николаемъ, между тѣмъ все росъ, да росъ, какъ растутъ вообще наши мѣщанскія дѣти. Съ утра до ночи находился онъ на улицѣ, съ наслажденіемъ купался въ лужахъ, грязи игралъ, въ бабки, дразнилъ языкомъ проходившихъ бѣдныхъ чиновниковъ и до вельзя любилъ вспрыгивать на запятки. Когда же Николашкѣ (какъ называлъ его нарѣченный родитель) исполнилось десять лѣтъ, онъ, провѣдавъ гдѣ-то, что

имѣеть такого сильнаго покровителя, твердо рѣшился не терпѣть болѣе колотушекъ отца. Въ первый же разъ, когда ничего не подозрѣвавшій папенька вздумалъ оттащить его за волосы за какой-то, разбитый имъ, полуштофъ водки, взбѣшеннѣйшій мальчикъ схватилъ сапожную колодку и такъ огрѣвъ ею своего приставнаго родителя, что тотъ только по прошествіи трехъ часовъ могъ придти въ себя. А придя въ себя, онъ въ ту же минуту побѣжалъ на базаръ, безъ всякой рады нанялъ тамъ, стоявшаго со старымъ чугуномъ, дядюшкинаго мужика, подвѣхалъ на подводѣ къ своему дому, связалъ съ помощью мужика ребенка и именно въ такомъ видѣ торжественно представилъ его дядюшкѣ.

Тотъ затрясся отъ страха и волненія... Заплативъ громадную сумму побитому мѣщанину, онъ умолялъ его только не дѣлать шума и поскорѣй убираться изъ его дома, чтобъ не узнала этого барыня. Маленькаго же бойца положено было опредѣлить на правахъ барскаго крестника въ мѣстную дворовую гимназію.

Ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Онъ хорошо зналъ русскій языкъ и почитывая кой-какія книги, находившіяся въ незавидной библиотекѣ его батюшки, успѣлъ приохотить себя къ горькому плоду ученія. И вотъ, онъ крѣпко задумалъ, какъ бы достать побольше такихъ книгъ. Съ этой цѣлью, онъ сталъ пилить своего глуповатаго, мало сообразительнаго родителя, вилить и днемъ, и ночью, и наконецъ настоялъ таки на своемъ...

Аркадій Александровичъ рѣшился наконецъ отдать его вмѣстѣ съ законнымъ сыномъ своимъ Сашей въ П-скую гимназію и помѣстилъ ихъ у кого-то на квартирѣ... Бѣдвенскій Саша заболѣлъ въ первый же годъ своего пребыванія въ гимназіи, и поэтому долженъ былъ остаться на второй годъ въ первомъ классѣ. Коневъ переименовалъ его; учился онъ отлично; все не могли нахвалиться имъ... Только за одно не взлюбило его начальство, это за его бойкій, насмѣшливый языкъ. Онъ смѣялся рѣшительно надъ всеми и, не имѣя онъ такого защитника, его бы непременно выключили, въ видахъ сохраненія благонравія между его товарищами. Дома онъ продолжалъ властвовать по прежнему. Такъ прошло

семь лѣтъ, изъ мальчика Николаши образовался сильный, смѣлый, уже достаточно разившійся, юноша.

Окончивъ курсъ въ гимназiи, Коневъ объявилъ Аркадію Александровичу, что хочетъ поступить въ университетъ: тотъ согласился, сказавъ ему при прощаньи, что онъ вѣритъ ему управленіе всѣми своими имѣніями, если только онъ хорошо окончитъ курсъ. Приѣхавъ въ Черноозерскъ, Коневъ поступилъ на камеральное отдѣленіе. Хорошо понимая, что всѣ заводы дѣдушки ни больше, ни меньше, какъ барская прихоть, онъ преимущественно ударилъ на агрономію. Натура кстати была у него подходящая къ сельскому дѣлу: онъ любилъ деревню, любилъ ея просторъ, свѣжесть, а главное независимое положеніе въ ней. Ну и еще была причина, по которой Коневъ готовъ былъ съ большой охотой взять на себя хозяйство. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ освобожденія крестьянъ и хотѣлъ устроить хозяйство уже на новыхъ началахъ.

Черезъ годъ послѣ поступленія въ университетъ, Коневъ нашелъ кой-какія средства къ существованію, а найдя ихъ, тотчасъ же отказался отъ какихъ бы то ни было вспоможеній со стороны родителя: ему хотѣлось забыть, что онъ сынъ Волжскаго. Около этого же времени въ аудиторіяхъ началъ появляться и Александръ, отпущенный отцемъ послѣ долгихъ колебаній и слезъ. Онъ скоро сблизился съ Коневымъ, а сблизившись сталъ чуть-чуть не боготворить его. Первымъ же своимъ долгомъ онъ счелъ разсказать о немъ бабушкѣ, и, подъ сурдиной, повѣрить ей тайну рожденія Конева; за тѣмъ вызвался представить его; бабушка согласилась,—Коневъ былъ тоже не прочь отъ этого...

Настасья Даниловна приняла некрасиваго студента довольно ласково и пригласила его приходять къ ней обѣдать по воскресеньямъ. А чтобъ положеніе его не было щекотливо, дала ему работу въ видѣ осушки какого-то давно заброшеннаго болота.

Работа была велика и трудна, но въ то же время выгодна. Коневъ согласился, выговорилъ себѣ кромѣ значительной платы, еще и постоянную квартиру въ домѣ бабушки.

Такимъ образомъ вошелъ онъ въ наше семейство, на правахъ совершенно посторонняго человѣка. Объ этомъ онъ

старался особенно сильно; въ особенности это замѣчалось въ его обращеніи съ Александромъ, съ которымъ онъ уже вскорѣ былъ далеко не въ дружескихъ отношеніяхъ. Главной причиной ихъ разрыва была Мери.

V.

Я водворилась у Мери. Веселая и счастливая, она помогала мнѣ устроиваться. Нечего и говорить, что я полюбила Мери съ перваго же дня. Да и какъ было не полюбить такую живую, безконечно любящую натуру...

И какимъ образомъ этотъ рѣдкій цвѣтокъ могъ такъ роскошно распуститься въ гнилой и сирадной атмосферѣ бабушкинаго дома? М-me Biard не слишкомъ любила дочь свою, и обращалась съ нею до того небрежно, что Мери приходилось даже самой заботиться о своемъ образованьи. Мать учила ее вмѣстѣ съ другими, т. е. ей позволялось сидѣть въ классной и слушать, что объясняла она Полинѣ, Вѣрѣ и Аниутѣ; она могла учиться и нѣтъ: М-me Biard было мало дѣла до этого. Естественно, что при этомъ для Мери терялось очень многое; она не могла попросить объясненія того, чего не понимала. Вслѣдствіе этого, Мери грозила опасность лишиться и послѣднихъ крохъ образованія: она поняла это, невольно ужаснулась и дала себѣ слово, во что бы то ни стало, добиться не только того, въ чемъ отказывала ей мать, но и гораздо большаго.

Полину и другихъ сестеръ ходилъ учить старый сельскій священникъ; Мери поймала его разъ въ темномъ корридорѣ и, бросившись цѣловать его костлявыя руки, умоляла его, ради Бога, заняться и съ ней... Старикъ съ умиленьемъ благословилъ ее и въ полгода выучилъ русской грамотѣ и ариметикѣ. Теперь Мери была богата: она знала четыре языка; нужно было подумать, какъ бы употребить это богатство въ дѣло.

Александръ иногда приходилъ въ бібліотеку бабушки, биб-

біотеку довольно богатую, и взявъ изъ нее все, что было ему нужно, уходягь снова, унося съ собою ключъ. Мери, за подѣлуй своей ручки, купила у него этотъ ключъ и, тайкомъ отъ всѣхъ, въ два года прочла чуть-ли не всю бібліотеку. Кромѣ бездны иностранныхъ сочиненій, и классическихъ, и не классическихъ, ученыхъ и пустыхъ,— бібліотека заключала въ себѣ почти всю русскую литературу; начиная съ Сумарокова и Хераскова и кончая Пушкинымъ и Гоголемъ. Когда же она услышала Некрасова, котораго прекрасно читалъ Коневъ, она сильно задумалась и съ этой минуты только что не почевала въ бібліотекѣ, куда Коневъ сталъ приносить ей груды русскихъ журналовъ и книгъ научнаго содержанія.

М-me Biard сначала не обращала на это вниманія и только сатирически улыбалась при видѣ усиленныхъ занятій дочери, но потомъ, замѣтивъ ея дружбу къ Коневу, рѣшилась вмѣшаться.

— Чего вы надѣетесь достигъ вашими книгами? спросила она однажды у Мери.

— Того, чего вы не могли достигъ безъ нихъ, — не задумываясь, отвѣчала та.

— Чего же это не достаетъ мнѣ, по вашему?.. Позвольте узнать?..

— Извините меня, маман!.. мнѣ некогда... Я занимаюсь.

— Вы забываетесь, Мери... Я ваша мать и должна, я думаю, спросить, къ чему вы себя готовите?..

Молчаніе.

— Mademoiselle!.. c'est le vous, que je m'adresse...

— Маман!.. вѣдь для васъ все равно къ чему-бы я себя не готовила, такъ изъ чего-же вы себя беспокоите?

— Если вы не перестанете говорить мнѣ дерзости, такъ М-me Бѣлугина завтра-же прикажетъ вамъ выбратъся отсюда и запретъ бібліотеку.

— Вы говорите это серьезно, маман?

— Да!.. когда же я говорю съ вами иначе?

— Извините меня: я буду почтительнѣе, произнесла Мери, но головы все-таки не подвняла.

— Я знаю, кто вселяетъ въ васъ эти идеи,—все этотъ Коневъ, который просиживаетъ съ вами здѣсь цѣлые дни и ко-

торому вы вѣрите, какъ богу... А того и не видите, и не замѣчаете, что онъ имѣетъ на васъ весьма нечестные виды...

— Мaman!.. я бы отвѣчала вамъ иначе, но я дала слово быть почтительной и потому позвольте мнѣ удалиться, проговорила Мери, по видимому, совершенно спокойно, но съ страшной бурей въ душѣ.

— On dirai que vous etes une gaine!.. прошипѣла ей вслѣдъ M-me Biard, помимо воли любуясь величественнымъ уходомъ молодой дѣвушки. Въ эти минуты она и ненавидѣла ее, и вмѣстѣ завидовала ей.

Итакъ, Мери начала сильно заниматься; Коневъ едва успѣвалъ приносить ей книги. Съ нѣкотораго времени она пристрастилась къ естествознанію и физіологія не выходила у нее изъ рукъ. Занятія эти конечно удивляли весь домъ. Сама генеральша Бѣлутина никакъ не могла понять, какъ это можно дѣвушкѣ заниматься естественными науками и видѣла въ этомъ рѣшительный развратъ молодежи. Узнавъ, чему учить физіологія, генеральша пришла въ ужасъ и строго запретила говорить въ своемъ присутствіи *объ естественности*, какъ она выражалась, но, помимо ея, дѣло шло своимъ порядкомъ, и Мери украдкой продолжала работать надъ своимъ образованіемъ. Вліяніе Конева въ этомъ отношеніи было такъ велико, что Мери успѣла незамѣтно сблизиться и полюбить своего наставника.

Между тѣмъ, я повемногу приглядѣлась къ своей новой жизни.

Хотя дома я и была знакома съ тѣмъ, что называется рабствомъ, но то, что я увидала здѣсь, превышало всѣ мои понятія о немъ. Вся дворня бабушки, за исключеніемъ двухъ, трехъ лицъ, взисканныхъ милостями Настасьи Даниловны, глядела до-нельзя сумрачно и угрюмо; большая часть прислуги ходила на цыпочкахъ, едва позволяя себѣ дышать, и нерѣдко въ темныхъ корридорахъ слышались глухія, сдержанныя рыданья... Улыбки появлялись только во время бабушкинаго сна, вмѣстѣ съ которой засыпали и всѣ, пользовавшіеся ея милостями. Это бывало, какъ уже и знаетъ читатель, передъ обѣдомъ... Въ это время домъ начиналъ оживать, лица свѣтлѣли, затѣвались игры, порой даже слышалась пѣсня, только

гбсьня какая-то сдвденная... Только исключительно во время бабушкина сна каждый приходилъ въ себя, смотрѣлъ человѣкомъ...

VI.

Было воскресенье.

Какъ и всегда, бабушка, въ сопровожденіи всѣхъ домочадцевъ, отправилась къ обѣднѣ. Мери, отговариваясь нездоровьемъ, выпросилась остаться дома. Ей, какъ женщинѣ не православнаго вѣроисповѣданія (она была католичка), по временамъ дозволялись такія вольности. *M-me Biard* должна была всегда находиться въ церкви при трехъ своихъ питомкахъ. Обо мнѣ какимъ-то чудомъ забыли и, къ несказанному моему восторгу, я осталась дома. Мери еще наканунѣ уговаривалась съ Коневымъ провести это утро вмѣстѣ, въ ея комнатѣ.

День былъ чудный; солнце такъ и заливало всю комнату Мери. Она велѣла спустить маркизы и начала, въ ожиданіи Конева, ходить по комнатѣ.

Лишь только коляска бабушки отъѣхала отъ крыльца, явилась Конева, сияющій, радостный. Мери выбѣжала къ нему на встрѣчу въ мою комнату и, не говоря ни слова, бросилась ему на шею. Онъ приподнялъ ее и внесъ въ ту комнату, въ которой сидѣла я.

Поздоровавшись со мной тоже необыкновенно весело, Конецъ объявилъ Мери, что она сегодня такъ прелестна, что онъ боится ее съѣсть и за тѣмъ, усадивъ ее на диванъ, самъ сѣлъ съ ней рядомъ.

— Ну, скажи же мнѣ, что ты хотѣлъ спросить у меня вчера? спросила Мери скороговоркой.

— Ну, этого дѣла не объяснишь скоро... Послѣ кофе—извѣдъ, а теперь нѣтъ.

— Отчего?

— Да хоть отъ того, что мой вопросъ можетъ легко тебѣ не понравиться.

— Вотъ еще что вздумалъ... Да какъ же ты смѣешь говорить мнѣ такія вещи, которыя будутъ мнѣ неприятны?

— Дай кофе напитокъ, душа моя... А тамъ увидимъ...

— Ну, началъ вывертываться... Такъ оставайся же, когда такъ. Я сама пойду за кофе и, вырвавшись изъ рукъ Конева, Мери убѣжала.

Коневъ вскочилъ съ дивана и зашагалъ по комнатѣ.

— Надя! скажите мнѣ, какъ по вашему: стою я Мери или нѣтъ?.. Вы всегда говорите правду,—неожиданно спросилъ онъ меня.

Я была поставлена въ довольно затруднительное положеніе.

— Стойте, потому что лучше васъ здѣсь нѣтъ никого, проговорила я, не глядя въ его сторону.

— Это въ родѣ того, что на безрыбьи и ракъ рыба?... Такъ, что ли, Надя?.. спросилъ онъ засмѣявшись, какъ-то особенно зло, и замолчалъ.

Вошла Мери и сейчасъ же замѣтила по лицу Конева, что былъ какой-то неприятный для него разговоръ.

— Что съ тобой? вскричала она тревожно.

— Давайте пить кофе, а то скоро они вернутся, и мы опять не успѣемъ поговорить, сказалъ Коневъ, закуривая сигару.

— Скоро-ли мы заживемъ съ тобой, Коля, такъ, какъ сегодня?.. Каждый день сходитья; все бы у насъ вмѣстѣ было... говорила Мери нѣсколько грустнымъ тономъ.

Коневъ прояснился.

— Какъ получу мѣсто; черезъ годъ—много полтора.

— А старикъ, вѣдь, еще не знаетъ, что ты намѣренъ поселиться у него не одинъ.

— Нѣтъ, я писалъ ему на дняхъ, онъ согласится.. помѣщенья развѣ у него нѣтъ?.. такой дворецъ отведеть—преlestь.

— Ну, а Александръ?

— Что жъ Александръ?.. Будетъ дѣтей нашихъ крестить: вотъ его роль.

Мери расхохоталась.

— Такъ ты рѣшительно не признаешь его привязанности ко мнѣ? весело спросила она.

— А неужто — да?.. Онъ рюмить передъ каждой женщиной.

— Ну, о чемъ же ты хотѣлъ говорить со мной?

— А вотъ о чемъ... Съ нѣкотораго времени тебя стали окружать какіе-то оборванные ребятишки... Скажи, пожалуйста, о чемъ ты съ ними бесѣдуешь?

— А тебѣ что за дѣло?

— Никакого дѣла нѣтъ; просто такъ себѣ любопытствую.

— Я учу ихъ читать. . Надя мнѣ помогаетъ...

Коневъ разразился самымъ неудержимымъ хохотомъ. Мери разсердилась.

— Чему ты смѣешься?.. Терпѣть не могу, когда ты глумишься надъ вещами, которымъ самъ сочувствуешь и въ пользу которыхъ убѣжденъ.

— Славная ты женщина, Мери, а все-таки тебѣ ничего не сдѣлать!.. Голодныхъ дѣтей многому не научишь.. Да еслибъ и научила, то къ чему послужить грамотность нищему, у котораго вся мозговая дѣятельность уходитъ на заботы о насущномъ кускѣ хлѣба, у котораго нѣтъ ни книгъ, ни возможности заняться ими. Ну выучится онъ счету, а считать-то что будетъ? При счастливыхъ обстоятельствахъ онъ до извѣстной степени можетъ даже развиться, но что онъ будетъ дѣлать съ своимъ развитіемъ? Вѣдь ходу-то ему не дадутъ и, не смотря на умственное развитіе, заставятъ его тянуть прежнюю, глупую лямку. Счастливыѣ ли будетъ онъ тогда?

— Удивляюсь я тебѣ, Коля!.. горячо перебила она: ты самъ изъ числа тѣхъ людей, которые обязаны всѣмъ образованію. И что было бы, еслибъ, каждый сталъ разсуждать по твоему? Вѣдь пришлось бы всѣмъ опустить руки и смѣтрѣть тупыми глазами на общее невѣжество. Я увѣрена, что найдутся и такіе молодые люди, которые будутъ очень рады, подъ этимъ предлогомъ, ничего не дѣлать для своего

образования: «мы, дескать, голодны, намъ не до книгъ!» и предадутся бездѣльничавью.

— Да, найдутся, и я знаю такихъ, но это нисколько не опровергаетъ справедливости моего мнѣнія. Мало ли самыхъ полезнѣйшихъ истинъ, изъ которыхъ люди сдѣлали для себя ужаснѣйшее зло. Филантропія, на примѣръ, во всякомъ частномъ случаѣ, какъ временная мѣра облегченія бѣдняка, — хорошее дѣло, а если приложить ее къ цѣлому обществу, какъ постоянный принципъ, она никуда не годится. Пока человекъ не найдетъ въ самомъ себѣ столько силъ и средствъ, чтобъ общественный порядокъ давалъ ему возможность, независимо ни отъ кого, быть сытымъ и одѣтымъ, до тѣхъ поръ вся ваша благотворительность есть не болѣе, какъ приятное препровожденіе времени. Я не говорю объ отдѣльныхъ случаяхъ: ты можешь выучить двухъ, трехъ мальчиковъ грамотѣ, можешь образовать изъ нихъ даже замѣчательныхъ музыкантовъ или живописцевъ, но это будутъ все-таки отдѣльные случаи, на которыхъ не строятся общественныя реформы.

— Но почему же, Коля, между богатыми людьми, между нашими купцами и барами такъ мало людей образованныхъ? Кажется, матеріальное обезпеченіе даетъ имъ полную возможность учиться и развиваться. А много ли между ними развитыхъ людей?

— Ты берешь другую крайность. Эти, по видимому, богатые люди, въ сущности такіе же нищіе, какъ и мужики, съ тѣмъ только различіемъ, что одѣты въ блестящія лохмотья. Только трудъ даетъ право на богатство, которое не есть нищенски-роскошная обстановка; а увѣренность въ спокойномъ довольствѣ и досугъ для умственного усовершенствованія человека. Такихъ богачей у насъ немного...

Мери хотѣла возражать, но Коневъ заговорилъ опять.

— Когда придетъ время, они сами будутъ просить грамоты.

— Жаль же мнѣ крестьянъ Волжскаго, которыми ты скоро управлять будешь: значить ты тамъ такъ и не устроишь школы?

— И не устрою.

— А когда крестьяне будутъ просить?

— А!.. это дѣло другое!.. Когда я улучшу ихъ быть настолько, что они сознаютъ необходимость грамоты, т. е. дальнѣйшаго улучшенія, тогда я съ радостью исполню ихъ просьбу.

— А до тѣхъ поръ?

— Стану платить имъ честно и добросовѣстно за труды, вотъ и все.

Мери замолчала.

Всѣ мы такъ задумались, что и не замѣтили, какъ наши вернулись отъ обѣдни и очнулись только тогда, когда къ намъ въ комнату влетѣла Полина.

— Вотъ она!.. вотъ она, наша гордичка-королева!—завизжала Полина — принимаетъ у себя простыхъ студентовъ!.. ахъ вы счастливецъ!.. продолжала она, уже обращаясь къ Коневу, — да, знаете ли, что есть люди, которые бы умерли отъ такого счастья?

— Еслибъ они умерли, значить оно не для нихъ, спокойно отвѣчалъ тотъ.

Такой ясный, логичный отвѣтъ, видимо, озадачилъ Полину, но она всегда старалась пропускать мимо ушей большую часть сказаннаго Коневымъ: въ этомъ состояла ее единственная защита.

— Ну что же вы дѣлаете здѣсь?.. бранитесь?.. я уже все знаю... вѣдь такъ! Мери?..

— Такъ! а что всѣ пришли отъ обѣдни?

— Еще бы!.. сейчасъ завтракать подадутъ!.. идемте въ гостиную.. Полно вамъ мечтать... пора кушать!

— Вотъ что хорошо, то хорошо, Полина Александровна.

— Скажите, о чемъ вы говорили съ Мери, когда я вошла? Мнѣ хочется знать! Не скажете — я не шутя разсержусь!

— Не сердитесь, Полина Александровна: для меня это очень невыгодно. Я уже лучше расскажу вамъ... Мы говорили о васъ; о блаженствѣ находится подъ вашей державой.

— Кто же находится подъ моей державой?

— Пока всѣ мы, и двѣ тысячи вашихъ вѣрноподданныхъ.

— *Mechant que vous etes!*.. Пойдемте завтракать!

Конецъ съ любезнѣйшей улыбкой предложилъ ей руку. Она

съ гримасой отказалась и убѣжала впередъ... Коневъ съ насмѣшкой посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— А что, Мери, полюбить она когда нибудь?

— Не хочешь ли попробовать?.. Головой ручаюсь, что черезъ мѣсяць она будетъ твоей рабой, если того пожелаешь.

— Гм!.. нелестно!

Мери улыбулась и протянула ему руку... Они пошли вмѣстѣ.

VII.

За завтракомъ бабушка разбранила меня всласть за то, что я не была въ церкви, и объявила, что прощаетъ потому только, что черезъ два дня Александровъ день, слѣдственно будетъ опять обѣдня и я уже не отбоюсь.

— Я имянинникъ что-ли буду, тетушка?.. спросилъ съ какою-то горечью Александръ.

— Господь съ тобой, батюшка!.. Что у тебя въ головѣ-то!.. разумѣется имянинникъ.

— Что же, и праздновать прикажете?

— Рисуется... рисуется... шепнулъ Коневъ Мери.

— Ты съ ума сошелъ, племянникъ!.. Да какъ же не праздновать?

— Мнѣ бы этотъ годъ не хотѣлось, тетушка.

— Вздоръ!.. позволь узнать, почему это?.. Денегъ нѣтъ у тебя, что-ли?.. вздоръ, батюшка!.. Сегодня Петръ Емельянычъ ѣдетъ въ городъ; изволь сейчасъ же послѣ завтрака садиться и писать приглашенія твоему кружку. Я хочу, чтобъ танцовали въ этотъ день!

— Тетушка!.. избавьте!.. ради бога, избавьте! не на шутку испугавшись, вскричалъ Александръ.

— Пустяки!.. пустяки!.. некогда говорила бабушка... Я сказала, что танцы будутъ, ну и будутъ!

— Это смѣшно и глупо, Александръ!.. вмѣшалась Полина. Если ты хнычешь, богъ знаетъ, отчего, такъ и другіе должны лишаться удовольствій.

Александръ только какъ-то кисло посмотрѣлъ на обѣихъ.

Три дня прошли для меня, какъ мигъ.

Нѣсколько экипажей было послано за гостями; залу убирали деревьями; все готовилось къ пышному торжеству.

Самъ же виновникъ этого торжества, Александръ, всѣ три дня пропадалъ гдѣ-то, не показываясь никому... Только разъ вечеромъ, наканунѣ своихъ именинъ, онъ попался мнѣ на лѣстницѣ. Лицо его было въ слезахъ, и весь онъ былъ страшно взволнованъ. Madame Viard провожала его сверху глазами; она была тоже какъ-то озабочена.

На другой день я увидала его въ церкви. Онъ стоялъ за колоной, блѣдный, грустный. Какая-то, совсѣмъ несвойственная ему, рѣшимость горѣла въ его глазахъ.

Мери, стоявшая рядомъ со мной, съ безпокойствомъ посматривала на него. Кажется, она предчувствовала что-то. Обѣдня была длинная съ молебнами и проч. Коневъ былъ тоже въ церкви. Кузины, по обыкновенію, стояли чинно и, гдѣ требовалось, граціозно опускались на колѣни, уходя почти съ головами въ бѣлыхъ облакахъ своихъ воздушныхъ платьевъ.

Бабушка смотрѣла торжественно, но милостиво... М-me Viard едва замѣтно волновалась.

— А сегодня, чтонибудь да случится, мелькнуло у меня въ головѣ. Недаромъ всѣ они какъ-то странно посматриваютъ, а М-me Viard такъ даже о своихъ бунляхъ забыла.

● Обѣдня кончилась. Народъ повалилъ изъ церкви. Бабушка, садясь въ карету, имѣла привычку раздавать милостыню. Бѣдныя кучей кидались на горсть пятаковъ, брошенныхъ имъ рукой Петра Емельяныча; эта сцена несказанно нравилась многимъ. Александръ уѣхалъ вмѣстѣ съ бабушкой и

Полиной. М-me Viard, ни на кого не глядя, погнала свое стадо черезъ садъ.

Къ обѣду прикатило человѣкъ пять студентовъ, товарищѣй Александра, и прибыло нѣсколько аристократическихъ семействъ съ барышнями. Обѣдъ былъ великолѣпный. Серебра и хрустала—цѣлая биржа; а о кушаньяхъ такъ и толковать нечего.

Послѣ обѣда предполагалось одѣться въ русскія платья и устроить гулянье въ саду или катанье на пруду; разумѣется, вечеромъ при освѣщеніи.

Барышни визжали отъ восторга; студенты рѣшились благодушествовать, на сколько силъ хватить. Коневъ весь день пилъ шампанское и зельтерскую воду; первое-то, по всей вѣроятности, и имѣло вліяніе на благотворное расположеніе его духа. Онъ собирался даже тоже облечься въ красную русскую рубашку и, насадивъ въ лодку барышень, выкупать ихъ гдѣ помельче. «Ничего! теперь тепло, разсуждалъ онъ: — слѣдовательно не захворають, тѣмъ болѣе не умрутъ... А попугать немного ихъ слѣдуетъ; визжать перестанутъ.»

Бѣдный имянинникъ, по приказанью бабушки, улыбался, шутилъ, всѣми силами стараясь исполнить это, какъ можно добросовѣстнѣе. Но... но блѣдность лица и воспаленные глаза куда какъ плохо гармонировали съ заказнымъ кривляньемъ.

А Мери все поглядывала, да поглядывала на него, ни на минуту не отпуская меня отъ себя. Часу въ пятомъ ей сдѣлалось даже дурно.

— Пойдемъ, Надя, въ садъ, сказала она мнѣ удушливымъ шопотомъ. Я едва стою на ногахъ... боже мой! чѣмъ же кончится все это?..

— Да что, Мери, что кончится? спрашивала я, и сама, Богъ знаетъ почему-то, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Въ глухой аллеѣ она остановилась.

— Кто-то идетъ, Надя... Пойдемъ скорѣе назадъ.

Но было уже поздно. Изъ лабиринта бѣлыхъ акацій показался Александръ. Что-то въ родѣ непріязни выразилось на лицѣ Мери.

М-me Мери!.. М-me Мери!.. взывалъ онъ, не рѣшаясь подойти ближе.

— Что вамъ, Александръ Аркадьичъ?.. спросила она, по возможности, спокойно.

— Пойдемте къ пруду!.. я хочу говорить съ вами!

— Пожалуй... только это далеко.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. тамъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣтимъ никого.

Я начала отставать.

— Надя!.. крикнула она мнѣ.

Мы пришли къ пруду. Александръ опустился на скамейку: ноги, очевидно, не поддерживали его болѣе. Мери оставилась передъ нимъ, и стала чертить зонтикомъ по песку. Онъ, кажется, и того не замѣчалъ даже, что онъ сидитъ, а она стоитъ передъ нимъ гордая, холодная...

— Что же вы хотѣли говорить со мной? спросила наконецъ она, и уголокъ ея губъ задергался. Александръ опомнился и, взглянувъ въ мою сторону, заговорилъ по англійски. Изъ короткихъ и отрывочныхъ отвѣтовъ ея, я успѣла понять немногое. «Вы знаете меня... что я разъ сказала... это насиліе...» попеременно произносила она. Но Александръ на этотъ разъ положительно вышелъ изъ себя. Мягкіе, шелковистые его волосы цѣлыми прядями падали на помертвѣлый лобъ; кроткіе, сѣрые глаза глядѣли дико... голосъ на каждомъ словѣ обрывался; помявшія губы дрожали. Наконецъ онъ началъ рыдать.

Долго стояла Мери съ скрещенными на груди руками, потомъ она незамѣтно перенесла свой взглядъ на молодаго студента и долго не отнимала этого взгляда. Кажется, она раздумывала о томъ, на сколько было въ Александрѣ истиннаго, душевнаго горя. Потомъ она подошла къ Александру, взяла изъ рукъ его соломенную шляпу, зачерпнула въ нее воды и начала пить и успокаивать разстроеннаго юношу. Онъ повиновался ей какъ ребенокъ.

— Мери!.. я говорилъ уже съ вашей матерью, глухимъ шопотомъ произнесъ онъ... Простите ли вы меня?..

— Ничего... останьтесь здѣсь... отдохните... Надя! пойдемъ!

Вечеромъ Александръ съ распухшими отъ слезъ глазами

танцовать и улыбался по прежнему. Катаясь въ лодкѣ съ двумя барышнями-аристократками, онъ клялся имъ всѣми богами, что вотъ сейчасъ же, сію минуту, готовъ броситься въ воду и утонуть, если онѣ того пожелаютъ. Коневъ по прежнему пилъ шампанское въ перемежку съ зельтерской водой. У Мери заперлись губы.

Черезъ нѣсколько дней М-me Biardъ вовсе неожиданно вошла къ намъ и, бросивъ на мои колѣни какую-то французскую книгу, приказала читать ее и въ то же время наблюдать, чтобъ никто не вошелъ и не подслушалъ.

— Нужно для Мери, объяснила она, замѣтивъ, что я широко открываю глаза.

Этого было достаточно.

Я усѣлась у самого порога и развернула данную мнѣ книгу; это была исторія династїи Меровинговъ. Но, разумѣется, исторія этой, хоть и весьма почтенной, династїи далеко не такъ интересовала меня какъ то, что будетъ говорится у Мери.

Войдя къ дочери, М-me Biard, какъ видно, долго не рѣшалась приступить къ объясненію; голоса Мери тоже не было слышно. Мои глаза уже начали пробѣгать страницы, какъ послышался рѣзкій контраalto М-me Biard.

— Мери!.. знаете ли, что вы счастливица?

Мери не отвѣчала.

— Что же вы молчите?.. а?.. Вы думаете, я не знаю и не вижу, какъ Александръ готовъ сдѣлаться вашей комнатной собачкой.

— Матап!.. теперь я знаю, зачѣмъ пришли вы... но, ради Бога, оставьте ваши мечты: я никогда не буду женой Александра.

— Отъ чего?

— Отъ того, что.

— Отъ того, что любите *этого* Конева?

— Матап!..

— Не пугайтесь, пожалуйста!.. Для меня это давно не новость. Скажу вамъ болѣе, вашъ выборъ дѣлаетъ вамъ честь... Коневъ во всѣхъ отношенїяхъ стоитъ выше этого добраго мальчишка, и потому-то я никогда не мѣшала всѣмъ вашимъ

отдаленнымъ прогулкамъ и тому подобному... Но я могла допускать это, когда видѣла впереди лишь одну законную развязку любви вашей!..

— Что же вы видите теперь?..

— Какъ вы наивны, дитя мое!.. При всей вашей учености, удивительно наивны!.. Вы спрашиваете, что я вижу? Я вижу страстную любовь къ вамъ Александра и не думаю, чтобъ онъ согласился поселить у себя человѣка, который будетъ вашимъ мужемъ... Или, можетъ быть, по вашему, это должно доставлять ему удовольствіе?

— Маман! Вы придаете слишкомъ огромное значеніе привязанности Александра, если полагаете, что онъ рѣшится противиться желанію отца имѣть Конева своимъ управляющимъ.

— Во-первыхъ, позвольте мнѣ знать лучше вашего степень его привязанности, а во-вторыхъ, нужно вамъ замѣтить, что вы далеко не знаете вашего Конева, если думаете, что онъ способенъ жить съ человѣкомъ, который влюбленъ въ васъ.

— Онъ не считаетъ его влюбленнымъ и говорилъ мнѣ это не разъ. Онъ лучше насъ съ вами знаетъ его... Александръ просто не можетъ жить, чтобъ передъ кѣмъ нибудь не вздыхать.

— Не вздыхать!.. а!.. не вздыхать, вскочивъ со стула, продолжала она. *Mon dieu tout puissant!*.. Да отчего же это «вздыхать» пало именно на васъ..

— А я почему знаю это? съ явной досадой отвѣчала Мери. Да наконецъ, продолжала она нѣсколько спокойнѣе, развѣ Коневъ не найдетъ себѣ другаго мѣста?

— Такого, разумѣется, не найдетъ?

— Я люблю Конева и буду жить съ нимъ, какъ придется... Не печальтесь, онъ не заставитъ меня умереть съ голоду!

— Ну да!.. т. е. вы впряжете его, какъ ломовую лошадь?

— Маман! Прошу васъ не касаться этого вопроса. Я знаю, что мнѣ дѣлать.

— Ну, положимъ, вы правы... Что же дальше?.. Чего вы отъ меня хотите?

— Я хочу, чтобъ вы пока, на время, забыли вашего Конева, а вышли бы за Александра и, узнавъ хорошенько его характеръ, привычки, словомъ...

— Словомъ взяла бы его въ руки? Не такъ ли, татап?

— Сдѣлайте милость, не смѣйтесь надъ вещами, которыхъ вы не понимаете. Не вы, такъ другая, не все ли равно?..

— Планъ вашъ, хоть куда, татап!.. Не трудитесь договаривать, я его знаю... Вы предлагаете мнѣ выйти за человека, котораго я чуть-чуть не презираю и, забравъ его въ руки, сойдтись съ другимъ и жить на счетъ мужа; это по вашему, по парижскому обычаю? Оставьте меня!.. Не легко же въ самомъ дѣлѣ слышать подобныя вещи отъ кого либо, а ужъ тѣмъ болѣе отъ родной матери...

— Погодите! Я еще должна сообщить одну новость.

— Какую еще?

— Проститесь съ вашими деревенскими идиліями: прогулками, катаньемъ и т. п. Черезъ двѣ недѣли М-ше Бѣлугина переѣзжаетъ въ городъ.

— За чѣмъ? отчего такъ рано? Прежде этого не было.

— Спросите у нее.

— Вы все сказали, татап?

— Погодите еще гнать меня, Мери!.. вамъ необходимо будетъ выслушать еще одинъ совѣтъ.

— Говорите скорѣй, по крайней мѣрѣ!

— Старайтесь нынѣшнюю зиму выйти замужъ, если не за этого добраго мальчика, такъ за когонибудь другаго!.. Вамъ не трудно будетъ сдѣлать это... М-ше Бѣлугина намѣрена жить открыто... а съ вашей красотой...

— Прекрасно, татап!.. прекрасно!.. Ради Бога, только оставьте меня!.. Прошу васъ!..

— Извольте!.. Я все сказала!.. Развѣ еще осталось прибавить вамъ, что вы никогда не будете женой Конева!

— Уйдете ли вы?.. Надя!.. поди сюда!.. крикнула она совершенно неожиданно.

Я, какъ угорѣлая, бросилась въ комнату, наскочивъ на М-ше Biard, выходящую изъ дверей. Я вбѣжала и ужаснулась: на бѣдной Мери лица не было; она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ въ страшномъ волненіи.

— Слышала? спросила она меня, и спорсила такъ, что мнѣ показалось, будто вся тоска, вся желчь, накопившаяся въ

продолженіи этого разговора, вылилась въ этомъ короткомъ словѣ.

— Да, Мери, слышала!

— А!.. какъ тебѣ покажутся уроки матери?

— Мери!.. душечка моя!.. Не раздражай себя по-напрасну! успокойся немного!

Но Мери, вмѣсто отвѣта, опустила на кресло и зарыдала. Я растерялась окончательно, и нашла только, вставъ передъ ней на колѣни, и припавъ къ ея рукамъ, цѣловать ихъ до истомы.

— Мери! ангелъ мой!.. рѣшилась пролепетать я... Перестань плакать!.. поговори съ нимъ!.. Онъ лучше знаетъ; онъ успокоитъ бы тебя!

— Что я скажу ему? Что я люблю его до безумія, и, не смотря на нашу общую нищету, непремѣнно хочу быть его женой, хочу запречь его, какъ ломовую лошадь, по славному выраженію моей матушки, или еще лучше — предложу ему ея же составленной планъ моей жизни!.. Да у меня и языкъ-то не повернется высказать ему его, не только что... и она зарыдала еще громче.

Я пробовала всѣми силами успокоить, утѣшить ее; но выбившись изъ силъ, бросила одну, и пустилась отыскивать Конева. На какой-то лѣстницѣ я поймала Александра и, привыкнувъ не слишкомъ-то церемониться съ нимъ, просто на просто приказала ему, во чтобы то ни стало, отыскать Конева, и черезъ четверть часа представить его ко мнѣ въ садовую красную бесѣдку. Ошеломленный моимъ взволнованнымъ видомъ, Александръ тотчасъ же побѣжалъ исполнять то, что ему было приказано.

Я возвратилась къ Мери, и, безъ всякихъ разсужденій, нагнувъ ей на голову блѣдую кисейную альмавиву и, схвативъ ее за руку, потащила въ садъ. Черезъ нѣсколько мгновеній явился Коневъ тоже блѣдный, испуганный. Видно Александръ успѣлъ передать ему вполнѣ состояніе моего духа.

— Что такое случилось, Надя?.. Мери, что съ тобой?

Я передала ему Мери, и выбѣжала изъ бесѣдки.

Въ эту ночь я ночевала одна; Мери не было въ своей комнатѣ.

VIII.

Бабушка дѣйствительно переѣзжала въ городъ.

Въ послѣдній день передъ нашимъ отъѣздомъ въ обычный часъ, когда улеглась бабушка, и весь домъ, по обыкновенію, началъ оживать,—все наше общество, желая въ послѣдній разъ насладиться удовольствіемъ деревенской жизни, отправилось въ садъ. Вѣра съ дядей направились къ пруду, какъ мѣсту наиболѣе глухому и уединенному; Полина съ Анютой забрались въ оранжерею; мы въ-четверомъ безъ цѣли бродили по лабиринту дорожекъ. Мери съ Александромъ шла впереди; я и Коневъ немного отстали отъ нихъ.

Александръ, всегда прежде молчавшій въ присутствіи Конева, въ этотъ день былъ необыкновенно разговорчивъ. Онъ съ какой-то, вовсе не свойственной ему, энергіей рассказывалъ, какъ ждетъ не дождется ихъ обоихъ отецъ; какъ онъ каждому изъ нихъ готовитъ уже помѣщеніе и даже слегка трунилъ надъ нимъ, какъ отецъ побаивается готовившихся реформъ.

— Пора, пора облегчить нашего старика!.. продолжалъ Александръ.—Онъ усталъ: пора ему отдохнуть... Да чортъ возьми! намъ и самимъ наконецъ жить хочется! довершилъ онъ уже съ развязной улыбкой.

Никто не отвѣчалъ. Всѣмъ было невыносимо лomanье Александра; Мери глядѣла въ землю, Коневъ злился.

Подъ конецъ стало совершенно не въ моготу переносить всѣ ораторствованія Александра; Коневъ рѣшился, во что-бы то ни стало, прекратить ихъ.

— Волжскій! замолчите пожалуйста!.. намъ слѣдуетъ еще переговорить съ вами; а то вы тутъ шиваете какія-то розовыя лохмотья.

— О чемъ переговорить? спросилъ Александръ, быстро поблѣднѣвъ.

— Да что вы перетрусились? не бойтесь; не сейчасъ: приготовиться еще успѣете.

Мери молча взглянула на обѣихъ. Она какъ будто просила ихъ пощадить ее, и не дѣлать свидѣтельницей всей этой исторіи.

Коневъ и Александръ тотчасъ же замолчали.

— А все этому дураку нужно положить въ ротъ дѣло, а то онъ заѣстъ насъ своей добродѣтелью. Такъ бы и раздавилъ его!!.

Я посмотрѣла на Конева не совсѣмъ пріязненно. Меня кольнула послѣдняя фраза въ самое сердце.

— За что-же бы вы раздавили его?

— А за то, что глупъ непомерно.

— Отъ того глупъ, что осмѣлился полюбить Мери?

— Отъ того, что не убирается.

— Куда же онъ уберется?

— А куда хочетъ! Маршрутъ ему что-ли писать? Ему женщина сказала, что не любить, такъ что-же онъ у нее на глазахъ торчитъ, хнычетъ и, какъ нищій, старается разжалобить ее. Къ концу года, вѣдь знаю, онъ будетъ точно такъ-же хныкать передъ другою и по прежнему протягивать руку за подачкою.

— Вы сами, кажется, не защитникъ вѣрности?

— Вѣрности!.. да какой вѣрности? Я брошу женщину, но все-таки она всегда съ любовью вспомнитъ меня. Я огорчу ее, но все-таки дамъ ей нѣсколько минутъ счастья, нѣсколько минутъ наслажденія. А вѣдь онъ съ своимъ хныканьемъ способенъ довести до отчаянія какую угодно женщину. Вѣдь Мери не спитъ теперь по его милости. Она убивается, что сгубить его! А чортъ-ли сгубить ихъ, когда они уже въ утробѣ матери всѣ перегублены!..

На этотъ разъ Коневъ ошибался. Мери не спала по ночамъ во все не потому, чтобъ огорчалась за Александра. Вѣдь! главная причина ея горя лежала въ самомъ же Коневѣ. Мери понимала, что въ словахъ M-me Biard объ ихъ будущемъ было много справедливаго. Она поняла, что, вый-

дя замужъ за Коневъ, она можетъ стѣснить его не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ. Коневъ могъ въ послѣдствіи разлюбить ее и полюбить другую. И вотъ она рѣшилась пока не выходить за него замужъ, и жить съ нимъ «какъ придется». Мнѣніемъ толпы она пренебрегала; она была въ десять разъ нравственнѣе всѣхъ, связывающихъ себя различными обѣщаніями, для того чтобы потомъ, въ силу этихъ обѣщаній, ломать какъ свое свободное чувство, такъ и свободное чувство другаго.

Пройдя еще нѣсколько дорожекъ, Мери, отговариваясь головной болью, ушла домой. Александръ и Коневъ тревожно посмотрѣли ей вслѣдъ. Я, разумѣется, отправилась за ней но на полдорогѣ она прогнала меня обратно.

— Ты и то все сидишь со мной... Побѣгай немного; или вотъ что, ступай къ нимъ! какъ хочешь, будь тожко на воздухѣ.

Понять было не трудно. Она думаетъ помѣшать ихъ объясненію, она думаетъ отсрочить развязку.

Прибѣжавъ назадъ, я застала обоихъ уже разговаривающими. Они вопросительно оглядѣли меня.

— Мери приказала мнѣ возвратиться, смущенно пролепетала я.

— Оставайтесь, если прислали, сказалъ Александръ.

Однако я все-таки уклонилась отъ личнаго присутствія въ бесѣдкѣ и отыскала себѣ довольно удобный постъ возлѣ нея.

— Скажите, вы съ ума сошли, Волжскій, говорилъ Коневъ, что за разговоръ вамъ вздумалось вести сегодня? неужели вы не понимаете, что послѣ всего, что вы надѣлали, вамъ нельзя будетъ ѣхать вмѣстѣ домой.

— Я не буду жить дома.

— Какъ?!

— Я уѣду.

Коневъ взбѣсился.

— Да что вы, подрядились что ли сиротой-то прикидываться, кислой жертвой какой-то! Это уже чортъ знаетъ что такое. Человѣку мила мысль бѣжать изъ родного, изъ своего собственнаго дома.

— Онъ кажется, и вамъ отчасти родня, робко замѣтилъ Александръ.

— Послушайте! если вы осмѣлитесь еще когданибудь напомнить мнѣ объ этомъ, я васъ... (онъ не докончилъ этой фразы). Вы—*баринъ*; я—батракъ, а потому не смѣйте отнынѣ никогда навязываться мнѣ въ родственники! Да! если я вамъ наговорилъ много, можете вызывать меня на дуэль! прибавилъ онъ уже весело.

— Коневъ! Коневъ! вы неблагородный человѣкъ! отвѣчалъ Александръ, совсѣмъ потерявшись.

— Ну не совсѣмъ, Александръ Аркадьичъ... спокойно замѣтилъ Коневъ. Выгнать-то васъ изъ дому я все-таки не выгоню! Лучше самъ не поѣду къ вамъ.

— Поймите хоть разъ въ жизни, что хочу сказать я.

— Извольте! постараюсь.

— Я хочу сказать, что сознаю вполне, что вы принесете тамъ во сто разъ больше пользы, чѣмъ я. Особенно въ настоящее время, когда готовится такой страшный, ужасный, переворотъ. Я тамъ потеряюсь одинъ.

— Ну это-то я знаю и безъ вашего признанья.

— Вѣдь на имѣньяхъ-то долговъ такая бездна, что съ молотка продать мало! А фабрики: и желѣзная, и шоколадная, того и гляди, всѣ опишутся...

— Однако послушайте, Волжскій,—скажу вамъ возможно кратко: — я не хочу быть вашимъ управляющимъ, и потому понапрасну со мной не толкуйте: между нами все кончено.

— Я прошу у васъ позволенія говорить откровенно.

— Сколько хотите, говорите.

— Я хочу сказать, что вы не въ правѣ отказываться отъ того благосостоянія, которое предлагаютъ вамъ, потому что оно связано съ удобствами жизни другаго существа. Молчите, молчите, Коневъ! противъ этого вы не можете и не должны спорить... мы должны забыть свои счеты и помнить только о ней... Отъ принятія вами выгодныхъ предложеній отпадетъ спокойствіе Мери.

— Я все-таки скажу, что вамъ хочется быть благодѣтелемъ Мери и обязать ее чѣмънибудь.

— Я скажу. вамъ, во что бы то ни стало, хочется говорить мнѣ дерзости, окончательно потерявшись вскричалъ Александръ. Но, я буду удерживать себя до послѣдней возможности! не вводите меня въ отчаяніе, Коневъ. Вы сами же говорите, что я одинъ виноватъ, слѣдственно я одинъ и долженъ поплатиться. А пріятна или непріятна мнѣ эта плата, вамъ до этого дѣла нѣтъ.

— Вы сознаетесь, что виноваты? живо спросилъ Коневъ.

— Сознаюсь; извольте.

— Такъ потрудитесь объяснить это Мери; если она согласится, такъ и я согласенъ.

— Дайте мнѣ честное слово, что вы не будете говорить съ Мери объ этомъ раньше меня?

— Извольте, даю!

Александръ вышелъ изъ бесѣдки; я вошла въ нее.

— Вотъ-то бѣсилъ меня все время! обращаясь ко мнѣ, промолвилъ Коневъ. Этакого плаксиваго, безтолковаго мальчугана въ первый разъ въ жизни встрѣчаю. Опъ думаетъ, что Мери согласится! Какъ же!. дождидайся! Очень ей пріятно, что онъ будетъ постоянно у нее на глазахъ торчать и хныкать!

Послѣ обѣда, битыхъ два часа Мери провела на-единѣ съ Александромъ. Выбѣжалъ онъ отъ нее, какъ изъ бани. Мери была спокойна. Она не согласилась.

Вечеромъ, я не слыхала, что она говорила съ Коневымъ.

Только поздно ночью когда всѣ улеглись, мимо меня промелькнула чья-то стройная фигура...

Зари я не могла дожидаться,—уснула.

IX.

Въ городѣ, какъ и предсказывала М-me Viard, бабушка зажала окрыто. Съ перваго же дня налетѣла къ намъ такая стая посѣтителей и посѣтельницамицъ, что у меня съ не-

привычки голова вѣнча кругомъ. И все это непрерывно шевелилось, болтало безъ умолку, волновалось. Меня мучили одними представлѣніями. Каждому и каждой приходилось въ сотый разъ объяснять одно и то же, а именно, что «моя мать уѣхала въ Петербургъ и оставила меня гостить у бабушки».

Коневъ, покончивъ работы въ деревнѣ, переѣхалъ тоже въ городъ. Начались лекціи въ университетѣ, онъ работалъ усидчиво. Утромъ онъ не могъ видѣться съ Мері; передъ обѣдомъ тоже; оставался слѣдовательно вечеръ, но къ семи часамъ въ домъ бабушки наѣзжали гости. Коневъ ни съ чѣмъ уходилъ домой: Мері скучала; онъ злился и даже худѣлъ отъ этого... Такъ продолжилось до рождества. Около этого времени у насъ случилось важное событіе въ домѣ. Варя была публично объявлена невѣстою дяди; по поводу чего у насъ разъ десять обѣдалъ черноозерскій архіерей. Такое скорое рѣшеніе влюбленныхъ произошло потому, что разнесся слухъ, будто къ новому году будетъ обнародованъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, и бабушка чрезвычайно трусила этого. Естественно, что въ такую критическую минуту, дядюшка мой Валерьянъ Андреевъ Грусевскій, какъ адъютантъ жандармскаго генерала, могъ быть капитальной защитой особы ея превосходительства. Я думаю что бабушка не задумалась бы даже отдать ему не только Варю, но и Пашку, еслибъ только онъ догадался.

Наступалъ великій для Россіи 1861 годъ. Въ этотъ годъ, по откровенному признанію одного священника, на однихъ молебнахъ было выручено втрое больше всего годового дохода.»

Я уже сказала, что объявленіе воли ждалось въ Черноозерскѣ, да чуть ли и не повсемѣстно, къ первому января этого года. Какъ теперь, передъ моиѣ глазами встаетъ этотъ день въ дождѣ генеральни Бѣлугиной. Сама она еще за недѣлю объявила, что кто только осмѣлится поздравить ее съ новымъ годомъ, тотъ получитъ отъ нея оплеуху. Въ офиціантскую была отданъ приказъ не принимать рѣшительно ни-

кого. Обѣдъ прошелъ молча, какъ похоронный. Голова бабушки тряслась, какъ у фарфоровыхъ куколъ. Въ пятомъ часу съ ней сдѣлалась лихорадка; самъ дядя на дежурной жандармской лошади скакалъ за докторомъ. Боялись, что кучера и лакеи откажутся заложить экипажъ.

Въ восьмомъ часу, мы, по обыкновенію, сошлись всѣ въ столовую, но увидѣли тамъ только одинъ пустой столъ. Проходившій мимо буфетчикъ, едва удерживая улыбку, объяснилъ намъ, что генеральша не приказала сегодня «быть чаю». Полина въ продолженіе цѣлаго дня не съѣла ни одной конфетки. Въ лицахъ Вари и Анюты не было видно ни кровинки; обѣ онѣ глядѣли, какъ статуи. Онѣ, кажется, были серьезно убѣждены, что ихъ убьютъ непременно. М-me Biard похаживала и рассказывала многочисленные кровавые эпизоды парижскихъ революцій. Ее до крайности забавляла трусость всей noblesse russe.

Въ одиннадцать часовъ вечера, Полина была послана внизъ, въ холостую квартиру Александра, просить его идти ночевать въ спальню бабушки; почему для этого былъ выбранъ онъ, а не дядюшка — пусть пойметъ читатель. Молодая дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ, сошла внизъ и притащила съ собой обезумѣвшаго Александра.

Въ одной изъ боковыхъ, отдаленныхъ маленькихъ гостиныхъ, до самаго разсвѣта, сидѣла я и Мери; по комнатѣ шагала Коневъ и хохоталъ во все горло.

Манифеста не воспослѣдовало.

На другое же утро Настасья Давыловна вставала уже прежней генеральшей Бѣлугиной. Она успокоилась совершенно, рѣшивъ, что никакого манифеста и не будетъ, и тотчасъ же отдала, по старому, грозное приказанье въ минуту запрещь коляску и, забравъ съ собой Полину, до вечера объѣздила всѣ монастыри и соборы, при чемъ закавала до дюжины богатѣйшихъ ризъ. По возвращеніи же домой, она повзала насъ всѣхъ и сдѣлала каждому по дорожному подарку.

Черезъ два дня въ нашемъ домѣ опять раздавалась музыка, пѣніе, танцы.

Герой мой тоже разглядилъ свое чело: онъ могъ по нѣскольку часовъ въ день проводить на-единѣ съ Мери.

X.

Недѣли двѣ спустя я была разбужена страшнѣйшей суматохой въ нашей комнатѣ.

Дѣло объяснилось скоро.

M-me Biard вошла къ намъ часу въ третьемъ и, не найдя Мери въ постели, подняла оглушительный крикъ. Половина дома сбѣжалась на этотъ крикъ. M-me Biard буквально бѣсновалась; она металась во всѣ стороны, визжала, кричала, рвала на себѣ волосы — словомъ, находилась въ полнѣйшемъ сумасшествiи. Я поняла, что дѣло плохо, и рѣшилась, во что бы то ни стало, спасти Мери. Терять нельзя было ни минуты, иначе весь домъ могъ узнать, гдѣ Мери. Задыхаясь, вскочила я съ постели. Одна изъ дѣвушекъ накинула мнѣ что-то на плечи и я, какъ была, въ одной спальной рубашкѣ, босикомъ, бросилась черезъ дѣвчью прямо на черную лѣстницу. Въ полминуты я пробѣжала два этажа, сырой, холодный корридоръ, и очутилась передъ дверью квартиры Конева. Я чуть не упала, очутившись передъ этой дверью. У порога дремала наша горничная Дуля. Я перескочила черезъ нее. На меня нашла какая-то восторженность, — мнѣ одной хотѣлось спасти Мери.

Въ передней горѣлъ салыный огарокъ; дверь во внутреннiя комнаты была заперта.

Едва переводя дыханiе, я подкралась къ запертой двери: ключъ, вѣроятно, былъ вынутъ; замочная скважина пропускала слабый свѣтъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я прильнула къ ней глазомъ. На длинномъ, турецкомъ диванѣ сидѣлъ Коневъ. Онъ былъ одѣтъ, какъ и всегда, только голубой, студенческой воротникъ его сюртука былъ разстегнутъ. На рукахъ его въ широкомъ, бѣломъ пеньюарѣ лежала Мери. Ея ноги упирались въ придвинутое кресло; распушенные волосы

густо падали по плечамъ дѣвочки; одна рука ея обвивала шею Конева; другою она играла какой-то цѣпью у себя на груди, глазъ ея я не видала. Свѣчка стояла на полу; она была съ абажуромъ; въ комнатѣ былъ полумракъ; у меня въ глазахъ помутилось...

Собравши всѣ свои силы, я отчаянно крикнула:

— Мери спасайся!.. тебя ищутъ!.. и, какъ стрѣла, полетѣла по корридору на парадную лѣстницу. Прибѣжавъ къ себѣ, бросилась въ постель и лихорадочно стала смотрѣть на дверь.

М-me Viardъ тотчасъ-же вошла въ мою комнату. Вслѣдъ за ней вбѣжала кенуганная Мери.

— Гдѣ вы были? навинулась на нее мать. Гдѣ Дунья?

— Вы спрашиваете, гдѣ я и Дуня были, — спросите объ этомъ у нее; она вамъ скажетъ, съ волненьемъ отвѣчала Мери.

— За чѣмъ встаете вы ночью? куда вы шатаетесь?

— Дуня! скажи маман, за чѣмъ я вставала съ постели.

Мери нарочно тянула допросъ; она не въ состояніи была ничего придумать и вызывала на находчивость свою горничную; положеніе той, естественно, было гораздо нормальнѣе: она нашлась очень скоро.

— У Дашки были-съ, отвѣчала она бойко.

— У какой Дашки?

— Извѣстно у какой-съ, у нашей.

Дашей звали маленькую швею, которая въ это время была сильно больна. Мери часто ее навѣщала.

У М-me Viardъ и руки опустились; она только странно сверкнула глазами, и за тѣмъ сказала дочери:

— Ложитесь скорѣй! Вы перемолочили весь дождь. Дай богъ, чтобы М-me Виугана ничего не знала. Завтра, въ одиннадцать часовъ, я переговорю съ вами. Слышите! добавила она, выходя изъ комнаты.

Черезъ четверть часа все утихло, — всѣ улеглись. Я стала нѣсколько приходить въ себя и почувствовала, что ноги мои почти оледѣли. Къ моей кровати чуть слышно кралась Мери.

— Надя! Надя! звала она.

— Что, Мери? спросила я.

— Надя! ангелъ мой! Какъ ты любишь меня! добавила она и, не дожидаясь отвѣта, заплакала.

Я подвинулась и дала ей мѣсто; она опустилась ко мнѣ на постель и судорожно обняла меня. Мы обѣ дремали. Я укутывала ее въ свое небольшое одѣяльце и принималась къ ней все ближе и ближе.

— Надя! заговорила снова Мери. О чемъ она будетъ говорить завтра?

— Вѣрно...

— Да, вѣрно... Послушай... ты должна какъ нибудь... дать знать ему объ этомъ...

— Хорошо, я послѣ чаю попрошу.

— Ну, да! попроси... дѣлай, какъ знаешь; только чтобы онъ сказалъ тебѣ, что и какъ говорить мнѣ ей.

Болѣе я ничего не слыхала; сонъ одолѣлъ меня, — я уснула. Когда, утромъ, я открыла глаза, востѣ меня уже не было Мери. Мимо моей кровати взадъ и впередъ сновали горничныя со стѣлками и локаньями; въ комнатѣ пахло уксусомъ и травами. Мери лежала въ сильнѣйшей горячкѣ.

Ко мнѣ подошла M-me Biard и со слезами на глазахъ начала ласкать меня. Не знаю, почему мнѣ эти слезы показались поддѣльными.

— Пустите меня къ Мери! ради Бога, пустите! обливаясь слезами, молила я. Я слышу ея голосъ! Милая, добрая M-me Biard, пустите меня!

— Она бредитъ, дитя мое. Чѣмъ это только кончится? О, mon dieu! mon dieu! Въ комнату Мери она все-таки меня не пустила.

Проглотивъ кое-какъ чашку чаю, я побѣжала въ комнату, куда приносились газеты и журналы, надѣясь тамъ всего скорѣе найти Конева. Я не ошиблась, — онъ былъ уже тамъ; при моемъ появленіи онъ привсталъ.

— Надя! Вы являлись прегадно, — вы убили Мери! сказалъ онъ холоднымъ тономъ.

— Я такъ много вынесла за эту ночь, что подобный пріемъ ошеломилъ меня.

— И что за восторженное геройство нашло на васъ, про-

должалъ Коневъ; вы закричали, какъ будто кто насъ рѣзать собирался.

— Николай Васильчъ! M-me Biard объявила Мери, что будетъ говорить съ ней. Мери же просила меня передать вамъ объ этомъ.

— Ну, теперь не поговорить... развѣ послѣ, съ грустной прошею произнесъ онъ.

На другой, на третій, и на четвертый день отрывочныя фразы: «Мери при смерти», «Мери безъ всякой надежды», «Мери умереть», такъ и летали по всему дому.

Конева нельзя было узнать... Онъ или сидѣлъ, какъ деревянный, или ловилъ въ корридорѣ всѣхъ горничныхъ и спрашивалъ про Мери; отвѣты онъ получалъ всегда одни и тѣ же: «безъ памяти-съ.» Къ довершенію нашего несчастья ни я, ни Коневъ не могли пробраться въ комнату Мери: M-me Biard и днемъ, и ночью стерегла входъ.

Наконецъ, недѣлю спустя, Мери очнулась. Мы всѣ ожили, а радости Конева и описать невозможно. Онъ уже и не скрывалъ этой радости, сбросилъ съ себя на время свою язвительную маску, былъ милъ и до-нельзя любезенъ съ нами. M-me Biard на десять минутъ впустила его въ комнату Мери, онъ успѣлъ передать ей нѣсколько словъ, и послѣ того задумалъ нѣчто серьезное...

Черезъ нѣсколько дней, онъ въ новомъ виц-мундирѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ входилъ въ великолѣпную залу бабушки. На встрѣчу къ нему изъ гостиной выскочила Полина.

— А monsieur Коневъ! вы еще живы, а я уже собиралась шить себѣ два траура.

— Неужели я такъ счастливъ, Полина Александровна? спрашивалъ онъ, раскланиваясь наипочтительнѣйшимъ образомъ.

— La nouvelle est jolie! Вы перестали колотья! Да вы и хорошенькій въ добавокъ; жаль только, что не всѣ могутъ видѣть расъ.

— По милу хороше Полина Александровна, но не въ этомъ толкъ. Гдѣ ваша мама?

— А вамъ нужно говорить съ нею? о чемъ?

— Я вамъ послѣ скажу. Будьте только такъ очаровательно добры, доставьте мнѣ случай поговорить съ нею; за это я обѣщаюсь не сердиться на васъ ровно двѣ недѣли.

— Вы опять? ну, да Богъ съ вами! вы сегодня мнѣ правитесь что-то. Такъ и быть, пойдете.

Бабушка въ это время только что возвратилась отъ губернатора, который не получалъ изъ Петербурга ничего и походяго на объявленіе воли; и потому бабушка была очень довольна.

Коневъ очень осторожно приступилъ къ дѣлу; онъ объявилъ ей, что хочетъ жениться на Мери, и потому просить генеральшу помочь ему въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ не въ ладахъ съ *M-me Biard*. Бабушка сперва пришла въ немалое изумленіе отъ такой оригинальной просьбы Конева, но подумавъ, милостиво согласилась помочь ему, и тотчасъ же отправила посла къ *M-me Biard* съ приглашеніемъ немедленно пожаловать по чрезвычайно важному дѣлу. Француженка явилась. Съ разу отгадавъ, по торжественному выраженію лица бабушки и насмѣшливой улыбкѣ Конева, въ чемъ дѣло, она посинѣла отъ досады. Но ей было не учиться владѣть собой. Слегка отвѣтивъ на поклонъ Конева, она спокойно произнесла.

— *Que desire, madame?*

— Г-нъ Коневъ дѣлаетъ предложеніе вашей дочери, коротко и сухо отвѣчала бабушка. Вашей Мери — двадцать лѣтъ: пора замужъ. Г-нъ Коневъ во всѣхъ отношеніяхъ ей ровня; слѣдовательно, вы, какъ мать, должны порадоваться этому, и какъ христіанка благословить союзъ ихъ. Теперь ваша очередь говорить? заключила она, обращаясь къ Коневу, и торжественно откинулась на спинку дивана.

Коневъ привсталъ.

— Привязанность моя къ вашей дочери вамъ давно известна, заговорилъ онъ. Въ маѣ я кончу курсъ, и тотчасъ же найду себѣ мѣсто, если не у Волжскихъ, такъ другое; мнѣ уже обѣщали. Во всякомъ случаѣ вы можете быть совер-

иногда похвально на счет материальнаго благосостоянія въ дочери.

Ястребиные глазки бабушки такъ и блуждали по всей фигурѣ М-me Biard: положеніе было непривлекательное.

— Милостивой государь! Дочь моя находится еще на краю гроба, и ваша дерзость просить ея руки въ такое время можетъ только удивить меня, произнесла она наконецъ и встала съ явнымъ намѣреніемъ сейчасъ же уйти; но Коневъ такъ многозначительно взглянулъ на нее, что она сію же минуту опять опустилась.

— Именно эта-то болѣзнь и вынуждаетъ меня беспокоить васъ раньше, чѣмъ бы желалъ я. Согласитесь, что на мою долю выпала слишкомъ пассивная роль. Я даже не могъ видѣть ее во все время болѣзни. На правахъ жениха М-ше Мери, я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что мнѣ будетъ позволено быть свидѣтелемъ ея выздоровленія.

— Какъ же! ждите! съ злостью произнесла М-me Biard, и скорыми шагами вышла изъ комнаты.

Бабушка долго не могла придти въ себя отъ этой дерзости М-me Biard, и приказала, во чтобы то ни стало, допустить Конева къ Мери.

Мери не вынесла этого свиданія съ нимъ. Когда онъ вошелъ, она было приводилась и хотѣла протянуть ему руку; но тотчасъ же опять упала на подушки. Съ ней сдѣлалось дурно. Коневъ задрожалъ и вышелъ въ мою комнату: у него показались слезы.

На другой день они видѣлись опять, и Мери начала быстро поправляться.

М-me Biard скоро опомнилась, и стала усиленно ухаживать за генеральшей, чтобы привлечь ее на свою сторону.

Она начала съ того, что на другое же утро, послѣ описанной нами сцены, какъ шальная, вбѣжала въ кабинетъ бабушки, бросилась къ ея ногамъ, и призналась въ томъ, какъ хотѣла отдать Мери за Александра, но страшилась суроваго гнѣва бабушки; сказала также, что Коневъ дрянной человекъ и никогда не сумѣетъ оцѣнить ея любимую дочь. Въ доказательство этого предположенія она рассказала, какъ

Коневъ дѣло въелочился за горличными ея прескохотельства.

Все это въ сильнѣйшей степени ошеломило бабушку. Немедленно поднявъ рыдающую М-me Biard, она заключила ее въ свои объятія, и торжественно предложила ей сию же минуту выгнать Конева изъ дому.

Француженка тотчасъ же сообразила, что хватила уже слишкомъ далеко и можетъ испортить все дѣло. Еще слабую Мари могло окончательно убить такое неспѣшное удаление Конева, а это уже не входило въ ея расчеты. И вотъ она начала умолять генеральшу, не дѣлать никакой огласки; даже объявить его на время женихомъ Мари, потому что, какъ объяснила она, блѣдное дитя все еще любитъ.

Итакъ эти двѣ почтенныя личности пожелали прежде всего дожидаться выздоровленія Мари.

Въ промежутокъ этихъ вечеровъ не случилось ничего особеннаго.

Александръ ходилъ блѣдный до крайности. Съ окончательной развязкой дѣла т. е. съ того времени, когда Мари объявлена невѣстой Конева, онъ совсѣмъ потерялся; по цѣлымъ днямъ проводилъ у какого нибудь окна, и улыбался всѣмъ проходящимъ. На вечерахъ онъ нускался въ фатство, переходилъ отъ одной барыни къ другой и увѣрялъ, что бросаетъ всѣ занятія и увѣжаетъ въ Швейцарію.

Я не отходила отъ Мари. Коневъ днемъ сидѣлъ у нее, а по ночамъ приготовлялся къ экзаменамъ.

Городъ по прежнему веселился. Разнымъ празднествамъ конца не было. «На послѣдяхъ веселятся наши бары», съ улыбкой говаривалъ Коневъ.

Такъ прошла вся зима вплоть до масляницы. Мари выздоровѣла. М-me Biard не предпринимала еще похода для того, чтобы разстроить свадьбу Мари съ ненавистнымъ ей Коневымъ. Видѣла ли она невозможность этого, или выжидала только удобнаго случая, не знаю.

Съ коротенькими, чуть-чуть завитыми волосами, показавшись Мари на вечерахъ бабушки, и затмила положительно всѣхъ своей идеальной красотою. Послѣ болѣзни она стала еще лучше. И молодежь, и старцы, и холостяки, и отцы семействъ,

всѣ были у ногъ ея. Коневъ только улыбался и, потирая руки, насмѣшливо глядѣлъ въ глаза каждому.

Въ послѣдній день масляницы у насъ готовился блестящій балъ. Великолѣпно убранная зала вся была обставлена цвѣтами и деревьями; громадныя люстры слѣпили безчисленнымъ количествомъ огней.

Быль восьмой часъ вечера; приѣздъ же начался въ девять. Вдругъ послышался робкій звонокъ.

— Кто бы это такъ рано? произнесла бабушка.

— Кто нибудь изъ маленькихъ, процѣдилъ сквозь губы мой жандармъ-дядюшка.

Онъ не ошибся; приѣзжій былъ дѣйствительно изъ маленькихъ. Пудовая партъера заколыхалась, и изъ-за нея выяснилась крошечная фигурка, въ засаленомъ фракѣ, застегнутомъ на всѣ шесть пуговиць; правой рукой онъ придерживалъ толстѣйшую сумку, до невозможности набитую какими-то тетрадами, одинакаго вида и формата.

Завидѣвъ этого невзрачнаго посѣтителя, бабушка было взглянула на дядю; пальцы ея запрыгали.

Тотъ поднялся на встрѣчу таинственному посѣтителю и, узнавъ въ немъ становаго, немного пошатнулся.

Становой, и безъ того сильно труснвшій, при видѣ произведеннаго имъ смущеная, опѣшилъ еще болѣе.

— По волѣ... государя... императора, попробовалъ заговорить онъ.

— Что?

— По волѣ... государя. Дешей изъ Санкт-Петербурга...

Получивъ приказанье отъ г. исправника, счелъ своей обязанностію явиться сперва къ ея превосходительству.

— Да говори же каналья! заревѣлъ мой изящный дядюшка, подступая къ бѣдному становому вовсе не изящно.

— Полученъ-съ высочайшій манифестъ, сказалъ наконецъ становой и, поспѣшивъ вынуть изъ сумки одну изъ тетрадокъ, передалъ ее Грусецкому.

— Тетушка! тетюшка! подходя съ ней къ генеральшѣ говорилъ жандармъ. Но было уже поздно. Бабушка и Полина, охвативъ другъ друга руками, за-мертво упали на свой пунцовый диванъ.

Становой стоялъ по срединѣ комнаты и безсмысленно озирался во всѣ стороны.

Картина была невеселая.

— Прикажете объявить-съ? рѣшился наконецъ произнести становой.

Дядю какъ будто кто обухомъ треснулъ.

— А, завтра, завтра намъ дадутъ ѣсть?

— Помилуйте-съ... я-съ... прикажу-съ...

— Прикажу-съ! повторилъ мой дядя, стиснувъ зубы и еле удерживаясь, чтобъ не раздавить маленькаго чиновничка. Что жъ вы стоите? Убирайтесь вонъ!

Становой раскланялся и, выбравшись въ переднюю, обратился къ лакеямъ.

— Къ балу видно собрались братцы?

— Къ балу, Евсеvй Иванычъ.

— То-то теперь будетъ имъ балъ.

— Неужто взаправду, Евсеvй Иванычъ, дождались?

— Дождались, братцы, дождались!

ХІ.

Услыхавъ о полученіи манифеста, Александръ, какъ сумасшедшій, бросился въ комнату, въ которой сидѣли Коневъ и Мери, и принялся тормошить перваго.

— Коневъ! Коневъ! воля объявлена! закричалъ онъ.

— Не можетъ быть! когда?

— Чего не можетъ быть! манифестъ принесенъ!

Мери выбѣжала въ гостиную и тотчасъ же вернулась.

— Бабушка безъ языка, объявила она.

— Чортъ! Ничего понять не могу! да гдѣ манифестъ-то? Покажите мнѣ его, Бога ради! вскричалъ Коневъ и, вскочивъ съ дивана, онъ хотѣлъ было броситься во гостиную, но Александръ ухватилъ его за плечо.

— Коневъ! Коневъ! прошу васъ, именемъ отца. Скажите, что дѣлать?

— Ну что вамъ надо отъ меня? Неужели и вы трусите? Помилосердитесь, Волжскій! Вѣдь этому курия будутъ смѣяться! Что вамъ надо?..

— Какъ что надо! Къ отцу ѣхать надо,—вотъ что!

— Да кто-же вамъ мѣшаетъ, — поѣзжайте хоть сейчасъ.

— А вы? развѣ мы не можемъ ѣхать вмѣстѣ?

Коневъ раскохотался.

— Вы съ ума сошли, Волжскій! Точно вы не знаете, что у меня черезъ мѣсяцъ экзамены!

— А! коли такъ, пропадай все! и отецъ!.. и имѣнье!.. ѣду за границу!

— И съ богомъ,—чего же лучше! А я, какъ только сдамъ экзамень, отправлюсь къ вашему батюшкѣ. Мы вамъ вышлемъ денегъ, и дѣло пойдетъ, какъ вельзя лучше.

Коневъ отправился въ залу и, взявъ манжетъ изъ рукъ дяди, началъ читать его, не обращая рѣшительно никакого вниманія на окружающихъ. Полна скоро очнулась и лихорадочно стала срывать съ себя всѣ эти блонды и кружева; успокоившись немного, она, при помощи М-me Biard, уложила, все еще не очнувшуюся, старуху въ постель. Дядя поскакалъ верхомъ за докторомъ.

Варя и Аня всю ночь не скидали бальныхъ платьевъ...

Слѣдующее утро я только что успѣла открыть глаза, какъ къ намъ вошла М-me Biard съ чрезвычайно страннымъ выраженьемъ лица.

— М-me Бѣлугина переѣзжаетъ въ монастырь, объявила она, садясь на стулъ. Ее только что отсеборовали.

Мери и я приподнялись на своихъ постеляхъ...

— А Полна?

— Она ѣдетъ съ ней-же.

— Кто же приметъ домъ наюонецъ? Что за сумазбродство? не вытерпѣла, чтобъ не вскричать, Мери.

— М-me Бѣлугиной осталось нѣсколько дней жизни. Полна же не можетъ не проводить ее. Ну вотъ-съ, радуйтесь! добавила она ядовито; исполнилось то, чего вы желали! Веселитесь, теперь наступаетъ ваша пора!

Мери промолчала.

— Ахъ, да! скажете, пожалуйста, что это вамъ женихъ дѣлаетъ? съ усмѣшкой спросила M-me Biard.

— Что? съ безснкоюствомъ спросила Мери.

— Да я слышала, что онъ объясняетъ людямъ что-то не очень хорошее. И я бы вамъ посоветовала остановить его. M-me Бѣлухина передала мнѣ и M-cue Грусецкому весь домъ; а мы не намѣрены терпѣть никакихъ безпорядковъ.

— Да вы ждете! Этого быть не можетъ! Коли вѣрно просто читаетъ и объясняетъ имъ манифестъ.

M-me Biard хохотала, но Мери не слышала этого смѣха; она прислушивалась къ какому-то шуму, а тоже начала прислушиваться.

Изъ этой смѣси голосовъ явнѣ всѣхъ выдѣлялась звуки, исходящія, какъ мнѣ показалось, изъ богатырской гостиной моего дядюшки.

Блѣдная, какъ смерть, едва держась, не на советѣ еще окрѣпшихъ, послѣ тяжелой болѣзни, ногамъ, Мери пришлось поспѣшно одѣваться. Накинувъ на себя темный бурнусъ и накрывъ голову платкомъ, она сбѣжала внизъ. M-me Biard и я послѣдовали за ней.

Внизу между тѣмъ, происходила дикая сцена.

Дѣло началось изъ за пустяковъ. Коневъ по просьбѣ двухъ, трехъ лакеевъ прочелъ имъ, полученный наканунѣ манифестъ; тѣ сообщили другимъ; явились новые слушатели, онъ удовлетворилъ и ихъ. Такъ онъ долженъ былъ прочесть разъ до пяти. Наконецъ увидавъ, что толпа все прибываетъ и прибываетъ, онъ послалъ за Александромъ. Написавъ на лоскуткѣ бумаги въ чемъ дѣло, онъ потребовалъ его присутствія, какъ свидѣтеля; но тотъ, высунувъ въ корридоръ свою голову и замѣтивъ, что тамъ стоитъ вся необъятная бабушкина дворня, струсилъ самымъ неопозволительнымъ образомъ и приказалъ сказать Коневу, что онъ боленъ и явиться не въ силахъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, Коневъ плюнулъ, выругалъ Александра, и за тѣмъ принялся читать манифестъ такъ же спокойно, какъ и прежде, дѣлая только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимыя поясненія. Въ ту минуту ворвался къ нему блестящій дядюшка, и ни съ того, ни съ сего съ сжатymi кулаками бросился на Конева.

— Ахъ, ты мальчишка! лакей! Сходки вздумалъ устроить. Я вотъ-те...

Послѣдняя фраза не была окончена. Коневъ со всего размаху далъ оплеуху Грусецкому. Тотъ, какъ снопъ, грянулся на полъ.

— Жандармовъ сюда! заревѣлъ онъ.

Никто не двинулся съ мѣста. Коневъ улыбнулся.

Грусецкій замѣтилъ эту улыбку.

— А! бунтъ! хорошо! Всѣ вы будете въ кандалахъ, кричалъ онъ. Всѣ поплатитесь!

Толпа глухо заволновалась.

Въ эту минуту вбѣжала Мери. Она слышала послѣднія слова Грусецкаго и, пронзительно вскрикнувъ, упала на руки Конева.

— Я увезу тебя!.. сейчасъ же увезу!.. шепталъ тотъ, забывъ въ эту минуту рѣшительно обо всемъ. Онъ видѣлъ лишь только ея слезы, ея отчаяніе, и хлопоталъ о томъ только, чтобъ успокоить ее.

Онъ взялъ похолодѣвшую Мери на руки и внесъ ее въ комнаты. М-ме Виагъ и Александръ прибѣжали туда же. Всѣ начали хлопотать около Мери. Спустя немного, въ дверяхъ показалась Полина. Съ распухшими глазами, непричесанная, полуодѣтая, но гордая, неприступная, она остановилась въ дверяхъ и твердо произнесла, обращаясь къ сопровождавшему ее дворецкому.

— Сію же минуту запречь экипажъ, собрать всѣ вещи господина Конева и отправить его въ первую же попавшуюся гостиницу, адресъ которой привезти мнѣ.

— Это случится не раньше, чѣмъ очнется моя невѣста, холодно проговорилъ въ отвѣтъ ей Коневъ.

— Заложить мнѣ карету! Я ѣду къ губернатору! произнесла Полина, и, величественно повернувшись, вышла въ сопровожденіи Грусецкаго.

Нѣсколько мгновений Коневъ думалъ; раза два мелькомъ взглянулъ на Мери и за тѣмъ, какъ бы остановившись на какой-то мысли, порѣшивъ чѣмъ-то, вышелъ изъ дому.

Между тѣмъ бабушка была уже въ параличѣ. Грусецкій безъ церемоніи объявилъ ей, что у нея въ домѣ бунтъ: она

не выдержала. Коневъ былъ арестованъ въ ближайшей гостинницѣ, гдѣ остановился на время.

Въ вечеру у Мери снова открылась горячка.

Черезъ недѣлю, дома генеральши Бѣлугиной нельзя было узнать. Въ залѣ, не успѣвшей еще разоблачиться отъ роскошныхъ декорацій, приготовлявшихся къ пышному празднеству, на богато-убранномъ катафалкѣ покоилась бабушка. Полина плакала; Варя и Анюта—тоже; Грусевъ и М-те Biard при постороннихъ театально рыдали; втихомолку же радовались. Александръ ужасивалъ за больной Мери; я была неотлучно тоже при ней.

Въ это время прѣхала за мной мать; она была принята до крайности холодно и потому поспѣшила увезти меня поскорѣй въ деревню. Я была безъ чувствъ оторвана отъ постели вторично умиравшей Мери.

Черезъ недѣлю мать со всѣмъ семействомъ переѣхала въ нашу петербургскую деревушку.

Мѣсяца черезъ четыре я получила слѣдующее письмо:

Милая Надя!

«Тебѣ, вѣроятно, будетъ пріятно узнать кое-что о насъ. Начну съ тѣхъ, кого ты болѣе любила. Мери послѣ твоего отъѣзда начала поправляться, чему мы всѣ конечно обрадовались. На второй же день пасхи, она куда-то пропала. М-те Biard это ужасно разсердило. Она рвала на себѣ волосы, кричала, плакала, бранилась, но ничего не помогло. Мери исчезла, захвативъ съ собой всѣ нужныя ей бумаги. Какъ ужь она не побоялась открыть шкатулку М-те Biard, я не понимаю. Мнѣ кажется, я бы умерла на мѣстѣ отъ страха.

«Мнѣ было сильно жаль Мери: ты знаешь, она вѣдь всегда заступалась за меня. Мы думаемъ, что ей помогъ убѣжать Коневъ, который нѣсколько раньше былъ освобожденъ изъ-подъ-ареста. Вѣроятно они живутъ теперь вмѣстѣ.

«М-те Biard согласилась жить съ нами. Она хотѣла было сначала уѣхать; но дядя велѣлъ Варѣ умолять и просить ее до тѣхъ поръ, пока она не согласится. Варя плакала, упрашивала, стояла передъ ней на колѣняхъ, и только тогда уже

М-me Biard сама заплакала, объяла насъ всѣхъ и объявила, что она не разстанется съ нами ни за что на свѣтѣ.

«Дядя былъ очень веселъ въ этотъ вечеръ, шутилъ, смѣялся съ Варей, отдалъ ей цѣлый ящикъ брилліантовъ. Помнишь тѣхъ, которые носила Полина.

«Скажу тебѣ по секрету, милая Надя, что Варя со времени своего замужества стала какая-то странная! Мнѣ подчасъ дѣлается ужасно жалко ее. Она все о чемъ-то задумывается, что-то соображаетъ и, когда дяди Валерьяна не бываетъ дома, ходитъ въ нашу старую часовеньку и все плачетъ, все плачетъ. М-me Biard увѣряетъ всѣхъ, будто это отъ того, что ее слишкомъ рано выдали замужъ. Какъ ты думаешь, правда это? Напиши мнѣ объ этомъ; меня это ужасно интересуетъ.

Любящая тебя кузина
Анюта.

«P.S. Я позабыла сказать тебѣ, что подѣлываетъ Александръ. Онъ уѣхалъ къ отцу и остался тамъ; у нихъ въ деревнѣ былъ бунтъ какой-то. Больше я ничего о немъ не знаю».

Маленькая.

БЪСОВСКОЕ НАВОЖДЕНИЕ.

(ГУБЕРНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ).

У.

ЗАГОРОДНЫЯ ПРОГУЛКИ БЪСА.

«Ложь есть—и отецъ жи...»

Пріѣзжій генераль былъ очень доволенъ своей квартирой.

— Я полагаю, спрашивалъ его Ясинскій, — вы довольны своей квартирой?

— О, совершенно! со всѣми удобствами квартира... отвѣтствовалъ Доломанъ.

— Довольны-ли вы своимъ помещеніемъ? — спрашивалъ Г—въ.

— Вполнѣ доволенъ, Николай Степанычъ! — отвѣтствовалъ Доломанъ съ выраженіемъ душевной умиленности.

Дьяконовъ забавлялъ его своими разсказами и безкорыстной услужливостью. М-ше Дьяконова въ глазахъ Доломана явилась женщиной съ восточными страстями и восточнымъ типомъ: черноглазая, неказистая смуглянка прожгла генеральское сердце пламенными, дикими взорами, огненными порывами отвѣчала на генеральскіе подходы и проч. Къ великому блаженству Доломана, еще и гувернантка Дьяконовыхъ пала ницъ передъ превосходительными комплиментами, а дѣвушка была миленькая, наивненькая, свѣженькая.

Отд. I.

— Алексѣй Иванычъ! проси, чего хочешь, — такъ доволенъ тобой, что отказу тебѣ ни въ чемъ не будетъ! говорилъ Доломанъ, лѣниво развалившись на диванѣ.

— Полноте, князь, — намъ отъ васъ ничего не нужно, — мы васъ, однихъ *васъ* любимъ... отозвалась М-ше Дьяконова.

— О! много чести!.. Я чувствую себя у васъ, какъ дома, какъ въ родномъ семействѣ... Здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ, на меня востокомъ моимъ пахнуло... да, востокомъ!..

— Видите, что не на востокъ только можно пользоваться жизнью, — и у насъ на сѣверѣ люди живутъ, наслаждаются, кейфомъ пользуются....

— О, да, ваши морозы не охладили знойныхъ страстей... Но все же я хотѣлъ-бы что нибудь сдѣлать для васъ... Чего ты хочешь, Алексѣй Иванычъ... говори!

— Вотъ дуракъ: догадался-бы долги заплатить... подумалъ Дьяконовъ, но не сказалъ этого.

— Мѣсто какое не хочешь-ли получить? говори смѣло — вице-губернаторомъ сдѣлаю!

— Ради бога, князь, не говорите объ этомъ. Мы желаемъ одного только, чтобы вы побыли подольше съ нами, — больше ничего.

— Да, ваше сіятельство, — больше ничего.

— И чего намъ желать? мы всѣмъ довольны...

— Чортъ ее возьми! подумалъ Дьяконовъ, — хорошо довольны, какъ кругомъ въ долгу...

— Мужу обѣщано мѣсто мирового посредника...

— Ну, теперь дѣло заговорила... подумалъ Дьяконовъ — и крикнулъ отъ удовольствія.

— Мирового посредника? О, онъ получить это мѣсто, будьте увѣрены, получить...

— Да, хороши надежды — чуть въ шею не выгнали... подумалъ Дьяконовъ.

— Я переговорю со всѣми, отъ чего это зависитъ: съ губернаторомъ, съ предводителемъ... со всѣми... и мое желаніе исполнять. Въ какой уѣздъ вы желали-бы....

— Въ рябиновскій, ваше сіятельство, въ рябиновскій! посѣбно отвѣчалъ Дьяконовъ.

— Мой мужъ, право, кажется созданъ для этой должности: онъ такъ умѣетъ убѣдить мужиковъ, такъ понятно, ясно все растолкуетъ имъ, что я иногда удивляюсь, откуда что берется... Убѣдить, въ чемъ угодно....

— Это ужъ мое дѣло, ваше сіятельство,—я умѣю уладить. Быть посредникомъ — для меня самая лучшая, самая подходящая дѣятельность. У меня всѣ грамоты будутъ по обоюдному согласію составлены. Я улажу...

— Уладить, непременно уладить!

— Ну, чего-же лучше! что и требуется...

— Вамъ, конечно, не случалось, ваше сіятельство, имѣть дѣло съ мужичьемъ,—вы не знаете, какъ трудно ладить съ ними, какой талантъ особый для этого нуженъ. Вотъ недавно...

Но М-ше Дьяконова успѣшила прервать своего почтеннаго собесѣдника:

— Не угодно-ли вамъ кофе, князь?..

— Благодарю васъ, не хлопчите....

— Какіе-жъ тутъ хлопоты; велите, моя милая, подать кофе князю...

Это приказаніе относилось къ гувернанткѣ, которая, не сводя глазъ съ Доломана, сидѣла, прижавшись въ уголокъ. Доломанъ тоже нрѣдка самодовольно поглядывалъ на эту дѣвочку, но далеко не съ той нѣжностью, какъ на хозяйку, въ которой видѣлъ восточный типъ и восточную страстность.

— Добрая дѣвочка у васъ гувернантка! сказалъ онъ.

— Не слажу. Она флегма, вяла, хладнокровна, какъ рыба, сѣверная натура. А злобная-то какая... суко отвѣчала М-ше Дьяконова.

— Неужели?

— Да, злопамятна и капризна, какъ чортъ. Знаете, князь, кого дѣти не любятъ, тотъ человекъ нехорошій. Ее дѣти терпѣть не могутъ...

— Представьте,—она на меня по мѣсяцу дуется за какое нибудь шуточное замѣчаніе, заговорилъ Дьяконовъ, знаешь Катя, — у нея характеръ совершенно противоположный съ твоимъ; ты женщина, радон, страстная, вакханка...

— Черкешенка, грузинка! отозвался Доломанъ.

— А между тѣмъ добра и уступчива. Эта-же наоборотъ...

Въ это время доложили, что къ князю пріѣхалъ Ясинскій. Тошій чиновникъ съ кошачьей головой вошелъ въ комнату и, не сгибая спины, раскланялся съ присутствующими.

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Что васъ не видать, князь? здоровы ли вы?

— Благодарю васъ. Такъ, въ семейномъ кругу, съ моими добрыми хозяевами, засидѣлся.

— А я къ вамъ сейчасъ съ пожара.

— Пожаръ былъ?

— Да. Наша полиція дѣйствовала прекрасно, но вѣтеръ былъ такой неблагоприятный, что два дома сгорѣли. Инструменты плохи.

— Плохи?

— Да. Теперь у насъ идутъ толки о преобразованіи пожарной части. Составлена комиссія, которой поручено обдумать проектъ новаго устройства пожарной части. Я полагалъ бы, что прежде всего надо инструменты новые завести...

— Новые?

— Да. Я полагаю, что какъ бы эта часть ни была хорошо устроена, безъ пожарныхъ трубъ ничего сдѣлать нельзя...

— Ничего?

— Я такъ полагаю...

Наконецъ почтенному Доломану сдѣлалось стыдно не выразить до сихъ поръ ничего собственнаго. Онъ нѣкоторое время переминался, наконецъ выразилъ такое мнѣніе:

— Хорошо бы въ пожарныхъ случаяхъ, ваше превосходительство, чтобы остановить теченіе пламени, просто ломать три-четыре сосѣдніе дома съ обѣихъ сторонъ, — тутъ ни пожарныхъ трубъ, ничего не нужно, а между тѣмъ огонь будетъ остановленъ, такъ сказать, безъ пищи оставленъ...

Ясинскій промолчалъ.

— А что, ваше превосходительство, мировые посредники уже назначены? вспомнилъ вдругъ Доломанъ.

— Нѣтъ, окончательно еще не назначены. Я полагалъ бы, что это дѣло надо предоставить предводителямъ, потому что они всего болѣе знакомы съ здѣшнимъ дворянствомъ.

— Я, ваше превосходительство, хочу... Позвольте мнѣ предложить своего кандидата.

Ясинскій кивнулъ головой, какъ генераль въ шарманкѣ.

— Онъ, ваше превосходительство, созданъ для этого мѣста. Уладить — это его дѣло... Доломанъ припоминалъ выраженія Дьяконова: онъ умѣть... это его дѣятельность... онъ тутъ... — Доломанъ запутался вовсе, но потомъ вдругъ спохватился: у него, ваше превосходительство, всѣ грамоты по согласію будутъ... Отличный мировой посредникъ! Я надѣюсь, вы не откажете, ваше превосходительство...

— Я полагаю, ваша рекомендація... Позвольте узнать, кто этотъ кандидатъ?..

— Развѣ я его не назвалъ?.. Дьяконовъ, ваше превосходительство, — онъ, мой хозяинъ, превосходный человекъ. Я у него нашелъ себѣ совершенное спокойствіе, — живу, какъ дома. Отличный человекъ. Жена его, ваше превосходительство, чистый, кровный азіатскій типъ. Все семейство прекрасное...

Доломанъ даже запыхался, разомъ наговоривши столько.

— Я полагаю, заговорилъ Ясинскій, что ваше желаніе должно быть уважено. Предводитель тоже, вѣроятно, не откажетъ вамъ. Вы не говорили объ этомъ Николаю Степанучу?

— Нѣтъ еще. Но я скажу ему: надѣюсь, что онъ не откажетъ. Я сегодня же увижусь съ нимъ.

Князь, дѣйствительно, въ тотъ же день видѣлся и съ Г—вымъ, и съ другими лицами; всѣхъ просилъ за Дьяконова.

А выборъ мировыхъ посредниковъ былъ дѣломъ не маловажнымъ въ нашемъ городѣ: шуму, толковъ было не мало.

— Мировыхъ посредниковъ намъ надо — людей съ современнымъ взглядомъ на вещи, не крючкотворцевъ какихъ нибудь, — людей гуманнѣхъ, образованныхъ: имъ будетъ принадлежать *ниціатива* сближенія двухъ враждебныхъ сторонъ. Надо свѣжихъ людей, говорилъ Колобродинъ, глубокомысленно склоняя сѣдую голову и опираясь на костыль.

— Непремѣнно, поддерживалъ его Левкинъ, хмурия брови и воображая себя на митингѣ московской закваски; это переворотъ, который долженъ поставить совсѣмъ въ иныя отношенія крестьянство и дворянство, — сблизить, примирить, связать ихъ узамъ не насилія, а единодушія и взаимнаго одолженія. Какое же важное значеніе должны имѣть посредники! одно названіе чего стоитъ!

— Дьяконовъ тутъ едва ли годится... прочіе всѣ, но онъ...

— Главное-съ, дѣльныхъ людей тутъ надо; я думаю, заговорилъ Г—въ, — дѣльность, энергія тутъ прежде всего. Дьяконовъ знаетъ дѣло, человѣкъ практическій, не шельганъ какой нибудь. Энергія у него много. А въ то же время и мысли весьма современные: вотъ онъ надѣется всѣ грамоты по обоюдному соглашенію составить. И сдѣлаетъ, потому что съ энергіей человѣкъ.

— А намъ это и нужно: взаимное согласіе, спокойствіе, тишино на... поддержалъ Ласточкинъ.

— Князь Доломанъ настаиваетъ, чтобы Дьяконовъ получилъ это мѣсто, виѣшался Ясинскій; я съ своей стороны ничего не имѣю противъ Алексѣя Иваныча.

— Ну, это дѣло другое...

Много въ пользу Дьяконова подѣйствовало его рѣшительное убѣжденіе, что въ его участкѣ всѣ грамоты будутъ составлены и введены въ дѣйствіе по взаимному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, въ чемъ удостовѣряла и М-ше Дьяконова, удостовѣряла и князь Доломанъ; двое поручителей—дѣло не шуточное.

И вотъ Дьяконовъ — мировой посредникъ, съ цѣпью на шеѣ, и вотъ у насъ новый герой, которымъ мы должны нѣкоторое время еціально заняться.

Большія надежды возлагались на этого посредника, и не тщетно: идетъ у него дѣло, какъ по маслу.

Вотъ ѣдетъ онъ на парочкѣ въ деревню самого Г—ва, именуемую Останково, везетъ онъ въ карманѣ уставную грамоту, полученную изъ собственныхъ рукъ его превосходительства, Николая Степаныча, думаетъ онъ крѣпкую думу: «шибо обрѣзалъ генералъ мужиковъ, шибко обрѣзалъ, отъ двадцати-то десятинъ да на семь, да девяти-рублевый оброкъ вмѣсто восьми-рублеваго, а вѣдь какъ расписалъ-то: «желая, дѣскать, устроить бытъ крестьянъ со всевозможными для нихъ льготами, съ пожертвованіемъ собственнаго интереса, прибавляю имъ по десятинѣ лишней, сверхъ опредѣленнаго надѣла...» Это, говоритъ, меньшіе братья наши... гуманность... и все такое... Да, вотъ что-то запоетъ эта «меньшая братія?... Еще сдѣлай ему непремѣнно, чтобы крестьяне подписали грамоту, чтобы утверждена была по обоюдному согласію... Проказникъ! . Вотъ тутъ, что хочешь, то и дѣлай, хоть изъ кожи полѣзай... Бѣда!..»

Стоитъ деревенька Останково въ сторонѣ отъ большой дороги, на маленькой рѣчкѣ; покрявились избенки, по не богъ знаетъ ужъ

какъ плохи—хуже бываютъ. Только вотъ улица очень грязна: дожди все были, такъ нагрязнило, намочило—боронить совсѣмъ несподручно, развело землю—кисель кисележь. Глухая деревушка Останково, а словечко «воля» и здѣсь прозвучало,—прозвучало и развело толки, да разговоры на эту тему. Вотъ выдался воскресный денекъ, собрались мужики и толкуютъ о новомъ устройствѣ своей жизни.

— Я и говорю, нельзя ли, молъ, батюшка, лугъ-отъ отвести? безъ луга что мы дѣлать будемъ, лошаденки не прокормишь...

— Не прокормишь, извѣстное дѣло...

— То ужъ не прокормишь, и говорить нечего...

— Нельзя безъ луга, никакъ нельзя...

— Сорокъ лѣтъ мы имъ владѣли...

— Ну, стойте, ребята, не перебивайте, дайте ему досказать....

Говори, Махся, говори, что онъ-отъ...

— Нельзя ли, говорю, отвести? мы-ста благодарить будемъ. — Нельзя, говорить,—по положенью, говорить, вамъ пять десятинъ на душу надо отрѣзать,—я вамъ по семи отвожу, больше не могу. Я опять ему это объясняю, что, молъ, ты возьми отъ деревни-то землю за себя, да лугъ-отъ намъ отдай, а лишка намъ не надо,—мы по положенью хотимъ...

Говоря это, Махся, дородный мужикъ, съ широкой свѣтлорусой бородой, обращался не столько къ толпѣ, сколько къ сѣдому старику, сидѣвшему на взъѣздѣ и угрюмо потупившемуся въземлю.

— Ну?

— Нѣтъ, куда тебѣ...

— Хм... не отдаетъ... значить, намъ полюбовно съ нимъ не поладить... сказалъ старикъ.

— Вѣстимо, не согласятся...

— Надо, значить, черезъ пачальство дѣйствовать... даромъ что онъ енераль, а дѣло такое выходитъ неладное...

— Неладно, совсѣмъ неладно...

— Какіе ужъ тутъ лады,—обидно...

— Ты бы, братикъ, такъ и сказалъ, что съ нашей стороны согласья не будетъ...

— Нешто я не сказалъ? не согласятся, говорю, наши, потому нельзя, несподручно... «Поразмыслите, говорить, чтобы отъ этого вамъ худа не вышло,—бѣды на себя не накличете. Чуръ, говорить, на меня не пѣняйте...»

— Грозилъ, слышь: онъ, вѣдь, енараль, — съ нимъ, братъ, не пути...

— Пожалуй, ребятушки, чтобы не упекъ.

— Упрячьтъ туда, куда Макаръ телать не гонялъ.

— Чего добраго, у него и въ Питерѣ рука. Вотъ, Миколка, лакейченко, сказывалъ: было у него дѣло, крестьяне тоже не покорствовали, до Питера доходило...

— Опасно, ребятушки...

Старикъ все молчалъ, — а тутъ вскинулся:

— Опасно, опасно! передразнилъ онъ, — чорта опасно, — то когда было-то, при царѣ Горохѣ, что-ль? до воли, я чай? Бунтовать мы нешто хотимъ? На то намъ и воля дана: хотимъ, согласимся, а коли обижаютъ насъ — и согласья не даемъ. Не даемъ — и вся не долга. Чего опасаться-то?

— И то, вѣдь, ребятушки, время другое, — воля намъ предоставлена...

— Это знамое дѣло, что воля дана, — обижать насъ не могутъ...

— Что и говорить — несогласны да и шабашъ, потому согласиться нельзя, невыгодно...

— Нельзя, жить совсѣмъ нельзя, — ужъ какое это житье будетъ...

— Такъ, значить, и скажемъ — согласья не будетъ... Пусть намъ земли хорошей нарѣжутъ, какой прежь сего владѣли... И толковать пусто нечего... заключилъ старикъ, и направился къ своей избѣ. Изба у него была большая, красивая; у избы стояла крѣпкая телѣга. Молодая баба доила корову у самаго въѣзда — сытую и гладкую корову; овцы блеяли въ нижнемъ отдѣленіи избы и просовывали головы въ отверстіе воротъ.

Вслѣдъ за старикомъ разошлась и вся толпа...

Послышался колокольчикъ. Мужикъ, котораго называли Махся, остановился и сталъ прислушиваться.

Это катить нашъ мировой посредникъ Дьяконовъ.

Черезъ полчаса вся деревня зашевелилась. Вѣсть, что *мировой посредственникъ* съ уставной грамотой пріѣхалъ, разнеслась изъ дома въ домъ. А бабъ и ребятъ сильно занимало, что у посредственника золотая цѣпь на шеѣ и золотые очки на носу.

Собрали полный сельскій сходъ въ избѣ, которая оказалась благоприличіе и пристойнѣе, чтобы принять господина съ золотой цѣпью на шеѣ.

— Вотъ , ребята, началъ Дьяконовъ, — баринъ вашъ грамоту уставную прислалъ: надо ее вамъ подписать, да утвердить и въ дѣйствіе ввести. Баринъ вамъ добра желаетъ, и противъ положенія по двѣ десятины лишка даетъ, — по положенью тотъ же девяти-рублевый оброкъ назначенъ за пять десятинъ, а онъ вамъ по семи назначилъ. Значить, дѣло такое, что и разсуждать нечего: надо Бога благодарить, да руки прикладывать... Вотъ вамъ статья Положенія, а вотъ и грамота... читайте!..

Приказаніе отнеслось къ писмоводителю съ краснымъ носомъ, который (т. е. писмоводитель, а не носъ) прокашлялся, крикнулъ и прочиталъ — сперва статьи Положенія, относящіяся къ дѣлу, потомъ грамоту.

Мужики упорно молчали. Махся вовсе потупился въ землю, а, знакомый намъ, сѣдой старикъ бороду поглаживалъ.

— Ну, что же, подписывать надо, ребята?.. сказалъ Дьяконовъ.

Крестьяне все-таки упорно молчали, изрѣдка только иной крикнетъ.

Дьяконова коробить началось, онъ нахмурился, притуманился.

— Желаете, что ли, подписывать?

Еще молчаніе — тяжелое, неловкое. Старикъ вскинулъ глазами на мужиковъ и заговорилъ первый:

— Что же молчите, ребята? забыли, что мы толковали промежъ себя?.. Нѣтъ, ужъ, ваше благородіе, подписывать мы не можемъ. Ваша воля, а не можемъ. Противъ Положенія мы ничего не говоримъ, да землю-то не ту намъ баринъ отводить. Мы объ этомъ и самому барину сказывали. Въ Положеніи-то сказано то же, что намъ воля предоставлена: хотимъ, подписываемъ, хотимъ — нѣтъ. А насиловать не велѣно...

— Несподручно больно... невыгодно...

— Подписывать мы не будемъ.

— Намъ такой грамоты не надо...

Словомъ, одинъ рѣшительный голосъ, прервавшій молчаніе, вызвалъ полный, общій, дружный протестъ.

— Что? вы не подписываете?! закричалъ Дьяконовъ: — это все эта сѣдая борода васъ мутитъ?! Хорошо! Какъ тебя?

— Осипъ Ивановъ Корчагинъ...

— Держите двери!.. Постой, голубчакъ, я тебя выучу мужиковъ бунтовать!.. Смотрите же, ребята, будутъ васъ спрашивать о Кор-

чагинъ— всю правду говорите, ничего не утаивайте, чтобы себѣ бѣды не нажить...

Мужики сильно струхнули, готовы были и отступить, — грамоту подписать, да Корчагинъ не трусилъ: «не бойсь, ребятушки, худаго ничего мы не сдѣлали,—ничего намъ и бояться!..»

Въ этой же самой избѣ Дьякомовъ составилъ донесеніе такого содержанія: временно-обязанный крестьянинъ помѣщика Г—ва, деревни Останкова Осипъ Ивановъ Корчагинъ *позволяетъ себѣ толковать въ превратномъ смыслѣ положеніе о крестьянахъ, внушаетъ крестьянамъ, что будетъ другой манифестъ, разстраиваетъ добровольныя соглашенія въ имѣніяхъ Г—ва, Верещагина, Половинкиной, въ коихъ слишкомъ тысяча душъ,—легко можетъ произвести бунтъ.*

Тяжелое впечатлѣніе произвело на деревеньку Останково появленіе земской полиціи, получившей распоряженіе—арестовать крестьянина Корчагина...

Домочадцы старика перепугались и завyli на всѣ голоса: «кормилецъ ты нашъ, на кого ты насъ оставляешь?.. что съ тобой будетъ-то, голубчикъ ты нашъ?..»

Мужики затылки чесали, переминались и бродили, какъ ошпаренные: одинъ видъ земской полиціи внушалъ имъ должныя чувства, а мысль о судѣ просто привидѣніемъ торчала.

Только Корчагинъ былъ бодръ: старику за шестьдесятъ перевалило, жизнь была прожита,—и прожита не легко, не спустя рукава, кровь уходилась и успокоилась давно, разучилась тревожиться, волноваться... «Что вы напугались-то? ну, чего пугаться? ну — разберутъ, посудятъ,—смертоубійства никакого не произошло, поволочать,— и отпустить... Суда не миновать—знакомое дѣло. И раньше того ждатель надо было...»

Началось слѣдствіе. Судебный слѣдователь переспросилъ подъ присягой всю волость, многое множество мужиковъ: всѣ показанія были согласны, отчетливы, но отнюдь не подтверждали донесенія нашего героя.

Корчагинъ положительно не сознавался ни въ какихъ толкованіяхъ на счетъ новой воли, и увѣщаніе священника не подѣйствовало, а только удивило старика. Мужики говорили, что не слышали отъ него ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ посредникъ, а грамоты не подписывали по разнымъ причинамъ: одни находили надѣлъ не под-

ходящимъ, другіе пережидали, когда подпишутъ сосѣди, третьи выразили мысль, что впередъ ожидаютъ царской милости о прибавкѣ земли сверхъ надѣла, опредѣленнаго положеніемъ. Многіе Корчагина и въ глаза не знали, а подстрекательствъ и побужденій къ несогласію съ помѣщиками отъ него никто не слыхалъ.

— Что за чортъ! — толковалъ слѣдователь, обращаясь къ своему письмоводителю: или мужики мошенники преестественные, или Дьяконовъ заврался...

— Плуть—народъ, Александръ Ивановичъ,—это вѣрно-съ... говорилъ письмоводитель.

— Но однако, хоть-бы одинъ проговорился, спутался... Вѣдь вотъ они не скрываютъ же, что ждуть кое-что: какая-то деревня, помните, созналась-же въ ожиданіи увеличенія надѣла. Только вліяніе Корчагина отвергаютъ. Иныя деревни его вовсе и не знаютъ, а посредникъ пишетъ, что въ этихъ деревняхъ Корчагинъ полюбовныя соглашенія разстроилъ. Неужели мужики притворяются?

— Плуть—народъ, бываетъ-съ...

— Бываетъ, да не то...

— Вѣдь г. посредникъ говоритъ-съ, что имъ положительнаго извѣстно...

— Ну, коли ему положительнаго извѣстно, такъ и спросимъ его, — пусть на факты укажетъ, отъ кого слышалъ о толкованіяхъ Корчагина, какъ узналъ о нихъ и въ чемъ именно замѣтилъ опасное вліяніе его на мужиковъ, угрожающее бунтомъ.... Какой тутъ бунтъ: мужики смиреншеньки, какъ бараны... Пусть покажетъ факты, тогда, можетъ быть, и доберемся...

Такъ и поступилъ слѣдователь. Дьяконовъ, получивъ запросъ, обругалъ слѣдователя дуракомъ и свиньей и принялся сочинять отвѣтъ. Послѣ многихъ размышленій нашъ герой сочинилъ бумагу съ такимъ содержаніемъ: кому именно внушалъ Корчагинъ превратныя понятія о Положеніи, я не знаю, но вліяніе, явно нарушающее спокойствіе и поделяющее въ крестьянахъ превратное понятіе о Положеніи со стороны Корчагина, доказывается поведеніемъ Корчагина на сходѣ, гдѣ онъ первый прервалъ молчаніе и сказалъ, что грамота невыгодна; а также это вліяніе доказывается двумя фактами: 1) крестьянинъ деревни Иваново на сельскомъ сходѣ выразился, что не надо подписываться въ крѣпостные (т. е. подъ уставной грамотой) и жить съ помѣщиками въ мирѣ; 2) крестьяне г-жи

Дьяконовой не подписали грамоты, выразивъ боязнъ опять попасть въ крѣпостные, *чтобы не было озадковъ.*

«Чортъ знаетъ, что онъ пишетъ! ворчалъ слѣдователь: то знаетъ положительно и подлинныя слова Корчагина приводить въ бумагѣ, а тутъ говорить, что не знаетъ, кому ихъ и говорилъ-то Корчагинъ. Обвиняетъ Корчагина, и рассказываетъ факты о другихъ мужикахъ: какъ-же это относится къ Корчагину, что крестьяне г-жи Дьяконовой боятся озадковъ. Да и боязнъ эта всеобщая, отъ Корчагина — старика нисколько не зависящая! Ссылается на слова старика на сходѣ: да вѣдь онъ на вопросъ отвѣчалъ, и полное право имѣлъ выражать свое согласіе или несогласіе, имѣлъ право даже убѣждать крестьянъ, еслибы это понадобилось, въ силу своихъ собственныхъ интересовъ, какъ членъ схода!»

Такъ рассуждалъ слѣдователь и спѣшилъ покончить дѣло, изъ котораго ясно, какъ дважды два четыре, можно было видѣть: старикъ Корчагинъ ни въ какихъ провинностяхъ, взведенныхъ на него Дьяконовымъ, ничѣмъ не уличенъ, а на сельскомъ сходѣ говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ было описано нами, то есть совершенно согласно съ правами, дарованными бывшимъ крѣпостнымъ положеніемъ 19 февраля; крестьяне разныхъ деревень, указанныхъ Дьяконовымъ, не подписывали грамотъ большею частью потому, что находили ихъ невыгодными для себя и желали въ нихъ нѣкоторыхъ переиѣнъ относительно надѣла землей; иные же выражали боязнъ, что подписаться подъ грамотой значитъ снова подписаться въ крѣпостные, или надежду, что надѣлъ, назначенный положеніемъ, будетъ со временемъ увеличенъ. Они вовсе не скрывали ни своей боязни, ни своихъ надеждъ, но единогласно отвергли всякое вліяніе со стороны Корчагина, а многіе даже вовсе не знали его; никакихъ признаковъ бунта, предвозвѣщаемаго Дьяконовымъ, не оказалось...

Дѣло поступило въ рябиновскій уѣздный судъ, Корчагинъ пошелъ въ острогъ, а крестьяне деревни Останково совсѣмъ упали духомъ...

Между тѣмъ утвержденіе уставныхъ грамотъ въ участкѣ Дьяконова быстро двинулось впередъ, и ни у кого изъ посредниковъ не было столько грамотъ, подписанныхъ обѣими сторонами, какъ у нашего героя. Алексѣй Ивановичъ, разъѣзжая по деревнямъ, умѣлъ проивести впечатлѣніе рассказомъ о судьбѣ Корчагина.

Молва о мытарствахъ, которымъ подвергся старикъ Корчагинъ,

полетѣла далеко и усиливала впечатлѣніе, которымъ Дьяконовъ умѣлъ воспользоваться.

Заѣхалъ нашъ герой и въ Останково, сельскій сходъ собралъ, снова грамоту предложилъ.

— Слышали вы, братцы, гдѣ вашъ Корчагинъ обрѣтается?

— Какъ не слышать, батюшка...

— Мы уже жалѣли старика...

— А что его жалѣть? чортъ ли его совалъ посреднику перечесть, съ бариномъ въ ссору соваться. По дѣломъ. То ли ему еще будетъ.

— Помилуй Господи...

— А вамъ жалѣть нечего. Худая трава изъ поля вонъ. Смущать васъ не будетъ,—для васъ еще лучше. Вотъ я опять вамъ грамоту привезъ. Подписывайте-ка, да въ дѣйствіе ее пустимъ. Ну, благослови Господи!—Помялись, помялись мужики, да и подписали грамоту. Подписали, такъ ровню гора съ плечъ упала: до того времени и подписывать-то не хотѣлось, и страшно-то становилось,—все дѣдушка Корчагинъ мерещился, острогъ, слѣдователь, судъ.

— Будемъ жить какъ нибудь, съ голодухи не померемъ... трактовалъ знакомый намъ Макся.

— Знамо, не померемъ. Оно обидно,—ой, какъ обидно,—да ничего не подѣлаешь.

● — Плетью обуха не перешибешь.

— Знать, ужъ такова наша планида. Другимъ, такъ не то выпадаетъ, братцы: съ дуру счастье валитъ. Вонъ на Дудвино баринъ самъ наѣхалъ,—такой, сказываютъ, ручной—просто голыми руками бери. Чего хочешь — того просишь. И живетъ-то у Семена Прохорова въ избѣ съ мужиками за панибрата, никакой гордости, братцы не имѣть, такой простой да ласковой, что днемъ съ огнемъ поискать. Земли даетъ, сколько хошь, гдѣ хошь, obroki что ни на есть самые подходящіе назначилъ,—всякія вольготности для крестьянъ дѣлаетъ. Вотъ ужъ, коли не врутъ, добрѣющая душа...

— Поди-ка—ты! эка диковина, ребята.

— И впрямь диковина.

Съ этого времени разговоръ обитателей Останкова становится для насъ особенно интересенъ: намъ сдается, что диковинный баринъ — изъ одержимыхъ бѣсомъ. Онъ до чрезвычайности занимаетъ насъ, влечетъ къ себѣ неудержимою силою. Послушаемъ, что еще скажутъ мужики.

— Изъ молодыхъ?

— Какое тебѣ! Борода, слышь, густая и съ просѣдью. И чудной такой: красную рубашку вдѣнетъ, плисовые штаны и поддевка кучерская, ровно и не баринъ. И говорить таково чудно: по мужицкому што-ли наровить толковать, — только не такъ, какъ бабе-то говорятъ...

— Прокурать.

— Ужь такой прокурать, коли не врутъ, что на—поди!..

Изъ одержимыхъ, изъ одержимыхъ, нѣтъ сомнѣнiя! Скорѣй къ нему, въ Дудкино, скорѣй!.. А Останково? неужели его такъ-таки и бросимъ?—Вотъ его обитатели другой разговоръ завели: скоро-ли Корчагина отпустить? спрашиваютъ они другъ друга и тяжело вздыхаютъ,—что-то съ нимъ, горемышнымъ, сдѣлаютъ? Хошь-бы домой-то скорѣе, отпустили!»

Дудкино мало отличается отъ Останкова: рѣчка, лѣсокъ, кривобокiя избенки...

Въ одной избенкѣ, въ лѣтней половинѣ ея, или *горницѣ*, какъ называютъ мужики, на лавкѣ, за простымъ бѣлымъ столомъ, подоживъ подъ себя подушки, сидитъ почтенный господинъ въ славянофильскомъ костюмѣ. Онъ уже далеко не первой молодости; на затылкѣ свѣтится лысинка; большая, широкая русая борода придаетъ ему много красоты; руки его бѣлы и нѣжны; костюмъ щеголеватъ и сшитъ очень ловко, точно для маскарада. Предъ нимъ большой почтовой листъ, на которомъ начато письмо въ Москву—корреспонденция для одной московской газеты.

Въ окошко дуетъ осеннiй вѣтеръ. На улицѣ раздаются бляенiе овецъ и крики ребятишекъ, которые дразнятъ другъ друга: «Сизая ворона!»—«богомаз!»—«Баба!»—«Сидитъ баба на кочкѣ, оскалила зубочки!»

Славянофилъ прислушался и продолжалъ писать: «около меня крики ребятишекъ этого грядущаго поколѣнiя, которое должно возрасти на волѣ, свободнымъ отъ всякаго гнета, и показать во всемъ величiи, со всею грандиозностью, мощь и силу русской природы. Сколько мѣткости, въ тѣхъ прозвищахъ, которыми угощаютъ мальчики другъ друга, сколько поэзiи въ этомъ лепетѣ, возрастающаго поколѣнiя, — и непремѣнная въ бытѣ русскаго люда «пѣсенность», если такъ можно выразиться, неудержимымъ потокомъ прорывается даже тутъ, среди уличнаго ребячьяго крика: одинъ мальчикъ называетъ

другого «бабой» и распѣваетъ: «сидитъ баба на коткѣ, оскалила зубочки»... Я много говорилъ съ этими ребятишками, но—увы! они не вѣрили моей красной рубашкѣ, моей поддевкѣ, моей бородѣ, они знали, что передъ ними «баринъ» — и разговаривали недоувѣрчиво, робко, не высказывались, не хотѣли передать мнѣ ни своихъ сказокъ, ни своихъ загадокъ и прибаутокъ. Подслушалъ я, что они прозвали меня «жидноногимъ», и хозяинъ мой, угрюмый, солидный мужикъ, съ которымъ я впрочемъ сблизился, далъ своему сынишкѣ тренку за такое прозвище... Да, между нами и народомъ, нашимъ добрымъ, умнымъ народомъ, лежитъ пропасть, черезъ которую еще не перекинуть мостъ. И когда онъ будетъ перекинутъ?.. Много ли насъ трудящихся надъ постройкой этого моста? Горсть, небольшая горсть, тогда какъ тутъ нужны напряженные усилія тысячи, двухъ тысячъ, больше—десяти тысячъ людей. Я познакомлю васъ съ семействомъ, въ которомъ я поселился и съ котораго началъ мое сближеніе съ народомъ. Сближеніе съ народомъ! великое слово! честь тому, кто первый вымолвилъ это слово!.. Но я удаляюсь отъ предмета моей рѣчи. Въ этомъ семействѣ два хозяина: Семень Прохоровъ—старшой, мужикъ угрюмый, неговорливый, съ острой головой и густыми бровями,—онъ, но видимо, неповоротливъ и лѣнивъ, но работаетъ, какъ волъ: я видѣлъ его за работой—и удивился; мы съ нимъ долго были на церемоніяхъ, его угрюмая натура не поддавалась долго, и много усилій надо было употребить, чтобы вызвать его къ сближенію; мнѣ кажется, что онъ сталъ разговорчивѣе со мной только съ того времени, какъ узналъ, что я по грамотѣ отдаю имъ всю землю, которую они владѣли, хотя земля у нихъ слишкомъ много. Жена его — небольшая, умная, юла-баба, съ сильнымъ вплиніемъ въ семьѣ,—ее зовутъ Агафья, — она все видитъ, все прикидываетъ и все на усъ мотаетъ. Второй хозяинъ—меньшакъ Федоръ, здоровякъ съ пудовыми кулаками, съ мудряни, большой балагуръ, хотя, кажется, простоватъ; — ему лѣтъ 20 съ немногими, а онъ ужъ года три женатъ и скроменъ, наивенъ, какъ дѣвушка. Жена его прелестная бабенка, Дуня, съ такими нѣжными, тонкими чертами лица, что хоть бы барыни природной, — здоровая, веселая, и съ мужемъ, какъ голубка съ голубемъ. Надо вамъ сказать, что Дудвино—глухой край, и обитатели его совершенные невѣжды относительно всего остальнаго бѣлаго свѣта, кромѣ околodka, особенно молодые бабы, которыя не бывають нигдѣ дальше церкви. Здѣсь да-

же вино мало въ ходу; у моихъ хозяевъ оно бываетъ только два раза въ годъ—въ какіе-то праздники, Федоръ его и въ ротъ небиралъ. У Семена сынишка—мальчуганъ бойкій, долгоносый и великій охотникъ до сахара: чаекъ здѣсь попиваютъ по праздникамъ. Съ Федоромъ я хожу на охоту, слушаю его балагурство и вообще сблизился окончательно»...

— «На сей разъ будетъ!» — воскликнулъ славянофилъ, бросая перо и тяжело вздыхая: «даже усталъ, разомъ отмахалъ круглый почтовый листъ! Пошибъ (на языкъ бусурманской Европы эскизъ) выйдетъ недурень.... Надо вотъ названіе придумать».... Онъ пробѣжалъ на-скоро все написанное, и вдругъ, осябренный блестящей мыслью, сдѣлалъ заголовокъ: «*Опытъ сближенія съ народомъ* (Письмо къ И. С. А).» Потомъ ему сильно захотѣлось видѣть свою подпись подъ эскизомъ, но эскизъ былъ не конченъ и фамилію подписывать не приходилось, а потому нашъ славянофилъ сталъ разводить на особомъ листѣ на всѣ манеры: Хмѣлевъ, Хмѣлевъ, и разъп ятьдесять—Хмѣлевъ. Начало эскиза, написанное г. Хмѣлевымъ и читателю извѣстное, содержало въ себѣ факты не лживые: дѣйствительно, онъ поселился въ мирной, довольной, зажиточной крестьянской семьѣ, въ которой царствовала тишь да гладь, мужики не пьянствовали и не били бабъ, въ печи часто щи съ говядиной варились, по праздникамъ кипѣлъ пузатый самоваръ; дѣйствительно, хозяинъ его, угрюмый Семень, оттасталъ свего сынишка за прозвище «жидконогий», данное барину ребятишками; дѣйствительно, самъ Хмѣлевъ сильно хлопоталъ о сближеніи съ народомъ и даже старался говорить народнымъ языкомъ. Сближеніе это состояло въ томъ, что Хмѣлевъ заводилъ солидный разговоръ съ Семеномъ, заходя къ нему въ избу, или выслушивалъ бывальщины Федора, бродя съ ружьемъ, или шутилъ съ бабами.

— Какъ новѣ сборъ будетъ, все ведро да ведро стоять, — хоша бы маненько дождичкомъ землицу смочило... говорилъ онъ, обращаясь къ Семену.

— Не мѣшало бы дождичка-то .. отвѣчалъ этотъ.

— Вотъ, бабоньки, богу молитесь, чтобы дождичка послалъ...

— Что мы за богомолки, — отвѣчала старшая хозяйка, — молитесь, такъ молитесь всѣмъ...

— Мужикамъ-то некогда, вамъ слободнѣе.

— Да, какъ не свободнѣе, — вотъ жала день-то денской, всѣ рученьки измозолила... заговорила и молодуха.

— Эка нѣженка, — ничего, пройдетъ...

— Она у меня вѣдь барыня, батюшка, — вмѣшался Федоръ, ласково глядя на жену: ручки-то бережеть, — надо вотъ ей перчаточки завести, какъ ты-то носишь, такія.

— Смѣйся, зубоскаль этакой, я вотъ тебя!... Молодка хлопнула мужа по спинѣ и засмѣялась; тотъ схватилъ ее за руки.

— Ну, перестаньте вы, неугомонные! — заговорилъ Семень.

— Дай имъ потѣшиться-то, не мѣшай.

— Что за баловство, — страмота эдакая, — лягутъ спать, такъ натѣшатся. Безстыдники эдакіе!... сердился Семень.

— Экой ты какой монахъ! — подшучивалъ Хмѣлевъ.

— И впрямь — монахъ, — самъ-отъ вѣкъ изжилъ, все въ землю смотрѣлъ и другимъ побаловаться не дастъ, — прямой монахъ, — не будетъ тебѣ и имени другаго, какъ монахъ! — шутила жена.

Бабы додразнили таки мужика до того, что онъ, разсвирѣпѣвъ со-всѣмъ, одной зуботычину далъ, другую за двери вышвырнулъ: дивились, что случилось съ мужикомъ, никогда онъ такъ жены не избивалъ, никогда такъ не ругался, какъ въ этотъ разъ.

Съ этого дня въ избѣ каждый день ругань продолжалась; всему причиною былъ «монахъ». Характеръ Семена вовсе перемѣнился: онъ сталъ раздражителенъ, придирчивъ, золъ и еще ужаснѣе смотрѣлъ изъ подлобья; Агафья, баба упрямая — уступить не хотѣла, чуть случай представился, и пошелъ «монахъ» на сцену, и расходился Семень.

— Что, Федоръ, на охотку не сходишь ли? говорить Хмѣлевъ.

— Для чего не сходить... отвѣчаетъ Федоръ.

— Выпьемъ водочки, перекусимъ, да и поидемъ.

— Выпей, батюшка.

— А ты?

— Мы не привышны къ этому, хмѣльнымъ не зашибаемся.

— Напрасно; много не надо, а рюмочку можно и должно, — вино веселитъ сердце человѣка, и въ писаніи такъ сказано. На-ка, хлебни!

— Ни-ни. Почто начинать...

— Полно, баба ты, что ли, — пей на добро... настаивалъ Хмѣлевъ.

— Пѣтъ, не хочу.

— Ну, для меня вышей. Рабочему человѣку нельзя безъ вина, только мѣру надо знать. Пей, да бывальщину распусти, а я сбираться стану. Пей же!

— Что въ самомъ дѣлѣ за диковинка, испробуемъ...

— Ты разомъ, однимъ глоткомъ...

Федоръ хлебнулъ и поморщился:

— Ухъ, какъ обожгло, знатно!..

— Еще хвати: первая-то рюмка коломъ, а вторая самоломъ.

— Не много ли будетъ для первини-то?.. сказала Федоръ, но выпилъ еще. Онъ весь покраснѣлся, глаза зашкряпаясь. Двѣ чарки видимо зашумѣли въ головѣ: онъ дѣлалъ уморительныя гримасы, обходясь съ Хмѣлевымъ за панабрата и смѣшилъ барина до слезъ... Бывальщины его на этотъ разъ были особенно забавны, хотя языкъ разскащика заплетался.

Хмѣлевъ хохоталъ до-сыта.

Двѣ недѣли прожилъ онъ въ Дудкинѣ, стараясь сблизиться съ народомъ—и до сихъ поръ скучалъ мало, хотя со дня на день ему видимо надоѣдали разговоры съ Семеномъ, и бывальщины Федора. Съ этого времени интересъ сближенія поддерживался удовольствіемъ подпомтъ Федора, которому видимо несправилось зелено-вино и позабавиться его пьяными балаясами. Хмѣлевъ не замѣчалъ раздора, поселившагося въ семьѣ, а между тѣмъ раздоръ возросталъ и отношенія между членами семьи значительно измѣнились.

Надоѣли и новые интересы, а очеркъ былъ не конченъ и срокъ, заданный для сближенія съ народомъ, не миновался. Разъ, около помудня, когда вся семья была на работѣ, кромѣ обряжухи—Дуня, Хмѣлеву стало нестерпимо скучно, хотя онъ и не хотѣлъ въ этомъ сознаться самъ себѣ. Принялся было онъ за продолженіе очерка: «складъ русской семьи, его обычай...» пѣтъ, ничего не лѣзетъ изъ головы, чортъ его знаетъ, какой онъ тамъ этотъ складъ... Вотъ Дуня самоваръ принесла и поставила на столъ: отъ скуки нашъ славянофилъ запоемъ дулъ чай.

— Дуня, види-ка сюда, попей чайку со мной, что-то скучно...

— Чего вамъ скучать-то, вы баре...

— Эка ты, Дуня, скучно, вотъ одинъ одиношенекъ вѣтъ изживаю, какъ былиночка въ чистомъ полѣ, шатаюсь...

— Для чего хозяйку не возьмете?

— Все не нравятся мнѣ барышни-то наши. Кабы вотъ такая полюбила, какъ ты, ну ничего бы.

— Гдѣ ужъ намъ, бабамъ деревенскимъ, съ барышнями равняться. У насъ и лице-то все отъ солнышка сгорѣло.

— Садись-ка сюда, дай хоть рядкомъ съ тобой посидѣть, — вѣдь ты раскрасавица...

Хмѣлевъ усадилъ ее подлѣ себя.

— Эка славная баба! Не Федора бы тебѣ любить... Можно тебя поцѣловать?

— Полноте, баринъ, что за поцѣлуй, непривычны мы къ этому. Наши дѣвки съ парнями все щипкомъ, да рывкомъ.

— Ну, такъ и я тебя щипкомъ, говорилъ Хмѣлевъ, трепля ее во щекъ и цѣлуя.

Дунѣ все казалось, что баринъ шутить, но тутъ она вспыхнула и убѣжала.

Хмѣлева не шута разобрало. Явился новый интересъ въ сближеніи съ народомъ. Охота кончилась, а порціи вина, отпускаемыя Федору, увеличились, да этоть и самъ завелъ штофникъ. Семень скоро замѣтилъ, что мельшакъ сталъ винцомъ зашибаться.

— Смотри ты, Федюха, брось, а не то я тебѣ ребра переломаю...

— Поди ты къ лекарю, монахъ!

— Норугайся еще. берегись, пока зубы цѣлы.

— Самъ берегись.

— Ахъ, ты пьяница, подлая твоя рожа!

— Ну, проваливай, проваливай, я заразъ барину пожалуюсь.

Семень призатихъ: барина сердить не хотѣлось, — добръ больно и землю всю по грамотѣ отдастъ — не то, что въ Останковѣ. Дѣлать нечего, приходилось отваливать, да срывать злость на женѣ, или на сынишкѣ. Жена не уступала — и за себя, и за сына умѣла постоять. И затѣвалась кутерьма.

Хмѣлевъ только и дожидался, когда всѣ на работу уйдутъ, останется одна обряхуха. Задумчива и грустна стала Дуна: барскія ласки, барскія сладкія рѣчи, барскіе вѣжные поцѣлуи такъ и мерещились ей, — совѣтъ не то, что грубая и жесткая ласка мужика... Съ нетерпѣніемъ дожидалась и она, когда останется въ избѣ вдвоємъ съ баринкомъ...

Такъ тянулось дѣло съ недѣлю, пока Хмѣлевъ опять не соскучился. Больше интересовъ не предвидѣлось; итакъ, надѣливъ крестья-

янь двойнымъ количествомъ земли, славянофилъ велѣлъ заложить лошадей въ тарантасъ и сталъ собираться. Вся деревня провожала его. Когда тарантасъ исчезъ между кустами, которые тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги, крестьяне разошлись по домамъ: добрый былъ баринъ, ласковый, а все безъ него какъ-то лучше, легче живется, все бѣльмомъ на глазахъ торчалъ. Только Дуня долго сидѣла на взвѣздѣ и тихонько вытирала передникомъ свои красивые глаза.

Все по старому осталось въ Дудкинѣ: тѣ же покрякившіеся избы, та же рѣчка съ каменистымъ дномъ, та же земля у мужиковъ, только въ избѣ Семена Прохорова все вверхъ дномъ перевернулось. Угрюмѣе смотритъ изъ подлобья Семень и люто поглядываетъ на жену, которая все подсмѣивается надъ нимъ, и начинается у мужа съ женой перебранка, переходитъ она и въ потасовку, а подвернись Семену подъ руку сынишка, и ему вихры натеребить. Съ утра хлебнулъ Ѳеодоръ и ходить на-веселѣ, распѣвая: «Хороша наша кампанья, кто не хвалить, тотъ каналья»; къ вечеру онъ ужъ вовсе лыка не вяжетъ—и ничего не распѣваетъ: слава Богу, что во хмѣлю смиренъ, жены не обижаетъ. А Дуня ходитъ, какъ въ воду опущенная, словно сглазилъ ее кто нибудь: все-то ей противно въ избѣ, мерещатся пѣжныя барскія ласки, сладкія барскія рѣчи, крѣпкіе барскіе поцѣлуи...

Но не пора ли и намъ въ городъ, мы что-то слишкомъ зажились въ деревнѣ...

VI.

звѣй горынычъ и его единоборство съ нашимъ бѣсомъ.

— Не торопитесь, господа, все будетъ. Мы вѣдь единовѣрцы: я самъ либераль, самъ за свободу и права человѣчества стою. Я съ Громекой былъ коротко знакомъ. Но къ чему горячиться?! Я и Громека говорилъ, прямо въ глаза, когда онъ эту исторію съ Ржевусскимъ поднялъ: «вы неправы, мой милый, неправы и неправы! Говорю вамъ: «вы горячитесь...»

— Помните, Евгений Николаичъ, какъ же онъ неправъ былъ: Ржевусскій возставалъ противъ гласности, противъ обличенія...

— Позвольте, Иванъ Владимірычъ, вы знали Ржевусскаго?..

— Нѣтъ...

— А я зналъ.

Такой постоянный разговоръ происходилъ между двумя, вновь пріѣхавшими, лицами: юнымъ бюрократомъ Веселкинымъ, чиповникомъ и любимцемъ губернатора, и новымъ полковникомъ, замѣнившимъ знакомаго намъ Дурмана. Полковникъ на первый взглядъ поражалъ необычайной толщиной, которая показалась странной даже у насъ, при обиліи толстыхъ людей. Выраженіе лица имѣлъ онъ добродушное, нѣсколько пылкое, если такъ можно выразиться, потому что большіе «воспаленные» очи его, казалась, хотѣли выскочить изъ впадинъ; голосъ — глухой, но выразительный и громкій; манеру имѣлъ онъ важную, исполненную достоинства; говорилъ красно и вкрадчиво. Вообще казался человѣкомъ съ достоинствомъ, но добродушнымъ, простымъ и милымъ малымъ. Безцвѣтная, маленькая и глупенькая фигурка Дурмана быстро исчезла изъ памяти обывателей, замѣнившись такимъ тучнымъ и презентабельнымъ субъектомъ. Но М-ше Мейеръ получила о новомъ полковникѣ такую вѣсть изъ Петербурга — отъ лица весьма довѣреннаго и весьма значительнаго: «онъ дескать человѣкъ очень *тонкій*, не смотря на свою *толщину*». Наша савошница, памятуя каламбуръ значительнаго лица, при взглядѣ на новаго полковника, тотчасъ-же дала ему кличку по шерсти: Змѣй Горынычъ. Мы считаемъ удобнымъ сохранить эту кличку за новопріѣзжимъ полковникомъ.

Извѣстно, что страшные тропическіе змѣи обладаютъ особеннымъ свойствомъ — своимъ взоромъ привлекать животныхъ, долженствующихъ сдѣлаться ихъ жертвою. Этимъ свойствомъ обладалъ нашъ Змѣй Горынычъ. Популярность его быстро возростала во всѣхъ кружкахъ; онъ завладѣлъ общимъ довѣріемъ на столько, на сколько это нужно было, чтобы познакомиться основательно съ положеніемъ дѣлъ. Незамѣтнымъ образомъ онъ явился въ роли посредника между партіями, враждующими между собой. Всѣ настоящіе и будущіе, старые и молодые генералы пріѣзжали къ Змѣю Горынычу поровнь за совѣтами и наставленіями, и каждый возвращался домой совершенно довольнымъ.

Если правду говорить, то въ Змѣй Горынычѣ было то великое

преимущество передъ всѣми этими лицами, что онъ былъ въѣхъ ихъ умнѣе.

Лучшимъ другомъ и помощникомъ Змѣя Горыныча сдѣлался генералъ Г—въ: они сошлись и сблизились, они повали и оцѣнили другъ друга. Змѣй Горынычъ духомъ выгналъ изъ генерала, такъ сказать выкурнулъ,—бѣса, сильно приволакивавшагося за Г—вымъ и уже напустившаго на этого достойнаго мужа своего бѣсовскаго тумана. Случайно, занявъ мѣсто весьма видное и почтенное по выборамъ дворянскимъ, Г—въ начиналъ было трупить надъ своими предшественниками, которые, какъ онъ справедливо замѣчалъ, только небо коптели и въ этой должности цѣнили и соблюдали только титулъ: «ваше превосходительство»; онъ начиналъ трупить и надъ разными заведенными изъ поконъ вѣва порядками; вообще обнаруживалъ стремленіе къ отрицанію; онъ покровительственно отзывался о молодежи, о грядущемъ поколѣніи и все намѣревался собрать около себя кружокъ развитой молодежи. Словомъ, бѣсовскія наводненія носились надъ его головой и осѣняли уже его мозги. Вліяніе Змѣя Горыныча вдругъ открыло очи заблуждавшемуся мужу, стоявшему на краю пропасти. Отчасти открытію очей его способствовало враждебное чувство къ Мейерамъ. А какъ такое же чувство скоро возникло къ этимъ прогрессистамъ и въ Змѣѣ Горынычѣ, то сближеніе между полковникомъ и генераломъ произошло очень скоро. Въ Г—вѣ враждебное чувство возникло сперва просто изъ зависти и тщеславія, что вотъ дескать, куда бы онъ ни сунулся въ губернскомъ мірѣ, всюду ему Мейеръ поперекъ дороги стоитъ, всюду онъ предупрежденъ, перегнанъ и остается на второмъ планѣ. Вздумалъ онъ съ молодежью сблизиться—куда ему за Мейеромъ гнаться; вздумалъ либеральничать,—слабо и блѣдно выходитъ въ сравненіи съ Мейеромъ; вздумалъ проектами и преобразованіями заняться, и тутъ столкнулся съ Мейеромъ, который, какъ извѣстно читателю, любилъ то и другое до страсти; на счетъ благотворительности хотѣлъ прогуляться, но въ домѣ Мейера уже состоялась благотворительная община и выросла, какъ грибокъ, передъ носомъ Г—ва. Вездѣ отставалъ генералъ и все пуще злобствовалъ противъ Мейеровъ. Змѣй же Горынычъ преимущественно озлобился противъ М-ше Мейеръ: онъ терпѣть не могъ всякаго умнаго человѣка, который своимъ умомъ ослаблялъ его собственную силу, его значеніе.

Такъ-то и скрѣпился ихъ союзъ.

— Помилуйте, Николай Степанычъ, трактовалъ Змѣй Горынычъ, шестивъ генерала Г—ва утромъ: нашли кому сочувствовать, мальчишкамъ, выскочкамъ!

— Но... занкнулся было Г—въ.

— Да нѣтъ, лучше не говорите, Николай Степанычъ,—это гнѣздо надо искоренить, всё эти коммуны, эти ассоціаціи надо расшевелить. Я за порядокъ голову готовъ положить, и сдѣлаю свое дѣло, сдѣлаю тани, — выкурю эту бѣсовщину проклятую...

— Я думаю...

— Вы не знаете, Николай Степанычъ, что я знаю... Но вы тоже, вѣроятно, слышали, что у М-ше Мейеръ творится? въ домѣ вице-губернатора-то?!

Г—ва всего даже передернуло при воспоминаніи о Мейерѣ.

— Да, проворчалъ онъ, — этотъ Мейеръ — просто выскочка, а жена его — совершенный дьяволъ...

— Именно дьяволъ. Кто у ней первый гость — Бѣгуновъ, мальчишка, говорунъ, у котораго голова, чертъ знаетъ, какими ужасами набита: у ней онъ завтракаетъ, у ней онъ обѣдаетъ, у ней вечера просиживаетъ, книжки ей таскаетъ, дочку учить, она ему уроки у знакомыхъ доставляетъ, безъ нея онъ на антоніевской нищѣ сидѣлъ бы, почувствовалъ бы, каково одному на чужбинѣ, безъ родныхъ и друзей, маяться. Она его приголубила,—ну, мальчишка и держится, поди, всякихъ глупыхъ фанаберій.

— Онъ, кажется, такой скромный молодой человекъ...

— Николай Степанычъ! въ тихомъ-то омутѣ черти водятся. Я его хорошо знаю. Я съ нимъ нарочно сблизился, — онъ-съ позволяетъ себѣ говорить обо всемъ, не разбирая ни лицъ, ни чиновъ, ни заслугъ, — обо всемъ, и обо всѣхъ разсуждаетъ, да еще какъ! мальчишка лѣтъ двадцати трехъ — и никакой скромности, ни малѣйшаго почтенія къ старшимъ. Это вѣдь не порядокъ. Эткими-то занозами порядокъ и нарушается.. Я все досконально провѣдалъ — что онъ, и какъ онъ, и гдѣ онъ бываетъ, и кто у него бываетъ...

— Можетъ быть, такъ, для препровожденія времени...

— Какое тутъ препровожденіе времени, — въ карты-бы сѣли играть — что-ли, или другое что нибудь придумали, — а то просто толкуютъ... нѣтъ! тутъ дѣло нечисто! штуки!.. А то, что еще:

семинаристы да гимназисты къ нему за книгами гоияются. Кутейники-то! тоже чтеніемъ занимаются! Я и тамъ понавѣдался: кружки тоже, чтеніе, толки, проекты какіе то... Вотъ куда ведутъ, вотъ куда направлены всѣ эти благотворенія, затѣянные М-ше Мейеръ...

Г—ва опять передернуло.

— Всю эту дурь, продолжалъ Змѣй Горынычъ, изъ молокососовъ палками-бы кадо выколотить, а тутъ, по милости этого дьявола, прости Господи,—вошло въ моду какое-то глупое сочувствіе.

— Я согласенъ съ вами. Мнѣ съ перваго раза не понравились эти толки: молодежь, да молодежь, учащаяся молодежь, благотворенія разныя, лекціи, книги, — все это не по старому, не по нашему,

— Не въ порядкѣ вещей-сь. У насъ все порядкомъ держится, и мы должны пуше всего за порядокъ держаться.

— Да, да,—это вѣрно.

— Вѣдь, что выдумали: въ молодомъ поколѣніи наши всѣ надежды,—оно намъ свѣту дастъ, — труженики науки, люди со свѣжими силами, — надо вытянуть эту молодежь въ наше общество, сблизиться съ ней... На кой чортъ все это? Мы-то что-же? Служили, служили, а теперь будемъ у молокососовъ вчякихъ заискивать: просвѣтите, дескать, насъ! — на изнанку свѣтъ хотимъ выворотить.... тьфу!..

— Чепуха, отчаянная чепуха!

— А вся-то эта молодежь, какъ я досконально съ ней познакомился,—надо было познакомиться, всѣ уши ей прожужжали,—фантазеры какіе-то целѣные, мечтатели вздорные. Дай имъ волю — они все вверхъ дномъ поставятъ. Естественно, зазнались, — и глупятъ....

— Просто съ ума походили. Колобродинъ Иванъ Николаичъ на старости и тотъ—что ни слово—на молодежь сворачиваетъ. Откуда этотъ дурацкій либерализмъ въ нашъ-то дворянскій кругъ заѣхалъ!

— Вотъ подите-сь.

— Отвратительно, возмутительно!

— Прежде всего надо, я думаю, за Мейеровъ 'приняться: тутъ притонъ всего зла.

— Непремѣнно-сь, Николай Степанычъ.

— Я приготовилъ кое-что...

— Угощеніе для Мейера?—прекрасно... Позвольте полюбопытствовать? Я съ своей стороны пособлю, сколько могу...

— Я хотѣлъ васъ просить объ этомъ.

Г—въ былъ очень доволенъ и спѣшилъ подѣлиться радостью съ Ласточкинымъ, какъ съ лучшимъ другомъ своимъ; Ласточкинъ все зналъ и вѣдалъ до мельчайшихъ подробностей еще ранѣе, но выслушалъ его рассказъ отъ начала до конца, какъ совершенную новость. Таково было положеніе дѣлъ года три спустя послѣ перваго появленія бѣса на нашей почвѣ: Змѣй Горынычъ ему бѣдой грозилъ; бѣсъ видѣлъ это, но не спѣшилъ поджигать хвостъ: а впрочемъ кто разберетъ, къ чему клонилъ этотъ проклятый бѣсъ свою лукавую работу.

Шла тайная, подземная работа, но рѣшительнаго разрыва, явнаго, гласнаго еще не послѣдовало. До Мейера доходили слухи объ этой тайной работѣ, прислана была ему даже копія съ одной бумажки, поступившей на него, но онъ, какъ подобааетъ истому прогрессисту, геройствовалъ, смѣялся, говорилъ драматическіе монологи въ высокоблагородномъ стилѣ и вообще не хотѣлъ поддаваться внушеніямъ здраваго смысла, ибо бѣсовщина пробрала его до мозга костей. Въ гостинной М-ше Мейеръ собирались всѣ наши тузы, не обнаруживая или стараясь не обнаруживать никакого непріязненнаго чувства другъ къ другу: являлся генералъ Ясинскій со своимъ неизмѣннымъ «я полагаю бы,» являлся Змѣй Горынычъ съ воспаленными взорами и торжественной рѣчью, являлся Тугоуховъ съ унтеръ-офицерской опіономіей, являлся Безпардонный, старый селадонъ, являлся маститый свѣтскій человѣкъъ александровскихъ временъ, являлся Г—въ съ разсужденіями, взятыми на прокатъ у Ласточкина, являлся князь Лебединъ — сороколѣтній шалунъ, смирившійся подъ вліяніемъ М-ше Мейеръ, являлся пріѣзжій Доломанъ съ готовой глупостью на устахъ. Правда, что взоры Г—ва, встрѣчаясь со взорами Мейера, выражали съ его стороны непреодолимое желаніе — съѣсть врага живьемъ, но рѣшительнаго разрыва долго не происходило. Онъ явился неожиданно, негаданно, и вотъ какимъ образомъ.

Между Ясинскимъ и Г—вымъ приключилась нѣвая размолвка, одна изъ тѣхъ, которыя совершенно характеризуются поговоркой: «милыя бранятся, только тѣшатся». Мейеръ въ порывѣ, не то рыцарскихъ чувствъ, не то прогрессивныхъ тенденцій, отправился къ Г—ву. Сперва разговоръ шелъ мирно, но Г—ва сильно подмывало затѣять крупный разговоръ.

— Да что вы не въ свое дѣло вмѣшиваетесь? — сказалъ онъ.

— Какъ не въ свое? Развѣ вы не можете понять, что я добиваюсь только того, чтобы вы не называли бѣлаго чернымъ, а чернаго бѣлымъ...

— Кто же это далъ вамъ право учить меня: хочу называю бѣлымъ, хочу называю чернымъ, — никому ответа не дамъ и васъ спрашивать не намерѣнъ...

— Такая невежественная выходка заставляетъ меня, Николай Степанычъ, удалиться...

— Невежественная выходка! Г—въ покраснѣлъ отъ волненія и хватилъ кулакомъ по столу. Я васъ за такую дерзкую выходку...

Но Мейеръ уже былъ въ другой комнатѣ, а на бѣшенный крикъ Г—ва, откуда ни возмись, высочила его жена—полная, смуглая барыня съ усиями:

— Другъ мой, успокойся,—тебѣ вредно...

Разрывъ произошелъ окончательный и немедленно отозвался во всемъ обществѣ.

Къ этому же времени относится полное, откровенное обнаруженіе сего Змѣя во всей его красѣ и силѣ. До сихъ поръ онъ казался на столько ручнымъ, что вызывалъ отъ многихъ довѣріе, котораго онъ такъ добивался. Теперь, избравъ себѣ определенное положеніе въ губернской средѣ и достаточно ознакомившись съ губернской тактикой, не считалъ нужнымъ продолжать быть ручнымъ. Юный бюрократъ и фаворитъ Ясинскаго, Веселкинъ первый завелъ рѣчь о томъ, что при появленіи въ комнатѣ Евгенія Николаевича всего лучше молчать содержаніемъ.

Конечно, со стороны Веселкина это было ничто иное, какъ наводненіе того же бѣса, нашего знакома, и скоро ему пришлось пролинять свои тогдашнія «вольности» (какъ выражаются у насъ).

Всѣ эти «вольности» скоро достигли до ушей Змѣя Горыныча, и Веселкинъ сдѣлался предметомъ ненависти полковника вдвойнѣ: какъ человѣкъ, подрывающій кредитъ его въ обществѣ, и какъ фаворитъ губернатора.

По городу разнеслась ужасная для иныхъ, радостная для другихъ вѣсть: Мейеръ причисленъ къ министерству — «по боку, значить», какъ выражаются наши бюрократы.

Въ колокола не звонили, никакого высокаторжественнаго дня не было и никакихъ визитовъ парадныхъ не полагалось, — а въ городѣ

произошло необычайное движеніе: одни радость развозили не знакомымъ, другіе сътованіемъ хотѣли подѣлиться, третьи считали необходимымъ поговѣщаться, какъ, что и почему, четвертые торопились поразвѣдать кое-что, неизвѣстное имъ, пятые рѣшились по секрету повѣстовать кое-что, частью имъ извѣстное, частью сочиненное на досугѣ. Экипажи разъѣзжали, пѣшеходы сновали, встрѣчались, шептались и расходились. «За что? Можетъ-ли быть? Какъ это случилось?» удивлялись люди добродушные и незнакомые съ политикой, люди простые, темные. — «За присутственныя мѣста, значить!» — говорили люди, боявшіеся даже вспомнить о постройкѣ присутственныхъ мѣсть. «Съ губернаторомъ не сошелся, — ну, и слетѣлъ!» толковали люди съ административной точкой зрѣнія и пропитанные принципомъ субординаціи.

— «Съ дворянствомъ не поладилъ!» — размышляли люди, видящіе всю суть дѣла въ дворянствѣ и дворянскихъ вопросахъ.

— «Хорошій, добрый человѣкъ, — такъ злодѣи и подкопались!» рѣшили лица, облагодѣтельствованные Мейеромъ. — «Это штуки Николая Степаныча, да Зиѣя Горыныча!» — смекнули тѣ, которые были хорошо знакомы съ политикой. — «Долиберальничался!» — молвила молодежь, но она еще не знала, не видѣла, до чего другіе долиберальничаютъ, домелютъ и на кого падетъ всею тяжестью это развлеченіе, это стуканье въ пустыя бочки!

У подъѣзда Мейеровской квартиры стояли ряды экипажей, въ домъ его не исчезали посѣтители. Мейеръ горячился и, отчаянно заигаясь, твердилъ съ выраженіемъ негодованія на лицѣ: «со мной сдѣлали интригу: всю грязь, какую могли выкопать, собрали и вылили мнѣ на голову!»

— Это ужасно! несовременно! — шамкалъ Колобродинъ: мы не допустимъ этого, — нынѣ не тѣ времена, — такія дѣла не могутъ скрываться во врагѣ, — онѣ должны быть обличены, выведены на свѣтъ божій! неужели и тутъ у насъ не хватить *иниціативы* (онъ все еще не могъ справиться съ инициативой)?

— Все общество должно возстать противъ этого... вмѣшался князь Лебединъ.

— На кого молодежь наша останется...

— Да, это былъ ея единственный пріютъ. Только здѣсь она могла дышать свободно, не опасаясь...

— Анна Петровна, вѣрите-ли, какъ я услышала объ этомъ, — я

чуть не выкинула,—такъ это меня поразило, — хорошо, что мужъ вошелъ, а то со мной богъ знаетъ что могло сдѣлаться,—вѣдь я последнее время хожу... говорила М-ше Кингъ, утирая платкомъ свои очи.

— А я совсѣмъ было умерла, послѣшила не отстать отъ пріятельницы М-ше Мосьяина: упала безъ чувствъ—такъ сама и рѣшила, что умерла,—насилу очуствовалась!

— Бѣдные-то, бѣдные, что скажутъ...

— Ревутъ, ревмя—ревутъ! торопливо и вдохновенно зафантазировала М-ше Мосьяина: я сейчасъ на улицѣ видѣла—идетъ цѣлая толпа—и все ревутъ, голосятъ на весь городъ..-

— Что такое?—Какже, говорятъ, наша благодѣтельница-то уйдетъ, на кого она насъ покинетъ?.. Просто ужась, у меня слезы такъ въ три ручья и хлынули!

Длинная фигура и фельдфебельская физиономія Тугоухова выражала необычайный азартъ, и проекты отщепенія—одинъ другаго негѣбе—появлялись изъ устъ сего долговязаго мужа.

— Пошлемъ телеграмму отъ лица всего дворянства, что не можемъ оставаться безъ Ивана Иваныча...

— Да телеграфъ-то не устроенъ, вмѣшался князь Лебедкинъ.

— Ахъ, чортъ возьми—я и забылъ. Ну, депутацію отправимъ, чрезвычайное собраніе устроимъ.

— Да на чрезвычайное-то собраніе надо еще разрѣшеніе просить.

— Нѣтъ, ужъ надо ѣхать, Никита Павлычъ. Этого поправить нельзя. Ѣхать надо. Не клиномъ свѣтъ сошелся,—гдѣнибудь найдемъ благословенный уголокъ безъ Ослицевыхъ и безъ Змѣевъ Горынычей... сказала М-ше Мейеръ.

— Ужасно, ужасно! — Тугоуховъ приходилъ въ отчаяніе и рвалъ на себѣ волосы:—какойнибудь Ослицевъ—да пойдетъ въ ходъ ваше названіе, Анна Петровна—напакостилъ, да еще отъ лица дѣлаго сословія, которое ввѣрило ему... чортъ знаетъ что такое!.. Погоди же онъ: придутъ выборы—мы ему покажемъ. Теперь его партія посократится. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ...

Хотя въ монологѣ Тугоухова проглядывало его грубое, фельдфебельское тщеславіе, но слова его все-таки приходились по сердцу Мейерамъ, и оба они благодарили его взглядами.

Вдругъ длинновязаго мужа сего осѣнила гениальная мысль: «вотъ

случай, мелькнуло въ его головѣ,—усмилить нашу партію,—выдвинуться: брату предводительское мѣсто, мнѣ члена губернскаго присутствія,—я человѣкъ небогатый,—племянникамъ, сыновьямъ—всѣмъ можно будетъ теплыя мѣстечка устроить... Надо хлопотать!..»

— Какъ хотите, Иванъ Ивановичъ, какъ хотите, Анна Петровна, а мы зададимъ вамъ прощальный обѣдъ,—дворянство не потерпитъ, не приметъ на себя того, что сдѣлано какинъ нибудь Ослищевымъ. Чиновники, купцы пристанутъ. Я буду самъ хлопотать и распоряжаться. Устроимъ обѣдъ, какого не бывало въ нашемъ городѣ, въ современномъ духѣ—съ заявленіями: выскажемъ въ рѣчахъ все то добро, которое щедрою рукою заливали вы, Иванъ Ивановичъ, и вы, Анна Петровна. . И въ газетахъ опишемъ...

— Это ужъ ваше дѣло...

— Это до насъ не касается ..

Такъ скромно отвѣчали униженные и оскорбленные прогрессисты, но въ душѣ онѣ давно ожидали этого, въ душѣ только мыслью о такой манифестаціи и утѣшали себя отъ неожиданнаго, негаданнаго удара.

— Непремѣнно устроимъ. Сейчасъ-же ѣду хлопотать...

Онъ отправился хлопотать, и хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, который впрочемъ цѣлкомъ долженъ быть приписанъ вовсе не Тугоухову, а все тому-же нашему знакомцу бѣсу: это была послѣдняя его шутка,—бѣсъ не хотѣлъ даже отступить передъ врагомъ — и такимъ страшнымъ врагомъ, каковъ былъ Змѣй Горынычъ, безъ шулки, не пустивши на послѣдокъ пыли въ глаза.

Какъ ни хлопотали Г—въ и Змѣй Горынычъ — и залы-то дворянскаго собранія не давали, и генерала-то Ясинскаго напугали до разстройства желудка, — ничто не помогло, ничего не удалось имъ подѣлать.

— Чортъ возьми, — скрежеталъ Г—въ, сидя въ кругу пріятелей: овацію! рукоплесканія! триумфъ какой-то! И кому же!..

— Ничего, Николай Степанычъ мы свое взяли, — выкурили эту язву... утѣшалъ его Змѣй Горынычъ.

— Да, какъ же не ничего! что теперь выборы скажутъ! Конечно, я не искалъ этого мѣста,—миѣ что: я у себя въ Тролчинѣ королемъ жилъ, королемъ и буду жить. Но знаете, послѣ всего этого, бывши разъ удостоенъ, и аэронтъ... это, это... самолюбіе накопецъ....

— Признаться, я не предполагалъ, чтобы здѣшнее дворянство. Всѣ точно бѣлены объѣлись...

Видно было, что и Зигѣй Горынычъ смущался криготовляемой въ честь Меллера оваціей.

Обѣдъ состоялся въ клубѣ. Ужь съѣзжались, съѣзжались экипажи, ужь тащились, тащились пѣшеходы. Дѣйствительно, такого объѣда не бывало у насъ—ни раньше, ни послѣ. Обѣдали скромно, благопрістойно и плотно.

Вотъ поднимается длинновязая фигура Тугоухова, вотъ она поднялась—и уже видна всѣмъ присутствующимъ съ одного конца стола до другаго, вотъ открываются его уста, вотъ они открылись, и среди мертвой тишины раздался спичъ, твердо на-твердо вызубренный ораторомъ: Тугоуховъ говорилъ общія мѣста, не ссылаясь на факты, о сочувствіи общества къ виновнику торжества. Дѣло для почтеннаго оратора было новое, и потому онъ, видимо, оробѣлъ, струсилъ, голосъ его дрожалъ, очи блуждали, но все это очень шло къ содержанію спича и не портило дѣла. Въ городѣ рассказывали о тѣхъ неимовѣрныхъ трудахъ, которые *перетерпѣлъ* Тугоуховъ, сочиняя свой спичъ, а въ особенности затверживая его наизусть. Сколько газетъ и книгъ перебралъ онъ, отыскивая описанія торжественныхъ обѣдовъ, чтобы прискаты приличные образцы! Говорили, будто онъ, между прочимъ, попалъ на описаніе обѣда въ «Тысячѣ душъ», да оттуда и попользовался лучшими мѣстами для своего перваго литературнаго произведенія. Говорили, будто онъ перевелъ стопу бумаги и дюжину перьевъ изгрызъ. Говорили, будто онъ наканунѣ обѣда прочиталъ спичъ тысяча триста двадцать три раза, потомъ заставлялъ свою сертру Софію спрашивать его наизусть, какъ урокъ, а ложась спать, положилъ рукопись подъ подушку, памятуя съ дѣтства этотъ приемъ, по увѣренію школьничковъ, весьма способствующій заучиванію уроковъ. Такъ говорили и рѣшили, что «спичъ, его сочиненіе, зубреніе и произнесеніе»—самое великое и длинное дѣяніе изъ всѣхъ дѣяній этого длиннаго и великаго мужа... Однако, какъ подумаешь, сколько сплетенъ-то въ нашемъ городѣ; даже такого человѣка, Тугоухова, и того не пощадили!

Мейеръ, взволнованный до глубины души, произнесъ рѣчь въ благодарственномъ родѣ. Взявъ въ руки бокалъ, онъ обошелъ присутствующихъ и съ каждымъ облобызался, не разбирая ни чиновъ, ни лѣтъ: въ городѣ опять-таки рѣшили, что это было самымъ прогрес-

смыслившимся и трогательнѣйшимъ дѣяніемъ сего прогрессивнаго и трогательнаго терон, такъ что послѣ такого дѣянія прогрессу не гнѣнать и назадъ повернуть.

Обѣдъ, дѣлательно, былъ описанъ со всѣми подробностями и весьма краснорѣчиво только что прѣбывавшимъ юнымъ писателемъ — племянникомъ Тугухова, который выхлѣлъ часа четыре надъ листомъ бумаги, призывая на себя вдохновеніе; но юный литераторъ былъ крайне разобожонъ редакціей Петербургскихъ Вѣдомостей, сильно сократившей его трогательное описаніе и какъ разъ патетическія мѣста, надъ которыми авторъ потѣлъ всего болѣе, — одинъ разъ даже бѣлье перефлилъ.

Ослищеву грозили протестаціями.

Сторонники генерала сѣзнили принять шѣры. Одинъ изъ нихъ, при пособіи Ласточкина, придумалъ весьма оригинальный пассажъ: онъ созвалъ къ себѣ человѣкъ семьдесятъ дворянъ на обѣдъ, а перекъ самымъ обѣдомъ, когда уже распространилось благовоніе вкусныхъ яствъ, вынесъ листъ бумаги и произнесъ такую рѣчь.

«Господа! Трехлѣтняя служба Николай Степаныча показала, какъ вѣрно сдѣланъ былъ нами выборъ. Вамъ извѣстно съ какой неутомимой дѣятельностью, съ какими благородствомъ, съ какими тактомъ несъ онъ свои трудныя обязанности! Заявимъ же ему нашу искреннюю благодарность на семь листъ! Пусть будетъ этотъ листъ вещественнымъ и слабымъ выраженіемъ того невещественнаго чувства признательности, которое согрѣваетъ нашу грудь!» Гости пришли въ немалое смущеніе. «Что жъ это значить?» шептались они. «Такъ вотъ за чѣмъ насъ собрали на эту кормежку!» «Какъ бы улигнуть чортъ возьми!» «Каковы штуки!»

— И на кой это чортъ?!

— Это выходитъ, повальнй обыскъ, одобряется ли поведеніе Николая Степаныча! съострилъ кто-то. Но дѣлать было нечего: составилось письменное одобреніе Г—ва, который могъ этимъ одобреніемъ заткнуть глотку всякому, сомнѣвавшемуся въ чистотѣ и честности его поведенія. На листѣ изображалось заявленіе сочувствія и благодарности генералу отъ лица цѣлаго общества: подпись семидесяти лицъ придава этому смыслъ и силу.

Либералы посмѣялись, посмѣялись надъ «повальнымъ обыскомъ», пошумѣли, пошумѣли, да и призамоляли: значить устали.

Въ заключеніе нашего повѣствованія, опуская изъ виду разныя подробности дальнѣйшей дѣятельности Змѣя изъ борьбы его съ нашимъ знакомцемъ — бѣсомъ, мы должны привести одну, ужь совершенно невѣроятную и потѣшную, легенду. Нѣкоторые весьма значительныя и достовѣрныя лица рассказывали, что, возвращаясь поздно ночью, или вѣрнѣе — рано утромъ изъ клуба, они видѣли необычайную процессію: катилась по нашимъ улицамъ фантастическая колесница; въ эту колесницу былъ впряженъ бѣсъ прогресса, — а на колесницѣ возсѣдалъ, пыхтя и поводя воспаленными очами, самъ Змѣй Горынычъ съ преужаснѣйшимъ кнутомъ, — а бѣсъ улепетывалъ въ припрыжку, поджавъ свой хвостъ, опутивъ рога, и бляялъ онъ простымъ овечьимъ бляеніемъ... Колесница прокатилась отъ центра города къ архангельской заставѣ: здѣсь бѣсъ, собравшись съ силами, оборвалъ постромки и помчался со всѣхъ ногъ къ городу Архангельску, а колесница поворотила обратно. Любопытно бы знать, добѣжалъ ли нашъ бѣсъ до города Архангельска, и если добѣжалъ, то какъ тамъ велъ себя, и чѣмъ кончились его архангельскія похождения?

Такъ прекратилось бѣсовское навожденіе въ нашемъ городѣ:

- И нынѣ все тихо и пусто кругомъ;
- Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ,
- Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ.—
- Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
- Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
- Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ...

И. Федоровичъ.

ДЕНИСЪ ДЮВАЛЬ.

VIII.

Могу васъ завѣрить, что мнѣнія нашего добраго ректора высказались въ слѣдующее же воскресенье въ самой рѣзкой и опредѣленной формѣ. Съ самаго начала американской войны онъ неуспѣшно убѣждалъ своихъ прихожанъ оставаться вѣрными своему государю, и отдавалъ подобающую честь кесаревой власти. «Войну, проповѣдывалъ онъ, не слѣдуетъ исключительно разсматривать, какъ несчастье. Подобно болѣзнямъ, она ниспосылается небомъ для нашего же блага. Она учитъ насъ покорности и терпѣнію среди лишеній, она укрѣпляетъ наше мужество и закаляетъ въ вѣрноподданническихъ чувствахъ; она даетъ намъ случай упражняться въ милосердіи, быть великодушными въ побѣдѣ, терпѣливыми и бодрыми среди пораженія. Храбрые, побѣдоносно сражающіеся за свое отечество, оставляютъ наслѣдіе славы своимъ дѣтямъ. Мы, англичане настоящаго времени, пожинаемъ плоды сраженій при Креси, Аженкурѣ и Блэнгеймѣ. Я охотно уступаю французамъ ихъ битву подъ Фонтене, и шотландцамъ ихъ баннокбернское сраженіе. Подобные подвиги мужества доказываютъ возмужалость націй. Когда намъ удастся усмирить американское возстаніе, — а что удастся, въ этомъ я не сомнѣваюсь, —

тогда, я убѣжденъ, мы увидимъ, что наши непокорные сыны не опозорили своего британскаго происхожденія, были терпѣливы и мужественны, сострадательны и великодушны. Что касается только что объявленной войны съ Франціей, войны, имѣющей громадное значеніе для всей Англійи и для обитателей нашего побережья по преимуществу, то я столь же мало сомнѣваюсь въ правотѣ нашего дѣла, какъ и въ томъ, что королева Елизавета имѣла полное право сопротивляться испанской Армадѣ. Въ настоящій часъ намъ угрожаетъ почти такая же опасность, и я могу въѣдливо, что бы мѣли выказать себя столь же мужественными, твердыми и неутомимыми. Приготовимся исполнить лежащій передъ нами долгъ, и исходъ дѣла предоставимъ Тому, кто одинъ можетъ даровать побѣду.

Прежде чѣмъ сойти съ каедры, нашъ добрый ректоръ объявилъ, что намѣренъ въ слѣдующій же базарный день созвать митингъ въ нашей ратушѣ, митингъ, на которомъ дворяне, фермеры и мореплаватели будутъ обсуждать мѣры, необходимыя для защиты нашего берега. Со дня на день слѣдовало ожидать нападенія французовъ. Весь городъ былъ въ сильномъ волненіи; патрули охотниковъ и милиціи занимали побережье; и подозрныя трубки то и дѣло наводились съ рыбацкихъ судовъ на противоположный берегъ.

Въ ратушѣ собрался многочисленный митингъ, и ораторы на ровни другъ передъ другомъ блеснули своею преданностью королю и отечеству. Тутъ же было приступлено къ поднескѣ, результатъ которой предназначался для приготовленій къ оборонѣ. Рѣшено было между пятью главнѣйшими приморскими городами южнаго берега Англійи выставить на общій счетъ цѣлый полкъ милиціи. Кромѣ того, дворяне и главные negociанты города Уинчельси согласились снарядить отъ себя конный отрядъ волонтеровъ, которые исполняли бы обязанность береговой стражи и поддерживали бы коммуникацію между регулярными войсками, расположенными въ Дуврѣ, Гастингсѣ и Дилѣ. На французскомъ берегу происходили подобныя же воинственныя приготовленія. Между рыбаками обѣихъ націй дѣло пока не доходило до непріязненныхъ дѣйствій, и я, увидѣвъ поводъ думать, что одинъ мой престарѣлый родственникъ

не совсѣмъ порвалъ сношенія съ своими французскими пріятелями.

Какъ бы то ни было, на митингѣ въ ратушѣ дѣдъ мой выступилъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ подписчиковъ и произнесъ длинную рѣчь. Онъ говорилъ отъ своего лица и отъ лица своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ, французскихъ выходцевъ, которые, вотъ уже около столѣтія, пользовались гостепріимствомъ и свободными учрежденіями Великобританіи. Изгнанные изъ родины папистскими преслѣдованіями, они нашли въ Англіи пріютъ. И вотъ, продолжалъ дѣдушка, приспѣло имъ время показать себя вѣрными и благодарными подданными короля Георга. Дѣдушкина рѣчь была принята съ выраженіями живаго одобренія. Старикъ обладалъ здоровыми легкими и большимъ навыкомъ въ ораторскомъ искусствѣ. Онъ умѣлъ, не переводя духъ, растягивать свои періоды до безконечности, и вому, какъ не мнѣ, было знать его неутомимость по этой части, когда мнѣ по цѣлымъ часамъ приходилось выслушивать этотъ завывающій голосъ, давно уже переставшій (да проститъ мнѣ богъ) отзываться въ ожесточенномъ сердцѣ дѣдушкина внука. Когда дѣдушка замолчалъ, настала очередь говорить мистеру Джемсу Уэстону, и онъ съ своей стороны не ударилъ лицомъ въ грязь. (На митингѣ присутствовалъ и *пріятель мой, мистеръ Джо*, и оба брата сидѣли на эстрадѣ, занимаемой судьями и мѣстною аристократіей). Мистеръ Джемсъ началъ съ того, что мистеръ Дюваль говорилъ отъ лица французскихъ протестантовъ, онъ же, мистеръ Уэстонъ, считаетъ своею обязанностью выразить вѣрноподданинческія чувства другой корпораціи, именно англичанъ римско-католическаго исповѣданія. Онъ надѣялся, что въ критическую минуту онъ и его единовѣрцы сьумѣютъ показать себя такими же добрыми гражданами, какъ и протестанты. Какъ слабое доказательство своего патріотизма онъ вызвался подписаться на сумму вдвое большую противъ той, которую пожертвуетъ monsieur Дюваль, хотя, добавилъ онъ, сосѣдъ Дюваль будетъ и побогаче меня. На это дѣдушка закричалъ: о нѣтъ, нѣтъ! — при чемъ все собраніе разразилось хохотомъ.

— Я за своей гинеей не постою, кротко проговорилъ дѣ-

душка, да будетъ же принята и употреблена съ пользою лѣта и этого человѣка.

— Гинея! какъ бы не такъ, проревѣлъ мистеръ Уэстонъ. Я жертвую цѣлую сотню гиней.

— А я другую, добавилъ его братъ. Мы покажемъ, что римско-католическое дворянство Англіи не уступаетъ въ вѣрно-подданническихъ чувствахъ нашимъ протестанскимъ соотечественникамъ.

— Запишите, что мой свекоръ, Петръ Дюваль, жертвуетъ сто гиней, раздался матушкинъ басъ. Запишите на меня двадцать пять гиней и на сына моего, Дениса, другихъ двадцать пять. Мы ѣли англійскую хлѣбъ-соль, и умѣемъ помнить добро, и отъ всего сердца готовы запѣть: Боже храни короля Георга!

Матушкина рѣчь была принята съ восторженными рукоплесканіями. Люди всѣхъ состояній, фермеры, дворяне, лавочники, новалили гурьбою къ подпискѣ. Когда митингъ разошелся, была уже собрана порядочная сумма на вооруженіе и обмундированіе уинчельсійской милиціи. Старый полковникъ Ивэнсъ, дравшійся при Минденѣ и при Фонтене, и молодой мистеръ Барлоу, у котораго оторвало ногу при Брандиуайнѣ, вызвались обучать этотъ отрядъ въ ожиданіи, пока его величество соблаговолитъ назначить для начальствованія надъ нимъ своихъ офицеровъ. Вообще, можно сказать, что всѣ присутствующіе, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ поступкахъ, показали себя достойными сынами отечества.—«Пускай-ка французы сунутся къ намъ на берегъ, было общимъ отзывомъ:—у насъ про нихъ въ Рай, въ Уинчельси и въ Гастингсѣ припасена почетная стража, съ которою мы ихъ и встрѣтимъ.»

Что французы непременно сдѣлаютъ высадку на нашъ берегъ, считалось между нами дѣломъ рѣшеннымъ. Миѣніе это еще болѣе подтвердилось, когда вышла королевская прокламація, говорившая о громаднхъ приготовленияхъ во флотѣ и въ арміи непріятеля. У насъ все еще поддерживались кое-какія сношенія съ Буловью, Кале и Дункирхеномъ; случалось даже, что наши рыбацкія суда доходили до Остенде. Такимъ образомъ до насъ доходили свѣденія обо всемъ, что дѣлалось въ

этихъ портахъ, о томъ, сколько тамъ собрано войска, сколько королевскихъ и частныхъ судовъ стоять на-готовѣ. Я не слишкомъ удивился, встрѣтивъ однажды вечеромъ нашего стариннаго булонскаго сообщника, Бидуа, покудивавшаго трубочку въ кухнѣ моего дѣдушки и потягивавшаго при этомъ водку, за которую, мнѣ доподлинно извѣстно, не былъ заплаченъ динарій, слѣдовавшій Кесарю. Голуби нагорной фермы по прежнему сновали взадъ и впередъ черезъ проливъ. Однажды, зайдя провѣдать фермера Перро, я засталъ monsieur Ламота и еще другаго господина, снаряжавшихъ въ путь одного изъ этихъ голубей, при чемъ товарищъ Ламота угрюмо проговорилъ по-нѣмецки:—За чѣмъ таскается сюда этотъ *Spitzbube?*—*Versteht vielleicht Deutsch*, торопливо пробормоталъ Ламотъ, и, обернувшись ко мнѣ, любезно осклабился и освѣдомился, какъ поживаютъ дѣдушка и матушка.

Этотъ товарищъ monsieur Ламота былъ нѣкто лейтенантъ Моттерло, состоявшій не задолго передъ тѣмъ на нашей службѣ въ Америкѣ въ одномъ изъ гессенскихъ полковъ. Въ настоящее время онъ повадился-таки частенько таскаться въ Уинчельси, гдѣ онъ велерѣчиво разглагольствовалъ о войнѣ и о собственныхъ воинскихъ подвигахъ, какъ на европейскомъ материкѣ, такъ и въ американскихъ нашихъ владѣнiяхъ. Слыхалъ я, что онъ живетъ гдѣ-то по близости отъ Кэнтербери; я, само собою разумѣется, догадывался, что онъ принадлежитъ къ той же компаніи *форельщиковъ*, къ которой принадлежали Ламотъ, братья Уэстоны, мой старшій грѣховодникъ, дѣдъ, и союзникъ его, мистеръ Роджъ изъ Рай. Скоро мнѣ придется рассказать, какъ дорого заплатился monsieur Ламотъ за знакомство съ этимъ нѣмцемъ.

Зная, на какой короткой ногѣ стоитъ баронъ со всѣми джентльменами, участвовавшими въ *форельномъ* промыслѣ, я нисколько не удивился, встрѣтивъ его въ обществѣ капитана нѣмца, хотя одно обстоятельство, случившееся при этомъ и могло бы навести меня на мысль, что господинъ этотъ занимается дѣломъ еще болѣе противузаконнымъ и опаснымъ, чѣмъ контрабанда. Отправившись однажды прогуляться къ нагорной фермѣ... Выболтать, что ли, здѣсь всю правду, сударыня? Ну ужъ такъ и быть, выболтаю; вѣдь отъ этого вреда никому не

будеть, потому что дѣло касается только насъ съ вами. Итакъ, я хотѣлъ вамъ сказать, что часто отправлялся гулять въ этомъ направленіи потому, что одна молодая особа была тоже страстная охотница до голубей и порой заходила на голубятню фермера Перро. Ужь не любилъ ли я эту бѣдную голубку болѣе всѣхъ прочихъ? Не случалось ли мнѣ подчасъ прижимать ее, трепещущую, къ моему сердцу? Ухъ! какъ старая кровь закипѣла при одномъ этомъ воспоминаніи! Я чувствую себя помолодѣвшимъ... сказать ли, милая, на сколько дѣтъ?.. Эти прогулки на голубятню остались самыми свѣтлыми точками въ нашихъ воспоминаніяхъ.

Итакъ, возвращаясь однажды изъ этого дома, оглащавшагося неумолкаемымъ воркованьемъ, я встрѣтился съ однимъ старымъ школьнымъ товарищемъ, но имени Томасомъ Мизомомъ, который чрезвычайно гордился своимъ новымъ мундиромъ рядового въ милиціи нашего города, не свидаль его съ плечъ и всюду расхаживалъ съ своимъ ружьемъ за спиною. Когда я встрѣтился съ Томомъ, онъ только что разрядилъ ружье, попавъ въ какую-то птичку. У ногъ его лежалъ одинъ изъ голубей фермера Перро, и именно изъ голубей гонцовъ. Томъ совсѣмъ растерялся въ виду своего собственного подвига, въ особенности, когда подъ крыломъ убитой птицы нашелъ подвизаннымъ небольшой ключекъ бумаги.

Онъ не могъ разобрать содержаніе этой записки, писанной по-нѣмецки и состоявшей всего изъ трехъ строкъ; но въ этомъ отношеніи я былъ счастливѣе Тома. Сначала я было вообразилъ, что извѣстіе, попавшее въ наши руки, касается контрабанднаго дѣла, къ которому столько лицъ были прикосновенны между нашими знакомыми. Что же касается Мизома, то онъ поспѣшилъ удалиться, вовсе не желая подвергнуться подъ руку фермеру, который конечно не поблагодарилъ бы его за убитаго голубя.

Я положилъ бумажку къ себѣ въ карманъ, ни слова не сказавъ Тому о моихъ догадкахъ; но въ головѣ у меня вертѣлась мысль, которую я рѣшился прежде всего сообщить моему дорогому доктору Бернарду. Я отправился въ ректорскій домъ и тамъ прочиталъ ему извѣстіе, которое несъ бѣдный гондецъ, настигнутый пулею Тома. Содержаніе записки, переведенное

мною доктору, сильно перепоишило и обрадовало жбего доб-
рико друга. Въ особенностях же онъ похвалилъ меня за то,
что не смею чинить при Томъ. — Чуть ли ми не запали на цѣ-
лый заговоръ, Дэвианъ, голубчикъ, сказалъ отъ маѣ; — дѣло, ка-
жется, вѣрное. Имѣю же вечеромъ переговоры о немъ съ
полковникомъ Ивэнсомъ. Мы отправились на квартиру мисте-
ра Ивэнса, То былъ тотъ самый старый воинъ, который бра-
вался еще въодъ начальствомъ герцога Кемберлендскаго. Въ
настоящее время онъ былъ, подобно самому доктору, мировымъ
судьею въ нашемъ граствѣ. Я перевелъ полковнику содержа-
ніе записки, которое было слѣдующее:

(Пусть слѣдуетъ пропускъ у Пэжера.)

Мистеръ Ивэнсъ спрашивалъ съ ласканимъ передъ нимъ о-
сциальнымъ спискомъ войскъ, расположенныхъ въ различныхъ
пунктахъ окоду пятью главными портами; оказалось, что свѣ-
денія, отправляемымъ съ бѣднымъ голубемъ, были вполне вѣр-
ны. Джендлменъ этотъ предложилъ маѣ вопросъ: узнаю ли я
въ запискѣ почеркъ monsieur Ламота? Нѣтъ, врядъ ли то
была его рука. Тутъ я рассказалъ о вѣмецкомъ капитанѣ, ко-
торого видалъ въ обществѣ monsieur Ламота. Оказалось, что
мистеръ Ивэнсъ знаетъ этого Мотгерло, какъ нельзя лучше.
«Если Мотгерло вамъ шансъ въ это дѣло, проговори т мистеръ
Ивэнсъ, — то мы въ скоромъ времени доберемся и до дальнѣй-
шихъ подробностей.» И онъ шепнулъ что-то на ухо доктору
Бернарду. Меня же онъ осматль похвалями за мою осмотри-
тельность, наказавъ маѣ никому не говорить ни слова объ
этомъ дѣтѣ, да интварицу посовѣтовать, чтобы онъ держалъ
языкъ за зубами.

Но Томъ Мизомъ не слишкомъ-то былъ остороженъ; онъ
завработался ю своимъ приключеніи двумя, тремя вумушкамъ,
я родителямъ своимъ, которые были такъ же, какъ и мон, тор-
овцы средней руки. Жили они въ уютномъ домикѣ, при ко-
торомъ находился садъ и удобное помѣщеніе для скота. Въ
одно прекрасное утро они нашли принадлежащую имъ лошадь
мертвою въ стойлѣ; нѣсколько дней спустя у нихъ пала корова.
Странные случаи мицелѣ употребались сплошь и рядомъ во
время моей болезни. Фермеры, торговцы или дворянина,
проживавшіи въ томъ илибудь издалмцѣ марширо, жерѣдо доро-

го платился за возбужденную ими неприязнь. Къ сожалѣнію, я не могу ни отрицать, ни смягнуть этого факта, что мой злополучный старый дѣдъ былъ и оставался участникомъ заговора контрабандистовъ. Правда, тяжелое наказаніе обрушилось на него за его грѣхи, но я не хочу забѣгать впередъ моего разсказа.

Въ гости къ нашимъ уинчельсійскимъ судьямъ пріѣхалъ однажды капитанъ Пирсонъ, командиръ фрегата *Серамисъ*, стоявшаго въ то время воалѣ Дувра. Я помнилъ этого джентльмена, котораго видалъ еще въ Лондонѣ, въ домѣ моего добраго покровителя, сэра Питера Дениса. Мистеръ Пирсонъ съ своей стороны помнилъ маленькаго мальчика, подстрѣившаго разбойника, и съ большимъ вниманіемъ выслушалъ разсказъ о голубѣ гонцѣ и о найденныхъ на немъ извѣстіяхъ. Оказалось, что и онъ, подобно полковнику Ивэнсу, знакомъ съ мистеромъ Моттерло. — «Поступовъ вашъ, молодой человекъ, очень похвальный, проговорилъ капитанъ, — но всѣ извѣстія, приносимыя этими птицами, идутъ черезъ наши же руки.»

Между тѣмъ, сильное волненіе господствовало по всему протяженію нашего берега и съ часу на часъ ожидали высадки французовъ. Говорили, что французскій флотъ многочисленнѣе нашего флота, стоящаго въ проливѣ; что касается французской арміи, то мы положительно знали, что она превосходитъ нашу. Живо помнится мнѣ страхъ и безпокойство, господствовавшіе тогда между нами, паническій ужасъ однихъ, хвастливыя выходки другихъ; въ особенности же памятно мнѣ одно воскресенье, когда церковь наша внезапно опустѣла вслѣдствіе слуха, распространившагося по скальямъ, будто французы уже высадились на берегъ. Помню, какъ все собраніе устремилось къ выходу, и изъ первыхъ побѣжали тѣ, которые всего больше хвастали, всего громче восклицали: пускай-ка ихъ въ намъ сунутся! Остались дослушивать проповѣдь, только мы съ матушкой, да капитанъ Пирсонъ на ректорской скамьѣ; а докторъ Бернардъ, какъ на зло, не захотѣлъ выкинуть изъ своей проповѣди ни единого слова, и я, присажусь, сидѣлъ, какъ на горячкѣ угольяхъ. Обычное благословеніе онъ произнесъ съ большею противъ обыкновеннаго медленностью и торжественностью, послѣ чего онъ принужденъ

былъ самъ отворить дверь къ каюдамъ и спуститься съ лѣстницы одинъ, потому что провожавшій его обыкновенно причетникъ оставилъ свой налогъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ остальными прихожанами. Въ этотъ день докторъ Бернардъ увелъ меня обѣдать съ собою въ ректорскомъ домѣ. Что же касается доброй моей матушки, то она была слишкомъ себѣ на умѣ, чтобы обниматься на ласку за то только, что эту ласку оказывали не ей, а мнѣ. Являясь къ мистрисъ Бернардъ съ своею корзиною модныхъ товаровъ, она держала себя на почтительномъ разстояніи, какъ и подобаетъ торговкѣ.—«Ты же, сынъ мой, говаривала она, —совсѣмъ другое дѣло. Я кочу сдѣлать изъ тебя джентльмена.» И по чести, я, кажется, могу сказать, что старался, на сколько хватало моихъ слабыхъ силъ, исполнить желаніе почтенной старушки.

Само собою разумѣется, что разговоръ за столомъ преимущественно вращался около войны, ожидаемой высадки французовъ и способовъ отразить нападеніе. Многое изъ того, что говорилось, было для меня тогда китайскою грамотою; но здѣсь будетъ у мѣста изложить нѣкоторые факты, которые, собственно для меня, выяснились только впоследствии. Голуби не только доставляли свѣденія французамъ, но и приносили намъ оттуда обратное кое-какія извѣстія. Посредствомъ этихъ и другихъ лазутчиковъ правительству нашему, какъ нельзя лучше, были извѣстны намѣренія и приготовления непріятеля. Помню я, какъ всюду намекали на какихъ-то таниственныхъ корреспондентовъ, которыхъ его величество имѣло во Франціи, и которые сообщали ему изумительно точныя свѣденія. Мистеръ Моттерло тоже тѣмъ-то орудовалъ по части рекогносцировки. Въ Америкѣ онъ служилъ въ дѣйствующей арміи, потомъ, возвратившись въ Англію, былъ нѣсколько времени вербовщикомъ и еще справлялъ какую-то службу. Съ разрѣшенія своего начальства онъ сообщалъ кое-какія свѣденія непріятелю, а въ обмѣнъ получалъ извѣстія изъ Франціи, которыя и передавалъ англійскому правительству. Почтенный джентльменъ этотъ былъ шпионъ по ремеслу; и хотя ему на роду и не было написано познакомиться съ висѣлицей, тѣмъ не менѣе онъ жестоко поплатился за свое вѣроломство, о чемъ мнѣ еще предстоитъ рассказать вамъ впоследствии. Что же

касалось Ламота, то, по мнению гостей, мистера Бернарда, онъ не пугался въ предательство, считая своимъ призваніемъ контрабанду, и въ этомъ дѣлѣ имѣлъ своихъ сообщниковъ десятки и даже сотни нашихъ согражданъ. Однимъ изъ этихъ сообщниковъ вѣдомо мнѣ былъ мой благочестивый дѣдушка, двое другихъ жили въ аббатствѣ, и еще многихъ могъ бы и насчитать между жителями нашего маленькаго городка; тѣмъ, всѣмъ *фореверити*, названные мною въ ту ночь, когда хоронили бѣдную *Madame de-Savermy*, принадлежали къ этой партіи.

Передъ уходомъ домой я получилъ дружеское пожатіе руки отъ капитана Пирсона; что же касается добраго доктора, то, по одному уже взгляду, бронешному имъ на меня, я угадала, что на умѣ у него какое-то особенно хорошее намѣреніе относительно меня. Догадка моя оправдалась въ самомъ скоромъ времени, и какъ разъ въ ту минуту, когда я было началъ предаваться безвыходному отчаянію. Моя дорогая малютка *Агнеса* пользовалась позволеніемъ этихъ пропавшихъ Уестмоутовъ, въ домъ которыхъ она жила, навѣщать мистрисъ Бернарда; а эта добрейшая старушка никогда не забывала посвященнымъ образомъ довести до моего свѣденія, что моя возлюбленная малютка будетъ у нея въ гостяхъ. То посылала она мнѣ слезать, что «ректору понадобилась его книга Арабскихъ сказокъ, а потому не принесетъ ли ее Девисъ самъ?» То мистрисъ Бернарда препровождала мнѣ свою варточку съ надписью: можешь придти къ намъ нынче вечеромъ, если рѣшишь свою задачу изъ математики; — или же: тебѣ представляется случай взять урокъ французскаго языка; — или что нибудь въ этомъ родѣ, а я уже знала, кто будетъ моею милою учительницею. Не знаешь ли ты, моя милая, сколько лѣтъ было Джульеттѣ, когда начался ея романъ съ молодымъ Камулетомъ? Что до насъ касается, то пора распѣтанія нашей молодой страсти относится въ тому времени, когда моя возлюбленная еще не переставала играть въ вуклы, не мало пожилъ я съ тѣхъ поръ на свѣтѣ, но ни разу еще не равсавался съ драгоценнымъ талисманомъ невинности, который носилъ тогда въ своемъ сердцѣ; онъ-то и помогалъ мнѣ не разъ устоять противъ искушенія.

Ужь не покажется ли мнѣ вамъ во всемъ? Ну, какъ и быть,

знайте, что мы, плутишки, то и дѣло обмѣнивались коротенькими записками, котерыя умѣли очень ловко прятать въ такія норки, про которыя никто кромѣ насъ не зналъ. Давльета писала крупными, круглыми буквами, по французски; что же касается отвѣтовъ Ромео, то боюсь, что они грѣшили по части правописанія.

Странныя были у насъ пріисканы мѣста, въ которыя мы прятали свои письма, чтобы они лежали тамъ *prole restant*. Для этой цѣли служила намъ между прочимъ фарфоровая ваза, стоявшая на этажеркѣ въ гостиной; мы запускали туда руки и рылись между цвѣточными лепестками, пока пальцы наши не ощущывали сложенную бумажку, болѣе душистую и драгоценную въ нашихъ глазахъ, чѣмъ всѣ розы и гвоздики въ мірѣ. Былъ у насъ еще великолѣпный почтамтъ, помѣщавшійся въ дуль ружья, висѣвшаго надъ каминномъ въ залѣ. Правда, къ этому ружью была прикрѣплена записочка, на которой значилось, что оно заряжено, но миѣ ли было не знать, какую цѣну придавать этому предостереженію, когда самъ же я помогалъ Мартину, докторскому слугѣ, чистить это ружье? Наконецъ на кладбищѣ подъ крыломъ лѣваго херувима, на памятникѣ сэра Джостра Балдинга, было у насъ подмѣчено небольшое углубленіе, въ которое мы владѣ вложили бумаги, написанныя условными знаками собственнаго нашего изобрѣтенія. На этихъ-то влочкахъ бумаги говорилось... Ну, да вы и сами догадываетесь, о чемъ на нихъ говорилось. Мы писали на нихъ старую пѣсню, которую не переставали пѣть молодые сердца отъ начала міра. Мы писали «*что, атакъ и т. д.*» нашею ребячьей рукою. Теперь эти руки начинаютъ дрожать, но, благодареніе Богу! онѣ могутъ писать тѣ же слова. Знаешь ли, моя голубка? въ послѣднюю мою поѣздку въ Уинчельси я не утерпѣлъ и пошелъ взглянуть на гробнину сэра Джостра и на углубленіе подъ крыломъ херувима; но тамъ я ничего не нашелъ, кромѣ плесени и моху. Записки эти часто попадались въ руки мистрисъ Бернардь, которая ихъ пробѣгала, какъ эта добрыйшая старушка сама рассказывала мнѣ впоследствии, но дурнаго она въ нихъ ничего не видѣла, и когда докторъ Бернардь начиналъ хмурить брови (на что онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ полнѣйшее право) и собирался задать преступни-

кажъ головомоѣку, его жена напоминала емъ то время, когда самъ онъ былъ старшимъ въ Гарроуской школѣ и улучалъ таки свободныя минуты, чтобы писать посланичъ одной молоденькой сосѣдкѣ, которыя между тѣмъ не имѣли ничего общаго съ упражненіями въ латинскомъ и греческомъ языкахъ. Обо всемъ этомъ, какъ я уже упоминалъ, она рассказала мнѣ впоследствии; съ самаго начала нашего знакомства она была моимъ неизмѣннымъ другомъ и покровительницей.

Но эта счастливейшая пора моей жизни (да! счастливейшая, хотя я и теперь очень и очень счастливъ, и благодарю свою судьбу) должна была кончиться внезапнымъ переворотомъ. Съ высшей ступени благополучія, на которую я успѣлъ взобраться, судьба готовила мнѣ неожиданное, жестокое паденіе, послѣ котораго я долго чувствовалъ себя совершенно оглушеннымъ и разбитымъ. Я уже рассказалъ о наказаніи, постигнувшемъ Томаса Мизома за непрошенное вмѣшательство въ дѣло господина Моттерло и за неумѣстную болтовню. Дѣло въ томъ, что тайна мейн-герра была извѣстна двумъ личностямъ: Тому Мизому и Денису Дювалю; и хотя Денисъ и помалчивалъ объ этомъ дѣлѣ, за исключеніемъ вышеописаннаго разговора съ ректоромъ и капитаномъ Пирсономъ, все же до свѣденія Моттерло дошелъ тотъ фактъ, что записка, найденная на убитомъ голубѣ, была прочитана и переведена мною; сообщилъ же ему объ этомъ никто иной, какъ самъ капитанъ Пирсонъ, у котораго съ нѣмцемъ были какія-то частныя дѣла. Когда Моттерло и его сообщникъ узнали объ участіи, которое я, на бѣду свою, принималъ въ открытіи этого дѣла, они разразились противъ меня еще болѣе страшною яростью, чѣмъ противъ Мизома. Баронъ де-Ламотъ, нѣкогда ограничивавшійся нейтралитетомъ и даже оказывавшій мнѣ расположеніе, воспыалъ теперь противъ меня непримиримую ненавистью и смотрѣлъ на меня, какъ на врага, отъ котораго ему надлежало, во что бы то ни стало, избавиться. Изъ всего этого готовился переворотъ, которому суждено было сбросить меня съ блаженной высоты, откуда я всиралъ на мою маленькую красавицу, гулявшую въ саду, у подножія стѣны.

Однажды вечеромъ... какъ живо помнится мнѣ этотъ вечеръ! Дѣло было въ пятницу...

(Тутъ слѣдуетъ пропускъ у самого Таккера).

Напившись чаю вмѣстѣ съ моей маленькой красавицей у мистрисъ Бернарда, я получилъ позволеніе проводить ее до дома мистера Уэстова, въ аббатствѣ, который находился все-го въ какихъ нибудь ста ярдахъ отъ ректорскаго дома. Между гостями мистера Бернарда только и рѣчи было въ этотъ вечеръ, что о сраженіяхъ, объ опасностяхъ, о высадкѣ непріятеля и о военныхъ извѣстіяхъ изъ Франціи и Америки; моя милая малютка все время сидѣла молча, поглядывая своими большими глазами то на одного изъ разговаривающихъ, то на другаго, и снова принимаясь за свое вышиванье. Но вотъ часы пробили девять, обычный часъ, въ который миссъ Агнеса возвращалась къ своему опекуну. Я удостоился чести быть ея провожатымъ и дорого бы далъ, чтобы короткое разстояніе, отдѣлявшее эти два дома, удесатерилось. «Покойной ночи, Агнеса! Прощай, Денисъ; въ воскресенье увидимся.»—Еще на одно короткое мгновеніе затягивается нашъ разговоръ; онъ происходитъ шопотомъ и безъ другихъ свидѣтелей кромѣ звѣздъ; маленькая ручка серьезно замѣшбалась въ моей рукѣ и тихо пожимаетъ ее. Но вотъ на мраморномъ полу внутри дома слышались шаги слугъ, и я спѣшу удалиться. Ужь не знаю, какъ это такъ дѣлалось, только ни утромъ, ни вечеромъ, ни за уроками, ни за играми, не выходила у меня это милая малютка изъ головы.

— Въ воскресенье увидимся, а сегодня была пятница. Но даже и этотъ промежутокъ времени казался мнѣ невыносимо долгимъ. Оба мы и не подозрѣвали, какая долгая разлука лежитъ передъ нами, сколько приключеній и опасностей переживу я прежде, чѣмъ мнѣ будетъ дано снова пожать эту дорогую ручку.

Калитка захлопнулась за нею, а я пошелъ вдоль церковной ограды домой. Дорогой я вспомнилъ ту счастливую, ту незабвенную ночь моего дѣтства, въ которую мнѣ удалось спасти мою малютку отъ ужасной смерти; воспоминались мнѣ и послѣдующіе годы моей молодой жизни, озаренные любовью къ ней. Въ теченіе многихъ лѣтъ она одна была мнѣ утѣхою и товарищемъ. Дома я не терпѣлъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, ни даже въ ласкѣ, по крайней мѣрѣ съ матушки-

ной стороны; но жизнь моя проходила одиноко и, только сделавшись своимъ человекомъ въ домъ добраго доктора, узналъ я, что такое дружба и сообщество близкихъ людей. О, какіе торжественные обѣты давалъ я передъ самимъ собою! Какъ я молилъ Бога; чтобы мнѣ показать себя достойнымъ такихъ друзей! Погруженный въ эти мысли, я всеело шелъ домой, какъ вдругъ... вдругъ случилось нѣчто такое, разомъ измѣнившее теченіе всей моей послѣдующей жизни.

Это нѣчто былъ ударъ дубиною по головѣ, отъ котораго я безъ чувствъ повалился на землю. Помню я съ полдюжины человѣческихъ фигуръ, чернѣвшихъ въ переулкѣ, черезъ который лежалъ мой путь; помню я драгу, сопровождавшуюся ругательствами, да голосъ, воскликнувшій: — бей его крѣпче, чортъ съ нимъ совсѣмъ!— вслѣдъ за тѣмъ я повалился на землю, столь же безжизненный, какъ и мостовая, на которой я лежалъ. Очнувшись, я почти ничего не могъ видѣть отъ крови, слѣившей мнѣ глаза; я очутился въ крытомъ фургонѣ въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ раненыхъ; на вырвавшейся у меня стонъ чей-то грубый голосъ прорычалъ, чтобы я, зная молчалъ, не то мнѣ еще разъ проломить голову, и приправилъ эту угрозу крѣпкимъ словцомъ. Первыми моими ощущеніями, когда я пришелъ въ себя, были недоумѣнія и страшная боль; но вскорѣ я опять лишился чувствъ. Когда же сознание снова возвратилось ко мнѣ на половину, то я почувствовалъ, что меня вынимаютъ изъ фургона и несутъ къ носу барки, куда вслѣдъ за мною, кажется, бросили и остальныхъ моихъ несчастныхъ товарищей по фургону. Помню я, что кто-то пришелъ ко мнѣ и обмылъ мою окровавленную голову соленою водою (которая причинила мнѣ жестокую боль). Потомъ тотъ же самый человекъ шепнулъ мнѣ на ухо: не бойтесь, я вамъ другъ, — и повязалъ мнѣ голову носовымъ платкомъ. Потомъ наша лодка тронулась по направленію къ бригу, стоявшему недалеко отъ берега. Когда я, шатаясь, взбирался на бригъ, меня чуть не убилъ тотъ самый человекъ, который нанесъ мнѣ ударъ; но мой покровитель за меня заступился. Покровителемъ этимъ оказался никто иной, какъ Томъ Гукамъ, семейству котораго я помогъ своими тремя гинеями; онъ положительно въ этомъ случаѣ спасъ мнѣ жизнь, потому что напавшій на меня него-

дѣйствіи: вѣдѣлъ, что у него было недоброе противъ меня на умѣ. Меня, да еще нѣсколько человѣкъ; стонущихъ, изувѣченныхъ плѣнниковъ бросили въ трюмъ. Вѣтеръ дулъ попутный, и нашъ бригъ отправился къ мѣсту своего невѣдомаго для насъ назначенія. Что за мучительную ночь я провѣлъ на немъ! Въ бреду мнѣ представлялось, что я спасаю Агнесу изъ воды, и я громко звалъ ее по имени, какъ мнѣ рассказывалъ вѣдѣль Томъ Гукамъ, приходившій съ фонаремъ провѣдать несчастныхъ, валявшихся въ этой конурѣ. Томъ принесъ мнѣ еще воды, и такъ, въ лихорадочномъ, желомъ снѣ прошла эта мучительная ночь.

Путру нашъ бригъ подѣхалъ къ фрегату, лежавшему въ дрейфѣ около какого-то города. Опираясь на руку Тома Гукама, я кое-какъ перемѣстился на корабль. Случилось такъ, что въ эту самую минуту пришла отъ берега капитанская шляпка, такъ что капитанъ съ своимъ обществомъ столкнулся лицомъ къ лицу съ нашей жалкою партией плѣнныхъ, сопровождаемой поимщиками. Вообразите себѣ мое удивленіе и радость, когда я въ капитанѣ узналъ друга моего добраго ректора, капитана Пирсона. Лице мое было повязано, и къ тому же такъ блѣдно и перепачкано кровью, что трудно было его узнать. — «Такъ-то, пріятель, обратился ко мнѣ капитанъ довольно строгимъ голосомъ: — ты хотѣлъ неперемѣнно драться; вотъ ты и поплатился за сопротивленіе людямъ, состоящимъ на службѣ его величества.» — «Я и не думалъ сопротивляться, отбѣчалъ я. — Меня ударили сзади, капитанъ Пирсонъ.»

Капитанъ поглядѣлъ на меня свысока, съ выраженіемъ изумленія. И дѣйствительно, трудно было представить себѣ молодого человѣка съ болѣе подозрительною вѣдѣльностью. Но, поглядѣвъ съ минуту, онъ воскликнулъ: — «Съ нами сила крестная! Да это никакъ молодой Дюваль! Тебя ли я вижу, голубчикъ?»

— Да, сэръ, проговорилъ я, и съ этими словами отъ волненія ли, отъ слабости ли и потери крови, я почувствовалъ, что въ глазахъ у меня мутится и снова упалъ въ обморокъ.

Очнулся я въ каютѣ *Сераниса*, гдѣ на этотъ разъ никого не было, кромѣ меня, да еще другаго больнаго. Оказалось, что я пробылъ цѣлый день въ бреду, во время котораго я не

переставалъ кричать: Агнеса! Агнеса! и все порывался стрѣлять въ разбойниковъ. Я былъ порученъ одному сострадательному фельдшеру, который ходилъ за мною съ такою заботливостію, какой я и не въ правѣ былъ ожидать въ моемъ настоящемъ унижительномъ положеніи. На пятый день я оправился, хотя все еще былъ блѣденъ и чувствовалъ слабость, но слабость эта не помѣшала мнѣ явиться на зовъ капитана въ каюту. Мой пріятель фельдшеръ показалъ мнѣ дорогу.

Капитанъ Пирсонъ сидѣлъ за своимъ столомъ и писалъ. Онъ отослалъ своего секретаря, и когда тотъ ушелъ, ласково пожалъ мнѣ руку и откровенно заговорилъ о странномъ случаѣ, который привелъ меня на его корабль. Капитанъ и одинъ изъ его офицеровъ разузнали, что въ одномъ изъ уинчельсійскихъ кабаковъ можно подѣлать нѣсколько отличныхъ матросовъ, принадлежавшихъ къ такъ называемой шайкѣ форельщиковъ; офицеръ отправился на поимку и наловилъ съ полдюжины этихъ молодцовъ, «которымъ», замѣтилъ капитанъ Пирсонъ, гораздо лучше быть полезными слугами его величества на одномъ изъ королевскихъ кораблей, чѣмъ заниматься противузаконнымъ промысломъ на своихъ собственныхъ судахъ. Тебѣ же досталось въ чужомъ пирѣ похмѣлье. Я узналъ твою повѣсть; мы много говорили о тебѣ съ твоими друзьями въ ректорскомъ домѣ. Не смотря на свою молодость, ты таки ухитрился нажить себѣ враговъ въ родномъ городѣ, и чѣмъ скорѣе ты оттуда выберешься, тѣмъ лучше. Въ первый же вечеръ нашего знакомства съ тобою я обѣщался друзьямъ твоимъ принять тебя въ качествѣ волонтера перваго разряда. Въ свое время ты выдержишь экзаменъ и будешь занесенъ въ служебные списки мичманомъ. Да погоди уходить! Твоя матушка въ Дилѣ. Ты можешь отправиться къ ней, и она дастъ тебѣ средства обмундироваться. А вотъ и письмо на твое имя. Я писалъ о тебѣ доктору Бернарду, какъ только разъяснилось, кто ты такой.»

Я распростился съ моимъ добрымъ покровителемъ, капитаномъ, и побѣжалъ читать мои письма. Одно изъ нихъ было отъ доктора и мистрисъ Бернардъ. Въ немъ говорилось о томъ, какъ они беспокоились, не зная, куда я дѣвался, пока не пришло письмо отъ капитана Пирсона, извѣщавшее ихъ о моихъ

приключеніяхъ. Другое письмо было отъ моей доброй матушки и писано ея обычнымъ угловатымъ слогомъ; она увѣдомляла меня, что остановилась въ Дилѣ, въ гостинницѣ Синяго Якоря и желала бы пріѣхать ко мнѣ, но боится, что новые мои товарищи засмѣютъ неотесанную старуху, если она явится на корабль провѣдать своего сына. А потому всего лучше будетъ мнѣ пріѣхать къ ней въ Диль, гдѣ она окопируетъ жемъ приличнымъ образомъ для офицера, состоящаго на службѣ его величества. Итакъ я отправился въ Диль съ первой отходившей лодкой. Добродушный фельдшеръ, ходившій за мною во время болѣзни и почему-то полюбившій меня, одолжилъ мнѣ чистую рубашку и такъ ловко прикрылъ рану на головѣ, что ея почти не было видно подъ моими черными кудрями. — «*Le pauvre cher enfant! comme il est pale*». Какую нѣжною любовью закрились глаза моей матушки, когда она увидала меня! Эта добрая душа и слышать не хотѣла, чтобы чья нибудь чужая рука коснулась моихъ волосъ и убрала ихъ на славу, связавъ сзади въ косичку, украшенную чернымъ бантомъ. Потомъ она повела меня къ городскому портному и заказала мнѣ такой гардеробъ, съ которымъ и сыну какого нибудь лорда не зазорно бы было явиться на корабль. Когда я явился передъ ней въ мичманскомъ мундирѣ, она опустила мнѣ въ карманъ такой тяжелый кошелекъ съ гинейми, что я въ себя не могъ придти отъ изумленія. Сколько помню, я заломилъ шапку на бекрень и очень важно выступалъ, проходя съ нею по набережной. Намъ встрѣтилось нѣсколько человѣкъ изъ ея знакомыхъ, принадлежавшихъ, подобно ей, къ торговому сословію и участвовавшихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ томъ подозрительномъ промислѣ, на который я столько разъ намекалъ. Но матушка не выказала на этотъ разъ особенной готовности знаться съ ними. «Помни, сынъ мой, что ты теперь джентльменъ, и вся эта мелкая сошка для тебя не товарищи. Я совсѣмъ иное дѣло; я вѣкъ свой останусь простой парикмахершей и лавочницей.» И встрѣчаясь съ своими знакомыми, она кланялась имъ съ глубокимъ чувствомъ собственного достоинства, но и не подумала представить меня кому нибудь изъ нихъ. Мы поужинали вдвоемъ въ гостинницѣ Якоря и разговорились о родномъ городѣ, который лежалъ всего на разстояніи двухъ дней

пути, а между тѣмъ отодвинулся такъ далеко. Матушка ни разу не упомянула про мою дорогую малютку, а я не смѣлъ наводить ее на этотъ разговоръ. Матушка позаботилась приготовить для меня хорошенькую комнатку въ гостиницѣ и спозаранку уложила меня спать на томъ основаніи, что я все еще не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни. Когда я улегся въ постель, она пришла въ мою комнату, стала на колѣни возлѣ меня и на родномъ своемъ нѣмецкомъ нарѣчій обратилась съ мольбою къ Тому, чья рука спасала меня столько разъ отъ всевозможныхъ опасностей; слезы катились по ея морицинистому лицу, когда она просила Его не оставлять меня и впредь своими щедротами и хранить меня на жизненномъ пути, лежавшемъ передо мною. Теперь этотъ путь уже близокъ къ цѣли; я оглядываюсь назадъ на страшныя опасности, которыя мнѣ суждено было миновать, на великія радости, которыми мнѣ дано было насладиться, и сердце мое преисполняется безпредѣльнымъ чувствомъ ужаса и благодарности.

Я написалъ длинное посланіе къ мистрисъ Бернардъ, въ которомъ старался описать мои приключенія въ веселомъ тонѣ; но, коли сказать правду, при одной мысли о домѣ и объ одной милой крошкѣ, остававшейся тамъ, крупная слеза панула изъ глазъ моихъ на бумагу. А впрочемъ, я былъ искренно благодаренъ за оказанное мнѣ капитаномъ участіе, не бездѣлица тоже было знать, что теперь я настоящій джентльменъ, и не нынче, такъ завтра, буду офицеромъ во флотѣ его величества. Мундиръ прислѣлъ въ самый короткій срокъ. Мистеръ Левинъ принесъ его на другой же день, и я имѣлъ удовольствіе вырядиться въ полную форму, вслѣдъ за чѣмъ отправился гулять по городу въ шляпѣ на бекрень, со шпагою на поясѣ и съ матушкою подъ руку. Какъ ни доволенъ я былъ самимъ собою, все же, мнѣ кажется, она была еще довольнѣе. Встрѣтивъ кое-кого изъ знакомыхъ торговцевъ съ женами, она гордо кивнула имъ головою и прошла мимо, не говоря ни слова, какъ бы желая дать имъ понять, что ихъ дѣло держаться въ сторонѣ, когда они встрѣчаютъ ее въ такомъ хорошемъ обществѣ. «Умѣй всегда знать себѣ цѣну, сынъ мой, проговорила она.—У себя въ лавкѣ я дѣлаюсь лавочницей и покорнѣйшей слугою моихъ покупателейъ, но когда гуляю по дѣль-

своей набрежденной под руку съ тобою, я нахожусь въ обществѣ молодаго денщика, состоящаго на королевской службѣ. Богъ благословилъ наши труды за послѣднее время, дити мое, и мы позаботимся, чтобы ты не ударилъ лицомъ въ грязь передъ любимымъ офицеромъ во шмотъ.»

Раслаживая на набрежденной на другой день моего пребыванія въ Дилѣ, я завидѣлъ... какъ бы вы думали, что? Я завидѣлъ знаменую карету моего милаго доктора Бернарда, катившую къ намъ по дуврской дорогѣ. Докторъ и жена его съ веселымъ удивленіемъ осмотрѣли мою преобразившуюся особу; когда каретаникъ остановилась у подъѣзда гостинницы, добрыйная старуха, не думая долго, протянула ко мнѣ объятія и поцѣловала меня. Предполагаю, что матушка видѣла эту сцену изъ окна своей комнаты.—«Ты счастливъ, сынъ мой, что имѣешь такія друзей, проговорила она съ отгнвомъ грусти въ голосъ.—Они для тебя могутъ больше сдѣлать, чѣмъ я. Ну, теперь ты поставленъ на ноги, и я могу спокойно отправиться въ своея. Если ты занеможешь, старуха мать прійдетъ ходить за тобою, а пова оставлю тебѣ свое благословеніе на вѣки нерушимое.» Матушка на отрѣзъ объявила, что намѣрена въ этотъ же день выѣхать изъ Дила. У нея были добрые знакомые въ Гайдѣ, Фалькетовѣ и Дуврѣ (обстоятельство это слишкомъ хорошо было мнѣ извѣстно), и она рассчитывала заблать къ кому нибудь изъ нихъ по дорогѣ. Но передъ отъѣдомъ она съ замѣчательнымъ искусствомъ уложила всѣ мои пожитки въ мой новешкій чемоданъ. Каковы бы ни были ея чувства при разлугѣ, она не выразила ихъ ни слезою, ни вздохомъ, спокойно валѣла въ свою маленькую повозку, стоявшую на дворѣ гостинницы, и, не оглядываясь назадъ, пустилась въ свой одинокій путь. Хозяинъ Сняго Якоря съ женою почти тельно и привѣтливо пожелали ей добраго пути и обратились ко мнѣ съ предложеніемъ: не зайду ли я въ буфетъ выпить вина или водки? Какъ я уже сказалъ вамъ, я не употреблялъ ни того, ни другаго; но я имѣю поводъ думать, что это добро вставлялось въ гостинницу прямо съ рыболовныхъ судовъ, принадлежавшихъ моей матушкѣ. — «Если бы у меня былъ единственный сынъ, да еще такой красавецъ, замѣтила мистрисъ Бонитэсъ (неблагодарностью было бы съ моей стороны

запомнить имя той, которая сказала мнѣ такой комплементъ),—если бы у меня былъ единственный сынъ, и я имѣла бы средства, мистрисъ Дюваль, я не отпустила бы его въ море, да еще въ военное время, ужь ни за что не отпустила бы!»—«Хотя сами вы вина и не употребляете, обратилъся ко мнѣ содержатель гостинницы,—но все же, можетъ, между вашими товарищами на кораблѣ найдутся охотники до него; такъ милости просимъ ихъ во всякое время въ гостинницу Синяго Якоря.» Не въ первый разъ уже приходилось мнѣ выслушивать намеки на то, что у моей матушки денегъ куры не клюютъ.—«Можетъ быть, оно и такъ, отвѣчалъ я моему хозяину,—только я-то, право, ничего не знаю.» Въ отвѣтъ на это мужъ и жена похвалили меня за осторожность и добавили съ лукавою улыбкой:—«Знаемъ-то мы больше, чѣмъ сказываемъ, мистеръ Дюваль. Слыхали вы, можетъ статья, про мистера Уэстона, или про барона Ламота? Мы тоже знаемъ дорогу въ Булонь и въ Ост....»—«Молчи, жена, перебилъ ее тутъ хозяинъ гостинницы.—Видишь, что капитанъ не желаетъ объ этомъ говорить, такъ за чѣмъ же приставать? А вонъ и обѣдъ подають къ доктору въ номеръ, пора вамъ идти къ нему, мистеръ Дюваль.» Онъ былъ правъ, и я поспѣшилъ раздѣлить трапезу моихъ добрыхъ друзей, къ которой у меня былъ припасенъ отличный аппетитъ.

Докторъ не преминулъ извѣстить о своемъ приѣздѣ капитана Пирсона; мы еще сидѣли за столомъ, какъ вдругъ явился капитанъ, прибывшій съ корабля въ собственной своей шляпкѣ, и потребовалъ непременно, чтобы докторъ и мистрисъ Бернардъ пожаловали кушать десертъ у него въ каютѣ на кораблѣ. Такимъ образомъ и мистеръ Денисъ Дюваль удостоился чести быть приглашеннымъ; для меня и для моего новенькаго чемоданчика нашлось мѣсто въ капитанской шляпкѣ, и всѣ мы отправились на фрегатъ. Мой чемоданъ препроводили въ ту каюту, гдѣ мнѣ было отведено помѣщеніе; я просидѣлъ нѣсколько времени за столомъ мистера Пирсона, но тутъ мнѣ подмигнулъ одинъ изъ моихъ собратьевъ мичмановъ, и я поспѣшилъ выйти, чтобы ознакомиться съ моими будущими товарищами, которыхъ было около двѣнадцати на *Сераписъ*. Не смотря на то, что я поступилъ простымъ волонтеромъ, я былъ

выше ростомъ и старше многихъ мичмановъ. Само собою разумѣется, моя скромная родословная была имъ извѣстна, и мно- го мнѣ пришлось вынести отъ нихъ грубыхъ шутокъ; но я не слишкомъ-то обижался ими и отстаивалъ себя по методу, принятому мною въ школѣ, посредствомъ своихъ кулаковъ. Я не стану вычислять здѣсь количества подшибенныхъ мною глазъ и расквашенныхъ носовъ, а такъ же не назову всѣхъ тѣхъ увѣ- чій, которыя доставались на мою долю. Вѣрно только то, что я никогда не помнилъ зла, и, — благодареніе Богу! — никогда еще не наносилъ человѣку такой обиды, послѣ которой былъ бы вынужденъ возненавидѣть его. Были, правда, люди, ненави- дѣвшіе меня, но ихъ уже нѣтъ, а я уцѣлѣлъ и сохранилъ, — благодареніе Богу! — чистую совѣсть, а вражда ихъ немного на- дѣлала мнѣ зла.

Первый лейтенантъ нашего корабля, мистеръ Пэдъжъ, при- ходился съ родни мистрисъ Бернардь, и эта добрая дама съ та- кой хорошей стороны отрекомендовала ему своего покорнѣй- шаго и благодарнаго слугу, такъ патетично рассказала ему о моихъ приключеніяхъ, что мистеръ Пэдъжъ принялъ меня подъ свое специальное покровительство и успѣлъ зарасположить ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей. Приключеніе съ раз- бойникомъ на большой дорогѣ послужило источникомъ беско- нечныхъ толковъ и шутокъ, изъ которыхъ я вышелъ побѣди- телемъ; вѣрный той тактикѣ, которой я придерживался въ шко- лѣ, я рѣшился разомъ упрочить за собою хорошее мнѣніе то- варищей и, воспользовавшись первымъ же представившимся случаемъ, вызвалъ на бой самаго отчаяннаго драчуна во всемъ нашемъ мичманскомъ обществѣ. Надо вамъ сказать, что я былъ извѣстенъ между товарищами подъ различными прозвищами, относившимися къ парикмахерскому ремеслу моего дѣдушки. Меня звали «мыльной водой, пудрешкой» и другими, тому по- добными именами. Одинъ изъ товарищей вздумалъ какъ-то по- дразнить меня, и воскликнулъ: «А скажи-ка намъ, мыльная вода, въ какое ты мѣсто попалъ разбойнику?» — Вотъ въ это, отвѣчалъ я, и отвѣсилъ ему по носу такой полновѣсный ударъ лѣвою рукою, что у него, думаю, пскры изъ глазъ посыпа- лись. — За то и онъ минутъ черезъ пять оплатилъ мнѣ точно такимъ же ударомъ. Сорвавъ свое сердце, мы снова стали за-

кадычными друзьями. Но что же это такое? Не далѣе, какъ вчера, дописывая послѣднюю страницу, я положилъ себѣ зарокъ не говорить болѣе ни слова о моихъ кулачныхъ подвигахъ? Вотъ то-то и есть, что всѣ ми притѣи на обѣщанія, которыя потомъ забываемъ. Думаю, что грѣшенъ въ этомъ не я одинъ.

Передъ отъѣздомъ на берегъ добрые друзья мои пожелали проститься со мною, при чемъ мистрисъ Вернардъ, приложивъ палецъ къ губамъ, вынула изъ кармана и вручила мнѣ небольшой свертокъ бумаги. Мнѣ вообразилось, что это она даетъ мнѣ денегъ, и грустно мнѣ стало, что она могла мнѣ сдѣлать такой подарокъ. Простившись съ нею, я заглянулъ въ свертокъ и нашелъ въ немъ медальонъ съ прядью блестящихъ черныхъ волосъ. Догадываетесь ли вы, чьи это были волосы? Къ медальону была приложена записка, писанная по-французски крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ, въ которой говорилось, что *она* будетъ денно и нощно молиться о своемъ милomъ Дени. И какъ бы вы думали, гдѣ находится теперь этотъ медальонъ? Да все тамъ же, гдѣ онъ находился за всѣ эти сорокъ два года, и гдѣ онъ останется даже и тогда, когда вѣрное сердце, трепещущее подъ пимъ, перестанетъ биться.

Съ вечернимъ выстрѣломъ наши друзья удалились съ фрегата, не думая, не гадая объ участи, ожидавшей столь многихъ изъ нашего экипажа. Еще три недѣли прошло съ этого дня, и насъ постигло то достохвальное поражение, которое занесено въ лѣтописи нашего отечества.

Въ тотъ самый вечеръ, когда капитанъ угощалъ у себя на кораблѣ своихъ уинчельсійскихъ друзей, пришло приказаніе плыть ему въ Гуль и поступить подъ начальство командовавшаго тамъ адмирала. Оттуда насъ послали на сѣверъ въ Скарборо. По всему сѣверному берегу господствовало въ то время довольно сильное безпокойство, возбужденное появленіемъ нѣсколькихъ американскихъ частныхъ судовъ, которые предали разграбленію замокъ одного шотландскаго дворянина и наложили контрибуцію на одинъ приморскій городъ въ Комберландѣ. Когда мы прибыли къ мѣсту своего послѣдняго назначенія, изъ Скарборо пришла шлюпка съ письмомъ отъ городскихъ властей, увѣдомлявшемъ насъ о появленіи того же от-

ряда неподалеку отъ этой части берега. Начальникомъ этой пиратской экспедиціи былъ завѣдомо всѣмъ шотландскій мятежникъ, рисковавшій въ сраженіяхъ тою самою жизнію, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, была обречена висѣлицѣ въ предѣлахъ его отечества. Само собою разумѣется, наша молодежь заранѣе хвасталась, что при встрѣчѣ съ нимъ не ударитъ лицомъ въ грязь и поставитъ себѣ въ особенное удовольствіе повѣсить его на мачтѣ его же собственнаго корабля.

Измѣнникъ этотъ былъ никто иной, какъ monsieur Джонъ Поль Джонсъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи кавалеромъ ордена *du Merite*, пожалованнаго ему его французскимъ величествомъ; никогда еще мечъ не обнажался болѣе героическимъ измѣнникомъ.

Цѣль нашего назначенія состояла въ томъ, чтобы конвоировать нѣсколько купеческихъ судовъ, отправлявшихся въ Балтійское море; конвой состоялъ изъ нашего фрегата и изъ другаго корабля *Countess of Scarborough*, подъ командою капитана Пирси. И вотъ какимъ стеченіемъ обстоятельствъ, двадцать пять дней спустя послѣ моего поступленія на королевскую службу, я удостоился чести присутствовать при одномъ изъ самыхъ отчаянныхъ и кровопролитныхъ сраженій нашего, да и не одного нашего, времени.

Я не хочу пускаться здѣсь въ описаніе сраженія 23-го сентября, которое кончилось тѣмъ, что нашъ предводитель-герой опустилъ флагъ передъ болѣе сильнымъ непріателемъ. Сэръ Ричардъ оставилъ свѣту разсказъ о своемъ пораженіи, къ которому я ничего не могъ бы прибавить. Хотя я и былъ участникомъ этого страшнаго боя, въ которомъ нашъ флагъ опустился передъ измѣнникомъ британцемъ и его разноплеменной шайбой, но мнѣ удалось видѣть только нѣсколько эпизодовъ изъ этого роковаго для насъ сраженія. Началось оно съ наступленіемъ ночи. Какъ мнѣ памятенъ гулъ непріятельскихъ пушекъ, пославшихъ свои ядра въ бока нашего корабля въ отвѣтъ на вызовъ нашего капитана! За тѣмъ съ нашей стороны раздался залпъ, первый залпъ, слышанный мною въ сраженіи.

На этомъ мѣстѣ обрывается рассказъ Теккерера. Издатель его посмертнаго творенія въ "Cornhill Magazine," помѣстивъ въ томъ же журналѣ нѣсколько прикѣпчаній, составленныхъ частью изъ указаній, найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, частью изъ воспоминаній его друзей, которымъ онъ рассказывалъ планъ задуманнаго романа, частью изъ собственныхъ соображеній издателя. Вотъ тѣ изъ этихъ notes, которыя помогаютъ читателю угадать дальнѣйшую судьбу Дениса Дювала:

Письмо Теккерера къ издателю, въ которомъ онъ набрасываетъ въ чернѣ планъ своего творенія.

«Любезный С! Я родился въ 1764 г. въ Уинчельси, гдѣ отецъ мой былъ бакалейщикомъ и церковнымъ причетникомъ. Контрабандный промыселъ былъ сильно развитъ въ этомъ городѣ.

Къ намъ въ домъ часто ходилъ знатный французскій дворянинъ, называвшій себя графомъ Ламотъ, а съ нимъ какой-то нѣмецъ, баронъ фонъ-Лоттерло. Отецъ мой часто возилъ посылки отъ этихъ двухъ джентльменовъ въ Остенде и въ Кале; скажемъ, что и мнѣ довелось побывать разокъ въ Парижѣ, гдѣ я видѣлъ французскую королеву.

Сквайромъ нашего города былъ сквайръ Уэстонъ изъ аббатства; онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, и домъ его считался однимъ изъ первыхъ домовъ въ цѣломъ графствѣ. Онъ былъ старшиною въ нашей церкви и всѣми очень уважался. А между тѣмъ, раскройте *Annual Register* за 1781 г., и вы прочтаете тамъ, что 13 іюля шерифы были позваны въ лондонскую башню и тамъ имъ отдали подъ стражу нѣкоего Ламота, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ. Дѣло въ томъ, что этому альзасскому дворянину по разнымъ причинамъ неудобно было оставаться въ своемъ отечествѣ (гдѣ онъ командовалъ одно время субизскимъ полкомъ), и онъ отправился въ Лондонъ; тутъ подъ предлогомъ отправки ситцевъ въ Остенде и въ Кале, онъ доставлялъ французскимъ министрамъ подробныя свѣденія о движеніяхъ англійскаго войска и флота. Его орудіемъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкто Лоттерло, брауншвейгскій уроженецъ, служившій одно время вербовщикомъ, потомъ сдѣлавшійся слугою; онъ былъ шпиономъ Франклина и французскаго правительства, и въ то же время выступилъ передъ судьями свидѣтелемъ противъ Ламота, который, благодаря ему, былъ повѣшенъ.

Этотъ Лотгерло, вербовавшій нѣмецкія войска во время америганской войны, потомъ во время безпорядковъ, вызванныхъ въ Лондонѣ Гордономъ, сдѣлавшійся слугою, потомъ служившій агентомъ шпіона, далѣе обратившійся въ шпіона за шпіономъ, представляется мнѣ отъявленнымъ мерзавцемъ; особенное отвращеніе внушилъ мнѣ къ нему нѣмецкій акцентъ, съ которымъ онъ произносилъ англійскія слова.

Да ужь не было ли у него въ мысляхъ жениться на прелестной дѣвушкѣ, которая воспитывалась у мистера Уэстона въ Уинчельси? Э! да тутъ открывается передо мною цѣлая интрига.

Положимъ, что этотъ мерзавецъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Портсмуть за жалованьемъ къ англійскому адмиралу, съ которымъ онъ находился въ сношеніяхъ, попалъ на Royal George, какъ разъ въ тотъ самый день, когда корабль этотъ пошелъ ко дну?

Что же касается до Джона и Джозефа Уэстона изъ аббатства, то я съ прискорбіемъ долженъ сказать, что они тоже были порядочные негодяи. Въ 1786 г. они подверглись суду за ограбленіе бристольской почты, но были оправданы за неимѣніемъ доказательствъ. Непосредственно за тѣмъ они были обвинены въ подлогѣ; Джозефъ отверглся, но Джонъ былъ уличенъ. Впрочемъ, и бѣдному Джозефу пришлось отъ этого не легче. Еще до окончанія суда надъ ними они бѣжали изъ ньюгэтской тюрьмы, и Джозефъ выстрѣлилъ въ одного сторожа, пытавшагося схватить его въ Сноу-Гилѣ, и ранилъ его. За это онъ былъ подвергнутъ суду, найденъ виновнымъ въ черномъ злодѣяніи (Black Act. См. ниже въ примѣчаніяхъ объясненіе этого термина) и повѣшенъ вмѣстѣ съ братомъ.

И представьте себѣ, что я былъ невиннымъ соучастникомъ въ измѣнѣ Ламота, въ мошенничествахъ и разбояхъ Уэстоновъ! Судите же послѣ этого, въ какихъ я страшныхъ бывалъ передрягахъ!

Я женился на молодой дѣвушкѣ, за которую сватался грубое животное Лотгерло, и счастливо прожилъ съ нею до сѣдыхъ волосъ.

Графъ Ламотъ, баронъ Лоттерло и Уастоны являютя такими образомъ историческими личностями. Вотъ что говорится о нихъ въ *Annual Register*, на который ссылается вышеприведенное письмо

Января 5-го 1781 г.— Былъ арестованъ за измѣнническіе поступки одинъ джентльменъ, по имени Генрихъ-Францискъ Ламотъ, къ коему имени онъ присовокуплялъ титулъ — баронъ. Жительство онъ имѣлъ за послѣднее время въ Бандъ-Стритъ, у мистера Отли, продавца шерстяныхъ матерій.

Поднимаясь на лѣстницу, въ бюро статсъ-секретаря въ Клевеландъ-Роу, онъ обронилъ нѣкоторыя бумаги, которыя были немедленно узнаны курьеромъ и отнесены имъ къ лорду Гильсборо. Послѣ допроса онъ былъ подвергнутъ строжайшему аресту, какъ государственный преступникъ, въ Туръ. Оказалось, что найденныя на немъ бумаги имѣютъ чрезвычайную важность. Между прочими бумагами тутъ нашлись подробныя росписанія всѣхъ военныхъ кораблей, какіе только имѣлись въ нашихъ докахъ и верфяхъ, и пр. и пр.

Вслѣдствіе открытія вышеупомянутыхъ бумагъ, былъ арестованъ и привезенъ въ Лондонъ Генри Лоттерло эсквайръ, изъ Уикама близъ Портсмута. Посланные застали мистера Лоттерло въ высокихъ сапогахъ, отправляющагося на охоту. Когда они растолковали ему, по какому дѣлу явились, онъ не обнаружилъ и тѣни волненія и безъ малѣйшаго сопротивленія отдалъ имъ свои ключи... Мистеръ Лоттерло родомъ нѣмецъ и только въ недавнее время нанялъ домъ въ Уикамѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Портсмута. Такъ какъ онъ держалъ свору собакъ и слылъ за отличнаго малаго, охотника и погулять, и выпить, то онъ стоялъ на хорошей ногѣ со всѣми сосѣдними джентльменами.

Юля 14-го 1781 г. Показанія, данныя мистеромъ Лоттерло, оказались до того важными, что судьи съ изумленіемъ внимали имъ во все время допроса, тянувшагося очень долго. Онъ объявилъ, что въ 1778 г. принялъ, вмѣстѣ съ подсудимымъ, участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлію доставлять французскому двору тайныя свѣденія о нашемъ флотѣ. За это въ началѣ онъ получалъ только по восьми гиней въ мѣсяцъ; но вскорѣ подсудимый хорошо понялъ важность сообщаемыхъ имъ свѣ-

деней и сталъ давать ему ежемѣсячно до пятидесяти гиней, и кромѣ того дѣлалъ крупныя подарки. Въ случаѣ важныхъ сообщеній, онъ ѣздилъ лично на почтовыхъ въ городъ къ monsieur де-Ламоту; въ обыкновенное же время онъ доставлялъ все свѣденія, относившіяся къ принятому имъ обязательству по почтѣ. Онъ призналъ бумаги, найденныя у него въ саду, и объявилъ, что приложенныя къ нимъ печати принадлежатъ monsieur де-Ламоту и пользуются большою извѣстностью во Франціи. По порученію подсудимаго, онъ ѣздилъ въ Парижъ и имѣлъ аудіенцію у французскаго министра monsieur Сартана. Онъ составилъ планъ взятія эскадры, командуемой Дюонстономъ, за что потребовалъ 8000 гиней и треть захваченныхъ судовъ; эту плату предполагалось раздѣлить между подсудимымъ, имъ самимъ и однимъ его пріятелемъ, служившимъ въ одномъ бюро, но французское правительство согласилось уступить только одну восьмую часть эскадры. Условившись дать французамъ возможность захватить начальника эскадры, онъ отправился къ сэру Паллизеру и предложилъ ему планъ, какъ взять французовъ и воспрепятствовать осуществленію того самаго проекта, которымъ самъ же онъ снабдилъ французское правительство.

Судъ продолжался тринадцать часовъ. Присяжные, послѣ кратковременнаго совѣщанія, признали подсудимаго виновнымъ, и приговоръ надъ нимъ былъ немедленно произнесенъ. Подсудимый выслушалъ этотъ страшный приговоръ (его приговорили повѣсить и четвертовать) съ замѣчательнымъ спокойствіемъ, но въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ свое негодованіе противъ мистера Лоттерло... Во все продолженіе этой тяжелой сцены онъ выказалъ много мужества, твердости и присутствія духа. Въ то же время обращеніе его было исполнено вѣжливости, снисходительности и чуждо всякой аффектаціи. Врядъ ли онъ могъ бы сохранить столько спокойствія и твердости въ такую критическую минуту, если бы, сознавая себя измѣнникомъ тому государству, которое дало ему пріютъ, онъ въ то же время, вслѣдствіе ложнаго воззрѣнія, не оправдывалъ себя мыслью, что онъ жертвуетъ жизнью для своей отчизны.

Monsieur де-Ламоть имѣетъ около пяти футовъ и десяти дюймовъ росту; ему пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, и онъ обладаетъ

пріятной наружностью; все обращеніе его носило на себѣ отпечатокъ порядочности, а во взглядѣ выражалось непоколебимое убѣжденіе. На немъ былъ бѣлый суконный кафтанъ и полотняный жилетъ шитый въ тамбурѣ.

Что касается Лоттерло, возбуждавшаго такое отвращеніе въ Денисѣ между прочимъ и мѣмецкимъ акцентомъ, съ которымъ онъ выговаривалъ французскія слова, то онъ, по видимому, отправился въ Уинчельси, гдѣ ему ничего не стоило ласками или угрозами склонить Уэстоновъ на свою сторону и начать съ ихъ поддержкою преслѣдованіе Агнесы. Выведенная изъ терпѣнія этими преслѣдованіями, она бѣжала отъ Уэстоновъ и искала покровительства у доктора Бернарда. Тутъ подоспѣла неожиданная помощь: Де-Виоменили, родственники ея матери, вдругъ убѣдились въ невинности графини. Быть можетъ (мы говоримъ «быть можетъ», основываясь на намегахъ, вырвавшихся у самого Тэккерея, когда онъ развивалъ свою мысль въ кругу близкихъ людей) они провѣдали о кое-какихъ наслѣдствахъ, на которыя Агнеса получала право съ оправданіемъ памяти ея матери. Агнеса, посовѣтовавшись съ докторомъ Бернардомъ, отправилась къ этимъ родственникамъ, такъ долго забывавшимъ о ея существованіи, а теперь такъ пламенно желавшимъ ее видѣть. Пока Агнеса собиралась во Францію, Денисъ сражался на *Аретузѣ* подъ начальствомъ своего стараго командира, сэра Ричарда Пирсона, того самаго, который начальствовалъ Сераписомъ въ дѣлѣ противъ Джонса, и принужденъ былъ опустить свой флагъ передъ непріателемъ, потерявъ почти весь свой экипажъ убитыми или ранеными. Денисъ Дюваль былъ раненъ въ самомъ началѣ этого сраженія. Сераписъ и Countess of Scarborough послѣдовали за Павломъ Джонсомъ въ нѣмецкое море и были приведены имъ въ Тексель. Когда англійскій посланникъ въ Гагѣ, сэръ Джозефъ Йоркъ обратился къ нидерландскому правительству съ требованіемъ о выдачѣ призовъ, ему отвѣчали отказомъ. Само собою разумѣется, Денисъ раздѣлялъ судьбу Сераписа. Слѣдующая выписка изъ Gentleman's Magazine заставляетъ насъ предполагать, что, вырвавшись изъ одного плѣна, онъ попалъ въ другой.

«Нѣсколько матросовъ пріѣхали на дняхъ изъ Амстердама

на *Лестичи*, командуемой капитаномъ Марчемъ. Капитанъ частнаго корабля *Кингстона* освободилъ ихъ изъ трюма голландскаго корабля, направлявшагося въ Вестъ-Индію. Капитанъ этотъ, у котораго безъ вѣсти пропало нѣсколько чело-вѣкъ изъ экипажа, разузналъ объ участи пропавшихъ черезъ какую-то странствующую пѣвицу; онъ имѣлъ мужество сѣ-питься на бордажъ съ вышеупомянутыи кораблемъ и произ-вести на немъ обыскъ. Такимъ образомъ онъ нашелъ нес-частныхъ, закованныхъ въ цѣпи и брошенныхъ въ трюмъ. Не подоспѣвъ онъ къ нимъ на помощь, всѣ они были бы про-даны въ вѣчное рабство».

По всѣмъ вѣроятіямъ, и Денисъ Дюваль былъ въ числѣ уз-никовъ, освобожденныхъ капитаномъ Кингстона. Очутившись на свободѣ, Денисъ продолжалъ службу на морѣ и шелъ обычно колеею мелочныхъ обязанностей, которою идетъ и всякій другой молодой морякъ. Выросъ онъ въ героя не въ одинъ день. Денисъ былъ современникомъ великихъ, ужа-сающихъ событій, и принималъ участіе не въ одномъ изъ этихъ событій, которыя съ такою быстротою слѣдовали другъ за другомъ во время войнъ съ Америкой, Франціей и Испа-ней.

Осенью 1782 г. происходила казнь братьевъ Уэстоновъ, и Денису суждено было сдѣлаться невольною причиною нака-занія, постигнувшаго его давнишняго врага, Джозефа Уэстона, какъ это явствуетъ изъ двухъ примѣчаній, найденныхъ въ бу-магахъ Тэккеря:

1782—3. Джозефъ Уэстонъ, всегда приходившій въ изступ-леніе при видѣ Дениса, стрѣляетъ въ него въ Чипсайхѣ.

Въ законѣ противъ *Чернаго Преступленія* говорится: прини-мая въ сдображеніе, что нѣкоторые злонамѣренные люди со-единились подъ именемъ черныхъ и составили между собою со-юзъ съ цѣлью помогать другъ другу въ воровствѣ, истребленіи дичи, кроликовъ и рыбы.... постановляется, что каждое лице, умысленно и злонамѣренно выстрѣлившее въ другое лице, въ жилѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, будетъ судиться, какъ за уголовное преступленіе, и наказываться смертною казнью, при чемъ привилегіи, дарованныя духовенству, теряютъ свою силу.

И действительно, въ памятникахъ того времени мы встрѣчаемъ имя нѣкоего Джованни Уэстона, который, равнѣя одного человѣка въ Сноу Гиллѣ, былъ найденъ виновнымъ въ совершеніи чернаго преступленія и повѣшенъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ примѣчаніяхъ говорится объ одномъ безкорыстномъ поступкѣ, которымъ отличился Дюваль.

Беспорядки въ Дилѣ 1783.

Дилѣ. Здѣсь произошла кровавая схватка, вызванная появленіемъ отряда легкихъ драгунъ полковника Дугласа. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ шестидесяти человѣкъ, въ глухую полночь вступилъ въ городъ, съ тѣмъ чтобы помочь таможенной стражѣ произвести обыски и схватить запрещенные товары. Но контрабандистовъ трудно застать въ-расплѣхъ; они подняли тревогу, сомкнулись рядами и вступили въ отчаянный бой.

Старикъ Дюваль, какъ намъ извѣстно, принадлежалъ къ инайкѣ форельщиковъ, другими словами къ заговору контрабандистовъ, обнимавшему все побережье. Припоминая все, что было сказано Тэккереемъ о характерѣ этого джентльмена, мы легко можемъ вообразить себѣ всѣ тѣ увертки, слезы и ложныя увѣренія въ своей бѣдности и неприкосновенности къ дѣлу контрабандистовъ, которыми старикъ старался отклонить грозу. Но все это ни къ чему не повело, потому что Денисъ, узнавъ въ чемъ дѣло, открылъ всю истину и повелъ таможенныхъ чиновниковъ къ тѣмъ шкапамъ, въ которыхъ хранилось богатство старика Дюваля, и слѣдовательно наслѣдство его внука. Такимъ образомъ Денисъ лишился всего своего состоянія; но, какъ можно догадаться, ему повезло на службѣ, и онъ ни разу не имѣлъ случая пожалѣть о несправедливо нажитомъ богатствѣ.

Но тяжелыя испытанія ожидали еще Дениса. Онъ попалъ въ плѣнъ къ французамъ, и много лѣтъ влачилъ печальное существованіе въ одномъ изъ французскихъ арсеналовъ. Наконецъ грянула революція, и Денисъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ освобожденъ, или же, быть можетъ, благодаря своему французскому происхожденію и знанію французскаго языка, нашелъ возможность бѣжать изъ плѣна. Около этого же времени, былъ

можетъ, онъ отправился отыскивать Агнесу, знатные родственники которой должны были находиться въ бѣдѣ. Освободившая его, революція страшною грозой обрушилась на «аристократовъ.»

Вотъ все, что мы знаемъ о походахъ Дениса Дюваля и о судьбѣ Агнесы до дня ея соединенія съ Дювалемъ. Мы не можемъ сказать на-вѣрное, былъ ли онъ орудіемъ ея бѣгства изъ Франціи; или же она еще прежде нашла средства отправиться въ Англію, гдѣ, среди знакомой обстановки, вблизи отъ ректорскаго сада, отъ голубятни фермера Перо, отъ старой стѣны, осѣненной грушевымъ деревомъ, они свидѣлись въ первый разъ послѣ долгой разлуки?

СЛЕЗЫ МАТЕРИ.

Два платка я въ слезахъ омочила,
Да и третій еще омочу....

Раскрывайся сырая могила —
Въ землю, люди, я въ землю хочу!
Рзавою болью глаза заломило,

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

На могилу его-бы пойдти,
Да къ земляцкѣ-бы ухомъ прижаться...
Нѣтъ, могилы его не найдти!
Видно тамъ съ нимъ придется обняться!
Ну, да я ужъ къ нему на пути...

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

А придетъ неважный бывало
И обниметъ, цѣлуочи, мать;
«Время, скажеть, родная, настало
Кровь отцевъ нашихъ нынче смывать:
Ты-же силы дала мнѣ не мало!»...

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

Скажеть: «долго мы были подъ гнетомъ,
Распряимсь-же спина, распряимсь!
Ничего, что немного насъ счетомъ!
Ну, родная моя, ободрись!
Намъ въ борьбѣ будетъ небо оплотомъ»...

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

Ой, ты вражья проклятая сила,
Гдѣ ты сына зарыла, скажи?...
Раскрывайся, сырая могила,
Вствѣтъ съ горемъ меня уложи!

Пусть земля бы скорѣй меня скрыла,
Чтобъ могла я съ улыбкой сказать:
Сынъ со мною опять! сынъ со мною опять!

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАШИХЪ ГОРОДОВЪ.

(ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ГОРОДСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССІИ ВЪ 1861—62 г. С. ПЕТЕРБУРГЪ 1863 г., ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ).

I.

Въ началѣ 1862 года министерству внутреннихъ дѣлъ Высочайше повелѣно принять немедленно мѣры къ улучшенію общественнаго управленія городовъ. Удовлетворительное разрѣшеніе такой обширной задачи требовало короткаго знакомства со всеми мѣстными особенностями городовъ и точнаго опредѣленія характера мѣстной экономической дѣятельности, потому что хотя многія поселенія, обращенныя въ города съ административной цѣлью, получили городское устройство, но сохранили свой прежній сельскій характеръ, и крестьяне, переименованные въ мѣщанъ, занимаются по старому земледѣліемъ.

Чтобы опредѣлить, въ какой степени каждая мѣстность обладаетъ существенными условіями городского населенія, министерство в. д. потребовало мѣстныхъ соображенія и статистическія данныя. Состав-

леніе ихъ поручено было особымъ комиссіямъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ городскихъ сословій, и для руководства дана была имъ особая программа. Полученныя свѣденія, какъ имѣющія самостоятельный интересъ, министерство нашло полезнымъ напечатать.

Издавая эту экономическую статистику, министерство видитъ въ ней не болѣе, какъ первый опытъ систематическаго обзорѣнія городовъ, и приглашаетъ лицъ, интересующихся этимъ предметомъ и близко знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами, сообщить свои замѣчанія и дать тѣмъ возможность приступить впослѣдствіи къ подобному изданію въ болѣе совершенномъ видѣ.

Предпринимать труды подобнаго огромнаго размѣра можетъ, разумѣется, только правительство, обладающее обширными средствами; частному лицу такая работа совершенно не подь силу. Въ двухъ томахъ «Экономическаго состоянія городскихъ поселеній», имѣющихъ по меньшей мѣрѣ сто печатныхъ листовъ, помѣщено описаніе 595 городовъ и посадовъ, и эта огромная работа окончена въ теченіе одного года. Секретъ такой быстроты объясняется, разумѣется, обиліемъ лицъ, принимавшихъ участіе въ трудѣ. Если мы предположимъ, что каждая комиссія состояла только изъ трехъ членовъ и одного секретаря, то окажется, что работало 2,380 человекъ, не считая тѣхъ, кто трудился въ министерствѣ надъ обработкой и проверкой мѣстныхъ данныхъ и надъ общей редакціей. Когда 2,380 человекъ трудились одинъ годъ, то одному человеку, для совершенія подобнаго труда, потребовалось бы 2,380 лѣтъ; очевидно, что одному человеку и вообще частнымъ лицамъ приниматься за подобныя предпріятія совершенно невозможно.

Первоначальныя побужденія правительствъ при разработкѣ статистическихъ вопросовъ были чисто административныя. Правительствамъ нужно было знать страпу и средства народа, для опредѣленія количества податей, налоговъ и натуральныхъ повинностей. Напримеръ, когда вводились первыя народныя переписи, то рѣчь шла исключительно о числѣ головъ, которыя могли платить подушный окладъ и о числѣ лицъ, которыхъ можно было взять ежегодно въ армию. При строгой централизованно-административной системѣ статистика и не могла имѣть другой болѣе широкой цѣли. Но и первыя скудныя статистическія данныя наводили уже мыслящихъ людей на вопросы болѣе широкіе. Списки смертности и рожденій представляли столько любопытныхъ данныхъ, что болѣе подробное раз-

слѣдованіе ихъ стало совершенно необходимымъ, даже при самой ограниченной, односторонней правительственной задачѣ. И въ самомъ дѣлѣ, правительство, желавшее, наиримѣръ, знать, сколько у него взрослыхъ подданныхъ, чтобы имѣть возможность рассчитать, какъ велика можетъ быть армія и какой назначить поголовный денежный сборъ, должно было, разумѣется, знать и то, сколько умираетъ людей въ извѣстномъ возрастѣ. Вопросъ о смертности вообще заставилъ обратить вниманіе на смертность по возрастамъ; оказалось, что въ разныхъ возрастахъ умираетъ разное число людей, что смертность и рожденія между мужчинами и женщинами представляютъ тоже разницу; что есть случаи, когда рожденія увеличиваются особенно сильно и т. д. Эти изысканія повели къ изслѣдованію причинъ, усиливающихъ и ослабляющихъ рожденія и смертность и имѣющихъ вліяніе на продолжительность жизни людей. Здѣсь открылось еще болѣе любопытныхъ данныхъ и новыхъ вопросовъ, которые опять повели къ новымъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ статистическія работы производились все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Главное участіе въ этихъ трудахъ принимали вездѣ правительства, потому что статистическія данныя представляли преимущественно интересъ государственный. По мѣрѣ распространенія образованія, правительства стали понимать, что ихъ взглядъ на значеніе статистики слишкомъ одностороненъ. Тогда-то явился вопросъ о народномъ благосостояніи, и статистика уже не ограничивалась простымъ собираніемъ цифръ и голыхъ фактовъ;—она стала изслѣдовать причины ихъ. Если бы мы, оставивъ въ сторонѣ всѣ остальные вопросы, стали смотрѣть на народъ, какъ на источникъ только государственныхъ доходовъ, то даже и при этомъ весьма одностороннемъ взглядѣ отъ статистики потребовались бы отвѣты на весьма разнообразные вопросы. Въ экономическихъ отношеніяхъ первое дѣло: экономическое пользованіе силами и возможное увеличеніе этихъ силъ. Кто хочетъ быть богатымъ и сильнымъ, тотъ долженъ знать, отъ какихъ причинъ зависитъ богатство и сила. Все, что ведетъ къ потерѣ народонаселенія, не можетъ представлять никакихъ выгодъ ни для государства, ни для частныхъ лицъ. Вотъ почему оказалось необходимымъ опредѣлить не только размѣръ смертности по возрастамъ и отношеніе смертности къ числу рожденій, но и разслѣдовать, отчего иногда люди умираютъ, какъ мухи; что способствуетъ сокращенію и продолженію жизни; какое вліяніе обнаруживаетъ на смерт-

ность матеріальное благосостояніе и бѣдность, дороговизна и дешевизна жизненныхъ предметовъ, свѣтлота и здоровья населенія и нравъ, нечистота, сырость. Въ этомъ видѣ статистика, какъ незаменимое руководящее пособіе, принята всеми образованными правительствами Европы, которыя, не довольствуясь одними голыми фактами, хотять знать и причины, вызывающія тѣ или другія общественныя явленія.

II.

При оцѣнкѣ какихъ бы то ни было статистическихъ работъ, а особенно большаго размѣра, необходимо имѣть въ виду тѣ трудности, которыя приходится встрѣтить статистикамъ въ данный историческій моментъ. Кому случалось заниматься лично собираніемъ статистическихъ свѣдѣній и дѣлать изъ нихъ выводы, тотъ знаетъ, каково труда стоитъ иногда одинъ какой нибудь итогъ или цифра, и какъ при всемъ желаніи пополнить очевидный пропускъ оказывается совершенно невозможнымъ это сдѣлать. Подобныя трудности встрѣтила и редакція, завѣдывавшая изданіемъ «Этнопомпического достоянія городскихъ поселеній». Въ предисловіи она говоритъ, что свѣдѣнія о многихъ мѣстностяхъ оказались весьма неудовлетворительными и неполными, въ особенности относительно ихъ торговаго и промышленнаго значенія. Такъ что многіе пробѣлы приходилось пополнять свѣдѣніями, имѣвшимися въ министерствѣ ранѣе, а также данными изъ разныхъ изданій, какія только могли найдтись подъ руками. Когда же ни тѣхъ, ни другихъ не было для проверки мѣстныхъ свѣдѣній, то необходимость заставляла оставлять данныя, сообщенныя комиссіями, въ томъ видѣ, какъ онѣ были присланы. Многія свѣдѣнія представляли рѣзкое противорѣчіе съ данными, полученными другимъ путемъ, а иногда обнаруживались и явныя несообразности. Отнести все это исключительно къ неудовлетворительности самаго способа собиранія свѣдѣній на мѣстахъ будетъ неосновательно, хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что личныя качества членовъ мѣстныхъ комиссій имѣли въ этомъ случаѣ значительную долю вліянія. Собираніе статистическихъ свѣдѣній у насъ дѣло еще на столько новое, что для большинства оно кажется таковаго рода умозрѣніемъ, безъ котораго можно очень удобно прожить своей вѣкъ. Ждали же люди

просто безъ статистики — промывать и теперь. Такъ разсуждаютъ въ большинствѣ случаевъ даже такъ называемые образованные люди; ну а тѣ, что причисляются къ необразованнымъ, дѣлать на статистику взглядъ еще болѣе своеобразный, основанный въ большинствѣ случаевъ на практическихъ соображеніяхъ, не всегда однако ошибочныхъ. Понятно, что масса свѣденій, обнимающая экономическую дѣятельность 595 городскихъ населеній, собиравшаяся подъ вліяніемъ подобныхъ мѣстныхъ соображеній, должна была включать множество такихъ особенностей, которыя поставили министерскую редакцію въ значительныя затрудненія. Такъ, напримѣръ, въ Бендерахъ изъ 22,045 жителей *обоимъ* пола показано 12,837 домовладѣльцевъ; если допустить, что послѣдняя цифра вѣрна, то очевидно, что во многихъ домахъ не должно быть вовсе жильцовъ. Въ Кобелякахъ подобная же ошибка: на 9,425 жителей *обоимъ* пола — 4,870 домовладѣльцевъ. Редакція полагаетъ, что въ число домовладѣльцевъ включены всѣ члены ихъ семействъ, и на это, разумеется, есть основаніе, потому что въ числѣ 4,870 мѣстная коммиссія считаетъ 2,375 мужчинъ и 2,495 женщинъ. Какъ бы то ни было, но ошибка несомнѣнна и не можетъ быть поправлена никакими догадками, которыя въ статистическихъ высканіяхъ не допускаются. Оставалось только указать на несообразность и оставить цифру въ томъ видѣ, какъ ее сообщили съ мѣста. Такъ и поступала редакція. Несообразность цифры бендерской коммиссіи становится еще значительнѣе отъ параллели, приведенной редакціей. По свѣденіямъ областного статистическаго комитета за 1861 г. въ Бендерахъ считалось частныхъ домовъ 1,225; т. е. на 11.612 монѣе противъ цифры коммиссіи. Если вѣрить комитету, то въ каждомъ домѣ живетъ по 18 человекъ, и слѣдовательно постройки для уѣзднаго города даже грандіозны; но если вѣрить коммиссіи, то въ домахъ живетъ отъ 1 до 2 человекъ, и грандіозность превращается въ иллюзію. Люди скорые на обсужденіе готовы будутъ тотчасъ же обвинить коммиссію и даже заподозрить ее въ неумѣнны считать. Но такое обвиненіе будетъ, разумеется, поспѣшно; очень можетъ быть, что права и коммиссія, правъ и комитетъ. Коммиссія могла сдѣлать ошибку въ томъ, что вмѣсто домовладѣльцевъ считала дома, и каждую отдѣльную крышку, какого бы она ни была качества, принимала за самостоятельный домъ. При такомъ счетѣ всѣ сараи и мазанки могли удостоиться чести считаться въ одномъ спискѣ съ домами. Съ дру-

гой же стороны статистическій комитетъ могъ имѣть совершенно аристократическое міросозерцаніе и дарилъ своимъ вниманіемъ только дома болѣе или менѣе грандіозные, считая жилища бѣдняковъ меньше, чѣмъ нулями. Что подобное объясненіе факта, о которомъ мы говоримъ, возможно, мы сошлемся на Саратовъ. По свѣденіямъ городской полиціи въ немъ показано 6,024 домъ, а по свѣденіямъ городской Думы только 3,855, разница на 2,166 домовъ. Разница эта случилась потому, что Дума считала только тѣ дома, которые оцѣнены не ниже 200 рублей. Хотя, по видимому, вопросъ о числѣ домовъ и не принадлежитъ къ особенно важнымъ; но мы однако полагаемъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается разъясненія степени эконо-мическаго благосостоянія людей, точное опредѣленіе размѣра недви-жимой собственности должно стоять на первомъ планѣ. Недостаточно еще знать, что въ такомъ-то городѣ находится столько-то домовъ, нужно знать еще, какъ велика собственность, изображаемая домами. Если подъ домами нужно понимать такія капитальныя зданія, какими владѣютъ въ Петербургѣ гг. Воронинъ, Кокоревъ, Утинъ, то, разу-мѣется, нужно будетъ согласиться, что жители Кобелякъ не только очень богаты, но что они предаются даже излишней и совершенно неблагоразумной роскоши, потому что въ каждомъ такомъ громад-номъ замкѣ живетъ всего по два человѣка, а въ иныхъ даже и по одному. Но если подъ домомъ слѣдуетъ понимать новоузенскія по-стройки, то очевидно, что богатству кобелякскихъ жителей можно и не завидовать. Скромный Новый Узень, помѣстившійся въ одной изъ печальнѣйшихъ мѣстностей Россіи, въ 60 верстахъ отъ границы Букѣвской орды, отличается замѣчательно печальной наружностью своихъ построекъ, и жалкимъ продовольствіемъ жителей. Изъ 895 домовъ считается въ немъ не болѣе 300 деревянныхъ, остальные 600 сложены изъ сырцоваго кирпича, или просто даже землелитные и приты соломой. Конечно, такая печальная наружность города дол-жна соответствовать вполнѣ средствамъ жителей. Если бы люди имѣли деньги, то они построили бы деревянные дома; но у нихъ нѣтъ средствъ не только для этого, но даже и для того, чтобы при-дать своимъ сырцовымъ домамъ болѣе приличную наружность. Ново-узенскій домъ кажется издали просто кучей земли; дома эти такъ низки, что безъ всякихъ затрудненій можно входить въ нихъ черезъ окна, ибо встрѣчаемое при этомъ препятствіе не больше того, да-же представляется обыкновеннымъ порогомъ. На это могутъ возра-

зять, что Новоузенскъ лежитъ въ совершенно степной мѣстности; что кругомъ, на двѣсти верстъ, нѣтъ ни одного лѣсочка, на одной рецкѣ; что приготовленіе кирпича поэтому совершенно невозможно, а строевой лѣсъ нужно перевозить изъ Покровской Слободы, лежащей подъ Саратовымъ т. е. за двѣсти сличкомъ верстъ. Мы нисколько не отвергаемъ полной справедливости этихъ фактовъ; но только замѣчаемъ съ своей стороны, что при достаточныхъ средствахъ петербургскихъ домовладѣльцевъ мрамръ, бронза и другія украшенія для ихъ домовъ привозятся даже изъ за-границы, и во всякомъ случаѣ обходятся имъ дороже, чѣмъ могли бы обойтись новоузенцамъ основныя или еловыя бревна, которыя не богъ-вѣсть какъ дорого продаются въ Покровской Слободѣ, да и перевозка ихъ тоже не потребуетъ какихъ нибудь немислимыхъ расходовъ съ чумагами, возвращающимися порожнякомъ. Мы не имѣемъ тоже никакихъ оснований подозрѣвать въ новоузенцахъ чувашской денежной скрытности; напротивъ, какъ извѣстно, русскій человѣкъ охотнѣе прикастетъ небывалымъ богатствомъ, чѣмъ станетъ прикидываться бѣднякомъ. Поэтому мы полагаемъ, что внѣшность Нового Узена соотвѣтствуетъ вполнѣ денежнымъ средствамъ его жителей и что они скорѣе бѣдны, чѣмъ богаты. Поэтому полагаемъ, что внѣшность города служить первымъ признакомъ, которымъ можно опредѣлить вполнѣ удовлетворительно степень благосостоянія жителей, и что вопросъ о домахъ долженъ играть въ экономическихъ изслѣдованіяхъ довольно важную роль. Недостаточно еще знать, сколько въ городѣ домовъ и домовладѣльцевъ, но какіе у нихъ дома: каменные или деревянные, большіе или малые. Такое изслѣдованіе полезно бы вести до такой степени подробности, чтобы опредѣлять число домовъ трехъ, двухъ, одно-этажныхъ, и сколько оныхъ въ рядъ; потому что совсѣмъ не все равно, если тысяча домовъ въ городѣ имѣютъ по семи оконъ на фасадъ, или только по три, или по два. Удовлетворительности статистическихъ выводовъ мѣшало до сихъ поръ то, что среднія числа только хотѣли примѣнять и къ вопросамъ экономическаго характера. Но это великая ошибка; если въ городѣ десять человѣкъ имѣютъ по сту рублей, а сто человѣкъ по рублю, то это вовсе не значитъ, чтобы у каждаго было по десяти рублей, какъ говоритъ средній выводъ. Поэтому-то, если ужь невозможно никакъ опредѣлять точными цифрами благосостоятельность и имущество каждаго лица и нельзя обрисовать вѣрно каждый городской

домъ, то тѣмъ не менѣе необходимо опредѣлить минимумы и максимумы т. е. сколько домовъ большаго размѣра и сколько пацукъ, или наемныхъ; сколько людей живетъ въ каждомъ большомъ домѣ и сколько въ домѣ маленькомъ. Разумѣется, собраніе такихъ подробныхъ свѣдѣній представить много затрудненій; но затрудненія эти вовсе не такъ велики, потому что каждый квартальный надсмотрщикъ знаетъ, вѣроятно, на память всѣ дома своего квартала. Подобныя минимумы и максимумы чрезвычайно важны въ статистическихъ свѣдѣніяхъ экономического характера. Если бы новоузенская коммиссія замечала, что изъ 940 домовъ только 300 деревянныхъ, а остальные каменные, то, разумѣется, читатель, незнакомый съ Узенемъ, вообразилъ бы въ немъ нѣсколько каменныхъ церквей, какъ это въ другихъ городахъ, нѣсколько каменныхъ домовъ, а остальные всѣ деревянные. Не было ли бы правильно такое заключеніе читателя, и за чѣмъ вводить его въ недоразумѣніе? Поэтому недостаточно еще одной общей, общей цифры, а должны быть и цифры частныя, на столько подробныя, чтобы въ умѣ читателя могло явиться ясное представленіе о вопросѣ, его интересующемъ. Такого рода свѣдѣніямъ мы придаемъ особенную важность для возможности будущихъ сравненій. Мѣры, принятыя для улучшенія быта сельскихъ и городскихъ сословій, такъ важны, что въ ближайшемъ будущемъ нужно ожидать много измѣненій въ жизни нашего престоляродья; поэтому-то возможно вѣрная и полная картина настоящаго экономического положенія городскихъ жителей—о которыхъ мы собственно и говоримъ въ настоящей статьѣ—была бы крайне необходима для полной оцѣнки въ будущемъ экономического роста нашихъ городовъ, и въ этомъ отношеніи остается пожалѣть, что мѣстные коммиссіи недостаточно специализировали вопросъ.

И въ другихъ случаяхъ свѣдѣнія ихъ не отличаются достаточной полнотой. Напримѣръ, относительно ремесленниковъ почти всѣ коммиссіи сообщали данныя ниже действительныхъ, и редація должна была пополнять ихъ свѣдѣніями губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Саратовская коммиссія показала, напримѣръ, только 447 ремесленныхъ заведеній и 1,460 ремесленниковъ, считая въ числѣ ихъ калачниковъ, булочниковъ, портныхъ, сапожниковъ, ткачей, кошельщиковъ, шуткатуровъ, столяровъ, баретчиковъ, кузнецовъ, серебряниковъ, часовщиковъ, живописцевъ и маляровъ. По свѣдѣніямъ же губернскаго статистическаго комитета въ Са-

ратовъ, въ 1861 г., было 3033 ремесленника, т. е. на 1572 болѣе. Въ частности по ремесламъ такая же разница. Комиссія насчитываетъ 274 портняжъ и 250 сапожниковъ, а статистическій комитетъ считаетъ въ числѣ первыхъ только 35 человекъ и въ числѣ вторыхъ 40. Въ видахъ ремесла различна тоже: комитетъ, кромѣ ремесла порочисленныхъ комиссіей, указываетъ еще — шрожиновъ, пряничниковъ, кандитеровъ, мясниковъ, модистовъ, перчаточниковъ, столярниковъ, фортепьянщиковъ, переплетчиковъ, ламповщиковъ, шарикалеровъ, коноваловъ и многихъ другихъ. Въ Новой-Ладогѣ комиссія показываетъ только 14 ремесленниковъ, и въ томъ числѣ 8 кузнецовъ, 2 столяра и 4 слесаря. Разумѣется, же нужно спеціальнаго знакомства съ городомъ, чтобы сообразить, что тамошніе жители вѣроятно ѣдятъ хлѣбъ и булки, что мѣщане не выписываютъ платья и сапоги изъ Петербурга, и это простое соображеніе подтверждается вполнѣ свѣдѣніями губерн. статист. комитета, который считаетъ въ Ладогѣ 86 ремесленниковъ. Въ Шенкурскѣ, по словамъ комиссіи, единственное ремесло шортняжное, и имъ занимаются два удѣльныхъ крестьянина; губернский же комитетъ перочисляетъ кромѣ того булочниковъ, сапожниковъ, маляровъ и т. д. Но еще рѣшительнѣе поступали мѣстные комиссіи, когда утверждали, что въ городахъ нѣтъ никакихъ ремеселъ. Такъ Кольская комиссія говорить, что въ Колѣ нѣтъ ни ремесленниковъ, ни фабрикъ, а статистическій комитетъ увѣряетъ, что тамъ есть кузнецы, сапожники, есть портной, столяръ, маляръ, трубчатъ. Въ коротчѣ комиссія не показываетъ тоже ремесленниковъ, а статист. комитетъ говорить, что ихъ тамъ 275 человекъ. И такое разногласіе встрѣчается по весьма многимъ городамъ. Намепецъ, есть такіе мѣстности, напримеръ Котляковъ, симбирской губ., гдѣ о ремеслахъ не говорить ни слова ни комиссія, ни комитетъ.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы комиссія дѣйствовала въ этомъ случаѣ намѣренно, изъ желанія скрыть городскихъ экономическихъ производителей. Если бы это было такъ, то одно и то же обстоятельство не являлось бы повсюду въ одной формѣ; а между тѣмъ мѣстности, удаленныя на тысячи верстъ, дѣйствуютъ согласно, какъ читатель могъ видѣть изъ приведенныхъ нами примѣровъ, — губерній архангельской, петербургской, саратовской, лурской, молтавской, симбирской. Очевидно, что причина разногласій лежитъ въ несооднакомъ пониманіи сущности самого вопроса. Это

видѣе всего на Саратовѣ, гдѣ статистическій комитетъ считаетъ въ числѣ ремесленниковъ 150 извозчиковъ, о которыхъ комиссія совершенно не упоминаетъ. И дѣйствительно, правильно ли считать извозъ ремесломъ? А если это такъ, то что нужно считать промысломъ? У насъ, какъ извѣстно, вопросъ о фабричной и ремесленно-цеховой производительности не отличается безукоризненной ясностью. Границъ между фабричнымъ и ремесленнымъ производствами не установлено, точно также не существуетъ рѣзкаго дѣленія между цеховой и домашней ремесленностью, которой занимаются обыкновенно мѣщане и крестьяне, освобождаемые въ этомъ случаѣ отъ гилдейскаго платежа и записки въ цехъ. Въ этомъ обстоятельствѣ вѣроятно и причина несогласія свѣденій комиссій съ свѣденіями статистическихъ комитетовъ. Комиссія считала вѣроятно только однихъ цеховыхъ мастеровъ и ремесленниковъ, извѣстныхъ полиціи оффиціально, а комитетъ считаетъ всѣхъ людей, занимающихся какимъ бы то ни было ремесломъ, а иногда даже и промысломъ. Если, на примѣръ, считать въ Петербургѣ только однихъ цеховыхъ прачекъ, и потомъ взять цифру всѣхъ женщинъ, занимающихся стиркой бѣлья, какъ ремесломъ, то окажется громадная разница, потому что на одну цеховую прачку придется не менѣе десяти нецеховыхъ. Говоря о ремесленности Пинеги, комиссія объясняетъ, что ремеслами занимаются такъ большею частью отставные солдаты и ихъ жены, а также и жены чиновниковъ. Такое объясненіе, разумѣется, важно, потому что оно заставляетъ предполагать, что и въ другихъ городахъ занимаются ремеслами много лицъ, незаписанныхъ въ цехъ, но если пинегская комиссія считала необходимымъ сдѣлать подобную оговорку, то, очевидно, только потому, что безъ нея не считала имѣющимъ оффиціальную силу число приведенныхъ ею ремесленниковъ. Такимъ образомъ разнорѣчіе показаній произошло, разумѣется; только потому, что оффиціальныя лица, составлявшія комиссія, имѣли на свое занятіе оффиціальныи взглядъ и считали дѣйствительно законными только тѣ свѣденія, которыя были извѣстны оффиціальнымъ путемъ. Этотъ взглядъ на занятіе статистикой очень неудобенъ въ томъ отношеніи, что ведетъ къ неудовлетворительнымъ статистическимъ свѣденіямъ.

Вообще мѣстные данныя о промыслахъ и занятіяхъ городскихъ жителей не отличаются удовлетворительной разработкой, а иногда не имѣютъ даже необходимой для ясности дѣла обстоятельности. На примѣръ, въ Ново-Александровскѣ, ковенской губерніи, считается

всѣхъ жителей 5,520. Торговля въ немъ не имѣетъ никакого значенія, такъ что въ городѣ торгуетъ всего 5 купцовъ; ремесленная промышленность, по словамъ комиссін, соответственно мѣстной потребности скудна и ограничивается самыми необходимыми въ обществѣ мастерствами. По словамъ же комитета, въ городѣ 51 мастеръ, съ 14 рабочими и 39 учениками, т. е. всего 104 человека. Изъ заведеній заводской промышленности находится въ городѣ всего двѣ незначительныя пивоварни (число рабочихъ не показано). Сельскими промыслами жители не занимаются. Чѣмъ же, спрашивается они живутъ, когда не занимаются ни торговлей, ни ремеслами, ни сельскимъ хозяйствомъ, ни заводской или фабричной промышленностью? Что люди должны имѣть какіе нибудь источники существованія, видно изъ того, что въ Ново-Александровскѣ благополучно и здорово проживаетъ 5¹⁾, т. народу, не умирая съ голоду, а между тѣмъ статистика нашла запятія только у 109 человекъ; неужели остальные 5,411 человекъ сидятъ сложа руки? И такихъ описаній встрѣчается не одно. Въ другихъ мѣстахъ говорится глухо, что жители снискиваютъ себѣ пропитаніе въ городѣ, но чѣмъ не объяснено. Подобныя уклончивыя объясненія могутъ быть хороши тогда, когда есть какія нибудь причины избѣгать точныхъ выраженій, но въ статистикѣ они неудобны, потому что порождаютъ смутныя представленія, а на практикѣ могутъ вести къ послѣдствіямъ болѣе серьезнымъ. Конечно, собирать данныя объ экономическихъ занятіяхъ жителей и объ ихъ заработкахъ весьма нелегко; потому что промышленный и торговый народъ изъ осторожности обыкновенно сообщаетъ свѣденія ниже дѣйствительныхъ. Но въ приведенныхъ примѣрахъ трудность была не этого рода; тамъ просто не говорится ничего о занятіяхъ городского населенія. Объ этой неточности приходится жалѣть тѣмъ болѣе, что между самой подробной разработкой экономическо-статистическихъ вопросовъ и между такими отвѣтами, какіе даетъ описаніе Ново-Александровска, есть середина весьма доступная для нашихъ небольшихъ еще статистическихъ средствъ и силъ. Каждый мѣстный старожилъ, купеческаго или промышленнаго сословія, знаетъ очень хорошо, какимъ трудомъ существуетъ городское населеніе. Слѣдовательно, разспросомъ нѣсколькихъ мѣщанъ и купцовъ можно опредѣлить вполне точно роды мѣстныхъ занятій; точно также можно узнать и степень ихъ послѣдовательной важности для жителей, и наконецъ размѣры самыхъ большихъ и самыхъ

маленьких заработковъ въ каждомъ родѣ промысловъ. Мы думаемъ, что для всякаго мѣстнаго доставителя статистическихъ данныхъ не было бы большого труда собрать свѣдѣнія въ родѣ слѣдующихъ. Возьмемъ для примѣра тотъ же самый Ново-Александровскъ, съ его 5,520 жителей. Разумѣется, не всё они въ одинаковой степени могутъ быть признаны экономическими производителями, и потому прежде всего слѣдуетъ отдѣлать собственно городскихъ производительныхъ сословій отъ лицъ, неучаствующихъ непосредственнымъ физическимъ трудомъ въ мѣстныхъ промыслахъ и производствахъ. Въ числѣ 5,520 человекъ заключается 2,786 мужчинъ и 2,734 женщины. Далѣе — дворянъ вѣ. п. 127, духовныхъ 33, купцовъ 34, мѣщанъ 3,119, служащихъ военныхъ чиновъ 528, бессрочно-отпущенныхъ и отставныхъ съ ихъ женами 122. Какія же изъ этихъ сословій слѣдуетъ считать въ строгомъ смыслѣ городскими производителями? Разумѣется, только мѣщанъ, купцовъ и отставныхъ военныхъ т. е. 3,275 человекъ. Остальные могутъ имѣть только большее или меньшее экономическое значеніе. Эти 3,275 человекъ нужно опять подраздѣлить на отдѣлы. Купцовъ въ этомъ числѣ 34 ч., изъ нихъ 19 мужчинъ и 15 женщинъ. Сколько изъ этихъ лицъ взрослыхъ и способныхъ трудиться лично и сколько малолѣтнихъ? Положимъ, что на половину, т. е. 10 мужчинъ и 8 женщинъ взрослыхъ, и 9 и 7 малолѣтнихъ. Между взрослыми всё ли работаютъ лично или нѣтъ, и на сколько женщины помогаютъ мужчинамъ въ ихъ коммерческихъ дѣлахъ? Если женщины ограничиваются исключительно домашними занятіями, то для коммерціи останется только 10 взрослыхъ мужчинъ, изъ которыхъ, можетъ быть, трое по болѣзни или по старости не принимаютъ участія въ дѣлахъ. Такимъ образомъ изъ 34 лицъ купеческаго сословія можетъ оказаться действительныхъ работниковъ только 7 человекъ или 20% общаго числа, а 27 человекъ или 80% частью не имѣютъ никакого экономическаго значенія, а частью самое слабое, освещенное по предметамъ немногосложнаго домашняго хозяйства. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ разсортировать и мѣщанъ, отдѣливъ мужчинъ отъ женщинъ, дѣтей отъ взрослыхъ, больныхъ и престарѣлыхъ отъ работниковъ. Въ мѣщанскомъ сословіи женщины отличаются большей активностью, чѣмъ въ купеческомъ быту, и за исключеніемъ больныхъ и старухъ, ихъ всѣхъ можно считать работницами. Отдѣливъ $\frac{2}{5}$ въ каждой полѣ на дѣтей и стариковъ,

можно будетъ принять число дѣйствующихъ рабочихъ въ мужскихъ равнымъ 890, а женщинъ—работницъ—985, всего же, тѣхъ и другихъ, 1,875, или 60% рабочаго населенія и 40% нерабочаго. Между оставшимися солдатами число рабочихъ еще можно принять безъ большой ошибки равнымъ 50%. Малочислѣ между жителями Ново-Александровска есть еще 1,512 человекъ, которыхъ поминки называютъ лицами, непринадлежащими къ вышеописаннымъ разрядамъ. Если мы допустимъ, что всѣ эти незнакомцы отличающія тѣми же рабочими способностями и качествами, какъ и мѣщане, и применимъ къ нимъ тотъ же расчетъ, то получимъ 907 рабочихъ и 605 нерабочихъ. Такимъ образомъ во всемъ Ново-Александровскѣ окажется дѣйствительныхъ производителей 52% или 2,850 человекъ, а 2570 неучаствующихъ прямо въ производствѣ. Конечно, нашъ расчетъ только примѣрный, и мы дѣлаемъ его только для того, чтобы показать, какъ экономическая статистика должна сортировать населенія. Теперь останется только опредѣлить, чѣмъ занимаются эти 2,850 человекъ. По мѣстныхъ свѣдѣніямъ извѣстно, что 104 дѣбываютъ себѣ средства существованія ремеслами, а 5 торгуютъ въ городѣ, да еще 5 ч. торгуютъ въ другихъ мѣстахъ, всего 114. Извѣстно также, что въ городѣ есть 22 лавки, 2 гостиницы, 1 ресторация, 1 харчевня и 2 постоялыхъ двора. Разумѣется, во всѣ эти заведенія нужны люди; положимъ, въ каждое по два человека, это составитъ 56 человекъ; служащимъ чиновникамъ, купечеству и болѣе зажиточнымъ мѣщанамъ нужна, разумѣется, прислуга—предположимъ 300 человекъ. Итого 570 человекъ нашихъ у насъ занятія, затѣмъ остаются еще 2,280 человекъ, которыхъ намъ разсортировать довольно мудро, по мѣстной комиссіи сдѣлать это было бы легче. Изъ описанія видно, что 287 ч. получили паспорта для заработка на сторонѣ, а такъ какъ въ Ново-Александровскѣ считается 747 евреевъ обоего пола, то нужно предполагать, что тамъ до извѣстной степени процвѣтаетъ уличная и базарная торговля, а на случаю уничтоженія откуновъ явись вѣроятно приличное количество штейныхъ заведеній. Не будетъ вѣроятно большой ошибки, если на всѣ эти разнообразныя занятія мы положимъ 250 человекъ. Теперь у насъ пристроено къ дѣлу уже 1,107 человекъ. Изъ этихъ расчетовъ читатель можетъ увидѣть, что прослѣдить за родомъ занятій жителей какаго нибудь города совсѣмъ не такъ трудно, и безъ особеннаго усердія можно узнать, сколько человекъ въ городѣ занимаютъ подан-

ной работой, сколько извозчиковъ, ремесленниковъ, прислуги въ частныхъ домахъ и публичныхъ заведеніяхъ, сколько торгуютъ въ лавкахъ, на базарахъ, сколько уходили для заработковъ на сторону, сколько занято земледѣліемъ и т. д. После такой сортировки людей важный вопросъ составляетъ размѣръ ихъ заработка. Здѣсь мы не лагаемъ достаточнымъ ограничиться крайними цифрами т. е. опредѣленіемъ самаго большаго и самаго малаго вознагражденія. Не думаемъ, чтобы это могло представлять какія нибудь серьезныя затрудненія, и, разумѣется, не болѣе, какъ въ два дня, одинъ человекъ могъ бы собрать всѣ эти свѣдѣнія. Тогда явились бы довольно полныя данныя для сужденія о степени выгодности каждаго рода занятія и о среднемъ вѣроятномъ благосостояніи жителей на основаніи минимумовъ и максимумовъ. Разумѣется, средній выводъ не сообщилъ бы правильнаго понятія объ экономическомъ бытѣ; но, имѣя крайности, можно бы примириться покажѣть и на немъ, чтобы не заявлять слишкомъ большихъ требованій, исполненіе которыхъ въ настоящее время по многимъ причинамъ еще невозможно. Мы знаемъ, что самое правильное заключеніе можно составить только тогда, когда извѣстно въ точности экономическое положеніе каждаго отдѣльнаго человека; но исполненіе подобной задачи для насъ еще невысказано, и мы бы желали только, чтобы хотя и то, что заключается въ данныхъ, собранныхъ мѣстными комиссіями, получало нѣсколько иную обработку и большее специализированіе. Экономическое состояніе городскихъ населеній было бы еще яснѣе, если бы подробности о мѣстной промышленной благосостоятельности могли бы быть дополнены нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя имѣются уже готовыми въ городскихъ управленіяхъ. Мы говоримъ о недоимкахъ. Степень исправности народонаселенія въ платежахъ податей, разумѣется, выказываетъ лучше всего его экономическія средства. При указаніи недоимокъ важна, разумѣется, не общая ихъ цифра, а число недоимщиковъ, причины ихъ несостоятельности и размѣръ личной недоимки каждаго.

Съ расширеніемъ круга дѣятельности городскихъ управленій и съ тѣми началами самоуправленія, которыми уже пользуются городскія управленія, не мѣшало бы понять ту пользу, какую можетъ оказать имъ статистика, и, не ожидая особенныхъ распоряженій сверху, приняться за собраніе и разработку тѣхъ статистическихъ вопросовъ, безъ которыхъ невозможно никакое мало-мальски порядочное управленіе. Мѣстными комиссіями, разумѣется, не имѣли такого взгляда на свои

занятія; они исполняли волю начальства, не затрудняя себя вопросами, нѣтъ-ли между этой волей какого нибудь болѣе тѣснаго отношенія къ благосостоянію ихъ города, чѣмъ одно официальное любезнѣнство. Многие, по старымъ понятіямъ, вѣроятно даже и негодовали на то, что ихъ потревожили для такого страннаго дѣла, какъ собраніе свѣденій о числѣ лавочниковъ, навощниковъ, бурлаковъ, сапожниковъ и т. д., вовсе не подозревая, что всѣ эти данныя прежде всего собираются для нихъ самихъ. Министерство имѣетъ свои цѣли, объемъ его занятій широкъ, и уже по этому одному оно можетъ не вдаваться въ частности и мелочи, основывая свои распоряженія на годовыхъ итогахъ и среднихъ выводахъ. Совсѣмъ не то нѣстнымъ городскимъ управленіямъ. Средніе выводы для нихъ уже недостаточны, имъ необходимо опредѣлять въ точности всѣ отдѣльныя дѣлы, въ которыхъ составился общій итогъ. Если министерство можетъ удовлетвориться вполне, принимая единицей каждый отдѣльный городъ; то ему совершенно достаточно знать, что въ такомъ-то городѣ столько всѣхъ жителей, у нихъ столько-то домовъ, доходы города составляютъ такую-то сумму, а расходы такую. Но для самого города эти дѣлы будутъ слишкомъ крупны: ему необходимо знать тѣ отдѣльныя величины, изъ которыхъ они сложились, и какъ для министерства единицу составляетъ каждый отдѣльный городъ, такъ для города единицей долженъ служить каждый отдѣльный житель. Городу невозможно основывать своихъ домашнихъ распоряженій на огульныхъ свѣденіяхъ, если бы даже вся его задача заключалась только въ томъ, чтобы собирать и расходовать деньги, то и это дѣло невозможно исполнить порядочно безъ точнаго знанія экономическихъ средствъ каждаго жителя. Поэтому всѣ свѣденія объ имуществѣхъ и доходахъ народонаселенія должны быть собраны и разработаны на мѣстахъ съ особеннымъ тщаніемъ; всѣ экономическія силы должны быть приведены въ точную извѣстность; всѣ городскія доходы и расходы изслѣдованы въ подробности. Намъ могутъ возразить, что всѣ эти свѣденія очень хорошо извѣстны мѣстнымъ Думамъ и полиціямъ; но мы полагаемъ, что если это и справедливо, то такого секретнаго знанія еще недостаточно, ни вообще, ни въ частности. Какая польза отъ того, что городъ знаетъ, что его расходы покрываются вполне доходами, что городское управленіе стоитъ ему, положимъ, 7,000 р., содержаніе городскихъ имуществъ 4,000 р., наружное благоустройство 200 р., военная повинность 100 р., благотвори-

твѣнные заведенія и школы: 400 р. и что городскія имущества и оброчныя статьи даютъ доходу 9,000 р., промыслы городскихъ жителей 1,500 р., косвенныя налоги 1,000 р. и т. д. Зная все это про себя, городъ едва ли можетъ сообразить, хорошо ли все это или худо, доходы удовлетворительны или нѣтъ, расходы велики или малы. Если, положимъ, городъ доставитъ подобныя же статистическія данныя о другія мѣстности, то онъ и тутъ не будетъ въ состояніи сообразить, хорошо или худо идутъ его дѣла. Положимъ, что два города съ совершенно одинаковымъ народонаселеніемъ представляютъ такую разницу въ цѣнахъ своихъ доходовъ и расходовъ: одному—городское управленіе стоитъ 7,000, а другому 6,000, военная повинность 100 и 150 р., содержаніе городскихъ имуществъ 4,600 и 4,500; оброчныя статьи даютъ одному 9,000, а другому 12,000, промыслы городскихъ жителей 1,500 и 1,000 р. Какой выводъ можно сдѣлать изъ этихъ цифръ? Только тотъ, что доходы и расходы, какъ вообще, такъ и въ частности, въ этихъ обочихъ городахъ неодинаковы. Выводъ не особенно важный, потому что изъ него нельзя извлечь никакой практической пользы. И въ самомъ дѣлѣ если въ одномъ мѣстѣ городское управленіе стоитъ 7,000, а въ другомъ только 6,000; значитъ ли это, что въ послѣднемъ городѣ управленіе дешевле. Очень можетъ быть, что при болѣе ограниченныхъ потребностяхъ онъ удовлетворяется менѣе расчетливо, такъ, что хотя 7,000 и болѣе 6,000, но первое управленіе все-таки дешевле. Относительно городскихъ доходовъ то же самое. По воловому доходу съ оброчныхъ статей и имуществъ не видно еще, удовлетворительны или нѣтъ примосымаый ими доводъ, потому что не видна ни капитальная цѣнность каждой статьи, ни процентъ приносимаго ею волового дохода, ни размѣръ издержекъ по управленію. Совсѣмъ другое, если всѣ эти сужденія будутъ представлять такія подробности и частности, которыя дадутъ возможность составить правильное понятіе объ ихъ относительной правильности и необходимости. Въ этомъ случаѣ два города, находящіеся относительно въ одинаковыхъ условіяхъ, будутъ имѣть уже возможность сдѣлать нѣкоторыя сравненія, разумѣется не безъ пользы для своего хозяйства и управленія. Одинъ изъ нихъ, можетъ быть, увидитъ, что управленіе стоитъ ему слишкомъ дорого, что у него есть излишніе расходы въ однихъ случаяхъ, а на другія статьи—напримѣръ на образованіе и на выѣзнее благоустройство—издержки его слишкомъ ограничены; что управленіе городскими иму-

цествомъ и оброчными статьями далеко не блистательно и т. д. Мы полагаемъ, что если статистическіе выводы могутъ наводить людей на подобныя полезныя сравненія и ведутъ къ практическимъ примѣненіямъ, обнаруживающимъ прямое вліяніе на улучшеніе быта людей, то они стоятъ того, чтобы нѣсколько человекъ въ каждомъ городѣ посвятили себя на подробное разслѣдованіе мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ. Люди, готовые на подобное полезное дѣло, найдутся, разумѣется, вездѣ. Наши провинціи богаты мелодными селами, которыя по недостатку дѣльныхъ занятій тратятся нерѣдко на пустыни. Пусть всякій, кто можетъ, занимается мѣстной статистикой; польза отъ этого дѣла будетъ великая, потому что мы познаемъ наконецъ съ своимъ экономическимъ бытомъ не изъ общихъ фразъ и газетныхъ разглагольствованій, а по точнымъ даннымъ и несомнѣннымъ выводамъ, основаннымъ на изученіи частныхъ. На эти-то частности и нужно обращать преимущественное вниманіе, не забывая того, что общіе итоги и среднія величины не даютъ никогда основаній для правильныхъ заключеній. Намъ нужны во всемъ минимумы и максимумы только они даютъ вѣрную картину быта и указываютъ на достоинства и недостатки, избытки и лишенія. Вопросы о личныхъ платежахъ мѣстныхъ жителей, о недвижимостяхъ и размѣрахъ недвижимогъ каждаго лица, и о причинахъ ихъ, должны быть изслѣдованы съ особенной подробностью. Купеческія банкротства, торговое довѣріе, размѣры оборотовъ, торговыя сдѣлки, принадлежать къ вопросамъ также первой важности; но къ сожалѣнію комиссіи не обратили на нихъ нигдѣ вниманія. Только при описаніи Кіева помѣщено — вѣроятно редакціей — въ выпискѣ слѣдующее любопытное свѣденіе, взятое изъ кіевского телеграфа. «На кіевской ярмаркѣ 1863 г., по показаніямъ самихъ купцовъ, продажа товаровъ на $\frac{3}{4}$ части состоялась въ долгъ и только за $\frac{1}{4}$ были заплачены наличныя деньги. Въ сравненіи съ прошлогодними контрактами товаровъ было привезено меньше на 665,023 р. и продано меньше на 423,300 р. Денежныя обороты были незначительны, они ограничились большею частію обмѣномъ старыхъ векселей и заемныхъ писемъ на новыя. Только двѣ конторы извѣстнѣйшихъ сахарныхъ заводовъ Браницкихъ и Сангушки пользовались неограниченнымъ кредитомъ, для прочихъ же займы были почти невозможны, даже за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе. Результатъ ярмарки вообще оказался неблагоприятнымъ и убыточнымъ

для торговцевъ. Главной причиною былъ всеобщій кризисъ, а въ особенности упадокъ частнаго кредита въ краѣ: недостатка въ капиталахъ не ощущалось, но недовѣріе препятствовало имъ пускаться въ обращеніе свои капиталы. Другое обстоятельство, имѣвшее большее вліяніе на дурной ходъ торговли, было то, что помѣщики сахаровары приостановили выплату денежныхъ обязательствъ и уплату долговъ на сумму отъ 3¹/₂ до 4 мил. руб., что, въ соединеніи съ неуплаченными долговыми обязательствами прежнихъ лѣтъ, составило цифру въ 12 мил. Этотъ капиталъ, вынутый изъ обращенія, не позволилъ дѣлать заимодавцамъ обыкновенныхъ во время ярмарки оборотовъ.»

Перечисляя населеніе Ново-Александровска, мы указали на довольно значительную массу людей, которыхъ коммиссія называетъ «лицами, непринадлежащими къ вышеозначеннымъ разрядамъ». Это странное выраженіе встрѣчается почти при описаніи каждаго города. Разумѣется, оно бы не могло особенно огорчить читателя, если бы подъ нимъ скрывались какія нибудь незначительныя величины, какъ, примѣръ, въ Кузнецкѣ, гдѣ этихъ незнакомецъ всего 8 человекъ. Но совсѣмъ другое, когда такое выраженіе примѣняется къ тысячамъ и даже къ десяткамъ тысячъ. Въ Саратовѣ, примѣръ, «лицъ, непринадлежащихъ къ вышепоказаннымъ разрядамъ», считается 22,824. Кто бы это могъ быть? Просматривая описаніе населенія города, мы нашли тамъ: дворянъ потомственныхъ, личныхъ и чиновниковъ, духовенство разныхъ исповѣданій, почетныхъ гражданъ потомственныхъ и личныхъ, купцовъ мѣстныхъ и иногородныхъ, мѣщанъ тоже мѣстныхъ и иногородныхъ, цеховыхъ, крестьянъ государственныхъ, волонистовъ, крестьянъ удѣльныхъ и временно-обязанныхъ, бывшихъ дворовыхъ людей, вольноотпущенныхъ, воинскихъ чиновъ служавшихъ, отставныхъ и безсрочныхъ, солдатскихъ женъ, вдовъ и дѣтей, иностранныхъ подданныхъ, наконецъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній. Кажется, полнѣ этого перечисленіе быть не можетъ и обнимаетъ оно рѣшительно всѣ сословія, какія только существуютъ въ Россіи, а между тѣмъ оказывается въ одномъ только Саратовѣ болѣе 22 тысячъ людей какаго-то особеннаго разряда. Изъ уваженія къ размѣру этой цифры стоило бы сдѣлать какой нибудь, самый незначительный, намекъ на то, что это за такіе люди и какимъ трудомъ они существуютъ. Если подобная неопредѣлительность выраженія не обращала на себя вниманія извѣстныхъ коммиссій, и члены ихъ удо-

сметворились тѣмъ, что кромѣ людей извѣстныхъ проживаютъ у нихъ въ городѣ лица, которымъ нѣтъ названія, и не поинтересовались разъяснить этотъ вопросъ, то такой фактъ повсемѣстнаго невниманія къ точности и ясности статистическихъ указаній можетъ повести скептиковъ къ сомнѣнію въ достаточности нашихъ средствъ къ занятіямъ, требующимъ сообразительности. Такое мнѣніе будетъ, разумѣется, несправедливо, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что при официальной разработкѣ статистики выборъ лицъ для этого дѣла можетъ быть нерѣдко ошибоченъ, а самое порученіе, исполняемое по «казенной надобности», можетъ идти не съ той внимательностію, какая необходима въ этомъ дѣлѣ. Поэтому мы полагаемъ, что было бы полезно, чтобы для статистическихъ работъ приглашались люди, чувствующія охоту къ подобнымъ занятіямъ, не справляясь ни объ ихъ официальномъ положеніи, ни о мѣстѣ ихъ служенія, и такимъ-то охотникамъ открывали бы двери разныхъ святилищъ, недоступныхъ для обыкновенныхъ людей, и давали бы имъ всѣ пособія и средства, необходимыя для занятій. Не подлежитъ сомнѣнію, что одинъ такой охотникъ принесетъ разработкѣ статистики въ одинъ годъ больше пользы, чѣмъ десять человекъ, занимающихся по казенной надобности, и выбранныхъ въ комиссіи иногда, можетъ быть, противъ воли.

Что касается до общей редакціи труда, то относительно ея мы сдѣлаемъ только два замѣчанія. Въ описаніе городовъ не вошли Петербургъ, Москва и Одесса, потому что общественное управленіе преобразовано уже въ нихъ на новыхъ началахъ. Эта причина кажется намъ недостаточно сильною, чтобы оправдать пропускъ нашихъ лучшихъ трехъ городовъ. Не сказать о нихъ ни слова, точно будто бы ихъ вовсе не существуетъ на землѣ, то же самое, какъ если бы показывать кому нибудь обширное зданіе и скрыть три самыхъ лучшихъ помѣщенія; или, описывая города Франціи и Англіи, умолчать о Парижѣ и Лондонѣ. Столицы государствъ— это умъ и сердце страны; въ столицахъ сосредоточиваются лучшія силы народа; не зная дѣятельности столицы, невозможно судить правильно о дѣятельности всей страны. Точно также нужно пожалѣть, что не включены города остзейскіе. Отъ нихъ правда и не требовались свѣденія, потому что города эти имѣютъ особое устройство. Но именно это-то особое устройство и заставляетъ жалѣть о пропускѣ. Очень можетъ быть, что сравненіе экономического положенія

наших городовъ съ положеніемъ городовъ естзейскихъ народа бы наши Думы и городовыя управленія на какія нибудь желанія для нихъ соображенія. Второе замѣчаніе относится къ недостатку общихъ выводовъ и соображеній. Прочитавъ издавъ два томотыхъ тома не подь силу всякому, а между тѣмъ каждому было бы интересно получить общее понятіе объ экономическомъ положеніи нашихъ городовъ. Но и сплошное чтеніе невозможно многимъ, если у кого и достало бы для того времени и охоты. Приведемъ одинъ примѣръ: встрѣлая въ каждомъ городѣ указаніе на «лицъ, непринадлежащихъ къ вышеозначеннымъ разрядамъ», другой читатель, можетъ быть, и заинтересовался бы узнать, сколько въ Россіи такихъ непонятныхъ людей; но какъ онъ это узнаеть, Неужели дѣлать отбѣтъ по каждому городу и потомъ сложить ихъ? Работа черезъ-чуръ большая и не у всякаго достанеть на нее силъ. — Въ рускомъ изданіи Кошба послѣ перечисленія разныхъ сословій оказано: «лицъ прочихъ разрядовъ» 274,548, тѣ же это, что и «непринадлежащія къ вышеозначеннымъ разрядамъ», или другія? Если тѣ же самыя, то почему нѣтъ размѣръ цифры возбуждаетъ, разумѣется, любопытство узнать ее въ большихъ подробностяхъ и въ болѣе специальномъ опредѣленіи. Читатели могутъ интересоваться также вопросы о числѣ фабрикъ, ремесленниковъ, объ общихъ расходахъ городовъ и по другимъ предметамъ, показаннымъ въ частности при описаніи каждого города, но онъ не получитъ ни одного отвѣта на подобныя вопросы. Любопытному и терпѣливому человѣку остается только одно — взять охоты и сводить самому общіе итоги. Трудъ неблагодарный, — но другого выхода нѣтъ.

Редакціи принадлежитъ счастливая мысль напечатать каждую губернію въ видѣ отдѣльнаго выпуска. Такъ думаемъ мы потому, что каждая губернія имѣеть свое отдѣльное оглавленіе и отдѣльную мѣру纸张 страницъ, и хотя описанія, собранныя вмѣстѣ, составляютъ два тома (въ такомъ видѣ мы имѣемъ это изданіе), но вѣроятно можно получить описаніе каждой губерніи особо. Мысль издавать статистическія свѣденія въ такомъ видѣ имѣеть важное практическое значеніе, потому что каждый можетъ купить то, что его интересуетъ, избѣгая такимъ образомъ траты денегъ на все изданіе, когда ему нужны, можетъ быть, только двѣ, три губерніи. Но, можетъ быть, мы ошибаемся въ своемъ заключеніи, и при такомъ порядкѣ изданія имѣлись въ виду не столько интересы частныхъ лицъ, сколько се-

большіе расходы печати, потому что если въ каждый городъ пойдетъ по одному экземпляру описанія собственно той губерніи, въ которой принадлежать городъ, то для этого потребуется только 42 полныхъ экземпляра всего изданія; но если бы каждому городу высылать оба тома вполнѣ, то для этого нужно 595 экземпляровъ. Разница останется еще чувствительнѣе, если обратить вниманіе на то, что раземляна дѣлалась вѣроятно не въ одномъ, а въ двухъ, трехъ или даже болѣе экземплярахъ.

III.

Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы, отсутствіе которыхъ въ экономическомъ описаніи городовъ уменьшаетъ на половину интересъ этого, вообще чрезвычайна важнаго, изданія.

Русскіе города, по своему происхожденію, представляютъ значительную разницу отъ городовъ западно-европейскихъ

Въ постепенномъ развитіи экономической дѣятельности какого либо народа село и городъ служатъ представителями двухъ разнохарактерныхъ группъ человѣческаго труда. Село есть центръ земледѣльческой дѣятельности; оно производитъ предметы самой первой необходимости, создаетъ сырье. Городъ перерабатываетъ ихъ и производитъ предметы для дальнѣйшихъ и высшихъ потребностей общества. Народы, едва перешедшіе къ земледѣльческому быту и неразвитые въ экономическомъ отношеніи, не имѣютъ городовъ. Сельская дѣятельность удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ потребностямъ людей, вообще довольно ограниченнымъ. Каждый селянинъ приготовляетъ себѣ дома все—онъ строитъ и домъ своими домашними средствами, заготовляетъ себѣ самъ и платье, и обувь. Въ земледѣльческомъ быту молодыхъ народовъ существуетъ очень мало предметовъ, для изготовленія которыхъ имѣлись бы особенные производители—специалисты; раздѣленіе труда въ такомъ быту вообще слабо. Городъ, какъ представитель ремесленной и фабричной дѣятельности, является уже тогда, когда земледѣльскій бытъ народа достигаетъ довольно значительной степени развитія. Разумѣется, что города не создавались вообще подъ влияніемъ исключительно экономическихъ интересовъ;

но тѣмъ не менѣе экономическое вліяніе было при этомъ самымъ сильнымъ.

Наиболѣе нормальное развитіе городовъ совершалось въ Англіи. Со времени изобрѣтенія машинъ и по мѣрѣ разширенія мануфактурной и фабричной дѣятельности города въ этой странѣ развивались и строились вновь съ необычайной быстротой и почти на нашей памяти. Фабрика для своего основанія ищетъ обыкновенно такого мѣста, гдѣ можно получить болѣе выгодно предметы сельскихъ произведеній—хлѣбъ, топливо, мясо и т. д. Въ дешевыхъ мѣстностяхъ—дешевле и рабочіе. Поэтому понятно, что фабрикантъ выбираетъ для своего водворенія мѣстности сельскія. Но вотъ фабрика выстроилась. Тотчасъ же она становится центромъ, около котораго группируются и другіе производители. Рабочимъ нужна пища, одежда, обувь; рабочій хочетъ иногда выпить и погулять, и для удовлетворенія всѣхъ этихъ разнообразныхъ потребностей фабричнаго населенія потянутся портные, сапожники, торговцы разными предметами, трактирщики и т. д. Для разныхъ промышленныхъ и торговыхъ сдѣлокъ поселятся нотаріусы и маклера; для водворенія порядка явится полиція, и такимъ образомъ одна фабрика владетъ основаніе будущему городу. Дешевизна производства, представляемая молодой фабричной мѣстностью, привлекаетъ въ нее новыхъ фабрикантовъ, строятся новыя мануфактуры, а съ ними являются новыя тысячи людей разныхъ специальностей, и такимъ образомъ городъ готовъ. Этимъ путемъ многія печальныя и пустынные мѣстности — напримѣръ Ланкаширъ — менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ покрылись множествомъ новыхъ городовъ, и все городское населеніе Англіи увеличилось въ изумительномъ размѣрѣ. Напримѣръ, Лондонъ, въ которомъ сто лѣтъ тому назадъ считалось 700,000 жителей, имѣетъ теперь почти 3,000,000. Въ 1801 году считалось въ Манчестерѣ 94 тысячи, а теперь больше 400 тысячъ; въ Бредфордѣ, въ 1801 г. считалось 13,000, теперь 104,000. При населеніи въ 21 м. Великобританія имѣетъ 70 городовъ съ населеніемъ болѣе 20,000 въ каждомъ, 16 городовъ съ населеніемъ болѣе 50,000, и 11 городовъ съ населеніемъ 100,000. Въ Англіи и въ Шотландіи считается 815 городовъ, съ 40,556,288 ж., тогда какъ въ селеніяхъ живетъ только 10,403,189 человекъ. Такимъ образомъ въ Англіи на 6 квадратныхъ миль приходится одинъ городъ, и городское населеніе больше сельскаго. Только въ одной Америкѣ росли города

съ подобной быстротой. Напримѣръ, сто лѣтъ тому назадъ въ Нью-Йоркѣ было около 16,000 жителей, а теперь болѣе 800,000; въ Филадельфіи было 40,000, а теперь болѣе 400,000; въ Балтиморѣ было 11,000, а нынче 170,000. Хорошо или худо, что въ Англіи росли города съ такой необычайной быстротой, мы скажемъ въ заключеніи статьи; а теперь констатируемъ только тотъ фактъ, что развитіе мануфактурной и фабричной дѣятельности, вызванное изобрѣтеніемъ машинъ и успѣхами знаній, отвлекло сельское населеніе въ города, и создало изъ Англіи обширную мануфактуру, которая работаетъ на всѣ страны и народы.

Наши города создавались нѣсколько инымъ путемъ. Они являлись не результатомъ экономическаго развитія, вслѣдствіе увеличившагося матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, а исключительно по стратегическимъ и административнымъ дѣлямъ. Этихъ путемъ въ одно царствованіе Екатерины II учреждено около 215 городовъ. По наказу ея въ городахъ «обитаятъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ.» Этотъ идеалъ города и до сихъ поръ не получилъ еще у насъ своего осуществленія, потому что въ условіяхъ народнаго экономическаго быта не доставало многихъ элементовъ, для того необходимыхъ. Такъ какъ большая часть населеній, превращенныхъ такимъ образомъ въ города, занимались прежде почти исключительно сельскимъ хозяйствомъ, то и съ переименованіемъ въ горожанъ жители не оставляли обыкновенно своихъ прежнихъ сельскихъ занятій, потому что ни ремеслами, ни торговлей, ни художествами и науками упражняться имъ было невозможно. Сельскій характеръ городскихъ населеній замѣтенъ у насъ почти повсемѣстно и почти во всѣхъ условіяхъ городской жизни, начиная съ состава городскихъ населеній. Вотъ сословія, которыя входятъ непремѣнно въ составъ всякаго города: дворяне потомственные и личные, духовенство, почетные граждане, купцы, мѣщане, крестьяне, служащіе военные чины, отставные военные съ ихъ семействами. Процентное отношеніе многихъ изъ этихъ различныхъ сословій не представляетъ большихъ колебаній и почти во всѣхъ городахъ держится около одной величины. Число дворянъ въ уѣздныхъ городахъ бываетъ обыкновенно около 3%, хотя и встрѣчаются города, въ которыхъ число ихъ ниже этой цифры; напримѣръ въ Вольскѣ приходится на 22,000 жителей только 287 дворянъ т. е. $1\frac{1}{4}\%$; во Вольскѣ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Въ губерни-

енихъ же городахъ отношеніе дворянъ къ общей цифрѣ населенія составляетъ обыкновенно отъ 5 до 10⁰/₁₀₀. Отношеніе духовенства, исключая тѣхъ городовъ, гдѣ монастыри, бываетъ тоже довольно постоянно. Обыкновенно оно составляетъ около 1⁰/₁₀₀ всего населенія; не доходитъ до 2⁰/₁₀₀, и даже нѣсколько болѣе, какъ напримѣръ въ Архангельскѣ, въ Астрахани. Вольсвь и тутъ составляетъ опять исключеніе: въ немъ духовенства нѣсколько менѣе полупроцента. Процентъ купческаго населенія колеблется гораздо болѣе. Здѣсь нужно отличать губернскіе города отъ уѣздныхъ, и города съ чисто-русскимъ населеніемъ отъ городовъ западныхъ губерній, гдѣ проживаютъ евреи. Разуздется, читатель думаетъ, что тѣ города, гдѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить торгующаго еврея, и города губернскаго населенія. Но не то говорятъ цифры. Въ губернскихъ городахъ купческое сословіе составляетъ рѣдко 4⁰/₁₀₀, болышею частью оно держится около 2⁰/₁₀₀; тогда какъ въ уѣздныхъ доходитъ иногда до громадной цифры, почти 30⁰/₁₀₀, какъ, напримѣръ, въ Красноуярѣ, въ Балашовѣ, въ Дубовкѣ, въ Новоузенскѣ, за тѣмъ, постепенно уменьшаясь, падаетъ до 3⁰/₁₀₀, напримѣръ въ Колѣ. Вообще въ уѣздныхъ городахъ цифра купческаго населенія чрезвычайно велика, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны приволжскіе города и вообще замосковенія и степныя губернія. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, напротивъ, купческое населеніе держится около 3, 4, 5 процентовъ. Въ западныхъ же губерніяхъ противъ общепринятаго мнѣнія число лицъ купческаго сословія составляетъ minimum. Напримѣръ, въ Бердичевѣ, самомъ торговомъ городѣ изъ всѣхъ уѣздныхъ, который въ этомъ отношеніи оставляетъ далеко за собой болышую часть губернскихъ городовъ, купческое сословіе составляетъ 42⁰/₁₀₀; въ Вилькомирѣ только 1¹/₄⁰/₁₀₀, въ Шовляхъ 2⁰/₁₀₀, въ Новогрудкѣ 4²/₃⁰/₁₀₀, въ Гомелѣ 3³/₄⁰/₁₀₀. Такое же колебаніе представляется и въ цифрѣ мѣщанскаго населенія. Въ губернскихъ городахъ, гдѣ наплавъ остальныхъ сословій, особенно дворянства и военныхъ, бываетъ болѣе, мѣщанское населеніе относительно менѣе, чѣмъ въ городахъ уѣздныхъ. Такъ въ Архангельскѣ мѣщане составляютъ только 17⁰/₁₀₀ общаго числа жителей; въ Астрахани 35⁰/₁₀₀, въ Саратовѣ 41⁰/₁₀₀, въ Симферополѣ 48⁰/₁₀₀, въ Ковно, гдѣ особенно много евреевъ, 68⁰/₁₀₀. Въ уѣздныхъ городахъ мѣщане составляютъ обыкновенно болѣе 5⁰/₁₀₀ и очень рѣдко менѣе. Напримѣръ въ Кемі 70⁰/₁₀₀,

въ Москвѣ 85%, въ Москвѣ 65%, въ Красноярѣ Яру 41%, въ Черномъ Яру 56%, въ Вольскѣ, Кузнецкѣ, Сердобскѣ по 80%, въ Дубовкѣ 60%, въ Пензѣ 50%. Однимъ словомъ, изъ этихъ цифръ оказывается, что главное населеніе нашихъ городовъ, какъ оно и слѣдуетъ быть, составляютъ мѣщане. Мы говоримъ, «слѣдуетъ быть» въ томъ смыслѣ, какой дала мѣщанскому сословію Екатерина II. Послѣ мѣщанъ, по размѣру населенія, слѣдуютъ крестьяне. Безъ нихъ не обходится у насъ ни одинъ городъ, исключая только нѣкоторыхъ городовъ западныхъ губерній, гдѣ нѣрѣдко не бытъ вовсе крестьянъ вовсе, напримѣръ Шадринскъ, Видзы. Вообще въ губернскихъ городахъ оказывается наибольшее число крестьянъ. Въ Архангельскѣ ихъ 10%, въ Астрахани 17%, въ Саратовѣ 10, въ Костромѣ 18%; въ губернскихъ городахъ западныхъ губерній крестьянъ уже гораздо менѣе, и ихъ населеніе имѣетъ болѣе городской характеръ: такъ въ Ковно крестьяне составляютъ 3%, въ Гродно 7%, въ Могилевѣ 3½%, въ Вильно—нѣтъ вовсе. Также незначительно число крестьянъ въ приволжскихъ городахъ; въ Красноярѣ Яру ихъ 1½%, въ Черномъ Яру 3%, въ Балашовѣ 3%, въ Вольскѣ 0,56%, въ Кузнецкѣ 0,8%, въ Сердобскѣ 1%, въ Хвалынскѣ 1. Но за то въ Петровскѣ, городѣ, какъ извѣстно, весьма скромномъ, крестьянъ считается 30%, въ Царицинѣ 12%, въ Дубовкѣ 5%. Сѣверные уѣздные города богаче крестьянскимъ населеніемъ, разумѣется потому, что земля крестьянина кормитъ тамъ хуже. На отдаленномъ сѣверѣ въ уѣздные города набирается относительно такое же большое крестьянское населеніе, какъ вообще въ города губернскіе. Такъ въ Кемн, крестьяне составляютъ 14%, въ Пинежѣ 16, въ Колаѣ 18; въ с. петербургской губерніи уѣздные города тоже богаты крестьянами: въ Гдовѣ ихъ 22%; впрочемъ въ другихъ городахъ значительно менѣе. Солдатъ въ нашихъ городахъ вообще немного, исключая нѣкоторыхъ губерніи и портовыхъ городовъ, гдѣ число ихъ доходитъ иногда до 30%, напримѣръ въ Архангельскѣ, въ Астрахани ихъ ужъ только 14%, въ Саратовѣ 5%. Въ уѣздныхъ городахъ число служавшихъ и отставившихъ чиновъ незначительно; болѣе замѣтны они въ южныхъ и въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ число ихъ доходитъ довольно часто до 10%, но за то въ сѣверныхъ городахъ они составляютъ отъ 2 до 8%. Такимъ образомъ въ количественномъ отношеніи городской сословія можно поставить въ такомъ порядкѣ. Мѣ.

щане составляютъ всадъ главное населеніе и число которыхъ колеблется между 36—85%₀; потомъ, за ними слѣдуютъ крестьяне, которые составляютъ отъ 0 до 30%₀ общаго городского населенія, но среднимъ числомъ около 6—7%₀; потомъ военные чины, за тѣмъ идутъ купцы—отъ 1 до 30%₀, потомъ дворяне отъ 1 до 10%₀ и наконецъ духовенство—отъ $\frac{1}{2}$ до 2%₀. Изъ этого общаго правила дѣласть исключеніе Кронштадтъ, отличающійся чрезвычайно своеобразнымъ составомъ населенія. Всѣхъ жителей въ Кронштадтѣ 36,430, въ томъ числѣ дворянъ 3%₀, духовенства $\frac{1}{3}$ %₀, купцовъ $1\frac{1}{2}$ %₀, мѣщанъ 2%₀, крестьянъ $3\frac{1}{5}$ %₀, военнаго сословія 89%₀, наконецъ одинъ процентъ иностранныхъ подданныхъ и лицъ непринадлежащихъ къ поименованнымъ разрядамъ. Перевѣсъ военныхъ сословій понятенъ, потому что Кронштадтъ собственно крѣпость, а городское значеніе его совершенно незначительно, и мѣщанамъ въ немъ существовать нечѣмъ. Это подтверждается тѣмъ, что изъ 5,620 мѣщанъ обоюго пола, приписанныхъ къ городу по ревизіи, въ 1861 году находилось въ Кронштадтѣ только 360 человекъ ($6\frac{2}{5}$ %₀), остальные 5,060 проживали въ другихъ мѣстахъ; а 200 человекъ находятся въ неизвѣстной отлучкѣ *).

Этотъ составъ населенія не опредѣляетъ нисколько характера экономической дѣятельности нашихъ городовъ, потому что мѣщанамъ, хотя бы и слѣдовало упражняться въ ремеслахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ, но въ дѣйствительности они ими не занимаются, точно такъ же, какъ огромный процентъ купческаго сословія въ нѣкоторыхъ городахъ вовсе не доказываетъ сильнаго развитія нашей торговли. Опредѣлить точно число лицъ, занимающихся ремеслами, и размѣръ производства—совершенно невозможно, потому что свѣденія мѣстныхъ комиссій на половину меньше противъ данныхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Но если даже предположить, что комитетскія данныя вполне вѣрны, то и въ этомъ случаѣ наша городская ремесленность не представится въ особенно свѣтломъ видѣ. Одинъ изъ городовъ, гдѣ ремесленность развита, по видимому, на-

*) Кстати замѣтимъ объ опечаткахъ въ итогахъ. Мы брали цифры на вѣру не провѣряя; но вотъ цифры, опечатки въ которыхъ очевидны. Въ Шлиссельбургѣ показано: жителей мужскаго пола 7,450, женскаго 1,431 и общій итогъ имъ 4,181. Ошибка несомнѣнна, но гдѣ? Сложивъ всѣ частныя цифры населенія, мы получили число 2,634. Такимъ образомъ въ Шлиссельбургѣ три разныя цифры населенія:—8,851, 4,181 и 2,634. Которой вѣрить?

болѣе — Переславль, полтавской губерніи — имѣеть, по свѣдѣніямъ статистическаго комитета, 625 мастеровъ, 352 рабочихъ и 344 ученика, всего 1321 ч. или $13\frac{0}{10}\%$, съ небольшимъ, общаго числа жителей. Саратовъ, въ которомъ считается 3,033 ремесленника, уступаетъ далеко Переславлю, потому что по отношенію ко всему числу жителей ремесленники составляютъ въ немъ только $3\frac{5}{8}\frac{0}{10}\%$. Правда, если не считать 22 т. лицъ, «непринадлежащихъ къ вышепоказаннымъ разрядамъ», проживавшихъ въ городѣ болѣею частию временно, то процентъ возвысился бы до 5; но какое же основаніе не считать ихъ, когда они живутъ въ городѣ? Вообще число ремесленниковъ въ нашихъ городахъ совершенно ничтожно и отъ долей процента — на примѣръ, въ Красномъ Яру, гдѣ на 5,578 жителей приходится 8 ремесленниковъ или $0,14\frac{0}{10}\%$ — доходить въ рѣдкихъ случаяхъ до $5\frac{0}{10}\%$, колеблясь вообще между $1\frac{0}{10}\%$ до $2\frac{0}{10}\%$. Еще меньше число лицъ, занятыхъ торговлей. Тѣ проценты купческаго населенія, о которыхъ мы говорили выше, относятся только до лицъ купческаго сословія; но принадлежать къ купческому сословію еще не значитъ быть купцомъ на дѣлѣ. Такъ въ Новоузенскѣ лицъ купческаго сословія считается 1,793 или $27\frac{0}{10}\%$ всего населенія, а между тѣмъ купческихъ капиталовъ было объявлено 148 или $2\frac{1}{8}\frac{0}{10}\%$ всего населенія, и изъ нихъ торгуютъ только 19 человекъ, въ томъ числѣ 7 въ уѣздѣ, а въ городѣ лишь 12 человекъ или $0,18\frac{0}{10}\%$. Такимъ образомъ собственно торгующее купечество составляетъ нѣсколько болѣе $1\frac{0}{10}\%$ всѣхъ лицъ купческаго сословія. Въ Красномъ Яру, гдѣ купческое сословіе составляетъ $28\frac{0}{10}\%$ всего населенія, лицъ, объявившихъ купческіе капиталы, только 231 или $4\frac{0}{10}\%$, а торгуютъ въ городѣ не болѣе 30 человекъ т. е. $0,54\frac{0}{10}\%$. Подобное же отношеніе и въ другихъ уѣздныхъ городахъ замосковскихъ и степныхъ губерній, отличающихся большой цифрой купческаго населенія. Въ этомъ отношеніи унылая Кола представляетъ блестящее исключеніе. Ея два наличные купца хотя и составляютъ только $0,4\frac{0}{10}\%$ всего населенія, но по отношенію къ лицамъ купческаго сословія — 14 человекъ — два купца изображаютъ $14\frac{0}{10}\%$, слѣдовательно Кола въ этомъ отношеніи богаче многихъ приволжскихъ городовъ. Западные и южныя губерніи тоже бѣдны дѣйствительно торгующими лицами, и процентъ ихъ въ каждомъ городѣ совершенно ничтожный, такъ что въ городѣ съ населеніемъ въ 5, 6, 7 тысячъ торгующихъ лицъ приходится 8—10, или около $0,15\frac{0}{10}\%$ всего населенія. Такимъ образомъ если собствен-

но городскимъ населеніемъ считать только людей, занимающихся фабричными и ремесленными производствами и лица дѣйствительно торгующихъ, въ такомъ случаѣ процентъ городского населенія окажется едва ли болѣе 2-хъ; а все остальные купцы, мѣщане и крестьяне занимаются обыкновенно промыслами сельскими.

Этотъ выводъ долженъ быть весьма низидателенъ для тѣхъ образованныхъ русскихъ, которыхъ очень огорчаетъ, что въ нашихъ, не только въ уѣздныхъ, но даже и въ губернскихъ городахъ, невозможно найти ни такихъ гостиницъ, какъ въ Германіи, ни газоваго освѣщенія, ни мостовой, ни извозчиковъ, ни театровъ, ни книжныхъ лавокъ, ни мастеровъ математическихъ инструментовъ и т. п. Огорчаться всѣмъ этимъ совершенно несправедливо—т. е. хотя и справедливо,—потому что нѣмецкая гостиница въ десять разъ лучше русскаго постоялаго двора и удобства жизни нѣмецкихъ городовъ выше, чѣмъ русскихъ,—но совершенно неблагоуразумно, потому что статистическій выводъ представляетъ весьма осязательно тѣ причины, по которымъ все это такъ и должно быть. Если въ городѣ живется только 2% дворянства, 1% духовенства и 2% собственно городскихъ сословій, т. е. всего 5%, а остальные 95% составляютъ лица, по своимъ званіямъ и роду занятій принадлежащія въ сельскимъ сословіямъ, то очевидно, что вся городская жизнь должна имѣть чисто сельскій характеръ, потому что ей даютъ направление не 5, а 95% населенія. Село, превратившись въ уѣздный городъ, сохранило свое прежнее ядро населенія; тѣ немногія лица, которыя явились въ городѣ, вызванныя новыми условиями его административнаго значенія, не были въ состояніи измѣнить всѣхъ экономическихъ обстоятельствъ края. Какъ прежде земледѣліе было главнымъ источникомъ существованія людей, такъ оно осталось и теперь; размѣръ сельско-хозяйственной производительности остался въ прежнихъ предѣлахъ; потребности сельскаго сословія не расширились: какъ прежде ѣлъ, спалъ и одѣвался крестьянинъ, такъ продолжалъ онъ пить, ѣсть, и одѣваться и теперь; переимѣна названія не измѣнила ничего въ бытѣ и средствахъ людей, оставшихся въ существѣ тѣмъ же, чѣмъ они были и прежде. Крестьянинъ хотя и сталъ называться мѣщаниномъ, но онъ остался тѣмъ же крестьяниномъ, и экономическое развитіе народной жизни шло совершенно независимо отъ административной роли, какую пришлось разыгрывать многимъ городамъ. Поэтому почти все наше

уѣздные города сохраняли многою своей прежній сельскій характеръ; а между тѣмъ множество оныхъ получило тѣлесъ промышленное и торговое значеніе, каковыя нѣдѣются не всякій даже губернской городъ. Такія села довольно обыкновенны въ нижегородской и владимірской губерніяхъ. Отъ того, что административныя надобности и экономическія промышленныя интересы существовали обыкновенно независимо одни отъ другихъ, уѣздный городъ могъ сохранить всюду земледѣльческій характеръ, а село усвоить себѣ особенности города. Такимъ образомъ большая часть ремеселъ основалась и развилась весьма значительно въ нашихъ селахъ и вмѣсто того, чтобы городу снабжать деревню сапогами, валенками, шапками, разными предметами домашняго хозяйства—ножами, деревянной и лаковой посудой и даже красивыми товарами—всеми этими предметами снабжаютъ село. Посмотрите на базары уѣздныхъ городовъ въ воскресные дни; не говоря про провѣзю—хлѣбъ, масло, сѣно, овесъ и т. д., которые и должны идти изъ деревень—а сколько еще привозится изъ деревень предметовъ исключительно ремесленныхъ и фабричныхъ: тутъ и колеса, и сажи, и телѣги, носы, тоноры, горшки и разная посуда и т. д. Все это производится деревня и привозитъ продавать въ городъ. Кавказъ, сдѣлавшая себѣ славу тарантасами, получаетъ ихъ изъ остротныхъ деревень, гдѣ тысячи народа занимаются специально извѣстнымъ ремесломъ по самой строгой фабричной системѣ: одни кузнецы, другіе колесники, третьи приготавливаютъ хлѣбъ, четвертые нузовъ. Почти все стальныя издѣлія Россіи создаются селами, какъ Павлово и Верса. Деревянная посуда и ложки приготавлиются крестьянами семеновскаго уѣзда, при чемъ участие жителей города Семенова не особенно велико, даже большая часть красиваго товара приготавливается не въ городахъ, а въ селахъ владимірской, ярославской и московской губерній. Ремесленная промышленность, существующая въ нашихъ городахъ, имѣетъ особенный характеръ, болѣе приуроченный къ уточненнымъ потребностямъ тѣхъ значащихъ процентовъ общаго населенія, которые считаютъ себя исключительно городскими жителями. У насъ городъ печетъ булки и валени потому, что для деревни еще не наступила пора питаться бѣлымъ хлѣбомъ; у насъ городъ шьетъ нѣмецкое платье, чинитъ и поправляетъ часы, приготавливаетъ серебряныя вещи, занимается живописью и малярствомъ, печетъ пряники, аудитъ посуду, дѣлаетъ городскіе экипажи и наборную обрѹю. Во всемъ этомъ нуждаются у

насъ только въ 5%, о которыхъ мы говорили, слѣдовательно понятное, что утонченная ремесленность, которая бы уподобила русскій уѣздный городъ какому нибудь городу Англiи или Францiи, у насъ совершенно еще невозможна. Деревня и 95% городского населенiя обходится пока безъ этихъ потребностей, и если они лакомятся въ базарный день валачемъ или расписаннымъ пряникомъ, то смотреть на это, какъ на правдничную потѣху, которую можно позволить себѣ только изрѣдка. Село служитъ основой и силой въ нашей экономической дѣятельности, только имъ живетъ промышленность и торговля. Село создаетъ все то, чѣмъ нагружаются барки и суда, плавающiя по нашимъ обширнымъ рѣчнымъ системамъ; село создаетъ то, чѣмъ наполняются корабли, отправляющiеся изъ нашихъ портовъ. Во всемъ этомъ участiе города совершенно ничтожно; городъ самъ не создаетъ и не производитъ ничего, кромѣ мелочныхъ предшетовъ очень неразнообразной ремесленности; для ограниченнаго домашняго обихода собственно городскихъ жителей, городъ, какъ самостоятельный экономическiй производитель, существовать бы не могъ; онъ самъ живетъ или сельскимъ трудомъ, или трудомъ села, и послѣднее чаще, потому что продукты, производимые селомъ, даютъ занятiе огромному числу городскихъ жителей, создаютъ коммерцiю и купцовъ, и даютъ работу сотнямъ тысячъ рубъ, въ видѣ разныхъ судостроителей, приготовителей снастей, бурлаковъ, судорабочихъ, грузчиковъ, извозчиковъ и т. д.

При всемъ экономическомъ значенiи села трудъ его однако недостаточно успѣшенъ, результаты не соотвѣтствуютъ тратѣ силъ, потребности тоже развиты слабо, потому что недостатокъ средствъ ограничиваетъ желанiя, и вотъ городъ по необходимости долженъ искать способовъ существованiя въ занятiяхъ вовсе не городского характера. Въ большей части городовъ земледѣлие составляетъ главное дѣло жителей, сельскому хозяйству посвящаютъ себя не только мѣщане, но даже и купцы. Въ Самарѣ, напримѣръ, 19 купцовъ и 13 мѣщанъ нанимаютъ подъ хлѣбопашество казенныя и удѣльныя земли и платятъ оброкъ до 170,000 руб. въ годъ; въ меньшихъ размѣрахъ занимается земледѣиемъ еще до 220 мѣщанскихъ семействъ, это значить около 800 человекъ. Если купцы обращаютъ на хлѣбопашество такiя огромныя суммы, то, очевидно, только потому, что сельское населенiе производитъ недостаточно земледѣльческихъ продуктовъ и что нѣтъ расчета обращать капиталъ на фабричное или ремесленное дѣло,

потому что число потребителей еще мало. Если бы каждый земледѣлец находилъ возможнымъ носить сапоги, ситцевую рубашку, или сальные штаны и освѣщать свою квартиру салной свѣчой, въѣсто лучины, то самарскіе землеталсты, разумѣется, не стали бы пахать землю, а принялись бы за ситцевыя и свѣчныя фабрики. Между тѣмъ этого нѣтъ, а напротивъ во всѣхъ степныхъ и приволжскихъ губерніяхъ купцы арендуютъ земли и занимаются хлѣбопашествомъ. Желая дать другое направленіе экономической дѣятельности городскихъ населеній, правительство прежде принимало нѣредко весьма рѣшительныя мѣры противъ городскихъ жителей, занимающихся земледѣліемъ. Такъ лѣтъ 50 назадъ были переселены въ городъ около 1,600 саратовскихъ мѣщанъ, жившихъ на городской землѣ хуторами. Разумѣется, это переселеніе не измѣнило занятій мѣщанъ, и даже до сихъ поръ земледѣліе составляетъ ихъ главный промыселъ. Изъ саратовскихъ жителей занимаются хлѣбопашествомъ 2,432 семейства, или распахивается земли болѣе 15,000 десятинъ, и одними подошечниками засѣвается до 3,000 десятинъ. Въ другихъ городахъ земледѣліе составляетъ главнѣйшій и почти исключительный промыселъ; такъ въ Петровскѣ мѣщане распахиваютъ около 7,000 десятинъ, и многіе имѣютъ собственную землю. Въ Новоузенскѣ, кромѣ незначительнаго числа ремесленниковъ и купцовъ, всѣ остальные жители, какъ купцы, такъ и мѣщане, занимаются хлѣбопашествомъ. Точно также и жители Царева, обращенные въ горожанъ въ 1838 году, не оставили своихъ прежнихъ занятій; но какъ, съ переименованіемъ бывшей Царевки въ городъ Царевъ, было отрѣзано отъ нея значительное количество земли, то жители города, т. е. почти всѣ купцы и мѣщане, стали снимать казенные участки и нанимать земли у государственныхъ крестьянъ и у помѣщиковъ не только по близости города, но и въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ. Исключая немногихъ губерній, 3 — 4, близкихъ къ Москвѣ, гдѣ сельскіе жители заняты фабричными и ремесленными производствами, и гдѣ, поэтому, земледѣліе не для всѣхъ городовъ составляетъ рѣшительную специальность, — во всѣхъ остальныхъ народъ живетъ исключительно землей, или же занимается частью рыболовствомъ, лѣсными промыслами, промыслами морскихъ звѣрей и т. п.

Переименованіе селъ въ города обыкновенно не обнаруживало благопріятнаго вліянія на экономическое положеніе жителей, если они занимались прежде земледѣліемъ. Городское населеніе обыкновенно

лишалось своей прежней землей, такъ что мѣщанамъ нужно было снимать участки на сторонѣ. Если же земля и оставалась у города въ прежнемъ размѣрѣ, какъ, напримеръ, у Саратова, имѣвшаго 81,000 десятинъ, или какъ у Новоузенска, владѣвшаго 76,000 дес., то этимъ положеніемъ мѣщанъ несколько не облегчалось, потому что они не могли пользоваться землей даромъ. Кто имѣлъ средства, тотъ снималъ землю, кто не имѣлъ, долженъ былъ приниматься за какія нибудь другія промыслы и уходить для заработковъ въ другія мѣста. У насъ нѣтъ почти ни одного города, жители котораго добывали бы средства существованія дома, всё безъ исключенія. Часть центральнаго должна уходить, и верѣдно въ мѣстности весьма отдаленныя. До какого размѣра можетъ дойти число уходящихъ лицъ, когда мѣстность не представляетъ благоприятныхъ экономическихъ условій, показывается Кронштадтъ, гдѣ изъ 5,620 мѣщанъ остаются дома только около 400. Разумѣется, Кронштадтъ составляетъ исключеніе такого рода, что даже не можетъ служить и максимумомъ при опредѣленіи размѣра отходной промышленности. Однако и изъ описанія другихъ городовъ видно, что добывать средства существованія внѣ дома составляетъ сильно развитое условіе экономического быта нашихъ мѣщанъ. Опредѣлить точной цифрой число лицъ, уходящихъ для заработковъ на сторону, довольно трудно, потому что свѣденія по этому предмету не достаточно полны; но судя по тѣмъ даннымъ, какія есть, народу, уходящаго для заработковъ, огромная масса. Въ Суджѣ, курской губерніи, уходитъ *почти каждый* изъ жителей (курсивъ въ подлинникѣ), а жителей тамъ 4,400 чел.; въ Шемнурскѣ уходитъ также половина изъ приписанныхъ городу. Въ другихъ городахъ процентъ отлучающихся хотя и не доходитъ до такого размѣра, но тоже не малъ; въ Колѣ отлучается 34%, въ Фомѣ 20%, въ Мезени 15%; въ Кютаевскѣ (астрах. губ.) изъ 2,216 приписанныхъ лицъ уходитъ половина; въ Балашовѣ 7%, въ Кузнецкѣ 10%, въ Вольскѣ 6%. Въ губерніяхъ степныхъ и хлѣбородныхъ отлучается вообще меньше народу, изъ своего уѣзда или изъ своей губерніи, но и тамъ цифра людей, не имѣющихъ возможности оставаться дома, довольно велика: въ теченіи лѣта проходитъ черезъ Вольскъ болѣе 20,000 рабочихъ, отправляющихся за Волгу для уборки хлѣба. Если принять, что отлучается изъ городовъ только 5%, то на 5,583,000 ч. городского населенія Европейской Россіи это составитъ 279,150 человекъ.

Такимъ образомъ особенность нашихъ городовъ заключается въ томъ, что всё они имѣютъ по преимуществу земледѣльческій характеръ, и что довольно значительная часть жителей отлучается для заработковъ на сторону. Что же касается до заводской и фабричной дѣятельности, то она совершенно ничтожна. Только одного рода заводы составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго города—кирпичные, и есть множество городовъ, въ которыхъ кромѣ кирпичныхъ нѣтъ другихъ заводовъ. Въ городахъ хлѣборолной полосы къ кирпичнымъ заводамъ присоединяются непремѣнно мукомольныя мельницы, или обыкновенныя, или крупчатки и крупоруши. Въ нѣкоторыхъ городахъ число мельницъ доходить до изумительнаго размѣра. Вокругъ Саратова непрерывно дѣйствуетъ 20 вѣтряныхъ мельницъ, около Самары болѣе 30. Въ степныхъ губерніяхъ кромѣ того довольно обыкновенны салотопенныя, мыловаренныя и свѣчныя заводы. Наконецъ весьма часты заводы винокуренныя, пиво-и-медоваренныя и коженныя. Другіе заводы составляютъ уже исключеніе; а фабрики, особенно большаго размѣра и съ паровыми двигателями, составляютъ совершенно одиночное явленіе, такъ что если въ какомъ нибудь городѣ явится мануфактура, то она создаетъ городу громкую извѣстность во всей Россіи. Такъ прославилъ Егорьевскъ бумагопрядильня Хлудовыхъ, заведеніе дѣйствительно большое, выдѣлывающее въ годъ пряжи до 108,000 пудовъ, на сумму до 1,728,000 р.

Но не нужно полагать, что фабричная и даже сильная торговая дѣятельность обнаруживаетъ какое нибудь особенное вліяніе на внутреннюю жизнь городского населенія. Напримѣръ, Егорьевскъ, гдѣ кромѣ бумагопрядильни Хлудовыхъ есть еще 6 бумаго-ткацкихъ фабрикъ, 4 салотопенныхъ заводовъ, двѣ пивоварни, 9 заводовъ красильныхъ и небольшое заведеніе накладнаго серебра для приборовъ къ конской сбруѣ, гдѣ все заводское и фабричное производство превышаетъ 3,000,000 р., а ремесленниковъ болѣе 1,000 человекъ, гдѣ все купеческое сословіе считается въ 1,886 человекъ, при общемъ населеніи города въ 5,000; въ этомъ самомъ Егорьевскѣ тратится на городское благоустройство 150 руб. и на приходское училище 540 руб., т. е. въ первомъ случаѣ $3\frac{1}{2}\%$ всего городского расхода, а во второмъ $12\frac{1}{2}\%$, городское же управленіе стоитъ $65\frac{1}{4}\%$. Въ чемъ заключается городское благоустройство Егорьевска, и какое употребленіе получаютъ означенныя 150 руб., — изъ описанія не видно. Но вотъ и другой городъ, тоже знаменитый по своей фабричной дѣя-

тельности—Серпуховъ. Въ немъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ 31, и въ томъ числѣ 14 ситценабивныхъ. Общее производство фабрикъ и заводовъ простирается свыше 2.600,000 р.; лицъ купеческаго сословія въ городѣ 2,774 или 26%, сельскими промыслами жители почти вовсе не занимаются, и городъ по преимуществу съ городскими характеромъ. Въ этомъ Серпуховѣ на благоустройство города тратится 7% общего расхода, на образование только 5¹/₂%, а на управление 67¹/₂%. Изъ 36 улицъ и переулковъ города мощено всего 13 улицъ, т. е. одна треть, а освѣщеніе, не смотря на зажиточность населенія, еще не устроено. Сергіевскій посадъ, гдѣ находится 13 фабрикъ и заводовъ, куда собирается ежегодно до 1,000,000 богомольцевъ, гдѣ производится значительная внутренняя торговля, расходуетъ на внутреннее благоустройство 13 рублей или 1,3%, а на образование ни копѣйки. Внутреннее же управленіе стоитъ ему 78%. Коломна, одинъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ имперіи, на пристани котораго выгружается товаровъ до 1,000,000 р. и сплавляется на 8,000,000 р., городъ, въ которомъ находится 32 фабрики и завода, производящихъ на 1,000,000 р., гдѣ купечество составляетъ 25% общего населенія (3,500 куп. на 14,000 ж.); въ этомъ знаменитомъ городѣ на благоустройство тратится едва 4% общего расхода (517 р. на 13,078 р.), улицы освѣщаются всего 30 масляными фонарями; а на образованіе—на одно приходское и на одно женское училище—расходуются только 890 руб., или почти 7%, городское же управленіе стоитъ 74%. Нижній Новгородъ, съ его ярмаркой, занимающей одно изъ первыхъ мѣстъ въ свѣтѣ, гдѣ торговые обороты простираются до 100,000,000 рублей, гдѣ городскіе ежегодные доходы составляютъ около 200,000 рублей, на содержаніе 3-хъ приходскихъ училищъ отпускается по 857 р. 16¹/₄ к. и на наружное благоустройство города 2,819 р., т. е. въ первомъ случаѣ 9 и во второмъ 10% всего годичнаго расхода въ 28,602 р. Вотъ какъ отзывается о благоустройствѣ Нижняго-Новгорода коммиссія: «вообще Нижній-Новгородъ—безспорно красивѣйшій изъ приволжскихъ городовъ по своему мѣстоположенію; но съ другой стороны, не смотря на громадныя суммы денегъ, потраченныя на его устройство и украшеніе, онъ не пользуется многими изъ условій благоустроеннаго города; напр. онъ не имѣетъ постоянного сообщенія между обоими берегами Оки, такъ какъ существующій плашкоутный мостъ, содержимый изъ 15-процентнаго ярмарочнаго сбора, открывае-

только съ 25 іюня до конца сентября. Изъ 128 городскихъ улицъ и переулковъ вымощена едва только третья часть, а изъ 9 площадей, кромѣ Кремлевскихъ, только три; остальные же огромныя пространства, составляющія всѣ густонаселенныя окраины верхняго города, равно какъ всѣ почти переулки, идущіе отъ большихъ центральныхъ улицъ, и главныя торговыя площади, остаются немощеными. Мостовыя устраиваются подъ безотчетнымъ распоряженіемъ строительной комиссіи постепенно, по мѣрѣ ассигнованія суммъ. Городская дума отпускаетъ на этотъ предметъ ежегодно по 5,000 руб. Тротуары въ Нижнемъ выстилаются по большей части кирпичемъ, частію же торцами и изрѣдка досками; протяженіе ихъ можно опредѣлить въ 5 верстъ (?)—Уличное освѣщеніе города устроено только въ центральныхъ частяхъ; всѣ же немощеныя улицы и переулки остаются до снѣжъ поръ неосвѣщенными, хотя въ глухихъ частяхъ города освѣщеніе представляется сравнительно болѣе необходимымъ, чѣмъ въ центральныхъ. Всего устроено 600 спирто-скипидарныхъ «фонарей». Городское управленіе имѣетъ 13,733 р., т. е. 48% общаго расхода.

По отношенію къ этимъ блистательнымъ промышленнымъ и торговымъ центрамъ наши скромные города, какъ Кола или Шенкурскъ, стоятъ вовсе не такъ далеко. Въ Шенкурскѣ на наружное благоустройство тратится $1\frac{1}{3}\%$ общаго городского расхода, или говоря яснѣе, 12 р. изъ 849 р., на образованіе не тратится ни гроша, городское управленіе стоитъ почти 84%. Въ Колѣ наружное благоустройство обходится въ $33\frac{1}{4}\%$ копѣжки или 0,06%; образованіе стоитъ еще дешевле т. е. ровно ничего, городское управленіе 64%. Разумѣется, Кола сумѣла распорядиться весьма выгодно на счетъ благоустройства, а еще выгоднѣе на счетъ образованія; но какъ мы не знаемъ, на сколько шенкурское двѣнадцати-рублевое благоустройство выше копѣчнаго польскаго и что слѣдуетъ понимать подъ благоустройствомъ, то и не хотимъ спѣшить обвиненіемъ Колы. Сколько намъ извѣстно, внѣшность Колы и Шенкурска не представляютъ большаго различія, а относительно благоденствія жителей Кола стоитъ гораздо выше, потому что, по отзыву комиссіи, шенкурское непрописанное населеніе солдатъ, ихъ женъ и вдовъ служить разсадникомъ нищенства. Примиривъ такимъ образомъ Колу и Шенкурскъ, мы сравнимъ ихъ съ богатымъ Сергіевскимъ посадомъ, лежащимъ на шоссе, въ 60 верстахъ отъ Москвы, извѣстнымъ своей внутренней торговлей и т. д. и т. д.

Вотъ ихъ расходы: на благоустройство на образование на управление.

Кола	0,06%	0	64%
Шенкурскъ . .	1 1/2%	0	84%
Сергіев. посадъ.	0,3%	0	78%

Богатому Сергіевскому посаду гордиться особенно нечѣмъ, потому что онъ занимаетъ ровно середину между Колой и Шенкурскомъ, и въ умѣнныя экономничать своими расходами значительно уступаетъ Колѣ. Знаменитый московскій посадъ, отличающійся такой кипучей дѣятельностью, имѣющій 101 лавку, 6 трактировъ и харчевень, 14 постоянныхъ дворовъ и 10 съѣстныхъ лавочекъ, наконецъ принимающій въ годъ до 1 м. богомольцевъ, съ которыхъ если онъ воспользуется только полтинникомъ съ человѣка, то это составитъ 500,000 р., не обнаруживаетъ болѣе высокихъ стремленій противъ печальной Колы, имѣющей всего 2 лавки, незнающей ни ярмарокъ, ни какихъ торговыхъ заведеній и существующей исключительно рыбными и звѣринными промыслами. Очевидно, что нравственныя потребности и умственное развитіе населеній этихъ двухъ, по видимому совершенно разнородныхъ, мѣстностей стоятъ на одномъ уровнѣ. Для полноты вывода возьмемъ еще нѣсколько губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Въ Астрахани городское управление стоитъ 28% (44 т. р.), издержки по военной части 36% (57 т.), благоустройство города 19% (30 т.), образование 4% (5,374 р.); кромѣ того въ Астрахани содержится торговымъ сословіемъ женская перворазрядная гимназія. Общіе расходы города составляютъ 160,298. Астрахань, по своему географическому положенію, представляетъ нѣкоторыя особенности, вызывающія и особые расходы. Противъ наводненія, угрожающаго ежегодно городу при весеннемъ разливѣ Волги, устроены были валы, длиной на 30 верстъ. Ежегодный ремонтъ валовъ стоитъ 3,500 р. Кромѣ того въ 1860 году начато укрѣпленіе подымаемаго Волгой берега, на которомъ стоитъ одинъ изъ лучшихъ кварталовъ Астрахани; на эти работы отпущены въ теченіи трехъ лѣтъ, изъ городскихъ доходовъ, 90,591 р. Не смотря на такіе большіе расходы, по устройству города, мостовыхъ въ немъ нѣтъ, и городъ, площадь въ 1004 десятины, освѣщается 500 фонарями. Вильно не располагаетъ такими огромными средствами; всѣ его расходы составляютъ 57,044 р., изъ нихъ тратится на городское управленіе до 66% (37 т.); на благоустройство 1 1/2% (5,945 р.) и на содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній 1 1/2%.

Городъ освѣщается 584 фонарями, изъ нихъ въ 394 горитъ конопляное масло. Во Владимірѣ текущіе расходы составляютъ 15,635 р.; городское управленіе стоитъ 49% (7,675 р.), наружное благоустройство 17% (2,640 р.), образование 3 $\frac{1}{2}$ %; городъ освѣщается 123 фонарями, и главныя улицы вымощены камнемъ. Въ Вологдѣ расходы составляютъ 28,088 р.; изъ нихъ 58% идутъ на городское управленіе, 2% на благоустройство и на образование 5%, городъ освѣщается 220 фонарями. Въ Гродно: общій расходъ 11,650 р., изъ нихъ на управленіе 68 $\frac{3}{4}$ %, на благоустройство 8 $\frac{3}{4}$ %, на образование расходовъ не показано; въ городѣ зажигается 150 фонарей. Расходы Саратова составляютъ 102 т.; изъ нихъ на городское управленіе 42%, на благоустройство 22%, и на образование 7%. Четырнадцать улицъ вымощены камнемъ; по, какъ замѣчаетъ комиссія, эта часть благоустройства города требуетъ еще многого. Всѣхъ фонарей въ Саратовѣ 540, на площади въ 2,000 десятинъ, занимаемыхъ городомъ. Въ Симферополѣ, изъ общаго расхода въ 15,339 р. на городское управленіе выходитъ 70%, на наружное благоустройство 5%; о расходахъ на образование ничего не говорится. Особенность симферопольскаго благоустройства заключается въ томъ, что городъ освѣщается сальными свѣчами, для чего устроено 130 фонарей; кромѣ того принимаются весьма рѣшительныя мѣры противъ собакъ, по трехлѣтней сложности отпускается на истребленіе ихъ изъ городскихъ доходовъ по 80 руб. въ годъ и въ томъ, числѣ по особымъ требованіямъ командира арестантской роты 47 р. 65 к. За каждую убитую собаку выдается Думою по 5 коп..

Хотя по процентному отношенію всѣ эти расходы губернскихъ городовъ довольно близки, такъ что управленіе стоитъ обыкновенно около 60 до 80%, благоустройство чаще отъ 5 до 6% и рѣдко отъ 10 до 20; наконецъ образование не обходится никогда дороже 5%, но по отношенію къ числу жителей расходы эти представляются въ иномъ видѣ. Въ Нижнемъ при 38,000 населенія управленіе стоитъ 13,000; въ Астрахани при 44,000 жителей на управленіе тратится 44,000 р.; въ Вильно при 60,000 жителей — 37,000 р.; во Владимірѣ при 14,000 населенія—7,675 р.; въ Вологдѣ при 16,867 жителей—16,000 р.; въ Гродно при 20,000 жителей—7,994; въ Саратовѣ при 82,000 жителей—43,395 р. и въ Симферополѣ при 18,295 жителей управленіе стоитъ 10,834 р. Приводя расчетъ къ одной мѣрѣ т. е. принимая, что населеніе каждаго города 100,000; расходы по управленію будутъ представлять слѣдующія цифры: въ Нижнемъ 34,000 р.

въ Гродно 40,000 р. въ Саратовѣ 52,000, во Владимірѣ 54,000, въ Симферополѣ 55,000, въ Астрахани 100,000 р. и въ Вологдѣ тоже 100,000 р. Такимъ образомъ огромный Нижній Новгородъ, имѣющій населеніе въ 2½ раза болѣе, чѣмъ Вологда, тратитъ на свое управленіе ровно въ три раза меньше, чѣмъ эта послѣдняя. По какимъ причинамъ управленіе Вологды и Астрахани обходится таковыми Думамъ такъ дорого и почему Нижній оказывается такъ расчетливымъ—изъ описанія городовъ не видно. Но если Вологда не особенно расчетлива въ расходахъ по городскому управленію; за то она тратитъ болѣе Нижняго на образованіе. Дѣлая редуцировку по прежнему на 100,000 жителей, оказывается, что на образованіе расходуютъ: Владиміръ 3,714 р., Нижній 6,580 р., Вологда 8,476 р. Саратовъ 8,823 р., Вильно 9,690 р. и Астрахань 12,213 р. Минимумъ и максимумъ, какъ и въ предыдущемъ расчетѣ, относятся, какъ 1 : 3.

Наша статья можетъ показаться читателю слишкомъ испещренной цифрами, что совершенно справедливо и чего къ сожалѣнію, по характеру предмета, избѣгнуть было невозможно. Теперь мы стараемся сдѣлать общее заключеніе, избѣгая по возможности цифръ.

Составъ нашего городского населенія чрезвычайно разнообразенъ, но его сословное дѣленіе не опредѣляетъ нисколько характера городской экономической дѣятельности. Лица купеческаго сословія, представляющія въ каждомъ городѣ весьма значительную цифру, не служатъ нисколько представителями мѣстной коммерціи. Торговлей занимаются очень немногіе, а большинство записывается въ купцы 3-й гильдіи, чтобы избѣжать рекрутской повинности. Купцы такого рода въ сущности лишь болѣе состоятельные мѣщане, занимающіеся обыкновенно мелочной мѣщанской промышленностью и земледѣліемъ. Мѣщане, переименованные изъ крестьянъ, остаются болѣею частью при своихъ прежнихъ занятіяхъ и вмѣстѣ съ крестьянами, составляющими повсюду огромную массу городского населенія, занимаются хлѣбопашествомъ. Тѣ, кто не имѣетъ ни собственной земли, ни достаточныхъ средствъ, чтобы взять земельные участки подъ насѣвъ, уходятъ для промысла на сторону, нанимаются въ купеческіе прикащики, идутъ въ судоработнѣ, въ бурлаки, въ грузчики, занимаются плотничествомъ, каменной, печной работой и т. д. Самое незначительное число мѣстныхъ мѣщанъ занимаются городскими ремеслами или работаютъ на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, которыхъ въ нашихъ городахъ вообще очень мало. Поэтому наши уѣздные города

въ сущности—земледѣльскія населенія, которымъ присвоено административное значеніе. Это значеніе не обнаруживало особеннаго вліянія на возвышеніе матеріальнаго благосостоянія мѣстныхъ жителей. Накопленіе недоимокъ, совершенно неоплатныхъ, которыя слагались со счетовъ казенныхъ палатъ только всемилостивѣйшими манифестами, лучше всего доказываетъ, что средства мѣщанъ были недостаточны для покрытія всѣхъ ихъ расходовъ. Эта же невозможность прокармливать на своемъ мѣстѣ создала, несуществующую нигдѣ въ такомъ размѣрѣ, какъ у насъ, отходную промышленность. Крестьяне и мѣщане уходять нерѣдко далѣе, чѣмъ за 2,000 верстъ, напримѣръ нижегородцы—на золотые промыслы въ Восточную Сибирь; орловцы на Кавказъ и въ Грузію, владимірскіе офени или коробейники разносятъ мелочной товаръ по всей Россіи; точно такъ же, какъ владимірскихъ и костромскихъ каменьщиковъ, штукатуровъ и плотниковъ можно найти почти во всякомъ городѣ. Не пошелъ бы владимірскій штукатуръ или костромской плотникъ въ Петербургъ, если бы ему нашлось дѣло дома, и коробейникъ не сталъ бы мѣрить Россію вдоль и поперекъ, съ двухъ-пудовымъ грузомъ на спинѣ, если бы могъ болѣе легкимъ способомъ заработать тѣ же деньги въ своемъ городѣ. Но дома заработать ихъ нельзя, потому что то же самое село съ своей земледѣльческой дѣятельностью, дающее направленіе всему экономическому быту страны, не на столько еще развито и богато, чтобы могло прокормить каждаго своего члена. Русскій земледѣлецъ обходится еще безъ многихъ вещей, безъ которыхъ не можетъ жить земледѣлецъ западной Европы, и особенно Англіи. Во многихъ мѣстностяхъ за всѣми расходами крестьянскаго быта у земледѣльцевъ остается такъ мало средствъ, что онъ считаетъ сапоги роскошью и праздничнымъ нарядомъ. Одно это обстоятельство объясняетъ уже вполне, какимъ бы образомъ могла распредѣлиться ремесленность, если бы быть земледѣльца былъ выше. При большемъ избыткѣ земледѣльческихъ продуктовъ крестьянинъ могъ бы обмѣнять излишекъ на сапоги, на хорошую рубашку, и на многія удобства жизни, которыхъ онъ теперь не имѣетъ. Бѣкъ только явилась бы такая возможность у земледѣльца, тотъ же мѣщанинъ, который теперь арендуетъ у крестьянина землю подъ пашню, бросилъ бы это дѣло и сталъ бы шить сапоги, или ткать рубашечную матерію или готовить другіе предметы, на которые появлялся запросъ въ крестьянскомъ быту. Но какъ нѣтъ запроса на эти вещи, то очевидно, что и готовить ихъ не за чѣмъ. Между тѣмъ на размѣрѣ этого запроса основано и эко

номическое благосостояніе городскихъ жителей, которое многіе приписываютъ ошибочно развитію торговой дѣятельности. Прежде чѣмъ развиться торговлѣ, нужно, чтобы было чѣмъ торговать. Замѣчаніе комиссіи на счетъ Саратова, гдѣ «торгуетъ всякій, у кого только есть возможность заплатить на базарѣ за мѣсто, за лавочку, или у кого есть свободныя руки и нѣсколько рублей свободнаго капитала», нисколько не рекомендуетъ матеріальнаго благосостоянія саратовскихъ жителей, а напротивъ того доказываетъ, что ихъ руки еще лишніе для производства, что если бы къ тому числу предметовъ, которые постоянно обращаются въ Саратовѣ они присоединили еще какія нибудь и свои издѣлія—сапоги, шапки, горшки, тарелки и т. п., то на товары эти не нашлось бы покупателейъ. Вообще торговая дѣятельность, какъ ее обыкновенно понимаютъ у насъ, служитъ ошибочнымъ признакомъ матеріальнаго благосостоянія какаго нибудь мѣста. Сошлемся на примѣръ Севастополя. «До восточной войны, говоритъ комиссія, Севастополь имѣлъ важное значеніе, какъ сильно укрѣпленный военный портъ, и производилъ довольно дѣятельную мѣстную торговлю, такъ какъ въ немъ періодически проживало большое число морскихъ чиновъ. Послѣ заключенія мира, городъ представлялъ одну груды развалинъ; но надежды на восстановление его главнымъ торговымъ пунктомъ полуострова привлекли туда промышленное населеніе, весьма скоро возвысившееся до 10,000 человекъ. Но вслѣдъ за тѣмъ: финансовый кризисъ, упадокъ черноморской торговли и выселеніе татаръ изъ Крыма также скоро остановили начинавшееся развитіе города, промышленное населеніе котораго, сократившись уже на половину, уменьшается нынѣ съ каждымъ годомъ, а торговля рѣшительно ничтожна. Но всѣ эти временныя невыгоды должны скоро и быстро уничтожиться, такъ какъ совершившееся на дняхъ утвержденіе желѣзной дороги въ Москву обезпечиваетъ Севастополю лучшую будущность.» Что же это значитъ, какъ не то, что мѣстность Севастополя сама по себѣ не заключаетъ данныхъ для производства. Тамъ держался народъ, пока можно было существовать разными спекуляціями, продажами и перепродажами, не производя лично ничего; но какъ исчезла эта возможность, и всѣ люди разбрелись. Если бы мѣстность представляла бы какіе либо выходы для производительной дѣятельности, то народъ бы въ ней остался, но этого нѣтъ, и Севастополь, какъ и весь южный берегъ Крыма, при всемъ своемъ очаровательномъ климатѣ, при богатой растительности и при живописныхъ видахъ, не выживаетъ еще

трудъ человѣка на полезную, производительную экономическую дѣятельность.

Кромѣ этихъ обстоятельствъ, неблагоприятныхъ для развитія нашихъ городовъ, наша городская промышленность идетъ еще назадъ во мѣрѣ развитія въ западной Европѣ технологіи и химіи. Прежде русскія кожи славилась вездѣ, но теперь подъ именемъ русской продаютъ въ Европѣ туземное издѣліе и какъ у насъ англійскими игольями называютъ высшій сортъ этихъ издѣлій русскаго приготавленія, такъ и тамъ русской кожей называютъ лучшей кожевенный товаръ. Владимірское садоводство начинаетъ упадать, потому что владимірцы, свѣдѣя рутинѣ, не имѣли и не имѣютъ ровно никакихъ научныхъ познаній. Отъ этого достоинство деревъ упало, и разведеніе слабосильныхъ отводковъ повело въ уменьшенію сбора вишенъ и пониженію ихъ доброты. Относительно кievскихъ издѣлій комиссія замѣчаетъ, что «за рѣдкимъ исключеніемъ, большинство мастеровъ весьма посредственные ремесленники, и издѣлія ихъ отличаются небрежностію въ отдѣлкѣ и отсутствіемъ всякихъ улучшеній въ формахъ.» Мы могли бы привести много подобныхъ примѣровъ, но вѣроятно читателю извѣстно хорошо и самому, что наши ремесленники, заводчики и фабриканты не отличаются особенно широкими познаніями ни въ искусствахъ, ни въ технологіи, ни въ химіи.

Причины отсталости нашей народной ремесленности и не слишкомъ блестящаго положенія нашего городского быта и благоустройства городовъ нужно искать, разумѣется, въ условіяхъ нашей сельской жизни. Мы уже говорили, что только отъ ея развитія зависитъ и развитіе городовъ, и пока земледѣльческіе производители не дойдутъ до иныхъ потребностей, несправедливо укорять наши города въ томъ, что они освѣщаются плохо, или обыкновенно совсѣмъ не освѣщаются, что въ нихъ нѣтъ мостовыхъ, что на образованіе тратятся самыя ничтожныя части городскихъ доходовъ и т. д. Все бы это было, если бы село давало городу больше средствъ; но село дать больше не можетъ, потому что и само имѣетъ мало; такъ что городъ по необходимости не приобретаетъ городской характеръ и самъ превращается въ земледѣльческую колонію. Сравненія съ Англіей, на которыя такъ щедры наши публицисты и экономисты, вовсе не рекомендуютъ ихъ экономическихъ познаній. Если подобными сравненіями думаютъ дѣйствовать на самолюбіе, то это совершенно бесполезное препровожденіе времени, на которое тратятъ только даромъ люди свои способности — лучше молчать, чѣмъ говорить пустое

Вѣда ли и сами публицисты вѣрять въ могущество своей тактики, а если вѣрять, такъ тѣмъ меньше чести ихъ сообразительности. Околько ни укоряйте пруссаковъ въ томъ, что ихъ издѣлія хуже качествомъ англійскихъ и производятся въ значительно меньшемъ количествѣ, укоризны не прибавятъ ни на волосъ силъ пруссакамъ и не создадутъ у нихъ ни одной лишней мануфактуры. Вы можете доказать саксонцамъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что ихъ Дрезденъ хуже и меньше Парижа, но отъ этого Дрезденъ не сдѣлается ни красивѣе, ни больше. А между тѣмъ почти всѣ наши публицисты только и упражнялись до сихъ поръ въ томъ, что вѣчно надѣбдали своими сравненіями, или ироническими замѣчаніями, полагая вѣроятно, что достаточно подсмѣяться надъ малолѣтнимъ человѣкомъ, чтобы онъ превратился вдругъ въ богатыря и принялся немедленно ворочать тяжести, рыть золото, строить фабрики и нагружать корабли своими издѣліями, чтобы завалить ими всѣ иностранные рынки. Мы нисколько не отвергаемъ полезности сравненія, и намѣрены даже сейчасъ сдѣлать небольшую параллель Россіи съ Англійей, но только не съ иронической цѣлью и не для того, чтобы задѣвать чье либо самолюбіе.

Въ Европейской Россіи считается (безъ Финляндіи, Царства Польскаго, Кавказа и остзейскихъ провинцій) 600 городовъ, съ населеніемъ почти въ 5 милліоновъ; сельское же населеніе имѣетъ 50 м. Это значитъ, что городское населеніе составляетъ ровно девять процентовъ общей цѣфры жителей. Вся наша промышленность оцѣнивается въ 550 м. р., а чистый доходъ отъ нея въ 375 м. р. Предметы вывоза составляютъ: клѣбъ, лѣсной товаръ, кожи выдѣланные и невыдѣланные, пенька, ленъ, сало, шерсть, желѣзо, поташъ, мѣдь, щетина, сѣмя льняное и конопляное. Ввозятся же — хлопчатая бумага, сахаръ, масло деревянное и др., кофе, чай, шелкъ, машины, вина, фрукты и издѣлія — шелковые, шерстяныя, бумажныя и льняныя. Когда въ 1857 году тарифъ нашъ былъ значительно смягченъ противъ прежняго, то привозъ съ 1857 — 1859 г. увеличился на 58%, а между тѣмъ нашъ вывозъ возвысился только на 37%.

Въ Англійи всѣ эти вопросы представляются въ нѣсколько иномъ видѣ. Тамъ городовъ, какъ мы уже говорили, 815 съ 40 м. жителей, сельское населеніе имѣетъ тоже 40 м. (городское населеніе больше сельскаго на 150 т.) На каждую квадратную милю въ Великобританіи приходится 5 т. чел. Мануфактурныя издѣлія оцѣниваются 1,100 милліоновъ рублей, тогда какъ наши только въ

12,560,000 р. Англія вывозитъ товаровъ на 812 м. руб. и въ этой суммѣ сырые продукты — каменный уголь и желѣзо — мануфактурные и заводскіе товары и издѣлія.

Чтобы экономическія силы Россіи были совершенно равны силамъ англійскимъ, нужно численный размѣръ всего довести до слѣдующаго отношенія: общее народонаселеніе Евр. Россіи, составляющее 66 м., при густотѣ 634 ч. на кв. милю, чтобы дойти до густоты Англіи, должно бы простираться до 513,250,000; число нашихъ городовъ, вмѣсто 600, должно бы быть 17,108, считая, какъ въ Англіи, по одному городу на 6 кв. миль. Городское населеніе, вмѣсто 5 м. было бы при этомъ въ 257 м., а сельское въ 256 м. Наши мануфактурныя издѣлія, вмѣсто 12 м. р., составляли бы цѣнность въ 9,170 милліоновъ руб.; нашъ вывозъ, вмѣсто 160 м. руб., простирается бы на сумму въ 5,008 мил. руб.

По общепринятымъ понятіямъ экономическая дѣятельность Англіи считается чрезвычайно блистательной и для многихъ націй служить даже предметомъ зависти. И дѣйствительно, если судить о ней по цифрамъ оборотовъ, нельзя не согласиться, что Англія производитъ много. Но въ другомъ видѣ представится вопросъ, если посмотрѣть на характеръ оборотныхъ отношеній всѣхъ экономическихъ производителей. Еще при королевѣ Елизаветѣ Англія начала входить въ силу, и торговля создала въ ней довольно значительные капиталы. Но дѣла все еще были спосны для большинства, пока изобрѣтеніе машинъ не отвлекло людей отъ сельскихъ занятій. Выгодные заработки сманили сельскихъ ремесленниковъ и даже земледѣльцевъ оставить свои прежнія занятія и заставили ихъ потянуться въ города. Села опустѣли, а города переполнились, и такимъ образомъ отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ приняло самый неправильный видъ. Если принимать городъ, какъ центръ ремесленной и фабричной дѣятельности, для удовлетворенія потребностей сельскаго населенія, то масса городскихъ жителей въ Англіи гораздо больше той, какою бы должна быть по нуждамъ земледѣльцевъ. Англійскіе города производятъ уже не для себя, а для другихъ народовъ, и англійское городское населеніе росло на счетъ городовъ другихъ странъ. Наплывъ бездомныхъ людей въ мануфактурные и торговые центры создалъ экономическое зло, которое заставило мыслителей и государственныхъ людей Англіи задуматься надъ этимъ ненормальнымъ порядкомъ экономическихъ отношеній. Вся причина между тѣмъ заключалась только въ нарушеніи гармоніи между сельскими и городскими производителями и въ томъ, что

земледѣлецъ не имѣлъ своей пашни. Блестательные результаты англійской торговли и промышленности иѣшаютъ видѣть за ними въ истинномъ свѣтѣ городскаго и сельскаго пролетарія. Даже знаменитые экономисты Англій—Адамъ Смитъ, Рикардо, Мальтусъ—считали трехчленное распредѣленіе продукта нормальнымъ и обвиняли законы природы въ томъ, въ чемъ виноваты только ошибочныя экономическія отношенія. Россія въ этомъ случаѣ стоитъ совсѣмъ на иномъ пути; въ нашей экономической отсталости наше лучшее будущее; что у насъ только 600 городовъ, а не 17,000, и что въ городахъ живетъ 5 м., а не 257—и слава богу. Когда каждый земледѣлецъ имѣетъ свою пашню и свой домъ—его экономическое положеніе обезпечено и онъ не потянется въ городъ, чтобы превратиться въ пролетарія. По мѣрѣ развитія сельской производительности будетъ возвышаться и быть земледѣльца; увеличившіяся средства создадутъ большія потребности, для удовлетворенія ихъ явятся люди и капиталы изъ среды того же земледѣльческаго сословія, и создастся та экономическая круговая порука, при которой промышленный центръ станетъ работать на село, а село на промышленный центръ. Вотъ идеалъ экономической гармоніи, въ возможности котораго для Россіи нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться. Намъ не за чѣмъ хлопотать о вывозѣ за границу нашихъ сырыхъ продуктовъ; гораздо будетъ лучше, если мы станемъ перерабатывать ихъ у себя дома. Мы вывозимъ теперь шерсть, пеньку и ленъ, чтобы получить часть изъ нихъ обратно въ видѣ мануфактурныхъ издѣлій и часть весьма незначительную,—которая идетъ на удовлетвореніе потребностей совсѣмъ не тѣхъ лицъ, которые создали это сырье,—остальная часть сырья перерабатывается въ издѣлія для потребностей другихъ странъ. По теперешнимъ нашимъ экономическимъ силамъ другой порядокъ и невозможенъ, но порядку этому суждено, разумѣется, измениться—и вывозимая шерсть, пенька, ленъ, кожа, сало будутъ наконецъ перерабатываться нами самими, для нашихъ собственныхъ нуждъ. Теперешнее положеніе нашихъ городскихъ населеній сравнительно менѣе выгодно, чѣмъ экономическое положеніе земледѣльческихъ сословій; если горожанинъ получитъ возможность фактической свободы перемѣщенія, переселенія и труда, то и городъ на пути экономическаго прогресса не отстанетъ отъ села и потеряетъ свой деревенскій характеръ, въ которомъ укоряетъ его въ настоящее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Т. Гексли. О причинахъ явленій въ органической природѣ—Шестъ лекцій, читанныхъ рабочимъ въ Музеѣ практической геологiи въ Лондонѣ. Спб. 1864—Русская книжка И. Худякова. Изд. О И. Бакста. Спб. 1863.—Исторiя среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и вслѣдованiяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Т. 2. Спб. 1864. Прогулка молодыхъ боевровъ, соч. капитана Майнъ-Рида. Перев. подъ редакцію Н. А. Ушакова. Изд. Товарищества Общественной пользы. Спб. 1864.

При оцѣнкѣ чисто мускульнаго труда, мы обыкновенно смотримъ на результаты его съ экономической точки зрѣнiя; успѣхъ и энергiю его измѣряемъ общимъ итогомъ тѣхъ приобрѣтенiй, которыя сдѣланы отдѣльнымъ лицомъ или цѣлымъ народомъ. При условiяхъ, благопрiятныхъ развитiю труда и при механическомъ его усовершенствованiи, сумма приобрѣтенiй увеличивается въ прямомъ отношенiи къ количеству и качеству самой дѣятельности. Народъ, работающій 280 дней въ году и обладающій меньшими средствами для ускоренiя и улучшенiя своей работы, разумѣется, будетъ бѣднѣе того народа, который употребитъ на свой трудъ 340 дней и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ единичная сила человѣка, замѣнить ее громадными силами пара и машины. Если каждый англійскiй работникъ сравнительно съ континентальнымъ вырабатываетъ втрое больше, иначе говоря, равняется тремъ французскимъ или нѣмецкимъ рабочимъ, то при одинаковомъ народонаселенiи Англія произведетъ во столько же больше, и слѣдовательно народное богатство ея увеличится также втрое про-

тивъ Франціи или Германіи. Это относительно чисто мускульнаго труда. Но въ Англіи кромѣ того механическія изобрѣтенія даютъ человѣческому труду необыкновенную энергію; тамъ 12,000,000 силъ работаютъ одними машинами, что увеличиваетъ общую производительность страны до колоссальныхъ размѣровъ. Нельзя однакожь опредѣлять народное богатство только однимъ итогомъ производительности.

Народъ можетъ производить много, и между тѣмъ быть бѣднымъ, какъ это мы видимъ въ той же самой Англіи. Правильное распределение труда и добытаго имъ богатства составляетъ главное и непрѣмное условіе общаго довольства. Если десять тысячъ паразитовъ будутъ поѣдать то, что производить десять милліоновъ дѣятельныхъ силъ, то подобная страна будетъ состоять изъ голодныхъ и сытыхъ нищихъ. Разъ нарушенное экономическое равновѣсіе ведетъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ, и рано или поздно оканчивается кризисомъ.

Въ умственной дѣятельности тотъ же законъ остается въ полной своей силѣ. И здѣсь итогъ производительности зависитъ отъ двухъ главнѣйшихъ условій — отъ количества и качества ума, создающаго то, что мы называемъ образованіемъ и развитіемъ народа. Равномѣрное распределение умственныхъ богатствъ между членами общества такъ же важно и тутъ, какъ и въ матеріальномъ мірѣ. Два гениальныхъ человека на нѣсколько милліоновъ невѣждъ еще не дѣлаютъ общество образованнымъ, точно такъ же, какъ рубиновое ожерелье, повѣшенное на свинью, не особенно украситъ ее. Но вопросъ въ томъ, какіе мѣрку намъ выбрать для опредѣленія степени народнаго развитія? Иначе сказать, какими данными мы можемъ отвѣчать на слѣдующіе вопросы: что производить, напримѣръ, русскій умъ и въ какихъ размѣрахъ производить? Если мы примемъ за масштабъ этого измѣренія грамотность, то выведемъ только приблизительное заключеніе о народной образованности, какъ это сдѣлалъ Кольбъ въ своей статистикѣ. Онъ полагаетъ, что у насъ одинъ грамотный приходится на 150 безграмотныхъ, т. е. сравнительно съ Англіей и Германіей (въ первый 1 на 9, а во второй 1 на 6) наша безграмотность даетъ такой утѣшительный для славянофиловъ результатъ, что они совершенно попусту беспокоятся о вліяніи гнилаго Запада на наши цѣломудренныя мозги. Чтобы догнать Германію на пути ея элементарнаго образованія, намъ, по меньшей мѣрѣ, надо

употребить 250 лѣтъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ сколько нужно любому славянофилу для того, чтобы обратиться въ ископаемаго монстра. Судя по той пропорціи, которую представляетъ Кольбъ, мы могли бы резюмировать вопросъ въ слѣдующемъ видѣ: Англія образованнѣе Россіи въ 141, а Германія въ 144 раза. Но по числу грамотныхъ людей еще нельзя судить объ умственномъ развитіи народа, потому что грамотность служитъ только ближайшимъ средствомъ въ образованію, а самаго образованія не составляетъ. Можно населить всю страну грамотными, и не имѣть ни одного истинно образованнаго человѣка. Распространеніе грамотности указываетъ только на то обстоятельство, что народъ пользуется хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ, имѣетъ время и возможность учиться. Гораздо точнѣе было бы судить о степени умственного развитія по количеству тѣхъ идей, которыя обращаются въ обществѣ и прилагаются къ его дѣйствительной жизни; но сосчитать идеи имѣть никакой возможности, тѣмъ болѣе опредѣлить ихъ практическое примѣненіе. Такъ какъ весь умственный капиталъ народа заключается въ его литературу, а литература часто живетъ паразитною жизнью, т. е. питается на счетъ чужихъ идей и не имѣетъ никакой органической связи съ поступками и интересами общества, то было бы крайне ошибочно сказать, что вотъ этотъ народъ очень развитъ, потому что литература его очень богата. Иногда это богатство только обременяетъ собою общество. Мы часто слышимъ и въ нашей журналистикѣ великія упованія на то, что расширяющійся кругъ періодическихъ изданій доказываетъ несомнѣнное желаніе идти впередъ, что если двадцать газетокъ и журнальчиковъ разводять на седьмой водѣ то, что прежде предлагалось однимъ органомъ, то это значить, что мы запросили дѣйствительнаго умственного развитія. Но количество тутъ ровно ничего не доказываетъ. Если г. Краевскій вмѣсто однихъ «Отечественныхъ Записокъ» будетъ издавать цѣлую дюжину такихъ же журналовъ, то отъ этого произойдетъ единственное удовольствіе для его читателей—получать вмѣсто одного двѣнадцать экземпляровъ и, ни разбѣрзывая ни одного, спокойно класть ихъ на полки. Да и самое количество, вмѣняемое въ заслугу нашей литературѣ, еще можетъ быть предметомъ спора. Помнится, г. Межовъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» показалъ, что изъ 187 періодическихъ изданій за 1863—1864 годъ прекратилось не менѣе 65-ти; слѣдовательно третья часть нашего журнальнаго производства оказалась выше общественнаго за

проса. И это совершенно понятно. Если на 150 безграмотных считается один грамотный, если несколько миллионов раскольников боятся гражданской печати, если шестьдесят миллионов сельского населения пребывают в том патриархальном состоянии, в котором журнал или книга составляют решительно ненужную вещь, то сколько же остается читателей для нашей периодической прессы? Если мы положим 200,000, то эта цифра будет заключать в себя и тех, кто читает только ex officio. А 200,000 читающей публики на 60,000,000 народонаселения то же, что капля в море. Конечно, всякая литература, участвующая в движении общечеловеческой мысли, возбуждает любопытство и влечет предельно своего народа, пользуется правом гостеприимства во всех образованных странах, читается как в Индии, так и в Америке, но мы еще далеки от такого гостеприимства. Русская газета или журнал вовсе ненужны французу и англичанину, потому что наша умственная производительность на всемирной выставке была бы совершенно лишним грузом. Чтобы заставить читать послѣ Мишле г. Устрялова, или послѣ Дарвина г. Бекетова, для этого едва ли кто предпримет изучение русскаго языка, а если бы и изучал его съ цѣлю расширить кругъ своихъ понятій и обогатить себя новыми знаніями, то раскаялся бы въ напрасно потерянномъ времени. Когда мы внесемъ въ общечеловѣческое достояніе свою долю умственнаго труда, когда создадимъ что нибудь достойное вниманія другихъ цивилизованныхъ народовъ, тогда къ намъ обратятся съ запросомъ нашей собственной мысли, и нашимъ почвенникамъ не будетъ надобности лгать, что иностранцы не понимаютъ насъ, что они боятся трудности русскаго языка и только по незнанію его не интересуются такими сокровищами, какія выглаживаютъ г. Аксаковъ въ своемъ «Днѣ» или г. Косица съ братією въ «Эпохѣ». Да что у васъ понимать-то? Кому вы нужны, кромѣ вашей бѣдной почвы? Когда ваши внуки или правнуки забудутъ все, чѣмъ вы удобряли свою почву, и создадутъ что нибудь дѣйствительно хорошее, тогда васъ не только поймутъ, но и будутъ интересоваться вами, а пока будемъ довольствоваться и тѣмъ, что нами не брезгаютъ дома... Такимъ образомъ количествомъ печатной бумаги еще нельзя похваляться, равно нельзя и доказывать имъ, что мы ужъ слишкомъ преуспѣваемъ. Еще недавно одинъ публицистъ, довольный тѣмъ, что въ его сѣрыхъ водахъ счастливо ловится рыба, разсудилъ,

что на этих водах намъ и слѣдуетъ остановиться, что мы не въ примѣръ другимъ ускакали впередъ. Когда писалъ это публицистъ, его мрежи, набитыя разной треской и корюшкой, улыбаются ему такимъ счастьемъ, что онъ почувствовалъ въ себѣ страстное влеченіе остаться навсегда на своемъ уловѣ. Это по крайней мѣрѣ выгодно; но другіе-то чего испугались въ нашемъ преуспѣяніи? Развѣ 200,000 читателей на 60,000,000 ничего нечитающихъ, или 187 периодическихкихъ изданій, изъ которыхъ треть ежегодно умираетъ отъ истощенія соковъ, а двѣ трети, по мнѣнію г. Зайцева, живутъ въ такомъ добромъ согласіи, что если одно скажетъ *да*, то всѣ другія непремѣнно повторятъ, только на разные манеры, то же *да*. *Ау!* произнесутъ «Московскія Вѣдомости», и во всемъ мѣсу нашей периодической прессы раздастся также: *Ау!* Михаилъ Никифоровичъ! Ну и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Это миролюбивое настроеніе и готовность типографій печатать все, что ни взбредетъ на умъ тароватому производителю литературнаго товара, породили въ нашей журналистикѣ явленіе, небывалое даже во времена Булгарина. Мы обыкновенно любимъ строго относиться къ этому старому доброму времени, когда одни упражнялись въ изслѣдованіи вопроса: на сколько можетъ быть безвредно для пищеваренія русской публики «искусство писать для искусства», а другіе соображали, что это невинное занятіе можно обратить въ небезвыгодное занятіе. Но доброе старое время все это дѣлало съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ приличій, болѣе келейно, чѣмъ въ огласку, а теперь гг. Писемскіе, Блужниковы и Стебницкіе дѣлаютъ то же самое съ полнымъ самоудовольствіемъ и на распашку. Они открыли въ своихъ твореніяхъ какое-то полицейское бюро, съ строжайшимъ наблюденіемъ не только за общественной дѣятельностію своихъ мнимыхъ противниковъ, но и за домашней ихъ жизнію. Въсто того, чтобы обращаться въ кварталы за справками о поведеніи нашихъ сосѣдей, теперь можно получать эти справки прямо изъ романовъ: «Взбаламученное Море, Марево и Некуда». — Слѣдовательно преуспѣваемъ! Поэтому, оцѣнивая журнальную производительность съ одной количественной стороны и не принимая во вниманіе внутреннее ея качество, мы приходимъ къ отрицательнымъ результатамъ на счетъ ея достоинства и вліянія на наше развитіе.

Нельзя сказать, чтобы мы были равнодушны къ честной и плодотворной мысли, пробивавшейся *malgré tout* въ нашей периодиче-

ской литературѣ. Благодаря Бѣлинскому, мы стали понимать различіе между идеей и поддѣлкой подъ нее, между Булгаринными и антагонистами ихъ; Бѣлинскій первый растолковалъ намъ, что между обществомъ и литературой можетъ быть живая связь только тогда, когда литература выражаетъ лучшія стремленія общественной мысли; онъ ошибался въ масштабѣ своего критическаго анализа, но никогда не ошибался въ распознаваніи гаденькихъ поползновеній; въ борьбу съ ними онъ вносилъ всю страстность и раздражительность своей души, и также смѣло разрывалъ самыя теплыя симпатіи къ людямъ, начинавшимъ влиять хвостомъ, какъ добросовѣстно шелъ къ своей цѣли. Онъ былъ одинокъ у своего дѣла; онъ былъ чужой среди того общества, которое платило ему каплей сочувствія на цѣлое болото грязныхъ оскорбленій и даже ненависти. Но и въ самой ненависти было столько тупости, что она скорѣе охлаждала энергію этого дѣятеля, чѣмъ возбуждала его силы. Не упасть духомъ и не сложить руки среди такой обстановки есть уже великій подвигъ. Только цѣной этихъ усилій Бѣлинскій и заставилъ насъ уважать литературу и смотрѣть на нее, не какъ на барское шутовство, а какъ на дѣло, имѣющее интересъ общественный. Послѣ Бѣлинскаго всѣ заговорили о *направленіи*, всѣ стали выставлять на показъ свои убѣжденія, и даже тѣ, у кого ихъ нельзя было выбить и дубиной, являлись въ публику съ либеральными ярлычками; только отъявленные не совѣстливыя показаться людьми ретроградными. Это былъ шагъ впередъ; начинался день, когда козламъ понадобились овечьи шкуры, въ которые они и наряжались. Только самый небольшой кружокъ людей могъ отлпчить по рогамъ этихъ поддѣланныхъ овецъ, а большинство судило о нихъ по одной наружности. И такъ какъ многіе видѣли, что маскарадъ удастся не дурно, то прикидывались очень охотно. Ошибка критики, дѣйствовавшей послѣ Бѣлинскаго, состояла въ томъ, что она приняла свѣтъ зари за ясный полдень, увѣровала въ искренность переодѣтыхъ Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ, и отнеслась къ нимъ съ полнѣйшимъ оптимизмомъ; она съ высоты взглянула на свои собственныя заслуги и, порѣшивъ, что дѣло ея съ козлами кончено, начала игнорировать и пренебрегать ими. На дѣлѣ оказалось, что думать такъ было рано, и не забывая своего главнаго стремленія, надо было въ то же время поддержать и дѣло Бѣлинскаго. Изъ всего этого произошло то, что свои своихъ не узнали, и козламъ опять сдѣлалось не совѣстно показаться въ сво-

ихъ собственныхъ костюмахъ. За тѣмъ оставалось выдумать ретроградно-либеральное направленіе и подъ прикрытіемъ этого дурацкаго колпака представить въ литературѣ кукольную комедію изъ арлекиновъ. Нашимъ дальновиднымъ критикамъ пазалось, что общество огорчится и будетъ хохотать, когда увидитъ эту комедію, но оно преспокойно усѣлось въ театрѣ и, не разобравъ, въ чемъ сущность дѣла, ослабилась и зарукоплексало отъ удовольствія. Теперь мы опять начинаемъ убѣждаться, что Бѣлинскій былъ правъ, что его строгій скептицизмъ въ убѣжденіяхъ современнаго ему поколѣнія волюнѣ оправдался и на нашемъ, что отъ Рудинныхъ до Русановыхъ переходъ вовсе не великъ, или лучше Русановъ ничто иное, какъ Рудинъ, переодѣтый въ новый виць-мундиръ.

Мало того, что мы не краснѣемъ, но даже восторгаемся тѣмъ, за что прежде краснѣли. Но что же дѣлать! На что употребить этотъ суровый трудъ, который ждетъ насъ и отъ котораго мы должны ожидать своего спасенія? Кажется, ясно, что отъ Рудинныхъ печега ждать, что Русановыхъ хватить только для многотрудныхъ обязанностей брандмейстеровъ, что видимое обиліе жатвы въ нашемъ духовномъ вертоградѣ даетъ гораздо болѣе трухи, чѣмъ чистаго зерна, что вчерашніа наши убѣжденія вовсе не похожи на нынѣшніе, и слѣдовательно полагаться на нихъ было бы крайне не осторожно. А между тѣмъ мы инстинктивно сознаемъ, что намъ и взаправду предстоитъ суровый трудъ, да силъ для него мало. Но откуда же взять эти силы? Почвенники увѣряютъ, что надо искать ихъ въ самихъ себѣ, какъ будто кто нибудь могъ думать, что за насъ и про насъ будутъ распинаться французы или англичане; но почвенники, говоря это, имѣютъ другой умыслъ, — имъ хочется польстять самолюбію тѣхъ богатырей, которые, лежа на боку, только и думаютъ о томъ, какъ-де мы страшны и могучи. Чтобы поднадуть насъ на счетъ нашей простоватости они придумали разныя кабаллистическія заклинанія, въ родѣ *почвы, самобытнаго ума, саморазвитія* и тому подобнаго самодурства. Но опытъ убѣдилъ насъ, что пока мы жили для самихъ себя и все творили изъ самихъ себя, творчество наше не пошло дальше «Домостроя», что самъ M-r de Gérebzoff свидѣтельствуетъ въ «Исторіи русской цивилизаціи» о нашемъ пристрастіи полагать свою силу только въ длинной бородѣ. По видимому, что можетъ быть очевиднѣе того факта, что-весь допетровскій застой нашей жизни былъ слѣдствіемъ замкнуто-

сти; находясь въ сѣрикосновеніи съ дикими Востоками и туждавшими Западу, мы были предоставлены самимъ себѣ, но что же мы выработали такого великаго, чѣмъ бы можно было похвастаться почвеникамъ? На какое открытіе въ области науки или практической жизни они укажутъ, съ прибавленіемъ слова: *самодѣланное*. Открытія за нами нѣтъ никакихъ; участія въ общеловѣческомъ трудѣ мы пока не предъявляли, великихъ идей не изобрѣтали, — такъ къ чему же послужили намъ восемь вѣковъ нашей самобытности? И что это такое за сокровище, которое надо хранить за тридцать земель отъ растлѣннаго Западу. Да и кому нужно покушаться отнять у насъ самобытность, изъ которой мы сами не Богъ знаетъ что сдумали сдѣлать. Съ другой стороны, лучшие представители нашей мысли и вся образованная часть общества понимали, что умственному развитію Россіи всегда помогала Европа; только мы не всегда умѣли пользоваться ея готовой работой и претворять ее въ свое добро. Противодѣйствовать этому направленію — значить не только тащить общество назадъ, но и отнимать у него возможность идти, куда бы то ни было. Суровый нашъ трудъ пока въ томъ и состоитъ, чтобы перенести къ себѣ изъ Западной Европы, какъ можно больше матеріаловъ для своего развитія и при удобномъ случаѣ ввести ихъ, какъ активную силу, въ дѣйствительную жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ этихъ богатыхъ матеріаловъ долженъ быть самый строгій, потому что отъ нихъ будетъ зависѣть прочность и удобство самой постройки. А потому внутреннее достоинство всякой вновь приобретаемой идеи есть дѣло величайшей для насъ важности.

Въ какой степени наше самовоздѣланное развитіе оказывается плохо по сравненію съ привознымъ, — это мы чувствуемъ каждый мѣсяць, въ который приходится наполнять Библиографическій листокъ, за немѣнимъ хорошихъ переводныхъ книгъ, своими собственными издѣліями. Хоть тресни, а ничего изъ нихъ не выжмешь. На этотъ разъ, еслибъ не выручилъ меня Гексли, о которомъ можно сказать нѣсколько умныхъ словъ, то я очутился бы въ безвыходномъ положеніи. Представьте, что за цѣлый мѣсяць ни одной интересной книги, и въ нѣсколькихъ книгахъ ни одной интересной мысли. Вообще лѣтнія засухи оказываютъ самое неблагоприятное вліяніе на нашъ духовный вертоградъ, но нынѣшняя засуха не въ примѣръ другимъ пагубна. Такъ, во всемъ цвѣтницѣ нашей самобытной поэзіи только и распустился одинъ букетъ величайшей безмы-

слицы, и то перемѣшанный съ прозою, подъ названіемъ: *Мои досуги и восторги мои безпредѣльны на всему прекрасному!* Будетъ этотъ принадлежить князю Николаю Оболенскому, а кому онъ подносится—объ этомъ въ безпредѣльныхъ восторгахъ автора ничего не говорится. Но не трудно догадаться, что онъ поднесенъ ради удовольствія той типографіи, которая его печатала.

Небольшая книжка Т. Гексли «*О причинахъ явленій въ органической природѣ*» состоитъ изъ шести лекцій, читанныхъ лондонскимъ рабочимъ. Въ этихъ шести лекціяхъ, представлено популярное изложеніе книги Дарвина «*О происхожденіи видовъ*», дополненное геологическими изслѣдованіями Лайелля и собственными соображеніями Гексли; такъ что на нѣсколькихъ страницахъ здѣсь заключается краткій обзоръ всѣхъ нынѣшнихъ открытій, сдѣланныхъ въ области естествознанія тремя знаменитыми натуралистами Англій. Мысль сдѣлать Дарвина доступнымъ пониманію ремесленного сословія заслуживаетъ полной похвалы,—во-первыхъ потому, что практическое приложеніе знанія природы и великихъ, идей, открываемыхъ современными натуралистами, имѣетъ непосредственную связь съ образомъ жизни и занятій рабочаго класса. Чиновникъ, офицеръ, купецъ и дилеттантъ могутъ читать Дарвина для собственнаго удовольствія и, закрывъ его книгу, не измѣнить ни одной иоты въ своемъ міросозерцаніи и дѣятельности. Другое дѣло—ремесленникъ; его мысль ежеминутно приходитъ въ соприкосновеніе съ тѣми вопросами, которые занимаютъ самого Дарвина, ежеминутно нуждается въ тѣхъ реальныхъ знаніяхъ, надъ успѣхомъ которыхъ работаетъ натуралистъ. Не нынѣ, такъ завтра смысленный рабочій можетъ примѣнить къ своимъ занятіямъ ту или другую идею Дарвина и остановиться надъ изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ какаго нибудь новаго открытія. Исторія всѣхъ замѣчательныхъ изобрѣтеній начиналась въ мастерской или на фабрикѣ, а не въ кабинетѣ дилеттанта или дипломата. Конечно, нужно имѣть не малое развитіе тому слушателю, которому предлагаются популярныя лекціи по Дарвину и Лайеллю; но еслибъ этого развитія не было у лондон-

скихъ рабочихъ, то Гексли и не сталъ бы продолжать своихъ чтеній, да навѣрное нѣкто бы и не явился на нихъ. Во вторыхъ распространеніе истинныхъ знаній о природѣ и положеніи человѣка въ ряду окружающаго его существъ между самыми бѣдными и необразованными слоями общества имѣеть еще другое значеніе. Лекціи, подобныя тѣмъ, какія читаетъ Гексли въ Лондонѣ, разливаютъ свѣтъ въ тѣхъ общественныхъ сферахъ, гдѣ невѣжество постоянно держитъ человѣка подъ страхомъ и недоверіемъ къ самому себѣ, и ведетъ его или къ преступленію или къ глубокому разврату.

Какъ ни интересны лекціи Гексли, я однакожъ не стану разбирать ихъ подробно, потому что изъ превосходныхъ статей г. Писарева читатели «Рус. Слова» могли близко познакомиться съ сочиненіемъ Дарвина; что же касается до Ляйбеля, то о немъ также будетъ говорить обстоятельно. Мнѣ же приходится ограничиться только общимъ обзоромъ популярныхъ лекцій Гексли.

Въ первой лекціи разсматривается «настоящее состояніе органической природы», гдѣ Гексли опредѣляетъ неразрывную связь между двумя огромными мірами—органическимъ и неорганическимъ.

„Растеніе, говоритъ Гексли, собираетъ неорганическія вещества, превращая ихъ въ собственное существо. Животное ѣстъ растеніе усваиваетъ себѣ питательныя вещества, заключающіяся въ немъ, выдѣляя и выбрасывая безполезныя вещи; наконецъ животное умираетъ, все тѣло его разлагается и возвращается въ неорганическій міръ. Такимъ образомъ существуетъ постоянное круговращеніе матеріи, постоянное образованіе органической матеріи изъ неорганическихъ веществъ и постоянное возвращеніе всего живаго въ неорганическій міръ: такъ что матеріалъ, изъ котораго состоятъ тѣла теперешнихъ животныхъ, по всей вѣроятности, есть большею частію тотъ же, изъ котораго состояла давно уже уничтожившіяся созданія и который извѣстное время составлялъ неорганическій міръ“.

Точно то же надо сказать и относительно физическихъ силъ. Для всего, существующаго въ природѣ, онѣ одинаковы,—и для желудка, и для человѣка, но дѣятельность ихъ видоизмѣняется по различію соотношеній въ разныхъ жизненныхъ явленіяхъ. Между электричествомъ громоваго облака и электричествомъ моего мозга нѣтъ никакой разницы, но въ первомъ случаѣ оно дѣйствуетъ иначе, чѣмъ во второмъ, потому что пропорція и сочетанія его различны.

За тѣмъ Гексли разсматриваетъ органическій міръ со стороны формы строенія и приходитъ къ тому выводу, что въ основаніи всего животнаго царства скрывается одна первоначальная форма—яйцо или клѣточка, изъ которой развиваются эти безчисленные виды животныхъ, покрывающихъ поверхность земли. Но нѣтъ ли возможности, спрашиваетъ онъ, подвести весь органическій міръ къ одной первичной формѣ?

„Отвѣтъ на этотъ вопросъ, продолжаетъ Гексли, не можетъ быть уже сомнительнымъ или нерѣшительнымъ, такъ какъ теперь доказано, что все живое начинаетъ свое существованіе подъ одною и тою же формою, т. е. подъ видомъ клѣточки, формы, свойственной всему органическому міру, такъ что если мы прослѣдимъ дубъ до его перваго зародыша, или человека, или лошадь, или рака, или устрицу, или какое нибудь другое животное, то найдемъ что всѣ они начинаютъ свое существованіе подъ однимъ и тѣмъ же, общимъ имъ, видомъ, и что даже первые процессы ихъ роста и многія дальнѣйшія измѣненія въ сущности одни и тѣ же для большей части ихъ.“

Такимъ образомъ въ природѣ совершается безконечное круговращеніе, въ которомъ все соединяется въ одну стройную, логическую и неразрывную картину. Растеніе развивается изъ неорганическихъ веществъ, животное, питаясь растеніемъ, существуетъ имъ и послѣ смерти опять возвращается въ неорганическій міръ, такъ что одна матерія и однѣ и тѣ же физическія силы дѣйствуютъ по всей этой длинной цѣпи разнообразнѣйшихъ существъ.

Представивъ очеркъ настоящаго состоянія органической природы, Гексли обращается къ ея прошедшему, передъ которымъ исторія человѣческой жизни есть не болѣе, какъ кратковременный мигъ. Періоды постепеннаго образованія нашей планеты и мало по малу возникавшей на ней жизни измѣряются такимъ громаднымъ масштабомъ, для котораго сотни тысячъ лѣтъ составляютъ ничтожную величину. Геологъ опредѣляетъ эту лѣтопись земли на основаніи слѣдующихъ данныхъ: такъ какъ земная кора, пробуровленная на извѣстную глубину въ вертикальномъ направленіи, состоитъ изъ разнообразныхъ слоевъ, въ которыхъ открываютъ растенія и животныхъ, теперь болѣе несуществующихъ на поверхности нашей планеты, то геологи попытались вычислить, во сколько времени могъ образоваться извѣстный слой или формація, и по этому вычисленію составили цѣлую геологическую хронологію. Изъ наблюденій, произведенныхъ въ раз-

личных мѣстностяхъ и разными учеными, оказывается, что земная поверхность испытываетъ постоянныя измѣненія, въ одномъ мѣстѣ повышается, а въ другомъ опускается. Нѣтъ сомнѣнія, что эти движенія происходятъ очень медленно и для жизни одного человека едва замѣтно, но различные опыты ясно доказали, что тамъ, гдѣ возвышаются теперь великолѣпные города съ ихъ многочисленными населеніями, за нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ разливался океанъ и плавали ледяныя глыбы. Тамъ нынѣшняя огромная пустыня Сахары была нѣкогда морскимъ бассейномъ, въ который была погружена вся юговосточная часть Африки, а сѣверо-западная часть ея, Азорскіе острова и Португалія сливались съ сѣвѣрною Америкою въ одину сплошную материкъ; точно также географія теперешней Европы совсѣмъ не то, что была прежде: вся сѣверная часть Финляндіи, Остзейскія провинціи, сѣверная Германія и Великобританія были залиты моремъ, изъ котораго постепенно выдвигались эти материкъ, какъ въ настоящую минуту выдвигаются изъ океана обширные острова и рифы. Какъ медленно происходили эти измѣненія, — можно судить по слѣдующему примѣру: окрестности Стокгольма измѣняютъ уровень своего берега на 1 футъ въ цѣлое столѣтіе; слѣдовательно для поднятія этого уровня на 600 футовъ потребовалось бы 60,000 лѣтъ. Точность всѣхъ этихъ вычисленій конечно многими оспаривается, потому что наблюденія современнаго геолога далеко не такъ полны, какъ это будетъ впоследствии. Земная поверхность едва тронута буравомъ ученаго изслѣдователя и, по всей вѣроятности, тысячи явленій, способныхъ разказать интереснѣйшіе эпизоды изъ исторіи образованія нашей планеты, до сихъ поръ хранятся въ таинственныхъ нѣдрахъ земли. До сихъ поръ большая часть открытій происходила случайно и отрывочно, такъ что на одну писанную страницу этой многотомной лѣтописи надо считать сотни страницъ бѣлыхъ. Только новѣйшая формація нѣсколько подробно изслѣдована, но и тутъ открывается множество любопытнѣйшихъ фактовъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Въ 1853—1854 года зимою открыли въ цюрихскомъ озерѣ у Мелейна, — а потомъ повторились эти открытія и въ другихъ швейцарскихъ озерахъ, — открыли остатки строеній на сваяхъ, слѣдовательно строенія стояли на водѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ грязи швейцарскихъ озеръ отыскали множество костей, каменнаго, бронзоваго оружія, глиняной посуды и т. п. Всѣ эти розысканія, сдѣланныя общими усиліями археоло-

говъ, этнографовъ и геологовъ, привели къ тому выводу, что обитатели этихъ строеній жили здѣсь болѣе, чѣмъ за 10,000 лѣтъ. Точно къ такому же заключенію привели и торфяныя болота датскихъ острововъ, на восточныхъ берегахъ которыхъ уцѣлѣли кучи устрицъ и другихъ раковинъ, остатки костей, каменнаго оружія, кучи, часто обнимающія 2 милліона кубическихъ футовъ. Слѣдовательно здѣсь жи и люди, еще незнавшіе употребленія желѣза, и жили они среди такихъ сосновыхъ лѣсовъ, которыхъ теперь совершенно нѣтъ въ Скандинавіи и которые сохранились только въ до-историческихъ формаціяхъ. Все это заставило изслѣдователей этой мѣстности полагать, что эта дикая жизнь людей происходила по крайней мѣрѣ за 10,000 лѣтъ до нашего времени. Наконецъ буреніе нильской долины, сдѣланное недавно по предложенію Горнера, одного изъ англійскихъ геологовъ, представило довольно интересный фактъ. На глубинѣ 60 и 72 футовъ были открыты осколки глиняной посуды, которую употребляли тогдашніе египтяне. Основываясь на томъ, что ежегодное возвышеніе земли по берегамъ Нила совершается на $5\frac{1}{2}$ дюймовъ въ столѣтіе, вычислили, что для поднятія этой мѣстности на 60 и 72 фута требовалось не менѣе 24,000 лѣтъ. Такимъ образомъ, какъ глубоко ни проникалъ глазъ человѣка въ нѣдра обитаемой нами земли, онъ повсюду находилъ слѣды человеческой жизни, которой исторія теряется въ отдаленномъ прошедшемъ. Но вмѣстѣ съ слѣдами этой жизни встрѣчаются остатки такихъ растительныхъ и животныхъ видовъ, которыхъ болѣе не находятъ на земномъ шарѣ. Въ этомъ угасшемъ мѣрѣ есть своя строгая постепенность, о которой Гексли думаетъ такъ:

«Предположивъ вертикальное стверстіе въ землѣ или разрѣвъ ея по этому направленію, мы встрѣтимъ въ каждомъ слоеъ остатки животныхъ, свойственныхъ только ему и не находящихся въ другихъ слояхъ. Прежде всего мы нападѣмъ на слой песка или наноса, содержащій кости большихъ животныхъ, какъ-то слона, носорога и тигра пещерь; углубляясь далѣе, мы встрѣтимся съ слоемъ, называемымъ лондонской глинной, и въ ней найдемъ странные остатки большихъ рогатыхъ животныхъ черепахъ, пальмъ и тропическихъ растений огромнаго развѣра, вмѣстѣ съ раковинами, встрѣчающимися теперь только подъ тропиками. Еще глубже,—мы найдемъ слои извести и въ ней совершенно оригинальныхъ животныхъ, ихтиосавровъ, птеродактилей, аммонитовъ и т. д.

Теперь еще неизвѣстно, гдѣ остановится эта подземная лѣтопись,

съ ея ископаемымъ міромъ, и какіе факты откроетъ она для изученія вымершихъ флоръ и фаунъ, но и по тѣмъ даннымъ, какія имѣются, можно навѣрное сказать, что настоящее состояніе органической природы составляетъ только одну ничтожную страничку въ этой колоссальной лѣтописи. Одно ясно, что цѣпь міроваго творенія не прерывается, но чѣмъ глубже мы заходимъ въ земныя нѣдра, и чѣмъ дальше удаляемся отъ настоящаго времени, тѣмъ болѣе различія оказывается въ формахъ тогдашняго и нынѣшняго органическаго міра. Здѣсь мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ теоріей Дарвина, которая объясняетъ самое развитіе и совершенствованіе органическихъ существъ.

Послѣ популярнаго сочиненія англійскаго писателя я могу, ради сравненія, перейти къ популярной книжкѣ русскаго сочинителя. Эта *русская книжка* издана г. Бакстомъ, а составлена г. И. Худяковымъ. Переходъ этотъ во-истину громадный; потому что между г. И. Худяковымъ и мистеромъ Гексли различіе по меньшей мѣрѣ такое же, какое между ихтиосавромъ и его отдаленнѣйшимъ потомкомъ. И почему это пришло въ голову г. Баксту издать эту странную книжку, а г. И. Худякову сочинить ее? А книжка дѣйствительно странная. Начинается она сказками такого рода, что только одному славянофилу подъ силу отыскать въ нихъ какой нибудь человѣческій смыслъ; потомъ слѣдуютъ пословицы, загадки, пѣсни и былины. Всѣ эти сокровища народной мудрости собраны, по видимому, для удовольствія простаго читателя, котораго понятія стоять не выше сказки и пословицы. Иначе съ какой стати было г. Худякову помѣщать въ «русской книжкѣ» семь былинъ (Вольга Святославовичъ, Илья Муромецъ, Соловей Будамировичъ и проч.), которыя могутъ интересовать собирателя разнаго стараго хлама, но никому ненужны изъ мало мальски образованныхъ читателей. Но судя по второму отдѣлу этой книжки, мы убѣждаемся, что г. Худяковъ вовсе не имѣлъ въ виду своихъ низшихъ братій, питаемыхъ сказками и былинами; потому что въ этомъ отдѣлѣ между прочимъ помѣщены «Стихотворенія» Некрасова, «Ночь подъ свѣтлый день» Успенскаго и «Плотничья артель» Писемскаго—произведенія, какъ извѣ-

стно, искусственнаго характера и превышающія какъ требованія, такъ и развитіе крестьянскаго ума. Тутъ уже дѣло идетъ о читателѣ пѣскольکو образованномъ, которому знакома наша новѣйшая литература. Изъ этого выходитъ, что г. Худяновъ восхотѣлъ соединить, въ своей книжицѣ два сорта литературы—чисто почвенную для сермяжной публики, и искусственную, порожденную гнилымъ Западомъ, для читателей шелковаго разбора. Расчетъ былъ, какъ видно, коммерческій, а на дѣлѣ оказалось, что книжица негодна ни для простонародья, ни для образованнаго читателя; слѣдовательно, спекуляція г. Бакста вышла самая злосчастная.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы возлюбили нашей почвенной любовью свою низшую братію, и вознамѣрились просвѣщать ее трехъ-копѣчными изданіями, задніе дворы русской литературы стали наполняться всевозможными сборниками, бесѣдами, наставленіями, патріотическими пѣснями и тому подобными издѣліями. Для этого производства образовался особенный классъ писателей, которыхъ имена развозятся по ярмаркамъ вмѣстѣ съ бакалейными товарами и съ брошюрами г. Мельникова, завернутыми въ древніе погодинскіе порты. Народъ неизмѣримо умнѣе этихъ брошюръ и писателей, и потому не покупаетъ ихъ, смекая очень правильно, что какъ ни малы три копѣйки сер., а все же можно употребить ихъ съ большею пользою, чѣмъ на приобрѣтеніе, напримѣръ, «Трубнои славы россиянь», изображенной въ лицахъ. Но это невинное упражненіе иногда дѣлается отвратительной спекуляціей нашихъ апраксинскихъ книгопродавцевъ. Недавно мнѣ случилось видѣть брошюру, составленную изъ разныхъ стихотвореній и мелкихъ статей, понадерганныхъ изъ разныхъ журналовъ, разныхъ годовъ; тутъ есть и стишки Бенедиктова, Бернета, Подолпскаго и рассказы всевозможныхъ авторовъ. Все это переплетено въ одну книжку и покрыто сѣренькой обложкой, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *сочиненія Лермонтова*, для народа, цѣна 20 к. Вотъ это значить просвѣщать низшую братію и дешево и не убыточно!

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ М. Стасюлевича вышла вторымъ томомъ, об-

нимающимъ періодъ времени отъ 771 — 1096 года. Въ прошломъ году, по поводу перваго тома, мы высказали наше мнѣніе о трудѣ г. Стасюлевича и оговорились пословицей: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки». Положимъ, что г. Стасюлевичъ не обѣщаль намъ журавлей и далъ болѣе, чѣмъ синицу, но все-таки онъ не сдержалъ своего обѣщанія во второмъ томѣ. Онъ хотѣлъ включить сюда исторію Византіи и Востока, которые имѣли огромное вліяніе на судьбы западной Европы и вообще на средневѣковую эпоху. Мы въ правѣ были думать, что, коснувшись исторіи Византіи и Востока, г. Стасюлевичъ познакомитъ насъ съ лучшими источниками, чѣмъ какими мы пользуемся до сихъ поръ. Конечно, для выполненія такой задачи необходимы и соотвѣтственные силы: едва ли безъ знанія восточныхъ языковъ можно браться за исторію Востока въ ея писателяхъ, а такимъ знаніемъ г. Стасюлевичъ, сколько мнѣ извѣстно, не обладаетъ. Едва ли онъ обладаетъ даже тѣми богатыми европейскими источниками, которые нужны современному историку. Это мы говоримъ на томъ основаніи, что г. Стасюлевичъ даже относительно западной Европы не пользуется множествомъ писателей и такихъ сочиненій, о которыхъ умолчивать историку рѣшительно не прилично. Такъ, для исторіи Англіи въ X вѣкѣ, онъ рекомендуетъ намъ такую посредственность, какъ Боншозъ, какъ будто не зная, что эта эпоха превосходно разработана многими англійскими историками, у которыхъ можно найти неистощимое богатство по этому предмету. Указывая по исторіи Испаніи на Дози, онъ ни словечка не промолвилъ о Тиннорѣ, а, кажется, слѣдовало бы упомянуть о немъ. Ссылаясь постоянно на Гизо предлагая пустозвонныя характеристики Ланфре, можно было, по крайней мѣрѣ, не такъ скромно воспользоваться Гиббономъ. Я не имѣю возможности въ этомъ бѣгломъ листкѣ указать г. Стасюлевичу относительно «каждаго отдѣльнаго событія и лица на писателей, достойныхъ большаго вниманія, чѣмъ какихъ рекомендуетъ онъ, но не могу не замѣтить, что не воспользоваться англійскими, американскими, испанскими и итальянскими источниками для «Исторіи среднихъ вѣковъ» — значитъ обѣщать журавля въ небѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя же требовать отъ г. Стасюлевича знанія пяти или шести новѣйшихъ языковъ, но тогда нечего было и приниматься за такой трудъ, какой задалъ себѣ г. Стасюлевичъ. Мы были бы благодарны ему, еслибъ онъ ограничился одной какой нибудь эпо-

хой изъ среднихъ вѣковъ, но оставилъ ее болѣе компетентными писателями и болѣе разнообразными источниками. Здѣсь все зависитъ отъ выбора и разнообразія. По книгѣ г. Стасюлевича можно отлично познакомиться съ средневѣковой исторіей и можно узнать ее не лучше, чѣмъ изъ негодныхъ руководствъ Кайданова и Смагдова—все зависитъ отъ того, на какия сочиненія и на что именно въ этихъ сочиненіяхъ укажетъ г. Стасюлевичъ. Поэтому я позволяю себѣ утверждать, что если г. Стасюлевичъ и исполнитъ свое обѣщаніе относительно исторіи Востока, но напередъ можно сказать, что онъ дастъ намъ только хвостикъ отъ синицы.

Не понимаю я также, почему г. Стасюлевичъ называетъ предлагаемый имъ способъ изученія исторіи *реальнымъ*, и чѣмъ этотъ реальный способъ отличается въ сущности отъ *формальной*, принятаго въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ. Въ чемъ тутъ особенный реализмъ? Положимъ, что Кайдановъ можетъ ягать и окрашивать своимъ цвѣтомъ событія, а воспитанникъ, читая его книгу, можетъ извратить свой взглядъ, не добравшись до сущности дѣла. Но развѣ реальный способъ г. Стасюлевича не рискуетъ раздѣлить ту же участь? Стоитъ только скрыть лучшіе источники и выставить длинную фалангу разныхъ наемныхъ писаекъ, подобныхъ исторіографамъ Людовика XIV, чтобы представить исторію въ ея писателяхъ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Само собою разумѣется, что г. Стасюлевичъ, на сколько позволили ему умственные силы, добросовѣстно отнесся къ своему дѣлу; но та же реальность въ другихъ рукахъ можетъ обратиться въ такую же формальность, какъ у Кайданова, или еще почише. Такимъ образомъ я не вижу никакой разницы между реальнымъ и формальнымъ преподаваніемъ исторіи, кромѣ того нравственного достоинства, съ которымъ историкъ обращается съ своей наукой. Преподаватель, перечитавъ источники въ ихъ сыромъ видѣ, можетъ предложить своимъ ученикамъ коротенькое извлеченіе изъ запаса добытыхъ имъ свѣденій, и это извлеченіе можетъ быть лучше и понятнѣе, чѣмъ если бы ученикъ обратился прямо къ плохимъ источникамъ, указаннымъ ему преподавателемъ или взятымъ на-угадъ. Тутъ преимущество на сторонѣ формального преподаванія; а реальное никуда не годится. Но главное то, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого различія; оба они могутъ быть и реальными, и формальными, т. е. и плохими, и хорошими, честными и безчестными, смотря по личнымъ убѣжденіямъ историка.

Первый способ может скрывать источники и критическую оцѣнку ихъ, а второй может прятать истинные факты и представлять ихъ въ ложномъ свѣтѣ; слѣдовательно одно другому совершенно равно.

Мнѣ кажется, что надо взглянуть на дѣло съ иной точки зрѣнія. Въмѣсто исторической хрестоматіи, какую предлагаетъ г. Стасюлевичъ, было бы гораздо лучше для исторической науки, еслибъ литература наша предприняла и выполнила слѣдующій трудъ. Отобравъ съ строгимъ критическимъ тактомъ лучшихъ историковъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, которыхъ необходимо читать для того, чтобы познаться съ всемірной исторіей, перевести ихъ вполнѣ на русскій языкъ. У насъ, напримѣръ, нѣтъ хорошаго или вовсе никакого перевода Фукидида, Тацита, Тита Ливія, Гиббона и др.; у насъ ни одинъ изъ средневѣковыхъ европейскихъ лѣтописцевъ, неизвѣстенъ даже хорошенько по имени, а между тѣмъ и публика и учащееся юношество читали бы ихъ, съ большей охотой и несравненно съ большей пользой, чѣмъ такихъ господъ, какъ Устряловъ и Соловьевъ. Конечно, такое предпріятіе, какъ переводъ и изданіе 200 или 300 томовъ по исторической наукѣ невозможно выполнить одному человѣку. Тутъ должно работать цѣлое общество и употребить огромныя средства. Но тогда мы могли бы дѣйствительно сказать, что есть, средства изучать исторію, безъ руководствъ, потому что къ этой великолѣпной галлерей историковъ всегда могъ бы обратиться всякій, кто желаетъ узнать прошедшее человѣческой жизни въ его настоящемъ свѣтѣ. Я рекомендую г. Стасюлевичу дать инициативу этому предпріятію, т. е. составить историко-издательское общество, собрать тысячъ сто денегъ и если не выполнить, то начать дѣло. У господина Стасюлевича есть любовь къ труду и уваженіе къ своей наукѣ, убѣжденія его симпатичны для честнаго юношества, и слѣдов. онъ могъ бы стать во главѣ такого предпріятія. А пока это осуществится, — въ чемъ мы впрочемъ крайне сомнѣваемся, — книга г. Стасюлевича, хоть и не безъ журавлей въ небѣ, но будетъ не бесполезна нашимъ гимназистамъ и преподавателямъ ихъ.

Нельзя сказать, чтобы «Товарищество общественной пользы», опочивало на лаврахъ. Что оно не спитъ и даже не дремлетъ — это можно

видѣть по тому длинному каталогу книжекъ, которыя въ два или три года изданы подъ его руководствомъ. Но тотъ же каталогъ и одно наглядное знакомство съ его содержаніемъ убѣждаетъ насъ, что почтенное товарищество если не спитъ, то все дѣлаетъ въ просонкахъ. Выборъ изданій его показываетъ, что оно состоитъ изъ людей гораздо больше слѣдящихъ за полученіемъ своего дивиденда, чѣмъ за качествомъ той духовной яствы, которую они раздають намъ изъ своего книжнаго магазина. Яствы эти до того невинны, что ихъ можно кушать не только дѣтямъ, но и беззубымъ младенцамъ, потому что обременить или засорить желудокъ рѣшительно не чѣмъ; пища самая легкая, удобоваримая, обращающаяся въ нѣдрахъ воспринимающаго ее подобно вѣтру. Развѣ иногда, на десять, какихъ нибудь изъ рукъ вопль плохенькихъ книжонокъ, оно издастъ я порядочную, но это бываетъ рѣдко, и къ числу такихъ исключеній я отношу рассказы капитана Майнъ-Рида. *Прогулка молодыхъ боеровъ* или охотниковъ прочитается съ удовольствіемъ; въ этой умной книжкѣ не только наши дѣти, но и старики, читавшіе всю жизнь однихъ пиковыхъ тузовъ въ картахъ, могутъ многому поучиться. Кромѣ того, что Майнъ-Ридъ хорошій рассказчикъ, много видѣвшій и вездѣ побывавшій, онъ въ то же время очень умный писатель. вмѣсто того, чтобы сочинять для своихъ рассказовъ какія нибудь таинственныя видѣнія, раздражительныя сцены или небывалыя драмы, онъ уводитъ своего читателя въ пустыни и лѣса дѣйствительной и живой природы, и открываетъ ему чудеса, существующія на самомъ дѣлѣ. Мы присутствуемъ на великомъ, но страшномъ праздникѣ дикой природы, гдѣ колоссальныя животныя Африки, Индіи или Америки ведутъ между собою отчаянную борьбу и ежеминутно только и думаютъ о томъ, чтобы перехитрить другъ друга и съ большимъ удобствомъ проглотить свою обманутую или подкарауленную добычу. А человекъ, вооруженный своей необыкновенной силой ума, пользуется этой борьбой и поражаетъ то одного, то другого царя пустыни. Все это происходитъ среди величественныхъ сценъ тропической растительности и мѣстности, среди постоянныхъ опасностей и на каждомъ шагу встрѣчающихся любопытныхъ предметовъ. Читатель съ увлеченіемъ слѣдитъ за развязкой самого рассказа, и проходитъ рядъ картинъ, которыя возбуждаютъ его мысль и даютъ ему знаніе. Я нахожу, что такая манера романиста самая счастливая, и когда наши милыя маменьки и провинціальныя барышни будутъ менѣе глупы, то первыя не ста-

нужь предлагать своимъ дѣтямъ другихъ книгъ, какъ сообщающихъ въ легкой и привлекательной формѣ какія нибудь полезныя свѣдѣнія, а вторыя не стануть упиваться такой дрянью, какъ романы Загоскина или г. Жандра. Да и авторамъ нашей дѣтской литературы (и такая литература существуетъ!) не мѣшаетъ наматывать себѣ на усъ, что кто умевъ и образованъ, тотъ всегда можетъ говорить съ дѣтьми о серьезныхъ вещахъ ясно и увлекательно; а безъ ума и образованія не надо и браться за дѣтскія книжки, потому что кромѣ скуки и глупости изъ этого ничего не выходитъ. Жалко, что «Прогулка молодыхъ боеровъ» переведена г. Ушаковымъ дурно; но ужъ это вѣрно эпидемическая болѣзнь нашихъ переводчиковъ и издателей, и мы натерли мозоль на языкѣ, умоляя въ каждомъ листѣ переводить пограмотнѣе и получше.

Г. В.

Апраксинцы. Сцены и очерки. Допожарная эпоха. *Н. А. Лейкина*. Изданіе исправленное и дополненное. Спб. 1864.

Разсказы И. С. Гвнслера, просмотрѣнные и дополненныя. Изданіе Папина. Гаваньскіе чиновники.—Куллербергъ. Спб. 1864.

Что беллетристика наша падаетъ, — это дѣло очевидное. За послѣднее время, по этой части, мы не встрѣчаемъ ничего такого, чѣмъ бы похвастать было можно, что бы пробуждало въ обществѣ новыя мысли и удовлетворяло его современнымъ потребностямъ. Въ журналахъ сплошь-да-рядомъ печатаются или пасквильные романы, наполненные разными мелочными сплетнями, унижающими литературу, или безцвѣтныя повѣсти, которыя самый терпѣливый читатель съ трудомъ одолѣть можетъ, — или наконецъ разныя «воспоминанія» и «очерки», въ которыхъ рѣдко есть даже содержаніе, а такъ — только однѣ коротенькія строчки. И все это до-нельзя растянута, наводнено, пересыпано множествомъ лишнихъ уклоненій отъ предмета, показывающихъ въ авторѣ или совершенное отсутствіе души, или не совсѣмъ честные коммерческіе расчеты. Само собою разумно, что бѣдная публика зѣваетъ отъ скуки, перелистывая эту массу страницъ съ короткими строками, но, не смотря на это, съ непонятнымъ упорствомъ, читаетъ въ журналахъ преимущественно одну бел

летристку, надѣясь встрѣтить въ ней хоть что нибудь интересное. За то съ новою жадностью эта голодная публика бросается теперь на каждый рассказъ и очеркъ, въ которомъ проглядываетъ мало-мальски новая мысль, или разбирается нетронутая сторона жизни общественной: статья переходитъ изъ рукъ въ руки, къ имени писателя прибавляется эпитетъ «талантливый» или «подающій надежды» и проч., тогда какъ при лучшемъ состояннн литературы этотъ «талантъ» съ подобной статьей не смѣлъ бы и сунуться въ журналистику, ибо только на безрыбьи — ракъ рыба.

Отчего же происходитъ это печальное безплодіе нашихъ писателей? Прежде вѣдь не было слышно этихъ вопиющихъ жалобъ на жалкое состояніе беллетристики, и публика съ удовольствіемъ проглатывала все, что только подносили ей беллетристы? Или наши таланты иссякли? Или нечего наконецъ описывать?... Нѣтъ: таланты у насъ есть, и въ жизни есть нестерпаемое содержаніе для беллетристики, но дѣло въ томъ, что читающее общество, по своему развитію, какъ видно, опередило нашихъ беллетристовъ: старыхъ сказокъ читать оно видно не хочетъ и ищетъ въ беллетристикѣ чего-то новаго, что слѣдуетъ уловить и разработать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ беллетриста требовалось только одно: чтобы онъ умѣлъ писать красиво и имѣлъ извѣстную долю фантазіи, соединенной съ чувствомъ, для того чтобы красиво описывать нѣчто чувствительное; образованъ или необразованъ подобнаго рода писатель, объ этомъ любители легкаго чтенія и знать не хотѣли, потому что въ области фантазіи, какъ извѣстно, можно жить и безъ образованія. Теперь не то; теперь любовью и романтизмомъ увлечешь немногихъ: общество, при-
нуждено задуматься надъ застарѣлымъ складомъ своей жизни и требуетъ отъ беллетриста прежде всего *знанія*, для того чтобы и онъ принималъ участіе въ разработкѣ общественныхъ вопросовъ, и имѣлъ по этимъ вопросамъ нѣкія *мысли*. А между тѣмъ этого *знанія*, этой *мысли*, положенной въ основу труда и не видно у нашихъ беллетристовъ, и въ этомъ-то ихъ главное несчастіе. Не имѣя основательныхъ, реальныхъ знаній, не выработавъ прочной идеи, на основаніи которой можно дѣлать оцѣнку разбираемой среды, не привыкнувъ къ анализу обыденныхъ фактовъ, — они поневолѣ должны замаскироваться самой мизерной работой, и ограничивая ее самыми узкими *эпизодами*. Еще когда была мода на обличительныя статьи различнаго рода беллетристики, беллетристы наши работали усердно, потому что имѣли подѣ

руками матеріальна багатій и знали прочіе чого ратовати, — но вѣдѣ предѣтъ на обличеніи взятонъ и цѣлѣннаго откуса упакъ, они прѣчались описывать свои семейныя воспоминанія, какъ предѣтъ болѣе знакомыи и потому легкѣ, или сочинили мелкія отрывочныя сцены въ быта купцовъ, чиновниковъ, ащпанъ и проч., собирая ходячіе анекдоты и ограничивався, конечно, однимъ повѣрнотнымъ взглядомъ на дѣло жизни. Иногда они пробовали захватывать жизнь въ болѣе широкыи размѣрахъ, пробовали, напр., описывать цѣлое поколѣніе, но до того запутывались во множествѣ отточъ, до того ярно высказывали свою внутреннюю пустоту и неѣжность, что становилось стыдно за авторовъ, особенно когда они чувствовали въ разсужденія. И все-то верхки одни, одна мелочь и внѣшняя обстановка, а до самой сути, до самыхъ основъ, побуждающихъ общество къ тому или другому образу дѣвствій, почти что нѣшто цѣтъ никъ не вснулся, и даже какъ будто умышленно обходятъ они все то, надъ чѣмъ слѣдуетъ остановиться и призадуматься. Може бы въ доказательство этого представить прилѣры, но это мы отложили до другого раза, а темерь обратимся въ трудѣмъ гг. Лейкина и Генслера, которые также принадлежатъ къ области новѣшей беметристики.

«Апраксиныи» г. Лейкина и разказы г. Генслера имѣють нѣчто общее между собою. Оба автора принадлежатъ къ числу «подающихъ надежды», оба представляютъ намъ рядъ отрывочныхъ картинъ, однаи цѣтъ васты чиновнической, другой цѣтъ васты купческой, — обѣ книжки имѣють известную долю занимательности, хотя въ нихъ нѣтъ ничего цѣльнаго, законченнаго; наконецъ обѣ онѣ были первоначально напечатаны въ «Библиотецѣ для чтенія». Однако трудъ г. Лейкина, по нашему мѣтнію, трудъ болѣе почтеннѣи, нежели разказы г. Генслера, и хотя г. Лейкинъ не имѣеть тѣхъ мастерскихъ приѣмовъ писанія, какія мѣстами встрѣчаются у г. Генслера, но онъ многодомъ рассказываетъ факты серьезные, и трудъ его все-таки наводитъ на нѣкоторыя размышленія.

Г. Лейкинъ вводитъ читателей въ замнутый кругъ средней руки купцовъ съ ихъ приващивами и разныхъ мелкихъ торгашей, промышленяющихъ торговлею на Апраксиномъ дворѣ. Сюда входитъ и лицевая ланія лавокъ, гдѣ торгуетъ апраксинская аристократія, и Чернышевъ переулочъ и наконецъ вся «толкучка». Предметъ для описанія, какъ видите, огромный, — есть гдѣ разгуляться: одна толкучка чого стоитъ;

между тѣмъ обо всемъ этомъ написана маленькая книжка въ 200 страницъ разномѣстнаго шрифта, да и то подъ конецъ книжки авторъ становится жидокъ до-навязъ и видимо растягиваетъ, какъ бы придумывая, «что бы еще тутъ описать?»: значить и этого материала для него не хватило. Конечно, можетъ быть, купцы апраксинские до того похожи одинъ на другого, что, описавъ нѣсколькихъ изъ нихъ, можно составить понятіе и о всѣхъ остальныхъ, что ихъ привычки и вообще внѣшній образъ жизни монотоненъ до безобразія и даетъ мало матеріалу для писателя, особенно послѣ картинъ Островскаго; можетъ быть, говорю, это и такъ (въ чемъ, впрочемъ, слѣдуетъ усомниться), но развѣ можно обрисовать на нѣсколькихъ страницкахъ всю «толкучку», гдѣ сбирается все отребье петербургскаго человѣчества для разныхъ праведныхъ и неправедныхъ промысловъ? Объ этомъ одномъ торжищѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Апраксинцевъ», можно написать многіе томы, — а если не писать о немъ, какъ слѣдуетъ, то надо бы вѣрнѣе опредѣлить границы своего труда.

Увидѣвъ заглавіе «Апраксинцы», читатель въ правѣ надѣяться, что авторъ познаномиетъ его съ самимъ процессомъ купли и продажи, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ на апраксинскомъ дворѣ, — познаномиетъ его съ приемами обвѣшиванья, обмѣриванья, сбереженія и подѣлки товара, выдачи старатаго товара за новый, и тому подобнымъ надувательствъ, которыя долгодѣтней практикой выработываетъ себѣ большинство нашего купечества вообще, а апраксинскаго въ особенности. Читатель въ правѣ ожидать этого, тѣмъ болѣе, что, посѣщая Апраксинъ, онъ прежде всего имѣетъ въ виду это свойство Апраксина. Между тѣмъ авторъ описываетъ преимущественно разные кутежи, свадьбы, гулянья и вообще частную жизнь апраксинцевъ, въ лавки и торговли. Такимъ образомъ апраксинцы теряютъ главное значеніе свое, потому что въ лавки они конечно живутъ такъ же, какъ и все остальное купечество, и типическихъ чертъ, принадлежащихъ исключительно апраксинцамъ, въ этомъ случаѣ можно стыскать очень не много. Авторъ, какъ видно, хорошо знакомъ съ бытомъ апраксинцевъ, и намъ жалко, что онъ упустилъ изъ виду главное, что должно было лечь въ основаніе его труда: онъ не выставилъ передъ нами, во всей подробности, той школы разныхъ коммерческихъ тонкостей или надувательствъ, которую проходятъ наши торгаша съ *малолѣтства*, чтобы потомъ пріобрѣсти лоскъ, необходимый для купца; не показалъ наконецъ, какъ эти дивныя приемы переходятъ

у нихъ въ привычку и отражаются на всей ихъ частной жизни и дѣятельности и т. п.; это важно въ томъ отношеніи, что мы наглядно видѣли бы тѣ принципы, которые лежатъ въ основаніи нашей народной торговли. Правда, есть въ книжкѣ кое-какіе намеки на то, какъ мальчишки учатся у прикащиковъ обкрадывать хозяина, или какъ готовятся умысленныя банкротства; но вѣдь этихъ намековъ слишкомъ мало: они только затрогиваютъ любопытствъ въ читателѣ, но не удовлетворяютъ его.

Изъ описанія частной жизни апраксинцевъ, въ книжкѣ г. Лейкина, мы узнаемъ новаго очень мало: тотъ же заплѣсневѣлый, замкнутый старорусскій бытъ, дикое самодурство и поразительное невѣжество, сивозъ которое не пробьется ни одна свѣжая мысль, а если и пробьется, то не въ состояніи будетъ она скоро разшатать этого, созданнаго вѣками, склада. То же преобладаніе внѣшней, обрядовой стороны жизни надъ внутренней, вѣчные сплетни, чаепитіе и полная апатія ко всему, что происходитъ внѣ своего кружка или не касается лично шкуры хозяйской. Въ чтенію, конечно, они не имѣютъ особаго позыва, а если читають, то очень немногіе, и то для того только, чтобы «побаловаться.» Хозяйка держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ своихъ прикащиковъ, тѣ въ свою очередь вымѣщаютъ свою злость на мальчишкахъ; мальчишки обворовываютъ прикащиковъ, тѣ хозяина, а хозяинъ—народъ, и такимъ образомъ съ одинаковымъ постоянствомъ вертится эта машина купеческой жизни, искажая въ нихъ остатки образа человѣческаго... Г. Лейкинъ въ одномъ мѣстѣ пробуетъ описать, какимъ путемъ обыкновенные крестьянскіе мальчишки, которыхъ привозятъ изъ деревень и отдають въ лавки «въ науку», постепенно вырабатываются въ личности чисто-русскаго купца, и какую трудную школу приходится имъ вынести, чтобы превратиться въ какого нибудь Кита Китыча или Карпа Карпыча.

Лѣтъ тринадцати, а иногда и раньше, научившись у мѣстнаго дьячка кой-какъ читать и писать, отрываются они отъ семействъ и везутся въ Петербургъ въ ученье; разумеется, дѣло не обходится безъ слезъ со стороны родителей и дѣтей. Привезя мальчика въ Петербургъ, отецъ или родственникъ, чтобы не проѣдаться и не тратиться, старается какъ можно скорѣе отдать его въ ученье, часто даже не освѣдомившись о характерѣ, честности или положеніи хозяина, которому ввѣряетъ своего сына или родственника въ полное распоряженіе на четыре или на пять лѣтъ; дѣлаетъ ему наставленія, чтобы онъ уважалъ, во всемъ

слушался и любилъ хозяина — и уважаетъ. И вотъ мальчикъ, брошенный въ чужое семейство, привыкшій къ ласкамъ матери, поступаетъ въ полное распоряженіе хозяина. Хорошо, ежели его сразу допустить къ торговлѣ: но есть такіе хозяева, которые оставляютъ новичковъ на полгода, а иногда и болѣе дома, употребляя ихъ для домашнихъ работъ: нарубить дровъ, принести воды, сбѣгать въ лавочку, чистить посуду и сапоги, надѣлая ихъ за малѣйшую неисправность треухами, подзатыльниками, тасками, выволочками и прочими удовольствіями. Но не думайте, чтобы это дѣлалось хозяевами такъ: это они дѣлаютъ по убѣжденію; они сами начали свое торговое поприще съ треуховъ, и потому думаютъ, что безъ побоевъ мальчикъ не въ состояніи постигнуть всѣхъ тайнъ торговли... Наконецъ мальчика берутъ въ лавку; но и здѣсь далеко до торговли: вся обязанность его состоятъ въ томъ, чтобы стоять на порогѣ, выкрикивать названье товаровъ и даже подчасъ, по приказанію прикащиковъ, хватать за руки покупателей; а прійдетъ домой — опять то же чищеніе сапоговъ и посуды и бѣготня въ кабакъ тайкомъ отъ хозяина, ежели молодцамъ (т. е. прикащикамъ) захотѣлось выпить. Почитать чтонибудь, пописать, хоть бы письме въ деревню, мальчику некогда; изъ этого и вытекаетъ ихъ безграмотность, когда они сдѣлаются прикащиками. Въ продолженіи пятилѣтняго нахожденія въ наукѣ, они иногда ни разу не брались ни за книгу, ни за перо; очень естественно, что въ продолженіи этого времени они забудутъ даже всѣ тѣ ограниченныя познанія въ грамотности, которыя дѣтъ пять тому назадъ вложилъ въ ихъ головы дьячекъ или какойнибудь учитель изъ отставныхъ семинаристовъ... (Стр. 43 — 46).

Такимъ-то образомъ мальчикъ нѣсколько лѣтъ готовится къ торговлѣ: его обколачиваютъ, отучаютъ отъ родныхъ, заставляютъ забыть грамоту. Мальчикъ живетъ съ прикащиками-кутилками; тайкомъ услуживаетъ имъ при кутежахъ, и понемногу узнаетъ цѣну деньгамъ и сладость запрещенныхъ удовольствій. Чтобы добыть денегонокъ, онъ пріучается воровать, чему видитъ примѣръ въ прикащикахъ, которые смотрятъ на воровство спокойно, какъ на вещь неизбѣжную въ прикащикьемъ чинѣ.

«Видя, что другіе крадутъ, начинаешь и онъ утаивать забытые на прилавкѣ гривенники и двугривенные, отыскиваетъ гдѣнибудь подъ половицей или подъ плинтусомъ щель и прячетъ ихъ туда, чтобы при первой возможности промотать. Но вотъ наконецъ заживаетъ онъ опредѣленные года; хозяинъ призываетъ его къ себѣ, объявляетъ ему объ окончаніи курса и даруетъ степень прикащика. «Теперь я тебя жалованья не могу опредѣлять, говоритъ онъ ему; — посмотрю, чего стоитъ будешь, то и положу; я тебя не обману.» По окончаніи года оказывается,

что онъ стоялъ рублей восемь въ мѣсяцъ. Но не такъ плохъ молодецъ: онъ уже посмотрѣлся, какъ то дѣлають болѣе опытные прикащики, оцѣнилъ себя гораздо дороже и красть изъ хозяйской выручки рублей по десяти въ мѣсяцъ.» (Стр. 4).

Интересно было бы знать, какіе источники воровства имѣють эти прикащики, и какова ихъ отчетность предъ хозяиномъ? Дальше видно только то, что хозяева знаютъ про это воровство, но смотрять на него сквозь пальцы: «безъ этого, молъ, нельзя.» Банъ бы то ни было, будущій купецъ уже съ малолѣтства становится воромъ. Въ прикащичьемъ чинѣ мальчику приходится быть отъ 10 до 20 лѣтъ, смотря по тому, какъ онъ скопить капиталы, и будетъ въ состояніи открыть собственную лавку. Эта должность самая тяжелая и часто губительная для молодца, потому что онъ лишень здѣсь всякой свободы: онъ не можетъ въ теченіи цѣлаго дня шагу отойти отъ лавки, а ночью отлучиться изъ дома безъ вѣдома хозяина. Только три дня въ году прикащики имѣють право распорядиться собою, какъ хотятъ: въ пасху, троицу и рождество, за то ужъ въ эти дни они наперстываютъ свои лишенія, и въ попыткахъ учиняють такія дикія безобразія, что право отвратительно за нихъ дѣлается... (Эти безобразія подробно описаны въ книгѣ г. Лейкина.) Да оно и естественно, что послѣ долгаго заключенія свобода дѣйствуетъ на нихъ одуряющимъ образомъ, и торопятся они въ эти короткіе моменты воли испытать все, что только, по ихъ понятіямъ, есть сладкаго въ жизни; т. е. пьютъ, поютъ, пляшутъ, ломають мебель, дерутся, однимъ словомъ, тутъ уже «идраву нашему не препятствуй.» Остальное время они опять безвыходно проводятъ въ лавкахъ, ничего не дѣлая и только развлекаясь чаепитіемъ. Очевидно, что такая неподвижная жизнь, продолжающаяся съ невозмутимымъ однообразіемъ много лѣтъ, окончательно притупляетъ молодцовъ и превращаетъ ихъ въ какія-то искусственныя машины, которыя годятся только для извѣстнаго употребленія и ничего другаго дѣлать не могутъ. Очевидно, что эта неподвижность и однообразіе жизни, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ суживаетъ ихъ умственный кругозоръ, что послѣ 15—20 лѣтъ такой жизни для нихъ органически невозможно жить и торговать на иной манеръ, что и дѣтей своихъ они поведутъ тѣмъ же путемъ, потому что другаго пути не знаютъ. Прикащикъ сдѣлавшись и хозяиномъ будетъ также аккуратно ходить въ лавку, или свирѣпствовать дома надъ дѣтьми, чтобы они страхъ имѣли въ отцу, какъ и онъ

было страхъ имѣть къ хозяйну, а тѣ, въ свою очередь, будутъ тоже внушать своимъ дѣтямъ, приготовляя ихъ къ коммерческой дѣятельности, и такъ будетъ продолжаться еще долго, — до тѣхъ поръ, пока благотворное вліяніе Запада не проникнетъ наконецъ и въ эти безынные завалы нашего старорусскаго быта...

До этого впрочемъ апраксинцамъ еще такъ далеко, что и зари не видно. Посмотрите, напримѣръ, на сколько проникла туда наша доморощенная литература.

„Казалось бы, при такихъ условіяхъ домашней жизни у молодыхъ людей (дѣтей хозяйскихъ) должна бы развиваться охота къ чтенію, но напротивъ все свое свободное время они употребляютъ на сонъ, да на игру съ молодцами въ горку, и то послѣднее дѣлается секретнымъ образомъ. Если кому нибудь и вадумается почитать, доставитъ гдѣ нибудь какой ни на есть романичекъ, такъ тятелька и начнетъ косяться: „Пустяками, скажешь, голову набиваешь, къ долу рачительности имѣть не будешь, брось!“ — ну и приходится бросать. Еще въ иныхъ семействахъ получаютъ «Полицейскія ведомости», да «Сынъ Отечества», откуда и почерпается вся премудрость. А въ семействахъ, придерживающихся старой вѣры, такъ чтеши каждой свѣтской книги считается грѣхомъ и отпаденіемъ отъ религіи. Дѣвчцы еще читаютъ кой-что изъ переводныхъ романовъ, попадающихъ къ нимъ богъ вѣсть какими путемъ, переписываютъ въ тетрадки чувствительные стихи, однако дѣлая все это днемъ, когда тятинька ихъ пребываетъ въ лавкахъ. Если въ семействахъ этихъ и есть книги, такъ это пѣсенники, уличные листки, издаваемые съ спекулятивною цѣлью, и известная всѣмъ «Битва русскихъ съ кабардинцами», изъ стыду нашему выдержавшая двѣнадцать изданій». (Стр. 117—118).

Послѣ этого, какаго же развитія можно ожидать отъ такихъ семей, гдѣ тятиньки запрещаютъ читать даже романы?..

Но довольно объ апраксинцахъ; пусть ихъ живутъ спокойно и деньги свои пересчитываютъ. Изъ приведенныхъ отрывковъ можно видѣть, что въ книгѣ г. Лейкина затрогивается кое-что и интересное, — но къ сожалѣнію это у него дѣлается какъ будто мимоходомъ, такъ что читателю приходится дополнять недосказанное собственнымъ воображеніемъ. На первомъ же планѣ у него разныя шутки, описаніе которыхъ наконецъ надоѣдаетъ по своему однообразію, и читатель невольно сожалеетъ, что подобный матеріалъ не попался въ руки болѣе сильному и развитому таланту, который

сдумать бы извлечь из него мастерскую и поучительную картину азиатскаго быта...

Г. Генслеръ вводитъ читателей въ міръ чиновниковъ, животныхъ и насѣкомыхъ, проживающихъ въ гаванной гавани, а также и въ міръ неодушевленныхъ предметовъ, существующихъ въ ней. Тутъ все, существующее въ гавани, связано вмѣстѣ въ какую-то крѣпкую коммуну, все зависитъ другъ отъ друга, сплетничаетъ другъ на друга; тутъ коровы, коты, тараканы, клопы, блохи, деревья, часы и пр. предметы, постоянно пускаются въ длинныя разсужденія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и разсуждаютъ, по правдѣ сказать, гораздо дѣльнѣе, нежели чиновники съ своими семействами; а тараканы и клопы положительно умнѣе ихъ, потому что иногда выражаютъ рѣзкіе протесты противъ разныхъ притѣсненій и сознаютъ горечь жизни подобнаго рода, тогда какъ чиновники вовсе не сознаютъ этого, и живутъ изо дня въ день съ такимъ отупѣніемъ, имѣютъ такіе низерные интересы, что читатель чувствуетъ больше симпатіи къ котамъ и тараканамъ, чѣмъ къ гаваньскому человѣчеству. Все это очень оригинально, остроумно, а цѣкоторые факты изъ обыденной жизни чиновничества до того вѣрно подмѣчены и описаны такъ мастерски, что «Гаванскіе чиновники», при первомъ появленіи своемъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», обратили на себя общее вниманіе. Правда, что г. Генслеръ часто увлекается и доходитъ до такихъ негѣпостей, что уши вянутъ, напримѣръ описывается, какъ «на мягкой кочкѣ лежалъ и спалъ пашъ *дъдушка-вътеръ, въ нанковомъ халатѣ, тиковыхъ шароварахъ и въ туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу*» и т. п. (стр. 176), но снисходительный читатель старается не замѣчать этихъ странностей, и снисходительно улыбается г. Генслеру. А такихъ странностей здѣсь много множество.

Содержанія въ книгѣ Генслера нѣтъ никакого; просто описывается пезатѣйливая жизнь гаваньскаго уголка, описывается съ шутильвымъ и подчасъ очень натянутымъ юморомъ, и съ единственною цѣлью позабавить читателей, такъ что г. Генслеръ очень удачно назвалъ свою статью «пейзажемъ и жанромъ». Сочинять эти жанры, по видимому, очень не трудно, стоить только имѣть маленькую долю наблюдательности и умѣть писать; стѣсняться содержаніемъ нечего, проводить какуюнибудь мысль — дѣло лишнее, а главное удобство то, что можно писать такимъ манеромъ до безконечности: описалъ напримѣръ столъ, посадилъ на него муху, ну и пиши какъ разсуж-

двѣтъ муха со столомъ, а тутъ можетъ еще пролетѣть какая нибудь казавна, или подойдетъ чиновникъ и опять пойдутъ разговоры. Дѣйствительно самъ г. Генслеръ видимо недоумѣвалъ, какъ закончить свой литературный виннигретъ; думалъ, думалъ, да и рѣшился прервать его сразу—и дѣлу конецъ. Въ разсказѣ дѣло шло объ обученіи одного мальчика грамотѣ; только въ самомъ разгарѣ обученія, авторъ поставилъ точку и нарисовалъ какую-то дико-фантастическую картину. гдѣ «трепетно мерцающія звѣзды разсыпаны по небу, какъ золотыя блестки на одеждахъ древнихъ государей, и весь яркоголубой покровъ, унизанный ими, представляется какою-то ризою, раскинутою надъ міромъ...»

«Иду лѣсомъ... Точно цари въ своихъ порфирахъ покинули смѣлыя свои жилища и собрались для совѣщанія о грядущихъ судьбахъ людей,—стоятъ сосны и ели и, кажется, что-то *вѣщаютъ*, простирая перистыя вѣтви и таинственно шелестя иголстыми вершинами...

А тамъ дальше.. цѣлые народы, кажется, *воскресли изъ минувшихъ временъ*... Они какъ будто движутся... Окрестъ *прозрачная мила и гробовое молчаніе*... и проч. (стр. 228.)

Потомъ откуда-то появляется тройка съ ямщикомъ, который «*всего себя вперъ въ свои голубыя очи и стѣлъ глазами синюю даль*» (229). Эта тройка съ своимъ удивительнымъ ямщикомъ куда-то уѣзжаетъ, и авторъ очень ужъ беззастѣнчиво договариваетъ: «Однакожь мнѣ пора домой, господа... Прощайте, до свиданья, до будущей весны, до ландышей...» и дѣлу конецъ. Что хотѣлъ сказать авторъ этимъ бессмысленнымъ наборомъ трескучихъ фразъ?—неизвѣстно. Да и вообще приходится спросить: что толку изъ всей книжки г. Генслера и его безцѣльнаго юмора? Прочитается книжка (и то не заразъ, потому что сразу одолѣть ее утомительно)—и забудется. Оно конечно, можетъ быть читатели припомнютъ при случаѣ похождения вота Васиганьчика или, ложась спать, посмѣются надъ размышленіями блохи и клопа,—но и только. Гофманъ, Фогтъ, и многіе другіе писатели, а у насъ Крыловъ, вводили въ беллетристику животныхъ и заставляли ихъ говорить и дѣйствовать, но они употребляли эти приемы съ глубокою, поучительною цѣлью, и подъ видомъ животныхъ у нихъ всегда разумѣлось нѣчто или нѣкто, а если г. Генслеръ написалъ свою мистификацію съ единственною цѣлью посмѣшить публику, какъ то дѣлалъ покойный Весельчакъ съ

рацію, то это мало говорить въ его пользу. Навнатево бама-
тристики гораздо важнѣе, чѣмъ думаетъ г. Генслеръ: она читается
нашею публикою *преимущественно* и находитъ читателей даже въ
самыхъ далекихъ отъ свѣта уголкахъ общества, а потому надо пель-
зеваться этимъ вниманіемъ публики, чтобы, въ легкой формѣ раз-
сказа, сообщать ей нѣчто посерьезнѣе, а не безцѣльные разсужденія
готовыя и крысы.

Гаванскіе «чиновники» изданы теперь со многими дополненіями
и вставками, каковыхъ прежде не было, но только эти вставки въ
большинствѣ случаевъ такъ нелѣпы и бессмысленны, что было бы
лучше для г. Генслера, если бы онъ обошелся безъ нихъ; а то они
слишкомъ не рекомендуютъ автора со стороны умственныхъ способ-
ностей. Напримерь, какъ вамъ нравится слѣдующая вставка о ка-
нѣмъ-то Левѣ Логиновичѣ:

«Левъ Логиновичъ на одномъ официальномъ обѣдѣ серьезно одному
генералу разсказывалъ замѣчательную исторію свою о томъ, какъ ему
Богъ пособилъ выучить дикую ворону влетать къ нему въ форточку..»

— Я, ваше превосходительство, началъ Левъ Логиновичъ, произнося
съ бурятско-малайскимъ акцентомъ, я ваше превосходительство, такъ
приучилъ нѣкоторую дыкую ворону, что она влетала въ комнату и са-
дилась на сѣмьомъ близкомъ отъ меня разстояніи: она, ваше превосхо-
дительство, любила меня, можно сказать, какъ родного своего сына
и однажды даже денегъ мнѣ въ долгъ предлагала, не требуя, ваше пре-
восходительство, отъ меня никакой росписки. Этого, ваше превосходи-
тельство, не сдѣлаетъ нынче даже искренній вашъ другъ.

Генералъ (съ улыбкою). Значить, она могла объясняться? ..

Л. Л. (не слушая). Ваше превосходительство, нынче найдешь боль-
ше чести и правды у простой вороны...

Генералъ (съ тою же улыбкою). Гдѣ же она могла достать де-
негъ?

Л. Л. Собственнымъ, ваше превосходительство, сбѣрженіемъ. Вамъ,
ваше превосходительство, известно, что вороны, сороки и мыши лю-
бятъ таскать къ себѣ въ гнѣзда серебро и всякія другія металлическія
вещи; иногда даже похищаютъ часы изъ кармана...

Генералъ (съ тою же улыбкою). Да вѣдь надо всякія вещи, хотя
бы и серебряныя, сперва вытѣнять на деньги, — какъ же она это дѣ-
лала?

Л. Л. Сама, ваше превосходительство, топиза и чеканила; ужъ я
сколько ее ругалъ, что за это можно нажить большія непріятности...

Генералъ (хочочетъ). Значить, какъ я давеча спросилъ, она умѣла
говорить?

Л. Л. Какъ же, ваше превосходительство, далеко даже лучше меня... и т. д. (стр. 19—20).

Дальше слѣзъ нѣтъ выписывать эту чепуху, которая тянется на нѣсколькихъ страницахъ. Съ этой чепухой можетъ сравняться только другая вставка или «дополненіе» о Сампсонѣ, появившемся въ гавани (стр. 30-32) Третья, длиннѣйшая вставка, занимающая почти что цѣлый листъ печатный (стр. 136—148), состоитъ изъ случайнѣйшаго разсказа о томъ, какъ блохи кусаютъ мужчинъ и женщинъ, разсказа, переполненного разными циничными подробностями. Навязность г. Генслера въ этихъ «дополненіяхъ» изумительная; напряжѣръ, вставивъ въ одною мѣстѣ фразу—«Verrfluchte Kerrie! Kim keinert pab!...—онъ дѣлаетъ выноску такого рода: «произнесите: Verrchfluchte Kcherrrie! Kchim Kcheinert pah... Маврикій Осиповичъ, который однажды сказалъ мнѣ, что онъ нашелъ мой слогъ неровнымъ, можетъ и это прозвоненіе нѣмецкихъ словъ признаеть неловкимъ.» Но скажите, пожалуйста, какое дѣло читающей публикѣ до личныхъ объясненій автора съ Маврикіемъ Осиповичемъ? Да и кто это такой Маврикій Осиповичъ, о которомъ въ книгѣ г. Генслера даже куры разсуждаютъ (стр. 18)? Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно понять, что тутъ дѣло идетъ о книгопродавцѣ М. О. Вольфѣ, но опять-таки, кому какое дѣло до отношенія автора въ этому книгопродавцу?

Другой разсказъ, помѣщенный въ книгѣ г. Генслера, «Куллерберъ» — несравненно слабѣе перваго, хотя авторъ и смитается описать въ немъ какое-то любовное похиженіе. Почти половина разсказа писана убійственно-ломанымъ русскимъ языкомъ, въ перемежку съ нѣмецкими фразами, потому что авторъ хотѣлъ пошутиться надъ русскимъ произношеніемъ пегербургскихъ нѣмцевъ и тѣмъ конечно позабавить и читателей. Но, не знаю, какой читатель будетъ въ состояніи смѣяться надъ такими разговорами:

- Гдѣ мой тузь?
- Какая тузь? — спросилъ съ неумолимымъ хладнокровіемъ кузнечный мастеръ.
- Пубнова! — глухо отвѣчалъ Федерле
- Пубнова? вотъ она!..
- Якобсонъ показалъ карту.
- Какъ она у васъ? Онъ буль у мина?

- Ахъ, такъ она вѣрна снѣжаль.
- Саперлотъ! теберча я пропадь. А я думаль...
- Думайть только старшина фъ ремеслена убрава... и проч.

Или :

„— Аннь Иванна, Атачь Атамычь! самъчайть. Федерле играйть уфъ бубна; я съ агимъ грефъ будеть жигайть ево, какъ съ калѣна шельза. Тавай кóсирь! Сназь мшштевò не качу!“ и т. п.

Лучше было бы, еслибъ г. Генслеръ писалъ свой Куллербергъ коли не на русскомъ, то ужъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, а то такую беллеттуру читать не возможно.

Вообще г. Генслеръ представляетъ собою явленіе странное въ нашей литературѣ, и въ то же время явленіе очень понятное послѣ того, что мы говорили о нашихъ беллетристахъ въ началѣ статьи. Онъ выступилъ въ литературу очень удачно; доказалъ, что у него есть талантъ, который при послѣдующемъ развитіи могъ создать нѣчто капитальное,—и публика смотрѣла на г. Генслера съ надеждой. Но вотъ явился «Куллербергъ»,—и большинство читателей разочаровалось въ талантѣ г. Генслера, а его «Биографію кота Василья Ивановича» могли дочитать до конца уже очень немногіе, потому что въ этой биографіи столько скучныхъ разсужденій — съ жалкими претензіями на юморъ, столько путаницы, что читатель совершенно не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло и кто разсуждаетъ: авторъ или котъ? Послѣ того г. Генслеръ помѣстилъ небольшой и безцвѣтный разсказецъ, кажется, въ Иллюстраціи, и наконецъ въ послѣдней апрѣльской и майской книжкѣ Библиотеки для Читенія, въ видѣ дополненія къ «гаваньскимъ чиновникамъ» онъ напечаталъ статейку подъ нелѣпнымъ названіемъ: «Здѣсь близко, или коротенькая шулка въ длинномъ разсказѣ». Въ этой статейкѣ на нѣсколькихъ страницахъ описывается разговоръ автора съ *своей нянькой*, въ которомъ нянька начала—было рассказывать ему, какъ она разстроила одну гаваньскую свадьбу,—но не договорила, потому что автора потребовалъ къ себѣ *полковой командиръ*. Теперь ужъ, кажется, больше нечего ждать отъ г. Генслера; даже удивительно, какъ онъ рѣшился печатать свой послѣдній разсказъ, въ которомъ слишкомъ ярко просвѣчиваетъ его внутренняя пустота и невѣжество, доходящее до наивности.

И. Б.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г.

Въ июньской книжкѣ, за нынѣшній годъ, издаваемого вами журнала авторъ статьи подъ заглавіемъ: «Дневникъ темнаго человѣка», обсуждая одинъ изъ фельетоновъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Голосъ», обратился лично ко мнѣ съ слѣдующими словами: «обо всемъ этомъ что скажете вы, г. Альбертини, — вы, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Голоса»? Безъ шутокъ очень интересно знать, какъ вы относитесь къ дѣяніямъ вашихъ со товарищей по газетѣ? Какъ дышите вы въ такомъ обществѣ?»

Въ той же книжкѣ «Русскаго Слова», въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Перлы и алмазны русскаго журналистики», авторъ, заговоривъ о «Голосѣ», даетъ совѣтъ г. редактору - издателю этой газеты, и за тѣмъ также обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «а вы, г. Альбертини, что думаете на счетъ этого совѣта?»

Вопросы, обращенные прямо и лично ко мнѣ въ подобной формѣ, я не могу оставить безъ отвѣта. Постараюсь, какъ могу, удовлетворить любопытству вашихъ сотрудниковъ, предоставляя вамъ сдѣлать изъ настоящаго письма употребленіе какое найдете нужнымъ. Вы можете ограничить предѣлы извѣстности этого письма двумя литераторами, которые интересуются моими мнѣніями; можете придать ему и большую извѣстность напечатаніемъ его въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, если найдете это почему нибудь нужнымъ и возможнымъ. Я конечно, думаю, что

читатели вашего журнала ничего не потеряют, если лишатся удовольствия узнать, какого я мнѣнія о дѣяніяхъ нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ «Голоса» Но вы, какъ хозяинъ своего журнала, лучше всѣхъ знающій потребности его читателей, можете быть противоположнаго мнѣнія. Поэтому, поручая судьбу настоящаго письма вашему благоусмотрѣнію, заявляю, что, какъ бы вы ни поступили съ нимъ, я претендовать не буду.

Вашъ сотрудникъ ошибся немного, назвавъ меня *однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ* «Голоса». Дѣйствительно, я сотрудникъ «Голоса», дѣйствительно, принимаю въ немъ постоянное участіе съ половины прошлаго 1863 года: но ничто не уполномочиваетъ меня считать себя *однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ* этой газеты: мое имя, какъ участника, никогда не было объявлено въ «Голосѣ»; моя подпись никогда не являлась ни подъ одною статьею этой газеты. Это обстоятельство само по себѣ вполнѣ слагаетъ съ меня, въ глазахъ публики, *всякую* отвѣтственность за то, что печатается въ «Голосѣ», не освобождая меня, конечно, отъ нравственной отвѣтственности предъ самимъ собою за то единственно, что выходитъ отъ меня лично.

По всей вѣроятности, сотрудники ваши, предлагая мнѣ вышеприведенные вопросы, руководствовались предположеніемъ, будто бы я вполнѣ солидаренъ съ «Голосомъ», и вслѣдствіе того несу на себѣ нѣкотораго рода отвѣтственность за все, что печатается въ этой газетѣ. Пользуясь этимъ случаемъ для удостовѣренія вашего, милостивый государь, и вашихъ сотрудниковъ, что этой солидарности вовсе не существуетъ и что отвѣтственность и предъ закономъ, и предъ публикою, и предъ своею совѣстью за все, что печатается въ «Голосѣ», несетъ на себѣ исключительно и безраздѣльно г. редакторъ-издатель этой газеты. Что касается моего отношенія къ «Голосу», то чувство отвѣтственности за направленіе, тонъ и за здравый смыслъ статей, печатаемыхъ въ этой газетѣ и непринадлежащихъ мнѣ лично или некасающихся моего отдѣла, чрезвычайно слабо во мнѣ, слабо до того, что я почти вовсе не интересуюсь тѣмъ, что печатается въ другихъ отдѣлахъ, и проглядываю ихъ весьма рѣдко, именно въ тѣхъ только случаяхъ, когда впечатанная статья почему-нибудь заинтересуетъ меня, какъ обыкновеннаго читателя. Иного интереса къ статьямъ другихъ сотрудниковъ, печатающихся въ «Голосѣ», вы согласитесь, мнѣ не къ чему: на мнѣ лично не лежитъ за нихъ никакой отвѣтственности, да кромѣ того и мнѣніе мое о нихъ до сихъ поръ никому не было нужно.

Отвѣтственность, но и то единственно предъ своею совѣстью, я могу брать на себя только за то, что выходить отъ меня лично. Моя дѣятельность въ «Голосѣ» сосредоточена исключительно на иностранной волонтерѣ, хотя и въ этой сферѣ я далеко не единственный участникъ. Такимъ образомъ, въ сущности я знаю только то, что отъ меня лично выходить, только за это могу принять на себя отвѣтственность, и если бы кто-нибудь, когда-нибудь, нашелъ въ томъ, что мною написано, что-нибудь скверное и доказалъ мнѣ, что это скверно, то только въ этомъ случаѣ я долженъ бы былъ сказать: «согрѣшилъ, виноватъ.» На все остальное я смотрю съ спокойною совѣстью, убѣжденный, что тамъ меня не требуется и что тамъ я ничего не могу.

Литераторъ, предложившій мнѣ вопросъ, обнаруживаетъ настойчивое желаніе знать, какого я мнѣнія о *дьявилахъ*, какъ онъ выражается, одного изъ моихъ сотоварищей по «Голосу». Сказанное выше о моихъ отношеніяхъ къ «Голосу» показываетъ, что, какого бы я ни былъ мнѣнія о своихъ товарищахъ, это ни для кого неважно, ни для «Голоса», ни для его редактора, ни для его сотрудниковъ. На этомъ основаніи, не опасаясь подвергнуться какому-либо упреку, я могъ бы уклониться отъ отвѣта на весьма щекотливый вопросъ. Но соображая далѣе, что мое личное мнѣніе никого въ мірѣ, кромѣ самого меня, ни къ чему не обязываетъ, я готовъ продолжать бесѣду съ вашимъ, милостивый государь, сотрудникомъ и на счетъ этого пункта. Я, не колеблясь, утверждаю, что нѣкоторыя изъ вещей, вышедшихъ изъ пера одного изъ моихъ сотоварищей по «Голосу» и недавно напечатанныхъ въ этой газетѣ, я,—не смотря на все мое желаніе позабыть о нихъ,—хорошо помню до сихъ поръ, потому единственно, что онѣ возмутили меня своимъ грубымъ цинизмомъ. Считаю нужнымъ объяснить причину. Въ одной изъ этихъ статей, хорошо памятныхъ мнѣ я обратившихъ на себя вниманіе «Русскаго Слова», помѣщено было надѣвательство надъ фамиліями нѣкоторыхъ литераторовъ. Этого до сихъ поръ я не могу переварить: я признаю это дѣломъ крайне непочтительнымъ; вижу въ этомъ доказательство, что автору неизвѣстны нѣкоторые добрые обычаи, сами собою утвердившіеся въ русской литературѣ и къ чести русскихъ литераторовъ до сихъ поръ не нарушаемые. Фамиліи еще не были у насъ осмѣиваемы. Границы своего смѣха, по правдѣ сказать, мы простирали довольно далеко; но — по крайней мѣрѣ я такого мнѣнія—смѣхъ нашъ и наши обличенія имѣли смыслъ. Они обращались на такіа стороны человеческого существа,

которыя болѣе или менѣе зависятъ отъ нашей воли и въслѣдствіе этого болѣе или менѣе подлежатъ произвольному улучшенію. Но скажите, прошу васъ, какой смыслъ можетъ имѣть глумленіе, надѣвательство надъ фамиліею, которую получилъ человѣкъ въ ту минуту, когда выходилъ изъ утробы материнской. Глумленіе надъ фамиліею можетъ быть одобрено только людьми, или слишкомъ неразборчивыми на средства, когда задѣто ихъ лиллангутское самолюбіе, или — что, кажется, бываетъ чаще—людьми, привыкшими по первымъ словѣ поминать родню: въ печати это не дозволяется, а поглумиться надъ фамиліею—отчего же? можно.

Этихъ словъ, полагаю, достаточно для удостовѣренія литераторовъ, обратившихся ко мнѣ съ вопросомъ въ вашемъ журналѣ, что относительно одного пункта я схожусь съ ними во мнѣніи. Что же касается вопроса, о томъ какъ, я дышу, то могу отвѣтить имъ, что въ моей собственной области, въ моей собственной квартирѣ, я дышу совершенно здорово и весьма свободно. Мы все находимся въ такомъ положеніи, что принуждены нанимать квартиры въ чужихъ домахъ. Мало ли что можетъ происходить у васъ за стѣною или въ подвальномъ этажѣ того дома, гдѣ вы живете? Неужели же вы постоянно будете возмущаться тѣмъ, что тамъ дѣлается? Вамъ, конечно, можетъ быть непріятно, когда *о бохъ съ вами*, за стѣною, раздаются непріятные крики, бессмысленный гамъ, когда *внизу подъ вами*—заведеніе «навыносъ», гдѣ производятся всевозможныя безчинства; но вѣдь часто вы принуждены это терпѣть, хотя бы потому, что очень трудно теперь найти домъ, гдѣ бы не было *навыносъ*. Что касается вліанія сосѣдства на процессъ дышанія, то, по моему убѣжденію, отъ непріятнаго сосѣдства могутъ страдать только уши, не болѣе; атмосфера же, которою мы дышимъ въ своей собственной квартирѣ, зависитъ прежде всего и болѣе всего отъ нашей собственной любви къ чистотѣ и опрятности.

Въ заключеніе позволю себѣ обратиться съ пожеланіемъ къ литератору, заботящемуся о томъ, чтобъ я не задохнулся. Желаю отъ всей души; чтобъ въ теченіе всей своей писательской дѣятельности онъ жилъ въ здоровой и ароматной атмосферѣ; про себя же могу сказать, что лучшій попечитель о благосостояніи своихъ легкихъ—я самъ, няжеподписавшійся.

Съ истиннымъ уваженіемъ и пр.

Н. Альбертини.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

АНГЛІЯ. Вліяніе дѣйствіе пораженій, испытанныхъ Англіею на политическое поприще, на ся вышнюю политику и внутреннюю конституцію. — Появленіе парии будущности въ недрахъ англійскаго народа. — Башкетъ лорда мѣра. — Движеніе торгемъ Великобританіи въ продолженіи первыхъ шести мѣсяцевъ 1864 года. — ГЕРМАНИЯ. Бонапартистская политика государственнаго переворота, передѣланная на прусскій ладъ. — Всеобщая крестованія. — Рендсбургское дѣло. — Протесты противъ Пруссіи. — ФРАНЦІЯ. Политика инерціи. — Види на приобретеніе рейнскихъ земель. — Устройство Америкы. — Процессъ тринадцати. — ИТАЛІЯ. Судъ надъ господиномъ Бастоджи. — Предполагаемое нападеніе на Венецію. — Крестовый походъ въ Римъ противъ французскихъ выѣсковъ. — ВЕЛЬГІЯ. Избирательная борьба. — МЕКСИКА. Заблудительное положеніе новаго мексиканскаго императора. — СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Грабительскіе набѣги сепаратистскихъ войскъ на Мариландъ и Пенсильванію. — Опасность, угрожающая столицѣ южной конфедераціи. — Пораженіе сепаратистовъ при Атлантѣ. — Планъ ихъ лишить Линкольна популярности. — Сравненіе федеральныхъ штатовъ съ китайскими въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Послѣ пораженія, нанесеннаго Англіи нѣмцами, такъ называемою европейское равновѣсіе кажется покачнувшимся. Корабль Альбіона, который прежде съ такою гордостью разсѣкалъ волны морскія, теперь вѣхалъ килемъ своимъ на песчаную мель. «Не безпокойтесь», говорятъ одни: — «это не бѣда; погодите, будетъ приливъ и чрезъ

нѣсколько часовъ самъ океанъ явится на помощь судну, которое снова поплыветъ горделивѣе, чѣмъ когда либо.» — «Нѣтъ, все кончено!» говорятъ другіе; «корабль погибъ; онъ ударился о подводный камень; уже въ немъ образовалась течь, онъ все болѣе и болѣе наполняется водою и вскорѣ пойдетъ ко дну!» Одни, преувеличивая важность послѣднихъ событій, думаютъ, что Великобританія, переставъ быть могущественнымъ государствомъ въ мірѣ, теперь едва можетъ стоять на ряду съ великими европейскими державами и вскорѣ сравнится съ второстепенными. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что неудача, испытанная нѣсколькими министрами, не составляетъ пораженія для Англіи. «Страна эта такъ богата, такъ промышленна», говорятъ они, «и въ особенности такъ либеральна и такъ строго-конституціонна, что не можетъ погибнуть, и что мелкіе прусскіе или австрійскіе реакціонеры не въ состояніи нанести ей серьезнаго удара. Что за бѣда, что г. Бисмаркъ надѣлалъ непріятностей лорду Пальмерстону?! Англія все-таки остается владѣтельницаю Индіи и повелительницею двухъ сотъ двадцати милліоновъ людей!»

Чтобы разъяснить этотъ чрезвычайно важный вопросъ, разберемъ его съ матеріальной и нравственной стороны и, рассмотрѣвъ англійскую политику, скажемъ нѣсколько словъ о знаменитой британской конституціи.

Англія была, есть и будетъ по преимуществу морская держава. Это—корабль, какъ всѣмъ извѣстно; это—плавучая фабрика, гдѣ рабочими служатъ матросы, которые, развернувъ свои бумажныя издѣлія, переходятъ отъ одного берега къ другому продавать свой товаръ. Этотъ путь величія Англіи возростало, возростаетъ и будетъ возрастать наравнѣ съ мануфактурною и торговою промышленностью. Конечно, мы здѣсь говоримъ о величіи абсолютномъ, а не относительномъ: извѣстно, что еслибъ Англія была единственною промышленною страпою въ мірѣ, то она завладѣла бы всѣми тѣми выгодами, которыя теперь она принуждена раздѣлять съ конкурентами, все болѣе и болѣе увеличивающимися въ числѣ. Монополія столько же пагубна для самого эксплуататора, какъ и для его жертвы. Эту истину, обыкновенно находящуюся въ пренебреженіи у нашего гордаго и корыстолюбиваго полюбія, кажется, нѣтъ надобности объяснять читателямъ нашего обозрѣнія, которые, подобно намъ, принимаютъ принципъ всеобщей солидарности, и понимаютъ, что на-

родъ, такъ же, какъ и судящее лице, только тогда можетъ быть счастливъ, когда вѣстѣ въ нимъ богатѣютъ и благоденствуютъ другіе. Вотъ что и стоить вниманію замѣтить относительно политико-экономической стороны этого вопроса.

Что касается до грубой матеріальной силы, этой *ultima ratio* всѣхъ злыхъ людей и — надо сказать правду — всѣхъ вообще государствъ, основанныхъ на завоеваніи, то Англія падаетъ и будетъ падать, по мѣрѣ паденія ея военнаго флота; судьба ея въ этомъ отношеніи подобна судьбѣ трезнубнаго корабля.

Недавно еще интересы торговаго флота признавались маловажными въ сравненіи съ интересами военнаго. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, люди, считавшіеся компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ, повторяли неизмѣнно, какъ политическую аксіому, что торговый флотъ необходимъ для того, чтобы служить рассадникомъ для военнаго. Теперь, напротивъ, говорятъ, что военный флотъ нуженъ исключительно для болѣе дѣйствительной защиты торговаго. Сами пруссаки, заботящіеся о заведеніи военныхъ кораблей, убѣждаютъ, что дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ единственно въ интересахъ своей торговли. Дѣйствительно, это — фактъ, неподлежащій сомнѣнію, что военный флотъ теперь далеко не имѣетъ того обаятельнаго значенія, какъ прежде. Въ былое время, когда флотъ былъ чѣмъ-то особеннымъ, единственною машиною, которую, какъ говорили тогда, невозможно нипривизировать, — въ это благодатное время Англія навязала міру морской кодексъ, исключительно имѣвшій въ виду выгоду военныхъ кораблей и клонившійся ко вреду купеческихъ. Эту пагубную систему, которою она дорожила, какъ побѣдами при Трафальгарѣ и Абукирѣ, Великобританія съ неизмѣрною ненавистью поддерживала противъ юной своей соперницы, республики Соединенныхъ Штатовъ. Она истребила ихъ торговлю корсарскими судами, построенными въ Ливерпулѣ и которыя она окрестила названіемъ корсарскихъ кораблей южной конфедераціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ суда строятся изъ желѣза, или покрываются желѣзною броней, и въ своемъ ходу не зависятъ болѣе отъ вѣтровъ и наусовъ, но отъ маленькаго винта, спрятаннаго подъ кормою; съ тѣхъ поръ, какъ матросовъ замѣнили истопники, и какъ морское сраженіе превратилось въ поединокъ между двумя пушками огромнаго калибра, съ этихъ самыхъ поръ всякое государство, и даже частное лице можетъ, при помощи денегъ, въ продолженіи

трехъ мѣсяцевъ приобрести значеніе страшной морской державы. Нѣтъ даже надобности для этого имѣть какой нибудь портъ или хоть маленькую бухту. Ничто не помѣшало бы теперь Андоррской республикѣ, расположенной на высокой вершинѣ Пиренеевъ, объявить немедленно войну Пруссіи, все еще не отглажившей мести сдѣлаться морскою державою. По англійской теоріи, весьма мило развитой Тайлоромъ и знаменитыми юристами Великобританіи, андоррцамъ стоило бы только купить у господъ Армана, Демига, Робеса или Линдсея готовый корсарскій судъ, или заказать таковой, но своему усмотрѣнію, на законъ нибудь большомъ заводѣ, и въ назначенный день съ ними услуганъ былъ бы корабль, совершенно вооруженный, съ пушками, бомбами, abordажными крюками, знаменами и искусными каютиномъ. За десять милліоновъ франковъ можно купить четыре такихъ судна. Таковы ихъ цѣна теперь на верояхъ Клайда и Мерси. Какъ же! Развѣ г. Браве, кандидатъ французскаго правительства на выборахъ гардскаго департамента, не задумалъ купить два корсарскія судна, вооруженныхъ въ Бордо господами Арманомъ и консортами? Это бы могъ помѣшатель англофабу, маркизу де-Бюссон, поступить такимъ же образомъ? Потому оба они, и нѣмскій депутатъ, и господа сенаторъ, могли бы поднять: одинъ изъ нихъ — олагъ Алвантомъ, а другой — олагъ Маорисовъ (благо, съ обоеми этими пародами Англія теперь находится въ столкновеніи). Подъ прикрытіемъ этихъ олаговъ, обоимъ этимъ господамъ весьма удобно было бы нападать на англійскія купеческія суда и, по бластательному протѣру Алабама, грабить ихъ, жечь и топить среди моря! Одна Алабама разрушила шестьдесятъ пять кораблей, и шести ставъ пятидесяти или даже въ десятеро болѣе судамъ воспрепятствовала выѣхать изъ портовъ. Такимъ образомъ эти два господина въ состояніи заставить трепетать всѣхъ торговцевъ Великобританіи и возмутить противъ себя цѣлую націю, возбудивъ въ ней ярость и безсиленный гнѣвъ.

Такия предположенія вовсе не преувеличены. Лордъ Джонъ Россель приводитъ ихъ въ послѣдней своей длинной рѣчи, произнесенной въ палатѣ перовъ, приводитъ, какъ неопровержимое доказательство того мнѣнія, что Англія не должна вмѣшиваться въ войну. Уже Пруссія, да, самая Пруссія, которая до сихъ поръ имѣетъ только нѣсколько лодокъ и нѣсколько жалкихъ шлюбокъ, хвасталась тѣмъ, что намѣрена заказать въ Соединенныхъ Штатахъ корсарскій олагъ, для того, чтобы имѣть возможность объявить войну не Великобри-

таніи, но онъ торговалъ, что нисколько несправедливо нечѣе опасно и несправедливо болѣе вѣчною.

Далеко не такъ, что, уназили, совершаемыя въ наукахъ и искусствѣхъ, стремились къ уничтоженію великаго чиста случайнаго преобладанія однихъ людей надъ другими. Чѣмъ болѣе человекъ въ этомъ отношеніи идетъ впередъ, тѣмъ могущественнѣе онъ становится, въ качествѣ отдѣльнаго человека: матерія подчиняется ему, все болѣе и болѣе и онъ все болѣе и болѣе дѣлается огнемъ цивилизованности. Однимъ изъ послѣдствій этого явленія должно быть то, что вліяніе политическихъ обществъ со временемъ будетъ все болѣе и болѣе соразмѣряться съ числомъ ихъ жителей. Англія съ своими тридцатью милліонами жителей должна будетъ въ этомъ отношеніи уступить государству, насѣющему шестьдесятъ милліоновъ, подобно; Германіи. Но эти разсужденія относятся къ области отвлеченныхъ умозрѣній, и осуществленіе ихъ принадлежитъ будущности. Возвратимся къ современной дѣйствительности.

Мы показали, что военный флотъ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе въ сравненіи съ флотомъ торговымъ, что оружіе преклоняется передъ торговлею и что линейные корабли, доставлявшіе Англіи преобладаніе надъ другими государствами, теперь не обезпечиваютъ болѣе за нею всемірнаго господства. Такимъ образомъ знаменитый стихъ Дельера «Le trident de Neptune est le sceptre du monde» *)—перестаетъ быть истиной.

Чтобы замаскировать передъ свѣтомъ свое униженіе, временное или постоянное, Англія наружнымъ образомъ обратилась къ политикѣ манчестерской школы. Подобно тому, какъ, въ баснѣ, старая лисица, оставившая свой хвостъ въ западнѣ, увѣряла, что ей пріятно быть освобожденною отъ такого обременительнаго украшенія, наши сосѣди вдругъ стали изъявлять восторженную привязанность къ политикѣ невмѣшательства. Правда, они еще пока находятъ удовольствіе вмѣшиваться въ дѣла Китая, Японіи, Индіи, Бразиліи, Перу, Ашантовъ и Маорисовъ; но за то они признаютъ преступнымъ вмѣшиваться въ дѣла Пруссіи или Австріи въ пользу Италіи или Даніи.

Господинъ Кобденъ въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ болѣе послѣдователенъ. «Такъ какъ Англія, говоритъ онъ,—сознаетъ

*) Трезубецъ Нептуна—скипетръ міра.

своемъ бессиліи на совѣтахъ европейскихъ державъ; такъ какъ на ея протесты не обращаютъ вниманія, а на ея угрозы отвѣчаютъ насмѣшками и оскорбленіями, — то нашему отечеству для сохраненія своего достоинства, остается одно: отвѣтаться навсегда отъ жестокостей наступательной войны. Укрѣпляйте свои берега, на сколько вы сочтете это нужнымъ; но оставайтесь спокойно у себя дома. Не принимайте болѣе повелительнаго тона въ отношеніи къ другимъ народамъ. Такъ какъ вы страшаетесь оружія сильныхъ, то не угрожайте болѣе слабымъ своими пушками и бомбардами. Откажитесь отъ такъ называемой *внѣшней политики*. Пусть ваши посланники при иностранныхъ дворахъ на самомъ дѣлѣ будутъ не болѣе, какъ уполномоченными въ дѣлахъ, касающихся Великобританіи, какъ люди, обязанные поддерживать мирныя сношенія ея съ другими державами!»

Это предложеніе возбудило ропотъ; а между тѣмъ оно основано на теоріи логической, справедливой и даже исполненной великодушія, хотя и имѣетъ видъ пристрастія. Оно предполагаетъ абсолютную вѣру въ доктрину торжества праваго дѣла, по которой справедливость признается самою могущественнѣйшею изъ силъ.

И вотъ является Таймсъ, недавно поносившій и оклеветавшій Кобдена. Онъ принимаетъ идеи великаго агитатора, но по своему. Какъ обыкновенно, онъ и въ этомъ случаѣ мало заботится о мнѣніи людей деликатныхъ, а напротивъ обращается къ людямъ, составляющимъ толпу. Съ тономъ нахала, на сторонѣ котораго здравый смыслъ, и съ видомъ эгоизма, еще болѣе грубаго, чѣмъ тотъ, какимъ надѣлилъ его Юпитеръ, отецъ боговъ и людей, — журналъ этотъ чаетъ своимъ согражданамъ нѣчто въ родѣ *нравственнаго наставленія*, какъ говорится въ этой странѣ кровавыхъ бифтексовъ и ростбифовъ. «Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ онъ, какъ облако внезапно омрачило столь ясное чело представителя отважной политики (т. е. чело лорда Пальмерстона), съ этихъ самыхъ поръ мы вступили въ новую эру». — «Мы должны,» говоритъ онъ въ цѣломъ рядѣ статей, «мы должны безмолвствовать при видѣ подлостей, которыя совершаются внѣ нашихъ предѣловъ; мы должны спокойно смотрѣть на Данію, разбиваемую врагами, такъ какъ одинъ великій моралистъ сказалъ, что видъ добродѣтели, находящейся въ борьбѣ со зломъ, есть зрѣлище, достойное безсмертныхъ боговъ. Мало того, мы должны оставить всякое попеченіе объ уничтоженіи невольни-

чества; мы должны съ спокойнымъ, яснымъ взоромъ слѣдить за всѣми ужасами торреали, неграми, которуиъ, впрочемъ, наши крейсера у береговъ Африки не только не въ состояніи остановить, но даже дѣлаютъ еще болѣе жестокою, чѣмъ она была прежде.»

Къ несчастію, Таймсъ, рекомендуя Англіи быть нейтральною на западѣ, въ то же время совѣтуетъ ей продолжать на востокѣ свою вѣнственную политику. «Въ этомъ поведеніи», замѣчаетъ Spectator, — «одно только кажущееся противорѣчіе. Та самая политика, которая безмолвствуетъ, когда требуется отъ нея самопожертвованіе, весьма естественно играетъ роль хвастливаго храбреца, какъ скоро имѣетъ дѣло со слабыми китайцами или съ неопытными японцами». «Ужь если отказаться отъ своего девиза «*Parcere subjectis et debellare superbos*» *), то намъ остается одно: быть смиренными въ отношеніи къ гордымъ и гордыми въ отношеніи къ смиреннымъ. И г. Кобденъ, благодаря своимъ новымъ союзникамъ, убѣдился, какъ удобно англійскому эгоизму въ трехъ частяхъ свѣта принимать видъ холоднаго равнодушія, а въ четвертой — видъ дерзкаго нахальства. Обѣ эти системы находятся въ совершенномъ согласіи одна съ другою. Послѣ того, какъ мы разрушили узы, соединявшія Европу съ Америкою, и послѣ того, какъ мы презрительно и жестоко обошлись съ несчастными дикарями Африки, весьма естественно, что мы хотимъ вознаградить себя за эти подвиги въ Азіи, и что «люди, обязанные поддерживать сношенія Англіи съ другими государствами, расширяютъ наши рынки то посредствомъ внушенія страха слабымъ народамъ, то посредствомъ изъявленія раболѣпной покорности къ сильнымъ. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ высокомерны въ отношеніи къ дикарямъ и варварамъ; по мѣрѣ того, какъ мы станемъ терять уваженіе людей равныхъ намъ, мы будемъ важничать передъ низшими.»

Итакъ, чисто эгоистическая политика Англіи ослабляетъ и унижаетъ эту страну... Но развѣ политика другихъ европейскихъ державъ не соперничаетъ съ нею въ эгоизмѣ? Развѣ при настоящихъ обстоятельствахъ, какое-бы то ни было, государство можетъ не имѣть политики эгоистической? — Вотъ вопросы, которые мы не имѣемъ времени рѣшить и которые мы только предлагаемъ желающимъ на разрѣшеніе.

*) Щадить покорныхъ и разить гордыхъ.

Искусствованно посредствѣ моря, составлявшее иногда счастье Англии, становится для нея въ стратегическомъ отношеніи почти затруднительнымъ. Получивъ въ даръ отъ природы не границы, имѣющія часто политическое значеніе и требующія охраненія, но границы естественныя изъ свалей, о которыя разбиваются волны морскія, эта страна могла бы просматривать гдѣ въ свейхъ враговъ, но имѣя надобности для этого содержать на огромныя суммы денегъ ностоянныя войска. Всамый разъ, когда сентъ-джемовій кабинетъ хотѣлъ насильственно вмѣшаться въ дѣла континента, онъ долженъ былъ, для пополненія своей вооруженной силы, прибѣгнуть къ союзу съ какой нибудь иностранной державой. Какъ только Франція выказывала притязаніе на какое нибудь завоеваніе, она немедленно устанавливалась съ Германіею, въ обширной территоріи которой Англіи не трудно было найти для себя союзника и нанять солдатъ за деньги. Эдмондъ Шереръ, глубокой знатокъ Англіи, говорить: «Ничто такъ не содѣйствовало къ прикрытію недостатка англійскаго могущества, какъ борьба, которую эта страна вела съ Франціею время революціи и имперіи. Предоставленная самой себѣ, Англія не въ состояніи была бы не только поразить своей соперницы, но даже ея достигнуть. Только благодаря честолюбивому увлеченію всѣхъ государствъ континента, одно за другимъ бросившихся въ объятія ея, Великобританія приобрѣла армію, которую могла противопоставить своей непріятельницѣ. За тѣмъ, такъ какъ она въ продолженіе двадцати лѣтъ была душою всѣхъ коалицій, составлявшихся противъ Франціи, такъ какъ она на свои деньги содержала войска всѣхъ своихъ союзниковъ и такъ какъ судьбѣ угодно было доставить одному изъ ея генераловъ окончательную побѣду надъ общимъ врагомъ, то Англіи казалась рѣшительницею судьбъ Европы, и всѣ забыли, что природа назначила ее для роли болѣе скромной.» Такъ какъ Франція наконецъ отвалалась отъ роли завоевательницы и, что еще важнѣе, такъ какъ идеи неваго времени нѣсколько содѣйствовали ко взаимному сближенію народовъ, которые прежде другъ друга ненавидѣли и проваливали, то Англія сама сдѣлалась болѣе либеральною и уже не можетъ вступить въ союзъ съ какою бы то ни было державою континента. Вступить въ союзъ съ Россіею? Но это ея соперница на востокѣ, и это соперничество имѣетъ большое сходство съ непріязнью. — Вступить въ союзъ съ Австріею? Австрія дѣйствительно долгое время была на службѣ

Англія и теперь еще предостерегаетъ союзника Торіевъ и возмоя, а потому иадникъ, союзница Републ., которую симпатія, впрочемъ, болѣе склоняетъ на сторону Пруссіи. Англія всегда имѣла слабость въ отношеніи къ Австріи и особенно еще, въ 1848—51 годахъ, она со всею злобою преслѣдовала Италію и Венгрію. Однакожь, мало по малу, не смотря на Риговъ и Торіевъ, занятіе Венгріи и Венеціи сдѣлалось непопулярнымъ въ Англіи, и дружественное согласіе съ абсолютною Австріею было бы теперь дѣломъ почти невозможнымъ въ Великобританіи, этой классической странѣ парламентаризма.

Пруссія, это страна протестантская и въ то же время парламентская—по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько это допустить г. Бисмаркъ, — Пруссія, вотъ была бы настоящая союзница для Англіи. Но, не извѣстно почему, симпатія между этими двумя государствами не слишкомъ велика. Быть можетъ, это происходитъ отъ ихъ взаимнаго антагонизма, вызваннаго ихъ врожденными недостатками. Дѣло въ томъ, что англичанинъ гордъ до щепетильности, а пруссакъ невысомерно-тщеславенъ; а извѣстно, что въ мірѣ нравственномъ, такъ же, какъ и въ физическомъ, два электричества одного и того-же направленія взаимно другъ друга отталкиваютъ. Что еще болѣе содѣйствовало къ увеличенію этого несогласія, такъ это, по всей вѣроятности, знаменитое Ватерлооское сраженіе, выигранное, по мнѣнію каждой изъ этихъ двухъ націй, ея собственными воителями, безъ всякой посторонней помощи. Дѣйствительно, всѣмъ англичанамъ, отъ Фальмута до Инвернесса, извѣстно, что Наполеона побѣдилъ Веллингтонъ, одинъ, безъ содѣйствія пруссаковъ; съ другой стороны, въ арміи фельдмаршала Врангеля не найдется ни одного солдата, который бы не зналъ, что Наполеона побѣдилъ великій Блюхеръ, одинъ, безъ помощи англичанъ. Споръ объ этомъ важномъ историческомъ вопросѣ до сихъ поръ не конченъ. Во всякомъ случаѣ неоспоримо, что это большое сраженіе было проиграно Наполеономъ I. Эту истину Эдгаръ Кинне въ своей исторіи 1815 года доказалъ французамъ, сваявавшимъ вину понесеннаго ими пораженія на нѣкоего Ней и на нѣкоего Груша.

Въ виду бури, медленно собирающейся на сѣверѣ, все, казалось бы, должно было склонить Англію и Францію къ болѣе тѣсному взаимному союзу и къ устраненію тѣхъ взаимныхъ неудовольствій, которыми наполнились вслѣдствіе вѣковой вражды. Но ненависть, господ-

ствующая между этими двумя націями, все еще весьма сильна. Слова Ватерлоо, Абукиръ и Трафальгаръ вызываютъ непріятное чувство въ сердцахъ французевъ, который при этомъ немедленно начинаютъ насвистывать призывъ изъ оперы Карлъ VII:

«Guerre aux tyrans! jamais en France
Jamais l'Anglais ne régnera!» *)

Въ Англии, самыя забавныя мнѣнія постоянно въ ходу у святошь обоихъ половъ и всѣхъ сословій. Въ глазахъ этихъ ханжей французы—родъ сухопарыхъ, косматыхъ обезьянъ, пожиратели жабъ, улитокъ и пауковъ, люди, исполненные цинизма, грязные, безнравственные и распутные и, въ довершенію всѣхъ ужасовъ, паписты и безбожники. «They are all atheists, sir!»

Самые знатные люди изъ Торіевъ и самые низшіе изъ черни считали ненависть къ французамъ самымъ завѣтнымъ для себя чувствомъ. Что касается Виговъ, то они несравненно менѣе ненавидятъ французскую націю. Нѣкоторые изъ ихъ министровъ, напримѣръ Фоксъ, даже покровительствовали французамъ. Еще недавно передъ самой Крымской войною, Виги устроили англо-французскій союзъ. Это однакожъ не мѣшаетъ имъ, въ качествѣ либераловъ, душевно ненавидѣть французскія идеи, называемыя по ту сторону канала революціонными и социалистическими. Поэтому они съ радостію привѣтствовали человѣка, который произвелъ государственный переворотъ 2-го декабря и обѣщался уничтожить социализмъ. Но они немедленно подставили ему ногу, какъ только онъ затѣялъ войну за національность и въ особенности какъ только онъ присвоилъ себѣ Савойю посредствомъ покупки... Съ этой минуты возникъ раздоръ между королемъ Пальмерстономъ и императоромъ Бонапартомъ. Пальмерстонъ тогда возобновилъ комедію 1840 года. Онъ прекратилъ связь съ французскимъ правительствомъ, и старался сдѣлать его безсильнымъ и смѣшнымъ. Въ этомъ онъ имѣлъ успѣхъ, но вдругъ онъ замѣтилъ, что его собственные маневры обращаются противъ него-же самого. Старый дипломатъ запутался въ сѣти, имъ же самимъ раскинутой сопернику его и бывшему протезе. Послѣ того онъ старался поправить свою ошибку. Исполненный гордости и самодовольствія вслѣдствіе тридцатилѣтнихъ неслыханныхъ успѣховъ, онъ всегда говорилъ громко и

*) Война тиранамъ! Никогда во Франціи англичанинъ не будетъ господствовать!

рѣшительно, предвѣщать, полагать; грозить — и вдругъ, въ одинъ прекрасный день увидѣлъ себя пораженнымъ, разбитымъ, уничтоженнымъ людьми, которыхъ онъ, быть можетъ справедливо, презиралъ отъ всей души, и противъ которыхъ однакожъ онъ не силѣнъ и не могъ бороться. Наученная этимъ печальнымъ опытомъ, Англія почти униженно снова обратилась къ императору Бонапарту. Большой министерскій кризисъ въ парламентѣ имѣлъ одну только цѣль: смягчить гнѣвъ могущественнаго сосѣда. Дерби, Д'Израэли и ихъ приверженцы собственно упрекали министерство только въ томъ, что оно возбудило негодованіе великодушнаго союзника англичанъ. — «Пусть только намъ дадутъ говорить во имя Англіи,» почти такъ выражались предводители аристократической оппозиціи, — «пусть только намъ позволять быть официальными представителями нашей страны, и вы увидите, какъ мы съумѣемъ унижать себя у ногъ иностраннаго государя!» — «Нѣтъ! гордо и высокомерно отвѣчалъ главный министръ, — предоставьте это дѣло мнѣ, я его исполню еще лучше!» И Англія повѣрила ему на-слово.

Такъ какъ лезть всего вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, когда обращается къ человѣческой слабости, то министерство воспользовало прежде всего увѣрить императора Бонапарта, что оно воспользуется первымъ случаемъ для признанія новаго владѣтеля Мексики, а потомъ согласится на предложеніе посредничества по дѣлу рабовладѣльцевъ Мариланда, какъ на первый шагъ къ вторженію англійскихъ и французскихъ войскъ въ Сѣверные Американскіе Штаты.

Такое поведеніе не вполне согласно съ честью и интересами Англіи. До чего доведетъ оно эту страну и долго-ли оно будетъ продолжаться? Этого вопроса мы не въ состояніи рѣшить. Довольно трудно уже указать на дѣйствительность какого нибудь факта, а что касается до его послѣдствій, то предвидѣть ихъ — дѣло государственныхъ людей.

Англія, быть можетъ, не поняла своего критическаго положенія и справедливаго наказанія, какое она получила за свой эгоизмъ. Подобныя истины непріятно слышать и еще непріятнѣе сознать. Но легче было замѣтить англичанамъ, что у нихъ не достаетъ арміи. Во всякомъ случаѣ, они чувствуютъ, что имъ грозитъ опасность, вслѣдствіе паденія ихъ собственнаго преобладанія на морѣ. Поэтому англичане занимаются устройствомъ у себя оборонительной системы и, между прочимъ, обучаютъ военной службѣ

своих волонтеровъ, чиняя различіе: правировавъ до грѣха сего тасать. — «Въ виду возможности такіяа союзовъ, националистическаго союза союзеннаго, я поклоняюсь Meeting Activities, — «въ виду уничтоженія вреднаго европейскаго развенчанія и въ виду такоуа вліянія, какое се дни на дни все больше и больше приобретаютъ сіявторыя державы, необходимо, чтобы наша нація упрочилася въ военномъ дѣлѣ. Мы, всегда наша повременностьсвенныя, теперь же доставляетъ больше нашихъ береговъ тѣхъ безопасности, нежели они возмозавляя просить, когда мерзавчанію зависѣло отъ вѣтра и теченія вѣдъ. Поэтому необходимо, чтобы непріятель, который, благодаря пару, безпримѣтвенно можетъ нысадиться на эти берега, засталъ на нашихъ подвѣжкую стѣну въ штылокъ и встрѣченъ былъ выстрѣлами изъ-за скалъ. Въ минуту опасности мы обратимся къ нашимъ волонтерамъ. Вилблденское море представляетъ защитниковъ для Англій. Национальному обществу карбинеровъ мы обязаны великимъ благодѣяніемъ, котораго всю важность отечество наше постигнетъ только въ тотъ день, когда оно услышитъ ружейные выстрѣлы на нашихъ джонахъ и когда наши волонтеры, прогнавша опустошеніе въ рѣдахъ непріятелей, оставятъ ихъ ходъ непобѣдимымъ охлотомъ смерти!»

Все это прекрасно, и мы готовы признать благородный патриотизмъ волонтеровъ, которые готовятся съ опасностью жизни стать между своимъ отечествомъ и непріятелемъ. Но мы должны замѣтить, конечно не къ уменьшенію ихъ достоинства, что ихъ организація, превосходная для обороны, совершенно бесполезна для наступательной войны.

Итакъ Англій теперь запрещено дѣйствовать наступательно. Это дѣйствительно положеніе тяжкое, которое въ состояніи отравить жизнь... Какъ! не имѣть возможности дѣлать зло? Какъ, въ качествѣ нація быть принужденнымъ руководствоваться теоріею, по которой правая рука должна была быть связана, чтобы воспрепятствовать дѣлать зло, а лѣвая—свободна, чтобы могла творить добро... Это невыносимо, не правда-ли?

Что касается насъ, то мы не слишкомъ соболѣпаемъ объ этой печали Англій. Мы бы напротивъ весьма желали, чтобы всѣ государства въ этомъ отношеніи находились въ подобномъ же положеніи и по необходимости должны были жить въ мирѣ и добротѣ согласіи со всѣми своими сосѣдами. Этотъ идеаль осуществится въ какомъ нибудь изъ будущихъ поколѣній. Тогда, если какое нибудь государ-

ство иудейство, инакъ же другое, вѣроятнѣе, ружьё и топишь образцы: нарушить всеобщій миръ, то оно окончательно усмирено будетъ федеральнымъ закономъ, въ силу общеправнаго государства, на обязанности которой возможно будетъ предпринять подобный преступленіямъ или называть виновниковъ власти и освобождать честныхъ людей отъ необходимости заниматься стѣнами.

Какъ бы то ни было, возможность, изъ казны поставлена Англіи, действительна въ Европѣ оружейной силой, какъ може не кажется несчастіемъ для этой страны. Напротивъ, мы смѣемъ тотчасъ сказать на эту великую злобу, или не доказательство истиннаго величія Великобританіи. Ближайше оружей, гдѣ невозможно дѣлать, но какъ представляется прогрессомъ въ прошлыя времена, которое теперь австрійское министерство весьма казавъ стѣснительны образцы признавать единственно дѣлательскими оружей.

Изъ всѣхъ этихъ сужденій видно, что Англія необходимо должна принять новую политику, которая открыта шла бы въ будущности по новой дорогѣ, а не значилась бы по старой, избитой дорогѣ. Мы сознаемъ эту необходимость и понимаемъ ея причины, но не видимъ, чтобы Англія рѣшилась образовать ее по своимъ дѣйствіямъ. Мы не станемъ вѣрять, чтобы понимая, что она схоже пожелать вступить на новую дорогу. Благодаря востанъ приобретаемое наредомъ дорогое и весьма дорогою цѣною!

Англія потеряла поражение въ своей внешней политикѣ, и этотъ жестокой ударъ долженъ отразиться на ея внутренней конституціи.

Оз давнихъ поръ исторія Великобританіи представляла зрѣлище каменъ, на которыхъ потѣшались Виги и Торри. Да позволено намъ будетъ прибѣгнуть здѣсь къ извѣстному сравненію, которое, однако, вдетъ къ дѣлу, какъ нельзя болѣе. Въ пустой бочкѣ, называемой *конституціею*, заключенъ англійскій народъ, или *Милліонъ*, какъ его называютъ. Эта бочка сдѣлана изъ крѣпкихъ досокъ, охваченныхъ надежными обручами, и несчастному шалому, находящемуся въ ней, не представляется ни малѣйшей возможности выйти изъ своей сырой и мрачной темницы. Бочку поворачиваютъ и катаютъ, и

несчастный ушибъ головой и вернется назадъ съ нѣю; онъ ударяется о стѣны то головой, то животомъ, то плечами, но не въ состояннн ценить востраданно своего положеннн. Поверхъ бочки положена доска, называемая *каррикеттаризма*. На эту доску садятся верхомъ двѣ великнн партнн: *сософиста* «Upper Ten Thousand», *Десяти Тысячъ*, какъ называютъ людей богатыми и жирными, которые одна пользуются свободою. Это *экслуататорнн* прочнхъ, представляющнхъ собою жертву: *экслуатацин*. Эти счастливые десять тысячъ суть *Вигн* и *Торн*...

— А, понимаемъ, объясните вы, — понимаемъ, что вы хотнте сказать: *Вигн* находятся на одномъ концѣ качель, а *Торн* на другомъ, и, благодаря движеннямъ доски, положенной на бочку, *Вигн* поднимаются, когда опускаются *Торн*, и на оборотъ, *Торн* возвышаются, когда *Вигн* опускаются. И *Вигн*, и *Торн* потѣшаются въ смехъ себя.

— Такъ точно. Не замѣьте, что *Миллионъ* при этомъ не потѣшается мнголько. И если вы позволите привести здѣсь дѣтскую пѣсню, казущуюся весьма глупою, и которую, посреди *Миллиона*, мамы, сами не цоная, напеваютъ своимъ дѣтямъ, слушающнмъ и также непонимающнмъ, и если вы промѣ того позволите мнѣ объяснить глубокнй смыслъ, заключающнйся въ этой пѣснѣ, — то вы вполне постигните науку конституціонализма. Эта пѣсня — не мнѣ, право, нѣсколько совѣстно ее читать: до того она наивна, — эта пѣсня, вотъ она:

„Jack Sprat would eat no fat,
Bob, he would eat no lean.—
Now, was not this a pretty trick
To make the platter clean?“ *)

Эта пѣсенка, изобрѣтенная безсознательною мудростю несчастнаго *Миллиона*, сама по себѣ тривнальная, но въ ней заключается трагическнй смыслъ. Кто же доставляетъ куски мяса, жирныя и сухн, какъ не народный бытъ, толстый, тяжеловѣсный *Джонъ Буль*? Блюдо, на которомъ они подаются, — это, само собою разумѣется, конституцнн. Его ставятъ на столъ въ Вестминстерскомъ замкѣ или на банкетѣ лорда мера. *Джекъ*, не любящн жира, — это партнн

*) *Джекъ Спретъ* не хочетъ ѣсть жирный кусокъ, *Бобъ* не хочетъ ѣсть сухой. Не милая ли это шутка, чтобы опорожнить блюдо?

Тори, а Бобъ, не любящій сухина кушечь, — это Маргіа Вигсъ. И такимъ образомъ конституція, представляемая здѣсь блондъ, ностъ каждой ширини остается шире; такимъ образомъ телотнй Джобъ Бульъ помирается въ одно и то же время и Торитни, которые ялнутся десятю въяни своихъ гонимей, что не могутъ вѣтъ ширь, и Вигани, которые уфряютъ честию, что не любятъ сухого мяса... Поняли вы это сравненіе? Теперь, слыжу вамъ, что вы знаете объ англійской конституціи, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько профессоръ конституціоннаго права, который въ продолженіе двухъ или трехъ длинныхъ семестровъ читаетъ своимъ слушателямъ теорію своего предмета, а въ продолженіе трехъ другихъ семестровъ его практику.

Люди наивные думаютъ, что англійская конституція есть нѣчто дѣйствительно существующее. Отъ времени до времени въ нашихъ библиотекахъ являются шеебитали, требующіе отъ библиотекаря экземпляръ этой конституціи и законовъ *Минуса*. Они полагаютъ, что эта конституція существуетъ на бумагѣ, и увѣрены, что оригиналъ ея хранится въ Вестминстерскомъ дворцѣ. У нихъ смутная идея, что это долженъ быть огромный фоліантъ, весь запыленный и почернѣвшій отъ времени, и въ которомъ находятся въ рукописи, на пергаментѣ: во-первыхъ, знаменитая Magna Charta съ нечестными короля Іоанна и его бароновъ, потомъ органическій законъ Habeas Corpus, за тѣмъ Navigations Act, дагѣе всеобщій административный кодексъ королевства, потомъ уставъ лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ, вмѣстѣ съ уставомъ провинціального джентри, а въ заключеніе, на самомъ концѣ, — двѣсти: «Rule Britannia» и «God save the King»!

Тѣ, которые разсуждаютъ наиболѣе здраво, люди, признаваемые компетентными въ этомъ дѣлѣ, говорятъ, что конституція Великобританіи основана на двухъ главныхъ принципахъ:

- 1) Что никто не можетъ быть подвергнутъ подати, безъ согласія того лица, которое его представляетъ въ парламентѣ.
- 2) Что всякій имѣетъ право путемъ представительства участвовать въ составленіи законовъ, которымъ онъ долженъ повиноваться.

На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго нѣтъ. Когда дѣло идетъ о податяхъ, то все, что требуется отъ девяносто-деяти сотыхъ наци, такъ это — уплата означенныхъ податей, а когда дѣло идетъ о законахъ, то отъ означенныхъ девяносто-деяти сотыхъ населенія требуется только повиновенія этимъ законамъ.

Дѣйствительно, англійская конституція — вещь совершенно отвле-

улица. Она много знала, была безмолвным договором, заключенным между дворянством и новым буржуазием, которые сделали образцы усвоенные доверчиво эксплуатировать простой народ. И действительно, что эта политическая формула даже не административная, а производная, а привнесена вот-за границы. Англичанин, столь пылкий от природы, не смотря на свое изорванное хладнокровие; англичанин, столь легко увлекающийся, не смотря на свой немалый интеллект; англичанин, нашедшийся подъ влиянием дружной кривой и жести, подъ влиянием гнева и любви, которые отъ себя выдают своимъ эмпирическимъ эргита, деловыми своей животворной натуре; англичанинъ, самъ никогда не изобрелъ без этой теории воздержанности въ жизни, этой системы средоточивания широкого куска Бобу, а сужаю—Джону. Онъ никогда не долженъ былъ самъ до такой идеи, но онъ имѣлъ счастье или несчастье—ны не беремъ рѣшимъ этотъ вопросъ — получить ее готовомъ отъ Вильгельма Оранскаго, который внушилъ ее англичанамъ, благодаря своему непоколебимому голландскому упорству. Этотъ Вильгельмъ, происходящий отъ Вальгельма Молчаливаго, долго въ своихъ государственныхъ инстагахъ, разделяемыхъ партіями республиканскою и аристократическою, думалъ о бѣдствіяхъ, которыя во времена гражданскихъ смутъ сопровождаютъ всякую революцію. Одно преступленіе порождаетъ другое, одна мѣста вынуждаетъ другую, и народъ, переходя отъ одного убійства къ другому, самъ себя изстребляетъ окончательно; остается въ жизни одинъ только гражданинъ, и этотъ гражданинъ не есть даже казнить, а только послѣдній изъ убійцъ. Одинъ говорилъ, что этотъ Вильгельмъ былъ самый лунный изъ честныхъ людей, а другое, что онъ былъ самый искусный изъ лицемеровъ; наиврѣе никогда этого не знали. Несомнѣнно то, что, отличаясь заманчивостью болѣе, чѣмъ кто либо, онъ чрезвычайное высоко цѣнилъ воздержность, подобно другому голландцу, сыну адмирала Феръ-Галль, который говорилъ, что миръ принадлежитъ олегантникамъ.

Мы всё читали Маколея. Мы видѣли, что нужна была глупость и даже болѣе, чѣмъ глупость, нужно было безуміе Іакова II, нужна была жестокость этого короля, послѣдовавшая за легкомысліемъ, и что нуженъ былъ непостижимый эгонизмъ распутнаго Карла II, который, въ свою очередь, явился послѣ Бромвеля, этого страшнаго палача Карла I,—мы видѣли, что все это нужно было для того, чтобы нравственно погубить Торіевъ. Доведенная до крайности, буржуазія, при содѣйствіи нашего

духобецтва, призвала къ себѣ на помощь иностранцевъ: Вильгельма, этого ловкий узурпаторъ, — вѣдь, какъ бы то ни было, онъ измѣнилъ дѣлу своихъ предковъ, — Вильгельмъ низвергнулъ съ престола своего собственнаго тестя. Потому онъ съ необыкновенною ловкостью и необыкновеннымъ тактомъ сталъ дѣйствовать противъ своихъ партизановъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и противъ своихъ враговъ. Онъ умѣлъ побѣждать и не слишкомъ побѣждать, а это великое искусство. Онъ восторжествовалъ надъ якобитами, объединившимися на Бойскомъ полѣ, и надъ оранжани, собиравшимися въ совѣтахъ. Одни не могли его разбить, другіе не могли его увлечь за собою. Онъ дѣйствовалъ такъ ловко, что, якобиты, сдѣлавшись Ториами, должны были раздѣлить большое баюдо, называемое конституціею, съ оранжани, которые превратились въ Виговъ; а когда какой нибудь любитель до лакомыхъ кусковъ хотѣлъ брать болѣе значительной ему доли, тогда Вильгельмъ ударялъ его по рукамъ. Наконецъ, благодаря непоколебимому терпѣнію этого короля, обѣ партіи, непріязненные одна другой, поняли, что, оставаясь врагами друга друга по формѣ и продолжая взаимную свою борьбу за важныя должности и за портфели, они могутъ сойтись въ главномъ пунктѣ. Они воспользовались своимъ положеніемъ и стали ловко эксплуатировать низшіе слои общества и грабить несчастнаго пролетарія и крестьянина, который подъ ихъ господствомъ сдѣлался, и до настоящаго времени остался, самымъ бѣднымъ жителемъ въ мірѣ, послѣ того, какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ.

Послѣ Вильгельма Оранскаго Англія превратилась въ самую могущественную олигархію, какая когда-либо существовала. Во время царствованія королей изъ дома Ганноверскаго, которые всё какъ будто старались превзойти одинъ другаго въ странностяхъ и сумасбродствахъ, аристократія родовая и аристократія денежная захватили въ свои руки дѣла правленія. Такимъ образомъ, такъ называемая англійская конституція есть ничто иное, какъ господство известнаго класса людей надъ всею остальною націею и даже надъ короною. Такъ называемое взаимное равновѣсіе властей заключается въ комбинаціи всей власти въ пользу одной партіи; а мнимое равновѣсіе короны, основанное на противопоставленіи палаты общинъ палатѣ лордовъ, состоитъ въ эксплуатациіи народа во имя короля или королевы и въ пользу двухъ парламентскихъ партій, при которыхъ одна представляетъ собственность недвижимую, а другая — собственность

денежную. Этот совет, по возможности, владѣй съ лавками иногда не бѣды и не могъ быть принциповъ. Это была не бѣда, какъ весьма легкая сдѣлка, обманутая милліоны наивныхъ людей какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Подобныя сдѣлки возможны въ торговлѣ, но не въ дѣлѣ принциповъ. Торговецъ, или другой какойнибудь промышленникъ, можетъ вступать въ соглашенія съ своимъ покупателемъ или съ своимъ компаньономъ, но человекъ принциповъ не въ состояніи дѣлать уступки въ своихъ доктринахъ или вѣравіяхъ. Натаніанъ рассчитываетъ шансы на успѣхъ своего предпріятія; онъ сравниваетъ свой долгъ съ имѣющимся у него на лицо капиталомъ, сравниваетъ свои барыши съ убытками и, какъ говорится въ торговыхъ бумагахъ, покупаетъ и продаетъ товаръ, пишетъ всѣмъ, ипродеруогъ ихъ, или уплачиваетъ по нимъ деньги и требуетъ наложенія заповѣднія на имущество своего несостоятельнаго кредитора, или соглашается на снятіе такого заповѣднія, словомъ, онъ вступаетъ въ сдѣлки, заключаетъ договоры и, въ случаѣ надобности, обращается въ судъ для защиты своихъ интересовъ... На все это рѣшительно неспособенъ человекъ принциповъ. Отличаясь совершенною простотою въ своихъ сужденіяхъ и страстно привязанный къ своей идѣ, онъ готовъ былъ бы воскликнуть: пусть лучше погибнутъ всѣ колоніи, чѣмъ одинъ принципъ!

Такъ какъ принципы абсолютны по своей натурѣ и не допускаютъ никакого компромисса, то англійская конституція, еслибы она дѣйствительно состояла въ равновѣсіи между двумя или нѣсколькими такими принципами, давнымъ-давно перестала бы существовать. Она, напротивъ, не болѣе, какъ соглашеніе между интересами отдѣльныхъ лицъ, но этимъ интересамъ дано было названіе *принциповъ* англичанами, которые покупаютъ *инструменты философіи* и которые дѣлателямъ очковъ называютъ фабрикантами философскихъ инструментовъ. Эти *философы* хвалили свои *принципы* честнымъ людямъ континента, а эти честные люди повѣрили имъ на слово.

Нѣсколько разъ англійскій конституціонализмъ пытались ввести во Францію, но всегда такое предпріятіе имѣло весьма малый успѣхъ. Нѣкоторые почтенные буржуа считали эту систему превосходною, потому что она была вывезена изъ Англіи и что ее хвалили, какъ социальную панацею. — Палата перовъ, контролирующая палату депутатовъ; король, дѣлающій все и въ то же время недѣлающій ничего, король царствующій, но не управляющій, и который непогрѣ-

никъ въ свѣтъ истинныхъ; министръ, освобождающій корону отъ вселенной отвѣтственности; податной народъ, исключительно пользующійся чрезъ своихъ представителей законодательною властью; право гражданственности, определяемое ценою, — всё эти нелепо-нелепыя перѣбѣны, которыхъ докторъ конституціоннаго права серьезно называли конституціональными функциями и которыхъ они въ то же время выдавали за необъяснимыя, но тѣмъ не менѣе неопровержимыя аксіомы, всё эти истертыя софизмы и истасканные народоуслы перешли во Францію въ Англію, гдѣ они, впрочемъ, до сихъ поръ въ ходу и притомъ въ самомъ лучшемъ обществѣ. Никогда французъ, неслыханный доктриняршиномъ и свободный отъ чиновническаго духа, не въ состояніи былъ понять, что, кака бы то ни было, свобода могла возникнуть отъ тройственнаго соединенія трехъ политическихъ факторовъ. Тройственное развитіе трехъ властей казалося ему всегда тройственною полнотой или триединствомъ тройнаго заблужденія, т. е. предметомъ для него непостижимымъ. Умъ французскій не въ состояніи постигнуть, что государство, для достиженія равновѣсія между тремя властями, должно принять на себя тройное бремя, одно на голову, другое на правое плечо, а третье на лѣвое, или надѣть на себя три цѣпи, одну на шею, другую на руки, а третью на ноги, и все это допуская раздѣленіе труда, согласно назначенію различныхъ членовъ и органовъ соціальнаго тѣла. Онъ всегда полагалъ, что эти члены и органы не могутъ быть слишкомъ свободными. Изъ этого заключили, что онъ неспособенъ для политической жизни и что онъ не въ состояніи сообразоваться съ требованіями современнаго парламентаризма. Правда, онъ никогда не могъ освободиться отъ такого рода сужденія, которое вполне достойно его предка, господина де-ла-Пались: «Что мнѣ за дѣло до конституціональныхъ функцій! Что не истинно, то ложно, а что ложно, то и северно!»

Въ дѣлѣ механики, люди неловкіе, для полученія равновѣсія въ колесахъ своего механизма, усложняютъ его придѣлкою новыхъ колесъ или прибавленіемъ разныхъ тяжестей. То же самое явленіе мы видимъ въ политикѣ: люди невѣжественные своими дѣйствіями только обременяютъ соціальныя механизмы, а люди ловкіе умѣютъ сберечь живую силу, освобождаясь отъ всякаго мертваго бремени.

Конечно, англійскій народъ далеко отъ принятія простыхъ взглядовъ французскихъ теоретиковъ въ дѣлѣ соціальной конституціи; конечно, ему и на умъ не приходитъ предаваться такимъ сужденіямъ,

люди /приседая/ «вдлин» «вдлин». А что ограничивается значеніемъ, что
 Витч не лучше Торбъ, а Торбъ не лучше Витчъ, и что нужно освобо-
 диться отъ этихъ «вдлин». Въ сущности, такое сужденіе очень закон-
 ны. Оно (доказываетъ, что англійскій конституціонализмъ глубоко на-
 правленъ и что онъ вперѣй долженъ подвергнуться радикальному пре-
 образованию, что обнаруживается также стремленіемъ къ широкому
 всеобщей подачѣ голосовъ и закрытымъ выборамъ. Само собою разу-
 мается, что публики, действительная руководитель будущимъ положені-
 емъ страны, состоитъ изъ массы сельскаго населенія, олицетворяюща
 неимуществомъ, ли или грубымъ обрѣзаннымъ работникомъ, но въ
 этихъ нравственныхъ, предприниматель, слѣдующихъ и борющихся
 мастеровъ, которые соединяются въ общества, имѣющихъ под-
 названіемъ Trades Unions, Saving Banks, Friendly Societies
 и въ особенности Co-operative Stores, и которые дѣйствуютъ
 заодно съ образованною частью буржуазіи. Какъ бы те ни были,
 буржуазія, не смотря на то, что она, взятая въ массу, не безу-
 прѣдна въ своихъ дѣйствіяхъ, все-таки обыкновенно, если не востра,
 находившая въ главѣ движущій прогресса и реформы. Всякая партія
 создаетъ свою политику, подобно тому, какъ сгнившее дерево прино-
 сить сажу; старая партія могутъ придерживаться только старой по-
 литики, а для созданія новой требуются новые интересы. Всякое пре-
 образование политики предполагаетъ внутренній переворотъ, и одною
 нельзя ждать безъ другаго. Новый же классъ народа, который дол-
 жно составить новую политику, еще очень молодъ; хотя онъ уже за-
 мѣтно развивается. На эту-то возрастающую часть англійской націи,
 на эту-то партію будущности намекалъ Гладстонъ въ своей знамени-
 той рѣчи, произнесенной 11-го мая. Не смотря на проглядывающую
 мѣстами нерѣзкость автора высказывать свои мысли, впечат-
 лѣніе, произведенное этою рѣчью, не только не угасаетъ, а на-
 противъ со дня на день увеличивается. Гладстонъ весьма хорошо
 сознаетъ, что этотъ новый народъ, долженствующій внушить новую
 политику, такъ сказать, еще только зарождается, и въ отношеніи своей
 численности и своихъ правъ незначителенъ. Для того, чтобы ускори-
 ть судьбу этихъ людей, чтобы содѣйствовать ихъ мирному и строй-
 ному развитію наравнѣ съ остальною націею и чтобы великодушно
 доставить имъ то, что они, въ противномъ случаѣ, сначала потре-
 буютъ во имя справедливости, а потомъ во имя силы, англійскій ми-
 нистръ финансовъ предложилъ распространить право подачи голосовъ

и на звать насель. При этомъ-судѣ, единственно, замѣтили, что нѣтъ пятидесяти рабочихъ сдѣла одного мѣсяца. Быть допущены въ учасіе въ выборы. До того, въ томъ же засѣданіи, г. Байнетъ, говоря о трудѣ четвертыхъ классовъ Англіи, воскликнулъ: «англійскія общины не имѣютъ никакого вліянія на дѣйствія парламента!»

Еслибъ ждти, послѣ привилегированные классы народа, участвующія въ выборахъ, добровольно согласятся раздѣлить право подачи голосовъ съ прочими своими согражданами, то много проишло бы времени даромъ. Весьма естественно, эти привилегированные классы стали бы упорядить, что новыя совѣтатели этого права неспособны принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ своей страны. Однакожъ, г. Байнетъ въ своей рѣчи, подавшей поводъ къ сѣбѣ выводу господина Гладстона, доказавъ, что съ 1831-го до 1861 года народонаселеніе возросло на 40%, а число дѣтей, воспитывающихся какъ въ частныхъ, такъ и публичныхъ школахъ, на 147%, т. е. болѣе, чѣмъ втрое. Любовь къ чтенію до того распространилась въ народѣ, и интересъ, принимаемый въ общественныхъ дѣлахъ, до того увеличился въ массѣ жителей Англіи, что число экземпляровъ ежедневно издаваемыхъ газетъ, простиравшееся въ 1831 году до 38,648,314, теперь въ одномъ Лондонѣ доходитъ до 250 милліоновъ. Прибавьте къ этому почти баснословное количество ежедневныхъ или еженедѣльныхъ журналовъ и періодическихъ обозрѣній и сборниковъ разнаго формата, равной цѣны и разнаго рода, не говоря уже о безпрестанно возрастающемъ числѣ библиотекъ и залъ для чтенія, основанныхъ и посѣщаемыхъ народомъ. Однакожъ, весь интересъ рабочаго класса, въ послѣднее время въ особенности, не видимо, сосредоточивался на реформахъ чисто социальнаго характера. Эти люди воспользовались уменьшеніемъ числа рабочихъ часовъ и употребляютъ свободное отъ работъ время для своего умственнаго образованія. Стремленіе къ совѣстному труду, на которое мы довольно подробно указали въ одной изъ предшествующихъ корреспонденцій, распространилось весьма быстро. Приняты были мѣры для успѣха обществъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Trades Unions; основаны Working mens Clubs и другія народныя ассоціаціи. Между тѣмъ идея парламентской реформы дремала. Настоящее министерство, низвергнувшее Торіевъ, благодаря обѣщанію ввести эту реформу, могло, не возбуждая явнаго вниманія публики, измѣнить своему слову. Со стороны лорда Пальмерстона и въ особенности со стороны Джона

России, который парламентской резервѣ обманъ своихъ политическимъ существованіемъ, такой поступокъ есть грубый промахъ. Такъ какъ народъ Великобританіи, послѣ нѣсколькихъ несовершенныхъ реформъ и послѣ частыхъ, но напрасныхъ просьбъ, объ осуществленіи своихъ справедливыхъ желаній, понимая, что лучше поставитъ себя въ возможность требовать свое право, чѣмъ просить по прежнему, то министры, а вмѣстѣ съ ними и привилегированные классы людей думали, что можно безнаказанно отступить отъ своего обѣщанія. Между этими привилегированными классами, пользующимися правомъ выборовъ, и непривилегированными находится широкий ровъ, образуемый ценомъ. Министерство обѣщалось соединить оба берега его мостомъ или хоть простою доскою, но до сихъ поръ не исполнило даннаго слова. Наскучившись тщетнымъ ожиданіемъ, непривилегированные классы рѣшились, въ случаѣ надобности, перейти, и если возможно, перескочить черезъ этотъ ровъ. Поэтому они отступили, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность прыгнуть съ большимъ ловкостью. Министры обрадовались и, указывая на этихъ людей, которые все болѣе и болѣе удаляются, воскликнули: «вы видите, что они уходятъ. А еще говорили, что они намѣрены перейти черезъ ровъ, который отдѣляетъ ихъ отъ народнаго представительства!»— Таймсъ въ своихъ обширныхъ столбцахъ, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, помѣщаетъ письма, будто бы полученныя имъ отъ работниковъ. «Насъ обвиняютъ», говорится въ этихъ письмахъ, «что мы хотимъ выйдти изъ своего положенія и пріобрѣсти политическое вліяніе посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, которую для насъ прежде требовали хартисты, а теперь канцлеръ казначейства. О, нѣтъ. Мы вовсе объ этомъ и не думаемъ. Мы лучше понимаемъ свои обязанности и то, что намъ прилично и согласно съ нашими интересами. Право избирать депутата не доставляло бы намъ ни одного шиллинга въ годъ. Поэтому мы вовсе въ немъ и не нуждаемся. Но мы учимся геометріи, чтобы имѣть возможность сдѣлаться помощниками каменщиковъ-мастеровъ, и беремъ уроки изъ ариметтики, потому что каменщикъ, умѣющій считать, получаетъ хорошее жалованье. За симъ, господа, мы имѣемъ честь вамъ кланяться и остаемся вашими нижайшими и покорнѣйшими слугами.» И Таймсъ съ восторгомъ бьетъ въ ладоши. Въ этомъ слогѣ, въ этой прозѣ онъ выражается весь. «Какой превосходный умъ!» восклицаетъ онъ. «Вотъ человѣкъ практической и дѣйствительно разумный. У этого работника

сильному и честолюбивому Глэдстону не мѣшало бы поучиться и брать съ него приѣбрь!..» Положимъ! Но въ такомъ случаѣ, почему же господинъ Глэдстонъ, ученикъ, пользуется правомъ избирательства и правомъ быть избраннымъ въ представители и дѣйствительно избранъ, тогда какъ учитель, этотъ работникъ, отъ котораго Таймсъ приходитъ въ восторгъ, не только не избранъ, но даже не имѣетъ права быть избраннымъ, ни даже права участвовать въ выборахъ?

Мы на предыдущихъ страницахъ старались показать, что пораженія, недавно испытанныя Англiею на политическомъ поприщѣ, отразились въ ея внѣшней политикѣ и внутренней конституціи. Ударъ былъ направленъ мѣтко, въ самую грудь Англiи, и не было никакой возможности его отразить. И Виги, и Тори поражены были однимъ и тѣмъ же камнемъ. Въ прежнія времена всѣ политическія затрудненія устранялись смѣною министерства. Англiя съ большимъ шумомъ переходила отъ Дерби къ Пальмерстону, отъ Бертрана къ Роберту Макэру, и англійская политика торжественно продолжала свой ходъ по пути традиціи, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ самомъ незначительномъ бургѣ Гентингдоншира, имѣющемъ несеразмѣрно своему населенію число представителей въ парламентѣ. Теперь, волею-неволею, Виги и Тори сдѣлались солидарными въ одномъ и томъ же пораженіи, понесенномъ англійской политикой. Слабые датчане подверглись насилию, но стыдъ за испытанную ими обиду падаетъ на могущественныхъ англичанъ. Это ихъ гнали отъ Эйдера въ Кенигс'ау, изъ Кенигс'ау въ Ютландію, изъ Ютландiи на островъ Альсонтъ, съ острова Альсена въ Фіонію. На лондонскія конференціи Англiя явилась еще великою, но она оттуда вышла незначительною и весьма незначительною. Отцы еще помнятъ, какъ герой Великобританiи, Нельсонъ, бомбардировалъ Копенгагенъ во время мира и какъ онъ захватилъ и сжегъ датскій флотъ, не предупредивъ датчанъ о своихъ непріязненныхъ замыслахъ; теперь ихъ дѣти увидѣли, что Англiя, обязанная смыть свое преступленіе и вознаградить прежнюю жертву своего насилія, едва оправившүся отъ своихъ ранъ, намѣнила довѣрiю той страны, которая ей простила все, и которая обратилась къ ней съ словами: «Ты могущественна, а я слаба; спаси же меня отъ ударовъ этихъ людей, которые идутъ на меня съ дубинами въ рукахъ!..» «Положись на меня», отвѣчаетъ Англiя, «ужь я съ ними поговорю по своему. Ты увидишь, какъ они обратятся въ бѣгство...» Тогда Альбионъ приставилъ рупоръ ко рту и

замышлять: «Прочь! Не то вы будете жертвою дѣла со мной!» Но когда нѣмцы все шли впередъ, тогда Альбионтъ удалился, представляя свою протажу на жертву двухъ людей, вооруженныхъ дубинками. Бываютъ позорныя дѣла, имѣющія трагическое значеніе; бываютъ преступленія, которыя влекутъ за собою смертную казнь, и Англія, быть можетъ, совершила одно изъ такихъ преступленій.

Однакожь классы богатые и вообще правительственные старались опровергнуть дѣйствительность фактовъ, заставить молчать свою совесть, и обмануть себя относительно своего униженія. Таймсъ, отъ 1-го августа, торжественно увѣряетъ своихъ читателей, что Великобританія, своею миролюбивою политикою приобрѣла болѣе вліянія, чѣмъ она могла бы приобрѣсти войною. Консерваторы въ этомъ униженіи Англіи, которое они сами громко провозгласили, кажется, видѣли только средство къ ниспроверженію кабинета. Какъ г. Д'Израэилъ, по видимому, легко готовъ былъ бы утѣшиться на счетъ потери англійской чести, лишь бы г. Гладстонъ уступилъ ему свое мѣсто, подобно тому и вся страна старалась успокоить свою печаль, и въ этомъ имѣла успѣхъ. Какъ битые собаки, трахнувъ ушами, погружаютъ свою морду въ чашу, наполненную супомъ, и забываютъ свое горе, подобно тому и англичане усѣялись за столъ на банкетѣ лорда мера и восслаликули: «А какъ бы то ни было, мы богаты!» И они ошупали свои карманы, разложили на столѣ свои портфели, наполненные банковыми билетами, и забряцали деньгами.

На этомъ банкетѣ, знаменитомъ у всѣхъ гурмановъ, лордъ Нальмерстонъ поздравилъ своихъ собесѣдниковъ великими побѣдами Англіи, какъ говорилъ онъ, побѣдами несравненными — мирными побѣдами торговли Великобританіи, заставляющими падать на мѣръ золотой дождь, и въ сравненіи съ которыми кажутся ничтожными побѣды, недавно одержанныя на поляхъ сраженія государями, живущими въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что только-что напечатанъ былъ отчетъ о торговой дѣятельности Англіи въ продолженіи первыхъ шести мѣсяцевъ 1864 года, и въ этомъ отчетѣ находимся весьма краснорѣчивыя цифры, которыя въ состояніи заставить такой прагматическій народъ, какъ англичане, забыть всѣ испытанныя имъ неудачи. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, на какую сумму въ продолженіе этого семестра вывезено товаровъ изъ Англіи? На 1,928 милліоновъ франковъ, противъ 1863 года болѣе на 400 милліоновъ, а противъ 1862-го на 518 милліоновъ. А на сколько было привезе-

на товаромъ въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, съ 1-го января до конца мая? Также на сумму 1,928 милліоновъ франковъ, противъ 1863 года болѣе на 308 милліоновъ, а противъ 1862-го—на 553 милліона.

Лордъ Джонъ Россель еще превзошелъ своего сослуживца въ риторическихъ доводахъ. Онъ спеціалнсть по части нравственной, поэтической и сентиментальной и окончилъ свою рѣчь удивительнымъ заключеніемъ такого рода: «Я съ великимъ удовольствіемъ вижу, что Англія никогда не находилась въ положеніи, болѣе достойномъ гордости, и что ея вліяніе на иностранныя державы никогда не было болѣе значительно, чѣмъ теперь!»—Дѣйствительно, Англія остается только почивать на лаврахъ и благодарить PROVIDENCE за свое блаженствіе—to rest and be thankful!

Итакъ, миръ почти заключенъ между двумя великими державами Германіи съ одной стороны, и Даніею съ другой. Первыхъ условіемъ, предложеннымъ побѣдителями, которые, какъ извѣстно, поднади мечъ только для того, чтобы поддержать трактатъ 1852 года, и сохранить цѣлость датской монархіи, — первымъ условіемъ было раздробленіе этого королевства и совершенная, неограниченная уступка, датчанами, Голштиніи, Лауенбурга и Шлезвига. Нельзя не удивляться, что нѣмецкіе монархи такъ круто поступили въ отношеніи къ одному изъ своихъ собратьевъ и кузеновъ, и что они обошлись съ этимъ бѣднымъ Христіаномъ, подобно революціонерамъ. Въ настоящее время, казалось бы, короли, наученные повѣйшею исторіею, должны были проникнуться великою истиною, что союзъ составляетъ силу и что если что нибудь можетъ замѣнить дружбу, такъ это союзъ. Какъ бы то ни было, Данія для нашихъ географій уже болѣе не существуетъ. Журналы наполнены разными конфиденціальными извѣстіями. Каждый изъ нихъ хочетъ янать, чего Пруссія намѣрена требовать для себя, чѣмъ она завладѣетъ и что сохранить. Что касается насъ, то

мы не посвящены въ тайну боговъ и предпочитаемъ спокойно ждать рѣшенія государей, управляющихъ миромъ, и излагать факты, а не дѣлать предположенія.

Поэтому мы продолжаемъ описывать побѣды господина Бисмарка. Онъ пошелъ быстро и далеко. Чтобы видѣть это, стоитъ только вспомнить его точку отправленія. Неукротимая борьба между прусскимъ министерствомъ и прусскою палатою усиливалась все болѣе и болѣе. Эта борьба, надо замѣтить, была заранѣе приготовлена и искусно ведена. Если вѣрить нѣкоторымъ документамъ, находящимся у насъ меродъ глазами, то люди, принадлежащіе къ прусскому посольству въ Парижѣ, резюмировали планъ французской реакціи вообще, и бонапартистскую программу 1849, 1850 и 1851 годовъ въ частности, и передѣляли на прусскій ладъ политику государственнаго переворота. Данные, заключающіяся въ этой программѣ, говорятъ, служили руководствомъ для государственныхъ людей въ Берлинѣ. Однакожъ, приведеніе этого плана въ исполненіе шло нѣсколько медленно. Ни та, ни другая изъ борющихся сторонъ не отваживалась приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Наконецъ, благодаря Бога, г. Бисмаркъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Послѣ того, вмѣстѣ съ нимъ, и Пруссія, и прусское правительство, и палата, и Германія, и даже вся Европа замѣтно ускорили свои шаги. До появленія этого блистательнаго министра, можно было умереть со скуки. Въ отношеніи бюджета и въ отношеніи арміи, этихъ двухъ жизненныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣла будущность конституцій, министерство говорило: «Я хочу!», а палата отвѣчала: «Я не хочу!»—Этотъ споръ усиливался съ каждымъ новымъ засѣданіемъ. Министерство повторяло: «Я приказываю!» а палата возражала своими вѣчнымъ: «Я не хочу!»—При такихъ обстоятельствахъ, не было надобности опасаться ни бунта, ни государственнаго переворота. Однакожъ, оба эти способа рѣшенія вопроса до того казались согласными съ общимъ положеніемъ дѣлъ, что нѣсколько разъ распространялся было слухъ объ осуществленіи того или другаго. Уже оппозиція готовила свой отказъ правительству относительно подати, а это послѣдній законный шагъ, за которымъ слѣдуютъ революціонныя мѣры. Бисмаркъ продолжалъ играть въ большую игру; онъ постоянно былъ гордъ, и насмѣшливъ въ обращеніи; но онъ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій на счетъ опасности своего положенія.

При такомъ состояніи дѣлъ возникло столкновение между Данією

и Германію. Бисмаркъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ; онъ вытѣсался въ эту распрю и увлекъ за собою министерство, армію и прусскую націю, вопреки безсильнымъ протестамъ нации, которая, чувствуя, что изъ рукъ ея вырывается конституція, не имѣла довольно смѣлости воспрепятствовать дѣйствіямъ министра. Депутатовъ недовольныхъ отправили по домамъ, уже когда бой прусскихъ барабановъ заглушалъ собою слабое эхо, распространявшееся отъ рѣчей либеральныхъ ораторовъ.

Либералы пожелали разорвать трактатъ 1852 года. Чтобы раздосадовать ихъ, министръ объявилъ войну подъ предлогомъ защиты этого трактата. Либералы требовали раздробленія Даниі. Чтобы насолить имъ, Бисмаркъ провозгласилъ цѣлость датской монархіи. За тѣмъ онъ, во всеобщему удивленію, началъ громить Данию, завладевъ программой либераловъ. Потомъ, обратившись къ нимъ внезапно, спросилъ: «Что же вы сдѣлали съ своею программой?»

«Въ этомъ-то и состоитъ ловкость этого министра», увѣряютъ его поклонники. — «Либералы вскружили Германіи голову. Можно, было оскорбить эту страну, но не дѣйствовать противъ ея воли. Поэтому Бисмарку тѣмъ болѣе слѣдовало показать себя смѣлымъ, что онъ долженъ былъ явиться покорнымъ всеобщей волѣ. Еслибъ этотъ ловкій человекъ не далъ щелчка людямъ, которыхъ онъ раззорилъ, то парламентаристы, комитетъ Тридцати-Шести, и вся Германія подумала бы, что онъ министръ либераловъ, и тогда все было бы потеряно... Народъ германскій заговорилъ уже о народности, подобно тому, какъ это дѣлали итальянцы... Богъ знаетъ, до чего бы довело насъ это заблужденіе. Прусскіе депутаты толкали впередъ громадную машину Nationalverein'a, Reformverein'a и Fortschrittspartei. Эти люди устроили во Франкфуртѣ постоянный комитетъ Тридцати-Шести, который долженъ служить основаніемъ для будущаго парламента. Второстепенныя державы, чувствуя, что они не въ силахъ идти противъ всеобщаго движенія, пристали къ нему одна за другою. Кобургъ и Баденъ гордились тѣмъ, что шли впереди. Они спѣшили взо всѣхъ силъ. Каждая изъ этихъ державъ желала первою присвоить себѣ столь завидную корону Святой Германской Имперіи. Саксонія, съ своимъ безпокойнымъ Бейстомъ, напала на глупую мысль учредить германскую триаду и хотѣла произвести на свѣтъ Божій третью нѣмецкую великую державу, которая должна была бы стать въ оппозицію къ остальнымъ двумъ. Словомъ, все населеніе Герма-

нин, республиканское демократии, принявъ съ димомію. Давно сама Австрія пошла вѣдѣть съ другими, чтобы не отстать и не быть забываемою... Что же сдѣлать намъ республиканскій министр? Онъ сталъ во главѣ всего этого явное-либеральнаго и явное-феодалнаго димонія, и ушелъ за собою Австрію. Австрія ушелъ въ протестантскія державы; протестантскія державы — жуть намъ знаемую *Reichthumstraiter*, партія прогресса; партія прогресса — прусскій парламентъ; прусскій парламентъ — прусскую націю, и всё они устроились въ одну несовершенство, гдѣ теперь и вьзнутъ самымъ малымъ образомъ. «Покоруйте-ка выйдти оттуда, господа!» говоритъ имъ Бисмаркъ, вѣдливо сдѣлавъ передъ ними шляпу. И вотъ они въ большомъ затрудненіи; каждый изъ нихъ тѣнетъ въ свою сторону. Наиболее озадачены либералы; они компрометированы, поставлены въ смѣшное положеніе, запятаны, вѣснолько покрыты грязью дачей (на это, впрочемъ, не стоить обрещать вниманія!); они пристыжены, но за то увѣнчаны лаврами Дюмисля, Алысена и Миссунде...

Вотъ каковы образцы поступать имъ. Что касается насъ, французовъ, либераловъ то мы не удивляемся успѣху ихъ: мы сами постоянно играемъ въ ту же политическую игру, дѣлаясь консерваторами, когда либеральничаетъ правительство, и либеральными, когда консерваторствуетъ Наполеонъ III. Точно также поступали и наши милые сосѣди. Либералы присвоили себѣ программу господина Бисмарка, г. Бисмаркъ овладѣлъ программой либераловъ. Это была война, по всей формѣ. Такимъ образомъ, прусскій министръ принялъ сторону германской національности, а радикалы объявили себя поборниками феодальнаго права, до того прочнаго, что даже трактаты, подписанные королями и императорами, не могутъ его поколебать, и до того не подлежащаго отчужденію, что его владѣлецъ сохраняетъ свою собственность даже въ томъ случаѣ, когда взялъ за нее деньги, и это не смотря на библейскій примѣръ Исава, который лишился права первородства, продавъ его за блюдо чечевицы.

Въ этой всеобщей путериѣ, гдѣ всякій является столько же мистификаторомъ, какъ и жертвою мистификаціи, германскій сеймъ играетъ не менѣе другихъ смѣшную роль. Онъ уничтожилъ трактатъ 1852 года подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ трактатъ, подписанный его членами индивидуально, не былъ подписанъ ими коллективно. Теперь сеймъ не допускается на вѣнскія конференціи для редакціи новаго трактата. Въ какую сторону ни обратимся, вездѣ

квалитетомъ своихъ офицеровъ и добротой души. Собойъ придавалъ своему генералу Давиду, занявъ Рендсбургъ на имя германскаго отечества. Но вдругъ г. Бисмаркъ объявляетъ, что Рендсбургъ — принадлежность германскаго, и началъ квалитетъ солдатами германскаго отечества: «Уберишься отсюда неморальна!» и шествующе патрону улюдишь, протестуешь, и протестуешь, улюдишь. Этотъ случай заслуживаетъ быть описаннымъ подробно.

Въ одной гостинницѣ произошла драка между пруссаками съ одной стороны, и ганноверцами и саксонцами съ другой. Дѣти одного и того-же великаго тевтонскаго отечества угостили другъ друга ругательствами и кулаками. Прусскій комендантъ придавъ этому видъ, будто войска германской конфедерации хотять умертвить больныхъ, находящихся въ военныхъ госпиталяхъ. Опъ, изволяте видѣть, въ сердечной простотѣ полагалъ, что саксонцы намѣрены зарѣзать своихъ братьевъ-пруссаконъ, лежащихъ въ больницахъ, — злодѣйство, ненормальное даже между турками и жаврами. Какъ-бы то ни было, въ Рендсбургъ прибыли двѣ прусскія роты и до утра простояли, съ зажженными фитилями, на рендсбургской площади, разсылая по городу сильныя патрули. Эти патрули оскорбляли немцевъ, саксонцевъ (своихъ братьевъ!), попадавшихъ имъ на улицѣ. Саксонскіе солдаты (ихъ братья!) бросали въ нихъ изъ каваризъ цѣлькомъ камней въ отвѣтъ и угостили пруссаконъ цѣлымъ градомъ ругательствъ. Днемъ одна за другою прибывали новыя прусскія роты, и дѣти одного и того-же великаго отечества стояли другъ въ другу лицомъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Между тѣмъ телеграфъ дѣятельно работалъ между Рендсбургомъ и Берлиномъ, и между Рендсбургомъ, Ганноверомъ и Дрезденомъ. Наконецъ, принцъ Фридрихъ Карлъ, главнокомандующій прусскою арміею, написалъ генералъ-лейтенанту Гавке, командиру войсками германской конфедерации въ Рендсбургѣ.

«Я увѣдомляю ваше превосходительство, что обиды, нанесенныя федеральными солдатами пруссакамъ, находящимся на постахъ и въ госпиталяхъ, требуютъ, чтобы невозможность повторенія подобныхъ поступковъ была немедленно гарантирована... Вслѣдствіе этого, его величество, государь мой и король, изволятъ приказать мнѣ занять Рендсбургъ. Отъ умѣренности, исполненной такта, и отъ энергии (sic), которыя ваше превосходительство такъ часто высказывали на дѣлѣ, зависѣтъ будетъ мирное осуществленіе этой мѣры, необходи-

мой для чести прусской армии, и пр.» На это Гакке отвѣчалъ: «Я не могу согласиться на такую нѣру; но я уступаю силѣ и уступу». Это было все, что отъ него требовалось.

Господинъ Бисмаркъ воспользовался нѣрннмъ удаленіемъ четырехъ нѣмецкихъ ротъ, которыя не хотѣли дать себя истребить шестью тысячамъ пруссаковъ. Всегда вѣсѣшлнннй, онъ увѣрялъ, что федеральныя войска оставили Рендсбургъ добровольно, такъ какъ не приходилось изгнать ихъ силою. Ему замѣтили, что эти войска занимали Рендсбургъ въ силу рѣшенія и по приказанію германскаго сейма, который одинъ въ правѣ распоряжаться этой крѣпостью. «Зачѣмъ-же они не остались, въ такомъ случаѣ?» шуточно спросилъ государственный человѣкъ.

За чѣмъ федеральныя войска не остались?—Но еслибъ они остались, то это было бы междоусобная война въ Германіи. Это была бы война между Пруссіею, Австріею и Германскимъ союзомъ, и Богъ знаетъ, въ какой омутъ мы бы тогда попали! Но можно-ли будетъ набѣгнуть этого омута, пока Пруссія будетъ вѣшннваться въ германскія дѣла? Никто этого не знаетъ.

Эта выходка прусскаго правительства возбудила сильное негодованіе въ Дрезденѣ, въ Штуттгардѣ, въ Мюнхенѣ, въ Ганноверѣ. Вюртембергская палата прибавила свой торжественный протестъ (г-мъ!) къ протесту генералъ-лейтенанта Гакке. Она предложила своему правительству противодействовать этому вопіющему злоупотребленію силы въ союзѣ съ другими державами конфедерации и просила поставить ннвалскія войска на военную ногу. Съ своей стороны, Ганноверъ предложилъ сейму «силою» заставить Пруссію очистить федеральную крѣпость.

Увлекаемый краснорѣчіемъ господина Бейста, сеймъ присоединился ко всѣмъ этимъ торжественнымъ протестамъ и приказалъ... да, приказалъ... впрочемъ, не трепещите... онъ приказалъ произвести слѣдствіе!

Еще разъ замѣнить, что въ этомъ омутѣ противорѣчій, инстинкцій, вопросовъ, дурно поставленныхъ, дурно понятыхъ и дурно рѣшенныхъ, нѣтъ никакой возможности что-либо предвидѣть. Нѣмцы запутываютъ все, къ чему ни прикоснутся, чтобы имѣть случай примѣнить свои трансцендентальныя способности къ рѣшенію какого бы то ни было вопроса. Они начинаютъ съ того, что затемняютъ этотъ

вапросъ, такъ что въ немъ ничего нельзя разобрать. Въ этомъ отношеніи они подражаютъ верблюду, который, подходя къ источнику свѣтлому и чистому, говоритъ, мутить воду своею ногою до тѣхъ поръ, пока она не превратится въ грязную тинистую массу, и тогда уже онъ начинаетъ ее пить.

Эта война, если обратиться къ ея началу, должна была бы имѣть двойной характеръ: это было коллективнымъ дѣйствіемъ германскаго отечества и требованіемъ возвращенія права народностей. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили разумные патріоты.

Нѣмцы хотѣли освободить отъ датскаго ига нѣмецкое населеніе герцогствъ, а кончили тѣмъ, что подчинили датскихъ жителей нѣмецкому игу. Они сдѣлались виновными въ томъ-же, въ чемъ сами обвиняли копенгагенское правительство, и притомъ въ-десятеро болѣе виновными (закрытіе школъ и датскихъ церквей, арестованіе должностныхъ лицъ, изгнаніе патріотовъ и пр. и пр.) Уваженіе къ принципу, который противопоставлялся трактату 1852 года, требовало бы, чтобы побѣдители послѣ побѣды обратились, по крайней мѣрѣ, къ мнѣнію жителей земель, бывшихъ предметомъ спора. Но никто этого не дѣлалъ. Послѣ вмѣшательства Пруссіи въ это дѣло, запутанность его становится еще болѣе значительною. Чѣмъ тутъ руководствовались? Если держаться стараго дипломатическаго права, то слѣдовало бы уважать цѣлость Даніи до Эйндера, взять Голштинію, отъ которой копенгагенское правительство не прочь было бы освободиться, и вступить въ соглашеніе относительно Лауенбурга;— если же держаться новаго права національностей, въ такомъ случаѣ слѣдовало было обратиться къ всеобщей подачѣ голосовъ.

Если Пруссія и Австрія забыли первоначальную цѣль войны, то не менѣе того онѣ забыли, отъ кого получили полномочіе воевать. Война, назначавшаяся для освобожденія Голштиніи и Шлезвига, должна была бы быть дѣломъ *des grossen deutschen Vaterlands* великаго германскаго отечества. Вмѣсто этого, нѣмецкую войну превратили въ австро-прусскую экспедицію, а потомъ въ прусскую побѣду.

Что же изъ этого вышло? А то, что за датскимъ вопросомъ теперь наступаетъ вопросъ германскій. Второстепенныя нѣмецкія государства изъясляютъ недоувѣріе и ненависть къ державамъ, которыя въ интересахъ германскихъ искали только предлогъ для осуществленія своихъ частныхъ видовъ. Либералы великой готской партіи какъ будто

нападают до пьина сладко-горькаго дѣкота, Balsamata. Они съ одной стороны улыбаются, а съ другой морщутся, и не знаютъ торжествовать-ли имъ, или пригнаться со стыда отъ вздоровъ людей.

Стараясь разобрать эту путаницу, приходишь въ тому заключенію, что она рѣшается,—смотря по отвѣту, какой дѣлается на вопросъ: Хотите-ли вы увеличенія Пруссіи во что бы то ни стало, и правдою и неправдою, per fas et nefas? Въ такомъ случаѣ, идите направо. Если же вы хотите, чтобъ это увеличеніе совершилось только per fas, одною только правдою, въ такомъ случаѣ, идите на лѣво!

Партія увеличенія Пруссіи, во что-бы то ни стало, состоитъ не только изъ партізановъ господина Бисмарка, но также изъ вѣрныхъ шовеновъ Боруссіи, и изъ двухъ третей Nationalverein'a и вообще изъ такъ называемой партіи малой Германіи.

«Господинъ Бисмаркъ», пишетъ одинъ изъ предводителей этой партіи,—«доставилъ личной власти короля огромную силу и твердую точку опоры, ставъ въ главѣ унитарнаго движенія, которымъ увлекается Германія. Только благодаря тому, что онъ льститъ главнымъ тенденціямъ общественнаго мнѣнія, онъ могъ управлять страной безъ напастей и противъ ихъ воли. То, чего желаетъ Национальберейнъ, есть въ сущности то же, чего желаетъ и Пруссія, только въ другой формѣ. И та, и другая сторона мечтаютъ о единствѣ германскаго отечества, объ учрежденіи великаго унитарнаго государства въ центрѣ Европы. Мы германцы готовы передать великую Германію Пруссіи, еслибъ Пруссія отважилась подавить второстепенныя государства. Огромное большинство нѣмцевъ охотно признало бы господство этой державы, еслибъ она въ состояніи была взять въ свои руки власть и возстановить въ свою пользу Святую Имперію.»

На это противная партія отвѣчаетъ только. «Мы ненавидимъ гордость и честолюбивые замыслы Пруссіи»...

Куда все это можетъ насъ повести?

Предположеній дѣлается много, въ особенности въ смыслѣ пессимистовъ. Но мы думаемъ, что при этой путаницѣ, всего разумнѣе принимать трагическія извѣстія, съ какою бы стороны онѣ не приходили,—отъ сейма-ли, или изъ Пруссіи, или изъ Австріи, или отъ либераловъ,—не иначе, какъ cum grano salis, т. е. съ примѣсю

сали. Когда этот несчастный вопрос о Шлезвигѣ и Гольштиніи перенесенъ былъ въ книги и журналовъ на поле сраженія, тогда мы говорили: вотъ комическое дѣло, которое хотятъ превратить въ трагическое и изъ случайнаго сдѣлать кровавымъ. Теперь, напротивъ, мы, по видимому, переходимъ отъ дѣла трагическаго къ смѣшному и отъ кроваваго къ шутовскому. Не въ обиду будь сказано храбрымъ на-вонирамъ, отличившимся при Миссунде, разбившимъ слабую Данію и унижившимъ могущественную Англію, — надо быть весьма наивнымъ, чтобы видѣть только серіозную и торжественную сторону въ этой сарабандѣ, которую на нашихъ глазахъ разыгрывали главные дѣйствующія лица германской сцены: Бисмаркъ, Бейстъ, маршалъ Врангль, Аугустенбургъ, Фанъ Поордтенъ и господа принадлежащіе къ Fortschrittspartei и къ комитету Тридцати-Шести!

Сказать правду, французы не слишкомъ недовольны тѣмъ, что избѣгли войны. Они жалѣютъ о несчастной Даніи, радуются неудачѣ Англіи и далеко не удивляются подвигамъ австро-прусскихъ войскъ. Вотъ и все, что они знаютъ. Дѣйствительно, при настоящемъ положеніи дѣлъ, французская публика весьма мало занимается политическими событіями, и то лишь за десертомъ, во время пищеваренія, или за чашкою кофе, сидя съ журналомъ въ рукахъ. Обыкновенно она отличается почти преступнымъ равнодушіемъ къ государствен-нымъ дѣламъ, которыя, какъ бы то ни было, касаются и ея самой. Иногда только она приходитъ въ волненіе, и рѣдко, очень рѣдко къ ушамъ ея приливаетъ кровь, но тогда...

Вотъ все, что мы имѣемъ сказать о французахъ, въ настоящую минуту. Что касается ихъ правительства, то и оно предается покою. На водахъ въ Виши время проводили очень пріятно. Теперь готовятся праздновать 15-ое августа, день Мадонны и св. Наполеона, а потомъ поѣдутъ на воды въ Біаррицъ. Indépendance Belge рассказываетъ, что Наполеонъ III, провозжая своего министра Друэнъ де-Люиса на желѣзную дорогу, сообщилъ ему какъ послѣднее правило: inertia — sapientia. Итакъ, наша мудрость заключается въ бездѣтельности. Это политика наука, который, съѣжившись, расположился въ центрѣ своей паутины.

Однакожъ двѣ странички въ Revue des Deux Mondes, продиктованныя, какъ говорятъ, однимъ весьма важнымъ лицомъ, и одна оофициально-оофициальная статья Constitutionnel, я обратили на себя некоторое вниманіе публики. Сила въ томъ, что ходили слухи о ка-

Отд. III.

комъ-то вознагражденіи Франціи за земли, отнимаемыя Пруссіею у несчастной Даніи. Это могло бы устроиться уступкою нѣкоторыхъ маленькихъ территорій на Рейнѣ. Это было-бы дѣломъ фамильнымъ.

Безъ этихъ двухъ статей и безъ нескромныхъ замѣчаній, съ намѣреніемъ высказанныхъ лордомъ Джономъ Росселемъ въ его рѣчи отъ 27 іюня, всякій бы догадался, что Людовигъ Наполеонъ домогается какого нибудь клочка земли по сю сторону Рейна для округленія своихъ владѣній. Поэтому съ самаго начала императоръ Бонапартъ остерегался компрометировать себя съ той или другой стороны. Приглашенный англійскимъ кабинетомъ, онъ рѣшился бы вступить за Данію, еслибъ ему дозволили, въ вознагражденіе за военныя издержки, присвоить себѣ нѣчто въ родѣ Саррелюи, Ландау и Кайзераантернъ. Таймсъ подстрекалъ его къ этому каждое утро, но министерство Пальмерстонъ-Россель, отъ котораго старались что нибудь вывѣдать объ этомъ предметѣ, притворилось непонимающимъ вопроса. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ Тюльери воображали, что Англія принуждена будетъ вступить въ войну, то Друэнъ де-Люисъ охотно рѣшился ждать. Но онъ обманулся въ своей надеждѣ. Впрочемъ, при инерціи не теряется смѣлость. Чего нельзя было достигнуть войною въ пользу Даніи, то, быть можетъ, удастся приобрѣсти миромъ, заключеннымъ въ ущербъ этой страны. Пруссія, жадно помогающая герцогствъ, безъ сомнѣнія, охотно удержала бы за собою то, что съ такимъ удовольствіемъ она захватила въ свои руки. Такъ какъ это присвоеніе нарушило бы равновѣсіе великихъ державъ, то Франція могла бы согласиться на такую мѣру не иначе, какъ съ условіемъ получить вознагражденіе. Такимъ образомъ, императоръ Бонапартъ, съ своей стороны, также попользовался бы на счетъ Даніи... Болѣе мы объ этомъ ничего не знаемъ.

Замѣчательно, что, между тѣмъ, какъ французское правительство, по видимому, занято только пріятною перспективою увеличить свои владѣнія со стороны Рейна, число тѣхъ, которые упорно продолжаютъ опасаться замысловъ священнаго союза, дѣйствительнаго или мнимаго, на Францію и Италію, увеличивается все болѣе и болѣе. Ничѣмъ не выбьешь у нихъ изъ головы той идеи, что господа Бисмаркъ и Рехбергъ въ борьбѣ съ Даніею хотѣли измѣрить свои силы, съ тѣмъ, чтобы знать, что могутъ они предпринять противъ Франціи.

Что касается внутреннихъ дѣлъ, то надо замѣтить, что Алжирія осуждена декретомъ на военное положеніе. Общее управленіе граж-

данскими дѣлами этой страны отиѣнено. Высшая администрація каждой провинціи поручена генералу, которому съ этихъ поръ предоставляется неограниченный контроль надъ всѣми гражданскими чинами. Онъ издаетъ постановленія по дѣламъ, касающимся провинціи, завѣдуетъ полиціею и прессою (sic), дѣлаетъ предостереженіе журналамъ и налагаетъ на нихъ запрещеніе, если сочтетъ это нужнымъ. Префектъ, бывший до сихъ поръ самымъ высшимъ представителемъ правительства, теперь не болѣе, какъ подчиненный генерала. Причина такой значительной перемѣны, согласно рапорту маршала Раудона, заключается въ необходимости возвысить принципъ авторитета, пострадавшій отъ двойственности властей. — Если этотъ аргументъ имѣть силу относительно Алжирии, то почему-бы, спрашивается, не имѣть ему силы также относительно Франціи? — Его превосходительство приводитъ и другой предлогъ — фанатизмъ арабскихъ племенъ, будто-бы возбужденный «неразумными слухами, распространяемыми безпокойною прессою, которая, тревожа общественное мнѣніе, заставила туземцевъ опасаться будущности, исполненной жестокости относительно ихъ лицъ и опасности относительно ихъ имуществъ.»

До сихъ поръ никому не было извѣстно, что журналы читаются бедунами, которые не умѣютъ читать и даже не знаютъ французскаго языка. Какъ бы то ни было, по дѣломъ вамъ, проклятые журналы!

Чтобы понять положеніе дѣлъ въ Алжиріи, надо замѣтить, что, вслѣдствіе покоренія этой страны, въ ней находятся двѣ расы: туземная и европейская.

Туземная раса организована въ одно и то же время феодалнымъ и коммунистическимъ образомъ. Земля, принадлежащая племени, каждый годъ распределяется между жителями по усмотрѣнію кайдовъ и ихъ фаворитовъ, которые жестоко грабятъ народъ. Кайдовъ, въ свою очередь, грабятъ французское военное начальство несправильнымъ и насильственнымъ образомъ посредствомъ такъ называемыхъ *радзіа*, или нападений, поводомъ къ которымъ служитъ война, и посредствомъ изъявленія немилости или тенденціи къ немилости. Оно ихъ грабятъ правильнымъ и кроткимъ образомъ посредствомъ арабскихъ бюро, чиновники которыхъ богатѣютъ, очищая карманы арабскихъ вельможъ.

Результатъ этой системы любопытенъ. Она имѣетъ двойное дѣйствіе и, по видимому, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, но въ сущно-

сти весьма логична: она заставляет все народонаселение ненавидеть французовъ, по въ то-же время даетъ похитителямъ земли точку опоры у всѣхъ ага и кайдовъ, этихъ отъявленныхъ плутовъ. Это ассоціація грабежа между ворами, ненавидящими другъ друга, противъ народа, ихъ жертвы, который не знаетъ, кого болѣе онъ долженъ ненавидѣть, грабителей-ли иностранныхъ, или грабителей туземныхъ. Любопытно, что эти французскіе офицеры африканской арміи, «олицетворяющіе собою честь и храбрость,» какъ говорится въ военномъ слогѣ, выдаютъ себя за защитниковъ этой интересной расы туземцевъ, которую поселенцы, по ихъ словамъ, готовы были бы подчинить себѣ и преобразовать на европейскій ладъ, уничтожая такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ типовъ коммунистической и феодальной патриархальности, сохранныхъ исторіею. Эти хищные поселенцы, эти штафиры, эти Roumi, изволите видѣть, не имѣютъ того сочувствія къ исторіи, той любви къ мѣстному колориту, какими отличаются господа военные; ихъ грубая натура непрístupна для нѣжной поэзіи востока... Вотъ, представьте, себѣ этого толстаго Малахова, бывшаго капитана Пелисье, того самаго, который въ пещерахъ Дары заставилъ погубить толпу бѣглыхъ аравитянъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей и старцевъ, подобно тому, какъ заставляютъ барсуковъ гибнуть въ порахъ отъ дыма, представьте себѣ этого толстопузаго господина, съ длинными усами, съ огромною саблею на боку и съ большою сигарою во рту, и послушайте, какія онъ отпускалъ сентиментальныя изрѣченія, приправляя ихъ крупною воинственною бранью: «Я, чертъ возьми, защитникъ арабовъ! да! Mille tonnerres!—Это раса первобытная—palsambleu!—народъ, живущій въ шалашахъ,—nom d'un chien! — народъ библейскій, bougre d'animal!—Пусть только тронуть ихъ штафиры, sacre nom d'un dieu! я имъ почищу зубной рядъ!»

Если французское правительство могло подчинить себѣ военный элементъ, при помощи котораго оно достигло власти, то одною изъ заботъ его, безъ всякаго сомнѣнія, было бы: слить въ Алжиріи обѣ расы, мобилизовать собственность и дать гражданскія учрежденія арабамъ, выказывавшимъ къ нимъ нѣкоторую склонность. Безъ этого Алжиріа никогда не будетъ французскою землею, а останется тѣмъ, чѣмъ она теперь, школою грабежа, наслія и убійствъ, школою новыхъ декабрьскихъ кровопролитій. Государственный переворотъ, совершившійся во Франціи, произвелъ чудеса, но онъ не могъ стать

выше своего происхожденія. Имперія французская, происходящая от имперіи арабской, въ свою очередь имѣла на нее вліяніе, развивъ ее чрезмерно и превративъ ее въ нѣчто болѣе скверное, чѣмъ всевозможныя сатрапіи. Для сохраненія поэзіи первобытныхъ временъ, она въ древней Казбѣ Алжира возвратилась къ варварству. Наши доблестные африканскіе воины смотрятъ на земледѣльца и работника, имѣющихъ въ рукѣ не саблю, а рукоятъ плуга, какъ на людей жалкихъ, которые не въ состояніи себя защищать, а поэтому подлежатъ эксплуатаціи. Въ глазахъ ихъ гражданское населеніе ничто иное, какъ стадо овецъ, которымъ они служатъ пастухами, конечно, для ихъ защиты и для того, чтобы снимать съ нихъ шерсть, какъ только она появится, пить ихъ молоко и наконецъ связывать ихъ по ногамъ и убивать, ѣсть ихъ мясо и дѣлать себѣ обувь изъ ихъ шкуръ.

Уничтожить патриархальную организацію и разорвать внутреннія племенные узы, — такова была бы единственная точка опоры для Франціи для распространенія между туземцами современной цивилизаціи. Вслѣдствіе учрежденія личной собственности, каждый арабъ получилъ бы возможность сдѣлаться богатымъ, а это великій и, быть можетъ, единственный секретъ нашихъ столь хваленыхъ гражданскихъ учрежденій. Коммунизмъ племени произвелъ у нашихъ туземцевъ только эксплуатацію всѣхъ въ пользу нѣкоторыхъ и страшную бѣдность массы населенія. Пора бы испытать теперь что можетъ сдѣлать для этихъ людей индивидуализированіе собственности. Во всякомъ случаѣ безумная склонность къ разрыву брачныхъ узъ, господствующая теперь въ арабскомъ обществѣ (расчитано, что, среднимъ числомъ бракъ тамъ продолжается не болѣе года), эта склонность уменьшилась бы сама собою, какъ скоро арабъ сдѣлался бы свободнымъ собственникомъ. Съ полученіемъ этой новой свободы, онъ возвысился бы въ нравственномъ отношеніи, и тогда грубая животная страсть перестала бы исключительно надъ нимъ господствовать. Привязанность къ какому нибудь предмету, къ своему полю, дереву, укротило бы этотъ беспокойный и дикій характеръ, ничего не любящій и ни къ чему не привязанный. Многоженство тогда перестало бы быть явленіемъ общимъ между арабами. Арабская женщина исправляетъ всѣ работы по хозяйству: она молотитъ хлѣбъ, занимается тканьемъ бурнусовъ, носитъ самыя большія тяжести и, въ случаѣ надобности, служитъ рабочимъ скотомъ. Изну-

ренная работой, измученная, и не будучи въ состояніи, не смотря на всѣ получаемые ею удары, удовлетворять всѣмъ нуждамъ хозяйства, она умоляетъ своего господина купить новую рабу, и рада радехонька, когда какая нибудь помощница облегчитъ ей трудъ, приходящійся не по силамъ одной.

Но организація личной собственности, назначеніе въ продажу земель, принадлежащихъ государству или племени, мобилизація недвижимыхъ имуществъ — вотъ чего ни въ какомъ случаѣ не желаютъ наши алжирскіе преторіанцы. Они во время іюньскихъ и декабрьскихъ кровопролитій разрушили республику 1848 года по той причинѣ, что она была социалистическая, а теперь они становятся поборниками арабскаго коммунизма. Они, по ихъ собственнымъ словамъ, спасли апостольскую католическую религію въ Римѣ и Парижѣ, а теперь дѣлаются воинами мнимаго пророка; они спасли святость семейныхъ узъ, а между тѣмъ, не будь ихъ, этихъ спасителей, теперь не существовало бы гнусное множество арабовъ, не существовали бы серали кухарокъ.

Итакъ, цѣною столькихъ сраженій, убійствъ, грабежей и пожаровъ, цѣною столькихъ несправедливостей и страданій, цѣною такого большаго количества французской и арабской крови, оросившей эту несчастную страну, и цѣною болѣе двухъ миллиардовъ франковъ денегъ Франція приобрѣла по ту сторону Средиземнаго моря огромную военную школу, служащую какъ бы дополненіемъ къ Сень-Сирской, и въ которой семьдесятъ пять тысячъ молодыхъ солдатъ обучаются на практикѣ перестрѣливаться съ непріателемъ, убивать людей, отрѣзывать пальцы у женщинъ, для снятія золотыхъ колецъ, и ноги у живыхъ дѣвушекъ, для снятія серебряныхъ обручей, этого обыкновеннаго ихъ украшенія. Послѣ такихъ упражненій, французскіе рекруты вполне способны разбивать австрійцевъ въ Маджентѣ, или парижанъ въ Парижѣ. Этою системою создаются и огромные удѣлы для бонапартистскихъ герцоговъ и перовъ, подобныхъ франскимъ дворянамъ, которые въ продолженіи тысячи лѣтъ давили несчастныхъ галловъ.

Безъ сомнѣнія, преступленіе приноситъ свои плоды. Такъ какъ Франція покорила Алжирію, то она сама покорена была африканскою арміею. Она заговорила штыкомъ, и ей отвѣтили ударами приклада. Это единственное возмездіе, достойное несправедливой генерации.

Что касается знаменитаго процесса, названнаго процессомъ Тринадцати и который затѣянъ былъ исправительною полиціею въ отношеніи къ господамъ Гарнье-Пажесу и Карно, депутатамъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ, и къ господамъ Дрею, Герольду, Клямажерану, Флюке, Ферри, Дюррье, Борбону, Жюкону, Герриссону, Мельсгейму и Бори, авторовъ *Избирательнаго Руководства*, которыхъ всѣхъ тринадцать обвиняли въ томъ, что они составляли собранія въ числѣ болѣе двадцати человекъ, недозволяемая закономъ, — то этотъ процессъ производился въ виду всей изумленной Франціи. — «Ихъ было всего тринадцать человекъ, а между тѣмъ ихъ обвиняли въ томъ, что они собирались въ числѣ болѣе двадцати».

— «Ужъ конечно ихъ оправдали?»

— «Напротивъ, ихъ осудили!»

Въ Италіи происходило дѣло господина Бастоджи. Оно возникло еще во времена черезъ-чуръ знаменитаго Ратацци, въ іюль 1862 года. Итальянское правительство заключило контрактъ съ господами Ротшильдами относительно постройки южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти господа вообще признаются людьми состоятельными, и они обязались выстроить дороги въ короткій срокъ. Но вотъ является Петеръ Бастоджи, финансовая знаменитость, одинъ изъ героевъ большинства, и представляетъ парламенту, что въ дѣлѣ промышленности, такъ же, какъ и въ дѣлѣ политики, Италія должна дѣйствовать независимо, *far da se*, и что неприлично давать работу и возможность добывать деньги иностранцамъ, тогда какъ для этого подую рукою имѣются соотечественники. Эти итальянскіе *knownothings*, люди, ни въ чемъ не смыслящіе толку, добились таки, что контрактъ, заключенный съ господами Ротшильдами, былъ уничтоженъ, и работа, не смотря на значительный убытокъ для публики, передана Бастоджи, который королемъ Викторомъ-Эммануиломъ произведенъ былъ въ графы за заемъ трехъ сотъ милліоновъ, заключенный имъ, съ обязательствомъ, со стороны итальянскаго правительства, платить 65%. Однакожъ, постройка желѣзныхъ дорогъ не производилась, за недостаткомъ денегъ, такъ какъ господа Ротшильды, съ своей стороны, приняли мѣры, чтобъ этихъ денегъ нигдѣ нельзя было добыть. Тог-

да недовольные вспомнили, что, быть может, дѣла совершались не такъ, какъ слѣдуетъ; возникли разные толки, и т. Мерднини, одинъ изъ ораторовъ лѣвой стороны, потребовалъ, чтобы по этому дѣлу произведено было слѣдствіе. Палата имѣла снѣжность согласиться на такое предложеніе. Изъ этого слѣдствія оказалось, что инженеръ, которому поручено было составить донесеніе о контрактѣ, заключенномъ съ Ротшильдами, былъ подкупленъ господиною Бастоджи. Соблазномъ послужилъ вексель въ 1,100,000 франковъ, за который одинъ англичанинъ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ, отсчиталъ 675,000 франковъ.

Засѣданіе, происходившее по этому случаю, было ужасно. Графъ Бастоджи старался оправдать себя, но факты говорили громче его извиненій. Загнанный въ свои послѣдніе ретраншаменты, онъ со слезами на глазахъ умолялъ своихъ сослуживцевъ и судей о пощадѣ. Они надъ нимъ нѣсколько сжалились и рѣшили, что въ этомъ дѣлѣ обмана не было, но что на будущее время ни одному депутату не можетъ быть присуждена работа отъ правительства. Бастоджи подалъ въ отставку, а подкупленный имъ инженеръ скрылся, и никто не думалъ его отыскивать.

Въ то время, какъ Гарибальди былъ на островѣ Исхія, гдѣ его застало избраніе въ великіе магистры всѣхъ итальянскихъ франкмасонскихъ ложъ, вдругъ распространился слухъ, что партія дѣйствія готовить экспедицію въ Геную и что адмиралъ Вагга, въ ночь отъ 14-го на 15-ое число, внезапно оставилъ Неаполитанскій заливъ, съ тѣмъ, чтобы крейсировать у береговъ Исхія.

Объ этомъ таинственномъ происшествіи до сихъ поръ не имѣется положительныхъ вѣстій. Нѣкоторые лица, на основаніи будто бы вѣрныхъ свѣденій, говорятъ, что Гарибальди, по возвращеніи своемъ изъ Лондона, когда еще всѣ вѣрили въ войну Англіи противъ Пруссіи и Австріи, получилъ изъ Турина предложеніе идти въ Венгрію, и согласился. Между тѣмъ, какъ Англія устранилась отъ войны, Гарибальди, за отсутствіемъ отъ него даннаго ему приказанія, продолжалъ свои приготовленія къ экспедиціи, но вдругъ получилъ чрезъ одного адъютанта письмо собственноручно написанное королемъ, съ просьбою отиѣнить всѣ сдѣланныя до сихъ поръ распоряженія по этому предмету. Эта просьба тотчасъ же была исполнена, и Гарибальди чрезъ нѣсколько часовъ уѣхалъ на островъ Капреру. Это толкованіе теперь наиболее распространяется. Оно правдоподобно.

но и этимъ отличается отъ преувеличенныхъ 'рассказовъ' людей, принадлежащихъ къ двумъ противоположнымъ партіямъ, и изъ которыхъ одни представляютъ народнаго героя, какъ человѣка съумасшедшаго, а другіе выдаютъ господъ Мингетти и Перуцци за мелодраматическихъ измѣнниковъ.

Судя по одной корреспонденціи изъ Рима, отъ 27 іюля, народонаселеніе этого города занято исполненіемъ одной мѣры, предпринятой муниципалитетомъ, и до того странной, до того несогласной съ обычаями другихъ народовъ, что невольно спрашиваешь себя, точно ли эти люди находятся въ своемъ умѣ и не дѣйствуютъ ли они подъ вліяніемъ какого нибудь кошмара. Приведемъ здѣсь выписки изъ этой корреспонденціи:

«Дѣло идетъ объ истребленіи всѣхъ, безъ исключенія, французскихъ вывѣсокъ. Ихъ закрашивали, срывали, бросали; онѣ падали подобно бумажнымъ капюцинамъ. *Hôtel des îles Britanniques, Hôtel de Russie, Hôtel de Londres*, долой! *Marchand d'estampes, Dentiste, Relieur de livres, Entreprise de voitures*, долой! *Spilmann frères*, долой! потому что слово *frères* французское. Рядомъ съ этою послѣднею вывѣскою написано было: *François Spilmann aîné!* Францисъ не хотѣлъ называться Франческо, поэтому похерили на его вывѣскѣ первое и послѣднее слово.

«Однакожь, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, пощажены надписи на окнахъ и стеклянныхъ дверяхъ: *Modes de Paris, Table d'hôte, Objets d'art, Vente de tableaux...* Люди, увѣряющіе, что они посвящены въ тайны папскаго правительства, говорятъ, что это весьма тонкая политическая мѣра и что надписи на стеклахъ оставлены для того, чтобы показать непрочность господства французовъ.

«Были нѣкоторые комическіе эпизоды въ этомъ крестовомъ походѣ противъ французскихъ вывѣсокъ. Между прочимъ возникъ споръ по поводу одной вывѣски, на которой написано было слово *mercerie*, мелочной товаръ. Въ единственномъ числѣ это слово (*mercerie*) французское, во множественномъ (*merceries*) оно въ то же время и итальянское. Хозяинъ вывѣски увѣрялъ, что онъ продаетъ мелочныя товары (*merceries*), а начальство утверждало, что онъ продаетъ мелочной товаръ и потому долженъ писать по итальянски *merceria*. Не извѣстно, кто одержалъ верхъ въ этомъ спорѣ.

«Самымъ любопытнымъ, я сказалъ бы самымъ важнымъ приключеніемъ, еслибъ что нибудь важное могло быть въ Римѣ, было дѣ-

ло гостинницы Minerve. Эта гостинница служить мѣстомъ собранія легитимистовъ, реакціонеровъ, самыхъ ярыхъ приверженцевъ папы. Ея владѣлецъ былъ навѣщенъ, чтобъ онъ сообразовался съ отданнымъ по городу приказаніемъ, но онъ отказался отъ исполненія этого требованія, и тогда народъ сорвалъ у него вывѣску.

«...Публика въ этой мѣрѣ видитъ мысль о реакціи противъ Франціи. Ей дали случай обнаружить свое мнѣніе, и она воспользовалась имъ съ удовольствіемъ: это замѣчательный симптомъ.

«Одинъ господинъ, непремѣнно желавшій пропикнуть въ сущность дѣла и узнать причину такой необыкновенной мѣры, вызвавшей улыбку въ римскомъ народѣ и возбуждившей неудовольствіе между французами, обратился въ высшихъ правительственныхъ сообразахъ къ одному изъ руководителей папской политики.

«Вотъ слово въ слово, если только меня извѣстили вѣрно,—а я думаю, что такъ,—вотъ слово въ слово отвѣтъ, данный этому господину тономъ глубокомысленнымъ и съ улыбкою:

«Франція имѣетъ страсть вмѣшиваться во все; она принуждаетъ насъ или совѣтуетъ намъ измѣнять наши законы и нашу конституцію. Недавно еще она потребовала гласности судебныхъ преній. Мы ей уступили, но мы найдемъ средство дать ей въ этомъ отношеніи урокъ. Тогда обнаружится, какое значеніе имѣетъ эта мнимая побѣда, эта гарантія, дѣлаемая въ пользу обвиненныхъ. Франція желала, чтобъ указъ былъ примѣненъ въ городу, мы его и примѣнили, и теперь первое дѣйствіе города направлено именно противъ Франціи.

«Пойметъ ли она, наконецъ, что ей нечего вмѣшиваться въ нашу внутреннюю администрацію и что мы желаемъ быть хозяевами у себя дома?

«— Браво, monseigneur! Самъ Макиавель не поступилъ бы лучше, отвѣчалъ собесѣдникъ.

«— Но сдѣлалъ ли бы онъ столько же? возразилъ monseigneur, съ своей тонкой улыбкой.»

Вслѣдствіе интригъ клерикальной партіи, Бельгія въ настоящее время представляетъ зрѣлище самой горячей избирательной борьбы. Объ партіи, буржуазіи и духовенства, до сихъ поръ взаимно уравновѣшивались въ палатѣ; министерскіе буржуа имѣли нѣкоторый пере-

вѣсъ надъ своими противниками и вотировали всѣ за одно. Пользуясь увеличеніемъ народонаселенія, они хотѣли устроить выборы, которые бы увеличили ихъ число двумя или тремя членами. Но католики устранили себя отъ подачи голосовъ, и такимъ образомъ лишили палату возможности имѣть такое число членовъ, какое по закону необходимо для принятія какихъ бы то ни было рѣшеній. Вслѣдствіе этого Бельгія, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, была вычеркнута изъ числа конституціонныхъ государствъ. Члены партіи буржуазіи были возмущены до крайности. Одинъ, смертельно больной, велѣлъ себя перевести въ Брюссель; другой нарочно возвратился изъ Тироля, гдѣ онъ пользовался водами противъ каменной болѣзни. Но ихъ усердіе было напрасно. Едва они прибыли, смертельно больной скончался, и палата все-таки осталась безъ необходимаго числа членовъ. Министерству оставалось одно: распустить палату и обратиться къ народу съ требованіемъ новыхъ выборовъ. Король Леопольдъ, видя, что дѣло выходитъ горячее, уѣхалъ на воды въ Виши, чтобы показать, что онъ не желаетъ имѣть вліянія на рѣшеніе этой борьбы. Бельгія нашла этотъ поступокъ весьма любезнымъ съ его стороны.

Между тѣмъ, какъ король Леопольдъ отдыхалъ отъ своихъ королевскихъ трудовъ, его зять Максимилианъ сѣлъ на престолъ Монтезумы. Если вѣрить Монитеру, то мексиканцы, при видѣ своего новаго императора и своей прелестной императрицы, не знали предѣловъ своему энтузіазму. Это, по замѣчанію официального журнала, было болѣе, чѣмъ энтузіазмъ, это былъ неистовый восторгъ. Мало того, что на императорскую чету бросались цвѣты; ее осыпали золотою пылью. И императоръ, и императрица вошли во дворецъ совершенно желтыми. Конечно, можно сказать, что эта пыль была очень кстатя, такъ какъ торжественный пріемъ императорскихъ особъ стоилъ много денегъ несчастному мексиканскому бюджету: нужно было для этого обратиться къ капиталисту Баррону, который и со-благоволить дать въ займы 400,000 піастровъ, съ условіемъ получить за нихъ 800,000. Не онъ бросалъ золотую пыль на Максимилиана, триумфатора.

Но въ чемъ заключается причина этого неистоваго восторга народа? Patrie благоволилъ объяснить ее намъ: «Индійцы Мексики, говоритъ журналъ, — видятъ въ появленіи императора Максимилиана осуществленіе одного древняго пророчества. По этому пророчеству,

переходившему со времени покорения этой страны отъ отца къ сыну, изъ одного поколѣнія въ другое, въ Мексикѣ въ одинъ прекрасный день явится молодой человѣкъ, съ бѣлокурой бородой и голубыми глазами, подъ управленіемъ котораго ихъ племя снова возвратится къ прежнему своему могуществу.»

Какъ бы то ни было, молодой человѣкъ, съ бѣлокурой бородой и голубыми глазами, по видимому, находится въ тревожномъ состояніи. Если вѣрить извѣстію, помѣщенному въ *Independance Belge*, то онъ въ одномъ письмѣ усердно просилъ своего тестя не оставить его совѣтамъ. Мало того, онъ писалъ къ своему врагу Хуаресу, умоляя его принять важную должность въ новой имперіи. Но Хуаресъ притворился непонимающимъ этого предложенія. Подобно своимъ лейтенантамъ Урапа и Добладо, онъ отказался поставить свое имя рядомъ съ именами «тѣхъ, которые измѣнили своей присягѣ, своему слову или своему обѣщанію, которые выдали свою партію и продали свои принципы, и которые такимъ образомъ отступились отъ всего, что дорого для честнаго человѣка.»

Что касается самоволія военныхъ людей, покорившихъ Мексику, то оно можетъ сравниться только съ деспотизмомъ духовенства, которому подчинена страна. Въ Мексикѣ монахи изгнали изъ церкви дамъ, пришедшихъ въ шляпкахъ. Въ Нуеблѣ генералъ Бренкуръ включилъ въ иностранный легіонъ всѣхъ молодыхъ людей, носившихъ красный галстукъ. А «*Constitutionnel*» восхищается удивительнымъ тактомъ, который выказывается французскимъ сатрапомъ въ отношенія къ мексиканцамъ.

Перейдемъ къ Америкѣ, которая, не смотря на войну, представляетъ намъ утѣшительное зрѣлище. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы увѣрены, что справедливость восторжествуетъ.

Въ Мариландѣ и Пенсильваніи люди боязливые были въ сильномъ безпокойствѣ. Въ одинъ прекрасный день распространился слухъ, что стрѣлки южной конфедераціи показались на берегахъ Потомака, а потомъ, что нѣсколько тысячъ людей перешли черезъ эту рѣку и проходить черезъ страну, отыскивая для себя добычу. Какъ велико число непріятелей? Утромъ фермеры, которые бѣжали, распространяя ужасъ, говорили о пяти тысячахъ солдатъ, а вечеромъ число это удесятилось. Сначала думали, что пришли только *гериллеры* Моз-

бая, потомъ говорили о появленіи всего корпуса Эвела, за тѣмъ о вторженіи корпуса Бреккенриджа; наконецъ увѣрили, что явился самъ генералъ Ли со всею своею арміею и намѣренъ напасть на Вашингтонъ, очищенный отъ войскъ. Уже официальный Мониторъ Французской Имперіи съ крикомъ торжества объявлялъ, что паденіе федеральной столицы неизбежно. Стоустая молва увѣряла, что войска рабовладѣльцевъ обладаютъ способностью въ одно и то же время быть повсюду; и въ Гарперсферри, и въ Гаджерстоунѣ, и въ Фредерикѣ, и предъ Балтиморомъ, и въ виду Гарршбурга, и подъ укрѣпленіями Вашингтона. Одинъ журналистъ напалъ на счастливую мысль сложить всѣ числа, помѣщенные въ телеграфическихъ депешахъ, опредѣлявшихъ количество непріятельскихъ войскъ въ разныхъ пунктахъ Мариланда и Пенсильваніи. Судя по этимъ числамъ, которыя продиктованы были ужасомъ, непріятельская армія, вторгнувшаяся въ эту страну, простиралась до 350,000 человекъ.

Дѣло въ томъ, что отъ 6,500 до 7,000 человекъ, принадлежащихъ къ арміи рабовладѣльцевъ, перешли черезъ Потомакъ. Число это не велико, но ужасъ однихъ и злонамѣренность другихъ содѣйствовали къ его преувеличенію. Генералъ Зигель, черезъ-чуръ слабый для того, чтобы сопротивляться, заперся въ неприступныхъ укрѣпленіяхъ Mariland Heights и предоставилъ непріятелямъ производить грабежи въ окрестностяхъ. Генералъ Валласъ, во главѣ нѣсколькихъ полковъ милиціи, послѣ сраженія, продолжавшагося восемь часовъ, опрокинутъ былъ на мосту, ведущемъ черезъ Монюкаси, и въ продолженіе двухъ или трехъ дней, непріятельскія войска свободно похищали лошадей и разный другой скотъ, грабали фермы и сожигали сельскіе дома. Наконецъ, чтобы отвлечь всеобщее вниманіе федералитовъ отъ корпуса, которому поручено было опустошеніе страны, около 1,500 стрѣлковъ подошли къ Вашингтону и дѣлали видъ, будто намѣрены атаковать фортъ Стевенсъ. Между тѣмъ сецессионистскіе журналы съвера забили тревогу, а ихъ повѣренные въ Балтиморѣ и Филадельфій разрѣзали телеграфическія нити. Потомъ, когда весь этотъ фарсъ былъ разыгранъ, т. е. когда фургоны и добыча, ввезенныя на фермахъ, были переправлены на другую сторону Потомака, грабители, вступившіе въ Мариландъ пѣхотинцами, вышли оттуда кавалеристами и исчезли въ долину Шенандоа. Генеръ, пріѣхавшій по желѣзной дорогѣ съ однимъ корпусомъ арміи, преслѣдовалъ ихъ по пятамъ; онъ у нихъ въ одномъ мѣстѣ отнялъ 300 телѣгъ,

а въ другомъ 500 пѣхотныхъ; но главная часть непріятельскихъ войскъ безпрепятственно достигла Ричмонда, принося съ собою свѣжіе припасы для голоднаго гарнизона этого города.

Это вторженіе до того удалось войскамъ рабовладѣльцевъ, что недавно другая ихъ шайка проникла въ долину Кумберланда чрезъ плохо защищенный проходъ и начала грабить страну. Быть можетъ, они не будутъ имѣть такой же успѣхъ, какъ ихъ предшественники. Какъ бы то ни было, эти вторженія въ Мариландъ въ отношеніи военнаго значенія и стратегическаго *достоинства* весьма мало похожи на два великія вторженія, предпринятые въ 1862 — 1863 годахъ. Одно этого достаточно, чтобъ доказать, что спинный хребетъ конфедерации дѣйствительно сломанъ. Когда генералъ Ли, при содѣйствіи Стонвелла Джэксона, въ первый разъ проникъ въ Мариландъ, тогда армія Макъ Клеллана, разбитая въ нѣсколькихъ стычкахъ, поспѣшно отозвана была для защиты Вашингтона; силы хвастливаго Попе обращены были въ бѣгство при Центрвиллѣ и на Буль-Реннскомъ полѣ сраженія; народонаселеніе Мариланда отличалось сомнительною вѣрностью и войска рабовладѣльцевъ принимали видъ освободителей страны. При второмъ вторженіи, Ли явился уже не добрымъ спасителемъ, но юпитеремъ-громовержцемъ. Его армія, состоявшая изъ 120,000 человекъ, одержавшая побѣду при Чанселлорсвиллѣ, должна была уничтожить войска, столь часто униженные, начальство надъ которыми принялъ Мидъ, человекъ неизвѣстный. Въ то же время во всѣхъ значительныхъ городахъ сѣвера, въ Балтиморѣ, въ Вашингтонѣ, такъ же, какъ и въ Нью-Йоркѣ, должны были вспыхнуть мятежи. Полагали даже, что самъ Линкольнъ обратится въ бѣгство и что молчаливый господинъ, обитающій въ Тюльери, прекратитъ свое молчаніе съ тѣмъ, чтобы поздравить рабовладѣльцевъ съ побѣдою и обѣщать имъ въ помощь броненосныя суда. Но всѣ эти мечты исчезли, и третье вторженіе въ Мариландъ не болѣе, какъ жалкій грабительскій набѣгъ, предпринятый главѣйшимъ образомъ съ цѣлью доставить жизненные припасы для проголодавшейся арміи.

Если г. Джефферсонъ Девисъ, отдавая приказаніе произвести грабежъ въ Мариландѣ, надѣялся этимъ способомъ заставить генерала Грента снять осаду Питерсбурга, то видно онъ весьма плохо зналъ своего непріятеля. Этого суроваго воина не такъ легко отвлечь отъ его плановъ. Онъ спокойно продолжалъ свои осадныя работы, какъ

будто ничего не зная о томъ, что происходитъ въ Мариландѣ, и трогался съ мѣста только для того, чтобы приблизиться къ осажденному городу. Благодаря сильнымъ укрѣпленіямъ, защищающимъ теперь его позицію, одна часть его арміи сдѣлалась свободною, и онъ ею немедленно воспользовался для того, чтобы изгнать войска генерала Ли изъ цѣлаго ряда ретраншаментовъ, которые они занимали на сѣверномъ берегу рѣчки Джэмсъ. Впрочемъ, еслибъ генераль Грентъ долженъ былъ ограничиться сохраненіемъ своей позиціи въ Bermuda Hundred, то онъ этимъ самымъ мало по малу сдѣлалъ бы для рабовладѣльцевъ невозможнымъ сохраненіе ихъ столицы. Постепенно отдѣляемый отъ прочаго рабовладѣльческаго міра и отрѣзанный отъ сообщеній съ югомъ, городъ Ричмондъ все болѣе и болѣе входитъ въ составъ владѣній, принадлежащихъ Уніи. Уже многіе европейскіе рабовладѣльцы, рассуждая о будущности, замѣчаютъ съ видомъ знатоковъ, что Ричмондъ весьма плохой пунктъ для отчаянной защиты и что еслибъ мятежное правительство послѣдовало ихъ совѣтамъ, то оно послѣшило бы выйти оттуда и предоставить этотъ городъ Гренту, чтобы прихлопнуть его тамъ, какъ въ западнѣ.

Въ Георгіи, другомъ фокусѣ этого огромнаго эллипсиса, образующаго территорію конфедераціи, также, по замѣчанію нѣкоторыхъ тонкихъ людей, принадлежащихъ къ мятежной сторонѣ, дѣло шло о томъ, чтобы завлечь Шермана въ западню и однимъ ударомъ покорить всю его армію. Если такова была цѣль сепаратистскаго генерала Джонстона, то надо сознаться, онъ не имѣлъ достаточно таланта для приведенія ея въ исполненіе. Шерманъ все болѣе и болѣе приближался къ западнѣ, но онъ не только не далъ себя поймать, а напротивъ самъ поймалъ непріятельскіе отряды, разрушилъ желѣзные дороги и овладѣлъ городами и заводами сепаратистовъ. Полагали, что онъ обратится вспять послѣ минутной неудачи, испытанной имъ при укрѣпленіяхъ Кенисо-Моунтентъ; но ничуть не бывало. Однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ и увертливыхъ движеній, которыя доставили этому генералу названіе *ужа*, подобно тому, какъ косвенные марши заставили прозвать Грента *ракомъ*, — однимъ изъ этихъ быстрыхъ движеній федеральная армія Георгіи внезапно обошла крѣпкія позиціи Джонстона и принудила его удалиться. Тогда Джонстонъ укрѣпился

за рѣкою Читтагучи, въ которой примыгали еяныя окопы на протяженіи двѣнадцати километровъ. Но Шерманъ быстро обратился на лѣво, перешелъ черезъ рѣку въ такое мѣстѣ, гдѣ она нигѣмъ не защищена, и внезапно явился въ тылу Джонстона, который поспѣшно удалился въ городъ Атланту.

Этотъ городъ, находящійся въ прелестной и очень плодородной долинѣ, — одинъ изъ самыхъ значительныхъ на югѣ. Онъ возникъ не далѣе какихъ нибудь пятнадцати лѣтъ, а между тѣмъ его народонаселеніе недавно простиралось почти до двадцати тысячъ жителей. Въ немъ сходятся четыре желѣзныя дороги, соединяющія его съ Мобилемъ, Саванною, Чарльстономъ и Ричмондомъ. Изъ всѣхъ городовъ конфедерациі, казалось, ни одинъ не былъ такъ безопасенъ отъ нападѣнія со стороны федераловъ, какъ городъ Атланта. Поэтому ричмондское правительство устроило въ немъ огромныя заводы для своихъ армій: оружейныя, литейныя и плуцильныя. Здѣсь-то изготовлены были желѣзныя доски *Мерримака Альбемарли* и всѣхъ другихъ броненосныхъ судовъ юга. Непрерывная ограда въ пятнадцать километровъ длиною окружаетъ Атланту; кромѣ того, отдѣльныя укрѣпленія возвышаются на полѣ, на одинаковомъ разстояніи одно отъ другаго.

Перешедши рѣку Читтагучи, генералъ Шерманъ немедленно устремился на желѣзныя дороги Аугусты и Масона, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать Джонстону отступленіе на востокъ, и отправилъ генерала Руссо на юго-западъ, съ порученіемъ разрушить желѣзную дорогу, ведущую въ Монгоммери и Мобиль. Когда это дѣло окончено было самымъ благополучнымъ образомъ, Шерманъ медленно направился къ Атлантѣ, приказывая изслѣдовать мѣстность, находящуюся впереди. Онъ поступилъ очень хорошо; генералъ Джонстонъ лишился должности, какъ человѣкъ неспособный, и его замѣнилъ генералъ Гудъ. Послѣдній, едва занявъ свое мѣсто, немедленно выстроилъ свои войска въ колонны для атаки и съ яростью напалъ на федераловъ, которые только что успѣли укрѣпиться для отбоя непріятели. Но армія рабовладѣльцевъ, разбитая на голову, оставила своихъ двѣ тысячи человѣкъ на полѣ сраженія и преслѣдовалась до самой ограды, окружающей городъ. На другой день войска южной конфедерациі возобновили атаку еще съ большею яростью, чѣмъ въ первый. Молодой генералъ Макъ Персонъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ людей уни, упалъ, пораженный пулею; но его солдаты пошли въ бой, повторяя другъ другу: «*Memor der Mac Pherson*», помни Макъ Персона! Они

прогнали страшное опустошеніе въ рядахъ непріателя, заставили его обратиться въ бѣгство и проникли въ одно изъ предмѣстій города. Суда по послѣднимъ извѣстіямъ, Шерманъ очень близокъ къ занятію Атланты, этого южнаго Ричмонда. Попавъ однажды въ эту западню, онъ, по всей вѣроятности, превратитъ ее въ такой же обширный плацъ-дармъ, каковымъ служитъ Чаттаного по другой сторонѣ Аппалахскихъ горъ, и оттуда въ состояніи будетъ угрожать, по своему усмотрѣнію, любому изъ значительныхъ городовъ юга, Мобилю, Саваннѣ, Чарльстону. Кромѣ того, область, въ которую онъ проникъ, еще не была опустошена подобно Теннесси, Арканзасу, Виргиніи. Онъ поэтому въ состояніи будетъ въ ней существовать безъ труда.

Какова бы ни была въ настоящее время участь Атланты и ея окрестностей, можно почти съ достовѣрностью сказать, что армія Шермана не будетъ компрометирована. Его линіи сообщенія съ Чаттаногою и Нашвилемъ остались неприкосновенными, и генераль Форрестъ, долженствовавшій атаковать федеральнаго генерала съ тыла, самъ напротивъ подвергся цѣлому ряду пораженій, которыя дѣлаютъ его въ настоящую минуту не слишкомъ страшнымъ. Убійства, произведенныя въ укрѣпленіи Пилло, приносятъ несчастіе этому жестокому человѣку, который пересталъ быть продавцемъ негровъ только для того, чтобы сдѣлаться въ отношеніи къ нимъ живодеромъ. Принявъ имя «мстителей форта Пилло», негры федеральной арміи образовали изъ себя роты, никогда не просящія и никому не дающія пощады. Они, эти несчастные африканцы, находившіеся въ презрѣніи у своихъ господъ, теперь сдѣлались самыми страшными солдатами Уніи, на которыхъ плантаторы, все еще вооруженные кнутомъ и бичемъ, смотрятъ съ наибольшимъ ужасомъ. Благодаря рѣшенію конгресса, которымъ дозволяется каждому штату вербовать солдатъ, бѣлыхъ и черныхъ, въ мятежныхъ штатахъ юга, можно полагать, что въ федеральной арміи вскорѣ значительно увеличится число солдатъ африканскаго происхожденія. Имъ-то, быть можетъ, предоставлена слава въ одинъ прекрасный день нанести послѣдній ударъ рабовладѣльческой имперіи плантаторовъ.

Предвидя близкій конецъ конфедераціи, нѣсколько людей юга робко сдѣлали нѣкоторыя предложенія мира. Въ числѣ этихъ дипломатовъ находится одинъ интригантъ, по имени Соундерсъ, который долгое время старался играть въ отношеніи къ европейскимъ республикамъ такую же роль, какую играли Слайделъ и Мэзонъ въ

отношеніи къ государямъ. Онъ, не имѣвъ успѣха въ своемъ посланіи, теперь пускается въ отчаянное предпріятіе и намѣренъ перехитрить хитрыхъ янки. Но президентъ Линкольнъ не далъ себя оудрочить во время продолжительныхъ тайственныхъ преній съ этими господами. Онъ довольствовался тѣмъ, что въ почтанной депешѣ объявилъ для свѣденія всѣхъ, кого интересуеъ это дѣло, «что онъ вступитъ въ открытыя переговоры о мирѣ, когда всѣ мятежныя войдутъ въ составъ Уніи и когда вездѣ осуществлена будетъ эмансипація невольниковъ». Таковъ былъ конецъ этой забавной интриги: Если рабовладѣльцы думали этимъ маневромъ сдѣлать президента Линкольна непопулярнымъ, распространяя мнѣніе, что его укорный аболіціонизмъ служитъ единственнымъ препятствіемъ къ заключенію мира, то онъ крайне ошиблся. Общественное мнѣніе одобрило выраженія президентскаго письма и скрѣпило клятву, недавно данную «старымъ Авраамомъ» въ отношеніи къ защитѣ черной расы.

Впрочемъ, одинъ фактъ становится теперь весьма очевиднымъ, а именно близкое истощеніе сепаратистовъ отъ недостатка людей, провіантис и денегъ. Приведемъ для подтвержденія этого нѣкоторыя неопровержимыя числовыя данныя:

Народонаселеніе отдѣлившихся штатовъ простирается приблизительно до 7 милліоновъ людей, изъ которыхъ 4 милліона бѣлыхъ жителей и 3 милліона черныхъ невольниковъ. Если исключить изъ этого числа женщинъ, старцевъ, дѣтей, несовершеннолѣтнихъ юношей, больныхъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые негодны для военной службы, то мы найдемъ, что не болѣе десятой части всего населенія въ состояніи вступить въ ряды арміи. Положимъ вмѣсто 10 процентовъ 12, т. е. на 4 м. бѣлыхъ жит. 480,000 челов.

Прибавимъ къ этой арміи весьма щедро 4 процента изъ 4 милліоновъ бѣлыхъ, живущихъ въ штатахъ, которые остались вѣрными Уніи или которые покорены ею вновь съ самаго начала войны, всего 160,000 »

Причислимъ сюда также молодыхъ людей, достигшихъ совершеннолѣтія въ продолженіи трехлѣтней войны 90,000 »

Итого получимъ людей, которые могли бы вступить въ ряды арміи рабовладѣльцевъ, . 730,000 »

Но въ-этого числа сколько убитыхъ, сколько искалченныхъ, сколько ввзятыхъ въ плѣнъ со времени атаки форта Семтера?

Возьмемъ напередъ плѣнныхъ, находящихся въ настоящее время во власти федераловъ, 90,000 челов.

Что касается до потери сепаратистовъ убитыми и ранеными, то можно смѣло полагать, что она ежегодно простирается до 100,000 ч. и того въ продолженіи трехлѣтней войны, 300,000 »

Настоящій походъ, въ продолженіе котораго происходило столько страшныхъ сраженій; начавъ отъ Вильдернесса до Питерсбурга и отъ Чаттапоги до Атланты, стоилъ рабовладѣльческимъ штатамъ, безъ всякаго сомнѣнія, 100,000 »

Число надсмотрщиковъ за неграми, рабочихъ на правительственныхъ заводахъ и разныхъ должностныхъ лицъ составляетъ не менѣе 60,000 »

Итого 550,000 »

Такимъ образомъ въ арміи и госпиталяхъ рабовладѣльцевъ остаются всего 180,000 челов.

Кѣмъ замѣнить cadaго изъ этихъ солдатъ, когда онъ падаетъ, пораженный пулею, или умираетъ отравленный миазмами въ походномъ госпиталѣ или на берегу какого нибудь болота? Когда 7,000 изъ нихъ падаютъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, какъ это недавно случилось при Атлантѣ, какъ воскресить ихъ съ тѣмъ, чтобы дать отпоръ безпрестанно возрастающей федеральной арміи? Вотъ простой арифметической вопросъ. На югѣ число людей, способныхъ носить оружіе, безпрестанно уменьшается; на сѣверѣ оно безпрестанно увеличивается вслѣдствіе прибытія новыхъ переселенцевъ и вслѣдствіе перевѣса числа рождающихся надъ числомъ умирающихъ. Ежедневно отъ 300 до 400,000 человекъ, годныхъ къ войнѣ, присоединяется къ народонаселенію свободныхъ штатовъ.

Что касается финансовъ, то относительное положеніе обѣихъ партій американской республики, непріязненныхъ одна другой, представляетъ почти такой же контрастъ. Правда, министру финансовъ Фессендену, преемнику господина Чеза, приходится такъ много работать: онъ долженъ каждый день находить въ своей кассѣ отъ 12 до 15 милліоновъ франковъ для продолженія войны. Но эту огромную массу денегъ онъ всегда находитъ, и когда банкиры предлагаютъ ему

невыгодныя условія, то онъ обращается прямо къ народу. Въ настоящее время онъ требуетъ отъ націи не менѣе одного миллиарда, предлагая заемные билеты, цѣною отъ 250 до 25,000 франковъ каждый, и подписка на этотъ народный заемъ идетъ быстро. Впрочемъ, государственные доходы отъ налоговъ увеличиваются съ каждымъ годомъ въ весьма сильной пропорціи и служатъ гарантіею въ уплатѣ займовъ. До войны эти доходы простирались всего до 300 милліоновъ, потомъ они постепенно возвысились сперва до 600, а потомъ до 800 милліоновъ: въ этомъ году они, по всей вѣроятности, достигнуть 1,800 милліоновъ.

Налоги такого же свойства, вотированные въ сепаратистскихъ штатахъ, дали въ прошломъ году всего 15 милліоновъ, а въ этомъ они, безъ всякаго сомнѣнія, дадутъ еще менѣе, такъ какъ страна все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Не смотря на просьбы господина Меммингера, секретаря финансовъ, ричмондскій конгрессъ разошелся, не вотировавъ финансовыхъ мѣръ, которыя заранѣе были признаны бесполезными. Съ давнихъ поръ солдаты и гражданскія должностныя лица не получаютъ никакого жалованья, но надо замѣтить, что, по увѣренію господина Меммингера, уплата не производится единственно потому, что конторщики, необходимые для распределенія и отправленія ассигнацій, поступили въ армію.

Такимъ образомъ, мы можемъ съ достовѣрностью повторить, что конецъ войны приближается и что миръ доставитъ намъ уничтоженіе невольничества, упроченіе республиканскихъ льготъ Америки и множество другихъ благъ. Замѣчательно, что въ дѣлѣ прогресса всѣ явленія солидарны между собою. Эта война, которая, какъ увѣряли насъ, должна была придать націи военный характеръ и превратить народъ, состоящій изъ работниковъ, въ толпу солдатъ, произвела, напротивъ, несомнѣнный переворотъ въ пользу рабочаго класса. Въмѣсто того, чтобы избрать въ президенты какогонибудь война побѣдителя, увѣнчаннаго славой, американскіе избиратели намѣрены въ будущемъ сентябрѣ подать свои голоса въ пользу Линкольна, «старога лѣсопилищика», и въ пользу портнаго Андрию Джонстона. Ужь не гораздо ли согласнѣе съ достоинствомъ ихъ было бы вручить первую государственную должность какомунибудь старцу, украшенному золотыми галунами на всѣхъ швахъ, какомунибудь плантатору, который часто имѣлъ случай примѣнять командорскій вунтъ къ спицѣ негра?!

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Окончаніе двадцатилѣтней привилегіи Россійско-американской компаніи.—Обзоръ шестидесятилѣтней дѣятельности ея.—Занятіе алеутскихъ острововъ.—Подвиги Шелехова.—Привилегіи и монополія компаніи.—Управленіе ея надъ туземцами.—Вліяніе компанейской администраціи на характеръ и образъ жизни алеутовъ.—Чѣмъ были они прежде и что такое теперь.—Общинное владѣніе алеутовъ, въ экономическомъ и въ семейномъ быту.—Уставъ компаніи.—Положенія алеутовъ въ административномъ и торговомъ отношеніи.—Снабженіе алеутовъ необходимыми предметами продовольствія, и дѣны этихъ предметовъ.—Хлѣбъ по уставу компаніи отнесенъ къ предметамъ роскоши.—Уменьшеніе населенія и пушныхъ звѣрей.—Вѣроятность будущей судьбы этого края.

Перваго января 1862 года окончился послѣдній двадцатилѣтній срокъ привилегій Россійско-Американской компаніи. Обстоятельство это побудило къ изысканію новыхъ мѣръ для лучшаго устройства сѣверо-американскихъ колоній. Составленъ былъ «комитетъ объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній», комитетъ отправилъ въ колоніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Костливцова и капитана 2-го ранга Головина для собранія на самомъ мѣстѣ нужныхъ свѣденій; компанія съ своей стороны представила комитету нѣкоторыя данныя, «изъ всѣхъ этихъ свѣденій составилось два огромныхъ печатныхъ тома подъ заглавіемъ: «Докладъ комитета объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній. Спб. 1864 г. «Нѣкоторая неполнота свѣденій,

закрывающихся въ этомъ отчетѣ, односторонность выводовъ и мнѣній, обуславливались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ собиратели свѣденій старались выяснитъ только ту мысль, какъ сѣверо-американская компанія воспользовалась привилегіями, данными ей правительствомъ, и въ какой мѣрѣ выполнила обязательства свои въ отношеніи къ правительству. Но очевидно, что существенная сторона вопроса заключается вовсе не въ томъ, на сколько компанія выполнила свои обязательства въ отношеніи къ правительству, обязательства, опредѣленные чрезвычайно неточно старымъ уставомъ и дающія полную свободу компаніи руководствоваться однимъ собственнымъ, безконтрольнымъ произволомъ; но главное дѣло въ томъ, на сколько дѣйствіи компаніи были благоразумны и честны въ отношеніи къ самимъ колоніямъ и туземнымъ жителямъ и на сколько подобная дѣятельность необходима въ цѣляхъ и выгодахъ русскаго общества. Вотъ почему, имѣя въ виду сказанную цѣль, мы находимъ совершенно своевременнымъ представить обзоръ слишкомъ шестидесятилѣтней дѣятельности сѣверо-американской компаніи и тѣхъ результатовъ, какими сопровождалась эта дѣятельность. (См. «Историческое обозрѣніе Россійско-Американской компаніи» Тихменева 2 т. 1863—64 г. «Докладъ комитета объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній» 2 т. 1863—64 г., «Отчеты» Костлявцова и Голована, «Записки объ островахъ уналашкинскаго отдѣла» Веніамина, «Путевыя письма» Н. Головина Морск. Сбор. 1863 г. кн. 5 и 6. «Очерки» 1863 г. № № 58 и 59 и др.)

Первыя положительныя свѣденія о плаваніи русскихъ въ полярной части Тихаго океана, собственно для пушнаго промысла, относятся къ половинѣ прошедшаго столѣтія. Предпринимались эти экспедиціи преимущественно сибирскими купцами, которые дѣйствовали то отдѣльно, то складочными компаніями, и набирали людей изъ сибирскихъ и часто далеко не безукоризненнаго поведенія промышленниковъ, которые брались служить не за опредѣленное жалованье, а изъ половинной доли промысла, т. е. одна половина всей добычи обращалась въ пользу хозяина, а другую дѣлили между собою промышленники. Такихъ промысловыхъ партій или ватагъ извѣстно болѣе сорока. Имѣются также приблизительныя свѣденія о родѣ и количествѣ пушныхъ промысловъ, вывезенныхъ различными частными

промышленниками изъ Северо-Восточной Америки: цѣнность ихъ съ 1745 до 1798 г. составляла сумму, превышающую 7,000,000 р. сѣр. (Хронол. Ист. открытія Алеутскихъ острововъ, Берга).

Предпріятія эти первоначально имѣли характеръ исключительно временныхъ экспедицій. Промысловыя партіи высаживались на берега острововъ или материка: устроивши тамъ на-скоро жилища и укрѣпленія, они частію сами промышленяли звѣрей, частію же вымѣнивали, а иногда и сѣлою отнимали пушной товаръ у туземныхъ жителей. Собравъ такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ достаточную добычу, промышленники бросали свои заведенія и возвращались въ Охотскъ. Эти промышленныя партіи занимали берега и воды, и дѣйствовали всегда во имя русскаго правительства, ставили вездѣ доски или знаки съ изображеніемъ креста и съ словами: «земля русскаго владѣнія». Главнымъ мѣстомъ дѣйствія промышленныхъ компаній были Алеутскіе острова. Жители этихъ острововъ первоначально жили мирно съ русскими промышленниками, пока тѣ не стали притѣснять ихъ и истреблять безъ всякаго сожалѣнія. Выведенныя изъ терпѣнія насиліями русскихъ, уналашкинскіе и умнакскіе алеуты въ одну зиму истребили три промышленныхъ судна и стали уже непріязненно встрѣчать приплывавшихъ на ихъ острова промышленниковъ. Послѣдніе же, подъ предлогомъ покоренія алеутовъ русскому владычеству и отищенія за смерть своихъ товарищей, начали истреблять ихъ безъ всякаго милосердія. Веніаминовъ, въ запискахъ своихъ объ уналашкинскомъ отдѣлѣ (Часть 2, стр. 187—194), рассказываетъ о неистовствахъ русскихъ множество самыхъ возмутительныхъ фактовъ: «Готовъ, пришедъ изъ Кадьяка на прежде открытый имъ островъ Умнакъ, вмѣсто дружбы и пріязни, съ какими онъ разстался съ умнакцами, принесъ имъ мечъ и огонь. Онъ, сколько подъ предлогомъ отищенія за смерть соотечественниковъ своихъ, столько и за непокорность *истребилъ почти безъ остатка всю селенія*, бывшія на южной сторонѣ Умнака и жителей острововъ Самалги и Четырехсоточныхъ. Соловьевъ, прибывшій изъ Камчатки на Уналашку и остановившійся на якорѣ въ Котичинскомъ заливѣ, особенно жестоко поступалъ съ бѣдными алеутами, тоже подъ предлогомъ отищенія за смерть дружиннаго судна. Натрубинъ, товарищъ Соловьева и достойный клеветъ его, губилъ алеутовъ на Аватанакѣ *безоружныхъ и часто совершенно без-*

винныхъ. Вновь приходящіе русскіе съ 1770—1790 г., видя примѣры, какъ ихъ предшественники поступали съ островитянами, также позволяли себѣ иногда крайнія жестокости, особенно промышленные Очерединой и Полутовской компаніи.»

Особеннымъ геройствомъ въ этомъ случаѣ отличался промышленникъ Соловьевъ, который истребилъ болѣе 5,000 алеутовъ и убивалъ ихъ часто изъ одной только потѣхи. Однажды, напримѣръ, ему пришло въ голову испытать: *въ которомъ изъ поставленныхъ въ линію двѣнадцати человекъ остановится пуля?* Онъ велѣлъ связать вмѣстѣ двѣнадцать алеутовъ и выстрѣлилъ въ нихъ: *пуля остановилась въ девятомъ.* Въ другой разъ, желая чѣмъ нибудь развлечься, Соловьевъ согналъ въ одно укрѣпленное жилище 200 алеутовъ и взорвалъ ихъ на воздухъ. Товарищъ и другъ Соловьева, Натрубинъ губилъ алеутовъ безъ милости, ни въ чемъ не виноватыхъ и совершенно безоружныхъ. Другіе промышленники поступали не лучше, они были туземцевъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ бобръ. Илья Лазаревъ кидалъ туземцевъ съ утеса, рѣзалъ ножомъ, убивалъ обухомъ топора за то только, что кто нибудь изъ нихъ посмотрѣлъ на его любовницу. Случалось, что промышленникъ распарывалъ брюхо своей наложницѣ-алеуткѣ, *если та безъ его позволенія съела кусокъ китовины.* Иногда промышленники выкапывали яму, ставили надъ нею алеутовъ и ударами толстыхъ палокъ сваливали ихъ за-мертво одного за другимъ въ эту яму. Много гибло алеутовъ отъ подобнаго варварства промышленниковъ, но еще болѣе гибло ихъ, когда русскіе ходили «смирять туземцевъ.» Такъ одна изъ такихъ партій съ подобною цѣлью отправилась на островъ Умнакъ. Подойдя тайкомъ къ первому селенію, русскіе напали на него врассплахъ и перебили всѣхъ жителей, безоружныхъ и не ждавшихъ нападенія; та же участь постигла два слѣдующія селенія. Подходя къ четвертому селенію русскіе, промокли отъ дождя и продрогли. Алеуты, еще ничего не знавшіе объ истребленіи ихъ сродниковъ, радушно приняли русскихъ, обогрѣли ихъ и угостили. Но обсушившись и подкрѣпивши свои силы, промышленники напали на хозяевъ и перебили всѣхъ жителей безъ остатка.

Правительство, не знавшее о злоупотребленіяхъ, совершаемыхъ промышленниками, награждало ихъ различными льготами и привилегіями:

Награды сыпались на промышленниковъ «за вѣсть ихъ къ добру общества подвиги и благонамѣренныя дѣянія». Такъ между прочимъ 2 марта 1766 года послѣдовалъ слѣдующаго рода указъ Екатерины II на имя сибирскаго губернатора Чиренина: «Денисъ Ивановичъ, реляцію вашу о сысканіи и приведеніи мнѣ въ подданство неизвѣстныхъ до-нынѣ шести алеутскихъ острововъ, такъ какъ и копію съ рапорта отъ казака Васютинскаго читала я съ удовольствіемъ, и сіе приобрѣтеніе мнѣ весьма пріятно; жаль только, что обстоятельное всему описаніе и жителямъ переписныя книги пропали. Что вы купцу Толстымъ обѣщали пожалованныя отъ меня преждевышедшимъ изъ такого морскаго вояжа компаніямъ привилегіи и выдѣленную у него изъ собраннаго съ оныхъ острововъ ясака десятую часть ему возвратитъ, оное я опробую, и прикажите то самымъ дѣломъ исполнить, такъ же казаковъ Васютинскаго и Лазарева для поощренія ихъ произвести въ тамошнія дворяне. Дай Богъ, чтобы они и предприемлемый ими нынѣшнею весною вояжъ окончили благополучно и съ добрыми успѣхами» ...

Къ этому времени относится дѣятельность рыльскаго почетнаго гражданина Шелехова, который составилъ компанію съ двумя Голиковыми съ капиталомъ въ 70,000 руб., съ цѣлью построить два или три судна и отправить ихъ на «Аляксинскую землю, называемую Американскою, на знаемые и незнаемые острова, для производства пушнаго промысла и всякихъ поисковъ и заведенія добровольнаго торгоу съ туземцами.» Это желаніе завести съ туземцами добровольный торгъ Шелеховъ надѣялся осуществить при помощи 130 человѣкъ команды и пяти пушекъ, съ которыми онъ высадился на островъ Кадьякъ и немедленно разбилъ 400 человѣкъ туземныхъ жителей. Основавши на Кадьякѣ поселенія и сдѣлавши кой-какія географическія изслѣдованія, Шелеховъ возвратился въ Иркутскъ и представилъ генералъ-губернатору Якоби краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ. Подвиги свои онъ преувеличилъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти: такъ, напримѣръ, въ первой стычкѣ онъ разбилъ четыреста человѣкъ, въ числѣ которыхъ были и женщины, а въ рапортѣ онъ увѣрялъ, что имъ разбито 4,000 человѣкъ, а 1,000 взято въ плѣнъ (Тих. стр. 8). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доносилъ, что въ одну зиму обратилъ множество туземцевъ къ христіанству и до того убѣдилъ ихъ въ благодати и мудрости государыни, что они «страхъ, какъ Ея

Величество помобилии. Въ заключеніе Шелеховъ ухитрился ввернуть такого рода ловкую фразу, что «безъ монаршаго благоволенія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой, поелику и по дѣлу сему припалъ и приступлю единственно съ тѣмъ, чтобы въ означенномъ морѣ земляхъ и островахъ сдѣлать собою обовѣрніе и угодыямъ оныхъ учинить замѣчанія, а въ пристойныхъ мѣстахъ въ отвращеніе другихъ державъ расположить надежнѣйшія наши, служація къ славіи премудрой нашей государыни, въ пользу свою и нашихъ соотечественниковъ, ванятія». (Тихм. 15).

Губернаторъ Якоби, въ донесеніи своемъ Императрицѣ Екатеринѣ II о геройскихъ подвигахъ Шелехова и усердіи его «ради Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса», высказавалъ мысль о необходимости наградить эти подвиги и усердіе правомъ на *исключительное* производство цущнаго прожысла, чрезъ что «вѣрноподавническое усердіе его, одобренное милостію Ея Величества, заставитъ усугубить стараніе къ образованію сихъ народовъ». Коммерцъ-Коллегія въ свою очередь представила свое мнѣніе о необходимости поддержать предпріятіе, «объщающее въ будущемъ столь значительную пользу, ссудою отъ казны двухъ сотъ тысячъ рублей на 20 лѣтъ безъ процентовъ, съ возвращеніемъ капитала по частямъ». Но Екатерина не согласилась ни на одно изъ этихъ предложеній, а наградила только Шелехова и Голыкова золотыми медалями и похвальными листами «*съ изображеніемъ въспъ ихъ къ добру общества подвиговъ и благонамѣренныхъ дѣтаній*».

По смерти Шелехова купецъ Мыльничковъ соединился съ его компаніей, и составилъ оособенное товарищество для производства промысла: капиталъ компаніи былъ увеличенъ до 724,000 руб. и раздѣленъ на 724 акціи, по 1,000 руб. каждая. Дѣятельность этой новой, соединенной компаніи, была такъ же неудовлетворительна, какъ и дѣятельность прежнихъ промысловыхъ партій. Главное зло заключалось въ крайне небрежномъ составѣ дѣятелей, которыхъ выбрали изъ людей самаго вредосудительнаго поведенія и разнаго рода преступниковъ. «Ни во что не ставя собственную живнъ», говорятъ Головинъ, «они тоже думали и о жизни другихъ, а бѣдныхъ алеутовъ считали едва ли лучше скотовъ, слѣдовательно страхъ наказанія въ будущей жизни, дѣйствующій иногда и надъ злодѣями, менѣе закоренѣлыми, не могъ производить надъ ними никакого впечат-

тѣнія, а гражданской расправы они не имѣли причины бояться; и потому-то, кромѣ грабежа, они часто дѣлали убійства, отнимали жемъ и дочерей и производили всякаго рода немщовства надъ бѣдными жителями. Кромѣ того нерѣдко случалось, что два отдѣленія промышленнхъ, принадлежа разнымъ компаніямъ, встрѣтившись на какомъ либо островѣ, гдѣ выгодные промыслы, начинали свиданіе свое ссорю, а оканчивали настоящимъ боемъ, при которомъ бывали убитые и раненые, и такіе законопротивные поступки оставались не только безъ наказанія, но даже изслѣдованія.» (См. Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній. Вып. I-й стр. 51 и 75). Кромѣ того, такъ какъ промышленники постунали на службу въ соединенную компанію на томъ же основаніи, какъ и къ прежнимъ хозяевамъ, т. е. не изъ опредѣленнаго жалованья, а изъ половинной доли въ добычѣ, то они главнымъ образомъ заботились только объ увеличеніи этой доли и самымъ безразсуднымъ образомъ истребляли цѣлыя породы звѣрей.

Императоръ Павелъ I-й какъ-то узналъ о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ. «Такия жестокости», говоритъ Головинъ, «возбудили гнѣвъ монарха, и онъ совѣтъ хотѣлъ уничтожить *промышленность, для имперіи и народа ничего не значущую.*» Но друзья и пріятели компаніи дали дѣлу совершенно иной ходъ, и Высочайшимъ манифестомъ отъ 8 го іюля 1799 года компаніи «позволялось пользоваться всѣми промыслами и заведеніями по берегу Америки, тако жъ на островахъ Курильскихъ, Алеутскихъ и другихъ, по сѣверо-восточному океану лежащихъ.» Въ пользу компаніи поступало все, «что на поверхности земли и въ недрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется.» Она получала право дѣлать открытія новыхъ земель и занимать ихъ, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможеніе отъ правительства и т. д. Въмѣстѣ съ тѣмъ запрещено пользоваться этими выгодами и преимуществами, «не токмо тѣмъ, кои бы сами собой мореплаваніе туда предпринять похотѣли, но и всѣмъ прежнимъ промышленникамъ.» Въ 1800 г. главное правленіе компаніи переведено въ Петербургъ, за десяти тысячь верстъ отъ своихъ колоній, чтобы удобнѣе управлять ими! Между тѣмъ правительство продолжало покровительствовать компаніи: въ 1801 году императоръ Александръ I-й внесъ въ ея

капиталъ 10,000 р., его примѣру послѣдовали императрица и наследникъ; въ 1802 г. велѣно выдать компаніи на восемь лѣтъ 250 т. р.; въ 1803 году—100 тысячъ; въ 1806 г. отложено на всегдашнее пособіе компаніи, по ея востребованію, 200,000 руб. По истеченіи двадцатилѣтнихъ привилегій компаніи, они слова были возобновляемы и увеличиваемы новыми льготами: туземные жители были отданы въ полное и безконтрольное распоряженіе компаніи. Каждый туземецъ отъ 18 до 55 лѣтъ обязанъ былъ явиться по первому востребованію на всякую работу, какую назначить ему компанія, онъ не имѣлъ права не только продавать, но даже *дарить* ничего изъ пушиаго продукта никому, кромѣ компаніи, не имѣлъ права покупать ничего въ другомъ мѣстѣ, кромѣ компанейскихъ складовъ. Даже изъ пищи туземецъ можетъ употреблять только ту, которую соблаговолятъ назначить ему компанія. Правительство перестало даже смотрѣть на компанію, какъ на чисто коммерческое предпріятіе, а какъ на учрежденіе правительственное. Въ мѣстнн государственнаго совѣта 1841 г. сказано: «такъ какъ правительство, сверхъ торговой и промышленной монополіи, удѣлило компаніи часть своей власти по управленію отдаленнымъ и пустыннымъ краемъ, гдѣ лежитъ теперь на ней и на собственныхъ ея средствахъ вся мѣстная администрація; то компанія не есть уже одно коммерческое сословіе, но нѣкоторымъ образомъ и власть правительственная.»

Такимъ образомъ, привилегіи, дарованныя правительствомъ Американской компаніи такъ громадны, что мы имѣемъ полное право требовать самыхъ счастливыхъ результатовъ отъ дѣятельности компаніи въ отношеніи къ туземцамъ, отданнымъ въ ихъ полное распоряженіе. Къ какимъ дѣйствительно результатамъ привела дѣятельность компаніи, въ какой мѣрѣ она выполнила свои обязательства въ отношеніи къ туземцамъ, — рѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе необходимо, что компанію очень часто упрекаютъ въ насиліи и крайнихъ злоупотребленіяхъ по управленію туземцами, такъ что племя алеутовъ начинаетъ исчезать, и островамъ угрожаетъ опасность остаться совершенно безлюдными. И дѣйствительно, изъ историческаго обзоренія образованія русскаго-американскихъ колоній, составленнаго Тихменевымъ видно, что по переписи, произведенной въ теченіи зимы 1795 — 1796 года лично самимъ Барановымъ,

первымъ главнымъ правителемъ колоній, обаялось жителей на островѣ Кадьякѣ 6,206 душъ обоого пола; по колоніальнымъ же отчетамъ 1-го января 1849 года считалось уже тамъ всего 3,252 души, а по свѣденіямъ, полученнымъ въ колоніяхъ Костливцовымъ въ 1861 г., во всемъ Кадьякскомъ отдѣлѣ считается 2,148 душъ алеутовъ и 874 креоловъ, а всего 3,019 душъ обоого пола. Слѣдовательно, въ продолженіи 63 лѣтъ въ Кадьякскомъ отдѣлѣ народонасеніе сократилось болѣе, чѣмъ на половину. Цифра эта краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ говоритъ противъ компанейскаго управленія колоніями. Что виною такой ненормальной убыли колоніальнаго народонасенія служила произвольная компанейская администрація, въ этомъ легко убѣдиться при первомъ знакомствѣ съ тѣми тяжелыми условіями жизни, въ какія поставила компанейская администрація алеутовъ.

До покоренія алеутовъ русскими, они были народомъ воинственнымъ, часто съ ожесточеніемъ воевали между собою, поклонялись идоламъ и обрѣтались, какъ выражаются оффиціально, *въ шаманскомъ заблужденіи*. Послѣ пораженія алеутовъ русскими и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, какимъ подверглись покоренные, въ нихъ не осталось и слѣда прѣжняго воинственнаго духа. По наружности они малорослы и неуклюжи: привычка съ юныхъ лѣтъ проводить большую часть времени на *байдаркѣ* (лодка особеннаго устройства), гдѣ при греблѣ работаютъ только руки и все движеніе сосредоточивается въ верхней части туловища, тогда какъ ноги, поджатые калачомъ, остаются покойны, сдѣлала то, что у нихъ развито туловище, а ноги короткія и кривыя. По характеру своему алеуты чрезвычайно смиренны, покорны, добры, терпѣливы въ перенесеніи всякаго рода лишеній. Эти два послѣднія качества: безконечная кротость и терпѣніе алеутовъ явились въ нихъ и воспитались тѣми тяжелыми насиліями, какія имъ постоянно приходится переносить отъ русскихъ. «Дѣйствія русскихъ промышленниковъ», говоритъ въ своемъ отчетѣ Головинъ, «довели алеутовъ до безконечной покорности, и ни одному изъ нихъ и въ голову не придетъ ослушаться кого либо изъ русскихъ.» (Отчетъ стр. 299). Въ примѣръ изумительной выносливости алеута, кромѣ другихъ случаевъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, укажемъ на его терпѣніе къ перенесенію самыхъ тяжелыхъ физическихъ лишеній. Алеутъ терпѣливо голодаетъ по нѣскольку дней, удовлетво-

ряется обыкновенно кусомъ отвратительной китовины или ракушка-ми, которыхъ собираетъ на берегу моря, а зимой и осенью, когда и этого нельзя достать, онъ со всей семьей питается ремнями изъ моржовой или свѣучей шкуры, которые жемо рѣжетъ и варитъ въ морской водѣ. Только тогда, когда этотъ запасъ истощится, проголодавшійся алеутъ рѣшается просить милостыню, ходить и объявляеть всѣмъ, что у него *брюхо есть* т. е. что онъ голоденъ. Алеуты живутъ чрезвычайно мирно другъ съ другомъ, дракъ и ссоръ между ними никогда почти не бываетъ; «а если и случаются какія либо домашнія несогласія у одного семейства съ другимъ», говоритъ Н. Алексѣевъ, «то они продолжаются не болѣе, какъ до раздѣла перваго подстрѣленного кита и тогда противники опять дѣлаются друзьями.» При раздѣлѣ добычи на пай обыкновенно пранимаются въ расчетъ и тѣ, которые по какимъ либо обстоятельствамъ не могли пріѣхать на дѣлежъ. Алеутъ тогда только хозяинъ пріобрѣтеннымъ имъ запасамъ продовольствія, когда онъ везетъ ихъ въ своей байдаркѣ. Лишь только онъ приткнулся къ берегу, то дѣлается какъ будто постороннимъ въ своемъ собственномъ добрѣ, въ особенности въ промыслѣ рыбы, въ мясѣ морскихъ звѣрей, китовинѣ и проч. Каждый изъ земляковъ его беретъ, что хочетъ, а нѣтъ, такъ онъ самъ раздаетъ часть пріобрѣтеннаго по другимъ землякамъ. Трудно увѣрить алеута, что онъ долженъ сберегать кое-что для себя на черный день; «да,—скажетъ онъ въ отвѣтъ,— *вамъ ваша земля, а намъ Богъ далъ день и море*». Эту же самую черту указываетъ въ алеутахъ Головинъ: «пріѣзжая съ промысла, алеутъ раскладываетъ пойманную рыбу на берегу и самъ уходитъ домой; за тѣмъ каждый, кому нужна рыба, можетъ приходиться и брать, что ему угодно, хозяинъ же рыбы довольствуется остатками.»

Въ домашнемъ быту алеутъ заключаетъ въ себѣ многія условія, дѣлающія его хорошимъ семьяниномъ, такъ какъ миролюбіе составляетъ основную черту его характера. Впрочемъ женщины-алеутки вовсе не отличаются цѣломудріемъ, и въ этомъ опять-таки виновата пришлая сволочь, тѣ разбойники, которые, при своемъ появлении, начали внушать дикарямъ особыя правила, такъ что они, и безъ того не понимавшіе, что такое скромность, легко поддались убѣжденію русскихъ промышленниковъ и очень наивно говорятъ, что не слѣдуетъ отказывать человѣку и огорчать его, когда такъ просто и легко исполнить его просъ-

бу. Сами алеуты уже привыкли къ этому порядку вещей и нисколько не претендуютъ на своихъ женъ за невѣрность, лишь бы дома хозяйство шло, какъ слѣдуетъ, и за дѣтими былъ надлежащій уходъ, а тамъ пожалуй утѣшай, кого хочешь. Кроме того, частое голоданье въ зимніе мѣсяцы ослабляетъ алеутовъ, а когда желудокъ пустъ и силы слабы, танъ едва ли придетъ въ голову охота амуриться съ женой. Поэтому алеутъ вовсе не въ претензіи, если у него найдется *половинчикъ*, который заботится, чтобы женѣ не было скучно и поддерживаетъ своими приношеніями семью, въ которой нѣкоторыя, а можетъ быть и всѣ дѣти — его собственныя. Начальство не находитъ нужнымъ вмѣшиваться въ такіа дѣла, тѣмъ болѣе, что половинчики умножаютъ населеніе, а это полезно для края. Необходимымъ результатомъ подобнаго порядка и слишкомъ частыхъ утѣшеній русскихъ алеутками и колошенками было — сильное распространеніе въ колоніяхъ сифилиса. Сифилисъ въ громаднхъ размѣрахъ распространился между колошами, которые считаютъ его необходимымъ зломъ и мѣръ не предпринимаютъ никакихъ. Компания также бездѣйствуетъ и только недавно, вынѣшній правитель колоній, Фуругельмъ велѣлъ разрушить всѣ шалани около порта, въ которыхъ русскіе сходятся съ колошенками, и построилъ особое помѣщеніе, гдѣ наслаждающіеся подвергнуты строгому осмотру и надзору. Но очевидно, что одною этою мѣрою зло не можетъ быть прекращено, и дѣйствительно сифилисъ сильно свирѣпствуетъ въ мѣстномъ населеніи. «Въ числѣ солдатъ и рабочихъ, служащихъ компанія» говорить въ своемъ отчетѣ Головинъ, «есть и такіе, которые нарочно отыскиваютъ случая заболѣть, чтобы, лежа въ больницѣ, избавиться отъ работы.» Хороша, должно быть, жизнь колониальныхъ рабочихъ и легка ихъ работа, если они соглашаются перенести заразительную болѣзнь, чтобы хоть на время отдохнуть отъ этой работы.

О дѣятельности тамошнихъ миссіонеровъ Головинъ говорить въ своемъ отчетѣ: «Если назначеніе миссіонеровъ заключается только въ томъ, чтобы, такъ или иначе, окрестить въ годъ нѣсколько инновѣрцевъ и показать въ отчетахъ, что число обращенныхъ увеличивается, то колониальные миссіонеры усердно исполняютъ свою обязанность; если же назначеніе миссіонера, при помощи евангельскаго ученія, дѣйствовать на смягченіе нравовъ ди-

карей, помогать ихъ нуждамъ, вліять на воспитаніе дѣтей,—въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ настоящихъ и прошедшихъ нашихъ миссіонеровъ не выполнилъ своего дѣла. (Отч. стр. 365). На самомъ дѣлѣ всѣ алеуты до сихъ поръ полнѣйшіе язычники, хотя по компанейскимъ отчетамъ большая часть изъ нихъ записана христіанами; но если завтра этимъ записаннымъ христіанамъ скажутъ, что надо имъ сдѣлаться магометанами, то они безъ разсужденія будутъ ходить въ мечеть и совершать намазъ, какъ теперъ ходятъ въ церковь и ставятъ къ образу свѣчи. Вообще до церкви они неохотники. Побуждаются они къ крещенію единственнымъ желаніемъ получить какія нибудь выгоды, подарки, угощеніе и возможность время отъ времени обращаться съ просьбою о вспоможеніи къ крестнымъ отцу и матери, которыхъ они стараются выбрать изъ лицъ достаточныхъ или почетныхъ. Такой полный неуспѣхъ дѣятельности миссіонеровъ, по мнѣнію Костливецова, происходитъ между прочимъ потому, что ни одинъ изъ находящихся въ колоніяхъ миссіонеровъ не знаетъ вовсе туземнаго языка, слѣдовательно не можетъ говорить съ туземцами, такъ что даже исповѣдь совершается при помощи толмачей, которые если и знаютъ туземное нарѣчіе, то плохо знакомы съ русскимъ языкомъ. Кромѣ того большинство миссіонеровъ совершеннѣйшіе невѣжды, а нѣкоторые отличаются самымъ развратнымъ поведеніемъ. «Монахи миссіонеры» писалъ Головинъ, отнимали у туземцевъ женщинъ, приживали съ ними дѣтей, пьянствовали постоянно, грабили алеутовъ и т. п., такому развратному житію ихъ много содѣйствовала самъ главный правитель колоній Барановъ». Миссіонеры эти до того вооружили противъ себя туземцевъ, что они гораздо послѣ просили русскихъ не присылать къ нимъ миссіонеровъ, говоря, что убьютъ перваго пріѣхавшаго къ нимъ.

Для полной характеристики алеутовъ, надо указать еще одну, весьма почтенную черту ихъ характера,—это любовь къ независимости и глубокое отвращеніе ко всякаго рода посягательствамъ на ихъ свободу, въ какихъ бы мягкихъ формахъ ни связывалось это посягательство и какими бы мошенническими уловками притѣснителей оно ни прикрывалось. Алеутъ охотнѣе готовъ обитать въ своей холодной, вонючей землянкѣ, «имть брѣхо» т. е. голодать или питаться незатѣйливымъ супомъ изъ моржовыхъ ремней, сварен-

выхъ въ морской водѣ, чѣмъ пользоваться нѣкоторымъ довольствомъ, купленнымъ цѣною стѣсненія своей независимости. Алеутъ готовъ трудиться, если его попросятъ; но онъ ненавидитъ всякаго рода занятія по приказанію начальства, ослушаться которому онъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности. Эту черту алеута указываютъ всѣ, посѣщавшіе наши американскія колоніи. Алеутъ чрезвычайно впечатлительнъ ко всякаго рода оскорбленіямъ, брань сильно обижаетъ его, а тѣлесное наказаніе считается такимъ позоромъ, что наказать алеута — значить подвинуть его на самоубійство. «*Высоченный алеутъ жить не будетъ: онъ и тѣ зада нител, ии бросится въ море,*» говоритъ Головинъ въ своихъ путевыхъ письмахъ.

Замѣтимъ при этомъ, что мы отдаемъ преимущество тѣмъ свѣденіямъ о кампанейской администраціи, которыя сообщаетъ г. Головинъ въ своихъ путевыхъ письмахъ, предъ тѣми, которыя собраны въ его официальномъ отчетѣ. Послѣдніи отличаются неполнотою, односторонностію, переполнены соображеніями, ни на чемъ не основанными, и выводами, ни изъ чего невытекающими. Авторъ видимо старался только наполнить рубрики программы, которою онъ заручился въ Петербургѣ и наполнить ихъ притомъ такими свѣденіями, которыя доказывали бы только то, что *слѣдуетъ доказать*. Въ концѣ концовъ онъ утверждаетъ, что для блага колоній необходимо предоставить компаніи всѣ тѣ привилегіи, которыми она до сихъ поръ пользовалась и что вся реформа въ колоніальномъ управленіи должна заключаться только въ измѣненіи титула главнаго правителя колоній, какъ будто отъ такого измѣненія можетъ что нибудь *воспослѣдовать*. «*Было бы полезно*», говоритъ онъ, «*измѣнить титулъ главнаго правителя колоній, наименовавъ его губернаторомъ*». (Отчетъ стр. 318.)

Въ уставѣ компаніи слѣдующимъ образомъ опредѣлены ея отношенія ея къ алеутамъ:

1) Алеутамъ воспрещается отлучаться, куда бы то ни было, безъ особаго на то дозволенія начальства, а въ свободное отъ кампанейской службы время *дозволяется заниматься рыбною ловлею по берегамъ, ими самими обитаемымъ, и то лишь для собственнаго и семейства ихъ пропитанія*. § 264.

2) Алеуты, начиная от 18 до 50 лѣтнаго возраста, обязаны служить компаніи для ловли звѣрей. § 265.

3) Алеутамъ воспрещается какъ продажа, такъ и дареніе (?) мягкой рухляди помимо компаніи. §§ 264 и 275.

4) Алеуты обязаны продавать компаніи упромышляемыхъ ими звѣрей, *по утвержденной главнымъ правленіемъ таксъ.*

5) Въмѣсто наличныхъ денегъ, они обязаны принимать отъ компаніи или товаръ, *по компанейской таксъе таксъ,* или марки т. е. компанейскія ассигнаціи, сдѣланныя изъ кожи.

6) Воспрещается алеутамъ входить въ расторгки или торговыя сношенія, съ вѣмъ бы то ни было, помимо компаніи, *хотя бы тѣ сношенія и не имѣли предметомъ торговлю пушныхъ промысловъ.*

7) Колоніальное управленіе распоряжается алеутами для заготовленія продовольствія рыбою и птицею, какъ на время промысловъ, такъ и на прочее время года, *не выдавая имъ за это никакой особой платы.*

8) Компанія имѣть право или обязанность препятствовать развѣтїю между алеутами роскоши, то есть, *употребленію хлѣба (?!) чая и другихъ подобныхъ (?) предметовъ.* § 176.

Таковы главные черты привиллегій, предоставленныхъ Россійско-американской компаніи въ отношеніи алеутовъ. Сумма всѣхъ этихъ привиллегій предоставляетъ компаніи въ безграничную монополію не только всѣ произведенія края, но и самую личность алеута. Онъ рабъ компаніи въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ больше рабъ, чѣмъ нашъ бывшій крѣпостной крестьянинъ. Свободная воля алеута совершенно связана ограниченіями устава, вся его дѣятельность является результатомъ самой тяжелой обязанности, въ замѣнъ которой ему буквально не дано никакого права. Алеутъ не имѣть права даже на выборъ пищи, компанія имѣть власть приказывать ему ѣсть только то, что хочетъ, чтобы онъ ѣлъ, компанія, а не самъ алеутъ; на компанію даже возложена *обязанность* противодѣйствовать употребленію алеутами *хлѣба*, который по устуву отнесенъ къ предметамъ роскоши. Достаточно знать одни эти тяжелыя обязательства, возлагаемыя на туземцевъ уставомъ, чтобы не удивляться громадной смертности, существующей въ колоніяхъ, вслѣдствіе которой народонаселеніе мѣстное уменьшилось болѣе, чѣмъ на поло-

вину, и русским колоніямъ угрожаетъ опасность остаться совершенно безлюдными.

Что подобное предположеніе вовсе не принадлежитъ къ области фантазіи, что наши колоніи дѣйствительно могутъ остаться совершенно безлюдными, если будетъ продолжаться подобный порядокъ дѣлъ, для убѣжденія въ этомъ достаточно только прослѣдить этотъ порядокъ, или точнѣе, неурядицу, и взглянуть на условія домашняго быта туземныхъ жителей.

Первое условіе жизни поселинина есть, безъ сомнѣнія, удобное помѣщеніе, какъ для него съ семействомъ, такъ и для всего его хозяйства. «Этого удобства»; говоритъ въ своемъ отчетѣ Костликовъ, алеуты не знали прежде, не знаютъ и нынѣ. Домостроительство у нихъ стоитъ на той же низкой степени, какъ оно было въ первое время занятія острововъ русскими». (Отч. стр. 141.) А каковы были въ прежнее время жилища алеутовъ, мы знаемъ изъ словъ Лазарева, который описываетъ ихъ такимъ образомъ: «кажимы, въ коихъ живутъ алеуты, состоятъ изъ двухъ сараевъ съ разными отдѣленіями, подобными стойламъ въ конюшняхъ. Сирадъ и нечистота жилища, гдѣ помѣщается 150 алеутовъ съ ихъ женами и дѣтьми (въ лѣтнее время по случаю промысла число сіе увеличивается до 500), ужасаютъ и не позволяютъ путешественнику имѣть подробнѣйшаго познанія о ихъ домашней жизни.» И теперь эти жилища нисколько не ушли отъ прежнихъ. Въ сырыхъ и темныхъ кажимахъ биткомъ набитые, алеуты выдѣлываютъ шкуры и лавтаки для байдарокъ, чистятъ кишки и т. п., все это прѣеть, гниетъ и производитъ самую нестерпимую вонь. «Мы вошли въ одну подобную избу», говоритъ Головинъ, «и выскочили оттуда, какъ угорѣлые, такъ непріятно поразила насъ царствовавшій тамъ запахъ; еще минута, и мнѣ въ буйвальномъ смыслѣ сдѣлалось дурно.» Кажимы эти въ настоящее время строятся такъ же, какъ и прежде: до половины она находится въ землѣ, вмѣсто крыши настилаются толстыя травяныя рогожки, *нечейнытъ ни у кого*, вмѣсто стеколъ употребляются обыкновенно сивучьи или китовыя кишки. Забота объ улучшеніи жилищъ алеутовъ, компанія только ухудшила ихъ: прежде для выхода дыма и для свѣта дѣлалось нѣсколько отверстій на верху крыши кажимы, между стропилами; компанія приказала ихъ дѣлать въ боковыхъ стѣнахъ. Алеуты говорятъ, что эти новыя жилища неудобнѣе и гораздо нездо-

ровѣе признаки: низкія двери и маленькія окна на одинцвѣтѣ одѣтаго воздуха, а это, по мнѣнію алеутовъ, не только вредитъ здоровью, но и препятствуетъ плодородію женщинъ. Послѣ этого дѣтъ много удивительнаго, что въ колоніяхъ являя громадная цифра больныхъ, преимущественно цынгой и простудными болѣзнями. Въ одномъ Новомъ Архангельскѣ, на 10,144 народонаселенія въ 1860 году во всѣхъ колоніяхъ: лечилось въ тамошней больницѣ 1,400 человекъ. А между тѣмъ компанія въ своихъ отчетахъ постоянно говоритъ, что алеуты ждуть въ о прятныхъ, свѣтлыхъ и просторныхъ домахъ!..

Такая небрежность компаніи тѣмъ неизвѣстнѣе, что лѣсъ растетъ обильно по всему американскому берегу, на прилежащихъ къ этому берегу островахъ, на островѣ Кадьякъ и др. Внутри сѣверной части материка онъ занимаетъ громадныя пространства. Лѣсъ большею частью еловый, но хорошаго качества, есть лиственница, дикій кипарисъ, береза и дубъ. Компанія отправляетъ даже для продажи за границу доски и рангоутныя деревья, а между тѣмъ алеуты забываютъ и умираютъ въ холодныхъ землянкахъ, покрытыхъ травяными рогожами!..

Въ § 100 устава Россійско-Американской компаніи сказано, что «обеспеченіе колоній *всеми потребностями* принадлежитъ къ числу главныхъ и существенныхъ обязанностей главнаго правленія».

Выраженіе: «*обеспеченіе всеми потребностями*» слишкомъ удобообразуемо, и мы уже имѣли случай видѣть, какъ главное правленіе исключило изъ предметовъ первой потребности хлѣбъ, отнесло его къ предметамъ роскоши и рѣшилось противодействовать распространенію между алеутами этого предмета роскоши. Такъ какъ компанія предоставлена исключительная монополія торговли въ колоніяхъ, и никто кромѣ нея не имѣетъ тамъ права торговать; то и обязательство компаніи относительно снабженія колоній *всеми потребностями* простирается не только на алеутовъ, но и на всѣхъ вообще жителей колоній. О продовольствіи алеутовъ компанія, какъ мы увидимъ ниже, совершенно не заботится и обеспечиваетъ ихъ только орудіями, необходимыми для производства пушнаго промысла, т. е. обеспечиваетъ ихъ только тѣмъ, что необходимо для выгодъ и барышей самой компаніи. Такимъ образомъ все, что мы будемъ говорить о продовольствіи колоній, собственно до алеутовъ не относится: имъ

используются только русскіе и иностранцы, обитающіе въ колоніяхъ, главнымъ образомъ на островѣ Ситхѣ, отчасти также нижніе чины и рабочіе. Но и относительно этой части колониальнаго населенія дѣятельность компаніи до крайности неудовлетворительна. Заведя однажды навсегда извѣстный порядокъ, компанія вовсе не заботится объ отысканіи новыхъ средствъ для снабженія края всѣмъ нужнымъ, нередко даже въ такихъ случаяхъ, когда средства эти, составляя благодѣліе для края, доставили бы выгоду и самой компаніи. *«Російско-Американская компанія не есть товарищество корыстолюбивыхъ купцовъ, но общество либеральное и просвѣщенное!»* — самоувѣренно заявляетъ о себѣ главное правленіе. (Докл. 579); и вотъ это либеральное и просвѣщенное общество дѣйствуетъ безтолковѣе и нерасчетливѣе самыхъ корыстолюбивыхъ купцовъ. Корыстолюбивый купецъ, безъ всякаго просвѣщеннаго либеральничанья въ пріятной компаніи, изъ одного чистаго расчета позаботится по возможности хорошо обставить жизнь алеута. Въ этомъ его прямая выгода: алеуть — главное богатство края, имъ добывается и поддерживается богатство, безъ алеута всѣ наши американскія колоніи не имѣютъ никакой цѣны. Американская компанія, «общество просвѣщенное и либеральное», и этой простой истинѣ понять не хочетъ: она просвѣщенно либеральничаетъ въ пріятной компаніи, сложа руки и — только.

Хлѣбопашества и огородничества въ колоніяхъ не существуетъ. Компанія дѣлала нѣсколько опытовъ къ разведенію хлѣбопашества, но такъ какъ опыты эти были неудачны, то компанія пришла къ убѣжденію, что хлѣбопашество въ колоніяхъ существовать не можетъ. Но живѣнню лицъ, хорошо знаемыхъ съ краемъ, компанейское убѣжденіе о невозможности хлѣбопашества совершенно неосновательно. Венайскаго, на примѣръ, край представляетъ для этого всѣ удобства: хорошій климатъ, плодородная почва, богатая растительность — все это указываетъ на возможность разведенія тамъ зерновыхъ хлѣбовъ. Вообще компанія знаетъ очень мало о мѣстностяхъ принадлежащаго ей края и никакихъ изслѣдованій не дѣлаетъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, на островѣ Ситхѣ извѣстенъ только небольшой клочекъ земли, гдѣ построенъ Ново-Архангельскъ; во внутрь острова никто никогда не проникалъ. «Одинъ изъ вольныхъ штурмановъ», рассказываетъ Голвинъ, «изъ любопытства проѣхалъ на

байдаркѣ черезъ озеро, въ озерскомъ редутѣ на островѣ Ситкѣ, въ небольшую рѣчку, вытекающую изъ другаго озера, находящагося близъ Серебрянниковой бухты, и видѣлъ тамъ прекрасныя мѣста для пастбищъ. Это внутреннее сообщеніе неизвѣстно никому изъ ситхинскихъ жителей.» Не смотря на существованіе въ колоніяхъ богатыхъ пастбищъ, скотоводство тамъ также не существуетъ, и компанія извиняетъ себя въ этомъ недостаткѣ сѣна и невозможностію приготовить его по непостоянству климата. Но оговорка эта совершенно несправедлива: не въ недостаткѣ сѣна должно искать причинъ неудовлетворительнаго состоянія скотоводства. Причины эти слѣдующія: 1) неудовлетворительный уходъ за скотомъ, который доказывается тѣмъ, что, напримѣръ, въ Николаевскомъ редутѣ изъ 200 головъ осталось, по невниманію управляющаго редутомъ, только *три*; 2) компанія находитъ для себя болѣе выгоднымъ заниматься другимъ промысломъ и занимать рабочія руки тѣмъ, что приноситъ прямо денежныя пользы, нежели обращать трудъ людей на такой предметъ, который составляетъ необходимое удобство жизни. Такой расчетъ компаніи даже съ коммерческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія «корыстолюбивыхъ купцовъ», оказывается совершенно несостоятельнымъ. Такъ какъ продовольствіе колоній все-таки лежить на компаніи, то она поставлена въ необходимость привозить всѣ продовольственные продукты изъ другихъ странъ, платить громадныя деньги за фрахтъ, и за все это имѣть продукты несвѣжіе и неудовлетворительныя, по баснословно дорогимъ цѣнамъ. Конечно вся тяжесть этой неурядицы падаетъ исключительно на потребителей, жителей колоній; но компанія не слѣдовало бы забывать, что ея интересы и благосостояніе тѣсно связаны съ интересами и благосостояніемъ колониальныхъ туземцевъ.

Хлѣбъ до настоящаго времени привозился кругосвѣтнымъ путемъ изъ Россіи и только небольшое количество его привозилось изъ Калифорніи. Доставляемая изъ Россіи ржаная мука обходилась въ колоніяхъ съ доставкою:

Въ 1856 г. за пудъ	9	р.	42	к.	асс.
» 1857 » » »	7	»	5	»	»
» 1858 » » »	6	»	47	»	»
» 1859 » » »	4	»	51	»	»

Сплава. по Амуру:

въ 1857	»	»	»	3	»	48	»	»
» 1858	»	»	»	4	»	13	»	»

Продавалась же мука въ колоніяхъ постоянно по одной цѣнѣ: ржаная мука 5 руб. асс. за пудъ, а крупчатая 10 руб. Цѣна эта существуетъ и теперь. Не какъ по расчету мука иногда продавалась дешевле той цѣны, по какой она обходилась компаніи (исключая послѣднихъ лѣтъ, когда и на мугѣ *общество либеральное и просвѣщенное* зашибло порядочный процентъ), то компанія и положила за правило отпускать въ колоніи муки небольшое количество, избѣгая продавать ее по возможности алеутамъ и вообще не служащимъ компаніи. Отсюда-то и появился въ уставѣ странный параграфъ, которымъ вмѣнялось компаніи въ обязанность «препятствовать распространенію между алеутами роскоши, какъ то, употребленію хлѣба и т. п.»

Но даже и то обстоятельство, что компанія иногда продавала въ колоніяхъ муку дешевле той цѣны, по которой она обходилась ей самой, даже и это обстоятельство нельзя ставить въ заслугу компаніи. Компанія и въ этомъ случаѣ не несла никакого убытка, вся тяжесть котораго падала исключительно на бѣдныхъ потребителей, а компанія съ лихвою наверстывала незначительный недочетъ тѣмъ, что, по заведенному опять таки съ незапамятныхъ временъ обычаю, присчитывала 77 процентовъ къ дѣйствительной стоимости другихъ товаровъ, получаемыхъ ее изъ Гамбурга. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ компанія распорядилась въ высшей степени несправедливо, обложивши сравнительно большимъ процентомъ предметы неизбѣжной необходимости передъ предметами роскоши и прихоти. Очевидно, что было бы гораздо справедливѣе возвысить проценты на предметъ роскоши, а на предметы необходимые значительно понизить, потому что первые падутъ на людей достаточныхъ, которымъ это будетъ не такъ чувствительно. А между тѣмъ «просвѣщенное и либеральное общество» продаетъ, напр., въ своихъ магазинахъ банку английскихъ никольсовъ за 43 к. сер., а масло скоромное продается по 11 руб. 43 к. сер. за пудъ.

Изъ овощей наиболѣе употребляется въ колоніяхъ: картофель, рѣпа, брюква и отчасти горохъ. Огородничествомъ, какъ мы замѣтили выше, компанія не занимается; овощи разводятъ и доставляютъ ко-

лоши, отъ которыхъ въ этомъ случаѣ совершенно зависятъ потребители: захотятъ колоши, и мѣстное населеніе имѣетъ овощи, но захотятъ—перевиваются и такъ. Компания же продаетъ жителямъ брякву привозную по 8 руб. за боченокъ въ 8 ведеръ, а горохъ, привозимый изъ Россіи, по 12 коп. за фунтъ. Продукты эти существуютъ только въ продажѣ; но въ бесплатную пищу имъ въ котель, общій для всѣхъ нижнихъ чиновъ и рабочихъ, не даются, за исключеніемъ гороха, который варится въ котлѣ одинъ разъ въ недѣлю.

Особенно ощутителенъ въ колоніяхъ недостатокъ въ свѣжемъ мясѣ: свѣжаго мяса, т. е. говядины, тамъ совершенно не существуетъ, такъ что даже въ больницахъ употребляется солонина. Если же и убьютъ въ годъ двѣ, три головы рожатаго скота, то отъ убитаго едва достается по куску самымъ почетнѣйшимъ лицамъ. Недостатокъ свѣжаго мяса замѣняется солониною, по преимуществу соленой рыбою, потому что и солонина кладется въ котель только одинъ разъ въ недѣлю, по праздникамъ.

Солонина доставляется въ колоніи отъ полуторы до 2,000 пудъ въ годъ, привозится она изъ Аяна, съ Амура и изъ Калифорніи. Аянская солонина въ особенности самая плохая, да и не можетъ быть хорошею, потому что скотъ, назначенный для этой солонины, закупается въ Якутскѣ, откуда выгоняютъ его раннею весною, еще до снѣгу, когда нѣтъ подножнаго корма и гонятъ такимъ образомъ отъ 3 до 4 мѣсяцевъ; по пригонѣ въ Аянъ скотъ не имѣетъ времени поправиться, потому что надо спѣшить заготовить солонину. Вслѣдствіе этого солонина плоха, жестка и тѣмъ не менѣе слишкомъ дорога: продается она по 25 и 50 коп. за фунтъ. Такимъ образомъ даже солонина доступна немногимъ, и большинство остается на соленой рыбѣ, которая составляетъ пищу невкусную и мало питательную. «Должно сознаться», говоритъ Головинъ, «что я рѣдко пребывалъ щи или похлебку такого отвратительнаго вкуса». Свинина составляетъ нѣкоторое подспорье; но такъ какъ и свиньи въ колоніяхъ болѣею частію питаются рыбою и ракушками, то мясо ихъ отвратительно. Что касается до домашней птицы, то въ колршіяхъ разводятъ только куръ, но и тѣ часто питаются рыбой и приобретаютъ неприятный запахъ. Не смотря на то, курица продается отъ 5 до 7 руб., десятокъ яицъ стоитъ 5 и 6 руб.

Ромъ и крепкія вина употребляютъ въ колоніяхъ въ значительномъ количествѣ, и эта наклонность къ употребленію рома, въ числѣ прочихъ причинъ, поддерживается главнымъ образомъ постоянною сурою и холодною погодою. Жители колоній могутъ покупать ромъ только изъ нампанейскихъ магазиновъ, въ опредѣленномъ количествѣ и за опредѣленную цѣну: покупается онъ компанією по 15 руб., а продается по 50 руб., за ведро, т. е. компанія получаетъ на каждомъ ведрѣ рома чистаго барыша 325%,—на такой процентъ, какой беретъ «просвѣщенное и либеральное общество» не посмѣетъ ни одинъ изъ откупщиковъ. Служащимъ въ колоніяхъ, лицамъ простаго званія, ромъ выдается съ большими затрудненіями и не иначе, какъ по запискамъ ихъ ближайшихъ начальниковъ. Дикарямъ же ромъ не выдается вовсе съ цѣлію удержать ихъ отъ пьянства. Но мѣра эта нисколько не достигаетъ своей цѣли. Иностранцы снабжаютъ дикарей ромомъ за ихъ промыслы, которые такимъ образомъ ускользаютъ изъ рукъ компаніи. Каждый изъ жителей старается имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше рома, потому что онъ составляетъ единственное средство вѣрнѣе найти работника и дешевле приобрести вещь. Если кому либо нужно нанять мастераго или рабочаго, то онъ долженъ заплатить за работу эту или деньгами, но невѣроятно дорогою цѣнѣ, или же ромомъ, что обойдется въ 10 разъ дешевле. Напримеръ, мастеровой за шитье одной пары сапоговъ проситъ 30—35 руб., или бутылку рома, которая въ компанейской лавкѣ продается по 3 р. 50 коп. Соблазнъ слишкомъ великъ, и при ограниченномъ содержаніи легче заплатить бутылку рома, чѣмъ отдать за ту же работу 35 руб. Есть такія работы, которыхъ никто не сдѣлаетъ иначе, какъ за вино, и потому тайная продажа рома развита въ самой сильной степени. Не смотря на строгость предпринимаемыхъ противъ этого мѣръ, всѣ почти безъ исключенія, начиная отъ высшихъ лицъ до низшихъ, платятъ за работы и мѣстныхъ произведенія вмѣсто денегъ ромомъ. Въ этой тайной продажѣ рома прибѣгаютъ тѣмъ болѣе, что *моллю* у *молаша* и *моламо* за ромъ можно вымѣнять кусокъ сѣякаго мяса—*амаса*, или куропатку, тетерева и овощи; потому что, какъ мы заметили выше, огородничествомъ занимаются только *волоши*, охотой занимаются также одни только *волоши*. Такимъ образомъ всѣмъ этимъ компанія пользуется, благодаря милости *колошей*. «Если неравно имъ

вздумается разсердиться и покапризничать», говорить Головинъ, «что и бывало въ продолженіи года, то они перестаютъ приносить на рынокъ живность и овощи, и вся колонія свищетъ въ ноготокъ, и садятся на аянскую солонину и соленую рыбу.» (Мор. Сб. 282). Чтобы мясо и овощи, доставляемые колошами, не попадали въ одни руки, а по возможности были доступны для всѣхъ, компанія придумала мѣру, которая, какъ и всѣ компанейскія мѣры, оказалась нелѣпностью и привела къ совершенно противоположному результату. Мы говоримъ прямо и можемъ доказать фактами, что *всѣ мѣры* компаніи оказываются нелѣпностью: до какой стороны компанейской администраціи и торговой дѣятельности вы ни коснетесь, въ концѣ концовъ непременно окажется неурядица и безтолковщина.

Придуманная компаніею мѣра состояла въ слѣдующемъ: такъ какъ колошей въ селеніе не пускаютъ, то подлѣ батарей построили домъ, въ которомъ помѣстили всѣ товары, нужные обыкновенно колошамъ, сзади дома небольшое пространство обнесли высокимъ частоколомъ, и все это назвали рынкомъ. Колошей впускаютъ въ этотъ рынокъ черезъ подъемную калитку, которая въ случаѣ надобности можетъ быть мгновенно опущена. Въ стѣнѣ дома или магазина устроено окно, закрывающееся изнутри толстою ставней. Когда колоши утромъ явятся на рынокъ и принесутъ туда припасы, состоящіе изъ дички козь (ямановъ), дичи, рыбы, картофелю, окно въ лавочкѣ отворяется и компанейскій прикащикъ принимаетъ отъ каждаго колоша припасы по установленной таксѣ и взаменъ выдаетъ имъ вещи, также по установленной таксѣ. Когда торгъ конченъ, жители Ново-Архангельска являются въ лавку, и получаютъ нужное количество яманины, картофелю и рыбы, также по таксѣ. Самимъ же жителямъ строго запрещено покупать, что бы то ни было, непосредственно у самихъ колошей. Этою мѣрою компанія достигла результата, совершенно противоположнаго тому, какового она надѣялась достигнуть. Благодаря этой мѣрѣ, яманиной съ базара и всѣми овощами прежде всего удовлетворяются почетныя лица; лицамъ же менѣ почетнымъ достается самая ничтожная часть или и совсѣмъ ничего не перепадаетъ. Но такъ какъ желаніе имѣть хоть извѣдка кусокъ свѣжаго мяса одинаково, какъ въ человѣкѣ почетномъ, такъ и простомъ, то отсюда являются у жителей тайныя сношенія съ колошами, за которыя компанія строго преслѣдуетъ и наказываетъ виновныхъ. А такимъ образомъ и выхо-

дѣть, что компания наказывает преступниковъ, виновныхъ только тѣмъ, что они купили кусокъ свѣжаго мяса.

Колошей въ селеніе не пускаютъ и не пускаютъ потому, что компания боится колошей, которые держатъ ее въ постоянномъ страхѣ, не признаютъ надъ собою никакой зависимости, раззоряютъ компанейскія поселенія, нѣсколько разъ раззоряли самый Ново-Архангельскъ, который, по словамъ Головина, *«постоянно находится въ осадномъ положеніи.»* А между тѣмъ компания при всякомъ удобномъ случаѣ заявляетъ о своемъ покореніи туземцевъ, и еще во время Екатерины доносила ей *«о покореніи туземцевъ подъ высокую руку Государыни, ради Высочайшаго, Ея императорскаго величества интереса.»* Компания въ своихъ отчетахъ называетъ колошей *«полузависимыми»*, выраженіе, неимѣющее никакого смысла. Можно быть или независимымъ и зависимымъ. Выраженіе же *«полузависимый»* можетъ быть развѣ съ нѣкоторою натяжкою применено къ самой компаніи въ отношеніи колошей.

Колоши народъ совершенно дикій, храбрый, терпѣливый, способный геройски переносить всякія лишенія и физическую боль, хитрый, безнравственный и мстительный. Воровство считается у нихъ даже добродѣтельно, въ особенности если оно сдѣлано въ ущербъ чуждому роду или племени. По ихъ понятіямъ, кровь требуетъ крови, и потому месть переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, обвиняя собою цѣлыя племена: отсюда частыя и продолжительныя войны между отдѣльными племенами колошей, и эта-то вражда много содѣйствуетъ безопасности нашихъ колоній, иначе, соединившись подъ предводительствомъ смѣлаго начальника, колоши легко завладѣли бы нашими поселеніями и перерѣзали бы всѣхъ русскихъ. Всѣ они хорошіе стрѣлки и, благодаря иностранцамъ, вооружены весьма хорошими ружьями, пистолетами, револьверами и ручнымъ холоднымъ оружіемъ. Съ ножомъ колошъ никогда не расстаются и, при первой ссорѣ, поражаетъ имъ своего противника. Живннныя потребности у нихъ крайне ограничены: юкола, нѣсколько жира и ракушки составляютъ обыкновенную ихъ пищу. Пьянство у нихъ сильно развито, и за бутылку рому колошъ готовъ рѣшиться на все. Вотъ эти-то колоши были постоянными противниками водворенія между ними русскихъ, и давали имъ слишкомъ тяжело это чувствовать. Такъ вѣрность св. Архистратига Михаила на островѣ Ситхѣ и селе-

не Слава-России въ Якутѣ были взяты и разорены колошани, а жители и гарнизонъ перерезаны. Въ 1835 году колоши напали на Ново-Архангельскъ, да и теперь ни одинъ русскій не смѣетъ безъ оружія удалиться на 50 шаговъ отъ крѣпости, а всѣ торговныя сношенія происходятъ только съ ситхинскими колошами, живущими въ 10 шагахъ отъ Ново-Архангельска. Стоитъ только колошамъ, какъ выражаются въ колоніяхъ, «за шуметь», чтобы лишитъ все населеніе Ново-Архангельска возможности показаться даже за нѣсколько сажень за укрѣпленія. Мнѣніе это вполне подтверждается двумя бывшими главными правителями колоній, Тебеньковыми и Воеводскими. Оба они, въ отчетахъ компаніи о своихъ дѣйствіяхъ, говорятъ: «одно только разьединеніе или безначаліе колоній сдѣлаетъ насъ отъ нихъ посягательства; имѣя весьма много причинъ снисходить имъ, или давать другой оборотъ ихъ дерзкимъ поступкамъ, мы не можемъ быть увѣренными, *чтобы Ситха, рано или поздно, при такомъ направленіи дѣлъ избыла кровавой развязки*»

Кстати, по поводу этого 250 § устава расскажем случай, бывшій недавно. Ситхинскіе колоши, питая издавна вражду къ стахинскимъ, вздумали отмстить имъ; но такъ какъ они слабѣ послѣднихъ и мстить открыто не осмѣлились, то и положила сдѣлать это предательски. Съ этою цѣлью ситхинцы отправились для изьявленія притворной дружбы стахинцамъ и, наружно примирившись съ ними, пригласили ихъ къ себѣ въ гости. Но когда послѣдніе явились въ числѣ 40 человекъ, съ женами и дѣтьми, то хозяйка среди самаго пира, перерѣзала всѣхъ гостей. Все это совершилось подъ стѣнами нашего укрѣпленія, и главный правитель не могъ ничего предпринять, потому что по силѣ того же 250 § онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла инородцевъ, *пока они сами не обратятся къ нему съ просьбою о покровительствѣ.*

За этой поглядней бразой покойно врячется компаніи съ своимъ бездѣйствіемъ и смотритъ равнодушно на такія возмутительныя явленія, противъ которыхъ они должны употреблять все свое вліяніе уже въ силу той правительственной власти, которая предоставлена ей въ колоніяхъ. Племя колошей раздѣляется на два сословія: на тоёновъ (дворянъ) и калговъ (рабовъ). *Кали* — рабъ тоёна въ подлинномъ смнелѣ этого слова: жизнь, способстветн, сила оманческая, трудъ — вед

принадлежитъ его хозяину. У колошей существуетъ обыкновеніе, по смерти каждаго тоеца, убивать нѣсколько чедовѣкъ изъ калговъ, чтобы умерщій имѣлъ прислугу въ будущей жизни. Обрядъ убійства калговъ обыкновенно производится такъ: люди, приговоренные на жертву, владутся рядомъ на землю, на горло имъ накладывается шесть, на концы котораго садятся съ обѣихъ сторонъ родственники умершаго и такимъ образомъ душатъ несчастныхъ.

Компанія поговаривала было что-то объ уничтоженіи этого варварскаго обычая, но требовала значительнаго увеличенія и гарнизона, и прибавки нѣсколько пушекъ, е. т. разсчитывала посредствомъ пушень смягчить нравъ дикарей и познакомить ихъ съ началами просвѣщенной цивилизаціи. Мѣра конечно очень незамысловатая, но едва ли посредствомъ этой мѣры можно достигнуть иныхъ результатовъ, кромѣ повальнаго истребленія колошей, такъ же, какъ это случилось и съ алеутами. Есть болѣе вѣрный и болѣе гуманный путь смягчить нравы дикарей, это—познакомить ихъ съ иными потребностями и иными интересами, что очевидно возможно только при сближеніи колошей съ русскими, возможно только тогда, когда русскіе перестанутъ переговаривать съ колошами въ окошечко и подирѣплять свои слова пушечными выстрѣлами, какъ на дѣйствительную мѣру. мы можемъ указать компаніи очень простое средство: объявить свободнымъ и дать работу всѣмъ рабамъ, которые обратятся къ русскимъ подъ покровительство. Но едва ли компанія захочетъ обратитъ вниманіе на эти соображенія.

Мы нѣсколько удалились отъ вопроса о томъ, какъ и чѣмъ компанія продовольствуетъ колоніи? Но все, что было выше сказано, такъ характерно обрисовываетъ компанейскую администрацію, что мы считаемъ такое отступленіе совершенно законнымъ.

Мы прежде оговорились, что все сказанное нами о продовольствіи компаніею колоній относится преимущественно къ тому населенію, которое составилось изъ пріѣхавшихъ русскихъ и иностранцевъ, объ алеутахъ же компанія не заботится, и продовольствіе ихъ лежитъ на ихъ собственномъ попеченіи. Обыкновенную пищу алеута, этого главнаго и единственнаго кормильца компанія, награждающаго ежегодно многочисленныхъ акціонеровъ приличными дивидендами, составляютъ: сушеная рыба (юкола), мясо кятовое, сивучье, перпячье и другихъ морскихъ звѣрей, лайденныя произведенія и разнаго рода выкидывае-

мыя моремъ ракушки. Всѣмъ этимъ питаются алеуты лѣтомъ; зимою же, особенно при продолжительныхъ вѣтрахъ, они буквально голодаютъ или питаются, по разсказу Головина, *моржевыми ремнями, сваренными въ морской водѣ*. Сдѣлать лѣтомъ запасъ на зиму алеутъ не имѣеть возможности, потому что лѣтомъ всѣхъ алеутовъ отъ 18 до 50 лѣтнаго возраста компанія отправляетъ для производства боброваго промысла, который доставляетъ громадный доходъ компаніи и даетъ ей возможность глотать сторублевые завтраки... Очевидно, что какъ бы ни были снисходителенъ желудокъ алеута, но едва ли онъ способенъ переваривать супъ, сваренный изъ ремней, и получать изъ этого жалкаго кушанья достаточное количество питательныхъ частей для организма.

Тотъ § устава, которымъ вѣняется компаніи въ обязанность препятствовать распространенію между алеутами роскоши т. е. *употребленію хлѣба* и т. п. буквально выполняется компаніею. Хлѣба алеутамъ не даютъ: они могутъ покупать этотъ хлѣбъ на деньги въ компанейскихъ магазинахъ, да и тамъ имъ продаютъ его только въ самомъ ничтожномъ количествѣ. По свѣденіямъ, собраннымъ въ колоніяхъ Костливцовымъ, оказывается, что на всѣхъ жителей колоній доставляется ежегодно въ отдѣлы, не считая Ново-Архангельска, ржаной муки: 12,400 пуд., пшеничной муки: 585 пуд., разныхъ крупъ 885 пуд. Такимъ образомъ, принимая въ расчетъ 9,114 душъ обоего пола, проживающихъ въ колоніяхъ и находящихся въ соотношеніи съ компаніею, приходится на душу ржаной муки въ годъ: 1 пуд. 14 $\frac{1}{3}$ ф. или около фунта въ недѣлю; пшеничной муки въ годъ: 2 $\frac{1}{2}$ ф. или $\frac{1}{4}$ фунта въ недѣлю; крупъ въ годъ 3 $\frac{5}{8}$ фун. или $\frac{1}{16}$ фун. въ недѣлю. Цифра, какъ видите, слишкомъ ничтожная, да и этого количества муки алеуты не употребляютъ по той причинѣ, что муку надо купить на деньги, а денегъ алеуты не имѣеть да и не могутъ имѣть.

Всѣ алеуты отъ 15 до 50 лѣтъ обязаны служить компаніи и на нихъ лежатъ исключительно всѣ компанейскія работы: для этого ихъ перевозятъ съ острова на островъ, отрываютъ часто навсегда отъ семейства, увозятъ отъ родины за тысячи верстъ. Главное ихъ занятіе—промыселъ бобровъ; но кромѣ этого алеуты употребляютъ на разныя другія работы, на постройки, рубку лѣса,

рыбную ловлю и т. п. Женщины и старики также обязаны работать на компанію: первыя собираютъ ягоды, заготавливаютъ рыбу, шьютъ платье изъ собственныхъ матеріаловъ: это платье сдается въ компанейскія лавки, изъ которыхъ продается тѣмъ же алеутамъ. Плата женщинамъ самая ничтожная: такъ за нѣсколько парокъ, сшитыхъ изъ собственныхъ еврашечьихъ шкуръ, компанія даетъ алеуткамъ иголки для шитья или что нибудь въ родѣ дрянной холщевой рубахи. Старики обязаны отыскивать птичья яйца, обыкновенно находящіяся въ гнѣздахъ на уступахъ скалъ. Для этого надо спускаться съ вершины скалы па ремняхъ, которые часто перетираются объ острые камни и охотникъ летитъ стремглавъ въ пропасть.

Всѣ эти работы производятся въ разныхъ мѣстахъ колоній, и алеуты развозятся по этимъ мѣстностямъ, отрываемые отъ семьи и отъ родины. Жены, дѣти и престарѣлые родители ихъ, лишившись лучшихъ работниковъ своей семьи, принуждены бѣдствовать, питаться отваромъ ремней, ракушками, морской падалью, выбрасываемою на берегъ, умирать съ голоду иногда цѣлыми поселеніями. Кромѣ того это отрываніе мужей отъ женъ препятствуетъ дѣторожденію и деморализируетъ алеутовъ, сильно привязанныхъ къ своей семьѣ, къ родному очагу.

Плату за всѣ эти работы алеуты получаютъ самую ничтожную, такъ же точно, какъ и за пушные промыслы—единственное средство къ жизни алеута. Компанія еще издревле установила однажды навсегда таксу, по которой алеуты должны продавать ей упромышленныхъ звѣрей; а какъ алеуты, по силѣ устава, не имѣютъ права не только продавать пушные промыслы, но даже и дарить ихъ никому другому, кромѣ компаніи, то, очевидно, никто не могъ попрепятствовать ей составить самую низкую таксу. Такимъ образомъ за шкуру морскаго бобра компанія платитъ алеуту 30 руб.; а по свѣденіямъ, собраннымъ Костливецевымъ у колошъ, послѣдніе получаютъ отъ иностранныхъ торговцевъ за такую же шкуру морскаго бобра:

9 одѣялъ на сумму . . . 140 руб.

1 кружку пороха 4 ф. . . . 6 «

1 кружку картечи 5 ф. . . . 3 «

5 папушь табаку виргинскаго	2	«	
1 ножь поварской.	1	«	
1 гребень роговой.	»	«	50 к.
1 напильокъ	1	«	50 «
2 миски жестяныя	4	«	
5 бумажекъ краски	3	«	75 «
10 штукъ кремней	»	«	20 «

и водки въ подарокъ отъ 2 до 5 бут.

Итого 161 руб. 95 к.

Слѣдовательно за морскаго бобра, проданнаго иностранцамъ, колошь получаетъ больше выгоды, чѣмъ алеутъ, слишкомъ 450⁰%. За рѣчнаго бобра алеутъ получаетъ 4 р., колошь—20 р. За черную лисицу алеутъ—9 руб., колошь—20. За сиводушку алеутъ 4 руб., колошь—20. За красную лисицу алеутъ—2 р., колошь—20 р. Такую же ничтожную плату алеутъ получаетъ и за всѣ остальные пушные промыслы, за лучшаго, напримѣръ, соболя компанія расщедрилась назначить ему 5⁰ коп. ассиг. А между тѣмъ пушной промыселъ единственное богатство алеута, его единственное средство къ жизни!..

«Сравнивая количество уловленныхъ бобровъ съ числомъ взрослыхъ алеутовъ», говоритъ Головинъ, «окажется, что на каждаго промышленника не придется въ годъ и одного бобра, слѣдовательно менѣе 30 руб. асс., такъ что этой суммы, вмѣстѣ съ платою, полученною за шкуры земляныхъ звѣрей, едва достаточно алеуту на одежду и уже ничего не остается для устройства своего быта». Кроме того, компанія своими неосновательными распоряженіями относительно пушнаго промысла сдѣлала то, что промыселъ этотъ съ каждымъ годомъ дѣлается меньше и меньше. Особенно замѣтно въ послѣдніе года начинаютъ исчезать морскіе бобры, потому что компанія старается только упромыслить бобровъ, какъ можно больше, не заботясь ни о способахъ добыванія ихъ, часто весьма вредныхъ для промысла, ни о сохраненіи этой дорогой породы звѣря на будущее время. Послѣдствіемъ такой нераспорядительности и небрежности было сокращеніе звѣря въ однихъ мѣстахъ и совершенное уничтоженіе его въ другихъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Веніаминъ: «чтобы ко-

личество бобровъ никогда не уменьшалось, не нужно и не должно употреблять всё средства для промысла бобровъ, то есть, надо принять за постоянное правило не промысливать бобровъ во всякомъ известномъ мѣстѣ каждый годъ, но посѣщать бобровыя мѣста черезъ два года, или по крайней мѣрѣ черезъ годъ. Алеуты ежегодно ходятъ на бобровыя мѣста главное *пулатъ звѣря* и отчасти промысливать. Но если на это не будетъ обращено должнаго вниманія и промыселъ будетъ производиться однимъ вышѣшнимъ порядкомъ, то и на Уналашкинскихъ островахъ можетъ быть то же, что случилось на островахъ Прибылова, гдѣ въ первое время были тысячи бобровъ, но съ 1811 г. и понынѣ не стало видно ни одного». Все это было писано въ 1840 г., а безхозяйственность въ промыслѣ бобровъ продолжается и теперь. Отсюда почти повсемѣстно звѣрь начинаетъ исчезать. Такъ, напримеръ, на островѣ Шумшу было упромышлено морскихъ бобровъ въ 1845 г. 376 штукъ, а въ 1856 году: 2, въ 1857 г. 3. На островѣ Ахтѣ было упромышлено морскихъ бобровъ въ 1844 г. 387, а въ 1853 г. — 4, въ 1854 г. — 9, въ 1857 г. — 5.

Сравнивая общію цифру пушныхъ промысловъ, добытыхъ компаніею въ первый и послѣдній періодъ существованія ея привилегій, т. е. съ 1797 по 1821 г. и съ 1842 по 1861 годъ, оказывается, что въ первый періодъ добыто морскихъ бобровъ всего 72,894, а во второй періодъ добыто всего 25,602, слѣдовательно противъ перваго періода меньше на 47,292. *Норка* въ первый періодъ добыто всего: 4,802, а во второй — 2,536, слѣдовательно меньше на 2,266. Морскихъ котовъ добыто въ первый періодъ: 1,232,374, а во второй: 338,604, слѣдовательно добыто противъ перваго періода меньше на 893,770. Изъ этого сравненія оказывается, что пушной промыселъ въ колоніяхъ съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и болѣе, что число морскихъ бобровъ, добытыхъ въ послѣдній періодъ, сравнительно съ первымъ, уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину, т. е. ровно на столько, на сколько уменьшилась цифра алеутовъ сравнительно съ первымъ періодомъ. Сличеніе очень любопытное, и мы представляемъ самой компаніи, за неимѣніемъ лучшаго, рѣшить хоть такой вопросъ: уменьшеніе количества добытыхъ бобровъ не имѣло ли вліяніе на уменьшеніе цифры саянскъ алеутовъ, или упадокъ боброваго промысла обуславливался громаднымъ

уменьшеніемъ цѣны алеутскаго племени? Рѣшеніе этого вопроса можетъ привести компанію къ весьма назидательнымъ сближеніямъ.

Такимъ образомъ въ производствѣ пушпаго промысла компанія поступала такъ неразсчитливо, такъ близоручо понимала свои выгоды, какъ не поступилъ бы ни одинъ изъ корыстолюбивыхъ купцовъ. Безхозяйственность, небрежность и желаніе вдругъ захватить какъ можно больше барышей, произвели то, что пушной промыселъ уменьшился болѣе чѣмъ на половину. Эта небрежность тѣмъ невинниѣе, что пушной промыселъ — единственное богатство алеута, его единственное средство къ жизни, хотя средство очень ничтожное, благодаря компанейскому самоуправству и безцеромонной эксплуатаціи труда алеута. Не говоря уже о томъ, что такса за мѣха, покупаемые компаніею у алеутовъ, назначена самая ничтожная, такъ что колонія, вымѣнивая тѣже мѣха иностранцамъ получаютъ до 1,000% болѣе, чѣмъ получаютъ алеуты, существенное неудобство заключается между прочимъ въ томъ, что алеуты не имѣютъ права покупать ничего въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ компанейскихъ магазиновъ. Изъ этихъ-то магазиновъ выдается алеуту за добытый мѣхъ известное число товара. *«Отъ этого часто случается»* пишетъ Головинъ, *«что алеутъ проситъ чаю, а ему даютъ одьяло; проситъ краснаго житкала, а ему даютъ синяго; проситъ муки, а ему предлагаютъ сапожный товаръ.»* Охотнѣе всего алеуты готовы вымѣнивать мѣха на хлѣбъ, но хлѣба имъ не даютъ. Сами алеуты рассказывали ревизовавшимъ чиновникамъ: *«просимъ, просимъ хлѣба — не даютъ, говорятъ, что нѣтъ; заплачемъ иногда, да и уйдемъ домой...»*

Компанія не выдаетъ алеутамъ хлѣба за мѣха подъ тѣмъ предлогомъ, что по уставу ей вѣняется въ обязанность *«противодѣйствовать распространенію между алеутами роскоши, т. е. употребленію хлѣба»*; на самомъ же дѣлѣ она руководствуется простымъ желаніемъ получить съ несчастнаго алеута возможно большій барышъ. Мы видѣли, что на мукъ компанія получаетъ небольшой барышъ, тогда какъ къ дѣйствительной стоимости всѣхъ остальныхъ товаровъ она оиціально прибавляетъ 77%. Отсюда получаются слѣдующіе любопытные выводы: за лучшаго соболя по таксѣ алеутъ можетъ получить изъ компанейскаго магазина товару на 50 к. асеили на 14 $\frac{1}{2}$ коп. сер. Но такъ какъ компанія присчитываетъ 77%

къ дѣйствительной стоимости товара, то и выходитъ, что за лучшаго соболя алеутъ получаетъ товару на четыре съ половиною коп. сер. За мѣхъ чернобурой лисицы алеутъ можетъ получать товару изъ компанейскихъ магазиновъ на 9 руб. асс. т. е. не можетъ получить даже пары сапогъ, которые продаются въ компанейскихъ магазинахъ по 10 руб. за пару...

Какъ слишкомъ дешево платитъ компанія алеутамъ за ихъ мѣха, такъ слишкомъ высоко цѣнить свои собственные товары, продаваемые въ магазинахъ. Вотъ цѣны на продукты, которые наиболее покупаются туземцами: *миткаль* 1 арш.—50 к. *платки бумажные*—24 руб. *дужина, ситецъ* арш.—1 руб; *сукно* арш. отъ 12 до 20 руб; *драдедамъ алый* аршинъ—9 руб. *флинель*— 4 руб. *шолки* тысяча — 20 руб. *чай простой* 1 фун. — 5 руб; *Сахаръ* за пудъ — 30 руб., *патока* пудъ — 12 руб., *топоръ* — 5 руб. и т. д.

По единодушному отзыву Костливецова и Головина, всѣ товары, продаваемые въ компанейскихъ магазинахъ, кромѣ страшной дороговизны, отличаются самымъ дурнымъ качествомъ. Бумажная, никуда не годная рубаха, стоящая въ Россіи не болѣе 60 коп., въ компанейскихъ магазинахъ продается по 6 руб. Сапоги, которые положительно никуда не годятся и едва могутъ прослужить нѣсколько дней, продаются по 10 руб. за пару. «Готовое платье и обувь для простаго народа» говорить въ своемъ отчетѣ Костливецовъ, «дурнымъ качествомъ своимъ превышаютъ всякое вѣроятіе такъ, что сапоговъ достаетъ лишь на нѣсколько дней, а суконнаго платья не болѣе какъ по два мѣсяца. Шить новое суконное платье изъ матеріаловъ, купленныхъ въ компанейскихъ магазинахъ, рабочій не въ состояніи, потому что по дороговизнѣ сукна и работы платье обойдется вдвое дороже привезеннаго.

Вотъ тутъ то, т. е. въ дурномъ качествѣ товаровъ, отпускаемыхъ изъ компанійскихъ магазиновъ, заключается главная причина, почему колоніи совершенно перестали мѣнять на компанейскіе товары добываемыхъ ими бобровъ, такъ что въ послѣдніе десять лѣтъ у колошей не было вымѣнено ни одного бобра. Компанія въ своихъ отчетахъ горько жалуется на такое печальное для ея кармана положеніе дѣлъ и краснорѣчиво доказываетъ необходимость содѣйствія правительства ей видамъ. Въ концѣ концовъ она доказываетъ, что

правительство должно выслать дѣлшіе флоты въ колоніи для прейсеретва, что бы лишити колошей возможности вымѣннвать свои товары тѣмъ, кто съ ними честно расплачивается. Но очевидно, что колоши не могутъ питать особенно нѣжные чувства къ иностранцамъ, собственно въ нику русскимъ и что если они прекратили съ послѣдними всякія торговыя сношенія, то сдѣлали это потому, что компанія расплачивается съ ними за дорогіе шѣла всякою дрянью, которая ей самой ни къ чему не пригодна.

Надо отдать справедливость, что подобный недобросовѣстный пріемъ, вообще говоря, совершенно въ характерѣ русской промышленности: съ большими или меньшими вариациями онъ повторяется у насъ на каждомъ шагу. Также точно какъ американская компанія поступала въ отношеніи колошей, поступаютъ сибиряки въ отношеніи тунгусовъ. Приносить напр. тунгусу сибиряку зибриную шкуру и просить за нее 25 руб., тогда какъ шкура стоитъ не болѣе 10 рублей. Сибирякъ не торгуется, беретъ шкуру и выдаетъ тунгусу товаръ, который тотъ желаетъ получить, но при этомъ живитъ свой товаръ такъ, что покрываетъ съ лихвою переданное за шкуру, да еще и обмѣривъ на сколько возможно. Все дѣло такимъ образомъ состоитъ только въ веселой игрѣ словъ...

На этомъ мы можемъ покоячить нашъ обзоръ шестидесятилѣтней дѣятельности Американской компаніи. При удобномъ случаѣ мы оставляемъ себѣ право поговорить съ читателемъ о многихъ другихъ сторонахъ административной и промышленной дѣятельности компаніи, разобрать тѣ упреки, которые слышатся противъ компаніи со всѣхъ сторонъ, какъ напр., весьма серьезные упреки въ томъ, что компанія заманиваетъ пріятными обѣщаніями къ себѣ на службу въ колоніи русскихъ, а потомъ всякаго рода притѣсненіями и начетами старается запутать дѣла каждаго до того, что подъ предлогомъ долговъ, задерживаетъ ихъ въ колоніяхъ навсегда и бѣдняги умираютъ одиноко вдали отъ «родины святой»...

Мы имѣли въ виду главнымъ образомъ указать только: какъ выполнила компанія свои обязательства въ отношеніи колоніальныхъ туземцевъ, которые своимъ тяжкимъ трудомъ обогащаютъ компанію, даютъ ей возможность благоденствовать и пользоваться на трудовые копѣйки алеутовъ самыми веселыми, самыми шаловливыми илюдами современной цивилизаціи. Послѣ всего сказаннаго читателю должно

быть понятно ненормальное уменьшеніе алеутскаго племени и опасеніе, что русскія колоніи останутся наконецъ совершенно безлюдными. Самое полное, самое тяжелое рабство, деморализація семейной жизни, холодныя, сырыя, вонючія жилища, голодъ, пища состоящая изъ ракушекъ и разной морской падали, сушь изъ моржевыхъ ремней, сваренныхъ въ морской водѣ — всё эти условія и множество другихъ имъ подобныхъ, очевидно не могутъ благопріятствовать размноженію алеутскаго племени. Но за то эти же условія дали возможность компаніи ежегодно награждать своихъ акціонеровъ сравнительно большими дивидендами и въ свою очередь получать отъ послѣднихъ благодарность за просвѣщенную и полезную дѣятельность.

Дивидендъ дѣйствительно былъ выданъ акціонерамъ весьма значительный: въ двадцатилѣтней сложности выдано всего на каждую акцію, стоящую 150 руб. сер. по 337 руб. сер. Представляемъ только при этомъ слѣдующее соображеніе: не смотря на то, что основной капиталъ компаніи увеличился до 660,511 руб., а экстренный капиталъ до 737,745 р. с. и что слѣдовательно на каждую акцію приходится по 336 руб.,—не смотря на все это акціи американской компаніи стоятъ въ очень низкой цѣнѣ такъ, что покупатели даютъ за акціи дешевле ихъ первоначальной стоимости т. е. дешевле 150 руб. сер.

Оптимистъ пожалуй на основаніи этого начнетъ предаваться наименѣе пріятнѣйшимъ соображеніямъ о томъ, что наконецъ русское общество развилось до того, что начинаетъ относиться съ неудовольствіемъ къ такой дѣятельности, не хочетъ имѣть никакой солидарности съ подобною компаніею и т. д. и т. д. Но оптимистъ очень горько ошибается. Причина, почему акціи американской компаніи стоятъ такъ низко, заключается главнымъ образомъ въ неурядицѣ и безтолковщинѣ, которыя характеризуютъ торговые обороты компаніи и о которыхъ мы поговоримъ когда нибудь подробнѣе.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

къ № 7-му.

- Въ *Укр. Песбайсков. Въ бібліотеку 75 пѣхотнаго Севастопольскаго полка.* На письмо отъ 1-го іюля за № 13, Редакція имѣетъ честь увѣдомить, что подписки на имя означенной бібліотеки вовсе не поступало, — и только послѣ двукратной просьбы книжный магазинъ Битенца и Калугина доставилъ подписку на 2 экз. Р. С. для вышеозначенной бібліотеки *въ первыя числахъ іюля.* Послѣ чего книжки немедленно отправлены въ Газет. Эксп.
- *г. Ростовъ, Вл. Вик. Хомутову.* На письмо ваше отъ 27 іюля, Редакція честь имѣетъ отвѣчать, что подписка на имя ваше изъ книжнаго магазина г. Череняна доставлена была въ Редакцію только *въ концѣ прошлаго іюля.* Послѣ того книжки „Рус. Слова“ немедленно сданы въ Газетн. Экспедицію.
- — *Зміевъ, г. Шш. Смотр. Уѣзднаго училища.* Отвѣтъ на вашу жалобу былъ уже сдѣланъ въ отвѣтномъ листѣ при 6-мъ № Рус. Слова. Теперь остается повторить то же самое: по жалобѣ вашей сдѣлано было немедленное сношеніе съ Газет. Экспедиціею, изъ которой получено увѣдомленіе, что въ бібліотеку зміевского училища посланы №№ 1 и 2 — апрѣля 12-го, а № 5-й — іюля 2-го. Но почему не доставлены книжки по своему назначенію, объ этомъ вторично сообщено Почтовому вѣдомству.
- *кр. Новогоріевскую, г. Линденеру.* Жалоба ваша о неполученіи книжекъ за май мѣсяць сообщена была въ Газетную Экспедицію, и получены отвѣтъ, что № 5-й посланъ вамъ 2-го іюля при описи на Варшаву за № 1-мъ.
- *Иркутскъ, г. Помомареву.* Жалоба ваша о неполученіи № 2 и 4, сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила что № 2 посланъ вамъ марта 25, за № 74, а № 4 — іюня 1-го, за № 77.
- *Ярославль, Г-жѣ Новицкой.* Жалоба ваша о неполученіи январской, февральской, мартовской и апрѣльской кн. сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что №№ 1—4 посланы вамъ 6 іюня.
- *Саратовъ, г. Прозорову.* Газетная Экспедиція, по сообщенной ей жалобѣ о неполученіи Вами «Русскаго Слова» съ марта мѣсяца, увѣдомила Редакцію, что № 3-й посланъ Вамъ апрѣля 23, за № 55, № 4-й—

іюня 1-го, за № 56, № 6-й — іюля 2-го, за № 57, и № 6-й—іюля 31, за № 57.

- *Шарлацкую ст., г. Высоцкому.* Жалоба ваша о неполученіи апрѣльской книжки сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 4-й посланъ вамъ 1-го іюня, въ тѣхъ за № 65.
- *Москву, г-жѣ Мироновой.* На жалобу вашу о неполученіи майской кн. Газетная Экспедиція уведомила, что № 5 посланъ вамъ іюня 30.
- *Онегу, г. Штат. Смотрителю Онежскаго уезднаго училища.* № 3-й былъ сданъ своевременно въ Газетную Экспедицію, но вѣроятно затерявъ, и посылается вамъ вторично.
- *Смоленскъ, г-жѣ Поповой.* По отзыву Газетной Экспедиціи книжки «Рус. Слова» за прошлый годъ (1 — 10 №.) 1863 г. посланы Вамъ ноября 27.

О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ «РУССКАГО СЛОВА» ОТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ.

Отъ Симбирскаго Собранія Соединеннаго Общества 14 р. за 1 экземпляръ.
Изъ Управленія Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора 65 р. за майскую треть.

- Отъ Штат. Смотрителя Каневскаго Уезднаго училища 14 р за 1 экзем.
- *Г. Юкельзонъ,* изъ Радомысля, 7 р. за 2-е полугодіе.
- *Г. Аристова,* изъ г. Остроленко, 10 р., изъ конхъ 7 р. за 2-е полугодіе, 2 р. 50 к. за посланныя вторично №№ 8 и 9 1863 г., а 50 к. къ подпискѣ на будущій годъ.

Въ г. *Одессу.* Получено письмо, въ которомъ по случаю отъѣзда г. подписчика за границу, просятъ высылать книжки въ Кашеневъ, на имя полковника Пиленки; но имя прежняго подписчика такъ подписано, что нѣтъ никакой возможности разобрать его. По этому Главная контора не знаетъ, отъ кого получена просьба высылать книжки на имя Полковника Пиленки, и до разъясненія этого, не можетъ распорядиться высылкой книжекъ „Русскаго Слова“. Просятъ уведомить пояснѣе.

- *Ригу, г. Шиллинъ.* По жалобѣ вашей о неполученіи № 5 Газетная, Эксп. уведомила, что № 5-й посланъ Вамъ іюня 30-го.
- *Александрополь.* Въ библіотеку Кавказскаго Линейнаго 24 бат. Газетная Экспедиція уведомила, что № 4-й посланъ былъ въ библіотеку 28 мая, а № 5-й—іюля 2-го.
- *Нерчинскій заводъ, г. Заблоцкому.* Жалоба ваша о неполученіи № 2-го «Русскаго Слова» сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 2-й посланъ вамъ 25 марта, на Иркутскъ, з № 74.

- *Въ Балазукскую ст., г. Гирасову.* Жалоба ваша о неполученіи №№ 11 и 12 1863 г., а равно № 5-го сего года, г-жею Баженовою сообщена въ Газетную Экспедицію и ожидается отвѣтъ; по полученіи вы будете немедленно удовлетворены.
- *Ольховоль, г. Московска.* О неполученіи вами № 4 „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію и получена отвѣтъ, что № 4-й посланъ вамъ 1-го іюня, въ пунктъ на Житомиръ, за № 29.
- *Ржевъ, г-жею Н. Миловой.* Жалоба Ваша о неполученіи № 1-го сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что означенный № журнала «Русскаго Слова» слѣдовалъ съ почтою, разграбленною 29 февраля, почему № 1-й посланъ Редакцію Вамъ *вторично*, 28-го іюля.

СОДЕРЖАНІЕ ПОЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕ-
НІЙ. (Статья четвертая) Д. И. Писаревъ.
- ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? (Романъ Ант. Троллопа).
- ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ РЕМЕСЛЕННЫХЪ
БРАТСТВАХЪ Л. Бранди.
- О СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКѢ ВЪ РОССИИ . . . М. А. Филипповъ.
- ГОСПОЖА РОЛАНЪ П. И. Вейнбергъ.
- ВЪ ГОСТЯХЪ У БАБУШКИ. (Повѣсть) . . . Волосовъ.
- БЪСОВСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ (Губернскія леген-
ды) Н. Федоровичъ.
- ДНИСОУ ДЮВАЛЬ. (Романъ Теккерея. Оконча-
ніе).
- СЛѢДЫ МАТЕРИ. (Стихотвореніе) В. Щиглевъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАШИХЪ ГОРО-
ДОВЪ. (Экономическое состояніе город-
скихъ поселеній Европейской Россіи въ
1861—62 г. Спб. 1863 г. въ 2 то-
махъ.) Н. В. Шенгуновъ.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Г. Б.
- Т. Гексли. О причинахъ явленій въ органической природѣ. Шесть лекцій,
читанныхъ рабочимъ въ Музеѣ практической геологіи въ Лондонѣ. Спб. 1864.
Русская книжка И. Худякова. Изд. Ф. И. Вакста Спб. 1863 г. Исторія сред-
нихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М.
Стасюлевича. Т. 2. Спб. 1864 г. Прогулка молодыхъ боевровъ. Сочин капи-
тана Майнъ-Рида. Перев. подъ редакціею Н. А. Ушакова. Изд. Товарищества
общественной пользы. Спб. 1864 г.
- АПРАКСИНЦЫ. Сцены и очерки. Допожарная
эпоха Л. А. Лейкина. Изданіе исправлен-
ное и дополненное. Спб. 1864. Разказы
И. С. Генслера, просмотрѣнные и допол-

ненные. Изд. Паница. Гаваньскіе чинов-
ники. — Буллербергъ. Спб. 1865 Н. Б.
Письмо въ редакцію Н. Альбертини.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА Жакъ Лефренъ.
АНГЛІЯ. Вліяніе пораженій, испытанныхъ Англіею на политическомъ по-
прищѣ, на ея внѣшнюю политику и внутреннюю конституцію. — Появ-
леніе партіи будущности въ вѣдрахъ англійскаго народа. — Банкетъ лорда мера. —
Движеніе торговли Великобританіи въ продолженіи первыхъ шести мѣсяцевъ
1864 года. — **ГЕРМАНІЯ.** Бонапартистская политика государственнаго пере-
ворота, передѣланная на прусскій ладъ. — Всеобщая мистификація. — Ренд-
сбургское дѣло. — Протесты противъ Пруссіи. — **ФРАНЦІЯ.** Политика иерар-
хія. — Виды на приобрѣтеніе рейнскихъ земель. — Устройство Алжира. — Про-
цессъ тринадцати. — **ИТАЛІЯ.** Судъ надъ господиномъ Бастоджи. — Пре-
полагаемое нападеніе на Венецію. — Ерестовый походъ въ Римъ противъ
французскихъ вѣвѣсовъ. — **БЕЛЬГІЯ.** Избирательная борьба. — **МЕКСИКА.**
Затруднительное положеніе новаго мексиканскаго императора. — **СОЕДИНЕН-
НЫЕ ШТАТЫ.** Грабительскіе набѣги сепаратистскихъ войскъ на Мериландъ
и Пенсильванію. — Опасность, угрожающая столицѣ южной конфедераліи. —
Пораженіе сепаратистовъ при Атлантѣ. — Планъ ихъ лишить Линкольна по-
пулярности. — Сравненіе федеральныхъ штатовъ съ мятежными въ военномъ
и финансовомъ отношеніяхъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Окончаніе двадцатилѣтней привилегіи Россійско американою компаніи. — Об-
зоръ шестидесятилѣтней дѣятельности ея. — Занятіе алеутскихъ острововъ. —
Подвиги Шелехова. — Привилегіи и монополіи компаніи. — Управленіе ея
надъ туземцами. — Вліяніе компанейской администраціи на характеръ и образъ
жизни алеутовъ. — Чѣмъ были они прежде и что такое теперь? — Общине
владѣніе алеутовъ въ экономическомъ и въ семейномъ быту. — Уставъ ком-
паніи. — Положеніе алеутовъ въ административномъ и торговомъ отноше-
ніяхъ. — Снабженіе алеутовъ необходимыми предметами продовольствія, и
цѣны этихъ предметовъ. — Хлѣбъ по уставу компаніи отнесенъ къ предметамъ
роскоши. — Истребленіе населенія и пушныхъ звѣрей. — Вѣроятность будущаго
судьбы этого края.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

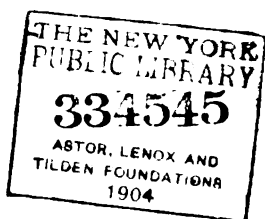
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 сентября 1864 г.

Въ типографіи Рюмина и Комп.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ
ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ.

I.

Уже самый первый историческій актъ—географическое распространеніе и земско-хозяйственное устройство допетровской Руси объясняетъ его медленное умственное движеніе и развитіе. Вѣковое напряженіе физическихъ силъ народа въ колоссальныхъ завоеваніяхъ земель на востокъ и западъ (отъ 18,000 до 392,000 кв. м.), въ тысячелѣтнемъ распространеніи колонизаціи и агрикультуры среди лѣсовъ и болотъ, въ борьбѣ съ финскими и турко-монгольскими племенами, въ пассивной борьбѣ съ суровой сѣверной природой, въ войнахъ съ западомъ, Польшей и Турціей,— все это богатѣйшее напряженіе физическихъ силъ народа, естественно оставляло мало мѣста для развитія, умственныхъ силъ. Къ научнымъ, умственнымъ занятіямъ, и особенно къ такамъ, которыя требовали естествознанія, русскіе люди обнаруживали не только холодность, но и недоуверіе: они не знали ни земли, ни воды своей, и не хотѣли учиться (*). Отсутствіе умственныхъ интересовъ въ русскомъ народѣ и обществѣ поражало западныхъ путешествен-

*) Петрей (in chronic. moscovitic. p. 311).

никовъ по Россіи *). По причинѣ такой умственной неразвитости, вслѣдствіе отсутствія естественно-научной, реально-познавательной дѣятельности, умственныхъ интересовъ и занятій, духа изслѣдованія и пытливости, — въ народѣ естественно, преобладали одни мускулярныя силы и занятія **), одно воображеніе. Отъ неразвитости умственно-индустриальной избрѣтательности простекло преобладаніе въ древней Россіи

*) Олеарій говоритъ: „Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ, тѣмъ менѣе съ охотою занимаются ими... Естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно поддаются ихъ грубому и неразумному сужденію... Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ достопамятными дѣлами своихъ предковъ, не стараясь узнать что-либо о состояніи иностранныхъ земель, русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Всѣ рѣчи ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ; и проч. (Путеш. Олеарія, въ Архивѣ Калачева за 1859 г. кн. 3, стр. 25—36).

**) Былины о размашистыхъ подвигахъ богатырей—воплоть выразили господствующее развитіе мускулярныхъ силъ въ древней Россіи. Силами не только боролись, но и гордились. Есть особая легенда о силѣ. (См. Исторію русской. Словесности—Шевырева Т. I. Сборникъ народныхъ стиховъ—Кирши Давидова. Сборникъ—Рыбушкина и друг.). Для усиленія развитія силы и вообще тѣлесной крѣпости и полноты въ старину употребляли и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ разныя травы, напримѣръ, девясилъ обыкновенный (*Pulsaria vulgaris*), сушевицу топянистую (*Gnaphalium uliginosum*), и др. (См. Матер. для статист. и географ. Воронеж. Губ. стр. 85). И дѣйствительно, западные путешественники единогласно отзывались о русскихъ, какъ о сильныхъ мускулистыхъ людяхъ. Петрей говоритъ: «Русскіе всѣ вообще люди рослые, сильные, дюжие, тучные...» (Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moskau, S. 583. 593). Олеарій: «всѣ мужичны вообще высоки ростомъ, полны и крѣпкаго сложенія... Русскіе—народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ и жаръ». (Архивъ 1859 г. кн. 3, сочин. Олеарія стр. 20, 25, 45, 55). Мускулярныя силы упражнялись и развивались въ палочныхъ и кулачныхъ бояхъ. Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрные битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались въ партіи и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бывали неостово и жестоко.. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. Сверхъ того, молодые люди боролись, бѣгали въ запуски, скакали на лошадяхъ въ перегонки, и проч. (См. Костомарова, Очеркъ врановъ великор. нар. стр. 141—142. Олеарія, Архивъ стр. 40. А. А. Э. Т. III, № 264). О господствѣ силы въ древней Россіи свидѣтельствуетъ также обычай *биться въ поле* изъ за земли и проч. См. правыя грамоты въ актахъ юридическихъ. Вообще, среднія вѣка, когда господствовало право сильного, главнымъ образомъ характеризуются полнѣйшимъ господствомъ и разгуломъ грубыхъ силъ мускулярныхъ силъ.

такъ называемыхъ *вытмыкъ*, хлѣбныхъ промысловъ и сильное развитіе системы кормленія *) Отсюда, при легкости прокормленія хлѣбопашествомъ, при обиліи земли хлѣбородной, естественно произошла преобладающая въ древней Россіи—хлѣбопахатная или земледѣльческая колонизація **). Преимущественное развитіе и значеніе мускулярной силы, обусловило способность къ военнымъ занятіямъ и промысламъ—«полонъ», «добычу», «грабежъ», а потомъ службу *своей силой* за кормъ за хлѣбное и денежное жалованье, за жалованья земли ***). Отсюда

*) Отсюда самая поземельная мѣра выражала представленіе о желудкѣ или насыщеніи человѣка и называлась *вытью*, т. е. такимъ участкомъ земли, съ котораго могло быть сытымъ семейств. (Сошное письмо, во XVII кн. Временника. Неволяна, о Пятиг. и погостахъ Новгород. Прилож. V). Количествомъ вытей гордились и измѣряли богатство и знатность. Въ словѣ о правдѣ, приписываемомъ извѣстн. протоп. Стефану Вонифантьеву, хлѣбъ называется „главизною всехъ промысловъ“ (Обзоръ дух. писателей—Филарета подъ словомъ: Стефанъ Вонифантьевъ). Въ одномъ муромскомъ сказаніи также сказано: «главизна всякъ—поля хлѣбородныя» (См. во Владим. Собрн. въ статьѣ о Муромѣ). По народному міросозерцанію, хлѣбопашество—богоопредѣленный источникъ пропитанія, богатства, основанія скотоводства, торговли и всякаго добра.

***) О которой и будетъ дальше сказано подробно.

***) Упражненіе мускулярныхъ силъ въ палочныхъ и ружайныхъ бояхъ причало къ войнѣ, развивало неустрашимый и храбрый воинственный духъ. (Костомарова, Очеркъ нравовъ великорусскаго народа, стр. 141—142). Чтобы наиболѣе развивалась мускулярная сила, русскіе съ 14-ти лѣтъ учились военнымъ занятіямъ и, кромѣ того, ѣли сырое мясо разныхъ звѣрей, оленину съ саломъ дикихъ звѣрей и проч. Вунделеръ (Reisen nach Dänemark, Russland und Schweden 1589 и 1590, во Frankfurt Archiv, für ältere deutsch. Literatur, u Geschichte, herausgegeben. von J. C. von Fikhardt. Frankf. 1812. Th. I. S. 163—235) на стр. 211 говоритъ: „Такъ-какъ великіе князья ежегодно нуждаются въ большомъ количествѣ военныхъ людей, то чрезъ каждые три года, всѣ дѣти боярскіе, какъ только достигнуть 14-ти лѣтъ, записываются въ службу и требуются на войну... Самая обыкновенная ихъ пища въ полѣ: олень (Hirsch, Hirse), приготовленный съ саломъ дикихъ звѣрей (mit Wildt-Thier-Schmalz gekocht), лукъ и чеснокъ, сухая рыба, сырое (wildt, roh) мясо многоразличныхъ звѣрей. Вообще здѣшніе жители очень терпѣливы и сносны (sie sind also leidlich und können sich in alle Zeit schicken)“. Русскіе съ молодю причались къ разнымъ воинскимъ приемамъ и обычаямъ, развивали особыя тѣлесныя способности. Наприм. Ст. Какашъ (1602 г.) говоритъ: „московитяне имѣють обычай, когда ѣдутъ въ путь (на войну), или стоять на посту, свистѣть губами безъ всякаго инструмента; посредствомъ памяти и долговременнаго упражненія съ юности, они приобрѣтають въ этомъ занятіи большое совершенство (Archiv für Geographie, Historie, Staats-und Kriegskunst. 1811. Путеш. Какаша въ №№ 11, 12, 27, 29, 37, 39, 40, 41). Изъ-за хлѣбнаго жалованья служили *своею силою*. Дополн. къ А. И. т. III, № 87 и

пронстекала особая военно-служилая колонизация — стратегическая или острожная, стрѣлцкая и казачья, линейно-сторожевая, ландмилицкая и военно-поселенческая *).

ми. др. Первоначально цѣлью или непремѣннымъ условіемъ всѣхъ древне-русскихъ войнъ, особенно до XII-го в., были — полонъ, грабежъ, добыча, а въ Сибири, въ XVII-мъ в., ясакъ. Въ старину, напрямѣръ, чуть происходила разлада между городами или княжествами, тотчасъ начинался грабежъ и полонъ (см. наприм. Соф. Врем. I, 345): „сподлишися на грабежъ, учиниша ратнѣя вси волости пусты, села пожгоша, а города поймаша, а люди въ полонъ шведоша, а имѣнѣя разграбиша, а жита потравиша... Великаго Новгорода разбойницы 70 умкуевъ, съ воеводою Прокофомъ, пришедши взяти Кострому и радъ разбоємъ, людей пазѣкоша, а имѣнѣхъ въ полонъ ведоша, и жены и дѣти ихъ, а товаръ пограбиша“, и проч. (Соф. I, стр. 348—350). Вообще, о каждой древне-русской войнѣ обыкновенно говорится: сожгли или разграбили села и города, полону, женѣ и дѣтей, многое множество вывели, и все богатство ихъ взяли и т. п. (Никон. III, 123, IV, 16, 25 и мног. др.). „Русскіе, говорить Оlearій, весьма способны къ войнѣ и охотно идутъ на нее, такъ-какъ они ведутъ жизнь суровую.. Цѣль войны состоитъ въ грабежѣ, убійствѣ и желаніи обогатиться“. (Архивъ 1869. кн. III, стр. 45). О военныхъ промыслахъ служилыхъ людей въ принскѣ ясачныхъ землицъ и людей въ Сибири, о грабежахъ ихъ см. Дополн. къ акт. историч. т. III — VIII.

*) См. „О сторожевой, станичной и полевой службѣ, на польской или степной украинѣ москов. государства“ — соч. Бѣляева, въ чтен. моск. общ. ист. 1845 — 1846. кн. IV. Въ актахъ XVI и особенно XVII в. весьма часто говорится, что такого-то кѣста и въ такомъ-то кѣствѣ (преимущественно въ понизовомъ, заволжскомъ приу), „Государь указалъ поставить городъ или острогъ и населить его стрѣльцами, пушкарями и защитниками. Въ Сибири, служилые люди, прискивая немрныи ясачныя землицы, ставили и населяли города, остроги и зимовья. См. Дополн. къ акт. истор. т. III — VIII (наприм. т. VI, №№ 1, 5, 10, 21, 89 118 и 130; т. VII, № 74; т. VIII, №№ 11, 101). Въ XVII в. повсюду около городовъ устраивались стрѣлцкія слободы. А. А. Э. т. IV, № 2^о. Владим. Сборн. стр. 78. Доп. къ А. И. III, № 16. Солдатами населяли деревни. Доп. къ А. И. т. III, № 64. Въ началѣ XVIII стол. драгунскими и пѣхотными полками населялись особыя слободы по дистриктахъ и при городахъ. (И. С. З. т. V, №№ 3,899, 3,904; т. VII, №№ 4,611, 5,017, стр. 746; № 5,033, стр. 760; № 5,117, стр. 823). При Аннѣ Ивановнѣ и въ послѣдующее время, казаками населяли особые казачьи города и слободы, на царицынской линіи. (И. С. З. т. VIII, №№ 5,923, 5,868, 6,007, 6,129 и друг.). Военной колонизацией, въ XVIII в., прореведа была также цѣль крѣпостей, слободъ, станицъ и форпостовъ сначала по линіи закамской или черемшанской, потомъ по линіи яицкой: обѣ эти линіи заселялись казачьями, пехотными солдатами, ланд-милицкими полками. (И. С. З. т. X, № 7,278. Лексик. Татищева ч. I, стр. 89, 149, 162 — 163, 200, 236; ч. III, стр. 78, 201, 212. Сочин. и перевод. 1759 г. ч. I, стр. 803, 304, 310 — 312, 393.) Jonas Hanway, zuverlässige Beschreibung. seiner Reisen von London durch Russland und Persien in den Jahren von 1742 bis 1750. В. I, с. 3. в. 10—14. Тутъ же и карта этой военной стратегической колонизации. (Рычковъ, описывая приго о.ки, крѣпости, редуты, населенныя стрѣльцами и

Результатомъ общей односторонности, обусловившей преобладаніе или исключительное развитіе только земледѣльческихъ, и военныхъ поселеній, былъ крайній недостатокъ въ древней Россіи высшихъ индустріальныхъ способностей и знаній, индустріальной интеллигенціи и изобрѣтательности и вслѣдствіе того, слабое развитіе индустріальныхъ народныхъ ассоціацій, мануфактурно-промышленныхъ, фабрично-заводскихъ и торгово-промышленныхъ поселеній. *) Общая несостоятельность въ области индустріальнаго мышленія, занятія и труда, проистекавшая отъ крайняго недостатка или отсутствія реальныхъ знаній, общій недостатокъ промышленной интеллигенціи и изобрѣтательности—только усиливали численное преобладаніе земледѣльческихъ поселеній, въ ущербъ индустріальнымъ, фабрично-заводскимъ,

солдатами, замѣчаютъ: „Намѣреніе сего поселенія, думаю, состояло въ томъ, чтобы среди нововѣрныхъ народовъ, сдѣлать російскія поселенія, которые бы могли примѣчать всѣ дѣйствія и движенія тогда еще новыхъ, а притомъ къ возмущенію склонныхъ народовъ. Стрѣльцы были на то весьма способны“, и проч. (Журн. или Дневн. Зам. изд. 1770 г, I, стр. 10.). Наконецъ, извѣстны позавѣшия в военныя поселенія въ южномъ и югозападномъ краѣ и въ губерніяхъ: новгородской, витебской и моголевской, народонаселеніе которыхъ простиралось въ 1858 г. до 571,989 д. м. п. (См. Тургенева, La Russie et les Russes, t. II, въ концѣ).

*) Юрій Крыжаничъ (въ сочин. о Москов. Государствѣ въ царств. Ал. Мих. въ раздѣлѣ III, на стр. 42) говоритъ о земледѣльской и вообще промышленной—*недомысливости* русскаго народа: «первое, або нашего народа люди суть коснаго, медлительнаго, небыстраго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ непоажутъ. Второе: або у насъ нѣтъ никакихъ книгъ объ тебѣнн (земледѣліи) и объ иныхъ промыслахъ, какъ суть у иныхъ народовъ. Третіе: або наше людство естъ лѣниво и неспособно; и сами себѣ не хотѣтъ добра учинить, аще не будутъ ивѣкаю силою принужены.“ Адм. Мордвиновъ (въ мнѣніи о росписи доходовъ и расходовъ на 1821 г.) говоритъ: „Науки не богатели еще всѣхъ сословіи народа въ достаточной мѣрѣ твоими знаніями, которыя къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и къ торговлѣ относятся и даютъ произведеніямъ рукъ человѣческихъ совершенство“. (Чтен. Общ. Истор. 1859 г. Кн. I, Отд. V, стр. 7). Въ мнѣніи о причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи онъ говоритъ: «Ничто не поощряетъ труда и дѣятельности и не раскрываетъ умственныхъ способностей поселенія“. (Чтен. Общ. Истор. 1860 Кн. I, Отд. V, стр. 30). Въ Горномъ Журн. за 1826 г., кн. I, на стр. 152 тоже замѣчено объ умственномъ состояніи сельскаго народа, по случаю извѣстія о пиколѣ Сельскаго Хозяйства и Горнозаводскихъ Наукъ: „Россія, обильная всеми дарами щедрой природы, обитаемая трудолюбивымъ и смышленнымъ народомъ, донныи мало пользовалась выгодами, происходящими отъ приличнаго образованія и обученія людей, занимающихся сельскими работами... Но во сколько кратъ люди сіи были бы полезнѣе, если бы природныя ихъ способности изощрены и усовершенны были ученіемъ, если бы обучать простыхъ земледѣльцовъ разнымъ мастерствамъ, открыть имъ новый путь къ обогащенію въ ремеслахъ, и проч.

мануфактурнымъ и торгово-промышленнымъ ассоціациямъ. Въ началѣ вышшняго столѣтія, земледѣльческія поселенія составляли у насъ $\frac{9}{10}$ всего народонаселенія (тогда какъ въ Англіи $\frac{1}{3}$) и 18 милліоновъ душъ муж. пола сѣяли хлѣбъ, чтобы прокормить только 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителямъ *). Въ 1826 году Malchus считалъ въ Россіи земледѣльцевъ 79 процентовъ всего народонаселенія, тогда какъ городского, промышленнаго сословія только 6 процентовъ **). Въ настоящее время, земледѣльческое сословіе составляетъ около 88% всего мужескаго народонаселенія, между тѣмъ какъ торговое сословіе меньше $\frac{3}{4}$ %, мѣщане и цеховые около 6 $\frac{1}{3}$ %. Военно-служилый характеръ колонизаціи и военно-стратегическія основы городовъ, естественно, тоже не были благоприятны для широкаго и цвѣтущаго развитія мирныхъ индустріальныхъ занятій.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, въ Россіи, естественно, не развивались цвѣтущія индустріальныя корпораціи труда и населенія. Въ городахъ древней Россіи не только не проявлялось промышленное изобрѣтательное творчество, но чрезвычайно плохо развивалась и простая ремесленность. Извѣстный писатель въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Юрій Крыжаничъ говоритъ: «наиболѣе всего богато, славно и сильно то государство, гдѣ хорошія понятія, смѣтки и убѣжденія, или отъ природы даровиты и домысливы разумы, и гдѣ, потому, цвѣтеть всякое рукодѣлье и ремесло, и великая морская торговля: такъ—въ англичаской и брабантской землѣ... Оказывается, что и русская земля мало имѣетъ торговли... Ремесла до сихъ поръ въ Россіи съ трудомъ заводились. А только ремесломъ умножается земля и наполняются города» ***). Такъ какъ побужденія мускулярныя преобладали въ древней Россіи надъ мыслящими способностями и надъ высшими умственными потребностями и занятіями, то преобладали и промыслы кормовые надъ мастерствами и занятіями умственными, требующими болѣе или менѣе интеллектуальной сообразительности. Напримѣръ, въ самой Москвѣ, въ мѣщанской слободѣ, въ 1677 году, даже такими, самыми простыми умственными занятіями, какъ — ученіе дѣтей въ школѣ, книжная торговля, живопись, печатанье листовъ, переписка и переплетъ книгъ,

*) Чтен. Общ. Истор. 1860 г, Кн. 1, отд. V, стр. 29—30.

**) Statistik und Staatenkunde, S. 200.

***) Русское государство въ полов. XVII в. раздѣлъ I, стр. 7. 8; разд. III, стр. 39. 40.

дѣланье органовъ и насосовъ, садоводство, — промышляли всего только 3 человекъ, и приходилось только по 1 человекъ на каждое изъ этихъ занятій. Между тѣмъ какъ однимъ мясомъ торговали въ той же мѣщанской слободѣ до 52 человекъ, рыбой болѣе 20, хлѣбомъ печенымъ и калачами до 24, разнымъ харчомъ до 11, ветошьемъ до 12 человекъ, и т. д. И до такой степени не развиты были индустріальныя понятія, что наприм. кормленье именовъ Христовымъ или подъячествомъ официально считалось и записывалось въ числѣ городскихъ ремеслъ и промысловъ *). Кормовыя руководѣля конечно мѣщали умственнымъ трудамъ **). По отсутствію самостоятельнаго умственного труда и творчества, по совершенному отсутствію реальныхъ знаній, умы русскіе сами собою ничего не могли изобрѣсти, не смотря на богатыя природныя способности, и только легко и быстро могли усвоить чужія изобрѣтенія ***). Естественныя богатства русской земли, напримѣръ, горной природы, долго вовсе не вызывали въ Россіи разумной промышленности единственно потому, что не было естественныхъ знаній, не доставало средствъ къ изслѣдованію, открытію, добычѣ и разработкѣ ихъ ****). Когда устроились горныя заводы, мастера, по словамъ де-Геннина, «были самыя бездѣльные и необученые, и ученья не было» ****).

*) Чтен. Общ. Истор. 1860 г. кн. 2, отд. V, стр. 1—20, опись, кто чѣмъ промышлялъ.

***) Напримѣръ, одинъ грамотникъ — лѣтописецъ XVI или XVII в. говорить: „много помышляхъ вѣчто разумѣти и избрати отъ многи лѣта писанныхъ и бытейскихъ книгъ нужнѣйшая, и возбраняемъ есмь отъ руководѣля, еже стужати чѣмъ животь кормити“. Сборн. сол. библ. № 861. л. 10 и 11.

****) Олеарій говоритъ о подражательности и перенимчивости ума русскихъ ремесленниковъ. См. путеш. его въ Архивъ 1859 г. кн. III, стр. 53. Новѣйшій писатель (de la Russie, 1842 р. 45) замѣчаетъ: „jusqu'ici le Russe n'a montre que des facultés d'imitation. Изъ древнихъ, Юрій Крижаничъ замѣчалъ: „Народа нашего люди суть коснаго разума, и не удобно сами что выдумаютъ, если имъ не покажутъ.“ Разд. III, стр. 42.

*****) „Наше російское государство, говорилъ Петръ В. въ указѣ 10 Декабря 1719 г., предъ многими чужими землями преизобилуетъ и потребнымъ металлами и минералами благословенно есть; которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежить; сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію та, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оныя въ пользу государственную проивести, неразумѣли.“

*****) Горный журн. 1826 г. № 4, 5. Біографія и письма де-Геннина историч. начертаніе Горнаго дѣла въ Россіи — Германа.

И въ половинѣ XVIII в. индустриальныя способности русскихъ такъ еще были не развиты, что, напримѣръ, рисовальщики на фабрикахъ могли только списывать готовые рисунки, а своихъ изобрѣсти были не въ состояніи *). Во всей нашей ремесленности мало было разумности и знанія. «Много людей, — писалъ одинъ русскій публицистъ отъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, — много людей имя ремесленниковъ у насъ носить, но мало есть такихъ, которые бы ремесло званія сего достаточно знали. Если избирать только такихъ, которые совершенно его знаютъ, подвергнувши сперва ихъ строгому испытанію, то едва ли изъ тысячи найдется одинъ, который бы достоинъ былъ имени мастера» **). При такой неразвитости нашихъ индустриальныхъ способностей и знаній, протекающей отъ неразвитости и нераспространенности естественно-научныхъ, реальныхъ знаній, — понятно существованіе у насъ множества пустыхъ, безполезныхъ и даже вредныхъ промысловъ, понятна эта ограниченность промышленныхъ идей, отраслей труда и проч. Наконецъ, нужно только взглянуть на географическое распредѣленіе нашихъ мануфактурно-промышленныхъ поселеній, чтобы видѣть, какъ мало и ограничено у насъ вліяніе знаній на развитіе и распространеніе этихъ поселеній. Мануфактурно-промышленныя поселенія у насъ сосредоточены главнымъ образомъ только въ центральной возвышенности между верхнею Волгою и Окою, въ губерніяхъ: московской, владимірской, востромской, ярославской и калужской, въ половинѣ нижегородской, тульской и около $\frac{1}{3}$ тверской. И тутъ чисто естественная необходимость обусловила развитіе этихъ поселеній. Именно, когда скудная почва, съ возрастаніемъ населенія, отъ долговременной, расхищающей системы земледѣлія, безъ рациональной обработки и удобренія, въ теченіи вѣковъ, истощилась, — крестьяне поневолѣ должны были взяться за мануфактурную промышленность. Близость къ столицамъ и географическое соудѣство центральныхъ великорусскихъ губерній между собою — способствовали развитію и распространенію мануфактурно-ремесленной промышленности. Но и то не много. Изъ 67 или даже 72 милліоновъ народонаселенія, все-таки мануфактурно-промышленнаго населенія считается только около 6,400,000. И въ этомъ числѣ преобладаетъ сель-

*) П. С. З. № 10, 129.

**) Чтен. Общ. Ист.

стві, земледѣльческій элементъ. Напримѣръ, льняной и пеньковой промышленностью занимаются до 4,500,000 рабочихъ, тогда какъ химическими продуктами только 1,200. Фабрично-заводская промышленность не развивается у насъ именно по самому характеру нашего рабочаго, почти исключительно земледѣльческаго, населенія, лишеннаго знаній, неумѣющаго сложныхъ и дорогихъ машинъ и неумѣющаго обращаться съ ними.

Итакъ, общій взглядъ на самое происхожденіе, географическое развитіе и соотношеніе главныхъ формъ или слоевъ нашего населенія ясно показываетъ, что, вообще, въ *земскомъ строеніи*, или въ социально-географическомъ устройствѣ и распредѣленіи народа—еще слишкомъ слабо, даже вовсе незамѣтно было участіе и дѣйствіе реальныхъ знаній. Если мы глубже и подробнѣе прослѣдимъ естественныя и умственные условія историко-географическаго распространенія и устройства всѣхъ главныхъ формъ поселеній, то еще больше убѣдимся въ этомъ. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе на естественныя и умственные условія географическаго распредѣленія земледѣльческихъ поселеній въ Россіи.

Зачатки умственнаго стремленія къ выходу изъ общей зоолого-географической области природы, или изъ звѣроловнаго, охотничьяго бродячаго быта, чуть чуть выражающіеся уже въ пастушескихъ, номадныхъ поселеніяхъ, яснѣе и полнѣе обнаруживаются въ происхожденіи и географическомъ распространеніи земледѣльческихъ поселеній *). Охотничьи племена, движимыя потребностью пищи, одежды и защиты отъ вліяній климата, въ своихъ способахъ исканія средствъ для всего этого, а вслѣдствіе того—и по самымъ поселеніямъ своимъ, почти всецѣло входятъ въ общую зоологическую область природы, въ составъ цѣлаго животнаго міра. Потому и самое географическое распространеніе ихъ племенныхъ поселеній получаетъ характеръ общаго географическаго распространенія фауны или животнаго царства, и всецѣло зависитъ отъ зоолого-географическихъ усло-

*) Объ естественныхъ или зоолого-географическихъ и умственныхъ условіяхъ охотничьихъ, пастушескихъ и скотоводческихъ поселеній въ Россіи будетъ подробно сказано въ особой статьѣ.

вій. Они, подобно звѣрямъ, живутъ, по выраженію нашей начальной лѣтописи, *звѣринскимъ образомъ*, въ лѣсахъ и горахъ, бродятъ и гоняются, какъ звѣри, за добычей животной пищи, ѣдятъ всѣхъ безъ различія звѣрей, ведутъ съ звѣрями борьбу за существованіе такъ же, какъ и сами звѣри ведутъ ее между собою и съ охотниками. Весь животный міръ, всѣ лѣса и горы, на обширномъ пустынномъ пространствѣ—вотъ ихъ отечество и домохозяйство. Человѣческаго, интеллектуальнаго, сознательнаго самовыдѣленія изъ общей зоологической сѣеры, или среды, изъ лѣсной и горной фауны, въ началѣ развитія охотничьихъ поселеній—почти вовсе незамѣтно, или оно проявляется смутно. Охотничьи племена и мыслятъ образами зоологическими, животными. Отсюда зооморфизмъ міросозерцанія и такъ называемый животный эпосъ. Не то уже въ пастушескихъ поселеніяхъ. Въ инициативѣ и устройствѣ пастушескихъ или кочевыхъ скотоводческихъ поселеній, умъ дикихъ племенъ даетъ уже первый толчокъ къ преобладанію надъ географическимъ и зоологическимъ началомъ природы и, въ частности, надъ міромъ звѣрей. Въ устройствѣ и географическомъ расположеніи пастушескихъ поселеній, умъ дикихъ племенъ, движимый тоже потребностью пищи, одежды и жилища, уже сумѣлъ концентрировать всѣ необходимые для этого матеріалы, всѣ жизненные угоды въ тѣсныхъ зоолого-географическихъ предѣлахъ природной экономіи, и, вслѣдствіе того, обусловилъ значительную пространственную или зоолого-географическую локализацию пастушескихъ поселеній. Здѣсь, слѣдовательно, есть уже зачатки покоренія природы, хотя бессознательнаго. Умъ дикихъ пастушескихъ племенъ опознается въ общей сѣерѣ зоолого-географической среды, опознается въ общемъ пространствѣ лѣсной и горной природы и въ общей области животнаго царства. Вслѣдствіе этого, номадь-пастухъ, во-первыхъ, распознаетъ и различаетъ индивидуальныя формы и типы географическіе, выходитъ изъ лѣсовъ и выбираетъ тѣ или другія, болѣе удобныя степи, долины рѣчныя или горныя равнины, и такимъ образомъ, хотя немного, концентрируется въ извѣстной мѣстности, дѣлается господиномъ извѣстнаго, опредѣленнаго пространства или географической области; во-вторыхъ, выдѣляется изъ общей зоологической среды, выбираетъ извѣстный, наиболѣе нужный ему кругъ животныхъ, и млекопитающихъ, приручаетъ, покоряетъ ихъ своимъ нуждамъ, и такимъ образомъ становится хозяиномъ извѣстной зоологической группы, или животной породы. Въ этомъ состояніи, наши

номады, напримѣръ, тунгусы, дѣлятся на оленьихъ, конныхъ, табунныхъ, скотныхъ, собачныхъ и т. п. Поэтому, пастушескія поселенія, выражающія первые признаки умственного стремленія къ локализациі въ пространствѣ природы и къ выходу изъ общей зоологической среды, представляютъ естественный переходъ къ прочно осѣдлой земледѣльческой колонизациі. Въ земледѣльческихъ поселеніяхъ, — стремленіе къ преобладанію надъ географическимъ началомъ природы и выходъ изъ общей зоолого-географической области, достигаетъ наибольшаго выраженія. Въ земледѣльческой колонизациі, умственные успѣхи народонаселенія выражаются, во-первыхъ, въ ограниченіи пространственнаго или географическаго начала прочно осѣдлой локализацией поселеній, во-вторыхъ, въ ограниченіи умственной и бытовой зависимости отъ зоолого-географическихъ условій и данныхъ природы вслѣдствіе зачатковъ хлѣбопашества. Здѣсь уже умъ народный стремится покорить не животную, а растительную природу и почву, и, вслѣдствіе этого, человѣкъ впервые твердо прикрѣпляется къ землѣ. Отсюда является прочная осѣдлость, домъ, отчина или родина, отечество. Земледѣльческая колонизациія и культура, на одномъ и томъ же пространствѣ или плоскости можетъ прокармливать въ 20 и даже 30 разъ больше людей, чѣмъ номадія, такъ же, какъ эта послѣдняя въ 20 разъ больше, чѣмъ охота. Земледѣлецъ уже не имѣетъ никакого основанія, какъ охотникъ и даже пастухъ, бояться приселенія къ себѣ другаго земледѣльца-сосѣда. Вслѣдствіе этого, естественно организуются сельскія общины, міры *). Наконецъ, земледѣльческая колонизациія и культура обуславливается уже не зоолого-географическими, а растительными областями и поясами. Поселенія охотничьи и пастушескія распространяются по зоологическимъ областямъ, въ слѣдъ за звѣрями и животными. А колонизациія земледѣльческая идетъ вмѣстѣ съ колонизацией растений, по растительнымъ областямъ и поясамъ и, вмѣстѣ съ географическимъ распространеніемъ поселеній, распространяетъ культурныя растенія **).

*) Въ древней Россіи потому главнымъ образомъ и колонизовались земледѣльческія общины, что крестьяне, собираясь въ общины, сами охотно «перезывали» къ себѣ «сосѣдей» — вольныхъ охочихъ людей и отводили имъ волостныя порожнія земли, „поговора со вѣтмъ міромъ и съ сусѣдами волостными.“ См. статью: «Сельскіе міры и мірскіе сходы» въ „Вѣкъ“ за 1862 г. А. А. Э. т. I, № 73. А. Юрид. № 6 А. А. Э. т. I, № 232 и мн. др.

**) Поэтому и исторія и географія растений всегда находилась въ тѣс-

Все умственное развитіе земледѣльческихъ поселеній, на пути ихъ географическаго распространенія, зависѣло главнымъ образомъ отъ успѣховъ борьбы съ климатическими и почвенными условіями природы, отъ степени покоренія культурѣ растительнаго царства *), отъ мѣры познанія физическихъ силъ и законовъ и подчиненія ихъ нуждамъ и пользамъ земледѣльской колонизаціи и культуры. Агривкультурной колонизаціи предстоитъ несравненно больше борьбы съ внешней природой, чѣмъ фабрично-заводскимъ, мануфактурно-промышленнымъ или торговымъ поселеніямъ. И чѣмъ меньше она покоряетъ природу, чѣмъ менѣе основывается на естествознаніи, на опытахъ,

ной связи съ исторіей цивилизаціи и переселенія народовъ. Декандоль, указывая на эти факты и доказательства въ своей ботанической географіи, говоритъ: „Après l'histoire géologique du règne végétal, est venue l'histoire, pendant l'époque actuelle, depuis quelques milliers d'années. Et e se lie sous certains rapports avec l'histoire de l'homme. Il est intéressant pour un historien de savoir comment les espèces cultivées étaient réparties à l'origine. Il verra, peut-être avec surprise, qu'elles manquaient à des régions éminemment favorables au développement de l'espèce humaine (p. 985). Il trouvera dans ces faits une des causes de la marche des civilisations, et dans les cultures communes à certains peuples une preuve, tantôt de leurs migrations les plus anciennes (p. 833, 872, 913) ou au moins de communications (p. 882, 953, 957), et plus souvent, par la diversité des cultures primitives, la preuve d'une séparation complète et prolongée entre les anciens peuples (Chap. IX), (M. Alph. De-Candolle, Géographie botanique raisonnée, Paris, MDCCCLV, t. I. p. XXII).

(*) Декандоль такъ опредѣляетъ степени распространенія и культуры растений въ разные періоды и состоянія народныхъ цивилизаціи: „Les premières peuplades qui se sont répandues sur chaque continent ont porté probablement avec elles quelques espèces de plantes utiles et surtout quelques-unes de ces graines qui s'attachent aux vêtements et aux animaux domestiques, et qui se développent bien dans le voisinage des habitations, près des fumiers, des terrains brûlés et des décombres. Plus une population est faible, plus elle est étrangère aux arts de la civilisation, plus ces premiers transports de graines sont insignifiants. Ensuite, la population devenant plus dense, plus civilisée, l'agriculture ayant pris naissance et étendu son domaine, les occasions de transports se multiplient et s'appliquent à des espèces plus nombreuses. Les peuples chasseurs ou pasteurs parcourent sans doute d'assez vastes étendues de pays, mais les peuples cultivateurs préparent des terrains propres à recevoir des espèces nouvelles, et faisant venir les graines de leurs champs de pays plus ou moins éloignés, il introduisent avec elles des plantes diverses, dont plusieurs naturellement deviennent spontanées. И т. д. Декандоль указываетъ историческіе успѣхи и способы распространенія и культуры растений и замѣчаетъ: Il est clair que, dans les pays civilisés, la culture s'applique à un grand nombre de plantes et fait varier extrêmement la nature physique des terrains“ (Géograph. botanique, t. II p. 621—622).

открытіяхъ и знаніяхъ физико-географическихъ, метеорологическихъ, химико-физиологическихъ и вообще естественно-научныхъ, — тѣмъ невѣжественнѣе, неправильнѣе и медленнѣе устроиваются земледѣльческія поселенія, тѣмъ хуже развиваются *). Посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія, на сколько участвовали и взаимодействовали въ географическомъ распространеніи, устройствѣ и развитіи земледѣльческихъ поселеній умственные и естественныя силы.

1) Уже самый первый толчокъ въ географическому распространенію и устройству земледѣльческихъ поселеній дали не столько умственные понятія и расчеты, сколько естественныя, желудочныя потребности и побужденія. **) На переходѣ отъ охотничьей и пастушеской кочевой жизни къ земледѣльческой колонизаціи и культурѣ, первымъ и главнымъ мотивомъ, естественно, служилъ инстинктивная потребность хлѣба. Либихъ такъ объясняетъ эту чисто-естественную потребность для человѣка хлѣба и земледѣлія: «Ежедневный расходъ дыхательныхъ средствъ, по количеству, составляетъ въ пять или шесть разъ больше, нежели вѣсъ пластическихъ веществъ, и въ голодные годы недостатокъ первыхъ преимущественно чувствуется во вѣсѣхъ классахъ народа. Между тѣмъ какъ цѣна жира, масла, увеличивается по мѣрѣ того, какъ увеличивается цѣна на хлѣбъ,

*) О вліяніи естественныхъ законовъ на судьбы земледѣльческихъ поселеній, см. «Химію въ приложеніи къ земледѣлію и физиологіи растений» — Либиха, именно главу: «Земледѣліе и исторія». 1864 г. стр. 60—95. Также «Письма Либиха о нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства». Спб. 1861.

**) Либихъ говоритъ: «Государственное устройство, социальная и семейная связи, ремесла, промышленность, искусство и наука, однимъ словомъ все, тѣмъ въ настоящее время отличается человѣкъ, обуславливается фактомъ, что человѣкъ для поддержанія своего существованія ежедневно нуждается въ пищѣ, что онъ имѣетъ желудокъ и подчиненъ закону природы, по которому долженъ необходимую для него пищу произвести изъ земли своими трудами и искусствомъ, потому что природа сама собою не даетъ ему, или даетъ въ недостаточномъ количествѣ необходимыхъ питательныхъ веществъ... Всякое нарушеніе равновѣсія, между запасомъ пищи и потребностью народонаселенія, вынуждаетъ людей, для возстановленія равновѣсія, взаимно уменьшать свою численность; тогда одно племя тѣснить другое... Отдѣльный человѣкъ становится воровъ и убійцею, массы выселяются или становятся завоевателями... Для великаго дѣлаго окончателно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, владычественно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣлавшихся неплодородными, въ плодородныя». (Химія, въ приложеніи къ Земледѣлію, стр. 64—65).

а сообразно тому и цѣна на картофель; цѣна мяса обыкновенно не измѣняется, а остается какъ въ дешевые годы. Причина тому та, что хлѣбъ можетъ замѣнить мясо, тогда какъ для потребностей человѣка мясо не вполне можетъ замѣнить хлѣбъ... Питающемуся мясомъ человѣку, для поддержанія себя, необходимо огромное поле, болѣе обширное, нежели льву или тигру, ибо онъ—когда представляется случай—убиваетъ и не употребляетъ въ пищу убиваемой имъ добычи. Толпа охотниковъ, живя на тѣсномъ пространствѣ, рѣшительно неспособна къ размноженію; необходимый для дыханія углеродъ долженъ быть поглощенъ животными, которыхъ на данномъ пространствѣ можетъ жить лишь ограниченное число. Животные эти собираютъ составныя части своей крови и органовъ, съ растений и отдаютъ ихъ живущимъ около индѣйцамъ, употребляющимъ ихъ въ пищу безъ веществъ, поддерживающихъ дыханіе этихъ животныхъ въ теченіи ихъ жизни. Индѣйцу для прокормленія и поддержанія своего здоровья въ теченіи нѣсколькихъ дней было бы достаточно одного такого животнаго, если бы въ пищу его входило столько же по вѣсу крахмала, сколько вѣситъ животное; а между тѣмъ онъ для образованія необходимой на это время теплоты долженъ съѣсть пять такихъ животныхъ. Пища его содержитъ избытокъ пластическихъ питательныхъ веществъ; въ теченіи большей части года въ ней не достаетъ именно дыхательныхъ средствъ; на этомъ-то основано, что человѣкъ, питающійся преимущественно мясомъ, всегда имѣетъ наклонность къ употребленію вина. Какъ нельзя яснѣе понята практическая сторона земледѣлія въ рѣчи предводителя сѣверо-американскаго индѣйскаго племени, переданной французомъ Кревекурромъ. Советуя своему племени заниматься земледѣліемъ, этотъ предводитель обращается къ нему: «Развѣ вы не видите, что бѣлые живутъ хлѣбомъ, а мы мясомъ? Что мясу необходимо 30 мѣсяцовъ для того, чтобы дойти до надлежащаго возраста, и къ тому оно встрѣчается еще рѣдко? Что каждое изъ удивительныхъ сѣмянъ, ими за-сѣваемыхъ, имъ приносить въ 100 разъ больше? Что у мяса четыре ноги, чтобы скрыться отъ насъ, а у насъ ихъ всего двѣ? Что сѣмена остаются на томъ же мѣстѣ, куда ихъ сѣютъ бѣлые люди? Что зима, представляющая для насъ время самой затруднительной охоты, для нихъ есть время отдыха? Поэтому я говорю каждому, кто меня хочетъ послушать, что раньше нежели деревья надъ нашими шаламами увянутъ отъ старости и раньше чѣмъ клеповое де-

рево въ долинѣ перестанетъ намъ давать сахаръ, раньше этого времени, говорю я вамъ, порода хлѣбопашцевъ, уничтожить породу мясолюбную, если послѣдняя не рѣшится приняться за земледѣіе.» *) Поѣтому племена человѣческія очень давно уже, еще въ варварскія времена, стали воздѣлывать хлѣбныя растенія, именно по причинѣ питательности ихъ тяжеловѣсныхъ зеренъ. **)

*) Письма о Химп, Либиха. Т. II, стр. 154—156. См. также о химико-физиологическомъ значеніи хлѣба у Моешотта, въ «Ученіи о пищѣ», въ 3 главѣ «О хлѣбѣ, стр. 89—95. Fr. Schoedler, въ своемъ сборникѣ «Das Buch der Natur», тоже ссылаясь на слова предводителя сѣверо-американскаго племени, цитированнаго Либихомъ, замѣчаетъ: Sehen wir wie die wissenschaftliche Botanik, indem sie die Lebenserscheinungen erforscht und darlegt, berufen ist, der Landwirthschaft die wichtigsten Dienste zu leisten und somit das allgemeine Wohl zu befördern, denn dasselbe ist in dem ergiebigen Ackerbau sicherer gegründet, als durch die Blüthe eines jeden anderen Gewerbes. Wenn erzählt wird, das der Kaiser von China jährlich einmal die Hand an den Pflug legt, sowie dass einst der Kaiser Joseph auf seiner Reise durch Böhmen eigenhändig eine Furche zog, so sind diese Handlungen nur ein Ausdruck der Anerkennung der hohen Wichtigkeit des Ackerbaues. Nicht minder bezeichnend für die cultur-geschichtliche Bedeutung des Ackerbaues erscheint im Alterthum als mythische Gottheit zugleich des Ackerbaues und der Gesittung die Ceres—
„Die Bezähmerin wilder Blüthen,

Die den Menschen zum Menschen gesellt. (Buch der Natur, Th. II. S 245). Отсюда проистекла идеализація и апотеозъ хлѣба, земледѣія, плуга и проч. Идиллическія похвалы земледѣію высказаны были классическими писателями, напр. Виргиліемъ, Варрономъ, Горациемъ, Сенекой и др. Наши предки—славяне нѣкогда поклонялись хлѣбу и воспѣвали ему пѣсни, о чемъ свидѣлствуетъ древне-славянская пѣсня: «Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, Слава! Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, Слава!» Подобно, какъ всѣ народы почитали хлѣбъ божіимъ даромъ, какъ нѣмцы называютъ его Gottes gabe, Gottes gabe, такъ и у насъ народъ доселѣ съ благоговѣніемъ говоритъ: «Божій хлѣбъ, Божій даръ». Боготвори хлѣбъ, предки наши честь воздавали и плугу. (См. Опытъ первоначальной исторіи земледѣія)—Шеппинга, Чтен. Общ. Ист. 1862 г. отд. V, стр. 81 и далѣе). Хлѣбъ и земледѣіе составляютъ особенный предметъ нашего народнаго міросозерцанія, пословицъ, примѣтъ и проч. (См. Пословицы, изд. Далемъ въ Чтен. Общ. Ист., подъ словомъ: *земледѣіе*). Но обо всемъ этомъ мы подробнѣе скажемъ въ очеркахъ народнаго земледѣльческаго міросозерцанія.

**) Декандоль, согласно съ: Loiseleur—Deslongchamps, говоритъ: Les hommes n'auraient pas été tentés de cultiver les espèces de Triticum, Hordeum etc., si les graines de ces plantes n'avaient été pesantes et nourissantes, à peu près comme elles le sont aujourd'hui. Voyons-nous des peuples barbares essayer la culture des Aegilops et de tant d'autres Graminées à graines médiocrement farineuses... Plus on suppose l'agriculture ancienne et remontant à une époque d'ignorance, plus il est probable que les cultivateurs auaient choisi des espèces offrant, à l'origine même, un avantage incontestable... De toutes observations ou

Какъ естественный, химико-физиологическій, инстинктъ и законъ побудилъ людей ѣсть и воздѣлывать хлѣбъ, такъ естественныя же, географическія условія указали первоначальныя пути и мѣста для земледѣльческихъ поселеній, на природныхъ мѣсторожденіяхъ хлѣбныхъ злаковъ. Не умственные побужденія и расчеты, не естественно-научное изслѣдованіе хлѣбныхъ растений, не высшія, раціональныя понятія о сельскомъ хозяйствѣ побудили какъ германскія, такъ и славянскія племена къ земледѣльческой культурѣ и колонизаціи, а просто самое географическое распространеніе хлѣбныхъ растений, на великомъ проходномъ пути народовъ изъ Азіи въ Европу, неволью обусловило первоначальное происхожденіе и географическое распространеніе земледѣльческихъ поселеній германцевъ и славянъ. Хлѣбныя растения были распространены въ дикомъ состояніи почти на всемъ пути великаго переселенія индо-германскихъ народовъ съ востока на западъ, и даже вблизи европейскихъ, дунайскихъ поселеній славянъ нѣкоторые виды хлѣбовъ росли въ природномъ состояніи. *) По изслѣдованіямъ Липка, Дюро-де-ля Мали, Рейнье, Люазелье Делоншампа и Декандоля, дикая пшеница была находима въ Месопотаміи, а въ новѣйшее время—въ средней Азіи; слѣдовательно оттуда: вѣроятно, и распространилась. Можно впрочемъ полагать, что отечество ея въ древности было обширнѣе и доходило до Индіи, судя по климатическимъ условіямъ. По свидѣтельству Оливье, пшеница росла въ Персіи и по правому берегу Евфрата. **) По словамъ Декандоля, культура пшеницы должна была исходить изъ странъ, лежащихъ между горами центральной Азіи и средиземнаго моря. ***)

reflexions il faut conclure que, selon les probabilités, la plupart des formes tranchées (espèces ou races bien distinctes) de céréales, existaient déjà il y a trois ou quatre mille ans, et même avant qu'on eût essayé de les cultiver. (Geographie botanique, t. II. p. 929—930).

*) См. Декандоля, *geographie botanique*, t. II. p. 928—980; статью I. Ф. Скау — «географическое распрежденіе хлѣбныхъ растений», въ «Картинахъ природы» стр. 236—264.

**) Nous trouvames, говорить онъ, —dans une sorte de ravin, le froment, l'orge et l'épeautre, que nous avons de já vu plusieurs fois en Mesopotamie. (Voyag. dans l'empire othoman. 1807. III. p. 460).

***) M. Alph. De Candolle, *Geographie botanique*, t. II. p. 931—932. En résumé, говорить Декандоль, les assertions sont anciennes et assez nombreuses pour la Mesopotamie; mais celle de M. Balansa, pour l'Asie Mineure, semble plus positive. Peut-être l'habitation primitive s'étendaitelle jadis de ce pays jusqu'au nord-ouest de l'Inde, et un changement de climat aurait diminué la

Двурядный ячмень находили дико растущимъ въ Месопотаміи, на правомъ берегу Евфрата, въ Ширванѣ, на югозападѣ Кавказа, въ Персіи. Нашъ покойный академикъ Мейеръ видѣлъ двурядный ячмень въ дикомъ произрастаніи между Ленкораномъ и Баку, у южныхъ береговъ Каспійскаго моря. Оттуда именно и, вѣроятно, изъ Персіи онъ и распространился. Рожь до сихъ поръ растетъ полудико въ Трансильваніи, Далмаціи, Австріи, и Декандоль считаетъ вѣроятнымъ отечествомъ ея страну между Альпами и Чернымъ моремъ, особенно же Венгрію, Далмацію и Трансильванію. *) Овесъ тоже находили дико растущимъ въ сѣверной Индіи, на Кавказѣ, въ Китаѣ (по Бунге, *avena nuda var. chinensis*) и даже въ Сибири; онъ росъ, по словамъ писателей, *in cultis et in incultis*. **) Такимъ образомъ славянскія племена, переселяясь изъ Азіи въ Европу, черезъ природную географическую область хлѣбныхъ растений, естественно, могли издавна научиться культурѣ хлѣбовъ. И потому уже на Дунаѣ поселенія ихъ должны были получить характеръ прочной земледѣльческой осѣдлости ***). А когда съ Дуная они переселились на Днѣпръ, то здѣсь уже не только села, но и города ихъ, по свидѣтельству летописи, «дѣлали нивы своя и земли своя» ****). Отселъ началась вѣковая и обширная земледѣльческая колонизація славянскаго племени по странамъ фицскаго, турко-татарскаго и манджуро-монгольскаго сѣверовостока Европы и Азіи.

fréquence de l'espèce и проч. p. 932. По увѣренію Генцельмана, цитированному Линнеемъ (S p. 1, p. 126), дикая пшеница росла даже у башкирцевъ, но никто не находилъ ее тамъ послѣ того времени. Въ Китаѣ пшеницу воздѣлывали за 2822 г. до христіан. эры. Аристовуль свидѣтельствуетъ, что она водилась и въ Индіи. По словамъ Бероза, въ странѣ между Тигромъ и Евфратомъ, находили *frumentum agreste, hordeum ochron* (Georgii Sincelli, *chronogr. fol. 1652, p. 28*).

*) De-Candolle, *Géographie botanique*, t. II, p. 937—938.

**) De-Candolle, *Geogr. botanique* II, p. 239—242.

***) Славяне хотя развиваются во всемъ позднѣе германцевъ, однакоже прежде ихъ стали заниматься земледѣліемъ въ теперешнихъ своихъ мѣстахъ поселенія. Уже при Геродотѣ (IV, 108) знали они земледѣліе. Въ качествѣ помадовъ они въ исторіи не являлись уже никогда. (Schafarik, *Slavische Alterth. I, S. 537. Palacky, Geschn von Böhmen I, S. 60*).

****) „Лѣсная и разная другая дичь, говорить Олеарій, находящаяся у русскихъ въ большомъ изобиліи, не дѣнится такъ высоко, какъ у насъ... Многихъ птицъ не считаютъ за нужное ловить“ (въ Архивѣ, 16—17). Русское пристрастіе къ хлѣбу, доходящее до благоговѣнія, особенно ясно выразилось въ пословицахъ о Земледѣліи. См. у Дала.

На сѣверѣ, при усиленномъ химизмѣ дыханія, хлѣбъ, какъ дыхательное средство, особенно необходимъ. Мясо для русскихъ не замѣняло хлѣба. Они почти нисколько не цѣнили естественное изобиліе животной пищи *) и только хлѣбъ считали главизною всего «и самой животины». Въ случаѣ неурожая или какаго-нибудь недостатка хлѣба, русскіе испытывали страшныя бѣдствія, не смотря на изобиліе животной пищи. Изъ-за хлѣба народъ нашъ не разъ производилъ страшныя бунты. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ во время голодовъ 1605—1608 г. народъ съ остервенѣніемъ кричалъ: «царева ради небреженія бысть голодъ: хлѣба! хлѣба! **).» Въ Псковѣ, въ 1650—1652 г., даже и не въ голодное время; а просто, по случаю выпуска хлѣба за границу, тоже былъ бунтъ изъ-за хлѣба: «учинися, какъ сказано въ актахъ, межь народа всѣхъ православныхъ христіанъ мятежь за хлѣбъ». Не умѣя объяснить естественной, химико-физиологической потребности хлѣба, народъ составилъ убѣжденіе и пословицу. «Господь повелѣлъ отъ земли кормиться; все добро за хлѣбомъ; держись за сошенку, сѣй хлѣбъ—не спи; не жди урожая, сѣй жито; кормить долгая полоса; какова пашня, таково и брашно; у кого хлѣбъ родится, тому и веселиться; и животина тамъ водится, гдѣ хлѣбъ родится.» При такомъ народномъ понятіи о хлѣбѣ, и при особенной химико-физиологической потребности его въ холодномъ сѣверо-восточномъ климатѣ, понятно, почему именно хлѣбъ и земледѣліе были первыми, главными, преобладающими рычагами колонизаціи и культуры русской земли. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли гдѣ въ Европѣ другая страна; гдѣ бы была такая обширная земледѣльческая колонизація, какъ въ Россіи. Не говоримъ о нашихъ юго-западныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Отъ Волги хлѣбопахатная колонизація простерлась до Камчатки, и проникла даже въ самую Камчатку. И въ этомъ тысячелѣтнемъ дѣлѣ постепеннаго открытія, земледѣльческой обработки и обстройки русской земли развилось въ Россіи такое многочисленное земледѣльческое сословіе, какаго ни въ какой другой странѣ нѣтъ. Какъ только основались два исходныхъ пункта колонизаціи—на сѣверѣ, за увалами, въ полярно-балтійской или сѣверо-поморской водной системѣ—«Славно-Торгъ», починокъ Новгорода великаго, а по другую сторону уваловъ, на волжско-каспійской водной системѣ и низменности—

*) Карамзина XII, прим. 348. Никон. V, 26. Палицына.

**.) Доп. къ А. И т. III, № 74, стр. 265.

«Славянскій конецъ» въ финскомъ городѣ Ростовѣ и потомъ Москва,—такъ началась обширная, вѣковая, страдаемая и богатырская земледѣльческая разработка и колонизація огромныхъ сѣверо-восточныхъ пространствъ русской земли. Повсюду застучалъ топоръ въ «червнхъ дикихъ лѣсахъ», и пошла повсемѣстная «росчисть, роздѣль и распашка лѣсовъ». Повсюду, по словамъ актовъ, «лѣсъ рубили, ронили и чистили, пашни пахали, дворы и деревни ставили людей называли». Разграничились лѣса «пашенные и непашенные». Повсемѣстно возникали въ лѣсахъ на пашняхъ «починки и сѣдѣнья», и изъ нихъ выростали «хлѣбныя деревни», пашенныя сельца, села и слободы, или, по выраженію актовъ, «распахивались, поставлялись и посажались деревни на лѣсахъ и пустошахъ». И, по характеристическому выраженію актовъ, «куда шелъ топоръ, шелъ плугъ, шла коса и соха», туда «тянула» и земледѣльческая колонизація; и «гдѣ ея топоры сѣкли», тамъ и разграничивались межи личной и общинной земледѣльческой колонизація. Повсюду землевладѣльцы всякихъ чиновъ, получая земли на кормленье, и князья, и бояре, и владыки, и монастыри, разными льготами и ссудами, «людей называютъ и переэвываютъ»—лѣсъ ронить, пашни распахивать, дворы и деревни ставить. Повсюду идутъ «порядные въ крестьянство», опять съ тѣмъ условіемъ, чтобы лѣсъ рубить и чистить, пашни распахивать и дворы рубить и ставить. Повсюду и сами крестьяне «садились на черныхъ дикихъ лѣсахъ и пашни распахивали большія, лѣсъ, раменье расчищали», и потомъ общинами, «поговоря со всѣмъ міромъ», отводили изъ волостныхъ земель участки и садили вольныхъ охочихъ людей на пашни. Повсюду, гдѣ только находили лѣсъ черныи, дикой, мѣста пустыя, никѣмъ не занятыя,—сейчасъ били челомъ царю о дозволеніи лѣсъ рубить, ронить, пашни распахивать, дворы ставить и людей называть, и такимъ образомъ земледѣльческая колонизація, исходя изъ двухъ, первоначально раздѣльныхъ пунктовъ, разграниченныхъ увалами и гидрографическими системами, распространяясь долгое время раздѣльно, по двумъ противоположнымъ воднымъ системамъ—полярно-балтійской и волжско-каспійской, группируясь по землѣ и по водѣ, по естественно-расчлененнымъ земско-воднымъ оазисамъ, въ цѣльно-замкнутыя, «особныя, опрочныя» земледѣльческія волости разныхъ родовъ, — къ концу XVI вѣка совокупными силами охватила, въ общихъ очертаніяхъ, всю нынѣшнюю великорусскую землю. И въ предгорьяхъ Урала, на вѣковомъ

рубежѣ и застоѣ народовъ Европы и Азіи, соединившіеся въ одно цѣльное колонизаціонное движеніе въ союзѣ дальнѣйшихъ проводниковъ колонизаціи—сѣверо-поморскихъ новгородскихъ выходцевъ Строгановыхъ и волжско-каспійскаго выходца Ермака, прорубила и отворила вѣковую и широкую дверь въ Сибирь. Хлѣбъ повсюду былъ распространенъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ пашнями, повсюду распространились пашенныя, хлѣбныя деревни и села, даже къ сѣверу, до 65° с. ш. Сошное письмо, земляные списки и писцовыя книги повсюду описывали и сосчитывали земледѣльческіе починки, деревни, сельца, села, слободы и посады, и при нихъ—пашни, пажны, лѣса пашенныя и непашенныя, земли орамыя и страдамыя, сводили итоги, сколько разработано, распахано и заселено земли, означали, гдѣ стали новые дворы и деревни, гдѣ сколько дворовъ прибыло къ старымъ поселеніямъ, и т. п. Между тѣмъ, земледѣльская колонизація, перешедши за Уралъ, пошла съ новою напряженностію дальше на востокъ, и тамъ распространяла хлѣбныя растенія. Потребность хлѣба была сильнымъ рычагомъ ея послѣдовательнаго географическаго движенія и распространенія по Сибири. Поэтому сначала въ Пермскомъ Приуральи, въ одной изъ древнѣйшихъ сибирскихъ колоній — въ Верхотурьи, сосредоточенъ былъ земскій сборный магазинъ или складъ хлѣба для такъ называвшихся тогда „Сибирскихъ хлѣбныхъ отпусковъ“, на первоначальное обезпеченіе и содержаніе служилыхъ людей—пролагателей путей сибирской колонизаціи и первыхъ поселеній *) для распространенія хлѣбныхъ сѣмянъ **), а съ ними и новыхъ земледѣльческихъ поселеній по всей хлѣбородной полосѣ Сибири. Но этотъ сборъ хлѣба, учрежденный только для первоначальной помощи сибирской колонизаціи, не могъ постоянно обезпечивать всѣхъ служилыхъ людей, прискивавшихъ и покорявшихъ новыя земли въ Сибири, строившихъ остроги и города и проводившихъ пути для дальнѣйшей колонизаціи. Его недостаточно было также и для выдачи первымъ поселенцамъ на «сѣмена и ѣмена». Служилые люди, инстинктивно чувствуя въ суровомъ сѣверо-восточномъ климатѣ особенную потребность дыха-

*) А. И. т. IV, № 4; т. V, № 103 и мн. др.

**) Зерновой хлѣбъ отпускался въ Сибирь, по выраженію одного акта „на сѣмена и ѣмена“. Дополн. къ А. И. т. VII, № 74, стр. 352. Исторія сибирской колонизаціи есть, поэтому, вмѣстѣ исторія распространенія хлѣбныхъ растеній.

нихъ пищевыхъ средствъ, не могли удовлетворяться въ Сибири одной животной пищей, не смотря на все ея изобиліе, и постоянно требовали изъ Москвы, или изъ Верхотурья и Тобольска хлѣба. Между тѣмъ сборъ хлѣба въ Верхотурскія житницы и провозъ его въ Сибирь обходился казпѣ дорого, а крестьянамъ страшно тяжело, такъ что, по жалобамъ ихъ, былъ ужъ «не въ мочь имъ и лошадямъ ихъ» *). И вотъ правительство нашлось вынужденнымъ начать *пашенное дѣло* въ Сибири, и возложило его на воеводъ. Имъ предписано было отыскивать въ Сибири хлѣбородныя мѣста, призывать и прибирать крестьянъ на пашни, строить слободы и населять ихъ пашенными крестьянами, чтобы впередъ продовольствовать служилыхъ людей и колонистовъ «хлѣбомъ сибирской пахоты», а не требовать его изъ Верхотурья и русскихъ городовъ **). Потребность хлѣба толпами погнала гулящихъ людей и пашенныхъ крестьянъ изъ нехлѣбородныхъ и малоземельныхъ мѣстъ Россіи на свѣжія, просторныя и хлѣбородныя земли Сибири ***). За одними челобитчибами, другіе «челомъ били вновь», чтобы дозволено имъ было строиться въ Сибири въ слободахъ на пашни. И всякой повоприхожіи крестьянинъ селаяся тамъ, гдѣ распахалъ и расчистилъ пашни изъ дикаго поля «собою» ****). Появились особые строители слободъ, такъ называвшіеся *слободчики*, которые строили, одну за другою, слободы и селили крестьянъ на пашняхъ. Многіе изъ нихъ, построивши одну пашенную слободу и прибравши въ нее крестьянъ, «ѣздили съ тѣми новоприборными крестьянами далѣе, отыскивали удобныя пашенныя земли и вновь строили слободы *****)». Такимъ образомъ, пашенныя слободы довольно быстро возникали одна за другою: лѣтъ въ 20 устроилось слободъ до 10, и пристраивалось вновь дворовъ до 60 *****). Базани, въ родѣ Ивана Смолы, выбирали годныя подъ пашню «пустыя лѣсныя и дубровныя мѣста и поля чистыя»,—и на нихъ стро-

*) А. И. т. II, № 9. т. III, №№ 62, 78, 85. А. Э. т. IV, № 120.

***) А. И. т. III, № 121. Дополн. къ А. И. т. IV, № 20; т. VI, № 1. и мн. друг.

****) Дополн. къ А. И. т. III, № 1.

*****) А. И. т. III, № 138.

*****) Доп. къ А. И. т. III, № 46; т. IV, № 20, Грам. II; т. VI, № 89; т. VII, № 74: акты о строеніи и заселеніи слободъ въ Сибири, Грам. XIII, XV и др.; т. VIII, стр. 228; № 71, Грам. II.

*****) Дополн. къ А. И. IV, №№ 68 и 111.

или слободу и крестьянъ называли вновь *). Чуть усматривалось мѣсто «годно слободу строить», — крестьяне тотчасъ «рады на то мѣсто, потому что пашенныхъ земель много **). Дети боярскіе находили годныя подѣ слободу пашенныя земли, — и также просили дозволенія строить слободу и крестьянъ: прибирать ***). Хлѣбъ и пашни такимъ образомъ мало по малу заманили въ Сибирь тысячи *новоприхожихъ и новоприборныхъ* пашенныхъ крестьянъ, такъ что въ 1709 г. въ ней поселилось уже до 229,227 душъ русскаго народа. Расширилась «хлѣбная пахота», — и вмѣстѣ съ нею умножились земледѣльческія поселенія. Уже въ одномъ указѣ 1632 году сказано: «прежде привозили изъ поморскихъ городовъ на Верхотурье хлѣбные запасы давно, коли въ сибирскихъ городахъ нашему хлѣбу пахота была не велика, а нынѣ на Верхотурье и въ иныхъ сибирскихъ городахъ тобольскаго разряда хлѣбная пахота учала быть большая, и остается у нихъ хлѣба и за окладомъ много» ****). Когда такимъ образомъ, въ верхотурскомъ и тобольскомъ разрядахъ сибирскихъ поселеній, насущная потребность хлѣба была удовлетворена посредствомъ устройства и распространенія пашенныхъ слободъ, селъ и деревень и даже «пашенныхъ городовъ», — большой недостатокъ въ хлѣбѣ чувствовался дальше, въ Сибири, въ областяхъ Томской, Енисейской и особенно Ленской. И вотъ требовалось послать пашенныхъ крестьянъ изъ *тобольскаго разряда* земледѣльческіхъ поселеній дальше въ *томской разрядъ* — въ третье звѣно или въ третій узелъ сибирской колонизаціи, «для того, что — какъ сказано въ указѣ — и безъ тѣхъ крестьянъ въ тобольскомъ разрядѣ пашенныхъ крестьянъ и хлѣба пахоты ихъ много, а въ томскомъ разрядѣ крестьянъ и хлѣба тамошней пахоты мало, почему ежегодно посылаютъ оттуда за хлѣбомъ въ тобольскій разрядъ, отъ чего служимымъ людямъ въ хлѣбномъ жалованьи нужна и въ провозаньи хлѣбныхъ запасовъ напрасная тягость» *****). Вслѣдствіе такой необходимости хлѣба, вновь называли, навлекали бирючами и всячески набирали пашенныхъ крестьянъ, добрыхъ, заводныхъ, прожиточныхъ и семьянистыхъ, лучшихъ людей и меньшихъ жеребьевъ, съ жена-

*) Доп. т. IV, № 106.

**) Доп. т. V, № 22.

***) Дополн. т. VI, № 89.

****) А. И. т. III, № 172.

*****) *ibid.* А. И. III, № 172.

ми и дѣтьми и со всѣмъ пашеннымъ заводомъ, дальше, на житье на земляхъ томскаго и енисейскаго разрядовъ *). И тамъ, по Оби, Томи, Енисею, Тунгускѣ, Иркуту и проч., опять мало по малу распахивались пашни, а при пашняхъ устраивались новыя пашенныя слободы, села и деревни **). Строился острогъ, въ родѣ Иркутска, — выбирали «мѣсто угоднее для пашень» ***). Какъ только собиралось въ острогъ человекъ 20 служилыхъ людей, — они тотчасъ распахивали пашню, если вокругъ земля была хлѣбородная. Такимъ образомъ, путемъ распространенія хлѣба и пашень, земледѣльческая колонизація еще въ XVII вѣкѣ дошла мало по малу до Лены и Дауриі. Здѣсь, гдѣ служилые люди, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, въ тяжелыхъ походахъ по рѣкамъ, отъ зимовья до зимовья, по Ледовитому и Охотскому морю, часто были «холодни и голодни», гдѣ часто имъ «пить и ѣсть было нечего, горько было» ****) — здѣсь потребность хлѣба была особенно ощутительна, и съ каждымъ годомъ увеличивалась. Въ якутскомъ острогѣ служилые люди тѣмъ болѣе терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ, что воеводы не выдавали имъ сполна присылный казенный хлѣбъ *****). Въ Даурию, на Амуръ и Шунгалъ служилые люди шли, по собственнымъ словамъ ихъ, именно *для ради хлѣба, для ради хлѣбныхъ скудости и нужи* *****). Хабаровъ, поэтому, совѣтовалъ правительству «завести пашню въ Даурѣхъ» *****). О хлѣбѣ постоянно писались челобитныя съ Лены, и въ одинъ якутскій острогъ хлѣба требовалось большое количество. Напримѣръ, въ

*) А. И. III, № 167.

**) А. И. т. III, № 135. Дополн. т. III, № 15; т. VI, № 93; т. VII, № 74; т. VIII, № 34, № 51, Грам. I, II, VII.

***) Дополн. т. IV, № 104.

****) Доп. III, № 100.

*****) „Нынѣ, — сказано въ одной граматѣ 1679—1682 г. — намъ великому государю вѣдомо учинилось, что будучи въ Илимскомъ воеводѣ, не ради нашихъ дѣломъ и для своей корысти, хлѣбные запасы Илимскихъ слободъ пахоты посылали въ якутской служилымъ всякихъ чиновъ людямъ неполной окладъ, а посылали тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ малое число, и отъ той хлѣбной недосылки въ Якутскомъ нашей казны и ясочному сбору, чинился многой недоборъ и потеря, а служилымъ всякихъ чиновъ людямъ была скудость большая, а многіе люди цыганяи и голодомъ помирали! Дополн. т. VIII, № 53, грам. V, стр. 237.

*****) Доп. т. III, № 122, стр. 525.

*****) «И только заведутся въ Даурской землѣ пашни, — писалъ онъ, и тебѣ, государь будетъ прибыль больше, и въ Якутской острогѣ хлѣбъ присылать будетъ не надобно». Дополн. III, № 72.

1653 г. на служилыхъ людей якутскаго острога (на 860 чел.), кромѣ денегъ, пушно было хлѣба 4666 четей съ осьминою ржи, вѣсомъ 21,407 пудъ, 22 гривенки, 72 золотника, 2,486 четей овса, половину крупъ и толокна 1243 четверти съ полуосьминою, вѣсомъ 4973 пуда. Хлѣбъ этотъ надобно было присылать изъ Тобольска, Енисейска и изъ Илимскаго острога, «до тѣхъ мѣстъ, — какъ сказано въ актѣ, — пока мѣстъ въ Илимскомъ уѣздѣ по Ленѣ рѣкѣ, по старымъ занимаемъ и по новымъ мѣстамъ, будутъ новоприбылые пашенные присыльные крестьяне». Повтому, якутскій воевода писалъ царю: «И только ты, государь, укажешь прислать на Лену, въ Якутскій и Илимскій уѣзды на пашню пашенныхъ семьянистыхъ крестьянъ, и какъ устроены будутъ на Ленѣ присыльные пашенные семьянистые крестьяне, — я отъ тѣхъ крестьянъ будетъ прибылъ многая, потому что впередъ тѣ пашенные крестьяне напашутъ хлѣба на жалованье якутскимъ служилымъ людямъ, на всѣхъ на 1,018 человекъ сполна, безъ присылки изъ городовъ, и самымъ тѣмъ пашеннымъ крестьянамъ сытымъ быть будетъ мочно» *). Такъ, крайняя потребность хлѣба необходимо требовала земледѣльческой колонизаціи на Ленѣ. И вотъ, еще въ 1640—1643 г. велѣно было ленскому воеводѣ Головину съ товарищами — «на Ленѣ рѣкѣ смотрѣть пашенныхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, и тѣ мѣста смѣтять, сколько на тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно.» И по смѣтѣ посланныхъ для этого служилыхъ людей, найдены были «многія пашенныя мѣста и сѣнные покосы и угода всякая, по обѣ стороны Илима рѣки до Ленскаго волока, по рѣкамъ Кутѣ, Киренгѣ и внизъ по Ленѣ, и предположено было «устроить крестьянъ 800 и больши» **). Потребность «хлѣба ленской пахоты» ***) такъ была велика и настоятельна, что не только особыми грамотами, но и въ наказахъ воеводамъ постоянно предписывалось: «а пашенныхъ мѣстъ имъ воеводамъ по Лепѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко Лены провѣдывать на крѣпко, чтобъ на Лепѣ рѣкѣ близко того мѣста, гдѣ они воеводы съ служилыми людьми учнутъ жить, пашни завести и крестьянъ на пашни устроить и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ и на оброчниковъ и на всякіе тамошніе расходы напашать, а изъ Тобольска-бъ и изъ Енисей-

*) Дополн. къ А. И. т. III, № 113, стр. 402.

**) Дополн. т. II, № 90.

***) Доп. III, № 83 и др.

ска бы впередъ на Лену хлѣбныхъ запасовъ не посылать, а называть на пашню крестьянъ вольныхъ, всякихъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы» *). Въ 1651 г. снова предписывалось якутскому воеводѣ отыскивать и заселять новыя пашенныя мѣста на Ленѣ: «на Ленѣ въ якутскомъ острогѣ высмотрѣть того на крѣпко, есть ли по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко якутскаго острогу, вверхъ до Чечуйскаго волоку пашенныя угожія и пространныя мѣста? И мочно ли въ тѣхъ угожихъ пространныхъ мѣстахъ до Чечуйскаго волока пашню завести и крестьянъ на пашни устроить, и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ и на оброчниковъ и на всякихъ людей тамошняго якутскаго острога напахать, чтобъ изъ Тобольска, изъ енисейскаго острога и съ ленскаго волока, впередъ на Лену въ якутскій острогъ хлѣбныхъ запасовъ не посылать! А буде, по вымотру, близко якутскаго острога, на Ленѣ пашенныя угожія пространныя мѣста есть, то имъ воеводѣ и дяку—въ тѣхъ угожихъ мѣстахъ крестьянъ въ пашню строить и называть на пашню во крестьяне вольныхъ гулящихъ людей изъ подмоги и изо льготы, а около ленскаго волока, на низъ по Ленѣ рѣкѣ до Чечуйскаго волока и вверхъ по Ленѣ же рѣкѣ до верхоленскаго, и около верхоленскаго острожку, велѣно было въ пашню крестьянъ строить другому воеводѣ, Богдану Оладьину» **). Вслѣдствіе такой крайней потребности хлѣба на Ленѣ, началась и тамъ земледѣльческая колонизація. Потребность хлѣба вызвала и туда охотниковъ на пашенное поселеніе. Предпримчивый Ерофей Хабаровъ, бывшій первымъ земледѣльцемъ на Енисеѣ, при впаденіи Тесса, знаменитый открытіемъ ближайшаго пути на Амуръ, храбрыми походами туда и развѣдкою всего Амурскаго края, какъ сибирскій Триптолемъ, первый водрузилъ и водворилъ соху на ленской землѣ, при устьѣ рѣки Киренги, впадающей въ Лену. За нимъ послѣдовали и другіе. Въ отпискѣ ленскихъ воеводъ 7 мая 1641 г. читаемъ: «въ нынѣшнемъ во 149 году, генваря въ 17 день, билъ челомъ промышленный человекъ Ярофейко Павловъ Хабаровъ, а на ленскомъ волоку намъ подалъ челобитную, чтобъ ему Ярофейку на Ленѣ рѣкѣ, на Усть-Киренги рѣкѣ, дать подъ пашню земли на льготу, а послѣ льготныхъ лѣтъ пахать ему на государя отъ девяти десятую десятину въ полѣ, а въ

*) Доп. т. II, № 100, стр. 269—270.

**) А. И. т. III, № 83.

дву потому жъ. Да января, въ 27 день, билъ челомъ промышленный человекъ Пантелейко Яковлевъ устюжанинъ, чтобъ ему быть въ пашенныхъ крестьянахъ на Ленѣ рѣкѣ на Тунгусскомъ волоку, гдѣ переходать съ Лены рѣки на Турухань, и мы велѣли ему Пантелейку быть на Тунгусскомъ волокѣ въ пашенныхъ крестьянахъ... а пахать ему съ перваго году десятая десятина въ поле, а въ дву потому жъ, а сѣмена ржаные и яровые на ту десятину давать государевы. И Ярофейку Хабарову по уговору дали льготы на пашню на годъ, и сѣять государеву пашню по вся годы своими сѣменами. Да въ нынѣшнемъ же, въ 149 г., мая въ 7 день, по уговору съль въ пашнѣ на Ленѣ рѣкѣ, выше Киренскаго устья, на урочные мѣта, на 10 лѣтъ вологодскаго архіепископа крестьянинъ Ивашко Сверчковъ, и сѣмена ему даны *)). Такимъ образомъ потребность хлѣба вызвала ленскую земледѣльческую колонизацію. И она пошла довольно быстро. Уже къ 1679 году, въ верховьяхъ Лены заселилось 6 пашенныхъ волостей, въ одномъ Илимскомъ уѣздѣ: Усть-Куцкая, Орленская, Тутурская, верхняя Киренская, Верхолуцкая, Ангинская, Биргольская **). Хлѣбъ такъ былъ нуженъ и дорогъ въ ленской странѣ и первыя земледѣльческія поселенія такъ были важны и необходимы, что правительство вникало во всѣ подробности первоначальнаго ленскаго хлѣбопашества и первыхъ пашенныхъ поселеній ***).

*) Дополн. т. II, № 92.

***) Доп. т. VIII, № 83.

***) Ibid. т. VIII, № 34. Воеводамъ и служилымъ людямъ велѣно было составлять подробныя росписи «пахатныхъ мѣстъ добрыя земли на Ленѣ». Доп. т. II, № 89. Въ 1644 г. сент. 30 ленскіе воеводы Вас. Пушкинъ и Кир. Супоневъ предписывали въ наказной памяти служилымъ людямъ: „чтобъ имъ служилымъ людямъ, на Усть-Куты рѣки государеву десятинную пашню, которую пахали на государя къ прошлому 153 году служилые наемные люди, Исачко, Максимовъ, Мишка Костеношниковъ, Сенка Родионовъ, Марчко Микитинъ Ондрѣшка Катилловъ, по 3 десятины на человека да вверхъ на Ленѣ рѣкѣ на Орленгѣ государеву же десятину, что пахали Оюнка Долгихъ да Панфило Яковлевъ ко 153 году, измѣрить въ десятины, противъ государева указа, длиннику по 80 десятинъ, поперешинику по 40 сажень десятинъ, по 3 аршина сажень; а измѣря въ государевы десятины, и сверхъ того ихъ пахоту на заимгахъ измѣрить въ десятины же, сотсечти, сколько у нихъ на государевыхъ десятинахъ ко 153 г. сотницъ сноповъ на десятинѣ родилось, да тотъ хлѣбъ велѣтъ на гумнахъ скласть въ скирды и въ овинъ, а изъ ихъ пахоты, сколько у кого ихъ десятинъ и на десятинахъ родилось, и сколько на той ихъ пашнѣ зайдетъ въ скирдахъ сятаго ржаного и яроваго хлѣба, да съ тѣхъ ихъ десятинъ счетчи въ сотницы же, и съ того ихъ всяка-

Указанныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться, какииъ сильными побужденіемъ къ распространенію колонизаціи русской земли и Сибири была потребность хлѣба. И дѣйствительно, безъ хлѣба, даже въ хорошихъ мѣстностяхъ, представлявшихъ другіе источники жизненныхъ средствъ, поселенія не могли прочно существовать и развиваться, а расходились врознь и разрушались. Недаромъ, русское правительство, заводя земледѣльческія колоніи въ Сибири, немедленно велѣло выдавать изъ казенныхъ житницъ хлѣбъ на сѣмена тѣмъ новоустроившимся поселянамъ, у которыхъ хлѣбъ не родился или «вызѣбъ», «чтобы, по словамъ царскаго указа, ихъ одержать въ вололости и врознь неразбрелись бы и пашни незапустили бы» *). И немало было случаевъ, что въ прекрасныхъ мѣстностяхъ, при возможности отличнаго скотоводства и при легкости и сподручности другихъ средствъ жизни, колоніи разрушались единственно отъ безхлѣбья. Такъ въ минусинскомъ округѣ, въ 9 верстахъ въ сторонѣ отъ Енисея, основаны были въ 1730—37 г. мѣдно-плавильные заводы, и въ 1740 по 1750 годъ находились въ цвѣтущемъ состояніи, когда имѣли хорошіе запасы хлѣба. Въ песчаной мѣстности, богатой пихтовымъ лѣсомъ, съ чрезвычайною поспѣшностью были выстроены обширныя зданія съ плавильными печами. Въ луказскомъ заводѣ сооружена была церковь, и къ ней причислены всѣ деревни, устроившіяся вверху по Енисею. Сюда были выписаны плавильщики и рудокопы, набраны рекруты, переселено 100 ссыльныхъ, и поставленъ былъ комендантъ этого мѣста—артиллеріи поручикъ. Красивые дома были построены по образцу екатеринбургскихъ, на Уралѣ; между ними находилась канцелярія, харчевня, мастерская для рабочихъ. Здѣсь былъ устроенъ также и госпиталь. Поселеніе было огорожено палисадами. На видъ оно было цвѣтущимъ. Но что же вы-

го ржаного и яроваго хлѣба выдѣляти на государя десятой снопъ, изверставъ изъ всѣхъ поровну, изъ лучшихъ лучшую, съ средней середнюю, изъ худыхъ худую, да изъ тѣхъ государевыхъ десятинь и изъ того выдѣльнаго хлѣба, изъ сколькихъ доведется, учинить опытъ, обмотить, да что по опыту въ умолотъ того хлѣба будетъ, и имъ изъ того опытнаго хлѣба смѣрять въ чудовую припусковую кадь, и сколько котораго хлѣба по опыту въ жарѣ будетъ, о томъ отписать къ воеводамъ Вас. Никитичу Пушкину съ товарищи.»
Дальше требуются подробныя извѣстія о количествѣ хлѣба, побитаго морозомъ, потопленнаго водою, вытертаго льдомъ, и т. п. Дополн. т. II, № 73. стр. 178—179.

*) Дополн. т. VIII, № 34.

шло отъ безхлѣбья изъ всей этой, по видимому, благоустроенной колонизациі? Ссылные всѣ разбѣжались; крестьяне, присланные для работъ издавна, также мало по малу разошлись, потому единственно, что, по недостатку хлѣба, должны были питаться исключительно произведеніями стада. Такимъ образомъ, поселенія опустѣли, потому что, при обиліи мяса, не было хлѣба, и никто не думалъ воздѣлывать плодороднѣй почвы. Когда Палласъ посѣтилъ эту несчастную колонию (въ 1772 г.), она уже находилась въ развалинахъ, и въ ней обиталъ только одинъ смотритель, состоявшій на пенсіи *).

Степень нужды въ хлѣбѣ и зависящія отъ нея цѣны зерна также имѣютъ вліяніе на движеніе земледѣльческой культуры и колонизациі. Только высокая цѣна зерна дѣлаетъ лѣса и пустыни обработанными и заселенными **). Въ Россіи, въ наибольшей части мѣстностей, цѣна хлѣба большею частію была низкая, и потому самыя плодороднѣйшія полосы оставались незаселенными и необработанными ***). Олеарій писалъ: «рѣдко услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства, гдѣ зерно даетъ малый всходъ, земля мало обрабатывается, такъ какъ крестьяне, запасая себѣ хлѣба на цѣлый годъ, не имѣютъ нужды заботъ болѣе, и ежегодно употребляютъ только про себя свою богатую жатву. По этому самому, много прекрасной, плодородной земли остается безъ обработки, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, когда мы проѣзжали черезъ нѣкоторыя мѣстности, покрытыя черною, жирною землею ****). Только въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе истощенія давно расчищенной изъ подъ лѣсовъ почвы и частыхъ отъ того хлѣбныхъ недородовъ, а также вслѣдствіе распространенія винокуренія, — цѣна на хлѣбъ возвысилась; часто хлѣбъ былъ дорогъ. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ даже земскихъ людей: отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городахъ, противъ прежняго, хлѣбу дорогая цѣна? Гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ дали отвѣтъ, что цѣна на хлѣбъ возвысилась, между прочимъ, отъ

*) К. Риттера, земледѣніе Азіи, т. III, стр. 529.

***) Уже Vosguillebert говорилъ, что цѣна зерна опредѣляетъ, сколько далеко можетъ быть распространена культура (Traité des grains II, 2) „Der hohe Kornpreis macht alle Wüsten-oerter fruchtbar“ и пр. (Philippi Vertheidigter Kornjude, 1765, S. 116.)

****) А. Э. II, 99. III. С. Т. Тр. III, 362. Ворон. акт. I, 54.

*****) Путеш. Олеарія, въ Архивѣ Калачева 1859 кн. III, 13.

хлѣбныхъ недородовъ *)). Вслѣдствіе такого возвышенія цѣны на хлѣбъ, съ XVII вѣка замѣтно и болѣе сильное стремленіе къ обработкѣ и заселенію пустыхъ и непочатыхъ земель **). Особенно усилилась земледѣльческая культура и колонизація въ Сибири. Здѣсь, однакожь, обиліе земли свѣжей и хлѣбородной, легкость годового запаса хлѣба и простиравшая оттого крайняя дешевизна зерна замедляли успѣхи распространенія земледѣльческой разработкы и колонизаціи во многихъ лучшихъ мѣстностяхъ Сибири. Красноярскій округъ, напримѣръ, въ Сибири—самый благодатный край для земледѣлія; минусинскій округъ, гдѣ рожь и арбузы, считается даже сибирской Италіей ***). Палласъ съ особеннымъ вниманіемъ указывалъ на плодородіе и удобность для заселенія этой прекрасной области Сибири ****). Но цѣны на хлѣбъ здѣсь были поразительно низкія: пудъ ржаной муки стоилъ отъ 2 до 3 копѣекъ, пшеничной отъ 4 до 5 копѣекъ. Не было выгоды въ большихъ размѣрахъ разрабатывать и заселять новыя земли, такъ какъ цѣны на хлѣбъ не обуславивали обширной, выгодной хлѣбной торговли. Поэтому самыя лучшія земли оставались необработанными и незаселенными. Во всей Красноярской области, на протяженіи болѣе 600 верстъ въ длину и ширину, въ 1772 г. считалось только 9228 крестьянъ, 807 поселенцевъ, 2023 горожанъ и посадскихъ, которые всѣ занимались земледѣліемъ *****). Не говоримъ, наконецъ, о степени разработанности

*) Полн. Собр. Зак. № 286.

***) Сознана была необходимость развѣдки и разработки земель: «Добро бы было, — говоритъ Юрій Крыжаничъ, выслать угледниковъ по всему царству или паче державникамъ (правителямъ областей) заповѣдать, да бѣху обыскивали и отвѣдывали и облачали: гдѣ си буйно (изобильно) родить, либо родиться можетъ кое жито, зелье, дровье, или былье, и проч. И дая учинить тетаномъ (земледѣльцамъ) и жителямъ заповѣдь, да бѣху со всякою жарливостью (заботливостью) на тетане (земледѣліе) и умноженіе настояли» (Р. Т. розд. III, 44). По регламенту Камеръ-Коллегіи 1719 г. предписывается — «о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи увѣдомитися, и наипаче о томъ старатися, чтобы какъ возможно запустѣлые двory и земли паки населять, такожъ земледѣліе... вездѣ умножать и къ приращенію приводить». П. С. З. № 3466 п. 13.

****) Записки Сибирскаго отдѣла Географич. общ.

*****) Pallas, Reise, Th. III, s. 6. См. также с. 404 и др.

*****) Палласъ, описавши плодородіе Красноярской области, говоритъ о степени населенности ея: Ich bin hierin etwas umständlicher gewesen, um ein Beispiel des Ackerbaues im Ostlichen Sibirien zu geben, und zu zeigen, wie glücklich der Landmann in diesen fruchtbaren Gegenden ist, und wie sehr selbige

и населенности нашей юговосточной и югозападной полосы, заключающей въ себѣ до 90 милл. десятинь чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. Эта, по выраженію Гакстаузена, житница Европы во многихъ мѣстахъ представляетъ еще пустыни, ждущія сохи и селитбы. «Черноземная полоса въ средней и южной Россіи, — говоритъ этотъ писатель, — заключается въ себѣ (считая въ томъ числѣ и ту часть степей, которая еще не воздѣлана, но имѣеть прекрасную почву) отъ 25 до 25,000 кв. миль самой плодородной въ мірѣ почвы, но въ настоящее время населена мало и по всей вѣроятности не будетъ густо населена и въ слѣдующемъ столѣтіи. Со временемъ здѣсь образуется огромный хлѣбный магазинъ для Европы» *).

II. Производство хлѣба зависитъ отъ почвы, климата и вообще отъ виѣшней природы. Поэтому земледѣльческая колонизація и культура почти всецѣло подчинена физическимъ законамъ и условіямъ; по самому существу своему она не свободна такъ отъ природы, какъ торгово-индустріальныя, ремесленныя и фабрично-заводскія поселенія. Развитие и распространеніе этихъ послѣднихъ зависитъ отъ живаго оборота капиталовъ, рынковъ, рабочихъ силъ, отъ путей сообщенія, отъ умственной изобрѣтательности и предпримчивости, и т. п. А развитие и распространеніе агрикультурныхъ поселеній всецѣло зависитъ прежде всего отъ почвы и климата, отъ изотермовъ или направленія ровной годовой температуры, отъ изотеровъ или линій одинаковой лѣтней теплоты, отъ изогеотермовъ или линій равной почвенной температуры, отъ химическихъ свойствъ и законовъ почвы, отъ физиологическихъ свойствъ и законовъ произрастанія, и т. п. Поэтому, всѣ удачі или неудачи земледѣльческой колонизаціи зависятъ отъ значенія географическаго распредѣленія, сущности и значенія этихъ физическихъ условій и отъ умѣнья направлять ихъ въ пользу агрикультуры или приспособлять къ нимъ самую агрикультуру. При незнаніи физико-географическихъ, метеорологическихъ и хлѣ-

stärker bevölkert zu werden verdienen. Das Krasnojarskische Gebiet beträgt in die Länge und Breite bei sechshundert Werste und hat nicht mehr als etwas über fünfzehn Tausend männliche Seelen zur Bevölkerung, worunter noch drei Tausend Tataren und andre sibirische Völker, welche grösstentheils keinen Ackerbau treiben, sondern von Jagd und Viehzucht leben, mit eingerechnet sind. (Reise. Th. III, S. 7. См. еще §. 13).

*) Тенгоборскаго, о производительн. силахъ Россіи, ч. 1.

нико-физиологическихъ законовъ агрикультуры, земледѣльческія поселенія не могутъ исполнѣ правильно, рационально-географически распространяться и исполнѣ успѣшно и экономично развиваться. Умственное развитіе и географическое распространеніе ихъ, въ такомъ случаѣ, находится въ рабствѣ у природы, въ пассивной зависимости отъ физическихъ законовъ.

Такъ, во-первыхъ, широты мѣстностей, минимумы и суммы необходимой для культурныхъ растений теплоты опредѣляютъ различныя агрикультуры широты и предѣлы земледѣльческихъ поселеній. Вотъ краткій переченьъ условій температуры для нѣкоторыхъ европейскихъ растений:

Виды.	Крайніе предѣлы въ Европѣ: страны	Minimum		Сумма минимума.
		широта необходим. температ.	температ.	
<i>Hordei spec.</i>	Въ Норвегін	70°	5°	1250°
Виноградъ	— Германіи	52½	10	2900
Мансъ	— Idem	51	13	2500
<i>Chamerops humilis</i>	— Ниццѣ	43½	19	2700 до 3000
<i>Atractylis cancellata</i>	— Id.	43½	15 до 16	3000 до 4000
<i>Mesembryanthemum polyflorum</i>	— Долмацин	43	9½	5730
<i>Succowia balearica</i>	— Сардиніи	41	11	5800
Dattier (<i>Phoenix dactylifera</i>)	— Испаніи	39½	18	5100

Культурныя растенія, которыя требуютъ для своего произрастанія отъ 9° до 19° минимума необходимой температуры и отъ 2700° до 5800° суммы необходимаго минимума, очевидно, могутъ обуславливать собою агрикультурную колонизацію только на югѣ Европы, въ странѣ Средиземнаго моря. Виды растений, требующіе отъ 7° до 13° минимума и отъ 2200° до 3000° суммы, могутъ служить основаніемъ и даннымъ для агрикультурныхъ поселеній въ средней Европѣ, въ Германіи и Франціи. Наконецъ, минимумъ необходимой температуры отъ 5° до 8° и отъ 1250° до 2600° суммы минимума, и растенія, довольствующіяся этимъ количествомъ теплоты, могутъ обуславливать собою агриколярную колонизацію только на сѣверѣ Европы, и притомъ колонизацію и культуру, самую ограниченную, и въ интенсивномъ развитіи, т. е. по количеству и качеству воздѣлываемыхъ растений, и въ эстепсивномъ, т. е. по географической обширности и пространственному развитію агриколярныхъ по-

селеній. По этому естественному закону, на сѣверѣ Россіи въ сѣверномъ Поморьи, отъ Мезени до Колы и Лапландіи, никакъ не могли развиться обширныя земледѣльческія поселенія, не только съ разнообразнымъ растительнымъ сѣвооборотомъ, но и съ однимъ ячменемъ и рожью. Всѣ попытки земледѣлія на крайнемъ русскомъ сѣверѣ полярный климатъ съ замерзлой почвой разрушалъ, и наши сѣверо поморскіе поселенцы въ древней Россіи постоянно жаловались, что «на ихъ поморской украинѣ, на студеномъ морѣ, гдѣ земля пришла каменистая, стужа великая, во все лѣто снѣги мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побиваетъ» *). Только рѣпа могла еще расти на сѣверѣ, и *рпница* изстари распространены были на поляхъ сѣвернаго поморья **). Поэтому, вмѣсто земледѣльческихъ колоній, тамъ устроились поселенія оленеводческія, рыболовныя и море-промышленныя.

Съ поясомъ ячменя становится возможнымъ воздѣлываніе нѣкоторыхъ видовъ хлѣбныхъ растений, и потому отселѣ начинается географическая область земледѣльческихъ поселеній. Вотъ средняя температура ура для нѣкоторыхъ предѣловъ и окрестностей ячменя:

Мѣстности	въ апр.	маѣ	іюнѣ	іюль	авгус.	сентяб.	октяб.	лѣто
Ферозь 62°3'	5°55	7°43	11°51	12°83	12°30	10°78	8°08	12°24
								о. мая до сент. 10 97
Альтевъ въ Норвегіи 70°0'	3	—0.5	4.81	8.14	11.71	10.55	5.66	—0.28
Улео 65°0'	—8.2	4.9	12.9	16.4	13.7	8.0	3.7	14.34
								отъ мая до сент. 11.18
Архангельскъ 64°32'	0.75	7.25	12.57	15.74	13.39	8.85	2.04	13.9
								отъ мая до сент. 11 56
Якутскъ 62°2'	—8.75	2.75	14.62	20.50	14.50	6.74	—8.50	16.54
								отъ мая до сент. 11.82

Такимъ образомъ метеорологическое состояніе весны, лѣта и осени, во всѣхъ этихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ опредѣляетъ полярный предѣлъ возможности земледѣльческихъ поселеній. Припимая за минимумъ необходимой для хлѣбныхъ растений температуры 5° или 8°, сумма теплоты отъ 1250° до 1930° или отъ 965° до 1700°

*) А. И. т. IV, стр. 545.

**) А. Юрид. № 110: Новгород. сѣверопом. купчія и данныя.

обуславливаетъ возможность агрокультурныхъ поселеній между 62°2' и 70°0' с. ш. Принимая за minimumъ необходимой для развитія растеній температуры 5°, полагають, что въ странахъ, гдѣ дни лѣтніе очень долги, культура ячменя и, слѣдовательно, заведеніе поселеній, которые бы воздѣлывали ячмень, требуютъ суммы температуръ:

между 59° и 60° с. ш.	1840°
подъ 62°	1780
между 64 ¹ / ₄ и 65	1460
подъ 68 ¹ / ₄	1300
подъ 70°	1250

Такимъ образомъ крайніе полярные предѣлы, гдѣ возможна культура ячменя и, слѣдовательно, земледѣльская колонизація, обуславливаются:

Суммой температуры, считая отъ минимумовъ

	5°	8°
Подъ 62°2' с. ш. въ Якутскѣ	1930°	1700
— 62°3', въ Фароѣ		
среднимъ числомъ		
— 64°32', въ Архангельскѣ	1610	1472
— 65°9', въ Улео		
среднимъ числомъ		
— 68°30', въ Еконтекисѣ		
(въ Лапландіи)	1305	1165
— 70°0', въ Норвегіи	1250	965 *)

Вслѣдствіе такихъ метеорологическихъ законовъ и физико-географическихъ предѣловъ, земледѣльскія поселенія въ Россіи не распространились нигдѣ дальше 66°10' с. ш. (исключая Самарова подъ 70°36', около котораго по словамъ Палласа и Георга, еще сѣяли ячмень и овесъ). Именно въ архангельской губерніи, въ предѣлахъ Усть-Цыльмы, агрокультура и земледѣльскія поселенія оканчиваются подъ 65° с. ш., на границѣ вологодской губерніи къ сѣверу подъ 64¹/₄° с. ш., въ Мезени на сѣверъ отъ Архангельска подъ 65°50' с. ш. на Шижѣ подъ 66°10' с. ш. Такимъ образомъ физико-географическій и климатическій предѣлъ земледѣльской культуры и колонизаціи,

(*) De-Candolle, Geograph. botan. t. I, p. 357.

на сѣверѣ Великороссіи, лежитъ между $65^{\circ}50'$ и $66^{\circ}10'$ с. ш. *) Здѣсь, слѣдовательно, сама природа полагаетъ предѣлъ земледѣльческой колонизаціи. И культурѣ, особенно невооруженной силою знаній, трудно было бороться съ климатическими и почвенными препятствіями и противодѣйствіями. Оттого, русскія поселенія здѣсь изнывали въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ и, какъ мы упоминали уже, постоянно жаловались, что мѣсто у нихъ подкаменное, студеное, подошло къ студеному океану—морю, что во все лѣто снѣги мало сходятъ и хлѣбъ по вся лѣта побиваетъ морозомъ. «Во всемъ Поморіи, — говоритъ жизнеописатель Трифона печенгскаго, — бѣше великій гладь, многіе годы оwoщіе и хлѣбъ побивашеся мразомъ» **) Вслѣдствіе неблагоприятныхъ для земледѣлія климатическихъ условій, поселеніе въ сѣверномъ поморьи всегда было рѣдкое; деревни были маленькіе и разбросаны на далекомъ одна отъ другой разстояніи. Не говоримъ уже о кольскихъ и мурманскихъ рыбацкихъ поселеніяхъ, даже южнѣе 64° с. ш., напримѣръ въ лопскихъ погостахъ населенность деревень, въ XVI и XVII в., была самая малая. Такъ въ трехъ уѣздахъ восточной пятины—ладожскомъ, орѣховомъ и корельскомъ изъ 2710 деревень, въ 1419 деревняхъ было только по 1 двору, а отъ 10 до 30 дворовъ только въ 58 деревняхъ, отъ 30 же до 45 дворовъ только въ 4 селахъ, и наконецъ, только въ двухъ селахъ свыше 50 дворовъ ***). Волость отъ волости, погость отъ погоста

(*) Де-Кандоль (Geogr. botan. t. I, p. 335) говоритъ: En Russie, l'agriculture avance moins vers le nord; mais la population est rare dans cette partie de l'empire, et l'on n'a pas encore essayé tout ce que comporterait le climat. M. E. Meyer admettait en 1840 (Plant. Labrad. p. 132) que vers Archangel et Ust-Silma, l'agriculture atteint à peine le 65° degré; elle a fait des progrès depuis quelques années, et M. Trantvetter, qui a puisé à de bonnes sources, indique d'une manière précise la limite des cultures de céréales c'est-à-dire dans ce cas, la limite de l'Orge (Pflanz. Geogr. Verhältn. Europ. Russlandt, in-8°; Heft, III, p. 28). Selon cet auteur elle est à Mesen, au nord d'Archangel, sous $65^{\circ} 50'$ lat., puis vers l'est, elle passe à Shemskaia (64° degrés $\frac{1}{2}$ environ), et vers l'Oural, elle aboutit au point de contact des deux provinces d'Archangel et de Vologda sous le 64° degré $\frac{1}{4}$ de latitude. A Mesen, on sème ou commencement de mai et l'on récolte en août. On essaie encore plus loin, car d'après Stuckenberg, il y a de l'orge à Sjemscha ($66^{\circ} 10'$) et à Mylo, encore plus au nord, et d'après Schrenk (Traut. ib. p. 62) jusqu'au 66° degré de latitude au N. E. de Mesen. M. Trautvetter admet pourtant comme limite celle indiquée tout à l'heure. Elle oscille de $65^{\circ} 50'$ à 66° degrés.

·) Въ рукоп. Солов. библи. Житіе Трифона Печенгск. № 182.

··) Окладн. Новгород. книга въ 11 и 12 кн. Временника за 1852 г.

отстояли версть за 70, 80, за 100 и болѣе *). Отъ морозовъ, побывавшихъ хлѣбъ почти повсегодню, многія поселенія пустѣли, такъ что въ каждомъ погостѣ было деревень 20, 30 и болѣе пустыхъ, а часто цѣлыя погосты и волости опустѣвали отъ хлѣбнаго недорода вслѣдствіе морозовъ **). По суровости климата, огромныя пространства оставались невоздѣланными и пезаселенными, и въ тѣхъ рѣдкихъ поселеніяхъ, какія существовали, жители не воздѣлывали и почти не употребляли хлѣба ***). Крайній недостатокъ хлѣба препятствовалъ умноженію народонаселенія и расширенію не только земледѣльческихъ, но и торгово-промышленныхъ и заводскихъ поселеній. Де-Геннинъ, въ 1717 г. ноября 7 писалъ съ петровскихъ заводовъ: «хлѣба нѣтъ и мастерамъ и мастеровымъ людямъ, которые находятся при олонецкихъ заводахъ у равныхъ дѣлъ, на прокормленіе дать нечего... И въ олонецкомъ уѣздѣ, во всѣхъ погостахъ, хлѣбомъ съ нуждою принимались сами». «У нашихъ лопскихъ мужиковъ, писалъ Геннинъ 17 іюля 1718 г., хлѣба ни горсти нѣтъ, кромѣ того, что питаются сосною корою... И нынѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣбъ растетъ весьма плохъ. Хлѣба-рожь и овесъ принимаются съ трудомъ». ****) По такой трудности земледѣлія, особенно на крайнемъ сѣверѣ поморья, за 64° с. ш., вмѣсто земледѣльческихъ колоній естественно устроились преимущественно поселенія лопарскія, оленеводческія, рыболовныя и особенно морепромышленныя. «Море вотъ наше поле, наша пашня» такъ говорятъ доселѣ поморцы. Отъ хлѣбнаго недорода, поморцы охотно шли на олонецкія петровскія заводы. Іюля 20, 1715 г. де-Геннинъ писалъ: «хотя и тягостна заводская работа, однакоже, при моей бытности, многое число олонецкаго уѣзда мужиковъ пришло жить съ иныхъ уѣздовъ» *****) А въ XVII в. отъ хлѣбнаго недорода Поморцы толпами переселялись въ хлѣбородныя земли Сибири *****). Здѣсь на сѣверѣ Сибири, земледѣльческая колонизація и культура еще до такой степени слаба и такъ мало изслѣдовала и покорила физико-географическую природу, что хорошо неизвѣстны даже изогеометри-

*) Собран. архіер. грам. Рукоп. Солов. подъ № 20. № 40.

**) Неволина—о пятин. и погост. Новгор. прилож. VI и др.

***) Горн. Журн. за 1826 г. № 11, стр. 143—144 и 152.

****) Regum mo' svit. p. 77, 79 и 80.

*****) Дополн. къ А. И. т. III, № 14.

*****) Горн. Журн. 1826 № 1, стр. 103.

ческіе и климатическіе предѣлы агрикультуры. По свидѣтельству Палласа и Георги, ячмень и овесъ сѣяли даже у Самарова, подъ $70^{\circ}36'$ с. ш. и у Сургута, подъ $61^{\circ}25'$, но попытки были неудачны. Бесиліе колонизаціи въ агрикультурной борьбѣ съ климатомъ показалось также въ колоніи Богословской у Урала, подъ $59^{\circ}45'$ с. ш. на высотѣ 822 ф. Неудача здѣсь земледѣлія побудила Купфера помѣстить эту мѣстность внѣ предѣла агрикультуры. Вѣроятно, замѣчают Декандоль, предполагаютъ культуру невозможною безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ, потому что не было болѣе положительныхъ опытовъ. Народнонаселеніе Сибири еще слабо, и его занятія ограничиваются слабыми попытками культуры. У Березова на Оби ячмень очень хорошо родится подъ $63^{\circ}55'$ с. ш. Въ центрѣ Сибири, у Якутска, по словамъ Георги, воздѣлывали ячмень на берегахъ Вилюя, подъ 64° с. ш. *) Вообще подъ 64° и даже подъ 62° с. ш. едва ли не предѣлъ сколько нибудь успѣшной агрикультуры и возможности земледѣльческихъ поселеній. Линія, по которой кончается въ Сибири яровое земледѣліе и земледѣльческая колонизація, по болѣе точнымъ извѣстіямъ, идетъ при слѣдующихъ точкахъ: въ Камчаткѣ до шир. 57° , на сѣверномъ берегу Охотскаго моря не далѣе $59^{\circ}30'$, по Ленѣ до широты 62° , по Енисею въ волости Анциферовой почти при 60° , по Иртышу въ селѣ Ряполовскомъ въ ш. 59° , на восточномъ предгорьи Урала еще ближе послѣдней широты. Притомъ по всей линіи не видно возвышающейся

(*) Де-Кандоль говоритъ: „Dans le nord de la Sibirie, la limite est bien peu connue, surtout la limite de ce qui serait possible si la population était moins rare et multipliait les essais. D'après Pallas et Georgi (extr. par E. Mey, plant Labrad. p. 140), on ne cultive près de Samarof (lat. 70° , $36'$, long. 65 degrés E. P.) que de l'orge et de l'avoine, et près de Surgutt (lat. 61° , $25'$, long. 70° E. P.) les tentatives faites par les habitants avaient été si malheureuses qu'on a renoncé á semer. A Rogoslovsk, établissement de mines près de l'Oural sous le $59^{\circ}45'$, à 822 p. d'élévation (Erman, Reise t. I, p. 410), on a l'opinion qu'il serait impossible de cultiver des céréales et même des choux et des raves, M. Kupfer place cette localité hors de la limite; mais il paraît plutôt, d'après les expressions du voyageur Erman, que des essais convenables n'ont pas encore été faits. On croit toute culture impossible, peut-être sans en avoir des preuves positives. La population est faible, et ses occupations la détournent des essais de culture. A. Beresow, sur l'Obi, $63^{\circ}55'$ lat. l'Orge réussit très bien (Erman, Reise I, p. 603). Dans le centre de la Sibirie, près de Jakoutsk, on cultive de l'Orge sur les rives de la Wilvim, affluent de la Lena (64° lat), selon Georgi; et près de Amginsk, sous le 61 degré, il ne manque pas de céréales de même que dans le pays quisépare Jakoutsk du fleuve Aldan, selon le temoignage

постепенности въ хлѣбномъ плодородіи, отъ востока къ западу. Не видно также, чтобы съ углубленіемъ материка въ полярный кругъ, плодородіе простиралось пропорціонально продолженію матерой земли. Страпы, выше 62° с. ш., кажутся, обречены только на рѣдкія, малолюдныя и скучныя поселенія кочевыя, оленные, рыбацкія, звѣроловческія и море-промышленныя. Русскіе тамъ нерѣдко умирали отъ суровости климата и безхлѣбья. Напримѣръ, въ 1759 г. въ отдаленныхъ отъ Якутска острогахъ умерло до 40 человекъ изъ служилыхъ командъ: они, какъ сказано въ указѣ 7 декабря 1760 г., «ли кожи и ремни *). Правительству стоило значительныхъ хлопотъ поддерживать земледѣльческую колонизацію въ холодномъ, восточномъ поясѣ Сибири, не только подъ 62°, но и до 57° с. ш. Не даромъ оно заботливо осведомлялось объ ущербахъ, какіе претерпѣвали отъ морозовъ первыя земледѣльческія поселенія въ верховьяхъ Лены. Такъ въ 1644 г. Ленскіе воеводы наказывали служилымъ людямъ «досматривать у новопашенныхъ поселенцевъ, родился ли у нихъ хлѣбъ, и буде родился, и морозомъ тотъ хлѣбъ не побилъ ли, и буде побилъ, сколько десятинъ морозомъ побилъ», и проч. **) Чуть въ какой нибудь новоустроенной пашенной слободѣ морозъ побивалъ хлѣбъ, правительство немедленно велѣло выдавать поселяпамъ хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, чтобы они не разбрелись и пашни не бросили. Такъ, въ 1678 г. Биргольскіе пашенные крестьяне били челомъ, что «де въ 186 году, о Ильинѣ дни, въ Бирюльской волости на государевыхъ десятинахъ и на крестьянской пахотѣ хлѣбъ вызябъ весь безъ остатку, а у иныхъ крестьянъ остатки небольшіе отъ морозовъ остались, а у которыхъ де крестьянъ хлѣбъ вызябъ, и имъ де пынь кормиться

du voyageur Sarytschew (cité par E. Mey, ib.) A. Jakoutsk, on a même du froment d'été (Erman, Reise II, p. 253), par conséquent à plus forte raison de l'Orge. S. 335—336). I. Ф. Скау въ статьѣ о географическомъ распредѣленіи хлѣбныхъ растений „говоритъ“: Обращаясь отъ скандинавіи къ востоку, мы находимъ склоненіе линіи хлѣбныхъ растений уже въ Европейской Россіи, сѣвернѣе она идетъ у Архангельска подъ 67°. Замѣтите склоненіе этой линіи въ азиатской Россіи; у Оби сѣверная граница хлѣбовъ проходитъ подъ 67°, у Енисея подъ 58°, у Лены подъ 75° (?) широты; въ Камчаткѣ, въ южной части которой воздымается весьма мало хлѣбовъ, она опускается до 51°.

*) Историч. обозрѣн. Сибири, Словцова, 11, стр. 323—324.

**) Дополн. къ А. И. т. 11, № 73, стр. 178—179.

нечѣмъ». Вслѣдствіе этого, крестьянамъ велѣно было вытѣдъ хлѣбъ на сѣмена изъ казенныхъ житницъ, «чтобы ихъ одержать въ волостѣ и врознь не разбрелись бы и пашни не запустили бы» *). Если въ верховьяхъ Лены, или подъ 55° 58' с. ш. климатъ затруднялъ распространіе и утвержденіе земледѣльческой колонизаціи, то на сѣверѣ, подъ 62° с. ш. еще труднѣе было ее водворить. Въ 1640—1643 г. ленскій воевода Головинъ отписывалъ: «а въ якутскомъ, по сказкѣ торговыхъ и промышленныхъ служилыхъ людей *хлѣбной пашни нечаятъ*, земля и среди лѣта все не растаиваетъ. Въ якутской области всего яснѣе обнаружилась трудность земледѣльческой колонизаціи, въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ, безъ пособія науки и искусства. Вотъ что объ этомъ писалъ Н. Щукинъ въ 1844 году: «казакъ, проникнувъ съ Сибирь, наши тамъ жителей незнающихъ земледѣлія, но питающихся мясомъ и молокомъ въ различныхъ измѣненіяхъ. Русскому хлѣбъ столько же необходимъ, сколько свѣтъ дневной. Пища побѣжденныхъ народовъ была непривычна имъ, а въ иныхъ случаяхъ и противна уставамъ церкви. Казаки должны были везти съ собою провіантъ. Сколько разъ писали они, что, плавая по Охотскому морю безъ провіанта осквернили душу свою тюленями и другими морскими звѣрями. Начальство уважило эту крайность и завело хлѣбопашество на рѣкѣ Енисеѣ. Земледѣліе, подаваясь вслѣдъ за успѣхами казачковъ отъ запада къ востоку, достигло береговъ Илима, а потомъ и Лены. Но почва якутской земли никогда не таетъ глубже аршина, и потомураніе холода лѣтомъ не благопріятствовали земледѣлію. Подъ 57° широты, на устьѣ р. Киренги, заложенъ городъ Киренскъ, и первые опыты земледѣлія тамъ удались, и жители Якутска оставили земледѣліе. Между тѣмъ, къ юговостоку отъ Якутска по р. Амгѣ, впадающей въ рѣку Алданъ, основано русское селеніе. Здѣсь земледѣліе поддерживалось кое какъ. Крестьяне обьякутились и привыкли къ мясной и молочной пищѣ. Мысль, что хлѣбъ не можетъ родиться въ якутской области, сдѣлалась общою и внесена въ географію и статистику. Г. Бардовскій, въ изданной въ 1837 географіи, говоритъ, что рожь родится только въ Енисеѣ, а далѣе къ востоку урожай ненадеженъ. На чемъ основалъ г. Бардовскій столь рѣшительное опредѣленіе, нельзя постигнуть. Если въ статистикѣ

(*) Дополн. т. VIII, № 34. (3) Доп. II, № 90.

г. Зябловскаго и сказано, что иркутская губернія не удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но значительную часть его получаетъ изъ томской губерніи, то показаніе это давно опровергнуто. Хлѣбъ рождается худо только за 57° широты, а южная часть иркутской губерніи не только что удовлетворяется своимъ хлѣбомъ, но каждый годъ до 600,000 пудовъ отпускаетъ его въ Китай и въ якутскую область. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ городѣ Олекмѣ, на берегу Лены подъ 60° с. ш. тамошній комисаръ Звѣревъ, не зная ни о широтѣ мѣста, ни объ улучшенномъ хозяйствѣ, посѣялъ рожь. Опытъ былъ неудаченъ. На слѣдующее лѣто онъ посѣялъ ярицу и ячмень. Первая замерзла въ колосу, второй созрѣлъ совершенно. Такимъ образомъ, изучивъ въ нѣсколько лѣтъ почву и климатъ, онъ дошелъ до того, что сталъ довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Явились подражатели. Хлѣбъ начали сѣять въ другихъ мѣстахъ. Но неудачи охладили рвеніе, а надежда на звѣрные промыслы льстила лучшими выгодами. Земледѣіе оставлено и поддерживалось кое-гдѣ въ ничтожномъ размѣрѣ. Въ 1835 г. одинъ чиновникъ въ Якутскѣ посѣялъ для опыта ярицу, хлѣбъ созрѣлъ и снятъ благополучно. Здѣсь опять явились подражатели, и земледѣіе шло съ переменнымъ успѣхомъ. Обыкновенно, хлѣбъ, не созрѣвши въ колосѣ, гибнулъ отъ павшихъ въ началѣ Августа инеевъ. Для полного созрѣнія жита не доставало недѣль двухъ теплаго времени въ концѣ лѣта. Многолѣтніе опыты научили, что весною не должно упускать ни одного теплаго дня и сѣять хлѣбъ тотчасъ, какъ скоро спѣгъ сойдетъ съ земли... Вообще опыты земледѣія, доселѣ производимые, доказали, что хлѣбъ въ якутской области можетъ родиться только при благопріятныхъ случаяхъ; можетъ быть, со временемъ, когда оклиматизируются сѣмена, когда дознанъ будетъ способъ полеводства, земледѣіе и станетъ въ число принадлежностей сельскаго хозяйства; но теперь оно въ страдательномъ положеніи. *) Первый опытъ хлѣбопашества въ якутскомъ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 году, когда сибирскій дворя-

*) Н. Щукина, повѣдка въ Якутскѣ 1844, стр. 241—245. „Вотъ, продолжаетъ онъ, нѣсколько видовъ якутскаго земледѣія. Въ 1840 г. купецъ Левонтьевъ имѣлъ 17 десятинъ озимаго и 35 яроваго. Снялъ озимаго 137 четв. яроваго 262 четв. Купецъ Шиловъ имѣлъ 7 десятинъ озимаго и 17 десят. яроваго. Снялъ перваго 21 четв., а втораго 106 четв. Почетная гражданка Колесова съ 15 десятинъ сняла 123 четв. За русскими увлеклись якуты и проч. стр. 245.

нинъ И. Старостинъ получилъ во владѣніе участокъ земли близъ Якутска. Сначала попытки его были въ самомъ маломъ размѣрѣ, а потомъ, чтобы пріохотить другихъ, Старостинъ увеличилъ хлѣбопашество и засѣвалъ свои пашни только яровымъ хлѣбомъ. Въ 1768 г. были поселены отъ Якутска по тракту Иркутскому нѣсколько семействъ поселенцевъ и небольшая часть изъ нихъ въ 1775 г. была переведена въ амгинскую слободу, собственно съ цѣлію водворенія тамъ хлѣбопашества. Долина р. Амги представляетъ всѣ выгодныя условія для земледѣлія; съ первыхъ лѣтъ переселенцы занялись обработываніемъ полей, но впоследствии, переживившись на якуткахъ и свыкшись съ образомъ ихъ кочевой, скотоводческой жизни, бросили земледѣліе, такъ что оно вовсе тамъ прекратилось. Неудачи, причиняемыя суровымъ климатомъ, ослабляли энергію лѣнливыхъ русскихъ натуръ, неумѣющихъ рационально и устойчиво бороться съ природою. Только назначенный въ 1800 г. въ амгинскую слободу комиссаръ Неоструевъ, получивъ особое предписаніе о распространеніи хлѣбопашества и преслѣдуя праздность и нерадѣніе переселенцевъ, принудилъ ихъ къ воздѣлыванію земли, и съ тѣхъ поръ, по настоящее время, разведеніе зернового хлѣба было производимо на земляхъ амгинскихъ съ постояннымъ успѣхомъ. Во всей якутской области хлѣбопашество производится только въ двухъ округахъ: якутскомъ и олекминскомъ. По свѣденіямъ за 1835 г., всего въ области на 349 десятинахъ посѣяно было озимаго хлѣба $4\frac{3}{8}$ и яроваго $365\frac{5}{8}$; родилось перваго $26\frac{2}{8}$ и втораго $2,241\frac{1}{4}$ четверти. При всей суровости климата *), растительность въ якутскомъ краѣ необыкновенно сильна, развитіе ее совершается съ удивительною быстротою. И въ послѣдніе годы, т. е. съ 1853 г., хлѣбопашество въ Якутскѣ получило значительные размѣры. Съ переселеніемъ на берега р. Ман забайкальскихъ, верхнеудинскихъ крестьянъ, отличное трудолюбіе ихъ къ воздѣлыванію земель и знаніе этого дѣла поучительно подѣйствовали и на якутовъ. Вслѣдствіе благотѣльнаго примѣра русской земледѣльческой колоніи, въ 1853 году сдѣланы были въ кутурусскомъ улусѣ небольшіе засѣвы; успѣхъ увѣнчалъ труды якутовъ, удачный урожай рѣшительно пріохотилъ ихъ къ разработкѣ полей. Примѣру ихъ послѣдовалъ и со-

*) См. таблицы наблюденій г. Давыдова въ кн. Др. А. Т. V, *Middendörffs Sibirische Reise*, Band I, Theil 1.

сѣдній намскій улусъ, въ которомъ весною 1854 г. засѣяно до 2000 пудъ ячменя, а въ 1855 г. въ намскомъ и бутурусскомъ улусахъ посѣвъ состоялъ изъ 4000 пудовъ ячменя, и также сдѣланы были опыты сѣянія пшеницы и овса. *)

Точно также климатъ затрудняетъ развитіе земледѣльческихъ поселеній въ Камчаткѣ. **) Въ восточной, приморской сторонѣ ея климатъ вовсе неблагоприятенъ для земледѣлія: холодные туманы и морские вѣтры мѣшаютъ развитію хлѣбныхъ растений. Крашенинниковъ, довольно подробно описывая климатическое состояніе Камчатки, между прочимъ, говоритъ: «зима и осень составляютъ тамъ большую половину года, такъ что настоящей весны и лѣта не болѣе 4 мѣсяцевъ положить можно: ибо деревья начинаютъ тамъ распускаться въ исходѣ іюня, а листь падать въ началѣ августа мѣсяца... Лѣто (въ большерѣцкомъ вѣдомствѣ по пенжинскому морю) весьма неспокойно, морозы и холодно; а причиною тому великое искожденіе народовъ, и около лежащихъ, ветвующихъ снѣгомъ покрытыхъ горы. Часто случается, что по недѣль, по двѣ и по три солнца небываетъ видно; напротивъ того не случалось во всю мою бытность, чтобъ недѣлю ерляду было ведро. Нѣтъ такого яснаго по тамошнему мѣсту дни, въ который бы съ утра не видно было туману, который какъ сильный мелкій дождь до тѣхъ поръ продолжается, пока солнце близко къ полудню приближается, а отъ того ненастья, также и отъ поминутыхъ горъ, бываетъ въ приморскихъ мѣстахъ такая стужа, что безъ теплаго влатья пробыть отнюдь невозможно... Объявленное лѣтнее не спокойство бываетъ причиною неплодородія земли.» ***). Напротивъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ моря, особенно около верх-

*) Записки Сибирск. отдѣла Географич. общества, кн. V, 1858 г. „о началѣ и развитіи хлѣбопашества въ якутской области“—Давыдова. II, стр. 13.

**) Декандоль говоритъ о камчатскомъ климатѣ и земледѣліи: «Sur la côte orientale du Kamtschatka, même sous le 53° 4' lat., le climat est tout à fait contraire aux céréales. De Chamisso (Linn. I, p. 2) dit qu'à Saint-Paul et Saint-Pierre, localité assez abritée des vents de mer, elles n'ont pas réussi, et que l'on a dû se borner aux pommes de terre et à quelques légumes. Il paraît cependant qu'il y a des points plus favorables à la culture, dans l'intérieur de la péninsule du Kamtschatka. Steller (cité par E. Mey ib. p. 151) mentionne de l'Orge cultivée près d'un couvent par des moines. Le littoral, même au midi, est battu de vents humides, qui empêchent les grains de mûrir convenablement (Malte-Brun, Geogr. III, p. 397. Geograph. botaniqu. t. I, p. 336).

***) Ошко. земли Камчаткы. Спб. 1786 г. ч. стр. 160—170. См. также Лесенсово путешествіе по Камчаткѣ. 1801 г. ч. I. стр. 17—18.

ниго камчатскаго острога, климатъ, по наблюденію Крашенинникова и другихъ, умѣреннѣе, теплѣе, суше, и благопріятствуетъ земледѣлію. Вслѣдствіе такой раздвоенности метеорологическаго состоянія Камчатки, различны были и мнѣнія о возможности земледѣльческой колонизаціи Камчатки. Одни находили климатъ Камчатки рѣшительно неблагопріятнымъ для водворенія и развитія земледѣльческихъ поселеній. И неудачные опыты агрикультуры утверждали это мнѣніе: *) Другіе же вѣрили въ возможность земледѣльческихъ колоній и хлѣбопашества во внутренней, континентальной Камчаткѣ. Крашенинниковъ писалъ: «О состояніи Камчатки трудно вообще сказать, недостатка ли ея больше, или важнѣе преимуществъ. Что она безхлѣбное мѣсто и нескотное, что великимъ опасностямъ отъ частыхъ землетрясеній и наводненій подвержено, что большая часть времени проходитъ тамъ въ спокойныхъ погодахъ, и что напослѣдокъ одно почти тамъ увеселеніе смотрѣть на превысокія и нетающимъ снѣгомъ покрытыя горы, или живучи при морѣ слушать шуму морскаго волненія, и глядя на разныхъ морскихъ животныхъ, примѣчать нравы ихъ и взаимную вражду и дружбу: то кажется, что она страна больше къ обитанію звѣрей, нежели людей способна. Но ежели напротивъ того взять въ разсужденіе, что тамъ здоровый воздухъ и воды, что нѣтъ беспокойства отъ лѣтнаго жару и зимняго холоду, нѣтъ никакихъ опасныхъ болѣзней, какъ напримѣръ моровой язвы, горячки, лихорадки, воспы и имъ подобныхъ, нѣтъ страху отъ грома и молніи, и нѣтъ опасности отъ ядовитыхъ животныхъ: то должно признаться, что она къ житію человѣческому не меньше удобна, какъ и страны всѣмъ изобильныя, которыя по большой части объявленными болѣзнями или опасностямъ подвержены, особливо же, что нѣкоторые недостатки ея со временемъ награждены быть могутъ: а именно, оскудѣніе въ хлѣбѣ заведеніемъ пашни, чему начало давно уже положено, и отправлено туда нѣсколько семей крестьянъ съ довольнонымъ числомъ лошадей, рогатаго скота и всякихъ принадлежащихъ къ пашнѣ потребностей. Около вершинъ рѣки Камчатки, особливо же около верхняго камчатскаго острога и вверхъ по р. Козыревской, по мнѣнію Стеллера, могутъ родиться яровые хлѣба и озимь столь же хорошо, какъ и въ другихъ мѣстахъ подъ такою

*) См. въ Сѣвери. Архивъ 1823 г. ч. VI, № 7 отд. III: „Краткое извѣстіе о Камчатскомъ земледѣліи“.

широтою лежащихъ; для того что земля тамъ широка, снѣги падаютъ хотя глубоміе, однако сходятъ заблаговременно; сверхъ того вѣшняя погода въ тѣхъ мѣстахъ гораздо суше противъ приморскихъ, и не бываетъ тамъ исхожденія паровъ великихъ. Что касается до яровыхъ хлѣбовъ, то какъ въ верхнемъ, такъ и въ старомъ нижнемъ камчатскомъ острогѣ многими опытами извѣдано, что ячмень и овесъ родятся тамъ столь изрядные, что лучшихъ желать не можно. *)

Съ крайнихъ сѣверо-восточныхъ границъ ячменя обратимся на югъ Россіи, въ поясъ винограда. Здѣсь климатъ благопріятствуетъ произрастанію и созрѣванію винограда: въ Буковинѣ и Могилевѣ подъ 48° с. ш. въ Кременчугѣ подъ 49°, на степяхъ Дона отъ Аксая до Черкасска, въ предѣлахъ Волги до 48°, до колоніи Сарренты, а по словамъ Палласа до Саратова и Царицына, до колоніи Верхней Добрянки, или до Дмитріевска и Камышина, т. е. почти до 50° с. ш. «Ни въ какой части земли, говоритъ Гумбольдтъ, даже на Канарскихъ островахъ, въ Испаніи или южной Франціи, я не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ плодовъ, особенно такого прекраснаго винограда, какъ въ Астрахани, близъ каспійскаго моря (46° 21'). При средней годовой температурѣ около 9°, тамъ средняя лѣтняя температура доходитъ до 21° 2', какъ около Бордо: тогда какъ зимою не только въ Астрахани, но еще гораздо юнѣе, въ Кизлярѣ у устья Терека (подъ широтой Авиньона и Римини) термометръ опускается до 25° и 30° мороза». **) Благопріятству такому образомъ разведенію винограда, южный климатъ, при этомъ, и въ самыхъ жителяхъ обуславливаетъ другую химико-физиологическую потребность, именно преимущественную потребность пищи плодовой, содержащей въ себѣ гораздо больше кислорода и меньше углерода, чѣмъ содержитъ ихъ полярная, жирно-мясная пища. «Плоды, говоритъ Либихъ, служащія пищею для южнаго жителя, содержатъ въ свѣжемъ состояніи не болѣе 12 процентовъ углерода, между тѣмъ какъ сало и жиръ, употребляемые жителями полярныхъ странъ, содержатъ отъ 66 до 80 процентовъ углерода.» Этотъ-то химико-физиологическій законъ былъ причиною того, что русскіе люди, поселившись на сѣверѣ, въ Поморьи, подъ 60°—68° с. ш., употребляли всѣ усилія на добычу жирной пищи—трески, патуси-

*) Крашенинникова, описан. Камчатки. 1786 г. ч. II, стр. 150—152.

**) Космось, II. стр. 286.

ни, семги и тюленьяго жира и, не смотря на всю безплодную каменность и минность почвы, не смотря на климатическія препятствія, все-таки бились изъ всѣхъ силъ, добывая хлѣбъ, и брались за хлѣбопашество; а поселившись на югѣ русской земли, въ тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и кукурузы, тѣ же русскіе люди явились лѣнвыми къ хлѣбопашеству и предались больше садоводству, культурѣ винограда и фруктовъ. Такимъ образомъ, виноградъ и вообще садоводство были главными или отличительными мотивами нашей колонизаціи на югѣ, начиная даже съ Дону. На Донъ виноградъ привезенъ моремъ колонистами изъ Греціи. Со времени Петра Великаго разведеніе его завлекло и заняло значительную часть донскаго населенія. Въ царствованіе Елисаветы Петровны, виноградарство на Донѣ получало еще большее развитіе, и ведерниковская станица производила вино въ значительномъ количествѣ. Во время атаманства Платова, выписаны были изъ герцогства нассаускаго нѣмцы-винодѣльцы-колонисты. Въ настоящее время почти всѣ донскіе виноградники тянутся, по правому нагорному берегу Дона. Виноградъ разводится въ самыхъ сѣверныхъ придонскихъ станицахъ: въ усть-медвѣдицкой, ирменской, вешенской и казанской; онъ разведенъ даже въ хоперскомъ округѣ. По мѣстонахожденію, главные виноградарскія поселенія, тянущіяся отъ ниже-чирской станицы до самаго моря, образуютъ три группы. Первая, наименьшая, лежитъ между станицами ниже-чирскою и кобылянской. Вторая, средняя, какъ по величинѣ, такъ и по мѣстонахожденію, находится между станицами цыплянскою и кумшациною. Третья, наибольшая, начинается отъ константиновской станицы и продолжается черезъ золотовскую, кочетовскую, семипараюрскую, раздорскую, мелюховскую станицы до самой бесергневской. Въ 1859 г. считалось во всей области 2,477 виноградныхъ садовъ, а въ 1848 г. около 5,000 садовъ. *) Въ Астрахани, разведеніе винограда стало привлекать и занимать русское населеніе особенно съ половины XVII вѣка. По свидѣтельству актовъ, всякихъ чиновъ русскіе люди, монастыри, выходцы нѣмецкіе и французскіе и разныя другіе иноземцы селились въ Астрахани и «строили и заводили виноградные сады». **) Въ

*) Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Опис. земли войска донскаго, стр. 318—327.

**) Дополн. къ А. И. т. IV, № 60.

то же время, разведеніе винограда привлекало русскую колонизацію на Кубань и Терекъ. Въ 1652 г., декабря 20 дня, Алексѣй Михайловичъ писалъ астраханскимъ воеводамъ, что «по слухамъ, до него дошедшимъ, на Терекѣ растетъ *виноградное кустье*, а потому, выбравъ русскихъ людей, бывшихъ питейнаго дѣла у нѣмецкихъ мастеровъ въ ученьи, и которыхъ бы питейное дѣло было за обычай, должно послать ихъ на Терекъ для разводки винограда и для виноградья. *) Въ концѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII вѣка на Терекъ и Кубань мало по малу бѣжали разные русскіе люди, преимущественно казаки и старообрядцы. Въ 1773 г., на лѣвомъ берегу Терека, въ собственно-русскихъ поселеніяхъ, считалось: гренадерскихъ служащихъ казаковъ 500 чел., семейскихъ 450, волжскихъ 507, кромя гарнизонныхъ, солдатскихъ поселеній. Прочіе поселенцы были: казанскіе инвалиды, русскіе, татарскіе и арменскіе купцы. Въ Кизлярѣ была смѣсь самыхъ разнородныхъ поселенцевъ. Всѣ эти жители Терека, Кизляра, Моздокской линіи и т. д., по видимому, должны бы были усердно заняться земледѣіемъ, такъ какъ земли тамошнія, по словамъ Фалька, «исполнены плодоносными, для земледѣія весьма хорошими мѣстами, не нуждаются даже въ удобреніи, и неурожая почти никогда не бываетъ; обыкновенная жатва вознаграждала въ 10 и 15 разъ. Фалькъ проектировалъ даже для этого края специальную земледѣльческую колонизацію. **) Но не смотря на то, движимые больше естественною продуктивною особенностью, самородностью мѣста, поселенцы къ земледѣію были весьма лѣнны, не высѣвали хлѣба даже столько, сколько нужно было для своего расхода и виноуренія. Въмѣсто того, они все больше радѣли къ садоводству. «Садоводства по Тереку, — говоритъ Фалькъ, — болѣе, нежели земледѣія. Вездѣ при станицахъ, а особливо при Моздокѣ и Кизлярѣ, видно много садовъ и огородовъ. Въ плодоносныхъ садахъ находятся кислосладкія яблоки и разные породы грушъ, растущихъ на горахъ дико. Вишни и сливы, даже абрикосы и персики, растутъ на открытомъ воздухѣ. Во многихъ садахъ есть миндальныя деревья. Есть въ садахъ финги, росшія на открытомъ грунтѣ. Разведеніе винограда составляетъ главную часть садоводства. Сѣяли также во множествѣ сарацынское пшено. Арбузовъ сажали въ ого-

*) А. И. т. IV, № 63.

**) Собран. Путешеств. академ. т. VI. Путеш. Фалька, стр. 71—79.

родахъ очень много», и пр. *) Въ мѣстахъ нынѣшней Бессарабіи разведеніе винограда первоначально введено было генуезцами, которые, какъ извѣстно, засадили и первые виноградники въ Крыму **). Изъ ханскихъ ярлыковъ, данныхъ въ XIV вѣкѣ православному духовенству на цѣлость ихъ виноградниковъ, видно, что уже въ то время населеніе бессарабской области занималось культурой винограда. Но она, въ наибольшихъ размѣрахъ, развилась съ распространеніемъ русской и особенно западно-европейской колонизаціи. Благодаря благоприятному климату и богатой производительности, Бессарабія привлекала на поселеніе разные національности. Особенно замѣчательна колонизація славянско-европейская. Русскихъ въ Бессарабіи поселилось не менѣе 20,000. Южные уѣзды, преимущественно аккерманскій и часть бѣндерскаго, заселены особыми обществами колонистовъ: швейцарцевъ, нѣмцевъ, и болгаръ. Разведеніе винограда, персиковъ и проч. завлекло ихъ сюда. Такъ возникла колонія швейцарскихъ французовъ, устроившаяся между 1820 и 1828 годами. Швейцарецъ Карлъ Тарданъ былъ первымъ «осадчикомъ» — основателемъ колоніи. Соотечественниковъ своихъ онъ звалъ въ Бессарабію письмами, убѣждая ихъ не искать счастья въ безвѣстныхъ пустыняхъ и лѣсахъ сѣверной Америки, а слѣзти на плодородныя земли новой Россіи, гдѣ виноградныя лозы, персики, шелковица поспѣваютъ и рано, и съ большимъ успѣхомъ. Швейцарцы прибыли сперва въ 1824 г. въ числѣ только 5 семействъ. Въ 1830 г. ихъ прибыли опять 17 душъ. Теперь число ихъ возросло до 538 душъ. Имъ отведена была прекрасная земля въ Буджакѣ, на самомъ днѣстровскомъ лиманѣ, въ 5 верстахъ отъ Аккермана, урочище Шаба, гдѣ они основали колонію этого имени, весьма цветущую и преуспѣвающую въ своемъ сельскомъ быту. Ихъ виноградники одни изъ лучшихъ въ Бессарабіи. Нѣмцы колонизовались въ степи Буджака частью изъ Виртембергскаго королевства, а болѣе изъ бывшаго герцогства варшавскаго, и составляютъ особыя небольшія общества. Первое заселеніе ихъ было въ 1814 году: тогда перешло ихъ 1,743 семейства. Изъ бывшаго герцогства варшавскаго ихъ перешло сначала 1,143 семейства, которые основали въ 1814 году

*) Собран. путешествій академиковъ т. VI. Путеш. Фалька стр. 71, 72 и слѣд.

**) О винограднѣи академ. Кеппена. Записк. Имп. общ. сельск. хозяйства южн. Россіи 1843 г. № 1.

7 колоній: Бородино, Тарутино, Кульмъ, Малоярославецъ, Красное, Лейпцигъ и Клястицы. Въ 1818 году—колоніи Фершампенаузъ, Бринъ, Парижъ и Арсясъ. Въ 1817 году—Теплицъ, гдѣ поселилось 96 семействъ, вышедшихъ изъ Германіи. Остальныя нѣмецкія колоніи основаны въ царствованіе Николая, въ періодъ времени отъ 1833 по 1842 годъ. Всѣхъ нѣмецкихъ колоній 24 съ 24,159 д. об. п. Эмиграція или колонизація болгаръ въ Бессарабію, вслѣдствіе гоненій и гнета турковъ, началась съ 1769 г. и особенно съ начала нынѣшняго столѣтія и продолжалась по 1835 годъ. Они поселились въ 43 колоніяхъ, раздѣленныхъ на три округа: верхне-буджакскій (19 колоній), нижне-буджакскій (19 колоній) и измайловскій (5 колоній). Жителей въ этихъ колоніяхъ считается до 48,216 душъ обоеихъ половъ. Виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ въ 1819 г. по оффиціальнымъ свѣденіямъ было только около 1997. Съ развитіемъ колонизаціи и культуры, число виноградниковъ возросло до 25,000 *).

По причинѣ холоднаго климата, садоводческія поселенія въ Россіи далеко не распространились такъ, какъ хлѣбопахотныя. До XVII вѣка садоводства у насъ, внѣ Москвы, вовсе не замѣтно. Только въ Москвѣ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ былъ особый разрядъ населенія—*садовники*. **) По словамъ Герберштейна и Гваньини, въ Россіи, за большими холодами, невозможно было найти ни одного хорошаго плода, ни вкуснаго яблока. Только съ XVII вѣка культура садовая стала распространяться по нѣкоторымъ сѣвернымъ областямъ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи,—говоритъ Олеарій, особенно же въ Москвѣ, находится много плодовъ, растущихъ въ садахъ, какъ-то: яблонь, грушъ, вишенъ, сливъ и смородины. Кроме того есть много и другихъ плодовъ. Но въ Москвѣ не растутъ ни греческіе орѣхи, ни виноградъ. Виноградъ только нынѣ начинается выдѣлываться въ Астрахани». ***) У русскихъ не было ни энергіи, ни культурной интеллигенціи и умѣнья распространять садоводство даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ климатъ благопріятствовалъ разведенію плодовыхъ садовъ. «Всякій можетъ видѣть, гово-

*) Матер. для статист. и географ. Россіи. Бессарабская область стр. 270—277 и 159—169.

**) Собран. Госуд. грам. и догов. ч. I, № 40. Упомянуты, кроме того, Зворыкинъ садъ, Тереховъ садъ, Бутовъ садъ и проч.

***) Олеарій, въ Архивъ 12, 16.

рять Оларій, — что недостатокъ нѣкоторыхъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ происходитъ не отъ свойства земли и воздуха, а скорѣе отъ незнанія и нерадѣнія самихъ жителей». *) По причинѣ этого же недостатка земледѣльческой интеллигенціи и нерадѣнія, и доселѣ садоводство плохо развито въ сѣверныхъ областяхъ Россіи. Напримеръ, въ костромской губерніи небольшіе фруктовые (яблочныя и вишневые) сады, хотя и находятся въ перетскомъ, юрьевскомъ и отчасти въ костромскомъ и кинешенскомъ уѣздахъ, не служатъ только для прихоти своихъ владѣльцевъ, не принося имъ никакого дохода. Вообще эта отрасль сельскаго хозяйства здѣсь случайная и временная. Плодовые деревья, кромѣ яблони и вишни, не переносятъ здѣшняго климата, и тѣ только въ благопріятныя годы, случающіеся здѣсь не часто, даютъ посредственный урожай. Только при заикн и усиленныхъ трудахъ и издержкахъ возможно здѣсь поддержаніе садовъ. Въ настоящее время, только при волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ и училищахъ заведено 13 садовъ. **) Въ такомъ жалкомъ состояніи находится садоводство во всѣхъ сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Въ прошломъ столѣтіи, ботаническіе сады въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ составляли исключительную и рѣдкую достопримѣчательность въ хозяйствѣ богатыхъ земледѣльцевъ. Таковъ, напримеръ, былъ ботаническій садъ Демидова въ Красномъ селѣ, въ 2 верстахъ отъ Соликамска, въ оранжереяхъ котораго родились, между прочимъ, ананасы, лимоны, апельсины, помегранцы, фиги, дули, груши и различныхъ родовъ вишни и яблоки. ***)

Такимъ образомъ, земледѣльческія поселенія въ Россіи, какъ непосредственно-натуральный отпечатокъ климатическихъ условій, представляютъ двѣ характеристическія крайности: полярную границу ячменя и южный предѣлъ винограда. Эта естественная продуктивная противоположность или разность произвели довольно рѣзкія различія не только въ колонизаціи, но и въ самомъ характерѣ сѣвернаго и южнаго населенія. «Исторія произведеній земли, говоритъ Георгъ Форстеръ, тѣсно и глубоко связана съ судьбами человечества, со всѣми его чувствованіями, мыслями и дѣйствіями». И дѣйствительно, суровый полярный климатъ и обусловленная имъ исключительная и убогая вѣковая культура ячменя и рѣпы, отсутствіе не только вв-

*) Ibid.

**) Костром. губери. стр. 248. Матер. для стат. и географ.

***) Журналъ или дневн. Зап. Рычкова II, 100—101.

нограда и фруктовъ, но и высшихъ видовъ хлѣбныхъ растений не остались безъ вліянія на умственную и нравственную жизнь сѣверныхъ земледѣльческихъ поселеній. «Яблоки, говоритъ Молешотъ, ягоды, вишни, сливы, абрикосы, персики, дыни, огурцы и всѣ съдобные плоды способствуютъ растворенію бѣлковыхъ веществъ и разжижаютъ кровь. Плоды эти менѣе питательны, чѣмъ овощи, еще менѣе, чѣмъ картофель, но имѣютъ предъ послѣднимъ то преимущество, что не отягощаютъ кровь излишнимъ количествомъ жира. Разжиженная кровь бысто течетъ въ жилахъ южныхъ народовъ, обитающихъ въ тѣхъ благословенныхъ странахъ, «гдѣ, какъ говоритъ Форстеръ, была колыбель юнаго человечества, гдѣ люди, неосужденные на рабство, наслаждались правами свободныхъ существъ, гдѣ не платили они трудомъ и истощеніемъ за право жизни.» *) Ячмень, рѣпа, капуста и другіе овощи, потреблявшіеся въ сѣверовосточной Россіи въ большихъ размѣрахъ, при наибольшемъ количествѣ жиροобразовательныхъ началъ, содержать наименьшее количество самаго питательнаго вещества — клейковины, которой даже изъ самыхъ хлѣбовъ всѣхъ видовъ, въ холодныхъ странахъ получается меньше, чѣмъ въ теплыхъ. Такая пища, очевидно, не могла доставлять полной оживляющей питательности мускуламъ, крови и мозгу, ослабляла метаморфозъ, живой обмѣнъ веществъ въ организмѣ и, — не обильно и не вполне питая всѣ части организма, — только часть веществъ въ немъ, притомъ наименѣе важныхъ, приводила въ дѣятельность, сдѣловательно, сдерживала мышленіе, силу воли, энергію, движеніе. Въ суровомъ полярномъ климатѣ, въ снѣжныхъ сугробахъ ледяной тундры, такая бѣдная пища, мало утоляющая голодъ, и суровый полярный холодъ могли только въ полуголодныхъ поселенцахъ развивать и поддерживать постоянную раздражительность, грубость, суровость **). Такіе, дѣйствительно, факты и представляютъ сѣверныя земледѣльческія поселенія, въ сравненіи съ южными виноградно-земледѣльческими или садоводческими поселеніями. Въ тепломъ климатѣ на югѣ, въ полосѣ винограда и фруктовыхъ садовъ, въ низовьяхъ

*) Молешотта, ученіе о пищѣ, стр. 112.

**) Харри сообщаетъ любопытное наблюденіе, какъ въ полярномъ климатѣ суровый холодъ порождаетъ въ его спутникахъ грубость и раздражительность. См. Опис. его плаванія въ Сѣверн. Арх. 1826 г.

Волги, близъ Саратова и Астрахани, на Дону и въ Крыму, везли и сильно распространились, напримѣръ, мистико-соціалистическія, до энтузіазма и экзальтациа свободолубивыя, демократичныя общины молоканъ или духоборцевъ и таѣхъ называемыхъ людей-Божіихъ. Въ странѣ винограда и фруктовъ, духоборцы и люди божіи расселились свободными общинами среди виноградниковъ и садовъ плодовыхъ, и проповѣдывали полную свободу мыслей, совѣсти и совершенное братство. Ученіе и взаимныя общинныя отношенія духоборцевъ отличаются особенною мягкостью и гуманностью *). Въ сѣверномъ Поморьи, напротивъ, въ суровой странѣ «морозовъ, по вся лѣта избывающихъ хлѣбъ», у «студенаго моря», на границѣ ржи, ячменя и рѣпы, съ конца XVII в. устроились грубые, сурово-аскетическія скиты поморскіе, выгорѣцкіе и другіе, и въ концѣ XVII в. образовали въ лѣсахъ пудожскихъ разбойничьи банды въ борьбѣ съ православнымъ народомъ **). На югѣ, въ умѣренно-тепломъ климатѣ, въ полосѣ винограда и фруктовъ, общины духоборскія, вмѣсто вѣшне-обрядоваго направленія, требуютъ духовнаго—умственного и нравственнаго развитія, и проповѣдуютъ терпимость. Такъ называемыя люди Божіи, въ духовныхъ пѣсняхъ своихъ, всѣ символы заимствуютъ отъ садовъ и виноградниковъ: подъ образомъ блага винограда и виноградныхъ садовъ изображаютъ развитіе своей общины ***). На сѣверѣ, напротивъ, тундреннымъ холодомъ и мертвенностью въ-

*) Лѣтоп. рус. литерат. 1862 т. IV отд. III, стр. 3—15: объ обществѣ духоборцевъ.

**) А. И. т. V, №№ 223 и 226.

***) Напримѣръ, они поютъ: „Заросли чистыя поля дикимъ полымемъ, заросли дороженьки въ зеленые сады. Изготовилъ батюшка живой ли намъ воды; кипарисныя древа въ саду насадилъ... Отросли вѣтви благодѣтныя, расплодился листья благоухавныя, созрѣли плоды-большой виноградъ, сталъ же по чисту полю все зеленый садъ“, и проч. „Ужь ты сплѣй, созрѣвай—въ саду большой виноградъ, до время до поры до студеной до зимы“. Или:

Во лугахъ, лугахъ было зеленыхъ,
 На травахъ было, травахъ шелковыхъ
 На росахъ было, росахъ богатыхъ
 На богатыхъ росахъ медовыхъ
Посажень тутъ былъ виноградный садъ.
 И по тому саду виноградному
 Ужь ходилъ гуляя пребогатый гость—
 Сударь сынъ Божій, сударь Духъ святой, и проч.

отъ отъ раскольничьихъ поселеній. Они оледенѣли въ грубости. Напримѣръ, Усть-Сыльмскъ на р. Печорѣ, подь 65°5' с. ш., населенъ самыми грубыми и упрямыми раскольниками. Живя въ грубомъ невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распряхъ, не зная даже ни одной изъ 10 заповѣдей, эти полярные сектанты считаютъ себя лучше всѣхъ другихъ христіанъ, и воображаютъ, что Богъ для нихъ предназначилъ свое небо, за то, что они осѣняютъ себя двуперстнымъ крестомъ, молятся передъ старинными образами, Спасителя зовутъ Іеусомъ, и проч. Когда пріѣхалъ къ нимъ въ селеніе извѣстный филологъ Кастрень, то усть-сылемскіе раскольники объявили его колдуномъ, отравителемъ рѣкъ и колодцевъ, и ругали и оскорбляли его во время его странствія. Слѣзная ярость ихъ дошла, наконецъ, до того, что они собирались убить его, и онъ счелъ за нужное скорѣе уѣхать отъ нихъ на 100 верстъ южнѣе, въ Ижемскъ на Ижмѣ. И не одни раскольники, но и другіе русскіе поселенцы сѣвера испытывали на себѣ невыгодное вліяніе сѣвернаго климата и скудныхъ произведеній сѣверной почвы. Суровый климатъ и отсутствіе южныхъ плодовъ пріучали сѣверныхъ жителей къ грубой пищѣ, къ излишнему потребленію болѣе грубыхъ овощей и вѣрпкой водки. Напримѣръ, Самуилъ Кихель въ 1586 г. писалъ о псковитянахъ: «они не разборчивы въ пищѣ и питъѣ и легче переносятъ голодъ и жажду, чѣмъ другіе народы. Народъ въ Псковѣ дикъ, суровъ, неблаговоспитанъ. У здѣшнихъ жителей пѣтъ ни яблокъ, ни сливъ, ни другихъ овощей, но они сѣютъ и употребляютъ въ большомъ количествѣ огурцы: они ихъ сѣдаютъ за обѣдомъ отъ 6 до 8 штукъ. Они пьютъ весьма вѣрпкую водку, и безъ нея самый лучший обѣдъ считается ни во что» *).

И не только въ такихъ огромныхъ и различныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, Великороссія, Сибирь и новая Россія, или климатическая область ячменя и винограда, но и въ малыхъ областяхъ климатъ полагалъ рѣзкія продуктивныя и бытовыя различія между земледѣльческими поселеніями. Часто въ одномъ и томъ же уѣздѣ, различный климатъ обуславливалъ различныя степени обезпеченія и благосостоянія земледѣльческихъ поселеній. Такъ, напримѣръ, Рычковъ писалъ о мѣстахъ и земляхъ соликамскаго уѣзда: «мѣста, составляющія всѣ

*) Чтен. Моск. обществ. Истор. 1863 кн. 2, стр. 236.

части соликамскаго уѣзда, болотистыя, лѣсистыя и исполненыя множествомъ горъ, долинъ и пригорковъ, а земля суть песчанна, иловатая, изрѣдка и черноземная, видимыя по большей части посреди расчищенныхъ лѣсовъ. Хлѣбъ сѣютъ тамъ четырехъ родовъ, какъ-то: рожь, ячмень, овесъ и весьма малое число пшеницы; но все сіе въ разсужденіи различнаго воздуха, объемлющаго пространную область сію, приноситъ различное плодородіе. Въ полуденныхъ частяхъ сего уѣзда рождаются сѣмена въ шестеро и въ семеро; напротивъ того, въ сѣверныхъ краяхъ едва приносятъ плоды втрое противу посѣяннаго. Посему не только уѣздъ соликамскій, но и сами землевладѣльцы не могутъ пропитаться собственнымъ своимъ хлѣбомъ». *) По причинѣ суроваго климата, неблагопріятствующаго земледѣлію, большая часть сѣверной половины соликамскаго уѣзда составляетъ даже «мѣста уже нигдѣмъ необитаемыя». **) Въ Алтайскомъ округѣ, всѣ мѣста, лежащія южнѣе, у самаго Алтая, особенно около снѣжныхъ горъ или альпійскихъ бѣловъ, по причинѣ болѣе холоднаго климата, гораздо менѣе благопріятны для земледѣльской колонизаціи и культуры, чѣмъ болѣе отдаленныя и низменныя равнины при-алтайскія. Уже Палласъ замѣтилъ, что Барнаулъ, напримѣръ, не смотря на свое сѣверное положеніе, пользуется климатомъ болѣе умѣреннымъ и лѣтомъ болѣе теплымъ, нежели страна, лежащая южнѣе, у самаго Алтая. Въ Барнаулѣ вырѣвваютъ весьма хорошо всякія овощи (даже арвишоки), за исключеніемъ, впрочемъ, цвѣтной капусты. Арбузы дозрѣваютъ совершенно, даже на грядкахъ, и довольно рано. Умѣренному климату этой страны, довольно низменной, наиболѣе способствуетъ песчаная почва и защита, представляемая окрестными лѣсами, растущими на сухой мѣстности. По причинѣ близости обильнаго снѣгами Алтая, впрочемъ и въ Барнаулѣ средняя температура очень низка, равняется $1^{\circ},72$; холоднѣйшій мѣсяцъ—январь имѣетъ среднюю температуру— $13^{\circ},28$ —теплѣйшій—іюнь: средняя температура его $= +16^{\circ},57$. По причинѣ очень теплаго лѣта, земледѣліе въ этой колоніи идетъ весьма успѣшно. ***) Съ другой стороны, вотъ поселеніе Каменщиковъ-Уимонъ

*) Журн. или днев. Записки изд. 1770 г. стр. 102—103.

**) Ibid. стр. 122.

***) К. Риттера, Землевѣд. Азіи т. III, стр. 248.

устроилось въ концѣ XVIII стол. при р. Коксунѣ, лѣвомъ притокѣ Катуня, подъ 51° с. ш., на высотѣ 3144 ф. надъ ур. моря. Жители его пшеницу уже вовсе не сѣютъ; рожь поспѣваетъ, также не каждый годъ, какъ напримѣръ, въ 1825 году, когда она вся погибла отъ мороза, и вообще здѣсь уже трудно добывать хлѣбъ, необходимый для пропитанія. Крестьяне по необходимости должны жить только отъ своихъ стадъ и отъ продажи мѣховъ, добываемыхъ ими на охотѣ. И число ихъ не умножалось: всего было 4 двора. *) Между тѣмъ, другая колонія каменщиковъ, Фыкалка, тогда же устроившаяся въ Бухтарминскихъ горахъ Алтая, только однимъ градусомъ южнѣ Уймона, на высотѣ 3,951 или почти въ 4,000 ф. надъ поверхностью моря, т. е. почти на 1000 футовъ выше Уймона, не смотря на возвышенное мѣстоположеніе, вышла цвѣтущею земледѣльческою колоніею. Здѣсь все еще преуспѣваетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевицы и яровой пшеницы; въ огородахъ же воздѣлываютъ капусту, лукъ, макъ, тыкву, огурцы. Вся причина этого агрикультурнаго различія двухъ алтайскихъ колоній—Уймона и Фыкалки—заключается въ томъ, что деревня Фыкалка, расположенная у южной подошвы высокаго Холсуна, защищена этимъ послѣднимъ, какъ стѣною, отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, и все еще довольно доступна теплымъ, даже жгучимъ, западнымъ и южнымъ вѣтрамъ киргизской степи, а потому ея лѣтняя температура, при большой абсолютной высотѣ, также гораздо выше. Такимъ образомъ подъ 50° с. ш., на такой высотѣ могутъ дозрѣвать лѣтнія растенія, которыя безъ мѣстнаго, весьма благоприятнаго отношенія въ положеніи этой колоніи, не доставляли бы никакого успѣшнаго результата для хлѣбопашества. «Эту мѣстность, замѣчаетъ Риттеръ, по частному преимуществу ея положенія предъ сосѣдственными полосами земли средней Азии можно сравнить съ особенно благоприятными по своему положенію въ средней Европѣ сѣверными частями долинъ Тейсса и Гернада, въ Кашаускомъ округѣ.» **) Такое же вліяніе на температуру и хлѣбопашество производятъ удаленіе отъ снѣжныхъ горъ и болѣе низкое положеніе другихъ алтайскихъ колоній. Напримѣръ, когда въ Ридерсѣ, по словамъ Ледебера, хлѣбъ на поляхъ еще

*) Ibid. стр. 334—335.

**) Землевѣд. Азія т. III, стр. 68.

зеленѣль 4 августа, въ окружности Тарханскаго поселенія еще уже
былъ жать. И благодаря этому климатическому удобству для земле-
дѣлія, селеніе Тарханское, хотя основано не ранѣе 1823 года, одна-
кожь уже хорошо устроено и довольно велико; крестьяне, поселив-
шіеся въ немъ, богаты и ростепримны, занимаются, сверхъ ското-
водства и челяводства, не только земледѣіемъ, но и садоводствомъ. *)

*) Ibid. стр. 104.

А. Исаевъ.

Продолженіе слѣдуетъ.)

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXI.

Объѣдъ въ мэтчингъ Прейори.

Алиса попала на тотъ конецъ стола, на которомъ председательствовала лэди Гленвора и, не смотря на принятое ею рѣшеніе поправиться мистеру Паллизеръ, она была рада, что такъ случилось. Мистеръ Паллизеръ вель къ объѣду герцогиню, а Алиса желала по возможности сидѣть подальше отъ ея свѣтлости. Она очутилась между своимъ нарѣченнымъ другомъ, Джефри Паллизеромъ, и герцогомъ, съ которымъ лэди Гленвора тоже успѣшила познакомиться ее, какъ только сѣли за столъ. — Рекомендую вамъ мою кузину, герцогъ; страшную радикалку, — проговорила она.

— Въ самомъ дѣлѣ! мнѣ это пріятно слышать. Партія радикаловъ терпитъ жестокой недостатокъ въ коноводахъ; быть можетъ, мнѣ посчастливится теперь пополнить этотъ недостатокъ.

Алиса вспомнила въ эту минуту про кузена Джоржа и покачала — что не онъ сидитъ на ея мѣстѣ возлѣ герцога. — Но я боюсь, герцогъ, что вы найдете во мнѣ плохаго вождя радикальной партіи.

— По крайней мѣрѣ меня вы поведете куда угодно, проговорилъ онъ.

— Какъ маленькія собачки водятъ слѣпыхъ, замѣтила лэди Гленкора.

— Нѣтъ, лэди Гленкора, не такъ, но какъ хорошенькія женщины водятъ людей, у которыхъ есть глаза во лбу. Ничего я такъ не желаю, миссъ Вавазоръ, какъ сдѣлаться радикаломъ. Если бы только я зналъ, какъ за это приняться.

— Думаю, что узнать это не трудно, отвѣчала Алиса.

— А вы знаете? Я такъ нѣтъ. Повѣрите-ли, я вотировалъ въ обѣихъ палатахъ за всѣ либеральныя мѣры, какія только подвергались серьезному обсужденію съ той самой поры, какъ я началъ свою политическую дѣятельность; а все же до сихъ поръ не пошелъ дальше Вигизма.

— Вотировали ли вы за всеобщую подачу голосовъ? спросила Алиса, сама удивляясь своей смѣлости.

— Нѣтъ, за нее-то я не вотировалъ. Полагаю, что за этимъ и все дѣло стало. Но билль о всеобщей подачѣ голосовъ ни разу не былъ серьезно предложенъ ни одной изъ палатъ, въ которыхъ я засѣдалъ. Я лично питаю противъ этой мѣры такую ожесточенную ненависть, что, право, не знаю, въ состояніи-ли я былъ бы за нее вотировать.

— А между тѣмъ радикалы ее любятъ, сказала Алиса.

— Паллизеръ, заговорилъ герцогъ, возвышая голосъ, съ своего конца стола, говорить, что вы до тѣхъ поръ не получите право называться радикаломъ, пока не объявите себя сторонникомъ всеобщей подачи голосовъ.

— Я не желаю называться радикаломъ, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ, да и вообще не желаю называться чѣмъ-бы то ни было.

— Развѣ канцлеромъ казначейства, проговорила лэди Гленкора въ полголоса.

— Что жъ! Это прекраснѣйшая цѣль, къ которой только можетъ стремиться честолюбіе мужчины, замѣтилъ герцогъ. Человѣкъ, способный управлять финансами нашего отечества, держать въ рукахъ своихъ и все остальное.— Тутъ разговоръ затихъ и герцогъ весь ушелъ въ ѣду.

— Я специально приставленъ къ вашей особѣ съ тѣмъ,

чтобы занимать васъ, обратился къ Алксѣ мистеръ Джефри Паллизеръ. Но когда я принялъ возложенное на меня порученіе, я и подумать не могъ, что вы займетесь строжайшимъ допрашиваніемъ министровъ о ихъ политическихъ убѣжденіяхъ.

— Будто я это дѣлала, мистеръ Паллизеръ? Я думала, что всѣ радикалы стоятъ за всеобщую подачу голосовъ, а потому и сказала такъ.

— Ваше опредѣленіе совершенно вѣрно, только....

— Только что?

— Напрасно лэди Гленкора такъ хлопотала, чтобы вы не соскучились. Это, конечно, не мѣшаетъ мнѣ быть очень благодарнымъ ей съ своей стороны. Но, къ сожалѣнію, миссъ Вавазоръ, я не занимаюсь политикой; не имѣя ни малѣйшей надежды попасть въ парламентъ, я питаю къ политикѣ глубочайшее презрѣніе.

— Женщинѣ тоже недоступна политическая дѣятельность въ нашемъ отечествѣ.

— И слава Богу, что онѣ не могутъ мѣшаться въ политику, по крайней мѣрѣ непосредственно. Могу себѣ представить, что бы это такое было, если бы у насъ завелась женская палата депутатовъ, гдѣ пренія происходили бы между женщинами, конечно, съ свойственною женщинамъ любезностью. Мои кузины, Ифи и Фими, конечно были бы членами. Вы еще не познакомились съ ними?

— Нѣтъ еще. Развѣ онѣ занимаются политикой?

— Не специально. У нихъ есть кое-какія воззрѣнія, положительно либеральнаго свойства, да въ родѣ Паллизеровъ и не было ни одного Тори. Но онѣ слишкомъ умны, чтобы заниматься толченьемъ воды. Какъ женщины, онѣ стѣснены во многихъ правахъ и ограничиваются литературою, изящными искусствами, изученіемъ политической экономіи и отвлеченныхъ наукъ. Онѣ пишутъ восхитительныя письма; но, если не ошибусь, въ настоящую минуту списокъ ихъ корреспондентовъ переполненъ до послѣдней возможности, и вамъ врядъ-ли скоро попасть въ него.

— Но я и не имѣю ни малѣйшаго притязанія на такую честь.

— О, если вы только хотите сказать, что незнакомы съ ними, то это ничего не значить.

— Но я не знаменитость какая нибудь, чтобы со мною вступать въ переписку, не зная меня лично.

— И это все пустяки. Онѣ вовсе не ищутъ выдающихся личностей въ своихъ корреспондентахъ. Девизъ ихъ — свободная коммуникація съ цѣлымъ свѣтомъ. Роуландъ Голь, преобразователь нашихъ почтовыхъ учреждений, ихъ герой. Только онѣ принуждены были нѣсколько поограничить свою корреспонденцію по причинѣ, выходявшаго у нихъ, непомѣрнаго количества бумаги и чернилъ. А вы любите писать письма, миссъ Вавазоръ.

— Да, моимъ друзьямъ: но я предпочитаю получать ихъ.

— Я сильно подозреваю, что онѣ не читаютъ и половины тѣхъ писемъ, которыя получаютъ. Есть ли физическая возможность одолѣть два листа бумаги, исписанныхъ хоть бы вотъ нашею пріятельницею герцогинею? Нѣтъ, для нихъ самая суть наслажденія заключается въ томъ, чтобы писать. Тотчасъ же послѣ утренняго чая онѣ садятся каждая за свой письменный столикъ и строчатъ вплоть до завтрака. Между ними существуетъ извѣстнаго рода соревнованіе, въ которомъ онѣ не признаются другъ передъ другомъ, но весьма замѣтное для посторонняго наблюдателя. Ифи безспорно успѣваетъ заготовлять большее количество писемъ; помарокъ у нея столько же, сколько и у сестры, но за то на ея сторонѣ болѣе четкій и размашистый почеркъ.

— Вы получаете отъ нихъ письма?

— О, нѣтъ, помилуйте! Станутъ онѣ переписываться съ родственниками! До домашнихъ ли тутъ дѣль, когда ихъ занимаетъ архитектура и вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допускать женщинъ къ участию въ общественныхъ должностяхъ. У Ифи есть корреспонденты въ Америкѣ, на которыхъ у нея уходитъ много времени. Но она, по собственному сознанию, не читаетъ ихъ писемъ.

— Въ такомъ случаѣ я конечно не стала бы писать ей.

— Но вы и не американка, надѣюсь. Ненавижу я этихъ мериканцевъ; эта моя единственная политическая страсть.

Разъ какъ-то я съѣздилъ къ нимъ и убѣдился, что мнѣ съ ними ни за что не ужиться.

— Но они живутъ такъ, какъ имъ нравится. Я еще не вижу, почему бы ихъ ненавиждѣть за то только, что они не слѣдуютъ нашимъ обычаямъ.

— Я и самъ знаю, что во мнѣ говоритъ одна зависть. Ну не обидно ли, что я не встрѣчалъ у нихъ ни одного извощика, который не былъ бы въ десять разъ образованнѣе меня. Что же касается женщинъ, то онѣ просто все на свѣтѣ знаютъ. Но я возненавидѣлъ ихъ и буду всегда ненавидѣть. Вы не были въ Америкѣ?

— О, нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ сказать, что у той англичанки, которая проживетъ съ ними мѣсяцъ и не возненавидитъ ихъ, должны быть престранные вкусы. Я утѣшаю себя надеждой, что они рано или поздно искусаютъ другъ другу головы, и тогда народится новая порода людей, совсѣмъ иного забала. Я всегда смотрѣлъ на Соединенные Штаты, какъ на Содомъ и Гоморру; они процвѣтаютъ въ беззаконіяхъ, но рано или поздно на нихъ падетъ сѣрный дождь и истребитъ ихъ до тла.

— Но это—презлое желаніе съ вашей стороны.

— Да я и вправду золь, очень золь, какъ говаривала про себя маленькая негрятенка Топси.— Любите вы ѣздить на охоту?

— Нѣтъ.

— Умѣете вы стрѣлять?

— Стрѣлять! т. е. какъ же это, изъ ружья?

— Ну да, изъ ружья; на прошлой недѣли я гостилъ въ одномъ домѣ и видѣлъ тамъ даму, которая очень много занималась стрѣльбой.

— Нѣтъ, я не стрѣляю.

— Ѣздите вы верхомъ.

— Къ сожалѣнію нѣтъ. Я не могла до сихъ поръ ѣздить верхомъ за неимѣніемъ провожатаго.

— По крайней мѣрѣ въ экипажѣ вы умѣете править лошадьми?

— И этого не умѣю.

— Но, если такъ, что жъ вы цѣлый день дѣлаете?

— Я сижу дома и...

— И штопаете чулки?

— Нѣтъ, этого я не дѣлаю, занятіе слишкомъ непріятное. Но я много занимаюсь рукодѣльемъ и порой для развлечения читаю.

— Ну, здѣсь никто не читаетъ. Слыхаль я, что тутъ существуетъ библіотека, но ключъ отъ нея потерянь, и никто не знаетъ, какъ до нея добраться. Вообще я не вѣрю въ библіотеки. Никто не отправляется въ нихъ съ тѣмъ, чтобы читать, точно такъ же, какъ никто не ходитъ въ кладовую съ тѣмъ, чтобы тамъ ѣсть. Разница въ томъ только, что пища, которую мы ѣдимъ, достается дѣйствительно изъ кладовой, между тѣмъ какъ книги, которыя мы читаемъ, достаются не изъ библіотеки. Скажите, миссъ Вавазоръ, вы намѣреваетесь читать все время вашего пребыванія здѣсь.

— Я намѣреваюсь для разнообразія гулять иногда на развалинахъ аббатства.

— Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ гулять при лунномъ свѣтѣ, и я буду вашимъ провожатымъ. Только настоящее время года врядъ ли удобно для такихъ прогулокъ.

— Положительно неудобно, особенно для васъ, мистеръ Паллизеръ.

Обѣдъ сошелъ съ рукъ довольно благополучно. Алиса бранила себя за свою робость, которая ничѣмъ не оправдывалась; а между тѣмъ, она все еще не могла вполне отвязаться отъ этого чувства.

— Не правда ли, съ Джефри никогда не соскучишься? спросила у нея лэди Гленнора, когда дамы встали изъ-за стола и отправились въ гостиную.

— Да это такъ, только онъ ужъ очень насмѣшливъ.

— Вы-то ужъ, кажется, не задумаетесь платить ему тою же монетой.

— Какимъ пріятнымъ тепломъ обдаетъ васъ при переходѣ изъ одной комнаты въ другую, проговорила герцогиня, дѣлая преимущественно удареніе на словахъ «одной» и «другую».

— Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы постоянно переходить изъ комнаты въ комнату, замѣтила мистрисъ Кануэй-Спарксъ, дама писательница, обладавшая когда-то замѣ-

чательной красотой сохранившая до сихъ поръ замѣчательный умъ. Язычекъ у нея былъ что бритва, и герцогиня крѣпко ея побаивалась.

— Надѣюсь, что намъ и сидя на мѣстѣ будетъ тепло, вмѣшалась лэди Гленкора.

— Но не такъ пріятно тепло, проговорила мистрисъ Спарксъ.

— Меня просто въ дрожь кидаетъ, когда мистрисъ Спарксъ начнетъ трунить надъ нею, признавалась лэди Гленкора Алисъ, разговоривая съ нею въ этотъ вечеръ на-единѣ въ своей комнатѣ. Я знаю, что она пожалуется герцогу, а тотъ расскажетъ этому высокому рыжему господину, который, какъ вы видѣли, непременно гдѣ нибудь да стоитъ; а ужъ рыжій непременно насплетничаетъ мистеру Паллизеру, и мнѣ будетъ головоюйка.

— Кто такой этотъ высокій рыжій господинъ?

— Онъ служитъ политическимъ звеномъ между герцогомъ и мистеромъ Паллизеромъ. Имя его мистеръ Боттъ; онъ членъ парламента.

— Но съ какой стати ему вмѣшиваться въ эти дѣла?

— Полагаю, что онъ за этимъ и приставленъ. Говоря откровенно, я и сама путемъ не понимаю, какія тамъ у нихъ отношенія. Чуть ли онъ не будетъ секретаремъ мистера Паллизера, когда его сдѣлаютъ канцлеромъ казначейства. Можетъ статься, онъ и не сплетничаетъ, только я не могу выжить эту мысль у себя изъ головы. Меня онъ всегда называетъ лэди Гленкоуреръ; онъ родомъ изъ Ланкашейра и, пока не вздорюжалъ хлопокъ, занимался издѣліемъ бумажныхъ матерій.

Но разговоръ этотъ происходилъ въ спальнѣ, а намъ предстоитъ еще возвратиться на время въ гостиную.

Герцогиня промолчала на колкость мистрисъ Спарксъ, и такимъ образомъ разговоръ о температурѣ прекратился. Да и вообще разговоръ тянулся довольно вяло, какъ это всегда бываетъ, когда дамы остаются однѣ. Лэди Гленкора любезничала, какъ умѣла, рассказывая герцогинѣ про своихъ любимыхъ фазановъ. Мистрисъ Спарксъ про кого-то чесала язычекъ, подсосѣдившись къ Ефиміи Палливеръ; между тѣмъ какъ Ифгенія Паллизеръ отважно раскрыла книгу и усѣлась къ столу.

— Алиса Вавазоръ, неожиданно возвысила голосъ леди Гленнора,— умѣете вы играть на биллиардѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала Алиса.

— Въ такомъ случаѣ вы выучитесь сегодня же; если не найдется другаго учителя, я сама вамъ покажу. Вы, конечно, будете играть, герцогиня?

— Въ биллиардной такъ тепло и уютно, что мнѣ приходитъ охота идти съ вами, отвѣчала герцогиня, но тотчасъ же, въ ожиданіи чего-то недобраго, покосилась въ тотъ уголъ комнаты, гдѣ сидѣла мистрисъ Спарксъ.

— Давайте всѣ играть, проговорила мистрисъ Спарксъ,— тогда, пожалуй, будетъ еще теплѣе и уютнѣе.

Пока дамы размѣщались вокругъ биллиарднаго стола, къ нимъ присоединились мужчины, и вся комната наполнилась народомъ. Обязанность показывать Алисѣ игру выпала на долю Джефри Паллизера, и послѣдовавшій за тѣмъ часъ прошелъ довольно пріятно, хотя далеко не такъ пріятно, какъ иные часы въ Швейцаріи. Вообще она чувствовала, что ей жилось полнѣе въ обществѣ Кэтъ и ея брата, чѣмъ въ этомъ великолѣпномъ Мэтчинѣ. Правда, мистеръ Джефри Паллизеръ былъ очень любезенъ и раза два разсмѣшилъ ее до слезъ, передразнивая позы герцогини во время игры.

— А жаль, что я не умѣю играть на биллиардѣ, замѣтила по одному изъ этихъ поводовъ мистрисъ Спарксъ,—очень жаль.

— Вы, кажется, сказали, что идете съ нами играть, или мнѣ послышалось? проговорила съ величественнымъ видомъ герцогиня.

— Я пошла только посмотрѣть, какъ будетъ играть ваша свѣтлость.

— Что же въ моей игрѣ такого необыкновеннаго, чтобы стоило ходить на нее смотрѣть? проговорила герцогиня, но, выигравъ партію, утѣшилась въ только что полученныхъ ею щелчкахъ и съ видомъ побѣдительницы возвратилась въ гостиную.

Часовъ около одиннадцати все общество разошлось по своимъ комнатамъ.—Я приду къ вамъ на минутку, сказала Алисѣ леди Гленнора, проходи къ себѣ въ спальню. Минуть черезъ

нать она возвратилась. Придвинувъ низенькое кресло къ ка-
мину, она расположилась въ немъ и начала разговоръ.

— Я задержу васъ на четверть часа; мнѣ нужно сказать
вамъ одну вещь. Но прежде всего я желала бы знать, какъ
вамъ нравится здѣшнее общество? — Алиса конечно отвѣчала
утвердительно, и тутъ произошелъ между ними вышеописан-
ный разговоръ о рыжеволосомъ господинѣ, мистерѣ Боттѣ.

— Но я еще не сказала вамъ того, съ чѣмъ собственно
я пришла, продолжала лэди Гленкора. Подсядьте-ка ко мнѣ,
да не глядите мнѣ въ лице, пока я буду говорить.

— Развѣ то, о чемъ вы собираетесь говорить, такъ ужасно.

— Я не скажу вамъ ничего дурного.

— О, лэди Гленкора, если вы...

— Не называйте меня лэди Гленкорою; вѣдь я же зову
васъ Алисою. За что вы такъ неласковы со мною? Я не съ-
тѣмъ пришла, чтобы просить васъ сдѣлать для меня что ни-
будь такое, чего не оправдываетъ ваша совѣсть.

— Но вы собираетесь сказать мнѣ что-то такое. — Алиса
была увѣрена, что лэди Гленкора собирается заговорить съ нею
о мистерѣ Фицджеральдѣ, а ей не хотѣлось, чтобы имя Фиц-
джеральда было на губахъ ея кузины.

— Да, я должна сказать вамъ, что въ послѣднемъ письмѣ
моемъ я написала ложь. Но у меня не было намѣренія об-
мануть васъ; только мнѣ неловко было высказать всю правду
въ письмѣ.

— Какую же это правду?

— Вы помните, я винулась передъ вами, что не была у
васъ прошлаго года въ Лондонѣ.

— Стоитъ ли упоминать объ этомъ?

— Вамъ все равно, была ли я у васъ или нѣтъ, не такъ
ли? Но не объ этомъ рѣчь. И въ самомъ дѣлѣ, для васъ это
не важно. Я писала вамъ въ этомъ письмѣ, что не могла
быть у васъ за множествомъ дѣлъ.. Но это была ложь.

— Ложь подобнаго рода самое обыкновенное дѣло.

— Но непростительно такъ лгать передъ тѣми, кого же-
лаешь любить. Я рвалась къ вамъ все время, пока была въ
Лондонѣ; но я боялась, что, увидившись съ вами, снова за-

говорю о немъ, а я дала себѣ слово никогда болѣе не прозносить его имени. Послѣднія слова лэди Гленкора проговорила тѣмъ страннымъ, тихимъ голосомъ, который у нея являлся порою.

— Въ такомъ случаѣ, къ чему же теперь заводить о немъ рѣчь, лэди Гленкора?

— Я не хочу, чтобы вы меня такъ называли. Зовите меня Корою, у меня была когда-то старшая сестра, и она всегда звала меня Корою. Если бы она осталась въ живыхъ... Но что объ этомъ говорить; она умерла. А теперь я вамъ скажу, отчего я измѣнила своему слову: держать его выше моихъ силъ. Къ тому же я видѣлась съ нимъ; я была съ нимъ въ одной комнатѣ, и мы говорили другъ съ другомъ. Мое прежнее рѣшеніе потеряло теперь всякій смыслъ.

— И такъ, вы снова встрѣтились?

— Да, онъ, т. е. мистеръ Паллизеръ, зналъ объ этомъ. Когда онъ сказалъ, что повезетъ меня въ этотъ домъ, я шепнула ему, что Борго по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ тамъ.

— Не называйте его такъ, проговорила Алиса, почти содрогаясь.

— Отчего мнѣ и не называть его такъ? Я и мужу называла его этимъ именемъ. Впрочемъ, не помню, быть можетъ, я сказала: Борго Фицджеральдъ.

— И что жъ онъ отвѣтилъ?

— Онъ велѣлъ мнѣ все-таки ѣхать. Онъ сказалъ, что все это пустяки, что надо же мнѣ когда нибудь выдержать это испытанье. Хорошо испытанье! И такъ, если я должна встрѣчаться съ нимъ, говорить съ нимъ, глядѣть ему въ лицо, отчего же мнѣ и не упоминать его имени?— Она остановилась какъ бы дожидаясь отвѣта. Что вы на это скажете?

— Что же вы хотите, чтобы я сказала на это? проговорила Алиса.

— Все, что вамъ угодно, только не ложь, я потому-то и просила васъ пріѣхать сюда, потому что не думаю, чтобы вы были способны солгать. О, Алиса! если бы вы знали, какъ мнѣ хочется идти правымъ путемъ и какъ это трудно.— Алиса начинала догадываться, что зазвали ее въ Мэтчингъ Прейори потому, что кузинъ ея нуженъ былъ другъ, и чувствовала, что

не можетъ отказать въ этой дружбѣ, о которой ее просили. Она встала со стула и, сѣвъ на полу у ногъ своей подруги, обратила къ ней лице и поцѣловала ее.

— Я знала, что вы будете добры ко мнѣ, проговорила лэди Гленкора. Говорите, что хотите, я все выслушаю отъ васъ. Но мнѣ невыносимымъ казалось умалчивать о настоящей причинѣ, почему я не была у васъ въ Лондонѣ. Теперь вы будете ко мнѣ ѣздить, не такъ ли, милая?

— Конечно, а вы ко мнѣ прїѣдете? отвѣчала Алиса, давая такимъ образомъ замѣтить, что она не желала бы быть принятой въ домѣ мистера Паллизера на той же ногѣ, на какой хотѣла было принимать ее лэди Мидлотіанъ. Но тотчасъ же она почувствовала, что такого рода предосторожность недостойна ея и не великодушна. — Но я во всякомъ случаѣ готова у васъ бывать, хотя бы вы ко мнѣ и не прїѣхали, добавила она.

— Конечно я буду къ вамъ ѣздить, сказала лэди Гленкора. Но вы знаете, что я хотѣла сказать. У насъ будутъ даваться обѣды и вечера, и домъ будетъ полонъ гостей.

— А у насъ этого ничего не будетъ, отвѣчала Алиса улыбаясь.

— Извиненіемъ больше для васъ ѣздить ко мнѣ, или лучше, причинѣ больше, потому что я не хочу никакихъ извиненій. Какъ легко у меня сдѣлалось на душѣ, когда я все рассказала вамъ! Я просто боялась встрѣчи съ вами въ Лондонѣ. У меня не достало бы духу тогда взглянуть вамъ въ глаза; теперь это чувство миновалось. — И она улыбнулась и поцѣлуемъ отплатила Алисѣ за полученный отъ нея поцѣлуй.

Станнымъ было видѣть ее, стоящую передъ каминомъ во всей пышности вечерняго наряда, но съ закинутыми за уши бѣдрами и съ глазами красными отъ слезъ; казалось, что вся эта роскошь, даже сдѣлавшись ненужною, все еще лежитъ на ней тяжелымъ гнетомъ.

— А каково! ужъ первый часъ въ исходѣ. Покойной вамъ ночь, милочка. Не знаю, пришелъ ли онъ на верхъ; но въ такомъ случаѣ я разслышала бы его шаги; поступь у него такая тяжелая. Онъ рѣдко кончаетъ работу раньше часа, а порою сидитъ и до трехъ. Это его единственная страсть. Про-

щайте, Господь съ вами. Мнѣ еще много, много нужно вамъ разсказать; и вы тоже, Алиса, навѣрное разскажете мнѣ что нибудь про себя, не такъ ли, милая? И не дожидаясь отвѣта, лэди Гленкора вышла, оставивъ Алису въ какомъ-то чаду. Она едва могла повѣрить, что все слышанное и видѣнное ею произошло въ такой короткой промежутку времени. Вѣдь не далѣе, какъ сегодня утромъ она выѣхала изъ улицы королевы Анны!

ГЛАВА XXII.

ТРИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЯ.

Мистеръ Паллизеръ былъ изъ числа тѣхъ политическихъ дѣятелей, которыми Англія по праву можетъ гордиться, и совокупныя усилія которыхъ, обусловливая стройное сліяніе консерватизма и прогрессивности, служатъ основаніемъ ея величія въ настоящемъ и ручательствомъ безопасности въ будущемъ. Паллизеръ обладалъ тѣмъ терпѣніемъ, котораго требуетъ изученіе государственной науки и тою степенью таланта, которая дѣлаетъ подобное изученіе не бесплоднымъ. Окруженный всѣми соблазнами богатства и высокаго общественнаго положенія, онъ работалъ съ неутомимою энергіею молодого бѣдняка-юриста, который работаетъ изъ за крова и хлѣба для своей безприданной невѣсты. Онъ не обладалъ блестящими способностями и сознавалъ это. Но въ палатѣ общинъ его слушали, какъ добросовѣстнаго труженика, не брезгавшаго въ дѣлѣ собранія фактовъ никакимъ кропотливымъ трудомъ и достойнаго полного довѣрія и вниманія, не смотря на то, что онъ излагалъ свои труды слишкомъ сухо и скучно. А скучноватъ онъ былъ безспорно; но онъ гордился этимъ свойствомъ, соединеннымъ съ нѣкоторымъ умѣньемъ подчинять себѣ слушающихъ. Въ рѣчахъ своихъ онъ никогда не дозволялъ себѣ ни малѣйшей шутки и строго избѣгалъ всякихъ риторическихъ прикрасъ. Онъ былъ того мнѣнія, что ораторское искусство, какъ искусство, есть преступленіе противъ той политической серьезности, которою онъ руководствовался во всей своей дѣятельности.

Если онъ былъ скученъ, какъ государственный человѣкъ, то онъ былъ еще скучнѣе въ частной жизни. Понятно, что та-кая женщина, какъ его жена, не могла быть съ нимъ счастлива. Бракъ ихъ, разсматриваемый съ чисто практической точки зрѣнія, былъ вполне удачною операціею; удаченъ онъ былъ и въ другомъ смыслѣ, если принять въ соображеніе тѣ опасности, отъ которыхъ онъ оградилъ какъ леди Гленкору, такъ и самого мистера Паллизера. Что касается леди Гленкору, то читателю уже извѣстно, какъ она чуть не бросилась вмѣстѣ съ своимъ богатствомъ въ объятія молодого человѣка, успѣвшаго составить себѣ репутацію развратника и мота. Близкіе ея успѣшили предупредить это зло, и выдали ее за человѣка, вполне надежнаго и имѣвшаго впереди блестящую будущность. Что же касается мистера Паллизера, то опасность грозила ему со стороны одной замужней женщины, которая успѣла внушить ему мимолетную привязанность, но которая впрочемъ была слишкомъ благоразумна, чтобы благосклонно принимать не слишкомъ-то страстные увѣренія въ любви. Какъ бы то ни было, дядя его перетревожился и тѣмъ съ большимъ одобреніемъ отнесся къ отличной партіи, сдѣланной его племянникомъ.

Самого мистера Паллизера вполне удовлетворяла и семейная его жизнь, и жена, которой онъ себѣ не выбиралъ. Чтобы занять то положеніе, къ которому онъ стремился, ему нужно было большое богатство. Собственное его состояніе до женитьбы было уже учень велико, но, для достиженія своихъ цѣлей, онъ нуждался въ колоссальныхъ средствахъ, которыя позволяли бы ему сорить деньгами на-право и на-лѣво и распространяли бы слухъ о его богатствахъ въ самые отдаленные предѣлы королевства; только такія средства могли упрочить за нимъ то несокрушимо твердое положеніе, которое необходимо для государственнаго человѣка въ нашемъ аристократическомъ государствѣ. Личность его жены тоже вполне удовлетворяла его. Вообще онъ не былъ слишкомъ ревностнымъ поклонникомъ женской красоты, хотя онъ разъ и забылся до того, что пожелалъ жену ближняго своего. Но самое желаніе это было такого рода, что онъ, пожалуй, остался доволенъ его неосуществленіемъ. Въ то утро, когда онъ былъ отвергнутъ предме-

томъ своей страсти, онъ порѣшилъ съ самимъ собою, что хорошо, что онъ выпутался изъ этой неприятной исторіи. Онъ женился на лэди Гленкорѣ и чувствовалъ себя совершенно довольнымъ. Онъ зналъ о ея отношеніяхъ къ Борго Фицджеральду и былъ того мнѣнія, что нѣтъ дѣвушки, у которой не бывало бы передъ свадьбой романа подобнаго рода. Когда она сказала ему со всею выразительностію, какую только могла придать своему голосу: вы должны знать, что я дѣйствительно любила его,—онъ отвѣтилъ ей, улыбаясь: — а теперь вы *должны* любить меня;—и тѣмъ дѣло покончилось. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что въ семейной его жизни все обстоитъ благополучно. Онъ предоставилъ ей почти неограниченную свободу распоряжаться своими деньгами и рѣдко вмѣшивался въ ея дѣла. Пороку только онъ дѣлалъ ей замѣтанія, но по повсѣду тѣхъ ребяческихъ выходокъ, которыя нарушали скучную чинность, приличествовавшую его положенію; и тогда голосъ его принималъ, безъ его воли и вѣдома, строгую интонацію. Но вообще онъ былъ доволенъ своею женою и любилъ ее, какъ ему казалось, отъ всего сердца, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ кого либо другаго. Одна только забота омрачала его существованіе: онъ было надѣялся въ скоромъ времени узнать, что жена родитъ ему ребенка, но надежда эта пока не сбывалась. Впрочемъ, бракъ ихъ былъ еще слишкомъ недавній, чтобы считать эту надежду погибшей, и забота не успѣла еще сдѣлаться печалью.

Но этотъ бракъ, благоразумный во всѣхъ отношеніяхъ, не удовлетворялъ молодую жену въ той степени, въ какой онъ удовлетворялъ мужа. Быть можетъ, она и смогла бы забыть свою первую любовь, если бы новый ея властелинъ выказывалъ въ обращеніи съ ней больше нѣжности. Сердце лэди Гленкоры врядъ ли было создано изъ того твердаго металла, который упорно хранить слѣды того, что разъ на немъ отпечатлѣлось; но такъ же, какъ и всякое другое сердце, оно требовало пищи. Любовь и ласки были необходимымъ условіемъ ея счастья. Ей нужны были всѣ эти маленькія, ежедневныя доказательства въ томъ, что она любима; взглядъ, брошенный мелькомъ и выражающій даже и не любовь, а взаимное пониманіе, какойнибудь шутки, случайный

поцѣлуй, полупритворное участіе въ ея маленькихъ интересахъ, пожатіе руки, даже маленькая любовная ссора. Но мистеръ Паллизеръ ничего не смыслилъ во всѣхъ этихъ тонкостяхъ, а потому образъ Борго Фицджеральда все плѣнительнѣе рисовался въ ея воображеніи.

Но все это не мѣшало мистеру Паллизеру сознавать себя счастливымъ человѣкомъ. Быть можетъ, ему на роду было написано пережить великое домашнее горе, но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ могутъ подавить семейныя невзгоды. Потерять вліяніе въ средѣ своей партіи было для него гораздо худшимъ ударомъ, чѣмъ потерять жену; пораженіе на политической аренѣ было ему страшнѣе семейнаго позора.

Кругомъ его поговаривали, что вскорѣ должны осуществиться самыя задушевныя его желанія. Ему уже случалось занимать второстепенныя государственныя должности, но еще ни разу онъ не былъ членомъ кабинета. Работалъ онъ на своемъ вѣку гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно работаютъ министры, но до сихъ поръ труды его не получали соотвѣтствующей награды. Имѣть голосъ въ рѣшеніи судебъ народовъ, быть извѣстнымъ своимъ согражданамъ за одного изъ ихъ дѣйствительныхъ вождей, вотъ къ чему стремились его честолюбивыя мечты. И точно, начинало казаться, что онъ близки къ осуществленію. Было почти официально извѣстно, что старый канцлеръ казначейства выйдетъ изъ кабинета и что мистеръ Паллизеръ займетъ его мѣсто. При такихъ обстоятельствахъ онъ могъ помириться съ маленькимъ обыденнымъ несчастіемъ имѣть жену, которая предпочитала ему другого.

Посѣщеніе Мэтчинга герцогомъ Сентъ-Бонгэй казалось вѣрнымъ предзнаменованіемъ приближающагося величія мистера Паллизера. Герцогъ былъ государственнй человѣкъ другаго закала, но совершившій тоже блистательную аристократическую карьеру. Много лѣтъ сподрядъ исполнялъ онъ должность министра, и такъ же освоился съ своимъ мѣстомъ въ кабинетѣ, какъ другіе съ своимъ кресломъ у домашняго очага. Но труженикомъ онъ никогда не бывалъ. Поговаривали въ свѣтѣ, что онъ могъ бы сдѣлаться первымъ министромъ, если бы самъ не избѣгалъ этой хлопотливой должности. За то во многихъ газетахъ намекали, что очень высоко стоящія особы удо-

стоивали совѣтоваться съ нимъ въ дѣлѣ назначенія первыхъ министровъ. Онъ почему-то считался надежнѣйшимъ оплотомъ либеральной партіи, хотя и очень небольшое было извѣстие изъ его кабинетной дѣятельности. Всѣ занимаемыя имъ должности были такого рода, что съ ними не было сопряжено особенно утомительныхъ обязанностей. При ожесточенныхъ преніяхъ онъ никогда не выступалъ ораторомъ оппозиціи. Парламентскія его рѣчи отличались краткостью и легкимъ приятнымъ оттѣнкомъ безобидной ироніи. За то онъ постоянно являлся воплощеніемъ здраваго смысла. Онъ никогда не терялъ обычной ровности своего характера, никогда не дѣлалъ промаховъ. Онъ никогда не горячился, но никогда и не охладился въ преслѣдованьи своихъ цѣлей. Въ политикѣ онъ никогда не дѣйствовалъ очертя голову, но никогда и не робѣлъ. Онъ былъ кавалеромъ ордена подвязки и лордомъ намѣстникомъ своего графства. Ему было шестьдесятъ два года отъ роду, а между тѣмъ пищевареніе сохранилось у него отличное и имѣніе было въ превосходномъ порядкѣ. Онъ любилъ погулять картины, въ которыхъ врядъ ли зналъ толкъ, и книги, которыхъ положительно не читалъ. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и это уваженіе было ему такъ же нужно, какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ.

Но даже у этого баловня судьбы была своя серьезная причина, хотя и не слишкомъ удручающаго свойства. Герцогъ находился въ постоянномъ страхѣ за свою жену. Да не подумаетъ читатель, чтобы онъ опасался козней какого нибудь Борго Фиджеральда. Нѣтъ, герцогиня всегда была образцомъ приличія въ этомъ отношеніи; никогда злословіе не смѣло касаться ея имени. Нельзя было тоже упрекнуть ее въ расточительности или страсти къ игрѣ, или въ какихъ бы то ни было предосудительныхъ наклонностяхъ. Она просто-на-просто была глупа, и вслѣдствіе этого находилась въ постоянномъ страхѣ сдѣлаться предметомъ чьихъ нибудь насмѣшекъ. Въ несчастіяхъ подобнаго рода она постоянно обращалась съ жалобами, подчасъ очень гнѣвными, къ дорогому своему герцогу и защитнику, а дорогой ея герцогъ положительно не зналъ, какъ ему съ нею быть и какъ ее защищать. Не прилично было ему, кавалеру ордена подвязки и герцогу Сентъ-Бонгэй, просить ка-

куюнибудь мистрисъ Конуэй-Спарксъ жалиться надъ его простушкой женой; и въ то же время не обращаться же ему было по этому поводу съ формальною жалобою къ хозяину и хозяйкѣ дома. — Милая, если тебѣ здѣсь не хорошо, мы можемъ уѣхать, сказалъ онъ ей поздно вечеромъ того дня, о которомъ была рѣчь въ предыдущей главѣ. — Нѣтъ, отвѣчала она; уѣзжать я не хочу. Я обѣщалась пробыть здѣсь до половины декабря, и въ Лонгройстонѣ ничего не будетъ готово раньше этого времени. Но я думаю, что есть же средство заставить эту женщину молчать. — И она съ ужасающимъ удареніемъ произнесла слово «женщина».

Герцогъ не зналъ никакого средства заставить замолчать мистрисъ Конуэй-Спарксъ. Основнымъ принципомъ всей его жизни было никогда ни на кого не сердиться. — Мнѣ кажется тебѣ всего лучше будетъ не обращать на нее никакого вниманія, сказалъ онъ женѣ. — Это такъ легко сказать, герцогъ, отвѣчала жена: но живя съ ней подъ одной кровлей, я безпрестанно встречаюсь съ нею и не желаю быть посмѣшищемъ. Мнѣ кажется, что лэди Гленкорѣ не мѣшало бы указать ей на ея мѣсто.

— Милая, лэди Гленкора еще такъ молода.

— Не знаю, съ чего ты взялъ, что она ужъ такъ молода.

Разговоры подобнаго рода повторялись чуть не каждый день; герцогъ находился вынужденнымъ подчасъ заступаться за свою герцогиню; все это порядкомъ докучало ему и онъ отъ души давалъ, что ея свѣтлость не осталась... въ Лонгройстонѣ.

Въ Мэтчингъ-Преяори гостило еще третье лице, посвятившее себя политической дѣятельности. Лице это, не имѣвшее пока еще права называться государственнымъ человѣкомъ, былъ мистеръ Боттъ, рыжеволосый представитель Сентъ-Элленса. Въ жизни мистера Ботта не было недостатка въ успѣхахъ, которыми онъ никому не былъ обязанъ, кромѣ самого себя. Человѣкъ онъ былъ не первой молодости (ему было подъ пятьдесятъ) и оканчивалъ въ парламентѣ вторую сессію, въ качествѣ отъявленнаго сторонника манчестерской лиги. По видимому, онъ не обманулъ надежды своихъ избирателей; въ Сентъ-Элленсѣ онъ все еще слылъ за честнаго поборника праваго дѣла. Но засѣдавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ парламентѣ знали, что онъ работаетъ себѣ на руку. Онъ былъ небогачъ, хотя и за-

нимался производствомъ бумажныхъ матерій и успѣлъ попасть въ парламентъ. Выдавалъ онъ себя за крайняго радикала, а между тѣмъ охотно знался съ аристократами. Его считали знатокомъ въ финансахъ; какъ человѣкъ въ высшей степени сметливый и исполнительный, онъ обѣщаль быть дѣльнымъ помощникомъ для будущаго канцлера казначейства, задумывавшаго различныя преобразованія.

Въ аристократическіе дома часто являются посѣтители, присутствіе которыхъ остается загадкою даже для самой хозяйки. — Къ намъ будетъ мистеръ Боттъ, объявилъ мистеръ Паллизеръ своей женѣ. — Это что за мистеръ Боттъ? воскликнула лэди Гленкора. — Онъ представитель Сэнтъ-Элленса, и человѣкъ, въ своемъ родѣ, очень полезный. — Что же я буду съ нимъ дѣлать? спросила лэди Гленкора. — Думаю, что ты будешь имѣть съ нимъ немного дѣла. Человѣкъ онъ очень занятой и вѣроятно большую часть дня будетъ проводить въ библіотекѣ.

Мистеръ Боттъ пріѣхаль. Но, хотя на имя его и приходилъ каждое утро огромный пакетъ писемъ и бумагъ, онъ не слишкомъ-то много занимался въ библіотекѣ. Быть можетъ, онъ не нашель ключъ отъ этой запущенной комнаты. Раза два онъ ходилъ стрѣлять въ цѣль, но въ первый разъ подстрѣлилъ сторожа, въ другой разъ чуть не застрѣлил самого герцога, послѣ чего на отрѣзъ отказался отъ этого упражненія. Отъ охоты онъ точно также отказался. По видимому, онъ проводилъ время въ томъ, что, по выраженію лэди Гленкору, гдѣнибудь да стоялъ. Отъ времени до времени онъ запирался съ мистеромъ Паллизеромъ въ его кабинетѣ, и тогда являлся къ завтраку съ пальцами, перепачканными въ чернилахъ. Онъ былъ рослый, неуклюжій мужчина съ плѣшью на головѣ и съ рыжею бородою, сбритою на верхней губѣ. Не будь у него этой обнаженной верхней губы, онъ казался бы не въ такой степени безобразнымъ; ротъ его имѣлъ какое-то подлое выраженіе, и верхняя губа была непомѣрно длинна. Но онъ убѣдился, что безъ помощи бритвы, ему очень неловко будетъ ѣсть супъ и пожертвовать чистоплотности красотою.

— И что мнѣ всего противнѣе въ мистерѣ Боттѣ, признавалась лэди Гленкора своему мужу, это привычка его потирать руки и безпрестанно ухмыляться, точно онъ собирается ска-

затѣ тебѣ чтонибудь, между тѣмъ, какъ въ сущности онъ ничего не хочетъ сказать.

— Съ какой стати, милая, ты обращаешь на него вниманіе, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ.

— Но какъ же мнѣ не останавливаться передъ нимъ, когда онъ такъ на меня смотритъ, что думаешь — вотъ, вотъ, чтонибудь скажетъ. А онъ только спроситъ: — Могу ли я чѣмънибудь услужить вамъ, лэди Гленкоруеръ.

Тутъ она замѣтила, что мужъ ея хмуритъ брови и продолжала: — Не сердись на меня, другъ мой; ты и самъ долженъ сознаться, что онъ довольно несносный господинъ.

— Я нисколько не сержусь, Гленкора, отвѣчалъ онъ; если ты этого непременно желаешь, я постараюсь такъ устроить, чтобы онъ уѣхалъ отъ насъ и, въ такомъ случаѣ, ужь конечно, не приглашу его въ другой разъ. Но это можетъ послужить мнѣ во вредъ; въ политикѣ онъ человѣкъ надежный и можетъ мнѣ со временемъ очень пригодиться. — Само собою разумѣется, лэди Гленкора отвѣчала, что мистеръ Боттъ можетъ оставаться у нихъ въ домѣ, сколько ему и ея мужу будетъ угодно, и никогда болѣе не упоминала его имени въ разговорахъ съ мистеромъ Паллизеромъ. Но съ этой минуты она стала смотрѣть на мистера Ботта какъ на врага, и чувствовала, что и онъ на нее точно также смотритъ.

Когда въ непосвященныхъ политическихъ кружкахъ сдѣлалось извѣстно, что герцогъ Сентъ-Бонгэй гоститъ въ Мэтчингѣ, всѣ заговорили, что мистеръ Паллизеръ навѣрное сдѣлается канцлеромъ казначейства. По всѣмъ вѣроятіямъ прежній министръ сдавалъ дѣла новому министру. Но я сильно подозреваю, что между нимъ и мистеромъ Паллизеромъ не было и рѣчи о дѣлахъ во все время пребыванія герцога въ Мэтчингѣ. Герцогъ охотился, читалъ газеты, и съ видомъ знатока осматривалъ сельское хозяйство мистера Паллизера. — Славный у васъ управляющій, говаривалъ герцогъ. — Это вы про Габбинса говорите? отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ. Да онъ достался мнѣ по наслѣдству отъ дяди, когда тотъ передалъ мнѣ Мэтчингъ. Я имъ очень доволенъ. Само собою разумѣется, онъ не сдѣлаетъ помѣстье доходнымъ, но придаетъ ему такой видъ какъ будто оно дѣйствительно приноситъ доходъ, а это толь-

ко и нужно. Я никогда не могъ добиться доходовъ отъ земель, которыя воздѣлывалъ самъ, не отдавая ихъ въ наймы. — Да, это мудреное дѣло, отвѣчалъ герцогъ, которому собственно до всего этого было очень мало дѣла. Ни одного намека не вырвалось у него касательно видовъ мистера Паллизера на министерство, кромѣ словъ, сказанныхъ имъ лэди Гленкоръ за обѣдомъ.

За то мистеръ Боттъ удостоивался порою слышать кое-какіе намеки отъ герцога.

— На то похоже, ваша свѣтлость, что наша возьметъ, сказалъ ему мистеръ Боттъ какъ-то послѣ обѣда.

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ пойдутъ перемины.

— А перемины, какъ видно, будутъ?

— О да, непремѣнно будутъ. И вѣтеръ переминится въ вашу пользу.

— И въ пользу Паллизера?

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю, если онъ только самъ не откажется. Кстати... и разговоръ перешелъ въ шопотъ. Мистеру Ботту было дано одно изъ тѣхъ порученій, за которыя лэди Гленкора прозвала его сплетникомъ.

XXIII.

ВЪ КОТОРОЙ УЗНАЕТСЯ КОЕ-ЧТО ИЗЪ ИСТОРИИ СЕМЕЙСТВА
ПАЛЛИЗЕРОВЪ.

По прошествіи десяти дней Алиса успѣла освоиться, какъ нельзя лучше, съ своей новой обстановкой. Она обѣщалась прогостить у Паллизеровъ до половины декабря, т. е. вплоть до того времени, когда ей предстояло отправиться въ Вавзоръ-Кэстль, и съѣхаться тамъ съ отцомъ и кузиною Кэтъ. Паллизеры намѣревались провести Рождество у герцога Омниума, въ Барсетшейрѣ. — Это ужъ такъ заведено у насъ, сказала Алисѣ лэди Гленкора. Въ Гадерумъ-Кэстлѣ Рождество справляется всегда съ большою торжественностью, но вся эта исторія продолжается не больше недѣли. Оттуда мы отправляемся... ай, ай, ай, до чего я договорилась!

— Что значитъ это восклицаніе?

— Видите-ли... ну нѣтъ, лучше я вамъ не скажу.

— Въ такомъ случаѣ, я не стану приставать къ вамъ съ разспросами.

— Какъ я узнала васъ, Алиса, въ этомъ отвѣтѣ! Но я тоже умѣю быть твердою и не скажу вамъ ничего, пока вы сами меня не спросите.— Алиса и не подумала спрашивать, но тѣмъ не менѣе лэди Гленкора не долго устояла въ принятомъ ею твердомъ намѣреніи.

Итакъ, какъ я уже сказала, Алиса совершенно освоилась съ своей новой обстановкой. Она дошла до того, что съ удовольствіемъ выслушивала тѣ немногія слова, съ которыми удостоивалъ обращаться къ ней герцогъ; у нея даже явилось терпѣніе выслушивать болтовню герцогини, такъ что та замѣтила лэди Гленкорѣ: — а ваша кузина премилая дѣвушка, очень, очень милая. Какъ жаль, что съ ней такъ безсовѣстно поступаетъ этотъ джентльменъ изъ Оксфордшейра.— Лэди Гленкора объяснила ей свѣтлости, что джентльменъ былъ изъ Кембриджшейра и что онъ-то ужъ въ жизнь свою ни съ кѣмъ не поступалъ безсовѣстно.— Другими словами, вы хотите сказать, что она его... одурачила? проговорила герцогиня почти со свистомъ и широко раскрывая глаза. Жаль, жаль, этого бы я никакъ отъ нея не ожидала.— И при слѣдующей встрѣчѣ съ Алисой она заговорила строго-величественнымъ тономъ, который впрочемъ очень скоро смягчился, подъ вліяніемъ любезности Алисы.

Алиса научилась между прочимъ и ѣздить верхомъ. Ея постояннымъ спутникомъ въ этихъ верховыхъ прогулкахъ былъ Джефри Пализеръ. Она сошлась съ нимъ на столько, что могла съ нимъ ссориться и мириться, такъ что разъ лэди Гленкора шутя сказала, что дѣло у нихъ скоро пойдетъ и еще дальше.

— Этого я никакъ не думаю, отвѣчала Алиса.

— Это еще ничего не значить. Кто же когда думаетъ объ этихъ вещахъ?

— По крайней мѣрѣ я объ нихъ положительно не думаю въ настоящую минуту.

— А право, славно бы было, если бы это состоялось. Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день вы сдѣлались бы герцогиней.

— Гленкора! будетъ вамъ говорить такой вздоръ.

— Но я разстроила бы всѣ ваши расчеты и на зло вамъ убила бы себя, чтобы онъ могъ жениться на другой.

— И не стыдно вамъ говорить такіе ужасы?

— Вотъ увидите, что я, рано или поздно, это сдѣлаю. Какое право имѣю я портить всю его жизнь? Еще намеренъ онъ заговорилъ со мною о томъ, что положеніе Джефри теперь измѣнилось, и я поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, или вѣрнѣе, чего онъ не хотѣлъ сказать, но что было у него въ мысляхъ. Но убить себя, я все-таки не убью.

— Еще бы?

— Есть, правда, еще одинъ выходъ, проговорила леди Гленкора.

— Вы думаете о такихъ вещахъ, которыя никогда не должны бы были приходиться на мысль, сказала Алиса съ жаромъ. Развѣ вы не вѣрите, что Богъ все устроиваетъ къ лучшему?

Мистеръ Боттъ, къ великому удовольствію леди Гленкоры, увѣзжалъ изъ Мэтчинча, но, къ сожалѣнію, снова возвратился. По возвращеніи его леди Гленкорѣ снова досталось за немѣнне предупредить междоусобія между герцогиней и мистрисъ Спарксъ. — Я еще не рассказывала вамъ, обратилась леди Гленкора къ Алисѣ, что мои догадки подтвердились; онъ и въ самомъ дѣлѣ оказывается сплетникомъ.

— Такъ это онъ все наушничаль?

— Да. Мнѣ была головомойка, и я знаю, что по его милости, хотя мистеръ Паллизеръ этого мнѣ не сказалъ. Но за то онъ сказалъ мнѣ, что герцогиня чувствуетъ себя оскорбленной обращеніемъ *этой женщины*.

— Но вы же не можете за всѣхъ отвѣчать.

— Я ему такъ и сказала. Самъ же онъ велѣлъ мнѣ пригласить мистрисъ Конуэй-Спарксъ. Я совсѣмъ не была рада ей. Она ѣздитъ ко всѣмъ, и всякій считаетъ за особенную честь залучить ее къ себѣ. Но мнѣ, право, было бы все равно, хоть бы она утонула въ Черномъ Морѣ. Когда я ему сказала все это, онъ объявилъ, что я несу дичь, что и было совершенно справедливо, и потребовалъ, чтобы я заставила ее поукоротить ея язычекъ. А я ему, конечно, отвѣчала, что не могу этого сдѣлать. Мистрисъ Спарксъ на меня, конечно,

не обратитъ и вниманія. Если она ко мнѣ станетъ приставать, то я, конечно, съумѣю себя оборонить, хотя бы она еще въ десять разъ была умнѣе, чѣмъ теперь, и писала бы стихи лучше самаго Теннисона.

— Нѣкоторые изъ ея стиховъ дѣйствительно хороши, замѣтила Алиса.

— О да, еще бы! Я многіе изъ нихъ знаю наизусть, только я не желала бы доставить ей удовольствіе знать, что я такого высокаго мнѣнія о ея произведеніяхъ. За тѣмъ я объявила ему, что не могу же ходить нянькой за герцогиней, а онъ сказалъ, что я сущій ребенокъ.

— Онъ сказалъ это любя.

— Нѣтъ, я и въ самомъ дѣлѣ ребенокъ, я и сама это знаю. Его вина, что онъ не женился на какой нибудь свирѣпой бой-бабѣ, которая умѣла бы заправлять его домомъ и держать на привязи злой язычекъ мистрисъ Спарксъ. Я въ этомъ не виновата.

— Этого вы не сказали ему?

— Нѣтъ, сказала. За тѣмъ онъ поцѣловалъ меня и прибавилъ, что ничего, съ годами я конечно поумнѣю. А я ему на это отвѣтила, что съ годами и язычекъ мистрисъ Спарксъ станетъ еще злѣе, и герцогиня еще поглупѣетъ. Съ этими словами я и ушла. Охъ, если бы только я не боялась унизить себя, ужъ какъ бы я проучила этого мистера Ботта. Онъ слабится передо мною и потираетъ свои неуклюжія руки еще усерднѣе, чѣмъ прежде, потому что знаетъ, что виновата передо мною. Ну не ужасно ли жить въ одномъ домѣ съ такими людьми?

— Мнѣ кажется, вамъ нечего обращать на него особенное вниманіе.

— Да, но я здѣсь хозяйка, и мнѣ напѣваютъ въ уши, чтобы я была любезна съ гостями. Куда какъ весело любезничать съ герцогиней Сентъ-Бонгэй и мистеромъ Боттомъ!

Алиса успѣла до того сблизиться съ леди Гленкорой, что нисколько не стѣснялась читать ей нравоученія и прямо говорить ей, что она слишкомъ много думаетъ о пустякахъ, да и не объ однихъ пустякахъ. — Что же касается мистера Ботта, продолжала Алиса, то совѣтую вамъ поступать такъ, какъ будто бы его вовсе не было.

— Но вѣдь это было бы притворствомъ въ особенности въ отношеніи васъ.

— Это не притворство, а та сдержанность, которая въ извѣстныхъ случаяхъ обязательна для каждой женщины, а для женщины, поставленной такъ, какъ вы, болѣе, чѣмъ для всякой другой. — На это леди Гленкора надула губки, объявила Алисъ, что жаль, что не она вышла замужъ за мистера Паллизера, и вышла изъ комнаты.

Въ этотъ же вечеръ мистеръ Боттъ подсѣлъ къ Алисъ въ гостиной. Уже не разъ подходилъ онъ къ ней передъ этимъ, потирая руки и обмѣниваясь съ нею двумя, тремя незначущими замѣчаніями. Отъ Алисы не ускользнуло желаніе сблизиться съ нею, и она не щадила усилий, чтобы удержать его на почтительномъ разстояніи. Но мистеръ Боттъ былъ не тотъ человѣкъ, чтобы его можно было зацугать холодностью. Напротивъ, чѣмъ неподатливѣе оказывались вы на всѣ его попытки сближенія, тѣмъ назойливѣе становился онъ; самая ваша неподатливость служила въ его глазахъ доказательствомъ, что ваше расположеніе стоитъ взять съ бою.

— Что за очаровательная дама наша общая дорогая знакомая, леди Гленкора! заговорилъ мистеръ Боттъ.

Алисъ пришла почти охота начать ему противорѣчить, или отвѣтить такъ, чтобы разомъ отъ него отвязаться. Но она не рѣшилась дать такой отвѣтъ, который можно было принять за шутку. — Да, отвѣчала она. Какъ холодно сегодня. — Она досадовала сама на себя за свою ненаходчивость и чуть не расхохоталась, выговоривъ эти слова; ей припомнились герцогины и трубы съ горячей водой, проведенныя по всему дому въ Лонгройстонѣ.

— Да, очень холодно. Если не ошибаюсь, миссъ Бавазоръ, вы очень дружны съ ея сятельствомъ.

— Мы съ ней кузины, отвѣчала Алиса.

— Ахъ да, какое счастливое стеченіе обстоятельствъ! Мнѣ положительнo извѣстно, что мистеръ Паллизеръ съ величайшимъ удовольствіемъ видитъ ее такъ часто въ вашемъ обществѣ.

Это ужъ было черезъ-чуръ. У Алисы не доставало духу прямо встать съ своего мѣста и уйти, а между тѣмъ она чувствовала, что надо же ей какъ нибудь отъ него отвязать-

ся. — Въ первый разъ слышу, чтобы она дѣйствительно такъ часто находилась въ моемъ обществѣ, отвѣчала она, но хотя бы оно и такъ было, не могу понять, какое до этого дѣло мистеру Паллизеру.

Но мистера Ботта не такъ-то легко было отвлечь отъ принятаго имъ разъ намѣренія. — Я могу, положительно засвидѣтельствовать вамъ, что таково его воззрѣніе на это дѣло. Конечно, всѣмъ намъ извѣстно, что лэди Гленкора еще молода, очень, очень молода.

— Мистеръ Боттъ, я право не желаю распространяться съ вами о свойствахъ моей кухни.

— Но, дорогая миссъ Вавазоръ, когда мы оба съ вами имѣемъ въ виду одну только цѣль, ея счастье...

— Я не имѣю въ виду этой цѣли, мистеръ Боттъ, совсѣмъ не имѣю. Съ какой стати стану я заботиться о ея счастья? Извините меня, но я право не могу распространяться объ этомъ предметѣ въ разговорѣ съ совершенно постороннимъ лицомъ. — Съ этими словами она встала и ушла. Но, какъ ни поразила мистера Ботта ея смѣлость, онъ все же порѣшилъ попытаться въ другой разъ.

Не знаю, задумывался ли Джефри Паллизеръ о разницѣ между настоящимъ своимъ положеніемъ и тѣмъ, въ которомъ находился бы въ томъ случаѣ, если бы у лэди Гленкоры въ одной изъ верхнихъ комнатъ стояла колыбель съ спящимъ въ ней малюткой. Полагаю, что задумывался. Незавидна была его настоящая доля. Отецъ его, младшій братъ герцога, оставилъ ему въ наслѣдство шестьсотъ фунтовъ годоваго дохода, да привычку знаться съ людьми, у которыхъ въ десять разъ больше. О возможности заработать себѣ пропитаніе трудомъ онъ ни отъ кого не слыхалъ. Отецъ его былъ любимымъ сыномъ стараго герцога, который, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, и не глядѣлъ на того, кто сдѣлался теперь главою дома Паллизеровъ. Отецъ Джефри былъ воспитанъ, какъ и подобало отпрыску такого знатнаго дома; по смерти стараго герцога у него все же достаточно осталось средствъ, чтобы продолжать жить, не отказывая себѣ ни въ чемъ. Порой ему помогаль братъ. Къ тому же ему случалось занимать не ту, такъ другую высшую государственную должность. Но по смерти его

понадобилось раздѣлить оставшееся послѣ него состояніе между сыномъ и четырьмя дочерьми, такъ что на долю Джефри достался, какъ мы уже сказали, очень ограниченный доходъ. Конечно, жить на эти деньги можно было, а такъ какъ во все продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ ему нечего было заботиться ни о кровѣ, ни о пропитаніи, то онъ могъ даже держать охотничьихъ собакъ и ни въ чемъ не отставать отъ богатыхъ людей; но все-жъ онъ находился въ крайне стѣсненномъ положеніи, пока, благодаря отсутствію колыбели въ замкѣ Паллизеровъ, ему не улыбнулась въ отдаленномъ будущемъ надежда на герцогскую корону. Правда, надежда эта была очень шаткая, такъ какъ тысячи комбинацій могли еще разрушить ее. Лэди Гленкора могла еще народить столько же дѣтей, какъ и сама Гекуба; она могла умереть, и другая, счастливѣйшая женщина могла сдѣлаться матерью наслѣдника его двоюроднаго брата, наконецъ мистеръ Паллизеръ былъ всего только годомъ старше его и могъ прожить еще добрыхъ сорокъ лѣтъ. Но какъ бы то ни было, на него начинали смотрѣть, какъ на приличнаго жениха въ такихъ кругахъ, гдѣ на него не обратили бы и вниманья, если бы лэди Гленкора была счастливою обладательницею маленькой колыбели.

— Какъ жаль, что вы проводите жизнь въ совершенной праздности, сказалъ ему однажды утромъ его двоюродный братъ. Поводомъ къ этому свиданью между ними чуть ли не послужило желаніе Джефри перехватить у двоюроднаго брата сколько нибудь денегъ займа.

— А что жъ мнѣ дѣлать, спросилъ Джефри.

— Ну хоть бы женились вы, что ли.

— Жениться-то не трудно; нѣтъ такого бѣдняка, который не могъ бы жениться; весь вопросъ въ томъ, придется ли мнѣ по вкусу голодать послѣ свадьбы.

— Изъ этого еще не вытекаетъ, что вы должны были бы голодать. Ваше собственное состояніе, хотя оно и не велико, все же больше нуля; а между невѣстами не всѣ же безприданницы.

Джефри вспомнилъ про лэди Гленкору, но не упомянулъ ея имени въ разговорѣ. — Нѣтъ, продолжалъ онъ, я не гонусь на такія предпріятія; стоило бы родителямъ невѣсты предло-

жить мнѣ нѣсколько вопросовъ о моемъ домѣ и хозяйствѣ, и я непременно бы оплошалъ. Я говорю это не въ похвалу себѣ, а развѣ на оборотъ; но дѣло въ томъ, что во мнѣ жажды приобрѣтеня нѣтъ и слѣда.

— Это очень глупо.

— Совершенно согласенъ съ вами.

— Если бы у людей не было жажды приобрѣтеня, то у нихъ не было бы и хлѣба. Земледѣлецъ, который пашетъ землю, поступаетъ такъ потому, что въ немъ, къ счастью, живетъ жажда приобрѣтеня.

— Это такъ, но вся бѣда въ томъ, что во мнѣ, къ несчастью, нѣтъ тѣхъ стремленій, которыя живутъ въ земледѣльцѣ.

— Между общераспространенными предразсудками нѣтъ предразсудка болѣе ошибочнаго, какъ тотъ, вслѣдствіе котораго на жажду приобрѣтеня смотрятъ, какъ на предосудительное стремленіе. Желаніе быть богатымъ есть источникъ всякаго прогресса. Цивилизація есть продуктъ того, что люди называютъ алчностью. Умѣйте соединить жажду приобрѣтеня съ честностью и не бойтесь тогда ея послѣдствій. Будущій канцлеръ казначейства проговорилъ эту рѣчь съ видомъ глубокой мудрости, какъ и подобаетъ канцлеру казначейства.

— Но этой-то жажды во мнѣ и не достаешь, отвѣчала Джефри.

— Что бы вы сказали, если бы вамъ предложили обработать ферму въ Шотландіи?

— И платить ренту?

— Само собою разумѣется.

— Я поблагодарилъ бы и отказался. Безчестно было бы съ моей стороны взяться за это дѣло, зная навѣрное, что я никогда не заплачу ренты.

— Вы довольно молоды, чтобы поступить на государственную службу.

— Чтобы поступить писцомъ, за сто фунтовъ годоваго жалованья, конечно я слишкомъ старъ.

— Но нѣтъ ли у васъ самихъ какого нибудь плана?

— Ни одного подходящаго. Думалъ я порой эмигрировать въ новую Голландію.

— Но тамъ вы должны бы были сдѣлаться фермеромъ.

— И не подумалъ бы. Я затѣялъ бы оппозицію противъ правительства, которое, чтобы купить мое молчаніе, дало бы мнѣ мѣсто.

— Такой планъ еще куда ни шель бы здѣсь, когда у чловѣка довольно денегъ, чтобы попасть въ парламентъ и ожидать случая, но тамъ вы не далеко бы съ нимъ уѣхали. А что сказали бы вы о мѣстѣ въ парламентѣ?

— Само собою разумѣется, я бы отъ него и очень не прочь; только я непремѣнно надѣлалъ бы страшныхъ долговъ; пока ихъ у меня еще не слишкомъ много, не считая того, что я долженъ вамъ.

— Мнѣ вы не должны, и не говорите объ этомъ. У меня нѣтъ роднаго брата; что за счеты между вами и мною. Очень можетъ случиться, Джефри, то я вскорѣ долженъ буду смотрѣть на васъ, какъ на моего наслѣдника.

На это Джефри пробормоталъ что-то о слабомъ вѣроятіи подобнаго оборота дѣлъ и объ отдаленности самаго событія.

— Такъ-то, такъ, отвѣчалъ старшій въ родѣ Паллизеровъ, но все же... мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы взяли за какое нибудь дѣло. Подумайте объ этомъ, и если вамъ удастся до чего нибудь додуматься, скажите мнѣ.

Джефри вышелъ изъ кабинета своего двоюроднаго брата съ билетомъ въ 500 фунтовъ въ карманѣ. Мѣсто въ парламентѣ! Да, если бы двоюродный его братъ дѣйствительно дупстлъ въ ходъ все то вліяніе, которое давали ему деньги и громкое имя и обезпечилъ младшему представителю своего имени приличное общественное положеніе, тогда, конечно, жизнь получила бы въ глазахъ Джефри совсѣмъ иное значеніе. И въ виду открывавшейся передъ нимъ возможности умереть герцогомъ и, по крайнеймѣрѣ въ гро бу, облечься въ пурпуръ, онъ началъ думать о томъ, что долженъ будетъ, съ своей стороны, позаботиться о наслѣдникѣ герцогскому имени.

— Вы поѣдете послѣ завтра на верхомъ? спросила его леди Гленнора, когда онъ вошелъ въ гостиную.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джефри, я собираюсь приняться за дѣло.

— Что—о? проговорила леди Гленнора.

— Приняться за дѣло, или, вѣрнѣе, посвятить этотъ день

размышленіямъ о томъ, за какое бы мнѣ дѣло приняться. Мой кузень сейчасъ только внушалъ мнѣ, что я не долженъ оставаться въ праздности.

— Конечно не должны, съ жаромъ подхватила Ифигенія изъ за своего письменнаго столика.

— Жаль только, что онъ и самъ еще не выяснилъ себѣ вопросъ, какого рода дѣятельности я долженъ бы былъ посвятить себя. Двухъ канцлеровъ казначейства за разъ не бываетъ. Мистрисъ Спарксъ, не знаете ли вы, за какое дѣло приняться молодому человѣку, подобному мнѣ?

— Что же можетъ быть лучше парламентской дѣятельности? отвѣчала мистрисъ Спарксъ.

— Такъ, такъ, и онъ того же мнѣнія. Но вотъ вопросъ: какому городу предложу я свои услуги? Развѣ попытаться попасть въ представители лондонскаго Сити? Ихъ цѣлыхъ четверо, а потому и вѣроятія успѣха тутъ вдвое больше, чѣмъ въ другихъ городахъ.

— Но я слышала, что въ представители Сити преимущественно избираются негоціанты, замѣтила герцогиня.

— Но развѣ вы не видите, что мистеръ Паллизеръ хочетъ прежде составить себѣ состояніе посредствомъ торговли, а потомъ уже предложить себя въ представители Сити? сказала мистрисъ Спарксъ.

— Этого я изъ его словъ еще не вижу, отвѣчала герцогиня.

— Какъ бы то ни было, у меня въ настоящую минуту есть дѣло на рукахъ, и мнѣ не до прогулокъ верхомъ, проговорилъ Джефри.

— Да, пора бы вамъ перестать сидѣть сложа руки, проговорила Ифигенія изъ за своего письменнаго стола.

Два раза во все время этого разговора лэди Гленкора бросила на Алису многозначительный взглядъ, который та хорошо поняла. Вотъ видите, говорилъ этотъ взглядъ, Плантагенетъ начинаетъ принимать участіе въ судьбѣ своего двоюроднаго брата, и понятно: человѣка, который сдѣлается родоначальникомъ будущихъ герцоговъ, не слѣдуетъ оставлять влачить дни свои въ безвѣстности. Если бы у меня на верху стояла колыбелька, никто не сталъ мѣшать бы Джефри бить баклуши.

Само собою разумѣется, что Джефри и не подумалъ оста-

ваться дома, когда все общество отправилось гулять верхомъ. — Итакъ, какой же мнѣ родъ дѣятельности избрать? обратился онъ къ Алисѣ. Алиса очень хорошо знала, что лэди Гленгора нарочно устроила, чтобы мистеръ Паллизеръ ѣхалъ съ ней рядомъ. Мистеръ Паллизеръ нравился ей, и она ничего не имѣла противъ этого, но въ душѣ порѣшила, что лэди Гленгора напрасно только хлопочетъ.

— Мистрисъ Спарксъ совѣтуетъ вамъ идти въ парламентъ.

— Какъ же! А добрѣйшая герцогиня чего добраго посоветуетъ мнѣ купить домъ въ Бельгрэвъ-Скверѣ. Но я желаю бы слышать ваше мнѣніе.

— Я раздѣляю мнѣніе мистера Паллизера.

— Мой двоюродный братъ совѣтывалъ мнѣ жениться.

— И это тоже не дурно, отвѣчала Алиса. Вопросъ только въ томъ, какую вы возьмете себѣ жену.

— Вы хотите, конечно, сказать, сколько у нея денегъ будетъ?

— Не совсѣмъ.

— Если разсматривать женитьбу съ точки зрѣнія моего двоюроднаго брата, одинъ этотъ вопросъ только и имѣетъ значеніе. Не знаете ли вы, кого изъ богатыхъ невѣстъ вывезутъ въ свѣтъ нынѣшній годъ?

— Право не знаю. Да и что, по вашему, составляетъ богатое приданое.

— Для меня, полагаю, десять тысячъ фунтовъ будетъ довольноно.

— Ну, это немного, отвѣчала Алиса, собственное приданое которой какъ разъ равнялось этой суммѣ.

— Да, мои требованія, какъ видите, очень умѣренны; но, чѣмъ ниже ставлю я денежный критеріумъ, тѣмъ богаче будетъ выборъ личности и тѣмъ болѣе вѣроятія сдѣлать хорошій выборъ въ другихъ отношеніяхъ.

— Но я не понимаю, что вы выиграете черезъ такую женитьбу.

— Мои здѣшніе родственники сбудутъ меня съ рукъ, а это, по видимому, ихъ главная забота. Если вы услышите о невѣстѣ, имѣющей приблизительно эту сумму и сносную наружность, не слишкомъ молодой, принадлежащей къ хорошему семейству и умѣющей читать и писать, пожалуйста, вспомните обо мнѣ.

— Хорошо, отвѣчала Алиса, которая узнала себя въ этомъ портретѣ;— если мнѣ встрѣтится такая дѣвушка, я непременно дамъ вамъ знать.

— А въ настоящую минуту у васъ нѣтъ такой на-примѣтъ?

— Въ настоящую минуту нѣтъ.

— А право, для него это было бы лучшее, что онъ могъ бы только сдѣлать, замѣтила ей въ этотъ вечеръ лэди Гленкора. У кухни вошло въ привычку каждый вечеръ сходиться въ уборной лэди Гленкоры и разговаривать тамъ до поздней ночи.

— Если вы будете говорить такой вздоръ, я уйду, отвѣчала Алиса.

— Но чѣмъ же это вздоръ? Сложивъ ваши общіе доходы, вы устроились бы какъ нельзя лучше. Человѣкъ онъ, какихъ мало, и вы ему видимо нравитесь. Тогда мистеръ Паллизеръ, навѣрное, сдѣлалъ бы для него что нибудь особенное, если бы я пристала къ нему съ просьбою.

— Жаль только, что два обстоятельства препятствуютъ всему этому осуществиться.

— Какія же именно?

— Что онъ не желаетъ меня имѣть своею женою, а я не желаю имѣть его своимъ мужемъ.

— Это почему? Что вамъ не нравится въ немъ?

— Напротивъ онъ мнѣ очень нравится, но нельзя же идти замужъ за всякаго, кто вамъ нравится.

— Но почему же вамъ нельзя идти за него замужъ?

— Во-первыхъ потому, отвѣчала Алиса, помолчавъ, что я еще слишкомъ недавно разсталась съ человѣкомъ, котораго дѣйствительно любила, и что я не могу такъ быстро переходить отъ одной привязанности къ другой.

Не успѣла Алиса выговорить эти слова, какъ она тотчасъ же пожелала взять ихъ назадъ. Она попала лэди Гленкорѣ не въ бровь, а въ глазъ. Вѣдь и она любила одного человѣка, бросила его и вышла замужъ за другаго, и все это въ какихъ нибудь два мѣсяца. Первая вспыхнула лэди Гленкора; вслѣдъ за нею покраснѣла Алиса и бросила на кухню робкій взглядъ, какъ бы испрашивая у нея прощенія.

— Конечно, такой поступокъ позорить дѣвушку, сказала лэди Гленкора чуть слышно и медленно выговаривая слова. Но

мало ли до чего могут довести обстоятельства? Порой они вырываютъ съ корнемъ все, что въ насъ есть женственнаго.

— О Гленкора!

— Я и не предлагала вамъ, очертя голову, бросаться въ замужество.

— Гленкора!

— Сама-то я бросилась въ него, очертя голову, я это знаю. Я шла къ алтарю, какъ тварь безсловесная, которую господиизъ ея погоняетъ кнутомъ, куда ему вадумается. О, Алиса, если бы вы знали, какъ я ненавижу себя!

— За то я васъ люблю всѣмъ сердцемъ, отвѣчала Алиса. Гленкора! Я успѣла горячо къ вамъ привязаться.

— Въ такомъ случаѣ, вы однѣ только меня и любите. Онъ меня не любитъ, да и не можетъ любить. Вы, да еще, быть можетъ, другой...

— Вы ошибаетесь; онъ, мистеръ Паллизеръ, любитъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Я ничѣмъ не заслужила его любовь. Еще къ матери своего ребенка онъ могъ бы привязаться, но меня ему не за что любить. Онъ женился на мнѣ, потому что его уговорили жениться; когда же ему было привязаться ко мнѣ? Но для него, Алиса, любить и быть любимымъ ненужная роскошь. О, если бы и для меня это было такъ.

Алиса старалась утѣшить ее, какъ умѣла, но слова ея оказались безсильными уврачевать это горе.

— Простить васъ! проговорила наконецъ лэди Гленкора. Мнѣ нечего вамъ прощать. Или вы думаете, что я и сама этого не знаю и не думаю объ этомъ денно и ночью безъ того, чтобы растравляли во мнѣ эту рану случайнымъ намекомъ? Что мнѣ вамъ прощать? Я такъ благодарна вамъ за вашу любовь. Нужно же было, чтобы ктонибудь полюбилъ меня, безъ этого я не могла бы оставаться здѣсь.

ГЛАВА XXIV.

лэди мидлотіанъ.

Недѣлю спустя послѣ этого разговора, однажды утромъ, Алиса сошла въ столовую къ завтраку и очутилась съ глазу на глазъ съ мистеромъ Боттомъ. Въ Мэтчингѣ существовало обык-

новеніе сходится всѣмъ къ завтраку, какъ ни пошло, и уходитъ, не дожидаясь другъ друга. Мистеръ Боттъ остался на это утро единственнымъ представителемъ своего пола. Мужья и братья мэтчингскихъ дамъ измѣнили имъ ради охоты. Первымъ движеніемъ Алисы при встрѣчѣ съ мистеромъ Боттомъ было обратиться въ бѣгство, но она не могла удалиться изъ комнаты, не обративъ на себя слишкомъ неловкимъ образомъ его вниманіе.

— Долго ли еще вы намѣреваетесь пробить здѣсь, миссъ Вавазоръ? спросилъ мистеръ Боттъ, уловивъ минуту, когда она дочитала только-что полученное письмо.

— Думаю, еще нѣсколько дней, отвѣчала Алиса.

— Очень пріятно слышать. Самъ я остаюсь здѣсь до отъѣзда нашихъ хозяевъ къ герцогу; ужъ мистеръ Паллизеръ очень упрашивалъ меня объ этомъ. Человѣкъ я, знаете ли, холостой, вольная, значить, птица, могу жить, гдѣ мнѣ вздумается, когда парламентскія обязанности не удерживаютъ меня въ Лондонѣ.

— Вы, конечно, охотно остаетесь здѣсь, отвѣчала Алиса.

— О, да, конечно! Положеніе мое, знаете ли, какъ члена парламента, обязываетъ меня дѣйствовать въ совокупности съ другими. Въ качествѣ политическаго дѣятеля я тогда только могу быть полезенъ, когда напередъ расчищу себѣ дорогу. Мы должны давать, чтобы получать обратно, миссъ Вавазоръ.

На это миссъ Вавазоръ ничего не отвѣчала, и мистеръ Боттъ продолжалъ: — я всегда говорю моимъ политическимъ единомышленникамъ... (само собою разумѣется, я причисляю себя къ партіи крайнихъ радикаловъ).

— Въ самомъ дѣлѣ! замѣтила Алиса.

— Да-съ. На этомъ условіи я былъ избранъ въ парламентъ и до сихъ поръ не имѣлъ еще случая отступить ни отъ одного изъ высказанныхъ мною политическихъ убѣжденій. И такъ, я всегда говорю тѣмъ джентльменамъ, съ которыми дѣйствую за одво, что мы никогда ничего не подѣлаемъ, если не будемъ давать, съ тѣмъ, чтобы получить обратно. Вамъ я могу откровенно сказать, что смотрю на нашего добраго знакомаго, мистера Паллизера, какъ на государственнаго человѣка, идущаго въ гору.

— Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, отвѣчала несчастная жертва, вынужденная дать какой нибудь отвѣтъ.

— Въ качествѣ крайняго радикала я не могу оказать болѣе дѣйствительной услуги своей партіи, какъ плавая въ одномъ съ нимъ челнокѣ, пока въ немъ есть мѣсто для насъ обоихъ. Онъ изъ васъ сдѣлаетъ слѣпое орудіе правительства, связавъ мнѣ напередъ одинъ мой пріятель. А я въ лицѣ его сдѣлаю перваго министра сторонникомъ манчестерской школы, отвѣчалъ я. Вѣдь я тоже, небось, знаю, что дѣлаю. Не такъ ли, миссъ Вавазоръ.

— Вѣроятно, отвѣчала Алиса.

— Да и мистеръ Паллизеръ тоже себѣ на умѣ, и его за носъ не проведешь. Но преудобное это правило, давать съ тѣмъ, чтобы получать обратно; въ политикѣ безъ него шагу ступить нельзя. А что за прелестная женщина ваша родственница, лэди Гленкоуреръ! Я не забылъ того, что вы мнѣ напередъ сказали.

— Не забыли? проговорила Алиса.

— Я совершенно согласенъ съ вами, что не слѣдуетъ дозволять всякому встрѣчному слишкомъ откровенно высказывать ся о вещахъ, касающихся нашихъ лучшихъ друзей.

— Еще бы!

— Но, миссъ Вавазоръ, бываютъ обстоятельства, при которыхъ позволено нѣсколько отступить отъ обычныхъ законовъ, которыми мы руководствуемся въ нашихъ сношеніяхъ съ обществомъ.

— Не думаю, чтобы правило это было примѣнимо къ настоящему случаю, мистеръ Боттъ.

— Вы не думаете? Но соблаговолите, миссъ Вавазоръ, выслушать меня до конца. Нашъ общій добрый знакомый, мистеръ Паллизеръ, и я говорю это съ гордостью, удостоиваетъ вашего покорнѣйшаго слугу своего высокаго довѣрія. Знакомство наше, начавшееся съ чисто политической связи, перешло въ личную пріязнь, и отношенія эти, смѣю сказать, заключаютъ въ себѣ много пріятнаго для насъ обоихъ.

— Что за вкусъ долженъ быть у мистера Паллизера! подумала про себя Алиса.

— Вы, конечно, согласны со мною, что лэди Гленкоуреръ молода, можно даже сказать, очень молода.

— Мистеръ Боттъ, я не желаю разговаривать съ вами о лэди Гленкорѣ Паллизерѣ.

Слова эти Алиса проговорила рѣшительнымъ голосомъ и гнѣвно взглянула при этомъ на мистера Ботта. Но послѣдняго не такъ-то легко было запугать; онъ могъ не смигнуть глазомъ и не при такихъ выходахъ.

— Но если я скажу вамъ, миссъ Вавазоръ, что касаюсь этого предмета, имѣя исключительно въ виду ея семейное счастье.

— Не думаю, чтобы она желала имѣть такого опекуна надъ своимъ счастьемъ.

— Но если онъ этого желаетъ, миссъ Вавазоръ. И такъ-съ, мнѣ доподлинно извѣстно, что онъ полагается во всемъ на вашъ здравый умъ.

При этихъ словахъ Алиса встала и направилась къ двери, но на порогѣ столкнулась съ мистрисъ Спарксъ.

— Куда это вы бѣжите, миссъ Вавазоръ, отъ завтрака? спросила мистрисъ Спарксъ.

— Не отъ завтрака, мистрисъ Спарксъ, а отъ мистера Ботта, отвѣчала Алиса, не помня себя отъ негодованія.

— Что я слышу, мистеръ Боттъ? спросила мистрисъ Спарксъ.

— Ха-ха-ха, залился въ отвѣтъ мистеръ Боттъ.

Алиса воротилась въ комнату, и мистрисъ Спарксъ тотчасъ же поняла, что виновникомъ ея бѣгства не на шутку былъ мистеръ Боттъ.— Надѣюсь, что мнѣ удастся предупредить неприязненные дѣйствія. Вѣдь вина его, полагаю, не изъ самыхъ вопіющихъ?

— Ха-ха-ха! снова залился мистеръ Боттъ, которому настоящее его положеніе какъ нельзя болѣе нравилось.

Алиса досадовала сама на себя, сознавая неумѣстность своей полудоткровенности въ отношеніи мистрисъ Спарксъ; она придумывала, какъ бы ей вывернуться изъ этого неловкаго положенія, какъ вдругъ ей явилась на выручку лэди Гленкора.

— Добраго утра, мистрисъ Спарксъ, заговорила лэди Гленкора, входя въ комнату. Надѣюсь, что меня никто не дождался къ завтраку. Добраго утра, мистеръ Боттъ. Ахъ, Алиса!

— Что такое случилось, спросила Алиса, идя къ ней на встрѣчу.

— Ахъ, Алиса, вообразите, какое несчастіе! Но по лицу кухни Алиса могла видѣть, что невѣдомое несчастіе изъ самыхъ крупныхъ. Подите-ка сюда, проговорила лэди Гленкора, отводя ее къ окну; теперь мнѣ представляется случай испытать на дѣлѣ всю силу вашего довѣрія ко мнѣ. Видите это письмо? Какъ бы вы думали, отъ кого оно?

— Почему же мнѣ знать, отъ кого?

— Отъ лэди Мидлотіанъ. А въ понедѣльникъ она лично явится сюда по дорогѣ въ Лондонъ. Если вы сейчасъ же мнѣ не скажете, что вѣрите вполне, что и для меня это такая же неожиданность, какъ и для васъ, то я на вѣки съ вами разсорюсь.

— Я въ этомъ и не думаю сомнѣваться.

— А коли такъ, то мы можемъ посоветоваться другъ съ другомъ, какъ намъ быть. Но прежде всего намъ надо позавтракать.

Комната, между тѣмъ, успѣла наполниться остальными посѣтителями. Кухинамъ некогда было переговорить о грозившемъ имъ приѣздѣ лэди Мидлотіанъ. Позднѣе пришелъ и самъ мистеръ Паллизеръ, которому лэди Гленкора послѣшила возвѣстить приятную новость.— Что-жъ! мы будемъ очень рады видѣть у себя лэди Мидлотіанъ, отвѣчалъ онъ.

— За то одна особа вовсе не рада ей, замѣтила лэди Гленкора.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ онъ. Кто же это?

— Ея непокорнѣйшая племянница, Алиса Вавазоръ. Но Алиса, мистеръ Паллизеръ, вѣдь этой исторіи не знаетъ, а рассказывать слишкомъ долго.

— Мнѣ какъ нельзя болѣе прискорбно... заговорилъ мистеръ Паллизеръ.

— Прошу васъ, не дѣлайте себѣ заботы изъ за такихъ пустяковъ, заговорила Алиса. Я уѣду тремя днями ранѣе, вотъ и все.

При этихъ словахъ лице мистера Паллизера вытянулось. Онъ пожелалъ знать, что же это за ссора была у миссъ Вавазоръ съ лэди Мидлотіанъ, что даже пребываніе въ одномъ домѣ было для нихъ непріятно?

— Но этому не бывать, чтобы она отъ насъ уѣхала, виѣшлась лэди Гленкора. Ваше бѣгство отъ нея будетъ настоящимъ малодушіемъ.

— Къ сожалѣнію, миссъ Вавазоръ, врядъ ли намъ можно будетъ предупредить ее, чтобы она не пріѣзжала, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ. — Алиса заявила, что ни подъ какимъ видомъ не желаетъ, чтобы изъ за нея отказывали отъ дома лэди Мидлотіанъ. — Надо вамъ сказать, мистеръ Паллизеръ, что я никогда и въ глаза не видала лэди Мидлотіанъ, хотя она и приходится мнѣ дальней родственницей. Ссоры у насъ съ ней никогда никакой не было; но она вздумала мѣшаться не въ свое дѣло и давать мнѣ въ письмахъ совѣты, на которые я конечно не отвѣчала. Я уѣзжаю не потому, чтобы я боялась ее, а потому, что послѣ всего, что произошло между нами, встрѣча со мною будетъ неприятна для нея.

— Но ты можешь предупредить ее, что миссъ Вавазоръ гостить у насъ, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ, и тогда отъ ея усмотрѣнія будетъ зависѣть пріѣхать или не пріѣхать.

Дѣло приняло подъ конецъ такой оборотъ, что Алиса не могла оставить Мэтчингъ, не придавая пріѣзду лэди Мидлотіанъ уже слишкомъ большой важности. Безъ сомнѣнія, въ высшей степени досадна была эта неожиданная встрѣча съ родственницей; но вѣдь не съѣсть же ее лэди Мидлотіанъ, какъ замѣтила лэди Гленнора. Дѣло въ томъ, что, какъ ни стыдно было Алисѣ сознаться въ томъ, она все же побаивалась своей знатной родственницы. Но она твердо рѣшилась не дозволить этому страху выжить себя изъ дому.

— Ужъ не поклонникъ ли мистеръ Боттъ вашей кузины? спросила въ тотъ же вечеръ мистрисъ Спарксъ у лэди Гленноры.

— Полагаю, что если онъ и поклоняется ей, то очень издавна, отвѣчала лэди Гленнора.

— Боже правый! воскликнула одна почтенная старушка, которой родственная и дружественная связь, существовавшая между Алисой и лэди Гленнорой, успѣла внушить нѣкотораго рода благоговѣніе. Можно ли было хоть во снѣ ожидать такого пассажа!

— Я и не ожидала его ни во снѣ, ни на яву, замѣтила мистрисъ Спарксъ.

— По какому поводу вы предлагаете мнѣ этотъ вопросъ? спросила лэди Гленнора.

— Вы только, пожалуйста, не вообраайте, чтобы я желала

удостовериться относительно самой миссъ Вавазоръ, не поклонница ли она мистера Ботта. Относительно этого я не имѣю ни малѣйшаго подозрѣнія. Я скорѣе склонна думать, что, когда онъ разыгрываетъ роль Бахуса, она является Ариадной и не шутя порывается бѣжать отъ него.

— А развѣ мистеръ Боттъ выказываетъ поползновеніе разыгрывать роль Бахуса? спросила лэди Гленкора.

— По крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось сегодня утромъ. Да если взглянуть въ него хорошенько, у него даже въ физиономіи есть что-то, напоминающее побѣдоноснаго бога.

— Ну, не думаю, чтобы его божество одержало тутъ побѣду, замѣтила лэди Гленкора.

— Съ ея стороны это было бы непростительною опрометчивостью, проговорила почтенная старушка.

— Но миссъ Вавазоръ и не помышляетъ объ этомъ, отвѣчала мистрисъ Спарксъ. На томъ разговоръ и покончился.

Въ слѣдующій понедѣльникъ пріѣхала лэди Мидлотіанъ. Часовъ около трехъ пополудни на станцію желѣзной дороги былъ высланъ за нею экипажъ; Алисъ оставалось выбирать: или немедленно по пріѣздѣ родственницы подвергнуться процедурѣ официального представленія, или же отложить эту процедуру до обычнаго часа, когда всѣ сходились внизъ къ обѣду.

— Когда она пріѣдетъ, я приму ее и, само собою разумѣется, скажу ей, что вы здѣсь, объявила Алисъ лэди Гленкора.

— Да, такъ будетъ всего лучше; но... ей богу, я не знаю, какъ выпутаться изъ этого положенія.

— Если хотите, я могу свести васъ въ моей комнатѣ.

— Нѣтъ, это будетъ слишкомъ торжественно и дастъ ей поводъ думать, что я придаю ей уже слишкомъ большую важность.

— Въ такомъ случаѣ, мы предоставимъ все дѣло случаю, и вы сойдетесь съ ней невзначай, какъ сошлись бы со всякимъ постороннимъ лицомъ.

Алиса сидѣла въ своей комнатѣ, когда къ главному подъѣзду дома подватила варета съ ненавистной гостьей. Алиса явственно слышала стукъ колесъ и догадалась, что врагъ ея близко. Все утро старалась она принудить себя относиться какъ можно равнодушнѣе къ этому пріѣзду, но такъ и не успѣла. Къ великой своей досадѣ она не могла совладѣть съ тревожными

біеніями своего сердца, которыя вызывала въ ней одна мысль, что въ эту самую минуту родственница ея сидитъ внизу. И съ чего-бы, казалось, бояться ей лэди Мидлотіанъ? А между тѣмъ, она должна была допустить тотъ фактъ, что дѣйствительно ея боится. Наконецъ, часовъ около пяти, истощивъ съ самой собою всевозможные доводы, и пожутивъ себя за свою трусость, она сошла въ гостиную, гдѣ и лэди Гленкора обѣщалась быть около этого времени. Едва отворилась дверь, какъ на нее тотчасъ же повѣяло присутвіемъ высокоименитой родственницы. Въ широкомъ креслѣ передъ каминомъ возсѣдала лэди Мидлотіанъ; рядомъ съ нею, на табуретѣ, помещалась лэди Гленкора. На противоположномъ концѣ гостиной сидѣла за книгою одна изъ сестеръ Паллизеръ; другихъ свидѣтелей въ комнатѣ не было.

Графиня Мидлотіанъ была крошечная женщина, когда-то видимо блиставшая замѣчательною красотою; но теперь ей было за шестьдесятъ лѣтъ, и она, не въ примѣръ другимъ женщинамъ ея возраста, не выказывала ни малѣйшихъ притязаній ни на молодость, ни на красоту, и держала себя совершенной старухой. На головѣ у нея была круглая шляпа, поля которой сильно наклонялись впередъ; у нея было въ обычаѣ, разъ уже надѣвъ по какому нибудь случаю шляпу, не скидать ея вплоть до обѣда. На ней была коротенькая накидка, плотно охватывавшая ея туловище и, не смотря на то, что сидѣла она въ широкомъ креслѣ, она держалась совершенно прямо. Не смотря на чрезвычайную миниатюрность всей ея особы, въ сѣрыхъ ея глазахъ и угловатыхъ чертахъ лица, выглядывало какое-то сознаніе собственной важности, которое никому не позволяло принять ее за особу маловажную. Съ перваго же взгляда Алиса поняла, что надъ этой противницей одержать побѣду будетъ не такъ-то легко.

— А вотъ и Алиса, заговорила лэди Гленкора, поднимаясь при появленіи кузины съ своего мѣста. Алиса, позвольте мнѣ представить васъ вашей родственницѣ, лэди Мидлотіанъ.

Какъ ни сильно билось сердце Алисы, у нея достало власти надъ собою, чтобы подойти совершенно развязно. Она протянула руку, выжидала, чтобы лэди Мидлотіанъ, какъ старшая, заговорила первая.

— Наконецъ-то я дождалась случая познакомиться съ вами, моя милая, сказала лэди Мидлотіанъ. Очень, очень рада.— Но Алиса все еще молчала.— Тетупка ваша, лэди Мэклеодъ — одна изъ самыхъ старинныхъ моихъ пріятельницъ, и я много слышала отъ нея про васъ.

— Съ другой стороны лэди Мэклеодъ часто говаривала мнѣ о вашемъ сіятельствѣ, отвѣчала Алиса.

— И такъ, мы уже знаемъ другъ друга заочно проговорила графиня, — не мѣшаетъ намъ теперь и лично познакомиться. Я шибко начинаю старѣться, и если упушу настоящій случай познакомиться съ вами, то, можетъ статься, другаго и не дождусь.

Алиса невольно подумала про себя, что не велика бы была бѣда для обѣихъ, если бы лэди Мидлотіанъ и впрямь не дождалась этого другаго случая; но мысль эту она сохранила про себя. Ее занималъ вопросъ о томъ, не лучше ли ей съ разу свести разговоръ на письмо лэди Мидлотіанъ. Что лэди Мидлотіанъ непременно заговорить о немъ, въ этомъ она не имѣла ни малѣйшаго сомнѣнія; теперь же была самая благоприятная минута для подобнаго объясненія: оно произошло бы въ присутствіи лэди Гленкоры и безъ постороннихъ свидѣтелей.— Благодарю васъ за расположеніе, отвѣчала Алиса.

— Я бы желала доказать вамъ его на дѣлѣ, продолжала лэди Мидлотіанъ. Своя плоть и кровь всегда скажется, моя милая. Если кровныя узы считать ни по чемъ, послѣ этого я ужъ не знаю, что можетъ связывать людей между собою. Мы съ вашей матушкой были большіе друзья еще въ годы нашей молодости.

— Я никогда не знала моей матери, отвѣчала Алиса, чувствуя между тѣмъ, что вся энергія, съ которой она задумала сопротивляться этой старухѣ, начинаетъ слабѣть.

— Такъ, такъ, моя милая, вы ее не знали; тѣмъ болѣе причинъ, по моему разумѣнію, чтобы тѣ, которые ее любили, перенесли любовь свою на васъ. Но ближайшая ваша родственница, т. е. со стороны вашей матери, — лэди Мэклеодъ, и она свято исполнила въ отношеніи васъ свой долгъ.

— Это совершенно справедливо, лэди Мидлотіанъ.

— Да, она исполнила свой долгъ, а потому другимъ не

было и повода завлечь себя съ своей стороны. Это я, душа моя, говорю къ тому, чтобы оправдать свое поведеніе, которое могло показаться вамъ нѣсколько страннымъ.

— Я увѣрена, что Алисъ и въ голову не приходило подобныхъ мыслей, вмѣшалась лэди Гленнора.

— Тутъ дѣло не въ томъ, какого мнѣнія Алиса, но въ томъ, что я сама думаю о своихъ погрѣшностяхъ, возразила лэди Мидлотіанъ съ улыбкою, долженствовавшей выразить привѣтливость. Но я рѣшилась наверстать прошлыя упущенія.— Алиса почувствовала, что дойдетъ чередъ до письма, и задрожала. Я искренно желаю стать въ ряды лучшихъ друзей Алисы Вавазоръ, если только она сама этому не помѣшаетъ.

— Я, конечно, могу только гордиться этимъ, если...

— Если? договаривайте же, милая, проговорила старуха.— Полагаю, что въ намѣреніи у нея было обойтись съ племянницей необыкновенно милостиво, но въ голосѣ ея звучало что-то такое, до того отталкивающее, что Алиса съ разу почувствовала, что искренняя дружба между ними невозможна.

— Такъ что же *есм*, душа моя?

— Алиса хотѣла сказать... начала было лэди Гленнора.

— Пускай Алиса сама выскажетъ, что она хотѣла сказать, перебила ее лэди Мидлотіанъ.

— Этого я и сама хорошенько еще не знаю, отвѣчала Алиса, почувствовавъ въ эту критическую минуту приливъ небывалой бодрости. Я знаю, лэди Мидлотіанъ, что намъ съ вами никогда не согласиться относительно одного вопроса, въ которомъ я считала себя въ правѣ руководствоваться своимъ, а не чужимъ умомъ, а потому...

— Это вы про мистера Грея говорите?

— Да, отвѣчала Алиса, про мистера Грея.

— Да, вопросъ этотъ до того важенъ въ моихъ глазахъ, что, какъ только я услышала, что вы въ Мэтчингъ, я нарочно дала кряку по дорогѣ въ Лондонъ, чтобы переговорить съ вами о немъ.

— Стало быть, вы знали, что Алиса здѣсь? воскликнула лэди Гленнора.

— Конечно знала. Вы уже конечно слышали всю эту исторію, Гленнора!

Лэди Гленкора нашла себя вынужденной сознаться, что она действительно слышала всю эту «исторію», подразумевая подъ этимъ словомъ поступокъ подсудимой Алисы съ мистромъ Греемъ.

— А какого вы мѣнія, обо всемъ этомъ? — Алиса и хозяйка дома оглянулись на противоположный конецъ комнаты, желая выразить этимъ, что миссъ Паллизеръ не знаетъ ни одного изъ обстоятельствъ этого дѣла, и что нѣтъ никакой надобности посвящать ее въ нихъ именно въ эту минуту. — Быть можетъ, здѣсь не мѣсто и не время для такого разговора, проговорила лэди Мидлотіанъ, но, такъ какъ я здѣсь только до послѣзавтра, а, можетъ быть, и завтра же уѣду...

— Что я слышу, лэди Мидлотіанъ, воскликнула лэди Гленкора.

— Настоящій мой пріѣздъ былъ чисто дѣловымъ визитомъ, вы такъ и должны на него смотрѣть. Итакъ, какъ же бы это такъ устроить, чтобы мнѣ переговорить съ Алисою безъ свидѣтелей? — Лэди Гленкора предложила для этого совѣщанія свою собственную комнату, куда имъ можно было удалиться сейчасъ же, или же поздно вечеромъ, когда все остальное общество разойдется по своимъ спальнямъ. Но перспектива такой торжественной аудіенціи была слишкомъ ужасна для Алисы, и она рѣшилась предупредить ее.

— Увѣрю васъ, лэди Мидлотіанъ, что это ни къ чему не поведетъ.

— Какъ такъ ни къ чему не поведетъ, моя милая?

— Да такъ же. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, уже получила ваше письмо.

— И такъ какъ вы не отвѣчали на него, то я и пріѣхала сюда съ нарочною цѣлью переговорить съ вами лично.

— Мнѣ было бы очень прискорбно дать вамъ поводъ къ неудовольствію, но, право, это не такое дѣло, чтобы я могла разговаривать о немъ... Алиса чуть было не сказала съ лицемъ совершенно постороннимъ, но во время удержалась.. чтобы я могла разговаривать о немъ съ кѣмъ бы то ни было.

— Другими словами, если не ошибаюсь, вы хотите сказать, что не желаете меня видѣть?

— Я не желаю разговаривать объ этомъ дѣлѣ, повторила

Алиса. Съ самой лэди Мэклеодъ я избѣгала всякихъ разговоровъ о немъ.

— Это-то я знаю, отвѣчала лэди Мидлотіанъ, и при этомъ ея сѣрые глазки засверкали гнѣвомъ, а потому считаю необходимымъ, чтобы кто либо другой изъ вашихъ друзей вмѣшался въ это дѣло.

— Но я не потерплю вмѣшательства ни отъ друзей, ни отъ враговъ, проговорила Алиса, вставая съ своего мѣста. Извините меня, лэди Мидлотіанъ, но, право, я не могу говорить съ вами объ этомъ предметѣ.

— Въ жизнь свою не встрѣчала я такой своевольной дѣвушки! обратилась лэди Мидлотіанъ къ лэди Гленкорфъ, какъ только Алиса вышла изъ комнаты.

— Я напередъ знала, что такъ будетъ, отвѣчала лэди Гленгора.

— Но вѣдь это ужасно, моя милая. Вы то подумайте, вѣдь она дала слово этому молодому человѣку съ одобренія всѣхъ своихъ родственниковъ.

— Какъ же, я подробно знаю всю эту исторію.

— Ну скажите сами, не кругомъ ли она виновата.

— Я не совсѣмъ понимаю ее, но если не ошибаюсь, она боится, что они не будутъ счастливы другъ съ другомъ.

— Не совсѣмъ понимаете ее! еще бы. Да кто ее пойметъ? Слышанное ли дѣло: молодая дѣвушка даетъ слово молодому человѣку, все дѣло дѣлается гласно; она ѣздитъ къ нему въ домъ, разговариваетъ, какъ я слышала стороною, съ его слугами, распоряжается меблировкой, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего объявляетъ ему, что передумала. Какія у нея были на то причины? Да никакой, на сколько мнѣ извѣстно.—И лэди Мидлотіанъ дошла до пафоса въ своемъ обличеніи Алисы. Безъ малаго два года тому назадъ, эта же самая лэди Мидлотіанъ содѣйствовала усмиренію буйной воли лэди Гленкору. Лэди Мидлотіанъ, по видимому, совсѣмъ запаматовала теперь это обстоятельство, но лэди Гленгора помнила его, какъ нельзя лучше.—Нѣтъ, я этого такъ не оставлю, продолжала старушка. Если я кого терпѣть не могу, такъ это ея отца, который втерся непрошенный въ наше родство; я, кажется, въ жизнь свою

двухъ словъ ему не сказала, но, такъ и быть, въ настоящемъ случаѣ я повѣдаюсь съ нимъ и выскажу ему свое мнѣніе.

Алиса упорно стояла на своемъ и избѣгала дальнѣйшихъ объясненій съ лэди Мидлотіанъ. Напрасно умоляла ее послѣдняя черезъ посредство лэди Гленкору смириться, она слышать ничего не хотѣла.

— Желая вамъ всякаго благополучія, сказала ей лэди Мидлотіанъ, вы увидите, что я не злопамятна и умѣю прощать.

— Если только успѣхъ покупается неутомимыми усиліями, то она безспорно добьется успѣха, замѣтила Алисѣ лэди Гленкора.

— Нѣтъ, ей не дождаться успѣха, отвѣчала Алиса.

ГЛАВА XXV.

РАЗВАЛИНЫ АББАТСТВА.

Лэди Мидлотіанъ отправилась въ Лондонъ въ среду утромъ; Алиса же должна была уѣхать на слѣдующее утро. Былъ уже декабрь мѣсяцъ; погода стояла морозная и ясная, но ночамъ ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Какъ разъ въ эту ночь приходилось полнолуные, и лэди Гленкора объявила, что намѣрена прогуляться съ Алисой по развалинамъ аббатства. Намѣренье это было объявлено во всеуслышанье и встрѣтило сильное неодобреніе со стороны нѣкоторыхъ членовъ общества. Мистеръ Паллизеръ замѣтилъ, что ночной воздухъ будетъ слишкомъ холоденъ, мистеръ Боттъ напороочилъ всевозможныя неприятности отъ предполагаемой прогулки. Если бы мистеръ Паллизеръ возражалъ одинъ, лэди Гленкора еще, быть можетъ, уступила бы, но вмѣшательство мистера Боттъ только испортило дѣло.

— Насъ не такъ-то легко запугать, отвѣчала лэди Гленкора.

— Но кто же ходитъ гулять по ночамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ? возразилъ мистеръ Паллизеръ.

— Оттого-то мы и пойдемъ, что никто не ходитъ, отвѣчала лэди Гленкора. Мы закутаемся потеплѣе, и все сойдетъ съ рукъ, какъ нельзя лучше. Джефри, мы разсчитываемъ на васъ, вы будете стоять у монастырскихъ воротъ и караулить насъ отъ привидѣній.

Джефри, выговоривъ себѣ позволеніе закурить сигару, обѣщался исполнить это порученіе.

Часу въ одиннадцатомъ вечера лэди Гленкора объявила, что настала пора приступить къ задуманному дѣлу. Она звала съ собою сестеръ Паллизеръ, но тѣ отказались подъ предлогомъ, что боятся почнаго холода, но въ тонѣ ихъ слышалось, что вообще онѣ не одобряютъ этой шалости. Мистеръ Боттъ вызвался было въ провожатые, но лэди Гленкора наотрѣзъ отказала ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Боттъ, не далѣе какъ сегодня утромъ вы возставали противъ моего безразсудства, такъ не хочу же я, чтобы вы раздѣляли наше удовольствіе.

— Милая лэди Гленкора, на вашемъ мѣстѣ я, право, бросила бы эту мысль, замѣтила почтенная старушка, бросая взглядъ на мистера Паллизера.

— Милая мистрисъ Маршамъ, на моемъ мѣстѣ, увѣрю васъ вы бы ее не бросили, отвѣчала лэди Гленкора и въ свою очередь бросила взглядъ на своего мужа.

— По моему, это просто сумасбродство, строго проговорилъ мистеръ Паллизеръ.

— Если вы запретите, то мы конечно не пойдемъ.

— Нѣтъ, запретить я не запрещу.

— Allons donc, проговорила лэди Гленкора.

Кузины, укутанныя въ плащи и теплыя шали, вышли на террасу, простиравшуюся передъ домомъ, гдѣ ихъ дождался Джефри Паллизеръ съ сигарою въ зубахъ. Сказать правду, Алиса всего охотнѣе отказалась бы отъ этой прогулки, но внутреннее сознаніе говорило ей, что малодушіемъ было бы не поддержать лэди Гленкору въ настоящемъ случаѣ. Хотя между нею и мистеромъ Паллизеромъ отношенія оставались довольно натянутыми, тѣмъ не менѣе, она сознавала, что мистеръ Паллизеръ довѣряетъ ей и особенно благосклонно смотритъ на дружбу ея съ его женою. Ей было бы пріятно оправдать его довѣріе и она знала, что въ настоящемъ случаѣ онъ даясчитываетъ на ея поддержку. На-единѣ съ кузиной она пробовала отклонить ее отъ принятаго намѣренія, выставляя ей на видъ, что она не нравится ея мужу.

— Такъ пускай онъ выскажется прямо, отвѣчала лэди

Гленкора, и я тотчасъ же уступлю, но я не желаю уступить вмѣшательству какогонибудь мистера Ботта или старушонки Маршамъ. Я какъ нельзя лучше понимаю всѣхъ этихъ господъ, душа моя. А если вы меня выдадите имъ, Алиса, я вамъ этого никогда не прощу.

Послѣ этого разговора Алиса рѣшилась не выдавать своей кузины.

— Слушайте Джефри, заговорила лэди Гленкора, когда они всѣ трое рядомъ направились къ развалинамъ; у монастырскихъ воротъ вы насъ оставите, и мы съ Алисою осмотримъ келью и часовню вдвоемъ; потомъ мы вернемся къ вамъ, и уже всѣ вмѣстѣ обойдемъ монастырь съ наружной стороны, которая всего красивѣе при лунномъ освѣщеніи. Мнѣ только хочется показать Алисѣ кое-что съ глазъ на глазъ.

— Вы-то, я знаю, не трусите, и если миссъ Вавазоръ...

— Миссъ Вавазоръ, которая, сдается мнѣ, позволила бы вамъ въ такую минуту назвать себя и не этимъ именемъ, никогда не трусить.

— Гленкора, кто вамъ позволилъ говорить такія вещи? воскликнула Алиса. Нѣтъ, намъ лучше идти назадъ.

Выходка кузины взбѣсила Алису. Ей пришло въ голову, ужъ не ошиблась ли она въ своей оцѣнкѣ лэди Гленкоры? Только-что сказанныя ею слова произвели на Алису впечатлѣніе пошлости, пошлости преднамѣренной, и она не нашла словъ, чтобы выразить свою досаду. Мистеръ Паллизеръ долженъ былъ неизбѣжно подумать, что подобные намеки дѣлаются съ согласія самой Алисы.

— Вернитесь назадъ? возразила лэди Гленкора; ну нѣтъ. Это пустяки. Мы пойдемъ, а его оставимъ здѣсь; тогда ему некого будетъ называть по имени. Не сердитесь на меня, продолжала она, какъ скоро онѣ остались однѣ. Дѣло въ томъ, что стоитъ вамъ захотѣть, и онъ сдѣлается вашимъ мужемъ.

— Но я-то этого не хочу.

— Въ такомъ случаѣ бѣда поправимая, я переламъ ему вашъ отвѣтъ. Но, Алиса, право подумайте хорошенько. Лучшаго мужа вамъ не найти. Немедленнаго рѣшенія никто отъ васъ не требуетъ. Вамъ нѣтъ надобности объясняться съ нимъ лично, но предоставьте мнѣ сказать ему, что во всякомъ слу-

чай дѣло не можетъ рѣшиться до вашей встрѣчи съ нимъ въ Лондонѣ.

— Прошу васъ ничего подобнаго ему не говорить, отвѣчала Алиса. Я убѣждена, что вы все это говорите только для шутки, и нахожу, что такія шутки изъ рукъ вонъ плохи.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, я вовсе не думала шутить. Я говорю вамъ сущую правду, основываясь на томъ, что я слышала отъ него самого. Еще разъ, Алиса, подумайте хорошенько объ этомъ дѣлѣ. Если бы оно состоялось, оно помогло бы мнѣ во многомъ помириться; а право нехудое дѣло сдѣлаться матерью будущаго герцога Омниума.

— Въ моихъ глазахъ подобныя соображенія имѣютъ мало соблазнительнаго, скажу болѣе, — они производятъ на меня скорѣе обратное дѣйствіе. Прошу васъ, Гленкора, перестанемте говорить объ этомъ.

— Если вы положительно несогласны, то я не скажу ни слова болѣе.

— Я положительно несогласна. Что за чудная лунная ночь! Посмотрите на очертанія этого окна; какъ явственно они обрисовываются противъ свѣта, точно днемъ!

— Да, эти развалины чудно хороши, отвѣчала лэди Гленкора. Я такъ люблю ихъ въ лунныя ночи! И потомъ эти негрѣющіе мѣсячные лучи! въ ощущеніи холода, которое они вызываютъ, есть что-то особенное; оно заставляетъ васъ кутаться теплѣе, но не пробираетъ васъ дрожью; холодъ этотъ какъ будто охватываетъ ваши чувства, не проникая до мозга костей. Но только это, мнѣ вѣжета, вздоръ, добавила она помолчавъ.

— Да не больше того вздора, который обыкновенно говорятъ, глядя на луну.

— Ну ужъ это не великодушно съ вашей стороны. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы то, что я говорю, выходило поэтичнѣе, или, пожалуй, сумасброднѣе того, что говорятъ другіе въ подобныхъ случаяхъ. А теперь я должна рассказать вамъ, о чемъ я каждый разъ думаю, когда прихожу сюда въ лунныя ночи.

— Не думаю, чтобы вы часто сюда приходили.

— Напротивъ, прихожу, и очень часто: т. е. я приходила сюда во время полнолуныя въ августѣ; тогда погода стояла

не такая, и всѣ балконныя двери были отперты, такъ что я могла убѣгать отъ всѣхъ потихоньку. Какъ-то разъ я и его привела съ собою, но онъ остался при этомъ совершенно апатиченъ. Я указала ему на одну стѣну трапезы, которая грозила паденьемъ, и онъ на слѣдующій же день прислалъ каменщика для починки. Какъ скоро онъ гдѣ либо замѣтитъ беспорядокъ, онъ тотчасъ же спѣшитъ его исправить; если бы всѣ Паллизеры были въ него, на ихъ земляхъ не существовало бы развалинъ.

— Что же? Это было бы прекрасно.

— Ну нѣтъ, не совсѣмъ. Есть вещи, которыя слишкомъ долго заживаются на свѣтѣ. Но я вамъ не то хотѣла сказать. Помните ли ту ночь, когда я завезла васъ изъ театра домой въ улицу королевы Анны? У меня она жива осталась въ памяти.

Памятенъ былъ этотъ вечеръ и для Алисы, потому что какъ разъ тогда произошелъ у нихъ въ каретѣ тотъ разговоръ, во время котораго Алиса на отрѣзъ отказала Кузинѣ содѣйствовать ея бѣгству съ Фицджеральдомъ.

— Помните ли вы, какъ мѣсяцъ свѣтилъ въ эту ночь?

— Да, теперь я припоминаю.

— А мнѣ такъ и припоминать не ва чѣмъ. Когда мы повернули за уголъ Кэвендомъ-Сквера, онъ стоялъ тамъ и дождался, а съ нимъ былъ другой, очень близкій вамъ человекъ.

— Кто же былъ этотъ близкій мнѣ человекъ?

— Ну да что объ этомъ теперь вспоминать, дѣло прошлое.

— Вы подразумѣвали моего кузена Джоржа?

— Да, вы угадали. Но, боже мой, Алиса, милая Алиса! Я должна бы была ненавидѣть васъ; вѣдь, если бы вы въ тотъ вечеръ не возстали во всеоружіи вашего безжалостнаго благопріятія, я убѣжала бы съ нимъ тогда же, и настоящая жизнь моя не заволочлась бы этимъ холоднымъ мракомъ.

Говоря это, она дрожала какъ бы отъ холода, и все плотнѣе и плотнѣе куталась въ свою мѣховую одежду.

— Вы очень иззябли, проговорила Алиса, не лучше ли намъ идти домой?

— Нѣтъ, я не иззябла, по крайней мѣрѣ меня не отъ мороза знобитъ. Я еще не хочу уходить; къ намъ сейчасъ при-

деть Джефри. Да! мы бѣжали бы съ нимъ въ эту же ночь, если бы вы только дозволили ему свидѣться со мною въ вашемъ домѣ. Ну, да этого не случилось; прошлаго не воротить!

— Но, Гленкора, вѣдь не можете же вы объ этомъ жалѣть.

— Не жалѣть объ этомъ? Да есть ли въ васъ сердце, Алиса? Не жалѣть объ этомъ! Да я бы все на свѣтѣ отдала, лишь бы остаться вѣрной ему. Они говорили мнѣ, что онъ промотаетъ мои деньги. Хотя бы онъ промоталъ ихъ до послѣдняго фарсинга, и оставилъ меня нищею, все же я желала бы воротить прошлое. Они пророчили, что онъ будетъ дурно обращаться со мною, броситъ меня, даже бить меня будетъ. Я этому не вѣрю; но пусть такъ, все же я желала бы воротить прошлое. Лучше имѣть невѣрнаго мужа, чѣмъ быть невѣрною женою.

— Гленкора, не говорите этого; я не хочу и думать, что вы можете, для чего бы то не было, измѣнить брачному обѣту.

— Измѣнить брачному обѣту! Дитя! Да развѣ весь этотъ бракъ съ самаго начала не былъ ложью? Я никогда не любила его. Какъ можете вы толковать мнѣ о вѣрности, когда вы знаете, что я никогда не любила его? Мнѣ не давали поною, стращали меня всевозможными ужасами, пока я не сдѣлала, чего они хотѣли; а теперь, чѣмъ я стала теперь?

— Теперь вы его честная жена. Гленкора, выслушайте меня. И Алиса взяла ее за руку.

— Нѣтъ, отвѣчала она, нѣтъ, я не честна. По закону я его жена, но законы лгутъ! Я не жена ему. Я не хочу сказать, что я такое. Я шла съ нимъ къ олтарю съ полнымъ сознаниемъ, что не люблю того человѣка, который долженъ сдѣлаться моимъ мужемъ. А между тѣмъ того, Борго, я люблю всей душою, всѣмъ сердцемъ. Я готова была бы стоять у ногъ его и стирать пыль съ его сапоговъ, и не сочла бы это за униженіе.

— Кора, другъ мой, не говорите такъ. Вспомните ваши обязательства передъ вашимъ мужемъ, передъ самой собою и пойдите отсюда.

— Я знаю свой долгъ въ отношеніи моего мужа и исполню его, Алиса! Будь у меня ребенокъ, мнѣ кажется, что я могла бы остаться ему вѣрна. Болѣе, чѣмъ кажется, я на-

верное это знаю, хотя бы мнѣ предстояло не извѣдать ни одной минуты счастья въ цѣлую жизнь. Но какой мнѣ выходъ останется теперь? Всего честнѣе оставить его, и дать ему возможность взять себѣ другую жену и сдѣлаться отцомъ. Какой вредъ нанесу я ему тѣмъ, что оставлю его? Онъ меня не любитъ; и вы же хуже моего это знаете.

— Нѣтъ, я убѣждена, что онъ любитъ васъ.

— Алиса, не говорите противъ вашего убѣжденія; онъ не любитъ меня, и сами вы могли это видѣть. Быть можетъ, онъ вообще неспособенъ любить какую-бы то ни было женщину; но за то другая женщина родила бы ему сына, и онъ былъ бы счастливъ. Понимаете ли вы, не проходитъ ни дня, ни ночи, ни одного часа, ни одной минуты въ эти дни и ночи, чтобы я не думала о томъ, кого я люблю. Мнѣ больше не о чемъ думать; у меня нѣтъ ни занятій, ни друзей, мнѣ не съ кѣмъ слова сказать. Но мысленно я всегда разговариваю съ Борго, и онъ меня слушаетъ. Пороку я вижу во снѣ, что рука его охватываетъ мою талию...

— О, Гленнора!

— А что? Вамъ не нравится, что я высказываю вамъ голую истину? Сами же вы согласились быть моимъ другомъ, такъ не тяготитесь же этою дружбой. А теперь — и къ этому я велю разговоръ — надо вамъ сказать, что мы тотчасъ же послѣ святокъ отправляемся въ Монкшэдъ, гдѣ и онъ будетъ. Лэдъ Монкъ ему тетка.

— Вамъ не слѣдуетъ ѣхать. Ни подъ какимъ видомъ не соглашайтесь туда ѣхать.

— Это легко сказать, дитя мое, а все же мнѣ придется. Я предупредила мистера Палливера, что Борго будетъ тамъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что это не важность, такъ таки этими словами и сказалъ. Не знаю, право, имѣетъ ли онъ понятіе о томъ, что значить любить другъ друга; давалъ ли онъ себѣ когданибудь трудъ объ этомъ подумать?

— Объявите ему рѣшительно, что не поѣдете.

— Пробовала я и это. И что же онъ мнѣ сказалъ? «Гленнора! сказалъ онъ мнѣ», — а вы знаете, какъ онъ умѣетъ смотреть, когда хочетъ дать почувствовать свое супружеское неповиновеніе, — «ты должна покориться этой маленькой несправедливости.

Въ мои расчеты входитъ побывать намъ въ Монкшэдъ и вовсе не входитъ, чтобы ты боялась съ кѣмъ бы то ни было встрѣтиться». Развѣ я могла сказать ему, что черезъ эту поѣздку онъ потеряетъ свою жену? Развѣ я могла сказать ему, что брошусь въ объятія Борго, если меня не уберегутъ отъ искушенія. Ну, вы, такая благоразумная и осторожная, что бы вы скавали на моемъ мѣствѣ?

— Я сказала бы ему всю правду, какъ она есть, скорѣе, чѣмъ согласилась бы ѣхать въ этотъ домъ.

— Слушайте, Алиса. Я знаю, что я такое теперь, и знаю, чѣмъ я по всѣмъ вѣроятіямъ скоро сдѣлаюсь. Меня беретъ отращеніе отъ себя самой и отъ задуманнаго мною дѣла. Я сдумѣла бы остаться вѣрна мужчинѣ до послѣдняго, сдумѣла бы любить его больше жизни, хотя бы онъ и оскорблялъ меня на каждомъ шагу, если бы только мнѣ дали выбрать себѣ мужа по сердцу. Пускай бы Борго промоталъ мои деньги, промоталъ бы все, что я только могла бы ему дать; все же у насъ бы немного осталось, а къ тому времени даже онъ успѣлъ бы переродиться подъ вліяніемъ моей любви. Но съ этимъ человѣкомъ... Алиса, вы умѣете давать такіе мудрые совѣты; скажите же, что мнѣ дѣлать?

Что касалось Алисы, вопросъ этотъ совершенно ясно лежалъ передъ нею. Кузина ея должна была оставаться вѣрна своему брачному обѣту, при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни былъ произнесенъ; а для этого она должна была высказать своему мужу всѣ доводы, которые только могли отклонить его отъ намѣренія везти ее въ Монкшэдъ. Этотъ взглядъ она и высказала лэди Гленкорѣ, пока онъ обходили часовню. Но лэди Гленнора была болѣе занята своими собственными мыслями, чѣмъ совѣтами своего друга.—А вотъ и Джефри, проговорила она; какъ безсовѣстно долго однакожь мы его задержали.

— Стоитъ ли говорить о такихъ пустягахъ, отвѣчалъ онъ. Я и теперь не пришелъ бы за вами, если бы не побоялся, что морозъ превратитъ васъ въ ледяныя изваянія.

— Ну нѣтъ, для этого кровь у насъ еще не довольно остыла, не такъ ли Алиса? отвѣчала лэди Гленнора. А теперь мы обойдемъ развалины снаружи, только намъ надо торопиться,

чтобы поскорѣе успокоить этихъ двухъ прелестныхъ старшихъ дуэнтъ, мистрисъ Маршамъ и мистера Ботта.

Пока они совершали свой обходъ, Алиса, у которой слова останавливались въ горлѣ,—такъ сильно она была потрясена недавнимъ разговоромъ,—не могла надивиться, слушая лэди Гленкору, которая не прерывала свою обычную легкую болтовню, какъ будто у нея и въ самомъ дѣлѣ на душѣ ничего не лежало.

ГЛАВА XXVI.

АЛИСА ПРОЦАЕТСЯ СЪ АББАТСТВОМЪ.

На порогѣ биллиардной наше маленькое общество было встрѣчено мистеромъ Паллизеромъ.—Ты должно быть страшно иззябла, обратился онъ къ лэди Гленкорѣ, которая вошла первая.

— Нѣтъ, отвѣчала лэди Гленкора, но зубы ея стучали, и вся ея наружность служила опроверженіемъ ея словъ.—Джефри, продолжалъ мистеръ Паллизеръ, обращаясь къ своему двоюродному брату, я на васъ, право, сердитъ. Вамъ-то ужъ, кажется, можно бы было догадаться, что ее надо было раньше увести домой. И съ этими словами мистеръ Паллизеръ отвернулся и, не удостоивъ Алису ни однимъ взглядомъ, увелъ жену изъ комнаты.

Обидная эта выходка не прошла незамѣченною для Алисы, которая, какъ нельзя лучше, угадала ея смыслъ. Мистеръ Паллизеръ выразилъ ея безъ словъ, что довѣрилъ жену свою Алисѣ, но что она обманула его довѣріе. Таково было его обвиненіе противъ Алисы, въ которомъ онъ относился къ ней съ величайшею строгостью. Онъ не позаботился даже спросить, иззябла она или нѣтъ, и ушелъ, не удостоивъ ее ни слова, ни взгляда. Какъ ни сознавала она незаслуженность пощобнаго наказанія, у нея не было и тѣни досады противъ мистера Паллизера. Слишкомъ многое въ его положеніи возбуждало ея состраданіе, и у нея не доставало духу на него сердиться.

— Онъ на насъ не шутя разсердился, замѣтилъ Джефри Паллизеръ, замѣшкавшійся еще на минуту въ биллиардной, передавая ей спальную свѣчу.

— Онъ боится за жену, чтобы она не простудилась.

— Да; а потому онъ считаетъ для нея неприличнымъ гулять такъ долго по ночамъ. Вы конечно знаете, миссъ Вазоръ, что онъ не слишкомъ-то сочувствуетъ разнымъ романтическимъ затѣямъ.

— И въ этомъ отношеніи онъ, по моему, совершенно правъ, отвѣчала Алиса, не знавшая и сама хорошенько, что отвѣчать, и неуспѣвшая еще выйдти изъ подъ впечатлѣнія того, что было говорено касательно ея и мистера Паллизера въ началѣ прогулки. И того мнѣнія, что романтизмъ страшный вздоръ.

— Ну, Гленкора не раздѣляетъ этого мнѣнія.

— Это такъ, но она гораздо моложе меня. Однако, мистеръ Паллизеръ, ноги у меня озябли, и я думаю, что мнѣ всего лучше отправиться къ себѣ въ комнату.

— Покойной ночи, проговорилъ Джефри, протягивая ей руку; а вѣдь жаль, что вы подверглись его опалѣ!

— Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно, улыбаясь отвѣчала Алиса.

— Такъ-то такъ, но вѣдь онъ никогда не забываетъ.

— Хотя бы и такъ, мнѣ-то что жъ? Покойной вамъ ночи, мистеръ Паллизеръ.

— Эта послѣдняя ночь, которую мы проводимъ подъ одной кровлей; позвольте ли вы мнѣ ради этого сказать вамъ: прощайте, Алиса? Завтра вы еще будете въ постели, а меня уже здѣсь не будетъ.

Онъ все еще держалъ ея руку, которую она не торопилась принять.—Нѣтъ, отвѣчала она, Гленкора была глубоко неправъ въ этомъ дѣлѣ и, сама того не зная, обоихъ насъ поставила въ неприятное положеніе. Того повода, по которому вы могли бы назвать меня по имени, не существуетъ.

— И такъ таки никогда и не будетъ существовать?

— Никогда, мистеръ Паллизеръ. Покойной вамъ ночи и счастливаго пути. Если бы Гленкора не испортила все дѣло своею сумасшедшаю затѣей, наше знакомство оставило бы мнѣ очень пріятное воспоминаніе.

— Что до меня касается, то оно и такъ останется мнѣ навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ. Покойной ночи!

Алиса отправилась одна въ свою комнату и рада, рада была придвинуться поближе къ камельку, потому что успѣла порядкомъ продрогнуть во время этой ночной прогулки; что бы тамъ лэди Гленнора ни толковала о дѣйстви лунныхъ лучей,— во все продолженіе вышеописаннаго разговора кузины стояли на одномъ мѣстѣ, и ноги Алисы совершенно окоченѣли. Недаромъ мистеръ Паллизеръ разсердился, что жена его такъ долго пробыла на морозѣ, хотя онъ и совершенно напрасно сваливалъ вину случившагося на Алису.

Сидя у камина, Алиса принялась размышлять обо всемъ, что ей довелось узнать въ этотъ вечеръ, и о томъ, какъ поступить ей самой въ данныхъ обстоятельствахъ. Изъ всего сказаннаго ея кузиною для нея стало ясно, что лэди Гленнора рѣшилась, какъ скоро представится случай, оставить своего мужа и броситься въ объятія Фицджеральда. Бѣдная заблуждающаяся женщина оправдывала себя предъ судомъ своей совѣсти тѣмъ, что она бездѣтна и даетъ такимъ образомъ своему мужу возможность жениться на другой и сдѣлаться отцомъ. Алиса вполнѣ сознавала недостаточность подобнаго рода оправданія, но въ то же время видѣла, что мысль эта пустила глубокіе корни въ умъ ея подруги и уже приноситъ свой плодъ. Алиса, болѣе проницательная въ отношеніи кузины, чѣмъ въ отношеніи себя самой, ясно понимала, что изъ всего этого ничего для нея не выйдетъ кромѣ конечной гибели. Будущее представлялось ей покрытымъ тьмою кромѣшнюю, да и сама лэди Гленнора видѣла его въ томъ же цвѣтѣ. Алиса вспоминала ея слова: «меня беретъ отвращеніе и отъ себя самой, и отъ задуманнаго мною дѣла».

Какъ же было въ подобныхъ обстоятельствахъ поступить Алисѣ? Мистеръ Паллизеръ лишилъ ее своего расположенія, это такъ; но если бы Алиса объявила ему, что желаетъ переговорить съ нимъ, онъ не отказался бы и выслушать ее, а выслушавъ, конечно принялъ бы какія нибудь мѣры для спасенія жены. До того же, какого онъ былъ мнѣнія о ней самой, Алисѣ мало было дѣла.

Но тутъ ей представилось другое соображеніе: чисто женственное чувство говорило ей, что въ такомъ дѣлѣ она не въ правѣ выдавать тайну своего друга. Другое дѣло, если бы лэ-

ди Гленкора повѣрила ей какойнибудь замыселъ убійства или грабежа; тутъ она и на минуту не задумалась бы разсказать объ этомъ, кому слѣдуетъ, и предупредить такимъ образомъ преступленіе. Но въ настоящемъ случаѣ она колебалась, боясь заклеить себя предательствомъ. Да и къ тому же, не вѣроятнѣе ли было, что леди Гленкора откажется отъ намѣренія, самая мысль о которомъ должна бы казаться ей ужасною?

Размышленія ея были прерваны стукомъ въ дверь, который принудилъ ее встать съ своего мѣста и отпереть дверь. На порогѣ показалась Ифигенія Паллизеръ, кузина мистера Паллизера и Джери Паллизера.—Миссъ Вавазоръ, начала она, я знаю, что позволяю себѣ непростительную вольность, но мнѣ такъ нужно переговорить съ вами о многомъ; позволяете ли вы мнѣ войти къ вамъ на минутку?—Алиса конечно пригласила ее войти и придвинула ей кресло къ камину.

Знакомство Алисы съ сестрами Паллизеръ оставалось на довольно церемонной ногѣ. Что-то говорило ей, что въ домѣ существуютъ двѣ партіи и что сама она принадлежитъ къ той, которая группируется вокругъ жены, тогда какъ сестры Паллизеръ естественнымъ образомъ примыкали къ партіи мужа. Дѣвицы эти, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, доходили въ своей привязанности къ мистеру Паллизеру до поклоненія; а такъ какъ Плантагенетъ Паллизеръ при всей любезности, которую онъ до послѣдняго времени выказывалъ Алисѣ, не сходилъ съ нею до особенной короткости, то и не могло возникнуть никакой дружбы между нею и его сторонниками. Къ тому же и не въ привычкахъ сестеръ было сближаться на скорую руку съ такими личностями, какъ Алиса. Живо заводилась у нихъ дружба съ какимънибудь президентомъ иностраннаго ученаго общества или съ какоюнибудь дамою, которой онѣ хоть и въ глаза не видали, но которая принимала дѣятельное участіе въ женской эмиграціи. Но Алиса не успѣла отличиться ни въ какой отрасли ученой или общественной дѣятельности, да и самая дружба ея съ леди Гленкорою служила въ нѣкоторомъ родѣ признакомъ, что между нею и ими не можетъ быть ничего общаго.

— Я знаю, что ничего не можетъ быть хуже незваннаго гостя, проговорила миссъ Паллизеръ съ такимъ видомъ, какъ будто она боялась Алисы.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не говорите объ этомъ, отвѣчала Алиса.—Если я могу оказать вамъ какую нѣбудь услугу, я буду очень рада.

— Вы уѣзжаете завтра, и если бы я не пришла переговорить съ вами сегодня, то другаго случая мнѣ и не пришлось бы дожидаться. Гленкора, по видимому, очень привязана къ вамъ, и всѣ мы были того мнѣнія, что хорошо, что она нашла себѣ такого друга.

— Надѣюсь, что вы и теперь не измѣнили этого мнѣнія, отвѣчала Алиса съ легкою улыбкою. Она поняла, что подъ словомъ *съ* преимущественно подразумѣвался глава дома.

— О, нѣтъ, нисколько; я не это хотѣла сказать. Вы съ самаго начала очень понравились моему двоюродному брату, мистеру Паллизеру.

— А теперь я перестала ему нравиться, потому что пошла гулять лунною ночью съ его женою. Такъ, что ли?

— Нѣтъ, миссъ Вавазоръ, не совсѣмъ такъ. У меня и въ намѣреніи не было упоминать объ этомъ случаѣ, право, не было. Правда, я видѣлась съ нимъ послѣ вашего возвращенія, видѣлась всего какую нѣбудь минуту, и знаю, что онъ раздраженъ. Но я не объ этомъ желала бы съ вами поговорить.

— И я тоже замѣтила, что онъ на меня разсердился.

— Онъ былъ увѣренъ, что вы съ нею вернетесь гораздо скорѣе.

— Съ чего онъ взялъ, что я могу руководить его женою? И тамъ, какъ и здѣсь, она была хозяйка своихъ поступковъ. Мистеръ Паллизеръ выказалъ себя безразсуднымъ въ свсяхъ требованіяхъ. Впрочемъ, я охотно его извиняю.

— Не думаю, миссъ Вавазоръ, чтобы онъ выказалъ себя безразсуднымъ, положительно не думаю. Онъ раздраженъ, это правда. Но мало ли у него поводовъ къ раздражительности. Вѣдь Гленкора еще очень молода.

Мистеръ Боттъ тоже утверждалъ, что лэди Гленкора еще очень молода. Въ головѣ Алисы мелькнула мысль, что выраженіе это вѣроятно было употреблено въ какомъ нѣбудь со-вѣщаніи сторонниковъ мистера Паллизера, во время котораго была рѣчь о недостаткахъ лэди Гленкоры.

— Не моложе же она теперь, чѣмъ когда мистеръ Паллизеръ на ней женился, возразила Алиса.

— Вы хотите сказать, что человекъ, который беретъ себѣ молодую жену, не долженъ роптать на связаннаго съ этимъ неудобства; это, безспорно, такъ. Но по годамъ они отличная пара. Моему двоюродному брату еще нѣтъ тридцати лѣтъ. Когда я говорю, что Гленкора еще очень молода...

— Вы хотите сказать, что она въ своемъ нравственномъ развитіи и даже, быть можетъ, въ поступкахъ моложе, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Но вы, пожалуйста, миссъ Вавазоръ, не подумайте, чтобъ онъ жаловался на это. Онъ слишкомъ гордъ, чтобы жаловаться.

— Надѣюсь, отвѣчала Алиса, припоминая мистера Ботта.

— Я, право, затрудняюсь въ способѣ высказать вамъ свою мысль и не знаю, повѣрите ли вы мнѣ, когда я вамъ скажу, что, поступая такимъ образомъ, исключительно имѣю въ виду счастье Гленкоры. Если не ошибаюсь, вы имѣете на нее вліяніе; и я положительно знаю, что никто другой его не имѣетъ.

— Мы сошлись съ ней еще слишкомъ недавно, миссъ Паллизеръ.

— Я это знаю, но это не измѣняетъ факта. Или, быть можетъ, я ошибаюсь, предполагая...

— Предполагая, что?

— Предполагая, что вы слышали объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Гленкурою и мистеромъ Фицджеральдомъ, прежде чѣмъ она вышла замужъ за моего двоюроднаго брата?

Алиса отвѣчала не вдругъ.

— Да, я слышала о нихъ, проговорила она, помолчавъ.—

— И, если не ошибаюсь, вы раздѣляли мнѣніе остальныхъ ея родственниковъ, что подобный бракъ былъ бы ея гибелью.

— Я ни разу не распространялась объ этомъ предметѣ въ присутствіи ея родственниковъ. Надо вамъ сказать, миссъ Паллизеръ, что, хотя мы и считаемся съ ней кузинами, тѣмъ не менѣе, я и въ глаза не знаю большую часть ея родни. Въ первый разъ я познакомилась съ лэди Мидлотлантъ, когда она намедни пріѣзжала сюда.

— Но вы совѣтовали ей разойтись съ мистеромъ Фицджеральдомъ?

— Никогда!

— Я знаю, что именно въ это время она часто видалась съ вами.

— Мы съ ней видались, это бесспорно.

За тѣмъ послѣдовала пауза. Миссъ Паллизеръ затруднилась продолжать начатый разговоръ; въ собесѣдницѣ своей она совершенно неожиданно встрѣтила такую негодатливость, такое нежеланіе говорить, и даже слушать, что она почти рада бы была воротиться назадъ. Но, разъ упомянувъ имя Борго Фицджеральда, не могла же она уйти, не объяснивъ прежде, почему она его упомянула. Изъ этой дилеммы нежданно-негаданно выручила ее сама Алиса.

— Да, въ то время она часто видалась со мною, продолжала она свой отвѣтъ, и мы много говорили о мистерѣ Фицджеральдѣ. Въ чемъ заключался мой тогдашній совѣтъ, это теперь не важно; но въ одномъ вы, конечно, будете согласны со мною, миссъ Паллизеръ: что не слѣдуетъ заставлять ее теперь ѣздить въ тѣ дома, гдѣ она можетъ съ нимъ встрѣтиться.

— Итакъ, она вамъ сказала?

— Да, она мнѣ сказала.

— Что онъ будетъ у лэди Монкъ?

— Она сказала мнѣ, что мистеръ Паллизеръ требуетъ отъ нея, чтобы она, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилась съ нимъ въ томъ домѣ, куда они ѣдутъ прямо отъ герцога; и что ей тяжело, что ее подвергаютъ подобному испытанію.

— Но это, миссъ Вавазоръ, не должно бы было и быть для нея испытаніемъ.

— Легко сказать! Послушайте, миссъ Паллизеръ, если вы ей дѣйствительно желаете добра, будьте же къ ней справедливы.

— Я ей, бесспорно, желаю добра, но прежде всего я имѣю въ виду счастье моего двоюроднаго брата. Онъ говорилъ мнѣ, что она страшится встрѣчи съ этимъ человѣкомъ. По его мнѣнію, она не должна бы была ея страшиться, и страхъ этотъ не болѣе, какъ пустая мечта. Первое совершенно справедливо, но все же, быть можетъ, этотъ страхъ и не пустая мечта. Если дѣйствительно существуетъ какая нибудь серьезная причина,

но которой ей не слѣдуетъ ѣхать,—миссъ Вавазоръ, умоляю васъ, скажите мнѣ откровенно, хотя бы вы и должны были при этомъ набросить тѣнь на ея доброе имя. Все же это лучше, чѣмъ идти на встрѣчу позору и преступленію.

— Полагаю, что я никакой тѣни не наброшу на ея доброе имя, если скажу вамъ, что дѣйствительно есть очень важное основаніе не ѣхать ей въ Монкшэдъ.

— Итакъ, вы думаете, что постороннее вмѣшательство становится положительно необходимымъ? Вы поймете, что я должна ему откровенно высказать, чего ему слѣдуетъ опасаться.

— Мнѣ кажется, миссъ Паллизеръ, и даже болѣе, чѣмъ кажется, я положительно убѣждена, что дѣло самой настоятельной необходимости—предупредить эту поѣздку въ Монкшэдъ, если только вы можете это сдѣлать.

— Но я могу это сдѣлать не иначе, какъ передавъ ему то, что вы мнѣ сказали.

— Въ такомъ случаѣ передайте ему. Вы конечно обо всемъ этомъ уже успѣли передумать, прежде чѣмъ пришли сюда.

— Да, миссъ Вавазоръ, вы правы, я обо всемъ этомъ передумала, но я до конца надѣялась услышать отъ васъ, что никакой тутъ серьезной опасности не существуетъ, что она невинна.

— Но кто же говорить, что она виновна? отвѣчала Алиса, и при этомъ поднялась съ своего мѣста, какъ бы желая придать болѣе вѣса словамъ, которыя у нея почти не доставало духу выговорить иначе, какъ шопотомъ. Она невинна? вы предлагаете мнѣ вопросъ, имѣя въ виду ея счастье.

— И его тоже, миссъ Вавазоръ.

— Вопросъ, на который моя совѣсть велитъ мнѣ отвѣчать съ полною искренностью, такъ какъ отъ этого зависитъ ихъ общее благополучіе. Но я не хочу, чтобы слова мои принимались въ томъ смыслѣ, будто я обвиняю ее. Она любила мистера Фицджеральда прежде, чѣмъ вышла замужъ за мистера Паллизера. Мистеръ Паллизеръ это зналъ; она сказала ему все безъ утаекъ. Съ житейской точки зрѣнія ея бракъ съ мистеромъ Фицджеральдомъ былъ бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, большимъ рискомъ.

— Въ немъ была бы ея конечная гибель.

— Быть может и такъ; объ этомъ я не спорю. Но дѣло кончилось тѣмъ, что она отказалась отъ своего задушевнаго желанія и вышла за вашего двоюроднаго брата.

— Не знаю, на чью сторону склонялось ея задушевное желаніе, миссъ Вавазоръ.

— Было такъ, какъ я вамъ говорю. Она вышла бы замужъ за мистера Фицджеральда, если бы окружающіе не отговорили ее. Нельзя же требовать, чтобы она забыла его въ такой короткій срокъ. Въ томъ, что она все еще вспоминаетъ о немъ, нѣтъ ничего преступнаго.

— Но преступно замужней женщинѣ любить другого мужчину.

— Въ такомъ случаѣ, миссъ Паллизеръ, преступно было ея замужество, а не ея любовь. Но все это дѣло прошлое. Настоящая же задача вашего двоюроднаго брата должна бы была заключаться въ томъ, чтобы помѣть ей забыть мистера Фицджеральда, а этого онъ никакъ не достигнетъ, заставляя ее ѣздить въ тѣ дома, гдѣ ей грозитъ встрѣча съ нимъ.

— Это она сама вамъ объ этомъ говорила?

— Я не вижу никакой надобности передавать вамъ о томъ, что именно я отъ нея слышала. Вы обратились ко мнѣ съ вопросомъ, я вамъ отвѣтила и отъ души благодарю васъ, что вы меня спросили. У насъ съ вами только одна цѣль можетъ быть въ виду—помочь ей въ тягостномъ ея положеніи.

— И спасти его отъ безчестія. Я все надѣялась, что это не болѣе, какъ ребяческое опасеніе съ ея стороны.

— Вы ошибались, опасеніе это далеко не ребяческое. Если только въ вашей власти предупредить эту поѣздку въ Монкшэдъ, умоляю васъ, сдѣлайте это. Дайте мнѣ слово, что вы не пощадите для этого никакихъ усилій.

— Послѣ всего, что я отъ васъ узнала, мнѣ другого и выбора не остается.

— Именно такъ; тутъ нѣтъ выбора, чье бы счастье изъ нихъ вы ни имѣли въ виду.

Послѣ этихъ словъ миссъ Паллизеръ встала съ своего мѣста и, пожелавъ своей собесѣдницѣ покойной ночи, удалилась. Во все продолженіе этого свиданія между ними о задушевности чувства не было и помину; ни одна изъ нихъ не сочла нуж-

нымъ лицемѣрить дружбою даже при прощаньи. Обѣ сознавались что цѣли у нихъ были различныя; Алиса желала спасти лэди Гленкору отъ гибели, между тѣмъ, какъ миссъ Паллизеръ руководило желаніе спасти своего брата отъ безчестья, да развѣ еще отчасти чистосердечное желаніе предупредить великое бѣдствіе и преступленіе. Первая любила лэди Гленкору, вторая же явнымъ образомъ ее не долюбивала. Но, не смотря на это, Алиса почувствовала, что миссъ Паллизеръ, прійдя къ ней, поступила хорошо, и что самой ей этотъ приходъ доставилъ огромное облегченіе. Теперь она была увѣрена, что будутъ приняты какія нибудь мѣры въ предупрежденіе этой встрѣчи, которой она такъ страшилась, и этимъ она не могла упрекать себя въ нарушеніи довѣрія, такъ какъ сказанное ею ни мало не клонилось во вредъ лэди Гленкору,

На слѣдующее утро, часу въ десятомъ, она сошла къ завтраку; нѣсколько минутъ спустя вошелъ въ комнату мистеръ Паллизеръ.—Я распорядилъ, чтобы экипажъ былъ вамъ поданъ въ три четверти десятаго, началъ онъ, и нарочно пришелъ пораньше, чтобы налить вамъ чаю.—Онъ говорилъ улыбаясь и видимо желалъ быть любезнымъ.

— Не позволите ли вы мнѣ лучше налить его вамъ? отвѣчала Алиса.—Но дѣло обошлось безъ всякаго обоюднаго угощенья, такъ какъ завтракъ былъ поданъ Алисѣ отдѣльно.

— Гленкора поручила мнѣ передать вамъ, что и сама сейчасъ сойдетъ внизъ, проговорилъ мистеръ Паллизеръ.

Алиса освѣдомилась о томъ, не имѣла ли ихъ вчерашняя неосторожность дурныхъ послѣдствій, и получила неопредѣленный отвѣтъ; мистеръ Паллизеръ былъ не прочь оказать ей любезность, но вовсе не желалъ дать ей поводъ предполагать, что онъ предалъ ея вину забвенію. Вслѣдъ за тѣмъ вошли сестры Паллизеръ, за ними послѣдовалъ мистеръ Боттъ и наконецъ мистрисъ Маршамъ. Каждый изъ новопривывшихъ счелъ своимъ долгомъ освѣдомиться о лэди Гленкорѣ, съ тапшмъ видомъ, какъ будто здоровье ея подвергалось серьезной опасности вслѣдствіе вчерашнихъ ночныхъ походовъ. Особенно показалъ себя озадаченнымъ мистеръ Боттъ.

— На дворѣ стоялъ такой страшный морозъ, замѣтилъ онъ, что можно было ожидать самыхъ печальныхъ послѣдствій отъ

такого продолжительнаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, если принять въ соображеніе слабое здоровье лэди Гленкоръ.

Отъ Алисы не ускользнулъ скрывавшійся въ этихъ словахъ намекъ на то, что она обладаетъ плебейски крѣпкимъ здоровьемъ и что для нея не бѣда продрогнуть на морозѣ. Мистеръ Боттъ успѣлъ узнать, что высокій его покровитель измѣнилъ отчасти свое мнѣніе объ Алисѣ и, само собою разумѣется, спѣшилъ выказать полнѣйшую готовность измѣнить и свое въ томъ же направленіи. Недѣли двѣ тому назадъ мистеръ Боттъ охотно допустилъ бы слабость здоровья и въ Алисѣ.

— Неужели и вы того же мнѣнія, что Гленбора слаба здоровьемъ? обратилась Алиса къ мистеру Паллизеру.

— Во всякомъ случаѣ ее нельзя назвать здоровенной, отвѣчалъ супругъ.

— Конечно нельзя, подхватила мистрисъ Маршамъ.

— Ни подъ какимъ видомъ нельзя, добавилъ мистеръ Боттъ.

Алиса поняла, что сама она обвиняется въ здоровенности и молча перенесла это оскорбленіе. Здоровенными бывають черные работники на фермахъ да молочницы: обвиненіе, какъ видите, падало на нее тяжелое; еще легче было бы снести его, если бы она имѣла возможность дать сдачу, но въ минуту отъѣзда это не шло.

— Мнѣ кажется, что она пользуется такимъ же хорошимъ здоровьемъ, какъ и любой изъ насъ, вышпалась Ифигенія Паллизеръ, которая послѣ вчерашняго разговора чувствовала себя въ нѣкоторомъ родѣ обязанной заступиться за миссъ Вавзоръ.

— Какъ и нѣкоторые между нами, поправилъ мистеръ Боттъ, ни за что не рѣшавшійся взять назадъ свое обвиненіе.

Въ эту самую минуту вошла лэди Гленкора и была встрѣчена цѣлымъ градомъ разспросовъ со стороны обѣихъ дуэанъ. Но она поспѣшила уклониться отъ нихъ и обратилась къ Алисѣ.—И такъ, сказала она, настало таки утро разлуки.

— Да, отвѣчала Алиса, пора мнѣ домой. Мистеръ Паллизеръ и такъ долженъ былъ подумать, что я у васъ расположилась на постоянное жительство.

— Напротивъ, отвѣчалъ онъ, мнѣ было очень пріятно имѣт

вась своей гостьей.—Но сказалъ онъ это холодно, и Алиса начала расказываться въ томъ, что согласилась прѣхать въ Мэтчингъ.—Приятно! воскликнула лэди Гленкора. Да я словъ не нахожу, чтобы выразить вамъ свою благодарность. Ахъ, Алиса! чего бы я не дала, чтобы вы согласились поселиться у насъ.

— Черезъ недѣлю мы сами отсюда уѣзжаемъ, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ.

— Какъ же, какъ же, отвѣчала лэди Гленкора, къ сожалѣнiю это правда. Милая Алиса! теперь мы съ вами увидимся только въ Лондонѣ.

— Вы мнѣ дадите знать, когда перейдете въ городъ? проговорила Алиса.

— Я напишу вамъ, не теряя ни одной минуты. Да и кромѣ того, Алиса, я буду писать вамъ изъ Гедерума или изъ Монкшэда.

При послѣднемъ словѣ Алиса невольно переглянулась съ миссъ Паллизеръ. Иогенiя Паллизеръ слегка кивнула ей головою, какъ бы желая выразить, что въ Монкшэдѣ лэди Гленкоръ не бываетъ, а слѣдовательно и писемъ оттуда не писать, но не сказала ни слова.

Доложили, что поданъ экипажъ, и мистеръ Паллизеръ взялъ Алису подъ руку.—Не выходи на крыльцо, Гленкора, проговорилъ онъ. Я тебя убѣдительно прошу объ этомъ.—Кузины расцѣловались, и Алиса направилась къ экипажу.

— Желаю вамъ, миссъ Вавазоръ, счастливаго пути, проговорилъ мистеръ Паллизеръ, но на словахъ онъ не выразилъ желанiя снова увидѣть ее въ Мэтчингѣ.

Одинокю направляясь въ великолѣпномъ экипажѣ къ станции желѣзной дороги, Алиса не могла воздержаться отъ сожалѣнiя о томъ, что она рѣшилась посѣтить эти мѣста.

(Продолженiе въ слѣдующей книжкѣ).

СМЕРТЬ ВЕРНЕ.

(изъ *Карла Бека*).

Всю жизнь свою на прахотъ счастья
Онъ не сердился, не ропталъ,
Хоть вькогда его участья,
Его улыбка не выдаля.
Участникъ бѣдствій безысходныхъ,
Онъ шелъ, въ кругу своихъ друзей,
Какъ онъ, отважныхъ, благородныхъ,
Къ печальной пристани своей.
Голубка въ клеткѣ безопасной
Сидитъ спокойно, и въ умѣ
У птички мысли нѣтъ ужасной
О томъ, что жизнь ея въ тюрьмѣ.
Но лишь тогда свободна птица,
Когда, ничѣмъ не стѣснена,
Покинувъ край родимый, мчится
Въ края далекіе она.

Какъ Фемистоклъ, стремясь къ сраженью,
Огнемъ рѣшила пстрѣблять
Свои суда, чтобъ къ отступленью
Себѣ дорогу вреградить,—
Такъ онъ себѣ, великій странникъ,
Пожаромъ огненныхъ рѣчей
Закрылъ на вѣки, какъ изгнанникъ,
Дорогу къ родинѣ своей.

Онъ не ропталъ, что не хотѣла
Въ немъ жить спокойная любовь,
Что только злобою кипѣла
Его бунтующая кровь...
Пускай корабликъ безмятежно
Въ закрытой гавани стоитъ,
Когда првѣтливо и вѣжно
Вокругъ него вода журчитъ:
Но лишь тогда корабль свободенъ,
Когда, послушный парусамъ,
Онъ мчится, смѣль и благодевь
По гордымъ, бѣшенымъ волнамъ.

И. Вейнбергъ.

СТАТИСТИКА СМЕРТНОСТИ И РОЖДЕНІЙ

Хорошо живется тамъ, гдѣ люди понимаютъ, что самый драгоцѣнный изъ всѣхъ капиталовъ есть самъ человѣкъ, съ его физическими и умственными силами; но плохо жить тамъ, «гдѣ человѣка берегутъ, какъ на турецкой перестрѣлкѣ». На степени пониманія этой простой истины основывается не только размѣръ благосостоянія отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа, но она служитъ также мѣрой умственной культуры людей. Въ современной Европѣ человѣческая жизнь цѣнится больше, чѣмъ это было прежде. Теперь становятся рѣже тѣ гуртовья убійства, которыми отличались религіозныя войны, инквизиціонные суды; теперь выходятъ изъ употребленія столько же жестокаго, сколько бесполезныя пытки и казни, загрязнившія кровью исторію среднихъ вѣковъ; въ Европѣ, подобно Азіи, не распарываютъ животомъ, не сажаютъ на колъ, не зарываютъ живьемъ въ землю, но отправляютъ на тотъ свѣтъ болѣе человѣколюбивымъ образомъ. Не смотря однакожь на это человѣколюбивое отправленіе, три четверти людей, если не больше, умираютъ преждевременною смертію. Если человѣкъ, могшій прожить до 50 лѣтъ, умираетъ 30, развѣ онъ не умираетъ насильственно? Развѣ помочь человѣку отправиться на тотъ свѣтъ прежде срока, не значитъ убивать его? Разумѣется, такое убійство не имѣетъ ничего, по видимому, общаго съ убійствомъ на большой дорогѣ, и нязячно образованный человѣкъ, сокращающій жизнь сотенъ и тысячъ людей, находящихся въ его завѣдываніи, имѣетъ полное право спать съ спокойной совѣстью и гнущаться наизверга, убивающаго на большой дорогѣ. Но если одинъ сократилъ жизнь 1000 людей съ 50 на 30 лѣтъ,

то вѣдь онъ убилъ этимъ 20,000 человѣческихъ лѣтъ, или все равно, что истребилъ 400 пятидесятилѣтнихъ стариковъ. Ну какой же разбойникъ можетъ сравниться съ плантаторомъ, убивающимъ на своемъ вѣку, по меньшей мѣрѣ, по десяти человѣческихъ жизней.

И подобное сокращеніе человѣческой жизни дѣлается иногда съ самымъ добродушнымъ видомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что человѣкъ оказываетъ людямъ благодѣяніе. Напримѣръ, въ Наугеймскихъ солеварняхъ (въ Гессенѣ) не держатъ лошадей, а разсолъ, дрова и все, что нужно, возятъ на людяхъ. Случилось мнѣ, при осмотрѣ завода, встрѣтить бочку съ разсолонъ, запряженную людьми. «За чѣмъ вы не заведете лошадей?» спросилъ я рабочихъ. — Прежде были, отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, наши невыгоднымъ: лошадь околѣетъ, нужно купить новую; а умереть человѣкъ—убытка нѣтъ. — Но спросите Саманенъ-рата, придумавшаго замѣнить лошадей людьми, и онъ съ полнымъ простосердечіемъ невинности будетъ вамъ объяснять, что наводъ бѣденъ, нужно дать ему средства для существованія; что заработка плоха и что онъ рассчиталъ, что для страны выгоднѣе вмѣсто 10 лошадей, кормить 50 взрослыхъ рабочихъ, которые въ свою очередь прокормятъ можетъ быть пятьдесятъ семействъ. И вотъ люди стали лошадью.

Этотъ частный случай, самъ по себѣ незначительный, важенъ тѣмъ, что указываетъ, въ какомъ направленіи дѣйствуютъ иногда люди, сокращая жизнь другъ друга. Общественныя и частныя отношенія европейскаго населенія находятся еще въ такомъ положеніи, что какое бы ничтожное мѣсто ни занималъ человѣкъ, ему всегда представится возможность сократить чью нибудь жизнь, и это будетъ дѣлаться изъ тѣхъ же искреннихъ и человѣколюбивыхъ побужденій, изъ которыхъ наугеймскій плантаторъ обратилъ 50 мужиковъ въ лошадей. Вездѣ и во всемъ—экономическій интересъ и усердіе. Если бы поубавить того и другаго, люди жили бы гораздо дольше. Ужъ кажется, что можетъ быть меньше круга дѣятельности деревенской бабы, а посмотрите, съ какимъ успѣхомъ она сокращаетъ жизнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя немного зависитъ отъ нея. Прежде всего она, разумѣется, заботится о томъ, чтобы прожили какъ можно меньше ея собственныя дѣти. Для этого она кормитъ ихъ преимущественно, если только не исключительно, вѣсмъ тѣмъ, что особенно способствуетъ сокращенію человѣческой жизни. Грудное дитя пичкаетъ разными кашами, кислымъ хлѣбомъ, кислымъ молокомъ; а есть даже и такія мѣстности, гдѣ бабы поятъ грудныхъ дѣтей водкой. Въ этомъ случаѣ онѣ руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что, во-пер-

выть, водка вообще хорошая вещь, ибо известно, как живитель-
но действует она на взрослых, следовательно она должна бла-
годетельно действовать и на грудного ребенка; а вторыхъ,
кто съ холоду приныкнетъ къ водкѣ, тотъ не будетъ влиившей
въ зрѣлыхъ гѣлахъ. Все это, разумѣется, бабья метафизика; но
баба убѣждена, что она разсуждаетъ правильно и переувѣрить
ее нѣтъ никакой возможности. Разслабля такимъ образомъ же-
лудокъ ребенку, съ первой молодости, мать заботится вмѣстѣ съ
гѣхъ, чтобы дитя подвергалось, какъ можно чаще, простудѣ; для
этого полурасдѣтый ребенокъ упражняется въ ползаніи на полу,
гдѣ вѣтеръ дуетъ изъ всѣхъ щелей, для этого потный ребенокъ
выносятся изъ парной избы на холодный зимній воздухъ, и при-
нимаются многія другія, подобныя же мѣры. Чтобы дѣло сокра-
щенія жизни шло еще успѣшнѣе, надзоръ за ребенкомъ вѣ-
ряется какой нибудь восмилѣтней дѣвчкѣ, и та старается оправ-
дать по возможности такое лестное довѣріе. Въ этихъ видахъ
она стучаетъ ребенка головой о всѣ выдающіеся предметы въ
избѣ и на улицѣ, что, разумѣется, не способствуетъ укрѣпленію его
умственныхъ способностей, потомъ она избираетъ для носенія
ребенка какъ разъ тѣ положенія, при которыхъ ему удобнѣе все-
го задохнуться, затечь кровью, переломить позвоночный хребетъ
или нанести другое подобное поврежденіе. Ребенокъ же съ сво-
ей стороны, поставленный съ первыхъ шаговъ въ такія опасныя
положенія, приучается встрѣчать всякую превратность судьбы съ
героизмомъ истиннаго мученика; онъ даже разучается плакать
отъ боли, и приведенный въ вертикальное положеніе ногами вверхъ
только кашлемъ даетъ знать, что ему неловко. Бывастъ и то,
что дитя, находящееся на попеченіи подобной няньки, погибаетъ
въ канавѣ или съѣдается свиньей. Чтобы вынести періодъ этого
искуса, нужно происходить отъ родителей весьма крѣпкаго сло-
женія, да и самому имѣть желѣзную структуру; все мало-мальски
слабое должно вымирать, ибо при такомъ воспитаніи право на
жизнь могутъ имѣть только дѣти-богатыри, и такимъ образомъ
здѣсь сами матери дѣлаютъ тотъ естественный подборъ силь-
ныхъ организмовъ, который въ другихъ классахъ животныхъ бе-
рутъ на себя хищники. Что уцѣлѣло въ деревнѣ до пяти лѣтъ,
то можетъ надѣяться достигнуть зрѣлости, если только чья нибудь
заботливость не подоспѣетъ помочь человѣку отправиться на тѣтъ
свѣтъ преждевременно.

Эту помощь оказываетъ себѣ или самъ отправляющійся къ пра-
отцамъ, или близкіе къ нему люди, или какія нибудь другія

бевныя обстоятельства и превратности жизни. Самъ себѣ помагаеъ челоуѣкъ сократить свою жизнь различными способами. Самый простой и обыкновенный въ нашемъ быту заключается въ пьянствѣ. Оно дѣйствуетъ не мгновенно, подобно холерѣ или какой нибудь острой болѣзни, а исподоволь, отравляя силы челоуѣка медленно, но постоянно. Пить запоемъ—это наша мѣстная болѣзнь, сильно распространенная во всѣхъ сословіяхъ и обыкновенно оканчивающаяся бѣлой горячкой или водянкой. Большая часть преступленій, смертельныхъ побоевъ и увѣчий также совершается въ пьяномъ видѣ. И если принять во вниманіе отвратительный составъ водки, которую такъ безсовѣстно подмѣшивалъ старый откупъ, то главную причину органическихъ разстройствъ въ нашемъ крестьянскомъ быту—надо отнести къ пьянству.

Доморощенные понятія о томъ, что полезно и что вредно организму, помогаютъ иногда челоуѣку сокращать свою жизнь не хуже пьянства и распутства. У насъ есть напримѣръ поговорка—«что русскому здорово, то нѣмцу смерть». Положимъ, что поговорка эта создана гордымъ сознаніемъ своего превосходства предъ иностранцами, но это сознаніе находится въ прямомъ разногласіи съ матеріальнымъ вліяніемъ подобнаго убѣжденія на силы и здоровье людей. Замѣчательно, что ни одинъ народъ Европы, даже такой надмѣнный, какъ англичане, или такой самолюбивый, какъ французы, не придумали ничего подобнаго этому русскому гигиеническому принципу. Англичане, французы, нѣмцы думаютъ съ большимъ основаніемъ, что все вредное имъ должно быть вредно и другимъ, и ни въ какомъ случаѣ продовольствіе рѣдкой, огурцами, лукомъ и квасомъ не считаютъ ни вкуснымъ, ни здоровымъ. Положимъ, что привычка къ подобной пищѣ съ молоду ослабляетъ много ея вредное вліяніе, и никакой нѣмецъ, будь онъ семи пядей во лбу, не съестъ столько луку съ квасомъ, сколько съестъ, по видимому безъ вреда, самый обыкновенный русскій мужыкъ, но изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы такая пища была здорова русскому. Факты холерныхъ годовъ, — когда волжскіе бурлаки, незнающіе другой пищи, кромѣ водки, луку, огурцовъ, печенки и тому подобнаго булыжнява, наполняющаго челоуѣческой желудокъ, умирали, какъ муха, — убѣдили лучше всего, что и русскому смерть приключается отъ того же, отъ чего и нѣмцу. Да и въ обыкновенные года желудочныя болѣзни, создаваемые сырой, неудобоворимой и непитательной пищей, отправляютъ не малое число людей на тотъ свѣтъ и постоянно поддерживаютъ холеру. Русскій челоуѣкъ въ этихъ случаяхъ фаталистъ;

онъ разсуждаетъ такъ: много-ли, мало-ли съѣшь луку и выпьешь водки, а умереть все-таки надо рано или поздно; вотъ онъ и старается, чтобы умереть рано, думая, что ему ужъ такъ на роду написано.

Точно также русскій человѣкъ находивъ и въ леченіи болѣзней домашними средствами. „Попей родимый кваску“, или, „полежи животомъ на камнѣ—отойдетъ“, говоритъ баба больному, и точно отойдетъ; только не животъ, а душа въ праотцамъ. Меня еще недавно увѣрялъ одинъ солдатъ, даже и не простой, а фельдфебель, что солонина гораздо лучше и здоровѣе говядины, потому что лежитъ крѣпче на животѣ. На животѣ крѣпче, говорятъ почтальонъ, и на этомъ основаньи пьеть безъ просыпу всю дорогу; бурлаку опять кажется, что на животѣ крѣпче, когда поѣшь огурцовъ и луку; баба думаетъ, что на животѣ крѣпче, если грудного ребенка покормить вмѣсто молока кашей; крестьянинъ думаетъ, что на животѣ крѣпче, если наѣдаться ржаного, тяжелого, какъ камень, хлѣба, или ѣсть пшеничный хлѣбъ съ мякиной, не обдирный, и черный, какъ земля. Ради той же крѣпости человѣкъ изъ бани выскакиваетъ въ снѣгъ или въ прорубь; съ этой цѣлью человѣкъ босикомъ и въ одной дырявой рубашкѣ выскакиваетъ на холодъ, чтобы привыкнуть къ холоду; съ этой цѣлью человека изнуряютъ чрезмѣрнымъ трудомъ и крайнимъ напряженіемъ силъ. Этотъ способъ укрѣпленія существовалъ нѣкогда особенно въ войскахъ. Бывали такіе офицеры, которые полагали, что человека можно постепенно приучить ко всему; и приучили солдата къ усиленнымъ маршамъ, къ дождямъ, морозамъ, бурямъ и другимъ климатическимъ вліяніямъ; учили людей до изнуренія силъ и т. д. Слабый умиралъ, не достигнувъ привычки; сильный выносилъ т. с: оставался живъ и, по видимому, здоровъ, а офицеру казалось, что онъ его закалилъ. Такой закаленный человѣкъ, если не умиралъ на службѣ, то выходилъ въ отставку съ смертельной болѣзнью и ближайшимъ кандидатомъ на тотъ свѣтъ и умиралъ человѣкъ, и никто не зналъ, отъ чего онъ умеръ; не зналъ онъ и самъ, потому что до самой смерти вѣрилъ, что служба закалила его, и старался онъ и самъ закалять другихъ, какъ закаляли его, и такимъ образомъ число закаленныхъ людей все увеличивалось, и теорія закаленія находила большее и большее число послѣдователей.

И остальная обстановка всей нашей домашней жизни соответствуетъ вполне доморощеннымъ гигиеническимъ понятіямъ. „Паръ костей не ломить“, говоритъ русскій человѣкъ и лѣзетъ въ печку париться, да тамъ и остается. На этомъ же основаніи зимой нагрѣвается изба, особенно къ ночи, до того, что паръ стоитъ въ ней стол-

бомъ; налѣтная струя холоднаго вѣшняго воздуха преводитъ въ избѣ цѣлыя облака. Въ этой душной атмосферѣ многочисленное население избы—мужчины и женщины, большіе и малые—размѣстившись для ночлега на полаткахъ, на сечкѣ, на лавкахъ слушаютъ воздухъ разными доступными имъ средствами, которые, благодаря вѣдьямъ, луку, гороху и капустѣ, довольно разнообразны и настолько дѣйствительны, что, какъ говорятъ остряки, въ любой русской избѣ можно повѣсить зимой въ воздухъ товарищъ. Еще къ счастью, что русскій человѣкъ не знаетъ большею частью иностранныхъ ремъ; что у него зачастую вмѣсто стекла засунута вѣтшица; что изъ всѣхъ оконныхъ щелей и дурно-прилаженной двери стремится въ избу свѣжій воздухъ; безъ этого, разумеется, всѣ русскіе мужики давно бы уже задохлись. Этотъ смрадный воздухъ не только никого не смущаетъ и никому не кажется вреднымъ, но все население избы очень дорожить имъ, воображая, что это тепло, и серьезно сердится на тѣхъ, кто задумалъ бы вечеромъ освѣжать крестьянскую избу. Принимая вошь и парный воздухъ отъ онучъ и разной другой мокрой лопати за теплоту и основы ваясь на томъ афоризмѣ, что паръ костей не ломитъ, крестьянинъ вовсе не подозреваетъ, что его зимняя изба разрушаетъ его здоровье и порождаетъ множество медленныхъ болѣзней, которыя онъ приписываетъ порчѣ и колдовству.

Деспотизмъ въ домашнихъ отношеніяхъ усиливаетъ еще болѣе всѣ эти вредныя вліанія. У строгаго мужика нѣтъ спуска никому—ни жевѣ, ни дѣтямъ. Жизнь подъ вѣчнымъ страхомъ разучаетъ человѣка радоваться; дома ему тоска, потому что крикъ и побоевъ не встрѣчаетъ ничего. Хорошо еще, если отецъ или большакъ бьетъ со смысломъ, а то сгоряча или подъ пьяную руку побой иногда кончаются печально; да не смѣй еще ни сердиться, ни жаловаться.—Ну, что сердиться, больно что ли? спрашиваетъ побившій. „Знамо, больно; противъ сердца бить: съ разу-то, вѣдь и духу тяжело!“—Любя вѣдь, гвѣши! И опять при случаѣ бьетъ любя противъ сердца; выбираетъ что ни на есть больное мѣсто. Вѣднымъ жевщанамъ еще хуже; ихъ обыкновенно бьютъ въ самыя вѣжныя и чувствительныя части тѣла. Все это дѣлается съ полнымъ убѣжденіемъ, что не только такъ и должно быть, но что иначе и невозможно; а то какой же будетъ и перидокъ, когда малые и бабы не боятся мужиковъ? Сдѣлавшись самъ старшимъ, малый слѣдуетъ примѣру стариковъ и бьетъ «любя» своихъ подначальныхъ, какъ били и его. Эта система семейныхъ отношеній составляетъ такое обыкновенное явленіе, что

перестает казаться странной даже тѣмъ, кто страдаетъ отъ побоевъ; что же касается до того, что отъ нея можетъ страдать здоровье и сокращается жизнь, то такой выводъ покажется слишкомъ тонкимъ даже многимъ изъ тѣхъ, кто стоитъ внѣ крестьянскаго сословія. Вотъ если человѣкъ попалъ за побой въ уголовную каторгу, такъ пожалуй еще можно повѣрить, что не годится бить человека съ горяча полѣномъ или обухомъ топора; что касается до веркотни и ругани, то какой же русскій не знаетъ, „брань на вероту не виснетъ“.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ деспотъ семейства является главнымъ агентомъ въ сокращеніи собственной жизни и жизни тѣхъ, кто зависитъ отъ него и живетъ его умомъ и разумомъ. Но есть случаи, гдѣ усилія одного человѣка ничего не значатъ, если бы онъ даже и понималъ вполне весь вредъ этихъ бытовыхъ вліяній. Эти случаи, зависящіе отъ общей совокупности понятій всего народонаселенія, его умственнаго уровня и экономическаго и общественнаго развитія, называютъ обыкновенно обстоятельствами. Главнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ составляютъ лишения, тяжелый трудъ и непріятности труда.

Быть богатымъ или бѣднымъ совершенно не зависитъ отъ одного желанія, потому что иначе всѣ бы были богаты. Изъ двухъ людей, расходующихъ совершенно одинаковое количество умственныхъ и физическихъ силъ, одинъ бываетъ богатъ, другой бѣденъ. Есть занятія, приносящіе при малой тратѣ усилій, большія денежные выгоды, и есть такіе, гдѣ человѣкъ работаетъ, какъ волъ, и едва бываетъ сытъ и одѣтъ. Многіе причину бѣдности видятъ въ пьянствѣ; но это ошибочно, потому что не пьянство создаетъ бѣдность, а на оборотъ бѣдность пьянство. Сокращающее жизнь вліяніе бѣдности заключается прежде всего въ ея моральномъ гнетѣ. У человѣка нуждающагося не обезпеченнаго и не увѣреннаго въ томъ, что ему будетъ чѣмъ прожить завтра и на старости, мысль работаетъ постоянно въ одномъ направленіи: какъ бы не нуждаться, какъ бы обезпечиться, какъ бы не идти по міру. Въ земледѣльческомъ быту боязнь нищенства на старости лѣтъ, разумѣется, составляетъ исключеніе, потому что старики, лишившіеся силъ, живутъ по прежнему въ своихъ семействахъ; но за то тѣмъ сильнѣе мучитъ этихъ людей повседневная нужда. Эта злодѣйка напоминаетъ себя во всемъ: дырявымъ, изношеннымъ платьемъ, покачнувшейся избой, скверной пищей, тощей веревочкой, необходимостью работать усиленно. Бѣднякъ не смѣетъ даже хворать. Разумѣется, есть много обстоятельствъ ослаб-

ляющих разрушительное влияние бѣдности: никакой уровень понятій, а съ ними, большею частью, и безпечность; ограниченныя потребности и скудныя привычки. Но не будь подобныхъ ослабляющихъ обстоятельствъ, нужда похищала бы людей не хуже холеры и чумы.

« Тяжесть и неприятность труда не зависятъ тоже отъ выбора и вкуса человѣка; потому что всю будущую судьбу его рѣшаетъ обыкновенно случайность рожденія. Ребенокъ, родившійся въ крестьянской семьѣ, становится земледѣльцемъ; сынъ ремесленника—ремесленникомъ, сынъ купца—купцомъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ положеніяхъ представляется человѣку большая возможность избрать родъ занятій по вкусу. Такъ ремесленнику легче перейти въ купеческое сословіе, потому что больше случаевъ, даже при ограниченныхъ средствахъ, поступить въ мальчики, сидѣльцы, приказчики; точно также ему удобнѣе избрать ремесло, къ которому онъ чувствуетъ склонность т. е. сдѣлаться столяромъ, мѣдникомъ, слесаремъ, или посвятить себя свободнымъ художествамъ, если способности и условія городской жизни облегчаютъ такой переходъ. Выборъ для купца еще легче, потому что средства даютъ ему возможность дать своимъ дѣтямъ воспитаніе вполне сообразное съ ихъ наклонностями. Купецъ можетъ или продолжать торговлю, или сдѣлаться фабрикантомъ, художникомъ, посвятить себя военной или гражданской службѣ и т. д.; все зависитъ, разумѣется, отъ разнѣра средствъ и способностей. Но для земледѣльца подобные переходы совсѣмъ не такъ легки. Мальчикъ, родившійся въ крестьянскомъ быту, волею—неволею сдѣлается земледѣльцемъ. Если онъ крѣпко сложенъ, довольно силенъ и не слишкомъ требователенъ, то свывается съ своимъ положеніемъ и не задается вопросами, выходящими за предѣлы земледѣльческаго быта. Не то съ людьми слабого сложенія и пытливаго ума. Слабый долженъ умереть преждевременно, потому что у него не достанетъ силъ вынести то, что выносить сильный; и человѣкъ пытливый, или особенно умный, придетъ къ такимъ вопросамъ и отвѣтамъ, которые отзовутся въ его душѣ мучительною болью. Хорошо, кто наконецъ уходится и примирится съ своей судьбой; а кто нѣтъ, тотъ, разумѣется, будетъ вѣчнымъ мученикомъ и заплатитъ преждевременною смертію за ошибку, въ которой онъ самъ виноватъ менѣе всѣхъ. Неприятность ненормальнаго и извурительнаго труда принесетъ здоровью и жизни человѣка гораздо больше вреда, чѣмъ это можетъ показаться при поверхностномъ взглядѣ.

Но и тѣ, кто трудится добровольно и съ любовью, во многихъ случаяхъ напрягаютъ свои силы гораздо больше, чѣмъ это было бы нужно при другихъ, болѣе благоприятныхъ, обстоятельствахъ. Напримѣръ, если по состоянію земледѣлія почва одного качества даетъ, въ одной странѣ 1000 пудовъ зерна, съ 4 десятины, а въ другой съ 15, то очевидно, что уже трудъ одной ходьбы, во второмъ случаѣ, почти въ три раза больше, чѣмъ въ первомъ; точно также втрое увеличится и перевозка всѣхъ продуктовъ. Если, дажѣ, крестьянину нужно свезти въ городъ на продажу 1000 пудовъ сельскихъ произведеній, и онъ имѣетъ только одну лошадь, то въ мѣстности, гдѣ дороги хороши и гдѣ лошадь можетъ везти сто пудовъ, онъ сдѣлаетъ 10 концовъ туда и обратно; а тамъ, гдѣ дороги дурны и на возъ нельзя класть болѣе 30 пудовъ, придется сдѣлать 33 двойныхъ конца. Во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ трудъ земледѣльца долженъ доходить до тахішм'а напряженности т. е. онъ долженъ сработать въ потъ лица то, что другому земледѣльцу достигается, можетъ быть, безъ всякаго пота. Такой усиленный трудъ падаеть, разумѣется, на здоровье и силы земледѣльца, и въ результатъ являются извѣстныя болѣзни, порождаемыя подобнымъ трудомъ, и преждевременная смерть.

И во всѣхъ остальныхъ общественныхъ положеніяхъ человѣкъ рискуеть нажить ту или другую болѣзнь и умереть прежде срока. Ремесленникъ, купецъ, воинъ, чиновникъ, ученый — всѣ они независимо отъ того вреда, какой наносятъ сами своему здоровью вследствие недостатка развитія и дурныхъ привычекъ, страдаютъ болѣзнями, специально свойственными ихъ роду занятій, и умирають отъ нихъ преждевременно. Въ особенности печально положеніе ремесленниковъ и солдатъ, въ быту которыхъ сосредоточивается наибольшее число обстоятельствъ неблагоприятныхъ для здоровья и жизни, неустраняемыхъ отдѣльной волей человѣка.

Другія общественныя положенія хотя, по видимому, представляютъ больше средствъ и возможности заботиться о себѣ и о другихъ, напримѣръ въ быту купеческомъ или въ чиновничьемъ; но здѣсь главнымъ врагомъ человѣка является его собственное невѣжество. Въ купеческомъ быту обычай и преданья старины держатся съ особенной силой; корень этихъ обычаевъ въ народной жизни, слѣдовательно и всѣ ошибочныя понятія купечества должны имѣть много общаго съ заблужденіями людей изъ земледѣльческаго сословія, не говоря уже про тѣ дурныя привычки, развитію которыхъ помогаютъ денежныя средства. Поэтому купеческая семья, живущая по старинѣ, въ сущности не отличается ничѣмъ отъ

семьи богатого земледельца; разница здесь заключается не в понятиях и цивилизованных обычаях, а только в размаху расходов. Там, где крестьянин имеет фунтъ черного хлѣба, купецъ имеетъ десять фунтовъ бѣлаго; гдѣ крестьянинъ имеетъ фунтъ баранковъ, купецъ имеетъ цѣлаго теленка; гдѣ крестьянинъ выпивалъ фунтъ чая и сахара, купецъ выпьетъ цѣлый пибикъ и пудъ сахару. Этотъ усиленный размахъ расходовъ не способствуетъ нисколько просвѣтленію понятій: купчихи и крестьянки одинаково закармливаютъ своихъ дѣтей, какъ разъ тѣмъ, что вообще вредно дѣтскому организму; купчихи и крестьянки одинаково боятся свѣжаго воздуха и закупориваютъ въ своихъ домахъ, какъ драгоценности, гнилую и испорченную атмосферу, принимая его за тепло и руководствуясь теоріей, что паръ костей не ломить; купчихи и крестьянки одинаково объясняютъ происхожденіе нервныхъ болѣзней и одинаково лечатъ отъ нихъ „съ уголья“; дальнѣйшія средства ихъ домашняго лечебника не отличаются тоже ничѣмъ, и конечно медицинское усердіе тѣхъ и другихъ скорѣе помогаетъ ихъ больнымъ домохозяйкамъ переселиться въ царство тѣней, чѣмъ освобождаться отъ болѣзней. И замѣчаемое выше различіе между купчихой и крестьянкой въ сущности совсѣмъ не такъ велико. Крестьянки тощи, сухи, преждевременно стары; купчиха тѣхъ же лѣтъ—бѣла, свѣжа и расползается, какъ тѣсто. Крестьянка изнашивается отъ усиленной работы, нужды и немѣня жить; купчиха же напротивъ отъ лѣни, изобилія и тоже отъ невѣжества. У одной болѣзни происходитъ отъ труда, у другой отъ праздности, и результаты въ томъ и другомъ случаѣ одинаковы, потому что въ первомъ человѣкъ умретъ раньше отъ истощенія силъ: а во второмъ отъ водянки или отъ паралича.

Параллель между купцомъ стараго завѣта и крестьяниномъ земледѣльцемъ будетъ та же. Одинъ работаетъ слишкомъ мало, другой слишкомъ много; одинъ страдаетъ отъ излишествъ, другой отъ лишеній; но и тотъ, и другой одинаково не желаютъ ни болѣзней, ни преждевременной смерти; а между тѣмъ принимаютъ именно тѣ мѣры, которыя разстраиваютъ здоровье и сокращаютъ жизнь. Въ крестьянскомъ быту все это извиняютъ обыкновенно бѣдностью, что и справедливо; но чѣмъ можетъ извиняться незнаніе людей, имѣющихъ полную возможность знать все то, что человѣкъ знать долженъ?.. Впрочемъ здѣсь важно не то, что извиняется или не извиняется невѣжество, а на сколько подобное незнаніе и дурное воспитаніе, развивающее дурныя привычки, способствуютъ усиленію въ народѣ смертности; на сколько оно

сокращаетъ силы людей; на сколько способствуетъ развитію тѣхъ или другихъ болѣзней. Здѣсь является на сцену вопросъ народной экономіи; ибо подобная незаботливость о своихъ и чужихъ силахъ обнаруживается впрямѣ и замѣтнѣ всего въ экономической производимости, а слѣдовательно и въ общенародномъ богатствѣ. Вліяніе это тѣмъ повсемѣстнѣе и тѣмъ шире, что такъ называемыя образованныя сословія не придаютъ никакой важности вопросу о народномъ здоровьѣ. Важнѣйшій вопросъ человеческой жизни какъ будто и не существуетъ для людей; каждый живетъ, какъ живется, не зная, и даже не желая знать, здорово или вредно жить такимъ образомъ и на сколько дѣтъ человѣкъ сокращаетъ свою собственную жизнь и жизнь другихъ. Каждый человѣкъ, особенно въ первой молодости, какъ будто тѣготится тѣмъ, что у него много силъ и силѣннѣе растратитъ ихъ въ безумныхъ кутежахъ, бессонныхъ ночахъ, безобразной жизнью. Отъ людей, имѣющихъ такой взглядъ на свои собственные силы, разумѣется, нечего ожидать, чтобы они сумѣли сберечь силы другихъ, и потому въ недостаточно развитомъ обществѣ готовство своей и чужой жизнью можетъ доходить до того же неблагоумія, до какого доходить иногда денежное мотовство разнуздавшагося купеческаго сына. Силы, здоровье, жизнь человѣка какъ будто и не существуютъ для такихъ людей; они даже и не подумываютъ, что тѣло человѣка изнашивается такъ же, какъ и всякая вещь, и слѣдовательно при бережливости можетъ служить дальше, чѣмъ при расточительности. Даже и тѣ, кто даетъ такую большую цѣну деньгамъ и считаетъ не мечтой и утопіей только одни экономическіе вопросы, даже и эти рѣшительно не догадываются, что здоровье и силы каждаго отдѣльнаго человѣка, и слѣдовательно и всего народа, составляютъ основной капиталъ общественнаго богатства. Денежный убытокъ сосчитать, разумѣется, легче: онъ передъ глазами; потому-то и видятъ его лучше, хотя тоже не всегда; а для яснаго пониманія вопроса о жизни и здоровьи нужно имѣть въ головѣ больше свѣта, чѣмъ его обыкновенно имѣется у людей. Поэтому, по состоянію общественнаго здоровья можно судить весьма вѣрно объ умственномъ развитіи народа и объ его общественныхъ отношеніяхъ; а изъ сравненія общественнаго здоровья разныхъ народовъ можно составить точное заключеніе о степени ихъ цивилизаціи и нормальности быта.

Статистическая разработка вопросовъ этого рода составляетъ еще повсюду дѣло новое, потому даже у народовъ передовыхъ нельзя найти полныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій о смертно-

сти и причинахъ въ такой подробности, какия бы были по важности вопроса. Что же касается до народовъ менѣе образованныхъ, что само собою разумѣется, что ихъ статистическія изслѣдованія тѣмъ слабѣе, чѣмъ народъ менѣе цивилизованъ. Въ настоящей статьѣ я буду пользоваться данными, собранными въ продолжающемся еще изданіи Адольфа Франца *Handbuch der Statistik*, пополняя недостающія свѣденія о Россіи изъ статистики Кольба и изъ свѣденій, собранныхъ г. Корсакомъ. Понятно, что данныя, касающіяся Франціи или Германіи, не могутъ служить точнымъ основаніемъ для сужденія о Россіи; напримѣръ изслѣдованіе иностранныхъ статистиковъ о смертности тамошняго сельскаго населенія необъяснитъ вполне состояніе этого дѣла у насъ, ибо германскій, французскій или англійскій земледѣлецъ ведетъ нѣсколько иной образъ жизни, пьетъ и ѣстъ другое, имѣетъ иное помѣщеніе, живетъ въ климатѣ менѣе суровомъ. Не смотря на то, данныя, собранныя въ другихъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ служить и намъ для составленія приблизительнаго понятія о вредѣ и пользѣ извѣстныхъ вліяній и отношеній, и если они не дадутъ полной возможности опредѣлить нѣкоторыя спеціальныя русскія особенности, напр. какъ дѣйствуютъ рѣдька, огурцы и т. п. сырая, трудноваримая пища на состояніе русскаго здоровья и какія спеціальныя болѣзни порождаются русскимъ бытомъ; то тѣмъ не менѣе общее понятіе будетъ уже установлено, и читателю, знакомому съ бытомъ русскихъ, будетъ не трудно составить и самому заключеніе о томъ, слѣдуетъ ли иностранныя свѣденія считать относительно Россіи выше или ниже дѣйствительныхъ, и даже во сколько именно.

II.

Для послѣдовательности начнемъ съ начала т. е. съ брака. Ежегодное число браковъ представляетъ въ разныхъ государствахъ Европы чрезвычайно непостоянныя величины и отношенія. Напримѣръ въ Саксоніи приходилось въ годъ одно бракосочетаніе на слѣдующее число жителей.

Въ 1827 году на 121 жителя.			
— 1836	—	—	122
— 1847	—	—	130
— 1850	—	—	104
— 1851	—	—	103
- 1855	—	—	153

Изъ свѣденій, сообщаемыхъ Францомъ, я взялъ только главныя, чтобы не пестрить статьи цифрами: но и въ этихъ данныхъ читатель видитъ, что въ теченіи 30 лѣтъ число браковъ въ Саксоніи уменьшилось, хотя въ то же время въ 1850 и въ 1851 году саксонцамъ припала страшная охота къ женитьбѣ.

Въ Баваріи это отношеніе еще менѣе благоприятно, потому что съ 1817 г. и по настоящее время приходится среднимъ числомъ ежегодно 1 бракъ на 152 жителя. Въ Пруссіи эти отношенія лучше, хотя и у пруссаковъ замѣчается тоже уменьшеніе числа браковъ.

По официальнымъ свѣденіямъ считается.

Въ 1817—1843 г.	1 бракъ на 109 жителей.
— 1843—1853 —	1 — — 114 —
— 1854 —	1 — — 127 —
— 1855 —	1 — — 130 —
— 1857 —	1 — — 108 —
— 1858 —	1 — — 103 —
— 1859 —	1 — — 119 —
— 1860 —	1 — — 120 —

Такимъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе среднее число годовичныхъ браковъ составляло 1 на 118 жителей, тогда какъ въ періодъ 1817—1843 г. отношеніе было какъ 1 къ 109. И въ Пруссіи, какъ въ Саксоніи замѣтны рѣзкія скачки; на примѣръ, въ 1857 и въ 1858 годахъ, когда пруссакамъ пришла тоже особенная охота къ женитьбѣ. Не было ли это слѣдствіемъ Крымской войны?

Вообще въ Германіи наименьшее отношеніе числа браковъ къ числу жителей составляетъ въ годъ 1 къ 118, какъ въ Нассау, въ Пруссіи; а наименьшее число браковъ приходится на Гессенъ, гдѣ одинъ бракъ заключается въ годъ на 153 жителя; а въ Баденѣ даже 160 жителей:

Во Франціи браковъ больше. Въ ней приходится ежегодно по одному браку:

Въ 1825—1828 г.	на 128 жителей.
— 1834—1838 —	— — 123
— 1848 —	— — 121
— 1850 —	— — 120
— 1856 —	— — 126

О числѣ браковъ въ Россіи нельзя вывести подобныхъ отношеній къ числу жителей, прежде всего потому, что у насъ не существуетъ точныхъ свѣденій о народонаселеніи; далѣе потому, что о числѣ браковъ у сектаторовъ нѣтъ положительныхъ дан-

нишь. Поэтому, довольствуясь тѣмъ, что есть, привожу изъ Кольба слѣдующія данныя:

Заключено у насъ браковъ:

Въ 1848 г.	595,000	Въ 1854 г.	434,000
— 1849 —	542,000	— 1855 —	388,000
— 1850 —	577,000	— 1856 —	574,000
— 1851 —	489,000	— 1857 —	638,000
— 1852 —	508,000	— 1858 —	563,000
— 1853 —	523,000.		

Эти цифры показываютъ, что и у насъ въ числѣ браковъ существуетъ подобное же колебаніе, какъ и въ западной Европѣ, иногда эти колебанія доходятъ до весьма рѣзкихъ крайностей. Такъ въ періодъ 1848—1852 года среднее число браковъ въ налужской епархіи было 11,000 паръ, — а въ 1850 году 21,000 паръ. Чему же приписать подобныя колебанія, замѣчаемыя повсемѣстно?

Въ земледѣльческомъ и въ другомъ экономическомъ быту, гдѣ женщина составляетъ такую же рабочую единицу, какъ и мужчина, бракъ приноситъ очевидныя выгоды, потому что прибавляетъ трудовую силу. Каждая крестьянская семья составляетъ одну хозяйственную единицу, съ полнымъ комплектомъ экономическихъ производителей. Нормальное положеніе такой семьи заключается въ томъ, чтобы каждой мужской силѣ соответствовала женская, связанная единствомъ интересовъ. Но бракъ по существующимъ обычаямъ требуетъ разнообразныхъ и нѣрѣдко весьма значительныхъ расходовъ и прошлогодняго запаса средствъ, чтобы прокормить вновь вступившее въ семью лицо до той поры, когда оно само заработаетъ для своего прокормленія. Поэтому понятно, что заключеніе браковъ возможно только для тѣхъ, у кого есть излишки; кто же нуждается, тотъ долженъ подождать женитьбой до болѣе благоприятнаго времени; ибо иначе ему нечѣмъ будетъ прокормить жену. Вотъ почему изъ года, слѣдующіе за неурожами, и въ года высокихъ цѣнъ первыхъ потребностей число браковъ всегда уменьшается. Это замѣчено вездѣ, это же существуетъ и у насъ.

Кромѣ того на уменьшеніе числа браковъ имѣютъ вліяніе всѣ тѣ причины, которыя дѣлаютъ шаткимъ экономическое положеніе народа или разстраиваютъ бытъ семьи. Сюда принадлежатъ война, усиленная смертность, вслѣдствіе эпидемій, голодовъ и другихъ подобныхъ причинъ. Когда наступаетъ война или является ненормальная смертность, то, разумѣется экономическое положеніе тѣхъ, кого могутъ потребовать въ солдаты, становится со-

мыслительный и очевидно, что жениться не расчетъ. Въ годы эпидемій то же самое: жениться, чтобы потомъ умереть или быть убитымъ на войнѣ и оставить жену безъ средствъ существованія, разумѣется, не благоразумно. И вотъ въ години подобныхъ бѣдъ всѣ тѣ, кто не желаетъ рисковать, откладываютъ женитьбу до поры болѣе благопріятной. Поэтому-то, какъ только кончится война или чрезвычайная смертность, сейчасъ же увеличивается повсюду число браковъ, что происходитъ не только отъ того, что женятся всѣ тѣ, кто поджидалъ лучшійхъ временъ; но еще и потому, что комплектъ многихъ семействъ нарушился, а восстановление нормальныхъ отношеній въ числѣ работниковъ возможно только бракомъ.

Здѣсь встаетъ сказать, что не точность выраженія нѣкоторыхъ статистиковъ можетъ ввести неопытнаго читателя въ недоразумѣніе. Такъ, принято обыкновенно говорить, что „сильнѣйшая смертность влечетъ за собою и большее число браковъ“. Это вовсе не значитъ, чтобы людямъ припадала большая охота жениться, только потому, что умираетъ больше народу, или чтобы въ людяхъ являлось внезапно, какимъ-то внѣшнимъ напѣтиемъ, необычайное усердіе производить себѣ подобныхъ. Стремленіе къ такому занятію не зависитъ нисколько ни отъ войны, ни отъ неурожая, ни отъ эпидемій, потому что органическія потребности удовлетворяются всегда одинаково, если представляется возможность къ ихъ удовлетворенію. Поэтому приведенное выше выраженіе слѣдуетъ понимать не какъ истинативное стремленіе людей къ дѣторожденію, а просто, какъ пополненіе комплекта рабочихъ силъ семействъ, разстроенныхъ войной или эпидеміей.

Въ приведенныхъ цифрахъ числа браковъ въ Россіи читатель найдетъ полное подтвержденіе всего вышесказаннаго. Напримѣръ въ 1850 году былъ у насъ неурожай почти повсемѣстный, а въ слѣдующемъ 1851 году онъ былъ въ большей части внутреннихъ губерній. Это отразилось тотчасъ же и на числѣ браковъ, которые въ 1851 году уменьшились внезапно на 88,000 или на 16%, въ слѣдующемъ году, когда неурожай сталъ болѣе мѣстнымъ, а губерніи, страдавшія въ предыдущемъ году, оправдись, увеличилось и число браковъ на 19,000 или на 4%. Но вотъ наступаетъ крымская война, и число браковъ уменьшается ежегодно, такъ что въ теченіе 1854 и 55 годовъ они уменьшились противъ 1853 г. на 135,000. За тѣмъ, съ заключеніемъ мира начинается въ 1856 новое приращеніе браковъ т. е. земледѣльческое населеніе пополняетъ убыли въ семействахъ и восстанавливаетъ въ нихъ нормальное отношеніе экономическихъ производителей. Въ

этихъ случаевъ происходитъ у людей то же самое, что произойдетъ въ муравейникѣ, если помѣшать въ немъ палкой. Общественный порядокъ нарушить, каждый сдвинуть съ своего мѣста и не знаетъ, въ недоумѣніи, за что ему приняться,— работа остановилась. Но вотъ палка вынута, и всякій муравей спѣшитъ возстановить нарушенный экономическій порядокъ. Люди поступаютъ также, съ той только разницею, что въ жизни муравьевъ нѣтъ такого удобнаго мѣрила, какъ у людей, для опредѣленія всѣхъ нарушеній экономическихъ отношеній. Этимъ мѣриломъ служить у насъ бракъ, и потому-то на числѣ браковъ отражается всякое колебаніе общественнаго порядка.

Послѣднее обстоятельство подтверждается лучше всего разницей въ числѣ браковъ между лютеранами и католиками. Дитераци вычислилъ, что въ 1849 году, когда во всей Пруссіи приходилось по среднему выводу одно бракосочетаніе на 109 жителей, въ частности по вѣроисповѣданіямъ было: у евангелистовъ 1 на 107, у католиковъ 1 на 111, у меконитовъ 1 на 130 и у евреевъ 1 на 174 жителя. Впослѣдствіи въ этихъ цифрахъ произошли слѣдующія измѣненія:

	Евангелисты	Католики.	Мекониты.	Еврей.
Въ 1852 г. 1 бракъ на	114 жит.	125	143	121
" 1855 " 1 " "	126 " "	136	174	132

Хотя число браковъ уменьшилось у всѣхъ, но у евангелистовъ оно все-таки больше, чѣмъ у католиковъ. Причину этого видятъ въ томъ, что у католиковъ разводъ допускается съ большими затрудненіями, слѣдовательно люди осторожные избѣгаютъ брака, какъ рискованной вещи. Впрочемъ приведенное выше отношеніе числа протестантскихъ и католическихъ браковъ не во всѣхъ странахъ остается въ той же пропорціи. Замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ протестантскіе и католическіе подданные пользуются совершенно одинаковыми правами—юридически и фактически, какъ напр. въ Пруссіи, тамъ протестанты вступаютъ чаще въ бракъ, чѣмъ католики, что и видно въ приведенныхъ выше цифрахъ; тогда какъ напр. въ Австріи, въ періодъ 1834—43 г. у католиковъ приходилось среднимъ числомъ 1 бракосочетаніе на 112—123 ж. а у протестантовъ напротивъ 1 на 126 до 130 человекъ; въ Баваріи у протестантовъ 1 бракъ на 156 ж., а у католиковъ 1 на 146—150.

Религіозная нетерпимость, поддерживаемая обыкновенно учрежденіями страны, мѣшаетъ тоже свободѣ браковъ и изолируетъ людей въ религіозныя корпораціи. Чтобы не останавливаться на

мелкихъ фактахъ смѣшанныхъ браковъ между протестантами и католиками, я приведу одинъ болѣе рѣзкій и потому болѣе поучительный. Въ Гамбургѣ разрѣшены закономъ браки даже между христіанами и евреями и съ 1852—1859 года было заключено 92 подобныхъ смѣшанныхъ брака; въ 54 случаяхъ мужъ былъ монсеева закона, а въ 38 жена, въ 19 случаяхъ было выговорено воспитаніе дѣтей въ іудейской вѣрѣ, при чемъ въ 17 матері были христіанки и только въ двухъ еврейки.

III.

Нѣкоторые государства отличаются особенной плодovitостью внѣ-брачныхъ рожденій. Такъ напр. въ Мекленбургѣ-Шверинѣ одинъ незаконнорожденный приходился:

въ 1815 году на	12,9 рожденій	
1824	10,8	—
1837	7,0	—
1846	5,4	—
1851	4,5	—
1855	5,1	—
1856	5,1	—
1857	5,2	—
1858	4,9	—
1859	4,8	—
1860	4,8	—
1861	4,7	—

Самое наибольшее число внѣ-брачныхъ рожденій было въ 1851 году, когда въ 260 мѣстахъ ихъ было $\frac{1}{3}$, въ 209 мѣстахъ $\frac{1}{2}$ и болѣе, а въ 79 всѣ рожденія были внѣ брака. Причину этого видятъ въ устарѣвшемъ законодательствѣ о бракѣ, переселеніи и водвореніи. Стѣсненіе личной свободы такими же устарѣвшими постановленіями въ Мекленбургѣ-Стрелицѣ привело къ подобнымъ же результатамъ: браки заключаются въ немъ рѣдко, а внѣ-брачныхъ рожденій еще больше, чѣмъ въ Мекленбургѣ-Шверинѣ.

Баварія отличается подобной же плодovitостью внѣ-брачныхъ рожденій. Въ 1850—51 г., изъ 162,999 родившихся, 35,000 было незаконныхъ или 1 изъ 4,65, въ частности же во многихъ мѣстахъ отношеніе было еще неблагопріятнѣе, и доходило до 1 внѣ-брачнаго рожденія на 3,69; что же касается до столицы королевства — Мюнхена, то въ немъ незаконныхъ рожденій было вдвое болѣе, чѣмъ законныхъ.

Въ Пруссіи отношенія нѣсколько благопріятнѣе, такъ что есть даже округа образцовыя по съему цѣломудрію; но за то есть и такія мѣстности, какъ Кенигсбергъ, Бреславль, гдѣ одно незаконное дитя приходится на 4,52 и 4,76 рожденій.

Австрія составила себѣ уже давно репутацію страны съ свободными правами, а потому въ ней, разумѣется, нужно ожидать большое число внѣ-брачныхъ рожденій. Во всемъ государствѣ родится ихъ ежегодно около 120,000; а въ Вѣнѣ изъ 22,000 рожденій—10,800 незаконныхъ; т. е. изъ двухъ дѣтей одно незаконное. Другіе католическіе города Австріи не отстаютъ отъ своей столицы; такъ въ Линцѣ 1 незаконное дитя приходится на 2,9 рожденія, въ Грацѣ на 1,6, въ Инсбрукѣ на 3,2, въ Прагѣ на 2,5, въ Лембергѣ на 2,4 т. е. среднимъ числомъ такъ же, какъ и въ Вѣнѣ изъ двухъ дѣтей одно незаконное. Въ уздахъ т. е. въ сельскомъ населеніи число незаконныхъ рожденій вообще гораздо меньше, чѣмъ въ городахъ, такъ напр. въ то время, когда въ Вѣнѣ приходилось одно незаконное рожденіе на 2,14 вообще, въ нижней Австріи ихъ было 1 на 6,55, а въ Банатѣ 1 на 52,31.

За то Франція оказывается гораздо скромнѣе, чѣмъ съ ней думаютъ, благодаря вседой парижской жизни. Число незаконныхъ дѣтей во Франціи составляетъ въ годъ около 70,000; въ 1858 г. приходился одинъ незаконный на 13,12 рожденій, тогда какъ въ Австріи приходится среднимъ числомъ 1 на 11,70, а въ Пруссіи 1 на 10,82.

Въ Англіи и въ Уэльсѣ въ 1856 году было 42,661 свободныхъ рожденій или 1 на 15 всѣхъ рожденій; самое большое число незаконныхъ дѣтей приходилось на Лондонъ и его предмѣстья, гдѣ число ихъ составляло 1 на 4 съ небольшою дробью. Впрочемъ эти цифры выше дѣйствительныхъ, потому что въ Англіи гражданскіе списки ведутся весьма неудовлетворительно и слѣдовательно много незаконныхъ рожденій не записывается въ книги.

На счетъ Россіи сказать ничего не могу, потому что не имѣю подъ руками никакихъ данныхъ по этому предмету. Впрочемъ, судя по многимъ фактамъ, есть полное основаніе предполагать, что въ этомъ отношеніи мы стоимъ вѣроятно не ниже передовыхъ цивилизованныхъ народовъ Европы.

Такимъ образомъ на 263 м. христіанскаго населенія Европы можно положить ежегодно до 900,000 дѣтей, поставленныхъ внѣ закона брака. Разумѣется, за полную достовѣрность этой цифры ручаться нельзя, но во всякомъ случаѣ она ниже дѣйствительной, такъ что не было бы большой ошибки принять ее и въ

милліонъ. Понятно, что въ цѣрѣ незаконныхъ считаются только дѣти, родившіяся внѣ брака; всѣ же дѣти замужнихъ женщинъ, кого бы онѣ не имѣли своими отцами, статистика включаетъ въ графу законныхъ. Поэтому читатель, захотѣвшій по числу незаконныхъ дѣтей судить о нравственности европейскаго населенія, пришелъ бы къ весьма ошибочному заключенію.

Тѣ же моралисты, полагаютъ, что увеличенію незаконныхъ рожденій способствуютъ воспитательные и родильные дома. Имъ кажется, что съ учрежденіемъ подобныхъ заведеній ослабляется также и чистота супружеской жизни и плодовитость браковъ.

Но статистическія данныя не говорятъ ровно ничего въ пользу мнѣнія моралистовъ; изъ нихъ видно только, что число пріемышей увеличилось въ воспитательныхъ домахъ, но не видно, что бы увеличилось число вѣббрачныхъ рожденій; извѣстно, что учрежденіе больницъ привлекаетъ въ нихъ больныхъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они увеличивали число больныхъ вообще. Причина вѣббрачныхъ рожденій лежитъ нѣсколько глубже. Извѣстно, что вѣббрачныя дѣти рождаются преимущественно въ городахъ и въ промышленныхъ мѣстностяхъ; въ деревняхъ этимъ дѣломъ занимаются значительно слабѣе. Поэтому же, по мѣрѣ увеличенія населеній городовъ, что въ послѣднее время совершается въ Европѣ съ особенной быстротой, увеличивается и число дѣтей рождаемыхъ внѣ брака. Матерями ихъ бываютъ горничныя, кухарки, фабричныя работницы т. е. всѣ холостыя, безсемейныя женщины, привлеченныя въ города и промышленныя мѣстности изъ деревень, надеждой на лучшій заработокъ, или городскія женщины, не вышедшія замужъ. Такимъ образомъ незаконныхъ дѣтей производятъ женщины незамужнія; слѣдовательно, чтобы не было такихъ дѣтей, нужно, чтобы всѣ женщины выходили замужъ. Ну, а возможно ли это? Разумѣется, нѣтъ при теперешнихъ экономическихъ отношеніяхъ и при другихъ причинахъ, стѣсняющихъ браки. Въ числѣ этихъ причинъ главные въ томъ, что семейную прислугу берутъ неохотно или даже и совсѣмъ не берутъ, и что военнымъ чинамъ хотя и не запрещено жениться вовсе, но бракъ такъ стѣсняется, что это стѣсненіе равносильно запрещенію. И это повсемѣстно. Понятно, что если существуетъ два такихъ элемента, то число вѣббрачныхъ дѣтей должно быть весьма велико. Возьмемъ въ примѣръ Петербургъ. Принимая по меньшей мѣрѣ, что въ Петербургѣ приходится на 10 человекъ одна женская прислуга и что пятая часть изъ нихъ замужнихъ остается за тѣмъ до 50,000 холостыхъ женщинъ, которыя даже

при весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ способны произвести въ годъ 20,000 дѣтей. Пусть моралисты уничтожатъ причины, мѣшающія людямъ составлять независимыя, самостоятельныя хозяйства, тогда исчезнутъ и вѣббрачныя связи; а слѣдовательно не будетъ и вѣббрачныхъ дѣтей; а до тѣхъ поръ совершенно бесполезно принимать на себя негодующій видъ и оплакивать упадокъ чистоты нравовъ, или заявлять желаніе о закрытіи воспитательныхъ домовъ.

Воспитательные и родильные дома, разумѣется, лучшее, что можно придумать при теперешнемъ порядкѣ дѣлъ. Дѣвушка, увѣренная, что есть гдѣ разрѣшиться отъ бремени, ждетъ спокойно приближенія минуты родовъ, точно также, если есть воспитательные дома, то ее не пугаетъ мысль, какъ ей устроиться потомъ съ ребенкомъ. Если же нѣтъ ни того, ни другаго, то положеніе беременной дѣвушки очень и очень печально. Родить тамъ, гдѣ она служить нельзя; нужно отказаться отъ мѣста и прискаты квартиру; хорошо, если есть для того средства, есть деньги, необходимые на равные расходы при родахъ; а когда ихъ нѣтъ? Потомъ, куда дѣтъ ребенка? Идти съ нимъ въ услуженіе? — никто не возьметъ; жить на отдѣльной квартирѣ? — нѣтъ денегъ. Иско, что при невозможности разрѣшить эти вопросы выгоднымъ образомъ, приходится обращаться къ отчаяннымъ средствамъ. Вотъ почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ воспитательныхъ домовъ такъ обыкновенны преступленія. Во Франціи, когда уменьшали число воспитательныхъ приютовъ, сейчасъ же увеличились дѣтоубійства и мертвые рожденія. Въ Австріи число мертворожденныхъ вѣббрачныхъ дѣтей меньше чѣмъ въ остальной Германіи, благодаря только воспитательнымъ домамъ.

Слѣдовательно воспитательные дома чистое благодѣаніе, и нужно желать, чтобы каждый городъ имѣлъ подобное учрежденіе. Вывѣтъ съ тѣмъ не мѣшало бы, чтобы моралисты придумали средство заставить отцовъ платить свою часть на содержаніе своего ребенка. Это уменьшило бы ту безнравственность отношеній, которая увеличивается съ годами и въ которой мужчина играетъ довольно низкую роль. Вотъ противъ нихъ-то и нужно бы принять мѣры установленіемъ какихъ-нибудь гражданскихъ обязательствъ на извѣстные сроки и съ извѣстными обезпеченіями. Нѣчто подобное существуетъ въ Пруссіи и въ другихъ государствахъ Германіи, гдѣ мать вѣббрачнаго дитяти можетъ требовать отъ его отца извѣстной доли на содержаніе ребенка. Эту мѣру нѣмцы придумали съ цѣлью уменьшенія числа не-

законныхъ рожденій и были весьма огорчены, что незаконныя рожденія не уменьшились. Такъ Пруссія, въ которой въ западныхъ, рейнскихъ провинціяхъ, малое число вѣнбачныхъ рожденій приписывалось именно подобному постановленію, издали такой же законъ и для старыхъ прусскихъ провинцій; но увы! какъ разъ съ этого времени т. е. съ 1854 года число незаконныхъ рожденій увеличилось, а именно: въ періодъ 1849—51 г. ихъ было 146,592 или 1 на 11,78 всѣхъ рожденій, а въ періодъ 1858—60 т. е. послѣ изданія закона 171,027 или 1 на 10,82 рожденій. Впрочемъ оно и не могло быть иначе. Пруссаки хотѣли заставить женщинъ производить менѣе дѣтей любви, и чтобы достигнуть этой цѣли она объявила всѣмъ дѣвушкамъ: „смотрите, дѣвушки, если у васъ родятся дѣти, то ихъ должны будутъ содержать отцы“. Понятно, что дѣвушки обрадовались такому разрѣшенію и видя, что дѣти ихъ не будутъ, какъ прежде, несчастными плодами обманутой любви, а напротивъ будутъ обезпечены извѣстнымъ содержаніемъ, сдѣлались разумѣется, менѣе строги; ну а про холостыхъ мужчинъ и говорить нечего. По видимому, невѣроятно, чтобы такой осмотрительный народъ, какъ пруссаки, могъ бы не сообразить подобной простой вещи, а между тѣмъ это такъ, и на дѣлѣ вышелъ порядочный *скандалъ* прусской сообразительности. Мѣра эта во всякомъ случаѣ прекрасная, только не для той цѣли, для которой ее придумали.

Хотя холостые мужчины и женщины производятъ порядочную массу дѣтей, но главная заслуга въ дѣтороженіи принадлежатъ все-таки людямъ женатымъ. Въ какой степени выигрываетъ отъ нихъ народонаселеніе Европы покажутъ слѣдующія цифры.

Въ Европѣ замѣчается теперь вообще уменьшеніе плодовитости супруговъ. Вотъ нѣсколько фактовъ:

Въ Боденскомъ герцогствѣ въ 1821 г. на 1,072,000 жителей приходилось 41,128 рожденій, или 1 на 26,08 жителей; а въ 1858 году на 1,325,000 жителей 46,332 рожд. или 1 на 28,61 жит. Въ этомъ числѣ мальчики составляютъ 51,37 процента.

Въ Саксоніи въ 1847—51 г. приходилось среднимъ числомъ на 1,901,000 жит. 66,838 закон. рожденій, а въ 1852—56 на 2,041,000 жит. 68,081 рожденій. Такимъ образомъ народонаселеніе увеличилось на 6,33%, а рожденія только на 1,86%. Въ этомъ числѣ мальчики составляли около 51,5%. Въ Пруссіи, гдѣ въ періодѣ 1816—20 г. приходилось среднимъ числомъ 1 рожденіе на 23,03 жит. въ 1851—60 оно упало до 1 на 25,55. Въ 1859 г. въ

Пруссіи родилось законныхъ дѣтей 676,636 и въ томъ числѣ мальчиковъ 51,40%.

Въ Австріи въ 1851 г. на 33 м. ж. было 1,261,000 закон. рожденій или 1 на 23 жит.; а въ 1858 г. на 34,700,000 ж. 1,290,000 рожденій или 1 на 24,7 жит. Мальчики составляли тоже. 51,50%.

Во Франціи уменьшеніе плодовитости браковъ еще поразительнѣе. Въ 1782 г. въ ней считалось 975,000 рожденій, въ 1846—50 г. среднимъ числомъ 949,000, а въ 1851—55 г. только 940,000. Такимъ образомъ 24 миллионное населеніе Франціи прошедшаго столѣтія было плодовитѣе ся нынѣшняго 36 миллионнаго. Тогда приходилось одно рожденіе на 25 человѣкъ, а теперь на 33. Мальчиковъ и во Франціи рождается болѣе, чѣмъ дѣвочекъ на 51,60%.

Въ Англіи и въ Уэльсѣ родилось въ 1856 г. въ бракѣ: 813,876 мальчиковъ и 300,916 дѣвочекъ т. е. первыхъ 51%.

Россія плодовитостью рожденій опередила Западную Европу. Тогда какъ у нѣмцевъ и французовъ 1 рожденіе приходится на 24—38 жителей (минимумъ и максимумъ) у насъ приходилось

въ 1855	1856	1857	1858
---------	------	------	------

одно рожденіе на 20,76 жит.	21,63	19,89	19,50
-----------------------------	-------	-------	-------

или другими цифрами: въ 1857 г. родилось у насъ 2,660,772 ч., въ 1858 году 2,756,128. Эти цифры относятся только до православнаго населенія, и если онѣ вѣрны—что сомнительно—то плодовитость русскаго человѣка дѣйствительно баснословна. Впрочемъ, какъ мы увидимъ дальше, съ болѣею плодовитостію связана всегда огромная смертность.

Такимъ образомъ 263 м. христіанскаго населенія Европы производятъ ежегодно 9,406,000 дѣтей въ бракѣ и 1,000,000 продуктовъ любви. Въ числѣ первыхъ родится 4,844,000 мальчиковъ, въ числѣ вторыхъ мальчиковъ 515,000. Всего же родится 10,400,000 дѣтей, и въ томъ числѣ мальчиковъ 5,359,000 и дѣвочекъ 5,041,000; слѣдовательно среднимъ числомъ: каждый день—28,493, каждый часъ 1198 и въ каждую минуту—20 дѣтей.

IV.

Хуже всего живется дѣтямъ любви. Общественный порядокъ преслѣдуетъ ихъ еще въ утробѣ матери, и многія изъ женщинъ думаютъ не о томъ, какъ бы сохранить дитя, а о томъ, какъ бы отъ него избавиться.

Тѣ изъ вѣнбачныхъ, кому удалось явиться въ свѣтъ живымъ,

рискуеть умереть гораздо ранѣе, чѣмъ дѣти родившіяся въ семействахъ. По даннымъ за 1851 годъ въ Австріи умерло дѣтей:

	брачныхъ		внѣбрачныхъ	
	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.
въ первый мѣсяцъ —	61,980	46,806	8,705	7,567
отъ 1 до 2 — —	13,407	10,826	2,566	2,292
— 2 — 3 — —	10,336	8,281	1,896	1,761
— 3 — 6 — —	18,656	14,859	2,927	2,617
— 6 — 9 — —	13,243	11,197	1,486	1,431
— 9 — 12 — —	15,036	13,903	1,333	1,401
— 12 — 18 — —	17,299	16,071	1,591	1,593
— 18 — 24 — —	13,346	13,200	975	1,028
— 2 — 3 лѣтъ —	15,512	14,448	984	1,055
— 3 — 4 — —	9,325	9,007	516	585
— 4 — 5 — —	8,053	7,346	405	489
Всего въ 5 лѣтъ:	196,193	166,343	23,384	21,819

Такимъ образомъ изъ 1000 дѣтей умерло въ первомъ году:

законныхъ: мальчиковъ 248, дѣвочекъ 212, всего 460

незаконныхъ: мальчиковъ 361, дѣвочекъ 342, всего 703.

Такимъ образомъ незаконныя дѣти мрутъ почти третью часть, чѣмъ законныя.

Еще интереснѣе французскія данныя за 1860 годъ. Подкидышей отъ 1 до 12 лѣтъ считалось въ воспитательныхъ домахъ 121,916, и старше 12 лѣтъ 58,281. Ежегодно подкидывается 25,000 дѣтей, и изъ нихъ только около 3,000 берутся назадъ родителями. Изъ остальныхъ 22,000 достигаютъ 12 лѣтъ лишь 6,000 дѣтей; слѣдовательно почти три четверти умираетъ ранѣе! Десять процентовъ изъ числа взрослыхъ подкидышей поступаютъ въ исправительныя заведенія и въ каторжную работу. И этотъ процентъ не дуренъ! Слѣдовательно уже съ перваго дня рожденія ребенку, явившемуся внѣ семьи, кромѣ преждевременной смерти, облегчается значительно путь въ тюрьму и въ каторжную работу, и такихъ дѣтей родится въ Европѣ ежегодно около милліона!—Уголовнымъ судьямъ Европы не мѣшало бы пораскинуть мозгами, да сообразить всѣ эти факты;

Въ приведенныхъ выше цифрахъ читатель могъ замѣтить, что въ числѣ какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ дѣтей перевѣсъ въ умершихъ приходится на долю мальчиковъ. Это обстоятельство повторяется повсюду, даже въ числѣ мертворожденныхъ мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ; такъ что напримѣръ въ Пруссіи, число мертвыхъ мальчиковъ составляетъ 57% общаго числа мертвыхъ рожденій, или изъ 31,118, родившихся мертвыми въ

1859—60 году, мальчиковъ было 17,740, а дѣвочекъ только 13,378. Въ Австріи число мертворожденныхъ мальчиковъ еще больше. По средней сложности съ 1851—58 г. они составили 27,57%; это значить, что изъ 20,637 мертвыхъ младенцевъ въ годъ, мальчиковъ приходилось 11,800.

Во Франціи, по вычисленіямъ Легуа, въ 1854 г. изъ числа 39,778 мертворожденныхъ мальчики составили 59,20%₀ или 23,544, тогда какъ дѣвочки только 16,234. Такимъ образомъ на 100 мертвыхъ дѣвочекъ приходилось 145 мертвыхъ мальчиковъ. Изъ 10,000 родившихся живыми умерло въ первомъ году: 1844 мальчика и только 1507 дѣвочекъ, изъ оставшихся 8156 мальчиковъ умерло въ слѣдующіе три года еще 1078, а изъ 8493 дѣвочекъ — 1046. Такимъ образомъ въ три года мальчиковъ умерло больше, чѣмъ дѣвочекъ 369. За тѣмъ въ слѣдующіе года изъ этихъ 10,000 умирало:

		мужеск. полн.		женск. полн.		мужеск. полн.		женск. полн.	
съ	2 до 4 лѣтъ	1078	1046	съ	41 — 50 лѣтъ	729	708		
—	15 — 20 —	303	340	—	51 — 60 —	993	955		
—	21 — 25 —	536	340	—	61 — 70 —	1087	1333		
—	26 — 30 —	364	333	—	71 — 80 —	1231	1373		
—	31 — 40 —	364	679	—	81 — 90 —	470	627		
					— 91 — 100 —	48	70.		

Изъ этого видно, что наибольшая смертность бываетъ въ первомъ году, а потомъ до 5 лѣтъ, и что мужчины умираютъ значительно сильнѣе женщинъ почти во всѣхъ возрастахъ. У женщинъ бываетъ только два опасныхъ періода: отъ 10 — 14 или пора зрѣлости и отъ 25 — 40 лѣтъ, когда имъ предстоитъ опасность смерти въ родахъ; самое же опасное для женщинъ время есть такъ называемый критическій періодъ, наступающій у нихъ около 40 лѣтъ. Въ этомъ только возрастѣ женщины умираютъ особенно сильнѣе мужчинъ; за тѣмъ женщинъ умираетъ больше послѣ 60 лѣтъ. Для мужчинъ же самое опасное время пора силы и возмужалости; для французовъ это время по таблицамъ Легуа совпадаетъ съ 21 — 25 лѣт. возрастомъ.

Хотя съ подобными вычисленіями слѣдуетъ обращаться деликатно, но тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманія и довѣрія, потому что ихъ извлекаютъ всегда изъ весьма большого ряда цифръ. Слѣдовательно, какъ основанныя на фактахъ, они даютъ весьма близкое понятіе объ обстоятельствахъ, благоприятствующихъ въ каждой странѣ большей или меньшей смертности. Буденъ на основаніи данныхъ за 1840 — 42 г. составилъ слѣдую-

скую сравнительную таблицу, показывающую число смертных случаевъ въ равныхъ государствахъ:

во Франціи	23,97	смерт. сл. въ г. на 1000 ж. или 1 сл. на 42 жит.
въ Англіи	22,07	— — — — — 1 — 45 —
въ Пруссіи	26,58	— — — — — 1 — 38 —
въ Австріи	29,95	— — — — — 1 — 33 —
въ Россіи	35,90	— — — — — 1 — 28 —

Изъ этого видно, что въ Россіи, во время вычисленія Будена, было наибольшее число смертныхъ случаевъ; а какъ съ тѣхъ поръ у насъ не произошло никакихъ особыхъ переменъ въ обстоятельствахъ, имѣющихъ влияние на народное здоровье и жизнь, а если бы и произошли, то въ Западной Европѣ онѣ произошли и подавно, то и есть полное основаніе предполагать, что и нынче въ отношеніи числа смертныхъ случаевъ мы занимаемъ не болѣе высокое мѣсто. Впрочемъ, дальше мы увидимъ, что эти цифры выше дѣйствительныхъ.

Въ томъ, что въ общемъ выводѣ Буденъ не ошибся, служатъ подтвержденіемъ слѣдующіе отдѣльные факты, доказывающіе крайнее колебаніе въ Россіи цифръ рожденій и смертности. У насъ, то вдругъ народится въ какой нибудь годъ много людей, то вдругъ неожиданно перемрутъ они съ непонятной быстротой. Нѣкоторые года поразительны по размѣру смертности. Такъ въ 1813 г. родилось 1,099,406 ч., а умерло 1,102,146 т. е. на 12,740 человѣкъ болѣе противъ родившихся; въ 1848 году родилось 2,508,078 ч., а умерло 2,840,354 или на 332,276 болѣе родившихся. Въ Псковской епархіи въ 1845 г. родилось 26,402, а умерло 39,057; тамъ же въ 1846 г. родилось 19,453, умерло 41,040 ч., слѣдовательно, въ теченіи двухъ лѣтъ въ одной губерніи родилось 45,855 ч., а умерло 80,097 ч. или болѣе, чѣмъ родилось на 34,242 человѣка. Въ Тульской епархіи въ 1840 и 41 годахъ родилось 82,484 ч., а умерло 113,572 ч. болѣе на 31,088. Значитъ въ эти четыре года, кромѣ своей дѣтской жизни, смерть выхватила въ двухъ губерніяхъ изъ взрослого населенія, по крайней мѣрѣ, 100,000 человѣкъ. И это только вслѣдствіе одного мѣстнаго неурожая. Въ 1848 году заболѣло холерой 1,686,849 ч. и умерло 668,012; въ 1855 г. изъ 849,700 ч. заболѣвшихъ эпидеміями умерло отъ одной холеры 324,156 человѣкъ. Въ 14-лѣтъ, съ 1845 — 58, особенной смертностью отличался года 1845, 46, 47, 48, 1853, 54, 55, 56 и 1858 т. е. 9 изъ 14, слѣдовавшіе почти непрерывно одинъ за другимъ.

При значительно большей рождаемости, чѣмъ на Западѣ, у

насъ значительно больше и смертность. Такъ по среднему выводу за 10 лѣтъ, съ 1849 по 1858 г., на 10,000 умирающихъ православнаго исповѣданія приходится 5,454 недостигшихъ пяти лѣтъ; а въ 1858 г. даже 5,902. Подобной громадной дѣтской смертности нѣтъ нигдѣ; а эти цифры считаются еще ниже дѣйствительныхъ. Въ 1858 г. умерло православныхъ 1,925,781 ч., въ нихъ дѣтей до 5-ти лѣтняго возраста 1,134,237, или 58,9% всего числа умершихъ. Во Франціи въ 1851 г. въ числѣ 795,564 умершихъ было до 5-ти лѣтъ—234,905 ч. или 29,7% т. е. въ половину меньше, чѣмъ у насъ. По отношеніе будетъ еще неблагоприятѣе, если взять пропорцію ко всему числу жителей, (пользуясь выводами г. Корсака. Кольбъ). Во Франціи при населеніи въ 36 милл. дѣти моложе 5 лѣтъ составляютъ 9,3% всего числа жителей, слѣдовательно, умираетъ одно дитя на 14,5 всѣхъ жителей. Если же принять такую пропорцію дѣтей и у насъ, то по отношенію къ 53,760,000 православнымъ, дѣтская смертность будетъ, какъ 1 на 4,4 или въ $3\frac{3}{4}$ раза болѣе, чѣмъ во Франціи. Въ пору развитія силъ, считая это время отъ 5 до 60 лѣтъ, у насъ умираетъ тоже гораздо больше народу именно 73,3% всего числа умирающихъ; тогда какъ во Франціи только 52,6%. Повтому до старости доживаетъ у насъ гораздо меньше людей, и старики вообще рѣже, чѣмъ во Франціи.

Вѣроятность этихъ выводовъ дѣлается совершенно несомнѣнной, если обратимъ вниманіе на неразвитость эконоическаго быта, образъ жизни и низкій уровень понятій нашего простонародья. Житейскимъ случайностямъ открыто у насъ обширное поле. Особенно разрушительно должна дѣйствовать нездоровая русская пища на нѣжный дѣтскій организмъ, въ томъ его возрастѣ, когда именно и нужны возможно большія матеріальныя удобства. А ихъ-то ребенокъ, и не имѣетъ. Варослые тоже не закаляются отъ своего спартавскаго образа жизни, и года эпидемій доказали, на сколько именно этотъ образъ жизни способствуетъ смертности. Недолговѣчность, являющаяся вслѣдствіе своеобразной пищи и всего матеріальнаго быта, усиливается еще внѣшними случайными особенностями, какъ неурожаи, эпидеміи, дѣйствующіе на наше народонаселеніе съ поражающей силой, именно вслѣдствіе народнымъ привычекъ и бѣдности. Неумѣренность въ употребленіи вина увеличиваетъ не мало смертность и мѣшаетъ людямъ достигать старости. Дитераци вычислили, основываясь на болѣе шестъ рядѣ годовъ, что на каждыя 10,000

ежегодно рождается: христіанъ 400, евреевъ 355-
ежегодно умираетъ: христіанъ 296, евреевъ 216.

избытокъ рожденій составляетъ: у христіанъ 104, у евреевъ 139.

Такимъ образомъ, не смотря на значительно большее число рожденій у христіанъ, избытокъ въ населеніи евреевъ оказывается гораздо больше и происходитъ это только потому, что евреи умираютъ въ меньшемъ числѣ. Кромѣ того меньшая смертность евреевъ замѣчается рѣшительно во всѣхъ возрастахъ, начиная съ одного года и заходя за 70 лѣтъ, и отъ этого между евреями гораздо больше людей достигающихъ глубокой старости, чѣмъ у христіанъ. Причину этого Дитераци видитъ исключительно въ умѣренномъ употребленіи спиртуозныхъ напитковъ. Пьяный еврей есть очень рѣдкое явленіе, тогда какъ у христіанъ это нѣсколько иначе. Даже многіе, вообще порядочные изъ простолюдиновъ, въ старости нерѣдко предаются излишеству въ винѣ. Въ пору развитія жизни, при трудѣ и хорошей пищѣ, водка, бывшая во многихъ случаяхъ полезной и необходимой, становится въ старости излишней и вредной, и только сокращаетъ жизнь. Замѣчаніе Дитераци относится къ пруссакамъ, вообще довольно умѣреннымъ, у которыхъ больше въ употребленіи пиво, чѣмъ водка. Но если это замѣчаніе перенести на Россію, гдѣ водка составляетъ любимѣйшій напитокъ, гдѣ запой и смерть въ пьяномъ видѣ вещь совершенно обыкновенная, и гдѣ люди, приближающіеся къ старости, занимаются питьемъ съ особенной любовью, то нужно будетъ согласиться, что водка коситъ у насъ порядочную жатву жизни, какой ей не удастся сдѣлать ни у одного другаго христіанскаго народа.

Распредѣляя по поламъ смерть, и у насъ, какъ вездѣ, беремъ больше мужчинъ, вслѣдствіе чего и оказывается перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ. Это относится только вообще къ населенію европейской Россіи, потому что въ частности есть много губерній, гдѣ мужское населеніе больше женскаго. Такъ въ городахъ всегда больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Самое невыгодное отношеніе между мужскимъ и женскимъ населеніемъ представляетъ петербургская губернія, гдѣ на 100 мужчинъ приходится только 71 женщина, что происходитъ отъ постоянного скопленія войска. Въ ярославской губерніи, напротивъ, на 100 мужчинъ приходится 115 женщинъ. Не смотря на эти частныя колебанія, въ 1858 г. въ европейской Россіи (безъ Финляндіи и Польши) женщинъ было болѣе противъ мужчинъ на 596,874; въ томъ же году въ Пруссіи ихъ считалось болѣе на 65,889; во Франціи

въ 1855 г. на 299,024; въ Таможенномъ Союзѣ, въ томъ же году, на 348,637; а въ Великобританіи, по послѣдней переписи, болѣе на 704,872.

Таняиъ образомъ, не смотря на то, что мужчинъ родится гораздо больше, чѣмъ женщинъ, женское населеніе не только больше мужскаго, но и отличается большей долговѣчностію. Было бы ошибочно думать, что мужчинамъ на роду написано вымирать гораздо сильнѣе. Правда, между мертворожденными мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ; въ дѣтскомъ возрастѣ мальчики мрутъ тоже сильнѣе; но не въ этомъ причина частаго перевѣса женскаго населенія. Сильная смертность мужчинъ происходитъ преимущественно отъ ихъ занятій, болѣе истощающихъ и нерѣдко весьма вредныхъ для здоровья; далѣе, отъ разныхъ житейскихъ излишествъ и пьянства, которымъ женщины менѣе предаются; потомъ отъ войны, военной службы и переселеній, которыя удалили изъ Англіи съ 1843 по 1858 годъ 3,476,282 чел., а изъ Германіи, съ 1837 г., 2,607,605, и въ этомъ числѣ мужчины составляютъ громаднѣйшее большинство. Гдѣ всѣ эти обстоятельства дѣйствуютъ въ слабѣйшей степени, тамъ въ мужскомъ и женскомъ населеніи замѣчается совсѣмъ иное отношеніе. Любопытный примѣръ этого рода представляетъ Бельгія. Въ ней въ послѣднее время не знали ни войнъ, ни значительныхъ переселеній, и страна жила спокойно. Результатъ этого указался вотъ каковъ: по переписи 1829 года въ странѣ считалось женщинъ болѣе на 37,370; а въ 1856 г. оказалось больше мужчинъ на 14,105 человекъ. Слѣдовательно нужно полагать, что если и другія страны будутъ беречь мужскую силу, то мужское населеніе ужъ никакъ не будетъ меньше женскаго, а если это случится, то народамъ будетъ выгоднѣе, потому что мужской трудъ прибыльнѣе женскаго.

Что культура и улучшение быта имѣютъ огромное вліяніе на уменьшеніе смертности и на продолжительность жизни, читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Лондонѣ, въ 10,000 человекъ умирало ежегодно: въ XVII столѣтіи—421; въ XVIII—355; въ XIX—249. Во Франціи, изъ такого же числа людей, умирало, сто лѣтъ назадъ, въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ 147 человекъ, а нынче только 107; въ возрастѣ между 30—40 годами умираю тогда 215, а теперь 97 человекъ. Въ XVI столѣтіи въ Женевѣ умираю дѣтей въ первомъ году болѣе, нежели умираетъ ихъ теперь въ первые десять лѣтъ. Сороколѣтняго возраста достигала въ Женевѣ въ XVI столѣтіи только пятая

часть людей, тогда какъ теперь достигаетъ его половина. Нынче до 70 лѣтъ достигаетъ больше людей, чѣмъ тогда до 40.

Но эти благоприятныя равницы, заключаемыя въ большой промежутокъ времени, едва замѣтны въ короткій срокъ, и хотя вообще улучшение экономическаго быта создаетъ и экономію въ здоровьи и въ жизни людей, но тѣмъ не менѣе въ частности по отдѣльнымъ годамъ смертность представляетъ весьма сильныя колебанія. И здѣсь замѣчается то же, что и въ исторической жизни—прогрессъ общій несомнѣнъ и постоянно идетъ впередъ, но въ частности, въ отдѣльные періоды, нерѣдко является и регрессъ. Напримѣръ, во Франціи смертность въ последнее время колебалась слѣдующимъ образомъ:

въ періодъ 1886—40 г. сред. чис. умир. въ годъ	799,817	или 1 изъ	42,35	жит.
— 1844—45 г. — — — —	783,873	— 1 —	44,29	—
— 1846—50 г. — — — —	848,348	— 1 —	41,97	—
— 1651—35 г. — — — —	870,670	— 1 —	39,67	—
— 1856 г. — — — —	833,017	— 1 —	43,36	—

Колебанія чрезвычайно сильныя, особенно въ періодъ 1851—55 года, когда выдались для Франціи два особенно смертныхъ года—1854: годъ войны, дороговизны и холеры поглотившей 992,779 жителей, и 1855—годъ войны, въ который умерло 936,833 чел.

Въ Австріи встрѣчаются подобныя же рѣзкія колебанія:

годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.	годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.
1851	1,052,824	1 на 31,34	1855	1,543,608	1 на 21,97
1852	1,079,927	1 „ 30,77	1856	1,092,888	1 „ 31,25
1853	1,179,455	1 „ 28,37	1857	1,040,618	1 „ 33,03
1854	1,276,654	1 „ 26,79	2858	1,105,980	1 „ 31,39

Подобная неодинаковость смертности замѣчается не только изъ года въ годъ, но и въ теченіе одного года въ разныхъ мѣстностяхъ. Можно бы взять для этого въ примѣръ отдѣльныя провинціи Австріи, но какъ объ этой странѣ приведены общія среднія цифры, то я сдѣлаю указаніе на остальные государства Германіи. Такимъ образомъ свѣденія выиграютъ въ полнотѣ. Въ последнее время приходился 1 умершій на слѣдующее число жителей: въ Баваріи на 33,15; въ Саксоніи на 34,12; въ Пруссіи на 34,49; въ Баденѣ на 37,11; въ Нассау на 40,14; въ Любенѣ на 45,85; въ Франкфуртѣ на 50 человекъ и въ Швейцаріи на 41.

Совершенно такія же колебанія, хотя далеко менѣе благоприятныя для населенія, представляетъ смертность въ Россіи. У насъ умерло:

годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.	годы:	число умерш.:	средн. числ. жител.
1848	2,840,354	1 на 18,91	1857	1,786,744	1 на 29,62
1855	2,248,658	1 „ 22,93	1858	1,925,781	1 „ 27,91
1856	1,923,409	1 „ 27,06			

Средняя же смертность за всё эти года составляла у насъ 1 на 22,72 жителя. Въ Австріи она = 1 на 28,29; во Франціи = 1 на 42,33; въ послѣдніе 15—20 лѣтъ изъ 10,000 умрало ежегодно среднимъ числомъ въ разныхъ государствахъ: въ Франкфуртѣ 200 человекъ, во Франціи 286 чел., въ Швейцаріи 244 чел., въ Пруссіи 289 чел., въ Саксоніи 293 чел., въ Баваріи 301 чел., въ Австріи 379 и въ Россіи 440 человекъ, или почти вдвое, чѣмъ во Франціи.

Этимъ можно бы и покончить наши выясненія смертности; но такой конецъ не удовлетворитъ читателя, желающаго непремѣнно знать общій выводъ, тѣмъ болѣе, что расчетъ рождений былъ уже сдѣланъ на все христіанское населеніе Европы. Принимая средній арифметическій выводъ изъ вышеприведенныхъ цифръ или 2,98‰, какъ общую единицу смертности, окажется, что ежегодно умираетъ въ Европѣ 7,837,400 человекъ и въ этомъ числѣ дѣтей отъ 1 до 5 лѣтъ, не меньше 40‰ или около 3,134,960; а какъ ежегодно рождалось 10,406,000 человекъ, то перевѣсъ родившихся надъ умершими составлялъ въ послѣднее время 2,569,000 человекъ, или годовое увеличеніе европейскаго христіанскаго населенія равнялось 0,97 процента.

V.

Вопросъ о причинахъ преждевременной смертности долженъ быть для всѣхъ одинаково важенъ и интересенъ. Не смотря, однако, на такую важность, вопросъ этотъ еще вообще мало обследованъ, и только въ новѣйшее время сталъ возбуждать особенное вниманіе статистиковъ, да и то въ немногихъ государствахъ. Поэтому понятно, что статистическія данныя о причинахъ смертности должны быть весьма не полны и годятся покаместъ только для общихъ соображеній. Особенный недостатокъ въ свѣденіяхъ подобнаго рода представляетъ статистика Россіи, хотя въ нашихъ больничныхъ спискахъ и отчетахъ есть всё необходимое для того данныя. Разумѣется, подобныя свѣденія не были бы вполне удовлетворительны, потому что огромное большинство людей умираетъ въ больницахъ, но и то небольшое,

что есть, было бы все-таки лучше добродушнаго незнанія, въ которомъ мы пребываемъ по случаю своей умственной невинности. Впрочемъ, ради исторической истины, слѣдуетъ прибавить, что Лаппе-Детмоладъ, государство всего въ ладонь величиной, хотя и въѣтъ тоже больницы и редеть въ нихъ списки больнымъ и умирающимъ, но тоже не считаетъ нужнымъ ихъ публиковать, и что такимъ же образомъ поступаютъ Ламбургъ, Нассау и многія другія германскія владѣнія. Слѣдовательно, если ужъ въ этихъ маленькихъ жилищахъ, гдѣ умираетъ въ годъ всего 2—3 человѣка, и никто не знаетъ, отчего они умерли, то какого же труда стоитъ изслѣдовать и обнародовать это дѣло у насъ, когда число покойниковъ заходитъ въ годъ за два милліона. Это объясненіе было необходимо для того, чтобы читатель видѣлъ, почему онъ не встрѣтитъ дальше почти ни слова о Россіи.

Изъ германскихъ государствъ наиболѣе подробныя свѣденія о смертности имѣютъ въ Пруссіи и въ Саксоніи.

Въ Пруссіи одинъ смертный случай приходится:

	Въ 1821—30 г.		1851—60 г.	
	мущ.	женщ.	мущ.	женщ.
отъ старости на	294	270	347	291
— самоубійства на	6,959	32,582	5,027	21,571
по несчастію на	1,669	5,132	1,594	5,457
въ родахъ на	„	1,371	„	1,626
отъ оспы на	4,981	5,499	4,550	4,924
— водоболзани на	159,661	149,965	718,401	1,238,796
— внутреннихъ стрыхъ болѣзней на	143	168	116	130
— внутреннихъ хрониче- скихъ болѣзней на	91	96	91	96
— паратифа, удушлеваго кятара, кровотеченія на	439	539	514	631
— виш. бол. на	1,545	1,897	1,922	2,160
— неизвѣст. бол. на	384	426	416	470
— родилось мерт. на	629	859	547	731

Въ этомъ спискѣ прежде всего замѣчается особенно выгодное положеніе женщины; въ каждой болѣзни ихъ умираетъ меньше, чѣмъ мужчинъ, и умираетъ ихъ меньше и въ общемъ итогѣ, не смотря на то, что у нихъ одной опасностью больше — родами. По расчету на 1859—60 г, одинъ случай смерти въ родахъ приходится: въ провинціи Пруссіи на 34,08 всѣхъ умершихъ женщинъ, въ Познани на 31,02, въ Бравдербургѣ на 43,67, въ

Померави 33,89, въ Силези на 49,07, въ Саксоніи на 41,04, въ Вестфалии на 44,13, въ Рейнской провинціи на 42,97 и въ Гогенцолернѣ на 50,76. Олѣдовательно minimum составляетъ 1,98; общей женской смертности, именно въ Гогенцолернѣ, и maximum 3,22; въ Познани. Но въ родахъ женщины въ Пруссіи стали умирать въ послѣднее время менѣе, чѣмъ прежде; въ десятилѣтіе 1821—30 г. умирало въ родахъ среднимъ числомъ 2,69%, а въ 1851—60 г. только 2,19% изъ всего числа умравшихъ женщннъ. Въ остальныхъ смертныхъ случаяхъ женщины умираютъ значительно менѣе мужчинъ: отъ самоубійства почти на 0,5%, отъ разныхъ несчастій на 1,5%, отъ острыхъ болѣзней ча почти на 1%, отъ паралича тоже на 1%, отъ внѣшнихъ болѣзней и поврежденій на 0,75%, а въ нѣкоторые года на 1% отъ старости на 2%. Только въ однихъ хроническихъ болѣзняхъ женщины умираютъ въ большемъ числѣ противъ мужчинъ и то въ весьма незначительной степени, именно: въ 1821—30 г. на 0,68% и въ 1851—60 г. на 0,59% ежегодно.

Впрочемъ по степени смертельности показанныя выше болѣзни распределяются почти въ одномъ послѣдовательномъ порядкѣ и и для мужчинъ, и женщинъ:

	для мужчинъ	18 $\frac{2}{3}$ г.	18 $\frac{5}{6}$ г.
1. Хроническія болѣзни отъ		37,76	— 36,41%
2. Внутренняя остр. болѣзни		23,02	— 23,50%
3. Старость		11,63	— 9,52%
4. Незвѣст. болѣзни		8,90	— 7,94%
5. Ударъ, удушье		7,79	— 6,42%
6. Несчастные случаи		2,05	— 2,07%
7. Внѣшнія болѣзни и повр.		2,21	— 1,72%
8 Оспа		0,69	— 0,73%
9. Самоубійство		0,49	— 0,66%
10. Водобоязнь		0,02	— 0,00.
	для женщинъ	18 $\frac{1}{6}$ г.	18 $\frac{5}{6}$ г.
1. Хрон. бол.		38,44	— 37,00%
2. Остр. бол.		21,98	— 27,31%
3. Старость		13,64	— 12,24%
4. Незвѣст. бол.		8,65	— 7,57%
5. Ударъ, кровотеч.		6,84	— 5,64%
6. Роды		2,69	— 2,19%
7. Внѣш. бол.		1,95	— 1,63%
8. Оспа		0,67	— 0,72%
9. Несч. случ.		0,72	— 0,65%

10. Самоубійство	0,11 — 0,17%
11. Волобозянъ	0,02 — 0,00

Исключеніе составляютъ только несчастные случаи, особенно частые у мужчинъ по характеру ихъ вѣншей дѣятельности, вмѣсто которыхъ у женщинъ являются роды приблизительно съ той же силой смертности.

Но если разсматривать эти болѣзни въ частности по провинціямъ и по годамъ, то хотя порядокъ ихъ смертности и остается тѣмъ же, но измѣняется значительно процентъ. Напр. самоубійство составляло въ Бранденбургѣ въ 1859—60 году 1 на 128 всѣхъ остальныхъ смертныхъ случаевъ, а въ Рейнской провинціи 1 на 442; подобнымъ же образомъ колеблются и другіе случаи. Что же касается до оспы и водобоязни, то они имѣютъ чисто спорадическій характеръ: или ихъ совсѣмъ нѣтъ или они свирѣпствуютъ мѣстами. Напр. водобоязнъ составляла 1 смертный случай на 1,722 въ Гогенцоллернѣ, а въ провинціи Пруссіи 1 только на 24, 395; оспа представляетъ подобныя же крайности, именно въ Вестфалии 1 на 26 всѣхъ смертныхъ случаевъ, а въ Рейнской провинціи 1 на 971.

Хотя вычисленія эти сдѣланы за довольно значительный промежутокъ времени т. е. за двадцатилѣтіе и въ странѣ съ населеніемъ въ 17 милліоновъ, поэтому онѣ должны бы имѣть довольно общее значеніе, но, разумѣется, было бы большимъ заблужденіемъ, если бы французъ или русскій вздумалъ примѣнять ихъ къ своей странѣ. Несомнѣнно, что наибольшая часть людей умираетъ вездѣ отъ хроническихъ и внутреннихъ острыхъ болѣзней; несомнѣнно, что отъ старости умираетъ вездѣ сравнительно значительно-меньшее число; но дѣло въ томъ, что размѣръ этой несомнѣнности измѣняется не только для каждой отдѣльной страны, но для каждой ея провинціи, для каждого города, для каждой деревни. Самая маленькая деревушка имѣетъ свою статистику смертности, свои спеціальныя болѣзни и смертные случаи, которые могутъ не имѣть мѣста для другой деревни, лежащей отъ нея за какія нибудь сто верстъ. Тѣ или другія незначительныя, по видимому, обстоятельства могутъ вліять такимъ образомъ на здоровье и смертность людей, что въ большихъ городахъ каждая отдѣльная часть или даже кварталъ представляютъ свои особенности. Узкія, грязныя улицы, заставленные высокими домами и дурно провѣтриваемыя, дома старинной постройки, гдѣ вентиляція почти не существуетъ, гдѣ на грязныхъ узкихъ дворахъ валяется всякая нечистота, гдѣ помойныя ямы

заражаютъ постоянно воздухъ— въ такихъ частяхъ городовъ, особенно если они занимаютъ низменное положеніе гнѣздятся всегда тяжкія и смертоносныя болѣзни. Въ Ламбетъ-скверѣ, въ Лондонѣ, отличающемся всеми этими особенностями свирѣпствовала прежде постоянно холера, тифъ и лихорадка; но какъ только озаботились о чистотѣ и вентиляціи, смертность уменьшилась въ весьма значительной степени. Въ Петербургѣ такую печальную мѣстность составляетъ Большая Мѣщанская улица, въ особенности между Гороховой и Казанскимъ соборомъ: а также большая часть Гороховой, гдѣ во многихъ домахъ старой постройки, слѣдовательно въ значительнѣйшемъ большинствѣ, дворы составляютъ совершенные глухіе, глубокіе мѣшки, въ которыхъ живетъ такое благоуханіе, что нужно имѣть только петербургскую привычку къ отравленному воздуху, чтобы дышать въ этой убійственной атмосферѣ, не чувствуя стѣсненія въ груди и боли въ легкихъ. Есть многіе деревенскіе жители, которые, пріѣхавъ въ Петербургъ, сейчасъ же чувствуютъ тяжесть во всемъ организмѣ и общес нездоровье, и если дѣло ихъ задержать, то они заболѣваютъ. А еще Петербургъ гордится своими широкими улицами и своею чистотой! Улицы точно широки; но только много ли такихъ широкихъ улицъ? Стремленіе къ чистотѣ, благодаря усердію полиціи, есть точно; за дворниками смотрятъ строго, но что могутъ сдѣлать дворники съ глухими домами безъ вентиляціи, съ знаменитыми помойными ямами, съ страшными черными лѣстницами и съ помѣщаемыми на нихъ отхожими мѣстами, наконецъ съ ужаснѣйшей мостовой и системой ея постройки—отчего лѣтомъ приходится глотать и дышать пескомъ и всякимъ соромъ, а весной вдыхать миазмы тающего уличнаго навоза? Говорятъ—ничего нельзя подѣлать; да, съ домами, такъ; потому что никого нельзя заставить силой перестроить свой домъ на новый ладъ или замѣнить вонючія отхожія мѣста ватеръ-клозетами; но съ мостовой дѣло другое; ее можно дѣлать, не посылая на верхъ толченый кирпичъ и песокъ, которые, не придавая никакой прочности самой мостовой, разбиваются экипажами въ тончайшую пыль, засыпающую глаза, носъ и ротъ проходящихъ, набиваются въ комнаты, при малѣйшемъ вѣтрѣ носятся цѣлыми тучами, точно въ какой-нибудь песчаной пустынѣ Африки, и затѣмъ опустившись на новое мѣсто сметается тамъ дворниками съ остальнымъ уличнымъ соромъ и вывозится за городъ. Такимъ образомъ сущность процесса заключается въ томъ, что на берегахъ Невы выкапываются глубокія ямы, вынутый песокъ приво-

зится въ Петербургъ и разсыпается по улицамъ; потомъ въ теченіе первой же недѣли сметается дворниками весь, но уже въ видѣ пыли и за тѣмъ свозится на Волково или въ другія мѣста, гдѣ и насыпается въ видѣ кучь; Петербургъ же служитъ только транзитнымъ мѣстомъ. Нужно полагать, что кому нибудь все это очень выгодно; потому что нельзя же допустить, что пятьсотъ-тысячное населеніе, занимаясь подобнымъ дѣломъ пятьдесятъ лѣтъ, (это все минимумы) не догадалось бы наконецъ, что все это очень неостроумно, особенно если обратить вниманіе на ту черту русскаго человѣка, по которой онъ, на основаніи ему одному извѣстныхъ фактовъ, относится съ особенной любовью къ своей изобрѣтательности и умственнымъ способностямъ.

Чтобы прусскіе выводы сдѣлать примѣнимыми къ Россіи, нужно въ однихъ случаяхъ прибавить процентъ, а въ другихъ убавить. Такъ по климату и образу жизни у насъ должны быть гораздо сильнѣе всѣ острия внутреннія болѣзни, желудочныя простуды, разныхъ видовъ горячки и лихорадки. У насъ должно быть значительно меньше случаевъ смерти отъ старости; но за то гораздо больше случаевъ смерти отъ неосторожности и несчастія, отъ вѣшнихъ поврежденій, отъ оспы и водобоязни; вообще всѣхъ тѣхъ болѣзней, которыя неразлучны съ невысокой культурой и слабымъ экономическимъ развитіемъ, съ недостаткомъ умственныхъ способностей и знаній. И климатъ долженъ оказывать довольно сильную помощь смерти, въ особенности въ мѣстностяхъ болотистыхъ, въ мѣстностяхъ сильнаго разлива рѣкъ и зимой. На сколько зима благопріятствуетъ смертности, показываютъ слѣдующія наблюденія въ Пруссіи и въ другихъ мѣстахъ. Въ періодъ 185⁰/₀ г. изъ 12,000 умершихъ приходилось: съ января до марта 3,328—27,74⁰/₀; съ апрѣля до іюня 2,886 человѣкъ, или 24,05⁰/₀, съ іюля до сентября 2,722 ч.—22,68⁰/₀ и съ октября до декабря 3,064 ч. или 25,53⁰/₀; слѣдовательно на 6 холодныхъ мѣсяцевъ приходится умершихъ 53,27⁰/₀. Въ Баваріи холодное время оказывается тоже смертоноснѣе. Изъ 12,000 умершихъ на январь до марта приходится 3,664 ч. или 30,53⁰/₀, съ апрѣля до іюня 3,040 ч.—25,33⁰/₀, съ іюля до сентября 2,563 ч.—21,36⁰/₀ и съ октября до декабря 2733—22,78⁰/₀. Слѣдовательно въ 6 холодныхъ мѣсяцевъ умерло 55,86⁰/₀, а въ 6 теплыхъ только 44,14⁰/₀. Совершенно тоже оказалось и въ Саксоніи, гдѣ расчетъ дѣлался тоже на 12,000 смертныхъ случаевъ. Получилось: для зимы 26,25⁰/₀, для весны 25,21⁰/₀, для лѣта 23,56⁰/₀.

а для остии 24,28⁰/₁₀, крайности не такъ рѣдки, но зима все таки остается болѣе смертнымъ временемъ.

Саксонія представляетъ весьма интересныя статистическія данныя о смертности отъ несчастныхъ случаевъ и отъ самоубійства. Въ ней случилось несчастій среднимъ числомъ ежегодновъ періоды:

	1847—52 г.		1853—58 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
При населеніи—1,915,825 ч.				2,055,140 ч.
Отъ собственной неосторожности или безпечности	102	12	147	15
Отъ чужой неосторожности или безпечности	13	8	18	9
Отъ недостатка надзора	28	19	48	32
Отъ пьянства	24	0,5	27	2
Отъ меланхоліи	0,5	1	0,3	0,7
Отъ эпилепсіи и паралича	33	7	19	6
Вообще	312	73	404	104
Въ томъ числѣ:				
Утонуло	113	35	143	46
Сгорѣло, задохлось	18	11	22	15
Застрѣлено, убито порохоми	7	0,5	6	0,3
Убито молніей	3	1,5	5	3
Убито, задавлено	37	4	53	4
Засыпано	11	0,1	13	2
Обрушилось и упало мертвыми	42	5	60	8
Раздавлено, размолото машинами	9	0,3	18	2
Задавлено экипажами и скотомъ,	19	4	29	8
Заблудилось, замерало и отъ истощенія силъ	18	5	16	6
Отравлено	2	1	3	2
Отъ водобоязни	0,2	"	0,3	"
Изошло кровью	0,6	0,2	0,8	0,8

Изъ этихъ цифръ видно, что смерть отъ несчастныхъ случаевъ увеличилась въ Саксоніи и что происходитъ она главнѣйше съ собственной и отъ чужой неосторожности, безпечности и отъ недостатка надзора. Мужчины подвергаются несчастіямъ въ четыре раза сильнѣе противъ женщинъ, потому что изъ 5,348 несчастій, случившихся въ 12 лѣтъ, съ 1847—58 г., на долю женщинъ пришлось только 1,057 или 19,77⁰/₁₀. Въ деревняхъ несчастія гораздо чаще, чѣмъ въ городахъ, такъ что изъ общаго числа всѣхъ несчастій на города приходится 33,64⁰/₁₀. и на сельскія мѣстности

66,36%. Это происходит главнѣйше потому, что въ деревняхъ подвергаются несчастію гораздо сильнѣе дѣти. Изъ числа всѣхъ дѣтей, погибшихъ въ этотъ двѣнадцатилѣтній періодъ отъ несчастныхъ случаевъ, деревенскія дѣти составляютъ 67,2%, изъ этого числа почти $\frac{3}{4}$ или 71,4% были отъ 1 до 6 л. 62,1% утонуло, 58,4% погибло отъ недостатка надзора. Какъ была бы любопытна статистика смертности дѣтей въ русскихъ деревняхъ!

Число самоубійствъ увеличилось въ Саксоніи въ замѣчательной степени. Въ 1834 г. ихъ было 139 или 1 на 11,420 жителей; въ 1837 г. 216 или 1 на 7,649 жит., въ 1840 г. 336 или 1 на 5,080 жит., въ 1852 г. 530 — 1 на 3,751, въ 1858 г. 491 — 1 на 4,322.

Въ періодъ 1847—58 годовъ случилось всего 5,497 самоубійствъ; изъ нихъ на долю мужчинъ приходится 78,53%, а на долю женщинъ только 21,47% на города 42,83% и на сельскія мѣстности 57,17%. По возрастамъ: до 14 лѣтъ 0,82%, отъ 14 до 21 года 8,46%, отъ 21 до 30 л. 16,99% отъ 30—50 л. 35,91%, отъ 50—70 л. 29,67%. Женатые составляли 44,72%. По ряду смерти: повѣсившіеся 61,82%, утопившіеся 24,09%, застрѣлявшіеся 8,61%.

Причиной самоубійства были тѣлесныя страданія, домашнія заботы, разстройство состоянія, недостатокъ средствъ существованія, развратъ и пьянство, страсти къ игрѣ и лоторея; стыдъ, страсть, угрызеніе совѣсти, несчастіе въ любви, меланхолія, сумасшествіе и безуміе, религіозный фанатизмъ, пресыщеніе жизнью, сильное внутреннее потрясеніе. И, — страшное дѣло! — экономическія причины и матеріальныя страданія, какъ: домашнія заботы, потеря состоянія, отсутствіе средствъ для жизни, и меланхолія, являющаяся обыкновенно вслѣдствіе житейскихъ заботъ, создали 43,67 проц. самоубійцъ или изъ 5,497 ч. — 2,565 человекъ должны были сжечь себя со свѣта потому, что имъ не оставалось больше ничего другаго. Въ этомъ числѣ тѣ, кто наложилъ на себя руку, чтобы не умереть голодной смертью, составляли 440 человекъ или 8,02 проц. всего числа самоубійцъ.

По году занятій наибольшее число самоубійцъ было между прислугой, между людьми, неимѣющими опредѣленныхъ занятій и между военными.

По времени года самоубійства представляютъ порядокъ обратный противъ обыкновенной смертности. Изъ 5,497 самоубійцъ, о которыхъ у насъ рѣчь, умерли: отъ января до марта — 1154 или 19,24 пр.; отъ апрѣля до іюня 1,723 или 31,19 пр.; отъ іюня до сен-

ября 1,489 или 28,22 пр. и отъ октября до декабря 1,131 челов.— 21,35 пр. Такимъ образомъ при сравненіи съ обыкновенной смертною оказывается:

	Въ холодные мѣсяцы.	Въ теплые мѣсяцы
Обык. смертность —	51,23 проц.	48,77 проц.
Самоубійства —	41,57 —	58,43 —

т. е. обыкновенная смертность въ холодные мѣсяцы сильнѣе на 10 пр., а въ теплые на это же число меньше, чѣмъ самоубійства. На это обстоятельство не мѣшаетъ обратить вниманіе юристамъ и криминалистамъ, которые смотрятъ на самоубійство, какъ на дѣтскую шалость, подлежащую съченію розгами, наказанію на хлѣбѣ и водѣ и т. п. взысканіямъ. Неоспоримо, что когда юристы познакомятся съ статистикой они будутъ гораздо умнѣе, чѣмъ были до сихъ поръ, живя на скудномъ умственномъ продовольствіи римскаго права.

Интересны также и процентныя отношенія въ способахъ самоубійства:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Повѣсилось	2,806	552.
Утопилось	765	559.
Застѣвлялось	472	1.
Заколodось	11	1.
Отравилось	26	15.
Перерѣзало себя горло . . .	118	29.
Распоролo животъ	2	2.
Бросилось съ высоты	21	16.
Кинулось подъ экипажи . . .	12	5.
Вскрыло жилы	29	7.
<hr/>		
Всего	4,317	1,180.

Мужчины, какъ видно, охотнѣе всего вѣшаютъ, потому что изъ 4,317 самоубійцъ этакъ способомъ отравились на тотъ свѣтъ 65 проц.; у женщинъ же вѣшанье составляетъ только 46,8 проц., впрочемъ тоже не мало; способъ же самоубійства, обыкновенно приписываемый женщинамъ, какъ спеціально имъ свойственный и особенно любимый—утопленничество, всего однимъ процентомъ больше вѣшанья, именно 47,4; такъ что на эти два средства самоубійства женщинъ нужно смотрѣть, какъ на равносильныя. Мужчины топятъ значительно рѣже: въ нашемъ спискѣ утопленники составляютъ всего 17,7 процента. Но особенно громадную разницу между женщинами и мужчинами составляютъ самоубійства

огнестрѣльными орудіями и перерѣзаніе горла. Вообще женщины прибѣгаютъ рѣдко къ тѣмъ способамъ, гдѣ нужно проливать кровь.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ явился и новый способъ самоубійства. Вотъ данныя по Саксоніи:

1855 г. 1856 г. 1857 г. 1858 г. 1859 г. 1860 г.

Общее число бросившихся подъ вагоны						
17	11	13	13	15	16	
Убито						
16	8	13	13	13	16	

Родъ жизни и занятій имѣютъ такое важное вліяніе на здоровье и смертность, что извѣстнаго рода болѣзни находятъ обыкновенно въ тѣсной связи съ тѣмъ или другимъ ремесломъ. Въ періодъ 1855 до 1860 года умерло въ Берлинѣ 17,625 разнаго рода ремесленниковъ и людей извѣстныхъ профессій. Изъ нихъ 3,151 ч. отъ воспаленій и лихорадокъ; 896 ч. водянкой; 2,260 ч. отъ удара, удушливаго катара и паралича легкихъ; 6,087 ч. отъ горловой и легочной чахотки и сухотки; 1,293 отъ органическихъ страданій живота, мозга, сердца и позвоночнаго хребта; 379 ч. отъ рака и 1,293 ч. отъ старости и истощенія силъ.

Самыми счастливыми нужно считать, разумѣется, тѣхъ, кто умеръ отъ старости, потому что они умерли естественной смертью. Къ этимъ счастливымъ принадлежатъ: 1) Живущіе милостыней, т. е. нищіе, для которыхъ самой смертоносной болѣзью оказывается водянка; 2) типографщики, страдающіе преимущественно отъ чахотки; 3) кожевники, умирающіе тоже главнѣйше отъ старости, и за тѣмъ отъ удара, удушливаго катара и паралича легкихъ, 4) садовники и огородники отъ лихорадокъ, воспаленій и органическихъ болѣзней органовъ; 5) скорняки отъ чахотки; 6) учителя отъ болѣзней дыхательныхъ органовъ и паралича; 7) музыканты, пѣвцы, актеры отъ удара; 8) бумажные мастера отъ лихорадокъ и воспаленій; 9) позументщики отъ органическихъ болѣзней; рантье и партюлье т. е. всѣ живущіе доходами безъ личнаго труда отъ удара и паралича; 11) башмачники отъ водяной; 12) канатные и веревочные мастера отъ органическихъ болѣзней. Всѣ эти ремесла принадлежатъ къ наиболѣе благопріятной жизни; но первое мѣсто между ними занимаютъ рантье и нищіе, изъ которыхъ наибольшее число умираетъ естественной смертью т. е. старостью.

Такихъ выгодныхъ для здоровья и жизни ремеслъ оказывается только 12, за тѣмъ въ остальныхъ, болѣе чѣмъ въ 60, люди умираютъ преимущественно отъ болѣзней. Наибольшее число жертвъ поглощаетъ чахотка, и именно: чертыхъ, столяровъ, учениковъ (швольниковъ), перешетчиковъ, пигарныхъ и табач-

ныхъ мастеровъ, комнатныхъ живописцевъ, слесарей, токарей, наборщиковъ, мѣдниковъ, золотыхъ и серебряныхъ мастеровъ, цирюльниковъ, скульпторовъ, граверовъ, литейщиковъ, литографщиковъ, часовщиковъ, ламповыхъ мастеровъ, живописцевъ, бумаго-печатниковъ, печатниковъ типографій, жестяниковъ и музыкантовъ. Слѣдовательно 24 ремесла изъ 73, служившихъ для настоящаго расчета, убиваютъ людей преимущественно чахоткой. На сколько ремесла усиливаютъ смертность отъ чахотки показываетъ слѣдующее сравненіе. Въ періодъ 1843—60 г. изъ 205,395 человекъ, умершихъ въ Берлинѣ, чахоточные составили только 25,828 ч. или 12,58 процент.; тогда какъ изъ 17,625 ремесленниковъ, умершихъ въ 1855—60 г., чахотка поглотила 6,087 ч. или 34,54 процента, т. е. почти въ три раза больше.

Водянка оказывается особенно убійственной для рантье, нищихъ, чернорабочихъ, башмачниковъ, маляровъ, земледѣльцевъ, плотниковъ, купцовъ, сѣдельниковъ, позументщиковъ, булавочниковъ, перчаточниковъ, чиновниковъ, трубочистовъ, обойщиковъ, щеточниковъ. Такимъ образомъ въ этомъ списокѣ первое мѣсто занимаютъ рантье и нище, которые ведутъ наиболѣе покойную и не дѣятельную жизнь, обыкновенно при хорошей и питательной пищѣ; а эти условія способствуютъ наиболѣе водянкѣ.

Лихорадки и воспаленія нельзя принимать за болѣзни спеціально связанныя съ извѣстными ремесломъ, хотя, разумѣется, родъ занятій и можетъ способствовать болѣе или менѣе простудѣ. Поэтому лихорадки и воспаленія дѣйствуютъ довольно равномерно во всѣхъ сословіяхъ, поглощая вездѣ довольно значительную массу народа. Впрочемъ, не смотря на эту равномерность, отъ лихорадокъ и воспаленій умираютъ преимущественно сильно: военные, чернорабочіе, ученики и студенты, прислуга, булочники, слесари и кузнецы, садовники и огородники, шкипера, кондитеры, экипажные рабочіе и мастера, пивовары, бондари.

Есть еще родъ болѣзней, хотя и не особенно важный по числу жертвъ, но тѣмъ не менѣе заслуживающій вниманія, такъ какъ гдѣ опредѣляется степень народнаго развитія — бѣлая горячка, происходящая отъ пьянства. Упреки, дѣлаемые простому народу за пьянство, хотя вообще и справедливы; но только не каждое сословіе имѣетъ право ихъ дѣлать. Въ Пруссіи, напримѣръ, оказывается, что люди, считающіе себя образованными, повсе не такъ далеки въ этомъ отношеніи отъ простаго народа. Наибольшее число умираетъ отъ бѣлой горячки между чернорабочими и поденщиками, потомъ между купцами, чиновниками и писа-

ряни; за тѣмъ между трактирщиками и содержателями гостиницъ и улантъ; это такъ сказать специалисты по части пьянства. Остальные разбиваются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: мясники, прислуга, башмачники, цирюльники, золотыхъ дѣлъ мастера, рыбаки, шляпники, машинные мастера, музыканты и актеры, пивовары, бондари, печатники, мельники, комнатные живописцы, сѣдельники, жестянщики.

Родъ занятій имѣетъ вліяніе не только на свойство, но и на продолжительность болѣзни. Чѣмъ работа труднѣе, тѣмъ чаще и продолжительнѣе бываетъ болѣзь человѣкъ и болѣзанности эти усиливаются съ лѣтами. Такимъ образомъ въ періодъ жизни съ 15 до 85 л., или въ 70 лѣтъ труда рабочій въ легкой работѣ бываетъ болѣнь $4\frac{1}{2}$ года, а въ трудной $5\frac{1}{2}$ лѣтъ! Это число дней болѣзни распредѣляется совершенно правильно, какъ въ легкой, такъ и въ трудной работѣ, на два періода, изъ которыхъ второй вдвое продолжительнѣе перваго, именно: въ первые 25 лѣтъ, съ $15\frac{1}{2}$ до $40\frac{1}{4}$ л., при легкой работѣ число больныхъ дней 152, а во вторые 25 лѣтъ (съ $40\frac{1}{4}$ — $65\frac{1}{10}$) вдвое, или 312 дней; при трудной работѣ замѣчается то же самое: въ первые 25 л. больныхъ дней 189, во вторые—391. За тѣмъ ежегодное увеличеніе, число больныхъ дней усиливается еще больше съ лѣтами рабочаго.

Подобное разрушительное вліяніе работы на здоровье должно имѣть, разумѣется, сильное вліяніе на сокращеніе жизни рабочаго населенія. По расчету, сдѣланному о продолжительности жизни берлинскаго ремесленнаго населенія, оказывается, что булочники живутъ среднимъ числомъ 41 годъ, скульпторы столько же, мяновары 34, печатники 48, рыбаки 47, садовники 48, купцы 47, скорняки 38, граверы и литографы 33, лакировщики и маляры 45, слесаря и кузнецы 41, портные 46, наборщики 34, сапожники 49, столяры 44, плотники 46. Слѣдовательно, дольше всѣхъ живутъ сапожники и менѣе всѣхъ граверы, литографы и наборщики. Въ этомъ расчетѣ взяты собственно рабочіе люди т. е. тѣ, кто собственно занимается производствомъ, а не хозяева или лица, управляющія дѣломъ. Они, какъ и вообще всѣ тѣ, кто не заваленъ работой, кто болѣе или менѣе можетъ располагать своимъ временемъ, кто наконецъ обезпеченъ въ средствахъ и не знаетъ мучительной мысли о томъ, какъ и гдѣ добыть средства существованія для себя и для своего семейства — живутъ гораздо дольше тѣхъ несчастныхъ, которые родились и должны умереть рабочими. Спокойная жизнь, постоянное вѣрное содер-

жание, отсутствие напряжения въ трудѣ, вотъ условія продолжительной и здоровой жизни, если только человекъ самъ не съкратитъ ее бездѣтствомъ и развратомъ. Поэтому наибольшей продолжительностью жизни пользуются въ Пруссiи рантье и партикулярные пѣе которыхъ только 12% умираетъ до 50 лѣтъ, а 88% переживаютъ этотъ возрастъ; потомъ учителя и чиновники у которыхъ 70% живутъ долѣе 50 л., и ишiе, умирающiе до 50 лѣтъ въ числѣ 32%, а переживающiе эти лѣта въ числѣ 68 процентовъ. Совершенно противоположность этииъ избраннымъ составляютъ приготовители листоваго золота: изъ нихъ ни одинъ не доживаетъ до 50 лѣтъ; изъ табачныхъ рабочихъ умираетъ до 50 лѣтъ 92,39%, слѣдовательно изъ ста человекъ остается въ живыхъ 8; у пивоваровъ, граверовъ, литографовъ, наборщиковъ переживаютъ 50-ти лѣтнiй возрастъ только 12 человекъ изъ ста; какая разница съ людьми живущими доходомъ (рантье), у которыхъ отношенiе совершенно обратное т. е. 12 человекъ изъ 100 умираютъ до 50 лѣтъ. Разумѣется, эта страшная неуровнительность къ правѣ пользованiя жизнью была бы не такъ значительна, если бы при господствующей экономической системѣ рабочiй не изображалъ бы изъ себя живую машину, обязанную работать неустанно 12—14 часовъ въ день. Хозяева рассчитываютъ весьма правильно, что если рабочiй произведетъ въ 6 часовъ работы 6 единицъ труда, то въ 12 часовъ долженъ произвести вдвое. Противъ этого спорить нельзя; но за то несомнѣнно и то, что если при 6 часовой работѣ рабочiй прожилъ бы до 70 лѣтъ, то при 12 часовой онъ долженъ умереть до 35 лѣтъ. Хозяину это рѣшительно все равно, потому что вмѣсто умершаго найдется всегда новый охотникъ идти его же путемъ и врасрѣдѣ увѣренный, что ему придется умереть, не доживъ до 35 лѣтъ. Впноватыхъ въ такомъ порядкѣ дѣла нѣтъ никого, потому что всѣ глупы: глупы хозяева, глупы и рабочiе. Впрочемъ рабочiе начали уже понимать свое положенiе и, видя, что имъ не откуда ждать помощи, крѣпѣ самихъ себя, начали составлять разныя взаимно вспомогательныя общества, что, разумѣется, служить уже первымъ шагомъ къ ассоціацiи въ трудѣ на началахъ равномерности. Впрочемъ этотъ однако не относится къ предмету настоящей статьи.

Есть еще одно ремесло самое видное, какъ по числу лицъ имъ занимающихся, такъ и по тѣмъ разнообразнымъ влиянiямъ, которыми оно имѣетъ на многiя общественныя отношенiя, — ремесло это — военное.

Въ 1828 и 1829 годахъ Костръ опредѣлилъ среднюю смертность прусской арміи въ 1,3 процента; слѣдовательно умиралъ 1 изъ 77 солдатъ. Это отношеніе оставалось неизмѣннымъ почти до 1838 года. Въ послѣднее время смертность прусскаго войска уменьшилась: въ 1860 г. умирали въ немъ среднимъ числомъ 1 изъ 144; въ 1861 г. умеръ 1 изъ 160 или изъ 199,000 человекъ 1,251 ч. т. е. 0,63%. Отношеніе это можно считать чрезвычайно благопріятнымъ, потому что средняя смертность во всемъ населеніи Пруссіи составляла за то же время 1 изъ 149. Но при этомъ не нужно забывать, что армія формируется изъ людей въ возрастѣ самой большой силы, когда болѣзни и смерти дѣйствуютъ наименѣе. Потомъ нужно помнить, что армія своихъ старыхъ солдатъ не держитъ у себя, а отсылаетъ умирать въ отставку; слѣдовательно увеличиваетъ смертность гражданскаго сословія. Не смотря на эти мѣры прусское войско не можетъ нахвалиться ни особенной живучестью, ни особеннымъ здоровьемъ. Въ 1861 г. во всей прусской арміи было 244,680 случаевъ болѣзни, слѣдовательно при 199,000 составѣ на каждого солдата приходилось 1,23 больныхъ случаевъ. Изъ числа больныхъ уволены, какъ инвалиды, 2,540 человекъ или 1 изъ 78 ч. всей арміи. Въ особенности сильны въ прусской арміи смертоубійства и несчастные случаи. Изъ числа 1251 человекъ умершихъ въ 1861 г. самоубійцъ было 93 и умершихъ по несчастію 67 ч.; по расчету на все войско приходилось по этому 1 самоубійство на 2140 ч. и 1 несчастіе на 2970 ч. или 1 самоубійство на 13,45 и несчастіе на 18,67 всѣхъ умершихъ. Во всемъ же мужскомъ населеніи въ періодѣ 1816—60 г. было 1 самоубійство на 5,814 и несчастіе на 1,570 человекъ или 1 самоубійство на 178, и 1 несчастіе на 49 всѣхъ смертныхъ случаевъ. Между тѣмъ въ прусской арміи считалась самая слабая смертность изъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ войскъ. Такъ еще въ 1830 — 1848 г. смертность во французской арміи составляла 19,5 человекъ на 1000, въ Англіи 15,5, въ Пруссіи же только 11,7. Въ Россіи была въ то время наибольшая смертность, ибо на 1000 солдатъ приходилось 39 смертныхъ случаевъ. Въ новѣйшее время всѣ эти средніе выводы понизились, такъ что въ Англіи, гдѣ за періодъ 1839 — 53 г. средняя смертность составляла 17 на 1000, въ 1859 году было уже только 8 на 1000. У насъ въ 1858 г. смертность составляла 18 человекъ на 1000 человекъ всего войска. Впрочемъ, этотъ годъ былъ весьма благопріятный для малой смертности, потому что всѣ люди слабого сложенія и изнуренные прежними болѣзнями были уволены въ

продолжительные отпуски. Другое отношеніе было герець крымской войной; въ 1851 г. умирали 1 изъ 27, въ 1852 г. 1 изъ 27, въ 1857 г. 1 изъ 37 и въ благоприятный упомянутый выше 1858 годъ 1 изъ 48^{1/2}; въ прусской же арміи умирали: въ десятилѣтіе съ 1829 — 38 годъ среднимъ числомъ въ годъ 1 изъ 77, въ 1860 г. 1 изъ 144 и въ 1861 г. 1 изъ 160.

Чрезвычайно интересныя данныя издашь въ 1863 г. докторъ Шиммеръ относительно австрійской арміи. Данныя эти относятся къ періоду 1851 — 1857 г.

Въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ въ Австріи умирали:

въ арміи . . . изъ 626,925 ч. ежегодно 10,982

въ гражд. сословіи 5,077,683 ч. — 68,150.

Слѣдовательно, на 1000 человекъ приходилось среднимъ числомъ:

въ арміи 17,4 смертныхъ случая или 1 на 57,3 человека.

въ гражд. сосл. 13,4 — — — 1 на 74,5 —

Причина этой большей смертности, чѣмъ въ Пруссіи, должна заключаться главнѣйше въ продолжительнѣйшемъ срокѣ службы, потому что активная служба, безъ резерва, составляетъ въ Пруссіи только 3 года, тогда какъ въ Австріи она 8 лѣтъ, въ Англіи отъ 7 — 12, во Франціи 7 л. и въ Россіи (съ 1859 г.) 15 лѣтъ. Можно принять за вѣрно, что продолжительность службы усиливаетъ смертность не только въ самомъ войскѣ, но и въ гражданскомъ населеніи, ибо всѣ, утратившіе здоровье на службѣ и вышедшіе въ отставку съ болѣзнями, приобретаемыми ими въ продолженіи военнаго поприща, увеличиваютъ процентъ смертности въ гражданскомъ населеніи. Объясненіе этой большей смертности военныхъ нужно искать въ напряженности ихъ труда и въ казарменной жизни. Первое подтверждается слѣдующимъ сравненіемъ смертности по временамъ года. Изъ каждыхъ 1000 умершихъ мужчинъ въ 1851—57 г. (не считая холерный 1855) приходилось:

дѣтей до 5 лѣтъ. въ гражд. состоян. въ арміи:

отъ января до			
марта	271,0	275,9	260,0
— апрѣля —			
іюня	229,5	239,5	291,5
— іюля —			
сентября	264,6	222,5	209,0
— октября —			
декабря	235,8	262,1	289,5.

Въ войскѣ наибольшее число людей умираетъ именно тогда,

когда въ другія сословія нѣтъ умираетъ наименѣе. Шиммеръ приписываетъ это ученьямъ, которые начинаются съ особенной силой весной, и тѣмъ трудностямъ, которыя приходится перенести рекрутамъ и вообще молодымъ солдатамъ вслѣдствіе непривычнаго для нихъ новаго образа жизни, перемѣны климата, и тоски по дому; послѣднее дѣйствуетъ особенно сильно весной и въ началѣ лѣта, когда вся природа цвѣтетъ и благоухаетъ, когда каждая распускающаяся травка напоминаетъ молодому солдату его деревню, сельскую природу и близкіе люди, съ которыми онъ разстался. Размѣръ смертности въ войскахъ въ весеннее время дѣйствительно поразителенъ. Въ то время, какъ въ январѣ и въ февралѣ умираетъ ихъ изъ 1000 только по 80 человѣкъ: въ мартѣ уже 99, а въ апрѣлѣ и маѣ 104 и 103; за тѣмъ въ іюнѣ смертность падаетъ внезапно на 83. Наименьшее число въ сентябрѣ и въ октябрѣ—65 и 61.

Казарменная жизнь съ ея тѣснотой, нерѣдко испорченнымъ воздухомъ, помогаетъ тоже усилению смертности весной и развитію эпидемій. Шиммеръ приводитъ мнѣніе опытнѣйшихъ врачей, которые полагаютъ что внезапно увеличивающуся въ апрѣлѣ и маѣ смертность нужно приписать единственно отравленію организма испорченнымъ воздухомъ, которымъ солдаты дышали всю зиму въ переполненныхъ народомъ и излишне нагрѣтыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Если, положимъ, эта причина не есть единственная, то во всякомъ случаѣ весьма вліятельная, и наблюденія показали, что послѣ лѣтнихъ лагерныхъ мѣсяцевъ смертность значительно уменьшается и дойдя въ октябрѣ до minimum'a поднимается снова рѣзко съ 61 въ октябрѣ, до 86 въ ноябрѣ, и 91 въ декабрѣ, на тысячу. Кромѣ того казарменная жизнь, съ ея испорченнымъ воздухомъ, способствуетъ развитію эпидемій. По Шиммеру на 1000 человѣкъ умершихъ было:

	эпидеміями	мѣстными болѣз.	обыкн. болѣз.
Въ арміи.	143,2	13,0	843,8.
— гражданск. состояніи.	83,3	29,1	887,6.
и въ томъ числѣ:			
	холерой.	оспой.	другими эпидем.
Въ войскѣ.	81,2	5,4	56,6.
— гражданск. состояніи.	39,1	13,0	31,2.

Это значительное развитіе эпидемій между солдатами происходитъ исключительно отъ недостатка вентилациі и спертгаго, парнаго воздуха, составляющаго лучшую среду для развитія подобныхъ болѣзней. Теперь, разумѣется, никто не сомнѣвается уже въ

тожь, на сколько испорченный воздухъ и помѣщенія съ дурной вентиляціей способствуютъ развитію болѣзней дыхательныхъ органовъ. Въ Англіи напримѣръ казарменная жизнь способствуетъ вдвое большому числу смерти отъ чахотки; именно: когда изъ 1000 человекъ мужскаго населенія, отъ 20—30 лѣтъ, умираетъ ежегодно отъ чахотки только 5 человекъ, въ гвардейской пѣхотѣ умираетъ отъ этой болѣзни не менѣе 11,5. Въ нашемъ войскѣ чахотка составляетъ одну изъ главнѣйшихъ смертныхъ болѣзней: изъ 22,329 солдатъ, умершихъ въ 1858 г., умерло отъ чахотки легкихъ 6,170 ч. или 27,6%, отъ воспаления грудныхъ органовъ 2,285 ч. = 10,2% т. е. почти 38% отъ однихъ грудныхъ болѣзней; отъ горячекъ 3,882 ч., въ томъ числѣ отъ тифа 2,959 ч. или 17,4%, отъ поносовъ 2019 = 9%, отъ водяной 2,254 = 10,1%. Понятно, что существующая повсемѣстно усиленная смертность войскъ отъ грудныхъ болѣзней должна была обратить вниманіе на возможно здоровое размѣщеніе солдатъ въ казармахъ. Военными уставами во всѣхъ государствахъ опредѣлено число солдатъ на извѣстное помѣщеніе, или сколько кубическихъ единицъ воздуха должно приходиться на человека; но не говоря уже о томъ, что расчетъ этотъ вездѣ принять ниже дѣйствительно необходимаго, есть и другія причины, мѣшающія сдѣлать дѣло вполне. Первая и главная причина въ томъ, что казармы, выстроенныя вообще въ тѣ времена, когда на здоровье солдатъ не обращалось особаго вниманія, а чистому воздуху не давали никакого значенія, имѣютъ повсюду чрезвычайно несовершенную систему вентиляціи. Форточки не достигаютъ своей цѣли, потому что плохо освѣжаютъ воздухъ, и такъ называемыя вентиляторы т. е. жестяныя трубки съ вертушками ровно никуда не годятся. Поэтому комнаты никогда не освѣжаются вполне и сохраняютъ постоянно огромный процентъ порченнаго воздуха. Съ этимъ порченнымъ воздухомъ свыкаются тѣ, кому приходится наблюдать за чистотой въ казармахъ, и терпятъ его, какъ необходимое зло, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы ничего нельзя сдѣлать. Инженеры очищаютъ свою совѣсть тѣмъ, что вдѣлываютъ въ окна жестяные вентиляторы, а офицеры тѣмъ, что велѣтъ открывать этотъ ни къ чему негодный снарядъ; такимъ образомъ совѣсть успокоена; что же касается до воздуха, то, не смотря на чистую совѣсть архитекторовъ и офицеровъ, онъ все-таки никуда не годится, и, странное дѣло, между военными архитекторами не найдется ни одного человека, способнаго придумать систему такой вентиляціи, при которой въ комнату постоянно день и ночь во-

нялся бы теплый чистый воздухъ, чрезъ особые ходы печи, и чтобы въ то же время вытягивался бы востоянно испорченный. Вторая причина заключается въ недостатокъ средствъ и вслѣдствіе того въ невозможности помѣстить солдатъ вполне сообразно съ гигиеническими требованіями. Повсюду размѣръ военныхъ силъ не соответствуетъ средствамъ для ихъ содержанія; изъ европейскихъ государствъ только одна Швейцарія представляетъ исключеніе, а потому хотя мѣстами и понимаютъ зло, но терпятъ его, какъ непобѣдную.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ военномъ сословіи гораздо чаще самоубійства. Изъ 1000 умершихъ въ Австріи насильственной смертью было.

	По нес- частью.	Убитыхъ.	Казнен- ныхъ.	Само- убійцъ.	Отъ неизв. причинъ.
Въ войскѣ.	315,4	35,1	29,9	558,3	61,3
„ гражданск. состояніи.	698,1	75,1	16,0	120,9	89,9
И на 1000 умершихъ вообще:					
Въ войскѣ.	15,5	1,5	1,3	24,1	2,7
„ гражданск. состояніи.	1,3	1,3	0,3	2,7	11,7

У насъ самоубійства значительно рѣже: на 1000 умершихъ въ 1858 г. солдатъ приходилось только 9 самоубійствъ, слѣдовательно почти втрое меньше, чѣмъ въ Австріи. Къ сожалѣнію нѣтъ данныхъ, чтобы сказать чаще или рѣже самоубійства у насъ въ войскѣ, чѣмъ въ народѣ. Основываясь однако на статистическихъ выводахъ другихъ государствъ, нужно предположить, что и у насъ солдаты рѣшаются чаще кончать жизнь насильственно, чѣмъ остальное населеніе. Въ чемъ же нужно искать причину частаго самоубійства военныхъ? На этотъ вопросъ есть у Шиммера такой отвѣтъ.

Изъ ста случаевъ самоубійства поводомъ къ тому было:

	Въ арміи.	Въ граждан. населеніи.
Помѣшательство въ 43,0 случаяхъ.	44	
Отвращеніе отъ жизни, горе, заботы, болѣзни, несчастная любовь.	34,9	23,8
Дурное обращеніе и ссоры.	0,6	3,8
Пьянство.	2,3	8,2
Преступленія, страхъ наказанія.	14,0	8,1

Отвращеніе отъ жизни и страхъ наказанія можно считать по-этому одними изъ главнѣйшихъ особенностей болѣе частыхъ самоубійствъ между военными. Слѣдовательно, строгость обращенія и трудности жизни составляютъ спеціальныя причины военныхъ самоубійствъ. Наибольшее число самоубійствъ бываетъ въ армейской пѣхотѣ, т. е. тамъ, гдѣ служба всего труднѣе. Въ этомъ разрядѣ войскъ самоубійства составляютъ отъ 57 до 64%, въ кавалеріи отъ 14—18% въ артиллеріи 11,7 и 4,5%, у инженеровъ и пионеровъ отъ 3,5 до 1,9%. Связь очевидная съ трудностью службы.

Нынѣшняя система формировація и содержанія войскъ, провъ вліяній уже указанныхъ и дѣйствующихъ въ предѣлахъ собственно военной корпораціи, имѣетъ большую или меньшую связь съ экономіей остальныхъ народныхъ силъ. Есть случаи, когда убыточное вліяніе происходитъ несомнѣнно отъ войска, есть опять и такіе, гдѣ это вліяніе весьма вѣроятно. Напримѣръ въ Пруссіи, гдѣ въ военную службу поступаютъ люди отъ 20 до 25 л. въ этомъ возрастѣ замѣчена вообще слѣдующая смертность. Изъ 100 человекъ умершихъ вообще — мужчинъ и женщинъ приходилось:

	въ 18 ¹⁶ / ₀	18 ¹⁷ / ₃₀	18 ³¹ / ₄₀	18 ⁴¹ / ₅₀	18 ⁵¹ / ₆₀
Мужчинъ отъ 20 до 30 лѣтъ.	2,58	2,82	3,36	3,30	2,95
Женщинъ того же возраста.	2,32	2,43	2,68	2,76	2,42
Мужчинъ болѣе на	0,26	0,39	0,68	0,54	0,53

Слѣдовательно смертность въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ у мужчинъ на $\frac{1}{2}$ процента сильнѣе, чѣмъ у женщинъ. Въ абсолютныхъ величинахъ разница эта еще замѣтнѣе: въ теченіи указанного періода умерло мужчинъ отъ 20—30 л. всего 281,323, а женщинъ только 220,050 или на 59,273 менѣе. Нужно ли этотъ значительный перевѣсъ мужской смертности, именно въ періодъ возраста военной службы, приписать главнѣйшее ея вліянію? Утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ не позволяетъ недостатокъ наблюденій, но есть большое вѣроятіе предполагать, что доля военнаго вліянія въ этой усиленной смертности мужчинъ не мала.

Далѣе замѣчена постоянно усиливающаяся повсюду негодность, людей къ военной службѣ. Напримѣръ въ Пруссіи въ 1860 и 1861 г. обязаны были военной службой 1,100,650 человекъ, изъ нихъ совсѣмъ не явилось 121,437 ч., изъ остальныхъ 979,213 оказалось негодныхъ, и временно неявившихся 37,895,38,061 ниже

мѣры; 89,406 временно-неспособныхъ и назначенныхъ въ резервы, 438,784 временно-неспособныхъ и уволенныхъ еще на годъ, всего временно и совершенно неспособныхъ 602,646 человекъ изъ 900 тысячъ или 62%! Въ этомъ числѣ совершенно неспособные по физическимъ или умственнымъ недостаткамъ составляли 3,82%, а въ 1831 г. такихъ людей было только 2,73% и съ тѣхъ поръ число ихъ постоянно увеличивалось. Для военной службы набирается, какъ извѣстно, цвѣтъ и краса народной силы, люди, что-ни на-есть лучшіе; слѣдовательно, уменьшеніе числа годныхъ людей должно доказывать постоянное увеличеніе физическихъ недостатковъ въ населеніяхъ и нарожденіе все болѣе и болѣе слабыхъ людей. На это вліяютъ: развитіе мануфактурной дѣятельности и усиленіе городскихъ поселеній, поставляющихъ преимущественно людей неспособныхъ для военной службы; лишенія, недостатки, дороговизна жизненныхъ потребностей, голодные года: замѣчено, что люди, родившіеся во время дороговизны, бываютъ всегда слабого здоровья и обыкновенно негодны для военной службы.

Шиммеръ дѣлаетъ слѣдующее любопытное сравненіе. Изъ 10,000 родившихся больными умерло:

	Въ первый мѣсяцъ.		Въ первый годъ.			
	мальч.	дѣвоч.	вообще.	мальч.	дѣвоч.	вообще.
Въ гражданск. сословіи.	1,301	1,085	1,160	2,689	2,353	2,526
Въ войскѣ.	717	626	643	1,786	1,588	1,693

Изъ этого видно, какую разницу въ силѣ представляетъ военное и невоенное сословіе, и на сколько крѣпкіе, здоровые люди производятъ крѣпкое и сильное потомство. Дѣти военныхъ почти вдвое здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ дѣти остальныхъ сословій. Конечно удивляться этому нечего, если обратить вниманіе на то, что самый сильный и здоровый народъ поступаетъ въ войско. Но въ этомъ обстоятельствѣ заключается вмѣстѣ съ тѣмъ причина постоянно увеличивающейся слабости гражданского населенія. Это происходитъ частью потому, что сильные люди, поступающіе въ войско, пропадаютъ не только для экономической и хозяйственной дѣятельности страны, потому что посвящаютъ свои силы иному дѣлу, но и вымираютъ преждевременно, слѣдовательно ослабляютъ численность страны; а частью потому, что у людей, имѣющихъ наибольшую способность производить сильное и здоровое потомство, ограничено на то право. Вездѣ солда-

тамъ ограничено право вступать въ бракъ. Въ Австріи изъ 561,209 человекъ отъ 21—60 л. находящихся въ арміи, женатыхъ только 52,603 ч. или 9,4 процента; въ Пруссіи въ 1849 г. изъ 199,012 ч. войска было женато 18,432 ч. или 9, 6%₀; а въ 1861 г. изъ 213,133 ч.—14,564 или 6,80 процентовъ. Къ этому нужно прибавить, что браки у военныхъ менѣе плодородны. Въ періодъ 1851—57 года отъ 51,603 паръ у военныхъ родилось 9,451 живое дитя, а у 6,570,692 супружескихъ паръ гражданскаго сословія родилось 8,665,873 ребенка, слѣдовательно въ войска приходилось 1 дитя на 5,56 супружествъ, а въ гражданскомъ сословіи напротивъ 1 супружество на 1,32 дѣтей. Такимъ образомъ у военныхъ не всегда бываетъ даже по одному ребенку въ семействѣ, а у гражданскихъ ихъ среднимъ числомъ 4,05. Подобный фактъ повторяется и въ другихъ странахъ т. е. военные вступаютъ вездѣ туго въ бракъ и производятъ вездѣ мало дѣтей.

Такимъ образомъ здоровые люди гражданскаго населенія постепенно выбираются, и въ замѣнъ ихъ не поступаетъ новыхъ сильныхъ людей, потому что 91%₀ военныхъ не вступаетъ въ бракъ, и тѣ, что вступаютъ, производятъ дѣтей хотя и перваго сорта, но въ такомъ незначительномъ числѣ, которое уже никакъ не можетъ пополнить убыли отъ наборовъ. слѣдовательно уже по этой одной причинѣ, не говоря про вліяніе фабрикъ, люди могутъ наконецъ утратить свою первоначальную силу, если только не прилутся противъ этого мѣры.

Конечно ограниченіе права вступать въ бракъ способствуетъ развитію контрабандной любви но и этотъ выходъ не только не улучшаетъ силъ населенія, а скорѣе еще ухудшаетъ дѣло, потому что незаконные дѣти не только мрутъ въ большинствѣ числѣ, но еще и служатъ главнымъ источникомъ для пополненія населенія тюремъ и исправительныхъ домовъ. слѣдовательно очевидно, что незаконные дѣти не вознаграждаютъ потери происходящей отъ ограниченія возможности брака.

Численную потерю въ людяхъ при нынѣшней военной системѣ можно опредѣлять приблизительно такъ: военныя силы Европы т. е. постоянныя войска, находящіяся подъ ружьемъ, составляютъ (за исключеніемъ Турціи) 3,560,000 человекъ. Въ этой массѣ людей женатыхъ 8%₀ или всего 284,800 человекъ, тогда какъ въ гражданскомъ сословіи она образовала бы 1,780,000 семействъ. При теперешнемъ стѣсненномъ плодородіи 234,000 браковъ производятъ въ годъ 7,080 дѣтей, тогда какъ среднее годовичное плодородіе Европы составляетъ 1 ребенокъ на 20 взрос-

ныхъ жителей обоого пола. Слѣдовательно, принимая во вниманіе этотъ расчетъ, европейское войско, находясь въ условіяхъ совершенно одинаковыхъ съ остальнымъ населеніемъ, должно бы производить ежегодно не 7030, а 350,000 дѣтей; значить оно производитъ менѣе на 342,970. Если по тому же расчету плодородія 3,275,200 холостыхъ солдатъ создадутъ 32,750 дѣтей незаконныхъ находящихся къ законнымъ въ отношеніи 1 : 9, то потеря составляетъ все-таки ежегодно 310,220 дѣтей. Къ этому нужно прибавить усиленную смертность солдатъ, составляющую 0,8% болѣе, чѣмъ у невоеннаго сословія того же возраста или, на всю массу войска лишнихъ въ годъ 32,000 человекъ. Такимъ образомъ въ Европѣ годичная потеря въ людяхъ военнаго сословія въ мирное время составляетъ 342,220 человекъ болѣе противъ общенормальной.

Потери въ военное время какъ ни ужасны, особенно потому, что гибнетъ лучшее, сильное, взрослое населеніе, но едва ли онѣ превышаютъ убыль людей въ мирное время. Любопытно то обстоятельство, что и во время войны больше половины людей пропадаетъ вовсе не отъ непріятельскаго оружія. Вотъ цѣлый рядъ фактовъ. При завоеваніи Алжира Франція лишилась 100,000 солдатъ, изъ нихъ только 3,400 человекъ умерли отъ непріятельскаго оружія. Во время Испанской войны умерло у англичанъ отъ болѣзней 24,930 человекъ, а отъ ранъ только 8,999 человекъ; въ экспедиціи въ Вальхернъ изъ 39,219 человекъ погибло отъ руки непріятеля 217 человекъ, отъ болѣзней 4,175 человекъ и число больныхъ было 26,846 человекъ. Наполеонъ, вступившій въ Россію съ 400,000 войскомъ, имѣлъ въ Москвѣ подъ ружьемъ только 95,000 человекъ, между тѣмъ какъ всего было только одно большое сраженіе — подъ Бородино когда французы пришли къ Смоленску на обратномъ пути изъ Москвы, у нихъ было подъ ружьемъ только 40,000 ч. Изъ всей этой массы отъ оружія погибло менѣе десятой части. Наши потери были едва ли много менѣе, не смотря на то, что мы были дома. Въ главной арміи изъ числа 209,800 человекъ въ теченіи 5½ мѣсяцевъ убыло 169,510 ч.; въ лазаретахъ лежало 48,335 ч. Въ русской арміи, преслѣдовавшей Наполеона въ январѣ 1813 г., было всего только 15,000 ч. Въ первые 7 мѣсяцевъ крымской войны смертность у англичанъ только отъ однихъ болѣзней составляла 60%. Изъ 43,959 человекъ, отправленныхъ англичанами подъ Севастополь, умерло отъ ранъ 4,446, изъ нихъ въ сраженіяхъ 2,658; вся же остальная потеря составляетъ 33,637 человекъ. Въ са-

мыхъ кровопролитнѣйшихъ сраженіяхъ, какія только представляетъ исторія, погибаетъ только половина; все же остальное гибнетъ отъ дурной организаціи и суровыхъ лишеній. Слѣдовательно очевидно, что результаты, которыхъ достигаютъ воюющія стороны, могли бы быть достигнуты точно также половиннымъ числомъ людей. Все, что заболѣваетъ, составляетъ напрасную потерю въ людяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ трудности хозяйственныхъ распоряженій, и производитъ излишніе замѣшательства, безпорядки, недосмотры, которыя падаютъ опять на войско и создаютъ новыхъ больныхъ. Поэтому большое количество войска скорѣе мѣшаетъ успѣху, чѣмъ даетъ побѣду. Наполеонъ поступилъ бы, разумѣется, разсчитавше, если бы вмѣсто 400,000 полуодѣтыхъ и голодныхъ людей, привелъ бы съ собою только 100,000 сытыхъ и хорошо одѣтыхъ солдатъ: сто тысячъ гораздо легче снабдить всѣмъ нужнымъ, чѣмъ четыреста, а что войска гибнутъ именно отъ разнаго рода лишеній—дурной пищи, отсутствія помѣщеній и отъ изнуренія—это ясно. Большая масса людей не нужна еще и потому, что и убивать—то не всѣ умѣютъ. Напримѣръ во время какой-то войны англичанъ, гдѣ силы ихъ составляли 30,000 ч., американскій звѣропромышленникъ сдѣлалъ одному англійскому офицеру такое предложеніе: „видите этотъ пѣнь?“ спросилъ американецъ англичанина.—Видю, отвѣтилъ тотъ.—„Ну, смотрите“, и американецъ всадилъ въ него, на 200 шаговъ пулю въ пулю изъ шестиствольнаго карабина. „Я наберу вамъ 5,000 такихъ молодцовъ, какъ я, и мы кончимъ войну, вмѣсто вашихъ 20,000 и скорѣе и дешевле“. Англичанину такое предложеніе показалось забавнымъ. Нечего удивляться, что результаты обыкновенно не соответствуютъ усиліямъ. Дѣло было бы успѣшнѣе, если бы войска формировались по возможности изъ охотниковъ. Военное занятіе такое же ремесло, какъ и остальные; поэтому ядро всякой арміи и ея нравственную силу составляютъ преимущественно тѣ, кому военное ремесло по вкусу, и чѣмъ больше такихъ людей, тѣмъ войско будетъ здоровѣе.

И. Шелгуновъ.

НА ВОСТОКЪ

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВАГО ДНЕВНИКА.)

I.

Г. Солунь. 20 марта. 1859 г.

Солунь на первый же разъ угощаетъ путешественника такимъ спектаклемъ, отъ котораго онъ потомъ долго не опомнится. У меня, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще отдаются въ ухахъ дикіе вопли носильщиковъ, ругань пароходной команды, свистъ палогъ и плетей; мерещатся звѣрскія рожи, подбитые носы и свороченныя на сторону скулы, — точно я воротился съ какого нибудь дикаго побоища на берегахъ Ганга или Новой Зеландіи. Дѣло въ томъ, что въ Солунѣ носильщиковъ и лодочниковъ развелось такъ много, что они должны доставлять себѣ работу *съ бою*, и этотъ бой происходитъ всякій разъ, какъ только у пристани солунской останавливается пассажирскій пароходъ. Нашъ пароходъ не успѣлъ еще бросить якорь, какъ его окружила цѣлая сотня лодокъ; въ каждой лодкѣ сидѣло по нѣскольку носильщиковъ, и вся эта оборванная, полунагая толпа съ криками бросилась къ трапамъ и бортамъ судна, стараясь непрерывно другъ передъ другомъ, вскарабкаться на палубу и предложить пассажирамъ свои услуги. Пароходная команда, чтобъ удержать порядокъ, вооружилась палками и кнутами, разсыпалась по бортамъ, и тутъ-то началась такая бойня, какую рѣдко приходится видѣть на европейскомъ материкѣ. Матросы съ ожесточеньемъ тузили каж-

даго, кто только появлялся у борта; поднялся гвалтъ ужаснѣйшій; многіе, получивъ увѣснстые удары по головѣ или рукамъ, обрывались съ бортовъ и падали обратно въ лодки, увлекая за собою другихъ, тамъ они дрались уже между собою и опять таки карабкались на палубу съ другой стороны парохода. Съ удивленьемъ и страхомъ смотрѣли мы на эту бойню, а между тѣмъ, говорятъ, въ Солунѣ это дѣло очень обыкновенное и безъ кнута да палки съ этимъ народомъ ничего не подѣлаешь.

Кое какъ, наконецъ, собрали мы *) свои вещи и перѣехали на берегъ. Тамъ повторилась та же исторія. Около десяти носильщиковъ изъявили желаніе тащить наши вещи, тогда какъ ихъ легко могли нести три человѣка; уступить конечно никому не хотѣлось, и вотъ опять завязался споръ, потомъ драка, наконецъ отчаянная битва. въ которой приняли участіе даже посторонніе артысты. Неизвѣстно, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ къ намъ на выручку не явились два каваса здѣшняго паши. Тѣ покончили бойню очень просто: здоровенными палками они сбили съ ногъ главныхъ зачинщиковъ, другимъ влѣпили по чувствительному удару въ голову и сейчасъ же все стихло, всѣ разбѣжались, какъ неотвязные нищіе, которымъ бросили наконецъ искомую подачку. По распоряженію тѣхъ же кавасовъ, три дюжіе атлета взвалили на плечи наши чемоданы и тихой, верблюжьей походкой тронулись къ таможнѣ. Изъ любопытства я оглянулся на мѣсто побоища: тамъ уже какъ будто ничего не бывало, и бойцы, только что дравшіеся до крови, теперь дружелюбно толковали и смѣялись между собою, въ ожиданіи новаго случая подраться. Значить, у нихъ драка вошла уже въ обычай и сдѣлалась неизбѣжнымъ условіемъ промысла. «Какова же должна быть шкура у этихъ господъ?» думалъ я, съ невольнымъ уваженьемъ разглядывая массивную фигуру ближайшаго носильщика, спокойно взгромоздившаго на свои плечи два чемодана, въ которыхъ было около пяти пудовъ вѣсу. Мускулистый, загорѣлый, съ открытою, мокнатою грудью, едва прикрытый бѣлою рубахой и курткой, медленно шагаль онъ по ухабистой мостовой, шурѣдка останавливаясь, чтобы перевести духъ. На бронзовомъ лицѣ его, когда-то давно, выразились слѣды притуплаго терпѣнія, да такъ и замерли навсегда; туго, апатично ворочалъ онъ бѣлками, какъ волъ, которому дѣла нѣтъ

*) Я путешествовалъ не одинъ.

до того, что происходитъ вокругъ, лишь бы донести свою ношу; механически шагаль онъ и въ гору и нагору и только обильная испарина, выступавшая на лицѣ его, показывала, что это не машина, а живой организмъ. И такъ, иной разъ, по нѣскольку верстъ сряду тащаты онъ свою ношу, чтобы выручить заветныя 30 копѣекъ на ужинъ себѣ и своему семейству, которое гнѣдится, гдѣ нибудь подле пристани, въ обломкахъ разбитаго судна. Этимъ тяжелымъ промысломъ занимаются въ Солунѣ до тысячи атлетовъ и замѣняютъ въ городѣ ломовыхъ лошадей, перетаскивая съ мѣста на мѣсто громадныя тяжести, которыя едва ли подь силу и вьючному ослу.

Таможня солунская помѣщается *въ подворотнѣ*: иначе и не умно назвать этого страннаго помѣщенья. Въ городскихъ воротахъ сбоку выдолблено довольно широкое и грязное отверстие, черезъ которое путешественника вводятъ въ какую-то мрачную пещеру. Тутъ, во тьмѣ крошечной, совершается процессъ свидѣтельствванья товаровъ; народъ кишми кишитъ, стоятъ вѣсы, а въ углу, у микроскопическаго окошка, за конторкой сидитъ еврей и записываетъ помилну въ книгу. Наши чемоданы перерыли до ниточки и потомъ все-таки потребовали неизбѣжный бакчишъ, т. е. на водку *). Таковы первыя впечатлѣнія города.

За неизбѣнемъ въ городѣ гостинницъ, пришлось остановиться на подворьи русскаго афонскаго монастыря. Подворьемъ называется здѣсь простой обывательскій домъ, въ которомъ останавливаются проѣзжіе монахи и богомольцы, и надо признаться, что эти дома сущее благодѣянье для путешественниковъ, которымъ иначе пришлось бы ночевать чуть ли не на открытомъ воздухѣ. Домъ вѣтхій, сарюченный на бокъ, однако онъ ничѣмъ не хуже большинства другихъ солунскихъ домовъ; въ немъ нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ съ низенькими диванами по стѣнамъ; въ окнахъ рамы безъ стеколъ; подъ кровлей оставлены широкія щели, для того чтобы въ комнатахъ былъ сквозной вѣтеръ, который лѣтомъ доставляетъ жильцамъ пріятную прохладу, а зимой заставляеть ихъ трястись отъ холода. Только все въ этомъ домѣ будто не жилое, ни въ чемъ не видно и тѣни той хозяйской осѣдлости, которая составляетъ всю привлекатель-

*) Солунская таможня находится на откупѣ въ частныхъ рукахъ и потому въ ней такъ старательно осматриваются вещи. Въ казенныхъ таможняхъ надсмотрщики рѣдко заглядываютъ въ чемоданы, а прямо протягиваютъ руку съ требованьемъ бакчиша.

ность дома, и стоит онъ будто пустая раковина, давно покинутая своимъ жильцомъ. Въ этой раковинѣ однако, вмѣсто червя, сидитъ полуживая старуха въ черныхъ лохмотьяхъ, которая смотритъ за домою и получаетъ за свое смотрѣнье какое-то мизерное жалованье. Какъ видно за долго до насъ никто не тревожилъ старуху, и она сначала было перепугалась, глядя на наше пришествіе, но потомъ увидѣвъ, что гости «добрые», то есть не кричатъ и не дерутся, стала посмѣлѣе, а подъ вечеръ пустилась даже въ разговоры. И чего-то, чего не наговорила намъ эта старуха.

— Двадцать лѣтъ живу въ этомъ домѣ, а всего только въ третій разъ вижу мірянъ, — бормотала она, вклеывая въ греческій разговоръ славянскія слова — признавъ, что она принадлежитъ къ типу «переродившихся славянъ».

— А монахи-то навѣщаютъ тебя, бабушка?

— Какъ же, навѣщаютъ; хоть рѣдко, а нечего гнѣвить Бога: вижу ихъ иногда. Да я, признаться, и рада, что ко мнѣ рѣдко гости заглядываютъ: старухѣ покой надо.

— Да и домъ-то вашъ старый; тоже покоя просить.

— Все тутъ старое, потому что самъ городъ очень старый.

— А давно развѣ выстроены вашъ городъ?

— Давно, у-у какъ давно. Были, ты знаешь два царя, Кастрои Салона; и пришли они сюда строить городъ еще за долго до Христа. Вотъ и начали они строить городскую стѣну, еще молодые были: одинъ повелъ стѣну на лѣво, а другой на право, и строили они эту стѣну такъ долго, что когда сошлись потомъ съ двухъ разныхъ сторонъ, то были уже сѣдыми стариками и не узнали друг друга. А потомъ тутъ жилъ греческій царь Федосій и сдѣлалъ онъ здѣсь двѣсти грѣховъ, а за эти двѣсти грѣховъ построилъ онъ въ стѣнахъ городскихъ ровно двѣсти церквей, въ которыхъ каждый праздникъ шли службы церковныя...

И долго еще намъ рассказывала старуха исторію Солуня, войну съ турками, перечислила всѣхъ солунскихъ архіереевъ, бывшихъ при ней и проч. Оказалось, что она была воплощенная «книга бытія» солунскаго. Отъ нея узнали мы, что въ былыя времена жилъ здѣсь постоянно русскій драгоманъ Арбузовъ, который за немѣньшею дѣла долженъ былъ выѣхать обратно въ Россію; что въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ не было здѣсь ни одного русскаго путешественника, и что три года тому назадъ пріѣзжалъ сюда какой-то

князь русскій, который даже хотѣлъ было осматривать здѣшнія мечети, но не пошелъ въ нихъ только потому, что тамъ негдѣ было записать своего имени «на память вѣкамъ отдаленнымъ»...

Вечеромъ старуха повзала своихъ родственницъ: маленькую племянницу Орсану и такихъ же двухъ старухъ, какъ сама, — для того, чтобы покормить ихъ на счетъ прїѣзжихъ гостей, и надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ эта голодная семья усѣлась за ужинъ. У нихъ составилъ настоящий праздникъ, а намъ прїятно было видѣть, что своимъ прїѣздомъ мы хоть этимъ старухамъ доставили нѣкоторое удовольствіе.

Марта 22

Мало по малу начинаю знакомиться съ городомъ, надъ которымъ пронеслось слишкомъ 20 вѣковъ; обошелъ его древности, узналъ, чѣмъ былъ городъ прежде и чѣмъ онъ сталъ теперь и убѣдился, что между прошлымъ и настоящимъ его положеніемъ такая же разница, какая между дворцомъ солунскаго паши и нашимъ убогимъ подворьемъ. Есть здѣсь замѣчательный пантеонъ языческихъ временъ, обращенный потомъ въ христіанскій храмъ и наконецъ въ мечеть; есть соборъ Софія и Дмитріевская базилика съ роскошными мозаиками и изящными колоннадами, уцѣлѣлъ даже среди улицы остатокъ старинной арки съ прекрасными изваяніями, и много другихъ замѣчательныхъ остатковъ древности, и всѣ эти остатки старинной архитектуры доказываютъ, что Солунь не всегда была похожа на груду мусора, и имѣла много прекрасныхъ зданій, а исторія гласитъ, что прежде онъ дѣйствительно процвѣталъ и былъ даже любимымъ мѣстопребываніемъ царя Феодосія Великаго. Какимъ образомъ этотъ когда то славный и богатый городъ дошелъ до такого мизернаго существованія, и превратился въ одинъ изъ нещастнѣйшихъ турецкихъ городовъ, — объяснить трудно. Если бы даже Солунь ежегодно и съ умысломъ вводилъ у себя разныя ухудшенія, то и тогда въ четырехъ лѣтъ едва ли могъ онъ довести себя до такого безобразія, каковымъ теперь кажется. Остается предположить только, что султанъ Амуратъ 2-й, овладѣвшій Солунемъ чрезъ предательство одного здѣшняго монаха, разрушилъ прежній городъ до основанія и на мѣстѣ стертыхъ съ земли строеній турки потомъ понастроили свои уродливыя мазанки и между ними проложили кривыя лазейки шириною въ два аршина, носящіе теперь названіе улицъ. И съ тѣхъ поръ

Турція плотно запустила въ Солунь свои лапы, передумала прежнихъ патриотовъ, надъ остальными размахнулась вкнутомъ и паякой, и вотъ населеніе его измельчало, ступсвалося и постепенно начало принимать восточный колоритъ. Теперь Солунь уже чисто восточный городъ, и если бы кто вздумалъ призвать его къ иной болѣе лучшей жизни, то на этотъ призывъ не отозвалось бы здѣшнее человѣчество. Оттого-то нынѣшніе греческіе патриоты не любятъ Солунь и мало надѣются на него.

Какъ турецкій городъ, Солунь строго сохраняетъ всѣ типичныя черты турецкихъ поселеній, по въ немъ есть особенность, которая нѣсколько отличаетъ его отъ другихъ городовъ. Солунь очень любитъ еврей, и эта любовь простирается до того, что изъ 60 тысячъ обывателей города — двѣ трети составляютъ еврей *). Поэтому въ Солунѣ преобладаетъ мелкая промышленность; въ каждомъ домѣ, особенно на главныхъ улицахъ, устроено по нѣскольку лавокъ, гдѣ мизернымъ образомъ промышленяетъ это предприимчивое племя; кромѣ того есть еще отдѣльные базары, занимающіе цѣлые кварталы, откуда, не смотря на стѣсненія со стороны таможни, товары развозятся на всю Македонію, и гдѣ въ теченіи дня собирается почти все городское населеніе. Оттого-то на здѣшнихъ улицахъ замѣтно оживленное движеніе, и даже турки здѣшніе принуждены были выдти изъ своей обычной апатіи и живѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Вотъ что здѣлало преобладаніе евреевъ. За то и грязи же сколько!

Кто не видалъ восточнаго базара, тотъ не можетъ представить его себѣ, не смотря ни на какія картины и описанія. Вообразите себѣ длинную, узкую, извилистую галерею, состоящую изъ деревянныхъ, сквозныхъ построекъ самой однообразной формы; вверху кровли домовъ сходятся такъ близко, что оставляютъ только небольшія щели, которыя также прикрыты досками или вѣтками плюща и винограда, такъ что свѣтъ пробивается только въ мелкія скважины между ними. Вѣроятно, такъ устраиваются базары для защиты отъ дождя и солнца, только эта защита мѣстами такъ сильна, что улицы походятъ на подземные туннели. По обѣимъ сторонамъ этихъ туннелей, въ открытыхъ лавкахъ, разложены всевозможные товары и производится промышленность всякаго рода. Тутъ въ продолженіи

*) Въ Солунѣ считается только 7,000 турокъ и до 10,000 христіанъ; остальные жители города — еврей.

для безконечной толпой снуеть народъ, движутся ослы и мулы съ вьюками, и все это до нельзя озабочено, продаетъ, покупаетъ, толкается, ругается, визжитъ, а путешественникъ, попавшій въ этотъ водоворотъ, становится въ тупикъ отъ множества предметовъ для наблюденья.

Первое, что бросается въ глаза нашему брату, это изумительные контрасты, которые здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу. Мы привыкли видѣть въ нашихъ торговыхъ рядахъ извѣстный порядокъ и подборъ товаровъ, здѣсь же точно кто нибудь ради смѣха размѣстилъ промыслы и товары въ такомъ безпорядкѣ, какого нарочно не выдумать. Подлѣ ювелира, напримѣръ, продаютъ битую баранину; рядомъ помѣщается кузница, и дымъ отъ нея столбомъ валитъ въ сосѣднюю кондитерскую, гдѣ проконтѣлый грекъ только что выложилъ для приманки свои пряники; за нею помѣщается цирюльня, далѣе слесарь пилитъ кусокъ желѣза и т. п. Вотъ проходій мулъ вздумалъ поваляться и растянулся въ лужѣ вверхъ ногами; кирпичи, бывшіе на его спинѣ, рассыпались, и погонщикъ съ яроу бранью хлещетъ веревкой непокорнаго; рядомъ, не смотря на общую суматоху, оборванный жидокъ присѣлъ на камушекъ и доѣдаетъ кусокъ баранины, а разнощикъ абрикосовъ въ упоръ ему вытягиваетъ оглушительное завыванье. Далѣе, высунувшись бокомъ въ улицу, стоитъ огромная печь, и въ ней покрытый сажею субъектъ стряпаетъ для желающихъ кушанье; мимоходомъ толкаютъ и задѣваютъ его всѣ проходіе, но онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ жаритъ кусокъ какой-то падали и надѣляетъ ею голодныхъ. Подлѣ печи сидитъ нищій и судорожно наигрываетъ что-то на скрипичѣ; а за нимъ какой-то англичанинъ наводитъ бинокль на остатки барельефа, отысканнаго имъ въ стѣнѣ. Вотъ монахъ палкой расталкиваетъ народъ, идетъ мальчишка съ образомъ и за нимъ два могильщика гашутъ покойника въ сопровожденіи рыдающей родни. Но всего описать невозможно. Я по цѣлымъ часамъ засматривался на это обиліе разнохарактерныхъ сценъ, особенно на главной улицѣ, прорѣзывающей весь городъ отъ воротъ до воротъ, и меня всего болѣе удивляло то, что, не смотря на такое близкое сосѣдство противоположностей песовмѣстимыхъ, нѣтъ, повидимому, нѣмѣшаетъ другъ другу, каждый занятъ исключительно собственными интересами, не обращая никакого вниманія на затѣи сосѣда. И надо замѣтить, что все это происходитъ въ улицахъ шириною не болѣе сажени, и что

по серединѣ этихъ улицъ проложены еще грязныя канавки для стока нечистотъ, которыя всѣ стараются обходить.

Эти несчастныя канавки составляютъ непремѣнное украшеніе каждаго турецкаго города, а Солуня въ особенности, потому что въ Солунѣ нечистотъ болѣе, чѣмъ въ десяти турецкихъ городахъ, взятыхъ вмѣстѣ. Почти изъ каждаго дома проведены на улицу желоба, и изъ этихъ желобовъ фонтанами хлещутъ помои и всякая нечисть, а потому жидкость въ канавкахъ никогда не иссякаетъ. Съ какимъ ужасомъ я смотрю на эти странныя водопады. Идешь спокойно и не замѣчаешь предательскаго желобка, какъ вдругъ передъ самымъ носомъ начинается изверженіе, и гуляющая публика по неволѣ отшатывается въ сторону. Кромѣ своего прямаго назначенья, быть проводникомъ нечистоты, эти канавки, какъ я замѣтилъ, приносятъ городу и другую, косвенную пользу. Онѣ поддерживаютъ влажность въ улицахъ; изъ нихъ утоляютъ жажду городскія собаки; дѣти въ нихъ плещутся и пускаютъ кораблики; но что всего замѣчательнѣе: мѣстныя хозяйки стираютъ въ нихъ свое бѣлье, и такимъ образомъ опять вносятъ въ свои семейства частицу той грязи, которую сообщица выработываетъ городъ.

Прекрасный полъ встрѣчается на улицахъ рѣдко; онъ слѣдитъ за городскою жизнью большею частію съ высоты прозрачныхъ балконовъ, которыми украшены въ Солунѣ многіе дома; что же касается до мужскаго населенья города, то оно на оборотъ въ теченіи дня рѣдко заглядываетъ домой, и съ утра до вечера толкается на базарѣ, который замѣняетъ для него и клубы, и всѣ общественныя удовольствія. Тутъ оно и обѣдаетъ, и мѣняется новостями, и промышленяетъ, чѣмъ попало. Многіе даже совсѣмъ не имѣютъ квартиръ и всю жизнь цѣликомъ проводятъ на вольномъ воздухѣ. Впрочемъ эти бездомные промышленники теряютъ очень немного; дома солунскіе устроены такъ, что вѣтеръ въ нихъ гуляетъ свободно и домовладѣльцы такимъ образомъ ничѣмъ не защищены отъ зимнихъ непогодъ. Богачи, конечно, понастроили себѣ палаты съ возможнымъ комфортомъ, но ихъ жизнь другаго сорта, и въ Солунѣ они составляютъ незначительное меньшинство, а я говорю о тѣхъ пролетаріяхъ низшаго класса, которыхъ надо считать сотнями на каждаго богача, и которые составляютъ основной слой Солуня. Имъ, говорятъ, зимою приходится до того плохо въ этихъ домикахъ, что они по цѣлымъ недѣлямъ жмутся около кухоннаго очага, поддержи-

вая въ немъ огонь неугасимый; а если зима бываетъ особенно холодна, то народъ толпою ломится въ лавки, гдѣ продаются уголья, и добываетъ себѣ это топливо съ бою, вырывая его другъ у друга. Но такова уже сила упорства въ этомъ народѣ, что лучше будетъ онъ трястись цѣлую зиму, подобно тому, какъ предки его тряслись испоконъ вѣку, — чѣмъ рѣшится вставить стекла въ окна или выстроить печку. Боятся Востокъ нововведеній...

Шляясь по городу, наткнулся я на греческую церковь и зашелъ въ нее. Христіанскую церковь въ настоящее время трудно замѣтить, потому что по постройкѣ она ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ домовъ: крестовъ на ней не видно, колоколовъ нѣтъ; однако замѣтивъ толпу нищихъ, собравшихся у крыльца, я сразу узналъ, что тутъ церковь. Черезъ темныя сѣни вошелъ я въ просторную залу съ прямымъ потолкомъ, который поддерживается двумя рядами деревянныхъ колоннъ; вдали громоздится аляповатый иконостасъ, а наверху по стѣнамъ храма, устроены хоры, закрытые высокою, непроницаемою для глазъ сѣткою. За этою сѣткою, на хорахъ, обыкновенно помѣщаются женщины, чтобы не развлекать грѣховными помыслами молящихся внизу мужчинъ. Службы въ церкви не было, однако народу въ ней толпилось довольно много; у стѣны сидѣли бабы съ ребятами, два крестьянина, присѣвъ на корточкахъ, пересчитывали деньги; нѣкоторые закусывали, другіе спали, словомъ, всѣ справляли свои житейскія обязанности, точно у себя дома.

— Что они службы что-ли ждутъ? спросилъ я у старика, стоявшаго по сосѣдству.

— Нѣтъ, службы сегодня никакой не будетъ, — отвѣтилъ тотъ, съ любопытствомъ поглядывая на меня.

— За чѣмъ же здѣсь народъ?

— Да вѣдь это сельскіе. Приходятъ издалека, знакомыхъ нѣту, остановиться негдѣ, — вотъ и живутъ въ церкви, пока справятъ свои нужды. Вы вѣрно не здѣшній?

— Нѣтъ не здѣшній.

— Тамъ пойдемте, я васъ къ чудотворному образу сведу, можете помолиться желаете.

Онъ повелъ меня за колонны, гдѣ въ лентахъ и разныхъ сельскихъ украшеньяхъ стоялъ большой образъ, на которомъ впрочемъ ничего разсмотрѣть было не возможно. Меня удивило то, что весь образъ былъ безцеремонно залѣпленъ разными монетами, и услуж-

ливый старикъ послѣшилъ объяснить мнѣ, что мѣстные поселене, желая показать, что они жертвуютъ деньги не священникамъ, а самому образу, наклеиваютъ на него воскомъ свои жертвы; а священники отдираютъ отъ образа эти жертвы уже тогда, когда ихъ накопится достаточное количество.

На полу у образа лежали два поселенина съ худыми, изнуренными лицами. Они жалобно посмотрѣли на меня и сейчасъ же отвернулись. У одного въ рукахъ я замѣтилъ псалтырь славянской печати.

— Это больные, — шепнулъ мнѣ старикъ: — съ лихорадкой-то сегодня привезли, а другой уже четвертые сутки лежитъ; и все еще кашляетъ.

— За чѣмъ же они лежатъ здѣсь? спросилъ я.

— Идутъ исцѣленья у заступницы.

— А!.. ну и что же, исцѣляются?

— Известно, по вѣрѣ бываетъ: иной выздоровѣетъ, другой нѣтъ, какъ заступница захочетъ...

Осматривая церковь, я замѣтилъ еще одну странность. Дряхлая старушка, въ родѣ смотрительницы нашего подворья, походивъ по церкви, отправилась прямо въ алтарь и тамъ преспокойно усѣлась на табуретѣ вязать чулокъ. Я глазамъ не вѣрилъ, помня очень хорошо, что женщинамъ нельзя входить въ алтарь, но каково было мое удивленье, когда старикъ объявилъ мнѣ, что эта старуха прислуживаетъ священникамъ за службой, въ качествѣ попомаря.

— Да вѣдь она женщина?

— Ну какая жъ это женщина? Она старушка строгая; все одно что мужчина.

Воротился домой уже поздно. Наша старуха объявила намъ, что сегодня послѣ заката солнечнаго начнется турецкій праздникъ рамазанъ, и затѣмъ въ теченіи сорока дней турки будутъ поститься и только по ночамъ кутить и праздновать. Въ самомъ дѣлѣ, только что солнце скрылось за берегами Кассандры, по городу раздалось три пушечныхъ выстрѣла, на верхушкахъ минаретовъ зажгли огни въ видѣ кружковъ и на улицахъ послышались пѣсни и говоръ. Даже въ настоящую минуту подъ моимъ огнемъ стоятъ нищие-музыканты, и поютъ какія-то дикія пѣсни съ аккомпаниментомъ турецкаго барабана. Въ Солунѣ впрочемъ и безъ того на каждой недѣлѣ бываетъ три праздника сразу: по вятницамъ празднуютъ турки, по суббо-

тамъ — евреи, а по воскресеньямъ — христіане. Большинство обывателей правдуется всѣ три дня.

25 марта.

Есть ли въ Солунѣ своя мѣстная аристократія? есть ли въ немъ капиталисты, у которыхъ интересы и потребности жизни лучше, чѣмъ у остальной массы населенія?—это осталось для меня тайною. Всѣ осѣдаые обыватели Солуня, на сколько можно судить объ этомъ по уличной жизни народа, такъ близко подходят одинъ къ другому по своему образу жизни, по своему озабоченному голодному виду, по своимъ привычкамъ и средствамъ, что Солунь легко можно назвать городомъ мелкихъ промышленниковъ и пролетаріевъ пизнаго сорта.

Мнѣ кажется, что если бы какой нибудь мазурикъ вздумалъ выворотить наружу карманы солунскихъ горожанъ, то этотъ мазурикъ нашелъ бы въ каждомъ карманѣ одинаковое количество монетъ; разница вышла бы небольшая. Конечно есть и исключенія, но только эти исключенія не выдаются изъ общаго уровня, причуть свои капиталы и также бѣгаютъ и хлопочуть, какъ и остальной народъ. Въ самомъ дѣлѣ на здѣшнихъ улицахъ рѣдко можно встрѣтить какого нибудь туза, съ барскими замашками и самодовольнымъ взглядомъ; еще рѣже встрѣчаются европейцы, и общій уровень толпы выгладитъ какимъ-то оторопѣлымъ, запуганнымъ взглядомъ: каждый точно боится за самого себя, недоволенъ чѣмъ-то и какъ угорѣлый мечется изъ лавки въ лавку, изъ улицы въ улицу. Это однообразіе населенія конечно отразилось и на постройкахъ солунскихъ: всѣ дома и лавки имѣютъ одинаковый, будничныи видъ и лѣнятся другъ ко другу, какъ инвалиды на инспекторскомъ смотрѣ; площадей никакихъ нѣтъ, садовъ не видно, даже городскія мечети, передѣланныя изъ старыхъ греческихъ церквей, и тѣ кругомъ застроены сплошною массою этихъ лачугъ и едва-едва высять надъ ними свои куполы и минареты. Правда, на главной улицѣ есть нѣсколько домовъ европейской архитектуры, выстроенныхъ недавно иностранцами, но эти изящныя постройки такъ же идутъ къ общему колориту города, какъ живые цвѣты къ лицу безобразной старухи.

Въ городѣ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ общественныхъ учрежденій: ни больницъ, ни библиотекъ, ни театровъ, ничего такого, что бы существовало на общественныя суммы; каждому предоставлено заботиться о себѣ и своемъ семействѣ, какъ ему угодно, и хотя съ

горожанъ, какъ и со всѣхъ подданныхъ султана, собираются ежегодныя подати, но эти подати исчезаютъ въ Константинополѣ, какъ въ пропасти бездонной и народъ пользы отъ нихъ не видитъ. Здѣшніе греки уже на собственные сборныя деньги устроили двѣ школы, мужскую и женскую, и выписали для нихъ учителей изъ Аѳинъ, но въ этихъ школахъ преобладаетъ элементъ богословскій, какъ и во всѣхъ почти греческихъ школахъ; турки изучаются въ своихъ мечетяхъ, зазубривая наизусть строки изъ корана, а евреи пожираютъ талмудъ и слушаютъ своихъ раввиновъ. Такимъ образомъ вся руководящая сила народа находится въ рукахъ мѣстнаго духовенства и только отъ него народъ почерпаетъ всю мудрость житейскую. Оттого-то они всѣ и живутъ, какъ странники, ожидающіе лучшей жизни только за гробомъ; оттого-то надъ ними, какъ бичъ какой, свободно тяготѣетъ, гнетущая сила константинопольскаго деспотизма, которая распоряжается жизнью подвластнаго ей человечества, какъ своею собственностью, фанатично придавливаетъ все, что напоминаетъ прогрессъ еретическаго запада и безнаказанно творитъ самыя вопиющія дѣла... Оттого-то, наконецъ, этотъ мизерный народъ потерялъ самую способность относиться критически къ мѣстному беззаконію.

Въ Солунѣ постоянно живетъ нѣсколько европейскихъ консуловъ съ своими семействами, — но какъ уживаются эти представители цивилизации среди такого варварскаго общества — это для меня не понятно. Конечно, они могутъ завести у себя дома всевозможный комфортъ, могутъ выписывать газеты, но вѣдь эта домашняя изолированная жизнь наконецъ наскучитъ, захочется какихъ нибудь другихъ развлеченій, а этихъ развлеченій въ Солунѣ нѣтъ: здѣсь даже гулять негдѣ, потому что окрестности города до такой степени печальны и пусты, что не стоитъ заглядывать туда. Поэтому консулы по большей части сидятъ дома и только изрѣдка показываются съ своими семействами на стѣнахъ города, откуда любуются гаванью и ея жизнью.

Сегодня и я влѣзалъ на стѣны, и видѣлъ такимъ образомъ то единственное мѣсто, откуда здѣшній людъ можетъ еще наслаждаться жизнью. Стѣны широкія, массивныя и, какъ видно, прежде могли служить надежной опорой городу, а теперь они мѣстами погнулись и обвалились до такой степени, что сами требуютъ опоры отъ города. Какова эта опора можно судить по тому, что на мѣстѣ обваловъ теперь поставлены простыя деревянныя рѣшетки, въ родѣ нашихъ палисадниковъ.

Гуляя по стѣнамъ, солунская публика конечно старается смотрѣть только на заливъ и заботливо отворачиваетъ носы и глаза отъ тѣхъ прелестей, какія сложены подъ стѣнами. Тутъ на небольшомъ пространствѣ между домами и стѣнами точно пропеслась моровая язва и покрыла его трупами всевозможныхъ животныхъ. Какихъ звѣрей, какихъ тутъ птицъ я не видалъ! Сюда свозится весь излишекъ городского мусора, потрохи изъ мясныхъ лавокъ, всякая падаль и проч., и все это гниетъ себѣ на просторѣ, сообщая городу тотъ элементъ дыханія, съ которымъ съ колыбели сроднилось здѣшнее человѣчество, и безъ котораго оно, кажется и жить не можетъ. Дѣлать нечего и я отвернулъ носъ и повернулъ глаза къ заливу.

Надо признаться, что безъ этого неудобства прогулка по стѣнамъ могла бы доставить полное наслажденье. Отсюда открывается вдѣ на весь солунскій заливъ; тутъ просторъ и отрада, тутъ усталому взгляду можно отдохнуть отъ тѣхъ пестрыхъ и неприглядныхъ картинъ, которыя утомляютъ его на городскихъ улицахъ, а легкій освѣжающій вѣтерокъ позволяетъ груди вздохнуть шире и свободнѣе. Заливъ покрытъ судами разныхъ флаговъ, за исключеніемъ русскаго, *) коегдѣ дымятся пароходы и идетъ выгрузка судовъ. Я нѣсколько минутъ наблюдалъ, какъ оригинально атлеты-носильщики выгружали одно греческое судно. Они притянули его, какъ можно, ближе къ берегу, потомъ, стоя по поясъ въ водѣ, принимали на свои плечи тюки съ товарами и тащили ихъ къ таможнѣ тѣмъ же спокойнымъ, твордымъ шагомъ, будто шли по улицѣ. На пристани движенье и толпы народа, еотни лодокъ отчалили отъ берега и въ перегонку помчались въ глубь залива: они замѣтили вдали подѣзжающій пароходъ и вѣроятно устроятъ ему такую же встрѣчу, какую и намъ устроили. То-то опять бойня начнется.

Между тѣмъ внизу, подъ стѣнами, происходила работа другаго рода. Тамъ, въ полусвѣтѣ, человѣкъ шесть евреевъ собирали кости, чтобы продать ихъ на какое нибудь судно. Процессъ собиранія происходилъ не такъ просто, какъ это у насъ дѣлается; аферисты сначала собрали и разложили вокругъ себя цѣлую кучу валяющейся падали, а потомъ, вооружившись ножами, отдѣляли гнилое мясо отъ костей и такимъ образомъ добывали искомый товаръ. Я поспѣшилъ уйти по-

*) Въ то время пароходы „Русскаго Общества пароходства и торговли“ еще не останавливались у Солуни.

дальше отъ этихъ анатомическихъ работъ и вошелъ въ одну изъ ближайшихъ улицъ. Здѣсь улицы имѣютъ иной характеръ, нежели въ центрѣ города; въ нихъ движенія нѣтъ почти никакого, и дома на глухо окружены глиняными заборами, изъ за которыхъ выглядываютъ только одни кровли домовъ. Отъ воровъ ли придуманы эти заборы, или вообще отъ посторонняго любопытства,—не знаю; только улицы очень напомнили мнѣ блаженные предмѣстья нашихъ провинціальныхъ городовъ съ ихъ безконечными заборами. У однихъ воротъ стоялъ турка съ чубукомъ въ губахъ, въ дырявомъ халатѣ, опоясанномъ веревочкой и добродушно-тупо глядѣлъ на меня,—точь въ точь какой нибудь провинціальный капитанъ въ отставкѣ; черезъ улицу перебѣжала жидовка съ бѣльемъ въ рукахъ; на меня повѣяло чѣмъ-то роднымъ—далекимъ, и глаза невольно искали гдѣ нибудь по близости будки съ городовымъ, однако будки не оказалось. Я миновалъ нѣсколько такихъ пустынныхъ улицъ и очутился наконецъ въ еврейскомъ кварталѣ.

Лучше бы мнѣ не заглядывать въ этотъ жалкій уголъ Солуна!..

Еврейскимъ кварталомъ называется здѣсь тѣсный, грязный и многолюдный лабиринтъ, въ которомъ обитаютъ подонки бѣднѣйшаго еврейскаго класса, и собрано все, что только въ убогомъ городѣ есть самаго убогаго и сгладаннаго нищетою неисходною. Здѣсь дома походять на обгорѣлыя развалины, и въ нихъ-то прячется эта нищета отъ остальнаго человѣчества, чтобы не ужаснуть его видомъ своего безобразія. Я заглянулъ въ этотъ вертепъ и до сихъ поръ не могу представить себѣ, какъ можетъ прозябать этотъ полусгнившій народъ среди такой мертвящей обстановки, среди заразительныхъ миазмовъ, при полномъ недостаткѣ пищи, свѣта и воздуха,—словомъ всего, что поддерживаетъ жизнь? Да и можно ли даже назвать *жизнью* этотъ процессъ существованья, гдѣ вся жизнь есть ничто иное, какъ медленная агонія, которая начинаетъ мучить свою жертву съ колыбели и потомъ, постепенно усиливаясь, томить эту жертву долгіе годы, до самой преждевременной старости, пока не сгонитъ ее въ гробъ. Вѣдь съ каждымъ глоткомъ этого воздуха живое существо вдыхаетъ въ себя зародышъ смерти, такъ онъ ядовитъ и удушливъ. Въ мизерныхъ домахъ, въ которыхъ большею частію всего только одна горница, обитаютъ по пяти или шести семействъ еврейскихъ. Какъ они дѣляютъ свое хозяйство, какъ ладятъ между собою—не извѣстно, но только они еще лучшія и болѣе счастливыя

обитатели еврейскаго квартала: они все-таки имѣютъ домъ и кое-какъ прикрыты отъ неудобствъ климата; большинство же населенія помѣщается на открытомъ воздухѣ въ промежуткахъ между этими домами, на дворахъ, отдѣленныхъ отъ улицы низенькими заборами и плетнями. Такимъ образомъ вся частная жизнь семействъ и всѣ ихъ житейскія отношенія и отправленія происходятъ явно, передъ глазами всѣхъ проходящихъ, и здѣсь-то можно слѣдить за тѣмъ процессомъ гнѣнія общественнаго, который въ другихъ городахъ тщательно скрытъ отъ постороннихъ взоровъ и гнѣздится гдѣ нибудь въ подземныхъ трещинахъ.

Проходя по этимъ улицамъ я сначала испытывалъ то неловкое ощущение, какое испытываетъ человѣкъ, проходя черезъ комнату, гдѣ живутъ посторонніе жильцы; но видя, что на меня никто не обращаетъ вниманія, сталъ смѣлѣе озираться по сторонамъ и сквозь дырявые плетни видѣлъ, какъ живутъ эти люди. Вотъ мать кормитъ грудью ребенка и въ то же время палкой разнимаетъ двухъ подрвавшихся дѣтей; рядомъ другая семья расположилась обѣдать и съ жадностью хлебасть изъ котелка какую-то жидкость; за ними ничкомъ на соломѣ лежитъ молодая женщина и болѣзненно охаетъ; дальше двѣ женщины полощутъ въ лужѣ какія-то тряпки; тутъ же съ ними помѣщаются поджарые ослы, собаки, куры, и все это не стѣсняясь другъ друга, исполняетъ свои жизненные потребности, всѣ оспариваютъ другъ у друга лучшее мѣсто, лучшее право, голосить, ругается, стонетъ... Вотъ кузница; чадъ валить изъ нее, и два жидка таинственно совѣщаются, рассматривая пару старыхъ подковъ; дряхлая старуха свлится тайкомъ отъ нихъ стащить изъ кузницы горсточку угольевъ; ее тербитъ за платье плачущій мальчишка, совсѣмъ почти голый; изъ за нихъ съ лаемъ и визгомъ выбѣжали двѣ собаки и рвутъ другъ у друга оглодокъ кости. Вотъ, облокотясь на рогатину, стоитъ молодая дѣвушка, едва прикрытая обрывками полуистлѣвшаго платья, и смотритъ на меня испуганнымъ взглядомъ; она только потому кажется не протянула мнѣ руку за подааньемъ, что была увѣрена въ бесполезности этого, знала, что здѣсь подавать не любятъ, что здѣсь всякъ себя только знаетъ... Къ ней подошла старуха и, не говоря ни слова, огрѣла ее по спинѣ палкой; дѣвушка со злостью вскинулась на нее, отпихнула въ сторону и опять на меня смотреть... И у всѣхъ лица болѣзненные, изнуренныя, помертвѣлыя, и рѣдко на этихъ лицахъ будто мелькнетъ улыбка, но

эта улыбка со стороны кажется лучем свѣта въ темницѣ: она показываетъ, что и здѣсь бываетъ нѣчто похожее на радость или удовольствіе. Вотъ и синагога; оттуда слышно протяжное завыванье: евреи, перекачиваясь съ ноги на ногу, дружно и усиленно зовутъ Бога на помощь себѣ, но не дается имъ помощь, хотя они повторяютъ свою молитву, можетъ быть, отъ начала существованья города; а между тѣмъ если бы самъ покровитель ихъ Моисей могъ подняться теперь изъ гроба и заглянуть на это жалкое житье бывшаго «народа божія», онъ ужаснулся бы и снова повторилъ свою великую молитву: «пусть лучше я самъ погибну, только спаси народъ мой!» Страшныя вещи совершаются въ этомъ притонѣ нищеты и безсознательнаго неизбежнаго разврата, и оскорбительно-больно становится здѣсь за это отверженное человѣчество. Хочется скорѣе бѣжать отсюда, забыть все это и отыскать новыя впечатлѣнія, на которыхъ можно было бы остановиться съ отрадой и хотя нѣсколько примириться съ обществомъ, въ средѣ котораго вырабатывается такая жизнь... Но гдѣ эти новыя, отрадные впечатлѣнія? Въ какихъ углахъ Солуны скрыты они?.. Грустно.

Гдѣ-то пробило полночь. Въ окно моей комнаты свѣтитъ мѣсяцъ и съ моря вѣетъ живительный вѣтерокъ. На минаретахъ чуть теплятся огни, признаки рамазана, и на темномъ фонѣ неба они кажутся огненными нулями, повисшими въ воздухѣ надъ каждою мечетью... Въ городѣ тихо; вдали какой-то псевдомый артистъ играетъ на флейтѣ что-то до нельзя унылое и это такъ встаетъ подходитъ къ моему настроенію, и точно служить отголоскомъ думъ моихъ тяжелыхъ. Спитъ городъ; мѣсяцъ блеститъ въ стеклахъ домовъ и покрываетъ ихъ будто серебромъ, — но вѣдь это только наружный блескъ, а въ самыхъ домахъ-то тьма какая непроглядная... Лучше не заглядывать туда.

28 марта.

Наскучилъ наконецъ мнѣ городъ, опротивѣли эти смрадные улицы, бессмысленныя, голодные лица, вѣчныя крики, драки, и кнуты, которыми угощаетъ народъ мѣстная стража, когда вздумаетъ пройтись по улицамъ какое нибудь начальство. Въ каждомъ мало мальски человѣческомъ городѣ можно встрѣтить нѣсколько свѣтлыхъ явленій, которые пріятно дѣйствуютъ на путешественника, — можно отыскать людей съ задатками политическаго развитія, а здѣсь я пока еще не

видѣлъ ничего, надѣ чѣмъ бы можно было остановиться съ уваженіемъ. Конечно, въ нѣсколько дней нельзя вполне узнать городъ, и по первымъ, можетъ быть случайнымъ, впечатлѣніямъ судить о всей его жизни и ея характерѣ; но вѣдь общая фizioномія города видна съ перваго взгляда, а эта фizioномія такая жалкая, избитая, пригубляемая, что не общается даже въ будущемъ ничего хорошаго.

Сегодня, для того чтобы окончательно доканать себя, я осматривалъ Чаушь — монастырь, въ которомъ нѣкогда жилъ и спасался предатель-монахъ, и которому городъ обязанъ своимъ паденіемъ. Видъ этого мѣста произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какое производитъ обезображенный трупъ самоубійцы на нервную женщину. Всякое предательство вообще дѣйствуетъ на сердце тяжелымъ образомъ, но предательство политическое, отъ котораго страдаютъ и даже погибаютъ цѣлыя массы народа — производитъ такое отвращеніе, что даже тяжело смотрѣть на самое мѣсто этого предательства, какъ будто каждый камень и каждая песчинка принимали участіе въ дѣлѣ и пропитались воздухомъ, который выдыхалъ изъ себя предатель...

Какъ ни мало въ Солунѣ смысла политическаго и чувствъ гражданскихъ, однако онъ тоже проклялъ это мѣсто, и самый монастырь до сихъ поръ отмѣченъ въ народѣ недоброй памятью. Какъ звали предателя — народъ не помнить, но съ тѣхъ поръ монастырь потерялъ свою репутацію и въ немъ даже монахи не селятся больше. Дѣло, рассказываютъ, было такъ: когда Амуратъ 2-й осадилъ Солунь, то въ немъ было довольно съѣстныхъ припасовъ, и городъ рассчитывалъ выдержать осаду до тѣхъ поръ, пока не придетъ къ нему помощь изъ Константинополя. Онъ еще имѣлъ надежду отразить врага, и отразилъ бы его, если бы Амурату не подслужился монахъ. Этотъ монахъ, вѣроятно изъ коростолобивыхъ расчетовъ, или просто изъ желанія подслужиться сильному врагу, — перебросилъ въ станъ непріятельскій стрѣлу съ запиской, въ которой было указано мѣсто, гдѣ можно пересѣчь воду, напоявшую городъ. Султанъ по этой запискѣ безъ труда отыскалъ подземные водопроводы, разрушилъ ихъ и городъ, лишенный воды, принужденъ былъ сдаться. Вѣроятно, въ этой измѣнѣ участвовала вся братія монастырская, потому что Амуратъ, овладѣвъ городомъ, тотчасъ же далъ монастырю особыхъ чаушей (т. е. охранительную стражу) для защиты его отъ мести народной, и, въ знакъ особеннаго благоволенія, велѣлъ поставить на монастырскихъ вѣрогахъ каменное изваяніе чаушской шап-

ни. Такимъ образомъ этотъ монастырь долгое время пользовался милостями султана, а несчастный Солунь превратился въ турецкій городъ еще за тридцать лѣтъ до паденія Константинополя.

Монастырь помѣщается на самой высокой оконечности города, подлѣ сѣверо-западныхъ стѣпъ его. По мѣрѣ приближенія къ монастырю обывательскіе домики постепенно рѣдѣютъ, мѣстность становится печальнѣе и безлюднѣе, а около самаго монастыря уже вовсе не видно жилья человѣческаго и мѣстность наполнена одними обломками каменей, точно послѣ землетрясенія. На воротахъ стоитъ знаменитая чаушская шапка; тутъ же недалеко помѣщается большой мраморный бассейнъ, старинной постройки, куда проведена вода изъ горныхъ ключей и откуда она множествомъ желобовъ разливается по всему городу. Въ самомъ монастырѣ нѣтъ ни одного монаха, а живутъ только два наемные священника, потерявшіе мѣста при городскихъ церквахъ, и они-то правятъ здѣсь по праздникамъ службы церковныя. Всѣми дѣлами монастыря въ настоящее время правитъ какой-то мірянинъ, по фамиліи Бладе, и арендуетъ всѣ сохранившіяся имѣнія его. Такимъ образомъ теперь здѣсь все нанятое, поддѣланное, и все еле держится.

Въ церкви монастырской хранится съ именемъ святыни: *калотибія*, то есть тыквенная чашка, которая принадлежала будто бы самому І. Христу. Она оправлена въ серебро, и вѣрующіе цѣлуютъ эту тыкву и пьютъ изъ нея воду. Утварь монастырская сдѣлана изъ русскаго золота и серебра и отмѣчена русскими молитвами.

Послѣ обычнаго угощенія вареньемъ и кофе, которымъ подчивали насъ обыватели монастыря, — мы покинули этотъ печальный уголокъ и спустились въ городъ къ нашей старухѣ на подворье. На улицахъ сегодня особенное движеніе: прибыли два иностранные парохода, и потому городъ наполнился иностранцами. Передъ нѣкоторыми, вѣроятно богатыми, путешественниками, въ видѣ почетной стражи, идутъ кавасы съ палками въ рукахъ, и народъ со страхомъ сторонится отъ этихъ палокъ.

За городскими воротами, по праздникамъ, устроивается въ маленькихъ размѣрахъ народное гулянье. Тамъ подлѣ тѣнью четырехъ увѣсистыхъ платановъ раскидываются палатки, въ которыхъ продаютъ кофе и разныя восточныя лакомства, и около этихъ палатокъ толпится праздный народъ. Окрестности города до такой степени печальны и непривѣтливы, въ нихъ такъ мало растительности и дви-

женья, что и въ загородной прогулкѣ удовольствій очепь пемного. Кругомъ на нѣсколько верстъ раскинуты турецкія и еврейскія кладбища, съ коническими плитами вмѣсто памятниковъ, подъ которыми догниваютъ прежніе обитатели Солуня, и это царство мертвыхъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ самый городъ. На этомъ кладбищѣ не разгуляешься и народъ по неволѣ толпится около палатокъ, гдѣ покрайней мѣрѣ полакомиться можно. Вмѣстѣ съ народомъ и я сегодня наслаждался праздникомъ у этихъ палатокъ; а кругомъ было такъ тихо, непразднично, — точно гулянье происходило тайкомъ и подъ строгимъ запрещеньемъ. Рядомъ со мною нѣсколько паръ, присѣвъ на низенькія табуреты, занимались какою-то игрою въ родѣ шахматовъ или шашекъ; за этими игроками слѣдила цѣлая толпа зѣвакъ и шопотомъ высказывала свои мнѣнья. Напротивъ меня нѣсколько жидковъ, усѣвшихся рядкомъ, чпнно пили кофе. Въ сторонѣ отъ палатки гуляла группа еврейскихъ дѣвушекъ и искоса поглядывала на насъ. Всѣ онѣ одѣты въ яркія разноцвѣтныя платья, у всѣхъ косы покоятся въ разукрашенныхъ чаклахъ, но лица не отличаются особенною миловидностью. Около часу просидѣлъ я на этомъ гуляньи, стараясь подмѣтить хоть что нибудь веселое, — но не подмѣтилъ...

II.

Крѣпость Воло въ Фессаліи. Апрель 2.

Послѣ морской качки и парходнаго климата, какъ пріятно отдохнуть въ какомъ-бы то ни было пріютѣ, выпить чайку, побесѣдовать съ добрыми людьми, и потомъ въ своемъ дневникѣ вторично прослѣдить все, что видѣлъ и слышалъ въ теченіи дня. Это удовольствіе теперь испытываю я. Комната у меня свѣтлая, чистая, съ европейскими удобствами; въ широкое окно видно море, и темными силуэтами рисуются на немъ спящія суда. Вокругъ тишина мертвая и не спимъ мы только двое: я да это безпокойное море, которое упорно продолжаетъ волноваться, какъ будто желаетъ омыть отъ наносной грязи прославленные берега старой Греціи.

Вчера вечеромъ я наконецъ покинулъ Солунь и переехалъ на греческій пароходъ Оттонъ, отправившійся въ Фессалію. Надо признаться, что этотъ пароходъ не щеголялъ особенными удобствами. Дѣло въ томъ, что онъ долго служилъ въ военной службѣ, и толь-

но за старостью лѣтъ уволенъ въ отставку и пустился по торговой части; поэтому на немъ оказалась только одна крошечная каюта для избранныхъ пассажировъ перваго класса, а остальной народъ долженъ былъ громоздиться, въ качествѣ товара, на широкой палубѣ, располагаясь помѣщеньемъ, какъ придется. Но не смотря на эти неудобства, мнѣ нравился и этотъ заштатный инвалидъ, и оживленная толкотня пассажировъ — такъ хотѣлось скорѣе убраться въ открытое море, подальше отъ этихъ непривѣтливыхъ береговъ.

Пассажировъ набралось много, и большинство ихъ носило тотъ же буржуазный отѣнокъ, какимъ отличается населеніе Солуня. Съ криками и руганью толкались они по палубѣ съ огромными узлами, изъ которыхъ выглядывали старыя одѣяла и разное тряпье, взятое для подстилки на палубу; мѣстами затѣвались ссоры и слышались угрозы; мѣстами происходили трогательныя сцены прощанья, плакали, цѣловались и благословляли другъ друга. Тутъ же въ толпѣ бѣгали таможенные, валомъ валили носильщики съ увѣсистю клядью, шныряли кавасы... Наконецъ пароходъ тронулся въ путь медленнымъ, стариковскимъ ходомъ. Городъ былъ передъ нами, какъ на ладони; какъ правильный треугольникъ раскинулся онъ на скатѣ горы, съ своими башнями и минаретами, и въ самомъ верху этого треугольника бѣлѣлись постройки чаушъ-монастыря. Солнце послѣдними лучами жгло его стѣны. Вдали мелькали шляпки прощавшихся съ пароходомъ солунянъ и все еще махавшихъ платками и шляпами. Съ парохода отвѣчали имъ тѣмъ же, и у нѣкоторыхъ отъ этого еще пуще полились слезы. Особенно горько рыдала одна молодая дѣвушка. Облокотясь на бортъ и прижавши къ щекѣ мокрый отъ слезъ платокъ, какъ окаменѣлая, смотрѣла она на Солунь, и во всей ея фигурѣ выражалось такъ много отчаянной грусти, какъ будто она повидала тамъ всѣ свои радости и надежды. За нею съ любовью слѣдила дряхлая старушка, и напрасно силилась она успокоить дѣвуху наивными внушеньями: «перестань-же, всѣ смотрять, что подумаютъ» и т. п. для дѣвухи не существовало ничего, кромѣ этой милой, поквнутой дали... Густой туманъ покрылъ поверхность воды; за нами уже чуть чуть бѣлѣлись городскія стѣны, потомъ и они исчезли, а дѣвушка все еще упорно продолжала глядѣть туда и судорожно всхлипывала. Прощай Солунь! Не желалъ бы я опять здороваться съ тобою!..

На палубѣ общество понемногу успокоилось и размѣстилось, какъ умѣло, между своими узлами и тюками товаровъ. Скоро однако эти

узлы раскрылись и изъ нихъ повылѣзли на свѣтъ божіи разныя одѣяла, матрацы и другіе предметы, взятые для удобства путешествія, и палуба скоро преобразилась въ походный лазаретъ, наполненный лежащими. Слышался говоръ и смѣхъ; нѣкоторые, собравшася въ кучу, съ жадностью пожирали сушеную рыбу съ примѣсью турецкихъ бобовъ, другіе смотрѣли на нихъ съ завистью; только одни турки, справляя установленія рамазана, сидѣли съ постными лицами и, какъ видно, ждали съ нетерпѣніемъ: скоро-ли сядетъ солнышко и можно будетъ вознаграждать себя за дневной постъ. На тѣсномъ помостѣ палубы сошлись теперь образчики всѣхъ восточныхъ націй, и тутъ-то сразу можно было видѣть, какъ рѣзко отличаются эти націи другъ отъ друга и какъ, значить, имъ трудно не ссориться между собою. Турки рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ пассажировъ своимъ комически-степеннымъ видомъ; они, какъ руководители востока, гордо развалились на лучшихъ мѣстахъ палубы, и во всѣхъ ихъ лѣнивыхъ, полусонныхъ движеніяхъ такъ и сквозило чувство собственнаго достоинства и сознанія своего превосходства предъ другими. Даже и тотъ испитой турка, съ пожелтѣлой, изнуренной рожей, примостившійся около мачты, — и тотъ постарался развалиться какъ можно удобнѣе, смотреть на все окружающее, какъ философъ, понявшій тайну жизни, и мѣста своего онъ даромъ никому не уступить. У грековъ лица задумчивыя, сосредоточенныя, только глазки ихъ прворно перебѣгаютъ съ предмета на предметъ и смотрять на каждаго незнакомца такъ вкрадчиво, какъ будто напередъ стараются угадать, о чемъ и какъ съ нимъ при случаѣ заговорить надо; они сильному, пожалуй, и уступать свое мѣсто, по съ достоинствомъ. Подвижныя эластичныя фигурки евреевъ столпились въ кучу на носу и тамъ сейчасъ же освоились съ мѣстомъ, устроили себѣ маленькій еврейскій кварталъ и уже копошатся и хлопочуть о чемъ-то, не обращая никакого вниманія на сосѣдей. Ихъ съ мѣста согнать трудно: они скрываются до нельзя, изворотятся въ клубокъ, по съ мѣста все-таки не сойдутъ. Но вотъ видна вдали фигура славянина съ лицомъ добродушнымъ и довѣрчивымъ до наивности. Въ немъ замѣтно что-то забитое до притупленья, всѣхъ онъ боится, всѣ надъ нимъ начальники, всякій его обидѣть можетъ, кому только не лѣнь, и онъ какъ-то безропотно переноситъ обиды и рабски уступаетъ свое мѣсто другому. Если его что нибудь ужъ очень проймаетъ, то онъ иногда протестуетъ, только протестъ его въ большинствѣ случаевъ похо-

дить на протестъ высѣченнаго ребенка, который бьетъ и ломаетъ несправедливую розгу, какъ будто въ ней заключается вся вина обиды...

Оттопъ подвигался медленно, и механикъ, какъ я узналъ потомъ, нарочно не давалъ ему ходу изъ опасенія, чтобы не лопнулъ котелъ. На чистой площадкѣ кормовой палубы мрачно расхаживалъ капитанъ парохода съ перевязанной рукою и шрамомъ на щекѣ. Изъ каюты вышли было подышать воздухомъ его молодая жена, маленькая дочь и гувернантка, но подышали очень немного и, съжившись отъ холода, торопливо спустились обратно въ каюту. Ночь наступила быстро; на встрѣчу намъ задулъ холодный, пропитанный сыростью вѣтеръ, и пароходъ стало замѣтно покачивать. Я спросилъ себѣ стаканъ чаю, и закопѣлый буфетчикъ вынесъ мнѣ какую-то жидкость, отъ которой пахло болѣе кофеемъ, чѣмъ чаемъ,—но тутъ разбираться было уже некогда, и все теплое было встати. Рядомъ со мною стоялъ молодой грекъ, въ европейскомъ костюмѣ, съ красивыми и умными чертами лица; облокотясь на бортъ, онъ съ улыбкой наблюдалъ за моимъ чаепитіемъ.

— Я готовъ пари держать, что вы или англичанинъ, или русскій,—сказалъ онъ мнѣ.

— Почему вы такъ думаете.

— Потому что вы пьете чай, а не кофе. Здѣшніе жители пьютъ только кофе.

— Вы угадали: я русскій.

— А!.. И были въ Солунѣ, вѣроятно, по дѣламъ службы?

— Почти что такъ.

— Не люблю я этотъ бусурманскій городъ. Живя въ Солунѣ, трудно повѣрить, что живешь на европейскомъ материкѣ, а не въ глубинѣ Азіи. Не правда-ли?

— Да, но вѣдь я знаю, что вижу востокъ европы, а весь востокъ, какъ вы сами конечно знаете, живетъ особенною жизнью, независимую отъ запада...

— Я теперь только возвращаюсь изъ-за границы; объѣхалъ почти весь западъ, отъ Рима до Лондона, и признаюсь: возвращаться мнѣ не слишкомъ-то весело...

— Почему же?

— Да потому, что послѣ жизни запада, слишкомъ рѣзко бросается въ глаза рабская, сдавленная жизнь моей родины и становится

какъ-то досадно и обидно за свое безсиліе. Вамъ конечно непонятно это неприятное ощущение раба: вы русскій, вы свободны...

— Конечно; у насъ крестьянъ вотъ даже освобождаютъ...

— А теперь полюбуйтесь-ка на наше житье. Вы вѣдь въ Фессалию ѣдете?

— Да.

— Вотъ поглядите, что дѣлаютъ турки въ нашемъ, когда-то политическомъ, прославленномъ краю. Я самъ фессалиотъ и люблю свою родину за то, что она давно уже рвется къ независимой жизни и вѣроятно достигнетъ этого скоро. Нигдѣ патриотизмъ не развитъ такъ сильно, какъ въ Фессалии, и въ то же время нигдѣ деспотизмъ турецкій не доходитъ до такихъ звѣрскихъ разжѣровъ, какъ у насъ. Казни на каждомъ шагу, безъ суда и расправы; разбои повсемѣстные; каждый турка можетъ свободно ограбить любого поселенина и распоряжается въ его домѣ, какъ въ своемъ собственномъ; дочерей и женъ приходится прятать, имущества закапывать въ землю; народъ ропщетъ, но не смѣетъ вслухъ произнести своего ропота, потому что за малѣйшее сопротивленіе турки въ цѣломъ селѣ не оставляютъ камня на камнѣ. У нашего лучшаго города, Лариссы, на первомъ планѣ поставлена большая каменная висѣлица, на которой частенько умираютъ наши патриоты, и замѣтьте, турки вѣшаютъ не такъ, какъ вездѣ, а просто опутаютъ жертву веревками, да и повѣсятъ на крюкъ вверхъ ногами; и несчастный провиситъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ пока не умретъ отъ голоду и боли.

— А какже послѣдній гатти-гумаюнъ? Вѣдь вы имѣете право жаловаться?

— Какъ тутъ жаловаться? Къ султану и его министрамъ конечно не допустятъ, а если бы и допустили, толку вышло бы мало. Недавно еще нѣсколько горожанъ изъ Трикалы поѣхали было жаловаться на одного агу, который ограбилъ ихъ, но только этотъ ага догналъ ихъ на дорогѣ и упряталъ такъ далеко, что до сихъ поръ объ нихъ ни слуху, ни духу. Каждый понимаетъ, что ему жестоко отомстить, если онъ вздумаетъ жаловаться, ну и молчитъ, и терпитъ. Что тутъ подѣлаешь, если пашамъ и агамъ дана такая неограниченная власть и почти полная безотчетность. Болѣе всего досадно на то, что Европа силится всѣми мѣрами поддержать это издыхающее царство, и навязываетъ Турціи разныя европейскія нововведенія, какъ будто они могутъ привиться къ этому азиатскому

племени. Султанъ конечно слушаетъ своихъ западныхъ внушителей и бессознательно дѣлаетъ все, что прикажутъ ему, а что толку? Вотъ не такъ давно, разослано было ко всѣмъ пашамъ предписаніе, чтобы они къ извѣстному сроку собрали и представили въ Константинополь статистическія свѣденія о числѣ родившихся и умершихъ, каждый въ своемъ округѣ; и что же: большинство пашей отвѣтило, что въ ихъ округахъ въ теченіи года родившихся и умершихъ не было и что все, по милости аллаха, обстоитъ благополучно. И повѣрьте, что болѣе обстоятельныхъ отвѣтовъ никто отъ нихъ не добьется... Или уморительная исторія Константинопольскаго университета; слышали вы ее?

— Слышалъ, но не ясно.

— Дѣло въ томъ, что этотъ рассадникъ турецкой мудрости помѣстили на горѣ, какъ разъ надъ самымъ сералемъ султана. Изъ оконъ университета можно было видѣть все, что происходитъ въ саду серала, а тамъ частенько гуляли жены султанскія. Очевидно, молодой народъ не могъ смотрѣть равнодушно на такое пріятное сосѣдство и завелъ съ султаншами любовныя шашни. Какъ только узналъ объ этомъ султанъ, сейчасъ же приказалъ уничтожить университетъ, и дѣйствительно студентовъ оттуда выгнали, зданіе перепортили, стекла выбили, и теперь тамъ, кажется, помѣщается рота солдатъ. И смѣшно и жалко. Нѣтъ; турки сами начинаютъ сознавать, что они гости въ Европѣ и только чудомъ какимъ-то до сихъ поръ держатся въ ней, къ стыду всей Европы. Непонятно въ самомъ дѣлѣ, какъ еще она существуетъ, при такомъ разстройствѣ своей финансовой системы, безъ денегъ, безъ школъ, безъ войска, между тѣмъ какъ подвластные имъ народы развиваются слишкомъ быстро и съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе предъявляютъ свои права на независимость? Султанъ махнулъ рукою и кутитъ на послѣдшія денежки; паши только кнутами да палками и могутъ поддержать свое временное значеніе и, не получая жалованья отъ казны, чертя голову грабятъ народъ. Народъ бѣднѣетъ, ожесточается болѣе,—и, знаете-ли, мнѣ кажется, что все это къ лучшему... Каждая новая несправедливость и жестокость со стороны правительства, приближаетъ минуту возстанія. Такъ пусть же ихъ грабятъ сильнѣе и тѣмъ ускоряютъ дѣло! Не правда-ли?

— Конечно.

— А моя Фессалія поднимется одна изъ первыхъ: тамъ жада

свободы достигла высшей степени развитія, и народъ ждетъ только перваго удобнаго случая, чтобы пачать дѣло. Къ этому побуждаетъ его и близкое сосѣдство съ свободной страной, которая тѣмъ же кровавымъ путемъ достигла свободы и давно зоветъ насъ о себѣ. Посмотрите, какъ она теперь прекрасно устроилась! Въ какихъ-нибудь 40 лѣтъ, она въ миниатюрѣ завела у себя все, что только въ послѣднее время выработала у себя Европа: имѣетъ свои парламенты, свой университетъ, который снабжаетъ ученостью даже всю рабскую Грецію,—имѣетъ школу художествъ, свою свободную литературу и проч. Повѣрьте, что въ послѣдствіи она даже перещеголяетъ Европу...

— А все-таки ею править чужой король.

— Что же дѣлать? Дождемся когда-нибудь и своего. Конечно, Европа по праву сильнаго опять вмѣшается въ наше кровавое дѣло: она изобрѣла какіе-то законы политическаго равновѣсія, и на основаніи этого, конечно, вступится за турокъ,—но мы надѣемся когда-нибудь освободиться и отъ этой непрошенной опеки. Надежда дѣло великое.

Онъ замолчалъ и задумался.

Пароходъ медленно и плавно перекачивался съ боку набокъ; два фонаря на мачтахъ его, какъ два глаза, сверкали вверху; изъ подъ котловъ вырывались струи свѣта; но на палубѣ не слышалось ни одного человѣческаго звука: всѣ спали такъ крѣпко и сладко будто въ своихъ родныхъ солунскихъ лачугахъ, даже вахтенный, и тотъ, прижавшись къ мачтѣ, казалось дремалъ... А кругомъ тѣмъ же вромѣнная: не видно ни неба, ни моря, и едва, едва мѣстами сверкаетъ бѣлая пѣна волнъ.

— А, знаете ли, я слышалъ, что на пароходѣ котлы плохи,—сказалъ мнѣ вполголоса мой сосѣдъ. Что если вдругъ лопнутъ: дѣло выйдетъ нехорошее.

— Тогда мы, вѣроятно, потонемъ,—отвѣтилъ я шутя.

— Я самъ тоже думаю.

Я прилежъ на кучу парусовъ, и долго еще лежа слышалъ завыванье вѣтра, визги реевъ, стонъ часоваго колокола и отчаянный плачь ребенка въ каютѣ.

На разсвѣтѣ мы объѣхали подводные камни, окружающіе островъ Свѣфо, на которомъ помѣщается маленькій городокъ того же имени, принадлежащій къ свободной Греціи, и потомъ потянулись передъ нами голые, безжизненные скалы, едва прикрытые мелкимъ кустар-

никомъ. Кое-гдѣ, по вершинамъ скалъ и на отдѣльныхъ островахъ, бѣлѣлись монастыри, которыми такъ богата рабская Греція, — монастыри когда-то богатые и цвѣтущіе, а теперь забытые и покинутые съ тѣхъ поръ, какъ земля подъ ними стала свободною. Потомъ мы увидѣли знаменитое село Трикери, принимавшее такое дѣятельное участіе въ возстаніи 1821 года. Село помѣстилось на самомъ верху дикой скалы и кругомъ его нѣтъ ни одного деревца, ни кустика: все безжизненно и голо, будто послѣ пожара. Внизу подъ селомъ устроена небольшая пристань, и къ ней привязано нѣскольکو лодокъ, на которыхъ дѣти прославленныхъ отцовъ занимаются пока рыбнымъ промысломъ.

— Отсюда начинаются святые мѣста, — шепнулъ мнѣ сосѣдъ патриотъ. — Отсюда каждый камушекъ будетъ напоминать вамъ о великомъ событіи нашей исторіи, и о крови нашихъ мучениковъ. Эхъ, славныя мѣста-то какія!... прибавилъ онъ, съ восторгомъ любуясь на Трикери.

Наконецъ увидѣли мы и Воло. По сторонамъ небольшого залива стоятъ турецкія укрѣпленія, а въ глубинѣ его помѣщается самая крѣпость. Мѣстность цвѣтушая, роскошная; вдали синѣются цѣлыя лѣса изъ лавра и тополя, и среди ихъ, какъ бѣлая лента, вьется по холмамъ дорога въ Лариссу. На окрестныхъ горахъ разсыпано до сорока греческихъ селеній, и нѣкоторые изъ нихъ лѣплятся на такихъ крутизнахъ, что по-неволѣ дивишься имъ. И все это оживлено; во всемъ видно начало другой жизни, не турецкой. Въ самомъ дѣлѣ, мѣста-то какія славныя!...

Апрѣль 3.

Мы остановились въ греческомъ кварталѣ, у г. С..., агента русскаго консула въ Лариссѣ, который въ первый разъ видитъ русскихъ, и потому старается оказать намъ возможную любезность. Греческій кварталъ Воло помѣщается въ полу верстѣ отъ крѣпости, на самомъ берегу залива, и самъ по себѣ составляетъ отдѣльный городокъ; въ немъ греки обстроились на европейскій ладъ, у всѣхъ дома чистыя и свѣтлыя, съ тѣми удобствами, какія рѣдко можно встрѣтить въ греческихъ домахъ средней руки. Турокъ вовсе нѣтъ въ этомъ кварталѣ, они всѣ убралась въ свою крѣпость. Тамъ, нѣкимъ нетревожимые, они устроились по своему вкусу и спятъ себѣ на свободѣ. Не совѣмъ-то я жалую турокъ, однако не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть въ ихъ убѣжище. Крѣпость, какъ и слѣдуетъ быть

ей, окружена со всѣхъ сторонъ стѣнами, на которыхъ помѣщается до 25 пушекъ, только злые языки говорятъ, что всѣ эти пушки *глиняныя*, такъ какъ настоящія давно уже продавы кому-то комендантомъ крѣпости за ненадобностью. Черезъ желѣзные ворота пробрался я съ проводникомъ въ эту тихую обитель вѣчнаго успокоенія и озираясь ползая по пустыннымъ улицамъ. Улицы кривыя и пяглухо заставленныя глиняными заборами, изъ за которыхъ рѣдко гдѣ мелькнетъ убогое окошко, занавѣшенное какою-нибудь тряпкою. Мѣстами устроены водоемы, и у нихъ иногда встрѣчаются женщины съ кувшинами и лоханями; у всѣхъ лица завязаны кисеею, во избѣжаніе соблазна для прохожихъ, однако я подсмотрѣлъ одно лицо, когда какая-то грація обмывала его водою: подсмотрѣлъ и, признаюсь, порадовался, что эти существа такъ тщательно завязываютъ свои лица. Точно по кладбищу ходилъ я по уродливымъ улицамъ, не встрѣтивъ нигдѣ ни души живой. Отъ размазана ли это зависѣло, или такая пустынность—обычный колоритъ города, не-знаю; но только эта пустынность и неподвижность рѣзко бросается въ глаза послѣ той шумной дѣятельности, какую я видѣлъ на солунскихъ улицахъ. Характеръ построекъ и здѣсь, и тамъ почти что одинаковъ, но тамъ главное движеніе городу придаютъ евреи, тогда какъ здѣсь никто не тревожитъ турокъ, и потому ихъ природная неподвижность и апатія отражается на всемъ складѣ города, сквозитъ изъ каждой щели и окна, такъ что даже собаки и ослы здѣшніе—и тѣ какъ будто зѣваютъ и сквозозъ сонъ поглядываютъ на свѣтъ божій. На поворотѣ одного переулка у колодца, я встрѣтилъ полунагаго араба; онъ хотѣлъ было зачерпнуть воды, но, увидѣвъ насъ остановился, и на маслянистой рожѣ его выразилось такое изумленіе, точно онъ въ первый разъ увидѣлъ въ зеркалѣ самого себя. Оборванный мальчишка выбѣжалъ изъ воротъ и швырнулъ вслѣдъ намъ камень, потомъ другой камень пролетѣлъ мимо насъ, и мы, во избѣжаніе опасности, принуждены были скорѣе удалиться изъ этого непривѣтливаго города.

Надъ крѣпостными воротами, въ видѣ диковинки, виситъ позвонокъ и ребро какого-то исполинскаго скелета и проводникъ послѣдшилъ объявить мнѣ что это «адамово ребро» то самое, изъ котораго сотворена была первая женщина. Попробовалъ было я увѣрить его, что это, по всей вѣроятности, китовое ребро, но проводникъ вмѣсто отвѣта только улыбнулся лукаво, и замѣтилъ что на ребрѣ надпись есть.

За стѣнами города я былъ свидѣтелемъ очень характерной сцены. По дорогѣ тащился грекъ убогаго вида и велъ онъ такого же убогаго осла, на которомъ, едва прикрытая дырчавымъ рубищемъ, сидѣла женщина съ ребенкомъ, а рядомъ шли еще двѣ женщины. Слѣдомъ за ними, на арабскомъ, разукрашенномъ колѣ, ѣхалъ одинъ изъ вельможъ турецкихъ, въ сопровожденіи каваса. Только этому вельможѣ должно было не поправилось, что передъ нимъ ѣдетъ такая сволочь; онъ мигнулъ кавасу, и тотъ, выхвативъ изъ подъ сѣдла толстую палку, стремглавъ помчался на расправу. Съ воплемъ испуганныя женщины ринулись въ сторону и въ ужасѣ попадали на траву, желая прежде всего спасти ребенка, но кавасъ наскочилъ на нихъ и со звѣрскимъ наслажденьемъ принялся работать палкою, по чему попало. Я отвернулся и ускорилъ шаги, — но сзади меня еще долго раздавался отчаянный вопль женщинъ и ребенка, и глухіе удары палки, — пока наконецъ вельможа, наблюдавшій за расправой, не покопчилъ ее словомъ «довольно». Такиа сцены въ Фессалии, говорить, приходится видѣть частенько, и не мудрено, что народъ при видѣ турецкаго вельможи замираетъ отъ страха, и что ненависть къ этому дикому врагу проникла даже въ самые невѣжественные классы народа. Одинъ поселянинъ увѣрялъ меня, что на томъ мѣстѣ, гдѣ подохнетъ турка, даже трава не растетъ, птица гнѣзда не сошьетъ, и все то мѣсто покроется колючимъ чертополохомъ.

Греки, поселившіеся въ окрестностяхъ Вола, очень довольны, что они успѣли завести здѣсь отдѣльный кварталъ, гдѣ нѣтъ ни одного турка и гдѣ они могутъ жить, какъ хотятъ. Въ этомъ кварталѣ теперь выстроено до 60 домовъ съ красивыми магазинами, которые захватили въ свои руки всю мѣстную торговлю. Правда, что турки косо смотрятъ на этотъ кварталъ и по возможности мѣшаютъ его постройкамъ, опасаясь, чтобы онъ не превратился въ новый европейскій городъ, — но греки умѣютъ задобрить, кого слѣдуетъ, и кварталъ растетъ понемногу. Въ немъ есть даже небольшая церковь, при церкви колокольня, а на колокольнѣ *коложолъ*. Замѣтивъ эту рѣдкость греческихъ церквей и, особенно, слышавъ мелодическій звонъ колокола, я почувствовалъ нѣкоторое умиленіе; но какова же была моя радость, когда я на колоколѣ явственно прочелъ надпись: «Ростовъ на Дону». Да, это она, моя милая родина, не забываетъ своихъ угнетенныхъ братьевъ, и въ утѣшеніе имъ трезвонитъ въ свои колокола по всему Востоку...

Еще давно гдѣ-то слышалъ я, что въ Воло есть удивительный источникъ, вода въ которомъ чудеснымъ образомъ появляется только одинъ разъ въ годъ, а именно въ пятницу на пасхѣ, въ праздникъ живоноснаго источника. Этотъ рассказъ я слышалъ и здѣсь, а потому не удивительно, что почувствовалъ непреодолимое желаніе посмотрѣть на эту диковинку. Сомною пошелъ г. С... и еще нѣсколько человекъ изъ желающихъ, а въ проводники мы взяли сельскаго пастуха, хорошо знакомаго съ мѣстностью источника. Долго подымались мы на вершину горы Гурицы и наконецъ достигли до мѣста, гдѣ прежде помѣщалась старинная венеціанская крѣпость, извѣстная теперь въ этой мѣстности подъ простымъ названіемъ Франко-кастро. Крѣпости теперь, конечно, не существуетъ, но на вершинѣ Гурицы еще до сихъ поръ замѣтны слѣды крѣпостныхъ стѣнъ и другихъ зданій, и по этимъ слѣдамъ, какъ по картѣ, можно видѣть планъ города. Изъ остатковъ его теперь сложена тамъ небольшая церковь безъ кровли, и въ ней, въ праздникъ живоноснаго источника, мѣстные попы правятъ службу. Подлѣ церкви помѣщается старинная цистерна, съ превосходной водою.

— Здѣсь что-ли? спросилъ я у пастуха.

— Тутъ вода есть. Значить ищи дальше.

Мы спустились нѣсколько ниже и тамъ между кустами отыскали другую цистерну.

— Не тутъ ли? опять спросилъ я.

— Онъ самый и есть, — отвѣтилъ пастухъ.

Раздвинувъ сучья мы увидѣли, что и въ этомъ источникѣ тоже есть вода, только мутная, тинистая, покрытая болотными растеньями. Я взглянулъ на пастуха. Нельзя было представить себѣ ничего комичнѣе изумленія, какое выразилось тогда на загорѣлой физиономіи нашего проводника. Онъ бессмысленно глядѣлъ то на насъ, то на источникъ, и только отъ времени до времени погружалъ въ эту запрещенную воду свою суковатую палку. Я наконецъ расхохотался.

— Да сегодня какой у насъ день? спросилъ озадаченный пастухъ.

— Не бойся, сердечный, не пасха, — отвѣчалъ я. — А ты часто ли бывалъ здѣсь прежде?

— Только въ праздникъ и бывалъ.

— Въ томъ-то и дѣло. Ходилъ бы почаще, такъ у тебя была бы вѣчная пасха.

А между тѣмъ дѣло объяснилось очень просто. Дѣло въ томъ, что во времена существованія города этотъ бассейнъ предназначал-

ся для сбереженія лишней воды, и когда въ верхней цистернѣ вода отъ дождей достигала до краевъ, то излишекъ ея черезъ подземныя трубы стекалъ въ другую цистерну, помѣщенную ниже; отсюда въ третью, и т. д. Это подтвердилось и тѣмъ, что въ чудесномъ источникѣ мы отыскали даже самыя отверстія подземныхъ трубъ. А тутъ время долго стояло дождливое, верхняя цистерна наполнилась до краевъ, и вода въ непоказанное время и пробралась въ чудесный источникъ. Такъ вообще устроиваются водоемы въ горныхъ безводныхъ мѣстахъ.

Вся гора, на которой покоятся обломки стараго города и источникъ, изрыта глубокими каменоломнями, такъ что внутри ея образуется множество пещеръ и подземныхъ ходовъ. Эти каменоломни давно уже брошены, но они очень были полезны для мѣстнаго населенія во время возстанія. Въ обширныхъ пещерахъ горы укрывалось отъ преслѣдованья турокъ множество греческихъ семействъ, и отсюда они потомъ, черезъ подземные ходы, могли выходить къ морю и бѣжать далѣе уже на лодкахъ. Мнѣ интересно было заглянуть въ эти пещеры и, съвозъ небольшую лазейку у самаго берега, мы всѣ вошли въ огромный залъ, съ искусственными колонами и нишами; съ одной стороны этого зала, въ заросшее плущемъ отверстіе, хлещутъ волны морскія, а съ другой стороны маленькая лѣстница ведетъ во внутреннія галлерей. Къ несчастью начинало уже смеркаться, и потому пробраться въ эти галлерей было и трудно, и опасно.

На обратномъ пути мы встрѣтили семейство греческаго консула, а съ нимъ того патріота, съ которымъ я познакомился на пароходѣ. Начались обыкновенные разговоры: «какъ правится мѣстность? были ли въ крѣпости?» и т. п. И всѣ-то они радуются, что мы увидимъ наконецъ Фессалию и общаются впереди такое множество новыхъ впечатлѣній и пріятныхъ, и печальныхъ... А вотъ посмотримъ...

На берегу, подлѣ самой воды, стоитъ одинокая могила съ крестомъ; волны хлещутъ въ ея насыпь и покрываютъ ее слоями свѣжаго песка. Не извѣстно, кто сложилъ здѣсь свои косточки; спрашивалъ я объ этомъ у пастуха, но получилъ въ отвѣтъ только одно слово «чужой». А вѣроятно здѣсь закопанъ какой-нибудь иностранецъ, котораго шепетильные греки не захотѣли похоронить на своемъ кладбищѣ только за то, что онъ носилъ имя «протестанта». Потомки древней Византіи не жалуютъ протестантовъ религіозныхъ: они для грековъ «чужіе»...

Завтра въ путь, на новыя встрѣчи.

Н. А. Благоушеченскій.

Ш Е Л Л И.*

(ХАРАКТЕРИСТИКА)

Имя этого писателя, тѣсно связанное съ другимъ знаменитымъ именемъ Байрона, совершенно неизвѣстно русской публикѣ и почему-то забыто въ нашей литературѣ. Среди шаривари всякихъ посредственностей, переводимыхъ нашими лириками, произведешя Шелли не удостоились вниманія и, сколько намъ извѣстно, ни одно изъ нихъ не было передано на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ послѣ Шекспира и Байрона — это самый замѣчательный поэтъ Англiи; по силѣ мысли, по чистотѣ чувствъ и по грандіозности поэтическихъ образовъ онъ не уступаетъ никому изъ лучшихъ поэтовъ XIX вѣка. Необыкновенная простота, какъ неразлучное свойство великихъ умовъ, соединенная съ глубокимъ пониманіемъ дѣйствительнаго міра, приближаютъ Шелли къ автору «Ромео и Юліи», а страстное увлеченіе своей идеей ставитъ его почти рядомъ съ авторомъ «Манфреда». И если мы не находимъ у Шелли той яркости картинъ и оригинальности мысли, которая свойственна Байрону, то съ другой стороны Байронъ далеко уступаетъ своему другу и сопернику въ искренности желанія обновить «старую тюрьму» (такъ называлъ Шелли современную ему Англiю и Европу) новымъ свѣтомъ и новыми идеями. За эти идеи и за глубокое сочувствіе лучшему будущему человечества, Шелли называли мечтателемъ, сумасбродомъ, думавшимъ преобразовать весь міръ. Но кто же не могъ прослыть за мечтателя въ кругу тѣхъ свирѣпыхъ ханжей, которые преслѣдовали поэта, отка-

*) Помѣщая переводъ одного изъ лучшихъ произведеній Шелли: Батриче Чивчи, мы признали не лишнимъ сказать вѣсколько словъ вообще о литературной дѣятельности Шелли, который, вѣвѣтъ съ Байрономъ, въ свое время раздѣлялъ участь отверженнаго поэта Англiи. Шелли родился въ 1792, а умеръ въ 1822 году, утонувъ во время бури въ Средиземномъ морѣ. Вся жизнь этого гениальнаго человѣка, такъ ясно и дѣлвно выразившаяся въ его сочиненіяхъ, была невозможнымъ протестомъ противъ подлостей его враговъ и несправедливостей той мрачной эпохи, въ которую онъ имѣлъ несчастье мыслить и писать.

зали ему въ отечествѣ, въ спокойномъ жилищѣ, въ дѣтяхъ и въ добромъ имени. Шелли, подобно Байрону, долженъ былъ оставить Англiю и жить то въ Швейцарiи, то въ Италiи, сосредоточиваясь самъ въ себѣ и въ кругу своихъ немногихъ друзей. Эта уединенная и наглухо запертая въ себѣ жизнь развила въ воображенiи Шелли нѣсколько мистическiй характеръ, который отразился на его стихотворенiяхъ. Этому не мало содѣйствовала и нелѣпость воспитанiя, полученнаго Шелли, отъ котораго онъ безъ сомнѣнiя излечился бы, если бы прожилъ долѣе тридцати лѣтъ. Начавъ свое ученiе въ Итонской школѣ и продолжая его въ Оксфордскомъ университетѣ, — въ этомъ классическомъ расадникѣ самыхъ классическихъ филистеровъ «добрый, старой Англiи», Шелли чувствовалъ особенную наклонность къ реальнымъ знанiямъ и сталъ было усердно заниматься химiей и физикой. Но кто знаетъ, какъ подоврительно смотрѣли въ тогдашнемъ Оксфордѣ на естественныя науки, какъ плохо преподавали ихъ, тотъ не станетъ удивляться, что даже такой живой и страстный умъ, какъ Шелли, успѣли охладить къ его занятiямъ. А между тѣмъ, чѣмъ бы ни удовлетворить свою любознательность, а удовлетворить ее надо было; и вотъ молодой Шелли бросается въ другую крайность—въ омутъ метафизическихъ созерцанiй и доходитъ до бѣлой горячки абстрактнаго мышленiя. Впослѣдствiи, вспоминая объ этомъ періодѣ своего умственнаго развитiя, онъ писалъ Байрону: «я не могу жаловаться на старыхъ педагоговъ за одно, что они помогли мнѣ выйдти изъ университета скорѣе, чѣмъ я хотѣлъ. Останься я еще нѣсколько лѣтъ, они задушили бы во мнѣ всякую любовь къ образованiю, всякое желанiе выйдти изъ стада скотовъ, подобныхъ имъ...» И всякiй, кто бѣжалъ отъ этого стада, назывался мечтателемъ и сумасбродомъ. Кроме того Шелли обвиняли за его космополитическiя иллюзии. Но кто же изъ гениальныхъ людей не былъ космополитомъ прежде, чѣмъ сдѣлался національнымъ? И какая национальность, въ ея истинномъ смыслѣ, возможна безъ общечеловѣческихъ идей и стремленiй? Только пошлый патрiотизмъ Менцелей можетъ обходиться безъ тѣхъ космополитическихъ иллюзiй, за которыя страдали Гейне, Берне, Байронъ и Шелли. Нѣтъ сомнѣнiя, что никто изъ нихъ не пробiялъ бы своего, самаго тяжелаго страданiя за самое полное блаженство Менцеля, потому что лучше страдать, но жить, чѣмъ блаженствовать и спать сномъ сытой коровы...

Объ отношеніяхъ Шелли къ Байрону много писалось; но эти отношенія остаются до сихъ поръ нѣсколько загадочными. Можно положительно сказать, что Байронъ нѣкоторое время находился подъ сильнымъ вліяніемъ Шелли и увлекся его міросозерцаніемъ, въ которомъ было такъ много очаровательнаго. Это относится къ 1817 году, когда поэты встрѣтились на берегу Женевского озера, постоянно находились вмѣстѣ, наслаждались великолѣпной лѣтней погодой, проводили цѣлые дни въ путешествіяхъ по швейцарскимъ горамъ и просиживали цѣлыя ночи, читая другъ другу свои произведенія и бесѣдуя о томъ, что особенно занимало ихъ въ это время. Какъ высоко цѣнилъ эту дружбу Байронъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что онъ повѣрялъ Шелли и просилъ его посредничества даже въ такихъ интимныхъ обстоятельствахъ, какъ его любовь къ графинѣ Гвичіоли. Но все-таки эта дружба была чисто внѣшняя, основанная больше на взаимномъ уваженіи, чѣмъ на убѣжденіяхъ и общихъ нравственныхъ интересахъ. Нельзя не замѣтить изъ нѣкоторыхъ писемъ Байрона, *) что онъ чувствовалъ въ Шелли себѣ соперника и расходился съ нимъ въ образѣ мыслей. «Что же касается до бѣднаго Шелли, писалъ онъ Муру.... то, по моему мнѣнію, это самый безкорыстный и милый изъ людей, — человекъ, который пожертвовалъ своимъ счастіемъ и чувствами для другихъ больше, чѣмъ кто нибудь, кого только я знаю. Съ его абстрактными идеями я не имѣю ничего общаго и не желаю имѣть.» Не смотря однакожъ на различіе ихъ убѣжденій, въ жизни того и другаго поэта было такъ много сходнаго, симпатичнаго и сирѣпляющаго человѣческія отношенія, что они счумѣли остаться если не вполне искренними, то самыми любезными друзьями. Когда Байронъ услышалъ о смерти Шелли, онъ немедленно отправился въ Ливорно, принялъ его трупъ изъ рукъ карантинныхъ чиновниковъ, сожегъ и похоронилъ его въ Урнѣ. Въ тотъ же вечеръ изъ подъ пера Байрона вышло грустное, раздирающее письмо, написанное имъ въ Англію, въ которомъ онъ говоритъ: «нѣтъ болѣе Шелли—нѣтъ болѣе моего гениальнаго друга. Я лежѣю при взглядѣ на эту урну, въ которой хранится только пепелъ отъ этой высокой и благородной души. Что-то трагическое, страшно-роковое я вижу въ погибели лучшихъ людей Англіи, для которой гений какъ будто составляетъ бремя и проклятіе.»

См. Life and Letters of Byron, by Tomas Moore. London. 1854.

Лучшія изъ стихотвореній Шелли — *Аласторъ*, *Неукротимый Прометей*, *Королева Мэбъ*, *Беатриче Ченчи* и множество нек-кихъ лирическихъ шестъ, проникнуты однимъ глубокимъ убѣжденіемъ: — видѣть людей болѣе довольными и счастливыми, чѣмъ ихъ видѣлъ поэтъ.

Сюжетомъ трагедіи, предлагаемой нашимъ читателямъ, послужило истинное, строго-историческое событіе итальянскихъ лѣтописей. Шелли почерпнулъ его изъ одного манускрипта, доставленнаго ему изъ архаива дворца Ченчи, доселѣ уцѣлѣвшаго въ Римѣ. Ужасныя злодѣянія и ужасная кончина этого семейства относятся къ царствованію папы Климента VIII, къ послѣдному году XVI столѣтія. Старикъ Ченчи испробовавъ всевозможныя преступленія и, подкупивъ папу пожертвованіемъ 100,000 кронъ, купилъ себѣ безусловную свободу безнаказанно совершать самыя отвратительныя злодѣянія. Ненависть его къ дѣтямъ дошла наконецъ до того, что онъ рѣшился осквернить свою дочь гнуснѣйшею страстію, и когда Беатриче и ея мачиха задумали отмстити злодѣю, то замысль ихъ была открыта и онѣ были преданы публичной казни.

Ч Е Н Ч И.

Соч. ШЕЛЛИ.

ДѢЙСТВУЮЩИЕ:

Графъ Франческо Ченчи.
Антонио { его сынъ.
Бернардо {
Кардиналъ Камилло.
Орсини, прелатъ.
Савелла, легатъ нашъ.

Олимпіо { убійца
Марціо {
Андреа, слуга Ченчи.
Лукреція, жена Ченчи и мачиха его дѣтей.
Беатриче, его дочь.
Вальмонъ, судья, стража, слуга.

Дѣйствіе происходитъ главнымъ образомъ въ Римѣ, и только въ 4-й актѣ — въ Петреэльѣ, замкѣ въ Аппенинскихъ горахъ.
 Время дѣйствія — царствованіе папы Климента VIII.

ЧЕНЧИ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Шедли

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I

Комната во дворцѣ Ченчи.

Входятъ ГРАФЪ ЧЕНЧИ и КАРДИНАЛЬ КАМИЛЛО.

КАМИЛЛО.

Загладиться убійство это можетъ,
Когда вы, графъ, рѣшитесь уступить
Его святѣйшему помятое ваше,
Лежащее за Пинченской заставой.
Я все свое вліянье долженъ былъ
Употребить, чтобъ далъ свое согласье
Святой отецъ; онъ говорилъ, что вы
Червонцами себѣ купили право
Насиліе свѣободно совершать;
Что нѣсколько злодѣйствъ, подобныхъ вашимъ,
Обогащаютъ церковь и спасаютъ
Отъ мукъ въ аду одну изъ грѣшныхъ душъ,
Желающихъ покаяться сердечно;
Но интересъ — прибавилъ онъ — и слава
Высокаго престола моего
Мнѣ отдавать его не позволяютъ
Подъ торжище всендневное такихъ
Безчисленныхъ и гнусныхъ преступленій,
Какъ тѣ, что вы не трудитесь срыватъ
Отъ глазъ людскихъ, глубоко возмущенныхъ.

ЧЕНЧИ.

Онъ хочетъ треть моихъ владѣній, — ну,
 Пускай беретъ! я слышалъ, что племянникъ
 Святѣйшаго, въ то время, какъ торги
 Я заключалъ съ его почтеннымъ дядей,
 Сюда прислалъ строителя, чтобъ тотъ
 Исслѣдовалъ всю мѣстность, на которой
 Желалъ себѣ построить виллу онъ.
 Не думалъ я, что онъ меня такъ ловко
 Перехитритъ!... Но съ этихъ поръ никто,
 Ни человекъ, ни даже свѣтъ лампады
 Свидѣтелемъ не будетъ ужь того,
 Что обличить намѣренъ былъ бездѣльникъ,
 Которому въ награду за его
 Намѣренъе землей заткнулъ я глотку...

. — Папа
 Климентъ и всѣ племянники его
 Высоко-милосердные, конечно,
 Все молятся, чтобъ ради ихъ
 Давали мнѣ и силу, и богатство,
 И гордый духъ, и жизнь, чтобъ совершать
 Я могъ дѣла — источникъ ихъ доходовъ.
 Но у меня еще такъ много есть
 Того, на что не могутъ притязаній
 Они имѣть.

КАМИЛЛО.

О, графъ, да, у тебя
 Такъ много есть, что былъ бы въ состоянн
 Ты честно жить, и съ собственной душой,
 И съ Господомъ, и съ оскорбленнымъ свѣтомъ
 Миръ заключить. Какъ гнусно сквозь твои
 Почтенныя, сребристыя сѣдины
 Глядятъ дѣла, исполненыя крови
 И похоти преступной! Вкругъ тебя
 Могло-бъ сидѣть твое семейство, еслибъ
 Въ глазахъ его читать ты не боялся

Ту скорбь, тотъ стыдъ, что начерталъ ты въ нихъ.
 Гдѣ дочь твоя, жена твоя? Я знаю,
 Что дочери прекрасной милой взгляды,
 Который все такъ чудно украшаютъ
 И веселить, убить бы злого духа
 И у тебя въ душѣ. За что ее
 Ты оторвалъ отъ общества и сдѣлалъ
 Сообщникомъ ея лишь скорбь одну
 Глубокую? — Скажите мнѣ, графъ Ченчи,
 Скажите все! Вы знаете, что къ вамъ
 Привязанъ я; я слѣдовалъ за вами
 Въ дни юности порочной вашей, я
 Слѣдилъ ея неукротимый бѣгъ,
 Какъ человѣкъ слѣдитъ за метеоромъ.
 Но это былъ не метеоръ, — конца
 Въ немъ не было... Я видѣлъ васъ и мужемъ
 Съ душой, вполне закрытой для добра,
 Раскаянья и угрызеній; — нынче
 Я вижу васъ безчестнымъ старикомъ,
 Запятнаннымъ миллиономъ преступленій.
 Но я всегда надѣялся, что вы
 Раскаетесь, и въ этой лишь надеждѣ
 Три раза васъ отъ смерти я спасалъ.

ЧЕНЧИ.

За это я вамъ далъ Альдобрандино —
 Имѣнне близъ Пяпчю. Кардиналъ,
 Я кое-что вамъ расскажу и это
 Запомните, пожалуйста, — тогда
 Мы говорить свободнѣй съ вами будемъ.
 Недавно мнѣ одинъ знакомый вашъ
 Совѣтъ давалъ на счетъ моей супруги
 И дочери... онъ часто у меня
 Бывалъ въ гостяхъ... На слѣдующій день
Его жена и дочь пришли съ вопросомъ:
 Не знаю-ль я, куда дѣвался онъ?
 Я отвѣчалъ улыбкой; полагаю,
 Что больше съ нимъ не встрѣтился онъ.

КАМИЛЛО.

О, берегись, проклятый!

ЧЕНЧИ.

Не тебя ли?

Не стоять. Мы знакомы хорошо
 Одинъ съ другимъ. Характеръ мой — предметъ
 Общественныхъ суждений; люди видятъ
 Преступника во мнѣ; всё говорятъ,
 Что я слуга страстей своихъ и силой
 Или хитростью отстаивать умѣю
 Свои права; — такъ съ вами разсуждать
 Объ этомъ я могу свободно; съ вами
 Я говорю, какъ съ собственной душой:
 Вѣдь хвалитесь вы сами, что успѣли
 Меня полу-исправить; значить, васъ
 Тщеславіе молчать заставить, если
 Не страхъ; но я увѣренъ, что на васъ
 Подѣйствуютъ и оба эти чувства.
 У всѣхъ людей въ сердцахъ наклонность есть
 Къ плотскимъ страстямъ; всё люди любятъ мщенье;
 Всѣхъ радуютъ страданія другихъ,
 И этими страданьями ласкаютъ
 Свои сердца всѣ люди. Я люблю
 Видѣ смертныхъ мукъ и чувство наслажденья,
 Когда другой испытываетъ *ихъ*,
 А я — *его*. Во мнѣ ни угрызений,
 Ни страха нѣтъ, — а это для другихъ
 Главнѣйшія, какъ кажется, оковы.
 И этотъ нравъ такъ сильно вкорененъ
 Въ моей душѣ, что каждый планъ, который
 Упорная фантазія создастъ —
 (А создаетъ она такіе планы,
 Которые подобныхъ вамъ людей
 Приводятъ въ содроганье) — для меня
 Равняется исполнѣ лишенью пищи,
 Лишенію спокойствія, пока
 Удачно онъ не кончатся.

КАМИЛЛО.

И жалнимъ

Созданіемъ не называешь ты
Себя?

ЧЕНЧИ.

Ни чуть. Съ какой же стати жалнимъ?
На вашемъ богословскомъ языкѣ
Характеръ мой зовется закосяблымъ.
Не стыдно-ль вамъ бранить меня за то,
Что у меня особенные вкусы?
Но сознаюсь, я счастливѣе былъ
Въ тѣ времена, когда, мужчина зрѣлый,
Могъ совершать все то, что замышлялъ,
Когда любилъ и сладострастье больше
Чѣмъ мщеніе... Теперь изобрѣтать
Я не могу... Всѣ люди стариками
Становятся... Въ дни юности моей
Я гнался лишь за радостями жизни
И собиралъ повсюду сладкій медъ.
Но вѣдь, клянусь святымъ Фомою, люди
Не могутъ жить, какъ пчелы, — и усталъ
Я наконецъ. О, выше наслажденья
Въ то время я не зналъ, какъ убивать
Своихъ враговъ, и слышать ихъ стенанья,
И вопли ихъ семейства; но теперь
Ужъ это все меня не восхищаетъ.
Теперь смотрю съ любовью я на тѣ
Страданія, которыхъ не умѣетъ
Злой ужасъ скрыть; на неподвижный взглядъ
Сухихъ очей, на блѣдныхъ губъ дрожанье,
Которое мнѣ ясно говорить,
Что ихъ душа льетъ слезы горьче пота
Броваваго Спасителя. Я рѣдко
Жизнь отымалъ у тѣла одного:
Какъ крѣпкая тюрьма, оно держало
Въ моихъ рукахъ всю душу, и ее
Поддерживалъ я страхомъ, и старался,
Чтобъ каждый часъ былъ мукой для нея.

КАМИЛЛО.

Злой адскій духъ, въ свирѣпомъ опьянѣннѣ
 Своимъ грѣхомъ, вѣчно никогда
 Не говорилъ передъ своей душою
 Того, что вы сказали предо мной.
 Благодарю я Господа сердечно
 За то, что вамъ не вѣрю я.

(Входитъ Андреа).

АНДРЕА.

Синьоръ,

Здѣсь дворянинъ изъ Саламанки; хочетъ
 Онъ видѣть васъ и говорить.

ЧЕНЧИ.

Пускай

Онъ подождетъ меня въ парадной залѣ.

(Андреа уходитъ).

КАМИЛЛО.

Прощай старикъ! молить я буду Бога,
 Чтобъ отъ тебя не отвернулся Онъ
 За лживыя, преступнѣйшія рѣчи.

(Уходитъ).

ЧЕНЧИ.

Треть моего имущества!.. О, нѣтъ,
 Я долженъ жить съ расчетомъ, — а иначе
 Все золото — оружье старика,
 Посыпется изъ рукъ моихъ бессильныхъ.
 Еще вчера мнѣ папа приказалъ
 Учетверить скорѣе содержанье
 Двухъ сыновей моихъ проклятыхъ. Я
 Отправилъ ихъ изъ Рима въ Саламанку
 Въ надеждѣ той, что съ ними чтонибудь
 Недоброе случится, что уснѣю
 Я какънибудь ихъ голодомъ убить.
 О, Господи, пошли имъ смерть скорѣе!
 Останутся жена, Бердардо дочь...
 Но первымъ двумъ ни въ адѣ, ни въ могилѣ
 Не можетъ быть сквернѣе, чѣмъ теперь.
 А дочь моя...

(Подозрительно оллдывается кругомъ).

Я думаю, не стануть
 Здѣсь у дверей подслушивать они...
 А если да?.. Но нѣтъ, молчать я долженъ,
 Хотя бъ словамъ и радостно внимаю.
 Моя душа!.. О, воздухъ, даже ты,
 Безгласная стихія, не услышишь
 Того, о чемъ я думаю теперь...
 Вы, мраморныя плиты, по которымъ
 Въ ней въ комнату я прохожу,—пуснай
 Вашъ звукъ для ней послужить извѣщеньемъ,
 Что я иду, но не откроеть ей
 Намъреній души моей... Андреа!

АНДРЕА (войдя).

Синьоръ!

ЧЕНЧИ.

Поди, скажи, чтобъ Беатриче
 Меня ждала сегодня у себя
 Предъ вечеромъ... нѣтъ, въ полночь, и одна.
 (Уходить).

ОЦЕНА II.

Садъ во дворцѣ Ченчи.

Входятъ БЕАТРИЧЕ и ОРСИНО.

БЕАТРИЧЕ.

Не извращайте истины, Орсино;
 Вы помните то мѣсто, гдѣ вели
 Тотъ разговоръ мы съ вами? Это мѣсто
 Недалеко; два года протекли
 Съ тѣхъ поръ, какъ въ ночь апрѣльскую, при лунномъ
 Сіяніи, у Палатинскихъ стѣнъ,
 Я тайну вамъ души моей открыла.

ОРСИНО.

Въ то время вы сказали, что меня
 Вы любите.

БЕАТРИЧЕ.

И говорить со мною о любви
 Вы не должны.

ОРСИНО.

Но папа разрѣшенье
 Мнѣ дать на бракъ... Ну, да, священникъ я,
 Но и теперь меня вашъ милый образъ
 Преслѣдуетъ во снѣ и на яву,
 И гонится точь въ точь стрѣлокъ за дичью.

БЕАТРИЧЕ.

Вамъ говорить со мною о любви
 Не слѣдуетъ—я снова повторяю.
 Получите вы разрѣшенье? Пусть!
 Но у меня ему не быть. Къ тому же
 Я не хочу оставить этотъ домъ
 Страданія, гдѣ бѣдный мой Бернардо
 И женщина прекрасная, кому
 Обязана я жизнью и благими
 Стремленьями и мыслями, — живутъ
 Въ мученіяхъ, которыя покамѣстъ
 Переносить имѣю силу я.
 Ахъ, та любовь, что прежде къ вамъ, Орсино,
 Питала я, теперь мученье мнѣ.
 Союзъ любви, который заключили
 Мы въ юности, вы разорвали тѣмъ,
 Что приняли такой обѣтъ, какого
 Не сниметь съ васъ и папа; между тѣмъ
 Я все еще люблю васъ; но святою
 Любовью, какъ ангелъ или сестра,
 И въ вѣрности холодной вамъ клянуса.
 И можетъ быть, Орсино, хорошо,
 Что вашею женою я не буду:
 Вашъ хитрый нравъ мнѣ какъ-то не по сердцу.
 О горе мнѣ, несчастной! У кого
 Найду приютъ и теплое участье!
 Вотъ даже вы глядите на меня,
 Какъ врагъ какой...

Моя печаль виной, что я кажусь
 Суровѣе, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ;
 На мнѣ лежитъ тревожныхъ мыслей бремя,

И мысли тѣ предсказываютъ мнѣ...
 Но предсказать возможно ли что либо
 Ужаснѣе того, что я терплю?

ОРСИНО.

Поправиться еще все дѣло можетъ..
 Написано-ль прошенье? Беатриче
 Прекрасная, вы знаете, что я
 Отъ всей души готовъ желаньямъ вашимъ.
 Всегда служить, не сомнѣвайтесь, я
 Употреблю всѣ силы и искусство,
 Чтобъ папа намъ свое согласье далъ.

БЕАТРИЧЕ.

Отъ всей души служить вы мнѣ готовы?
 Увы, увы! вы холодны, какъ ледъ!
 (*въ сторону*) Какое я несчастное созданье!
 Передо мной единственный мой другъ,
 И съ нимъ должна я ссориться!.. (*вслушать*) Орсино,
 Сегодня въ ночь отецъ мой пиръ даетъ;
 Онъ получилъ изъ Саламанки вѣсти
 Хорошія отъ сыновей своихъ,
 И виѣшнею любовію желаетъ
 Онъ ненависть душевную прикрыть.
 То смѣлое и злое лицемѣрье.
 Я знаю, онъ хотѣлъ бы лучше смерть
 Ихъ праздновать,—объ этомъ на колаѣняхъ
 Онъ молится нерѣдко... О, творецъ,
 И я, я дочь такого человѣка!..
 Блестящій пиръ готовится... къ нему
 Приглашены всѣ родственники наши
 И римскіе вельможи. Графъ велѣлъ
 Мнѣ съ матерью одѣться пороскошнѣй...
 Несчастливая! надѣется она,
 Что этотъ пиръ предвѣстникъ измѣненья
 Счастливаго во тѣмъ его души;
 Я ни на что надежды не имѣю.
 За ужиномъ я просьбу вамъ отдамъ.
 А до тѣхъ поръ прощайте!

ОРСИНО.

До свиданья!

(Беатриче уходит)

Увѣренъ я, что папа лишь тогда
 Съ меня обѣтъ священнической сниметь,
 Когда сниму съ себя доходы я
 Отъ разныхъ мѣстъ богатыхъ. Беатриче,
 Тебя купить дешевле я хочу.
 Не передамъ ея прошенья папѣ;
 А то вѣдь онъ, пожалуй, и ее
 За одного изъ родственниковъ бѣдныхъ
 Своихъ отдастъ, какъ отдалъ ужъ ея
 Сестеръ,—тогда все для меня пропало.
 Во всѣхъ ея разказахъ объ отцѣ
 Есть лишняго не мало, я увѣренъ.
 Всѣ старики упрямы и идуть
 Своимъ путемъ. Вѣдь стоятъ человѣку
 Своихъ враговъ, вассаловъ убивать,
 Жить весело среди вина и женщинъ,
 И, приходи въ свой скучный домъ, бранить
 Въ досадѣ злой жену и все семейство,—
 Сейчасъ жена и дочери его
 Провозгласятъ тираномъ. Я желаю,
 Чтобъ не было на совѣсти моей
 Грѣха сильнѣй тѣхъ мукъ, что переносятъ
 Отъ хитростей любви моей онѣ.
 Я протянулъ ей сѣть и не избѣгнетъ
 Она ея. Но все же страшнѣ мнѣ
 И умъ ея, и взглядъ, благоговѣнье
 Внушающій, тотъ взглядъ, чей свѣтлый блескъ
 Мой каждый нервъ за нервомъ разсѣкаетъ,
 И входитъ въ глубь души моей, и мнѣ
 Велитъ краснѣть предъ тайными монни
 Желаньями и мыслями... Но нѣтъ!
 Она—дитя, оставленное всѣми,
 И вся ея надежда на меня
 Лишь одного... Когда-бъ я ей позволилъ
 Изъ рукъ моихъ на вѣки ускользнуть,

То былъ бы глупъ, какъ хищная пантера,
Которую газели взглядъ смутилъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА III

Великолѣпная зала во дворцѣ Ченчи. Ужинъ.

Входятъ ЧЕНЧИ, ЛУКРЕЦІЯ, БЕАТРИЧЕ, ОРСИНО, КАМИЛЛО, ВЕЛЬМОЖИ.
ЧЕНЧИ.

Привѣтъ мой вамъ, друзья и всѣ родные,
Привѣтъ и вамъ, князья, и вамъ, столбы
Церковныя, святые кардиналы,
Почтившіе присутствіемъ нашъ пиръ.
Я долго жилъ отшельникомъ суровымъ,
И между тѣмъ, какъ не было меня
На празднествахъ веселыхъ вашихъ,—злая
Молва неслась повсюду обо мнѣ.
Но, славные друзья мои, падѣюсь,
Когда со мной раздѣлите вы пиръ,
Узнаете священную причину
Веселія и чопнетесь со мной
Бокалами,—тогда вы согласитесь,
Что плотью я и кровью равенъ вамъ;
Не безъ грѣховъ, конечно, какъ и всѣ мы
Со времени Адамова грѣха,
Но съ нѣжною и мягкою душою.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да, правда, графъ! Вы кажетесь такимъ
Общительнымъ, любезнымъ человекомъ,
Что врядъ-ли вы способны то свершать,
Въ чемъ васъ молва людская обвиняетъ.
(*своему сосѣду*). Ни въ чьихъ глазахъ не видѣлъ я еще
Сердечнаго веселія такого.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Сюда привелъ желанный случай насъ.
Мы раздѣлить желаемъ вашу радость
И слушаемъ; въ чемъ дѣло, графъ?

ЧЕНЧИ.

О, да,

Вы правы; то давно-желанный случай.
 Когда отецъ, изъ глубины души
 Отцовской шлеетъ къ Создателю молитву
 Горячую во всякій часъ, — ложась,
 Вставая-ли, или бодрствуя, — молитву,
 Въ которой онъ для сминовенъ своихъ
 Лишь *одного* у Бога жарко просить,
 И *одного* желаетъ, на *одно*
 Надѣется, — и вдругъ его желанье
 Исполнится блистательно, — тогда
 Своихъ друзей на пиръ онъ созываетъ
 И просить ихъ съ нимъ радость раздѣлить.
 Такъ радуйтесь, — отецъ тотъ передъ вами.

БЕАТРИЧЕ (Лукреція).

О, Господи! я въ ужасъ дрожу!
 Несчастіе навѣрно бѣдныхъ братьевъ
 Постигнуло.

ЛУКРЕЦІЯ.

Нѣтъ, не страшись, дѣта,
 Онъ говорить со всѣмъ чистосердечно.

БЕАТРИЧЕ.

Ахъ, у меня кладѣтъ въ жилахъ кровь.
 Ужасна мнѣ коварная улыбка,
 Что свѣтится въ его глазахъ, и все
 Его лице подергиваетъ злобно.

ЧЕНЧИ.

Вотъ письма; ихъ изъ Саламанки мнѣ
 Доставили. Прочти ихъ, Беатриче,
 Моей женѣ. Благодарю тебя,
 Создатель мой! Путемъ таинственнымъ
 Ты въ ночь одну то совершилъ, о чемъ
 Такъ долго я мечталъ! Мои два сына,
 Мятешные и дерекіе — мертвы.
 Ну, да, мертвы! Чего жъ вы побѣднѣли?
 Вы слышите, я говорю — мертвы!
 Теперъ уже ни пицца, ни одежды

Не нужно имъ; послѣдній ихъ расходъ
Составили тѣ свѣчи, что свѣтили
Имъ на пути въ могилу. Ужь теперь,
Я думаю, желать не будетъ папа,
Чтобъ и въ гробахъ я деньги имъ давалъ.
Такъ радуйтесь со мною; безкомечнымъ
Веселіемъ полна моя душа.

*(Лукреція падаетъ на стулъ въ полнѣ-обморокъ;
Беатриче поддерживаетъ ее).*

БЕАТРИЧЕ

Нѣтъ, это ложь! О матушка, на небо
Взгляни.... есть Богъ на небѣ.... это ложь.
Чудовище, не человѣкъ! ты знаешь,
Что ты солгалъ.

ЧЕНЧИ

Нѣтъ, Бога я зову
Въ свидѣтели того, что только правду
Я говорю, — да, умерли они,
И въ способъ ихъ смерти Провидѣнье
Великую явило благость. Рокко
Съ шестнадцатью другими въ храмъ былъ
И преклонясь молился; вдругъ вся церковь
Обрушилась, и былъ раздавленъ онъ,
Тогда какъ всѣ остались невредимы!
Другого же, Кристофо, умертвилъ
Ошибкою одинъ ревнивецъ ярый
Въ ту самую минуту, какъ съ его
Возлюбленной соперникъ настоящій
Блаженствовалъ. Въ одну и ту же ночь,
И въ часъ одинъ они погибли оба.
Изъ этого я вижу, что Господь
Меня взыскалъ особой благодатью.
Друзья мои! прошу васъ этотъ день
Днемъ праздничнымъ въ календарѣ отмѣтить!
Вотъ письма вамъ; не вѣрите словамъ,
Прочтите.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

О, чудовищное дѣло!

Я ухожу.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И я за вами.

ТРЕТИЙ.

Нѣтъ,

Постойте; мнѣ сдается, это шутка,
Хоть признаюсь, онъ шутить черезъ-чуръ
Торжественно. Его сынокъ, на вѣрно,
Женился на инфантѣ, нль нашелъ
Онъ розсыпь золотую въ Эльдорадо;
Я убѣжденъ, что Ченчи сообщить
Извѣстіе такое.... Погодите,
Побудьте здѣсь; его улыбка—мнѣ
Ручательство, что пошутитъ онъ только.

ЧЕНЧИ (подымая полный бокалъ).

Ты, свѣтлое, веселое вино,
Катящее пурпуровыя волны
При свѣтѣ лампъ, въ бокалѣ золотомъ, —
Тебѣ мой духъ ликующій подобенъ,
Когда про смерть проклятыхъ сыновей
Я думаю. О, еслибъ зналъ я вѣрно,
Что ты, вино, ихъ смѣшанная кровь,
Я сталъ бы пить тебя съ благоговѣньемъ
И сатанѣ великому поднесъ.
Онъ, ада царь, со мною торжествуетъ
Въ сей славный мигъ: не даромъ говорятъ,
Что слѣдуетъ отцовское проклятье,
Какъ быстрый вихрь, за душами дѣтей,
И гонить ихъ отъ свѣтлаго престола
Небеснаго Владыки. Но тебя
Не нужно мнѣ; я радостью упился,
И винъ другихъ не буду больше пить.
Андреа! Эй! кругомъ бокалъ!

ГОСТЬ (вставая)

Проклятый!

Ужли никто изъ доблестныхъ гостей
Преступнаго безумца не удержитъ?

КАМИЛЛО.

Позвольте мнѣ, молю васъ, распустить
Скорѣй гостей; вы помѣшались; худо
Окончиться все это можетъ, графъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Схватить его!

ПЕРВЫЙ.

Схватить!

ТРЕТИЙ.

Схватить?

ЧЕНЧИ (обращаясь къ нимъ).

Кто это

Здѣсь движется? Кто это говоритъ?
(къ другимъ жестомъ). Все пустыни.. Прошу васъ веселиться!
Поберегитесь! Мщеніе мое
Посольству тайному царя подобно:
Оно разить на смерть, но кто посмѣетъ
По имени убійцу называть?

(Ужилье прекращается; многіе гости расходятся)

БЕАТРИЧЕ.

Я васъ молю, почтеннѣйшіе гости,
Не уходите; здѣсь нечестивый гнѣвъ
И ненависть укрылись подъ защиту
Сѣдинъ отца; здѣсь тотъ, кто жизнь намъ далъ,
Терзаетъ насъ и торжествуетъ, глядя
На бѣдныхъ жертвъ; здѣсь мертвыми лежимъ
Мы, плоть его, мы, дѣти и супруга,
Кого любить, хранить и защищать
Обязанъ онъ;— ужели-же пріюта,
Защитника на этой всей землѣ
Мы не найдемъ? Подумайте, снѣборы,
Какъ много мукъ ужасныхъ перенестъ
Дочь бѣдная должна была, чтобъ въ сердцѣ
Ея сперва любовь, потомъ почтенье
Разрушились, и чтобы наконецъ
И стыдъ, и страхъ она преодолѣла!..
Подумайте! я много ужъ снесла,
Я руку ту священную лобзала,

Чтò гнула насъ на землю; я ея
 Удары всѣ считала наказаньемъ
 Отеческимъ; простила много я
 И многому не вѣрила; когда-же
 Сомнѣнья всѣ разрушились, тогда
 Терпѣнїемъ, любовью и слезами
 Старалась я смягчать его; потомъ,
 Въ бессонныя, томительныя ночи,
 Я до зари лежала ницъ, молясь
 Отъ всей души Создателю вселенной;
 Моихъ молитвъ не слышалъ Онъ, но я
 Все крестъ несла съ безропотнымъ терпѣньемъ.
 И наконецъ я васъ встрѣчаю здѣсь,
 Васъ, знатные вельможи и родные,
 На праздникъ гнуснѣйшемъ, данномъ въ честь
 Погибели моихъ несчастныхъ братьевъ.
 Теперь еще осталось двое: я
 И бѣдная жена; коль не спасете
 Вы насъ теперь, придется снова вамъ
 Присутствовать на празднествахъ, какія
 Даетъ отецъ на гробѣ у дѣтей.
 О, принцъ Колонна, ты родной нашъ близкій,
 Ты, кардиналъ, Климента камергеръ;
 Камилло, ты судья верховный папы, —
 Возьмите насъ!

ЧЕНЧИ.

(Онъ во время молчолота дочери разговаривалъ съ Камилло; услышавъ послѣднїя слова, прекращаетъ разговоръ и выходитъ впередъ.)

Любезные друзья!

Надѣюсь, вы подумать захотите
 О дочеряхъ своихъ, иль можетъ быть
 О собственныхъ своихъ затылкахъ, прежде
 Чѣмъ обратить вниманье на слова
 Безумнѣйшей дѣвочки!

БЕАТРИЧЕ (не слушая его).

Неужели

И взгляда мнѣ никто не подарить,
 И ничего не скажетъ? Неужели

Надъ лучшими, умнѣйшими людьми
 Простой тиранцъ имѣеть столько силы?
 Или, можетъ быть, отказываютъ мнѣ
 Лишь потому, что не въ законной формѣ
 Я здѣсь прошу? О Господи! за чѣмъ
 Не улеглась я съ братьями въ могилу?
 За чѣмъ цвѣты весенніе растутъ
 Не на моей гробницѣ, и родитель
 Не празднуетъ кончину всѣхъ дѣтей?

КАМИЛЛО.

Печальные вопросы для созданья
 Прелестнаго и юнаго!.. Ужли
 Мы ничего не можемъ сдѣлать?

КОЛЛООННА.

Видно,
 Что ничего. Графъ Ченчи сильный врагъ.
 Но если кто вступиться пожелаетъ,
 Я помогу съ охотою.

ОДИНЪ КАРДИНАЛЬ.

И я.

ЧЕНЧИ.

Пошла къ себѣ, негодная дѣвчонка!

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ты уйди, безбожный человѣкъ!
 Уйди туда, гдѣ не удастся глазу
 Ни одному открыть тебя! Палачъ!
 Ты требуешь почтенья, послушанья?
 Быть можетъ, ты и одолеешь здѣсь
 Своихъ гостей, но знай, отецъ, что злое
 Исходитъ лишь отъ злого. Не гляди
 Въ лице мое такъ гнѣвно! Прочь отсюда,
 Бѣги, пока изъ дома твоего
 Взглядъ мстительный моихъ убитыхъ братьевъ
 Тебя еще не выгналъ! Скрой лице
 Отъ глазъ людскихъ, дрожи при каждомъ звукѣ
 Людскихъ шаговъ; пустынный уголокъ
 Сыщи себѣ, и голову съдую
 Въ молитвѣ тамъ смиренно преклони

Предъ Господомъ, тобою оскорбленнымъ:
А мы вокругъ, склонивъ колѣни, будемъ
Молить Его, чтобъ онъ простилъ тебя
И сжаляся надъ нами.

ЧЕНЧИ.

Мнѣ досадно,
Мои друзья, что нашъ веселый пиръ
Нарушила безумная дѣвчонка.
Желаю вамъ спокойной ночи. Я
Васъ не хочу свидѣтелями дѣлать
Дальнѣйшихъ ссоръ домашнихъ. Мы еще
Сойдемся здѣсь.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Беатриче и Ченчи).

ЧЕНЧИ.

Какъ мозгъ мой закружился!
Бокалъ вина!.. Ты, пестрая змѣя,
Ты, хищный звѣрь, прекрасный, но ужасный!
Но у меня есть чары, ими я
Тебя смягчу и укрошу... Покуда
Вонъ съ глазъ моихъ

(Беатриче уходитъ).

Андреа, эй! Наполни
Скорѣй бокалъ мой греческимъ виномъ.
Я не хотѣлъ сегодня пить, но долженъ;
Да, странно, здѣсь при мысли о моемъ
Намѣренъ я будто бы робѣю.
(Пьетъ вино) Влей въ жилы мнѣ и юноши азартъ,
И зрѣлую рѣшительность мужчины,
И гнусную холодность старика;
О, превратись вино на самомъ дѣлѣ
Въ кровь моего ребенка, въ эту кровь,
Которой я такъ сильно жажду. Чары
Подѣйствуютъ; должно свершиться все,
И клятву я даю, что все свершится!

Д Ъ Й С Т В І Е П.

СЦЕНА I.

Комната въ дворцѣ Ченчи.

Входятъ ЛУКРЕЦІЯ и БЕРНАРДО.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не плачь, мой другъ; вѣдь онъ ударилъ только
 Меня, а мнѣ не въ первый разъ сносить
 И болѣе глубокія обиды.
 Онъ поступилъ бы милостивѣй, право,
 Когда-бъ убилъ меня. Великій Богъ,
 Взгляни на насъ, вѣдь нѣтъ у насъ другого
 Защитника и друга!... Но не плачь;
 Хоть я люблю обоихъ васъ такъ нѣжно,
 Какъ собственныхъ дѣтей, но все же вамъ
 Я не родная мать...

БЕРНАРДО.

О, больше, больше,
 Чѣмъ всякая родная мать, была
 Ты для меня всегда. И я не сталъ бы
 Рыдать теперь, когда бы не былъ онъ
 Моимъ отцемъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Увы, ребенокъ бѣдный,
 Какъ могъ бы ты иначе поступить?

(Входятъ Беатриче).

БЕАТРИЧЕ *(въ сильномъ волненіи).*

Ушелъ ли онъ? Братъ, проходилъ онъ мимо?
 Ахъ, нѣтъ, шаги его ужъ слышу я
 На лѣстницѣ... онъ близко... вотъ онъ руку
 На дверь владеть... о, матушка, коль я
 Тебѣ всегда, какъ дочь, повиновалась,—
 Спаси меня! А ты, великій Богъ,

Зачто меня ты въ самомъ дѣлѣ винешь?..
 Вотъ онъ идетъ... Онъ отвореть дверь...
 Его лице я вижу... Смотрить гнѣвно
 Онъ на другихъ, — но на меня глядитъ
 Съ улыбкою, точь въ точь какъ послѣ пира
 Вчерашняго...

(Входитъ *Слуга*).

Творецъ, ты милосердъ!

Пришелъ не онъ, а посланный Орсино.

Ну, что?

СЛУГА.

Прислалъ меня мой господинъ
 Вамъ объявить, что папа вашу просьбу
 Отдалъ назадъ, не распечатавъ.

(отдаетъ бумагу).

Онъ

Желаетъ знать, когда онъ можетъ снова
 Прийти сюда...

ЛУКРЕЦІЯ.

Сегодня ввечеру.

(*Слуга уходитъ*).

И такъ, увы, послѣдняя надежда
 Разрушилась! О, милая моя,
 Какъ ты блѣдна! Ты вся дрожишь и чѣмъ-то
 Ужаснѣйшимъ глубоко занята,
 Миѣ кажется, что новая бѣда
 Крушитъ тебя... блуждаетъ дежо взоръ...
 Дитя мое, ты точно помѣшалась!
 А если нѣтъ, скажи миѣ, что съ тобой?

БЕАТРИЧЕ.

Вы видите, что я не помѣшалась:

Я говорю спокойно съ вами.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты

Сказала вскользь, что будто послѣ пира
 Ужаснаго отецъ твой сдѣлалъ что-то...
 Ужели могъ онъ сдѣлать чтонибудь
 Ужаснѣе улыбки той, съ которой

Онъ объявилъ о смерти сыновей?
 О, милая, при самомъ первомъ словѣ
 Я слышала, какъ къ сердцу моему
 Кровь прилила, и сдѣлалось мнѣ дурно;
 Когда-жъ прошелъ мой обморокъ, предъ нимъ
 Сидѣла я разбитая, больная,—
 А ты одна стояла, и его
 Въ надменности и звѣрствѣ упрекала;
 И ясно я замѣтила, что демонъ,
 Живущій въ немъ, твоею рѣзкой рѣчью
 Испуганъ былъ... До этихъ поръ, дитя,
 Ты каждый мигъ стояла между нами
 И злобою безумною отца,
 Какъ добрый духъ-хранитель. Умъ твой твердый
 Одинъ для насъ защитою служилъ;
 Что жъ сильно такъ его поколебало?
 Что вызвало холодный, грустный взглядъ,
 Смѣшившій вдругъ твой страхъ необычайный?

БЕАТРИЧЕ.

Ахъ, въ этотъ мигъ я думала о томъ,
 Что лучше бъ намъ оставить трудъ напрасный...
 Такихъ людей жестокихъ, какъ отецъ мой,
 Знавала я... но никогда... О, нѣтъ...
 Для всѣхъ насъ смерть была-бъ умнѣйшимъ дѣломъ;
 И безъ того все смертію должно
 Окончиться.

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое родное,
 Не говори ты словъ такихъ. Скажи,
 Что твой отецъ сказалъ тебѣ или сдѣлалъ?
 Вѣдь въ комнату твою онъ ни на мигъ
 Не приходилъ по окончаньи пира
 Проклятаго... Скажи мнѣ все, дитя.

БЕРНАРДО.

Сестра, сестра, скажи намъ все, что было.

БЕАТРИЧЕ

(говорить очень медленно, съ притворнымъ спокойствіемъ).

О, матушка, то былъ лишь взглядъ одинъ,

И звукъ одинъ, одна улыбка, слово
Одно, одно...

(визъ себя).

О, подъ ногами онъ
Меня топталъ нерѣдко; рѣки крови
Онъ проливалъ по блѣдному лицу;
Давалъ намъ пить гнилую воду; въ пищу
Намъ приносилъ онъ мясо отъ больныхъ
Звѣрей, и ѣсть приказывалъ, или падать
Отъ голоду,— и ѣли мы. Не разъ
Онъ заставлялъ меня смотрѣть, какъ милый
Бернардо мой сидѣлъ въ цѣпяхъ тяжелыхъ,
И ржавчина впивалась, какъ огонь,
Въ несчастные, младенческіе члены...
И между тѣмъ, все сомнѣвалась я,
Все думала... но нынче!..

(прійдя въ себя).

Что такое

Сказала я?.. Ахъ, ровно ничего
Нѣтъ новаго... И просто помѣшалась
Отъ нашихъ мукъ .. Ударилъ онъ меня
И обругалъ—и только;— не сказалъ онъ,
Не сдѣлалъ онъ такого ничего,
Къ чему давно мы съ вами не привыкли.
И я сама не знаю, почему
Такъ на меня подѣйствовало это.
Ахъ, я совсѣмъ забыла, что должна
Хоть ради васъ быть твердой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Беатриче,

Терпѣніе; ужь если долженъ кто
Отчаяться,— такъ это я, конечно,
Я, нѣкогда любившая его
И нынче жить обязанная вмѣстѣ
До той поры, пока благой Творецъ
Кого нибудь изъ насъ двоихъ на судъ
Не призоветъ. Ты. можетъ быть, еще
Найдешь себѣ любимаго суруга

И будешь съ нимъ: когда нибудь глядѣть
 Съ улыбкою на розовыхъ младенцевъ;
 А я тогда ужь буду подь землей,
 И обо мнѣ, какъ и объ этой гнусной
 Сумятицѣ семейной, вспоминать
 Вы станете, лишь какъ о снѣ тяжеломъ.

БЕАТРИЧЕ.

О, матушка, не говорите мнѣ,
 Пожалуйста, о мужѣ. Послѣ смерти
 Моей родной вы нянчили меня,
 Какъ дочь свою; ребенокъ этотъ милый
 И я всегда могли найдти у васъ
 Защиту; вы однѣ намъ были другомъ;
 Вашъ кроткій взглядъ и кроткія слова
 Всегда отца удерживали руку,
 Грозившую намъ смертью... И теперь
 Я кину васъ? Пусть духъ моей родимой,
 На небесахъ витающій, меня
 Тамъ провяняетъ, когда я ту повинну,
 Которая меня любила больше,
 Чѣмъ можетъ мать любить родную дочь!

БЕРНАРДО.

И я вполнѣ съ моей сестрой согласенъ.
 Я ни за что не кину васъ въ такомъ
 Несчастіи, — не кину, хоть бы папа
 Мнѣ средство далъ, какъ всѣмъ другимъ моимъ
 Ровесникамъ, жить въ мѣстности веселой,
 Среди забавъ, и утонченныхъ блюдъ,
 И воздуха прекраснаго. Повѣрьте,
 О матушка, я не оставлю васъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Любезнѣйшія дѣтя!

(Входитъ Ченчи).

ЧЕНЧИ.

Беатриче!

Ты здѣсь? Сюда!.. Не закрывай лица,
 Твое лице прекрасно. Ну смотри-же
 Въ мои глаза. А, ты вчера могла

Взоръ устремлять надменно-непокорный,
 Ты проникать рѣшалась въ мысль мою,
 Ту мысль, что я напрасно скрыть стараюсь
 Отъ глазъ твоихъ.

БЕАТРИЧЕ

О, разступись земля!

О, Господи, сокрой меня!

ЧЕНЧИ.

Въ то время

Мои уста нѣмѣли, отъ тебя
 Я уходилъ нетвердыми шагами,
 Какъ ты теперь уходишь отъ меня.
 Стой, я тебѣ приказываю! Съ этой
 Минуты твой безстрашный взоръ, чело
 Надменное, пылающія щеки,
 Уста, что Богъ создалъ для нѣжныхъ словъ
 Иль для обидъ, — вселять не будутъ больше
 Безмолвный страхъ въ послѣднихъ изъ людей,
 А ужъ въ меня подавно... Убрайся
 Теперь къ себѣ.

(Къ Бернардо).

Ступай ты тоже вонъ,

Ты, матери провлитой гнусный образъ!
 Смотри на твой трусливый, вялый видъ,
 Я становлюсь отъ ненависти боленъ

(Беатриче и Бернардо уходятъ).

(въ сторону). То, что межъ насъ произошло, въ насъ
 Вселило страхъ, въ меня — большую смѣлость.
 Я страшный планъ составилъ, — планъ такой,
 Что подойти къ нему боившись даже.
 Такъ человекъ на берегу ручья
 Стоитъ, дрожа отъ холода, и воду
 Онъ пробуетъ ногами, а вошелъ, —
 Все существо отъ радости трепещеть!

ЛУКРЕЦІЯ (робко подходя къ нему).

О, мой супругъ! прошу тебя простить
 Несчастной Беатриче; не имѣла
 Злыхъ умысловъ она...

ЧЕНЧИ.

Гмъ! можетъ быть,
 И ты безъ нихъ? и этотъ вотъ чертенокъ,
 Котораго за азбукою ты
 Старалась такъ учить отцеубійству?
 И братъ его Джіакомо? И тѣ два
 Чудовища, которые съ Климентомъ
 Поссорили меня, за что Господь
 Ихъ взялъ къ себѣ... Невинныя овечки!
 У нихъ совсѣмъ нѣтъ замысловъ дурныхъ!
 Такъ вы теперь не въ заговорѣ тайномъ?
 Такъ, можетъ быть, не говорили вы,
 Что долженъ быть я заключенъ въ тюрьму,
 Какъ бѣшеный безумецъ, или къ смерти
 Приговоренъ за дѣло, въ коемъ вы
 Явиться, какъ свидѣтели, хотѣли;
 Что ежели вамъ этотъ планъ нельзя
 Осуществить, то вы убійцъ наймете,
 Иль быстрый ядъ вольете мнѣ въ питье
 Вечернее, иль въ часъ, когда я сильно
 Упьюсь виномъ, удушите меня;
 Что такъ какъ Богъ одинъ судья надъ нами,
 И такъ какъ Онъ мой смертный приговоръ
 Ужь произнесъ,—то вы одни исполнить
 Его должны... Что, этого всего,
 Быть можетъ, вы не говорили?

ЛУКРЕЦІЯ.

Въ свидѣтели зову, что никогда,
 Ни разу я о томъ не помышляла,
 Въ чемъ вамъ меня угодно обвинить.

ЧЕНЧИ.

Посмѣй хоть разъ еще солгать такъ дерзко—
 И ты умрешь. Какъ, не твоя вина,
 Что праздникъ нашъ прервала Беатриче?
 Конечно, ты надѣялась воднять
 Противъ меня моихъ враговъ, и съ ними
 Уйти отсель, и послѣ издѣваться
 Надъ тѣмъ, предъ кѣмъ твой каждый нервъ дрожить!

О храбрости людей была ты мнѣнъя
Высокаго; немногіе изъ нихъ
Стать между мной и гробомъ ихъ рѣшатся!

ЛУКРЕЦІЯ.

О, не смотри такъ страшно; я клянусь
Спасеніемъ души, что ничего
Не знала я о планѣ Беатриче;
Да и она навѣрно ничего
Не сдѣлала-бъ, когда бъ о смерти братьевъ
Не началъ ты рассказывать...

ЧЕНЧИ.

Молчи,

Преступница и лгунья! Будь за это
Ты проклята! Но я васъ увезу
Туда, гдѣ вы съ мольбой объ избавленьи
Получте возможность прибѣгать
Лишь къ каменнымъ тропинкамъ и утесамъ;
А изъ людей живутъ тамъ только тѣ,
Которые всегда на все готовы
И слѣпо мнѣ покорны; нашъ отъѣздъ
Назначилъ я на среду. Знаешь замокъ
Петреллу? онъ построенъ на скалѣ
И обнесенъ надежными стѣнами,
Глубокимъ рвомъ; подземныя темницы
И башни тамъ молчаніе хранять,
Хотя онѣ свидѣтелями были
Такихъ вещей, какія говорить
Заставили-бъ и тварей бессловесныхъ...
Ну, что стоишь и мѣшкаешь? Ступай,
И въ дальній путь скорѣе снаряжайся.

(Лукреція уходитъ).

Еще блеститъ на небѣ солнце; шумъ
На улицахъ еще я слышу; вижу,
Какъ съвозъ окно сіяетъ неба сводъ.
Да, день еще, — день свѣтлый, любопытный,
Немолчный день, съ миллиономъ глазъ, ушей,
Все видающій, за свѣмъ слѣдящій. Всюду,
Во всѣхъ углахъ, въ малѣйшихъ уголкахъ

Нахальный свѣтъ гуляетъ на просторѣ.
 О тьма, приди! Но что за дѣло мнѣ
 До дня? За чѣмъ я такъ желаю ночи,
 Когда свершится собираюсь дѣло я,
 Которое заставить содрогнуться
 И день, и ночь?.. То дѣло, что теперь
 Задумалъ я, потушить для меня
 Весь свѣтъ дневной; я приношу съ собою
 Густую тьму, темнѣй земныхъ тѣней
 И горныхъ звѣздъ, сокрытыхъ въ мрачныхъ тучахъ.
 И въ этой тьмѣ, безъ страха и никѣмъ
 Невидимый, иду я прямо къ цѣли...
 О, если бы скорѣй свершилось все!

СЦЕНА II.

Комната въ Ватиканѣ.

Входятъ КАМИЛЛО и ДЖИАКОМО.

КАМИЛЛО.

У насъ одинъ законъ старинный есть,
 Въ которому вы можете прибѣгнуть,
 Чтобъ побудить отца вамъ выдавать
 И пищу, и одежду—сколько нужно.

ДЖИАКОМО.

И только? ахъ! какъ скучно быть должно
 Количество, что присуждаетъ строгій,
 Сухой законъ, а выдаетъ съдой
 И злой скупецъ! За чѣмъ не научилъ
 Отецъ меня поденному труду?
 Тогда бы я не зналъ ни роскоши
 Ни нѣги, и всегда бы могъ найти
 Себѣ кусокъ трудами рукъ моихъ.
 Да, старшій сынъ богатаго вельможи
 Наслѣдовалъ всѣ слабости его:
 Нуждъ у него не мало, силъ немного.
 Когда-бъ у васъ, Камилло, вдругъ отнять
 Пуховыя перины, столъ роскошный,

И сотню слугъ, и вашихъ шесть дворцовъ,
И только то, что требуетъ природа,
Оставить вамъ...

КАМИЛЛО.

Да, требуете вы
Лишь должнаго... Такая пережня
Была-бъ тяжка...

ДЖИАКОМО.

О, тяжела она
И съ твердою душою человѣку;
А у меня вѣдь есть еще жена
Любимая, изъ знатнаго семейства,
Приданое которой въ скверный часъ
Я далъ въ займы безъ письменныхъ условій
И даже безъ свидѣтелей отцу;
Вѣдь у меня есть дѣти, и такія
Прелестныя, какихъ не отыскать
На всей землѣ,—наслѣдники всѣхъ лучшихъ
Чувствъ матери своей; и ни они,
Ни мать ни въ чемъ меня не упрекаютъ.
О, кардиналъ, ужъ и тутъ Климентъ
Переступить законъ не согласится?

КАМИЛЛО.

Хоть жребій вашъ особенно тяжелъ,
Но знаю я, что папа не захочетъ
Никакъ сойдти съ законнаго пути.
Съ нимъ говорилъ о васъ я послѣ шира
Преступнаго у вашего отца
И страшную жестокость графа Ченчи
Просилъ сдержать. Но онъ наморщилъ лобъ
И мнѣ сказалъ: «Всѣ дѣти непокорны
И доводить стараются отцевъ
До горести глубокой и безумья;
За долгую заботливость они
Родителей презрѣньемъ награждаютъ.
Отъ всей души мнѣ графа Ченчи жаль;
Его любовь, увидѣвъ оскорбленье,

Вдругъ ненависть могла зажечь въ душѣ,
 И онъ легко дошелъ до преступленья.
 Въ большой войнѣ межъ молодымъ и старымъ
 Я самъ, съдой и дряхлый человекъ,
 Нейтралитетъ по крайней мѣрѣ буду
 Всегда держать.»

(входитъ Орсино)

Орсино добрый мой,

И вы слова тѣ слышали.

ОРСИНО.

Какія?

ДЖИАКОМО.

Ахъ, для чего вхъ снова повторять!
 И такъ, теперь, послѣдняя надежда
 Разрушилась! теперь когда меня
 Поставили на край глубокой бездны,
 Мнѣ предстоитъ одна лишь помощь,— та,
 Которую я самъ могу доставить.
 Но, кардиналъ, сестра моя и братъ
 Единственный томатся въ смертныхъ мувахъ
 Подъ взглядами жестокими отца.
 Извѣстные Италиі тиранны:
 Висконти, Борджіа и Эццелинъ
 Не мучили рабовъ своихъ такъ сильно,
 Какъ мучатся они... Ужли-жъ и имъ
 Нельзя найти ни у кого защиты?

КАМПАЛО.

Нѣтъ, если бы прошеніе подать
 Святѣйшему отцу они рѣшились,
 Онъ, кажется, не отказалъ бы имъ,
 Хотя надо вамъ признаться, онъ увѣренъ,
 Что власть отца ослабить—значить дать
 Весьма дурной примѣръ: вѣдь въ этой власти
 Онъ видитъ тѣнь и собственной своей...
 Однако вы меня простите, Дѣло
 И важное, и спѣшное зоветъ
 Меня къ себѣ

(уходитъ)

ДЖІАКОМО.

Но вѣдь у васъ, Орсино,
 Прошеніе; за чѣмъ же вы его
 Святѣйшему отцу не подадите?

ОРСИНО.

Я подавалъ, и сильно хлопоталъ,
 Упрашивалъ,—но все напрасно. Папа
 Мнѣ возвратилъ его и не раскрывъ.
 Увѣренъ я, что гнусные поступки,
 О коихъ рѣчь въ прошеніи томъ, (а имъ,
 Дѣйствительно, повѣрить очень трудно),
 Заставили Святѣйшаго свой гнѣвъ
 Съ виновнаго свернуть на обвинявшихъ.
 Я это заключаю изъ того,
 Что говорилъ здѣсь только-что Камилло.

ДЖІАКОМО.

Другъ! Золото, искусный этотъ чортъ,
 Святѣйшему шепнулъ, чтобъ не мѣшался
 Онъ ни во что; поэтому теперь
 Мы всѣ лежимъ въ огнѣ, какъ скорпіоны.
 Такъ что же намъ осталось, какъ не смерть
 Себѣ напестъ? Вѣдь тотъ, кто, какъ убійца,
 Терзаетъ насъ, прикрылъ себя святымъ
 Названіемъ отца; а будь иначе...

(останавливается).

ОРСИНО.

Ну, что жъ тогда вы сдѣлали-бы съ нимъ?
 Не бойтесь мнѣ сказать всѣ ваши мысли...

ДЖІАКОМО.

Къ чему вамъ знать? не спрашивайте. Мозгъ
 То иногда творить, чего не хочетъ
 Исполнить онъ; фантазія порой
 Уносится въ мечтанія такіа,
 Какихъ языкъ не смѣетъ передать;
 У нихъ нѣтъ словъ; онѣ такъ страшно-мрачны,
 Что умъ отъ нихъ темнѣетъ. Не могу
 И думать я о томъ, о чемъ спросили
 Вы, другъ, меня.

ОРСИНО.

Но дружеская грудь
 Для насъ должна равняться самымъ тайнымъ
 Приютамъ собственной души, гдѣ мы
 Скрываемся отъ глазъ дневнаго свѣта,
 Отъ воздуха, который проникать
 Повсюду власть имѣеть...

ДЖІАКОМО.

Пощадите

Меня теперь! Я—точно человекъ,
 Что въ часъ ночной, въ мѣсу съ дороги сбился,
 И путника безвреднаго спросить,
 Куда идти, не смѣетъ, изъ боязни,
 Что путникъ тотъ, какъ мысль моя теперь,
 Убійца злой. Я знаю, вы, Орсино,
 Мой другъ, и вамъ я повѣрю все,
 Что говорю моею душѣ. Но нынче
 Мнѣ тяжело, и я хочу себѣ
 Совѣтъ спросить у ночи, полной горя
 Бессоннаго. Простите мнѣ, коль я
 «Прощайте!» вамъ скажу теперь. Прощайте!
 Ахъ, отчего и къ собственной душѣ,
 Исполненной сомнѣнья, слово мира
 Такое же я не могу сказать.

ОРСИНО.

Прощайте! Дай Господь, чтобъ ваши мысли
 Исправились иль сдѣлалась смѣлѣй!

(Джіакомо уходитъ)

Я упросилъ Камилло, чтобъ не сильно
 Поддерживалъ его надежды онъ.
 Я счастливъ тѣмъ въ своихъ сокрытыхъ планахъ
 Что въ этомъ всемъ семействѣ свойство есть —
 И собственный свой духъ, и посторонній,
 Какъ анатомъ, на части разсѣкать.
 А при такомъ занятъи можетъ воля
 Ужаснѣйшія тайны узнавать.
 Вотъ такъ попалъ и Ченчи въ западню;
 И даже я, съ тѣхъ поръ, какъ Беатриче

Сама открыла тоже мнѣ тайну
 И передъ тѣмъ заставила дрожать
 Меня, чего я избѣжать не въ силахъ,—
 Съ тѣхъ поръ себя я началъ презирать
 И къ этому почти привыкъ. Злыхъ дѣлъ
 Я совершать какъ можно меньше буду.
 И эта мысль для совѣсти моей
 Послужить пусть теперь успокоеньемъ.
 (Послѣ небольшо́й паузы)

Однакоже, что выйдетъ изъ того,
 Коли падеть убійства жертвой Ченчи?
 И если пасть ему, то отчего
 Я долженъ быть его убійцей? Если
 Мнѣ суждено награду получить
 За этотъ трудъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ на долю
 Мнѣ выпадутъ опасности и грѣхъ.
 Изъ всего, живущаго на свѣтѣ,
 Ничто меня не устрашаетъ такъ,
 Какъ человѣкъ, чьи дѣйствія далеко
 Быстрѣ словъ,—а Ченчи человѣкъ
 Какъ разъ такой; пока не умеръ Ченчи,
 Священникъ тотъ, который дочь его
 Возьметъ къ себѣ, найдетъ въ ея приданомъ
 Свой тайный гробъ. О, Беатриче, мой
 Прекрасный другъ! Желалъ бы я или вовсе
 Къ тебѣ любви не чувствовать, или такъ
 Тебя любить, чтобъ презирать опасность,
 И золото, и все, что межъ нами
 Желаньемъ и его осуществленьемъ
 Съ угрозою встаетъ, или на меня
 Съ улыбкою глядитъ у самой цѣли.
 Исхода нѣтъ! Ея прелестный образъ
 Становится со мною на колѣни
 Предъ алтаремъ, и слѣдуетъ за мной
 Въ собранія людей, и наполняетъ
 Такими сновидѣньями мой сонъ,
 Что кровь моя, когда я просыпаюсь,
 Кипитъ огнемъ текущимъ; если лобъ

Холодный свой рукою трону — слышу,
 Как жжетъ его горячая рука;
 Душа моя дрожить и цѣпенѣть
 При имени ея, когда другой
 Произнесетъ его; и такъ бесплодно,
 За призракѣмъ невѣдомыхъ отрадъ
 Я все гонюсь, пока моя больная
 Фантазія не назоветъ ту тѣнь,
 Чтѣ создала она, полу-своею.
 Но не хочу я долѣе влачить
 Жизнь, полную такихъ часовъ мятежныхъ;
 Осуществлю я мой завѣтный планъ
 При помощи надеждъ Джіаномо тайныхъ;
 Какъ будто бы съ вершины башни я
 Конецъ всего отлично вижу: гибнетъ
 Ея отецъ, братъ тайною своей
 Ужасною со мною тѣсно связанъ,
 Мать всякаго сознанья лишена
 И ужасомъ объята, видя страшный
 Успѣхъ своихъ желаній; а она!...
 Приободришь, о духъ мой оробѣвшій!
 Ужли съ тобою рѣшится въ бой вступить
 Лишенное защитниковъ созданье?
 Предвижу я рѣшительный успѣхъ....
 Когда свершить хотимъ мы злое дѣло,
 Тогда злой духъ невидимо стоитъ
 Близъ насъ и намъ внушаетъ помысленья
 Чернѣйшія; и можетъ только тотъ
 Успѣть во всемъ, кто самъ не превратится
 Въ орудье зла, и будетъ злему духу,
 Властителю другихъ умовъ и душъ,
 Такъ долго лстять, пона не обратится
 Въ его раба тотъ демонъ... Точно такъ
 И я пойду въ своей желанной цѣли!

(Уходитъ).

Д Ъ Й С Т В І Е Ш.

СЦЕНА 1.

Комната въ дюрць Ченчи.

ЛУКРЕЦІЯ, потомъ БЕАТРИЧЕ (она входитъ, шатаясь, и говоритъ какъ бы въ помѣшательствѣ).

БЕАТРИЧЕ.

Дай мнѣ платокъ скорѣе! Мозгъ мой раненъ,
Въ крови глаза... о, вытри эту кровь!
Я ничего не вижу...

ЛУКРЕЦІЯ.

Беатриче,

Мой милый другъ, нѣтъ раны у тебя;
Съ прекрасныхъ щекъ не кровь, а потъ холодный
Бѣжитъ рѣкой... О, горе, горе мнѣ!
Что сдѣлалось, дитя мое?

БЕАТРИЧЕ.

О, ужась!

Я чувствую—потъ гнется подо мной,
Въ глазахъ моихъ вертятся стѣны... Вижу
Тамъ женщину въ слезахъ, она стоитъ
Спокойная, недвижная, нѣмая;
А я иду, шатаясь, точно мѣръ
Вокругъ меня качается... О Боже!
Прекрасный сводъ небесный весь въ крови!
Свѣтъ солнечный глубоко-черенъ... Воздухъ
Наполняется миазмами, какъ тѣ,
Что мертвые вдыхаютъ подъ землею...
Ахъ! душно мнѣ! Ползеть по мнѣ, ползеть
Какой-то паръ пятнающій и черный...
Какъ онъ тяжелъ и плотенъ! не могу
Сорвать его съ себя: спаялъ онъ крѣпко
И члены мнѣ и пальпы; вѣлся въ нервы,

И тѣнню все тѣло предаешь,
И жизни духъ чистѣйшій отравляетъ!
О, Господи! теперь лишь въ первый разъ
Я поняла, что чувствуетъ безумный:
Сомнѣнья нѣтъ, сама безумна я!

(*съ большимъ отчаяніемъ*).

Нѣтъ, я мертва! трепещущую душу,
Что рвется вверхъ, на воздухъ,—въ гробъ кладутъ
И держутъ тамъ уже гнилые члены!..

(*послѣ паузы*).

Какая мысль ужасная пришла
Мнѣ въ голову!.. Она прошла... Но все же
Здѣсь на глазахъ лежитъ она,—лежитъ
Такъ тяжело на утомленномъ сердцѣ!..
О, мѣръ! О, жизнь! О, день! О, горе мнѣ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, что сдѣлалось съ тобою?
Увы! она не отвѣчаетъ мнѣ!
Въ ея душѣ есть только чувство муки,
Безъ знанія причинъ его; печаль
Глубокая, конечно, иссушила
Источникъ свой.

БЕАТРИЧЕ (*дыко*).

Несчастье надъ своимъ

Родителемъ убійство совершило;
Но никогда его отецъ не дѣлалъ
Того, что мой... О Боже, что-же я
За бѣдное созданье!

ЛУКРЕЦІЯ.

Другъ мой милый,

Скажи, что сдѣлалъ твой отецъ?

БЕАТРИЧЕ (*подозрительно*).

Кто ты,

Допросчица? нѣтъ у меня отца.

(*Бѣ стороны*) Изъ дома сумасшедшихъ это нянька,
Которую приставили ко мнѣ...

Печальная обязанность!

(*Къ Лукреціи, тихимъ и медленнымъ голосомъ*).

Послушай!

Почудилось недавно мнѣ, что я
 Та самая бѣдняжка Беатриче,
 О комъ теперь всѣ люди говорятъ,
 Та самая, которую перѣдио
 По комнатамъ таскалъ за волоса
 Ея отецъ и запиралъ нагую
 Въ подземныя темницы, гдѣ вились
 Вокругъ нея чешуйчатые змѣи,
 И голодомъ моря ее, давалъ
 Ей въ пищу лишь испорченное мясо.
 Ужасные рассказы эти мнѣ
 Въ тревожныхъ снахъ такъ часто появлялись,
 Что наконецъ я стала думать... Нѣтъ,
 Не можетъ быть! На этомъ дикомъ свѣтѣ
 Совершенно не мало страшныхъ дѣлъ,
 Чудовищныхъ, страннѣйшихъ сошествій
 Добра и зла; не мало человѣкъ
 Придумывалъ такихъ вещей, какія
 Осуществить едва ли смѣетъ кто;
 Но никогда еще не создавала
 Фантазія людская дѣлъ такихъ,
 Какъ то...

(вдругъ останавливается и приходитъ въ себя).

Кто ты? О, поклянись, покажься
 Отъ страха я еще не умерла,
 Что ты не та, кѣмъ я тебя считаю...
 О, матушка!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дочь милая моя,
 Въдѣ знаешь ты...

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говорите!
 Коль правда то, то значить все должно
 Быть правдою, несокрушимой правдой,
 Связавшейся такъ тѣсно съ жизнью всей,
 Что измѣнить ее или избѣгнуть,
 Увы! никто не можетъ. Да, теперь

Я узнаю: вотъ это замокъ Ченчи,
 Ты мать моя, Лукреція, а я—
 Я дочь твоя. Быть можетъ, здѣсь смутила
 Безумными словами я тебя;
 Но словъ такихъ ты больше не услышишь.
 О, матушка, поди ко мнѣ... Теперь
 Ужь я...

(голосъ ея начинается слабѣть).

ЛУКРЕЦІЯ.

Увы! что сталося съ тобою,
 Мое дитя! что сдѣлалъ твой отецъ!

БЕАТРИЧЕ.

Что сдѣлала я, бѣдная! Какъ будто
 Виновна я? Моя ли въ томъ вина,
 Что человекъ съ сѣдыми волосами
 И голосомъ суровымъ—человекъ,
 Меня давно терзающій такъ сильно,
 Какъ могутъ лишь родители терзать,—
 Моимъ отцемъ зовется и при этомъ...
 О, кто же я?.. Что станется съ моимъ
 И именемъ, и положеньемъ въ свѣтѣ,
 И памятью о томъ, чѣмъ я была,
 Когда свое отчаянье слыжю
 Я пережить?..

ЛУКРЕЦІЯ.

Да, ты права, дитя;
 Онъ злой тираннъ; намъ хорошо извѣстно,
 Что только смерть или наша, или его,
 Свободу намъ доставить. Но что сдѣлать
 Онъ могъ еще ужаснѣе? Ужли
 Онъ въ силахъ былъ придумать поруганье
 Страшнѣе тѣхъ, къ какимъ привыкли мы.
 Ты видѣ себя... Глаза твои свергають
 Блуждающимъ, невѣдомымъ огнемъ...
 Скажи мнѣ все... Раскрой ты эти руки,
 Чьи пальцы такъ вились одинъ въ другой.

БЕАТРИЧЕ.

Ахъ, это жизнь, лишенная покоя,

Терзаетъ ихъ такъ сильно. Если я
 Заговорить попробую, то вѣрно
 Сойду съ ума. Да, что нибудь должно
 Произойти, — что именно, не знаю
 Еще сама, но вѣрно что нибудь,
 Что превратить мои бывлыя муки
 Въ простую тѣнь... Когда бы знала я,
 Что именно случится, я ждала бы
 Съ спокойствіемъ безмолвнымъ, и ничто
 Ужъ не могло-бъ привести меня въ волненье.
 Но ахъ, теперь!... О кровь моя, ты, кровь
 Отцовская, бѣгущая по жиламъ
 Запятнаннымъ моимъ, когда-бъ могла
 Ты обогреть запятнанную землю
 И смыть съ нея навѣки преступленья
 Ужасное, гнетущее меня!
 Нѣтъ, это быть не можетъ! Пусть другіе
 До гроба жизнь проводятъ въ мысли той,
 Что видитъ Богъ и терпитъ злодѣянья, —
 Но никакимъ мученьямъ никогда
 Не сокрушить моея горячей вѣры!

ЛУКРЕЦІЯ.

Да, что нибудь ужасное съ тобой
 Случилось, но что — и догадаться
 Не смѣю я... О, бѣдное дитя!
 Не закрывай предъ материнскимъ страхомъ
 Твою печаль гнетущую, не прячь
 Ее въ свой гнѣвъ и гордый, и замкнутый!

БЕАТРИЧЕ.

Я ничего не прячу. Какъ могу
 Я скорбь мою изобразить словами,
 Когда въ душѣ не въ силахъ я себя
 Представить то, что такъ преобразило
 Теперь меня, — когда мои всѣ мысли,
 Какъ призраки печальные, идутъ,
 Укутавшись въ свой безобразный ужасъ.
 Ты хочешь словъ? О, матушка, изъ всѣхъ
 Какія есть на языкѣ у смертныхъ,

Не передасть навѣрно ни одно
 Всѣхъ мукъ моихъ;—кому такія муки
 Достанутся, тотъ долженъ умереть,
 Какъ я умру, не называя ихъ
 По имени, какъ я не назову.
 Смерть! Смерть! Тебя наградою и карой
 Зоветь законъ и Бога, и людей...
 О, что же мной изъ этихъ двухъ названій
 Заслужено?

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты заслужила миръ
 Невинности и будешь въ этомъ мирѣ
 Ты пребывать, пока тебя Господь
 Не призоветъ. Какъ ни ужасны муки
 Твои, дитя, ты злаго ничего
 Не сдѣлала. Смерть—наказанье только
 Преступнику; награда-жъ—для того,
 Кто ходитъ здѣсь лишь по шипамъ тернистымъ,
 Которыми Господь усѣялъ путь,
 Къ безсмертію ведущій.

БЕАТРИЧЕ.

Да, смерть—кара
 Преступнику; о, Боже мой, молю—
 Не дай мнѣ впасть въ разсудка заблужденье!
 Коль суждено мнѣ дни за днями жить,
 Коль плоть моя—храмъ недостойный духа
 Всевышняго, содѣлаться должна
 Пещерою поганой, изъ которой
 Все то, на что Ты съ ужасомъ глядишь,
 Смотрѣть Тебѣ въ лице безъ страха будетъ,—
 То этому не быть!.. Самоубійство?
 Что жъ! и тогда нельзя меня назвать
 Преступною!.. О, въ этомъ смертномъ мирѣ
 Ни одного еще закона нѣтъ,
 Который бы подвергнуть наказанью
 Могъ муку ту, чтò я теперь терплю.

(Входитъ *Орсино*. Она торжественно подходитъ къ нему).

Здорово, другъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мы видались

Въ послѣдній разъ, постигнуло меня
 Великое, неслыханное горе;
 Ни смерть, ни жизнь уже не возвратятъ
 Покоя мнѣ... Не спрашивайте только,
 Что именно случилось;—есть дѣла,
 Странья есть такія, для которыхъ
 Нѣтъ образовъ и словъ на языкѣ.

ОРСИНО.

Но кто же вамъ такое оскорбленье
 Нанесъ теперь?

БЕАТРИЧЕ.

Тотъ человекъ, кого
 Моимъ отцемъ зовете вы;—название
 Ужасное!

ОРСИНО.

Отецъ! не можетъ быть!

БЕАТРИЧЕ.

Не можетъ быть, или можетъ быть,—объ этомъ
 Я васъ прошу не думать. Это есть
 И было. Вы совѣтъ мнѣ дайте только,
 Какъ убѣжать, чтобъ не было того жъ
 Опять со мной. Я умереть хотѣла,
 Но Божій страхъ остановилъ меня,
 И мысль о томъ, что даже смерть не можетъ
 Въ моей душѣ сознанье истребить —
 Сознаніе неискупленной муки...
 Скажите же, что дѣлать?

ОРСИНО.

Обвинить

Передъ судомъ его за преступленье,
 И пусть законъ отмститъ ему за васъ.

БЕАТРИЧЕ.

О, ледяной совѣтникъ! Еслибъ слово
 Я отыскать могла на языкѣ,
 Чтобъ моего убійцы преступленье
 Изобразить; и еслибъ мой языкъ
 Какъ острый ножъ, исторгнулъ злую тайну,
 Грызущую мнѣ сердце, и для всѣхъ

Открылъ бы все, и обратилъ бы имя
 Невинное и чистое мое
 Въ предметъ гнуснѣйшихъ сплетень и насмѣшекъ,
 Въ пословицу;—да, еслибъ это все
 Произошло, чему не быть однако, —
 То развѣ я спасла бы тѣмъ себя!
 Подумайте о несправости страшной
 Преступника, о золотѣ его,
 Объ ужасѣ великомъ обвиненья,
 Которое не смѣетъ говорить
 Открыто, въ слухъ, и боязливо шепчетъ,
 И прячется съ боязнью и стыдомъ
 Въ гнуснѣйшіе намеки!.. О, какую
 Ты славную мнѣ помощь предложилъ

ОРСИНО.

Такъ значить, вы хотите терпѣливо
 Переносить?

БЕАТРИЧЕ.

Переносить? Нѣтъ, другъ,
 Какъ видно, вашъ совѣтъ немого пользы
 Мнѣ принесть.

(Отвѣчаетъ отъ него и говоритъ сама съ собою).

Да, все должно скорѣй
 Быть рѣшено и сдѣлано. Какъ темно
 Въ моемъ умѣ! Какъ будто бы туманъ
 Его объялъ, и мысли, словно тѣни,
 Встаютъ одна во слѣдъ другой, и тьмой,
 Густою тьмой другъ друга одѣваютъ?

ОРСИНО.

Ужели онъ, преступникъ не умретъ
 И будетъ жить за тѣмъ, чтобъ въ преступленьяхъ
 Торжествовать? Ужели ко всему,
 Что сдѣлалъ онъ ужаснаго, привыкнуть
 Успѣешь ты и будешь жизнь влачить,
 Пока совсѣмъ, навѣки не погибнешь?

БЕАТРИЧЕ (сама съ собою).

Смерть мощная! Ты, тѣнь съ двойнымъ лицомъ!

Судья судей! Правдивѣйшій посредникъ!

(Отходитъ въ сторону, погруженная въ размышленіа)

ЛУКРЕЦІЯ

О если громъ небесный нисходилъ
Когда нибудь для мщенія на землю...

ОРСИНО.

Остановись, не богохульствуй! Богъ
Здѣсь на землѣ свою являетъ славу,
И людямъ далъ всё средства, чтобъ они
Своимъ врагамъ платили за обиды.
Отъ насъ самихъ зависитъ наказанье
Преступника...

ЛУКРЕЦІЯ.

Но если человѣкъ,
Какъ нашъ злодѣй, своимъ богатствомъ можетъ
Съ насмѣшкою презрительной топтать
Законъ, права, общественное мнѣнье?
Но если нѣтъ прибѣжища къ тому,
Предъ чѣмъ дрожать виновнѣйшій? Но если
Мученья тѣ, что переносимъ мы,
Такъ велики, чудовищны и страшны,
Что имъ никто не можетъ вѣры дать?
О, Господи! Но если тѣ причины,
Которыя должны бы намъ помочь,
Лишь губять насъ, а нашему злодѣю
Торжествовать способствуютъ, и мы,
Страдалицы и жертвы, больше терпимъ
И мучимся, чѣмъ онъ, мучитель нашъ?

ОРСИНО.

Не думайте, что тамъ, гдѣ есть злодѣйство,
Не можетъ быть возмездія, когда
Обиженный рѣшается на мщенье...

ЛУКРЕЦІЯ

Какъ? Если бы имѣли только мы
Надежный путь... не знаю я навѣрно..
Но кажется, что было бь хорошо...

ОРСИНО.

На сколько я догадываюсь смутно, —

Последнее злодѣйство, что надъ ней
Онъ совершилъ, уже такого рода,
Что всякое раскаянье у васъ
Равнялось бы полнѣйшему безчестью.
Ее оно обязываетъ мстить,
Васъ — отыскать спасенье отъ мученій,
Меня — вамъ дать одинъ совѣтъ... И такъ...

ЛУКРЕЦІЯ (*продолжала свою рѣчь.*)

За тѣмъ, что мы опору и защиту
Надѣяться не можемъ тамъ найти,
Гдѣ безъ труда находятъ ихъ другіе.

ОРСИНО.

И такъ...

БЕАТРИЧЕ (*подходя.*)

Молчи, Орсино! Также васъ,
Почтенная сударыня, прошу я:
Межь тѣмъ, какъ вамъ я буду говорить,
Долой съ себя, какъ старую одежду,
Вы сбросьте все: раскаянье и страхъ,
И кроткое терпѣнье, и почтенье,
И узы всѣ житейскія; мы ихъ
Отъ дѣтскихъ лѣтъ все на себѣ носили,
Но съ этихъ поръ насмѣшкою онѣ
Являются въ моемъ священномъ дѣлѣ.
Изъ словъ моихъ вы знаете, что мнѣ
Нанесена позорная обида;
Хоть нѣтъ для ней на языкѣ людскомъ
Названія, — она взываетъ къ мщенью.
Да, къ мщенью за то, что свершено,
И для того, чтобъ я могла избѣгнуть
Печальнаго удѣла — отягчать
Мой бѣдный духъ преступными дѣлами
И сдѣлаться... тѣмъ сдѣлаться, что вамъ
Привидѣться не можетъ даже въ грезахъ...
Я Господу молилась горячо,
Съ своей душой я долго говорила,
Разсѣяла моихъ желаній прахъ,
Все поняла и наконецъ рѣшилась

Такъ поступить, какъ правда мнѣ велить.
 Ты другъ-ли мнѣ, Орсино? Незамѣнный
 Иль ложный другъ? Спасеніемъ души
 Мнѣ поклянись, и лишь тогда рѣшуся
 Я мысль мою открыть тебѣ.

ОРСИНО.

Блянусь,

Искусство все, и силы, и молчанье,
 И все, чѣмъ я владѣю, посвятить
 Одной тебѣ и сдѣлать, что прикажешь.

ЛУКРЕЦІЯ.

Такъ значить вы увѣрены, что мы
 Его убить рѣшились?

БЕАТРИЧЕ.

И скорѣе

То совершить, что рѣшено. Должны
 Мы дѣйствовать и быстро, и отважно.

ОРСИНО.

Но съ полной осторожностью,

ЛУКРЕЦІЯ.

Не то

Законъ казнить насъ смертью и позоромъ
 За то, что самъ онъ дѣлаетъ не разъ.

БЕАТРИЧЕ.

Вы можете беречься, какъ хотите,
 Но объ одномъ прошу я васъ — скорѣй,
 Не медлите! Орсино, какъ бы это
 Устроить намъ?

ОРСИНО.

Я знаю страшныхъ двухъ

Разбойниковъ; для нихъ душа людская
 Такъ дорога, какъ тѣло червяка;
 Изъ прихоти ничтожнѣйшей рѣшатся
 Они разбить любую жизнь. Такихъ
 Охотниковъ теперь не мало въ Римѣ.
 Что нужно намъ, то продадутъ они.

ЛУКРЕЦІЯ.

Передъ разсвѣтомъ завтра хочеть Ченчи

Насъ увести на голую скалу —
 Суровую Петреллу съ Аппенинахъ.
 Боли туда доѣдетъ онъ....

БЕАТРИЧЕ.

Туда

Не долженъ онъ доѣхать.

ОРСИННО.

Тёмно-ль будетъ

Въ тотъ часъ, какъ вы придете туда?

ЛУКРЕЦІЯ.

Я думаю, что солнце только сядетъ.

БЕАТРИЧЕ.

Мнѣ помнится — отъ замка въ двухъ верстахъ,
 Дорога вдругъ становится крутою
 И узкою, и тянется съ трудомъ
 Вдоль страшнаго, глубокаго оврага.
 Внутри его — могучая скала;
 Ужь много лѣтъ съ трудомъ и смертнымъ страхомъ
 Надъ бездною все держится она,
 И, кажется, упасть готова въ пропасть,
 Смертельною борьбой истомлена...
 Такъ грѣшный духъ съ томительнымъ усиленъмъ
 Цѣпляется за жизнь, но каждый часъ
 Шатается сильнѣе и сильнѣе,
 И падая, самъ дѣлаетъ страшнѣй
 Онъ бездну ту, куда упасть страшится.
 Внизу скалы печальная гора,
 Какъ будто бы усталая зѣваетъ;
 А подъ горой, среди глухихъ пещеръ,
 Невидимый, доступный только слуху,
 Неистово несется водопадъ,
 И чрезъ него устроенъ мостъ. А выше,
 По этимъ всемъ утесамъ и скаламъ,
 Раскинуть лѣсъ изъ кедровъ, сосенъ, пихтъ,
 И вѣтви ихъ, сплетясь съ зеленымъ плющемъ,
 Тѣпистую бесѣдку образуютъ.
 Въ полдневный часъ тамъ сумерки густыя,
 А вечеромъ — чернѣйшей ночи тьма.

ОРСИНО.

Предъ тѣмъ, какъ вамъ къ тому мосту доѣхать,
Какойнибудь найдите вы предлогъ
Погнать ословъ, или выждать постарайтесь,
Покажѣсть мы....

БЕАТРИЧЕ (прислушиваясь).

Что значить этотъ шумъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Послушайте! то не слуги походка!
Должно быть, графъ неожиданно воротился....
Придумайте какойнибудь предлогъ
Для вашего присутствія, Орсино.

БЕАТРИЧЕ (*къ Орсино, уходит*).

Нога того, чьи слышимъ мы шаги,
Переступить тотъ мостикъ, о которомъ
Сказала я, — во вѣки не должна.

(Беатриче и Лукреція уходятъ).

ОРСИНО.

Что дѣлать? Здѣсь меня застанеть Ченчи,
И предстоитъ мнѣ перенести его
Пытливый взглядъ, который будетъ въ душу
Мнѣ проникать съ вопросомъ: почему
Я здѣсь теперь? — Улыбкой равнодушной
И праздною заврою мысль мою.

(Вбѣгаетъ Джіакомо.)

ОРСИНО.

Какъ, это вы? У васъ хватило духу
Сюда придти? Какъ будто знали вы,
Что Ченчи здѣсь не встрѣтите?

ДЖІАКОМО.

Напротивъ,

Я шелъ сюда, чтобъ отыскать его,
И буду ждать, пока онъ возвратится

ОРСИНО.

О, Господи! Да взвѣсили ли вы
Всю страшную опасность этой встрѣчи?

ДЖІАКОМО.

Все взвѣсилъ я! . А онъ, губитель мой,

Предвидить ли свою опасность? Знайте,
 Теперь уже здѣсь не отецъ и сынъ,
 Какъ нѣкогда, а мужъ и мужъ, здѣсь жертва
 И злой тираннъ; здѣсь врагъ лицомъ къ лицу
 Съ другимъ врагомъ. Онъ оттолкнулъ природу —
 Свой щитъ; она отвергнула его —
 Какъ свой позоръ; а я топчу ногами
 Обои ихъ. Да развѣ мнѣ отецъ
 Тотъ человѣкъ, котораго я жажду
 За горло взять и такъ сказать ему:
 «Я отъ тебя не требую ни счастья,
 «Ни золота, ни памяти о дняхъ
 «Спокойнаго младенчества, ни жизни
 «Съ любимой и нѣжною семьей, —
 «Хоть это все ты у меня похитилъ;
 «Я требую лишь одного, чтобъ ты
 «Мнѣ возвратилъ мое честное имя,
 «Сокровище единое мое,
 «Которое отъ ненависти злобной
 «Твоей души считалъ сокрытымъ я
 «Подъ нищетой, мнѣ посланной тобою...
 «Отдай его, — иначе...» О, Творецъ!
 Меня понять, меня простить ты можешь;
 Какое-же мнѣ дѣло до людей!

ОРСИНО.

Любезный другъ, прошу васъ, успокойтесь.

ДЖИАКОМО.

Ну, хорошо, спокойно разскажу
 Я вамъ о томъ, что сдѣлалъ онъ со мною.
 Вы знаете, что этотъ старый графъ,
 Котораго зовутъ Франческо Ченчи,
 Взялъ у меня какъ будто бы въ займы
 Приданое жены моей, а послѣ
 Отрекся онъ отъ этого займа
 И въ нищету меня съ семействомъ ввергнулъ.
 Чтобъ какъ нибудь поправиться, искалъ
 Я гдѣ нибудь пристроиться на службѣ.
 Ужь должность мнѣ обѣщана была,

И на нее надѣясь, новыхъ платьевъ
 Я купилъ для всѣхъ дѣтей, и вновь
 Моя жена мнѣ стала улыбаться,
 И отдыхать душою началъ я.
 Но это все разстроилъ Ченчи: должность
 Мою успѣлъ отдать онъ одному
 Бездѣльнику, въ награду за услуги
 Гнуснѣйшія. Вернулся я домой
 Съ извѣстіемъ печальнымъ, и сидѣли
 Въ уныньи мы, и обегчали грусть
 Слезами той привязанности прочной,
 Что силу намъ даетъ переносить
 И самыя ужасныя минуты.
 Вдругъ онъ пришелъ и по привычкѣ сталъ
 Насъ проклинать, бранить и издѣваться
 Надъ бѣдностью моею, говоря,
 Что такъ Господь казнить дѣтей строптивыхъ.
 Тогда, чтобъ стыдъ сковалъ его уста,
 Напомнилъ я о жениномъ приданомъ.
 Но онъ сейчасъ придумалъ небольшой
 Разсказъ о томъ, что будто эти деньги
 Я прокутилъ секретно; клевета
 Мою жену глубоко поразила,
 А онъ, вполне довольный, что успѣлъ
 Посѣять ядъ сомнѣнія, съ улыбкой
 Ушелъ отъ насъ. Я видѣлъ, что жена
 Повѣрила обманщику, что клятвы
 Горячія въ невинности моей
 Встрѣчали въ ней одно негодованье
 Безмолвное, одинъ холодный взглядъ
 Невѣрія, — и изъ дому я вышелъ.
 Когда жъ опять вернулся я, жена
 Свой гнѣвъ внушить уже успѣла дѣтямъ,
 И всѣ они кричали мнѣ: «Отецъ!
 «Дай платьевъ намъ! Дай намъ хорошей пищи.
 «Что въ ночь одну ты промоталъ, семьѣ
 «На мѣсяцы хватило-бы!» Я ноялъ,
 Что адомъ сталъ мой домъ, и въ этотъ адъ

Я не вернусь, пока не оправдасть
 Меня мой врагъ... А не захочетъ онъ,
 Такъ я законъ природы ниспровергну
 И...

ОРСИНО.

Вѣрь, что здѣсь ты не найдешь того,
 За чѣмъ пришелъ; отецъ тебѣ откажетъ
 Навѣрное.

ДЖІАКОМО.

Тогда... Вѣдь ты мнѣ другъ
 По прежнему. Недавно въ разговорѣ
 Ты намекнулъ на средство мнѣ одно,
 Последнее; — теперь къ нему, ты видишь,
 Я подошелъ. Страданія мои
 Оно должно отчасти успокоить.
 Но, другъ, хоть я рѣшился, — слово то
 Ужасное: отцеубійца, — душу
 Мою томить и мучить...

ОРСИНО.

Слово — звукъ,
 Не болѣе. Смотри, какъ Провидѣнье
 Творить свой судъ правдивѣйшій, и имъ
 Дѣяніе лютое освѣщаетъ:
 То, что тобой задумано, уже
 Совершено.

ДЖІАКОМО.

Онъ мертвъ?

ОРСИНО.

Его могила .

Готова. Знай, что дочери старикъ
 На дняхъ нанесъ большое оскорбленье.

ДЖІАКОМО.

Какое же?

ОРСИНО.

Она не говоритъ,
 Что именно случилось; но къ догадкамъ
 Печальнѣйшимъ ведутъ и блѣдность щекъ
 Смертельная, и гнѣвная серьезность

Бя чела, и строгій и глухой
 Звукъ голоса, въ которомъ нѣтъ ни страха,
 Ни нѣжности. Притомъ замѣтилъ я
 Еще одно: передъ твоимъ приходомъ,
 Межь тѣмъ, какъ я и мачиха ея
 Стояли здѣсь и, ужасомъ объяты,
 Между собой печальный разговоръ
 Вѣли о томъ, что сдѣлалось,—и только
 Намеками рѣшались нашу мысли
 Высказывать,— намеками глухими,
 Тревожными, хотя въ душѣ своей
 На ищеніе рѣшились,— Беатриче
 Прервала насъ, и взглядошъ, и устами
 Сказала намъ: онъ долженъ умереть!

ДЖІАКОМО.

О, если такъ,— довольно! Сомнѣваться
 Я пересталъ. Для ищенія у насъ
 Причина есть важнѣй моей причины,
 И есть судья священнѣе меня,
 И мститель есть съ душой гораздо чище
 Моей души. О, милая сестра,
 Ты никогда червя не раздавила,
 Не сорвала ни разу ты цвѣтка,
 И въ кротости младенческаго сердца
 Слезамъ лишь кропила ихъ; въ тебѣ
 И красота, и умъ соединились
 Въ чудесную гармонію,— и ты
 Поругана?... О, сердце, оправданья
 Въ тебѣ искать я больше не хочу...
 Какъ думаешь, Орсино, не дожидаться-ль
 Его мнѣ здѣсь, чтобъ тутъ же умертвить?

ОРСИНО.

Нѣтъ, погоди;— а то еще, пожалуй,
 Ему спастись удастся отъ того,
 Что ужъ теперь свершится непременно;
 Тогда тебѣ ни убѣжать нельзя,
 Ни спрятаться, ни оправдаться. Лучше
 Повремени; нашъ планъ совсѣмъ готовъ

И на успѣхъ надѣмся мы твердо.

(Входитъ Беатриче).

БЕАТРИЧЕ.

Братъ, это ты! я слышу голосъ твой;—
Но что съ тобой? меня не узнаешь ты?

ДЖІАКОМО.

Сестра моя, погибшая сестра!

БЕАТРИЧЕ.

О, да, ты правъ,—погибшая! Я вижу,
Орсино здѣсь съ тобою говорилъ
И поселилъ въ умѣ твоёмъ догадки
О томъ, чего не смѣеть произнести
Людской языкъ. Иди домой, Джіакомо;
Пожалуй, онъ вернется и тебя
Застанетъ здѣсь. Но дай мнѣ на прощанье
Свой поцѣлуй; онъ будетъ звѣкомъ мнѣ,
Что съ нами ты на смерть его согласенъ.
Прощай, прощай! Пусть набожность твоя,
И братская любовь, и милосердье,
И чувства всё, смягчающія духъ
Суровѣйшій, въ твой духъ вселятъ суровость.
Не возражай ни слова мнѣ. Прощай!

(Уходятъ въ разные стороны).

СЦЕНА П.

Бѣдная комната въ квартирѣ Джіакомо.

ДЖІАКОМО *(одинъ)*.

Ужъ полночь бьетъ, а нѣтъ еще Орсино.

(Слышится громъ и шумъ бури.)

Гроза!... Ужли и вѣчныя стихіи
Сочувствуютъ такимъ червямъ, какъ мы?
Нѣтъ, еслибъ такъ, то стрѣлы быстрыхъ молній
Не падали-бъ на камни и цвѣты!...
Моя жена и дѣти спятъ спокойно,

И грезами ихъ головы полны;
 А я сижу, тревожимый сомнѣньемъ:
 Не грѣхъ-ли мы собираемся свершить,
 Хотя свершить его необходимо.
 О, тусклая лампада! Твой огонь
 Колеблется отъ дуновенья вѣтра,
 И мракъ густой стоитъ ужь близъ тебя
 И жадно ждетъ; о, маленькое пламя,
 То встаешь, то падаешь ты вновь,
 Какъ пульсъ людей въ предсмертную минуту;
 Когда-бъ тебѣ я пищи не давалъ,
 Ты скоро-бы угаснуло навѣки!
 Быть можетъ такъ, вотъ въ этотъ самый мигъ,
 Та гаснетъ жизнь, которая когда-то
 Мнѣ жизнь дала; но никакая мощь
 Не можетъ влить живительнаго масла
 Въ разбитую лампаду тѣла. Нѣтъ,
 Кровь, только кровь питаетъ эти жилы
 И льется въ нихъ живительной струей...
 Да, въ этотъ мигъ въ предсмертной агоніи
 Ломаются и гибнутъ члены тѣ,
 Которые мои создали члены;
 И та душа, что сдѣлала мою
 Подобіемъ Создателя безсмертнымъ,
 Теперь стоитъ нагая предъ лицомъ
 Всевышняго!

(Бьютъ часы).

Разъ! Два! Часы проходятъ...
 Ахъ, можетъ быть, когда нибудь мой сынъ
 Такъ будетъ ждать, какъ я здѣсь ожидаю,
 Томя себя раскаяньемъ пустымъ
 И злобою глубоко справедливой,
 И вѣстника-медлителя браня...
 Теперь почти желаю я, чтобъ смерти
 Избѣгнулъ онъ, хоть много горя мнѣ
 Онъ причинилъ... Но чу! шаги Орсино!

(Входитъ Орсино).

Ну, говори скорѣе!

ЧЕНЧИ.

ОРСИНО.

Я пришелъ
Сказать тебѣ, что спасся Ченчи.

ДЖАКОМО.

Спасся!

ОРСИНО.

И невредимъ теперь въ Петреллѣ онъ.
Проѣхалъ онъ двумя часами раньше
Тамъ, гдѣ его собирались мы убить.

ДЖАКОМО.

Ужли-же мы игрушкой глупой будемъ
Случайности и тратить время все
На страхъ пустой, когда работать надо?
О, если такъ, то этотъ ураганъ,
Что здѣсь ревѣлъ, какъ будто возвѣщая
Его конецъ, ничто иное былъ,
Какъ громкій смѣхъ, которымъ надѣвались
Надъ слабостью трусливой небеса!
Нѣтъ, съ этихъ поръ я каяться не буду
Въ намѣреньяхъ и дѣйствіяхъ моихъ,
А лишь въ одномъ—въ раскаяннѣ.

ОРСИНО.

Смотри-ка,

Погасъ огонь въ лампадѣ у тебя.

ДЖАКОМО.

Вѣдь можемъ мы смотрѣть безъ угрызений,
Какъ ночи тьма невинный свѣтъ лампы
Безжалостно вивааетъ; почему-жъ
Терзаться намъ раскаянемъ при мысли,
Что Ченчи жизнь навѣки гаснетъ—жизнь,
Которая, какъ факель, освѣщаетъ
Для злыхъ духовъ преступныя дѣла,
Внушенные ихъ собственною злобой?
Нѣтъ, конечно; я сталъ жестокосердъ.

ОРСИНО.

Слави, къ чему ты говоришь все это?
Какъ будто кто изъ насъ томилъ себя
Раскаянемъ въ такомъ правдивомъ дѣлѣ!

Нашъ первый планъ разрушился, но вѣрь,
 Что графамы сведемъ въ могилу скоро.
 Однако, другъ, зажги лампаду; мнѣ
 Не хочется бесѣдовать во мракѣ.

ДЖІАКОМО (зажигая лампаду).

Вотъ снова свѣтъ; когда-жъ въ моемъ отцѣ
 Погаснетъ жизнь, ужъ я не буду въ силахъ
 Ее возжечь. Не станеть-ли меня
 Въ томъ обвинить душа его предъ Богомъ?

ОРСИНО.

Какая мысль! Подумай-ка о томъ,
 Что возвратить не можешь ты покоя
 Своей сестрѣ, не можешь воротить
 Дни юности и свѣтлыхъ ожиданій,
 Погибшіе навѣки для тебя.
 Припомни все: жены твоей упреки,
 И горькій ядъ насмѣшекъ и обидъ
 Счастливаго надъ слабымъ и несчастнымъ,
 И вашу мать, лежащую въ землѣ,
 И...

ДЖІАКОМО,

Замолчи, о, замолчи, Орсино!
 Рѣшился я,—хотя бы мнѣ пришлось
 Вотъ этою же самою рукою
 Разрушить жизнь, которая ее
 Произвела...

ОРСИНО.

Не нужно это. Слушай:
 Тебѣ знакомъ Олимпіо? Онъ былъ
 Во времена Колонны кастеляномъ
 Помѣстія Петраллы, но потомъ
 Твоимъ отцемъ былъ прогнанъ. Знаешь также
 Ты Марціо мерзавца; графу онъ
 Заклятый врагъ, затѣмъ, что графъ не хочетъ
 Ему отдать тѣхъ денегъ, что себѣ
 Онъ заслужилъ однимъ кровавымъ дѣломъ.

ДЖІАКОМО.

Олимпіо я знаю. Говорять,

Онъ Ченчи такъ глубоко ненавидитъ,
 Что при одной случайной встрѣчѣ съ нимъ,
 Отъ бѣшенства безмолвнаго блѣднѣеть,
 Какъ полотно. Но Марціо совсѣмъ
 Не знаю я.

ОРСИНО.

Онъ ненавидитъ Ченчи
 Не менѣ Олимпіо. Такъ вотъ,
 Какъ будто бы по твоему желанью
 И отъ тебя я этихъ молодцовъ
 Послалъ теперь въ Петреллу, съ Беатриче
 И мачихой ея потолковать.

ДЖІАКОМО.

Потолковать—и только?

ОРСИНО.

Тѣ минуты,

Воторыя проносятся теперь
 На встрѣчу дню грядущему,—быть можетъ,
 Его конецъ увидѣли; теперь,
 Должно быть, все совершенно...

ДЖІАКОМО.

Послушай,

Что тамъ за шумъ?

ОРСИНО.

То вой домашнихъ псовъ
 И балокъ трескъ...

ДЖІАКОМО.

Нѣтъ, то въ просонкахъ ропщетъ

Моя жена и вѣрно обо мнѣ,
 Недоброе уста ея лепечуть,
 И дѣтямъ всѣмъ конечно снится сонъ,
 Что имъ отецъ отказываетъ въ пищѣ...

ОРСИНО.

Межъ тѣмъ, какъ тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ взялъ
 Ее у нихъ, и голодомъ и горемъ
 Терзаетъ ихъ, — на ложѣ сладострастья
 Порочнаго покоится теперь,

И грезами побѣдоносной злобы
Язвительно смѣется надъ тобой.

ДЖІАКОМО.

О, если онъ опять проснется, — вѣрить
Не буду я наемниковъ рукавъ.

ОРСИНО.

Однако мнѣ пора. Покойной ночи!
Когда опять сойдемся мы съ тобой,
Я думаю, надѣюсь— все ужъ будетъ
Совершенно...

ДЖІАКОМО.

И позабыто все!

О, лучше бы на свѣтъ я не родился!

(Уходить).

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА.

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РАСТЕТЬ».

I.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ ВЪ УЧИЛИЩѢ.

Наканунѣ Петрова дня, приходскій учитель Иванъ Ивановичъ отдалъ приказъ:

— Завтра у меня въ классѣ! слышите? Какъ только обѣдни въ колоколь, нарядитесь, причешитесь и явитесь,—понимаете? будетъ торжественный актъ.

— «Батюшки, что это такое?...» и Вася живо разспросилъ Золотухина: что будутъ дѣлать въ училищѣ въ праздникъ?

Золотухинъ лѣтъ пять сидѣлъ въ приходскомъ, зналъ всѣ порядки и тотчасъ растолковалъ: что завтра въ училище пріѣдетъ губернаторъ и всѣ его чиновники, архіерей съ директоромъ и самъ почетный смотритель. Всѣ будутъ экзаменовывать учениковъ по закону:

— Этого я не боюсь! отвѣтилъ Васька смѣло: я богородицу знаю давно.

Дома онъ разсказалъ отцу, что завтра у нихъ въ училищѣ самый главный *экзаментъ*: пріѣдетъ губернаторъ и велѣно принести пятакъ Ермолапчу, который всѣхъ гладко острижетъ. А мамѣ, которая вздумала было возразить: «что губернаторъ не будетъ заниматься такими сопляками», Васька отвѣтилъ на-

отрѣзъ: «Ты не толкуй, что *онъ* не будетъ, я говорю—будетъ! Я, чай, знаю, что говорю!» И мама послѣ того должна была прикусить язычекъ.

— Вотъ я каковъ: губернатора завтра увижу? думаетъ Васька на сонъ грядущій. И какіе это бывають губернаторы: поди, я чай, вѣдь онъ не похожъ на другихъ?.. (Васькѣ не спится, перевернулся на другой бокъ). Золотомъ, чай, разукрашень весь сертукъ-то, красный?... Эполеты, поди такъ и торчатъ лепешками... А какъ закричить?.. (И Васька покрѣпче завернулся въ одѣяло.

Утромъ, для смѣлости, онъ плотно закусилъ.

— «А хорошо, кабы губернаторъ погладилъ меня по головкѣ»,—думаетъ Васька на пути въ училище: «а я бы взялъ, да ручку у него поцѣловалъ. Да, нѣтъ! чай поди, не погладить: вонъ что мама вчера сказала...»

Въ училищѣ всѣ какъ у праздника: Ермолаичъ въ полной парадной формѣ съ галунами и рубцами, медалями и георгіевскимъ крестомъ, Иванъ Ивановичъ въ новомъ вицмундирѣ, на всѣ шесть пуговиць, а батюшка Антонъ, законоучитель, хоть и безъ вицмундира, но тоже съ крестомъ на шеѣ.

Учениковъ разставили въ ряды, какъ войска; Золотухина и Садилова по сторонамъ, словно для красы. Всѣ опипываютъ другъ съ друга перышки и пушокъ—ожидають почетнаго смотрителя.

Смотрителей пріѣхало два за разъ: почетный и штатный.

— Ну, ведите, что стоите! сказалъ штатный учителю.

— Нѣтъ, погодите, отвѣтилъ почетный: я подумаю...

И за тѣмъ подмахнулъ штатнаго къ окну, который подпрыгнулъ туда, какъ кузнечикъ.

— Я полагаю... началъ онъ въ полголоса, смотря въ окно, и за тѣмъ такъ важно заговорилъ со штатнымъ, что Вася, поднявшись на цыпочки, прошищѣлъ! вонъ братъ, Почечкинъ, какъ важно толкуютъ». Иванъ Ивановичъ моргнулъ и погрозилъ на него пальцемъ.

— Послушайте, эй вы!...

Приходскій учитель тоже подпрыгнулъ къ окну, въ видѣ стреноженной лошади.

— Мы вотъ что выдумали съ г. штатнымъ смотрителемъ: вашихъ вы раздѣлите по-поламъ,—понимаете?

— Понимаю, ваше высокородіе, отвѣтилъ густо Иванъ Ивановичъ, вовсе ничего не понимая.

— Отберите, кто тутъ у васъ получше, тѣхъ и взять въ публичный залъ; а прочихъ оставить здѣсь, или я полагаю—отправить домой, чтобъ они не шумѣли? Можно такъ?

— Можно и этакъ, ваше высокородіе.

— Ну, такъ распорядитесь же поживѣе, да, пожалуйста, безъ шуму и возни. Примите также въ соображеніе и это: кто поопрятнѣе одѣтъ,—слышите?

— Слушаю, ваше высокородіе?

— А то, право, не совѣмъ прилично смотрѣть на ихъ лохмотье, прибавилъ щеголь баринъ.

Иванъ Ивановичъ началъ живо тыкать пальцемъ въ учениковъ, приговаривая: «ты здѣсь! ты здѣсь!», и такимъ образомъ пошелъ сквозь всѣ ряды. Васька, растопыривъ борты, силился показать ему свою великолѣпную манишку съ красной прошвой, и тоже попалъ въ число чистыхъ. Нечистымъ учитель, возвысивъ голосъ, сказалъ: «а вы возьмите тиховько шапки и тамъ вонъ... Ермолаевъ, выведи ихъ сквозь заднюю дверь! ступайте домой».

Нечистые остались очень довольны, живо выпрыгнули на улицу и тутъ же подняли зевъ, посматривая на училищныя окна. Въ классѣ осталось человѣкъ двадцать-пять.

— Ну, вотъ этихъ взять, и предовольно! заключилъ почетный.

Иванъ Ивановичъ повелъ.

— А ваши тамъ? спросилъ онъ штатнаго.

— Точно такъ-съ, поставлены! и штатный такъ искусно шаркнулъ ногой, какъ шаркаетъ одинъ только въ свѣтѣ смотритель, въ казанской губерніи.

Учениковъ провели черезъ задній дворъ, въ гимназію. Въ какомъ-то длинномъ корридорѣ директоръ на нихъ закричалъ: «у меня здѣсь не топать ногами, слышите? здѣсь не топаютъ», и маленькіе трусишки, по повелѣнію директора, принялись подпльсывать на носкахъ. Забавнѣе всѣхъ вышелъ Золотухинъ и Садилловъ, которые такъ нѣжно отшагивали, какъ длинноногію журавля.

Вася озирается во все стороны: все ново, любопытно и даже страшно. Залъ, въ который привелъ ихъ Иванъ Ивановичъ, такъ великъ и высокъ, что Вася не вытерпѣлъ, подъ шумокъ шепнулъ-таки Зудалкину:

— Эхъ, какъ потолокъ-отъ высоко,— смотри!

— Да, братъ, славный потолокъ, отвѣтилъ тотъ весело:— вотъ-бы сюда запустить воробья-то, ну такъ ужъ поработалъ бы! Ихъ, какъ бы, шельма, закатился къ верху-то ловко!

Но Васька на это только таинственно прошипѣлъ: «Ну, пошелъ къ кошкѣ... носомъ—воробья! За это, братъ, здѣсь запустятъ такого воробья, что съ мѣста живъ не встанешь— вотъ что».—И за тѣмъ оба принялись разсматривать потолокъ.

Потолокъ въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ того, чтобы обратить вниманіе. Самъ архитекторъ Саркофагинъ говоритъ о немъ, что надъ потолкомъ этимъ онъ вылѣзалъ вонъ изъ кожи и на немъ истощилъ рѣшительно свой вкусъ. Для пяти висячихъ люстръ онъ влѣпилъ здѣсь такія розеты—ватрушки, которыя такъ сами и кричатъ надъ головой посѣтителя: «посторонись, убью!» Въ углахъ страшныя летучія мыши тоже грозятъ слетѣть. А по срединѣ, около лавроваго вѣнка, похожаго на розги, стоятъ на колѣняхъ голые алебастровые амуры съ книгами, и читаютъ, или плачутъ?—снизу не разберешь. Между амурами торчатъ еще, перевитые плющемъ, свертки бумаги, словно самоварныя трубы и ботфортныя голенища. А все это, для симметріи и красоты, связано и перевито какими-то алебастровыми кренделями и витушками, да проткнуто палками, какъ сердца, пронзенныя стрѣлой.

Но самый залъ, въ которомъ долженъ былъ совершиться торжественный актъ, былъ еще любопытнѣе, нежели потолокъ. Обстановку его разсматривали не только Вася и Зудалкинъ, а рѣшительно все. Вообразите, по сторонамъ высокіе столбы, на верхушкахъ которыхъ архитекторъ со вкусомъ размѣстилъ древнихъ алебастровыхъ мудрецовъ, сильно освѣщенныхъ сзади окнами въ два ряда. Надъ столбами, которые поддерживаютъ хоры у задней стѣны, поставилъ Гераклита и Демокрита, двухъ греческихъ философовъ, изъ которыхъ одинъ надъ чѣмъ-то смѣется, а другой надъ чѣмъ-то плачетъ; эти освѣщены съ боку. Между ними, на печкѣ, Ді-

огонь выглядываетъ изъ своей бездонной бочки. А въ полукружїяхъ надъ окнами и дверьми опять голые алебастровые амуры: эти уже играютъ земными шарами, какъ мячами, возятся съ огромными циркулями, квадрантами и треугольниками, или же изломанными ногами подплясываютъ около лиры, палитры и нотъ. Нѣкоторые изъ нихъ держатъ даже въ рукахъ латинскіе билетки, съ извѣстнымъ ломоносовскимъ стихомъ: науки юношей питають, отраду старцамъ подаютъ. Въ простѣнкахъ между столбами висятъ портреты нашихъ великихъ мужей, будто отличившихся своею ученостью. У передней стѣны стоитъ штука, похожая на комодъ, но что за штука? Васька тоже не понялъ. Сунулся было къ Машенькину и Дашенькину — спросить: «что это за штука?» да тѣ отозвались, что не знаютъ, и штуки такой никогда не видали; высказали телько свое мнѣніе: «что штука должно быть хорошая, потому что дерево блеститъ.»

Здѣсь самъ смотритель разставилъ ихъ въ три ряда. Инымъ запретилъ шептаться, а инымъ самъ шепнулъ: «задеру, слышишь!» на что всякій слушатель мотнулъ головой, какъ лошадь въ извозѣ.

Директоръ тоже приказывалъ учителю математики раздѣлить гимназистовъ по-поламъ, но чтобы нагляднѣе объяснить, какъ цѣлое дѣлится по-поламъ, онъ треугольной шляпой провелъ по рукъ, какъ смычкомъ.

— Эй, господа, задніе ряды! кричитъ онъ въ попыткахъ: не шептаться и не болтаться! А губернаторъ взойдетъ, такъ обратиться къ нему въ пол-оборота, вотъ такъ... (и тутъ директоръ опять показалъ наглядно, какъ должно обращаться къ губернатору въ пол-оборота) да поклониться, если скажетъ «здравствуйте»; можно даже выговорить слегка «здравія желаю»;—но только, чтобъ все это было безъ крику, прилично—понимаете?—вы не солдаты.»

Только успѣлъ договорить директоръ, испуганный инспекторъ объявилъ: «его превосходительство, господинъ начальникъ губерніи!»

Все всполошилось. Директоръ ушелъ на крыльцо; учителя, прижавши шпаги, какъ крысы хвостъ, прятались другъ за друга по чинамъ, смотритель мигалъ ученикамъ; даже самъ

Вася, испуганный суматохой, не успѣлъ пригладить волосъ: плюнулъ въ горсть, а тутъ какой-то трусишка шепнулъ: «идуть!»—такъ помада въ горсти и осталась.

Раздалась стукотня сапогъ. Впереди старика-директора идетъ молодой чиновникъ, длинный и сухой. Но что всего удивительнѣе показалось Васѣ,—что на немъ не только не было красного кафтана, не было даже креста на шеѣ, какъ у директора: просто, онъ былъ одѣтъ во фракъ.

— Гдѣ-же губернаторъ? думаетъ глупый Васька.

— Вотъ это, братъ, онъ самый и есть, губернаторъ настоящій, я его знаю,—шипить Зудилкинъ.

— Совсѣмъ не нарядный, хотѣлъ было заключить Вася, но увидя звѣзду подумалъ: «вонъ вѣрно гдѣ губернаторскій-то чинъ пришилленъ».

Всѣ сѣли за губернаторомъ. Настала мертвая тишина, сквозь которой еще ярче раздался колокола и голосъ инспектора, докладывающій директору: «владыка пожаловали».

Архіерея Вася выдалъ и ручку у него цѣловалъ, съ мамой въ соборѣ, поэтому пріѣздъ архіерея не былъ такъ любопытенъ, какъ приходъ губернатора.

Послѣ благословенія архіерейскаго, одинъ изъ учителей, длинный и сухой господинъ, съ бакенбардами покойнаго Пушкина и съ такими же курчавыми волосами, только не поэтъ, а математикъ, бойко вбѣжалъ на кафедру и, отдернувъ назадъ голову, какъ конь, сразу поклонился на всѣ стороны и громко сказалъ: «Милостивые государи!»—За тѣмъ онъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу и важно раскрылъ.

— Какіе-же это милостивые государи? думаетъ Вася: — я ихъ не знаю.

А господинъ уже поводитъ веселыми глазами по собранію, закрываетъ ихъ отъ восторга и замираетъ, какъ щуръ, распѣвая свою сладкую рѣчь. Кромѣ того, онъ съ такимъ удовольствіемъ потираетъ и пожимаетъ себѣ руки, какъ будто хочетъ спросить милостивыхъ государей: «ну, что, каково? вѣдь, хорошо я говорю?»

Губернаторъ наклонился впередъ, точно хочетъ понюхать, чѣмъ пахнетъ эта умозрительная рѣчь, о вице-губернаторѣ и говорить нечего, самыя мухи перестали орать и безчинничать

на потолокъ—словомъ, такъ все слушало жарко, что градомъ лить съ лицъ потъ. Вася оказался глупою. Слышать-то онъ слышалъ, какъ какіе-то яксы да игреки вычитаются, а синусы съ косинусами сочетаются, а зачѣмъ они сочетаются—этого онъ не понялъ,—такъ и бросилъ!

Чтеніе однако продолжалось битый часъ. Ребята ки, со-скучивши стоять, начали позевывать, а губернаторъ уперъ ладонью лицо, какъ-будто снимая паутину, и съ удовольствіемъ поклонился, когда кончилъ сухой и длинный математикъ.

За длиннымъ и сухимъ, неторопясь, залѣзъ на кафедру, низенькій и толстый, съ вихромъ на головѣ, какъ пѣтушиній гребешокъ, съ птичьимъ взглядомъ, въ очкахъ, съ лицомъ матовымъ, шероховатымъ, какъ грѣцкій орѣхъ. Толстая голова его до такой степени защемила въ мундирную черепаху, что онъ не въ состояніи повернуть ее ни на право, ни на лѣво и обращается къ посѣтителемъ болѣе брюхомъ, нежели головой. Это былъ учитель русскаго языка, или, какъ говорятъ у насъ—словесникъ. Онъ такъ широко раздвинулъ ротъ, какъ будто внесъ въ него кашу, и такъ усердно выговорилъ: «почтеннѣйшіе посѣтели!» что брызги его летѣли рѣшительно на всѣхъ почтенныхъ посѣтелей.

Словесникъ ужасно напугалъ Васю: тыкнувъ пальцемъ прямо въ него, онъ закричалъ: «и сіи молодые юноши созрѣютъ здѣсь со временемъ!» А выступая въ патетическія мѣста, онъ началъ даже постукивать въ кафедру и покрикивать на посѣтелей, какъ будто грозя имъ торжественно, что сіи молодые юноши въ самомъ дѣлѣ созрѣютъ здѣсь со временемъ! Но Васька вовсе не интересовался знать: для чего они созрѣютъ?—просто ткнулъ въ бокъ Почечкина и, указывая носомъ на мудреца на хорахъ, возлѣ дисканта, прошипѣлъ: «смотри, какъ смѣется».

— А вопъ плачетъ, братъ, отозвался пріятель, указывая на другаго мудреца, рядомъ съ басомъ.

Послѣ того Вася любопытно разглядывалъ, какъ мальчики съ красными воротниками, (которыхъ онъ дразнилъ «красной говядиной», на улицѣ) рассказывали басни, и размахивая руками, толковали: «какъ въ древности вельможа съ богато-убраннаго ложа отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плу-

товъ». Не понялъ Васяка только одного: за чѣмъ они говорятъ губернатору о Плутопѣ. Особенно же понравилось ему, какъ одинъ смѣлый гимназистъ, протягивая руки, сказалъ: «Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»

Но вотъ настала торжественная минута перевода учениковъ. Смотритель первый объявилъ почтеннѣйшимъ посѣтителямъ, кто у него выпускается, и читалъ это мѣсто съ такимъ грустнымъ настроеніемъ, что изъ фамилій кончившихъ курсъ у него вышли стихи: Перетыкинъ, Обѣдаловъ, Золотухинъ, Матюковъ, Закавыкинъ, Обираловъ, Чепарухинъ, Чубуковъ. А Вася объ этихъ стихахъ подумалъ: «ну, это не наши—уѣздные». Но только Иванъ Ивановичъ поднялъ листъ, на которомъ было прописано, кто переводится изъ приготовительнаго класса, онъ навострилъ уши.

Славно читалъ Иванъ Ивановичъ. Овечкина и Человѣчкина, Зудилкина, Сучилкина и Юликина—всѣхъ перевелъ и всѣхъ прочиталъ такъ плавно и торжественно, какъ поэму.

— «Вонъ какъ валяютъ нашихъ!» думаетъ веселый Вася, а Иванъ Ивановичъ только еще начинаетъ вычитывать, словно по нотамъ—все громче и громче, торжественнѣе и торжественнѣе: «Таничкинъ и Пряничкинъ съ наградой», выговариваетъ онъ важно, и повелъ глазами по Таничкину и Пряничкину. «Баночкинъ и Скляночкинъ съ наградой!» читаетъ онъ дальше, а Вася думаетъ: «ну-ко еще». Шалунчиковъ, Шептунчиковъ, Болтунчиковъ, и Лепетунчиковъ съ наградами перваго класса».

— «Эхъ, лихо!» шипитъ развеселый Вася. Но когда наконецъ и новымъ друзьямъ его Зазнобушкину и Сударушкину дали похвальные листы, то онъ рѣшительно не устоялъ: смотря на губернатора, щелкнулъ языкомъ и шепнулъ: «лихо, шельмовство! и сударушкѣ похвальный листъ. Ай да сударушка, душечка,—прелесть!» И за тѣмъ еще нетерпѣливѣе сталъ ожидать: что-то будетъ ему?

Ожиданіе перваго экзамена и перевода, это не то, что ожиданіе прапорщичьихъ эполетъ. У человѣка взрослога, хотя бы самаго пустѣйшаго въ свѣтѣ, уже совершенно другой взглядъ на все. Бывши кадетомъ или птицею подобнаго полета, онъ уже все это видалъ и испыталъ, между тѣмъ Вася только въ

первый разъ въ жизни готовится испытать это. А тутъ еще: торжественная суматоха, распоряженія испуганнаго Ивана Иваныча, прїѣздъ небывалаго въ училищѣ почетнаго смотрителя, парадное шествіе черезъ гимназическіе закоулки, удивительно свѣтлый залъ и наконецъ невиданное и неслыханное торжество съ пѣвчими и звономъ, архіереемъ и губернаторомъ—все это привело его въ такое трепетное ожиданіе, въ какомъ можетъ находиться человекъ только въ самую рѣшительную минуту.

Не успѣлъ оторопѣвшій духъ перевести, какъ тамъ духомъ наградили Машенькина, Сашенькина, Дашенькина, и вдругъ такъ ясно и четко раздалось: «Василій Подпалкинъ съ наградой!»

— Ухъ! выговорилъ только счастливецъ и не вытерпѣлъ улынулся Зудякину. Непремѣнно прошипѣлъ-бы: «лихо, братъ!» но его больно испугали смотритель съ директоромъ. Оба встали съ мѣстъ, замахали шляпами и заговорили: «Подпалкинъ! Кто тутъ Подпалкинъ, поди сюда!» Сзади подсовываютъ впередъ, а директоръ какъ хватить Васю за плечо, да какъ двинетъ къ архіерею, такъ сразу и поставилъ передъ губернаторомъ.

— У-у-у! Вотъ вѣрно гдѣ смерть-то!.. Вася поблѣднѣлъ.

Губернаторъ вблизи—ничего, такой добрый, мягкій и разговорчивый; самъ подаль Васѣ похвальный листъ съ красной печатью, самъ сказалъ ласково: «вотъ это тебѣ, Подпалкинъ, за ученье»,— и хотя не погладилъ по чупрыничку, однако съ улыбкой замѣтилъ директору: «какая забавная фамилія! изъ какихъ онъ?..»

Чуденъ былъ этотъ свѣтлый моментъ васной жизни, такъ полно теперь его дѣтское счастье, что въ первую минуту онъ не можетъ говорить. Озираясь во все стороны съ дурковатой улыбкой, будто облизнувшись сладкаго во снѣ, онъ хочетъ спросить на-яву: что это, братцы, творится со мной?

А творилось въ самомъ дѣлѣ что-то чудное: въ глазахъ являются красныя пятна, какъ печати; печати роятся и мелькаютъ, идутъ дальше и дальше; передъ глазами являются новыя; мелькаютъ и хлещутъ летучіе листы; бѣгутъ широкія коймы, огромныя кудрявыя буквы, и все это смѣшивается, сталкивается, расходится и сходится. Губернаторъ, архіерей, директоръ и пѣвчіе— все, какъ звуки, проносится сквозь го-

лову и сердце Васи! «Чудную штуку хватилъ, шипить съ боку Зудилкинъ и присѣлъ съ Васей на корточки—полюбопытствовать, что тутъ прописано похвальнаго?» Въ залѣ за шумѣли,—вскочили шалуны.

Пѣвчіе пѣли «Боже царя храни!» Все стало съ мѣсть.

— Ужь не домой-ли, господя? Кабы скорѣе отпѣли конецъ-то? Ухъ, какъ обрадуется тятя: онъ именинникъ, а я съ листомъ! Поди, чай, думаетъ: и вотъ, дескать, такъ придетъ, просто, безъ листа»,—да, чего тебѣ просто, какъ же, дождайся! анъ вотъ и не просто! Какъ разверну передъ нямъ этакой, да укажу на печать-то, на красную, такъ вотъ и не просто будетъ! Скажетъ небось: вотъ, дескать, какой ты сталъ нынче, сынокъ: листики похватываешь»..—И Вася подъ шумокъ еще разъ присѣлъ на корточки и прочиталъ свои похвальные успѣхи.

Актъ кончился: архіерей и губернаторъ удалились.

Директоръ пошелъ за губернаторомъ; смотритель замахалъ шляпой, а Иванъ Ивановичъ принялся опять уставлять свои ряды. Безтолковыхъ онъ дергаетъ за рукавъ и сосовываетъ съ товарищемъ, чтобы они не топырились; иныхъ, какъ хватомъ горшекъ, пятерней двинетъ въ шею, впередъ; борзыхъ за шиворотъ осадитъ назадъ, какъ коня. Словомъ, началась опять такая возня, какаля обыкновенно бываетъ при устанавливаніи рекрутовъ да безтолковыхъ училищныхъ ребятшекъ. Для чего была эта возня послѣ акта, Иванъ Ивановичъ и самъ не понималъ—онъ только ставилъ «для порядка». Гладнувъ Васю по шеѣ, онъ и ему мелькомъ прибавилъ: ну-тко хватъ, становись въ рядъ, и всей пятерней проводилъ въ спину.

Войска свои Иванъ Ивановичъ повелъ опять въ классъ. Тамъ онъ, какъ маленькій Наполеонъ при пирамидахъ, всталъ передъ новымъ столомъ и началъ такъ:

— Вотъ видите: кто хорошо учился, тотъ теперь у праздника; а кто дурно усѣивалъ, тому дали шипъ: не будь осломъ.

Наставникъ остановился передъ заднимъ столомъ.

— Вонъ съ какими славными листьями пойдутъ они домой—обрадовать родигелей, а вы, дубье, отцамъ да матерямъ поднесете флгу.

— А я такъ вонъ какую штуку, — думаетъ Васька, смотря на свой великолѣпный листъ.

— И ты, Подпалкинъ, покажи твой листъ отцу, да скажи: что онъ сюда не ходитъ? совсѣмъ насъ забыть.

— Да онъ-съ, Иванъ Ивановичъ, совсѣмъ никуда не ходитъ-съ: онъ хвораеть-съ, онъ-съ боленъ.

— Да? давно?

— Давно-съ, съ зимы-съ, съ самой-съ!

— Вотъ какъ! Ну, читайте молитву, да ступайте домой. Теперь гуляйте до перваго августа, до Спаса.

Всѣ радостно вскочили съ мѣсть; съ трехъ сторонъ зачитали молитву и только къ концу, когда дошло дѣло до родителей и учителей, прочіе отстали молотъ, а одинъ звонко вывелъ! «ученія се-го!»

Приходскіе войска бросились въ дверь, какъ на приступъ, и забарабанили сапожниками атаку.

— Вотъ такъ гульнемъ! раздавалось по лѣстницѣ и улицѣ. А Вася, какъ конь, помчался домой.

Отецъ смотритъ въ окно; Вася въ восторгѣ грозитъ ему бумагой. Торжественно вносятъ изъ сѣней развернутый листъ, кладетъ на колѣни, и порваннымъ отъ волненія голосомъ говоритъ только:

— Вотъ!...

— Тебѣ это дали? спрашиваетъ отецъ.

— Да, мой! отрывисто отвѣчаетъ Вася,—и тутъ ужъ онъ почувствовалъ такое торжество, котораго, мнѣ кажется, не чуялъ и Македонскій самъ при покореніи вселенной.

— Наклонись, я тебя поцѣлую.—Вотъ такъ именины!

— Я это тебѣ старался, тятенька!

— Умница, сынокъ.

У тятеньки завскрились глаза и навернулись слезы. Вася упалъ на грудь—отецъ поцѣловалъ.

— Ученье свѣтъ—неученье тьма, сынокъ!

— Знаю я это, тятенька, хотѣлъ было отвѣтить Вася:—въ самомъ дѣлѣ онъ писалъ уже это въ училищѣ, по прописи,—однако ничего не сказалъ,—покрѣпче только прижался къ груди.

Холодная рука скользнула по шеѣ и щекѣ; сладостная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ упоеннаго ребенка, и точно само солнышко вошло въ темную избу—такъ свѣтло и весело было на душѣ.

А тутъ и мама изъ куринаго клѣва. Та еще больше обрадовалась похвальному листу, и не только упростила поцѣловать ее, и даже прочитать: что въ немъ прописано?

А Вася, кажется, этого только и ждалъ: торжественно всталъ между отцомъ и матерью, высоко поднялъ листъ, даже крикнулъ для пристуны и, закрывъ глаза, прокатилъ наизусть:

«Данъ сей во оказаніи отличныхъ успѣховъ, сопровождаемыхъ отличнымъ благопріемъ ученику петропавловскаго приготовительнаго класса, Василью Подпалкину на торжественномъ актѣ, воспослѣдовавшемъ въ лѣто отъ Рождества Христова такое-то, іюня въ 29 день.»

Когда Вася успѣлъ выучить листъ? — то знаетъ Богъ; но только онъ прочиталъ его такъ внятно и толково, что само сдѣлалось удареніе на отличные успѣхи съ благопріемъ и на слова «данъ Василью Подпалкину.»

— А, мать, каково?

— Да ужъ чего! отвѣчала мама и махнула только рукой.

За торжество Васѣ дали гривенникъ и предложили сходить на базаръ: купить чего хочеть.

— А вотъ я, братъ, выздоровлю, такъ мы съ тобой въ толкувъ, на рогожкѣ, золотую рамочку подцѣпимъ, да туда его и влѣпимъ!—Совсѣмъ другой будетъ видъ.

А мама поучаетъ Ваньку такъ:

— Вотъ видишь-ли, дуракъ, какую знатную штуку даютъ умнымъ людямъ за науку! братъ-отъ умница, вотъ ему за умъ-то и дали листъ. А будешь умница ты, такъ и тебѣ припечатуютъ вотъ такую же красную лепешку. Понимаешь?

Ванька фыркнулъ въ носъ, будто понялъ, а самъ, подлець, подумалъ: «вотъ съ печатью-бы змѣй-то ужъ закатился бы высоко...»

Странное однако что-то творилось съ Васей въ этотъ день. Кажется, руки, ноги такъ сами и пляшутъ отъ радости: и похвальный листъ весело смотреть со стѣны краснымъ глазомъ, и тятя съ мамой такъ ласковы съ нимъ, какъ на пасху, а все что-то не играетъ! Словно кто подъ руку подтолкнетъ, да шепнетъ: «эй, Вася, поди въ избу, да посмотри: не плачетъ ли мама?» И Вася дѣйствительно идетъ въ избу, посмотреть на плачущую маму и нахмурится самъ.

— Поди, сынокъ, поиграй на улочкѣ. Что ты опять какой? спрашиваетъ отецъ.

— Такъ, не знаю какой! отвѣчаетъ сынокъ, и приложится къ постели отца.

Сколько не посылали его поиграть на улочку, такъ и не пошелъ онъ на улочку, — такъ и заснулъ у отцовскихъ ногъ!

— Эйхъ, Вася, Вася! рано же ты узнаешь жизнь! пророчить скорбно отецъ.

А мама, какъ телянка, тащить Ваську въ постель.

II.

РАЗДУМЬЕ МАТЕРИ.

— Мать! поди-ко сюда.

Марфа подошла къ Павлу съ заплаканными глазами.

— Полно, другъ! Затепли-ко вонъ свѣчку къ образу: — завтра, говорятъ люди добрые, воскресеніе христово, да сядь сюда поближе; пока не спится, — побесѣдуемъ съ тобой.

Марфа исполнила желаніе мужа и сѣла къ больному на постель. Павелъ взялъ ея руку.

— Вотъ, видишь-ли, что я хотѣлъ тебѣ сказать, жена! Теперь ужъ нечего грѣха таить, ты видишь сама, что я больше люблю Ваню. Ваня у меня тихенькій будетъ мальчикъ со временемъ, глупенекъ только маленько, малъ вишь еще? Ну, а на Васю твоего, вонъ видишь, есть уже надежда. (Павелъ указалъ на листъ); онъ, значить, не оставитъ тебя подъ старость. Баринъ когда-то говорилъ: что за услуги мой одного онъ сдѣлаетъ слабоднымъ, на волю, значить, отпустить обѣщаль. Ну, какъ ты думаешь, мать: котораго изъ нихъ намъ сдѣлать счастливымъ?

У Марфуши подкосило ноги, дрогнуло сердце, она не вѣтила ничего!

Тоскливо смотритъ мать на икону богородицы, чуть озаренную копѣчной свѣчой. Какъ надгробное ваяніе, сидитъ она, раздумывая свой тяжкій вопросъ. — Въ избѣ царствуетъ глухая тишина, и — вотъ:

Видятся ей материнскому сердцу два кровных дѣтища, Вася и Ваня, оба одинаково материнскою грудью вскормленные, одинаково материнскимъ лономъ возлелѣянные, одинаково материнскимъ сердцемъ любимые! «Вѣрно который палець не русия — все больно» — думаетъ она со слезой. — А теперь, въ это мгновеніе, отъ одного слова матери родной, два эти кровныя дѣтища, два брата родные, пойдутъ, какъ чужіе, по разнымъ путямъ! Сжалось ей материнское сердце, болитъ и ноетъ оно, надрываясь и чуя, какъ будутъ неравны ихъ жизненныя путины. Какъ ни утѣшаетъ себя Марфуша, что не знаетъ ихъ будущаго, а все ей материнское сердце чувствуетъ, что жизнь ихъ неравна. Нѣтъ, неравна ихъ жизнь! непохожа она, какъ ночь на день, какъ мракъ на свѣтъ, какъ жизнь на смерть, какъ материнское благословеніе на грозное проклятiе Хама!

Одинъ представлялся ей уже вольнымъ, — вольнымъ, какъ могла только представить себѣ это слово крѣпостная женщина, Марфуша, глубоко изучавшая жизнь барскаго человѣка въ теченіи пятидесяти лѣтъ! Представлялся ей человѣкомъ, имѣющимъ право пить, ѣсть, и спать не по закону, не по управленію чужой волей, какъ машина, не подъ гнетомъ вѣчныхъ угрозъ и страха, а живущимъ, какъ человѣкъ свободный. Видитъ она-мать Васю, своего любимца, доучившимся у Ивана Иваныча до конца, поступившимъ въ сидѣльцы съ лоткомъ и аршиномъ въ рукахъ, бойко гуторящимъ съ покупателемъ; видитъ она его молодымъ и красивымъ парнемъ, женившимся на мѣшаночкѣ съ деньжонками, видитъ она его наконецъ и въ лисей шубѣ купцомъ-бородачомъ, съ толстымъ брюхомъ и мѣшкомъ, какъ ея дядюшка Наумъ, выпущенный давно на волю. И при видѣ такого полнаго счастья Васи, она готова была улыбнуться, но вдругъ... Въ то же мгновеніе представлялся ей и другой образъ сына — невольный и жалкій образъ — человѣка раба! Кровію облилось материнское сердце, и вмѣсто живой улыбки радости уста ея исказились, какъ смерть.—Блѣднѣетъ мать.

— Что съ тобой? спрашиваетъ больно!

— Охъ, погода — ничего! что-то подступаетъ подъ сердце. — А жизнь Ваньки-скота такъ всецѣльно и несется сквозь ея материнскую душу:

Теперь же чувствует она, бѣдная мать, какъ молодой барченочкѣ Ильяшка скоро, скоро возьметъ у ней маленькаго Ваню къ себѣ въ услуженіе, на побѣгушки и тычки, или въ казачки. Знаетъ она, несчастная, какво это служеніе въ барской горницѣ, въ вѣчной бѣготѣ, суетахъ и развѣ еще въ стояніи за барскимъ стуломъ. Видитъ она, любящая, Ваню своего постыннаго холоднымъ и голоднымъ, обруганнымъ и доколотымъ, опустившимся и оборвавшимся. И знаетъ, несчастная, что въ этомъ жалкомъ состояніи онъ будетъ еще день и ночь служить своему барину, на яву и во снѣ грезить баринкомъ, на смертномъ одрѣ плакать не о семьѣ своей, а о баринѣ, и наконецъ въ минуту перехода туда обращать взоръ не къ дѣтямъ своимъ, а къ тому же барину, какъ-будто моля у него помощи или свободы тамъ... за гробомъ. Видитъ она, любящая, и послѣдніе моменты жизни несчастнаго Ваньки-скота. Съ синимъ, бритымъ лбомъ идетъ онъ проститься съ матерью, въ послѣдній разъ. Дрожащей рукой надноситъ она нѣдъ головой образъ богоматери и поручаетъ сына храненію общей матери несчастныхъ и сиротъ, а онъ,—все еще твердый и непоколебимый,—кладя земные поклоны, говоритъ какія-то утѣшенія ея разстерзанному сердцу! Такъ и стоитъ передъ глазами, какъ живой, несчастный ея Ванька-скотъ въ сѣросуконной, солдатской шинели, съ тяжелымъ ранцемъ за спиной, шагающій по глупо бокому снѣгу отъ барскаго дома, а она, убитая горемъ мать, кланяется ему на дорогу, обливаясь слезами его солдатскую дорогу и благословляетъ въ добрый путь отъ воротъ того же господскаго дома.—И зарыдала мать при видѣ этого мрачнаго и убитаго образа человѣка.

— Эйхъ, отецъ! все-то ты хилѣешь, другъ. Самъ бы устрѣилъ ихъ, а то вотъ что?... кого тутъ?... и Марфушка такъ развела руками, какъ-будто сплилась на нихъ взвѣсить судьбу своихъ дѣтей.

Въ это время ясно было видно, какъ этой бѣдной женщинѣ хотѣлось рѣшить вопросъ: кого? Но слово «воля» привело въ такое замѣшательство ея крѣпостныя способности, что она только бессмысленно устремила глаза въ темный уголь, да бессознательно повторила: «Кого? я ужъ тутъ и сама не знаю.»

Да оно такъ и должно было быть! Пятьдесятъ лѣтъ живя

въ полномъ убѣжденіи, что за нее думаетъ баринъ, Марфуша во всю жизнь не думала ничего! Вѣщее сердце матери, можетъ быть и часто, скорбѣло о дѣтяхъ, но на вопросъ о судьбѣ ихъ она отвѣчала одно: «какъ угодно барину». Неудивительно, что въ такую рѣшительную минуту Марфуша осовѣла, какъ раба.

— Ну, кто же? спросилъ наконецъ Павелъ съ тоской.

— Право не знаю кого,—полагаю Васю Господь, можетъ, не оставитъ и маленькаго: мы вѣдь не знаемъ, кто изъ нихъ будетъ счастливъ...

Послѣдовало длинное молчаніе.

— Ну, будь, по твоему, старуха, будь по твоему! Только слушай вотъ что: коли господь будетъ ко мнѣ немилостивъ и паче чаянья я не увижу нашего барина (Павелъ горько заплакалъ), такъ передай ему мою послѣднюю просьбу: попроси, чтобъ онъ уже не оставилъ со временемъ своей господской милости и Ваньку моего несчастнаго! Авось господь положить ему на сердце: говорилъ же онъ мнѣ когда-то, что и оба они плевка ему стоятъ. Проси-моли его, мать; это тоже твое дѣтище.

— Ну, ты самъ еще тово... Но Марфа не договорила утѣшенія: голосъ ея оборвался.

— А то, вотъ что жъ теперича выходитъ: одинъ такъ, другой—этакъ, а неровенъ еще часть—Богъ вѣдь знаетъ, каково житье-бытье будетъ у Вани барскаго? Какъ меньшакъ-отъ да отжалуется на насъ съ тобой Богу! да скажетъ: вотъ, дескать, отецъ съ матерью, покойники, что со мной надѣлали: вотъ какъ я живу теперь! тогда что? а! вѣдь въ могилѣ пошевелиятся наши кости!—И Павелъ ткнулъ пальцемъ въ темный уголъ избы.

Мать зарыдала.

— Не надрывай мнѣ сердца, жена! слезами здѣсь не помочь. Дай мнѣ лучше договорить все до конца. Это давно скребло у меня на сердцѣ и ржавѣло, какъ гвоздь—вотъ тутъ! (Павелъ указалъ на грудь). Теперь я облегчился. И кабы вотъ еще сподобилъ меня Господь,—хоть завтра,—исповѣдаться и приобщиться св. таинствъ христовыхъ, такъ послѣ того... эхъ!..

Но Павелъ не договорилъ, что «послѣ того», только тоскливо прибавилъ:

— Жаль одного, — вотъ ихъ!

На обрывочкѣ войлока, на полу, раздѣтые отъ жару, живописно разметнулись ребятишки: Вася съ улыбкой прошлаго, свѣтлаго дня, а Ваня свернутый комочкомъ, какъ будто утираетъ слезы на кулакъ—оба безпечно спать.

— Не оставь ихъ, отецъ! Вонъ они какіе маленькіе!...— И рыдающая мать бросилась на колѣни предъ отцемъ.

— Охъ, не пили ты меня!

Въ это мгновеніе въ послѣдній разъ вспыхнулъ огонекъ догорѣвшей свѣчи, и за тѣмъ Павелъ, Марфа и дѣти — все погрузилось въ черную мглу.

И. Потапкинъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(ЛІТНІЯ СЦЕНЫ.)

I.

...Въ самую страшную полуденную жару мы разстались съ городомъ; здѣсь въ эту пору мертвенность полная; ставни заперты и по опустѣлымъ улицамъ другъ за другомъ гоняются песчаные вихри, по временамъ подхватываемые неизвестно откуда налетѣвшимъ вѣтромъ. Не слышно катится наша повозка по пустыннымъ переулкамъ, прилегающимъ къ полю; кое-гдѣ врѣзывается она въ вязкую грязь никогда непересыхающей лужи, и потомъ — снова не слышно шума колесъ и стука неподкованныхъ лошадиныхъ копытъ, только мелкая песчаная пыль не отстаётъ отъ насъ и густымъ облакомъ ползетъ подъ повозкой. Миновавъ почернѣвшую и насквозь прожженную каменную кузницу, внутри которой глухо шипѣли мѣхи, густо разлетались изъ подъ тяжелаго молота искры и суетились закопченные кузнецы, изрѣдка выбѣгая наружу съ задвинутой на затылокъ шапкой и ручьями чернаго пота на лицѣ, — мы наконецъ совсѣмъ разстались съ городомъ. Меньше и меньше слышится кузнечный молотъ и скоро хоръ кузнечиковъ, грянувшій во ржи, глушитъ его своимъ назойливымъ чирканьемъ... Въ эту минуту вы чувствуете себя хорошо, и потому именно, что невыразимо быстро мелькнувшая картина городской жизни нарисовала вамъ дѣлая толпы людей, которые разомъ разбѣгаютъ свои рты,

говорятъ что-то, и вамъ, какъ жителю города и знакомцу этихъ людей, не нужно имѣть слишкомъ чуткаго уха, чтобы слышать здѣсь жалобы, просьбы. Жалобы эти такъ стары, столько вѣковъ зудятъ они надъ человѣческимъ ухомъ, что для дѣйствительной помощи имъ ни во что пошла-бы цѣлая ваша жизнь, да и то ничего не вышло бы. А поэтому-то, въ настоящую минуту въ васъ и родилась, хоть и дикая, но совершенно законная дума: «слава Богу, что мнѣ самому не пришлось протянуть ногу въ этомъ бучилѣ».

Жара не даетъ вамъ покою; вы жмуритесь; лобъ болитъ и кажется, что вмѣстѣ съ вами жмурится и само солнце отъ нестерпимаго блеску и духоты. Черныя, кое-гдѣ уже вспаханныя подъ озимое, поля, словно въ дыму, тонуть въ синевѣ палящаго зноя, который обдаётъ собою верхушки сосноваго лѣса, отчего ярче виднѣются красные сосновые стволы, будто освѣщенные снизу кострами. Картина, раскинутая передъ вами проселкомъ, не можетъ похвалиться особеннымъ разнообразіемъ: вдали видны неподвижно растопыренные мельничныя крылья, ярко зеленѣетъ лоскутъ конопли, врѣзавшейся между ржи, а повсюду—и на право и на лѣво,—по отлогимъ равнинамъ разбросаны разноцвѣтныя шапки полей. Тамъ и сямъ, въ разныхъ точкахъ надъ колосьями, виднѣются нагнутыя бабьи спины, видѣнь взмахъ пучка срѣзанныхъ колосьевъ, загорѣлое лицо бабы, обернувшейся посмотрѣть на васъ, и потомъ снова нагнутая спина ея.

Все это молчить, безъ умолку работаетъ; въ эту пору въ деревнѣ не сидитъ сложа рука ни одна человѣчья душа; а поэтому постоянная безлюдность и безъ того глухаго проселка увеличивается теперь въ сотни разъ и наконецъ начинаетъ вамъ надоѣдать... Кромѣ лѣсовъ и ржи вамъ хочется встрѣтить хоть одну живую душу, — будь то становой, который не замедлитъ при этомъ обдать васъ пескомъ и пылью, и оглушить неистовой трѣкотней колокольчика,—или простая деревенская баба: — все равно. И вотъ наконецъ вдали показывается телѣга; на возу съ какимъ-то продуктомъ, плотно укрытымъ кожей и увязаннымъ веревками, покоятся мѣщанинъ, подставивъ спину солнцу и подложивъ руки подъ голову; возъ поровнялся съ вами и проѣхалъ; вы опять въ полѣ, и здѣсь

имѣете достаточно времени разсуждать о томъ, почему, при такомъ незначительномъ случаѣ, какъ ваша встрѣча съ мѣщаниномъ, не могло обойтись безъ того, чтобы мѣщанинъ или вашъ возница, не наѣхали другъ на друга, не сѣпились осами и оглоблями и не послали другъ другу «чорта», «подлеца» или «идола»...

Послѣ этого и вы, и мѣщанинъ спокойно продолжаете свой путь. Съ пригорка возница начинаетъ придерживать лошадей, и направляетъ ихъ мимо мостика, почему-то предпочтая вязнуть въ трясины и плестись шагомъ, но скоро, — вспомнивъ, что мостъ этотъ принадлежитъ къ числу повинностей, исполняемыхъ натурою, — вы и сами оправдываете возницу, потому что всякая подобнаго рода штука въ результатѣ непременно постарается устроить вамъ какое-нибудь увѣчье или калечество. На этихъ-то пунктахъ, на этихъ-то неудобствахъ и вывихиваются руки, шея, ноги; здѣсь-то ломаются ребра и сокрушаются кости... А поэтому мы крайне счастливы, что перебрались на другую сторону помимо моста. Медленно взбираемся мы на небольшую песчаную возвышенность и на самомъ высокомъ пунктѣ этой возвышенности, на перекресткѣ двухъ дорогъ, натыкаемся на два маленькіе креста простой, мужицкой работы. Стоять они на распутии, один-одинешеньки и говорятъ прохожему народу о какой-то загадкѣ, и слишкомъ ужъ страшный смыслъ этой загадки, неизвѣстно впрочемъ почему представляющійся такимъ, заставляетъ каждого прохожаго постоять тутъ и покреститься...

— Не знаешь-ли, братъ, что это за кресты? спрашиваете у возницы.

— Тутъ *такіе* люди зарыты.

— Какіе люди?

— Смертобивцы...

— Кого-же они убили?

— Да они сами...

Не обладая слишкомъ размазистой фантазіей записнаго литературщика, можно почти мгновенно сварганить по этому случаю забористую драму изъ народной жизни, — стоитъ только обставить жизнь этихъ смертобивцевъ разными *прискорбьями*; тутъ рисуются изверги-старосты, прелестная Офелія —

Фекла, грустно ободряющая возлюбленнаго фразою такого напр., рода: «еще розы не перестали цвѣсти — не горюй ненаглядный Вахрамѣй» и пр; словомъ, все, что угодно; и если въ эпилогѣ, когда стонущіе рѣшаются выпалить въ свои лбы, прибавить заунывную пѣсню, и заставить хоть полминуты пошумѣть темный боръ—штука выйдетъ весьма потрясающая... Героевъ можно, впрочемъ, для большей народности, втащить на осину и тутъ покончить съ ними; выйдетъ картина еще капитальнѣе...:

— Такъ ты говоришь, что тутъ самоубійцы? спрашиваете вы извозчика опять.

— Такъ точно...

— Не знаешь ли ты, братъ, отъ чего это они?..

Извозчикъ повертывается къ вамъ и произноситъ:

— Да вотъ, извольте видѣть, отчего: первое дѣло они это напились, какъ, можно сказать, свиньи, ды почью-то и врюхались въ это самое болото, въ полу ю воду!.. Такъ совсѣмъ съ лошадыю.

— А-а!...

И тутъ разрушается такой удачный, только что состроенный, планъ народной драмы.

Скоро ваше вниманіе привлекаетъ толпа народу, разлегшаяся на границѣ лѣса, въ тѣни. Не хорошо постигая, въ чемъ дѣло, вы обращаетесь снова съ вопросомъ:

— Что такое?

— Мижавые, говоритъ возница, и потомъ прибавляетъ: которые мижуютъ... Ишь народу-то наволокъ! — недовольно заключаетъ онъ...

— А что?

— Да какже: ему по закону-то трехъ-бы человекъ надѣть, а онъ цѣлую деревню томить по-пусту...

Подѣхавъ, вы дѣйствительно различаете цѣлую кучу людей, посреди ихъ стоитъ около инструмента таксаторъ; по полю шагаетъ мужикъ съ шестомъ въ рукѣ, на которомъ сверху привязанъ бѣлый лоскутъ.

— За чѣмъ же онъ ихъ томить-то?

— Да, стало быть, для него это много лестнѣй...

Межевой, завидѣвъ васъ, и въ особенности то, что вы такъ

пристально смотрите на него, мгновенно забираетъ себѣ въ голову изумить васъ своими подвигами, и такъ разукрасить ихъ, чтобы вы откровенно сознались, что тутъ ровно ничего не смыслите, но что онъ напротивъ все это до тонкости понимать можетъ. Съ этою цѣлю онъ вдругъ приободряется, засучиваетъ, словно для драки, рукава, въ то же время громкогласно командуя мужикамъ съ шестами, провозноситъ какое-то мудреное слово, которое вы только слышите, но понять можетъ исключительно онъ одинъ, и, упершись засученными руками въ бока, прищуриваетъ одинъ глазъ и прицѣливается другимъ въ щелку алядады...

Побѣжденные такимъ горячимъ дѣломъ, мы ѣдемъ дагѣ и скоро въѣзжаемъ въ прохладную тѣнь лѣса... Колеса наши часто подпрыгиваютъ по обнаженнымъ, далеко протянувшимся, корнямъ придорожныхъ деревьевъ, и потомъ снова вязнутъ по ступицу въ песокъ. Лѣсная проселочная дорога начинаетъ мало-по-малу расширяться, и наконецъ небольшой полукруглой лужайкой врѣзывается въ лѣсъ... На этой лужайкѣ, торчитъ одинокая хибарка, которая еще издали произвела на нашихъ лошадей какое-то пріятное, знакомое впечатлѣніе: они приободрились, побѣжали рысцой и прямо къ хибаркѣ. Не смотря на то, что кучеръ усердно теревилъ возжами лошадиныя рыла, желая направить коней на дорогу, — кони выгнули свои спины, дружно наперли грудью впередъ, и какъ вкопанныя стали у хибарки...

— Ахъ черти—подлыя!.. Какъ они къ этому кабаку приучены, говорить извошкы... Хошь глаза завяжи, и то разнюхаютъ, этотъ кабачище...

Стало быть, какъ часто нужда, горе, или что нибудь другое толкаетъ русскаго мужика къ кабаку, если даже лошади уловили типическія черты этого заведенія, и по чутью распознаютъ его повсюду.

Избенка, около которой остановились наши лошади, помѣшалась одна одинешенька среди лѣса, тянувшася длинной полосой. Она была очень ветха. На соломенной крышѣ, почернѣвшей и плотно склеенной частымъ мхомъ, кое-гдѣ росли цѣлыя кусты разной травы, изъ за которой выдвигалась черная деревянная труба сверху защищенная крышей.

Наружу избенка смотрѣла маленькою дверью, въ которую можно было пролѣзть, только согнувшись особеннымъ образомъ, какимъ заставляетъ сгибаться только страшное уваженіе къ сивухѣ. Маленькое оконце, словно старческій глазъ, пораженный бѣльмою, уныло смотрѣло на дорогу и рѣдкихъ проѣзжихъ, и только въ это оконце обитатели избенки награждались свѣтомъ божіимъ. Въ избѣ было сыро и пустынно; въ углу въ сѣняхъ валялась собака, и при появленіи нашемъ какъ-то испуганно вытаращила глаза; будто не знала: что ей, — брехать или нѣтъ?

Извозчикъ предлагаетъ намъ отдохнуть и закусить. Онъ распрягаетъ лошадей, а мы, пока старая баба возится около загиѣтки, стряпая яичницу, отправляемся въ лѣсъ... Чѣмъ дальше пробираемся мы въ его прохладную чашу, разгребая руками вѣтки, и снимая съ лица безирестанно цѣпляющуюся паутину, тѣмъ болѣе и болѣе охватываетъ насъ, со всѣхъ сторонъ, такая дѣловая и полная любви и серьезности жизнь, что вы среди такой пустыни не смѣете и на мгновеніе подумать о скукѣ или желаніи вернуться назадъ. Надъ вами и со всѣхъ сторонъ вы слышите говоръ спокойный и счастливый, видите неумолкаемую работу цѣлыхъ благоустроенныхъ царствъ. Тутъ все до такой степени свято и цѣльно, что вамъ кажется, будто ваша собственная особа, здѣсь совершенно не при чемъ; вами не нуждаются; послѣ васъ во всякомъ случаѣ окажется какойнибудь изъянь, нарушающій общую гармонию... И поэтому не мѣшайте здѣсь, и уходите отсюда, если васъ здѣсь серьезно чтонибудь не интересуеть.

На пути попадаютъ намъ срубленные бревны, разбросанные тамъ и сямъ, и говоряція, что тутъ былъ человекъ, — и дѣйствительно вы скоро выступаете на вырубленную среди лѣса площадь, на которой устроенъ майданъ (особаго рода печь для гонки дегтя). Въ настоящее время майданъ пустъ, только на самомъ днѣ, вырѣзаннаго въ землѣ конуса валяются потухшія и убѣленные золою уголья.

Миновавъ майданъ, мы снова въ лѣсу, — а кругомъ такая невыразимая прелесть. Мы выбрались на дорогу, пролегающую черезъ лѣсъ, и только что успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтились съ большимъ тарантасомъ, ѣхавшимъ про-

тивъ насъ. Узенькая дорожка не давала возможности свободно пробираться тройкѣ, и пристяжные иногда отставали, осторожно переноса копыта чрезъ пни. Высокій кожаный верхъ зацѣплялъ сучья, которыя скребли по кожѣ и заставляли ямщика нагибать голову, потому что рукастыя вѣтки, того и гляди, сорвали бы съ него шапку. Тарантасъ останавливается, и оттуда вылѣзаетъ особа въ военномъ сюртукѣ и кэпи, а за нимъ простой мужикъ — караульщикъ лѣса. Васъ интересуеть, за чѣмъ они пріѣхали? И что такое за дѣла они начнутъ тутъ дѣлать, и поэтому минутъ черезъ десять мы съ лѣсничимъ знакомы.

— Вотъ наша должность, говоритъ вашъ знакомецъ, цѣлый день на жарѣ.

— Какого-же рода вашъ трудъ?..

— Варварскій-сь; я занимаюсь устройствомъ лѣсовъ, лѣсныхъ дачъ, гордо говоритъ новый знакомый. Недавно, продолжаетъ онъ, я у помѣщицы Булавиной устроилъ 200 десятинъ, — въ одну недѣлю.

Васъ во-первыхъ нѣсколько интересуеть, что такое именно значить *устроить лѣсъ*? И ежели это не какойнибудь вздоръ, то не менѣе интересно узнать: какъ такимъ быстрымъ путемъ достигается благосостояніе нашего лѣснаго края? Вы изумлены, тѣмъ болѣе, что знакомый нашъ, продолжающій разсказъ о своихъ трудахъ, поминутно растетъ въ вашихъ глазахъ, био посмотрите-ко, отъ какихъ бѣдъ онъ васъ обороняетъ:

— У насъ въ губерніи, батюшка вы мой, считается по бумагамъ двѣсти тысячь десятинъ лѣсу, а я вамъ даю голову на отсѣченіе, что ихъ вѣту и ста тысячь. Вотъ-сь! Кромѣ-того, есть еще такія лѣсныя дачи, которыхъ вы не отыщете съ микроскопомъ. Вы не знаете даже, куда дѣлись эти 200 десятинъ, про которые вамъ доносятъ.

— Отчего же не привести это въ ясность?

— Въ ясность! Вы потолкуйте-ко *нашему-то*, который при ревизіи смотритъ у полѣсовщиковъ только пуговицы.

— Онъ говоритъ: «зачѣмъ тамъ беспокоить? какъ думал такъ и пусть думаютъ.» Но я этого не оставлю.

Господинъ устроитель порядка долго говоритъ въ такомъ одѣ, и у васъ радостно шевелится въ головѣ: «наконецъ-то наконецъ-то».

— Вы не откажете мнѣ пройти съ вами?

— О, сдѣлайте, одолженіе...

Намъ очень интересно знать, какимъ это образомъ случится такъ, что мы чрезъ четверть часа выйдемъ уже изъ *благоустроеннаго* лѣса, а господинъ устроитель обогатится при этомъ рублей на сто, полагая не весьма малую цѣну за трудъ его на каждой десятинѣ. Но тутъ меня (и только меня) мгновенно осіяло что-то свыше и я, прозрѣвъ, сразу увидалъ малѣйшія закоулки сердца устроителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что въ нихъ дѣлалось. Я увидалъ, что устроитель порядка, еще давнымъ давно, въ своемъ учебномъ руководствѣ твердо выучилъ строчку, которая говоритъ, что все это дѣлается только для одной видимости, но въ сущности приноситъ убытокъ. Я сейчасъ могу указать эту строчку и твердо помню руку, начертавшую ее, и страницу, осчастливленную ея присутствіемъ. Вижу я также, что устроитель явился сюда вовсе не за тѣмъ, чтобы разыгрывать комедію на мотивъ исполненія долга; онъ уѣхалъ теперь изъ дому на помѣстичьихъ лошадахъ, во-первыхъ для того, чтобы только пробыть нѣсколько часовъ въ лѣсу, а потомъ за это получить съ помѣщика приличный гонорарій, ибо кто же можетъ допустить высокое ерыжничество и шарлатанство въ столь прелестномъ молодомъ человѣкѣ (въ слѣдующей главѣ мы еще встрѣтимся съ этимъ баринкомъ)? А во-вторыхъ, ѣдетъ этотъ франтъ сюда за тѣмъ, чтобы набрать земляники или бѣлыхъ грибовъ и поднести эти невинные продукты какой-нибудь деревенской, тоскующей невѣстѣ, такъ какъ подобныя особы неизсякаемы.

Я уже окончательно не вѣрю ни единому движенію, ни единому слову новаго знакомца. Мы идемъ.

Передъ нами стоитъ осина.

— Вотъ видите, говоритъ онъ,—это осина... Я такъ и зашшу... И пишеть на бумажкѣ «осина».

— Но вѣдь здѣсь-же и береза?

— Ахъ да!..

И березу записываетъ.

На губахъ нашихъ является злая иронія. Пугается-ли нашъ спутникъ этой ироніи или видитъ, что онъ весь, какъ фонарь, свѣтится со всѣми своими не слишкомъ обточенными фокусами, только онъ слѣтся, во что бы то ни стало, поддерживать предо мною свой авторитетъ и показать, что онъ дѣйствительно работаетъ. Съ этою цѣлю онъ произноситъ, какъ-бы задумавшись, какое-то мудреное слово, въ родѣ «ситуація» и пр?.. и надѣваетъ кожаннныя сапоги.

— Лѣсникъ! здѣсь граница? спрашиваетъ онъ у лѣсника.

— Здѣсь-съ

— «На границѣ ель», пишетъ г. N (будемъ называть такъ устроителя).

— Скажите ради Бога, за чѣмъ все это вамъ нужно?

— Это мнѣ необходимо для распредѣленія правильности рубки.

— То есть-что же это?

— А то, что въ этомъ именно заключается устройство лѣса...

И мы, и г. N — ровно ничего тутъ не понимаемъ и молчимъ.

— Скажите, пожалуйста, что еще вы будете дѣлать?..

— А вотъ погодите.. Вы увидите.

Мы идемъ еще... г. N записываетъ «кленъ», «дубовыя насажденія» и пр.

Раздумье наконецъ беретъ насъ, и предпочитая лучше одного г. N оставить на поприщѣ устройства почвы и лѣса, мы сами направляемся къ нашимъ лошадямъ, и скоро опять въ дорогѣ...

II.

Большое село Кошки, куда мы добрались позднимъ вечеромъ, было пустынно, но нельзя сказать, чтобы оно заснуло окончательно: гдѣ-то вдали слышался звонкій дѣвичій смѣхъ, и не менѣе звонкая пѣсня, подхватываемая дѣсятками чистыхъ, какъ серебро, дѣвичьихъ голосовъ. Пѣсня оканчивалась всегда высокой нотой, которую пѣвцы долго-долго тянули и замирать заставляли незамѣтно... Пѣсня эта далеко гуляла за селомъ вмѣстѣ съ назойливымъ мотивомъ дудокъ, вырвавшимъ между двухъ-трехъ нотъ. Вмѣстѣ съ пѣсней и деревенской

музыкой, не спали до бѣлаго свѣта гуси, и столпившись въ кучу на открытомъ воздухѣ, среди двора, словно дрожа отъ ночной свѣжести, гоготали до утра... Чуть-чуть позамокнувъ они на тепломъ солнышкѣ и потомъ уже, разваливаясь и солидно разговаривая, пошлепали къ пространной лужѣ посреди села, гдѣ въ это время уже стучалъ валежъ и бабы полоскали бѣлье. Старуха баба выпустила изъ воротъ двухъ, бодрыхъ и крѣпенькихъ свинокъ; они радостно рванулись на улицу, зацѣпляя ногами о подворотню и побѣжали, похрюкивая и суясь своими мордами туда и сюда, очевидно съ цѣлю отыскать заброшенную къмъ нибудь картошку, огурецъ и пр.

Короче, сельскій будничный день начинается. Чтобы намъ самимъ узнать, хоть слегка, сельскую будничную жизнь, намъ необходимо посѣтить нѣкоторые пункты, около которыхъ ютится эта жизнь. Мы начинаемъ странствовать по помѣщикамъ и въ недѣлю добиваемся хоть ничтожнаго осуществленія нашихъ цѣлей. Нельзя не замѣтить, что среди этой жизни все смотритъ на васъ какъ-то угрюмо, укоризненно, словно вы виноваты въ томъ, что напрямѣръ Егоръ Петровичъ Рѣпа въ настоящую минуту не можетъ гнать, сломя голову, свою тройку въ городъ за сорокъ верстъ, чтобы тамъ у квасника на базарѣ выпить на копѣйку квасу, и потомъ гнать тройку назадъ, не забывая при этомъ щедро надѣлать пинками спину кучера... Господинъ Рѣпа принадлежа къ числу, такъ называемыхъ, широкихъ натуръ, съ великою горечью вспоминаетъ о недалекомъ прошломъ и ежеминутно запиваетъ это прошлое изъ старинной дѣдовской сулен. Ему больше ничего не остается дѣлать, какъ запивать; горькое-горе заставляетъ его съ презрѣніемъ смотрѣть на рюмки и обходиться посредствомъ дѣдовскихъ-же «стаканухъ». У него только и осталась одна дорожка къ шкафу, гдѣ помѣщается завѣтная сулея, и въ такія минуты въ сердцѣ Рѣпы, кромѣ лютой злобы на весь міръ, нѣтъ ничего. Въ это время ему не хотѣлось-бы даже двинуть пальцемъ, не шевельнуть ни однимъ членомъ, а тѣмъ менѣе объ чемъ-нибудь думать, и развязывать старинные запутанные узлы: конецъ чувствуется вблизи, — стало быть не изъ чего натруждать свои мозги, тѣмъ болѣе, что эти упражненія мозговъ издревле счи-

тались самыми неприятными упражненіями. По временамъ только вспоминалась, бросившая Рѣпу, жена и сынъ, единственный наслѣдникъ, увезенный матерью.

— «Но они ужъ шестнадцать лѣтъ не даютъ о себѣ слуху, думаетъ Рѣпа,—стало быть, или окоѣбли гдѣ нибудь, или счастливы и знать меня не хотятъ... Вообще: чортъ ихъ подеря.»

— Барыня пріѣхали, возвѣщаетъ лакей:..

— Какая барыня?

— Наша-съ съ дѣтками...

— Вы меня не узнаете? произносить жена Рѣпы, появляясь передъ ополоумѣвшими глазами мужа, окруженная полчищемъ ребятъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Я и не зналъ васъ никогда.

— Я ваша жена.

— Чьи же это дѣти? у меня былъ одинъ, а здѣсь шесть.

— Это ваши дѣти... Повторяю,—я *ваша* жена, слѣдовательно *ваши* дѣти.

— Не мои-съ.

— Какъ хотите, только вы ихній папаша.

— Да на кой лядъ мнѣ эти щепки? Подлецами какими-то смотрять всѣ. Гдѣ вы ихъ, сударыня, нахватали? И за чѣмъ привезли сюда? Неужели за тѣмъ, чтобы я вышвырнулъ ихъ за окошко?

— Нѣтъ-съ не за тѣмъ. Они въ настоящее время въ такомъ возрастѣ, когда имъ необходимо воспитаніе.

— Ну-съ.

— А для этого нужны деньги. И кромѣ васъ, какъ отца, никто не дастъ имъ этихъ денегъ, никто съ такою теплотою не озаботится...

— У меня сударыня,—рѣзко и съ разстановкой говоритъ мужъ,—ни денегъ, ни теплоты нѣту. А поэтому позволяте васъ препроводить всѣхъ къ чорту... и

Рѣпа судорожно сжимаетъ въ рукѣ подсвѣчникъ; жена защипываетъ лицо руками,

— ... И... и... и... —задыхаясь тянетъ мужъ, находя, что потокъ словъ истощился и необходимо теперь пустить въ ходъ подсвѣчникъ.

— Вы не смѣете орать здѣсь!.. воодушевляется супруга...

Это мой домъ... да! и я не уѣду отсюда до тѣхъ поръ, пока не получу отъ васъ деньги... Вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ стану ухаживать за такимъ животнымъ, какъ вы?

Рѣпа вдругъ чувствуетъ, что онъ какъ-есть животное. Въ неизбѣжныя минуты скуки онъ все-таки повѣрялъ себя и находилъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ задатки свинства и глупости. Теперь это подтверждаетъ человѣкъ разозленный, слѣдовательно говорящій сущую правду. Въ груди оскорбленнаго мужа идетъ борьба, страшная, неразводимая драка. Мгновенно припоминаетъ онъ разныя «коварства», «вѣроломства», измѣны, которыми истерзала его эта женщина; свою *пламенную*, но *потрапунную* любовь... все это клокочетъ, шумитъ, лѣзетъ наружу въ задыхающуюся грудь и выпученные глаза, и заставляетъ таки руку запустить подсвѣчникомъ, который попадаетъ въ стекло, и изъ устъ Рѣпы вырывается:

— Дѣлайте, что хотите, змѣи, и будь вы прокляты отъ нынѣ и до вѣка...

Рѣпа уходитъ, и на другое утро узнаетъ, что супруга уѣхала, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ и то, что ему не изъ чего напиться чаю, — такъ какъ самоваръ увезенъ; не изъ чего и не чѣмъ ѣсть, такъ какъ и ложки, и тарелки — все это увезено... Черезъ день приходятъ неизвѣстные люди и объявляютъ, что если онъ, Рѣпа, хочетъ спать не на полу, а на кровати, и если не хочетъ, чтобы исчезли изъ залы столы, стулья, зеркала и пр. однимъ словомъ, если не хочетъ уподобиться летучей мыши, гнѣздящейся въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, — то долженъ заплатить извѣстную сумму за прокатъ.

Рѣпа соглашается, только проситъ подождать...

По временамъ спустя долго послѣ катастрофы, — когда Рѣпа успѣетъ прилежаться къ новой болѣе скудной обстановкѣ, у него снова является охота позабавиться, но въ эти минуты грусть, плотно засѣдая въ бровяхъ, не оставляетъ своего мѣста и проясняется только слегка...

Съ трубкой въ рукахъ, и самымъ спѣлымъ, какъ-бы слегка припеченнымъ носомъ, выходитъ онъ на крыльцо въ садъ и безмолвно созерцаетъ серьезный шумъ елей, которыя будто жалуется, что и они теперь не при чемъ, что некому те-

перь подъ ихъ широкими вѣтвями творить всякія игрища...
На грядкахъ кое-гдѣ работаютъ мужики..

Г. Рѣпа стоитъ и безмолвствуетъ долго, наконецъ придумавъ штуку, произноситъ, обращаясь къ мужикамъ.

— Эй, Семень, Иванъ!.. что жъ прошенія-то подавали?

— Какія прошенія? удивленно спрашиваютъ Семень и Иванъ.

— Какъ какія?

Рѣпа такъ произноситъ эту фразу, что другіе мужики, какъ и всѣ, строгіе къ своимъ дѣламъ, особенно теперь, оставляя работу, приближаются къ барину.

— Какъ же не подавали? Что, вы въ Сибирь, что-ли ходите?..

— Мы не подавали...

— Ахъ, вы дураки, дураки.

Мужики сразу перепугались, вовсе не зная, какія это прошенія, и о чемъ приказываютъ имъ просить, а баринъ продолжаетъ:

— Срокъ и такъ ужъ пропущенъ, а они и не думаютъ.

— Егоръ Петровичъ, ты намъ Бога ради напиши, говорятъ одинъ кто-то.

— То-то, бога ради!.. Не скажи, не догадаются... Вонъ, тоже вчера изъ Прялкина троиухъ поволокли въ каторжную работу... Тоже вотъ такъ-то мялись; ну ужъ такъ и быть, напишу...

— Теперича поди свидѣтелей надыть?.. озабоченно произноситъ одинъ изъ мужиковъ.

— Понятыхъ надо созвать безпремѣнно, говорятъ другой.

— Ничего не нужно, я вамъ такъ сдѣлаю...

Мужики рады; а Рѣпа идетъ въ комнаты; часъ ищетъ перо, другой часъ бумагу, третій, — думаетъ, выпиваетъ и наконецъ придумываетъ, что лучше всего настроичить мужикамъ жалобу на судебного слѣдователя и мирового посредника...

Жалоба готова и вручена мужикамъ, которые, ничего не понимая, шлютъ бумагу, куда нужно. А Рѣпа остается опять среди скуки, и въ трезвыя минуты вздрагиваетъ при мысли, что эта жалоба надѣлаетъ бѣдъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени являются въ обиталище Рѣпы, какіе-то незнакомые люди возвѣщаютъ ему, что онъ подъ судомъ, за смущеніе крестьянъ и ложный доносъ.

— Ну что жъ, кратко говорить Рѣна, приученный къ всякаго рода бѣдамъ, а чрезъ минуту прибавляетъ.

— Ахъ вы дьяволы,—дьяволы!! Везите вы меня ужъ лучше прямо въ каторгу, а то я вамъ пропасть хлопотъ надѣлаю...

Вообще нужно сказать, что для мужескаго полу изъ породы «сильныхъ» натуръ, теперь великій загонъ насталъ, и они находятся въ нестерпимой и жгучей тоскѣ. Кромѣ сильныхъ натуръ въ деревнѣ тоскуютъ только барышни, которымъ хочется или за *аффицера*, или уѣхать въ городъ поплясать. Пестряныя хозяйки, особенно занятые и крайне поэтому, довольныя, именно въ нынѣшнее время, не скучаютъ. У нихъ нѣтъ свободной минутки. Съ ранняго утра, вы видите, что настоящая обитательница села уже на ногахъ: поминутно снуетъ она отъ абара и погреба, на огородъ, въ коровникъ, въ садъ... Тамъ посмотреть, хорошо-ли полютъ, тамъ пожурить, и вообще хозяйскій глазъ не пропуститъ ни одной точки, которая болѣе или менѣе имѣетъ вліяніе на хозяйскую гармонию, безъ того, чтобы не привести ее въ надлежащій порядокъ. Ежели настоящая хозяйка ѣздитъ въ городъ, то не за какими нибудь белендрясами, а въ гражданскую или какую другую палату, и на губернскихъ дамъ смотритъ съ презрѣніемъ.

— Что они дѣлають-то? ѣдятъ, да сидятъ? Что жъ это за жизнь? Да я кускомъ-то подавлюсь, ежели знаю, что не я его выхолила, а съ базару кухарка принесла...

Если вы даже вовсе не хозяйня, если вы точно такъ же, какъ и барыня губернская, выросли на чужомъ, купленномъ хлѣбѣ,—вамъ все-таки невыразимо пріятно будетъ денекъ — другой прожить въ домикѣ сельской хозяйки, и притомъ прожить исключительно порядкомъ и стройностію, которая господствуютъ въ ея жилищѣ. Весь этотъ окружающій васъ покой слагается многими терпѣливыми годами, и хозяйка, гордясь имъ, подробно и безъ малѣйшихъ упущеній расскажетъ вамъ, какъ по писанному, исторію всего окружающаго васъ благоденствія: эти два кресла куплены пять лѣтъ назадъ, когда убили и продали двухъ черныхъ свиней. Но что стоило откормить и взлелѣять ихъ? Вотъ эти портреты двухъ генераловъ вымѣняны за два ушата отличнѣйшей малины; но что стоило привести эту малину въ отличнѣйшее состояніе? и т. д.

И за то, всё эти стулья такъ горды собою, генералы до такой степени чинны и величественны въ своихъ мундирахъ и воинственныхъ посадкахъ, что вамъ непремѣнно нужно нѣсколько помириться и для вашего же собственнаго сельскаго счастья уважить окружающую васъ стройность.

Скучаютъ, говорю, только барышни. Общества у сельской барышни мало; приходитъ правда къ ней иногда дьяконская дочь, но «какіе-же могутъ быть съ ней разговоры?»

— Тятенька вчерась купили лошадь, скажетъ напимѣръ дьяконская дочка.

— Какую? сама не зная за чѣмъ, спрашиваетъ барышня.

— Мерена-съ...

— Хорошую?

— Она лошадь очень даже хорошая, ну только—стали у нее въ роту смотрѣть, а у нее нѣту языка...

— Какъ нѣту?

— Да такъ-съ... Отвалился-съ... заключаетъ серьезнымъ тономъ дьяконская дочка. А потомъ снова сидитъ полчаса, молча, не шевелясь, и пощипываетъ бахраму у мантильи, смотря при этомъ въ землю.

— Ну, прощайте, произноситъ наконецъ она.

— Куда-же вы?

— Домой-съ, нужно.

— Приходите-же опять.

— Прійду-съ...

И расстаются. А барышня принимается опять скучать. Книгъ у ней никакихъ нѣту; правда, отыскала она какую-то толстую книгу, но эта была такая серьезная книга, что барышня въ ней ровно ничего не поняла. Въ головѣ ея почему-то уцѣлѣла фраза изъ этой книги: «високъ есть самая чувствительная часть человѣческаго тѣла». Иногда она стоитъ у окна, ничего не думаетъ и вдругъ вспоминаетъ: «високъ есть самое чувствительное» и проч. Что за гадкое состояніе!

— Скажи ты мнѣ на милость, о чемъ это ты ахаешь, разсерженно спрашиваетъ у дочери мать, когда та отъ тоски разрѣшается продолжительными вздохами.

Дочь молчитъ.

— Что ты не сыта?

Молчить.

— Платьевъ нѣтъ? Не одѣта?

— Не обута? продолжаетъ мать.

— Жениха очень хочется?

Дочь дѣлаетъ движеніе плечомъ и чуть слышно произноситъ:

— Вотъ еще!

— Такъ пожалѣй ты хоть меня-то: гдѣ же я тебѣ жениховъ возьму!

— Маменька!

— Что мнѣ съ улицы, что-ли, ихъ скликать? а?

— Маменька, ради Бога.

— Такъ скажи же ради самой царицы небесной, чего тебѣ?

Дочь молчитъ, потому что не знаетъ, чего ей хочется.

— Ну и дура, когда такъ...

Мать уходитъ, а дочь вздыхаетъ и хочетъ что-то шить, но снова натывается на толстую книгу и снова узнаетъ, что «високъ самое чувствительное мѣсто»... и т. д.

На дворѣ между тѣмъ полдень, двѣ свиньи, пустившіяся утромъ на поиски съѣдобнаго, теперь лежатъ въ грязи у плетня, обваливагося и нависаго надъ этой лужей, на днѣ которой какая-то, никѣмъ незамѣчаемая, тварь на свободѣ занимается пусканіемъ пузырей: они лѣзутъ оттуда къ верху, вздуваютъ грязную зеленоватую массу и потомъ лопаются, заставивъ своимъ шелканьемъ шевельнуть свинью ухомъ. За заборомъ, устроеннымъ изъ двухъ длинныхъ вепленыхъ деревьевъ, слегка приподнятыхъ одно надъ другимъ и привязанныхъ къ воткнутымъ въ землю шестамъ, толкаются между толстыми подсолнушниками маленькія деревенскія дѣвчечки и мальченки. Уписывая, кто огурецъ, кто большую, но сухую и заалящую корку, онѣ толкуютъ что-то между собой своимъ дыплячьими голосами, а вѣтеръ по временамъ приподнимаетъ съ ихнаго лба бѣлые и чистые волосенки. — Кроме этихъ ребятъ-караульщиковъ, некого и встрѣтить на селѣ.

Накрывъ голову бѣлымъ платкомъ и вооружившись самымъ простымъ зонтикомъ, ходитъ вдова-помѣщица по огороду, прилегающему къ самымъ окнамъ дома; у окна сидитъ скучающая дочка...

— Маменька! произносить она, когда-жъ мы въ городъ-то?

— Рожна вотъ еще...

Эту фразу мать говоритъ такимъ грознымъ тономъ, что дочь, вдругъ лишается всякой возможности продолжать разговоръ.

И скучаетъ она такъ дни и годы...

А судьба неожиданно-негаданно посылаетъ ей великую утѣху въ особѣ г. N, который въ это время, только еще въ первые подъѣзжаетъ къ с. Кошкамъ? Эта ѣзда даетъ мнѣ возможность нѣсколько уяснить внутреннй мйръ г. N, такъ какъ я (что имѣлъ уже случай высказать) награжденъ въ отношеніи къ его особѣ особенною прозорливостію. Для этого мы пока оставимъ и Кошки, и помѣщичье семейство. Принадлежитъ къ числу людей, которые вездѣ если не приносятъ особеннаго удовольствія, то во всякомъ случаѣ не нагоняютъ тоски и не сядятъ сложа руки, г. N еще интересенъ, какъ женихъ и какъ человѣкъ, видѣвшій Петербургъ. Последнимъ обстоятельствомъ можетъ справедливо гордиться и самъ онъ, потому что Петербургъ далъ ему все, необходимое въ жизни, «какъ она есть». Г. N, живя въ Петербургѣ, ушелъ отъ всѣхъ толковъ и ученій, но не потому, чтобы понималъ смыслъ какого нибудь ученія и находилъ его вреднымъ для себя, а потому, что ученія эти не бросались ему въ глаза, которые отъ природы способны были видѣть только то, что учить умѣнью *жить*, умѣнью изворачиваться и услуживать. Столичная жизнь, имѣющая магическую силу заставлять людей думать надъ собою, приводить въ порядокъ свои силы, и поселяющая по этому случаю большія смуты въ человѣческомъ сердцѣ, всегда недовольномъ самимъ собою,—не положила на немъ своей развявающей печати. Ежели-же, сверхъ всякаго ожиданія, къ нему и наворачивалась такая тосклявая минута, то стоило только пойти къ хозяйкѣ, глотать съ ней цикорный кофій, плести про жвльцовъ всякій соръ,—и такая минута отлетала. Положимъ, что хозяйка была уродъ, что ей было шестьдесятъ лѣтъ отъ роду и ни одного зуба, и что ей особенную пріятность доставляла бесѣда съ буточникомъ, занимающимся теркою табаку,—молодой прекрасный человѣкъ, не уступалъ буточнику въ мелочи и запутанности интересовъ и ни чуть не находилъ потеряннмъ время въ бесѣдѣ съ оглу-

швѣшей старухой; ему нужно было дотянуть время до чаю, а послѣ оный отправится на выборгскую молотъ такую-же пепуху и танцовать съ барышнями — И здѣсь имъ всё довольны, ибо онъ не оказывалъ здѣсь ни малѣйшаго уклоненія отъ казенныхъ ловкостей, потому что это была школа его, а барышни были болваны, на которыхъ выработывалъ свой лоскъ будущій прекраснѣйшій молодой человекъ. Явившися съ этими-же, но усовершенствованными достоинствами въ провинціи, онъ сразу заслужилъ уваженіе; а въ деревнѣ эти достоинства и уваженіе возросли сторицею. По этому мы можемъ быть вполнѣ довольны, что деревенской барышнѣ небеса посылаютъ такую штуку, утѣху, какъ г. N. Онъ такъ неслышно, незамѣтно подкрался къ помѣщичьему дому на обывательскихъ, что барышня узнала о его прибытіи только тогда, когда онъ появился въ залѣ. Первымъ дѣломъ ея по этому случаю было шарахнуть въ спальню — одѣваться. Не могу при этомъ не сказать, что такое неожиданное посѣщеніе бросило барышню въ ногъ, острый и колючій, но непродолжительный.

Г. N. остается съ матерью и объявляетъ ей, что онъ самъ захотѣлъ устроить ея дачу, такъ какъ въ его рукахъ два-три свободныхъ дни. Барыня благодаритъ, но нельзя не замѣтить, по ея глазамъ, что она плохо постагааетъ, въ чемъ тутъ дѣло, и рѣшается поддакивать, какъ хорошая хозяйка, изъ одного убѣжденія только, что это такъ необходимо.... Г. N. не опускаетъ при этомъ случаѣ объяснить барышнѣ, въ чемъ дѣло, для чего все это дѣлается, но объясняетъ такъ, что барыня पुше прежняго убѣждается, что необходимо...

— Извольте видѣть, говорить онъ, здѣсь вѣдь въ чемъ разсчитать-то? Представьте себѣ: у васъ лѣсъ, — при этомъ N показываетъ рукою по направленію къ барышнѣ, такъ что та невольно взглядываетъ на собственный желудокъ. — И у меня лѣсъ, — и N. показываетъ себѣ въ животъ... Но мой лѣсъ, такъ какъ онъ постоянно находится въ такой тѣснотѣ... Свободный притокъ воздуха недостаточенъ... Питаніе скудное. Очевидно, необходима прорубь... просѣка...

— Такъ-такъ...

— Вотъ-съ извольте видѣть...

И такъ далѣе въ этомъ родѣ.

Отд. I.

Потомъ время проводится такимъ образомъ.

Черезъ четверть часа г. N сидитъ съ барышней въ саду.

— Скучаете? спрашиваетъ онъ.

— Да.

Г. N не находитъ, что сказать, и чтобы протянуть время, усленно третъ ладони. Барышня вдругъ вспоминаетъ, что она, богъ знаетъ за чѣмъ, нарядилась въ платье съ открытыми плечами. Ее снова бросаетъ въ потъ, потому что она не увѣрена въ чистотѣ своихъ плечъ и обнаженныхъ выше локти рукъ; почему знать, что у ней не прилипла гдѣ нибудь ягода малины, земляники и т. п. Положеніе ея дѣлается почти нестерпимымъ, она начинаетъ понимать, почему дьяконская дочка все смотрѣла въ землю и молчала.

— А у насъ недавно староста церковный умеръ, произносить она, совершенно какъ дьяконская дочка.

— Что же такое? отчего?

— У него было что-то здѣсь.

Барышня при этомъ обвела рукой большое пространство на лѣвомъ боку.

— Сердце болѣло?

— Нѣтъ... дальше... еще за сердцемъ.

— Гдѣ же это? Легкія, печень?..

— Нѣтъ съ еще гораздо дальше... за легкими...

Барышня останавливается вся пораженная потомъ, а г. N догадывается со словъ ея, что эта болѣзнь была гдѣ-то: «пройдя легкіе, на лѣво или на право, за уголь» что-то въ этомъ родѣ.

На дорожкѣ показывается мать, хлопотавшая о разныхъ закускахъ и теперь считающая обязанностію занять гостя... Она тяжело опускается на лавку, и послѣ нѣкотораго молчанія говоритъ:

— Скажите вы мнѣ, что же теперь за Петербургомъ?

— А тамъ ужъ море идетъ.

— Море? А какъ же это тутъ вотъ разсказывалъ кто-то, что за Петербургомъ война начинается.

Г. N очевидно понимаетъ, что барыня что-то запорола, но отчего же ему не сказать, что это такъ, тѣмъ болѣе, что голова у него не отвалится.

— Можетъ быть-съ! можетъ быть. Богъ ее знаетъ.

— Кажется! побѣднымъ тономъ говорить барыня. Война!..

— Можетъ быть-съ. Да оно такъ и выходитъ: мѣсто глухое.

— Сырость.

— Вотъ и это-съ!.. Сырость, глушь — вотъ *жизнь и хорошо для драки-то?*

— А какже...

И такъ далѣе.

Послѣ всевозможныхъ закусокъ, въ продолженіе которыхъ N разсуждаетъ съ самой барыней, такъ какъ дочь отлучается по хозяйству, закладываютъ тройку дюжихъ коней и N отправляется въ лѣсъ, гдѣ мы уже имѣли случай съ нимъ встрѣтяться... Послѣ того, какъ мы оставили г. N въ чащѣ лѣса, работы его продолжались въ такомъ порядкѣ: на часахъ было еще часъ, и слѣдовательно время нужно *протянуть* до обѣда, и поэтому N, отъ времени до времени разспрашивая лѣсника, гдѣ граница и проч. набиралъ спѣлыя ягоды земляники. Все это заняло довольно времени, такъ что въ домѣ помѣщицы обѣдъ вопреки обычаю совершился часомъ позже. А послѣ обѣда N отзываетъ хозяйку въ другую комнату требуетъ планъ ея лѣса, развертываетъ его во всю ширину, тычетъ пальцемъ въ какую-то точку, говоритъ непонятныя слова въ родѣ «таксація» «астролябія» «съемка» и проч. Все это составляетъ добрую помѣщицу недоумѣвающими глазами смотрѣть на N по временамъ нѣсколько трусить, что она до приѣзда N никакихъ этихъ вещей не знала и не озаботилась объ нихъ, и все-таки еще болѣе уважать этого N, вызвавшагося избавить ее отъ бѣдъ, можетъ быть весьма многочисленныхъ.

Оставшись одинъ, N развертываетъ бумажку, на которой безпорядочно разбросаны замѣтки сдѣланныя въ лѣсу: «осина» «ель» «березовыя насажденія», и начинаетъ приводить все это въ порядокъ. Эта работа не трудная. Стоитъ только эту бессмыслицу набранныхъ названій деревъ пересыпать бессмыслицей другого рода, — частицами «но», «хотя» и выйдетъ штука очень похожая на дѣло: «Хотя и развивается преимущественно береза, но также замѣтна и осипа». Далѣе, чтобы поразнообразить и эту фразу N иногда пишетъ просто: «Хотя осипа, но и береза» и т. д. безъ конца.

— Вотъ-съ! вручая описаніе баринѣ, говорить онъ.

— Тутъ все.

— Все-съ; теперь будьте покойны...

Н замолкаетъ; барыня понимаетъ, что требуется вознаграждать за услугу.

— Вы ужь отъ насъ завтра уѣдите, просить она г. Н черезъ четверть часа.

— Завтра, завтра, вторить барышня.

— Если это вамъ не будетъ стѣснительно, покорно поклонитъ плечами говорить Н: то я, конечно съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Пожалуйста, говорить барышня.

Н остается. А вечеромъ, въ темномъ еще неосвященномъ залѣ, онъ сидитъ съ барышней у отвореннаго въ садъ окна.

— Скажите, говорить та: — можно-ли два раза любить?

— Хе-хе-хе можно-съ, произносить Н. самымъ подлѣбнимымъ тономъ, но вслѣдъ за тѣмъ серьезно прибавляетъ: — То-есть, смотря по тому какая любовь. Ежели любовь истинная... Вы про истинную изволите говорить?

— Про истинную?

— Ну, тогда дѣло совершенно другаго рода...

— Нельзя?

— Болѣе одного разу нельзя-съ...

— Я и сама такъ думаю...

Въ залѣ снова показывается хозяйка, хлопотавшая на счетъ ужина. Нѣкоторое время царствуетъ молчаніе. Понимая, что нужно снова занять гостя, хозяйка говоритъ...

— А что, скажите вы мнѣ, сдѣлайте одолженіе, есть-ли такія мѣста, откуда никакихъ дорогъ ужь нѣту?..

— Должно быть есть-съ...

— Гдѣ-же, напримѣръ?..

— На самомъ концѣ-съ... Оттуда ужь некуда больше...

Всѣ добродушно хохочуть.

— Ахъ ты Госпеди!.. помираясь смѣху, произносить мать: — что значить не ученый-то человѣкъ, не догадаешься... И т. д.

На другой день, г. Н. въ дорогѣ. Добрыя кони подхватываютъ покойный экипажъ, изъ котораго виднѣется длинный

футляръ съ плащомъ а г. Н. въ это время чувствуетъ, что за дѣлягину ему пришлось «ведурно».

А для барышни настаетъ снова скука. Снова невыразимо долго ползуть жаркіе полдни и настаютъ одинокіе вечера...

— Можно-ли два раза любить? спрашиваетъ она себя, стоя у окна и смотря на собирающійся въ небѣ дождикъ. — Нельзя... Почему?... Почему... високъ есть самое чувствительное... Тьфу, ты Господи, какая тоска!

III.

Для большаго знакомства съ жизнью с. Кошки, намъ необходимо, хоть слегка, остановиться на другомъ пунктѣ деревенской, исключительно мужичьей, жизни. Это — *сборня*. Оставшись послѣ упраздненія здѣсь волости, сборня не могла похвастаться слишкомъ рьяною дѣятельностію въ своихъ стѣнахъ, такъ-какъ здѣсь не было даже писаря, а существовали одни караульщики и десятскіе. Половина дома почти пусто-вала и для прѣѣзжаго чиновника оставалась только одна комната, со столомъ сплошь закапаннымъ сургучомъ и множествомъ наставленій, въ большихъ черныхъ рамахъ съ синими стеклами, угрюмо смотрѣвшихъ съ выбѣленныхъ стѣнъ. Мѣлъ на стѣнахъ сохранился только у верха, такъ-какъ снизу стѣнъ, мужичьи спины усердно вытирали его своими армяками, отчего бревно лоснялось, какъ полированное. На дворѣ сборни, поочередно, стояли обывательскія тройки на случай проѣзда чиновниковъ по дѣламъ службы. Впрочемъ, шѣстные власти не поскунились-бы дать лошадей, ежели бы, кому нибудь изъ чиновниковъ, вздумалось проѣхать въ монастырь на богомолье или писарю предстояла надобность купить въ городѣ, верстъ за сорокъ, четвертку курительнаго табаку. Сборня собственно и существуетъ для такихъ проѣздовъ. И если бы кто вздумалъ придти сюда съ цѣлю разобратъ какое нибудь дѣло, пожаловаться, требовать законнаго удовлетворенія, — онъ не нашелъ бы ничего и никого, кромѣ старика — слѣпого сторожа, отъ котораго бы онъ ничего и не добился. Всѣ обиды, жалобы, просьбы берегутся и терпятся до прѣѣзда чиновника.

Однажды въ село донесся съ доли сильный звонъ колокольчика. Казалось, что вотъ-вотъ еще немного и колокольчикъ забьетъ въ самомъ селѣ, но звуки его вдругъ почти замирали; слышались съ новою силою опять, и опять замирали, — очевидно, что экипажъ съ колокольнымъ ѣхалъ по извилистому проселку, который могъ спускаться въ овраги, перебѣгать перелѣски и прочее. Наконецъ-таки колокольчикъ загоготалъ на селѣ, и скоро около сборни остановился тарантасъ. Приѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій и вмѣстѣ съ нимъ на двухъ-трехъ подводахъ пожаловали: головы, старосты и проч. изъ волости. Сборня оживилась; старикъ десятникъ былъ отряженъ къ нопу съ просьбой самовара и чашекъ; другая пустовавшая половина сборни была отворена, и въ ней затоплена печка; на крыльцѣ сборни явилось сразу человекъ десять съ жалобами.

— Погодите, любезные, потерпите... Темерича имъ некогда, пойдутъ въ училище. Разборъ послѣ пойдетъ.

Бабы съ бумагами въ рукахъ, завернутыми въ платки, стояли молча, потомъ слѣзли съ крыльца, и отойдя отъ него къ воротамъ, стали снова. Бабы были задумчивы ни слова не говорили другъ другу.

Скоро явился и закипѣлъ самоваръ; писарь несъ посреди улицы, на длинномъ чашельникѣ сковороду, на которой еще хлопотала, только что снятая съ огня яичница. Закусивъ, чиновникъ вспомнилъ, что у него находятся похвальные листы, которые ему поручено раздать отличнымъ ученикамъ, и поэтому отправился въ училище. Надо сказать, что кошкинское училище не распространяло особеннаго просвѣщенія. Иногда въ немъ можно было застать только двухъ-трехъ мальчиковъ изъ 60, какъ значилось въ отчетахъ, и тѣ не знали, что дѣлать, потому что дьячка-учителя не было.

— За чѣмъ вы тутъ сидите? спрашивали ихъ.

— А неравно придетъ дьячекъ и распуститъ.

Въ настоящее время училище было заперто. Минутъ черезъ пять былъ принесенъ ключъ какого-то страннаго вида; это была длинная желѣзная палка, съ желѣзными же хвостами на концѣ; палку эту приходилось продѣвать въ дыру, выверченную въ притолкѣ, потомъ вертѣть ея въ разныя сто-

роны, пока желѣзные хвосты не зацѣпляли веревки прогнутаго съ потолка и начинавшея у щекоды. Тогда только можно было отворить щекоду и впустить публику. Операция эта была довольно затруднительна, потому что, не смотря на присутствіе чиновника, имѣющее способностью возбуждать всѣ силы и искусство десятскихъ, сотскихъ и другихъ властей, — входъ въ училище оставался камнемъ преткновенія. Человѣкъ пять, поочередно запускавшіе и грохотавшіе ключомъ въ щелкѣ, отходили съ каплями пота на лбу, говоря:

— Ахъ, чортъ тѣ возьми, засѣлъ какъ! Начега не сдѣлаешь!..

Наковецъ попробовалъ удачи писарь:

— Отойдите всѣ; я ее сейчасъ обработаю.

Писарь засучилъ рукава, поплевалъ на руки и запустилъ палку внутрь.

— Иной разъ такъ-то, говорилъ мужикъ за спиной чиновника: — гремать-гремать, вертять-вертять — ничего... ребята ждуть-ждуть, ды и ко дворамаъ.

— Ахъ, чортъ тебя подери! заключилъ и писарь, шваркнувъ ключъ объ землю.

Староста между тѣмъ, безъ шанси, бѣгомъ побѣжалъ къ дьячку, извѣстить его, что ревизоръ пріѣхалъ. Дьячекъ въ это время спалъ мертвымъ сномъ, отпуская носомъ тучи храпуи треску.

— Побудите его, Христа-ради, говорилъ годовая дьячихѣ.

— Побудить-то я побужу-сь, ды право только не знаю, встанить-ли.

— Меркулычъ! Меркулычъ! Левизоръ спрашиваетъ! Прислали въ сборню! Какимъ-то отчаяннымъ голосомъ, необыкновенно быстро просыпала эти слова дьячиха за перегородкой, должно быть толкая при этомъ мужа, потому что трель храпѣнья нѣсколько заколебалась, словно заходила и зашатавалась вся туча нависшаго надъ дьячкомъ хора.

— Не встаетъ!

— Какъ же это можно? Нѣтъ вы ужъ его, какъ угодно.

— Ды что же я сдѣлаю, когда человѣкъ спитъ на взничъ? Что же съ нимъ можно сдѣлать? Я сама завсегда больше на спитѣ... Ну, только это совсѣмъ другое.

Дьячиха опять ушла.

— Ахъ, коль тѣ въ горло, спить! говорилъ староста.

— Да вставай же ты, Господи! Этакое безуміе! Бога-то бы ты побоялся... Что это такое — инвазоры бдутъ, начальство перепутамшись.

— А дьячекъ выше и выше забиралъ носомъ.

— Ну, собака, спать! сказалъ староста.

— Ничего не могу сдѣлать. Развѣ къ ночи можетъ опомниться на минутку.

— Ну, прощайте... заключилъ староста, и снова куетился ѡбжать въ сборню, куда уже возвратился чиновникъ, недобившійся входа въ училище.

Въ это время у крыльца сборки стояла уже куча мужиковъ; на плетнѣ, между двухъ растопыренныхъ, выдвинувшихся вверхъ кольевъ, утверждено было ведро съ водою; за угломъ плетня пряталась баба, выглядывая однимъ глазомъ на сходку; она, по видимому, старалась, какъ можно менѣе занять мѣста, почему какъ-то ежился и закрывала одну басую ногу другой, словно ей хотѣлось, чтобъ у нее была еще нога. Чиновникъ сѣлъ на крыльцо, съ трубкой въ рукахъ, и приготовляясь къ бесѣдѣ, соображалъ, что не дурно-бы мужикамъ сказать въ привѣтствіе «миные дѣтя».

— Ну, дѣти, началъ онъ.

— Ваше благородіе! гаркнулъ вдругъ нѣжный голосъ.

— Что скажешь?

Мужикъ молчалъ и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, глоталъ рвавшуюся наружу икоту.

— Ну, говори-же, что-ль?

— Ничего я не смѣю сказать...

— Какъ хочешь.

— Даже ни-ни-ни...

— Ну, такъ ступай, когда нибудь скажешь.

— Не смѣю говорить ни-ни-я...

Мужика вталкиваютъ въ толпу. Чиновникъ снова готовится говорить и предварительно затягивается нѣсколькоразъ.

— Ваше благородіе! всѣмъ горломъ возглашаетъ мужикъ опять.

— Это что еще?

— Мнѣ стыдно.

— Уберите сейчасъ его, скота.

— Братцы, уберпте меня, заканчиваетъ мужикъ изнеможенно обвисая на чьихъ-то могучихъ рукахъ, подхватившихъ его подъ мышку.

Наконецъ чиновникъ имѣетъ возможность приступить къ дѣлу.

— Я привезъ вамъ вѣсточку: вамъ даютъ лѣсъ, въ вашу пользу.

Слышался радостный гулъ.

— Чтобы вы не воровали... Поняли? Только. вотъ что, друзья мои, продолжалъ чиновникъ такимъ серьезнымъ тономъ, что мужикамъ почудилось, будто у нихъ эту благодать отымутъ сейчасъ же. Дѣло вотъ въ чемъ; лѣсъ хорошъ, чудесный, только не лучше ли бы вамъ подумать. Тутъ около лѣсу есть болото, у васъ-же луговъ нѣту. Такъ я про то говорю, что положимъ вы лѣсъ возьмете, хорошо; а ну, какъ вдругъ, лѣтъ черезъ сто болото высохнетъ? Сейчасъ казна его къ себѣ беретъ.

Мужики думали.

— А ежели въ казенномъ ваша скотина потраву сдѣлаетъ, что тогда? Какъ теленокъ, поросенокъ зашли—штрафъ! То-то и есть!.. А лѣсокъ, нѣшто я говорю? лѣсокъ чудесный, да ну-ко болото высохнетъ?

Мужики долго думали, шептались.

— Лучше болото взять, сказалъ кто-то не громко.

— Болото, возговорили всѣ.

— Ну, вотъ и чудесно!..

Чиновникъ снова курить. Старосты и прочіи еинклитъ предпочитаютъ на вытяжку стоять за его спиной.

— Что это у васъ братцы скотинз плоха? Ъхалъ я— лошади, какъ мыши.

— Съ чаво ей расти-то.

— Съ голоду сытъ не будешь, ребры-ты подведетъ, слышалось изъ толпы.

— Луга на оброкѣ-съ! говоритъ писарь: — за двадцать-вять рублей въ годъ.

— Такъ вотъ-бы вы сложились.

— Цѣлую зиму рѣзку даемъ, гудѣлъ кто-то, обрадовавшийся, что наконецъ вспомнили про его давнишнее горе.

— Да у насъ и такъ деньги были...

— Откуда...

— Съ кабака. Подъ кабакъ старую сборню отдавали— пятьдесятъ цѣлковыхъ сбили.

— Гдѣ жъ эти деньги?.

— Деньги у Егоръ Иванова...

Писарь вдругъ откашлянулся, выступилъ впередъ, слегка тронулъ шею и животъ и произнесъ...

— Деньги точно что пятьдесятъ цѣлковыхъ я на свои руки бралъ, и какъ теперича въ то время пошли у насъ неурожай, саранча, то я деньги эти, для мужичковъ въ церковь божию положилъ, чтобы двѣ фаруги (хоругви) справить, въ случаѣ когда молебень, чтобы значить отъ чистаго сердца...

Чинovníкъ курилъ молча..

— Я вашескородіе, для ихняго добра очень стараюсь.. Тепериче въ Щепыхахъ прудъ извоили видѣть? все я-съ.. Издавна была тутъ лужа, на этомъ стало быть мѣстѣ. Ну я собралъ народъ, говорю: для вашей же пользы говорю, такъ и такъ... и ежели, говорю, не пойдетъ кто копать—по уши въ землю вгоню... Пошли-съ.

— Ну и выкопали?

— Черезъ недѣлю, даже трое утонуло...

Писарь снова поправилъ шею и тронулъ животъ, гордо поглядывая на народъ.

Чинovníкъ долго сидѣлъ молча, докуривая трубку и выпуская большіе клубы дыма. Наконецъ онъ началъ выколачивать трубку въ полъ крыльца, подулъ въ нее и произнесъ.

— Ну, братцы, ступайте съ богомъ... Скоро поѣду назадъ, тогда толканитесь.

Мужики молча расходились, надѣвая шапки не иначе, какъ за угломъ.

Желая отдохнуть послѣ трудовъ, чинovníкъ приказалъ запереть ставни и притащить сѣна; всталъ онъ поздно; въ полуотворенную дверь смотрѣлъ розовый кусокъ неба; доносился топотъ лошадиного табуна, сзади котораго промчался верхомъ мальчишка безъ шапки, болтая ногами и локтями; у крыльца пищали чьи-то утки, мычала корова.

— Алѣ, алѣ, шумѣла баба съ хворостиной, на двухъ ба-
сисныхъ свиней.

Писарь доложилъ, что когда ихъ высокопорядіе почивали, приходили какіе-то солдаты съ орденами и жаловались на дьячка, что онъ не учитъ ихъ дѣтей, а когда, мѣсяць назадъ, пріѣзжалъ штатный смотритель, то дьячекъ началъ хватать ребятъ попадавшихся на улицѣ за вихры и приговаривалъ: такъ-то вы свое начальство благодарите? Я объ васъ стараюсь, а вы что?»

Чиновникъ рѣшилъ, что нужно пойти къ дьячку и ввунзить.

Наивншисъ чаю, онъ отправился. Дьячекъ обиталъ въ новой, только что выстроенной послѣ пожара избенкѣ съ однимъ окномъ; изъ соломы, покрывавшей крышу, далеко видѣлись непокрытыя жерди; нѣсколько такихъ же жердей поставлены были къ избѣ съ боку; дверь, выходившая на улицу, вела прямо въ жильё! Это была необыкновенно маленькая комната, перегороденная отъ угла печи досчатой стѣной, за которой почивалъ дьячекъ. Онъ только что проснулся и сѣлъ на своемъ ложѣ, съ ополоумѣвшими глазами. Даже появленіе чиновника не произвело на него никакого дѣйствія, и не измѣнило выраженія лица; онъ только нѣсколько началъ трести головой.

Чиновникъ что-то началъ было говорить на счетъ школы, но дьячекъ такъ часто заговорилъ: «не взыщите насъ. . въ нуждѣ живемъ», что чиновникъ остановился.

У потолка жужжали мухи, по стѣнамъ полчищами гуляли тараканы и шлепались звучно объ лавку или полъ. На полатяхъ, на печи видѣлись головы; всѣ присмирѣли при появленіи чиновника; два мальчугана, толкавшіеся у дверей, дали другъ другу кулаками въ животъ и заорали на всю комнату...

— Не взыщите насъ, твердилъ дьячекъ...

— Не разгулялся еще, оправдывала мужа дьячиха, выписывая ребятъ наружу...

Дьячиха вдругъ сѣла на лавку около чиновника, сдѣлала слезливую физиономію и начала.

— Двѣ дочери—невѣсты... жениховъ нѣтъ... Думали, гадали—что придумаешь-то... хотѣли за мѣщанина... Дьячиха начинала сморкать рукою носъ, что предвѣщало близкія слезы.

Чиновникъ поспѣшилъ уйти.

На другой день онъ уѣзжалъ. Передъ отъѣздомъ ему вздумалось взглянуть казенную лечебницу.

— Что жь много больныхъ? спросилъ онъ старосту.

— Никакъ нѣтъ-съ... Никого больныхъ не слышать.

— Такъ никто здѣсь никогда и не лежитъ.

— Инсаръ выпимши, точно лежить коли... Да вотъ, заще высокородіе, не можете-ли вы этому мальчикѣ бумагу какту дать, заговорилъ вдругъ староста. Эй Мить, иди сюда.

Отъ плетня отдѣлился маленькій, лѣтъ 12, мальчишка съ крайне старческимъ лицомъ, говорившимъ, что онъ много видѣлъ горя на своемъ вѣку. Онъ былъ безъ шапки и вѣтеръ слегка приподнималъ мохры волосъ на вискахъ.

— Родители его ушодчи, говорилъ староста...

— Какъ?

— Да Богъ е знаетъ куда ушли... Изволите видѣть: батьку-то его перво отдали въ солдаты—онъ и жилъ съ матерью. Потомъ, кольки тамъ ни жилъ, пришлоъ отецъ изъ войны а жеву взялъ, а этому говорятъ: «ты маленько погоди, мы сейчасъ»... Какъ пошли—вотъ нятый годъ...

Чинovníкъ смотрѣлъ на мальчишку.

— Который ему годъ?

— Никакъ двадцатый, вашескородіе, отвѣчалъ староста.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Да такъ: то то, то се: тамъ попасеть, тамъ что...

— Хорошо, я подумаю...

Чинovníкъ досталъ изъ тарантаса булку и далъ ее мальчикѣ. Мальчуганъ тотчасъ-же сѣлъ къ плетню, натянулъ подошь рубахи на свои колѣна, и съ великою осторожностью принялся за трапезу, такъ что ни одна самая ничтожная соринка хлѣба не оставалась попусту въ его подолѣ, надъ которымъ онъ держалъ булку. Это были счастливейшія минуты въ его жизни.

И долго уже послѣ отъѣзда чинovníка, опустѣвшая улица и безмолвная сборня невольно наводили мальчугана на мысль о барской булкѣ:

— И что жь это, милые мои, за ѣда! сладко думалъ онъ.

— Ужь ѣда! Ежели этакъ-то-бы по больше поѣсть,—безприжѣвно съ радости помогѣть можно!»...

Глава уменьши.

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Посвящается И. И. Дмитріеву).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Губернскій городъ Желтогорье широко разбросался въ котловинѣ, на правомъ, нагорномъ берегу Волги. Красотой построекъ, правильностью и чистотой улицъ и площадей, вообще всѣмъ тѣмъ, что извѣстно подъ именемъ благоустройства, Желтогорье особенно похвастаться не можетъ, потому что въ этомъ отношеніи онъ, какъ и бѣлая часть русскихъ городовъ, издавна стремится приблизиться къ общему прототипу—Москвѣ, а Москва, какъ извѣстно, цѣлые вѣка ходитъ неумывкой, и горя мало... Не можетъ также Желтогорье похвастаться и благочиніемъ, ибо имя *вора-города*, когда-то данное ему приволжскимъ простолюдиномъ, осталось за нимъ доселѣ. Разъ задавшись *воромъ-городомъ*, упорный приволжецъ стоитъ на своемъ, не взирая ни на какие доводы, и, еще издали завидѣвъ высокій шпиль соборной колокольни, спѣшитъ подальше запрягать свою мошву, хорошо зная, что желтогорскій мѣщанинъ-промышленникъ лѣтомъ *кормится* отъ Волги-матушки, а зимой отъ чего придется.

Лѣто. Июль мѣсяцъ подвигался къ концу. Душный вечеръ

стигналъ жаркій день, и въ раскаленномъ воздухѣ густымъ туманомъ носилась ѣдкая пыль, поднятая только что прогнаннымъ стадомъ. Бѣгровое солнце, низко висѣвшее надъ горизонтомъ, представлялось чѣмъ-то въ родѣ большой до красна-разожженной сковороды; послѣдніе лучи его, прорываясь сквозь нависшую надъ землей мглу, слабо освѣщали вершины деревьевъ, крыши домовъ и куполы церквей, дробясь и переливаясь разноцвѣтными огнями въ высокихъ шпицахъ и металлическихъ крестахъ колоколенъ. Жидкія, какъ бы кисейныя, облачка робко ползли тамъ и сямъ по небу, будто раздумывая, куда бы направить путь, и не представляли изъ себя на этотъ разъ ни коровьихъ мордъ, ни свадебныхъ поѣздовъ, ни погребальныхъ кортежей, ни офицерскихъ мундировъ и прочихъ предметовъ, веселящихъ взоръ и сердце провинціальной барышни... Двѣ-три звѣздочки уже перемигнулись было на востокъ, но подавленные кровавымъ свѣтомъ солнца, тотчасъ же струсили и поспѣшили скрыться. Мѣсяцъ, блѣдный, блѣдный, стоялъ въ сторонѣ такимъ тихоней, что вовсе ужъ не походилъ въ это время на чудную «луну, печальныхъ друга», а скорѣе представлялся какой-то жалкой заплаткой на прохудившейся небесной тверди. Вся природа точно изнемогла, точно изнурена она продолжительной битвой и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода освѣжающей ночи... Жаръ подавилъ и сковалъ все. Онъ загналъ въ темные чуланы и на прохладные погреба отцовъ семействъ; онъ смирилъ непокладныя руки матерей и узломъ завязалъ длинные языки всевозможныхъ *золотовъ, сношельницъ, жмалихъ, бурихъ, третубихъ, четвероюродныхъ тетокъ съ деверьевою стороны* и прочаго горластаго провинціального люда; онъ укротилъ рѣзвыя ноги школьничковъ, забывшихъ на время и бабка, и змѣй, и мушку, и городка; онъ осквернилъ и перепуталъ вереницу дивныхъ грезъ, выросшихъ было въ воображеніи милой мечтательницы, и подсунулъ ей, вмѣсто локчей-офицеровъ и очаровательнаго бала, тихія струи рѣки, голые тѣла, всплески воды и рѣжущіе слухъ вопли купающихся;—онъ запустилъ, наконецъ, свою всенагнающую руку даже въ такую пропасть, какъ сердце злобнаго частнаго пристава, который, вышедши на улицу въ халатъ и форменной фуражкѣ, съ цѣлью распечь кого-нибудь,

вдругъ какъ бы одурѣлъ отъ духоты, почему, противъ обыкновенія, очень скромно спросилъ проходившаго мимо пастуха съ новорожденнымъ теленкомъ за плечами: «не продаешь-ли скотинку-то?» на что коровій пастырь отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ» и, обругавъ ворохнувшагося агнца чортомъ, двинулся далѣе... Только Волгу не сокрушилъ могучій жаръ. По прежнему стучать пароходныя колеса, стонуть *сходни* подъ тяжелыми шагами, скрипятъ суда, визжать блоки и въ раскаленный воздухъ несутся глухіе, сильные голоса и лошадиное ржанье; крупнымъ потомъ обливаются бурлацкія лица, деревенѣютъ отъ работы сильныя, мозолистыя руки, и хрипнутъ отъ непрестаннаго крика широкія глотки, однообразно вывода, какъ «дубинушка сама пошла»,—а все не наступаетъ часъ отдыха, котораго такъ жаждетъ изнуренное тѣло, и понукающій голосъ «дружнѣй» да «дружнѣй» все дребезжить въ ухахъ работающихъ.

Въ эту-то пору всеобщаго раскисанья, забившись въ самый отдаленный уголъ отцовскаго двора, подъ сарай, неутомимо работаетъ Ваня Копьевъ, черноголовый, быстроглазый гимназистикъ, лѣтъ одиннадцати—двѣнадцати. Ваня такъ занятъ своимъ дѣломъ, что не обращаетъ вниманія ни на потъ, ручьями бѣгущій по его дѣтскому лицу, ни на докучныхъ мухъ, ни на неотвязчивую Жучку, поминутно влившую хвостомъ у самаго его носа и ливавшую то въ щеки, то въ губы. Нынче вечеромъ онъ уговорился съ нѣсколькими своими пріятелями отправиться ловить рыбу, этой поѣздкѣ сочувствуетъ и кучеръ Копьевыхъ, Максимъ, великій другъ Вани, охотно доставшій гдѣ-то бредень; вся бѣда только въ томъ, что бредень весь въ дырахъ, и вотъ ночинкой-то его и занимается теперь маленькій Копьевъ.

— Поди ты прочь! отталкиваетъ онъ докучную Жучку, ловко повертывая *челнокъ* то въ ту, то въ другую сторону и кое-какъ захлестывая зіяющія дыры.—Развѣ ты не видишь, что мнѣ некогда, не отрываясь отъ работы, урезониваетъ Ваня Жучку. Тебѣ бы все играть... Поди вонъ съ Арапкой играй—она ничего не дѣлаетъ... Вѣдь, небось, если къ тебѣ начнешь приставать, когда ты ѣшь, или лежишь высуня языкъ, такъ ты сердиться, ворчать начинаешь!.. Ступай, не проѣдайся!

Жучка отошелъ въ сторону и ласково повиливалъ хвостомъ.

— Эй, рыбаки! окликнулъ Ваню вопедшій Максимъ.

— Что?

— Мотри, бредень-отъ не изорви у меня.

— Рвать-то нечего.

Ваня указалъ на дыры. Максимъ толкнулъ Жучку ногой и заговорилъ наставительнымъ тономъ.

— Да ловить будете, не больно далеко въ воду заходите. Слышь!

— Знаю, знаю.

— То-то: знаю. Рыбу тоже, если наловите, не шевыряйте руками, а то вы сейчасъ и пойдете хватать то тотъ, то другой, ровно невидаль какую.

Ваня молчалъ.

— Да вотъ еще что, подумавъ заговорилъ кучеръ: лодку возьми ты у Ваньки—шестипалаго, а то такъ у коровничины мнучонка,—ту, знаешь, которая съ желѣзными *кочетками*,—въ руль самъ садись, да баловать никому не давай, а то у васъ сейчасъ смѣшки да хахи, да дурачества разныя пойдутъ, того и гляди перевернетесь.

— Хорошо, хорошо.

— Да, мотри, не долго гуляй, а то неравно *самъ-отъ* хватится, тогда и тебѣ дѣру дать, да и мнѣ-то достанется, скажетъ: не наущай!

Мальчикъ продолжалъ работать.

— Слышь, что я тебѣ говорю? спросилъ Максимъ.

— Слышу, слышу, нетерпѣливо отозвался Ваня.

— То-то, братъ, чтобы опосля за меня не прятаться: та кой-сякой, Максимушка, выручи! Я тебѣ все изъяснилъ, какъ надо быть.

Максимъ вышелъ.

Скоро загрохоталъ экипажъ, и Кошневъ-отецъ съѣхалъ съ семействомъ со двора. Черезъ нѣсколько времени и Ваня выбрался изъ сарая, потому что бредень былъ совершенно починенъ. Мальчикъ выбѣжалъ за ворота и присѣлъ у калитки, ожидая товарищей.

Солнце уже сѣло. Улица оживилась: появились гуляющіе дворянъ высыпала къ воротамъ барскихъ домовъ. Говоръ,

смѣхъ и шутки мѣшались съ звуками гармоникъ и балалаекъ; кое-гдѣ раздавались пѣсни; въ родѣ:

«Съ Соколовой-ли горы
Кочерыжки летятъ,
Мадамински дѣвки, дряни,
Подбираютъ да ѣдятъ».

Вотъ на гауптвахтѣ ужь и зорю пробяли. Видитъ Ваня, сидя у воротъ, какъ ветхій будочникъ вышелъ изъ своей ветхой будки и старческимъ голосомъ дребезжитъ: «слушай!» Мальчишки подхватили возгласъ и залились на разные голоса, завертели колесами, побѣжали на четверенькахъ. Вонъ и мѣсяцъ блеститъ на небѣ, искрятся звѣзды, въ воздухѣ такъ тихо...

— Что же ихъ-то нѣтъ? думаетъ мальчикъ, поглядывая въ конецъ улицы.

Долго, упорно смотрѣлъ онъ въ одномъ направленіи; лице его то оживлялось, то дѣлалось совершенно неподвижнымъ, отражая попеременно то свѣтлыя, то мрачныя мысли. Самыя разнообразныя картины пробѣгали одна за другой въ его дѣтской головкѣ. То представляется ему полнѣйшій успѣхъ, всеобщая радость, похвалы и одобренія отовсюду. Слышитъ онъ, какъ Максимъ говоритъ кухаркѣ: «Ай да Ваня! гляди-ка, сколько рыбы приволокъ!» какъ мать одобряетъ, какъ радуется братъ Саша и сестры, какъ отецъ даже смягчается, узнавши, что уловъ былъ очень счастливъ, и сурово бормочетъ: «Ну, теперь прощаю, за то что много наловилъ; а въ другой разъ безъ спросу ходить не смѣй — шкуру спущу!..» Но вдругъ представляется Ванѣ другая картина: товарищи обманули, бредень починилъ онъ понапрасну, Максимъ подсмѣивается: «Туда же, говорить, совался рыбу ловить», кухарка ядовито улыбается, мать хотя и смотритъ на этотъ разъ какъ-то безразлично, но и въ этомъ безцвѣтномъ взглядѣ Ваня видитъ снисхожденіе, уступку, нежеланіе огорчить его, — а сестры, такъ тѣ прямо хохочутъ въ глаза: «Что, наловилъ! аловилъ!..» Злоба начинаетъ забирать бѣднаго мальчика; онъ наконецъ дошелъ до того, что рѣшается ѣхать одинъ, если только товарищи не придутъ въ теченіи такого-то срока. Но вотъ и они...

Весело перепрыгивая съ ноги на ногу, приближались четверо подростковъ, оглашая воздухъ радостными криками. Ваня забылъ свои мрачныя думы, свое недавнее недовольство и стрѣлой помчался на встрѣчу. Въ пять минутъ удалцы наши обдѣлали все: переговорили съ кѣмъ нужно объ лодкѣ, захватили бредень, ведро для рыбы, и стремглавъ побѣжали по крутому спуску къ Волгѣ.

— Вались въ лодку! скомандовалъ кто-то, и смѣльчаки бойко поскакали одинъ за другимъ; заразъ отпихнулись, размѣстились, кому гдѣ слѣдуетъ, и начали пробираться между судами. Ваня сидѣлъ въ кормѣ, двое другихъ работали веслами, а остальные двое, распластавшись на среднѣй лодки, громко заплѣли:

«Нашъ учитель Ергаковъ
Изъ породы дураковъ.
Гуси лебеди летѣли,
Дурака смотрѣть хотѣли!..»

Широкая рѣка, гладкая и свѣтлая какъ зеркало, приняла дѣтей какъ-то особенно радушно. Звонкіе голоса ихъ далеко раздавались среди всеобщей тишины, будто съ любовью уносимые тихими водами. Эхо по нѣскольку разъ повторяло ихъ дѣтскіе крики и свистъ, то раздѣльно, то слывая въ длинную гамму. Скоро маленькіе рыбаки выбрались на просторъ изъ за каравана судовъ. Городъ, облитый яркимъ луннымъ свѣтомъ, развернулся передъ ними, какъ на ладони. Справа чернѣлъ чугунный заводъ, точно средневѣковой замокъ, мрачно поглядывая съ крутаго берега; слѣва, на другомъ концѣ, громоздилось на пригоркѣ кладбище *Краснаго креста*, съ старою полуразрушившеюся церковью. Два-три песчаныхъ острова, усянныя десятками огней, отражавшихся яркими, длинными полосами въ водѣ, представлялись дѣтямъ какъ бы чудовищами съ пламенными глазами. Запоздалыя рыбацкія лодки словно свѣтляки блестяли на темной тиши заливовъ и затоновъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ на нѣсколько верстъ опушалъ пригородный берегъ. Кругомъ царствовала мертвая тишина, отъ времени до времени нарушаемая крикомъ сторожевыхъ бурлаковъ, да развѣ особенно чуткое ухо могло подслушать еще однообразный говоръ воды, чуть-чуть плещущейся у судовъ

— А-а-а! заоралъ кто-то, и всѣ напряженно прислушивались къ раскатамъ эхо.

— Какъ въ лѣсу-то, за Волгой, отдалось! Слышите?

— Это лѣшій подхватилъ.

— Ври натошакъ.

— А кто, господа, можетъ натошакъ булку съѣсть?

Всѣ задумался.

— Никто не можетъ, отозвался Ваня: потому что какъ только ты кусокъ проглотилъ, такъ ужъ и не натошакъ, а поѣвши.

— Этотъ Копьевъ все знаетъ: ему Максимъ разныя штуки рассказываетъ.

— А ты какъ бы думалъ.

— Ну-ка, скажи правило, которое давеча грамотѣю прочелъ.

— Какое? какое? Ну-ка, скажи! заговорили разомъ.

— «Всѣ имена существительныя, копчашіяся на *мы*, какъ-то: именины, крестины, похороны, родины, смотрины и проч., требуютъ выпивки, исключая—штаны, кон требуютъ починки», бойко произнесъ Ваня.

Раздался общій, дружный хохоть.

— Теперь нужно на перевалъ держать, замѣтилъ Ваня и забралъ изъ подъ кормы:

— Стотри, братъ, снесетъ, отозвались гребцы.

— Не снесетъ; разомъ перемахнемъ.

Лодка круто повернулась и пошла въ разрѣзъ теченью, къ острову.

— Батюшки мои, родимые! какъ она прокатилась! вдругъ крикнулъ одинъ изъ лежавшихъ и приподнялся.

— Кто? гдѣ?

— Звѣздочка. Ей богу, господа, ветъ тутъ все стояла! мальчику указалъ на небо: все мигала, все мигала, да вдругъ какъ сорвется... и покатилаась...

— Эко ты заоралъ, точно съ роду не видѣлъ!

— Онъ, господа, всему удивляется, вставилъ Копьевъ. Я какъ-то мухъ за ногу привязалъ нитку да и пустилъ ее на инспектора, такъ онъ такъ заоралъ, что инспекторъ оттрепалъ его.

— Меня, братцы, дома всѣ зовутъ: «*батюшки мои*».

— Вонъ у Масловыхъ всѣмъ дѣтямъ прозвища даны, всѣмъ—

и большпмъ и маленькимъ, вмѣшалса одинъ изъ гребцовъ. Старшаго, который въ шестомъ классѣ, зовутъ *осель дикій*, *хвостъ великій*, нашего—*яичница*, старшую сестру—*лобастая*, другую—*космачъ*, а третью *убогенькая*.

Всѣ захохотали.

— И отецъ вмѣстѣ съ ними, продолжалъ разскащикъ: такъ и зоветъ, какъ они придумали: «позвать, говорить, *осла дикаю!*» или: «поди сюда, *космачъ!*...» Впрочемъ, и ему тоже имя дали. Онъ толстый такой, такъ его прозвали *сорокоушей*, а мать—*базарной хлопущей*, за то что на базаръ ѣздитъ.

— Батюшки мои! вотъ дураки-то! удивлялся лежавшій въ лодкѣ.

— Во-онъ пароходъ идетъ съ нпзу, указалъ его сосѣдъ.

— Гдѣ?

— Во-онъ изъ Улешей къ Ильѣ-пророку пробирается. Видите, какъ огонекъ ползетъ по берегу: это фонарь на мачтѣ свѣтится.

Долго всѣ всматривались въ движущуюся свѣтлую точку, наконецъ рѣшили, что дѣйствительно пароходъ идетъ.

Лодка между тѣмъ приближалась къ острову, до котораго осталось наконецъ только нѣсколько сажень. Тутъ-то закипѣла работа... Гребцы усердно налегали на весла; маленькіе бездѣльники, лежавшіе до сихъ поръ, встали и охотно помогали своимъ товарищамъ; Ваня весь обратился въ зрѣніе, думая только о томъ, какъ бы подальше врѣзаться въ берегъ и такимъ образомъ поддержать завидную репутацію ловкаго кормчаго:

— Принимай весла! скомандовалъ онъ, и лодка съ разбѣга далеко выскочила на песокъ.

Ликованью дѣтей не было конца. Они обнимались, бѣгали взапуски, прыгали, кричали во все горло самыми дикими голосами, обсыпали другъ друга сухимъ, теплымъ пескомъ, угощали одинъ другаго затрепинами, валяли подъ ногу, становились на голову, бросали камни въ воду,—словомъ, дѣлали все, что только могли придумать ихъ дѣтскія головки, не стѣснѣмая никѣмъ въ своихъ выдумкахъ. Нѣкоторые, засучивъ брюки выше колѣнъ, бродили по берегу, отыскивая раковъ и улитокъ; другіе купались, ныряли. плавали, мутили воду

взявшись за руки, или, сидя голые на берегу, обсыпали мокрым тѣломъ пескомъ, желая изобразить терчей, арабовъ, негровъ и прочихъ чернотѣлыхъ. *Батюшки мои* то дивился, глядя на улитку, то приходилъ въ восторгъ отъ найденнаго рака; Ваня отрезвѣлъ раньше другихъ и уже возился съ бреднемъ, осматривая *грузила, полавки, мотню, клячи* и прочія принадлежности.

— Ну, господа, полно дурачиться, давайте приниматься за дѣло, провозгласилъ наконецъ Копьевъ, растягивая бредень на песокъ: все готово.

— Давайте, давайте, запрыгали и закричали товарищи.

Компанія отошла отъ лодки на нѣсколько сажень и «принялась за дѣло.» Ваня, какъ болѣе опытный, шелъ въ *забродъ*, остальные поочередно вели березовую *клячу*. Каждая попавшаяся рыба переходила по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, прежде чѣмъ попадала въ ведро: тотъ цаловалъ ее, тотъ любовался блескомъ чешуи, тотъ внимательно осматривалъ плавники, заглядывалъ въ ротъ и подъ жабры. Рыба ловилась по большей части самая мелкая: ершъ, *костюра*, небольшой окунь, *чахонъ*, язь и проч. Въ каждой такой пойманной рыбкѣ непременно находили сходство съ кѣмънибудь изъ общихъ знакомыхъ, учителей, товарищей и т. д. Щепообразную *костору*, напримѣръ, въ одинъ голосъ всѣ называли учителемъ математики, *чахонъ*—грамотѣемъ, язь, по общему мнѣнію, очень походилъ на полиціймейстера, ершъ то на извѣстнаго губернскаго франта, то на учителя географіи. Но когда поймали небольшую щуку, восторгъ и дѣтскій хохоть превзошли всякую мѣру.

— Инспектора поймали! инспектора поймали!

— Зубовъ-то, зубовъ-то сколько! у!!!

— Милые мои, дорогіе! дайте мнѣ, Христа ради, подержать инспектора!

— Въ карцеръ его, въ карцеръ его, предлагалъ одинъ, подставляя ведро.

— Взятку ему! кричалъ другой, поднося мнимому инспектору горсть песка.

Бѣднаго шуренка совершенно замучили. То его заставляли

разговаривать съ учителями, которыхъ олицетворяли различные окуни, ерши и *костюры*, то ставили вертикально на хвостъ, утверждали между плавательными перьями прутикъ, и представляли такимъ образомъ, какъ инспекторъ собственноручно сбъчетъ учениковъ, которыхъ изображали всевозможныя маленькiя рыбки, въ изобилiи попадавшiяся въ бредень.

А время между тѣмъ сильно подвигалось впередъ. Дѣлая забродъ за забродомъ, дѣти незамѣтно отошли отъ лодки такъ далеко, что она казалась имъ небольшою черной точкой.

— Эхе-хе! гдѣ лодка-то осталась! воскликнулъ *батюшки мои*.

— Не пора-ли, господа, домой? спохватился Ваня.

— Половимъ еще немножко, упрашивалъ гребецъ.

— Да, тебѣ хорошо толковать, замѣтилъ Кольевъ:—ты придешь домой, мать дастъ подзатыльникъ — и конецъ дѣлу, а у меня не то — отецъ... знаешь...

— Ну, братъ, и мнѣ тоже попадаетъ, да я не робѣю: скроюсь куда нибудь.

— Его тоже мать здорово лупить веревкой.

— Нѣтъ, пойдемте, пойдемте, настаивалъ Ваня.

Дѣти нехотя свернули бредень, протащили его сквозь дышку ведра, потомъ ухватились за концы *клячь* и побрели къ лодкѣ, проклиная *батюшки мои*, испортившаго все дѣло.

— Не давать ему, господа, за это задачъ списывать.

— И не подсказывать никогда.

— Чтобы не смутьянилъ впередъ, свинья!

— Да еще отбучимъ завтра.

Скоро лодка отвалила отъ острова и быстро пошла къ городу.

— Ваня-а! Ваня-а! раздавался съ берега голосъ брата Вани, Саши.

— Слышите, меня зовутъ.

— Скорѣй! скорѣй! плаксиво вопилъ Саша:—домойзову-у-уть!

У Вани замерло сердце.

— Что-о?

— Папенька зове-о-отъ!

Ваня сидѣлъ самъ не свой: онъ зналъ, за чѣмъ зоветъ папенька...

II.

— Ишь васъ носить до конхъ поръ! зарычалъ Максимъ, отворяя дѣтямъ калитку.

— А что? взволнованнымъ голосомъ спросилъ Ваня.

— Что... драть собрался, — вотъ что!

Дѣти совершенно растерялись.

— И ты-то хорошъ, обратился Максимъ къ Сашѣ: — тоже, какъ путный, побѣжалъ: позову! позову!

— Да развѣ тамъ докричишься, прошепталъ Сама.

— Тутъ у тебя и голосу сейчасъ не хватило. Небось, какъ тронетъ кто нибудь, такъ заорешь на всю уллицу, какъ зарѣзанный.

— Вотъ, Максимушка, рыбы наловили, мягко вымолвилъ Ваня, указывая на ведро.

Но Максимъ и вниманія не обратилъ.

— Ступайте, ступайте, что стоите.

— Ужинать сѣли?

— А то вешто ждать будутъ.

— А папенька сердить?

— Извѣстно, не похвалятъ за этикія дѣла. Даве кнутъ спрашивалъ.

— Ты бы, Максимушка, не давалъ, со слезами заговорили дѣти.

— Какъ же, очень миѣ нужно... корысть какая...

— Ну, хорошо же, свинья! упрекнулъ Ваня.

— А вы ступайте, ступайте, нечего проклажаться: овъ васъ похлецетъ маленько, не будете бѣгать о-сю пору.

Дѣти переминались.

— Ну что толчетесь-то? Блудить ваше дѣло, а какъ къ отвѣту идти, такъ сейчасъ за Максима прятаться.

— Никто не прячется за тебя, уязвилъ Ваня.

— Теперь не прячешься вѣрно, какъ знаешь, что кнутъ-то не даль.

— Убирайся! Съ тобой и связываться-то никто не желаетъ, скрывая улыбку проговорилъ Ваня и бойко попопль къ крыльцу; Сама побрелъ за нимъ.

Дѣти вошли въ небольшую комнату. Семья сидѣла за ужиномъ вокругъ длиннаго стола. Отецъ, сѣдоусый драбантъ, суровый и полупьяный, помѣщался на одномъ концѣ, мать — на другомъ, старшая сестра и еще двѣ дѣвочки тѣснились ближе къ матери, два пустыхъ стула, плотно придвинутые къ столу и стояшіе около отцовскаго кресла, предназначались для мальчиковъ. Ваня и Саша остановились у порога, ожидая приказаній, безъ которыхъ не могли занять своихъ мѣстъ.

— Гдѣ вы, канальи, шляетесь! нетвердымъ голосомъ спросилъ отецъ, уставившись на дѣтей посоловьѣвшими глазами. Молчаніе.

— Становитесь тамъ у дверей на колѣни! приказалъ отецъ. Этого каналью, ткнулъ онъ пальцемъ на Сашу: — послали отыскивать брата, а онъ и самъ пропалъ. Я васъ!..

Мальчики опустили на колѣни. Лицо матери искривилось какъ-то болезненно, и ложка противъ воли заплескала въ ея рукѣ; сестры молча переглянулись и потушили глаза въ тарелки; даже кухарка какъ-то особенно кашлянула и ни съ того, ни съ сего принялась ругать подвернувшуюся подъ руку кошку.

— Вѣдь не разъ, кажется, говорилъ: «Эй, дѣти, не смѣйте ходить на Волгу! эй, дѣти, не смѣйте ходить на Волгу!» — такъ вѣтъ, не слушаетесь... — Ну, ничего, ничего, ворчалъ сѣдоусый, посылая въ ротъ ложку за ложкой: — какъ простомите на колѣняхъ цѣлую ночь, да еще передеру завтра, такъ послушаетесь.

Дѣти глубоко вздохнули.

— А все ты! зыкнулъ драбантъ на жену.

— Полно, Матвѣй Ивановичъ.

— Ты! ты! настаивалъ мужъ: — ты всему заводчица: не будь тебя, я бы ихъ скрутилъ вотъ какъ!

Онъ крѣпко сжалъ кулакъ и тяжело опустилъ его на столъ, такъ то запрыгали тарелки, и вода въ графинѣ зашлепскалась точно въ хорошую бурю.

Ну, богъ съ тобой, успокойся! прошептала жена.

— Я все въ домѣ, я все... И денегъ я долженъ добыть, и за хозяйствомъ присмотрѣть, и дѣтей уму разуму научить, — вездѣ я!.. Твое дѣло только барствовать, да изъ мужа послѣд-

нія жылы вытягивать: «давай! валяй! сори деньги, куда вздумается! мужъ лошадь — вывезеть!»

— Подали жаркое.

— Нѣтъ, кабы ты была добрая жена, ты бы не такъ вела себя, рокотала мужъ, наворачивая тарелку мясомъ.

Молчаніе.

— Я изъ кожи лѣзу...

Фраза прервалась, потому что ротъ былъ слишкомъ занятъ.

— Я ночи не сплю...

Опять та же исторія.

— Я ночи не сплю, все думаю: какъ бы лучше, да какъ бы удобнѣе сдѣлать то или другое, а тебѣ и горя мало: есть аботникъ — пускай надрывается.

— Да вѣдь на тебя не скоро угодишь, замѣтила тихо жена.

— На меня?!. какъ: на ме-эня!..

Драбантъ злобно захохоталъ.

— На меня трудно угодить, прошипѣлъ онъ. — Да чего я отъ тебя требую, тварь ты этакая!.. Развѣ ты не можешь сама понять, что вонъ этихъ своевольниковъ давно передрать нужно?.. — Господи боже мой! на меня трудно угодить, заскрежеталъ Матвѣй Ивановичъ. — Развѣ въ твоей башкѣ и на столько-то мозгу нѣтъ, чтобы догадаться, что эту обузу нужно снять съ мужниной шеи, чтобы облегчить его? Ты возьми примѣръ съ другихъ женъ, поучись у нихъ, какъ нужно смотрѣть за дѣтьми, какъ нужно воспитывать ихъ.—Ты кто?..

Жена молчала.

— Кто ты? спрашиваю я тебя.

На глазахъ бѣдной женщины показались слезы.

— Ты крѣпостная дѣвка! Я тебя въ люди вывелъ, я тебя очастливилъ, я тебѣ жизнь далъ, — и вотъ чѣмъ ты платишь мнѣ за это, хамово отродье!

Всѣ плакали навзрыдъ.

— Ты меня тираняшь! ты заѣдаешь мой вѣкъ!.. Какая ты мнѣ жена и подруга? какая совѣтчица? а? какая?..

Матвѣй Ивановичъ побагровѣлъ отъ злости и во всѣ глаза смотрѣлъ на жену, ожидая отвѣта. Тихо плакавшія дѣти смолкли и ждали ужаснѣйшей бури. Кухарка нырнула за дверь.

Но бури, по счастью, не случилось. Драбантъ бросилъ тарелку на полъ и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

Дѣти вздохнули свободнѣе; мать тихо плакала, закрывъ лицо платкомъ.

— Реви, реви, тварь! изрекъ внезапно появившійся драбантъ: — только этимъ и отдѣльваешься. — Катя, дай этимъ канальямъ книжки, пусть читаютъ цѣлую ночь, добавилъ онъ, обращаясь къ старшей дочери.

— Вотъ, Ваня, вѣдь говорили тебѣ: не ходи, обратилась къ брату Катя, подавая книги.

Ваня и Саша стали громко читать, одинъ христоматию, другой начатки.

Минуть черезъ пять раздался голосъ Матвѣя Иваныча.

— Пусть перестанутъ трещать: надоѣли, чортъ ихъ подери! Дѣти смолкли.

— Я, Катя, посмотри-ка, какой рыбы принесъ: язи да же есть.

Мать съ улыбкой взглянула на сына.

— Ахъ ты, забавникъ мой, глупенькій! пролетела она.

— Да еще какой подлещикъ ушелъ: вотъ какой! и Ваня отиѣрилъ руками чуть не аршинъ.

— А Саша-то, маменька, за что тутъ попался? спросила Катя.

— Саша брата ходилъ звать, за то и наказанъ: онъ молодецъ у меня!

Мать встала съ мѣста и, схвативши голову Саши обѣими руками, долго, долго цѣловала его въ глаза, лобъ, щеки и губы.

— Милая маменька! шепталъ растроганный Саша.

Ваня поймалъ руку матери и покрылъ ее поцалуями. Сестры соскочили съ своихъ мѣстъ и сгруппировались вокругъ наказанныхъ братьевъ: Катя поочередно гладила по головѣ то того, то другаго, маленькія висли на шею матери и осыпали ее поцѣлуями. Всѣ оживились и какъ будто забыли общее горе, еще такъ недавно прогремѣвшее надъ ихъ головами. Ваня даже успѣлъ уже показать языкъ маленькой Олѣ и, получивши отъ нее прозваніе *языки*, обозвалъ Олю, въ свою очередь, *куриной сльпотою*.

— Я завтра, маменька, на подпускъ пойду ловить, доложилъ Ваня.

— Ахъ ты, рыбагъ мой дорогой, ужь забытъ!

— И мнѣ удочку купите, просилъ Саша.

— И тебѣ, милый, куплю.

— Мнѣ, маменька, волосяную лѣсу нужно, докучалъ Ваня.

— Все, все будетъ, головка ты безшабашная, только отъ папаша нужно скрывать.

— Барыня! громогласно изрекла появившаяся кухарка: — покормить бы ихъ надо, что на него смотрѣть.

— Тссъ! погрозила ей барыня.

— Дрыхнетъ поди, прошипѣла кухарка.

— Послѣ, послѣ, Марфа.

— То-то, надо....

— Ну вотъ, я такъ и зналъ, заревѣлъ въ дверяхъ Матвѣй Ивановичъ: — такъ и зналъ, что сейчасъ начнегъ лизать своихъ ненаглядныхъ. — Эй, вы! махнулъ рукой дѣвочкамъ: — ступайте Богу молиться.

Маленькія дѣвочки вышли изъ комнаты за отцомъ. Черезъ минуту послышались ихъ звонкіе, дѣтскіе голоса, читавшіе *да воскреснетъ Богъ*, сильный баритонъ безпрестанно прерывалъ чтеніе молитвы, выкрикивая: «и расточатся...» «такъ да погибнутъ бѣси...» «прогоня-яй...» «прогоня-яй!...» и т. д. Скоро Маша и Оля воротились и бросились на шею матери.

— Ну что?

— Кончили.

— А папаша?

— Легъ.

— Потушилъ свѣчу?

— Потушилъ.

— Ну, и слава Богу!

Мать сдѣлала рукою знакъ кухаркѣ, та вышла.

— Вотъ сейчасъ ужинать подадутъ.

— Охъ, маменька, какъ колѣнки больно! жаловался Саша.

— Погоди, милый, уснетъ папаша, тогда можно будетъ встать.

Марфа вернулась съ ужиномъ и тихонько начала разставлять тарелки передъ колѣнопреклоненными дѣтьми. Каждый неосторожный звукъ, каждый шорохъ, какъ электрическая искра, пробѣгалъ по присутствующимъ, болѣзненно сжималъ серд-

це и невольно поворачивалъ голову къ двери, изъ которой могъ появиться драбантъ.

— Это что? спросила Катя, указывая на какую-то жирную массу.

— А вонъ дуракъ-отъ нашъ, Максимъ, изъ костей мозговъ натаскалъ — имъ прислалъ: — нетрогъ, говорятъ, протвѣдаютъ.

— Да это ѣсть нельзя, застыло совсѣмъ.

— Пыталась и я, барышня, тоже ему говорить, такъ нѣтъ — неси, да и все тутъ! Это онъ вонъ Ваню ублажаетъ, добавила кухарка. — Даве еще что, лѣшій, слѣлалъ, — просто, смѣхъ на него смотрѣть!.. Какъ потребовалъ у него баринъ кнутъ, такъ онъ и самъ не знаетъ, куда бы его спрятать; прибѣжалъ ко мнѣ на кухню да въ подпечекъ и зашвырнулъ: тутъ, говоритъ, не найдеть.

Дѣти между тѣмъ аппетитно ужинали, слушая добродушную болтовню кухарки. Скрипнула дверь и показалась голова Максима.

— Ты куда лѣзешь! крикнула ему кухарка и любезно хлопнула ладонью по кудрявымъ волосамъ.

Максимъ скрылся.

— Пусти, пусти его, заговорили всѣ.

Голова опять показалась.

— Ваня! это что? подмигивалъ Максимъ, показывая рыбу.

— За чѣмъ же самъ-то мучишь?

— Она уснула... А рыба важная! добродушно изрекъ Максимъ. — Что же ты мозги-то не ѣшь?

— Я ужъ ѣлъ.

— Ну Шашу попоштуй.

— Спасибо, спасибо, всѣ пробовали.

— Вы не брезгайте, у меня руки чистыя, — вонъ какія!..

Максимъ въ доказательство своихъ словъ показалъ руки. Дѣти засмѣялись.

— Барыня! сѣнца бы имъ подъ колѣнки-то подослать.

— А ты орнъ звончей! напустилась Марфа и ударила его по лбу.

— Не балуй!.. — А то повонку — та мягкая.

— Не надо, не надо, Максимъ, они скоро встануть.

— Ну, какъ знаете.

Максимъ скрылся. Дѣти поужинали, и кухарка убрала посуду. Изъ сосѣдней комнаты доносился тяжелый храпъ Матвѣя Ивановича: винные пары душили его, кровь приливала къ головѣ. Долго думала бѣдная мать надъ своими непаглядными птенцами, долго страхъ и любовь боролись въ ней, наконецъ послѣдняя взяла верхъ: Ваня и Саша спокойно започивали на своихъ дѣтскихъ кроваткахъ.

Сонъ охватилъ весь домъ, только Максимъ и Марфа все еще гуторили на кухнѣ.

— Просто ума не приложу, въ кого этакой песь уродился! разсуждала кухарка, *затѣвая* пироги къ завтрашнему дню.— Вѣдь, поглядишь, у другихъ женъ мужья, какъ мужья, а этотъ, ровно чортъ какой рогатый! И дѣти-то все, ровно они отъ другаго отца: ни одинъ въ него не вышель... Горюшко, право!

— Ты бы его себѣ въ отцы взяла, осклабясь вставилъ Максимъ.

— Молчалъ бы, дуракъ необузданный!

— А то въ мужья...

— Какъ начну вотъ свата-то мѣшалкой охаживать — замолчишь.

— У него, смотри-ка, усищи какіе здоровые: въ деревнѣ такихъ не попадаетъ.

— Ну, братъ, навязался бы на меня въ деревнѣ этакой волкъ, такъ я бы его скоро осадила.

— Хвастай! Онъ бы тебѣ вѣку-то посбавилъ.

— Ступай къ своимъ лошадямъ, протухлый чортъ, пока цѣлъ!

Максимъ повиновался, а Марфа нашла себѣ слушателя въ шурившей глаза кошкѣ и тотчасъ же подробно развила передъ ней цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ изображалось *осаждение* Матвѣя Ивановича, еслибъ онъ былъ ея мужемъ.

III.

Матвѣй Ивановичъ Копьевъ, теперь поручикъ въ отставкѣ, былъ сынъ какой-то мелкой канцелярской сошки. Объ отцѣ Матвѣя Ивановича свѣденій не имѣется никакихъ, — да они,

пожалуй, и не нужны, потому что и на сынѣ-то мы будемъ останавливаться лишь на столько, на сколько это будетъ пригодно для личности, въ которой физическія силы совершенно подавили нравственные. Что за надобность, въ самомъ дѣлѣ распространяться объ матеріалѣ, изъ котораго сдѣлана оглобля, о мастерѣ, сдѣлавшемъ ее, и проч., когда, не смотря на то, дубъ она или осина, плотникъ или столяръ ее дѣлалъ — она предназначена единственно для высаживанія реберъ, перелома ногъ, вывиховъ рукъ и прочихъ уродствъ!.. Итакъ, мы вовсе не печалимся, что не можемъ представить свѣденій о мастерѣ, создашемъ Матвѣя Ивановича, тѣмъ больше, что по рассказамъ послѣдняго, онъ развился и выросъ помимо всякихъ отцовскихъ вліяній: «отецъ, говорилъ онъ, меня только посылалъ, въ остальномъ же во всемъ я обязанъ собственной живучести, счастливому случаю да добрымъ людямъ». Объ матери Копьевъ сообщалъ, что она была высокая такая, изъ себя полная, сѣкла его чаще отца — и ничего больше. Лѣтъ тринадцати-четырнадцати, наученный кое-какъ читать и писать, Копьевъ поступилъ въ какой-то судъ, гдѣ бѣгалъ по порученіямъ писцовъ за водкой и закуской, печаталъ и надписывалъ конверты и бралъ копѣечныя взятки съ тѣхъ просителей-новпчковъ, которые, не зная судейскихъ обычаевъ, и взятку-то не умѣютъ сунуть, куда слѣдуетъ. До шестнадцати лѣтъ произрасталъ такимъ образомъ Матвѣй Ивановичъ, а въ шестнадцать, при помощи кого-то, опредѣленъ юнкеромъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Юнкеръ велъ себя примѣрно: былъ почтителенъ къ начальству, радѣлъ къ службѣ, исправно замѣнялъ офицеровъ въ случаѣ нужды и велъ трезвую и добропорядочную жизнь; все это скоро замѣтили, одѣяли, и юнкера произвели въ офицеры. Тутъ Копьевъ показалъ себя, какъ слѣдуетъ. Онъ сдѣлался грозой солдатъ не только своего взвода, но даже и въ цѣломъ полку былъ извѣстенъ, какъ звѣрь. Такъ какъ прежде отъ офицера требовалось только знаніе службы (шагистика) и строгое обхожденіе съ подчиненными, то Матвѣй Ивановичъ, какъ вполне удовлетворявшій этимъ требованіямъ, пошелъ въ гору: похвалы отъ начальства сыпалась на него градомъ, а года черезъ два-три ему дали роту. Получивши роту, Копьевъ такъ искусно повелъ свои

дѣла, что въ короткое время зашибъ порядочныя деньги, употребляя солдатъ, какъ помѣщикъ своихъ крѣпостныхъ людей, для всякихъ работъ и кромѣ того немилосердно экономничая при расходованіи ротныхъ суммъ. На него объявили претензію; Матвѣй Иванаычъ вывернулся и сжалъ солдатъ въ ежевыхъ рукавицахъ; подали въ другой разъ, и дѣло повернулось какъ-то такъ, что *упущенія* были замѣчены и съ несчастнымъ Матвѣемъ Иванаычемъ поступили очень круто: его разжаловали въ солдаты... Опять потянулъ ляжку бѣдный Кошьевъ; опять началъ перелезать, но уже съ гораздо болѣшимъ трудомъ, изъ примѣрнаго солдата въ примѣрнаго ефрейтора, изъ примѣрнаго ефрейтора въ примѣрнаго унтеръ-офицера и т. д. и т. д.,—да лѣтъ десять и протянулъ до перваго офицерскаго чина. Тяжела показалась ему служба, хотя честолюбіе все еще тянуло впередъ. Прослуживши лѣтъ шесть-семь въ чинахъ прапорщика и подпоручика и видя, что нѣтъ никакихъ шансовъ къ полученію роты или другого какого-нибудь хлѣбнаго мѣстечка, Матвѣй Иванаычъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика, мундиромъ и небольшимъ едновременно вспоможеніемъ. Но онъ не горевалъ, потому что деньжонки отъ прошлаго управленія ротой у него оставались еще порядочныя; кромѣ того, отставному офицеру въ то время всегда можно было рассчитывать на полученіе мѣста въ гражданской службѣ, гдѣ таковымъ охотно раздавали должности городничихъ, исправниковъ, различныхъ смотрителей, экономовъ и проч. Одна только забота оставалась у Матвѣя Иванаовича, это — обзавестись женой, съ которой, по мнѣнію поручика, теперь-то и пожить всласть.

По пріѣздѣ на новое мѣсто жительства, въ одинъ изъ городовъ средней Россіи, Кошьевъ тотчасъ принялся отыскивать жену, засылая свахъ ко всѣмъ существующимъ въ городѣ невѣстамъ. Невѣстъ, разумѣется, было великое множество, но однѣ изъ нихъ не подходили къ расчетамъ Матвѣя Иванаыча, къ расчетамъ другихъ не подходилъ онъ самъ, — короче, дѣло какъ-то не ладилось, а охота жениться пришла смертная. Особенно злили его отказы, сопровождавшіеся замѣчаніями, въ родѣ того, что за такого стараго вовсе не лестно выйдти молодой дѣвицѣ, или намеки на малочинность,

при которой трудно играть какуюнибудь роль въ обществѣ. Думалъ, думалъ Матвѣй Ивановъ, да наконецъ и поступилъ самымъ радикальнымъ образомъ: выкупилъ себѣ у какой-то помѣщицы горничную дѣвушку и женился на ней.

— Эта, по крайней мѣрѣ, любить будетъ. разсуждалъ по-ручикъ, потому что я ее облагодѣтельствую. — Опять же изъ такой жены не выйдетъ какаянибудь мотовка или бездомница, а мнѣ кромѣ хозяйки да матери дѣтямъ ничего не нужно.

Женившись, Копьевъ перебрался въ Желтогорье — «во избѣжаніе пересудовъ», какъ размышлялъ онъ.

Анна Петровна вышла замужъ семнадцати лѣтъ; она была очень статна и красива, такъ что провинціальныя языки не безъ зависти и желчи говорили: «Ну что-жъ, что хороша? — а все-таки мужичка и съ благородной дамой сравниться не можетъ», хотя эти благородныя физическимъ безобразіемъ и нравственнымъ уродствомъ превосходили всякое описаніе. Дѣтство и первые годы юности прошли для Анны Петровны очень не весело: круглой сиротой осталась она еще съ раннихъ лѣтъ, сиротой выросла въ барскомъ домѣ, всѣми мнимая, беззащитная, безотвѣтная, сиротой постоянно казалась она даже и самой себѣ, потому что въ памяти ея не сохранилось никакихъ отрадныхъ воспоминаній, а въ сердцѣ не чувствовалось никакихъ привязанностей, способныхъ хотя на минуту развеелить ея горькое одиночество. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ барскомъ домѣ она такъ сжилась съ своимъ положеніемъ, что не вѣрила въ возможность другой жизни для себя и, какъ улитка, далеко ушла въ свою раковину и рѣшилась терпѣть до конца. Вышедши замужъ, дѣвушка сразу поняла, что дѣло ея нисколько не измѣнилось, что изъ одного крѣпостнаго состоянія она перешла въ такое же другое, что прежнее угнетеніе смѣнилось новымъ, худшимъ, что и здѣсь ей остнется одно — терпѣть. Единственнымъ утѣшеніемъ и отрадой ея была церковь, гдѣ она свободна могла выплакать свое горе и укрѣпиться молитвой. Каждую раннюю обѣдню она спѣшила въ божій храмъ, уединялась и крѣпко, крѣпко молилась, прося защиты и помощи. Сначала все замѣчающіе прихожане обратили на нее вниманіе и потирали любовь, раздумывая, о чемъ молится и плачетъ жена Копьева;

но потомъ, не видя возможности вывести какую нибудь сплетню, перестали чесать языки, увѣряя, что это она «такъ, по глупости, зажирѣла во дворянствѣ, вотъ и привередничаетъ».

— Кто былъ у обѣдни? идутъ разговоры по окончаніи службы.

— Пѣтуховъ былъ; на немъ штаны новые, съ лампасамп.

— Нѣтъ, Кобылихина-то дочка отличилась: пошла прикладываться къ кресту, такъ она раньше всѣхъ выперла.

— Ахъ, батюшки мои! вотъ дура-то!

— Копышка была.

— Опять, поди, рюмила?

— Извѣстно.

— Эта постоянно реветъ, точно ей дома мѣста нѣтъ, на показъ выносить свои слезы.

— Цѣлую обѣдню стояла на колѣнахъ, да нюнила.

— Мало вѣрно мужъ-то бьетъ... не такъ бы надо, зазналась за благороднымъ...

Особенно тяжело было житье Анны Петровны въ первые годы замужества.. Матвѣй Ивановичъ не имѣлъ еще въ это время никакой должности, потому всѣ свои командирскія наклонности онъ обратилъ на жену, ввязываясь въ мелочныя хозяйственныя дразги и стараясь во всемъ найдти поводъ къ ссорѣ. Жена, по обыкновенію, молчала, что очень злило поручика, увѣрявшаго, будто она молчитъ только въ его присутствіи, а въ другое время позорить его передъ разными кумушками и сосѣдками, выставляя тираномъ, и проч. и проч. Если и подобныя нелѣпыя обвиненія не развязывали языка бѣдной женщины, Матвѣй Ивановичъ прямо доказывалъ, что ей нечѣмъ оправдываться, потому и молчить, и устраивалъ домашнюю баталію, считая себя обязаннымъ «учить глупую жену».

Но вотъ Копьевъ получилъ мѣсто частнаго пристава. Участь Анны Петровны нѣсколько облегчилась, потому что дѣла отвлекали мужа отъ дома, почему и поводовъ къ столкновеніямъ было меньше. Скоро родился первый ребенокъ, дочь, Катя. Отецъ былъ недоволенъ и ворчалъ про себя: «ждалъ мальчишку—принесла дѣвчонку,—чортъ знаетъ, что такое!» но радость матери была чрезмѣрна; для нея начиналась новая жизнь, тѣсно связанная съ жизнью ребенка. Забитой,

загнанной, кроткой, уступчивой и вѣжливой, Аннѣ Петровнѣ приходилось теперь биться не за собственную шкуру, и грудь отстаивать свое дѣтище. Мягкая, какъ воскъ, и робкая, какъ птичка, она съ желѣзной настойчивостью и удивительной храбростью разрушала планы мужа, руководя воспитаніемъ ребенка по собственному опыту, и въ концѣ концовъ, поруганная, втопанная въ грязь, все-таки съ удовольствіемъ видѣла, какъ дочь идетъ одною дорогою съ нею, повинувшись природному уму матеря, а не отцовскому самодурству. Когда, гдѣ черезъ семь-восемь, родился второй ребенокъ, сынъ Ваня, довольный Матвѣй Ивановичъ обратился къ женѣ съ такою рѣчью:

— Ну, ужь этого и не думай забрать въ свои руки, потому что будетъ съ тебя: дочь ужь развратила.

— Да чѣмъ же? скажи, ради Бога!

— Какъ чѣмъ?.. Ты еще спрашиваешь: чѣмъ?.. Развѣ ты не видишь, что она вся въ тебя вышла, и меня вовсе не слушаетъ? Развѣ ты не видишь, что когда я велю дѣлать одно, она дѣлаетъ другое, что тебѣ угодно? Развѣ ты не видишь, что она потеряла всякій страхъ?.. О, Богъ тебя покараетъ за то, что возстановила ты дочь противъ роднаго отца, что не позволила мнѣ научить ее уму-разуму, а давала во всемъ поблажку, да начинала сама разными мерзостями! восклицалъ поручикъ, чувствуя себя вполне побѣжденнымъ и въ крайнемъ случаѣ хватаясь за Бога. Если же ты меня не слушаешься, и этого приберешь къ рукамъ, такъ я знаю, что сдѣлать... какъ выростеть, сейчасъ лобъ забрѣю: не нужно мнѣ хамова отродья!

Первыя впечатлѣнія Вани были очень разнообразны и ограничивались предѣлами отцовскаго двора, гдѣ особенно любовью ребенка пользовалась куча песку, въ которой цѣлые дни возился мальчикъ. Куры и горластый, страшный пѣтухъ были первые знакомцы и друзья его, непосредственно слѣдовавшіе за матерью и няней. Лошади и корова казались ребенку какими-то ужасными существами, смотрѣть на которыхъ можно было только подъ защитою няни или въ щелку высокаго деревяннаго крыльца, куда онъ отважно совершалъ путешествіе на четверенькахъ. Отца Ваня не любилъ, потому что

усы, которые нравились ребенку, торчали такъ высоко, что не достанешь, а если и удавалось когда достать, то смѣльчака били по рукамъ, приговаривая что-то непонятное и грозное такое. Мать—та была добрѣе; ея шелковистые черные волоса Ваня трепалъ съ наслажденіемъ, припѣвая и смѣясь, за что его не только не били, но даже осыпали поцѣлуями и посматривали такъ ласково большими голубыми глазами, что маленькому драчуну даже досадно становилось и очень хотѣлось разбить эти два свѣтлыя окошечка. Но няня была лучше всѣхъ... Куда бы не захотѣлъ пойти Ваня, обвиснувши на ея плечахъ, няня шла непрекословно; что бы не захотѣлъ онъ достать, няня сейчасъ готова на помощь. Няня кормила его такими сладкими, хорошими кушаньями, какихъ никогда не давала мама; няня поила какимъ-то пріятнымъ, усыпляющимъ питьемъ, носила куда-то далеко со двора, гдѣ Ваня сначала дрожалъ отъ страха, видя вокругъ незнакомыя, страшныя фязіономіи, но потомъ привыкалъ и по долгу засиживался на рукахъ постороннихъ людей, въ то время, какъ няня уходила на часокъ другой.

Лѣтъ пяти-шести Ваня почти освободился отъ надзора: на рукахъ и колѣнкахъ появились ссадины, платье почему-то изнашивалось и пачкалось гораздо болѣе прежняго. Ему мало было въ это время отцовскаго двора, и мальчикъ всѣми силами рвался на улицу, на Волгу, на сосѣдній дворъ, откуда доносился стукъ бабокъ, крики: *построаемся! не лозь, жила! битку ставь на конь!* и проч., вопли обиженныхъ, брань обидчиковъ, и т. д. Въ шелку забора мальчикъ успѣлъ уже подсмотреть кое-что очень любопытное. Видѣлъ, напримѣръ, какъ играютъ въ бабки, какъ въ мячъ, какъ катаютъ шары, дерутся на кулачки, и много подобныхъ штукъ запримѣтилъ Ваня,—но какъ познакомиться съ игроками, вотъ вопросъ. Ваня бѣжитъ къ нянѣ.

— Няня, милая, мнѣ съ мальчиками поиграть хочется... Я пойду.

— Куда ты пойдешь, батюшка. Развѣ можно благородному съ мужиками играть!

— Да, ну!

— Что нукаешь-то. Нельзя, нельзя.

Ваня въ первый разъ догадался, что тутъ нужно обратиться къ человѣку, знакомому съ подобнымъ дѣломъ, а не къ нянѣ, которая ничего не смыслить; онъ тотчасъ побѣжалъ къ кучеру Максиму, объяснилъ ему свое желаніе и просилъ помощи.

— Это дѣло плевое, сейчасъ обьорудуемъ, изрекъ Максимъ и позвалъ мальчишекъ во дворъ — *поирать съ барченкомъ*.

Отсюда и начинается дружба Вани съ Максимомъ и болѣе широкая жизнь ребенка.

М. Морозовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БУКОЛЬНАЯ ТРАГЕДІЯ

съ

БУКЕТОМЪ ГРАЖДАНСКОЙ СКОРБИ.

I.

Въ каждой изъ нашихъ журнальныхъ партій есть несправимые фразеры, которымъ никогда въ жизни не случилось произести на свѣтъ ни одной самостоятельной мысли. Эти господа въ своихъ произведеніяхъ самымъ усерднымъ и добросовѣстнымъ образомъ обезцѣчиваютъ ту идею, которая даетъ имъ насущный хлѣбъ, но этимъ не ограничивается ихъ дѣятельность. По самолюбію, свойственному всякой бездарности, они непременно желаютъ высказывать руководящую идею «своими словами», изобрѣтаютъ сами различныя пріставки и украшенія, воплощаютъ идею въ каррикатурные образы, вѣ наконецъ доводятъ ее до такого жалкаго безсилія, что всѣмъ мыслящимъ защитникамъ этой идеи приходится или краснѣть за свѣихъ непрошенныхъ союзниковъ, или отталкивать ихъ отъ себя съ тѣмъ суровымъ презрѣніемъ, съ которымъ Базаровъ относится къ своему обожателю Ситникову. Большая часть нашихъ второстепенныхъ беллетристовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ различныхъ журналахъ, принадлежатъ къ числу самыхъ отъявленныхъ каррикатуристовъ идеи. Ихъ романы и повѣсти смѣгаются обыкновенно на живую нитку по выкройкамъ послѣдней моды, а модною выкройкою служить для нихъ критическій отдѣлъ того журнала, для котораго они работаютъ. Люди, событія, положенія— все это задумывается

Отд. II.

по данной программѣ, и кромѣ того, самая программа понимается изъ пятого въ десятое, или, вѣрнѣе, отражается въ творческомъ умѣ беллетриста съ тою неподражаемою ясностью и отчетливостью, съ какою человѣческая физиономія можетъ отразиться въ дешевомъ зеркалѣ, покрытомъ пузырями. Много у насъ такихъ беллетристовъ, и велики труды ихъ, но, мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи никто не можетъ сравниться съ г. Н. Станицкимъ, по милости котораго почтенный «Современникъ» такъ часто нагружается раздирательными романами. Бываютъ бездарности тихія, скромныя, почти пріятныя по своей безобидности; но бываютъ и другія бездарности, лютыя, буйныя, изъясняющія притязаніе на смѣлость мысли, на пыкость чувства, на ширину умственного развитія, на свѣжесть и ѣдкость юмора, и на разныя другія хорошія вещи, которыя навсегда остаются для нихъ недоступными. По произведеніямъ г. Станицкаго намъ будетъ очень удобно изучить типъ фразера, маскирующаго свою умственную бѣдность крикомъ и жестякуляцією. Изученіе г. Станицкаго особенно интересно для насъ потому, что этотъ писатель постоянно работаетъ для «Современника», и постоянно уродуетъ своимъ фразерствомъ свѣтлыя и широкія идеи, которыя развивали въ этомъ журналѣ дѣйствительно мыслящіе и дѣльные люди. Если бы какой нибудь усердный писатель уродовалъ идеи «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Вѣстника», то подобное занятіе можно было бы назвать безвреднымъ толченіемъ воды, потому что въ этихъ наиболѣе почтеннѣйшихъ журналахъ, по нашему крайнему разумѣнію, нечего уродовать, и еще потому, что ихъ изуродованную идею могутъ отличить отъ неизуродованной только самые опытные эксперты. Но искажать идеи Добролюбова и людей близкихъ къ нему, обезцвѣчивать эти идеи невинною болтовнею, или опешлять ихъ мелодраматическимъ риторствомъ—это уже выходитъ изъ границъ позволительной шутки, и противъ такихъ упражненій критика должна принимать болѣе серьезныя мѣры. Она должна подвергнуть произведенія свирѣпствующаго фразера строгому и тщательному изученію, чтобы показать и доказать публикѣ, что между фразерами и настоящими мыслителями, стоящими, по видимому, подъ однимъ знаменемъ, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей умственной солидарности. Такого рода операцію я намѣренъ произвести надъ авторскою личностью г. Станицкаго, и я твердо убѣжденъ въ томъ, что лучшіе, мыслящіе сотрудники «Современника» въ душѣ скажутъ мнѣ спасибо за

эту дружескую услугу. Имъ самимъ, конечно, неловко говорить горькія истины своему старому и постоянному сподвижнику, но когда эти истины будутъ высказаны постороннимъ человѣкомъ, тогда это, навѣрное, доставитъ имъ большое удовольствіе, потому что они, разумѣется, понимаютъ очень хорошо, что дубовый трагизмъ г. Станицкаго, подобно невинному юмору г. Щедрина, только сбиваетъ съ толку читателей и вредитъ уясненію настоящей идеи журнала. Итакъ, пускаюсь въ путь и принимаюсь за разборъ романа «Женская доля». Я буду слѣдить за каждымъ шагомъ нашего романиста, потому что въ развитіи подробностей г. Станицкій еще болѣе прелестенъ, чѣмъ въ общей концепціи своихъ произведеній.

II.

Въ селѣ Григорьевкѣ живутъ помѣщица Анна Антоновна, женщина пожилая и болѣзненная; у нея шестнадцатилѣтняя дочь, Софья Григорьевна. Мужъ Анны Антоновны, Григорій Андреевичъ, живетъ въ Петербургѣ и пользуется безпредѣльною ненавистью г. Станицкаго. Впрочемъ, эту ненависть раздѣляютъ съ Григоріемъ Андреевичемъ почти всѣ остальные дѣйствующія лица романа. Почти всѣ они—гнусные люди, и выведены на сцену особенно для того, чтобы ихъ пороки давали обильную пищу великодушному негодованію и ювеналовскому краснорѣчію пылкаго романиста. Предо мною лежитъ въ настоящую минуту мартовская книжка «Современника» за 1862 годъ; она раскрыта па стр. 48 перваго отдѣла, и я усматриваю въ этомъ мѣстѣ пылкую ненависть г. Станицкаго къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ его романа.

Вслѣдъ за тѣмъ, я отправляюсь въ «Современное Обзорѣніе» той же книжки, и на стр. 68 читаю слѣдующія строки: «Онъ питаетъ какую-то личную ненависть и неприязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую нибудь обиду и пакость, и онъ старается отмстить имъ на каждомъ шагу, какъ человѣкъ лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ съ дурно-скрываемымъ злорадствомъ, и только для того, чтобы унижить героя въ глазахъ читателей: «посмотрите, дескать, какіе негодяи мои враги и противники». Онъ дѣтски радуется, когда ему удастся уколоть чѣмъ нибудь нелюбимаго

героя, состричь надъ нимъ, представить его въ смѣшномъ или пошломъ и мерзкомъ видѣ; каждый промахъ, каждый необдуманнй шагъ героя пріятно щекочетъ его самолюбіе, вызываетъ улыбку самодовольствія, обнаруживающую гордое, но мелкое и негуманное сознание собственнаго превосходства.» Все это говоритъ г. Антоновичъ въ той статьѣ, въ которой онъ провелъ очень неудачно параллель между Тургеневымъ и г. Аскоченскимъ; все это онъ говоритъ по поводу отношеній Тургенева къ Базарову, и все это разсужденіе, совершенно неподходящее къ роману «Отцы и дѣти», обрисовываетъ чрезвычайно вѣрно отношенія, существующія между г. Станицкимъ и его героями. Изъ приведенной цитаты мы видимъ, что первый критикъ «Современника» рѣшительно осуждаетъ личную вражду автора къ его героямъ, а такъ какъ романъ г. Станицкаго весь построенъ на такой враждѣ, то ясно, что этотъ романъ не можетъ нравиться г. Антоновичу, и что между беллетристикою и критикою «Современника» происходитъ очевидный разладъ. Слѣдовательно, нападая на г. Станицкаго, я буду постоянно нападать не на идеи «Современника», а на такія уклоненія и нецѣлостности, къ которымъ каждый дѣльный сотрудникъ этого журнала долженъ относиться съ пасмѣшкою и съ презрѣніемъ. Что хорошо въ «Современникѣ», то мы всегда будемъ считать хорошимъ, не смотря ни на какія полемическія столкновенія между нашими журналами; но что составляетъ въ «Современникѣ» гнилой хламъ и вредный балластъ, того, навѣрное, не рѣшится защищать ни одинъ изъ мыслящихъ дѣятелей этого журнала». Возвращаясь къ г. Станицкому. Григорій Андреевичъ ведетъ въ Петербургѣ самую безнравственную жизнь, содержитъ лоретку, играетъ и пьянствуетъ. Добравшись до этого порочнаго человѣка, авторъ немедленно пускаетъ въ ходъ свое краспорѣчіе, и цитируетъ слишкомъ на четырехъ страницахъ. На этихъ краспорѣчивыхъ страницахъ есть и психологическій анализъ, и разсужденія о междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Мысли какъ-то плохо вяжутся между собою, но за то пылкости очень много, и всѣ сужденія выражаются преимущественно въ гонимой формѣ, при чемъ производятся весьма затѣйливые переливы изъ ироническаго тона въ топь завывающаго негодованія. По части психологическаго анализа особенно любопытно то соображеніе, «что эгоистическія натуры неспособны ни къ какимъ привязанностямъ, если ими не руководитъ чувственная страсть, для удовлетворенія которой онѣ могутъ, пожалуй, на

время прикинуться порядочными людьми, но какъ только эта страсть миновалась, онѣ спора начинаютъ питать непримиримую вражду къ тѣмъ, кто ждетъ отъ нихъ человѣческихъ чувствъ». (Стр. 49). Ясно, кажется, что эгоистъ есть мерзкое и лютое животное. Дальше оказывается даже, что «грязные, развратные эгоисты готовы побить камнями каждаго отца, если онъ захочетъ воспитать свою дочь не лужлой, а матерью будущихъ гражданъ». (Стр. 52). А еще дальше—по пословицѣ, чѣмъ дальше въ лѣсъ тѣмъ больше дровъ—авторъ заявляетъ даже, что эгоистовъ могутъ усмирить только «железные кольца, продѣтыя въ ихъ ноздри: только тогда они безсильны проявлять свою звѣрскую силу надъ слабыми» (Стр. 58). Все это читатель «Современника» усваиваетъ себѣ въ мартѣ 1862 года. Вдругъ въ мартѣ 1863 года происходитъ переѣна декорацій: появляется романъ «Что дѣлать?» и читатель съ удивленіемъ усматриваетъ, что бывають и такіе эгоисты, съ которыми можно вступать въ сношенія безъ помощи желѣзнаго кольца. Оказывается, что эти эгоисты никого не стремятся побить камнями, непримиримой вражды не питають, и даже порядочными людьми никогда не прикидываются. Читатель недоумѣваетъ, и наконецъ склоняется на сторону романа: «Что дѣлать?» потому что дѣйствіе сильнаго и свѣтлаго ума почти всегда бываетъ неотразимо. Но вѣдь безхитростный читатель не привыкъ вдумываться въ то, что онъ читаетъ; онъ не умѣетъ сразу усвоивать себѣ навсегда вѣрныя мысли. Романъ «Что дѣлать?» оставилъ, быть можетъ, въ его умѣ болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ другіе романы, но все-таки этотъ слѣдъ изгладится очень быстро, если его никто не будетъ подновлять дальнѣйшими впечатлѣніями изъ того же міросозерцанія. А ужъ какое тутъ можетъ быть подновленіе, когда черезъ годъ г. Станицій, того и гляди, разразится новымъ романомъ, въ которомъ опять соединитъ семинарскую психологию съ звѣрищемъ Крейцберга! Спрашивается теперь, какое же право имѣють мыслящіе представители нашей литературы требовать отъ нашего общества нравственности и умственной стойкости, сознательной инициативы и послѣдовательности въ мысляхъ и поступкахъ? Если лучшій изъ нашихъ журналовъ шатается изъ стороны въ сторону, безо всякой надобности тормозитъ свое собственное вліяніе, и самого себя сбиваетъ съ ногъ, если, такимъ образомъ, въ самую лабораторію русской мысли забираются разныя умственные нечистоты, если «соль земли» сама себя пакоститъ, то можемъ ли мы ожи-

дать какихнибудь болѣе утѣшительныхъ результатовъ отъ той пестрой и разнокалиберной массы, которая называется русскою публикою? Я знаю, что мнѣ на это могутъ возразить. Мнѣ скажутъ, что вѣдь это — беллетристика, и что въ отношеніи къ этому отдѣлу слѣдуетъ быть болѣе снисходительнымъ, чѣмъ въ отношеніи къ критикѣ, къ политикѣ, и къ прочимъ серьезнымъ отдѣламъ журнала. Почти всѣ журналисты на практикѣ придерживаются этой методы, но мнѣ кажется, что такой взглядъ на дѣло сильно отзывается самымъ близорукимъ рутинерствомъ. Если повѣсти и романы не имѣютъ для публики важнаго значенія, то есть, если они читаются мало и неохотно, тогда не за чѣмъ набивать бесполезнымъ балластомъ половину вѣнчика. Если же они читаются большинствомъ, тогда они важнѣе всѣхъ остальныхъ отдѣловъ, и сохранять свое значеніе до тѣхъ поръ, пока большинство не доростетъ до серьезнаго чтенія. Стало быть, надо или сократить размѣры этого отдѣла, или смотрѣть на него во всѣ глаза, чтобы въ него не залѣзало всякое безобразіе. Но дѣлать то, что мы теперь дѣлаемъ, то есть, держать при журналахъ огромные беллетристическіе отдѣлы, и, въ то же время, вести эти отдѣлы, спустя рукава, устраивать въ нихъ богодѣльни для разныхъ умственныхъ убогостей, — это уже просто ни на что непохоже. Это неравсчитливо въ отношеніи къ интересамъ издателя, это вредно для литературы, и это чрезвычайно недобросовѣстно и невѣжливо въ отношеніи къ читающей публикѣ. Если плохо пишутъ отечественные художники — помѣщай переводы, но не поощряй бездарности, и не развивай этого умственнаго тунелдства. Кромѣ того, сильный и любимый журналъ можетъ понемногу совершенно перевоспитать вкусъ публики, и приучить ее къ дѣльному и серьезному чтенію, такъ что беллетристическій отдѣлъ можно будетъ довести до самыхъ крошечныхъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы продѣвать эгоистамъ желѣзные кольца въ поздри, было бы гораздо лучше занять чѣмънибудь менѣе лютымъ, но болѣе полезнымъ для читателей.

III.

Карая безнравственность Григорія Андреевича и его лоретви, г. Станцикій, при семь удобномъ случаѣ, прохаживается на счетъ эмпаципациі женщинъ, и все это въ восклицательномъ и афористичес-

емъ тонѣ. «Чего же, взываетъ нашъ Цицеронъ, вы можете ждать, бѣдныя, честныя женщины, въ жизни? Вы развѣ не видите, какъ нагло покровительствуется сознательный развратъ и какъ позорно наказываютъ вашу проступокъ, вынужденный страхомъ и стыдомъ, а также и неопытностью. И не ждите ничего пока отъ эманципаціи женщинъ! Это проповѣдываніе такъ же бесплодно, какъ и состраданіе къ человечеству, о которомъ такъ давно и много толкуютъ. И развѣ вы не видите, что женщина, увлекавшаяся эманципаціею и отдавшаяся мужчине безъ всякихъ гражданскихъ условій, развѣ она не гибнетъ также въ университетскомъ рабствѣ, — и въ придачу еще опозоренная!» (Стр. 50). Дальше идетъ все въ томъ же возвышенномъ направленіи, но съ насъ довольно и этого образчика, тѣмъ болѣе, что намъ придется еще потрудиться довольно долго надъ распутываніемъ нагороженной здѣсь чепухи. Подъ названіемъ *проступка* г. Станицкій разумѣетъ *дѣтское убійство*. Онъ противопоставляетъ позорное наказаніе этого *проступка* тому *наглому покровительству*, которымъ пользуется *сознательный развратъ* соблазнительей. Какъ ораторская рулада, это противоположеніе, можетъ быть, очень красиво и эффектно, но смысла въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго. Г. Станицкій желаетъ, по видимому, чтобы въ случаѣ дѣтубійства вмѣстѣ съ матерью ребенка наказывался и его отецъ; или онъ желаетъ, чтобы въ этомъ случаѣ наказывался одинъ отецъ; или же наконецъ, онъ желаетъ, чтобы всякій отецъ незаконорожденного ребенка подлежалъ уголовному наказанію, хотя и не произошло никакого дѣтубійства. Всѣ эти три желанія очень великодушны и еще болѣе остроумны. Разные французскіе романисты и моралисты, очень добродѣтельные и очень пустоголовые, постоянно эксплуатируютъ въ своихъ произведеніяхъ избитую тему на счетъ *infame séducteur* и *innocente victime*, и постоянно призываютъ на голову перваго небесный громъ и уголовную кару; но, если бы составить изъ всѣхъ этихъ призывателей комитетъ, и представить этому комитету полную законодательную власть по дѣламъ между *séducteur*'ами и *victim*'ами, то всѣ эти добродѣтельные люди убѣдились бы очень скоро, что они говорили совершенные пустяги. Во-первыхъ, не можетъ быть никакихъ ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ на то, что именно Иванъ, а не Петръ, долженъ считаться отцомъ ребенка. Римскіе юрисконсульты говорятъ совершенно основательно, что *mater semper est certa* (мать всегда достоверно извѣстна); но объ отцѣ этого никакъ нельзя ска-

зять, а осуждать человека по догадкамъ — это было бы ужь чересчуръ игриво. Во-вторыхъ, женщина наказывается не за безнравственность, а за истребленіе живаго человѣческаго существа, и если любовникъ этой женщины не принимаетъ примаго участія въ этомъ послѣднемъ поступкѣ, то его и наказывать не за что. Г. Станицкій скажетъ на это, что коварный любовникъ есть прямая причина дѣтубійства, но это возраженіе никуда не годится. Если судъ долженъ, такимъ образомъ, восходить къ причинамъ, то ему придется наказывать за дѣтубійство не только отца и мать убитаго ребенка, а еще и многихъ другихъ людей. Придется наказывать родителей и воспитателей матери за то, что они сдѣлали ее легкомысленною, за то, что они не познакомили ее съ дѣйствительною жизнью, и скрыли отъ нея даже тѣ естественныя послѣдствія, которыя ведетъ за собою взаимная и неплатоническая любовь. Придется наказывать такъ же всѣхъ тѣхъ людей, по милости которыхъ отецъ ребенка сдѣлался коварнымъ оболъстителемъ угнетенной невинности. Можно себя представить, на сколько подобное восхожденіе къ причинамъ благо разумно и приложимо къ условіямъ дѣйствительной жизни. Если же г. Станицкій негодуетъ только противъ жестокости и несправедливости тѣхъ позорныхъ наказаній, которыя обрушиваются на женщину, обезумѣвшую отъ стыда, горя, страха и физической боли, то я конечно не буду съ нимъ спорить, потому что моя аргументація приводитъ меня именно къ этому результату. Но тогда не за чѣмъ кричать о *наломахъ покровительства*, потому что тутъ нѣтъ ни наглости, ни покровительства, а есть только не вмѣшательство закона въ такія дѣла, въ которыя онъ не можетъ вмѣшаться, и въ которыя ни одинъ здравомыслящій человекъ не пожелаетъ его впутывать. Стало быть эффектная аштитеза г. Станицкаго оказывается или бессмысленной фразой, или совершенно превратнымъ разсужденіемъ, клонящимся къ тому общему выводу, что общественные пороки должны именоваться уголовными наказаніями. Это выходитъ опять въ родѣ продѣванія желѣзныхъ колець для облагороживанія эгоистическихъ натуръ. Что подразумѣваетъ г. Станицкій подъ терминомъ: «эманципация женщинъ» — это вопросъ очень мудреный, но кажется мнѣ, что его понятія объ этомъ предметѣ такъ же ясны и основательны, какъ и всѣ остальные его воззрѣнія. Честныя женщины, по его мнѣнію, не должны ничего ждать отъ эманципации, потому что «женщина, увлекавшаяся эманципациею и отдававшая мужчинѣ безъ всякихъ граждан-

снихъ условій, позорится и гибнетъ въ унижительномъ рабствѣ». Ну вотъ, скажите пожалуйста: постоянный сотрудникъ «Современника» разсуждаетъ такимъ образомъ объ эманципациі женщинъ, и въ это самое время г. Антоновичъ дѣлаетъ Тургеневу строжайшій выговоръ за Евдокію Кукшину. Нельзя сказать, чтобы Кукшина была одарена гениальнымъ умомъ, но объ эманципациі женщинъ эта барыня разсуждаетъ гораздо основательнѣе г. Станицкаго. Нечего дѣлать: давайте распутывать чепуху, прикрытую почтенною фирмою. Во-первыхъ, осмѣлюсь замѣтить, что когда женщина отдается мужчинѣ безъ условій, тогда она обыкновенно увлекается любовью къ этому мужчинѣ, а не эманципациею. Если же женщина отдается мужчинѣ во имя идеи и по теоріи, то мнѣ кажется, что такая женщина дура набитая, глупѣе всякой Кукшиной, а дурѣ, конечно, никакая эманципациа не можетъ пойти въ прокъ. Г. Станицкій, очевидно, понимаетъ эманципацию исключительно съ точки зрѣнія половыхъ отношеній. Честная женщина, по мнѣнію его, гибнетъ, когда отдается «грязному, развратному эгоисту». Прекрасно. Но за чѣмъ же она отдается такому недостойному человѣку? За чѣмъ она въ него влюбляется? За чѣмъ она суется въ воду, не спросась броду? Что ее, приворотнымъ зельемъ, что ли, приколдовываютъ? Влюбляется она потому, что неопытна, неразвита, не умѣетъ размышлять, не имѣетъ понятія о настоящемъ достоинствѣ человѣка, не можетъ поставить, при встрѣчѣ съ мужчиною, ни одного разумнаго требованія. Женщина отдается мужчинѣ и ошибается въ немъ: что же это значитъ? Значить, что она не знала ни его характера, ни склада его ума, ни уровня его развитія. Спрашивается, что же она знала, и чему же она отдавалась? Ясно что, и ясно чему: знала мужчину, — и отдавалась тоже мужчинѣ, и въ этомъ отношеніи ошибки не произошло. А что можетъ избавить будущія поколѣнія женщинъ отъ подобныхъ пошлостей? Мнѣ кажется, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: широкое развитіе умственныхъ способностей, и экономическая самостоятельность, то есть, именно эманципациа женщины, проведенная въ ея воспитаніе и въ сферу женскаго труда. Но г. Станицкій думаетъ совсѣмъ по своему. «Пока, глаголетъ онъ, сами мужчины не сдѣлаются нравственнѣе—никакая эмансипациа женщинъ невозможна». (Стр. 51.) Это «пока», равняется совершенному отрицанію эманципациі. На это «пока» можно отвѣчать другимъ «пока». Пока женщины не перестанутъ быть

невинными и легкомысленными жертвами, до тѣхъ поръ мужчины не перестанутъ быть коварными оболъстителями, потому что — извѣстное дѣло — не владѣ плохо, не вводи вора въ грѣхъ. Положить, что Іосифъ прекрасный убѣждалъ отъ жены Пентефрія. Но вѣдь всякому извѣстно, что такіа добродѣтели даже въ древности были рѣдки, а ужъ въ наше время было бы черезъ-чуръ неосторожно воздвигать на такихъ исключительныхъ добродѣтеляхъ будущее зданіе женской эманципации. Кромѣ того, мужчины уже и теперь стоятъ далеко впереди женщинъ по своему умственному развитію; всякій *нравственный* прогрессъ возможенъ только подъ условіемъ дальнѣйшаго *умственного* прогресса, и если г. Стапичій не знаетъ этой простой истины, то мнѣ остается только пожалѣть о его невѣденіи. Стало бытъ, если мужчины должны сдѣлаться нравственнѣе, то это значитъ, что они должны сдѣлаться умнѣе, и что, вслѣдствіе этого, разстояніе между мужчинами и женщинами должно еще болѣе увеличиться. Но мы видимъ, что разладъ между мужчинами и женщинами уже и теперь очень силенъ; мы видимъ, что матери, сестры, жены, невинныя дѣвушки и *наглыя лоретки*, словомъ, женщины вообще, чрезвычайно сильно тормозятъ развитіе мужчинъ, и, по своей умственной несостоятельности, постоянно тянутъ назадъ, въ застою и въ рутину, тѣхъ мужчинъ, которые не одарены желѣзною твердостью характера. Можно сказать безошибочно, что *филлистерство* родилось у семейнаго очага, и что холостякъ никогда неспособенъ сдѣлаться такимъ чистокровнымъ филистеромъ, какимъ становится, рано или поздно, почти каждый добродѣтельный отецъ семейства. Поэтому не трудно понять, что дальнѣйшій прогрессъ мужчины связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ вопросомъ объ умственномъ развитіи женщины. И всякія разсужденія о томъ, кому надо умнѣть сначала, мужчинамъ или женщинамъ, напоминаютъ только старинный натурфилософскій вопросъ о томъ, что раньше произошло на свѣтъ, яйцо или курица. Съ одной стороны, если — яйцо, то вѣмъ же это первое яйцо было снесено? А съ другой стороны, если курица, то откуда же эта первая курица взялась? Выходитъ, стало бытъ, что, по настоящему, не могли произойти на свѣтъ ни курица, ни яйцо, и что слѣдовательно на свѣтъ не можетъ бытъ ни куръ, ни яицъ, что, по видимому, противорѣчитъ прямымъ указаніямъ всенеднаго опыта. Такъ точно и въ дѣлѣ прогресса. Если бы прогрессъ не совершался самъ собою, помимо всякихъ теоретиче-

скихъ выкладокъ, то, разумѣется, вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ двинуться впередъ, мужчинамъ или женщинамъ, на практикѣ оказался бы неразрѣшимымъ. Мужчины стали бы говорить: *place aux dames!*, а женщины стали бы говорить: *messieurs*, мы слабый полъ; ступайте впередъ, и тащите насъ за собою; и всё вмѣстѣ остановились бы въ полной неподвижности, и начали бы упрекать другъ друга за неудачу поступательнаго движенія. Все это непремѣнно случилось бы, если бы прогрессъ зависѣлъ отъ нашихъ разсужденій; мы постоянно вертѣлись бы въ заколдованномъ кругу, въ которомъ одно неудобство поддерживается всѣми остальными, и въ которомъ надо непремѣнно или все разомъ двинуть впередъ, или все оставить на вѣчныя времена въ первобытномъ положеніи. Въ теоріи мы и не знаемъ, какъ же это все разомъ двинуть, но на практикѣ все двигается разомъ, потому что каждый отдѣльный кусочекъ этого всего, то есть, каждая отдѣльная личность, мужскаго или женскаго пола, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется эгоизмомъ, то есть, старается устроить свою жизнь, какъ можно пріятнѣе. Подчиняясь этому общему двигателю всего органическаго міра, каждый отдѣльный кусочекъ шевелится въ томъ или въ другомъ направленіи, и сумма всѣхъ этихъ частичныхъ шевеленій создаетъ общій прогрессъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій регрессъ или упадокъ, потому что все зависитъ отъ того, въ какую сторону направляется большинство индивидуальныхъ стремленій. Но, разумѣется, для г. Станицкаго, считающаго наглость лоретокъ и жестокость развратныхъ эгоистовъ самыми серьезными препятствіями на пути отечественнаго преуспѣянія, для г. Станицкаго, говорю я, правильное пониманіе прогресса останется навсегда недоступнымъ, и онъ постоянно будетъ утруждать свою творческую мысль разными многозначительными «пока». Всего интереснѣе то, что этотъ Князь Мокіевичъ, составляющій для «Современника» чистое божеское наказаніе, принимаетъ самого себя за серьезное явленіе, и чувствуетъ поползновеніе сдѣлаться наставникомъ молодаго поколѣнія. «Я долженъ оговориться, замѣчаетъ онъ, что я пишу этотъ романъ для юношей, которые вступаютъ только въ общество, а потому, по неопытности, часто увлекаются рутинными, вредными понятіями о многихъ вещахъ, — тѣмъ болѣе вредными, что эти понятія усвоены большинствомъ.» (Стр. 52). Неопытные юноши! Что вы на это скажете? Молодое поколѣніе! Какъ вамъ нравится такой губокомысленный просвѣтитель? Такимъ образомъ, мы познакомились

до нѣкоторой степени съ краснорѣчіемъ г. Станицкаго, съ его претензіями, и вообще съ тѣмъ элементомъ орадерства, который я называю въ заглавіи этой статьи «букетомъ гражданской скорби». Намъ, можетъ быть, придется еще встрѣтиться съ различными проявленіями этого элемента, но теперь мы обратимъ наши взоры на «кукольную трагедію», и начнемъ серьезно и добросовѣстно изучать страданія, размышленія и злодѣянія различныхъ добродѣтельныхъ и порочныхъ, и притомъ сплошь деревянныхъ, маріонетокъ.

IV.

Анна Антоновна скрываетъ отъ своей дочери неудовлетворительное поведеніе ея отца, но дочь, придя въ возрастъ, догадывается, что между родителями все обстоитъ не весьма благополучно. Она желаетъ примирить Григорія Андреевича съ супругою, и говоритъ матери: «почему ты не пишешь отцу, чтобъ онъ ѣхалъ къ намъ?» Аннѣ Антоновнѣ на этотъ вопросъ отвѣчать неудобно, и потому она рѣшается писать къ своему незаконному сожителю пригласительное письмо. Софья Григорьевна также пишетъ, и безпутная глава семейства возвращается къ своимъ пенатамъ, но возвращается не одинъ, а привозитъ съ собою молодого человѣка, Петра Васильевича, также очень безпутнаго, и чрезвычайно ненавистнаго г. Станицкому. Вотъ тутъ-то и начинается трагическое раздирательство.

Вѣщее сердце матери угадываетъ въ молодомъ гостѣ коварнаго обольстителя, и Анна Антоновна очень возмущается его прибытіемъ и его долговременнымъ присутствіемъ въ селѣ Григорьевкѣ, но злокачественный супругъ ея, *на зло ей*, удерживаетъ опаснаго юношу, и даже старается сблизить его съ дочерью. Впрочемъ, у молодыхъ людей это дѣло идетъ на ладъ помимо всякихъ постороннихъ вліяній. Все это вмѣстѣ очень беспокоитъ г. Станицкаго. «Да и чѣмъ было возмущаться Аннѣ Антоновнѣ?» восклицаетъ онъ съ явными претензіями на самую горькую и язвительную иронию. «Развѣ тѣмъ, что молодой человѣкъ говорилъ съ ея дочерью все о поэзіи и объ идеальныхъ предметахъ; или тѣмъ, что онъ, по цѣлымъ ночамъ, игралъ въ карты и пилъ ипожество вина съ ея мужемъ; или тѣмъ, наконецъ, что онъ вздыхалъ, какъ страстно влюбленный, въ присутствіи барышни, и въ то же время искалъ случая соблазнить молоденькую и хорошенькую горничную

этой же самой барышни?» (Стр. 60). Читатель видитъ, что молодой человѣкъ дѣйствительно ведетъ себя неблагоугодно. Соблазнять молодыхъ горничныхъ вовсе непохвально, а пить *множество* вина изъ рукъ вонъ не хорошо, потому что это послѣднее занятіе не только унижаетъ человѣческое достоинство, но даже противорѣчить духу и требованіямъ русскаго языка. Впрочемъ, я полагаю, что молодой человѣкъ пилъ вино не множествомъ, а рюжками или стаканами, и поэтому мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ половина грѣха должна упасть на авторскую совѣсть г. Станицкаго. Петръ Васильевичъ во всякомъ случаѣ рекомендуетъ себя плохо, но я хорошенько не понимаю, почему его порочныя наклонности огорчаютъ Анну Антоновну. Вѣдь она вовсе не желаетъ, чтобы онъ женился на ея дочери. Стало быть, чего же лучше? Позвала бы она къ себѣ свою дочь, да и рассказала бы ей по порядку, что вотъ онъ вчера выпилъ «множество вина», а третьяго дня строилъ куры какой нибудь Натальѣ или Палагеѣ. Можно было бы представить на лицо самыя убѣдительныя доказательства, напримѣръ, свидѣтельство буфетчика и обольщаемой горничной. Тогда Софья Григорьевна поняла бы настоящую цѣну любовныхъ вздоховъ и повѣстическихъ разговоровъ, и такимъ образомъ обольстительный ядъ потерялъ бы всю свою роковую силу. Но маріонеткамъ кукольной трагедіи подобное разрѣшеніе практическихъ вопросовъ не нравится, потому что оно слишкомъ просто и благоугодно. Анна Антоновна воспитывала свою дочь въ счастливомъ невѣденіи дѣйствительной жизни; послѣ пріѣзда молодого гостя она «сознала вполнѣ страшную ошибку», но отъ этого сознанія дѣло нисколько не поправилось, и эта остроумная барыня, вмѣсто того, чтобы сразу открыть глаза своей наивной дочери, начала предаваться какимъ-то неяснымъ размышленіямъ, которыя я могу сообщить читателю не иначе, какъ собственными словами г. Станицкаго. «Анна Антоновна сама находила, что было бы гораздо лучше, если бы ея дочь теоретически ознакомилась съ развратомъ общества, съ его лицемерствомъ и эгоизмомъ, чѣмъ переиспытала все это на практикѣ, рискуя самой попасть въ этотъ грязный потокъ дѣйствительной жизни, который умчитъ ее и сбезобразитъ въ водоворотѣ всевозможныхъ пороковъ.» (Стр. 61). Это, я вамъ скажу, чудесная метода знакомиться съ жизнью, и я удивляюсь, какъ до сихъ поръ никто не догадался учредить при нашихъ университетахъ кафедры для *теоретическаго* преподаванія «разврата, лицемерства и эгоизма». Не-

дурно было бы также примѣнить эту *теоретическую* методу къ изученію плаванія, верховной ѣзды, фехтованія и стрѣльбы въ цѣль. Результаты получились бы блистательные. Хотя Анна Антоновна *сама* находила, что теоретическая метода очень хороша, однако она, опять таки *сама* начала дѣйствовать противъ Петра Васильевича практическимъ путемъ, и потерпѣла совершенное пораженіе. Она обратилась къ супругу съ требованіемъ, чтобы онъ выпроводилъ своего гостя изъ дома. Супругъ, конечно, обругалъ ее за такое глупое требованіе; тогда она, въ свою очередь, обругала Петра Васильевича; Григорій Андреевичъ, послѣ отъѣзда обруганнаго гостя, сугубо обругалъ Анну Антоновну, и даже пожелалъ увести отъ нея дочь, но дочь не поѣхала, и военныя дѣйствія на нѣсколько времени приостановились. Какимъ образомъ ругалась Анна Антоновна, этого намъ г. Ставицій не сообщаетъ, потому что Анну Антоновну онъ любитъ и всячески выгораживаетъ. Но о Григоріѣ Андреевичѣ мы доподлинно знаемъ, что онъ ругается шибко, кричитъ «нештово», кричитъ «ужасающимъ голосомъ», стучитъ «нво всей силы кулакомъ по столу», и держитъ «кулаки надъ головой несчастной женщины». Результатъ всѣхъ этихъ услій оказывается въ высшей степени удовлетворителенъ, потому что Анна Антоновна остается безъ чувствъ на полѣ сраженія, хотя сраженіе ограничилось только краснорѣчіемъ и минюкою; и слѣдовательно, могло, по всей справедливости, называться *теоретическимъ* изученіемъ семейнаго боксерства. Когда наступила тишина, и когда Анна Антоновна стала поправляться отъ болѣзни, причиненной ей *всѣми теоретическими* и практическими трудностями, тогда она замѣтила, что дочь ея тоскуетъ объ уѣзавшемъ гостѣ. Тутъ она «дала себѣ слово понемногу начать, въ разговорахъ, знакомить свою дочь съ дѣйствительной жизнью». (стр. 71). Видно, теоретическая метода очень глубоко засѣла въ голову этой барыни, и намъ было бы куда какъ лестно послушать эти поучительные разговоры, но къ сожалѣнію Аннѣ Антоновнѣ побесѣдовать о жизни не удалось, потому что въ это самое время открылось, что барышня изучаетъ жизнь по другой методѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра Васильевича, и при содѣйствіи добродушнаго папеньки.— Въ одну прекрасную ночь Аннѣ Антоновнѣ пришлось увидать, что ея дочь цалуется въ саду съ тѣмъ самымъ гостемъ, котораго она, Анна Антоновна, такъ храбро и рѣшительно выпроводила изъ дому.

«Несчастливая мать тотчасъ узнала голосъ дочери, говорить г. Станицкій: силы ей измѣнились, и она схватилась за дерево, чтобъ устоять на ногахъ, но тотчасъ же, оглушенная точно громомъ, опустилась на сырую траву, прислонивъ свою пылающую голову къ дереву. Анна Антоновна не чувствовала холодною осенней ночи; напротивъ мучительный огонь жегъ ее, она хотѣла кричать, но у пей не хватало голосу, хотѣла схватить за платье дочь, когда та прошла мимо съ Петромъ Васильевичемъ, но руки были безсильны; одинъ только слухъ, какъ бы нарочно, не былъ парализированъ, и она ясно разслышала и циническія шуточки Григорія Андреевича, совѣтовавшаго влюбленнымъ разойтись по домамъ, и звонкій, прощальный поцѣлуй». (стр. 71, 72). Однако, думаетъ хладнокровный читатель, какаѣ же эта Анна Антоновна воинственная, и притомъ, какаѣ преглупая! Какое она питаетъ страстное влеченіе въ бесполезнымъ скандаламъ! И какъ это хорошо устроено, что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Ну, посудите вы сами, за чѣмъ она хотѣла кричать и хватать дочь свою за платье?— Вѣдь изъ этого кричанія и хватанія ровно ничего не могло выйдти, кромѣ смертельнаго испуга для Софьи Григорьевны. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, что дѣвушку, взволнованную любовнымъ свиданіемъ, окликаетъ въ темномъ саду отчаянный и неестественный голосъ; или еще лучше, ее ухватываетъ въ темнотѣ за платье, съ судорожною силою, какаѣ то невѣдомая рука. Ну, разумѣется, обморокъ, нервная горячка и смерть,— вотъ все, что можно ожидать отъ такой родительской шалости. И потомъ та же самая Анна Антоновна стала бы раздирать свои ризы, и стала бы обвинять въ смерти дочери весь свѣтъ, кромѣ самой себя, потому что услужливые медвѣди всегда поступаютъ такимъ образомъ. Вѣдь вотъ и въ этомъ случаѣ, размышляя о ночной сценѣ въ саду, Анна Антоновна никакъ не умѣетъ сообщить, что это любовное свиданіе вполнѣ можетъ быть названо дѣломъ ея собственныхъ рукъ. Пересчитаемъ всѣ ея капитальныя глупости, и мы увидимъ, что романъ ея дочери составляетъ прямой, естественный и необходимый результатъ родительской тактики самой Анны Антоновны. *Во первыхъ*, она воспитываетъ свою дочь въ глубокомъ уединеніи, и въ такомъ орашжерейномъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ рѣшительно ничего похожаго на дѣйствительную жизнь. *Во вторыхъ*, она самымъ тщательнымъ образомъ жетъ предъ дочерью на счетъ своей собственной семейной жизни, но сама требуетъ

отъ дочери полной откровенности, и въ то же время брюзжить на эту дочь, когда замѣчаетъ или подозрѣваетъ въ ней какія нибудь неподходящія мысли. Это, впрочемъ, самая обыкновенная метода старшихъ при сношеніяхъ съ младшими. Я, говорятъ, старшій, твой другъ, и ты открывай мнѣ всѣ твои мысли, а я тебя буду распекать за твои глупости, и буду тебя обманывать для твоей же пользы. И послѣ этого старшій удивляется, какъ это у младшаго достало безсовѣстности нарушить такой выгодный и удобный контрактъ. Но, разумѣется, контракты эти всегда нарушаются, потому что, въ самомъ дѣлѣ, трудно найдти такого олуха, который удовлетворялся бы подобною дружбою и вообразилъ бы себѣ, что онъ дѣйствительно видитъ передъ собою настоящаго друга, а не благодѣтельное начальство. Поэтому, система обязательной откровенности непремѣнно учить младшаго хитрить и притворяться, потому что хитрость и притворство составляютъ въ этомъ случаѣ естественное и необходимое орудіе личной обороны. Если же эта система располагаетъ огромными, разнообразными и утонченными средствами угнетенія, то она приводитъ младшаго къ искусственному идиотизму, что и дѣлалось съ полнымъ успѣхомъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Но такъ какъ Аниѣ Антоновнѣ было далеко во всѣхъ отношеніяхъ до іезуитовъ, то ея педагогическія глупости привели только къ тому, что отношенія ея съ дочерью, оставаясь нѣжными и чувствительными, сдѣлались неестественными и натянутыми, съ той самой минуты, какъ только въ головѣ молодой дѣвушки шевельнулась первая самородная мысль. Если бы Софья Григорьевна встрѣтилась съ подругою, то она бы ей отдала всю свою довѣренность, и стала бы ей высказывать такія вещи, которыя она не находила удобнымъ говорить любящей, но скрипящей, матери. Случилось ей встрѣтиться на первой разъ не съ подругою, а съ молодымъ мужчиною; очень естественно, что она бросилась къ нему на шею, потому что увидала въ немъ своего перваго друга и кромѣ того перваго близкаго знакомаго мужскаго пола. *Въ третьихъ*, Анна Антоновна, по просьбѣ дочери, пишетъ своему мужу, чтобы онъ ѣхалъ къ нимъ въ деревню. Этотъ поступокъ составляетъ очень большую глупость, которая, именно съ точки зрѣнія самой Анны Антоновны и г. Станицкаго, оказывается совершенно непростительною. Анна Антоновна знаетъ давно, что ея мужъ человѣкъ отпѣтый; за чѣмъ же она сама напрашивается па то, чтобы этотъ человѣкъ забралъ въ руки вліяніе надъ ея дочерью?

За чѣмъ она рѣшается приблизить къ своей взрослоѣ дочери этого человѣка, который, по ея же собственному убѣжденію, не можетъ принести ровно ничего, кромѣ вреда и горя?—Развѣ она не понимаетъ, что Григорій Андреевичъ навѣрное навяжетъ ей и дочери какое нибудь знакомство, вовсе непоучительное для молодой дѣвушки? Что онъ привезетъ съ собою такого знакомаго изъ Петербурга, этого она, положимъ, не могла предвидѣть. Но вѣдь какого нибудь молодого кутилу и веселаго собутыльника не трудно отыскать и въ провинціи, а что Григорій Андреевичъ будетъ искать и найдетъ такую драгоценность, это было въ высшей степени вѣроятно, во-первыхъ потому, что человѣкъ созданъ для общества, а во-вторыхъ потому, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Если даже оставить въ сторонѣ это частное неудобство, то вообще слѣдовало ожидать, что Григорій Андреевичъ такъ или иначе обнаружитъ свои достоинства, и что дочь, именно вслѣдствіе сближенія съ отцемъ, испытаетъ въ отношеніи къ нему самое полное и самое тяжелое разочарованіе. За чѣмъ же любящая и заботливая мать сама не взяла на себя труда разочаровать свою дочь, и убѣдить ее въ томъ, что сближеніе съ кутящимъ родителемъ неудобно и неосуществимо во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ тутъ, дѣйствительно, не мѣшало пустить въ ходъ *теоретическую* методу, потому что, когда мать говоритъ дочери; «твой отецъ — пьяница», то дочери, для того, чтобы повѣрить этимъ словамъ, нѣтъ никакой особенной надобности видѣть собственными глазами, какъ родитель нишетъ мыслѣти. Въ этомъ случаѣ, показаніе матери замѣняетъ вполне непосредственное созерцаніе сыраго факта. Спрашивается, почему же Анна Антоновна сдѣлала эту третью, капитальную глупость? Г. Станицкій, по своему пристрастію къ этой рыдающей маріонеткѣ, не останавливается надъ этимъ вопросомъ, и глухо даетъ почувствовать читателю, что Анна Антоновна выписала своего супруга по своему мягкосердію. Но я думаю, что она сдѣлала это по русской пословицѣ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Когда дочь задала ей вопросъ: «отчего ты не пишешь къ отцу? то ей предстояло или отвѣчать на этотъ вопросъ; «вотъ отчего», или сказать: «сейчасъ напишу»; Въ первомъ случаѣ надо было тотчасъ, немедленно высказать всю правду, а во второмъ случаѣ опасность отсрочивалась на нѣсколько недѣль. Этой отсрочки было совершенно достаточно чтобы прельстить Анну Антоновну, и направить ее на второй путь. Громъ непременно грянетъ, и вресгиться все-таки

придется, но такіа отдаленныя соображенія не укладываются въ слабую голову заботливой матери. А можетъ и не грянетъ, авось Богъ милостивъ, да когда еще это будетъ, ну тогда увидимъ—вотъ тѣ обыкновенныя умозрѣнія, которыми пробавляется огромное большинство нашихъ соотечественниковъ, и эта близорукость пониманія, эта неповоротливость мысли составляетъ самое существенное основаніе нашего рутиннаго добродушія и мягкосердія. Мы обыкновенно не принимаемъ никакихъ рациональныхъ мѣръ противъ возможныхъ и вѣроятныхъ столкновеній съ различными шероховатостями дѣйствительной жизни, но мы дѣлаемъ это не потому, что сознательно уважаемъ нашихъ ближнихъ, и не хотимъ оскорбить ихъ недоувѣриемъ, а просто потому, что мы не умѣемъ вглядываться въ жизнь, и ведемъ всѣ наши дѣла кое-какъ и спустя рукава. Это совѣтъ не мягкость, а просто тупоуміе, и симпатизировать этому прелестному свойству могутъ только психологи, подобные г. Станицкому. *Въ четвертыхъ*, Анна Антоновна не сдѣлала рѣшительно ничего, чтобы открыть дочери глаза на крупныя недостатки Петра Васильевича. *Въ пятыхъ*, она выгнала этого молодого человѣка изъ дому, и этимъ крутымъ поступкомъ превратила любовь Софьи Григорьевны въ бѣшеную страсть. Изъ этого длиннаго перечня глупостей видно, что всю кашу заварила Анна Антоновна, а г. Станицкій, напротивъ того, сваливаетъ всю вину на гнусныхъ развратниковъ, которые въ этомъ случаѣ являются совершенно второстепенными дѣятелями. Софья Григорьевна, конечно, выходитъ замужъ за Петра Васильевича, и жизнь ея складывается самымъ уродливымъ образомъ. Г. Станицкій усиливается доказывать, что виновниками ея несчастія были ея отецъ и ея мужъ, и весь романъ пригоняется такимъ образомъ къ тому заключенію, что женщины терпятъ горькую муку отъ безнравственности грязныхъ эгоистовъ, невразумленныхъ желѣзными кольцами. Романъ составляетъ такимъ образомъ длинную проповѣдь противъ разврата и эгоизма. Г. Станицкій, какъ авторъ, воленъ, конечно, къ однимъ изъ своихъ маріонетокъ питать нѣжную привязанность, а къ другимъ—лютую ненависть; мы ему препятствовать не можемъ и не желаемъ, но если мы осторожно соскочимъ съ его картинъ тотъ ложный колоритъ, который кладутъ на нихъ его пылкія симпатіи и антипатіи, если мы, такимъ образомъ, восстановимъ факты разсказа въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и покажемъ дѣйствительныя пружины, управляющія ходомъ этихъ событій, то весь романъ

приведеть насъ къ совершенно противоположенному заключенію. Что женщины терпятъ часто горькую муку, это правда, но главная и почти единственная причина ихъ страданій заключается въ ихъ собственной неразвитости, и въ томъ искусственномъ тупоуміи, которое напускается на нихъ воспитаніемъ и всѣмъ складомъ нашей образцовой семейной жизни. Развратъ и эгоизмъ тутъ ни въ чемъ не виноваты, и вся основная тенденція романа оказывается такимъ образомъ совершенно ложною. Г. Станицкій кричитъ людямъ: «старайтесь, подлецы вы эдакіе, исправить вашу нравственность», и весь этотъ крикъ, растянутый на сотни страницъ, по всей справедливости долженъ быть названъ бесплоднымъ наборомъ рѣзкихъ звуковъ. Людямъ надо говорить очень кротко и доказывать какъ можно убѣдительно, что они въ сущности совсѣмъ не подлецы, и что имъ вовсе не слѣдуетъ исправляться, но что имъ было бы очень пріятно и не бесполезно побольше и почаще пользоваться содѣйствіемъ головного мозга. «Вы бы, сударини мои, почитали книжку; вы бы, голубчики, подумали о вашихъ потребностяхъ; вы бы взглянули на такой-то вопросъ съ такой-то точки зрѣнія.»—Вотъ какъ слѣдуетъ объясняться съ нашими милыми соотечественниками, и только такія дружескія объясненія и могутъ принести хоть какую нибудь пользу, потому что все человѣческое благосостояніе безусловно зависитъ отъ высоты умственного развитія. Мы увидимъ, что даже творческій умъ г. Станицкаго не въ состояніи былъ изобрѣсти такіе факты, которые бы противорѣчили этой основной и неопровержимой истинѣ. Г. Станицкому постоянно хочется свернуть на нравственную проповѣдь, а факты его романа, вопреки его авторскому всемогуществу, говорятъ ясно и громко, что вся бѣда происходитъ исключительно отъ недостатка умственного развитія.

V.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что добродѣтельная женщина надѣлала кучу глупостей, и, вполне обезоруживъ свою дочь нелѣпнымъ воспитаніемъ, сама отдала ее въ безотчетное распоряженіе первому встрѣчному, который оказался неблагонадежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Посмотримъ теперь, какую роль играли здѣсь «гряз-

ные и развратные эгоисты», ненавидимые Аннѣ Антоновнѣ и г. Станицкому. Что эта роль была совершенно второстепенною, это уже ясно изъ предыдущаго. Но теперь надо посмотрѣть, какая побудительная причина заставляла ихъ играть эту второстепенную роль? На соображенія г. Станицкаго тутъ полагаться невозможно, потому что онъ самъ рѣшительно не понимаетъ, и упорно отказывается понимать тѣ факты, которые самъ изобрѣтаетъ и рассказываетъ. Добродѣтельная ненависть къ эгоизму и разврату помрачаетъ всѣ его помыслы. Онъ думаетъ, что Григорій Андреевичъ устроилъ сближеніе дочери съ Петромъ Васильевичемъ «на зло» Аннѣ Антоновнѣ, потому, позвольте-ли видѣть, что «черствыя души не могутъ выносить самопожертвованій и чистыхъ привязанностей» и еще потому, что «у людей самолюбивыхъ нѣтъ пощады никому». Сильно сказано, но, по обыкновенію, неосновательно. Что Григорій Андреевичъ питаетъ непріязненное чувство къ Аннѣ Антоновнѣ, этому я охотно вѣрю, потому что это болезненное, слезливое и раздражительное существо способно навести тоску и уныніе даже на такого пламеннаго и постоянного обожателя, какимъ былъ добрый рыцарь Тоггенбургъ, или его близкій родственникъ, полоумный Донъ-Кихоть. Но губить дочь для того, чтобы насолить женѣ, это слишкомъ замысловато и не совсѣмъ правдоподобно, особенно, если еще сообразить, что эта дочь любитъ и ласкается своего отца, и что собственно противъ дочери у этого отца нѣтъ ни малѣйшей непріязни. Но «у людей самолюбивыхъ нѣтъ пощады никому»; примемъ эти слова за святую истину, и допустимъ, что Григорій Андреевичъ способенъ испортить жизнь дочери для того, чтобы доѣхать любезную супругу. Прекрасно, но вѣдь невозможно сомнѣваться въ томъ, что люди самолюбивые соблюдаютъ свои собственные интересы; дѣлать зло они могутъ, но если это для нихъ самихъ невыгодно, то они навѣрное не будутъ увлекаться, въ ущербъ собственному интересу, идеальнымъ удовольствіемъ напасть на ближнего. Село Григорьевка, заключающее въ себѣ пятьсотъ душъ, принадлежитъ Аннѣ Антоновнѣ, — и, послѣ ея смерти, должно перейти во владѣніе Софьи Григорьевны; Анна Антоновна — женщина и можетъ умереть чрезъ два, три года, — тогда Софья Григорьевна, какъ молодая и неопытная дѣвушка, доверитъ все управленіе отцу даже въ томъ случаѣ, если она въ то время будетъ совершеннолѣтнею. Спрашивается, выгодно ли Григорію Андреевичу выдавать дочь свою замужъ, то есть, ввести между со-

бою и дочерью третье лицо, съ которымъ, по всей вѣроятности, будетъ гораздо труднѣе ладить, чѣмъ съ одинокою и неопытною дѣвучкою? Кажется, невыгодно. А если невыгодно, то невозможно допустить, чтобы его участіе въ романѣ Софьи Григорьевны было обдуманною и злонамѣренною интригою. Лютымъ эгоизмъ и нравственная испорченность остаются совершенно въ сторонѣ, а вмѣсто этихъ фантастическихъ свойствъ является на сцену то же самое драблное мягкосердіе, которое мы уже нашли въ Аннѣ Антоновнѣ, и которое обыкновенно управляетъ почти всеми поступками пустыхъ и ничтожныхъ людей. Привезъ онъ съ собою Петра Васильевича отъ нечего дѣлать, потому что съ «хорошимъ челоукомъ» пріятно компанію вести; молодые люди понравились другъ другу; ихъ одушевленіе разсѣяло одпообразіе деревенской жизни, и Григорію Андреевичу это обстоятельство доставило особенно много удовольствія, потому что онъ видѣлъ тутъ дѣло рукъ своихъ, и потому, что это обстоятельство льстило его родительскому самолюбію. Вотъ-молъ Соня, думаетъ онъ, сколько лѣтъ ты жила вмѣстѣ съ мамашей, и все удовольствія никакого не видала; а пріѣхалъ отецъ, и все разомъ пошло по новому. Отецъ-то съ разу догадался привезти тебѣ такую игрушку, которая должна тебѣ понравиться больше всего на свѣтѣ. Когда Анна Антоновна стала косо посматривать на петербургскую игрушку, тогда Григорію Андреевичу сдѣлалось досадно по многимъ причинамъ. Во-первыхъ—что за чортъ! ничѣмъ не угодишь. Всякая заслуга обращается въ преступленіе. Во-вторыхъ—чѣмъ же Петръ Васильевичъ не женихъ? Молодь, правится дѣвучкѣ, имѣеть состояніе, и главное—душа-человѣкъ. Въ третьихъ—за чѣмъ же огорчать Соню? Въ четвертыхъ—пріятно защитить дочь отъ капризовъ больной и раздражительной матери. Именно такого рода мысли и ощущенія должны были зашевелиться въ оскорбленномъ родителѣ, когда Анна Антоновна начала войну противъ развратныхъ эгоистовъ. При этомъ надо замѣтить, что Анна Антоновна съ своей стороны сдѣлала все, что могла сдѣлать, для того, чтобы довести почтеннаго супруга до послѣднихъ предѣловъ бѣшенства. Объясненія свои она начинаетъ обыкновенно самымъ надменнымъ и кисло-враждебнымъ тономъ; потомъ, когда видитъ, что этотъ тонъ никого не можетъ удивить и запугать, она вдругъ превращается въ казанскую сироту, и начинаетъ визжать и плакать, но, сквозь слезы, все-таки продолжаетъ дѣлать оскорбительныя попреки. Вотъ вамъ образчики:

«я считаю неблагоразумнымъ, сказала она, далѣе терпѣть присутствіе вашего гостя: я его не знаю, и не желаю знать короче. Прошу васъ сдѣлать ему намежъ, что его посѣщеніе слишкомъ продолжительно и что я утомилась имъ» (стр. 63). Мнѣ кажется, что порядочные люди съ своими лакеями никогда не говорятъ такимъ сухимъ и повелительнымъ тономъ. Григорій Андреевичъ отвѣчаетъ ей «грубыми словами», «оскорбительнымъ и озлобленнымъ крикомъ», и это, конечно, съ его стороны непохвально, но надо же войти и въ его положеніе. Слова Анны Антоновны сразу уничтожаютъ возможность всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ. На эти слова надо отвѣчать или самымъ полнымъ изъявленіемъ покорности, то есть, немедленнымъ изгнаніемъ невиннаго гостя, или самымъ рѣшительнымъ отказомъ, а такой отказъ, въ какую бы мягкую форму онъ ни былъ облеченъ, все-таки долженъ произвести на Анну Антоновну самое потрясающее впечатлѣніе. Г. Станицкій очевидно желаетъ, чтобы «грязный эгоистъ» собственноручно продѣлъ себѣ въ носъ желѣзное кольцо, и малѣйшее уклоненіе этого лютаго животнаго отъ этой священной обязанности вмѣняется ему въ позорное преступленіе. Анна Антоновна, между тѣмъ, немедленно переходитъ въ минорный тонъ: «я прошу васъ не отрывать отъ меня мое дитя. Пожалѣйте меня, хоть разъ въ жизни! Развѣ вы не видите, что вся моя жизнь въ ней?» и такъ далѣе, и все это произносится «умоляющимъ голосомъ». А вслѣдъ за тѣмъ, начинаются попреки, которые, какъ извѣстно, никогда не могутъ принести ни малѣйшей пользы. «Развѣ я плакала, когда вы прикидывались влюбленнымъ въ меня. Я вѣрила вамъ, вашей любви, и потому не могла перенести всѣ ваши унизительные поступки со мной»... и такъ далѣе. Всѣ эти рѣчи, очевидно, не имѣютъ никакого прямого отношенія къ Петру Васильевичу, и нисколько не могутъ расположить Григорія Андреевича къ мягкости и уступчивости. Я не думаю также, чтобы всѣ эти переходы отъ величаваго презрѣнія къ покорнѣйшей просьбѣ, и отъ обильныхъ слезъ къ обильной брани могли внушить кому бы то ни было уваженіе къ личному характеру и къ желаніямъ Анны Антоновны. Поэтому, мнѣ кажется, нѣтъ основанія противооплагать Анну Антоновну, какъ добродѣтельную мученицу, Григорію Андреевичу, какъ свирѣпому злодѣю. Анна Антоновна сама себѣ причиняетъ огорченія своими собственными ошибками, а Григорій Андреевичъ въ настоящемъ случаѣ является даже вовсе не злодѣемъ, а, напротивъ

того, защитникомъ естественныхъ правъ своей дочери. Анна Антоновна шестнадцать лѣтъ воспитывала эту дочь, и не умѣла даже на столько развить ея умъ, чтобы она не увлекалась первымъ нѣжнымъ взглядомъ перваго встрѣчнаго фата. А потомъ, когда это воспитаніе начинаетъ приносить свои плоды, Анна Антоновна думаетъ поправить все дѣло крутыми мѣрами родительской власти. Отецъ предлагаетъ дочери прогулку, а мать говоритъ: «не надо прогулки, ступай въ свою комнату и займись чѣмъ нибудь.» Сонъ правителя молодой человѣкъ, а мать дѣлаетъ этому молодому человѣку дерзости, и выгоняетъ его изъ дому. Намѣренія матери превосходны, но дѣйствія нелѣпы, и нѣтъ надобности быть эгоистомъ, развратникомъ или злодѣемъ, для того, чтобы принять сторону дочери, и сдѣлаться покровителемъ ея молодой любви. Жаль, что эта любовь возникла, но объ этомъ надо было думать гораздо раньше; дѣвушка не виновата въ томъ, что она полюбила, и подавлять ея любовь родительскими приказаніями значить только причинять ей бесполезную боль. Эта дѣвушка, по всей вѣроятности, будетъ несчастлива, но совѣтъ не потому, что у нея дурной отецъ, и не потому, что она влюбилась въ дурнаго человѣка, а потому, что она родилась, выросла и будетъ жить при такихъ условіяхъ, при которыхъ не могутъ развиться и окрѣпнуть силы ея ума. Представьте себѣ, что Ноздревъ женился на помѣщицѣ Коробочкѣ, и что у нихъ родилась дочь; много мелкихъ волненій и огорченій достанется на долю этой дочери, много бесполезныхъ слезъ прольетъ она на своемъ вѣку; подобно своей матери, она будетъ оплакивать каждую околѣвшую телушку, и ужасаться при видѣ каждой градовой тучи; каждый копѣечный проигрышъ ея мужа будетъ дарить ее бессонными ночами; каждый убійственный вздоръ, брошенный этимъ же самымъ мужемъ на какую нибудь казначейшу, будетъ повергать ее въ бездну отчаянія. Спрашивается, кто будетъ виноватъ во всѣхъ ея страданіяхъ: папенька-ли ея Ноздревъ, или маменька Коробочка, или супругъ ея, подпоручикъ Кувшинниковъ, или всѣ они вмѣстѣ, или никто изъ нихъ? И каждый, и всѣ, и никто, и самъ чортъ ихъ разберетъ, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Причина всѣхъ страданій этой подпоручицы Кувшинниковой заключается и въ ней самой, и во всемъ, что ея окружаетъ, и во всей исторіи ея развитія. Ея личный характеръ, ея всеневная жизнь, и ея воспитаніе — это такая мозаика, въ которую самыя разнокалиберныя личности положили и

ежедневно владуть по вращающему манушку; тутъ и мамзелька, и няненька, и сурругъ, и соперница-казначейша, и слотинца Авдотья, и лакей Филимонъ, и странница Евпраксія, и юродивый Гришутка, и всѣ, ихъ же имена Богъ вѣсть, всѣ, всѣ вложили по лептѣ; и составилось изъ всѣхъ этихъ добровольныхъ приношеній нѣчто болѣе похожее на тѣстообразный осадокъ, чѣмъ на мозанку, построенную по опредѣленному рисунку. И совершаются въ этомъ осадкѣ разные химическіе процессы броженія: осадокъ дуется и плачетъ, осадокъ волнуется и страдаетъ, осадокъ лѣзетъ на стѣны и проклинаетъ свою жизнь, то есть, свой химическій составъ. Кто тебя, осадочекъ, обижаетъ? спрашиваетъ сердобольный человекъ, подобный г. Станицкому. А, вотъ кто! отвѣчаетъ себѣ этотъ человекъ. Хорошо, я жъ его отдѣлаю! Кто тебя, осадочекъ, замѣсилъ? спрашиваетъ другой человекъ, также очень сердобольный, и также очень похожій на г. Станицаго. А, вотъ кто, отвѣчаетъ онъ себѣ, я жъ ему покажу. И распространяются, по милости этихъ сердобольныхъ людей, злобѣщія слухи, что всѣ страданія тѣстообразнаго осадка напущены на него, и выдуманы специально для него лютыми злодѣями, подмоломъ Кувшинниковымъ и мерзавцемъ Ноздревымъ. Кувшинниковъ обижаетъ, а Ноздревъ замѣсилъ. Ясное дѣло, что они виноваты. Они выдумали рецептъ тѣстообразнаго осадка, они привели этотъ рецептъ въ исполненіе, и они же теперь производятъ надъ осадкомъ разные химическіе опыты, которые для осадка мучительны, а для нихъ, для этихъ злобныхъ алхимиковъ, приятны и занимательны. О, могущественны! чародѣи, Ноздревъ и Кувшинниковъ, о великіе исследователи осадочныхъ формаций; какъ же это вы злодѣйствуете такъ сознательно, а между тѣмъ, сами не умѣете приложить вашу сознательность къ устройству вашей собственной жизни? Неужели тебѣ, чародѣй Ноздревъ, приятно, когда взыскательные партнеры истребляютъ твои бакенбарды? И неужели тебѣ, алхимику Кувшинниковъ, весело, когда ты примѣриваешь цѣлое утро новые сапоги, и осматриваешь со всѣхъ сторонъ «на-диво сточенный каблукъ»?—Скучно и скверно живетъ вамъ обомъ, друзья мои, и оба вы точно такъ же волнуетесь и страдаете, какъ тотъ несчастный осадокъ, на которомъ вы такъ часто срываете вашу нелѣпую злобу, и который, въ свою очередь, немедленно вымещаетъ полученныя отъ васъ огорченія на какойнибудь безотвѣтной кухарѣ или на своемъ собственномъ нянѣтнемъ ребенкѣ. — Какіе жъ вы, послѣ этого, чародѣи и алхи-

ники? Какіе жъ вы сознательные злодѣи? Вы сами тѣстообразные осадки, и никакого вы рецепта не выдумали, и никакого рецепта не существуетъ. Существуетъ только поголовное неумѣнье жить, существуетъ повсемѣстная темнота и безсознательность, и въ этомъ отношеніи вы, Ноздревы и Кувшинниковы, нисколько не лучше, но и нисколько не хуже вашихъ добродѣтельныхъ женъ и вашихъ невинныхъ дочерей. Это неумѣнье жить, эта толкотня и это разнообразное мордобитіе существуютъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ земля. Когда мы смотримъ въ самую глубокую древность, тогда мы называемъ это неумѣнье жить дикостью или варварствомъ, потому что когда это неумѣнье организуется, мы замѣчаемъ въ немъ различныя стороны или грани, а теперь, теперь это неумѣнье жить раздробилось на такое множество отдѣльныхъ и мелкихъ явленій, и получило столько благозвучныхъ названій, что всякое разсужденіе объ этомъ предметѣ сдѣлалось въ высшей степени неудобнымъ и щекотливымъ. Всякая отдѣльная форма этого неумѣнья пріобрѣла себѣ солидную осанку, укрѣпилась на фундаментѣ исторической давности, выработала себѣ самое щепетильное чувство собственного достоинства, и вооружилась, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей, всѣми тонченными аргументами схоластической логики. А лекарство все-таки остается одно и то же: не умѣешь жить, такъ учишься; а не умѣешь учиться, такъ живи, какъ знаешь, и не жди себѣ никакого чудодѣйственнаго облегченія ни отъ декламации г. Станицкаго, ни отъ игривости г. Щедрина, ни даже отъ громоносной сатиры г. Розенгейма.

VI.

Романъ г. Станицкаго очень длиненъ (239 страницъ), и поэтому я нахожу невозможнымъ вести далѣе мое критическое изслѣдованіе о его достоинствахъ въ томъ объемѣ, въ которомъ я его началъ. Разнообразныя красоты этого романа такъ неисчислимы, что придется сдѣлать самый строгій выборъ, и остановиться только на самыхъ яркихъ и крупныхъ алмазахъ поэтической діадемы г. Станицкаго. Такими алмазами будутъ для насъ: *во-первыхъ*, идеальный конецъ, придѣланный къ земному существованію Анны Антоновны; *во-вторыхъ* страданія Софьи Григорьевны; *въ-третьихъ* дѣдушка Петра Васильевича; и *въ-четвертыхъ* — добродѣтельные люди моло-

даго поколѣнія. Но, прежде нежели я приступлю къ изученію этихъ блестящихъ драгоценностей, я желаю еще разъ позабавить моего читателя «букетомъ гражданской скорби» и высокаго негодованія. Я полагаю, что г. Станицкій есть именно тотъ князь Григорій, о которомъ говорить Репетиловъ, что у него

«Глаза въ крови, лице горятъ
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!..»

По крайней мѣрѣ мнѣ никогда не случалось встрѣчать другаго писателя, который такъ упорно и добросовѣстно придирался бы ко всякому удобному и неудобному случаю, для того, чтобы вмѣстѣ съ своими читателями порыдать надъ несовершенствами нашей жизни и надъ испорченностью человѣческаго рода. На каждомъ шагу пять разказа прерывается, романистъ восклицаетъ: «но восплачемъ же, братія мои,» и начинается немедленно скрежетаніе зубовъ, и посыпаніе главы пепломъ и соромъ разныхъ бесплодныхъ выкликаній. А потомъ ничего, выплачетъ свое обязательное горе, и опять начнетъ рассказывать. И никакъ невозможно предусмотрѣть, какое именно слово затронетъ чувствительную струну въ душѣ пылающаго гражданина. Иногда буря краснорѣчиваго огорченія разыгрывается по поводу самой ничтожной причины, подобно тому, какъ лавина сваливается часто отъ того, что какой нибудь пастухъ громко высморкается, или какой нибудь дикій козель сдѣлаетъ неосторожный прыжокъ. Вотъ вамъ очень любопытный примѣръ. Г. Станицкій приводитъ отрывокъ изъ письма влюбленнаго Петра Васильевича къ влюбленной Софѣ Григорьевнѣ. И ничего. На небѣ ясно. Бури не предвидится. «И нахожу, говоритъ г. Станицкій, этотъ отрывокъ изъ переписки достаточнымъ, какъ образчикъ краснорѣчія влюбленнаго Петра Васильевича, которому Софья Григорьевна безусловно вѣрила, какъ она нѣкогда вѣрила, бывши ребенкомъ, волшебнымъ сказкамъ, которыя ей рассказывала ее няня.»—Кажется, спокойно разсуждаетъ человѣкъ, но вообразите себѣ: въ этихъ спокойныхъ словахъ уже заключается гибельный зародышъ неистойвой бури. Гдѣ же буря, спрашиваете вы съ безпокойствомъ. Должно быть на счетъ довѣрчивости дѣвушекъ и коварства мужчинъ?—Нѣтъ-съ, это было бы слишкомъ просто.—Такъ, можетъ быть, по части педагогики: о томъ, что молъ не слѣдуетъ дѣтямъ рассказывать волшебныя сказки?—Нѣтъ, все не то. Извольте слушать дальше, сами

не догадаетесь. «Разказы о чудесномъ такъ плѣняли ее, что мать должна была долго и настойчиво разувѣрять, что въ дѣйствительной жизни вовсе не существуетъ людей, въ видѣ звѣря или рыбы, что нѣтъ ни мертвой, ни живой воды, и нѣтъ такой волшебной палочки, по взмаху которой воздвигались бы дворцы, а всѣ люди при этомъ раболѣпно преклонялись бы предъ владѣтелемъ палочки; что нѣтъ также тѣхъ стоглавыхъ чудовищъ, которыхъ бы ни огонь, ни сталь и никакая сила человѣческая не могла уничтожить.» Буря надвинулась со всѣхъ сторонъ. Вы и сами чувствуете, что дѣло не ладно. Недаромъ же авторъ такъ разгулялся на счетъ волшебныхъ сказокъ. Охъ, не даромъ. Но вы все-таки еще не знаете, съ которой же стороны на васъ посыпятся стрѣлы краснорѣчія, и отъ этой неизвѣстности вамъ становится еще болѣе жутко. Но вотъ раздается первый громовой ударъ, и передъ вами открывается мгновенно вся бездна приготовленнаго для васъ несчастія. «Но я такъ думаю, продолжаетъ г. Станицкій, что Анна Антоновна скорѣе ошибалась, разувѣряя ребенка въ томъ, что сказочныя неплѣности не существуютъ въ дѣйствительной жизни. Неужели читатель не встрѣчалъ въ своей жизни людей, которые только носятъ человѣческій образъ, а по всѣмъ своимъ наклонностямъ дикіе звѣри? Мало ли мы видимъ людей, нѣмыхъ, какъ рыба, при видѣ какихъ угодно ужасовъ»... Ну, и такъ далѣе. Вотъ она, буря-то! Поняли теперь, какой зловѣщій смыслъ имѣло перечисленіе тѣхъ предметовъ, которые встрѣчаются, а можетъ быть, даже и не встрѣчаются въ русскихъ волшебныхъ сказкахъ. Теперь вамъ г. Станицкій будетъ доказывать, не убѣдительно, но очень горячо, что въ жизни есть и живая вода, и мертвая вода, и стоглавая чудовища, и волшебныя палочки. За ходомъ его доказательствъ я слѣдить не буду, потому что, кому же охота лѣзть подъ проливной дождь, когда можно пребывать въ сухости и безопасности?—Но результаты получаются такіе, что тщеславіе въ обществѣ — это живая и мертвая вода, что стоглавая чудовища доподлинно существуютъ, и что волшебную палочку составляютъ деньги. Ну, думаете вы, буря окончилась, потому что параллель проведена самымъ блестящимъ образомъ. Но у г. Станицкаго буря родитъ бурю, бѣда влечетъ за собою новую бѣду. Деньги рожаютъ роскошныя обѣды, роскошныя обѣды рожаютъ обжоръ, въ числѣ обжоръ оказываются «ученые мужи» и «патентованные либералы и демократы». И тутъ, при этомъ роковомъ сло-

вѣ, въ одну минуту поднимается такой ураганъ, который сваливаетъ съ ногъ самого г. Станицкаго, и отшибаетъ у него послѣдніе остатки здраваго смысла. Дѣло доходить вотъ до чего: «Да, ученые мужи и патентованные либералы, вѣдь, сознайтесь, что не будь у этихъ плутовъ дворцовъ и роскошныхъ обѣдовъ, вы бы, съ вашими строгими убѣжденіями, возмущались отъ одной дерзости ихъ, если бы они протянули вамъ гордо руку и пригласили бы васъ на роскошный обѣдъ.» (Стр. 74 и 75). Что же это такое? Въ первой половинѣ фразы роскошный обѣдъ рѣшительно отрицается, а во второй половине той же фразы это условіе уже забыто, и роскошный обѣдъ опять явился на сцену. У плута нѣтъ роскошнаго обѣда, и плутъ приглашаетъ на роскошный обѣдъ. Ай да плутъ! Именно плутъ! Тонкая шельма! Вотъ что значить разсуждать во время урагана. Вотъ до какой премудрости можно договориться. Но почему же это г. Станицкій такъ горячо заботится о желудкахъ «патентованныхъ либераловъ», и почему знакомство этихъ господъ съ богатыми плутами принимаетъ въ его глазахъ размѣры общественнаго бѣдствія? Мнѣ кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Люди, подобные г. Станицкому, обыкновенно слышать звонъ, и не знаютъ, откуда онъ. Г. Станицкій слышалъ, а, можетъ быть, и читалъ, что есть на свѣтѣ доктринеры и ложные либералы, которые своею дѣятельностью тормозятъ развитіе общества. Какъ и чѣмъ они тормозятъ, этого г. Станицкій не сумѣлъ разобрать; сказали ему, что тормозятъ — онъ и давай ихъ ненавидѣть безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ. Слышалъ онъ вѣроятно, что и у насъ расплодился ложные либералы и доктринеры, но чѣмъ эти господа отличаются отъ истинныхъ либераловъ — этого онъ, по своему обыкновенію, не дослышалъ и не понималъ. И началъ онъ отличать истинныхъ либераловъ отъ ложныхъ не по идеямъ, а по поведенію. И поэтому, явилась настоящая необходимость разузнавать, гдѣ либераль обѣдаетъ, гдѣ чай пьетъ, гдѣ ужинаетъ, и какъ проводитъ ночь. А тутъ подошла на помощь французская поговорка: «dis-moi que tu hantes, je te dirai que tu es.» (Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я тебѣ скажу, кто ты такой). И такимъ образомъ, составилось въ творческомъ умѣ г. Станицкаго непоколебимое убѣжденіе, что кромѣ лоретокъ и эгоизма существуетъ въ Россіи еще одно общественное зло, именно привычка «патентованныхъ либераловъ и демократовъ» обжираться роскошными обѣдами у богатыхъ плутовъ. Только не

страдай эти господа чревоугодіемъ, многое пошло бы совсѣмъ иначе. Обѣдай они въ трактирѣ, а не у богатаго плута — и г. Станицкій съ удовольствіемъ призналъ бы ихъ настоящими либералами. Если же ихъ чревоугодіе составляетъ общественное зло, то надо разразить это чревоугодіе обличительнымъ громомъ. Ну вотъ, онъ и разражается. Привожу здѣсь послѣдніе и самые сильные порывы урагана, который постоянно вертится на роскошныхъ обѣдахъ и патентованныхъ либералахъ. «А вы, господа, вы свою продажность души прикрываете честными убѣжденіями, и къ вамъ довѣрчиво идетъ пылкій юноша поучиться тому, какъ надо твердо отстаивать честныя убѣжденія, какъ строго нужно слѣдить за своими слабостями и страшиться вреднаго тщеславія. И чему же вы научаете юношу?—торговать честью, приносить все въ жертву пустому тщеславію, карать пороки на словахъ, а на дѣлѣ принимать участіе въ нихъ, съ іезуитскою осмотрительностью, чтобъ сухимъ выйти изъ воды? Вы Іуды предатели! (Я вамъ говорилъ, что разразить; вотъ и разразилъ). Вамъ мало показалось зла человѣчеству отъ процвѣтанія торговли, вы завели биржу либераловъ и демократовъ, гдѣ идетъ торгъ честными убѣжденіями, посредствомъ которыхъ ловкіе торгаши обогащаются популярностью и дѣлаются либеральными Ротшильдами, и такъ же эксплуатируютъ бѣднымъ человѣчествомъ, какъ банкиры и фабриканты на своихъ биржахъ!...» (Стр. 75.) Такъ какъ ураганъ при самомъ своемъ началѣ подрѣзалъ логику г. Станицкаго, то въ этой тирадѣ совершенно бесполезно будемъ искать какого нибудь определеннаго смысла. Мнѣ остается только замѣтить, что послѣдній порывъ урагана сшибаетъ даже грамматику, и вслѣдствіе этого, «либеральные Ротшильды» начинаютъ «эксплуатировать» не «бѣдное *человѣчество*» а «бѣднымъ *человѣчествомъ*», что во время тихой погоды, то есть, при ненарушенномъ господствѣ русской грамматики, оказывается совершенно невозможнымъ.

На стр. 130 г. Станицкій говоритъ о страданіяхъ трехъ добродѣтельныхъ женщинъ, и провозноситъ между прочимъ слѣдующія слова: «Въ этихъ случаяхъ, у меня ужъ за разумъ заходить.» Вотъ, что правда, то правда. Съ этимъ я совершенно согласенъ, и мнѣ даже кажется, что этотъ феноменъ совершается надъ г. Станицкимъ гораздо чаще, чѣмъ онъ самъ предполагаетъ. Теперь мы можемъ проститься съ «букетомъ гражданской скорби.» Много остается нетронутыхъ сокровищъ, но кто же можетъ выловить изъ Персидскаго

залива весь заключающийся въ немъ жемчугъ? Или изъ Сѣвернаго океана— всю плавающую въ немъ селедку?— «Ты можешь ли левіана на удѣ вытащить на берегъ?»— Нѣтъ, не могу.— Ну, стало быть, не ропщи на судьбу, будь малымъ доволенъ, и благословляй свою скромную долю.

VII.

ИДЕАЛЬНЫЙ КОНЕЦЪ, ПРИДѢЛАННЫЙ КЪ ЗЕМНОМУ СУЩЕСТВОВАНІЮ АННЫ АНТОНОВНЫ.

Г. Станицкій употребляетъ всѣ усилія, чтобы впустить читателю величайшее уваженіе къ характеру Анны Антоновны, и побудительная причина этихъ усилій очень понятна, потому что Анна Антоновна составляетъ, такъ сказать, краеугольный камень всего строенія. Если окажется, что эта барыня смахиваетъ на помѣщицу Коробочку, тогда Григорій Андреевичъ перестанетъ быть свирѣпымъ мучителемъ добродѣтельной мученицы, а сдѣлается просто ничтожнымъ супругомъ ничтожной женщины; тогда печальная участь Софьи Григорьевны перестанетъ быть преступнымъ дѣломъ недостойнаго отца, а сдѣлается просто естественнымъ результатомъ дюжиннаго воспитанія, и очень обыкновенныхъ условій жизни. Тогда читатель не будетъ думать, что все зло дѣйствительной жизни выдуманно и напущено на добродѣтельныхъ людей «грязными эгоистами», «наглыми лоретками», и «либеральными Ротшильдами». Тогда читатель можетъ подумать, что добродѣтельные люди часто бываютъ людьми очень глупыми, и что ихъ глупость составляетъ крѣпкую почву, на которой растутъ и процвѣтаютъ всякіе Ротшильды, лоретки и такъ называемые эгоисты. Словомъ, тогда читатель нарушитъ въ отношеніи къ г. Станицкому всякую дисциплину, и осмѣетъ его нравственную проповѣдь, какъ плоскую шутку. Очевидно, что такое безчинство допущено быть не можетъ, и что, слѣдовательно, Анну Антоновну необходимо утвердить на пьедесталѣ несокрушимой прочности и подосагаемой высоты. Г. Станицкій усердно принимается за эту работу, и съ свойственною ему смѣлостью, въ одно мгновеніе она превращаетъ Анну Антоновну въ благодѣтельницу крестьянъ села Григорьевки. Послѣ свадьбы, Петръ Васильевичъ увозитъ свою молодую жену къ своимъ роднымъ, а Анна Антоновна переноситъ про-

должительную болѣзнь, и потомъ, послѣ выздоровленія, проводить нѣсколько мѣсяцевъ «въ бездѣйственномъ состояніи.» Она сидитъ въ комнатѣ дочери, перебираетъ ея дѣтскія вещи, и только иногда соглашается выпить чашку чаю или бульону. Потомъ, надумавшись, она отправляется на деревню, обходитъ всѣ крестьянскія избы, вникаетъ въ потребности каждаго семейства, и обѣщаетъ возвратить дѣтей, отданныхъ въ ученіе, тѣмъ отцамъ и матерямъ, которые желаютъ воспитывать ихъ при себѣ. Въ тотъ же вечеръ она пишетъ къ дочери письмо, въ которомъ сообщаетъ ей свои намѣренія. «Мнѣ страшно будетъ теперь умирать, говоритъ она, если я не искупаю, хоть чѣмъ нибудь, жертвы, какія я требовала отъ людей. Мнѣ стыдно: у меня не повернется языкъ требовать отъ этихъ, по моей милости нищихъ, еще новыхъ жертвъ!..» «Свой домъ я превращу въ больницу и дѣтскую школу. Безъ тебя это наполнить мою жизнь...» «Всѣ земли, принадлежащія мнѣ, будутъ принадлежать обществу; изъ нихъ часть будетъ идти на больницу и школу, другая часть — на уплату податей, а остатки будутъ составлять капиталъ, безъ котораго нельзя обходиться сотнямъ людей. Мало ли что можетъ случиться: пожаръ, голодъ, имъ будетъ чѣмъ извернуться.» (Стр. 81. 82.) Все это очень похвально, но только неправдоподобно, чтобы именно Анна Антоновна могла распорядиться такимъ образомъ. Въ такомъ образѣ дѣйствій нѣтъ никакого особеннаго героизма или самоотверженія; напротивъ того, въ положеніи Анны Антоновны, только такой образъ дѣйствій можетъ избавить человѣка отъ нѣвыносимой апатіи, и снова помирить его съ жизнью живыхъ людей. Если бы Анна Антоновна могла вполне благообразно обсудить свое положеніе, то она, конечно, выбрала бы именно этотъ путь, и ее не остановили бы какія нибудь корыстолюбивыя, или, какъ ихъ назвалъ бы г. Станицкій, «эгоистическія» соображенія. Но я осмѣливаюсь думать, что Анна Антоновна не могла рассуждать такъ здраво, и что г. Станицкій навязываетъ ей свои собственные мысли; а мысли сотрудника «Современника», даже такого, какъ г. Станицкій, все-таки должны быть несравненно благообразнѣе, чѣмъ тѣ умозрѣнія, которыми руководствуются наши добродѣтельные барыни. Г. Станицкій совершенно упускаетъ изъ виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. Спрашивается: была ли Анна Антоновна сколько нибудь расположена къ ханжеству? Существовалъ ли, по крайней мѣрѣ, въ ея умѣ тотъ микроскопическій зародышъ этихъ стремленій, который существуетъ

почти у всѣхъ нашихъ женщинъ, и который, часто оставаясь незамѣтнымъ во время веселой и беззаботной молодости, развертывается съ полною силою, и доходить иногда до мономаніи подъ старость или послѣ сильныхъ огорченій? Если на эти два вопроса г. Станицій отвѣтитъ да, то благородная дѣятельность Анны Антоновны должна будетъ измѣниться самымъ существеннымъ образомъ отъ принятія этихъ постороннихъ элементовъ. Тогда начнутся благочестивыя пожертвованія, поѣздки по монастырямъ, безтолковое раздаваніе милостыни, учрежденіе какаго нибудь пріюта или богадѣльни для убогихъ странницъ. Выѣстъ съ этимъ, пойдутъ, пожалуй, и какія-нибудь милостивыя льготы для мужиковъ, но это будетъ великодушное копѣечное подаваніе, а совсѣмъ не такое широкое и полное возстановленіе нарушенной справедливости, какое изображаетъ г. Станицій. Кормить нищихъ, и поддерживать такимъ образомъ нищенство, это подвигъ очень не головоломный, и поэтому совершенно доступный для нашихъ благотворительныхъ господъ и барынь. Но подрѣзывать нищенство подъ самый корень, дѣйствовать противъ первыхъ причинъ нищенства, пересоздавать всѣ свои отношенія къ трудящемуся населенію—это работа въ высшей степени *сознательная*, и для того, чтобы понять настоящую необходимость такой работы, недостаточно выдать дочь за «грязнаго эгоиста», и посидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ опустѣвшей комнатѣ этой дочери. Если же на мои вопросы г. Станицій отвѣтитъ *нѣтъ*, то намъ представится затрудненіе другаго рода; если не было даже микроскопическаго зародыша, то, значить, были такія убѣжденія, которыя совершенно его искоренили. Стало быть, было широкое, свѣтлое и основательное развитіе ума; но въ такомъ случаѣ, все воспитаніе Софьи Григорьевны было бы направлено совершенно иначе. Въ такомъ случаѣ, Анна Антоновна не стала бы пускать въ ходъ систему педагогическаго обмана, и въ шестнадцать лѣтъ Софья Григорьевна была бы дѣвушкою серьезно образованною, и неспособною увлекаться безцвѣтнымъ и плоскимъ фразерствомъ такого ничтожнаго господина, какъ Петръ Васильевичъ. Да и никакого Петра Васильевича не было бы на сценѣ, потому что Соня понимала бы, что папашѣ очень весело жить въ Петербургѣ, и что папашу вовсе не слѣдуетъ отрывать отъ удовольствій столичной жизни. Но, увы! такая Соня не могла бы сдѣлаться героинею трагическаго романа, и г. Станицію пришлось бы искать добродѣтельныхъ маріонетокъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, за

предѣлами села Григорьевки. Поэтому я думаю, что попытка г. Станицкаго возвысить Анну Антоновну въ глазахъ читателя должна считаться совершенно неудачною. Эта попытка показываетъ намъ, какъ мало г. Станицкій понимаетъ настоящее значеніе тѣхъ явленій дѣйствительной жизни, которыя онъ рѣшается изображать. Читатель согласится, конечно, что предложенные мною вопросы имѣютъ очень важное значеніе, а между тѣмъ, эти вопросы не только не разрѣшены, но даже не поставлены г. Станицкимъ.

УІІІ.

СТРАДАНИЯ СОФІИ ГРИГОРЬЕВНЫ.

Анна Антоновна внезапно умираетъ отъ огорченія, не исполнивъ ни одного изъ своихъ плановъ. Замѣчательно, что ее убиваетъ Софья Григорьевна, и еще замѣчательнѣе то, что нашъ удивительный романистъ не обращаетъ на это обстоятельство почти никакого вниманія. Узнавъ о намѣреніяхъ своей жены, Григорій Андреевичъ подаетъ, куда слѣдуетъ, бумагу о томъ, что Анна Антоновна страдаетъ припадками помѣшательства, и на этой бумагѣ красуется подлинная подпись Софьи Григорьевны. «По требованію отца, говоритъ г. Станицкій, Софья Григорьевна подписала просьбу, которая и была причиною смерти Анны Антоновны. Но дочь и не воображала, чтобы отецъ могъ ее заставить подписать подобное гнусное обвиненіе», и такъ далѣе (стр. 168). Этотъ интересный случай доказываетъ только ту простую истину, что совѣтъ не надо *воображать*, а надо *читать* тѣ бумаги, которыя подписываешь, и кромѣ того надо *замечать* то, что читаешь. Я очень хорошо знаю, что огромное большинство нашихъ дамъ подписываютъ, не читая; а если бы онѣ и рѣшились прочесть, то ничего не поняли бы, и все таки подписали бы на авось. Но, когда женщина погружена въ такую счастливую невинность, что она подписываетъ бумаги *нечаянно*, — когда она своею подписью пришибаетъ до смерти родную мать, и когда она, *по невѣдѣнью* принимаетъ *дѣятельное* участіе въ подлости, тогда можно сказать навѣрное, что каждый шагъ въ жизни будетъ приносить ей разочарованія, оскорбленія и страданія. По своей ребяческой неопытности, она будетъ натывать лбомъ на такія препят-

ствія, которыя легко можно было устранить или обойти. По своей ребяческой раздражительности и впечатлительности, она будет чувствовать сильную боль отъ такихъ ничтожныхъ ушибовъ, на которые взрослый и мыслящій человѣкъ не обращаетъ никакого вниманія. Вдвое чаще ушибаться, да вдвое сильнѣе чувствовать каждый ушибъ, это значитъ вчетверо больше страдать, но вѣдь масса страданій учетверяется только благодаря личнымъ свойствамъ женщины. Будь она позрѣлѣе, она страдала бы вчетверо меньше, и тогда масса страданій была бы, можетъ быть, такъ незначительна, что въ общемъ итогѣ женщина чувствовала бы себя счастливою. Для Вѣры Павловны, изъ романа «Что дѣлать?» даже немислимы тѣ огорченія, отъ которыхъ зачахла Софья Григорьевна. Вѣра Павловна можетъ быть счастливою, потому что она сама знаетъ, въ чемъ она нуждается, сама умѣетъ контролировать свои желанія, и сама отыскиваетъ средства для удовлетворенія этимъ желаніемъ. Но для Софьи Григорьевны счастье было бы возможно только при одномъ условіи. Надо было бы, чтобы нашелся какой нибудь господинъ очень ограниченного ума, который прочиталъ бы книги Мишле о женщинѣ и о любви, и принялъ бы эти книги за величайшее произведеніе гениальнаго мыслителя. Проникнувшись идеями Мишле, убѣдившись въ томъ, что женщина есть существо вѣчно больное, что женщина есть цвѣтокъ, что женщина есть ребенокъ и что мужъ долженъ быть вѣчнымъ садовникомъ, вѣчнымъ воспитателемъ и вѣчною сидѣлкою, ухитрившись согласить въ своемъ убогомъ умѣ всѣ эти и многія другія обязанности мужа по Мишле, этотъ господинъ долженъ предложить Софью Григорьевну руку и сердце, и за тѣмъ должна начаться такая маниловщина, которая даже самому Манилову показалась бы невыносимою по своей утонченности. Вотъ тогда Софья Григорьевна почувствовала бы себя счастливою, но такъ какъ человѣкъ имѣющій хоть каплю практическаго ума, неспособенъ проникнуться идеями Мишле, и не пожелаетъ посвятить свою жизнь на воздѣлываніе Софьи Григорьевны, то мужъ цвѣтка будетъ также цвѣткомъ, и поэтому, для охраненія этихъ невинныхъ растений отъ коровъ и ословъ, потребуется специальный садовникъ или опекунъ. Такимъ образомъ, для счастья каждой женщины, подобной Софьѣ Григорьевнѣ, необходимы, по меньшей мѣрѣ, два должностныя лица, во первыхъ, глупый мужъ, а во-вторыхъ, идеальный опекунъ. Но изъ этого ясно, что счастье подобныхъ созданій не только не воз-

можно, но даже и не желательно, потому что, въ самомъ дѣлѣ, за что же одну половину наличныхъ мужчинъ погружать въ красивый идіотизмъ, а другую осуждать на безправіе и на вѣчное ухаживаніе за плодящимися идіотами. Я знаю, что очень многія женщины похожи на Софью Григорьевну, очень жаль, что онѣ несчастливы, но не приведи Богъ, чтобы онѣ когда нибудь сдѣлались счастливыми, потому что тогда земной шаръ еще сильнѣе, чѣмъ въ настоящую минуту, сдѣлаася бы похожъ на психіатрическую лечебницу. Больнымъ надо выздоравливать, а неизлечимымъ больнымъ надо умирать, но никакъ не слѣдуетъ желать такого измѣненія въ условіяхъ жизни, вслѣдствіе котораго больные, не переставая *быть* больными, *чувствовали* бы себя легко и весело. Если бы такое измѣненіе и было возможно, то оно, очевидно, было бы гибельно для здоровыхъ. Оркестръ не виноватъ въ томъ, что глухой не слышитъ музыки; лечите глухаго, но не заставляйте музыкантовъ играть такъ, чтобы вашъ невылеченный паціентъ могъ слышать всѣ переливы звуковъ; такую музыкою вы разгоните всѣхъ здоровыхъ слушателей. Можетъ быть, оркестръ играетъ плохо, можетъ быть, музыка находится въ младенческомъ состояніи, но и оркестръ, и музыка должны совершенствоваться для того, чтобы доставлять наслажденіе здоровымъ, а не для того, чтобы принимать глухихъ. Какъ бы музыка ни усовершенствовалась, глухому отъ этого не сдѣлается легче, потому что ему можетъ помочь только такая переиѣна, которая произойдетъ не въ окружающемъ мірѣ, а въ его собственной личности. Страданія Софьи Григорьевны начинаются съ первыхъ недѣль ея замужества, и принимаютъ очень крупныя размѣры, хотя, по видимому, никакихъ особенныхъ несчастій не происходитъ. — «Нынче день такой для меня; я его никогда въ жизни не забуду: страшнѣе этого дня не можетъ быть ни въ чьей жизни, замѣтила съ увѣренностью Софья Григорьевна». (Стр. 127). Что же такое случилось въ этотъ страшный день? Умеръ кто нибудь, или съ ума сошелъ, или преступленіе какое нибудь ужасное совершилось, или развратные эгоисты прибили Софью Григорьевну? Нѣтъ, ничего этого не случилось, да и вообще въ этотъ день не произошло никакого событія, а только Софья Григорьевна узнала нѣкоторыя подробности изъ холостой жизни Петра Васильевича, и всѣ эти подробности относятся исключительно къ различнымъ проявленіямъ русскаго донъ-жуанства. Узнала она, что Петръ Васильевичъ прижилъ сына съ дворовою дѣву-

шкою Лизаветою, и увидала она этого сына, и убѣдилась въ томъ, что ребенокъ дѣйствительно похожъ на своего отца; узнала она, кромѣ того, что Петръ Васильевичъ велъ любовную переписку съ бѣдною дѣвушкою, Олимпиадою Федоровною. И узнала она, наконецъ, что Петръ Васильевичъ находился въ интригѣ съ камелиею Катюю. Вотъ и всѣ ужасы. Надо сказать правду: было бы очень весело жить на свѣтѣ, если бы «страшнѣе этого дня» не могло быть «ни въ чьей жизни.» Ясно, что всѣ страданія Софьи Григорьевны происходятъ отъ ревности, и притомъ отъ самой глупой ревности, то есть, отъ такой, которая обращена на прошедшее. Замѣчательно, что г. Станицкій горячо осуждаетъ ревность въ Григорьѣ Андреевичѣ, и въ то же время относится съ полнымъ сочувствіемъ къ ревности его дочери; «и если грубость иногда и проглядывала въ его дѣйствіяхъ, говоритъ онъ о Григорьѣ Андреевичѣ, то это, какъ догадывались, была ревность, — а вѣдь ревность-то и есть любовь, какъ доказываютъ всѣ влюбленные эгоисты, чтобъ оправдаться чѣмънибудь въ своихъ дурныхъ поступкахъ въ то время, когда власть ихъ надъ женщиной еще колеблется.» (Стр. 49). Положимъ, что не влюбленные эгоисты, а влюбленные пошляки доказываютъ, что «ревность-то и есть любовь.» Но это все равно; мы уже знаемъ, что слово «эгоистъ» на языкѣ г. Станицкаго имѣетъ ругательное значеніе; стало быть, не придираясь къ словамъ, замѣтимъ только, что на стр. 49 г. Станицкій считаетъ ревность чувствомъ вполне достойнымъ грязныхъ эгоистовъ, а потомъ, все мученичество Софьи Григорьевны основывается почти исключительно на этомъ оплеванномъ чувствѣ, и однако, сама мученица не считается ни эгоистскою, ни грязною, ни даже глупою. На стр. 130 Софья Григорьевна бросаетъ на полъ медальонъ Петра Васильевича, и кричитъ «раздирающимъ голосомъ: «поѣдите къ нему! я хочу его видѣть и сказать ему въ глаза, что онъ...» Здѣсь вырываются изъ груди ея вопли, которые мѣшаютъ ей «досказать фразу», и она падаетъ безъ чувствъ. — Можно сказать, что вопли и обморокъ подоспѣли очень кстати, потому что Софья Григорьевна вѣроятно произнесла бы какуюнибудь «грубость», и тогда г. Станицкому пришлось бы доказывать, что грубости Григорья Андреевича были предосудительны и вытекали изъ грязнаго эгоизма, а грубости Софьи Григорьевны, напротивъ того, похвальны и вытекаютъ изъ самой чистой любви. Но ни вопли, ни обморокъ не могутъ замаскировать ту печальную не-

урядицу, которая господствуетъ въ идеяхъ г. Станицкаго. Какъ ни поворачивай дѣло, а все-таки выходитъ, что мужчина не смѣй ревновать, а женщина ревнуй, сколько душѣ угодно. Само собою разумѣется, что это мнѣніе г. Станицкаго въ высшей степени оскорбительно для женщинъ. Если мы допустимъ, что ощущение ревности есть необходимое и нормальное отправление женскаго организма, то мы, этимъ самымъ сужденіемъ, обречемъ женщину на вѣчную, самую унижительную и самую тягостную зависимость. Въ самомъ дѣлѣ, если вы ревнуете, и если это чувство принимаетъ у васъ размѣры серьезнаго страданія, то это значитъ, что все счастье вашей жизни находится въ чужихъ рукахъ, и что эти чужія руки во всякую данную минуту могутъ измѣять и изуродовать ваше счастье, не прикасаясь къ вашей собственной личности. Когда намъ говорятъ: «эта женщина счастлива», то мы обыкновенно понимаемъ эти слова въ томъ смыслѣ, что эта женщина любима тѣмъ челоуѣкомъ, котораго она сама любитъ; чуть только этотъ челоуѣкъ отвернулся отъ нея, вотъ она и несчастлива, вотъ и начинаются мученія ревности; мы такъ привыкли къ такимъ явленіямъ, что даже не замѣчаемъ ихъ уродливости, а вѣдь, между тѣмъ, не трудно, кажется, понять, что эти явленія указываютъ на страшную внутреннюю пустоту тѣхъ личностей, для которыхъ любовь Петра или Ивана составляетъ, такимъ образомъ, высшее благо и единственную цѣль существованія. У этихъ несчастныхъ личностей нѣтъ своего внутренняго содержанія; у нихъ нѣтъ никакой любимой дѣятельности; онѣ не принимаютъ никакого участія въ общей работѣ челоуѣчества; онѣ даже не имѣютъ понятія о существованіи такой работы; всѣ величайшія усилія челоуѣческой мысли, всѣ колоссальныя событія новѣйшей исторіи, всѣ животрепещущія надежды и стремленія лучшихъ людей — все это или совершенно неизвѣстно ревнивымъ обожательницамъ Петра и Ивана, или, еще хуже, извѣстно имъ, какъ вырубленный параграфъ учебника, или какъ мертвый столбецъ газеты. Взаимная любовь, конечно, даетъ много наслажденій, больше, чѣмъ хорошій обѣдъ, больше, чѣмъ роскошная квартира, больше, чѣмъ оперная музыка, но наполнять всю жизнь взаимною любовью, не видѣть въ жизни ничего выше и обаятельнѣе взаимной любви, не умѣть, въ случаѣ надобности, отказаться отъ этого наслажденія, — это значитъ не имѣть понятія о настоящей жизни, это значитъ не подозрѣвать,

какъ великъ и силенъ человѣческій умъ, и какія невсчерпаемыя сокровища неотъемлемыхъ наслажденій скрыты въ сѣромъ веществѣ нашего головного мозга. Когда любовь дается вамъ въ руки, пользуйтесь ею, какъ вы пользуетесь, напримѣръ, свѣтлымъ и теплымъ лѣтнимъ днемъ. Но если набѣгутъ тучи и полетѣтъ дождь, не станете же вы плакать о томъ, что разстроилась ваша прогулка. Велика бѣда!—сегодня дождь, а завтра будетъ опять солнечный день. А семилѣтній ребенокъ все-таки заплачетъ: завтрашній день далеко, ему надо сегодня. Печальная была бы шутка, если бы этому семилѣтнему ребенку пришлось оставаться ребенкомъ въ теченіи семидесяти лѣтъ, и если бы существовала цѣлая порода такихъ человѣкообразныхъ созданій, которыя проливали бы горькія слезы по поводу каждаго лѣтняго дождя, разстроившаго пріятную прогулку. А вѣдь не далеко уѣхали отъ этихъ плаксивыхъ созданій тѣ убогія и нищія личности, для которыхъ невѣрность Ивана или Петра составляетъ громадное несчастье, наполняющее цѣлую жизнь слезами и отчаяніемъ. И эту плаксивость, эту убогость, эту поразительную нищету романисты и критики ежедневно возводятъ въ великое достоинство человѣческой природы. Вотъ она, говорятъ, истинная любовь, вотъ она сила любви. А вся эта сила и истинность ничто иное, какъ результатъ внутренней пустоты. Личность такъ слаба и несостоятельна сама по себѣ, что по неволѣ должна прислониться къ другой личности, и когда эта опора измѣняется, тогда прислонившаяся личность падаетъ, ушибается и начинаетъ охатъ. Вотъ именно противъ этой-то мучительной и позорной зависимости должна быть направлена эманципація женщинъ. Женщина должна стоять на своихъ собственныхъ ногахъ; женщина, какъ человѣческая личность, должна постоянно носить въ себѣ самой главный источникъ своего счастья, и ни мужчина, ни женщина никогда не должны отдавать этотъ основной капиталъ своей жизни въ чужія руки. Удастся ли женщицѣ стать, такимъ образомъ, въ совершенно независимое положеніе — этого никто не рѣшится утверждать заранѣе, но объ этомъ еще не время разсуждать; удастся или нѣтъ — это все равно; во всякомъ случаѣ, каждая женщина, уважающая свою человѣческую личность, и желающая упрочить свое собственное счастье, должна употреблять всѣ усилія, чтобы какъ можно ближе подойти къ полному самоосвобожденію. А подойти къ этой цѣли можно только однимъ

путемъ, путемъ серьезнаго, послѣдовательнаго и общепользнаго умственнаго труда. Въ медицинѣ нѣтъ универсальнаго лекарства, но есть общія правила гигиены, и соблюденіе этихъ правилъ предотвращаетъ большую часть болѣзней. Противъ различныхъ нравственныхъ и общественныхъ страданій человѣчества также нѣтъ универсальнаго лекарства; но, если мы хотимъ, чтобы будущія поколѣнія страдали меньше насъ, то мы должны стараться, чтобы умственный капиталъ обращался въ обществѣ, какъ можно, быстрее. Въ этомъ заключается главное правило общественной гигиены, и если это правило будетъ соблюдаться, то можно сказать навѣрное, что несчастная любовь, мучительная ревность и подвиги донъ-жуанства скоро будутъ сданы въ общій архивъ забытыхъ человѣческихъ глупостей. — Но, къ сожалѣнію, въ умственный капиталъ впущено много фальшивой монеты, и множество человѣческихъ глупостей пользуются полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ самыхъ людей, которые считаютъ себя проповѣдниками истины и карателями заблужденій. — Любопытно и даже умилительно замѣтить, какъ чистосердечно г. Станицінъ, неутомимый проповѣдникъ и пламенный каратель, восхищается ребяческиимъ слабоуміемъ своихъ любимыхъ маріонетокъ. Идетъ Софья Григорьевна встрѣчать Петра Васильевича, уѣхавшаго въ городъ къ Катѣ, и общавшаго воротиться въ назначенный день. Она отходитъ отъ дому довольно далеко, и вмѣсто Петра Васильевича, встрѣчаетъ его молодаго родственника, Сережу, который считается сьумасшедшимъ, и живетъ отшельникомъ, въ уединенномъ флигелѣ; на самомъ дѣлѣ, этотъ Сѣрежа — благороднѣйшій человѣкъ, вовсе не сьумасшедшій, но ведущій созерцательную жизнь среди книгъ, нотъ и цвѣтовъ; выбралъ же онъ эту жизнь, достойную рыцаря Тоггенбурга, потому, что мать его — дурная женщина, а еще потому, что сестра его умерла отъ отчаянія и воспаленія въ легкихъ, и наконецъ, еще потому, что самъ онъ, Сѣрежа, не въ состояніи смотрѣть на человѣческія гнусности. Встрѣтившись съ Софьею Григорьевною, Сѣрежа спрашиваетъ у нея, между прочимъ, давно ли уѣхалъ ея мужъ?

— «Вотъ уже теперь ровно двое сутокъ. — Софья Григорьевна произнесла это такимъ тономъ, точно Богъ знаетъ, сколько лѣтъ прошло съ минуты ихъ разлуки». (Стр. 138). Эта наивность очень трогательна и похвальна, но еще трогательнѣе и похвальнѣе то, что Софья Григорьевна принимаетъ предложеніе Сѣрежи, вызвавша-

госа поѣхать ночью, верхомъ, въ городъ, для того, чтобы къ утру доложить Софѣ Григорьевнѣ, какая причина задержала ея супруга. Сережа, слабый и болѣзненный юноша, путешествуетъ всю ночь, и воротившись домой, конечно, занемогаетъ. На другой день, узнавши, что Сережа боленъ, Софья Григорьевна говоритъ «съ досадою»: Такъ онъ не былъ въ городъ? А я такъ понадѣялась на него. (Стр. 140.)

И этими словами ограничивается все ея участіе къ положенію больного, даже тогда, когда ей говорятъ, что его свалила съ ногъ поѣздка въ городъ. Вы не забудьте, что все это происходитъ черезъ два дня послѣ швырянія медальона на полъ. Посудите сами, есть ли какая нибудь разница между этою женщиною и тѣмъ семилѣтнимъ ребенкомъ, который плачетъ и капризничаетъ по поводу лѣтняго дождя? И есть ли какая нибудь возможность серьезно сочувствовать воплямъ и обморокамъ такого пустаго и ничтожнаго существа? Дальше наивность Софьи Григорьевны становится еще обаятельнѣе, а сочувствіе г. Станицкаго дѣлается еще очевиднѣе и умилительнѣе. Софья Григорьевна сближается съ Сережею, и посѣщаетъ иногда его уединенный флигель. «Они, какъ дѣти, говорятъ г. Станицкій, долго болтали и смѣялись; ихъ взгляды такъ были чисты, ихъ разговоръ такъ искрененъ, что невольно думалось: вотъ что нужно для супружескаго счастья, — нужно, чтобъ равно обоимъ пугала грязь жизни, а не такъ, какъ это бываетъ всегда: одинъ пропитанъ развратомъ, безстрашенъ ко всякимъ низостямъ и равнодушенъ ко всякому горю и страданію ближняго, другой — слабая, неопытная женщина». (Стр. 146.) А вотъ чѣмъ занимались невинные молодые люди. «Они читали вмѣстѣ, и даже иногда, какъ дѣти, бѣгали по саду, стараясь каждый сдѣлать возможно большее число круговъ. Послѣ этой бѣготки, они, безъ всякой натянутости, вели серьезный разговоръ объ умершей сестрѣ молодаго человѣка, о страданіяхъ бѣдныхъ двухъ женщинъ и оканчивали всегда надеждою, что добро восторжествуетъ наконецъ надъ зломъ, — въ это они дѣтски вѣровали» (146). Да! Вотъ что нужно для супружескаго счастья! Договорился наконецъ г. Станицкій до послѣднихъ результатовъ своей нравственной философіи. Раскрылись передъ нашими изумленными очами самые глубокіе тайники его міросозерцанія. Когда я предлагалъ для Софьи Григорьевны счастье по рецепту Мишле, то недовѣрчивые читатели думали, быть можетъ, что я преувеличиваю, и что я слишкомъ недо-

брожелательно отношусь къ тому типу, который выражается въ возлюбленной героинѣ г. Станицкаго. Теперь эти недовѣрчивые читатели видятъ желанія самого г. Станицкаго, благоговѣющаго передъ этимъ типомъ; кажется, эти желанія, по своей смѣлости, превосходятъ всѣ мои предположенія, потому что я никакъ не думалъ, чтобы для полноты супружескаго счастья, даже по Мишле, и даже для Софьи Григорьевны, было необходимо или полезно дѣлать по саду «возможно большее число круговъ». Впрочемъ, мнѣ кажется, что это дѣланіе круговъ составляетъ самое благоразумное изъ всѣхъ занятій, наполнившихъ безконечные досуги Сережи и Софьи Григорьевны. Тутъ получаютъ осязательные результаты: укрѣпляются мускулы, развиваются легкія, и приобрѣтается аппетитъ. Но какую пользу приносило ихъ чтеніе, и къ чему вели ихъ возвышенныя бесѣды о торжествѣ добра, чѣмъ отличалось ихъ чтеніе отъ упражненій чичиковскаго Петрушки, и чѣмъ отличались ихъ бесѣды отъ умозрѣній судьи Ляпнича-Тяпкина о сотвореніи міра—это вопросы очень мудреные, и если г. Станицкій попробуетъ ихъ разрѣшить, то его умъ немедленно зайдетъ за его разумъ. Всѣ эти серьезные или игривыя забавы Сережи и Софьи Григорьевны оправдываются вполне известною поговоркою: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало; но при этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что добро врядъ ли когданибудь восторжествуетъ надъ зломъ, если всѣ люди, желающіе этого торжества, сдѣлаются похожими на Софью Григорьевну и на ея невиннаго собесѣдника. Это, конечно, очень красиво и трогательно, когда *грязь жизни равно пугаетъ обоихъ*, но для того, чтобы эта боязнь грязи воспиталась въ одной человѣческой личности, необходимо, чтобы десятки или сотни другихъ человѣческихъ личностей вертѣли за кулисами очень грязныя колеса большой и тяжелой машины. Окружить себя цвѣтами, книгами и нотами, бѣгать по саду съ хорошенькою женщиною, и воодушевлять себя и ее пріятными разговорами о торжествѣ добра — все это, конечно, очень изящно, и пропитано ароматомъ чистѣйшей поэзіи и самой возвышенной нравственности, но все это было бы совершенно невозможно, если бы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ристалища невинныхъ отроковъ, не копошились, съ ранняго утра до поздней ночи, грязныя лапы тѣхъ лилыхъ младшихъ братьевъ, которые обращаются съ своими супругами очень невѣжливо, о торжествѣ добра никогда не бесѣдуютъ, и

вообще погрязаютъ упорно въ самыйъ грубомъ и предосудительномъ матеріалпзмѣ. Если бы у Сережи не было денегъ, заработанныхъ руками милыхъ мужичковъ, то невинному Сережѣ пришлось бы замѣнить боязнъ передъ житейскою грязью разными другими, болѣе производительными свойствами ума и характера. Боязнъ житейской грязи, это — самое барское качество, и люди, обладающіе этою добродѣтелью, всегда будутъ годны только на то, чтобы дѣлать «возможно большее число круговъ», читать для процесса чтенія, и бесѣдовать о борьбѣ между добромъ и зломъ. Уважать этихъ людей нѣтъ ни малѣйшей возможности, и въ этихъ людяхъ особенно противно именно то, что они бесѣдуютъ о торжествѣ добра, и заявляютъ свои благія желанія: ахъ, молъ, кабы восторжествовало! Заявлять эти желанія, вѣровать въ полную искренность своихъ заявленій, считать самого себя за чистаго и честнаго человѣка, имѣющаго право гнущаться житейскою грязью, и въ то же время сидѣть, сложа руки, и коптить небо, а при этомъ не чувствовать невыносимо мучительной бессмысленности своего положенія и всего своего существованія — это великолѣпный фокусъ человѣческой глупости. Хороша честность и чистота, которая ѣсть чужой хлѣбъ, на чужой счетъ доставляетъ себѣ умственную роскошь, и въ замѣнъ этихъ поглощаемыхъ продуктовъ чужаго труда, не производитъ и не хочетъ производить ровно ничего, кромѣ супружескаго счастья. Отчего жъ ты, голубчикъ, не хочешь? — Да я боюсь замарать мою честность и чистоту. Меня пугаетъ грязь жизни. Я ненавижу пороки, и не желаю подходить къ нимъ близко. О другъ любезный! Ты можешь совершенно успокоиться на счетъ твоей честности и чистоты. Эти пріятныя свойства существуютъ только въ твоемъ собственномъ воображеніи. На самомъ же дѣлѣ твоя честность и чистота на сквозъ пропитаны тою грязью, которая тебя пугаетъ. Твои родители купили для тебя эти свойства вмѣстѣ съ твоимъ тонкимъ бѣльемъ и учебными книжками. Добываніе твоей честности и чистоты припесло, такимъ образомъ, препорядочную массу зла. Теперь эти свойства тщательно сохраняются тобою подъ стекляннымъ колпакомъ. Ты боишься ихъ замарать, и, вслѣдствіе этого, они не приносятъ ни малѣйшаго добра. Изъ этого выходитъ то печальное заключеніе, что ты, о другъ мой, чистый минусъ, и что твое существованіе вредно для общества. Разсуждая о торжествѣ добра, ты всякій разъ

долженъ краснѣть за самого себя; если же ты не краснѣешь, а напротивъ того, радуешься и воодушевляешься, то это доказываетъ только, о другъ мой, что ты замѣчательно тупоумень, что ты дѣйствительно можешь составить счастье Софьи Григорьевны, и что на тебѣ съ любовью и съ благоволеніемъ могутъ и должны останавливаться взоры твоего великаго создателя, г. Станицкаго. Однако, пора оставить въ покоѣ Софью Григорьевну. Пускай швыряетъ на полъ медальоны, пускай падаетъ въ обмороки, пускай дѣлаетъ возможно большее число круговъ—всѣ эти упражненія представляютъ очень мало интереснаго, и всѣ они объясняются очень удовлетворительно краткою и невѣжливою поговоркою: съ жиру собаки бѣсятся.— Я самъ чувствую, что поговорка невѣжлива, но что же съ этимъ дѣлать? — Ее сложили младшіе братья, одаренные грязными лапами и лишенные эстетическаго-пониманія.

ІХ.

ДѢДУШКА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Романъ г. Станицкаго переполненъ гнусными людьми, но даже въ этомъ мрачномъ романѣ дѣдушка Петра Васильевича приводитъ читателя въ изумленіе размѣрами своей гнусности. Если бы творческая сила г. Станицкаго равнялась его добродѣтельному азарту, то фигура этого дѣдушки оказалась бы гораздо ужаснѣе титанической фигуры шекспировскаго Ричарда III, а извѣстно, что въ сравненіи съ Ричардомъ III Сатана Мильтона можетъ быть названъ кроткимъ и привлекательнымъ юношею. Но такъ какъ силы г. Станицкаго далеко не соотвѣтствуютъ обширности его замысловъ и претензій, то ужасный дѣдушка оказывается похожимъ на полишинеля: онъ, дѣйствительно, очень некрасивъ, но въ его безобразіи нѣтъ ничего ужаснаго, и вообще это безобразіе не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія, потому что оно—совершенно неправдоподобно. Эта фигура была бы вполне умѣстна въ «Парижскихъ тайнахъ», а если она появилась на страницахъ «Современника», то это обстоятельство доказываетъ только, что пересоленный реализмъ очень легко превращается въ мелодраму, и что редакція, заваленная серьезною рабо-

тою, не въ силахъ постоянно оберегать свой беллетристическій отдѣлъ отъ различныхъ нелѣпостей. При первомъ знакомствѣ вашемъ съ безобразнымъ дѣдушкою, вы тотчасъ чувствуете, что это очень дурной человѣкъ, и что г. Станиціей приказываетъ вамъ возненавидѣть его всѣми силами вашей добродѣтельной души. Вотъ описаніе его наружности: «Лице старика было длинно и желто, сверхъ того, дрябло, и покрыто крупными морщинами, подбородокъ острый; носъ формою походилъ на клювъ хищной птицы, а губы то какъ бы жевали, то складывались въ непріятную, злобную улыбку; маленькіе глаза, съ какимъ-то желтымъ блескомъ, такъ и сверкали изъ подъ ключевъ полусѣдыхъ бровей, и невольно поражали противорѣчіемъ съ аптечной обстановкой комнаты и съ натянутымъ, болѣзненно плачевнымъ, выраженіемъ лица, которое однако то и дѣло измѣнялось въ самое ехидное». (Стр. 102). Ясное дѣло, что дѣдушка ужасный «моветонъ», то есть, «хорошо, если мошенникъ, а можетъ, и еще того хуже». Чего и ожидать отъ человѣка, у котораго носъ подобенъ клюву хищной птицы, глаза сверкаютъ желтымъ блескомъ, а на лицѣ выражается всякое ехидство? «Впрочемъ, говоритъ далѣе г. Станиціей, этотъ почтенный дѣдушка—была такая гнусная личность, что ей по настоящему надо было, виѣсть съ гадами, скрываться гдѣ нибудь въ подземельи, но ужь никакъ не жить при дневномъ свѣтѣ и пользоваться уваженіемъ людей независимыхъ и образованныхъ» (Стр. 105). Не знаю, кто тутъ напуталъ, г. Станиціей или г. корректоръ, но во всякомъ случаѣ, меня безконечно увеселяетъ то обстоятельство, что «дѣдушка *была*» такая большая мерзавка. Лирическое мѣсто само по себѣ неподобно, но грамматическая ошибка возводитъ его въ перлъ созданія, потому что она порождаетъ тотъ примиряющій смѣхъ, котораго эстетика требуютъ отъ каждаго комическаго произведенія. «Его лицемѣрство и эгоизмъ, продолжаетъ нашъ романистъ, доходили до ужасающихъ размѣровъ: онъ мучилъ и притѣснялъ съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ» (Стр. 105). Я вамъ говорилъ, что *подлая* дѣдушка выйдетъ хуже Ричарда III, если только мы будемъ вѣрить на слово г. Станицію. У Ричарда, по крайней мѣрѣ, была какая нибудь цѣль: онъ добивался англійской короны. А у дѣдушки и цѣли никакой нѣтъ: голая ядовитость, безъ малѣйшей примѣси. «Можно ли было свободно дышать тамъ, гдѣ до того развито было шпионство между дворней, что даже шефъ инкви-

зиціи позавидоваль бы дѣдушкѣ, такъ глубоко развратившему лю-
дей.» (Стр. 106)—Ну, шефъ-то инквизиціи не позавидоваль бы, глу-
бокомысленно замѣтитъ здѣсь зять Ноздрева, спептикъ Мижувѣ. И
оказывается, что, дѣйствительно, нечему завидовать, и что инквизи-
ція приплетена тутъ для большей мрачности колорита, и для пуца-
го посрамленія недостойнаго дѣдушки. На стр. 170 и 171 повѣст-
вуется о томъ, что двѣ женщины, живущія въ домѣ дѣдушки, на-
дули всѣхъ шпионовъ, и не только надули, но даже надували ихъ
въ продолженіи нѣсколькихъ дней; онѣ перенесли умирающаго Сере-
жу изъ его уединеннаго флигеля въ домъ дѣдушки, въ комнату Софьи
Григорьевны, которая въ то время уже уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ.
«Но надо было обманывать шпионовъ, говорить г. Станицкій, и
Марья Васильевна послала въ пустой домъ пищу и питье, чтобъ толь-
ко не потревожили умирающаго.» (Стр. 171). Все это открылось
только тогда, когда Сережа умеръ. Нечего сказать, хороши шпионы,
и хороша была бы инквизиція, опирающаяся на услуги такихъ бол-
вановъ. «Очень понятно, что и новая внучка не была избавлена отъ
подобнаго шпионства, и онъ, что называется, ловилъ рыбу въ мут-
ной водѣ, упиваясь слезами и отчаяніемъ молодой женщины, противъ
которой составилось чуть не ополченье.» (Стр. 106). Эту новую
внучку, то есть, Софью Григорьевну, онъ старается даже сдѣлать
своею любовницею. «Будьте умненькая, говоритъ онъ, не огорчайте
меня; что вамъ стоитъ поласкать старика? Право, старики еще чест-
нѣе: молодой-то разомъ ласкаетъ трехъ-четырехъ, и всѣхъ обмань-
ваетъ, а ужъ старикъ такого предательства не сдѣлаетъ.» (Стр. 110).
Все это, и многое другое въ томъ же эротическомъ направленіи, нес-
частный дѣдушка говоритъ, очевидно, по приказанію г. Станицкаго,
и только для того, чтобы обнаружить передъ читателемъ всю глуби-
ну своей гнусности. Для самого дѣдушки отъ этихъ разговоровъ не
можетъ производти ни малѣйшаго удовольствія, и онъ, какъ опы-
тный старикъ и отставной Донъ-Жуанъ, самъ очень хорошо долженъ
понимать, что эти разговоры ни къ чему не поведутъ, потому что,
въ самомъ дѣлѣ, кто же обращается съ подобными предложеніями
къ женщинѣ, только что вышедшей замужъ, и страстно влюбленной
въ своего мужа. Само собою разумѣется, что Софья Григорьевна да-
же не догадывается, къ чему дѣдушка клонитъ свою рѣчь, а дѣдуш-
ка, съ своей стороны, заявивъ публикѣ, что онъ развратникъ, счи-

таетъ дѣло оконченнымъ и оставляетъ всякія дальнѣйшія домогательства. Въ домѣ дѣдушки живетъ его бывшая любовница, старуха Марья Васильевна, которую дѣдушка, конечно, терзаетъ всякими попреками. У дѣдушки есть незаконнорожденная дочь, Олимпіада Федоровна, которую онъ, на глазахъ читателя, доводитъ до чахотки, и укладываетъ въ могилу, также попреками. Въ концѣ первой части романа происходитъ генеральное вымпраніе различныхъ замученныхъ жертвъ. Прежде всѣхъ умираетъ великодушный Сережа. За нимъ слѣдуетъ, черезъ страницу, Марья Васильевна. На слѣдующей страницѣ умираетъ Олимпіада Федоровна. Это называется черезъ часъ по ложкѣ. Дѣдушка переживаетъ ихъ всѣхъ, и избираетъ себѣ жертву изъ новаго поколѣнія. Онъ держитъ при себѣ, въ видѣ казачка, сына Петра Васильевича и Лизаветы: «Старикъ тѣшился надъ бѣднымъ мальчикомъ безобразно: всякій день ему приготавливали въ коробкѣ пауковъ, и дѣдушка тихонько выпускалъ ихъ на мальчика, который страшно боялся этихъ насѣкомыхъ (мимоходомъ замѣчу, что это даже и не насѣкомыя), плакалъ, дрожалъ и умолялъ снять съ него паука, по старикъ притворился, что онъ тоже боится, и такимъ образомъ доводитъ ребенка до истерии.» (Стр. 174). «А уже испуская дыханіе, онъ выкинулъ слѣдующую штуку. Измученный мальчикъ обыкновенно засыпалъ стоя, и потомъ уже, скользя по стѣнѣ, тихо опускался на коверъ, гдѣ и спалъ. Но умирающій, не желая, чтобы ребенокъ спалъ, велѣлъ привязать его къ спинкѣ стула и поставить противъ себя». (Стр. 176).

Однако, дѣдушкѣ не удалось замучить казачка до смерти. Время взяло свое, и старикъ умеръ прежде мальчика. Г. Станицкій не сообщаетъ намъ, какую эпитафію изобразили на памятникѣ лютаго дѣдушки, но, по всей справедливости, эпитафію слѣдовало бы составить такъ: «здѣсь лежитъ несчастная жертва неудавшагося реалиста».

Х.

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ МОЛОДОГО ПОКОЛѢНІЯ.

Сережа очень добродѣтеленъ, и не разгромитъ порокъ очень пламенными рѣчами. «Вы увидите, говоритъ онъ Сооѣ Григорьевнѣ

утпешительнымъ тономъ, что я заставлю всѣхъ пресмыкающихся и ползающихъ около васъ гадовъ спрятаться по своимъ мрачнымъ норамъ» (стр. 158). Но этотъ добродѣтельный Сережа, выражающій свои мысли такимъ сильнымъ и въ то же время книжнымъ языкомъ, не вполне удовлетворяетъ нравственнымъ требованіямъ г. Станицкаго. Въ лицѣ Сережи мы видимъ плачущую и страдающую добродѣтель, и поэтому необходимо, чтобы на сцену явились новыя марионетки, изображающія добродѣтель веселую, твердую и побѣдоносную. Такія марионетки дѣйствительно, являются во второй части романа, и, конечно, причисляются къ тому молодому поколѣнію, о которомъ наши писатели разсуждаютъ такъ много, и о которомъ они, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ почти никакого понятія. Г. Станицкій знаетъ это молодое поколѣніе такъ же хорошо, какъ онъ знаетъ вообще природу человѣка, потребности нашей современной жизни и причины семейныхъ несогласій. Его добродѣтельный юноша, Александръ Егоровичъ Снѣговъ, составленъ по очень извѣстному рецепту, и по этому же самому рецепту составленъ другой добродѣтельный юноша, Дмитрій Степановичъ Карсановъ, украшающій своимъ присутствіемъ «Романъ въ петербургскомъ полусвѣтѣ». Личнаго характера не имѣютъ ни тотъ, ни другой, и, вслѣдствіе этого, я буду анализировать ихъ общій рецептъ, выбирая факты изъ обоихъ романовъ, принадлежащихъ одному автору. Бѣдные родители, природная любовзательность, блестящія способности, борьба съ бѣдностью, кружокъ университетскихъ товарищей, однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ, все такъ, какъ обыкновенно бываетъ написано въ книжкахъ, и все это, разумѣется, безъ малѣйшихъ слѣдовъ самостоятельнаго наблюденія. Вотъ, напримѣръ, какія подробности сообщаются изъ исторіи умственной жизни героевъ: «вмѣсто пошлыхъ французскихъ романчиковъ, какіе читаются единственно завитыми и расчесанными головами, Снѣговъ читалъ дѣльныя книги да изучалъ русскую литературу». — «Пріѣхавъ въ Петербургъ застѣнчивымъ мальчикомъ, онъ не имѣлъ случая завести себѣ знакомствъ и сдѣлался очень разборчивъ, мѣтко угадывая и понимая все дурное въ людяхъ». Что застѣнчивость и отсутствіе знакомствъ развиваютъ въ мальчикѣ способность мѣтко угадывать и понимать въ людяхъ все дурное—это, очевидно, субъективное соображеніе г. Станицкаго, потому что до сихъ поръ, по всей вѣроятности, никому не приходило въ голову связывать такія причины съ

такими послѣдствіями. «Снѣговъ и его товарищи постоянно разсуждали объ обязанностяхъ честнаго человѣка, и оставались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, не смотря ни на какіе соблазны.» Снѣговъ и его товарищи могли бы найти болѣе полезный предметъ для разсужденій. Съ какими соблазнами имъ приходилось бороться — это остается неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что Снѣговъ «выжилъ почти весь курсъ въ четырехъ стѣнахъ института». О Карсановѣ мы узнаемъ то же самое. «Его студенческая труженическая жизнь не убила въ немъ юношеской свѣтлой вѣры въ достоинство человѣка и въ торжество истины въ мірѣ. Около Карсанова составилъ кружокъ подобныхъ ему честныхъ, пылкихъ душою товарищей, и въ скоромъ времени въ этомъ кружкѣ закипѣла дѣятельная жизнь мысли. Европейскіе мыслители были ихъ заочными наставниками, такъ что этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей сдѣлался какимъ-то изолированнымъ міркомъ въ русскомъ обществѣ.» — «Они, въ своей экзальтаціи, очень походили на людей, которые усѣлись на берегу моря въ лодку, распустили паруса и, любуясь величественною картиною безбрежной дали, закатомъ солнца, убаюканные мѣрными волнами, плывутъ все дальше, не замѣчая, что ихъ уже раздѣлило страшное пространство и что ихъ голоса не достигнуть до берега.» Изъ всего этого явствуется, что Карсановъ и Снѣговъ сдѣлались очень добродѣтельными людьми. Но изъ всего этого явствуется еще болѣе, что г. Станицкій не имѣетъ никакого понятія о томъ, что онъ описываетъ. Если бы я умѣлъ писать одну фразу за другою, не вкладывая въ эти фразы никакого осязательнаго смысла, то я бы могъ тотчасъ изобразить вамъ, какъ развиваются японскіе юноши, и мое изображеніе было бы такъ же вѣрно и наглядно, какъ рассказы г. Станицкаго о студенческихъ занятіяхъ Снѣгова и Карсанова. Что читали эти молодые люди? — «Дѣльные книги». — Какія книги? — Сочиненія «европейскихъ мыслителей». — Какіхъ европейскихъ мыслителей? — Такихъ, которые превратили «этотъ маленькій кружокъ молодыхъ людей» въ «какой-то изолированный мірокъ». А если даже этотъ отвѣтъ покажется вамъ недостаточно опредѣленнымъ, то вамъ представлять лодку, плывущую при закатѣ солнца, и людей, любующихся величественною картиною безбрежной дали. Этимъ поясненіемъ вы уже непременно обязаны удовлетвориться, потому что всякая человѣческая любознательность должна же имѣть какіе нибудь предѣ-

лы. Да и чего вамъ еще надо? Книжки были дѣльныя, мыслители—европейскіе, кружокъ—маленькій, міръ—изолированный, даль безбрежная, картина—величественная. При каждомъ существительномъ особое прилагательное. Какой же вы еще желаете ясности и опредѣленности? Вамъ, можетъ быть, любопытно знать, что изучалъ Снѣговъ? Извольте; г. Станицкій такъ великодушенъ, что даже на этотъ вопросъ онъ готовъ вамъ отвѣтить; Снѣговъ изучалъ русскую литературу. Вы спросите, пожалуй, о чемъ разсуждалъ Снѣговъ съ своими товарищами? Объ обязанностяхъ честнаго человѣка. Теперь довольно. Прекратите ваши нескромныя вопросы и рассмотрите внимательно данный вамъ отвѣтъ, на счетъ русской литературы. Снѣговъ, конечно, можетъ изучать русскую литературу; если ему угодно, онъ можетъ даже изучать сіамскія древности или алеутскую грамматику; всѣ эти занятія не представляютъ физической невозможности, и не воспрещены законамъ; но если Снѣговъ изображаетъ свою особю представителя молодого поколѣнія, если въ немъ должны воплощаться преобладающія стремленія теперешней молодежи и если онъ дѣйствительно одаренъ блестящими способностями, то изученіе русской литературы навязано ему совершенно некстати. Теперешніе молодые люди относятся къ русской литературѣ очень равнодушно, и врядъ ли можно ожидать, чтобы гг. Лонгиновъ, Галаховъ, Тихонравовъ, Буслаевъ, Сухомлиновъ и другіе, наши бы себѣ въ рядахъ нашей молодежи восторженныхъ цѣнителей и усердныхъ продолжателей. Конечно, кафедры русской словесности въ университетахъ и въ гимназіяхъ не опустѣютъ; всегда найдутся молодые люди, желающіе ихъ занять; но трудно себѣ вообразить, чтобы къ этимъ кафедрамъ устремились самыя блестящія дарованія трудящейся молодежи. Русскую литературу изучаютъ въ настоящее время юноши очень трудолюбивые, очень кроткіе, очень добросовѣстные, но вовсе не даровитые и совершенно неспособные привязываться сознательною и страстною любовью къ предмету своихъ занятій. Эти юноши превосходно выдерживаютъ кандидатскій экзаменъ, также превосходно выдерживаютъ экзамены на магистра и на доктора, и защищаютъ свои диссертации съ скромною основательностью; потому они получаютъ кафедру; за тѣмъ, лѣтъ черезъ пятнадцать, они сдѣлаются ординарными профессорами; они будутъ читать лекціи и, ради приличія, писать маленькія изслѣдованія до тѣхъ поръ, пока не

выслушать себя въ нѣсколько полныхъ объѣздъ жалованья, и наконецъ, достигнувъ этой послѣдней цѣли, они сойдутъ со сцены, для того, чтобы, подобно императору Діомитіану, дожить свои дни въ спокойной и обезпеченной бездѣятельности. Почему именно этимъ юноши устремляются къ изученію русской литературы, это понять не трудно. Стоитъ только подумать о томъ, что можно изучать въ русской литературѣ и какая сторона этого изученія можетъ завлечь даровитаго представителя молодого поколѣнія? Спрашивается, прежде всего, какой періодъ русской литературы затронетъ любознательность молодого человѣка? Тотъ ли, который тянется отъ начала русской письменности до петровской реформы; или тотъ, который продолжается со временъ Петра до Гоголя? Или, наконецъ, новѣйшій періодъ, получившій свою теперешнюю сизіономію послѣ Гоголя? Необходимо, чтобы одинъ изъ этихъ отдѣловъ чѣмъ нибудь заинтересовалъ молодого человѣка, потому что иначе молодой человѣкъ не будетъ изучать русской литературы. Посмотримъ, заинтересуетъ ли его древній періодъ нашей литературы. Есть у насъ, въ этотъ древнѣйшій періодъ, пѣсни, сказки, былины, легенды, гѣтописи и юридическіе памятники. Пѣсни, сказки, былины и легенды—все это, по видимому, очень интересно; все это, какъ толковали намъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ различныхъ ученыхъ сочиненіяхъ, знакомитъ съ народною жизнью и открываетъ передъ нашими глазами глубокіе тайники народнаго міросозерцанія. Не знаю, какими ли именно словами выражались и выражаются преподаватели и составители ученыхъ книгъ, но знаю навѣрное, что только этии мысли ни оправдываются и объясняются появленіе такихъ тяжеловѣсныхъ изданій, каковы, на примѣръ, «Очерки» г. Булаева или «Памятники» гг. Кастомарова и Пыпина. Итакъ, молодому человѣку представляется возможность проникнуть въ тайники народнаго міросозерцанія. Но, прежде чѣмъ проникнуть, не поставитъ ли себя молодой человѣкъ вопроса: за чѣмъ я буду забираться въ эти трущобы? Кому я, своими трудами на этомъ поприщѣ, принесу дѣйствительную пользу: народу или себѣ? Народу? Странное дѣло! Какая выгода можетъ быть народу отъ того, что я, Александръ Егоровичъ Сѣгровъ, узнаю всѣ примѣты дѣжеваго, всѣ варианты былины о Микулицѣ Селянниковѣ и всѣ столкновенія Иванушки съ Бабой Ягой? А какая отъ этого произойдетъ польза для моего собственного раз-

витія? Я узнаю нѣсколько новыхъ подробностей о сказочныхъ личностяхъ, я отпечатаю въ своей памяти нѣсколько сотенъ лубочныхъ картинъ, но общее понятіе мое о народѣ останется совершенно такое же, какое образовалось въ моемъ умѣ изъ впечатлѣній дѣтства, и какое поддерживается всѣми ежедневными столкновеніями моими съ дѣйствительною жизнью и съ многою «почвою». Бѣдность та же самая, и невѣжество то же самое, и та же заувывность съ тѣми же проблесками забубенной удали. Что въ этомъ народѣ есть много ума, и много юмора, и много хорошихъ силъ, и много задатковъ здороваго развитія, это я знаю очень хорошо безо всякихъ былинъ и пѣсень. Во-первыхъ, я знаю это по моимъ собственнымъ столкновеніямъ съ простыми людьми, а во-вторыхъ, это иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ кавказской расы есть самое понятливое изъ всѣхъ существующихъ позвоночныхъ животныхъ. Могу ли я взять, лично для себя, хоть какую нибудь частицу изъ того народнаго міросозерцанія, съ которымъ меня познакомить легенды, былины и пѣсни? Мудрено, очень мудрено, даже со-всѣмъ невозможно, потому что всѣ эти идеи и мотивы этого міросозерцанія находятся въ самой непримиримой враждѣ со всѣми элементарными учебниками физики и географіи. Есть ли надобность знать эти идеи и мотивы народнаго міросозерцанія, для того, чтобы работать на пользу этого народа? Нѣтъ. Ну, стало быть, скажете въ заключеніе Александръ Егоровичъ Снѣговъ, я вовсе не намѣренъ углубляться въ былины и сказки, и древній періодъ русской литературы можетъ оставаться для меня недоступнымъ сокровищемъ. Такія размышленія моего Снѣгова (а не того, который изображенъ у г. Станицкаго) могутъ вызвать противъ себя много насмѣшекъ и много горячихъ возраженій. Молодой человѣкъ, скажутъ ему спедіглисты, вы не знаете того предмета, о которомъ разсуждаете такъ смѣло. Если вы не изучали нашей древней литературы, то почему же вы знаете, что ее не стоитъ изучать, и что она не можетъ принести вамъ ни малѣйшей пользы? На это мой скромный Снѣговъ отвѣтитъ такъ: я прочиталъ отъ доски до доски два тома «Очерковъ» г. Буслаева. Я знаю, что г. Буслаевъ трудится на своемъ поприщѣ гораздо больше десяти лѣтъ, и что эти «Очерки» составляютъ сборникъ его статей за все время его ученой дѣятельности. Я знаю, кромѣ того, что г. Буслаевъ считается за одного изъ самыхъ дѣя-

тельных и талантливых исследователей нашей литературной старины. Я вовсе не смѣю думать, что я умнѣе, даровитѣе и трудолюбивѣе г. Буслаева. Я не имѣю также особенныхъ основаній надѣяться, что нападу на такія соврѣшца, которыя укрылись отъ пытливаго взора этого исследователя. Стало бытъ, если я пойду по слѣдамъ г. Буслаева, то я, можетъ быть лѣтъ черезъ пятнадцать, подарю русской публикѣ два тома «очерковъ» Александра Снѣгова. Я не думаю, чтобы этотъ подарокъ принесъ русской публикѣ значительную пользу, и меня вовсе не обольщаетъ перспектива обогатить со временемъ нашу книжную торговлю такимъ произведеніемъ. Книга г. Буслаева, навѣрное, представляетъ очень удовлетворительный образчикъ нашихъ литературныхъ сокровищъ. Будущіе исследователи могутъ отыскать много новыхъ подробностей, но невозможно предположить, что они вдругъ найдутъ подъ хламомъ былинъ, пѣсенъ и легендъ, цѣлый міръ самородной мысли, такой міръ, котораго существованіе было совершенно неизвѣстно г. Буслаеву и его сподвижникамъ; невозможно предположить, что въ этомъ ископаемомъ мірѣ русскихъ идей вдругъ окажутся такія драгоценности, которыя придется предпочесть непоколебимымъ истинамъ европейской или, вѣрнѣе, общечеловѣческой науки. Вѣроятно, самые усердные специалисты не рѣшатся утверждать, что такой удивительный случай возможенъ; а если онъ невозможенъ, то я и не жалаю тратить свое время и свои силы на изученіе былинъ, пѣсенъ, легендъ, и разныхъ другихъ памятниковъ нашей письменной и изустной литературы.—Стало бытъ, возражать любители древности, вы отвергаете заслуги такихъ дѣятелей, каковы, напримѣръ, братья Гриммы, великіе собиратели нѣмецкихъ сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и преданій?—Братья Гриммы, отвѣтитъ Снѣговъ съ своею обыкновенною кротостью, люди очень умные, трудолюбивые и честные. Я очень уважаю ихъ усердіе и добросовѣстность, но мнѣ кажется, что ихъ превосходныя качества могли бы принести несравненно больше пользы, если бы они были приспособлены къ другому занятію. Гриммы исходили вдоль и поперекъ всю Германію, чтобы собрать остатки старины, сохранившейся въ обычаяхъ, въ языкѣ и въ народной поэзій. Путешествуя пѣшкомъ по Германіи, они, конечно, превосходно усвоили себѣ всѣ обороты народной рѣчи; они приобрѣли драгоценное умнѣе объясняться съ самыми простыми и необразованными людьми.

Если бы они примѣнили это умѣнье къ обобщенію научныхъ истинъ, если бы они, своими простыми и понятными языкомъ, провели знаніе природы въ низшіе слои рабочаго населенія, то они принесли бы дѣйствительно громадную пользу, хотя, быть можетъ, ихъ и не считали бы великими свѣтилами ученаго міра. Ученыя работы Гриммовъ громадны, но приносятъ ли онѣ какую нибудь дѣйствительную пользу, хоть одному живому человѣку въ мірѣ? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно смѣло и рѣшительно отвѣчать: нѣтъ. — Гриммы то же самое, что Рафаэль, за котораго Базаровъ гроша мѣднаго не хочетъ дать. Базаровъ выражается рѣзко, но мысль его вполне справедлива. Если бы въ Италіи было десять тысячъ живописцевъ, равныхъ Рафаэлю, то это нисколько не подвинуло бы впередъ итальянскую націю ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ, ни въ социальномъ, ни въ умственномъ отношеніи. И если бы въ Германіи было десять тысячъ археологовъ, подобныхъ Якову Гримму, то Германія отъ этого не сдѣлалась бы ни богаче, ни счастливѣе. Безобразіе ея политическаго устройства, пошлость ея юнкерства и неимовѣрное филистерство всякихъ патріотическихъ обществъ, при десяти тысячахъ Гриммовъ, продолжали бы существовать точь въ точь въ такомъ же видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь. Поэтому я говорю совершенно искренно, что желалъ бы лучше быть русскимъ сапожникомъ или будочникомъ, чѣмъ русскимъ Рафаэлемъ или Гриммомъ. Каждый Рафаэль обожаетъ свое искусство, и каждый Гриммъ обожаетъ свою науку, но ни тотъ, ни другой не задаютъ себѣ убійственнаго вопроса: *за чѣмъ?* Я имѣю несчастье задавать себѣ этотъ вопросъ, и когда я прикладываю его къ дѣятельности Рафаэлей и Гриммовъ, то не нахожу на него отвѣта. Поэтому я не могу, не хочу, и не долженъ быть ни Рафаэлемъ, ни Гриммомъ, ни въ малыхъ, ни въ большихъ размѣрахъ. Поэтому я могу, хочу и долженъ браться только за такую работу, которой результаты давали бы громкій и совершенно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, *за чѣмъ?* — Поэтому, проходи мимо, древній періодъ русской литературы. — Специалисты, конечно, не согласятся съ размышленіями моего Снѣгова, но, по крайней мѣрѣ, они махнутъ на него рукою, и оставятъ его въ покоѣ; въ самомъ дѣлѣ, можно ли разговаривать съ такимъ человѣкомъ, который даже дѣятельность Гриммовъ считаетъ бесполезною? Когда специалисты умолкнутъ и

отойдутъ въ сторону, тогда самъ читатель сдѣлаетъ Снѣгову слѣдующее возраженіе: вы задаете себѣ вопросъ, скажете онъ, есть ли надобность знать идеи и мотивы народнаго міросозерцанія, для того, чтобы работать на пользу этого народа, и потомъ на этотъ вопросъ вы отвѣчаете: «нѣтъ». Какъ же это возможно? Какъ же вы принесете пользу такому народу, о которомъ вы не имѣете никакого понятія? — Во-первыхъ, отвѣтитъ на это Снѣговъ, можно приносить пользу народу, не находясь въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ тѣми слоями населенія, которые преимущественно называются народомъ, и которые дѣйствительно составляютъ огромное большинство всей націи. Бѣлинскій и Добролюбовъ принесли много пользы русскому народу, а между тѣмъ ни грамотный мужикъ, ни грамотный мѣщанинъ не могутъ понимать ихъ сочиненія. Во-вторыхъ, я думаю, что даже учителю народной школы нѣтъ никакой надобности изучать ту народную поэзію, на которой основано народное міросозерцаніе. Учитель долженъ говорить съ своими учениками простымъ и понятнымъ языкомъ, и кромѣ того долженъ обращаться съ ними такъ кротко и добродушно, чтобы ученики не робѣли передъ нимъ, и откровенно предлагали ему свои вопросы и возраженія, если его рассказы кажутся имъ непонятными или несогласными съ тѣми идеями, которыя составились въ ихъ головахъ до прихода въ школу. Учителю необходимы, кромѣ того, умѣнье и навыкъ; но эти вещи приобрѣтаются чисто практическимъ путемъ, и ихъ нельзя вычитать ни въ сборникѣ былинъ, ни въ «Очеркахъ» г. Буслаева. Когда учитель передаетъ ученикамъ элементарныя основанія географіи, то ему нѣтъ никакой надобности говорить, что земля *не* стоитъ на трехъ китахъ, — что Царь-градъ *не* есть пупъ земли, и что *нѣтъ* такой страны, въ которой живутъ люди съ пѣсьими головами. Пусть онъ рассказываетъ только то, что *есть*; если ученикъ слышалъ о китахъ и о пупѣ земли, то онъ самъ спроситъ у учителя на счетъ этихъ очаровательныхъ созданій народной мудрости, и тогда учитель объяснитъ ему, что это все немнѣвѣрная чепуха. Поэтому я говорю еще разъ, что изучать народное міросозерцаніе или, проще, народное суевѣріе нѣтъ никакой надобности. Управившись такимъ образомъ съ древнимъ періодомъ нашей литературы, Снѣговъ, разумѣется, не почувствуетъ особеннаго расположенія остановиться съ уваженіемъ и съ любовью на созерцаніи

ХVIII вѣка. Снѣговъ знаетъ, что въ это время сформировалась наша литературная манера и манера стиха. Но Снѣговъ находитъ, что гораздо благовразумнѣе пользоваться сформированнымъ языкомъ для распространенія въ обществѣ полезныхъ знаній и здравыхъ идей, чѣмъ любоваться на колыбель этого языка, и пересчитывать всѣ заблужденія шалости этого милаго ребенка, постоянно хедивнаго, и до чинка Коръ продолжающаго ходить на спасительныхъ немочахъ. Что же касается до стиховъ, то въ этомъ отношеніи Снѣговъ можетъ быть названъ настоящимъ варваромъ; онъ, каналья, равнодушенъ къ ихъ гармоніи; онъ думаетъ, что время дорого, и что его не слѣдуетъ тратить ни на сочиненіе новыхъ стиховъ, ни на чтеніе напечатанныхъ произведеній нашей современной поэзіи, ни на изслѣдованіе того вопроса, кто ввездъ у насъ тоническое стихотвореніе, кто его усовершенствовалъ, и черезъ какія фазы развитія оно перешло со временъ Тредьяковскаго до временъ г. Майкова. Такимъ образомъ, между нами Снѣговымъ остается только третій періодъ, или современная литература. Къ этому періоду онъ относится съ сочувствіемъ и уваженіемъ, потому что въ это время многіе честные и умные люди бросили смѣлый и безпристрастный взглядъ на «бѣдность, да несовершенство нашей жизни.» Если мы не будемъ знать того, что пережили и передумали эти люди, если мы, по ихъ сочиненіямъ, не будемъ догадываться о томъ, что составляло смыслъ и безсмыслицу ихъ существованія, то для насъ, во многихъ отношеніяхъ, останутся непонятными настоятельныя потребности и накопившіяся со всѣхъ сторонъ задачи нашей собственной эпохи. Грибоедовъ, Крыловъ, въ нѣкоторыхъ изъ его лучшихъ басенъ, Пушкинъ въ Онегинѣ, Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ первой части Мертвыхъ душъ, въ Ревизорѣ и во многихъ мелкихъ повѣстяхъ, Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Островскій, и особенно Бѣлинскій и Добролюбовъ, и въ заключеніе, нашъ фактъ вчерашняго дня, романъ «Что дѣлать?» — Это все сырые матеріалы, которые каждый изъ нашихъ образованныхъ соотечественниковъ долженъ непремѣнно переработать въ своемъ умѣ, чтобы знать, чего мы хотимъ, о чемъ мы думаемъ, и съ какихъ различныхъ точекъ зрѣнія мы разсматриваемъ наше собственное положеніе. Но изучать тутъ все-таки нечего; надо только прочесть, какъ мы читаемъ журнальную статью,

какъ пробѣгаетъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій въ газетѣ. Въ каждомъ литературномъ произведеніи, и въ каждой критической статьѣ Бѣлинскаго и Добролюбова надо видѣть только то явленіе жизни, которымъ они вызваны, а вдаваться въ эстетику, подмѣчать индивидуальныя особенности того или другаго таланта, вглядываться въ языкъ и въ манеру повѣствованія, это значитъ терять изъ виду требованія живой дѣйствительности, и уходить отъ этихъ требованій въ темныя трущобы семинарской и гимназической пинтиги. Часто случается однако, что личность автора и его литературныя приемы составляютъ сами по себѣ очень знаменательный фактъ въ исторіи нашей умственной жизни, и этотъ фактъ можетъ быть для насъ важнѣе и интереснѣе, чѣмъ то явленіе, которое описываетъ намъ авторъ. Возьмемъ, на примѣръ, сочиненія Бѣлинскаго. На каждой страницѣ мы видимъ передъ собою человѣка умнаго, горячаго, непоколебимо честнаго, совершенно неспособнаго продать, кому бы то ни было, дѣйствительныя интересы человѣческой личности, и вполне способнаго увидать и понять, въ чемъ именно заключаются эти великіе интересы. И въ то же время мы видимъ, что всѣ умственныя силы этого превосходнаго человѣка, и вся его кипучая энергія тратятся на то, чтобы разсматривать и оцѣнивать игрушечныя издѣлія разныхъ пустѣйшихъ господъ, наполнявшихъ свои досуги писаніемъ русскихъ стиховъ и русскихъ повѣстей. Пушкинъ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ очень умный, и стихъ его былъ очень легокъ, и образы очень картинны, но когда вы видите, что весь осьмой томъ сочиненій Бѣлинскаго посвященъ оцѣнкѣ Пушкина, то вамъ становится обидно за Бѣлинскаго, и вамъ невольно приходитъ въ голову, что эта честь слишкомъ велика для Пушкина, и что силамъ великаго и серьезнаго критика негдѣ развернуться въ эстетическомъ разборѣ красивыхъ произведеній остроумнаго русскаго барина. Никакой отдѣльный поэтъ, ни Гете, ни Гейне, ни даже Шекспиръ, не можетъ быть достаточно обширенъ, для того, чтобы приковать къ себѣ и поглотить въ своихъ произведеніяхъ всѣ силы такого мыслящаго и такого живаго человѣка, каковымъ былъ Бѣлинскій. Эти люди не могутъ и не должны возиться съ индивидуальными мыслями, чувствами и фантазіями. Для нихъ достаточно широка только одна сфера, та, которая шире всѣхъ остальныхъ и которая вмѣщаетъ въ себѣ и Шекспира, и г. Станицкаго, и нѣмец-

наго эллистера, и безграмотнаго мужика, и всѣ усилія человѣческой гениальности, и всѣ безчисленныя проявленія человѣческаго тупоумія. Для мыслителей, подобныхъ Бѣлинскому, необходима живая и непрерывная умственная связь съ настоящими страданіями и радостями настоящихъ людей. Для нихъ необходимо размышлять о дѣйствительной жизни и откровенно передавать свои размышленія всѣмъ тѣмъ людямъ, которые могутъ и желаютъ ихъ понимать. Эти мыслители только тѣмъ и счастливы, только тѣмъ и живутъ, что пробуждаютъ въ человѣческихъ умахъ дѣятельность мысли и сознательное стремленіе къ разумному, свѣтлому и далекому, очень далекому будущему. Бѣлинскій былъ современникомъ Лудвига Берне; по силѣ своего ума и по честности своего характера Бѣлинскій былъ вполне способенъ сдѣлаться русскимъ Берне; а между тѣмъ, Бѣлинскій жилъ и умеръ эстетикомъ, и, разумѣется, этотъ фактъ, по своему печальному и грозному значенію, гораздо важнѣе и интереснѣе для насъ, чѣмъ тѣ поэмы Пушкина, которыя такъ превосходно оцѣниваетъ Бѣлинскій. Въ своей статьѣ «Бѣлинскій и Добролюбовъ», г. Зайцевъ показалъ значеніе этого факта въ исторіи нашей умственной жизни; но этотъ предметъ до такой степени важенъ, Бѣлинскій, какъ эстетикъ, представляетъ явленіе до такой степени замѣчательное по своей колоссальной уродливости, что, мнѣ кажется, было бы полезно разработать и освѣтить этотъ фактъ въ отдѣльномъ, чисто психологическомъ этюдѣ. Бѣлинскій былъ настоящимъ Прометеемъ нашего времени, и въ глубинѣ, искренности и законности своихъ страданій онъ навѣрное можетъ поспорить съ самимъ Байрономъ, съ тѣмъ великимъ и несчастнымъ Байрономъ, котораго, для увеселенія русскихъ барышень, такъ обкарнали и обезсмыслили наши милые байронисты, начиная отъ самого Лермонтова и кончая г. Полонскимъ. И такъ, въ концѣ концовъ, мы пришли къ тому общему результату, что наше молодое поколѣніе, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, не изучаетъ русской литературы, а только читаетъ тѣ книги, русскія или иностранныя, которыя даютъ человѣку основательное знаніе дѣйствительной жизни. Теперь, мой читатель, вы мнѣ позволите сдѣлать вамъ откровенное признаніе. Мнѣ ужасно надоѣло возиться съ романами г. Станицкаго и со всѣми его добродѣтельными и порочными фигурами изъ *papier-maché*. Честью васъ могу увѣрить, что въ Снѣговѣ и въ Карсаговѣ нѣтъ даже ничего похо-

шаго на какое бы то ни было поколѣніе, старое или молодое. Поэтому, будьте великодушны, позвольте мнѣ совершенно оставить ихъ въ сторонѣ, и передать вамъ, въ отдельной статьѣ, тѣ мысли, на которыя навела меня вопросъ объ наученіи, или вѣрнѣе, о по изученіи русской литературы. Эта отдельная статья пойдетъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Реалисты».

Д. Шмариновъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЕЙ БЫЛАГО.

(СВѢДЕНІЯ О ГРАФѢ АЛЕКСѢѢ АНДРЕЕВИЧѢ АРАКЧЕЕВѢ, СОБРАННЫЯ
Василіемъ Ратчемъ. Спб. 1864.)

Имя графа Аракчеева пользуется у насъ тою особенною популярностью, которая выпадаетъ на долю людей, получавшихъ возможность дѣйствовать широко и размахисто, имѣя огромное вліяніе на очень многое и очень многихъ. Дѣятельность такого рода, всегда и вездѣ, сопровождалась непосредственно двоякими результатами: удивленіемъ и испугомъ отуманенныхъ и ошеломленныхъ современниковъ и порожденіемъ довольныхъ и недовольныхъ, т. е. людей, на которыхъ могущественный и вліятельный человѣкъ изливалъ свои милости и щедроты, и людей, на которыхъ онъ своихъ милостей и щедротъ не изливалъ. Изъ этихъ двухъ источниковъ вытекали и мнѣнія о могущественномъ и вліятельномъ человѣкѣ, — мнѣнія, разумѣется, одно другому діаметрально противоположныя. При этомъ, какъ водится, отдѣльная личность отвѣчала за все и за всѣхъ, несла на себѣ всѣ грѣхи или всю славу міра сего, и ареопагъ ея цѣнителей и судей забывалъ совершенно, что такого рода оцѣнка болѣе, чѣмъ нераціональна. Исторія полна разсказами о людяхъ, то производившихъ повсемѣстныя, громаднѣйшія лжки, то возводившихъ столь же повсемѣстныя и громаднѣйшія сооруженія, то погонявшихъ впередъ, то осаживавшихъ назадъ общественное движеніе. «Александръ совершилъ то-то... Карлъ произвелъ то-то... Петръ пересоздалъ то-то... Людовикъ даровалъ человѣчеству то-то,» зубрили и читали мы въ разныхъ исторіяхъ

и жизнеописаніяхъ, и, по силѣ этого бессмысленнаго зубренья, по силѣ этого чтенія для процесса чтенія, проникались серьезно убѣжденіемъ, что такъ называемая исторія есть ни что иное, какъ исторія Александровъ, Карловъ, Петровъ, Людвиговъ и т. д. Только немногіе и недавно стали наконецъ относиться къ подобному воззрѣнію не совсѣмъ довѣрчиво; только немногіе и недавно стали наконецъ смекать, что ходъ историческаго развитія слѣдуетъ объяснять нѣсколько иначе, обращая вниманіе на преемственность явленій, на основныя, а не на кажущіяся причины событій, на цѣлыя массы, а не на отдѣльныя личности. Съ этимъ поворотомъ въ пониманіи дѣла стали поемному исчезать и умолкать и тѣ безапелляціонные приговоры, тѣ наивныя восхваленія и осужденія, которыя въ былое время столь велемудро прописывали и изрекали историки сошедшимъ со сцены дѣятелямъ и совершившимся фактамъ. Люди, въ кои-то вѣки, домыслились до того, что настоящая *суть* состоитъ не въ раздачѣ вѣнковъ и не въ изрыганіи проклятій тѣмъ, кому ужъ до этого нѣтъ никакого дѣла, а въ уясненіи вопросовъ: почему вотъ этотъ былъ такимъ-то, а тотъ эдакимъ? Отчего то-то совершилось тогда-то, а не прежде и не послѣ? Добромъ или зломъ слѣдуетъ называть то, что называлось этими именами прежде, и нельзя ли наконецъ извлечь изъ всего этого, изъ всего, что было да прошло, не одну лишь художественную картину, которою можно любоваться отъ нечего дѣлать, а нѣчто поважнѣе и по-существеннѣе, нѣчто такое, что могло бы быть приложимымъ къ настоящему и пригоднымъ для будущаго? Обстановка историческихъ дѣятелей выступаетъ, такимъ образомъ все болѣе и болѣе на первый планъ, а вслѣдствіе этого и сужденіе о нихъ становится нераздѣльнымъ съ сужденіемъ о цѣломъ обществѣ, среди котораго они дѣйствовали; самое же общество разсматривается, какъ продуктъ явленій, породить или не породить которыя зависѣло ужъ вовсе не отъ воли Александра, Карла, Петра или Людовика. Отъ ихъ воли зависѣло лишь иногда замѣнить Франца Фридрихомъ или Алексѣя Андреемъ и дать имъ возможность дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно, въ болѣе или менѣе широкой сферѣ; но почему, ради чего Францъ или Фридрихъ, Алексѣй или Андрей дѣйствовали такъ, а не иначе—объ этомъ опять таки историкъ не въ правѣ судить (какъ судили доселѣ) на основаніи однихъ прилагательныхъ: «кроткій,» «благодушный,» «кровожадный,» «свирѣпый» и т. п. Онъ можетъ

быть только нѣсколько требовательнѣе къ тѣмъ, (да и то если положительнаго дознается до этого), которые могли сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлали, или могли быть лучше, чѣмъ были; но и при этомъ историкъ не долженъ упускать изъ виду, что, во 1-хъ, одинъ въ полѣ не воинъ, а во 2-хъ, что люди, большею частію, бываютъ хорошими или нехорошими, добрыми или недобрыми, смотря по тому, кто и что ихъ окружаетъ, кто и какъ къ нимъ относится, кто и какъ понимаетъ и ихъ, и свое человѣческое достоинство. Исключенія же изъ этого общаго правила подлежатъ уже не исторіи, а психіатріи.

Дѣятельность графа Аракчеева — какъ мы уже замѣтили выше — принадлежала именно къ числу тѣхъ широкихъ, размахистыхъ дѣятельностей, о которыхъ по этой самой причинѣ можно и должно судить нѣсколько основательнѣе, обстоятельнѣе и строже, чѣмъ о дѣятельности, связанной на каждомъ шагу разнаго рода ревизіями, инспекціями, указаніями и наблюденіями. Личность самого графа, время, въ которое онъ жилъ, обстоятельства его жизни, люди, съ которыми онъ сталкивался, — все это въ высшей степени любопытно; а потому и нельзя не порадоваться появленію «Свѣденій», собранныхъ объ этихъ предметахъ г. Васиіемъ Ратчемъ, хотя радоваться появленію этихъ «Свѣденій» только и можно потому, что онѣ составляютъ еще первый опытъ, по возможности, полныхъ и нѣсколько связанныхъ данныхъ для біографіи графа Аракчеева, — опытъ, который можетъ вызвать другое, гораздо болѣе интересное и основательное, изслѣдованіе о знаменитомъ временщикѣ и его знаменательномъ времени. Что же касается до брошюрки г. Ратча, составленной изъ статей его, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» (№№ 5 и 12 за 1863 г. и № 1 за 1864), то о ней мы распространяться не будемъ, какъ потому, что это еще только одно начало біографіи графа Аракчеева, доведенное лишь до 1798 года, такъ и потому, что мы, по мягкости сердечной, гораздо болѣе чувствуемъ въ себѣ склонности къ восхваленіямъ, нежели къ порицаніямъ. Оставимъ же въ сторонѣ историческія, критическія и художественныя достоинства труда г. Васиіа Ратча, и займемся личностью самого графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, такъ какъ она является намъ не въ представленіи и измышленіяхъ автора «Свѣденій», а въ сообщаемыхъ этими «Свѣденіями» голыхъ, но краснорѣчивѣе всякихъ фразъ, самихъ за себя говорящихъ, фактахъ. Это, надѣемся, будетъ гораздо интереснѣе для нашихъ чита-

телей, въ особенности же для тѣхъ (а они, божь сомнѣніи, составляютъ большинство), которые не видѣли, не видятъ и не увидятъ ни «Военнаго Сборника», заключающаго въ себѣ статьи г. Ратча, ни этихъ же статей въ видѣ отдѣльной брошюры.

Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ родился 23 сентября 1769 года. Онъ былъ сынъ поручика Андрея Андреевича, который, дослужившись до этого чина, не преминулъ воспользоваться милостивымъ манифестомъ 18 февраля 1762 года, предоставлявшимъ дворянамъ право служить или не служить, подалъ въ отставку и поселился въ маленькомъ имѣньицѣ своемъ въ 20 душъ крестьянъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверскаго намѣстничества. Здѣсь, на лонѣ природы, протекали первые годы дѣтства будущаго графа, и здѣсь же привились къ нему первые начала тѣхъ свойствъ и качествъ — педагогической любви къ порядку, аккуратности, чистотѣ, бережливости и т. п. — которыя онъ впоследствии съ такой ревностью прививалъ другимъ. Этимъ преимущественно обязанъ былъ онъ своей матери, Елизаветѣ Андреевнѣ. Г. Ратчъ называетъ Елизавету Андреевну личностью замѣчательною, но вся замѣчательность этой личности, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, заключалась единственно въ томъ, что она была отличная домохозяйка, и въ такомъ порядкѣ, въ такой чистотѣ содержала свое хозяйство, что какой-то профессоръ, побывавъ у нея въ домѣ, называлъ ее голландкою. «Мать — говоритъ далѣе авторъ «Свѣденій» — учила сына молитвамъ, всегда водила его съ собою въ церковь, не пропускала ни обѣдни, ни вечерни, и постоянно внушала ему бережливость одежды и обуви. Только отецъ, глава семейства, не подчинялся общему настроенію всего домашняго быта — *обращаются въ постоянной дѣятельности* *). При этихъ обстоятельствахъ мальчикъ, быть можетъ по природѣ нѣсколько серьезный, былъ чуждъ рѣзвости, и изъ домашняго воспитанія вынесъ: набожность, привычку къ постоянному труду, споровку требовать его отъ людей ему подчиненныхъ и неутомимое стремленіе къ порядку. Дальнѣйшая обстановка его жизни не давала заглушить этимъ первымъ началамъ; развились они горнуенымъ воспитаніемъ и первоначально службою».

Андрей Андреевичъ, на первыхъ порахъ, задумалъ было самъ ввести своего сына въ преддверіе храма мудрости и знаній, т. е.

*) Со словъ самого графа Аракчеева.

внучить его грамотѣ; но въпрямикъ обращаясь съ постоянной дѣятельности, оставшему поручнику трудъ этотъ скоро показался слишкомъ тѣгостнымъ, и онъ возложилъ его на сельскаго дѣла, который, за несть четвертой въ годъ ржи и овса, сталъ посвящать Алексѣя Андреевича въ тайны чтенія, письма и четырехъ правилъ ардемонитини. Последнимъ предметомъ мальчикъ занимался съ видимою любовью, и даже сдѣлалъ изъ него для себя предметъ нѣкотораго увеселенія: онъ самъ себя задавалъ огромнѣйшія числа для умноженія, и очень утѣшался, когда, чрезъ повѣрку дѣломъ, испомыи получался вѣрно. За то каллиграфическое искусство рѣшительно не давалось Алексѣю Андреевичу, и это сильно огорчало его родителей, въ особенности же потому, что въ это время одинъ родственникъ Аракчеевыхъ, жившій въ Москвѣ, вызывался изъ опредѣлить изъ сына, когда онъ кончитъ курсъ домашняго ученія, въ какую-то канцелярію. «Изъ меня хотѣли сдѣлать подъячаго, то есть доставить мнѣ средства снискивать пропитаніе перомъ и крѣпками, говоря въ послѣдствіи объ этомъ самъ Алексѣй Андреевичъ:—не имѣлъ я пенатія ни о какой службѣ, а потому отцу и не врекеловилъ *).» Сдѣлать сына подъячимъ Андрею Андреевичу, однакоже, не удалось: будущему графу опредѣлено было идти иною дорогою, и судьбу его рѣшилъ—мундиръ.

Случилось это слѣдующимъ образомъ: къ сосѣду Аракчеевыхъ, помѣщику 30 душъ и отставному прапорщику Корсакову, пріѣхали въ отпускъ два его сына, бывшіе кадетами въ артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ корпусѣ. Андрей Андреевичъ, отправившись какъ-то разъ къ сосѣду, взялъ туда съ собою и сына, которому въ это время шло уже одиннадцатый годъ. Знакомство съ кадетами произошло на Алексѣя Андреевича потрясающее впечатлѣніе и породило въ немъ непреодолимое желаніе поступить въ корпусъ,— для того, чтобы облечься въ кадетскій мундиръ и ходить на ученья, о которыхъ Корсаковы рассказывали со всею увлеченіемъ наивнаго отрочества. «Мнѣ въ голову не приходило разспрашивать ихъ, какимъ премудростямъ ихъ обучаютъ, признавался въ слѣдствіи самъ графъ Аракчеевъ:— но не могъ я наслушаться ихъ рассказовъ о лагерѣ, ученьяхъ, стрѣльбѣ изъ пушекъ. Я не проронилъ ни одного слова. Особенно поразили меня ихъ красные мундиры съ черными бархатными лацканами. Мнѣ ка-

*) Свидѣнія о графѣ Алексѣе Андреевичѣ Аракчеевѣ, стр. 8.

зались они какими-то особенными, высшими существами. Я не отходилъ отъ нихъ ни на шагъ»^{*)}).

Съ этой минуты, «сгорѣвъ душою», какъ пушкинскій рыцарь, влюбившійся въ «видѣнье, непонятное уму», десятилѣтній Аракчеевъ только и грезилъ корпусомъ, кадетами, мундирами и ученьями, и, по собственнымъ словамъ его, былъ *какъ въ мхораджэ*. Наконецъ Алексѣй Андреевичъ бросился въ ноги къ отцу, говоря, что онъ умретъ съ горя, если его не отдадутъ въ корпусъ. Отставной поручикъ, должно быть смекнувшій, что тутъ дѣло идетъ о призваніи, объявилъ сыну, что онъ вовсе не прочь исполнить его желаніе, но затрудняется въ томъ, какъ добраться до Петербурга и дѣйствовать тамъ безъ денегъ и покровителей. Сынъ все-таки же и послѣ этого не отставалъ отъ отца, и не отставалъ отъ него до тѣхъ поръ, пока Андрей Андреевичъ не далъ ему слова употребить всевозможныя старанія для осуществленія поѣздки въ Петербургъ; сообщили объ этомъ Елисаветѣ Андреевнѣ. «Съ Богомъ! Коли на то Божья воля, ступай въ кадеты», — отвѣчала она, но тѣмъ не менѣе еще два года продержала сына въ деревнѣ, изъ опасенія отпустить его въ дальнюю столицу и въ чужіе люди въ столь нѣжномъ возрастѣ. Только послѣ святокъ 1782—1783 годовъ исполнилось наконецъ пламенное желаніе Алексѣя Андреевича, и онъ отправился съ отцемъ въ обѣтованный Петербургъ, напутствуемый благословеніями матери. «Рыдая, — говорилъ графъ Аракчеевъ, вспоминая объ этомъ событіи: — благословила она меня образомъ, который ношу до сихъ поръ, и который не сходилъ съ груди моей, и дала мнѣ одно увѣщаніе — молиться и надѣяться на Бога. Всю жизнь мою я слѣдовалъ ея совѣту»^{**}).

По прибытіи въ Петербургъ, Аракчеевымъ довелось испытать много разныхъ передрагъ и неприятностей, какъ по причинѣ крайней скудости въ денежныхъ средствахъ, такъ и потому, что въ артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ корпусѣ господствовала, въ то время нѣкоторая неурядица. Бывшій директоромъ корпуса, генералъ Мордвиновъ, не задолго передъ тѣмъ умеръ, и должность его исправлялъ генералъ Мелиссино, утвержденный директоромъ только въ февралѣ 1783 года. Но и послѣ этого долго еще приходилось Андрею Андреевичу съ сыномъ являться ежедневно на лѣстницѣ Мелиссино, съ единственной цѣлью — безмолвно поклониться

^{*)} Тамъ же, ст. 10.

^{**}) Тамъ же, ст. 11.

его превосходительству, и тѣмъ напомнить ему о себѣ. Деньги между тѣмъ выходили; наконецъ вышли совсѣмъ, и отставному поручику съ увлеченнымъ страстью къ корпусному воспитанію сыномъ предстояла въ перспективѣ чуть не голодная смерть. Это невеселое обстоятельство вмѣстѣ съ желаніемъ поступить, во что бы то ни стало, въ кадеты вдохнуло въ двѣнадцатилѣтняго Аракчеева какую-то смѣлость отчаянія, и онъ въ первый же, разъ, какъ увидѣлъ на лѣстницѣ Мелиссино— со слезами подошелъ къ нему и сказалъ: «Ваше превосходительство! примите меня въ кадеты... намъ придется умереть съ голоду... мы ждать болѣе не можемъ... вѣчно буду вамъ благодаренъ, и буду за васъ Богу молиться». Плакалъ, говоря это, сынъ; плакалъ, слушая сына, и отецъ,— и это невольно остановило Мелиссино. Онъ спросилъ у Аракчеевыхъ ихъ фамилію и когда подано ими прошеніе въ корпусъ; потомъ вернулся въ свои комнаты и вынесъ оттуда записку для отдачи въ канцелярію, объявивъ просителямъ, что просьба ихъ исполнена. Алексѣй Андреевичъ, внѣ себя отъ восторга, кинулся цѣловать руки его превосходительства; но его превосходительство поспѣшно сѣлъ въ карету и уѣхалъ, а Аракчеевы отправились тотчасъ же въ первую церковь, гдѣ со слезами и земными поклонами благодарили Бога, и только потому не поставили приличной случаю свѣчи, что поставить ее было не на что. «Этотъ урокъ бѣдности и безпомощнаго состоянія сильно подѣйствовалъ на меня,— говорилъ впоследствии графъ Алексѣй Андреевичъ:— я старался заслужить милость моихъ начальниковъ, и Мелиссино особенно полюбилъ меня за мою исправность. Истари говорятъ, что счастье и несчастье приходятъ всегда со свитою своею. Отецъ мой въ тотъ же день встрѣтилъ одного родственника, пріѣхавшаго изъ Москвы съ туго набитою кошелькою: онъ далъ ему денегъ, чтобы вернуться въ деревню.» *)

Это блаженное для Аракчеевыхъ событіе произошло 19 іюля 1783 года; 20 іюля Алексѣй Андреевичъ уже поступилъ въ корпусъ, и отецъ его, препоручивъ сына покровительству чудотворной иконы Казанской Богородицы, вернулся снова на лоно природы.

Артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ образовался чрезъ соединеніе петербургской, артиллерійской и инженерной школъ основанныхъ Петромъ Великимъ, выбравшимъ въ нихъ находившихся

*) Тамъ же, ст. 13.

на службѣ способныхъ молодыхъ людей, дабы они «могли честь выше стяжать и скорѣе сдѣлаться достойными повышения». Соединеніе это произведено было при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, который вообще много сдѣлалъ для корпуса, и долго жилъ въ памяти его воспитанниковъ, еще лѣтъ черезъ тридцать послѣ смерти графа говоривавшихъ по поводу какихъ нибудь неблаговидныхъ продѣлокъ своихъ начальниковъ и воспитателей, что «при графѣ такъ не бывало». Шуваловъ обращалъ надлежащее вниманіе и на преподаваніе въ корпусѣ специальныхъ наукъ, и на общее развитіе кадетъ, и на практическія занятія, необходимыя для примѣненія къ дѣлу теоретическихъ познаній, и на выборъ преподавателей, и на корпусное упражненіе, и на систему штрафовъ и наказаній. Господствовавшая въ военныхъ школахъ до Шувалова, система штрафовъ и наказаній въ то доброе старое время никого не возмущала и никого не приводила въ негодованіе. Воспитанниковъ, напримѣръ, гоняли сквозь строй по три раза сквозь поля, сѣкли батогами «по два дни нещадно», и только «по молодости лѣтъ» наказывали кошками. О розгахъ ужъ и говорить нечего! Розги почитались тогда такою же необходимою и обыкновенною вещью при *питаніи юношей науками*, какъ необходимы и обыкновенны были хлѣбъ при питаніи ихъ щами и масло при питаніи кашею. Самы, подлежавшіе такой пряной приправѣ къ духовной пищѣ, юноши взирали на нее не иначе, какъ съ точки зрѣнія ея пряности, и наказаніе чувствовалось ими, дѣйствительно, только по мѣрѣ его физической чувствительности. Объ оскорбительномъ же и постыдномъ значеніи тѣлесныхъ наказаній въ сущности нравственномъ не было и помину, потому что и народная мудрость гласила, что «за битаго двухъ небитыхъ дають»; розгамъ же даже слагались хвалебныя пѣснопѣнія въ родѣ слѣдующихъ:

Розги малому, бича большиму тресбѣ,
 А жезль подростичъ при нескудномъ хлѣбѣ:
 Тѣ орудія глуныхъ исправляютъ,
 Плоти цѣлости ни чтоже вреждають.
 Розга умъ острить, память возбуждаетъ
 И волю злую во благо прелагаетъ.
 Цѣлуйте розгу, бичъ и жезль лобзайте,
 Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте,
 И рукъ, яже вамъ язвы налагають,
 Ибо не зла, но добра желаютъ.

Графъ Шуваловъ, не совсѣмъ раздѣлявшій этотъ взглядъ на признательное цѣлованіе розги и лобзаніе бича и жезла, старался, напротивъ, развить въ воспитанникахъ шляхетнаго корпуса чувство чести, чувство «амбиціи», основывая его главнымъ образомъ, сообразно духу времени, на высокомъ значеніи дворянскаго происхожденія. «Фуктель есть обыкновенный штрафъ, только надлежитъ при томъ знать умѣренность, и для того кадетовъ никому, кромѣ ротныхъ и дежурнаго капитана, штрафовать не позволяется», писалъ онъ въ своемъ планѣ объ учрежденіи шляхетнаго кадетскаго корпуса; но, сверхъ того еще, для смягченія этого наказанія приказалъ, вмѣсто шпаги, употреблять обшитую сукномъ рапиру. Къ сожалѣнію корпусъ оставался не долго въ вѣденіи Шувалова, и введенные имъ новые начала воспитанія не могли пустить глубокихъ корней. Убѣжденіе въ необходимости суровыхъ тѣлесныхъ наказаній было однимъ изъ самыхъ непоколебимыхъ убѣжденій педагоговъ и менторовъ того времени; а потому, по смерти графа, розги появились снова во всемъ своемъ цвѣтѣ и блескѣ въ вертоградахъ россійскаго военнаго просвѣщенія. «Сѣгли за все и про все, рассказывалъ г. Ратчу одинъ воспитанникъ артиллерійскаго корпуса девятинадесяти годовъ прошлаго столѣтія: сѣгли и часто, и больно, а за тычками никто не гонялся». — «Насъ воспитывали въ страхѣ божіемъ и въ страхѣ розогъ», говорилъ про свое корпусное время самъ графъ Аракчеевъ *), и такого рода воспитаніе, разумѣется, принесло сторицею плоды. Привыкая чуть не отъ пеленокъ, сначала дома, потомъ въ школахъ, къ частымъ и щедрымъ порціямъ березовой каши, къ тычкамъ, пинкамъ и волосянкамъ, за которыми ужъ даже, по свѣденію, сообщенному г. Ратчу, никто и не гонялся, наши прадѣды, дѣды и отцы не скупились на эту благодать и сами, какъ скорѣ лишь хотъ нѣсколько выдвигались на линію власть имѣющихъ и получали возможность практиковаться въ этой власти хотъ надъ полдюжиной человѣческихъ тѣлесъ. Не видѣвъ ни жалости, ни снисхожденія къ себѣ въ годы, невольнo вызывающіе эти чувства въ каждомъ мало-мальски человѣческомъ сердцѣ, наши прадѣды, дѣды и отцы не только что не знали этихъ чувствъ и сами, но еще не безъ удовольствія и съ лихвою вымещали испытанное собственными спинами на спинахъ чуждыхъ. Жутко приходилось отрокамъ и юношамъ беспорядочнымъ, нерадивымъ, небрежнымъ;

*) Тамъ же, с. 24.

но не таковъ былъ нашъ герой, а потому корпусъ и корпусный быть не могли казаться страшными и невыносимыми Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Приученный, какъ мы видѣли, съ самаго ранняго дѣтства своей матерью къ порядку, аккуратности, чистотѣ, бережливости и умѣнью требовать всего этого и отъ другихъ; движимый, сверхъ того, пламеннѣйшимъ желаніемъ заслужить милость начальниковъ и выйти въ люди, Аракчеевъ мигомъ освоился со всѣми корпусными требованіями, и быстро сталъ, что называется, *изъ молодыхъ да раннимъ*. По части наукъ, онъ въ особенности преуспѣвалъ въ математикѣ и артиллеріи, а «въ наукамъ словеснымъ — по словамъ одного изъ биографовъ — не имѣлъ особой склонности», почему всю свою жизнь писалъ очень неправильно. Относительно языковъ, Аракчеевъ довольно свободно читалъ и говорилъ по французски, хотя и съ дурнымъ выговоромъ; зналъ и нѣмецкій языкъ, въ которомъ уже впрочемъ усовершенствовался впоследствии, на службѣ въ Гатчинѣ, въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ офицерами — нѣмцами, гатчинскихъ войскъ великаго князя Павла Петровича. Всѣ эти познанія и успѣхи дѣлали изъ Аракчеева виднаго и завиднаго для другихъ кадета. Черезъ семь мѣсяцевъ по поступленіи своемъ въ корпусъ, онъ перешелъ уже въ верхніе классы; 9 февраля 1784 года произведенъ былъ въ капраны; съ небольшимъ черезъ два мѣсяца — въ фурьеры, а черезъ пять мѣсяцевъ — въ сержанты. Быстрымъ повышеніемъ своимъ, еще болѣе, чѣмъ успѣхамъ въ наукахъ, Алексѣй Андреевичъ обязанъ былъ своему поведенію. «Ему — пишетъ авторъ свѣдѣній, — поручали слабыхъ какъ по фронту, такъ и по наукамъ кадетъ, и онъ неукалюжихъ и неповоротливыхъ обращалъ въ ловкихъ; лѣнтяи и малоспособные вытверживали свои уроки. Аракчеевъ съ пятнадцатилѣтняго возраста учился самъ и училъ другихъ, снискалъ расположеніе старшихъ тѣмъ, что облегчалъ службу какъ офицеровъ, такъ и репетиторовъ. Ему они могли поручать, что угодно — надзоръ ли за порядкомъ и за вытверживаніемъ уроковъ, или строевое ученье, и всегда могли отлучаться спокойно, зная, что все будетъ исполнено. Аракчеевъ, въ пятнадцать лѣтъ, всякое приказаніе исполнялъ буквально, круто поворачивалъ подчиненныхъ, и тычовъ не щадилъ. Начальники осыпали его громкими и общими похвалами.» Это, конечно, такъ и должно было быть, — за то товарищи изъ молодыхъ да ранняго инструктора относились къ нему нѣсколько иначе, и вотъ, наприимѣръ, что пишетъ

объ Аракчеевъ одинъ изъ его современниковъ, близко знавшій его по корпусу: «Аракчеевъ былъ сержантомъ въ корпусѣ и отличался какъ своими успѣхами въ наукахъ, такъ въ особенности своею ретивностью ко всѣмъ военнымъ порядкамъ. Дѣйствительно онъ замѣчательнъ своими способностями, познаніями и усердіемъ, но онъ нестерпимаго звѣрства, которое онъ уже выказывалъ надъ кадетами *).»

Какъ бы то ни было, но Алексѣй Андреевичъ «преуспѣвалъ», и не безъ основанія могъ надѣяться выйти въ люди. Въ августѣ 1786 года онъ былъ награжденъ установленною за отличіе серебряною вызолоченною медалью, которая носилась въ петлицѣ на вызолоченной цѣпочкѣ, а 17 сентября слѣдующаго года выпущенъ съ чиномъ арміи поручика, но оставленъ при корпусѣ репетиторомъ и назначенъ учителемъ ариметики и геометріи, а потомъ и артиллеріи. Сверхъ этихъ обязанностей ему поручено было завѣдывать корпусною бібліотекою. Шведская война вскорѣ послѣ того помогла Аракчееву сблизиться съ его непосредственнымъ начальникомъ и первымъ «милостивцемъ», Петромъ Ивановичемъ Мелиссино, а это сближеніе, разумѣется, не могло остаться безъ благоприятныхъ послѣдствій для жаждавшаго отличій и, дѣйствительно недлюбившаго лѣниться и бить баклуши поручика. По случаю войны, при корпусѣ формировалась новая артиллерія, и это-то именно обстоятельство дало возможность Алексѣю Андреевичу выказать во всемъ блескъ свою неутомимую служебную ретивость. Онъ работалъ неутомимо: обучалъ новобранцевъ строго лабораторному искусству и стрѣльбѣ, а для большей успѣшности этого обученія успѣлъ даже составить въ видѣ руководства «Краткія артиллерійскія записки въ вопросахъ и отвѣтахъ.» И эти труды Алексѣя Андреевича не остались безъ воздаянія: въ 1789 году онъ переименованъ былъ въ подпоручика артиллеріи, и когда изъ трехъ ротъ корпуса выбраны были лучшіе фронтовики для составленія изъ нихъ особой гренадерской команды—начальство надъ этою командою ввѣрено было Аракчееву.

По окончаніи шведской войны, судьба поблагодѣйствовала герою нашему и помимо казенной службы. Графу Николаю Ивановичу Салтыкову понадобился учитель для сына, и онъ обратился съ просьбою объ этомъ къ Мелиссино. Мелиссино указалъ на Аракчеева, и Алексѣй Андреевичъ такимъ образомъ приобрѣлъ не только

*) Свидѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, ст. 41.

значительную субсидію въ финансовомъ отношеніи, но и новаго, вліятельнаго «милостивца», доказавшаго ему между прочимъ расположеніе свое тѣмъ, что выхлопоталъ ему отпускъ въ деревню, котораго безъ того не далъ бы Мелиссино своему ретивому подчиненному — именно потому, что онъ былъ слишкомъ ужъ ретивъ, и на него можно было навьючивать дѣло за дѣломъ.

И вотъ въ красномъ мундирѣ, съ золотыми часами, подаренными графиней Салтыковой, явился Алексѣй Андреевичъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ и предсталъ предъ очи умиленныхъ родителей. Велика была ихъ радость, но отставной поручикъ Андрей Андреевичъ не упустилъ и тутъ изъ виду достоинства отца и главы семейства. Онъ снялъ съ сына часы, повѣсилъ ихъ у себя надъ кроватью и возвратилъ эту драгоценность ея владѣльцу не прежде его отъѣзда, съ словами: «Возьми часы. Я дарю ихъ тебѣ. Знай и помни, что ты мнѣ ими обязанъ: не помѣсти я тебя въ корпусъ, ты не училъ бы у Салтыковыхъ и часовъ бы не имѣлъ.» «Поэтому я и сохраняю ихъ, какъ отцовскій подарокъ», говорилъ впоследствии графъ Аракчеевъ, показывая часы посѣщавшимъ его въ его знаменитомъ Грузинѣ. *)

Уроки у Салтыковыхъ имѣли вообще не мало вліянія на дальнейшую судьбу Алексѣя Андреевича. Пользуясь расположеніемъ графа, честолюбивый подпоручикъ рѣшился на смѣлый въ его положеніи шагъ, а именно: рѣшился просить Салтыкова о ходатайствѣ для полученія званія старшаго адъютанта при Мелиссино, — званія, которое давало чинъ арміи капитана и вообще могло назваться довольно виднымъ. Салтыковъ въ этомъ ходатайствѣ не отказалъ, но Мелиссино оно не понравилось. По своему тщеславію и любви къ блеску, онъ выбиралъ себѣ въ адъютанты людей богатыхъ и свѣтскихъ; а Аракчеевъ былъ не что иное, какъ исправный и работающій служака; въ порядочную же гостиную могъ развѣ быть допущенъ (да и то какъ незамѣтная въ массѣ единица) только потому, что, вслѣдствіе своей аккуратности и бережливости, всегда чисто одѣвался. Отказать Салтыкову Мелиссино однако же не рѣшился, но неудовольствіе свое невольнo выразилъ словами «вотъ пострѣль!» — словами, относившимися не къ кому иному, какъ къ деревенному претенденту на званіе старшаго адъютанта при особѣ

*) Тамъ же, с. 43.

его превосходительства. Званіе это тѣмъ не менѣе Аракчеевъ получилъ, и пробылъ въ немъ болѣе года. Мелиссино обращался съ навязаннымъ ему адъютантомъ не совсѣмъ-то любезно и привѣтливо, но и это послужило ко благу, родившемуся, должно быть, въ сорочкѣ, Алексѣю Андреевичу. Великій князь Павелъ Петровичъ пожелалъ имѣть для своей гатчинской артиллеріи свѣдущаго офицера и обратился по этому дѣлу къ Мелиссино; а Мелиссино, не спросивъ даже согласія Аракчеева, назначилъ прямо его на службу въ Гатчину. Назначеніе это врядъ ли бы восхитило кого другаго, потому что по Петербургу ходили слухи о строгости и требовательности гатчинской службы, не представлявшей, сверхъ того, ни денежныхъ выгодъ, ни надеждъ на что либо особенно хорошее въ будущемъ; но на Алексѣя Андреевича оно произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе. Онъ не боялся никакой службы, какъ бы взыскательна она ни была; онъ былъ увѣренъ въ себѣ, и потому, 4 сентября 1792 года, съ радостью отправился явиться къ великому князю, въ мундирѣ и прическѣ гатчинскихъ войскъ.

Гатчина, купленная въ 1784 году для Павла Петровича императрицею Екатериною II, съ этого самаго времени была любимымъ мѣстопребываніемъ великаго князя, предпочитавшаго уединенную жизнь шуму и блеску петербургскаго двора. Въ Гатчинѣ у Павла Петровича былъ свой маленькій дворецъ, была даже своя маленькая армія, которой онъ посвящалъ всю свою дѣятельность, обмундирывая и обучая свои войска по прусскому образцу, въ качествѣ страстнаго поклонника Фридриха Великаго.

Строгость и требовательность гатчинской службы сказались Аракчееву разомъ уже по тѣмъ вопросамъ, которымъ подвергся онъ на заставѣ, при вѣздѣ въ Гатчину. Первый пріемъ, сдѣланный ему Павломъ Петровичемъ, былъ довольно сухъ. Великій князь сказалъ Аракчееву, чтобы онъ явился къ ротѣ и ознакомился съ порядкомъ службы. Знакомство это, нелегко достававшееся другимъ, получавшимъ вслѣдствіе сего безпрестанные и строгіе выговоры и замѣчанія, далось, какъ и слѣдовало ожидать, Алексѣю Андреевичу сразу, и онъ на первый же вахтъ-парадъ явился какъ бы вѣкъ служившимъ въ Гатчинѣ. Особенное вниманіе Аракчеевъ обратилъ на форму. Великій князь, соблюдая форму самъ съ безукоризненной точностью, строго требовалъ этого и отъ другихъ, а сверхъ того любилъ, чтобы окружавшіе его одѣвались не только по формѣ, но и

хорошо, — а Алексѣй Андреевичъ, не взирая на скудные средства свои, одѣвался щеголемъ. Это не могло не обратить на Аракчеева вниманія Павла Петровича; а когда великій князь посѣтилъ какъ-то лабораторныя работы, и Аракчеевъ имѣлъ случай доложить ему о нѣкоторыхъ, необходимыхъ тутъ, перемѣнахъ и замѣченныхъ имъ недостаткахъ — великій князь отвѣчалъ: «дѣльно». Зоркимъ взглядомъ просмотрѣвшись къ своему новому офицеру поближе, Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что Аракчеевъ — «служака», и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ того, какъ Алексѣй Андреевичъ прибылъ въ Гатчину, онъ уже былъ назначенъ командиромъ артиллерійской роты, произведенъ въ капитаны артиллеріи и получилъ личное право — съ этого самаго дня, безъ всякаго особеннаго приглашенія, находиться постоянно при обѣденномъ его высочества столѣ.

Аракчеевъ очень скоро снискалъ полное расположеніе Павла Петровича, обладая въ высшей степени всѣми тѣми качествами и свойствами, которыхъ требовала служба, а постоянно томившее его желаніе выйти въ люди только развивало и совершенствовало эти качества и свойства. Чѣмъ же инымъ, кромѣ служебной исполнительности и ретивости, могъ выдвинуться изъ толпы не имѣвшій ни сильныхъ покровителей, ни знатныхъ связей, бѣдный офицеръ, который при гатчинскомъ дворѣ, среди гатчинскихъ придворныхъ, невольно терялся и ступшеывался и, находясь въ придворномъ обществѣ, по словамъ г. Ратча, «принималъ участіе въ разговорахъ, когда лишь только они касались служебныхъ предметовъ»? При дворѣ прозвали Аракчеева *новымъ капраломъ*. Онъ ни съ кѣмъ не сходилъ, ни съ кѣмъ не сближался, не искалъ ни любви, ни дружбы, ни симпатіи, и всѣ его мысли, всѣ его желанія направлены были къ одному — угодить великому князю. Угодить же великому князю можно было только самымъ строгимъ и ревностнымъ исполненіемъ службы; — и «Аракчеевъ — говорить г. Ратчъ — понималъ желанія великаго князя, а своимъ усердіемъ и дѣятельностью приводилъ ихъ въ исполненіе съ большимъ успѣхомъ. Случалось конечно и ему иногда попадаться въ просакъ, ибо конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается; но это случалось очень не часто, да и то въ случаяхъ неважныхъ. Такъ, напримѣръ, уже послѣ слишкомъ двухлѣтней службы въ Гатчинѣ, когда Алексѣй Андреевичъ былъ уже подполковникомъ, подвергся онъ однажды строгому замѣчанію со стороны великаго князя по слѣдующему случаю: въ гатчинскихъ войскахъ было нѣкоторое различіе въ чинахъ отъ

чиновъ во всѣхъ остальныхъ войскахъ арміи, и, между прочимъ, не было раздѣленія маіоровъ на премьеръ и секундъ—маіоровъ. За точнымъ наименованіемъ чинами неукоснительно слѣдилъ самъ Павелъ Петровичъ, и вотъ за одно упущеніе по этой части Аракчеевъ получилъ отъ великаго князя такого рода письменное замѣчаніе:

«С.-Петербургъ, декабря 11-го дня 1794 года.

«Присланное вами, г. подполковникъ Аракчеевъ, сегодня съ нарочнымъ дѣло, будучи текущее, а сверхъ сего по существу своему и никакого изслѣдованія и незаслуживающее, то и удивляюсь Я, почему вы отправили съ онымъ нарочнаго казака, а не дождались учрежденной въ Гатчинѣ почты, тѣмъ болѣе, что, окромя артиллеріи, ничто подъ командою вашею не состоитъ, и для того остерегаться вамъ и впредь отъ подобныхъ сему дѣлъ. Усмотря же изъ возвращаемаго при семъ произведеннаго надъ фурлейтомъ Егоровымъ слѣдствія, несоблюденія формы, ибо вамъ должно извѣстно быть, что у насъ названіе секундъ и премьеръ маіоровъ не существуетъ, то и не могу, чтобъ не дать вамъ знать о Моемъ по сему удивленіи, рекомендуя вамъ стараться о избѣжаніи и впредь таковыхъ новостей. Впрочемъ, есть вамъ благосклоннымъ.

«Павелъ» *).

Кромѣ завѣдыванія артиллеріею, Аракчееву поручено было отъ Павла Петровича устроить классы для младшихъ офицеровъ, подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Для классовъ отведены были комнаты въ самомъ гатчинскомъ дворцѣ; классы же распределены были Аракчеевымъ слѣдующимъ образомъ: въ одномъ, подпрапорщикамъ и юнкерамъ пѣхоты и кавалеріи, преподаваемы были: чистописаніе, русскій языкъ, ариметика и начала геометріи; въ другомъ, артиллерійскимъ юнкерамъ: русскій языкъ, математика и артиллерія; въ третьемъ, всѣмъ офицерамъ вообще: тактика и фортификація. Кромѣ наблюденія за преподаваніемъ, Аракчеевъ долженъ былъ наблюдать неослабно за поведеніемъ и благонравіемъ учащихся, равно какъ и за тѣмъ, чтобы они не уклонялись отъ формы, о чемъ великій князь напомнилъ своему вѣрному и исполнительному подполковнику особымъ предписаніемъ слѣдующаго содержанія:

«По учрежденіи вами, г. подполковникъ Аракчеевъ, вслѣдствіе

*) Тамъ же с. 94.

приказанія Моего, для офицеровъ военнаго класса; предписываю вамъ имѣть прилежное смотрѣніе какъ за успѣхомъ ихъ въ ученіи, такъ и за поведеніемъ во время онаго, а притомъ наблюдать, чтобы они были всегда и какъ должно по формѣ одѣты, не дозволяя имъ ходить въ классы въ сертукахъ; если же кто противъ сего сдѣлается ослушнымъ, то позволяю вамъ такого тотчасъ арестовать, давъ о томъ знать за извѣстіе коменданту, а Меня тотчасъ рапортовать, такъ какъ и доносить Мнѣ почасту обо всемъ ономъ. Для классовъ же избрать вамъ способное время, какъ напримѣръ послѣ обѣда, въ кое офицеры отъ должностей свободны бывають; сіе же относится для тѣхъ, кои въ Гатчинѣ, а не живущихъ въ Скворицахъ. Впрочемъ пребываю съ благорасположеніемъ вамъ благосклонный
«Павель» *).

Въ концѣ 1794 года, сверхъ всѣхъ своихъ обязанностей, Аракчеевъ получилъ еще новое назначеніе: Павель Петровичъ возложилъ на него устройство хозяйственной части своихъ войскъ, комиссаріатской и провіантской, соединенныхъ въ вѣденіи учрежденнаго тогда въ Гатчинѣ военнаго департамента. Это значительно усложняло кругъ дѣятельности Алексѣя Андреевича и на первыхъ порахъ не мало затрудняло его, тѣмъ болѣе, что зоркій глазъ великаго князя не упускалъ ничего изъ виду по военной части, и Аракчеевъ получалъ безпрестанно отъ его высочества самыя разнообразныя приказанія и предписанія, между которыми были и такія:

«С. Петербургъ, февраля 13 дня 1796 года.

«Возвращая вамъ при семь два орла съ скопервитовъ, имѣете вы въ среднѣ оныхъ велѣть написать гербы, и положить ихъ на голубое сукно такое, какое на чепракахъ у жандармовъ, обложить же ихъ бѣлою нитяною тесьмою по краямъ въ два ряда, а офицерамъ серебрянымъ галуномъ въ два же ряда; а какъ скоро изготовятся, то прислать мнѣ по одному на апробацію.

«Павель.»

«Павловское, августа 1 дня 1796 года.

«На полученныя мною отъ военнаго департамента вѣдомости, слѣдующія здѣсь приказанія имѣете вы, г. подполковникъ, кому слѣ-

*) Тамъ же, с. 95.

дуетъ для исполненія объявить: 1) чтобы со всѣхъ, кои департаменту должны, неупустительно стараться собирать долги; 2) по приказаніи въ наличнѣ остающейся суммы, показывать въ особой рубрикѣ всѣ тѣ вещи, кои слѣдуетъ по сроку построить; 3) такъ какъ сермяжнаго сукна 800 аршинъ, а оное нынѣ не употребляется, то продать оное. 4) Тесьму, употребленную въ вашемъ батальонѣ (т. е. въ мушкатерскомъ батальонѣ, посвященъ имя подполковника Аракчеева) и называть просто такого-то батальона, а не чувешною. 5) Наличные кушаки жандармскіе голубые и чепраки отдать по полкамъ въ ихъ экономію. 6) Имѣющіеся 4 золотые аксельбанта прислать въ батальонъ великаго князя Александра Павловича. 7) Умершаго же штабъ-лекаря, коллежскаго ассесора Семенова, малолѣтняго сына имѣете опредѣлить кадетомъ въ экстерны по сиротскому дому, который туда и отправленъ будетъ. 8) Находящіеся въ наличнѣ 5 музыкантскихъ мундировъ или употребить на иное, что нужнѣе, или продать.

«Павелъ.»

Много уже, было всякаго рода дѣлъ у Алексѣя Андреевича; но на ретиваго подполковника возлагались еще новыя званія и обязанности. Въ началѣ 1796 года, Павелъ Петровичъ, недовольный инспекторомъ гатчинской пѣхоты, подполковникомъ Баратынскимъ, назначилъ вмѣсто него Аракчеева, оставивъ его при этомъ и въ прежнемъ званіи инспектора артиллеріи: а такъ какъ Баратынскій, сверхъ должности инспектора, занималъ еще должность гатчинскаго губернатора, то и она тоже перешла къ Алексѣю Андреевичу. Служебное счастье такимъ образомъ видимо улыбалось молодому подполковнику; карьера его двигалась на всѣхъ парахъ, и онъ, въ благодарность великому князю за всѣ столь несомнѣнные знаки его расположенія, принялся за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей съ величайшею ревностью. Ученья продолжались часовъ по двѣнадцать въ день, и Аракчеевъ во все время не сходилъ съ плаца. На-вѣрное немногіе художники любили и любятъ свое «искусство для искусства» такъ горячо и страстно, какъ любилъ онъ свое.

Павелъ Петровичъ, жившій одно время въ Павловскѣ, по прибытіи въ Гатчину и осмотрѣ тамошнихъ войскъ, отозвался прямо, что три гатчинскіе батальона (вымуштрованные Аракчеевымъ) перещеголяли тѣ три, которые находились для содержанія карауловъ въ Павловскѣ.*).

*) Тамъ же.

Не менѣ ревностно исполнялъ Алексѣй Андреевичъ и свои обязанности по званію гатчинскаго губернатора. Тутъ, въ бытность Павла Петровича въ Петербургѣ, въ жандармскомъ полку офицеры сказались больными, а одинъ изъ нихъ, поручикъ Цорнъ, отличный кавалеристъ и извѣстный служака, послалъ прямо къ великому князю просьбу объ увольненіи отъ службы. Что донесъ съ своей стороны Аракчеевъ — неизвѣстно; но на имя его, въ отвѣтъ на просьбу Цорна, послѣдовало слѣдующее приказаніе:

«С. Петербургъ, 16 апрѣля 1796 года.

«Если возвращаемое при семъ къ вамъ, г. подполковникъ Аракчеевъ, отъ жандармовъ поручика Цорна прошеніе безъ вѣдома вашего послано, то имѣете вы отдать при паролѣ, что Я лѣнливыхъ, ради ихъ лѣнности, отъ службы не увольняю; ему же, Цорну, служить за корнета до выслуги, а сверхъ сего за сей поступокъ арестовать на недѣлю.

«Павелъ.»

Впослѣдствіи однако же дѣло разъяснилось, и Цорнъ очень скоро произведенъ былъ въ штабъ-ротмистры, потомъ въ ротмистры, въ томъ же году переведенъ въ гвардію, и менѣ чѣмъ черезъ два года послѣ того въ чинъ генералъ-маіора, получивъ кирасирскій полкъ.

Обстоятельство это не охладило нисколько расположенія къ Аракчееву Павла Петровича, не охладило и служебнаго жара въ самомъ Алексѣѣ Андреевичѣ. Онъ съ прежней ретивостью исполнялъ всѣ свои обязанности, и сверхъ другихъ дѣлъ, занимался еще, по порученію великаго князя, пересмотромъ военно-уголовныхъ законовъ (фельдъ-крисъ-герихта) и устройствомъ въ Гатчинѣ военно-сиротскаго дома, образовавшаго впослѣдствіи Павловскій казенный корпусъ. Между тѣмъ случилось обстоятельство, сначала было не мало смутившее Алексѣя Андреевича, но потомъ разрѣшившееся въ его же пользу. 25 іюня 1796 года родился великій князь Николай Павловичъ, а черезъ три дня были именины наследника. Павелъ Петровичъ желалъ по этому случаю произвести Аракчеева въ артиллерійскіе подполковники и въ полковники по гатчинскимъ войскамъ; но такъ какъ чинъ былъ уже значительный, то слѣдовало обратиться съ этимъ дѣломъ къ генералъ-фельдцейхместеру, князю Зубову. Послѣдовалъ запросъ: какую должность въ артиллеріи исполняетъ Аракчеевъ, и всѣ полагали что чинъ онъ получать, но вмѣстѣ съ тѣмъ, получить и другое назначеніе. А этого Алексѣй Андреевичъ опасался болѣе всего: един-

ственной опорой, единственной поддержкой и надеждой его былъ Павелъ Петровичъ, и разстаться съ великимъ княземъ значило — проститься со всѣми служебными успѣхами, со всѣми честолюбивыми видами на возможность выйти въ люди и сдѣлать не дюжинную карьеру. Съ замираніемъ сердца дожидался онъ рѣшенія своей участи въ Павловскѣ, куда прибылъ, по приказанію Павла Петровича, 29 іюня, рано утромъ; но fortuna, очевидно, не хотѣла оборачиваться къ Алексѣю Андреевичу спиною, и ровно въ полдень получилъ онъ изъ Царскаго села, гдѣ была въ то время императрица, слѣдующую собственноручную записку великаго князя: «Зубовъ мнѣ велѣлъ сазать, что ты именнно у меня остаешься и о семъ именно приказано куда слѣдуетъ. Вотъ и объясненіе всего»^{*)}. О производствѣ же своемъ въ подполковники артиллеріи и полковники по гатчинскимъ войскамъ Аракчеевъ зналъ уже прежде, и стало быть, могъ теперь вполне возликовать и возрадоваться. Но вскорѣ послѣ того посѣтило его и горе: онъ лишился отца, и единственнымъ утѣшеніемъ для него въ этомъ печальномъ событіи могло быть опять таки участіе, принятое въ немъ Павломъ Петровичемъ. Участіе это великій князь выразилъ снова собственноручною запискою такого содержанія: «Теперь узналъ Я о печальномъ извѣстіи, полученномъ вами. Зная Мое расположеніе къ себѣ, не можете сомнѣваться о участіи Моемъ, тѣмъ болѣе, что Я его (т. е. отца Аракчеева) зналъ и былъ человекъ стараго шлагау. Боже утѣши васъ»^{**}).

Всѣ эти знаки расположенія и участія со стороны Павла Петровича, вмѣстѣ съ честолюбивыми надеждами, на осуществленіе которыхъ можно было рассчитывать, находясь постоянно на глазахъ великаго князя, прививывали къ нему Аракчеева; а потому и гатчинская служба оставила въ Алексѣѣ Андреевичѣ самыя пріятныя воспоминанія. Вотъ что говорилъ онъ о ней впоследствии: «Въ Гатчинѣ служба была тяжелая, но пріятная, потому что усердіе всегда было замѣчено, а знаніе дѣла и исправность отличены. Наслѣдникъ престола жаловалъ меня, но иногда и журилъ крѣпко, всегда почти

*) Тамъ же, с. 108.

**) Тамъ же, с. 87. На этой запискѣ рукою Аракчеева отмѣчено: «Получена въ день извѣстія о кончинѣ моего родителя въ августѣ 1796 года». Алексѣй Андреевичъ вообще на каждой запискѣ и на каждомъ приказѣ, которые получалъ отъ Павла Петровича, отмѣчалъ непремѣнно, что получено въ такомъ то году, такого-то числа, въ такомъ-то часу.

за несправности другихъ. Однажды, когда мнѣ вѣрно досталось за упущеніе по службѣ караульнаго офицера, я побѣжалъ съ гора въ церковь, сталъ молиться, класть земные поклоны, чувствовалъ свою безвинность, но думалъ, что лишился навсегда милости наслѣдника престола, не могъ удержать слезъ и даже зарыдалъ. Въ церкви не было никого, кромѣ пономаря, который тушилъ свѣчи. Вдругъ послышались за мною шаги и звукъ шпоръ. Я вскочилъ и утеръ слезы, оглянулся и вижу наслѣдника престола!— «О чемъ ты плачешь?» спросилъ онъ меня ласково. «Мнѣ больно лишиться милости вашего императорскаго высочества.» «Да ты вовсе не лишился ея! промолвилъ наслѣдникъ, положивъ мнѣ руку на плечо:— и никогда не лишишься, если будешь вести себя и служить такъ, какъ до сихъ поръ. Молись богу и служи вѣрно: ты знаешь за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ!» Я бросился на колѣни передъ наслѣдникомъ и, въ избыткѣ чувствъ, воскликнулъ: «У меня только и есть, что Богъ да вы;» Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою изъ церкви. Я шелъ за нимъ въ молчаніи; наконецъ онъ остановился, быстро посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «ступай домой; со временемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка *)».

Это время,— окончательно выйдти въ люди, наступило для Алексѣя Андреевича очень скоро и очень неожиданно. 5 ноября 1796 года, великій князь Павелъ Петровичъ, съ немпогими, составлявшими обыкновенное гатчинское общество, лицами, въ числѣ которыхъ находился и Аракчеевъ, отправился верстъ за пять на ловлю форелей у мельницы, принадлежавшей въ гатчинскимъ владѣніямъ. Здѣсь вдругъ получилъ онъ извѣстіе о тяжелой болѣзни императрицы, и, вслѣдствіе этого извѣстія, въ пятомъ часу пополудни выѣхалъ изъ Гатчины съ супругою своею и адъютантомъ Котлубицкимъ, передавъ Аракчееву кое-какія распоряженія и приказавъ ему, по исполненіи ихъ, ѣхать тоже въ Петербургъ, а по прибытіи туда явиться немедленно во дворецъ. Когда самъ Павелъ Петровичъ прибылъ въ Зимній дворецъ его встрѣтили тамъ почти уже, какъ императора. «Проходя черезъ комнаты, наполненныя людьми, ожидающими восшествія его на престолъ,— пишетъ очевидецъ этого событія графъ Ѡ. В. Ростовчинъ, онъ оказывалъ всѣмъ видъ ласковый и учтивый. Приѣмъ, ему сдѣланный, былъ уже въ лицѣ государя, а не наслѣдника. Поговора нѣсколь-

*) Тамъ же, с. 109.

по съ медиками и распрося о всѣхъ подробностяхъ происшедшаго, онъ пошелъ съ супругою въ угольный кабинетъ и туда призывалъ тѣхъ, съ коими хотѣлъ разговаривать или коимъ что-либо приказывать *)». Въ числѣ этихъ лицъ былъ и прискакавшій уже изъ Гатчины Аракчеевъ. Павелъ Петровичъ встрѣтилъ его ласково и радушно. «Смотри, Алексѣй Андреевичъ, служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде», сказалъ онъ, потомъ велѣлъ позвать великаго князя Александра Павловича, и, послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложивъ руки сына и любимца, сказалъ: «будьте навсегда друзьями». Отпуская за симъ Аракчеева, Павелъ Петровичъ приказалъ ему явиться снова черезъ часъ; а Александръ Павловичъ, видя воротникъ молодого полковника забрызганнымъ отъ скорой ѣзды, грязнымъ снѣгомъ, предложилъ ему идти съ собою, сказавъ: «ты, вѣрно, второпяхъ не взялъ чистаго бѣлья; такъ я тебѣ дамъ». Въ полученной тогда отъ великаго князя рубашкѣ Аракчеевъ, согласно извѣщенному имъ желанію, черезъ 38 лѣтъ послѣ того былъ похороненъ **).

Кончивъ далеко за полночь приемъ разныхъ лицъ, Павелъ Петровичъ потребовалъ къ себѣ снова Аракчеева, и онъ, со словъ великаго князя, долженъ былъ набрасывать разные, предстоявшія къ ближайшему исполненію, распоряженія. Находившись дотолѣ въ узкой и ограниченной сферѣ дѣйствій Алексѣй Андреевичъ, по словамъ г. Ратча, «остановился въ удивленіи предъ широкими размѣрами предначертаній наслѣдника». «Ваше высочество, замѣтилъ онъ: но какихъ суммъ потребуе́тъ подобное увеличеніе и содержаніе одной только гвардіи?»—«Успокойся, отвѣчалъ наслѣдникъ:—не забывай, что у насъ теперь будетъ не тридцать тысячъ, а семьдесятъ милліоновъ ***)».

6 ноября, въ одинадцатомъ часу вечера, императрица скончалась, и чины императорской фамиліи присягнули немедленно на вѣрность новому императору въ дворцовой церкви, а гвардейскіе полки—въ мѣстахъ своего расположенія. При императрицѣ Екатеринѣ для военныхъ не было обязательнымъ носить постоянно мундиръ, но Павелъ Петровичъ въ первый же день своего царствованія, 7 ноября, высочайшимъ приказомъ предписалъ всѣмъ лицамъ военнаго званія носить не-

·) Тамъ же.

··) Тамъ же.

···) Тамъ же, с. 115.

премѣнно и всегда установленную форму. Этотъ высочайшій приказъ отданъ былъ при парадѣ на вахтъ-парадѣ или разводѣ отъ преображенскаго полка, произведенномъ по гатчинскимъ правиламъ. Разводъ приготовленъ былъ Аракчеевымъ, и опъ тѣмъ же приказомъ назначенъ былъ петербургскимъ городскимъ комендантомъ и переведенъ въ преображенскій полкъ штабомъ. *) Квартира ему отведена была въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ, которые занималъ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ.

Новый императоръ такимъ образомъ въ самый первый день своего царствованія не забылъ отличить своего стараго любимца; не забылъ онъ его и на второй день, и на третій, и послѣ 8 ноября Аракчеевъ произведенъ былъ въ генералъ-маіору; 9-го на него возложены были обязанность маіора преображенскаго полка и командованіе своднымъ гренадерскимъ баталіономъ этого полка, который и носилъ его имя; 13-го Алексѣй Андреевичъ получилъ Анненскую ленту. Еще прежде этого, 10-го числа Аракчееву привелось красоваться предъ взорами петербургскихъ обывателей по поводу вступленія въ столицу гатчинскихъ войскъ. Герой нашъ при этомъ случаѣ командовалъ всѣмъ парадомъ. Получивъ донесеніе о вступленіи гатчинскихъ войскъ въ городъ, императоръ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ блестящею свитой. Гатчинцы прошли своимъ образцовымъ церемоніальнымъ маршемъ, и потомъ отправились, согласно сдѣланному еще наканунѣ распоряженію, по полкамъ гвардіи, гдѣ и были размѣщены, какъ дорогіе гости. «Не знаемъ, говоритъ г. Ратчъ:—какое впечатлѣніе произвело на гвардейскую пѣхоту правильное движеніе гатчинскихъ баталіоновъ, но изъ устъ двухъ очевидцевъ слышали, что конно-гвардейцы и въ особенности конно-артиллеристы были поражены развитіемъ, стройностью, ловкостью всадниковъ и бережливымъ содержаніемъ лошадей кавалеріи и конной артиллеріи». Гатчинскіе офицеры вошли въ составъ гвардіи «чинъ въ чинъ», а артиллеристы даже чиномъ выше противъ того, какъ числились по войсковымъ спискамъ, потому что они и въ Гатчинѣ еще именовались чиномъ выше. Всѣ эти офицеры поступили въ гвардейскіе полки, какъ свѣдущіе и опытные инструкторы, для обученія гвардіи по новымъ

*) Полковыми штабами назывались всѣ штабъ-офицеры, коллегіально управлявшіе хозяйственною частью полка. Строевая часть состояла непосредственно въ вѣденіи особаго генерала или штабъ-офицера, носившаго въ полку званіе маіора.

правиламъ и уставамъ, и веѣмъ имъ государь пожаловалъ помѣстья, смотря по чинамъ и прежней службѣ. Командовавшіе старшіе штаб-офицеры получали отъ 1,000 до 300 душъ, капитаны до 100, самыя младшіе до 30. Аракчееву пожаловано было 2,000 душъ, и когда государь при этомъ предложилъ ему выборъ имѣнья—Алексѣй Андреевичъ указалъ на Грузинскую волость въ Новгородской губерніи.

— Не ошибся-ли ты? спросилъ императоръ.

— Я слышалъ, что ее хочетъ просить Архаровъ, отвѣчалъ Аракчеевъ.

— Въ такомъ случаѣ ты въ накладѣ не будешь, замѣтилъ, улыбаясь, Павелъ Петровичъ *).

Расположеніе Императора къ Аракчееву выразилось и въ милости къ его братьямъ. 15 ноября 1796 года, средній братъ Алексѣя Андреевича, служившій подпоручикомъ въ полевой артиллеріи, переведенъ былъ въ гвардейскую артиллерію капитаномъ, а младшій произведенъ туда же изъ кадетъ артиллерійскаго корпуса. Въ концѣ января слѣдующаго 1797 года, гвардія отправилась въ Москву для торжества коронаціи; Аракчеевъ же назначенъ былъ въ число лицъ, назначенныхъ сопровождать государя. Должность коменданта, на время отсутствія, велѣно было ему сдать генералъ-лейтенанту Буксгевдену. До коронаціи же, вмѣсто обязанностей коменданта, на Аракчеева возложены были нѣкоторыя особенныя занятія, а именно

* *Свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ*, с. 120. Чтобы повѣсть отвѣтъ императора, надобно замѣтить, что Николай Петровичъ Архаровъ былъ человѣкъ въ высшей степени практической и ловкій. Въ 1774 году, во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ жоровой язвы, Архаровъ былъ полиціймейстеромъ, и расторопностью своею обратилъ на себя вниманіе графа Григорія Григорьевича Орлова. Вслѣдствіе этого онъ скоро сдѣланъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ, потомъ губернаторомъ. Архаровъ отличилъ устроилъ полицію и славился замѣчательнымъ мастерствомъ въ открытіи всякаго рода мошенничества и мошенниковъ, злоумышленій и злоумышленниковъ. Въ 1784 году онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ тверскимъ и новгородскимъ, а въ 1790 на него было, сверхъ того, возложено званіе главнаго директора водяныхъ коммуникцій. Осматривая и изучая край, по своимъ двумъ должностямъ Архаровъ не могъ не остановить любострастнаго вниманія на селѣ Грузинѣ, которое, по своему положенію на Волховѣ въ близкомъ разстояніи отъ Петербурга и Новгорода, было, дѣйствительно, лакомымъ кусочкомъ. Село это принадлежало прежде князю Александру Даниловичу Меншикову, потомъ стало монастырскою вотчиною и наконецъ перешло въ экономическое вѣдѣніе. Архаровъ оцѣнилъ его взглядомъ знатока и эксперта; но насладиться отъ грузинскихъ благъ довелось болѣе счастливому Аракчееву.

разныя предварительныя распоряженія на случай весьма возможных и вѣроятныхъ военныхъ дѣйствій противъ Швеціи или Франціи. Бонапартъ, въ это время, былъ на каждомъ шагѣ австрійцевъ въ Итали; а по прежнимъ договорамъ Австрія, въ случаѣ вторженія непріятели въ ея владѣнія, имѣла право требовать отъ Россіи вспомогательный корпусъ въ 12,000 человекъ.

Въ половинѣ марта Аракчеевъ поѣхалъ съ дворомъ въ Москву. Коронація совершена была въ первый день пасхи, 5 апрѣля, и Алексѣй Андреевичъ въ этотъ день пожалованъ былъ александровскимъ кавалеромъ и барономъ. Къ поднесенному впоследствии на высочайшее утвержденіе баронскому гербу его Павелъ Петровичъ, собственноручно прибавилъ подпись: «безъ лести преданъ.»

Между тѣмъ предположенія на счетъ возможности войны оправдались: 14 апрѣля въ Москвѣ получена была просьба Вѣнскаго двора о вспомогательномъ корпусѣ и о посредничествѣ къ примиренію съ Франціею и къ удержанію Пруссіи отъ непріязненныхъ дѣйствій. Въ тотъ же день тремъ дивизіямъ велѣно было приготовиться къ походу, а въ Берлинъ отправленъ былъ чрезвычайнымъ посломъ фельдмаршалъ князь Репнинъ. Аракчеевъ же, въ виду предстоящей войны, назначенъ былъ, съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ должностей, генералъ-квартирмейстеромъ по всей арміи, и черезъ недѣлю уѣхалъ въ Вильно, «для учиненія инспекторскаго смотра надъ полками инфантеріи литовской дивизіи». Въ началѣ мая посѣтилъ Бѣлоруссію государь, и Аракчеевъ сопровождалъ его во все время этого путешествія, а потомъ до возвращенія своего въ Петербургъ не разъ получалъ отъ него письма, доказывавшія полное расположеніе къ нему Павла Петровича. Аракчееву въ это время только еще шелъ двадцать восьмой годъ.

Такъ быстро возвысившись и такъ прочно, по видимому, утвердившись, по силѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, на своемъ возвышенномъ постѣ, Аракчеевъ не измѣнилъ нисколько ни своему характеру, ни своему образу дѣйствій среди новыхъ лицъ и новой обстановки. Всегда холодный, угрюмый, несообщительный, онъ постоянно держался особнякомъ, ни съ кѣмъ не сходясь и не сближаясь и устремляя по прежнему свои помыслы единственно на то, чтобы служить лишь императору, какъ служилъ великому князю. Трудиться же теперь нужно было ежеминутно при тѣхъ реформахъ, которыя начались повсемѣстно, въ особенности же по военному вѣ-

домствѣ, гдѣ императоръ, по выраженію графа Толля, принялся «безпощадно» водворять порядокъ. Порядка въ этомъ вѣдомствѣ дѣйствительно было мало, между тѣмъ какъ оно было «велико и обильно;» но Аракчеевъ не понималъ, или не хотѣлъ понять, что для введенія новыхъ порядковъ, новыхъ правилъ, новыхъ уставовъ, столь непохожихъ на прежніе, требуется время, и что, не сдѣлавши перваго шага, нельзя сдѣлать второй. Отличавшую его самого, исполнительность почиталъ онъ первѣйшею добродѣтелью, но для возбужденія въ своихъ подчиненныхъ этой добродѣтели не зналъ никакого другаго средства, кромѣ внушенія имъ страха суровою строгостью и жестокостью, любви повторять при каждомъ удобномъ случаѣ, что «только то и дѣлается, что изъ подъ палки» *). Подчиненные его лѣзли вонъ изъ кожи, чтобы снискать благоволеніе своего взыскательнаго начальника, обнаруживали и усердіе, и успѣхи — начальникъ этого не замѣчалъ; а чуть зоркій взглядъ его находилъ хотя малѣйшее какое нибудь отступленіе отъ устава или формы, хотя ничтожнѣйшее какое нибудь унущеніе по строевой или хозяйственной части — это тотчасъ же доводилось до свѣдѣнія императора, и потомъ обрушивалось на виновнаго или виновныхъ суровыми, тяжелыми наказаніями. По разсказамъ современниковъ Аракчеева, ему, по видимому, даже гораздо пріятнѣе было находить беспорядки, чѣмъ встрѣчать исправность: беспорядки давали пищу его раздражительности и любви къ примѣненію на дѣлѣ принципа, что «только то и дѣлается, что изъ подъ палки»; беспорядки же доставляли ему возможность заявлять безпрестанно предъ государемъ о своей неутомимой дѣятельности и неслабѣющей ревности, хотя то, что давало поводъ къ этимъ заявленіямъ, только волновало и гнѣвило Павла Петровича. О томъ же, что обыкновенно въ то время заслуживало награды, Аракчеевъ государю не доносилъ, предоставляя это замѣчать ему самому; но за то Павелъ Петровичъ могъ быть вполне увѣренъ, что ни одинъ проступокъ, ни одна оплошность военнаго человѣка не пройдутъ незамѣченными и не сойдутъ съ рукъ даромъ, и что правительство можетъ поживать совершенно споконно, ни въ Петербургѣ такого коменданта, при которомъ ни одинъ караульный не посмѣетъ и подумать о снѣ. «Что вамъ за охота, Алексѣй Андреевичъ, изъ за пустяковъ гнѣвить государя?» сказалъ однажды

*) Своденіе о графѣ Алексѣе Андреевичѣ Аракчеевѣ, с. 149.

Аракчееву елигель-адъютантъ Котлубицкій. — «Какъ такъ?» спросилъ Аракчеевъ. «Вы взыскали, — ну, и концы въ воду: къ чему же обо всемъ докладывать. Вы бы хотъ обмолвкою иногда кого нибудь похвалили отъбчалъ Котлубицкій. Аракчеевъ улыбнулся; но черезъ нѣсколькихъ дней послѣ этого разговора послѣдовалъ немало всѣхъ удивившій высочайшій приказъ о производствѣ лейбъ-гренадерскаго полка капитана Глинки въ майоры «за отличную исправность въ стояніи въ караулѣ, при осматриваніи комендантомъ генералъ-майоромъ и кавалеромъ Аракчеевымъ карауловъ.»

Трудно рѣшить, въ которой изъ трехъ должностей своихъ — петербургскаго ли коменданта, майора ли, а потомъ и командира Преображенскаго полка, или генерала квартирмейстера — оказался всего строже Аракчеевъ; но, по словамъ г. Ратча, «по всѣмъ тремъ оставилъ онъ тяжелую по себѣ память». Какъ петербургскій комендантъ, онъ часто посѣщалъ солдатскія казармы, и требованіями въ нихъ безукоризненной чистоты, опрятности и порядка, измучилъ нижнихъ чиновъ *).» Чтобы избавиться отъ такихъ и еще горшихъ взысканій, солдаты, проводившіе большую часть дня на ученьяхъ, для быстрѣйшаго ознакомленія съ новыми, гатчинскими правилами службы, должны были заниматься чисткою и уборкою своихъ жилищъ по ночамъ, и, крадя время у отдыха и сна, мыть полы, двери, стѣны и окна, чистить улицы, посыпать ходы пескомъ и т. д. Казармы приняла, дѣйствительно, и внутри, и снаружи, другой видъ; но каково доставалось это солдатамъ, и лучше ли, легче ли жилось имъ въ вычищенныхъ и вылощенныхъ помѣщеніяхъ — объ этомъ, разумѣется, Алексѣй Андреевичъ и не думалъ.

Столь же требовательнымъ, взыскательнымъ и придирчивымъ яв-

*) До какой нежовѣрной степени любилъ Алексѣй Андреевичъ чистоту и опрятность, поклоненіе которымъ привито было къ нему, какъ мы видѣли, еще въ дѣтствѣ, его матерью доказываетъ слѣдующій, приводимый г. Ратчемъ (с. 145 и 146), рассказъ аракчеевскаго камердинера: Въ бытность Алексѣя Андреевича комендантомъ, разъ ночью, по какому-то случаю, — кажется, по случаю пожара — государь послалъ за Аракчеевымъ, чтобы вѣсть съ нимъ ѣхать. Вскочивъ съ постели, Алексѣй Андреевичъ началъ торопливо одѣваться; но, на бѣду, когда онъ былъ уже почти что совсѣмъ одѣтъ камердинеръ капнулъ нечаянно со свѣчи на пахвые барокіе штаны. Какъ ни торопился Аракчеевъ, — однако же раздѣлся снова, не смотря на то, что за другими штанами надобно было пробѣжать нѣсколько комнатъ, и онъ чрезъ это заставилъ государя прождать минутъ пять лишнихъ. „Графъ такъ торопился, прибавилъ г. Ратчу рассказчикъ: — что ни одного труха тогда мнѣ не далъ, за то послѣ приказалъ высушить.“

лялся Аракчеевъ и къ исполненію всѣхъ мелочей гарнизонной службы, которую онъ этою придирчивостію сдѣлалъ невыносимо-тягостною. Всѣ войска петербургскаго гарнизона, бывшія съ нимъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, видѣли въ немъ готовый ежеминутно обрушиться на нихъ страшный Дамоклесовъ мечъ; а потому всѣ тѣ офицеры, которыхъ не вынуждала служить необходимость, одинъ за другимъ покидали службу. Съ настойчивостію ловилъ Аракчеевъ всякое уклоненіе отъ постановленныхъ правилъ, и въ полкахъ были непрерывныя слѣдствія о причинахъ замѣченныхъ въ караулахъ уклоненій отъ гарнизоннаго устава. Алексѣй Андреевичъ при этомъ не довольствовался взысканіями за явные безпорядки: онъ завязывалъ длинную переписку, изъ которой старался выискать новыхъ виноватыхъ, и постоянно самъ, въ подвѣдомственномъ ему ордонанс-гаузѣ, зорко слѣдилъ за всѣми, наряжаемыми имъ, слѣдствіями и судами. Днемъ и ночью, кромѣ того, ѣздилъ Аракчеевъ по городу, для осмотра исправности постовъ и карауловъ,—и горе было тѣмъ, у которыхъ находилъ онъ неисправность! Къ нему же, какъ къ коменданту, должны были являться всѣ прибывавшіе въ столицу офицеры. Современники рассказываютъ, что изъ этихъ офицеровъ ласковымъ пріемомъ Алексѣя Андреевича пользовались тѣ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ вывѣдать о разныхъ служебныхъ упущеніяхъ и уклоненіяхъ, и слѣдствіями этого были строгія замѣчанія и подтвержденія въ высочайшихъ приказахъ. Подобныя свѣденія послужили, между прочимъ, поводомъ, породившимъ холодность императора къ фельдмаршалу Суворову,—холодность, скоро превратившуюся въ немилость. Аракчеевъ, вообще, не понималъ военного таланта Суворова и, не отдѣляя его отъ антипатичныхъ для него дѣателей Екатерининскаго времени, видѣлъ въ немъ только тестя графа Николая Зубова и капризнаго старика. Императоръ, съ своей стороны, тоже былъ не совсѣмъ расположенъ къ фельдмаршалу. Павелъ Петровичъ, какъ мы уже говорили, былъ поклонникомъ Фридриха Великаго и послѣдователемъ прусскаго военного устава, прусской тактики; а Суворовъ имѣлъ свой, оригинальный взглядъ на военное искусство,—взглядъ, неподходящій ни подъ какую известную теорію, но на практикѣ выразившійся рядомъ блистательныхъ побѣдъ. Не раздѣляя и не одобряя нисколько этого взгляда, императоръ, однакоже, на первыхъ порахъ, относился къ фельдмаршалу милостиво, и отъ 15 декабря 1795 года, между прочимъ, писалъ къ нему: «Поздравляю съ новымъ годомъ и зову пріѣхать въ Москву къ корона-

цин, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей... *Приводи своихъ въ мой порядокъ, пожалуй* *)). Но вотъ тутъ именно я встрѣтился камень преткновенія: своеобразный во всѣхъ отношеніяхъ, Суворовъ никакъ не могъ сразу *привести своихъ въ порядокъ*, и отъ 2-го января 1797 года, за присылку въ Петербургъ, съ одними только партикулярными письмами, адъютанта своего Уткина, тщательно допрошеннаго Аракчеевымъ, получилъ отъ императора рескриптъ, совершенно непохожій на посланіе отъ 15 декабря. «Графъ Александръ Васильевичъ — говорилось въ этомъ рескриптѣ — съ удивленіемъ узналъ Я присылку отъ васъ сюда адъютанта вашего, капитана Уткина, съ одними только партикулярными письмами. Почитая употребленіе таковое неприличнымъ ни службѣ, ни званію офицерскому, съ равнымъ же удивленіемъ вижу, что вы по сию пору не распустили штаба своего. Я приказалъ здѣсь упомянутаго адъютанта вашего опредѣлить въ полкъ, а вамъ предписываю остальныхъ адъютантовъ и прочихъ чиновъ, въ штабѣ вашемъ находящихся, съ полученіемъ сего тотчасъ перечислить въ состояніе подъ вашею командою полки и къ онимъ пхъ немедленно отправить, да и вообще воздержаться отъ употребленія офицеровъ въ негвойственные службѣ и званію ихъ должности, что наблюдать имѣете и за подчиненными вашими. Пребываю вамъ благосклоннымъ» **).

Пока рескриптъ этотъ шелъ до Тульчина, Суворовъ, вопреки уставу, уволилъ въ Петербургъ подполковника Батурина, и за это къ фельдмаршалу посланъ былъ новый рескриптъ такого содержанія:

«Съ удивленіемъ вижу Я, что вы безъ дозволенія моего отпускаете офицеровъ въ отпускъ, и для того надѣюсь Я, что сіе будетъ въ послѣдній разъ. Не меньше удивляюсь Я, почему вы входите въ распредѣленіе командъ, прося васъ предоставлять сіе Мнѣ. Что же касается до рекомендаціи вашей, то и сія въ мирное время до васъ касаться не можетъ; развѣ въ военное время, если непосредственно подъ начальствомъ вашимъ находится будетъ. Вообще же рекомендую поступать во всемъ по уставу. Впрочемъ, вамъ доброжелательный Павелъ» ***). Въмѣстѣ съ этимъ, въ высочайшемъ приказѣ отъ 15 января, Суворову сдѣланъ былъ выговоръ; а когда, вслѣдъ за

*) Сводилъ о графѣ Александрѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, с. 137.

***) Тамъ же, с. 140.

****) Тамъ же, с. 141.

Батуринимъ, прибылъ изъ Тульчина еще офицеръ, капитанъ Марлинъ, — фельдмаршалу съѣлацъ былъ другой выговоръ *) Суворовъ, еще по полученіи рескрипта отъ 2-го января, просилъ объ увольненіи въ отпускъ, на годъ, въ деревню, *по многимъ ранамъ и увечьямъ, для исправленія отъ дня въ день ослабѣвающихъ силъ*; по прошеніе его было писано не по установленной формѣ и было ему возвращено, а черезъ нѣсколько времени послѣ того онъ получилъ повелѣніе прибыть въ Петербургъ и оставаться безъ команды. Фельдмаршалъ просилъ вторично о годичномъ отпускѣ, и, по поводу этой вторичной просьбы, Аракчеевъ получалъ отъ государя, для составленія высочайшихъ приказовъ, собственноручную записку, въ которой говорилось: «Объ отставкѣ Суворова, по отзыву, что теперь войны нѣтъ.» Результатомъ этой записки былъ высочайшій приказъ отъ 6-го февраля 1797 года, гласившій:

«Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы» **).

Отставка Суворова произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ, и всѣ обвиняли въ этомъ Аракчеева, говоря, что онъ былъ главнымъ виновникомъ неудовольствія государя. Горячій поклонникъ фельдмаршала, Ф. В. Растоцинъ, выразился прямо, что «стопобѣдный Суворовъ попался въ когти гатчинскаго капрала, который, въ числѣ прочихъ, взялся смирать высокоумѣріе екатерининскихъ героевъ» ***).

Но «гатчинскому капралу» ни до чего этого не было никакого дѣла, и онъ продолжалъ по прежнему недремлющимъ окомъ слѣдить за всѣми служебными упущеніями. По званію коменданта, Аракчеевъ находился въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, назначеннымъ с.-петербургскимъ губернаторомъ, инспекторомъ петербургской дивизіи и председателемъ военной коллегіи. Аракчееву поручено было даже передать великому князю всѣ новыя правила военной службы. «По нѣсколькимъ источникамъ, говоритъ г. Ратчъ: — мы описали встрѣчу в. к. Александра Павловича и Аракчеева) въ кабинетѣ государя 5-го ноября 1796 года. Въ «Воспоминаніяхъ о селѣ Грузинѣ» (помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1861 г., № 2), по поводу находящагося тамъ портрета

*) Своденія о графѣ Алексѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, с. 142.

***) Тамъ же.

***) Тамъ же, с. 144.

Александра Павловича, А. Языковъ приводитъ слѣдующія слова, сказанныя графомъ Аракчеевымъ въ 1826 году, въ его присутствіи: «Мы всегда и давно были друзьями съ покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Разъ какъ-то мы поссорились. Императоръ Павелъ Петровичъ, узнавъ о томъ, призвалъ обоихъ насъ въ кабинетъ и заставилъ помириться, уговаривалъ, чтобъ и впредь мы не ссорились, а были друзьями.» При этомъ графъ Аракчеевъ прибавилъ: «И точно, съ тѣхъ поръ мы никогда болѣе не ссорились, а оставались искренними друзьями, и, въ знакъ примиренія, императоръ Павелъ Петровичъ подарилъ мнѣ этотъ портретъ, дотогдѣ находившійся въ его кабинетѣ.»

Однимъ изъ главныхъ и постоянныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ Аракчеевъ, въ званіи коменданта, на вахтъ-парадахъ или разводахъ. Въ «Denkwürdigkeiten» графа Толля находится нѣсколько словъ объ этихъ вахтъ-парадахъ, какъ они производились, въ присутствіи императора, въ зиму 1796—97 годовъ, и вотъ что тамъ говорится:

«Всѣ военнослужащіе генералы, штабъ и оберъ-офицеры, свободные отъ другихъ должностей, собирались ежедневно къ разводу, къ 9 часамъ утра, который дѣлался иногда до 12. Государь весьма точно пріѣзжалъ до прибытія дававшего разводъ баталіона и лично назначалъ точку праваго фланга, по которому разстановлялись офицеры для обозначенія линіи, по которой становился караулъ. Послѣ того приносилось знамя изъ Зимняго дворца; войско встрѣчало его съ отданіемъ чести, барабаннымъ боемъ и музыкою, при чемъ императоръ снималъ самъ шляпу и за нимъ всѣ присутствующіе. Послѣ того онъ обходилъ батальонъ и производилъ ученье съ нѣсколькими эволюціями. Государь лично подавалъ команду, которую принималъ отъ него штабъ-офицеръ, дежурный по карауламъ, что продолжалось около часа времени. По окончаніи ученья нѣхоты, выѣзжалъ взводъ въ 50 человекъ конно-гвардейцевъ и другой гусарскій, въ 25 человекъ, которые исполняли разные построенія. За тѣмъ государь принималъ рапорты представляющихся и послѣ того при парадѣ отдавалъ высочайшій приказъ. Въ заключеніе, войска проходили церемоніальнымъ маршемъ; при прохожденіи знаменъ, государь и присутствующіе снимали шляпы. Великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ проходили на правомъ флангѣ первыхъ двухъ шеренгъ. Послѣ церемоніальнаго прохожденія, главный караулъ слѣдовалъ во дворецъ, гдѣ во внутреннемъ дворѣ, въ присут-

ствѣи государя, смѣнялъ старый караулъ, отъ котораго знамя относилось во внутренніе покои.»

При всѣхъ этихъ эволюціяхъ, Аракчеевъ игралъ самую видную роль, и преображенскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, а строевою частью котораго завѣдывалъ еще и прежде, въ званіи майора, чаще всѣхъ получалъ высочайшую благодарность. *) Казалось, чего бы лучше; но Алексѣй Андреевичъ никогда ничѣмъ не былъ доволенъ, и подчиненные не слышали и не видѣли отъ него ничего, кромѣ замѣчаній. Государь безпрестанно изъявлялъ полку свое «совершенное удовольствіе», а Аракчеевъ, какъ будто не зная содержанія нѣмъ же самимъ скрѣпляемыхъ высочайшихъ приказовъ, не разъ повторялъ передъ фронтомъ офицерамъ, что, при ихъ нерадѣніи и небреженіи къ служебнымъ обязанностямъ, государю остается только одно — выгнать ихъ всѣхъ изъ службы. Офицеры распускали про него по городу самыя невыгодныя слухи; а это еще болѣе раздражало и озлобляло Аракчеева, хотя онъ и умѣлъ показывать видъ, что взыскиваетъ и наказываетъ за одни лишь служебныя упущенія. Безпрестанныя непріятнѣйшія столкновенія между командиромъ и офицерами привели наконецъ къ несовсѣмъ пріятнымъ для перваго результатамъ, и одною изъ ближайшихъ къ тому причинъ послужило слѣдующее обстоятельство:

Въ 1797 году, корпусъ принца Конде, состоявшій изъ французскихъ эмигрантовъ и принимавшій, на службѣ австрійцевъ, участіе въ ихъ войнахъ съ республикою, по случаю открытія между Австрією и Францією мирныхъ переговоровъ остался безъ всякаго убѣжища. Конде обратился къ великодушію русскаго императора, и Павелъ Петровичъ рѣшился «дать убѣжище симъ людямъ, жертвовавшимъ собою вѣрности къ законному государю», какъ писалъ онъ по этому поводу, отъ 3 августа 1797 года, къ русскому послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому. Дѣло это происходило въ то самое время, когда Аракчеевъ, только что назначенный командиромъ преображенскаго полка, чаще и рѣзче прежняго сталъ повторять офицерамъ угрозу разогнать ихъ изъ службы, — и по городу пошли самыя разнородныя толки и рассказы, скоро дошедшіе и до Гатчины, гдѣ въ то время находился дворъ. Государь взглянулъ на это обстоятельство серьезно, и собственноручно написалъ къ Аракчееву слѣдующее: «Свѣдалъ Я, что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не мо-

*) Свидѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, с. 150.

гуть ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлають, то бы они, равно имъ, угождали; то и извольте имъ сказать, что легкой способъ сіе кончить, отступиться Мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставляя имъ всегда таковыми оставаться, каковы они прежде были, что Я и исполню, а буду записываться и безъ нихъ обороною государственною. Павелъ *)». Вслѣдъ за симъ государь писалъ къ Аракчееву вторично: «Доходить до Меня, что нѣкоторые офицеры преображенскіе, какъ Чирковъ и Рахмановъ, распускаютъ слухи, что Я, гвардію не влюбя, хочу корпусъ иностранный для своей безопасности заводить и послалъ за французскимъ прицповымъ корпусомъ, почему и поручаю самъ, Алексѣй Андреевичъ, узнать о семъ и о нихъ, хотя и отъ нихъ самихъ. О семъ немедленно довести, какъ и о причинахъ сего разглашенія.»

Что отвѣчалъ на эти письма Аракчеевъ—неизвѣстно; но, по видимому, отвѣтъ его былъ неудовлетворительный и уклончивый, потому что императоръ написалъ къ нему третье письмо, въ которомъ говорилъ: «Я къ вамъ писалъ, какъ о вещи, Мнѣ уже извѣстной: должно вамъ сихъ двухъ спросить, призвавъ къ себѣ». Не довольствуясь, однакоже, этимъ, Павелъ Петровичъ вызвалъ въ Гатчину преображенскаго полковника Ланскаго, написавъ собственноручно къ Аракчееву: «гренадерскаго баталіона полковнику Ланскому быть сюда». Аракчеевъ, вмѣсто одного Ланскаго, послалъ въ Гатчину цѣлый баталіонъ, вслѣдствіе чего получилъ отъ государя слѣдующую записку: «Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ Я, что вы видно не прочли моей руки. Я писалъ прислать полковника Ланскаго гренадерскаго баталіона, а отнюдь не о баталіонѣ, ибо его и поставить негдѣ. Оной же баталіонъ къ вамъ возвращаю». **)

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло; но полкъ былъ послѣ того въ какомъ-то напряженномъ состояніи; Аракчеевъ же поведенія своего и обращенія не измѣнилъ, и до того строго держалъ себя съ офицерами, что, напримѣръ, къ одному капитану Фаминцину, имѣвшему привычку, нюхая табакъ, обсыпать имъ себѣ платье, велѣлъ постоянно наряжать ефрейтора и рядоваго, «для содержанія мундира на капитанѣ опрятнымъ.» ***) Въ половинѣ января 1798 года Алексѣй Андреевичъ оскорбилъ публично бывшихъ въ строю преобра-

*) Тамъ же, с. 151.

**) Тамъ же, с. 191.

***) Тамъ же, стр. 151.

женцевъ. За преображенцевъ вступился бывшій ихъ однополчанинъ, человекъ, близкій къ государю, Ѳ. В. Ростопчинъ, — и Павелъ Петровичъ замѣтно охладѣлъ къ Аракчееву.

Въ опалу, однакоже, онъ попалъ не по этому случаю, а вслѣдствіе одной выходки, учиненной имъ по званію генералъ-квартирмейстера. Званіе это было рѣшительно не по плечу Аракчееву; тѣмъ не менѣе онъ и тутъ принялся за реформы. При уничтоженіи и сокращеніи штабовъ и канцелярій былъ упраздненъ и прежній генеральный штабъ, и офицеры его распределены по полкамъ. Потомъ изъ нихъ выбраны были лучшіе; къ нимъ присоединены были нѣкоторые офицеры изъ кончившихъ курсъ въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, и прежній генеральный штабъ былъ преобразованъ подъ названіемъ свиты его величества по квартирмейстерской части; часть же его составляла особое отдѣленіе по инженерной части. Аракчеевъ обратилъ и на нее свое вниманіе, и тутъ сталъ водворять свои порядки, подчиняя строгому контролю инженерныя работы. «Мы не могли найти свѣдѣній, на сколько эти мѣры принесли пользы», говоритъ г. Ратчъ; но отъ внимательна Алексѣя Андреевича въ инженерную часть, двое изъ числа лучшихъ тогдашнихъ инженеровъ, полковникъ Тучковъ и генералъ-маіоръ Деволанъ, должны были оставить службу. Что же касается вообще до дѣятельности Аракчеева по званію генералъ-квартирмейстера, то объ этомъ имѣются извѣстія въ приводимыхъ г. Ратчемъ «Denkwürdigkeiten» графа Толля, начавшаго свою службу именно въ свитѣ по квартирмейстерской части, въ концѣ 1796 года. Толль называетъ службу свитскихъ офицеровъ подъ начальствомъ Аракчеева «преисполненною отчаянія». Алексѣй Андреевичъ сумѣлъ убить въ нихъ всякую любовь къ дѣлу; къ себѣ же поселилъ и тутъ, какъ и вездѣ, одинъ страхъ. Въ семь часовъ утра всѣ свитскіе офицеры должны были собираться для занятій въ Зимнемъ дворцѣ и просиживать тутъ до двѣнадцати. Два часа давалось на обѣдъ, послѣ чего съ двухъ часовъ занятія возобновлялись и продолжались до семи часовъ вечера. А занятія эти состояли изъ перечерчиванія ненужныхъ старыхъ плановъ и, кромѣ этой совершенно бесполезной, механической работы, быстрого исполненія которой Аракчеевъ, однакоже, требовалъ, — онъ не занималъ офицеровъ ничѣмъ, дѣйствительно нужнымъ и полезнымъ, имѣя въ виду одно, чтобы подчиненные его были постоянно за дѣ-

домъ и работѣи неутомимо. Самъ Алексѣй Андреевичъ жилъ надъ заломъ, въ которой занимались офицеры, и раза по два и по три въ день спускался сверху внизъ. Появленіе его производило всегда непріятное впечатлѣніе: генераль-квартирмейстеръ придирался ко всякимъ пустякамъ, и за все, и про все ругался, по выраженію г. Ратча, «поворнѣйшими словами». Разъ даже онъ забылся до того, что одному молодому колонновожатому, Фитингофу, далъ пощечину. Въ другой разъ онъ накинулся на завѣдывавшаго свитскими офицерами подполковника Лена, человека во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго и способнаго, бывшаго оберъ-квартирмейстеромъ у Суворова, имѣвшаго георгиевской крестъ, лично извѣстнаго и рекомендованнаго императору графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. «Аракчеевъ—говорить г. Ратчъ—обругалъ Лена самыми площадными словами», но тотъ выслушалъ брань молча и остался до конца при занятіяхъ. Придя же домой, онъ написалъ къ Аракчееву не большое письмо—и застрѣлился.

Событіе это надѣлало много шума въ Петербургѣ. Императоръ потребовалъ письмо Лена, и такъ какъ, по поводу преображенской исторіи, онъ уже не чувствовалъ къ Аракчееву прежняго расположенія, то Алексѣй Андреевичъ и споткнулся. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 29 января 1798 года говорилось: «свиты Его Императорскаго Величества умершаго подполковника Лена изъ списковъ исключить»; а высочайшій приказъ отъ 1 февраля гласилъ: «генераль-квартирмейстеръ баронъ Аракчеевъ увольняется въ отпускъ до излеченія, которому однакожъ отправлять должность генераль-квартирмейстера». На другой день, однакоже, не взирая на вчерашнее «однакожъ», Аракчеевъ отставленъ былъ и отъ должности генераль-квартирмейстера, а 18 марта уволенъ, безъ прошенія, въ чистую отставку, съ награжденіемъ, впрочемъ, чиномъ генераль-лейтенанта.

На этомъ останавливаются «свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, собранныя Василиемъ Ратчемъ». Эпиграфъ, украшающій это произведеніе, гласитъ: «память еще рано дѣлать выводы: мы еще не знаемъ хорошенько фактовъ». Но изъ фактовъ, нами здѣсь представленныхъ, кажется, уже можно сдѣлать кое-какіе, и весьма не ошибочные, выводы, не дожидаясь тѣхъ, которые измыслилъ г. Ратчъ. Что же это за выводы, объ этомъ, если будетъ возможно, мы подробно поговоримъ тогда, когда появится продолженіе «свѣдѣній о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ».

Г. ПИЩЕВНИКЪ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ

Единство рода человеческого. Катрфажа. Переводъ А. Д. Мих...на. М. 1864.— Карла Дарвина учение о происхожденіи видовъ въ царствѣ растений и живот-ныхъ, приравненное къ исторіи міротворенія. Изложено и объяснено Фридри-хомъ Ролле. Съ приложеніемъ біографіи Дарвина, составленной С. Шенена-номъ. Переводъ старшаго учителя 5-й гимназіи М. Владимірскаго. С. П. Б. 1864.—Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія въ III томѣхъ. Подъ редакцію Ф. Толля при дѣятельномъ сотрудничествѣ В. Вол-ленса. С. П. Б. 1863—64. — Лжедмитрій 1. Трагедія въ десяти быльяхъ. Новгородъ 1864.—Гусерія, ея земскія и правительственныя учрежденія А. Лох-вицкаго, изд. профессора Александровскаго лица. Часть 1-я. С. П. Б. 1864.

Въ то время, какъ знаменитѣйшіе ученые занимаются вопросомъ о мѣстѣ, принадлежащемъ человѣку въ органической природѣ, дру-гіе писатели поднимаютъ вопросъ объ отношеніи человѣческихъ расъ между собою.

Если, оставивъ въ сторонѣ генеалогію человѣчества и вопросъ о значеніи въ классификаціи человѣческихъ расъ, мы обратимся къ ихъ нынѣшнему состоянію, то возникаетъ вопросъ, на сколько суще-ственные границы, существующія между ними въ настоящее время, отъ какихъ бы причинъ не происходило ихъ различіе, отъ постоянства ли вида или отъ дѣйствія естественнаго подбора. Въ болѣе практи-ческой формѣ вопросъ этотъ выразится такъ: абсолютно ли ниже цвѣтной человѣкъ бѣлаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе, потому что отъ него зависитъ разумный или нелѣпый взглядъ на такія крупныя явленія, какъ невольничество и колонизація. Особен-

ное значеніе поэтому имѣлъ этотъ вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, какъ справедливо говорить Катроажъ, каждый прежде всего моногенистъ или полигенистъ, т. е. противникъ или защитникъ невольничества. Съ разрѣшеніемъ его въ Америкѣ связавы важнѣйшіе интересы страны, и вслѣдствіе этого тамъ, не смотря на продолжительные споры, не могло явиться удовлетворительнаго отвѣта, потому что спорящіе вносили въ ученый споръ слишкомъ много пристрастія. Холоднаго и безпристрастнаго изслѣдованія невозможно было ожидать тамъ, гдѣ рабовладѣльцевъ чернили и поносили въ безчисленномъ множествѣ сантиментальныхъ романовъ, приторная чувствительность которыхъ была впрочемъ внушена тѣмъ же практическимъ интересомъ, какъ и гоненія, воздвигаемыя на Югѣ противъ аболіціонистовъ. Дѣло кончилось наконецъ кровопролитнѣйшей рѣзней, и понятно, что солдаты Ли и Грента не могли рѣшить мирнымъ путемъ вопросъ, который рѣшаютъ теперь штыками.

Но изъ европейскихъ ученыхъ не найдется ни одного, который бы не считалъ цвѣтныя племена стоящими по самымъ условіямъ своего организма ниже бѣлыхъ.

Несомнѣнно и признано всѣми, что невольничество есть самый лучший исходъ, котораго можетъ желать цвѣтной человѣкъ, прійди въ соприкосновеніе съ бѣлою расою; потому что онъ достается въ удѣлъ только наиболѣе развитымъ и сильнымъ расамъ; большая же часть ихъ не могутъ вовсе существовать рядомъ съ кавказскимъ племенемъ и вскорѣ совершенно вымираютъ. Ошибочно бы было винить въ этомъ европейцевъ. Извѣстны жестокости, совершавшіяся ими въ первые вѣка переселеній. Но теперь этого не дѣлается, и европейцы обращаются съ таитянами напр. не хуже, чѣмъ съ своими европейскими родственниками. Можно даже сказать, что теперь отношенія англичанъ напр. къ австрайлійцамъ лучше, чѣмъ къ ирландцамъ, и чтобы найти сравненіе для поступковъ австрійцевъ въ Италіи, французскихъ буржуа съ своими соотечественниками рабочими, нужно перенестись въ Новомъ Свѣтѣ ко временамъ Колумба и Кортеса. Извѣстны благородныя усилія европейскихъ правительствъ и миліонеровъ просвѣтить дикарей всѣхъ странъ свѣта. Между тѣмъ до сихъ поръ они не дали никакихъ результатовъ. Сантиментальные враги невольничества умѣютъ только цитировать тексты и пѣть псалмы, но не могутъ указать ни одного факта, который бы показывалъ, что образованіе и свобода могутъ превратить въ умственномъ отноше-

или негра въ бѣлаго. Дался имъ Ольриджъ. Бурмейстеръ между прочимъ указываетъ на способность и страсть негровъ къ подражанію, какъ на черту общую имъ не съ бѣлымъ племенемъ, а съ обезьянами. Но люди, приводящіе въ примѣръ Ольриджа, не понимаютъ этого. Невѣжды предполагаютъ, что мавръ тоже самое, что негръ, для нихъ это все — арапъ, поэтому очень обрадовались, увидя Отелло настоящимъ негромъ, не сообразивъ, откуда могъ взяться въ Венеціи негръ полководецъ и не подозревая, что между мавромъ и негромъ нѣтъ ничего общаго, и что поэтому Отелло нѣтъ надобности имѣть негрскую физиономію, а гораздо естественнѣе имѣть самую нѣжную, матовобѣлую кожу. Впрочемъ такіе люди, которые восхищаются Ольриджемъ, почерпаютъ свои этпологическія свѣденія изъ Шекспировъ, и потому имъ естественно радоваться, увидавъ Отелло не намазаннаго сажей, а чернаго отъ природы. Они готовы бы были потребовать отъ театральной дирекціи краснокожаго играть роль Антонія, если бы Шекспиръ считалъ римлянъ краснокожими. *) Не понятно только, какимъ образомъ люди, болѣе или менѣе серьезные, говоря о такомъ важномъ вопросѣ, могутъ указывать на Ольриджа. На этотъ жалкій примѣръ рациональные люди могутъ отвѣтить негрофиламъ указаніемъ на Сан-Доминго, гдѣ въ столько лѣтъ независимости не произвели не только ни одного сколько нибудь замѣчательнаго человѣка, но и вообще ни одного сколько нибудь возвышающагося въ нравственномъ отношеніи надъ рабами плантацій южныхъ штатовъ и свободными жителями Золотаго берега. Напрасно бы было объяснять это деспотизмомъ разныхъ Сулуновъ.

Вообще, какъ анатомія, такъ и наблюденіе надъ психическими способностями туземныхъ расъ Африки и Америки показываютъ такую громадную, коренную разницу между краснокожими, эскимосами, полинезийцами, неграми, вафрами, готтентотами съ одной стороны и бѣлымъ человѣкомъ съ другой, что настаивать на *братствѣ* этихъ расъ могутъ только чувствительныя барыни, какъ г-жа Бичеръ-Стоу. Хотя индустриальныя выгоды, заставляющія сѣверные штаты желать ослабленія южныхъ, побуждаютъ въ Сѣверной Америкѣ весьма серьезныхъ людей принимать участіе въ негрофильскихъ разсужденіяхъ,

*) Поздравляю „Эпоху“ съ пищей для „Замѣтокъ Лѣтописца“. Можетъ выйдти игривая статейка подъ названіемъ: „Шекспира ругаютъ!“

но они сами плохо вѣрятъ имъ. Одна только крайняя необходимость могла побудить ихъ рѣшиться на то, о чемъ они столько толковали т. е. на освобожденіе плантаторскихъ невольниковъ. Въ Европѣ же объ эмансипаціи негровъ толкуютъ люди, которые, какъ филантропическая дама въ одномъ изъ романовъ Диккенса, хлопочуть о просвѣщеніи и освобожденіи своихъ черныхъ братьевъ, въ то время какъ родные дѣти обвариваются кипяткомъ и падаютъ съ лѣстницъ. Вотъ что рассказываетъ между прочимъ Катроажъ: во время ирландскихъ возстаній противъ Англии, происходившихъ въ XVII в., множество ирландцевъ были изгнаны изъ плодородныхъ мѣстностей въ безплодныя, гдѣ подверглись преслѣдованіямъ и нищетѣ, въ которой потомки ихъ живутъ доселѣ, т. е. 200 лѣтъ. Если взглянуть на нихъ теперь и сравнить съ тѣми, которые провели эти два вѣка въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, то можно подумать, что имѣешь передъ собою двѣ разныя расы. Вотъ портретъ потомковъ этихъ изгнанниковъ: «ротъ ихъ полуоткрытъ и выдается впередъ, зубы выступаютъ наружу, десны вздулись, челюсти подались впередъ, носъ сплюснулся.... Ростъ уменьшился до 5 футовъ, 2 дюймовъ, животъ вздулся; ноги искривились; черты лица напоминаютъ черты выкидыша.

«Всякій читатель, прибавляетъ Катроажъ, какъ бы мало не зналъ признаки, отличающіе человѣческія группы, узнаетъ въ этомъ описаніи черты, приписываемыя самымъ низшимъ негрскимъ народамъ, самымъ деградированнымъ австралійскимъ племенамъ» (стр. 155).

Подобный фактъ конечно неблагопріятель тѣмъ полагенистическимъ теоріямъ, которыя основаны на постоянствѣ вида.

Но всего неблагопріятнѣе оказывается онъ для европейскихъ негрофиловъ. Въмѣсто того, чтобы заботиться о равенствѣ чернаго племени съ бѣлымъ, гдѣ тысячелѣтія, а можетъ быть и самое происхожденіе, провели неувладимую, органическую границу, какъ въ физическихъ, такъ и въ нравственныхъ свойствахъ, лучше бы обратить филантропическое вниманіе на тѣхъ, которые дѣйствительно братья намъ, но которыхъ наши политическія и социальныя условія деградируютъ до того, что лишаютъ признаковъ и качествъ, свойственныхъ ихъ племени, и приближаютъ къ низшимъ расамъ. Еще нѣсколько вѣковъ существованія этихъ условій, и въ Европѣ явится новая раса, уже навсегда утратившая тѣ высшія способности, ко-

торыя отличаютъ кавказскую. Но филантропы находятъ болѣе удобнымъ хлопотать объ эмансипаціи готтентотовъ и бечуановъ и покровительствовать животнымъ, чѣмъ заботиться о своихъ родныхъ братьяхъ.

Хотя теорія Дарвина противорѣчитъ полигенизму, когда онъ основывается на постоянствѣ вида, но нельзя отрицать того, что въ настоящее время человѣческія расы представляютъ столь же отличные виды, какъ напр. лошадь и осель. Невозможно, правда, допустить, что каждая раса или, какъ полагаютъ даже нѣкоторые, каждая нація создавалась отдѣльно со всѣми своими признаками; но наследственность, естественный подборъ и среда, дѣйствовавшія на людей въ теченіи множества тысячелѣтій, провели между разными расами границу до того полную, что въ настоящее время между многими расами нельзя даже указать на переходные типы и что крайнія расы неплодородны между собою. Можно-ли напр. указать всѣ переходы отъ негра къ кавказцу, отъ красножаго къ китайцу? По крайней мѣрѣ, Катрѣажъ и не пытается доказывать существованіе этихъ переходныхъ типовъ. Если гдѣ нибудь можно найдти ихъ, то конечно не между нынѣ живущими племенами, а развѣ среди ископаемыхъ остатковъ вымершихъ обитателей земли. Поэтому же и скрещиваніе между различными расами не даетъ потомства, что совершенно противорѣчитъ монотенистамъ, настаивающимъ на школьномъ опредѣленіи вида. Вслѣдствіе этого Катрѣажъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать противное, т. е. что смѣшеніе двухъ различныхъ расъ можетъ произвести потомство. Катрѣажъ указываетъ на многочисленные продукты скрещиванія трехъ различныхъ расъ, живущихъ въ Америкѣ: бѣлой, черной и красной. Но это ничего не доказываетъ. Самъ же онъ говоритъ:

«Абсолютное бесплодіе гибридовъ, продуктовъ скрещиванія двухъ разныхъ видовъ; оспариваемое или защищаемое въ средніе вѣка и въ вѣкъ возрожденія, не можетъ быть допущено въ присутствіи вѣрныхъ фактовъ, собранныхъ наукою. Плодородность у гибридовъ, не существующая въ огромномъ большинствѣ случаевъ, заключается всегда въ чрезвычайно узкихъ границахъ и даже имѣеть результатомъ исчезновенія всѣхъ слѣдовъ скрещиванія» (174 стр.).

Если существуютъ мулаты, то существуютъ мулы и лошаки; указываютъ на мулатовъ, квартероновъ, но Катрѣажъ же приводитъ фактъ, гдѣ ублюдди барана и козы дали квартероновъ. Дѣло въ томъ, что потомство двухъ расъ, столь удаленныхъ другъ отъ друга, какъ

бѣлый и негръ, лошадь и осель, козель и баранъ, будучи представлено себѣ, немедленно исчезаетъ и не можетъ идти далѣе нѣсколькихъ поколѣній даже въ томъ случаѣ, если будутъ поддерживаться чистою кровью. Это всего лучше доказываетъ та самая таблица американскихъ метисовъ (или гибридовъ), которую приводитъ Катроажъ въ свою пользу. Вотъ она:

Метисъ	плодъ испанца и индiанки
Кастизо	— метиски и испанца
Эспаньола	— кастизо и испанки
Мулатъ	— испанки и негра
Морскъ	— мулатки и испанца
Альбино	— мориска и испанки
Торнамрасъ	— альбино и испанки
Тентинелеръ	— торнатра и испанки
Лово	— индiанки и негра
Карибухо	— индiанки и лово и т. п.

Такимъ образомъ, хотя потомство бѣлаго и негра и доходитъ до шестаго поколѣнія (впрочемъ случаи, гдѣ потомство идетъ далѣе третьяго поколѣнія, чрезвычайно рѣдки), но не иначе, какъ если метисы скрещиваются съ особями чистой крови. Союзы же мулатовъ между собою бесплодны, по крайней мѣрѣ плодородіе ихъ такая же рѣдкость, какъ плодородіе муловъ. Частный случай, приводимый Катроажемъ, о населеніи Питкерна доказываетъ не болѣе способность полинезійцевъ и бѣлыхъ произвести смѣшанную расу, могущую существовать, если она предоставлена самой себѣ, какъ подтверждаетъ опытъ Генеліуса надъ тою же способностью барановъ и козъ. Притомъ полигенисты справедливо замѣчаютъ, что не было еще произведено опытовъ надъ смѣшеніемъ расъ, столь далекихъ, какъ напр. эскимосы и негры, американцы и ново-голландцы, татары и бушмены, хотя и того, что мы знаемъ о смѣшеніи бѣлыхъ съ черными и красными, достаточно, чтобы сказать, что расы эти относятся другъ къ другу, какъ виды въ отношеніи производительной способности.

Различіе, существующее между бѣлою расой съ одной стороны, неграми и американцами и полинезійцами съ другой, слишкомъ бросается въ глаза, чтобы можно было серьезно толковать о возможности существованія между ними отношеній, сколько нибудь похожихъ на существующія между людьми одной и той же расы. Опытъ доказать, что американцы и океанійцы не могутъ требовать отъ бѣлыхъ даже жизни; что касается до негровъ, то ко-

вечно европейцы поступают жестоко, похищая ихъ изъ родной земли и увозя на свои плантации, гдѣ съ ними обходятся также отвратительно, какъ съ животными. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что возможно равноправное существованіе въ одной и той же странѣ бѣлаго и чернаго племени. Сладкіе романы и проповѣди негрофиловъ также неспособны уничтожить органическую разницу и сдѣлать чернаго бѣлымъ, какъ милостивыя грамоты испанскихъ королей; *que fulano se tenga por blanco* (такой-то можетъ считать себя бѣлымъ). Не столь рѣзки признаки, отличающіе кавказское племя отъ монгольскаго. Есть страны, гдѣ эти расы живутъ рядомъ, при чемъ представляютъ разницу столь незначительную, что она почти ускользаетъ отъ простаго наблюденія. Тѣмъ не менѣе разница и здѣсь существенна и громадна, въ чемъ лучше всего убѣдиться, взглянувъ на исторію обѣихъ расъ. Исторію монгольской расы мы можемъ прослѣдить до очень отдаленной эпохи; она доказываетъ намъ, что раса эта съ незапамятныхъ временъ сохранила всѣ тѣ признаки, которые отличаютъ цвѣтныя расы отъ бѣлой. Не говоря здѣсь о физическихъ особенностяхъ, которыя всѣмъ извѣстны, я напомню читателю нѣкоторыя нравственныя отличія желтой расы. Извѣстно, что полинезійцы и американцы въ общественномъ отношеніи характеризуются отсутствіемъ всякихъ социальныхъ способностей. Тогда какъ негры, монголы и кавказцы существуютъ обыкновенно въ обществѣ, которое постоянно стремится расшириться и перейти въ государство, туземцы Америки и Океаніи представляютъ отсутствіе общественныхъ элементовъ. Можно сказать, что они живутъ не обществами, а стадами. Но и три общественныя расы представляютъ въ этомъ отношеніи рѣзкую разницу, и изъ нихъ только кавказское племя способно развивать свои социальные способности. Возьмемъ трехсотлѣтній періодъ существованія какаго нибудь европейскаго племени. мы увидимъ въ немъ постоянное стремленіе къ прогрессу, быстрое развитіе цивилизаци, способность преслѣдовать самыя возвышеннѣйшія и благодѣтельныя цѣли, неустанную борьбу за усовершенствованіе своего социального быта, дѣятельное желаніе лучшаго будущаго, которымъ европейскіе народы обязаны всѣми своими благами; прогрессъ въ наукѣ и обществѣ, физическое и нравственное освобожденіе личности, постоянное усовершенствованіе религіозныхъ и общественныхъ формъ, созиданіе поваго, лучшаго, иногда мечты, но мечты благороднѣйшія, смѣлыя,

геніальныя, которыя хотя рѣдко осуществляютъ свои идеалы, но всегда приносятъ плоды и увеличиваютъ общую сумму благополучія—вотъ что представляетъ собою жизнь европейскаго племени. Глухое, несознаваемое рабство, глубокое невѣжество, нечувствительность къ социальнымъ неудобствамъ и непониманіе возможности лучшаго положенія—вотъ черты, представляемыя трехтысячелѣтнимъ періодомъ существованія племенъ азіатскихъ. И такъ, книга Катрѣажъ занимаетъ вопросомъ, который со времени Дарвина лишился всякаго значенія; притомъ Катрѣажъ представляетъ одностороннее рѣшеніе этого вопроса, и жертвуетъ научной истиной въ пользу схоластическихъ представленій. Однако нельзя не сказать, что это сочиненіе не лишено интереса; въ немъ много фактовъ весьма любопытныхъ. Напрасно только издатель требуетъ за 15 листовъ, составляющихъ ее, полтора рубля, тѣмъ болѣе, что переводъ изумительно плохъ. Безпрестанно попадаются фразы въ родѣ слѣдующей:

«Не говоря даже о претензіяхъ, поднятыхъ отъ имени валлисцевъ и басковъ, титулъ скандинавовъ, какъ открывшихъ америку (!), признанъ теперь волюнъ автентичнымъ» (стр. 240). Или «Множество, измѣненность, которыя они (инстинкты) представляютъ, достаточны, чтобы доказать это (неизвѣстно что)» (стр. 95).

Вообще обращеніе г. Мих...на съ французскимъ языкомъ отличается крайней безцеремонностью и напоминаетъ переводы съ латинскаго сыновей Бульбы (баба—бабусь). Вотъ напр. образчики этого свободнаго обхожденія: *библичный* (biblique) (стр. VIII), *институты* (instituts—учрежденія, стр. 60), *нюансированъ* (стр. 65), *заяцъ* (стр. 77) и *зайчикъ* (106) (levrier—борзая собака), *идентично* (identique—тождественно, стр. 101), *человѣкъ въ состояннн эмбрио* (109), *репрессалии* (repressailles—возмездіе, 118), *докторъ Просперъ Лука* (124), *Элиза Реклусъ* (150), *железные аппараты* (вмѣсто желѣзистые аппараты или просто желѣзы, 152), *шороны* (153), *автентичный* (authentique — подлинный, достовѣрный, стр. 163), *ремонттенныя* лпхорадки (224), «славное доношеніе Ласепада» (стр. 4¹). Видно, что изъ Русскаго Вѣстника.) и т. д.

Изложеніе ученія Дарвина о происхожденіи видовъ Роале отличается всѣми достоинствами, которыхъ можно ожидать отъ такой книги,

а именно ясностью самого изложенія, изобиліемъ и хорошимъ выборомъ фактовъ и проч. Но говорить о ней подробно я считаю излишнимъ, потому что пришлось бы повторять сказанное г. Писаревымъ въ статьѣ: «Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений». Поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которыми отличается русскій переводъ этой книги. Г. переводчикъ обращается съ нѣмецкимъ языкомъ и научными терминами также безцеремонно, какъ г. Мих...нъ съ французскимъ. Но въ послѣднемъ случаѣ можно по крайней мѣрѣ пересчитать ошибки, переводъ же Роле отъ первой до послѣдней страницы представляетъ непрерывный рядъ нелѣпостей. На оберткѣ значится, что переводъ принадлежитъ старшему учителю 5-й гимназіи, М. Владимірскому. Любопытно бы знать, чему обучаетъ г. Владимірскій въ 5-й гимназіи? Такъ какъ объ этомъ обертка умалчиваетъ, то для чести этой гимназіи и всего русскаго преподаванія нужно предположить, что г. Владимірскій посвящаетъ гимназистовъ въ тайны каллиграфскаго или танцевальнаго искусства. Но г. Владимірскаго это обстоятельство не можетъ оправдать, потому что ему, при его невѣжествѣ, необходимо было воспользоваться хотя бы учебникомъ г. Симашко, который онъ могъ бы достать у любого изъ своихъ учениковъ. Не трудно бы было также раздобыть латинскій словарь Кронеберга. Обладаніе двумя этими драгоценными пособіями принесло бы благодѣтельные результаты. Но г. Владимірскій отвергъ пособіе науки, предлагаемое гг. Симашко и Кронебергомъ; вслѣдствіе этого у него оказывались животныя, о которыхъ не слыхивалъ ни одинъ зоологъ въ мірѣ. Таковы *ризоподы* (Risoroda—корнекожи), *спонгии* (*мхи*, замѣчаетъ въ скобкахъ ученый переводчикъ), *наиды* (*Nais*—вьюнки), *акантоцефалы* (*acanthocerphala*—колючеголовые), *кефалоподы* (*cephalopoda*—головоногія), *птероподы* (*pteropoda*—крылоногія), *хинодермы* (*echinodermata*—иглокожія), *акефалы* (безголовыя), *гастроподы* (брюхоногія), *вріозои* (*bruzoza*—мшанки). Хороши также *врахіоподы* (*brachioroda*—плеченогія, отъ *brachium* и *pes*), на основаніи которыхъ я и скорблю о томъ, что г. Владимірскій пренебрегъ Кронебергомъ, гдѣ непременно нашелъ бы, что латинское слово *brachium* по русски будетъ *плечо*, а не «врахій» какой-то. Подобными прелестями переводъ изобилуетъ до того, что нѣтъ возможности привести и десятой доли. Мнѣ особенно бросились въ глаза *пфальбауты* (*Pfahlbauten*—свайныя постройки) и *мурхи* (*Lurche*—

земноводныя). Это никакъ не уступить «пюансированности» и «автентичному». Иностранныя фамиліи тоже не дались русскому пере-заводчику: встрѣчается «Брогніартъ» (Броньаръ), Лиелле и въ особе-ности какой-то незнакомецъ *Эли-Бюмонтъ*. Можно догадаться, что рѣчь идетъ объ Эли-де-Бомонѣ, который въ воображеніи г. Влади-мирскіа превратился въ англичанина. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Влади-мирскій посвятилъ себя специально танцевальному искусству, по-тому что образованному человѣку также невозможно не знать о су-ществованіи Эли-де-Бомона, какъ о существованіи Гарibaldi или королевы Викторіи.

Таковъ-то *вольный* переводъ «Ученія Дарвина» Ролле.

Извѣстно, какъ не счастливится на Руси многотомнымъ «энцикло-педическимъ словаремъ». Сколько уже ихъ предпринималось и по-гибало, не увидавъ не только Ѳ, но и М. Причина этого весьма по-нятна, если сообразить, что до сихъ поръ въ обществѣ не обна-руживалось потребности имѣть даже небольшой справочный словарь. Поэтому настольныхъ словарей не являлось, за то предпринимал-ись дорогія, гигантскія предпріятія въ родѣ послѣдняго «Энцикло-педическаго лексикона». Они являлись не для удовлетворенія потреб-ностей читающей публики, а потому, что просвѣщенному и благо-устроенному государству и могущественной націи не прилично не имѣть своей энциклопедіи. Къ несчастью, публика не понимала этого и не покупала дорогихъ словарей изъ любви къ славѣ отечества. Публику винить нельзя, потому что только очень недавно наша ли-тература на столько обогатилась серьезными книгами, что могла возникнуть потребность въ «энциклопедіи». За чѣмъ же публикѣ было пріобрѣтать «энциклопедическіе словари», когда чтеніе ея ограничива-лось съ одной стороны «Прекрасной магометанкою», а съ другой рома-нами Тургенева. Въ этихъ предѣлахъ оно не представляло никакихъ учесыхъ трудностей, требовавшихъ объясненій словаря. Ученая же ли-тература ограничивалась гимназическими учебниками и также не пред-ставляла нужды въ особыхъ поясненіяхъ. Но съ недавняго времени въ обращеніе поступило значительное количество книгъ серьезнаго содержанія, что и повлекло за собою появленіе «Настольнаго сло-вара» г. Толля, изданія, явившагося не изъ патріотизма, не ради славы отечества, а просто потому, что подобная книга стала нужна.

Словарь г. Толля сравнительно съ неудавшимися энциклопедіями безконечно малъ, но такъ какъ весь-то каталогъ нашей серьезной литературы меньше одного энгельмановскаго объявленія, то намъ и нѣтъ надобности въ чудищахъ, въ родѣ Эршъ и Грубера или Conversations-Lexicon'a. «Настольный словарь» г. Толля обладаетъ всѣми недостатками, сопровождающими и заграничныя изданія этого рода, но съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ другихъ, не встрѣчающихся въ иностранныхъ словаряхъ. Къ числу первыхъ относится несчастная страсть къ лаконическимъ опредѣленіямъ. Въ такихъ изданіяхъ слѣдуетъ держаться чего нибудь одного: или совершенной краткости или достаточной полноты; слѣдуетъ или ограничиваться самыми главными біографическими указаніями, т. е. указывать на годъ рожденія и смерти, или вступленія на престолъ и другихъ тому подобныхъ важныхъ событій въ жизни, давать списокъ сочиненій писателя или напоминать о важнѣйшихъ фактахъ дѣятельности политическаго дѣятеля, но не должно входить въ критическій разборъ сочиненій или въ оцѣнку дѣятельности лица. Или же слѣдуетъ говорить объ этомъ довольно подробно, т. е. излагать содержаніе сочиненій или входить въ подробности событія, и сужденіе свое подкрѣплять доказательствами. Последнее условіе возможно только для колоссальныхъ изданій; меньшія же должны строго держаться перваго правила, потому что желаніе соединить оба условія влечетъ за собою бессмысленный лаконизмъ, голословное сужденіе и бездоказательное повтореніе общепринятаго, пошлаго мнѣнія. Такъ въ «Настольномъ словарѣ» встрѣчаемъ слѣдующіе отзывы:

«Бентамъ, Бентэмъ Іеремія, сынъ адвоката, родъ въ Лондонѣ 1747, ум. 1832 г. Сначала былъ адвокатомъ, но, негодя на рутину англ. судебной процедуры, скоро отказался отъ практич. дѣятельности и посвятилъ себя изысканію способовъ улучшенія существующихъ законодательствъ. Теоретич. основаніе его системы составляетъ матеріальный утилитаризмъ и эгоистич. сенсуализмъ. Ум. 1832. Ученикъ его, Этьенъ Дюмонтъ, изложилъ его ученіе въ «Основаніяхъ гражд. и уголовнаго законодательства». Философія Бентама изложена въ его Déontologie ou théorie des devoirs» (1833).

Что значить эта фраза: «теоретическое основаніе его системы составляютъ матеріальный утилитаризмъ и эгоистическій сенсуализмъ?» Какой въ нихъ смыслъ? Что въ состояніи понять изъ нея читатель? Чье мнѣніе выражаетъ она? Мнѣніе г. Толля или англійскихъ юристовъ, равобиженныхъ Бентамомъ? За чѣмъ эта пошлая и избитая фраза? Теперь у меня подъ рукою Staats-Lexicon и три

французскихъ словаря: огромная *Biographie générale*; изд. Дидо, *Dictionnaire* Башле и Дезобри, по объему близкій къ словарю г. Толя, и маленькая *Biographie Universelle*, изд. Дюбуше (одинъ томъ); въ *Staats-Lexicon* и *Biographie générale* находится довольно подробный разборъ всей системы Бентама; *Башле* — повторяетъ общія мѣста, хотя и не до такой степени лаконически, какъ г. Толя; наконецъ маленькій французскій словарь говоритъ просто:

«*Бентамъ* (еремія) знаменитый англійскій юристъ, публицистъ и экономистъ, глава такъ назыв. *утилитарной* школы. Лондонъ 1747—1832. Получилъ отъ конвента званіе французскаго гражданина.— *Introduction aux principes de la morale et de la jurisprudence* 1789 и 1823. *Traité de législation civile et pénale* (по французски). Paris 1802 и 1820. *Théorie des peines et des récompenses* (по французски). Raportique, 1794, гдѣ въ первый разъ была предложена пенитенціарная система. *Code constitutionnel*, 1822. *Théorie des devoirs* (posthume). 1833 г.

Такимъ образомъ, хотя здѣсь нѣтъ никакихъ лаконическихъ характеристикъ, но за то упомянуто *шесть* сочиненій Бентама, вмѣсто *двухъ*. Притомъ трудно рѣшить, почему г. Толя изъ множества сочиненій Бентама выбралъ именно эти два, а не другія. Вѣроятно онъ считаетъ ихъ важнѣйшими; но въ этомъ онъ ошибается. Главнымъ сочиненіемъ Бентама считается «Введеніе къ началамъ нравственности и законодательства» (1789)*), «Теорія наказаній и наградъ», а также «*Constitutional Code for the use of all nations*» (1830) и «*Codification proposal to all nations*» (1822). «Основанія же гражданскаго и уголовнаго законодательства» имѣютъ несравненно менѣе значенія, и во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ превосходная компиляція.

Въ этомъ отношеніи «Словарь» г. Толя заслуживаетъ тѣ же упреки, какъ и большая часть энциклопедій этого объема, въ родѣ напр. Буйлье, пользующагося такою несласлуженной репутаціей. Есть также промахи, недосмотры и опечатки, которыхъ довольно трудно избѣжать въ этомъ случаѣ. Такъ о русскомъ императорѣ Александрѣ I говорится, что онъ вступилъ въ Парижъ *въ первыхъ числахъ января 1814 г.*; Петръ первый названъ сыномъ первой супруги Алексѣя Михайловича; ошибочно показано время папства Александра V (1409—20 вмѣсто 1409—10) и неудачно сказано, что онъ *боролся* противъ двухъ антипапъ; герцога Альба ошибочно названъ герцогомъ Толедскимъ (Толедо была его фамилія, а не титулъ); ба-

: *) Jeffroy. Cours du droit-naturel.

варское министерство Шренка названо либеральнѣйшимъ (ради лаконизма вмѣсто болѣе либеральнаго); совершенно не упомянуто о поэтѣ Барбье; за то упоминается о русскомъ граверѣ Виноградовѣ, одѣлавшемъ только одинъ эстампъ «съ портрета царя Аумирада грузинскаго. писаннаго Антроповымъ»; по геологіи названы лучшими учебникъ Наума и книжка Котты, глухо сказано о Ляйэлѣ и совсѣмъ не упомянуто о Квешцэдтѣ. Упомянуты только два изъ пяти византійскихъ императоровъ, Алексѣевъ. Вообще нужными свѣденіями пожертвовано въ пользу бесполезныхъ. Попадаются слова, которыя бы были излишни и въ большей энциклопедіи. Для примѣра назову: *Атаксио*, Алексѣя Даниловича, балалайку, балдахинъ, башню, баштанъ, башманъ, баюдерки (о которыхъ подробностей больше, чѣмъ о всѣхъ четырнадцати папахъ Бенедиктахъ, вмѣстѣ взятыхъ), бече, бишофъ, бокаль, бородавка (опредѣляемая: *всякій* ненормальный наростъ на кожѣ), вабий, вабикъ, волкомейка, вольти субито, всяченикъ (опр. энциклопедистъ), втечка, втора, второсестрина, вудвальки. Иностранныя фамиліи также иногда слѣдуютъ какимъ-то особымъ правиламъ правописанія: особенно поражаетъ зрѣніе и слухъ *Гону* (д'Опуль), маркизъ пиконерійскій (де ла Пиконери) и нѣкоторые другіе.

Не смотря на эти промахи, трудъ гг. Толля и Волленса вполне достоинъ уваженія и благодарности и, безъ сомнѣнія, войдетъ во всеобщее употребленіе. Важное достоинство его состоитъ въ томъ, что онъ далекъ отъ того пошлаго, рутиннаго взгляда, который не проглядываетъ лишь въ весьма немногихъ заграничныхъ, особенно французскихъ, изданіяхъ такого рода. Г. Толль удовлетворилъ своимъ словаремъ и ту незначительную потребность въ такой книгѣ, которая была въ нашей публикѣ; теперь публика можетъ безъ особаго нетерпѣнія ждать нѣсколько лѣтъ выхода новаго тома «Энциклопедическаго Словари.»

Наши драматурги стяжали себѣ не малую славу, заимствуя сюжеты для своихъ драмъ изъ отечественной исторіи. Прежде на этомъ поприщѣ блисталъ Кувольникъ, а въ недавнее время возблисталъ Островскій. Въ нынѣшнемъ году двое писателей соблазнились успѣхами этихъ драматурговъ, вслѣдствіе чего явились въ Петербургѣ «Разладъ» г. Полонскаго, а въ Новгородѣ «Лжедмитрій I», трагедія

въ десяти былинахъ» неизвѣстнаго автора. Всѣ эти произведенія имѣютъ совершенно одинаковое достоинство.

Но быliny отличаются совершенно особыми прелестями. Для примѣра приведу восхитительную сцену объясненія въ любви самозванца съ Мариной.

Ажед. Марина! вы давно замѣтили, — давно знаете!.. да, вы давно знаете, что я васъ обожаю.

Марина. Царевич! мнѣ пріятно слышать ваши слова, — они льстятъ моему самолюбію; но...

Ажед. Какъ вы прелестны сегодня. Ахъ! если бы я могъ надѣяться когда нибудь владѣть вашею рукою.

Марина (снямая розу съ груди). Не угодно ли вамъ взять эту розу.

Ажед. Съ восхищеніемъ принимаю ее! (Цокая ее)... Моя любовь къ вамъ безгранична; если бы вы знали мою страсть гибельную (*), дикую грудь моя бываетъ иногда, какъ огнедышущая гора! Марина! я готовъ пасть передъ вами на колѣна! (Хочетъ становиться на колѣни).

Марина (удерживая его). Царевичъ, что вы дѣлаете.. всѣ на насъ смотреть и т. д.

Сцена эта ясно доказываетъ, что новгородскіе поэты пишутъ все не хуже с. петербургскихъ (зри *Разладъ*, объясненіе Танина съ панной Катериной). Но къ сожалѣнію нельзя дать понятія и о сотой доль всѣхъ сокровищъ, разсѣянныхъ на каждой страницѣ былинъ. Чего напр. стоятъ эти стихи:

Дождались мы цари
Молодца богатыря;
За него у кабака
Мы пропляшемъ трешака.
.
Выьемъ за царя до дна
Чарку пѣннаго вина.
Станемъ грудью за царя,
Закричимъ ему ура!
Ура, ура, ура!

Напрасно поскромничалъ г. новгородскій поэтъ. Онъ стяжалъ себѣ право на славу, не меньшую той, какою пользуются его петербургскіе и московскіе собраты по драматическому Парнасу.

Г. Лохвицкій уже увѣнчанъ здѣшнимъ ученымъ ареопагомъ за со-

(*) Орфографія подлинника сохранена.

чиненіе свое: «Губернія», написанное имъ на степень магистра. Мнѣ, скромному журнальному рецензенту, не приходилось бы произносить свое сужденіе о сочиненіи, признанномъ учеными людьми достойнымъ университетскихъ степеней и вѣнковъ. Но дерзость моя такъ непо- мѣрна, что это не можетъ остановить меня. Я предполагаю, что мнѣ и моему читателю нѣтъ дѣла до славы, озарившей г. Лохвицкаго въ мѣстѣ, по аналогіи называемомъ храмомъ науки. Передъ нами его книга, и мы можемъ разбирать ее, не заботясь о мнѣніи о ней ученаго ареопага. Книгу свою г. Лохвицкій начинаетъ тѣмъ, что принимаетъ живѣйшее участіе въ спорахъ французскихъ либераловъ о выгодахъ и невыгодахъ централизаціи. Французскіе либералы—много испытанные страдальцы, и для нихъ этотъ вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе. Не должно думать, чтобы въ этомъ спорѣ они отстаивали какіе нибудь принципы. Нѣтъ, дѣло для нихъ въ томъ, какой методы выгоднѣе держаться, чтобы съ успѣхомъ противиться гнуснымъ принципамъ 1848. Въ эти-то семейные расчеты ввязался г. Лохвицкій и, ввязавшись, не обнаружилъ особенной сообразительности.

Между тѣмъ пренія о централизаціи французскихъ либераловъ весьма поучительны. Обѣ стороны не скрываютъ своей главной заботы. Централизаторы выхваляютъ централизацію, какъ средство охранять и поддерживать то, что они называютъ общественнымъ порядкомъ. Децентрализаторы ставятъ главнымъ упрекомъ централизаціи то, что она ведетъ къ революціи. И то, и другое доказывается въ теоріи весьма основательно и убѣдительно. По видимому, совершенно естественно, что правительство скорѣе можетъ удержаться и защитить общественный *statu quo*, если будетъ располагать всѣми силами общества и вмѣшиваться во всѣ частности и мелочи не только столичной, но и провинціальной жизни. Если правительственные агенты по своему усмотрѣнію руководятъ дѣятельностію провинціи, то правительству это не можетъ быть вредно, но всегда приноситъ пользу. Если безъ разрѣшенія представителей центральной власти нельзя устроить пикника, то ясно, что невозможно организовать какого нибудь политическаго союза. Если нельзя выбрать, безъ согласія префекта, старшину клуба, то и выборы представителей въ палату депутатовъ не обойдутся безъ его вліянія. Съ 1792 г. во Франціи перебивало много различныхъ правительствъ, господствовавшихъ подъ всевозможными знаменами и во имя всяческихъ

дирипциевъ. Всѣ они были большою частью руководимы людьми способными и умѣнными разобрать, что имъ выгодно и что нѣтъ. Всѣ они кончались трагически, но конецъ этотъ не могъ убѣдить ихъ преемниковъ отказаться отъ централизаціи. Невозможно объяснить этого слѣпотою и непонятливостію, или упрямствомъ. Нынешнее правительство отличается, напримѣръ, дальновидностію, ясностію, благоразуміемъ и способностію ужиться съ какими угодно теоріями. Однако, что бы ни говорили децентрализаторы о припадкахъ паденія предшествовавшихъ правительствъ, какъ бы наглядно ни доказывали они, что ихъ погубила централизація, правительстве Наполеона III не послѣдуетъ ихъ совѣту. Причиною этого — не слѣпота. Правительство *не могло бы* послѣдовать совѣту децентрализаторовъ даже въ томъ случаѣ, если бы они убѣдили его во вредѣ централизаціи для него самого. Это ясно для всякаго благоразумнаго человѣка. Дѣйствительно, кто можетъ серьезно думать, что нынѣшнему правительству, не говоря выгодно, а даже возможно освободить провинцію отъ своей непосредственной опеки. Съ одной стороны, какіе результаты получило бы правительство, устранивъ свою полицію отъ вѣдѣтельности въ провинціальныя дѣла, предоставивъ провинціальной журналистикѣ защищать истинные иѣстные интересы и отказавшись отъ всякаго вліянія на все, что дѣлается въ провинціи? Ясно, что первымъ результатомъ этого явилась бы жалата депутатовъ, быть можетъ, менѣ либеральная, чѣмъ нынѣшняя, но зато несравненно болѣе независимая и самостоятельная, съ которою министерству было бы гораздо труднѣе ладить, чѣмъ съ краснорѣчивыми и либеральными представителями нынѣшней оппозиціи. Съ другой же стороны, что вышло бы, если бы правительство воспротивилось эксплуатаціи провинцій столицемъ? Вышло бы то, что въ дополненіе къ независимой жалатѣ, оно пріобрѣло бы недовольное столичное общество. Поэтому, имѣя сто шансовъ претивъ одного погибнуть отъ централизаціи, правительство все-таки не могло бы внять голосу децентрализаторовъ и пойдти на вѣрную гибель. Если бы даже совершился новый переворотъ и во главѣ новаго правительства явились бы сами децентрализаторы, если бы Одилонъ Барро, Э. Реньо, Лабурзе и др. сдѣлались министрами или правителями, то и они не могли бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ усиливать и поддерживать централизацію, противъ которой ратуютъ. Если бы они принялись производить на практикѣ тѣ

мѣры, которыя рекомендуютъ нынѣшнему правительству, то обружили бы этимъ отсутствіе въ себѣ смысла. Потому что я не думаю, чтобы, обезсиливая себя, можно было доставить торжество своимъ идеямъ. Всегда найдутся лѣвые люди, которые воспользуются тѣмъ, что благомыслящее правительство начинаетъ осуществлять свои принципы съ того, что лишаетъ себя силы, и овладѣютъ въ свою пользу мѣстомъ, которымъ не сумѣли воспользоваться эти добродушные люди. Понятно, слѣдовательно, что самые принципы децентрализаторовъ принудили бы ихъ защищать и поддерживать централизацію.

Тѣмъ не менѣе децентрализаторы совершенно правы; доказывая вредъ централизаціи для прочности правительства и общественного statu quo.

Тутъ говорятъ факты. Всякій знаетъ, что невозможно судить о эволюціи 1789 г. по парижскимъ событіямъ. «Всякая деревня имѣла своего Робеспьера», говорилъ Грегуаръ; но провинція имѣла и Батлино, провинція не только сама дѣлала революцію, но и контр-революцію въ то время, какъ въ Парижѣ засѣдалъ Конвентъ. Черезъ двадцать лѣтъ, во время ста дней, послѣ республиканской и наполеоновской централизаціи, было уже одно слабое подобіе вандейской войны. Еще черезъ 15 лѣтъ одной герцогинѣ беррійской показалось, что провинція будетъ отстаивать бурбоновъ противъ Паряжа. А еще черезъ 18 лѣтъ уже и въ голову никому не могло войти ничего подобнаго. Слѣдовательно судьба правительства и общества въ рукахъ Паряжа. Это, разумѣется, ведетъ къ проигрышу, потому что игрокъ, ставящій все на одну карту, рискуетъ чаще проигрывать, чѣмъ тотъ, кто играетъ медленно. Coups d'etat и 24 февраля постоянно грозятъ правительству, и оно должно считать себя очень счастливымъ, если при столь неблагоприятныхъ шансахъ, въ теченіи двадцати лѣтъ будетъ оставаться постоянно въ выигрышѣ. Нельзя не видѣть, что чудомъ этимъ оно обязано той же централизаціи, которая повѣсила надъ нимъ этотъ Дамоклесовъ мечъ.

Либералы, какъ напр. Одилонъ Барро, приписываютъ централизаціи всѣ свои бѣдствія 1848. Они не отрицаютъ того, что были бы сами централизаторами, если бы вѣрили въ то, что централизація есть средство противъ измѣненія соціального положенія. Но, по ихъ мнѣнію, она способствуетъ этому. Нѣкоторые доводы ихъ довольно вѣрны. Они напр. считаютъ удобнымъ средствомъ поддержать

statû quo, развить политическую свободу и давъ городамъ самоуправленіе. Дѣйствительно, нельзя отрицать того, что можно на минуту утолить голодъ голодающаго человѣка, накормивъ его мякиной, а также того, что Англія съ своей децентрализацией, съ своими сильными общинами и многочисленной провинціальной милиціей можетъ съ большими успѣхомъ защищать социальное statû quo, чѣмъ французская центральная власть. Какъ ни могущественна послѣдняя, но ея 500,000 армія, грозная при внѣшней войнѣ, въ войнѣ общественной ничтожна сравнительно съ 5 милліонами англійскихъ собственниковъ. Но этими соображеніями нельзя увлекаться, потому что мякина не насытитъ голоднаго; англійская же децентрализція создалась вѣками, и французское правительство не можетъ вдругъ ввести ее у себя, какъ административную полицейскую мѣру съ цѣлю охраненія законнаго порядка.

Г. Лохвицкій исполненъ глубокаго благоговѣнія ко всей этой французской либеральной болтовнѣ о централизаци и децентрализаци. Онъ серьезно считаетъ мудрецами всю эту мелюзгу въ родѣ Лабуре и Одилонъ-Барро. Онъ отзываясь о нихъ съ полнымъ уваженіемъ и съ восхищеніемъ цитируетъ ихъ нелѣпный вздоръ, присовокупляя свои собственные замѣчанія такого рода, что рядомъ съ ними вздоръ этотъ можетъ дѣйствительно показаться мудростью. Такъ напр. Реньо цифрами доказываетъ, что сенскій департаментъ грабятъ прочіе. Г. Лохвицкій называетъ представляемый имъ бюджетъ «чрезвычайно заманчивымъ»; по замѣчаетъ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя допускать разоренія одной провинціи въ пользу другой, но отъ такихъ вещей достаточная охрана-законодательная власть (какъ будто во Франціи нѣтъ законодательной власти). Ставить же принципомъ совершенную отдѣльность бюджета во всемъ, что не касается арміи, дипломатіи и т. п., это говорить величайшую неважность (Слушайте!) Если, напримѣръ, положимъ, ковенская губернія будетъ платить на просвѣщеніе вятской, — можетъ ли она требовать отдѣльности по этой статьѣ расхода? Если такъ, тогда вятская скажетъ: «я ставлю 40,000 солдатъ въ армію, по мнѣ, по моему положенію, не представитъ никакой опасности ни отъ турокъ, ни отъ англичанъ, ни отъ французовъ, и кого бы то ни было, для содержанія внутренняго порядка мнѣ достаточно и 2,000 чел., слѣдовательно остальные 38,000 служатъ для полосы пограничныхъ губерній» (XVIII).

Затѣмъ г. Лохвицкій торжествуетъ, воображая, что доказалъ что-то.

Но особенный восторгъ г. Лохвицкаго возбуждаетъ къ себѣ Дюпонъ Уайтъ. Дюпонъ Уайтъ защитникъ централизаци, и г. Лохвицкій передаетъ съ своими комментаріями его «блестательные» доводы и «остроумныя» замѣчанія. По крайней мѣрѣ г. Лохвицкому всѣ

его доводы и замѣчанія кажутся остроумными и блистательными. Но на семомъ дѣлѣ они пошлы, и г. Лохвицкій поворяя ихъ, самъ впадаетъ въ пошлость. Къ числу пошлостей я отношу напр. само-довольное указаніе на Сѣверо Американскіе штаты, которые «пред-ставляютъ намъ поучительный примѣръ непрочности политическаго зданія, лишеннаго централизаціи». Но Дюпонъ Уайту и г. Лохвиц-кому современныя бѣдствія Америки происходятъ отъ того, «что тамъ господствуетъ матеріализмъ («что слишкомъ справедливо,» замѣчаетъ въ скобкахъ г. Лохвицкій), нѣтъ твердаго порядка», вслѣ-ствие чего Америка «ничего не изобрѣла, въ ней умъ въ застоѣ» и нынѣ она погибаетъ. Это все пошлости и безсмыслицы. Что пони-маетъ г. Лохвицкій подъ матеріализмомъ, господствующимъ въ Аме-рикѣ? Откуда онъ взялъ, что тамъ умъ въ застоѣ? Чего такого не изобрѣла Америка? Какое соотношеніе имѣетъ нынѣшнее междуосо-біе къ матеріализму? Не ясно ли, что Дюпонъ Уайтъ болтаетъ вздоръ, и что г. Лохвицкій напрасно увлекается этимъ пошлякомъ. Увлеченіе это доводитъ г. Лохвицкаго до болѣе, чѣмъ странныхъ пассажей.

Я уже старался показать, что не должно думать, будто централи-заторы менѣе либеральны, чѣмъ децентрализаторы. Въ этомъ отно-шеніи. они «оба лучше.» Одинъ либеральнѣе другого, а другой ли-беральнѣе одного. И тѣ, и другіе равно краснорѣчиво говорятъ о свободѣ, о демократіи, о представительствѣ и т. д., не забывая, разумѣется, прибавлять, что подъ свободою они подразумѣваютъ не матеріальную свободу, которая есть буйство, что они говорятъ «не о демократіи цезарей, невѣжественной и революціонной, не о го-сподствѣ черни, страстей и похотей, а о демократіи христіанской, просвѣщенной, трудолюбивой» и т. д. (Лабуде: *Le parti libéral*. 8), короче, не о пролетаріяхъ, а о буржуазіи. Централизаторы говорятъ о свободѣ также краснорѣчиво, какъ и ихъ «знаменитые противни-ки», по выраженію г. Лохвицкаго. Боже унаси, чтобы они стали говорить о защитѣ привилегій. Но за то они скромно упоминаютъ о необходимости «защищать меньшинство противъ большинства» — выраженіе, ничего зорнаго въ себѣ неимѣющее, но съ успѣхомъ выражающее ту же завѣтную мысль. Однако выраженіе все-таки не на столько темно, чтобы на основаніи его нельзя было доказать г. Дюпонъ, что послѣ этого онъ не имѣетъ права проповѣдывать и защи-щать всеобщую подачу голосовъ и другіе подобныя либерально-демо-

кратическіе принципы. Г. Лохвицкій находитъ, что онъ *блистательно* выпутался изъ этого затруднительнаго положенія. Выпутался же онъ вотъ какъ: теорія большинства, вредная для провинцій; справедлива въ государствѣ потому, что дальше некуда идти». Всякій сколько нибудь разумный человекъ найдетъ это объясненіе до крайности страннымъ, чтобъ не сказать больше. Но г. Лохвицкаго благоговѣніе къ Дюпонъ Уайту доводитъ до того, что онъ не только считаетъ это объясненіе блистательнымъ, но и берется комментировать его:

«Мы согласны, говорить онъ, съ сязою этого довода, который былъ бы гораздо яснѣе, еслибъ авторъ подтвердилъ его живымъ примѣромъ. Именно въ судебной сферѣ есть апелляція тяжущихся, даже прокуроръ можетъ апеллировать на рѣшеніе; но въ кассационномъ судѣ право апелляціи прекращается не только для тяжущихся, обвиненныхъ, но и для прокурора. *по той простой причинѣ, что дальше некому жаловаться.*» (стр. XX).

Удивительно, какъ это г. Лохвицкій не понимаетъ, что во-первыхъ, примѣръ его не идетъ къ дѣлу, потому что рѣшеніе большинства можетъ имѣть безапелляціонную силу по самой своей сущности, судебныхъ же инстанцій можно нагородить сколько угодно, хотя бы безконечное множество, и ни объ одной изъ нихъ нельзя сказать, что приговоръ ея по необходимости безапелляціоненъ. Во-вторыхъ, не понятно, какъ не сообразилъ г. Лохвицкій, что доводъ Дюпонъ Уайта ничего не объясняетъ, а лишь подтверждаетъ существующій фактъ, довольно неутѣшительный для французскихъ либераловъ, — централизаторовъ, а именно, что, не смотря на французскую централизацию, приходится разочаровываться въ надеждѣ продолжать въ обширныхъ размѣрахъ покровительство меньшинства противъ большинства.

Отъ теоретическихъ соображеній г. Лохвицкій переходитъ къ вопросу о значеніи провинціи въ русскомъ государствѣ. Я не буду останавливаться на этой практической части его книги.

Замѣчу г. Лохвицкому, что ему бы слѣдовало понимать, что федерація и провинциализмъ — понятія не только разные, но противоположныя; развитіе провинциализма уничтожаетъ элементы федераціи, и поэтому его возраженія не попадаютъ въ цѣль. Федерація вовсе не высшая степенъ *государственной* децентрализаци, провинціального самоуправления, которое ведетъ вовсе не къ федераціи. Федерація исключаетъ и децентрализацию и централизацию, какъ формы одного и того же политическаго строя; ей равно противорѣчитъ государственный строй Англии и Франціи. Советую г. Лохвицкому вникнуть въ это.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИКА.

ИРЛАНДІЯ. Памятникъ въ честь Даніэля О'Коннея.—Уличная драка между католиками и протестантами изъ за героевъ католицизма и протестантизма.— Географическое и физическое очертаніе Ирландіи.— Бѣдствія ея жителей.— Политическая роль ирландскаго вице-короля.— Солидарность его съ дублинскими лавочниками и съ богатыми землевладѣльцами.— Что такое значить ирландскій *абсентизмъ*? — Процессъ изгнанія бѣднаго и несостоятельнаго фермера богатымъ землевладѣльцемъ.— Участь изгнанныхъ семействъ.— Историческія непримиримыя антипатіи между побѣжденными ирландцами и побѣдителями англичанами.— Вліяніе католицизма на общественный бытъ Ирландіи.— Національный характеръ ея.— Неудачныя попытки къ восстанію эмиграціи въ Америку.— ФРАНЦІЯ. Празднованіе 15 августа, дня Людовика Наполеона, и пожаръ въ Лиможѣ.— Женевскія происшествія.— Паденіе туринскаго министерства.— Насильственное крещеніе еврея въ Римѣ.— Послѣднія извѣстія объ американской войнѣ.

Въ Дублинѣ ирландскіе католики недавно воздвигли памятникъ Даніэлю О'Коннею. Это былъ ихъ народный герой, которому они до сихъ поръ не нашли преемника. Онъ имѣлъ шесть футовъ вышины, толстыя кости, вѣрные мускулы, красное лицо и большой черепъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ и самыхъ ловкихъ юристовъ. Онъ превосходно зналъ англійское законодательство, съ его крючковатыми текстами, хвастался, что готовъ въ коляскѣ съ четверней проѣхать чрезъ какой угодно законъ. Когда онъ хотѣлъ,

то обладалъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, а иногда предавался страшному гнѣву. Но никогда онъ въ своемъ увлеченіи не переходилъ за извѣстную черту, которую онъ самъ себѣ назначилъ за рабѣе. Его запальчивость не только никогда не ставила его въ затруднительное положеніе, но напротивъ придавала ему силу для устраненія всѣхъ возможныхъ затрудненій. Когда онъ былъ правъ, то отличался великолѣпною логикою, а когда былъ неправъ, то былъ весьма изобрѣтателенъ на брань и закидывалъ своего противника софизмами, которые имѣли большое сходство съ истиною. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ его краснорѣчіе отличалось силою, пылкостью и поэтическимъ колоритомъ. Былъ-ли онъ при этомъ честный человѣкъ? Такой вопросъ невѣжливо было бы ему предложить. Былъ-ли онъ патриотъ? На этотъ счетъ добиваться его исповѣди было бы нескромно. Очевидно, онъ любилъ Ирландію, такъ какъ самъ былъ ирландцемъ до глубины души; онъ любилъ эту страну, такъ какъ она доставляла ему славу и политическое значеніе; любилъ ее, такъ какъ она давала ему почести и разныя другія выгоды. Но на сколько эта любовь къ отечеству отличалась отъ привязанности землевладѣльца къ землѣ, къ стаду барановъ и къ коровамъ, дающимъ молоко, масло и сыръ,—это было бы весьма трудно рѣшить. Дѣло въ томъ, что самые приверженцы О'Коннеля болѣе удивлялись ему, чѣмъ питали къ нему уваженія. Это былъ ирландскій Мирабо; правда, Мирабо въ уменьшенномъ видѣ, но причиною тому могли быть внѣшнія обстоятельства и эпоха менѣе бурная и исполненная одушевленія, чѣмъ та, въ какую жилъ французскій агитаторъ. Англійскій парламентъ въ то время не могъ сравниться съ законодательнымъ собраніемъ 1789 года. Словомъ, жизнь О'Коннеля, безъ сомнѣнія, была менѣе романтична, чѣмъ жизнь Мирабо; но если первый менѣе отличался добродѣтелями, за то онъ менѣе имѣлъ и пороковъ, и при меньшемъ величій души, онъ менѣе представлялъ и грязныхъ сторонъ.

Итакъ, въ Дублинѣ совершалось большое торжество—освященіе памятника, воздвигнутаго этому человѣку, который обѣщался быть освободителемъ своего отечества, а вмѣсто того былъ только его агитаторомъ. Стеченіе народа при этомъ случаѣ было огромное; явились депутаціи изъ большей части ирландскихъ городовъ; католическое духовенство присутствовало при этой церемоніи въ огромномъ числѣ. Благодаря обстоятельствамъ, снисходительности вице-короля,

и собственной своей ловкости, дублинскій архіепископъ придалъ себѣ главную роль въ этомъ торжествѣ. Процессія началась съ епископальнаго католическаго собора. Какъ бы въ доказательство хорошаго вкуса и съ тѣмъ, чтобы доказать, что давно-давно прошло то время, когда О'Коннелъ внушалъ безповѣдство англійскому правительству, — зелеными знаменами ирландцевъ патріотовъ дозволено было развѣваться рядомъ съ оранжевыми знаменами ихъ противниковъ; дублинскій лордъ-мэръ, съ своими сановниками, взошелъ на почетномъ мѣстѣ, придавая такимъ образомъ официальное освященіе церемоніи, устроенной въ честь челоуѣка, который произнесъ аннибаловскую клятву противъ англійскаго владычества. Сближеніе партій было тѣмъ болѣе удовлетворительно, что оно совершилось вокругъ лица, бывшаго, въ нѣкоторомъ родѣ, самымъ великимъ, самымъ неутомимымъ и самымъ непримиримымъ врагомъ англичанъ.

Одинъ джентльменъ, весьма либеральный, не смотря на то, что былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ, сказалъ однажды О'Коннелю: «Однакожъ, милостивый государь, мнѣ кажется, что мы могли бы сойтись. Вы ничего не можете требовать такого, чего мы, либералы, не готовы были бы вамъ дать. Нужно ли платить большія субсидіи католическому духовенству? Мы на это согласны. Нужно ли для этого брать деньги изъ доходовъ англійской церкви? Мы и отъ этого не прочь. Нужно ли издать законъ для прекращенія *абсентизма*? Извольте, мы васъ самихъ попросимъ составить такой законъ. Говорите, чего вамъ еще нужно? Не хотите ли вы имѣть особый парламентъ въ Дублинѣ?»

— «Чего намъ еще нужно?—Намъ нужно, чтобы вы взяли порядочную дубину, хорошенько приколотили самихъ себя и убралась вѣтъ!»

Итакъ, торжество примиренія совершилось въ Дублинѣ великолѣпнымъ образомъ. Вечеромъ всякій самъ себя поздравлялъ съ успѣхомъ. Католики хвастались, что одержали нравственную побѣду надъ своими противниками; протестанты гордились своимъ великодушіемъ; а лица правительственныя довольны были тѣмъ, что представляли доказательство своей силы, такъ какъ они выказали свое снисхожденіе.

Но это удовольствіе не раздѣлялось остальною частію Ирландіи. Бельфасть, второй городъ этого королевства, былъ недоволенъ примѣромъ, какой подала столица: Бельфасть—городъ богатый, торговый и промышленный, вообще населенный протестантами, которые ненавидятъ католиковъ и называютъ ихъ «сволочью бѣдняковъ и

тунелдцевъ». Церемонія въ Дублинѣ происходила 8-го августа. На другой день протестантская чернь Бельеаста торжественно расхаживала по улицамъ, обшитая желтыми галунами и гремя заржавленными саблями и вѣтхими ружьями. Этотъ маскарадъ совершался въ виду процессіи въ честь славнаго Вильгельма III и въ знакъ «бессмертной памяти объ этомъ человѣкѣ». Этого было мало: чернь съ торжествомъ несла уродливый деревянный чурбанъ, покрытый соломою, который долженъ былъ представлять великаго освободителя, любимаго героя католиковъ. Она сожгла его на публичномъ мѣстѣ, оглашая воздухъ проклятіями, насмѣшками и ругательствами. Потомъ пепель этого изображенія положенъ былъ въ ящикъ и брошенъ въ помойную яму.

Для населенія, столь впечатлительнаго, какъ ирландцы, такой вызовъ былъ болѣе, чѣмъ достаточенъ. Немедленно католики, въ свою очередь, совершили процессію, въ которой сожгли изображеніе Вильгельма III. Толпа протестантовъ, вооружившись дубинами, хотѣла воспротивиться исполненію этой мѣры, но ее встрѣтили камнями. Драка продолжалась одинъ или два часа. Католики, уступавшіе своимъ противникамъ въ численности, уже начинали изнемогать, но одинъ находчивый стратегикъ привезъ имъ тележку, наполненную боевыми запасами, въ видѣ кирпичей. Благодаря этому обстоятельству, они обратили въ бѣгство своихъ враговъ; но послѣдніе собрались еще въ большемъ числѣ и стали бить всѣхъ «идолопоклонниковъ», попадавшихъ имъ на встрѣчу. Въ продолженіе двухъ дней они опустошали дома католиковъ, разворили одинъ женскій монастырь и жилище архіепископа, ограбили заведеніе, устроенное во имя св. Патрика для приготовленія похоронныхъ церемоній, и оскорбляли дѣвушекъ, работавшихъ на фабрикахъ. Католики защищались, какъ могли; они разбили нѣсколько череповъ и разрушили одну капеллу методистовъ. Три тысячи солдатъ и тысяча вооруженныхъ полицейскихъ агентовъ, явившихся съ нарочнымъ поѣздомъ, положили конецъ этой дракѣ, но не прежде, какъ сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ въ сражающихся, которые, подобно разъяреннымъ бульдогамъ, не хотѣли оставить другъ друга. Обѣ партіи присвоивали себѣ честь побѣды, но всякій безпристрастный судья долженъ замѣтить, что преимущество было на сторонѣ протестантовъ: они разрушили домъ епископа, а католики только домъ священника. Около десяти человѣкъ было убитыхъ на мѣстѣ; что же касается до

раненныхъ и оконтуженныхъ, то числа ихъ опредѣлить невозможно. При извѣстїи объ этихъ смутахъ, возникли беспорядки въ Дундалкѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Это могло послужить началомъ гражданской войны, въ которой объ стороны взаимно истребляли бы одна другую. Наступила минута страшнаго безпокойства. Таймсъ не видѣлъ другаго средства противъ этого зла, кромѣ образованія корпуса протестантскихъ волонтеровъ, которымъ временно предоставлена была бы власть констэблей, съ тѣмъ, чтобы они одинаково безпристрастно разили и своихъ единовѣрцевъ, и католиковъ. Къ счастью, совѣтъ этого оракула не былъ исполненъ. Нашлись благородные люди того и другаго вѣроисповѣданія, которые образовали изъ себя комитетъ примиренія; они ходили изъ дома въ домъ, обращались отъ одной группы къ другой, отъ одного лица къ другому, уговаривали, усовѣщивали всѣхъ и наконецъ достигли таки, что объ враждующія стороны, устрашенныя притомъ присутствіемъ военной силы, возвратились во-свои.

Такимъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи смуты прекращены, но умы все еще взволнованы. Воспользуемся досугомъ, предоставляемымъ дипломатіею, и рассмотримъ нѣсколько подробно этотъ интересный ирландскій вопросъ, который мы до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ, по случаю другихъ занятій, нетерпѣвшихъ отлагательства.

Ирландія, наиболѣе удаленная въ океанѣ отъ другихъ европейскихкихъ странъ и окруженная морскими волнами, — настоящая дочь моря. Она погружена въ испаренія воды; туманы почти постоянно окружаютъ ее своимъ занавѣсомъ. Часто эта сырость превращается въ капли столь мелкія, какъ кончики иглокъ, и орошаетъ растенія болѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать продолжительные проливные дожди. Лѣтомъ въ Ирландіи почти постоянно свѣжо и почти постоянно мороситъ; это въ нѣкоторомъ родѣ соединеніе весеннихъ дождей съ осенними лучами солнца. Однакожь, въ этомъ нѣжномъ климатѣ зимою не бываетъ холодно. Правда, вѣтеръ, дующій съ сѣвернаго полюса, свободно достигаетъ этой страны, но такъ называемый *Gulfstream*, выходящій изъ горячихъ водъ Мексиканскаго залива, разбивается о ея берега и окружаетъ ихъ своими испареніями. Деревья и плоды Антильскихъ острововъ выбрасываются на западные мели Ирландіи и заставляютъ думать о тропическихъ странахъ. Мирты и другія испанскія растенія, ласкаемыя нѣжною температу-

рою ирландской зимы, освѣняют мысы Мюнстера, какъ въ дни древности, когда Ибернія и Испанія составляли одинъ материкъ, находившійся между старымъ и новымъ свѣтомъ.

Отдѣлившись отъ Атлантиды, которая погрузилась въ Океанъ, Ирландія сохранила чрезвычайно живописныя очертанія. Она обращаетъ къ Великобританіи стѣну изъ утесовъ, которыя представляютъ выемки, въ видѣ полукруглыхъ бухтъ, находящихся на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой; на южномъ же и западномъ берегу ея выдаются въ море длинныя скалистые полуострова, отдѣляемые одинъ отъ другого узкими заливами. Посредствомъ этихъ полуострововъ Ирландія нѣкогда соединялась съ исчезнувшимъ материкомъ, который, отдѣлившись отъ нея, медленно пошелъ ко дну океана.

Группы утесистыхъ горъ и базальтовыя скалы возвышаются на углахъ и на большей части окружности острова; какъ бы съ тѣмъ, чтобы защищать его отъ новаго натиска волнъ. Хотя эти горныя группы отдалены одна отъ другой, тѣмъ не менѣе онѣ образуютъ родъ вала, окружающаго центральную равнину Ирландіи—это бывшее море, мало по малу покрывавшееся наносною землею. Потоки и рѣки, выходящія съ горъ, сначала почти всѣ текутъ во внутренность острова и уже потомъ, образовавъ большія дуга, спускаются внизъ порогами или въ видѣ водопадовъ и направляются къ океану. По выраженію поэтовъ, Ирландія, съ своею каймою изъ горъ, — корзина, наполненная цвѣтами, плавающая посреди волнъ; это — изумрудная чаша, окруженная бѣлою пѣною моря.

Это общее очертаніе Ирландіи, безъ сомнѣнія, превосходно, но оно послужило роковымъ даромъ, который не мало содѣйствовалъ къ рожденію несчастій народа, населяющаго эту страну. Еслибъ возвышалась одна только группа горъ въ центрѣ острова, еслибъ самая земля представляла одно цѣлое, то, быть можетъ, водворилось бы между мѣстными жителями единство національности, и тогда англосаксы, высадившіеся на этотъ островъ, быть можетъ, были бы кѣтаны туземцами. Но на каждомъ отдѣльномъ пикѣ какой-нибудь мелкій король или какой-нибудь хищный дворянинъ устраивалъ себѣ гнѣздо и оттуда грабительскими набѣгами распространялъ свое господство надъ окрестными равнинами. Сколько было горныхъ хребтовъ, столько же было и разбойничьихъ притоновъ и столько же было различныхъ королевствъ. И когда явился блѣдный англичанинъ, то явился онъ съ тѣмъ, чтобы одного разбойника вооружить противъ

другого и, для собственной своей выгоды, заставить ирландскія племена уничтожать другъ друга.

Многочисленныя озера, разсѣянные въ Ирландіи и придающія ей красоту, также содѣйствовали роковому раздробленію территоріи этой страны между начальниками клановъ или племенъ, которые были или побѣдителями, или измѣнниками, смотря по требованіямъ ихъ честолюбія или тщеславія. Посреди большей части этихъ loughs или озеръ еще около конца среднихъ вѣковъ, возвышались феодальные замки, которые можно было осаждать только водою. Эти зданія, исчезнувшія во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы тысяча или полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, строились еще тогда для надобностей этой вѣчной войны, раздѣлявшей ирландскія племена.

Такъ называемыя bogs или болота, покрывающія седьмую часть всего пространства Ирландіи, также отдѣляли и до сихъ поръ отдѣляютъ одинъ центръ населенія отъ другаго. Они представляютъ картину, наводящую грусть и тоску. Не разъ я ходилъ по этимъ обширнымъ пустынямъ; я былъ одинъ и плохо зналъ дорогу. Хотя я находился на плоской возвышенности, но горизонтъ казался узкимъ; не было никакого открытаго вида въ даль, ни на право, ни на лѣво, ни на море, ни на равнину. Я все шелъ подъ сѣроватымъ небомъ, не встрѣчая ни одной живой души, за исключеніемъ развѣ овецъ, которыя щипали длинную остроконечную траву, мѣстами произраставшую на отдѣльныхъ глыбахъ. Съ своими жесткими листьями, торчавшими въ видѣ щетины, и съ своими обнаженными корнями, покрытыми клейкою жидкостью ржаваго цвѣта, трава эта имѣла видъ окровавленныхъ скальпелей, брошенныхъ въ болото. Мягкій, жирный, сырой, блѣдно-зеленый мохъ покрывалъ землю. Онъ лежалъ на гниломъ слоѣ почвы, представлявшемъ переходы цвѣта отъ желтаго къ коричневому, пепельному и наконецъ черному. Многія изъ этихъ болотъ—бывшія озера. Мохъ, подымаясь со дна на поверхность, мало по малу покрывалъ собою бывшее русло. Этотъ растительный слой изъ вѣка въ вѣкъ утолщался на одинъ метръ или на полуметра. Мѣстами попадались лужи, черныя, какъ чернила, и какъ будто лежавшія на сажѣ. Наклонившись надъ одною изъ нихъ, я увидѣлъ на ея поверхности свое изображеніе, мрачное какъ привидѣніе. Находявшійся передо мною пейзажъ представлялъ самый печальный видъ. Ничто не могло быть угрюмѣе окружавшихъ меня умерекъ, когда стали сгущаться тѣни ночи надъ этой пустынной

и опасной почвой; выль холодный вѣтеръ и одинъ глухарь, внезапно проснувшись, поспѣшно полетѣлъ въ даль.

Можно утонуть въ этихъ болотахъ, но еще скорѣе можно утонуть въ такъ называемыхъ guhgmires или топяхъ.—Есть также обширныя пространства, покрытыя верескомъ, гдѣ растетъ «трава голода,» какъ выражаются голодные ирландцы.—Увы! въ 1847 году, когда свирѣпствовалъ голодъ, сколько проходило людей по этой роковой травѣ! Утомленные ходьбою, съ пустымъ желудкомъ, исхудалые, изнуренные, они ложились здѣсь, съ тѣмъ, чтобы болѣе не вставать. Какъ въ степи путь каравановъ обозначается валяющимися на немъ скелетами людей и верблюдовъ, такъ же точно въ Ирландіи дорога, ведущая отъ одного прихода къ другому, усыяна была трупами мужинъ, женщинъ, дѣтей, которые въ изнеможениі падали на землю и погибали, не будучи въ состояніи встать, или не желая болѣе жить!

Что касается до равнинъ, то онѣ отличаются самымъ здоровымъ климатомъ, не смотря на сосѣдство болотъ. Земля здѣсь покрыта вѣчною зеленью. Это—обширные луга, всегда сырые или отъ утренней росы, или отъ недавняго дождя, или отъ тумана, который проходитъ по нимъ своимъ бѣлымъ занавѣсомъ, раздраемымъ кустарниками. Впрочемъ, здѣсь вообще мало деревъ. Они попадаются только въ горахъ, гдѣ недавно землевладѣльцы посадили многое множество лиственницъ. Дѣло въ томъ, что побѣдители не довольствовались тѣмъ, что убивали жителей и сжигали дома; они также истребили лѣса. Въ графствѣ Мейо, лѣтъ двадцать тому назадъ, не было ни одного дерева. Когда мѣстнымъ крестьянамъ описывали это удивительное растеніе, то они полагали, что имъ говорить о какой-то гигантской травѣ... И послѣ того можно-ли удивляться, что варварство все еще господствуетъ въ цвѣтущей Ирландіи?! Можно-ли удивляться, что здѣсь встрѣчаются дикія женщины, рыжія и съ длинными зубами, которыя — какъ самъ я это видѣлъ — выходятъ изъ своихъ лачугъ, испуская вой, подобно волчицамъ?! Можно-ли удивляться, что здѣсь бываютъ семейства, мѣняющія свои гнилыя рубища на лохмотья, которыми покрываются чучелы, выставляемыя для предохраненія растений отъ птицъ?! Можно-ли удивляться, что здѣсь ямы, вырытыя въ сырой землѣ, служатъ пріютомъ для людей?! Я самъ видѣлъ такую яму, глубиною пять футовъ, изъ которой выходила струя дыма. Можно-

ли удивляться, что въ этихъ логовищахъ свинья поконтя между отцомъ и матерью семейства или между дѣтьми, которыя грѣются, прижимаясь къ этому грязному животному?! Можно-ли удивляться, что эта свинья, за которою всѣ такимъ образомъ ухаживаютъ, чувствуетъ свое превосходство надъ товарищами своего бѣдствія?! Можно-ли удивляться, что нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ никогда не моются, утверждая, что грязь на тѣлѣ, препятствуя испаренію, служить, виѣсть съ лихорадкою, самымъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ голода?! Недавно я въ цѣломъ округѣ тщетно искалъ какую нибудь книгу или какую нибудь другую вещь, которая напоминала бы собою современную цивилизацію. Впрочемъ, виновать, — у господина пастора была библія, и я нашелъ въ его домѣ конфертъ, какой только можно себѣ желать!

Официально, Ирландія все еще носитъ названіе королевства, а ея правитель — титулъ вице-короля или королевскаго намѣстника. Само собою разумѣется, что надо принадлежать къ какому нибудь знатному семейству, чтобъ получать такой высокой санъ. Для этого нужно быть какимъ нибудь Дорби, какимъ нибудь Каннингомъ или какимъ нибудь Кларендономъ. Въ настоящее время намѣстникомъ — лордъ Карлиль. Этотъ господинъ слегъ въ постель, какъ только услышалъ о смутахъ, происходившихъ въ Бельфаствѣ. Это было самое лучшее, что могъ онъ сдѣлать. — Такъ какъ Ирландія была завоевана, но никогда не была покорена, то и полагали, что въ дублинскомъ дворцѣ необходимо имѣть человѣка, который былъ бы надѣленъ чрезвычайною властью, съ тѣмъ, чтобы онъ, въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ смуть, могъ немедленно принять противъ нихъ мѣры, по собственному своему усмотрѣнію. Но съ тѣхъ поръ, какъ для сообщенія между Дублиномъ и Лондономъ потребно не болѣе одной недѣли, вся почти администрація Ирландіи сосредоточивается въ ирландскихъ бюро, въ Вайтгаллѣ, и сонъ вице-короля превратился въ политическую омацію, въ богатую и почетную сипекюру, даваемую ничтожнымъ лицамъ знатнаго происхожденія, которыя могли бы служить помѣхою въ министерствѣ. Вице-король получаетъ 750,000 франковъ ежегоднаго жалованья, а его главный штабъ, лордъ канцлеръ и прочіе сановники — 1,750,000 франковъ. Такимъ образомъ на такъ называемый дворъ расходуется по бюджету въ годъ около 2,500,000 франковъ. Эти деньги окончательно переходятъ въ руки дублинскихъ лавочниковъ, которые за эту цѣну становятся на сто-

рону правительства, употреблять въ его пользу свое вліяніе на общественное мнѣніе и превращаютъ столицу Ирландіи въ англійскую колонію. Санъ вице-короля оказываетъ еще другую весьма важную услугу: вокругъ его представителя группируются всѣ интриги значительныхъ землевладѣльцевъ и въ особенности ихъ дамъ. Эти джентльмены черезъ-чуръ предаются пьянству въ своихъ помѣстьяхъ, живя въ дали отъ прочаго ошеченблжнаго міра, посреди населенія, болѣе или менѣе имъ неприязненнаго. Замокъ превращается въ пріятное мѣсто собраний, а Дублинъ—въ этапъ, гдѣ землевладѣльцы отдыхаютъ во время путешествій изъ своихъ владѣній въ Лондонъ, и обратно. Вице-королю представляются всѣ молодыя миссы аристократіи и высшей буржуазіи, вступающія въ свѣтъ и которыя не имѣютъ времени или средствъ совершить путешествіе въ Лондонъ. Вице-король танцуетъ съ женами дублинскихъ банкировъ и лавочниковъ и съ дамами университетскихъ профессоровъ. Всякій, кто мало-мальски посвященъ въ таинства политики, легко пойметъ, что въ этомъ заключаются вся тайная цѣль пожалованія этимъ саномъ. Это обстоятельство неосторожно было высказано въ палатѣ общинъ. Одинъ ораторъ обнаружилъ настоящее положеніе ирландской администраціи, объявивъ, что «Карлиль танцуетъ, Горсманъ охотится, а Ларкомъ занимается дѣлами».

Всѣ эти должности до того признаются важными, что и Виги, и Тори, и дублинскіе лавочники воспользовались недавними смутами съ тѣмъ, чтобы громогласно представить неудовлетворительное состояніе, въ какомъ въ настоящее время находится званіе вице-короля: «Что это за дворъ», говорятъ они, — «на содержаніе котораго отпускается въ годъ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Что это за король, получающій всего тридцать тысячъ фунтовъ? Намъ не нужны болѣе ни Бради, ни Ларкомъ; не нуженъ болѣе вице-король, возведенный въ этотъ санъ изъ людей ничтожныхъ!» — «Какъ!» восклицаетъ дублинскій Evening Mail, — «Хотятъ, чтобы нами управлялъ обыкновенный государственный секретарь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ! Но это значитъ проповѣдывать республику! — Повторяемъ вмѣстѣ съ д'Израэли: какое уваженіе можемъ мы имѣть къ правителю, пришедшему изъ Downing street'a? Никто не въ состояніи быть у насъ истиннымъ представителемъ королевской власти, кромѣ члена королевской фамиліи. покойный Георгъ III послыалъ въ Ганноверъ своихъ сыновей, съ тѣмъ, чтобы они замѣняли его въ управленіи этою

страною. Почему же не поступить точно также въ отношеніи къ Ирландіи? Безъ сомнѣнія, принцъ Уейльскій и его супруга не могутъ оставить Лондона, потому что саняты тамъ дѣлами. Безъ сомнѣнія, нельзя требовать, чтобы герцогъ Кембриджскій повинулъ свои обязанности, въ качествѣ главнокомандующаго войсками Англїи. Но еще имѣется у насъ принцъ Альфредъ, который уже довольно большой мальчишъ, и которому уже предложенъ былъ одинъ престолъ. Вотъ былъ бы для насъ настоящій вице-король!... «Сказать правду», продолжаетъ эта газета далѣе, — Ирландія въ правѣ требовать, чтобы должность вице-короля постоянно замѣщалась членомъ королевской фамиліи. Это право мы не уступимъ никогда. Притомъ такое замѣщеніе этой должности послужило бы самымъ вѣрнымъ средствомъ для изученія *абсентизма*, этой устарѣлой и самой жестокой изъ всѣхъ ранъ Ирландіи... Абсентизмъ—мѣстное выраженіе, означающее обыкновеніе значительныхъ земледѣльцевъ и вообще богатыхъ людей проживать свои доходы за границею. Страна, постоянно выдающая деньги и ничего не получающая въ зачѣтъ ихъ, должна наконецъ истощиться. Изъ другихъ государствъ также отпускаются деньги, но онѣ потомъ возвращаются въ томъ или другомъ видѣ; онѣ въ этихъ государствахъ переходятъ изъ рукъ въ руки, и если останутся на время въ сундукѣ какого нибудь скряги, то онѣ тамъ накаплиются и образуютъ капиталъ, который потомъ возвращается торговлѣ и промышленности; если же онѣ попадаютъ въ руки мота, что—случается всего чаще, такъ какъ, согласно пословицѣ, у скупаго отца, сынъ расточитель,—то и въ этомъ бѣда, сравнительно, не велика. Одинъ домъ разоряется, но его прежнее имущество немедленно распределяется между извѣстнымъ числомъ торговцевъ и промышленниковъ. Но когда расточительный сынъ пользуется богатствомъ своего отца для того, чтобы одну золотую монету за другою бросать въ море, тогда самая страна бываетъ въ положительномъ убыткѣ, который ничѣмъ не вознаграждается. Нѣчто подобное совершается въ отношеніи къ Ирландіи, которой всѣ доходы отправляются черезъ Каналь и которая въ вознагражденіе за эти траты не получаетъ ничего.

Слова: «истощеніе Ирландіи, оскудненіе ея почвы»—сами по себѣ весьма отвлечены, но на дѣлѣ вотъ что они означаютъ: — когда какой нибудь бѣдный фермеръ не въ состояніи платить оброкъ, хотя онъ продалъ своихъ послѣднихъ куръ и свою исхудалую свинью и хотя онъ отнялъ у своихъ голодныхъ дѣтей варенный картофель, ко-

торымъ землевладѣлецъ не согласился бы кормить своихъ охотничьихъ собакъ, тогда къ этому несчастному является интендантъ и предлагаетъ ему убраться изъ фермы. Если фермеръ не исполнитъ этого приказанія немедленно, то онъ изгоняется силою. Эта операція совершается такимъ образомъ:

Является агентъ землевладѣльца въ сопровожденіи полицменовъ и отряда солдатъ и предъ закрытыми дверями фермы читаетъ извѣстную статью англійскихъ законовъ. Если несчастные жильцы отказываются погнунуть свою хижину, гдѣ они, быть можетъ, родились, гдѣ они вступили въ бракъ и гдѣ еще покоится ихъ грудной ребенокъ, тогда полицмены всходятъ на ея соломенную крышу, срываютъ ее и сжигаютъ, а потомъ своими колыями уничтожаютъ стѣну, которая могла бы служить бѣднягамъ защитою отъ сѣвернаго вѣтра. Эти изгнанія производятся во всякое время года, даже зимою, при проливномъ дождѣ, и когда бываетъ изморозь и дуетъ холодный пронизательный вѣтеръ. Мало того, они даже иногда совершаются во имя служителей Иисуса Христа, во имя епископовъ, воспріявшихъ при своемъ посвященіи апостольскій духъ, и которые каждое воскресенье утромъ проповѣдуютъ христіанскую любовь къ ближнему.

Когда эта печальная операція кончена, землевладѣлецъ, освободившись отъ своего несостоятельнаго фермера, превращаетъ поля, засѣвавшіяся картофелемъ, въ луга, и замѣняетъ плохого платильщика коровами, которыя аккуратно доставляютъ опредѣленное количество молока и масла — этого превосходнаго ирландскаго масла — и овцами, которыхъ можно стричь или убивать на жаркое, не имѣя надобности прибѣгать для этого къ содѣйствію полицейскихъ агентовъ и отряда солдатъ. Черезъ такую перемѣну, землевладѣлецъ, быть можетъ, выигрываетъ 1 $\frac{1}{2}$ процента и притомъ избѣгаетъ необходимости портить себѣ кровь и оскорблять чувство своего великобританскаго достоинства видомъ отчаянной бѣдности. А что дѣлается съ несчастными изгнанниками? Что за дѣло до нихъ землевладѣльцу? Пускай себѣ маются! Иногда имъ удается поселиться въ какомъ нибудь другомъ англиканскомъ помѣстьѣ. Большею же частію члены изгнаннаго семейства расходятся; новорожденные обыкновенно умираютъ. Изъ дѣтей нѣкоторыя принимаются людьми сострадательными въ свинопасы, или получаютъ обязанность ухаживать за гусями; другія умираютъ отъ лихорадки на дорогѣ, возгъ два. Дѣдъ и бабушка ходятъ себѣ по міру, просятъ милостыню, пока ихъ не

заключать въ какой нибудь workhouse или исправительный домъ для бѣдныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей удаляются въ болота или на горы и бродятъ, одѣтые въ лохмотья, худые, какъ скелеты и по виду совершенно безчувственные и къ холоду, и къ голоду. Въ хорошее время года они добываютъ на дорогѣ брюкву, тутовыя ягоды или малину, а зимою ходятъ изъ одной хижины въ другую, вымалывая собѣ картофель. На пустыхъ вершинахъ горъ, между кельтическими могильными камнями, иногда можно встрѣтить каную нибудь изъ этихъ старухъ, которая сидитъ съживившись возлѣ огня, разведеннаго помощію травъ или тростника, грѣетъ свои старыя кости и бормочетъ невнятные слова. Вотъ что дѣлается съ слабыми. Что же касается до болѣе сильныхъ членовъ изгнанныхъ семействъ, то собираются деньги въ пользу цѣлыхъ фалангъ мальчиковъ, отправляющихся въ Ливерпуль и Манчестеръ, съ тѣмъ, чтобы вступить въ число рабочихъ на фабрикахъ, или въ пользу дѣвушекъ, отправляющихся въ Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы принести себѣ мѣсто служанокъ, хотя ихъ тамъ весьма плохо принимаютъ по причинѣ ихъ дурнаго прозвищенія, ихъ религіи, и хотя въ газетныхъ объявленіяхъ о томъ, что требуется нянька или кухарка, часто прибавляется обидное замѣчаніе: No Irish need apply (ирландка не принимается). Тѣ, которыя оказываются окончательно лишними, захватываются на улицѣ полиціею и кончаютъ тѣмъ, что, по смотря на свое отвращеніе, продаютъ свое тѣло въ какомъ нибудь домѣ разврата; другія умираютъ съ голода или отъ чахотки въ швейныхъ мастерскихъ, а иныя съ отчаянія бросаются въ Темзу, чтобы освободиться отъ своихъ страданій.

Однакожь, абсентизмъ, изгнанія бѣдныхъ земледѣльцевъ и оскуденіе страны наконецъ обнаружили свое дѣйствіе и на самихъ господъ. Гдѣ ничего нѣтъ, тамъ самъ король теряетъ свои права, говоритъ пресловутая пословица. Гдѣ все было съѣдено, тамъ самимъ господамъ пришлось голодать. Они прибѣгли къ займамъ подъ залогъ своихъ имуществъ и мало по малу обѣднѣли до того, что не были въ состояніи платить подати правительству и десятину церкви. Одному лорду, построившему workhouse, пришлось даже просить, чтобы его самого приняли въ это заведеніе. Эта милость была ему оказана, и онъ вступилъ въ этотъ рабочій домъ, правда въ качествѣ президента. Вслѣдъ за господами, вовлечены были въ омутъ банкротства торговцы, и тѣ немногіе промышленники, которые вла-
дѣли странюю.

И въ этомъ случаѣ Робертъ Пиль является самѣятельнымъ государственнымъ челоѣкомъ. Онъ понялъ, что противъ большихъ зель должны быть принимаемы большія мѣры. Не смотря на существованіе закона о маюратахъ и на сопротивленіе лордовъ духовныхъ и мірскихъ, въ верхней палатѣ, и ихъ союзниковъ въ нижней, онъ заставлялъ издать законъ о такъ называемыхъ *encumbered estates*, имуществѣхъ, обремененныхъ долгами. По этому закону, недвижимыя имущества, отданныя въ залогъ по какому-нибудь обязательству, назначаются въ продажу съ публичнаго торга, какъ скоро владѣльцы ихъ не въ состояніи платить процентовъ по заданнымъ суммамъ. Эта рѣшительная мѣра спасла, если не ирландцевъ, то, по крайней мѣрѣ, землевладѣльцевъ отъ окончательнаго разоренія. Съ этой минуты существованіе собственности снова сдѣлалось возможнымъ. Недвижимыя имущества въ Ирландіи утормились, утвердились въ цѣнѣ, что способствовало очищенію ихъ отъ лежащихъ на нихъ долговъ. До этой поры, законодательство по этому предмету представляло столько противорѣчій, что не было никакой возможности доказывать рѣшительнымъ образомъ свои права на владѣніе какою-нибудь землею; многіе землевладѣльцы сами назначали свои мѣры въ продажу, съ тѣмъ, чтобы самимъ же купить ихъ дешевою цѣною. Такимъ образомъ, послѣ Роберта Пила почти всѣ, безъ исключенія, недвижимыя имущества Ирландіи прошли подъ молоткомъ аукціонера. Привлекаемые сравнительно дешевою цѣною ихъ и безопасностью такихъ предпріятій, англійскіе капиталы нашли дорогу въ этотъ островъ и послужили противовѣдствіемъ противъ пагубныхъ послѣдствій абсентизма господъ. Этотъ бичъ, впрочемъ, значительно смягчился съ тѣхъ поръ, какъ въ Ирландіи устроились дороги, гостинницы, библіотеки и нѣсколько образованное общество. Но какъ скоро страна разорена, то она нескоро можетъ оправиться.

При такомъ состояніи поземельной собственности, Ирландія, быть можетъ, могла бы избѣгнуть разоренія помощію мануфактурной промышленности, которая, въ крайнемъ случаѣ, могла бы доставить странѣ то, чего не доставляетъ земледѣіе. Ирландскія полотна нѣкогда славилась своею добротачественностью и до сихъ поръ пользуются извѣстностью между знатоками, такъ какъ самый ленъ, изъ котораго они выдѣлываются, отличается своимъ превосходствомъ. Но фабрики ихъ, требовавшія только развитія, пришли въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ III, при вступленіи своемъ на престолъ,

даже английским фабрикантам обещание разворить ирландских ткачей. Къ счастью, королева Влкторія не послѣдовала этому примѣру и ткацкія фабрики возникли вновь. Устроены заводы для дистиллировки произведеній, добываемыхъ изъ торфа.... Между прочимъ открыты комки гранита и съ большою дѣятельностью производится добычаніе аспиднаго камня въ Валенціи. Не смотря на эти нехвальбыя усилія, нельзя сказать, чтобы въ Ирландіи заводская и мануфактурная промышленность пользовалась почетомъ. Къ тому же большая часть промышленниковъ живутъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, населенныхъ преимущественно протестантами.

Впрочемъ, весьма трудно найти въ Европѣ страну, въ которой представлялось бы болѣе рѣзкое различіе между южною и сѣвornoю частями, чѣмъ въ Ирландіи. Едва ли бываетъ меньшее сходство, чѣмъ между жителями, съ одной стороны — Мюнстера и Коннахта, которые все католики, а съ другой — Донгала, которые все протестанты. Въ Лейнстерѣ, гдѣ находится столица королевства, Дублинъ, и въ Ульстерѣ, гдѣ главнымъ городомъ Бельфасть, народонаселеніе принадлежитъ и къ той, и къ другой партіи, которая обѣ живутъ тамъ рядомъ, одна возлѣ другой. На сѣверѣ вообще преобладаетъ мануфактурная промышленность, на югѣ преимущественно господствуетъ земледѣліе. Сѣверъ населенъ шотландцами и англичанами, югъ хващается тѣмъ, что сохранилъ кельтическую расу безъ примѣси. На сѣверѣ жители пользуются довольствомъ, на югѣ они страдаютъ страшною бѣдностью. Сѣверъ питается мясомъ и овсяной крупой, югъ исключительно употребляетъ картофель и американскій маисъ. Но картофель, богатый углеродомъ, весьма бѣденъ азотными веществами, а такъ какъ человеческое тѣло требуетъ опредѣленнаго количества волокнина и бѣлковины, то южный ирландецъ долженъ ѣсть огромное количество картофеля, а именно до 14 фунтовъ ежедневно, чтобы имѣть въ себѣ этихъ веществъ столько, сколько доставили бы ихъ нѣсколько унцій сыра. Чтобы помѣстить въ себѣ эту мучнистую массу, животъ расширяется и принимаетъ форму горшка. Отъ этого произошло выраженіе *pot bellied Irish*, ирландецъ съ горшкообразнымъ брюхомъ. Говорятъ, что въ Ирландіи можно отличить протестанта отъ католика столько же по животу, сколько и по костюму.

Чтобы понимать Ирландію и ея дѣла и чтобы разобрать представляемую ими путаницу противорѣчивыхъ началъ, необходимо нивогда не терять изъ виду основную оппозицію, существующую между прин-

лицомъ католическимъ и принципомъ протестантскимъ, между любящими съ одной стороны, и оранцами съ другой. Побѣжденный кельтъ пораженъ былъ англо-саксомъ, который былъ его желѣннымъ оружіемъ. Послѣ хищныхъ солдатъ, пришли господа, въ качествѣ побѣдителей, отличавшіеся болѣе холодною и болѣе продолжительною жестокостью. По поводу безпрестанныхъ возстаній, солдаты и господа, попеременно разоряли туземцевъ. Благодаря такому порядку вещей, продолжавшемуся нѣсколько вѣковъ, ирландцу оставалось быть только его языкъ, но и этотъ языкъ, изгоняемый изъ одной области въ другую языкомъ англійскимъ, языкомъ господина и его интенданта, языкомъ ремесленника, лавочника и школьнаго учителя, уже почти совершенно пересталъ существовать. Еще только въ гористыхъ мѣстностяхъ Коннахта и Мюнстера живутъ до трехъ тысячъ кельтовъ, говорящихъ на языкѣ своихъ отцовъ. Такимъ образомъ, народу, лишенному достоянія своихъ предковъ, оставлена была одна религія, и къ ней-то онъ привязался всѣми силами своей души. Дѣйствительно, ирландецъ любитъ свой католицизмъ любовью страшною, доходящею до неистовства.

Лишенные всякой національной точки опоры, ирландцы, чтобы стать въ оппозицію Англій, должны были, по необходимости, присоединиться къ какой нибудь изъ англійскихъ партій и принять дѣятельное участіе въ расприхъ, происходящихъ между побѣдителями. Но въ Англій существуютъ только двѣ партіи: одна аристократическая, такъ называемая партія верхней церкви, high-church party, и ультра-ториѣвъ, а другая либеральная, или имѣющая претензію на либерализмъ, партія Виговъ нижней церкви, low-church party. Если вы, быть можетъ, думаете, что ирландцы приняли сторону Виговъ, какъ людей, болѣе отличающихся терпимостью, противъ Ториѣвъ-господъ, этихъ ультрамонтановъ протестантизма, въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь: Ирландцы, эти крайніе католики, соединились съ крайними англичанами противъ англиканцевъ умѣренныхъ.

Этотъ союзъ болѣе согласенъ съ самою логикою вещей, чѣмъ казалось бы съ перваго взгляда. Онъ во-первыхъ объясняется исторією. Надо замѣтить, что англиканцы верхней церкви—въ сущности католики, сами того не зная, и что, еслибъ не было препятствій со стороны политики, которыя угадать не трудно, то высшая аристократія охотно обратилась бы снова къ католицизму. Послѣднія революціи Англій—и та, которая обезглавила Карла I, и та, которая изгна-

ла Иакова II, — были направлены противъ католическаго и реакціонернаго элемента, противъ партій этихъ значительныхъ землевладѣльцевъ, прямыхъ потомковъ англійскихъ влaстителей, овладѣвшихъ Ирландіею, ограбившихъ ее и продолжавшихъ потомъ ее давить. Но эта партія была католическая, или, точнѣ говоря, склонная къ католицизму, а потому ирландцы приняли сторону Карла и преслѣдовались Еромвелемъ. Солдаты этого страшнаго пуританина не довольствовались тѣмъ, что, по примѣру дѣтей Израиля, разбивавшихъ Хананеевъ, — истребляли «города Гамалеа», и «села Моабитовъ»; они каленымъ желѣзомъ распаривали животъ беременнымъ женщинамъ.

Итакъ невѣжественный народъ Ирландіи не ошибся въ этомъ отлющеніи, подобно многимъ ученымъ политикамъ и теологамъ. Истиннымъ врагомъ католицизма — не верхняя церковь, отличающаяся духомъ преслѣдованія, но кальвинизмъ, котораго нетерпимость не замѣтна, потому что эта секта вообще была гонима и до сихъ поръ не имѣла ни времени, ни средствъ, съ своей стороны, преслѣдовать другихъ.

Новѣйшая исторія Англій начинается съ этой великой борьбы между Кавалерами и Круглоголовыми, между партизанами короля и приверженцами парламента. Когда вторично низвергнуты были Стюарты, рѣшительное сраженіе между этими двумя партіями дапо было въ Ирландіи. Англичане сражались противъ ирландцевъ. Съ роковаго дня Бойнскаго сраженія начинается кровавая вражда между якобитами и оранцами. Тори явились преемниками полукатолическихъ кавалеровъ, превратившихся въ якобитовъ, а Виги наследовали кальвинистамъ, которые сдѣлались оранцами. Ирландія, вовлеченная въ эту распрю, приняла сторону аристократіи, сторону тѣхъ значительныхъ землевладѣльцевъ, которые опустошили ее по праву побѣды. Она пожертвовала своею національностью и своею местию въ пользу и для сохраненія католицизма. И вотъ какимъ образомъ въ продолженіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ католицизмъ находится у источника всѣхъ бѣдствій этой несчастной страны. И вотъ почему въ настоящую минуту ирландскіе революціонеры протягиваютъ свою правую руку іезуитамъ, а лѣвую протестантскимъ реакціонерамъ. Могло-ли когда либо существовать положеніе болѣе ложное, болѣе смѣшное и въ то же время болѣе отчаянное?

Ирландецъ — католикъ. Это его исключительная существенная черта. Довольно бѣдный для того, чтобъ быть отрѣшеннымъ отъ благъ мірскихъ, онъ, какъ только соберетъ картофель въ количествѣ, достаточномъ

для прокормленія своего семейства, не думаетъ о разведеніи другихъ растений, три четверти урожая которыхъ достались бы на долю его эксплуататора и врага, англичанина. Ирландскія дѣвушки очень цѣломудренны, а женщины еще болѣе. Поэтому для ирландца не можетъ быть и рѣчи о развратной жизни. Что-же ему остается дѣлать, если не пьянствовать, когда есть на то средства, или драться, когда представляется къ тому случай, съ товарищемъ или съ женою, и наконецъ исполнять свои религіозныя обязанности? Викарій дѣйствительный глава коммуны. Онъ неоспоримо пользуется диктаторскою властью надъ умами своихъ прихожанъ. Онъ произноситъ благословеніе или проклятiе при всякомъ удобномъ случаѣ и руководитъ всѣми предпріятіями земледѣльческими, торговыми и промышленными, если таковыя имѣются. Во всемъ, что говорится, что дѣлается или что предполагается дѣлать, онъ принимаетъ самое значительное участіе. Каждый католическій приходъ въ Ирландіи представляетъ въ миниатюрѣ теократическое государство, управляемое викаріемъ, какъ настоящимъ теократомъ. Будь онъ грубъ и невѣжественъ, это не беда: ему все-таки покланяются и все-таки находятъ прекраснымъ все, что онъ дѣлаетъ. Если у него одна любовница, или двѣ, и множество дѣтей, то это обстоятельство только увеличиваетъ его популярность. Если онъ пьянствуетъ, то онъ этимъ скрѣпляетъ узы братства, соединяющія его съ многочисленными пьяницами, которые поручены его руководству. Когда онъ бьетъ упрямыхъ, то всѣ сѣются, за исключеніемъ тѣхъ, кому приходится получать побои.

Папскія владѣнія и Ирландія—двѣ самыя католическія страны въ мірѣ, съ тою разницею, что въ Римѣ католицизмъ служитъ предметомъ глухихъ нападокъ со стороны людей мыслящихъ, а въ Ирландіи, онъ, при господствѣ англиканскаго закона, сумѣлъ принять видъ мученика и жертвы гоненій и этимъ возбудить къ себѣ сочувствіе всѣхъ благородныхъ сердецъ и всѣхъ умовъ, мало просвѣщенныхъ; ирландецъ же, какъ извѣстно, столько же великодушенъ, сколько и невѣжественъ. Онъ любитъ свою церковь до фанатизма, потому что ненавидитъ своего господина англичанина.

Народъ въ своихъ сужденіяхъ простъ; онъ не любитъ сложныхъ вещей. Поэтому ирландецъ вамъ скажетъ: «Если мы несчастливы, то виноваты въ этомъ англичане, а самая дурная сторона въ нихъ англиканская религія. Что касается насъ, то если мы еще существуемъ, какъ народъ, то единственно благодаря католической церкви, которая служитъ послѣднимъ убѣжищемъ для нашей національности.»

—Иностранцы, безпристрастные въ этомъ дѣлѣ, разсуждаютъ иначе. Они говорятъ, что католицизмъ вѣрнѣе составляютъ силу, чѣмъ слабость Ирландіи. Еслибъ она была протестантскою страной, подобно Шотландіи, то она, по ихъ мнѣнію, могла бы добровольно присоединиться къ своей сосѣдкѣ, которая такъ могущественна, что не можетъ допустить ея независимаго существованія рядомъ съ собою. Но будучи страной католическою, Ирландія страдаетъ отъ двойнаго неудобства: она, съ одной стороны, слишкомъ сильна, или, лучше сказать, слишкомъ самобытна для того, чтобы сродниться съ другимъ государствомъ, а съ другой стороны, она слишкомъ слаба для того, чтобы воспротивиться завоеванію. Подобно телкѣ, побѣжденной удавомъ, Ирландія не въ состояніи была защититься, но Англія до сихъ поръ не могла ее поглотить.

Конечно, мы не хотимъ освободить ни англичанъ, ни англичанцевъ отъ ихъ тяжелой отвѣтственности въ отношеніи къ покоренной странѣ; мы не имѣемъ права уничтожить приговора, произнесеннаго надъ ними общественнымъ мнѣніемъ; мы не желаемъ уменьшить ихъ позора и угрызений ихъ совѣсти, если только таковая на этотъ счетъ имѣется у нихъ въ наличности; но мы должны сознаться, что и ирландцы не безвинны въ своемъ несчастіи и что если они эксплуатируются и допускаютъ эксплуатацію, то въ этомъ они должны винить самихъ себя т. е. свой характеръ и свою приверженность къ застою.

Ирландцы хвастаются тѣмъ, что происходятъ отъ испанскихъ выходцевъ, высадившихся въ Валенціи, которая получила свое названіе въ честь испанскаго города, откуда пришли эти переселенцы. Несомнѣнно то, что они кажутся народомъ юга, попавшимъ, не извѣстно какимъ образомъ, въ одну изъ самыхъ сѣверныхъ частей Европы. Они отличаются высшими добродѣтелями, но лишены обыкновенныхъ качествъ ума и сердца; они въ этомъ отношеніи обладаютъ тѣмъ, что составляетъ предметъ роскоши, и въ то-же время терпятъ недостатокъ въ необходимомъ. У нихъ чутье вѣрное, но они дѣйствуютъ нелѣпо. Характеръ у нихъ энергическій, но они не имѣютъ настойчивости. Надѣленные блестятельнымъ воображеніемъ въ дѣлѣ поэзіи и искусствъ, они не умѣютъ соображать и размышлять. Умъ ихъ способенъ къ воззрѣніямъ, но не удовлетворителенъ для производства обыкновенныхъ логическихъ выводовъ. Въ обиходной жизни ирландцы постоянно дѣлаютъ промахи, что даже вошло въ поговорку. Они говорятъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ;

мысль ихъ отличается яркимъ колоритомъ, но ихъ прекраснымъ рассказамъ никогда не должно вѣрить. Ирландцы боятся точности. Говорятъ даже, что ложь до того имъ свойственна, что она глугу въслѣдствіе врожденной потребности, въслѣдствіе внутренней необходимости, которой они должны повиноваться, во что бы то ни стало, даже къ собственному своему вреду. Это сужденіе преувеличено. Можно просто сказать, что они, подобно дѣтямъ, постоянно увлекаются своимъ воображеніемъ, которое они не въ состояніи обуздать. Они способны къ геройскимъ жертвамъ, къ необыкновенной преданности, но не должно отъ нихъ требовать, чтобы они всегда исполняли свое обѣщаніе.

Удивительно-ли, что этотъ народъ, отличающійся своею артистическою натурою, сдѣлался жертвою эксплуатаціи и, что еще гораздо хуже, — предметомъ презрѣнія со стороны націи, состоящей изъ торгашей? Потому-ли, что англичанинъ болѣе ограниченъ умомъ, или потому, что онъ дѣйствительно болѣе добросовѣстенъ, только онъ наружнымъ образомъ и что касается буквального смысла слова, правдивъ до того, что этимъ колеблетъ глаза ирландцу. Когда сойдутся притѣснитель и его жертва, то первый выпрямляется во весь свой ростъ и съ невыразимою гордостью говоритъ: «Я твой потому что я говорю правду, а ты мой подчиненный, потому что господинъ, ты лжешь.»

Дѣйствительность, пренебрегаемая ирландцами, мститъ имъ за это пренебреженіе, дѣлая безплодными даже самыя высочія ихъ поэтическія дарованія. Этотъ народъ, надѣленный отъ природы способностями щедрѣе всякаго другаго, не произвелъ ничего, что было бы достойно его талантовъ. Есть у него въ отрывкахъ восхитительныя пѣсни и очаровательныя легенды, но для примѣненія ихъ къ дѣлу до сихъ поръ нашелся одинъ только Томасъ Муръ (Moore), котораго произведенія, подобно подслащеннымъ лепешкамъ, приготовленнымъ на прогорѣломъ маслѣ, наконецъ надѣдають до крайности, отличаясь приторною нѣжностью, пустозвонствомъ, напыщенностью и искусственною игривостью. Изъ ирландскихъ живописцевъ, первое мѣсто занимаетъ Маклизъ (MacLise), у котораго есть и хорошій стиль, и вѣрность рисунка, и живой колоритъ, быть можетъ также и мысль, но который не произвелъ ничего великаго. Ирландцы признають своимъ величайшимъ военнымъ гениемъ генерала Веллингтона, но они въ этомъ отношеніи неправы. Во-первыхъ, Веллингтонъ никогда не былъ великимъ человѣкомъ, а только весьма разумнымъ

господиномъ, который игралъ чрезвычайную важную роль, благодаря случаю. Во-вторыхъ, этотъ такъ называемый John Duce, желѣзный герцогъ, нисколько не былъ похожъ на ирландца; онъ напротивъ, своимъ методическимъ, холоднымъ и рѣшительнымъ характеромъ представлялъ совершеннѣйшій образецъ вѣстате англичанина. Ирландія отличается превосходными солдатами, которые составляютъ лучшую часть англійской арміи; но эти солдаты въ своихъ войнахъ, не смотря на свою неоспоримую храбрость и на повиновеніе корошнимъ офицерамъ, были поражаемы самымъ жалкимъ образомъ, благодаря отсутствію у нихъ дисциплины, существованію между ними мелкаго соперничества, ихъ неблагоуразумію и переходамъ отъ отваги къ ничтожному страху. Этими недостатками объясняется, почему двояродные предки ирландцевъ, галлы, разбивались нѣсколькими римскими легионами, нашедшимися подъ предводительствомъ Юлія Кесаря. — Такимъ образомъ, за Ирландією, изъ людей, принадлежащихъ по своимъ талантамъ къ высшему разряду, остаются только ораторы, къ числу которыхъ прежде всего должно отнести Курро (Curo) и О'Коннея, такъ какъ въ этихъ двухъ ея герояхъ воплощается гений ирландской націи, духъ, въ одно и то же время, пылкій и тонкій.

Объяснивъ такимъ образомъ вліяніе національнаго характера ирландцевъ на ихъ социальное положеніе, мы должны замѣтить, что католическая религія ихъ воспитательница нисколько не содѣйствовала къ развитію ихъ добрыхъ качествъ, а только увеличила ихъ недостатки.

Начать съ того, что въ дѣлѣ народнаго образованія католическое духовенство всѣми своими силами воспротивилось учрежденію новыхъ народныхъ школъ. Такъ называемыя national-schools, учрежденныя по превосходному плану, имѣвшему въ виду независимость учителей отъ духовенства какъ англиканскаго, такъ и католическаго (ибо молитвы и другія религіозныя упражненія редактированы были смѣшанною комиссією, составленною изъ священниковъ того и другаго вѣроисповѣданія, въ числѣ которыхъ своею дѣятельностью особенно отличался Уейтли, человекъ честный и замѣчательный) — эти national-schools не представляютъ тѣхъ результатовъ, какіе отъ нихъ ожидалась. Въ нихъ теперь сдѣлана брешь священниками обоихъ вѣроисповѣданій, въ особенности католическими, и друзья этихъ учреждений съ грустью признаются, что этотъ великій опытъ до сихъ поръ имѣлъ только проблематическій успѣхъ. Мѣстное духовенство не желаетъ суще-

створенія заведеній, которыя, по ихъ мнѣнью, могутъ послужить къ уменьшенію ихъ власти, и изъ теократовъ, неограниченно господствующихъ надъ невѣжественнымъ населеніемъ, превратитъ ихъ въ простыхъ гражданъ, въ людей съ вѣсомъ или даже безъ вѣса. Любовь въ юношахъ и честолюбіе въ людяхъ зрѣлыхъ, безъ сомнѣнія, суть сильныя страсти, но духъ господства въ частъ, осужденной на безбрачіе, еще сильнѣе: онъ доводитъ свои жертвы до сумасбродства, до настоящаго изступленія и заставляетъ ихъ пренебрегать себѣ, даже самими собой. Притомъ католическіе аббаты, не бывъ признаны государствомъ и живя только случайными доходами, опасаются, чтобъ эти доходы не уменьшились вслѣдствіе успѣховъ народнаго образованія, которое, по ихъ мнѣнью, сдѣлаетъ часть народа равнодушною къ духовенству, а слѣдовательно и подорветъ его интересы.

Поэтому ирландскіе клерикалы сопротивляются умственной эмансипаціи своего народа, которая можетъ быть достигнута путемъ свѣтскаго образованія. Вообще говоря, римско-католическая религія не слишкомъ содѣйствуетъ къ развитію нравственности. Народы, которые она воспитываетъ, не отличаются избыткомъ совѣсти. Исповѣдь, въ томъ видѣ, какъ она производится въ нашихъ западныхъ странахъ служить не слишкомъ хорошою школою стыдливости для нашихъ дѣвушекъ и женщинъ.

Еще разъ замѣтимъ, что мы не намѣрены оправдывать ни англиканскую церковь, ни англійскихъ землевладѣльцевъ, ни англійское правительство. Мы указали на несправедливости, совершенныя и тою, и другою стороною, упомянули, что, начиная съ Роберта Пиза, дѣлались постоянныя попытки къ улучшенію несчастнаго состоянія Ирландіи. Но когда несправедливость опустошила страну, когда съ одной стороны заговорила тиранія, а съ другой ей отвѣчала ненависть, когда умирающіе, при послѣднемъ своемъ издыханіи, произносили проклятія противъ своихъ побѣдителей, и когда ихъ кости еще трепещутъ въ могилахъ отъ безсильнаго гнѣва, тогда недостаточно либерализма нѣсколькихъ молодыхъ государственныхъ секретарей для того, чтобы излечить раны людей оставшихся въ живыхъ, и заставить ихъ забыть прошедшее. Это было бы ужъ черезъ-чуръ удобно. Несчастіе всякаго несправедливаго поступка въ томъ именно и заключается, что послѣдствія его продолжительны. Раззорившихся землевладѣльцевъ замѣнили землевладѣльцы, имѣвшіе деньги, но крестьянинъ все еще остался раззореннымъ; онъ платитъ

дурному землевладельцу только под страхом быть изгнаннымъ; что касается до землевладельцевъ сострадательныхъ, то имъ не разъ приходилось сожалѣть о своей добротѣ; не разъ случалось, что человѣкъ, считавшій себя благодѣтелемъ своихъ фермеровъ, палъ отъ пули, пущенной въ него изъ-за какого нибудь куста. Всѣ жители села знали убійцу, имя его переходило изъ устъ въ уста, онъ былъ задержанъ служителями правосудія, производилось слѣдствіе, и что же? Сотня людей, одинъ за другимъ, ложно присягали въ пользу убійцы! Въ Лондонѣ, одинъ ирландскій пѣръ, библиоманъ и человѣкъ либеральный, недавно умершій, показывалъ мнѣ одежду изъ буйволочной шерсти: «Эту одежду не въ состояніи пробить пуля,» говорилъ онъ мнѣ съ торжествомъ: — «это мой дорожный костюмъ; я его надѣваю, когда иду осматривать свои владѣнія».

На всѣ попытки Англій къ примиренію Ирландія отвѣчаетъ и будетъ еще долго отвѣчать недоверіемъ. Вице-короли, опредѣляемые Вигами, смѣнялись одинъ другимъ, одинъ за другимъ танцовали съ прелестными дублинскими дамами, изгоняли ихъ скверныхъ супруговъ и ласкали значительныхъ землевладельцевъ, а между тѣмъ бѣдный народъ все еще не примирился съ своимъ положеніемъ.

Ничто не можетъ быть неслѣпѣе идеи возстанія Ирландіи противъ Англій. Попытка, сдѣланная въ этомъ отношеніи Мегеромъ и О'Бриеномъ, которой дано было шутовское названіе *возстаніе въ огородахъ, застѣяномъ капустой*, эта попытка возбудила сильный смѣхъ въ Шотландіи, въ Англій и въ графствѣ Уейльскомъ. И однакожь значительная часть ирландцевъ постоянно участвуютъ въ какомъ нибудь заговорѣ противъ лондонскаго правительства. Послѣ заговора такъ называемыхъ white boys возникъ другой, подъ названіемъ gibbonism, а теперь явились такъ называемые feenians. Тайнственные пароли постоянно переходятъ изъ устъ въ уста, въ особенности чрезъ посредство странствующихъ наставниковъ, такъ называемыхъ hedge school masters. Мѣсяца два тому назадъ въ Revue Germanique напечатана была формула приѣма въ одно изъ такихъ обществъ, учрежденныхъ для всеобщаго истребленія протестантовъ. Недавно означенные выше feenians составили публичное собраніе, въ которомъ ораторы ихъ ругали Англій и ея тиранію въ присутствіи констэблей, важно расхаживавшихъ посреди толпы для сохраненія порядка, а на другой день ихъ рѣчи цѣлкомъ напечатаны были въ журналахъ. Конечно, правительство должно чувствовать себя весьма сильно, чтобы не обращать вниманія на своихъ враговъ и смѣрять на нихъ

съ такую великодушную безопасность. Впрочемъ и то сказать, оно нѣмного рожуется, поступая такъ великодушно. Ирландскіе патриоты находятся въ самой нелѣпой, безвыходной положеніи, какое только можно себя представить. Народонаселеніе Ирландіи съ каждымъ днемъ уменьшается въ значительной пропорціи и шансы на возстаніе со стороны ирландцевъ также убываютъ съ каждымъ судомъ, переправляющимъ за Атлантическій океанъ цвѣтъ ирландскаго юношества. Ирландія въ нѣкоторомъ смыслѣ исчезаетъ, и если это будетъ такъ продолжаться, то для ирландскихъ патриотовъ наконецъ не будетъ отечества. Въ тому-же эти патриоты не имѣютъ никакой поддержки на континентѣ; здѣсь они могли бы найти себѣ союзниковъ, но противъ нихъ они возбуждены своими добрыми друзьями іезуитами по той весьма простой причинѣ, что лучшие люди Европы враждуютъ съ католицизмомъ. Самъ Гарибальди — онъ-то въ особенности — не удостоился благосклонности ирландскихъ патриотовъ. Мы видѣли, какъ два года тому назадъ, во время смуты, происходившихъ въ Гайдъ-паркѣ, въ Лондонѣ, ирландскіе переселенцы бросились на присутствующихъ, крича: «Да здравствуетъ папа! Да погибнетъ Гарибальди! Да погибнутъ итальянцы! Да здравствуетъ Ирландія!» Въ Ливерпулѣ они поступили еще хуже: они жестоко избili нѣсколькихъ итальянцевъ; въ Биркенгедѣ они опустошили дома, все крича: «Да погибнетъ Гарибальди!» Друзей его эти добрые Падди весьма естественно смѣшиваютъ съ людоедами и другими подобнаго рода ужасами. Неудивительно, что ультрамонтанская реакція нѣкоторое время желѣла мысль вербовать между ними солдатъ для папы. Ламорисьеръ нѣсколько сотенъ изъ нихъ одѣлъ зуавами. Это былъ сбродъ разныхъ негодяевъ. Полагали, что они будутъ творить чудеса; но вскорѣ оказалось нужнымъ распустить ихъ, послѣ того, какъ сдѣланы были тщетныя попытки водворить между ними дисциплину. Ихъ носильно возвратили въ Ирландію. Это однакожъ не помѣшало духовенству встрѣтить ихъ торжественно съ звуками трубъ и съ пѣснями побѣды, которыя должны были заглушить шумъ Кастельондардо. Въ то-же время Піи, епископъ города Поатъе, провѣнсъ знаменитую апопееву въ честь Гикели, естественнаго плута, который при этомъ слѣчаѣ превращенъ былъ въ кавалера Мадонны.

Этимъ несчастнымъ ирландцамъ не доставало только вѣстѣ съ папою и католическимъ духовенствомъ принять сторону рабонадѣльцевъ юга противъ аболіціонистовъ сѣвера. Въ этому ихъ сильно

подстрекала ревность ихъ естественниковъ, переселившихся въ Соединенные Штаты, и которые для добыванія насущнаго кѣмбѣ соперничаютъ съ невольниками въ одинакъ и тѣхъ-же работахъ.

И вотъ вааъ цѣлая нація, состоящая изъ нѣсколькихъ милліоновъ людей, которая вопиетъ противъ несправедливости, намѣрена встать противъ угнетенія и требуетъ для себя свободы и независимости, а между тѣмъ объявляетъ себя врагомъ свободы французской и независимости итальянской. Она хочетъ принять сторону наантаторовъ юга, требующихъ уже восстановления торговли бѣлыми невольниками и рабства ирландцевъ, переселившихся въ Люизиану, Виргинію и на Каролинскіе острова. Боже ты мой! Можно-ли такъ заблуждаться среди бѣлаго дня XIX столѣтія! Сдѣлаться кармелитскимъ монахомъ, отцомъ камушиномъ, полицейскимъ шпиономъ, іезуитомъ,—это весьма понятно: тутъ всегда что нибудь да выиграешь. Но надо быть совершеннымъ невольдой, какъ ирландецъ, чтобы добровольно, въ качествѣ инсургента, мятежника и бунтовщика, вступить на службу господъ Мерода и Виземана и принять сторону партіи, геніями-руководителями которой служатъ Тюамъ, докторъ Куленъ и Доново Кортеъ, а государственными людьми—гг. Кокиль, аббатъ Штрель и редакторы журналовъ Index, Tablet и старой Gazette de France!

Еще одинъ вопросъ: какова будетъ будущность Ирландіи? Угадать это весьма трудно. Одно только должно замѣтить, что ирландцы называютъ рѣшительное отвращеніе къ современному прогрессу, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется имъ ихъ врагами, англичанамъ, и передъ которыми они исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезали краснокожіе индѣйцы передъ англо-саксами. Ирландцы однакожь увеличиваются въ числѣ; они производятъ на свѣтъ множество дѣтей, который, бывъ воспитаны на овсяной крушѣ и картофель, дѣлаются превосходными мальчиками и прекрасными дѣвушками. Но съ тѣхъ поръ, какъ голодъ похитилъ до 600,000 жителей, ежегодно до ста тысячъ человекъ покидаютъ свое любимое отечество, которое имъ должно назаться проклятымъ. Ихъ мѣста занимаютъ англичанами и шотландцами. Эмигранты отправляются въ колоніи Австраліи и Канады, и въ особенности въ Соединенные Штаты, которые сдѣлались ихъ пріемнымъ отечествомъ и гдѣ они плодятся и умножаются, какъ на своей первобытной родинѣ, такъ что въ настоящее время въ американской Утии болѣе находится ирландцевъ, чѣмъ въ Европѣ. За недостаткомъ образованія эти эмигранты болѣе

частью нанимаются въ работники и занимаютъ только низкія мѣста въ обществѣ. Но ихъ дѣти, преобразованные воспитаніемъ, какое дается въ республикахъ сѣвера, самымъ полнымъ и самымъ разумнымъ изъ всѣхъ, по наступленіи совершеннолѣтія, начинаютъ заниматься дѣлами, вступаютъ въ гражданскія и разныя другія должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ почетъ. Само собою разумѣется, что когда какой нибудь племянникъ изъ Америки посѣщаетъ своихъ дядей и двоюродныхъ братьевъ въ Ирландіи, то можно замѣтить значительную разницу между тѣмъ, чѣмъ сдѣлался одинъ, и тѣмъ, чѣмъ остались другіе.

Каковы бы ни были недостатки ирландцевъ, они въ самой высокой степени отличаются любовью къ роднымъ. Первые деньги, добываемыя эмигрантами, посылаются ими на родину, чтобы доставить ихъ родственникамъ и друзьямъ средства переправиться черезъ океанъ. Съ этою цѣлью ежегодно отправляется въ Ирландію тридцать милліоновъ.

Съ перваго раза казалось бы, что Англія должна радоваться этому двойному явленію: уходу изъ Ирландіи ненавистныхъ туземцевъ и замѣнѣ ихъ переселенцами, преданными англійскому правительству. Еще никакъ нельзя предвидѣть моментъ, когда прекратятся эта замѣна однихъ другими. Уже разсчитываютъ эпоху, когда въ Ирландіи не будетъ болѣе ни одного ирландца, когда эта страна превратится въ обширный лугъ, откуда будутъ добываться масло и мясо для англичанъ, въ огромную ферму, принадлежащую Англіи, и которою будутъ завѣдывать нѣсколько шотландцевъ. «Вотъ видите,» воскликнуть тогда нѣкоторые близорукіе политики, — «къ чему нибудь да пригодилась несправедливость!»

Ничто не пропадаетъ: таковъ законъ въ мірѣ физическомъ, таковъ же законъ и въ мірѣ нравственномъ. Ирландія, не существующая болѣе въ самой Ирландіи, возстановляется въ Америкѣ, правда, не какъ независимое государство, но какъ присоединившійся народъ, состоящій изъ враговъ Англіи, противъ которой ирландцы, превратившись въ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, постоянно возбуждаютъ свое новое отечество. Недавно еще, когда возникъ вопросъ о войнѣ между этими двумя націями, ирландцы по ту и другую сторону океана пришли въ неописанный восторгъ и предложили построить цѣлый флотъ корсарскихъ судовъ. Уже разсуждали о томъ, какой можно имѣть успѣхъ, если высадить армію волонтеровъ въ Коркъ, Лайпцигъ или Валенцію. Конечно, было бы весьма рискованно предсказывать успѣхъ этому предпріятію: минута возмездія еще не

наступила. Но все заставляет думать, что хромая Немезида наконец постигнет Великобританию и что эта страна, рано или поздно, должна будет заплатить Ирландии свой долгъ съ процентами и подвергнуться униженію за притѣсненія, сдѣланныя ирландцамъ.

Въ Швейцаріи, какъ и въ Ирландіи, соперничество между католиками и протестантами даетъ ключъ къ разъясненію всѣхъ политическихъ происшествій.

Читателямъ «Рус. Слова» уже нѣсколько извѣстна замѣчательная личность Фази, вождя радикальной партіи въ Женевѣ и, послѣ революціи 1846 года, полнаго диктатора въ женевскомъ кантонѣ. Благодаря ловкости этого человѣка, Женева перестала служить убѣжищемъ европейской реакціи и сектаторскаго застоя кальвинистовъ. Фази нейтрализовалъ влияние старой аристократической партіи и далъ городу совершенно новый видъ. Народонаселеніе Женевы, подъ его управленіемъ, почти удвоилось, доходы увеличились, промышленность разцвѣла и притокъ эмигрантовъ — людей способныхъ и образованныхъ, внесъ новые элементы въ общественную дѣятельность женецевъ. Но эти реформы, разумѣется, не могли не коснуться оригинальности стараго кальвинистскаго города, надо было уничтожить нетерпимость католическаго населенія и открыть свободный доступъ всѣмъ выходцамъ, желавшимъ поселиться подъ покровительствомъ республики, и въ особенности савойцамъ; надо было не только ослабить, но совершенно разрушить прежнюю систему управленія, почти триста лѣтъ сосредоточенную въ рукахъ нѣсколькихъ привилегированныхъ фамилій, которыя считали себя законными собственниками женевского кантона. Взаимная ненависть, накопившаяся съ годами, и постоянная вражда этихъ фамилій помогли перевороту Фази и дали ему возможность совершить его руками самихъ враговъ этого переворота.

Такимъ образомъ старая консервативная партія, обремененная всевозможными злодѣяніями феодальнаго времени, принуждена была смолкнуть. Она, гордая и суровая, увидѣла себя у ногъ молодого *авантюриста*, г. Фази; она скрежетала зубами, чувствуя, что ея древнія права и привилегіи исчезали съ каждымъ днемъ; она находила себя слишкомъ слабой, чтобы сопротивляться новому порядку, и слишкомъ гордой, чтобы подчиняться ему безусловно. Вотъ почему, нынѣшнія выборы дали ей случай прибѣгнуть къ слѣдующему ма

нелю. Важнѣйше реакціонеры, подъ маской *независимыхъ*, объявили себя на сторонѣ радикаловъ, защитниками резервъ, но подпольнымъ управленіемъ Фази, какъ представителя республики,

Этимъ маневромъ они хотѣли низложить вождя враждебной имъ партіи и такимъ образомъ, овладѣвъ управленіемъ, сбросить маску и провозгласить старый порядокъ вещей. Нѣтъ сомнѣнія, что съ удаленіемъ Фази имъ посчастливилось бы одержать рѣшительную побѣду. Съ этою цѣлю они предложили въ президенты государственнаго совѣта вмѣсто Фази г. Шеневьеръ. При подачѣ голосовъ кандидатъ *независимыхъ* имѣлъ за себя большинство 300 голосовъ. Слѣдовательно успѣхъ реакціонеровъ былъ блистательный. Но когда дѣло дошло до повѣрки самыхъ голосовъ, то партія радикаловъ, не предвидѣвшая такого пораженія, ухватила за этотъ простой и чисто-формальный случай, чтобы уничтожить авторитетъ выборовъ. И онъ дѣйствительно былъ уничтоженъ. *Независимые*, видя, что побѣда вырывается у нихъ прямо изъ зубовъ, составляютъ процессію и торжественно провозглашаютъ г. Шеневьера. Но этого имъ мало; она осаждаютъ городскую ратушу и зная, что исполнительная власть вообще состоитъ изъ приверженцевъ Джемса Фази, изъ людей вооруженныхъ, запираютъ на ключъ государственный совѣтъ и объявляютъ его своимъ плевнымъ. Такой грубый и насильственный поступокъ былъ сигналомъ къ возстанію. Радикалы бросились къ арсеналу, овладѣли оружіемъ, напали на толпу г. Шеневьера, шедшую по улицѣ du Mont Blanc, и разсыпали ее выстрѣлами. Были убитые и раненые. Партія реакціонеровъ, выслала парламентаровъ, но радикалы не хотѣли поконить оружія до тѣхъ поръ, пока не получатъ приказанія государственнаго совѣта.

Обѣ партіи разошлись въ отчаяніи, но вдругъ два батальона воздушской милиціи прибыли въ Женеву. Федеральныи совѣтъ послалъ новыя подкрѣпленія (3000 солдатъ) и принялъ верховный судъ надъ этимъ дѣломъ; онъ утвердилъ авторитетъ выборовъ, назначеніе г. Шеневьера, арестовалъ десять гражданъ, принадлежавшихъ обѣимъ партіямъ. Джемсъ Фази, приглашенный къ суду, предпочелъ бѣжать въ Сивойю, оправдываясь тѣмъ, что волненіе горюда угрожало его жизни. Это малодушіе вождя партіи есть политическое самоубійство для него; оно уронило Фази въ глазахъ не только враговъ, но друзей его, оно лишило его довѣрія въ глазахъ всего женевского кантона.

Женевское побоище дѣлается менѣе печальнымъ въ виду того успѣха, которымъ увѣнчалась ассоціація, основанная Г. Гапри Дюла-

номъ. Эта филантропическая ассоціація имѣетъ цѣлю покровительство раненныхъ на полѣ битвы. Предварительная конвенція была подписана депутатами Англии, Франціи, Бельгіи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Швейцаріи, Нидерландовъ, Дании, Пруссіи, Виртемберга, Бадена и Гессена. Ассоціація этихъ государствъ постановила, чтобы раненные и медики, на основаніи международнаго права, признавались лицами нейтральными и неприкосновенными. Мы радуемся этому гуманному союзу народовъ, но въ то же время знаемъ, какъ непрочны эти дипломатическіе договоры, часто нарушаемые прежде, чѣмъ успѣютъ высохнуть чернила, которыми они пишутся. Гдѣ же, кромѣ нравственной гарантіи, болѣе твердое ручательство за то, что безумная игра силы, проявляющейся въ войнахъ, подчинится требованіямъ конвенціи? Кто будетъ судить, напримѣръ, Францію, если она послѣ побѣды надъ австрійцами не станетъ церемониться съ ихъ ранеными и докторами? Какими уставами международнаго права можно смягчить взаимное озлобленіе воюющихъ націй и свирѣпость солдатъ, обязанныхъ истреблять своего противника безъ всякой пощады? Гуманныя мечты, создаваемые на международномъ правѣ, всегда оставались не болѣе, какъ пріятными мечтами.

Останавливаясь на Италіи и на той мучительной агоніи, которую испытываетъ Римская область, мы не можемъ не пожелать Пію IX побольше силы, но поменьше лютости его кардиналамъ. Кажется, они такъ укрѣпили себя противъ ядовитаго вліянія духа времени, общественнаго мнѣнія, что могутъ съ спокойной совѣстью совершать все, что имъ благоугодно. Дѣло впрочемъ идетъ о бездѣлицѣ, о сынѣ бѣднаго еврея. Нѣкто Мишель и Фортуната имѣли одиннадцатилѣтняго сына, отданнаго въ ученіе сапожнику. Одинъ аббатъ, испушенный прекрасными глазами, умной физиономіей и кротостью мальчика, рѣшился спасти эту отроческую душу отъ ереси и обратить ее на путь истинный. Планъ аббата былъ очень простъ. Онъ отдалъ починить свои сандаліи, попросивъ мальчика принести ихъ къ нему на домъ. Черезъ нѣсколько часовъ мальчикъ явился съ починенными сандаліями и встрѣтилъ аббата выходящимъ изъ дверей. Священникъ предложилъ мальчику великолѣпную прогулку, и когда тотъ согласился, онъ посадилъ его въ карету и отправился съ нимъ прямо въ одну изъ католическихъ базиликъ. Вошедъ въ нее, онъ приказалъ запереть двери и насильственно окрестилъ его, не смотря на крики и слезы несчастнаго отрока. Ни просьбы отца и мате-

ри, ни протестъ самыхъ богатыхъ евреевъ Рима, ни вмѣшательство могущественнаго посланника Люи Наполеона—ничто не помогло спасти мальчика. Всѣмъ давался одинъ отвѣтъ: non possumus, non possumus. Такимъ образомъ маленькаго еврея сдѣлали христіанноу насильно, посредствомъ обмана и похищенія. Это третіе или четвертое повтореніе исторіи Мортары.

Въ Туринѣ наконецъ пало вялое, много говорившее и ничего недѣлавшее министерство. Въ головѣ новаго министерства становится Ламармора, съ которымъ мы познакоимъ нашихъ читателей въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Вопросъ о перенесеніи столицы итальянскаго королевства въ Римъ почти рѣшенъ; правительство и народъ смотрять на это событіе, какъ на послѣднее усиліе Италіи освободиться отъ ненавистной иностранной опеки.

Нынѣшній августъ, — вообще одинъ изъ самыхъ спокойнѣйшихъ мѣсяцевъ во Франціи, — только и отличался тѣмъ, что отпраздновалъ не въ примѣръ другимъ августамъ свой обычный праздникъ въ честь св. Наполеона.

Города и цѣлыя провинціи состязались въ этомъ торжествѣ, какъ древніе греки на олимпійскихъ играхъ. Такъ, огни и ракеты Парижа ничего не значили въ сравненіи съ огнями Лимажа. Честь этого несчастнаго города сгорѣла съ честью возлюбленнаго императора. Сгорѣлъ цѣлый кварталъ и множество улицъ; вѣтеръ разносилъ дымъ и запахъ пожара до берега моря, т. е. на 150 километровъ разстоянія, и только послѣ 18 часовыхъ, отчаянныхъ усилій, удалось остановить огонь. Официальныя газеты приглашаютъ насъ удивляться энергіи, искусству, хладнокровію и рѣдкому присутствію духа дивизіоннаго генерала, префекта, мера, генеральнаго секретаря, президента, императорскаго прокурора, помщниковъ мера, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ.

Въ С. Этьеннѣ герцогъ Персинья произнесъ весьма длинную рѣчь, въ которой старался доказать, что нигдѣ нѣтъ столько свободы, какъ во Франціи императорской и демократической. Заключение этой рѣчи дѣйствительно замѣчательно. «Съ этихъ поръ мы можемъ смѣло утверждать, что наши учрежденія имѣютъ основаніемъ одинъ изъ самыхъ практически-либеральныхъ вопросовъ, какіе только существовали на свѣтѣ;— мы можемъ смѣло утверждать, что отдѣливъ правительственную власть отъ свободы, для того, чтобы сдѣлать ихъ независимыми другъ отъ друга. Позволивъ свободѣ развиваться свободно, не нарушая

значенія власти,—конституція совершила величайшее благодѣаніе, какое только можетъ быть оказано народу.

«Европа, бывшая изумленною свидѣтельницею всего величія настоящаго царствованія, свидѣтельницею соединенія славы оружія съ внутреннимъ благосостояніемъ, — начинаетъ уже смотрѣть съ такимъ же изумленіемъ на нашу свободу. Она не можетъ не удивляться этому порядку, этой безопасности, въ одно и то же время такъ чудно обеспеченнымъ нашею государственною организаціею и такъ блистательно облагоустроеннымъ нашими общественными обсужденіями дѣлъ.

«Что касается до нашей страны, то она, счастливая тѣмъ, что вышла наконецъ на свою естественную дорогу, гордая сознаніемъ, что ея свобода выше всѣхъ свободъ міра,—съ довѣріемъ полагается на силу своихъ государственныхъ учреждений.

«Она понимаетъ теперь, что ей суждено увидѣть осуществленіе прекрасной мысли Монтескье, что великіе люди производятъ великія учреждения, а великія учреждения, въ свою очередь, производятъ великихъ людей.

«Поэтому имѣю честь предложить вамъ тостъ: за императора Наполеона III! За основателя свободы во Франціи!» Второй тостъ, конечно, былъ за великихъ людей, подобныхъ гг. Морни съ братіей.

Это говорилось при началѣ *процесса тринадцати*. Въ томъ самомъ номерѣ *Монитера*, гдѣ появились эти замѣчательныя слова, было объявлено о запрещеніи нѣсколькихъ либеральныхъ газетъ, особенно провинціальныхъ. Планъ скорого похода противъ большихъ парижскихъ журналовъ еще не окончательно рѣшенъ; но между тѣмъ такъ называемой маленькой прессѣ приходится выдерживать весьма опасныя нападенія. Мѣра, которою правительсто сильно хвалится, состоитъ въ учрежденіи маленькаго *Вечерняго Монитера*, по одному су за номеръ; чтобы продолжить эту прекрасную выдумку, оно хочетъ основать еще одну оффиціальную, еженедѣльную газету. Такимъ образомъ, во Франціи будетъ четыре Монитера: *Оффиціальныи Монитеръ французской имперіи*, *Монитеръ Коммуны*, *Вечерний Монитеръ* и, наконецъ имѣющій скоро появиться — Монитеръ Воскресный. Такимъ образомъ съ этихъ поръ Франція можетъ называться не только императорско-демократическою и апостолически-католическою, но и журнально-патріотическою, что все вмѣстѣ будетъ значить: первая свободная страна въ мірѣ.

За пеймѣніемъ особенно важныхъ новостей, всѣ въ прошедшемъ мѣсяцѣ были больше всего заняты убійствомъ, совершеннымъ на

югъ Франціи. Старый срыга, котораго считали непомерно богатымъ, жилъ въ одномъ замкѣ съ тремя слугами. Вдругъ замѣтили, что разбойники пробрались въ его домъ, ограбили его, и вскорѣ было найдено четыре трупа. Подробности этого преступленія ужасны. Подозрѣніе пало на одного уличнаго комедьянта, который ходилъ съ ярмарки на ярмарку и давалъ разнохарактерныя представленія. Схватили также нѣкоего Латура, отчаяннаго негодая, который, какъ говорятъ, натравилъ на срыга этого свирѣпаго гладиатора. Судъ приговорилъ комедьянта къ вѣчной каторжной работѣ, а Латура — къ смертной казни.

Узнавъ объ этомъ приговорѣ, Латуръ громко закричалъ: Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императоръ! и еще разъ, да здравствуетъ императоръ!

— Обвиненный — сказалъ президентъ — вы имѣете три дня сроку для апелляціи.

— Идите, стройте вѣзлицу, — отвѣчалъ Латуръ.

Надѣялись, что обвиненные будутъ апеллировать, что дѣло будетъ переислѣдовано. что при новомъ слѣдствіи оно болѣе уяснится; хотя никто не сомнѣвается, что эти два чедовѣка — убійцы, но прямыхъ доказательствъ нѣтъ. Однакожь осужденный на смерть утверждаетъ, что приговоръ, произнесенный надъ нимъ, ничто иное какъ *стратегическая хитрость*, употребленная для того, чтобы заставить его сознаться въ томъ, чего онъ не знаетъ, а комедьянтъ продолжаетъ говорить: «Мнѣ хотѣлось бы быть участникомъ этого преступленія, чтобы имѣть возможность рассказать о немъ что нибудь.»

Какъ жалко, что внимательная публика, неусыпно слѣдящая за каждымъ волоскомъ въ бородѣ Наполеона III, не замѣчаетъ, что дружба между императоромъ французовъ и лордомъ Пальмерстономъ снова возстановилась, — но въ официальныхъ газетахъ Франціи и Испаніи много толковали о союзѣ, будто бы заключенномъ наконецъ между политикою французскою и политикою испанскою, — поддѣлкими, такъ сильно запутавшими мексиканскую экспедицію. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ открытія сѣверо-испанской желѣзной дороги, мужъ королевы, донъ Франциско д' Ассизъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы въ свою очередь поклониться императору Бонапарту. Въ Саль-Клу происходилъ торжественный пріемъ. На другой день, на основаніи программы празднествъ, были «интимные разговоры между двумя величествами». На третій — опять пріемъ, на который сбѣжались мальтійскіе кавалеры въ своихъ красныхъ мундирахъ, кавалеры Саль-

съ вышитою краснымъ шелкомъ на груди большою шпагою правосудія, кавалеры Алвантары въ своихъ длиннѣйшихъ бѣлыхъ плащахъ, кавалеры Калатравы, кавалеры Монтезы, кавалеры ордена багнии и меча для истребленія евреевъ, мавровъ и невѣрныхъ. Всѣ ордена католическаго христіанства сошлись сюда. Еврейскіе банкиры также блистали въ этомъ собраніи. Многіе изъ костюмовъ, носившихся нѣкогда великими инъвизиторами, снова появились въ 4 вечеръ празднествъ, при парадномъ представленіи въ оперѣ. — На пятый день — большой смотръ; войска проходятъ церемональнымъ маршемъ предъ ихъ величествами. Злые языки рассказывали, что хотя донъ-Францискъ и облеченъ званіемъ главнокомандующаго испанскими войсками, но всѣ доблести его заключаются только въ его супружескихъ несчастіяхъ; рассказывали также, что онъ умѣетъ ѣздить только на одной лошади, и что эту лошадь нарочно привезли изъ Мадрида въ Парижъ, для того, чтобы всадникъ могъ съ честью присутствовать на этомъ смотрѣ. — Вечеромъ пятаго дня — *интимный балъ*. На шестой день — празднество въ Версали, новый парадный спектакль, потомъ фейерверкъ, блистательнѣйшій и почти волшебный.

Такъ какъ этимъ фейерверкомъ, очевидно, ратификовался союзъ между двумя монархами, то послѣ него оставалось только разстаться. Бѣлые, черные, красные и енные плащи, ботфорты и большія шпаги правосудія, — все это было уложено въ ящики и чемоданы, и кавалеры, банкиры и дипломаты пропѣли знаменитый куплетъ:

Retirez-vous gens de la noce,
Retirez-vous chacun chez vous,
Notre fille est mariée и т. д.

Въ Германіи не происходило ничего особенно замѣчательнаго. Сеймъ, второстепенныя государства и великія державы все еще по прежнему обмѣниваются депешами, которыя какъ будто пропитаны укусомъ; это все та же зависть, то же негодованіе и наконецъ та же неизвѣстность, которыя господствовали и прежде. Впрочемъ, происходило одно дѣло, въ pendant къ реисбургскому. Сеймъ, чтобы отштитать, буде возможно, за оскорбленіе, нанесенное ему принцемъ Карломъ, отдалъ особыя приказанія страдательному герою Ренебурга, фонъ-Гакке. Вслѣдствіе этого, генералиссимусъ германскаго союза,

Отд. III.

ставъ во главѣ ганноверскихъ войскъ, съ шумомъ вступилъ въ открытые и совершенно беззащитные города Рацбургъ и Мелленъ.

Этотъ поступокъ возбудилъ беспокойство въ Вѣнѣ и негодованіе въ Берлинѣ. За то въ Дрезденѣ, Карлсруэ и Штуттгартѣ раздавались крики торжества. Лордъ Пальмерстонъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія, императоръ Бонапартъ повторилъ еще разъ «inertia-sarientia», а датчане засмѣялись громко, но какимъ-то болѣзненнымъ смѣхомъ. Берлинскіе журналы все еще обвиняютъ Бейста въ подстрекательствѣ ганноверскаго правительства къ завоеванію Лауенбурга, который одно время принадлежалъ къ Ганноверу; органы, преданные политикѣ г. Бисмарка, видятъ въ этомъ поступкѣ оскорбленіе, нанесенное съ намѣреніемъ обѣимъ великимъ державамъ. Они спрашиваютъ, почему федеральныя войска заняли Лауенбургъ въ ту самую минуту, когда Данія уступала его Пруссіи и Австріи, которыя хотѣли вступить въ него въ силу законнаго документа? Полуофициальный берлинскій журналъ. *Zeidler Correspondenz* объявляетъ категорически: «Право обѣихъ великихъ германскихъ державъ ясно и опредѣленно; имъ однимъ принадлежатъ герцогства и Лауенбургское, и Шлезвигъ-Голштинское, и притомъ по праву завоеванія и вслѣдствіе уступки, сдѣланной королемъ Даніи.»

Все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что Пруссія, не смѣя еще требовать для себя всего Шлезвига и всей Голштиніи, сильно домогалась Лауенбурга и охотно приняла бы его въ вознагражденіе за военныя издержки, которыя она благоволила сдѣлать въ интересахъ Германіи. Ясно, что занятіе одной части этой страны федеральными войсками сильно мѣшаетъ осуществленію плащовъ г. Бисмарка. Но за чѣмъ первую заботою этого дальновиднаго государственнаго мужа не было наводненіе Лауенбурга прусскими солдатами? Кто желаетъ достигнуть цѣли, тотъ не долженъ пренебрегать средствами.

Къ несчастію для Пруссіи, она не сумѣла сдѣлаться популярною ни въ Лауенбургѣ, ни въ герцогствѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ, гдѣ теперь нѣтъ и рѣчи о благодарности освободителямъ, которые все болѣе и болѣе становятся ненавистными. Туземные жители негодуютъ, что съ ними обращаются, какъ съ побѣжденными или какъ съ военноплѣнными, а не какъ съ братьями, дѣтьми одного и того же великаго германскаго союза. Они недовольны союзомъ прусскаго правительства съ мѣстными дворянами и высшимъ духовенствомъ. Феодальная администрація одинаково ненавистна, какъ для Пруссіи, такъ и для Шлезвигъ-Голштинскаго герцогства. Даже

«Фленсбургская Газета» объявляет, что мѣстные жители въ крайнемъ случаѣ готовы прибѣгнуть къ народному возстанію для изгнанія пруссаковъ, если берлинскій кабинетъ вздумаетъ навязать имъ временное правительство, не испрашивая ихъ согласія, и уничтожить ихъ хартію. Страна эта требуетъ восстановления той конституціи, которая ей была дана въ 1848 году и которую претендентъ, Фридрихъ Аугустенбургскій, поспѣшилъ признать. Передъ носомъ самихъ пруссаковъ собираются народныя собранія, съ тѣмъ, чтобы протестовать противъ присоединенія къ Пруссіи и провозгласить права принца Аугустенбургскаго и восстановление конституціи. Вотъ какимъ образомъ Пруссія успѣла въ герцогствахъ и въ остальной части Германіи заставить полюбить пруссизмъ, *das spezifische Preussenthum*. Даже въ Вѣнѣ, у союзниковъ, недавно прибрѣтенныхъ, оказалось необходимымъ непосредственное вмѣшательство министра для того, чтобы воспрепятствовать появленію статей противъ прусскаго правительства по крайней мѣрѣ на время пребыванія въ Австріи короля Вильгельма. Въ Мекленбургѣ работники съ ножами нападаютъ на своихъ же товарищей изъ пруссаковъ. Въ Ганноверѣ пруссаковъ бьютъ дубинами. Въ тавернахъ саксонскихъ и виртембергскихъ также происходятъ драки между германцами съ одной стороны, и пруссаками съ другой. Въ самой Пруссіи образуются вооруженныя группы, нападающія на тѣхъ, кто сочувствуетъ прусскимъ интересамъ въ герцогствахъ. Такое явленіе было въ Эльберфельдѣ, въ Трептовѣ на Рейнѣ и въ Велаяу. Впрочемъ, жители этого послѣдняго города оправдываются, говоря, что они только мстили за нападеніе уланскихъ офицеровъ, которые во главѣ своихъ солдатъ побили и жестоко ранили офицеровъ ландвера, не хотѣвшихъ имъ отдать чести. Все это одказываетъ негодованіе и волненіе умовъ и всеобщее болѣзненное состояніе. Суматоха увеличивается съ каждымъ днемъ. Если такое положеніе дѣлъ еще будетъ развиваться въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то за войною датскою можетъ послѣдовать война гражданская.

Какъ бы то ни было, чѣмъ болѣе запутываются дѣла Германіи, тѣмъ болѣе нѣмцы гордятся своими блистательными внѣшними успѣхами: пораженіемъ Даніи — униженіемъ Англіи — ужасомъ, внушеннымъ великой Синей Бородѣ, Людовику Наполеону Бонапарту. Если нѣмцы спорятся при раздѣлѣ добычи, то потому, что всякій приписываетъ себѣ побѣду: и Австрія, и Пруссія, и Саксонія, и Ганно-

верь, и либералы, и феодалы, и сеймъ, и радикалы, и партія военныхъ. Надо видѣть этихъ нѣмецкихъ либераловъ, съ какимъ они смиреніемъ краснѣютъ, когда имъ говорятъ о побѣдахъ при Альсенѣ, Дюппелѣ и Миссундѣ, которыя составляютъ торжество ихъ врага, Бисмарка; надо послушать ихъ рѣчи; что это за рѣчи!

Комментаріемъ этихъ рѣчей, между прочимъ, можетъ служить варьатура, появившаяся отъ 23 августа въ берлинской газетѣ Tribune.

Представленъ двуглавый австрійскій орелъ, летающій надъ Атлантическимъ океаномъ. Одна изъ головъ этого гордаго пернатого украшена большою императорскою короною Мексики, а другая покрыта простою шляпою. Но одна изъ колоссальныхъ лапъ орла протягивается къ берегу, чтобы захватить корону Бразиліи, усыпанную алмазами и другими драгоценными камнями. Подъ этимъ рисункомъ написано: «Ein deutscher Zugvogel, der nach America auswandert», что по-русски означаетъ: нѣмецкая птица, улетающая въ Америку.

— Въ чемъ же заключается смыслъ этой загадки?

— Felix Austria nube, счастлива Австрія въ облакахъ. Говорятъ, что затѣвается бракосочетаніе эрцгерцога Виктора, брата Франца Юсифа австрійскаго и Максимилиана мексиканскаго, съ наследницею Бразиліи. Увѣряютъ, что императрица Софья взволнована и даже смущена открывающеюся передъ ней перспективою быть матерью трехъ императоровъ, въ одно и то же время царствующихъ надъ тремя огромными державами, — участь, которой до сихъ поръ, быть можетъ, не удостоивалась ни одна женщина въ мірѣ. Говорятъ также, что переговоры объ этомъ бракѣ значительно подвинулись впередъ, но что самый бракъ еще не заключенъ, потому что и въ Вѣнѣ, и въ Рио-Жанейрѣ хотятъ напередъ знать, какой исходъ будетъ имѣть опасная экспедиція, предпринятая въ Мексику. Такая предосторожность намъ кажется естественною.

Соединенные Штаты находятся теперь въ полномъ пароксизмѣ избирательной лихорадки. Воздухъ оглашается разными именами, криками и выдумками, и изъ этого сумбура телеграфу предоставляется выбирать для себя все, что ему вздумается. Народный голосъ произнесетъ свой приговоръ только 5 ноября. До тѣхъ поръ всякій распространитель ложныхъ извѣстій можетъ дать полный просторъ своему воображенію. Онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, увѣрять, что

президентъ Линкольнъ памѣренъ умолять о мирѣ начальника рабовладѣльцевъ, запертаго въ Ричмондѣ; онъ можетъ также утверждать, что въ западныхъ штатахъ земледѣльцы, утомленные войною, требуютъ ея окончанія даже цѣною національной чести. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, предшествующихъ выбору президента, распространяются всякаго рода клеветы, и мы можемъ надѣяться встрѣтить ихъ во всѣхъ депешахъ, во всѣхъ оффиціозныхъ корреспонденціяхъ.

Избранъ ли Макъ-Клелланъ въ кандидаты демократической партіи народнымъ собраніемъ въ Чикаго? Телеграфъ насъ объ этомъ еще не извѣщалъ. *Молодой Наполеонъ* въ одно и то же время представляется и человѣкомъ мира, и генераломъ арміи, который лучше плотника Линкольна сѣумѣетъ продолжать войну. Его дыханіе въ одно и то же время и холодно, и горячо, какъ у сатира, въ баснѣ, и онъ изъ благоразумной предосторожности хранитъ молчаніе. Во всякомъ случаѣ, ему не безъизвѣстно, что миръ въ настоящее время совершенно невозможенъ. Онъ знаетъ, что мятежники отвергнуть всякое предложеніе не только о мирѣ, но даже о перемиріи, если имъ въ то же время не возвратятъ западную Виргинію, Кентукки, Теннесси, Миссури, Арканзасъ, нижнее теченіе Миссиссипи, берега Каролинъ, Пенсаколу, Новый Орлеанъ, Броунсвилль, потому что безъ этихъ земель и городовъ они не могутъ существовать. Но можно ли хотя одну минуту думать, что Макъ-Клелланъ, еслибъ его избрали въ президенты американской республики, рѣшился бы въ самомъ началѣ своего правленія уступить рабовладѣльцамъ завоеванія, купленные столь дорогою цѣною въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ? Итакъ ему оставалось бы только продолжать войну, продолжать ее неумоимо до окончательнаго покоренія возмущившихся штатовъ. Но въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой причины его избрать. Линкольнъ уже довершаетъ дѣло, которое бы постарался довершить его соперникъ. Притомъ онъ нисколько не угрожаетъ американской свободѣ, существованіе которой Молодой Наполеонъ, наследникъ шотландскаго перства, быть можетъ, подвергнулъ бы опасности. Впрочемъ, вѣроятно, Линкольнъ будетъ имѣть на своей сторонѣ около двухъ третей всѣхъ голосовъ. Онъ самъ говорилъ, что «лошадей должно мѣнять не во время самого бѣга».

Такъ какъ исходъ выборовъ въ значительной степени зависитъ отъ результата походовъ, предпринятыхъ въ Виргинію и Георгію, то въ настоящую минуту солдаты Уніи весьма кстати подвигаются впередъ на непріятельской территоріи. Грантъ одержалъ цѣлый рядъ

побѣдъ на сѣверѣ отъ рѣки Джемса, въ Дипботтомѣ, въ Дѣтшъ-Геппѣ: на югѣ Питерсбурга онъ послѣ кроваваго сраженія овладѣлъ желѣзною дорогою Вельдона, посредствомъ которой Виргинія сообщается съ сѣвѣрною Каролиною, а теперь его кавалерія съ успѣхомъ дѣйствуетъ на желѣзной дорогѣ Данвилля, соединяющей Ричмондъ со всѣми штатами юга. Если Грентъ окончательно уничтожить эту дорогу, то Ричмондъ со всѣхъ сторонъ окруженъ будетъ владѣніями Уніи. Уже теперь этотъ городъ можетъ считаться обложеннымъ, и рано или поздно онъ долженъ будетъ пасть въ силу самыхъ обстоятельствъ. Въ Георгіи, Шерманъ съ такимъ же успѣхомъ совершилъ подобную же операцію, какъ и Грентъ: онъ овладѣлъ желѣзною дорогою Месона, которая позволяла гарнизону Атланты получать сѣбѣстные припасы и подкрѣпленія изъ внутреннихъ частей этого штата. Наконецъ адмиралъ Фаррагутъ въ одинъ прекрасный день геройски занялъ бухту Мобила.

Этотъ великій успѣхъ федеральнаго флота не уступаетъ, по важности своей, побѣдѣ, одержанной на Миссиссиппскихъ водахъ соединенными эскадрами Портера и Фаррагута. Овладѣвъ лиманомъ, въ который втекаетъ рѣка Мобиль, адмиралъ Уніи заперъ главные выходы, откуда конфедерація отпускала свой хлопокъ и гдѣ она принимала военные припасы. Онъ конфисковалъ или разрушилъ суда флотиліи, которая мало по малу могла сдѣлаться весьма опасною. Онъ освободилъ свою собственную эскадру отъ утомительной блокадной службы, и теперь можетъ пятнадцатью судами увеличить флотъ, дѣйствующій передъ Чарльстономъ и Вильмингтономъ. Наконецъ, онъ далъ возможность сухопутной арміи идти на Мобиль и принудилъ Джефферсона Девиса уменьшить гарнизоны Ричмонда и Атланты, съ тѣмъ, чтобы доставить помощь угрожаемому городу. Впрочемъ, завоевана не одна бухта: два форта изъ трехъ, защищавшихъ два входа въ заливъ, также подпали власти уніонистовъ, а третій фортъ, совершенно уединенный, не можетъ долго держаться и долженъ въ свою очередь сдѣлаться федеральною цитаделью.

Однакожъ, прочтите лондонскій Таймсъ. Онъ вамъ скажетъ, что эти факты гораздо менѣе важны, чѣмъ клевета, сочиненная въ какомъ нибудь кабинетѣ пасторами и капиталистами.

Жанъ Лоренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Почему русскому лѣтописцу трудно быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ. — Доказательство нашей безтолковщины посредствомъ статистическихъ данныхъ. — Случайный характеръ дѣятельности русскаго человѣка. — Смертные случаи отъ пьянства и, какъ утверждаютъ наши статистики, отъ меланхоліи. — Особенности смертныхъ случаевъ, упоминаемыхъ въ официальныхъ отчетахъ. — Семейныя драмы. — Пожары. — Увеличеніе числа ихъ со времени расширенія дѣятельности Страховыхъ отъ огня Обществъ. — Неудовлетворительная организація этихъ обществъ.

Кетле, посвятившій всю свою жизнь на собраніе и приведеніе въ порядокъ статистическихъ данныхъ въ различныхъ странахъ, еще въ тридцатыхъ годахъ доказательно высказалъ то положеніе, что всѣ дѣйствія человѣческія суть слѣдствія общихъ причинъ, порождающихъ извѣстныя послѣдствія помимо воли отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ общество. Рядомъ доказательствъ, извлеченныхъ изъ массы статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ въ разныхъ странахъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ цивилизаціи, имѣющихъ различныя законы, различный образъ мыслей, различныя понятія о нравственности и обычай, онъ доказалъ, что преступленія человѣка суть результаты не столько пороковъ отдѣльнаго лица, сколько ненормальнаго состоянія общества, въ которомъ живетъ преступникъ. «Опытъ съ совершенною ясностію, — говоритъ онъ, — подтверждаетъ то мнѣніе, которое съ перваго взгляда могло бы показаться пара-

доксомъ: общество подготавливаетъ преступленіе, а преступникъ есть только орудіе его совершенія». Изъ всѣхъ преступленій убійство самое, по видимому, произвольное и неправильное, такъ что въ этомъ случаѣ трудно отыскать какой нибудь постоянный законъ, но опытъ показываетъ, что цифры убійствъ въ различныхъ государствахъ повторяются съ такимъ постоянствомъ и правильностью, что не только число убійствъ ежегодно почти одно и то же, но и орудія, служащія къ ихъ совершенію, являются изъ одной и той же среды... Все это очевиднымъ образомъ убѣждаетъ въ справедливости той мысли, что всѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ суть продуктъ всего состоянія общества въ данный періодъ.

Это положеніе, служащее основаніемъ исторіи, впоследствии повторилъ Бекль, который рядомъ статистическихъ данныхъ доказалъ, что даже самыя прихотливыя человѣческія дѣйствія, по видимому исключительно зависящія отъ личнаго произвола человѣка, какъ напр. самоубійство, также подчиняются одному общественному закону человѣческаго развитія. Въ этомъ случаѣ общій законъ тотъ, что при данномъ состояніи общества, известное число лицъ должно непременно наложить на себя руку. Въ различныхъ странахъ изъ году въ годъ мы встрѣчаемъ одну и ту же пропорцію лицъ, лишающихъ себя жизни, такъ что можемъ почти вѣрно предсказать число произвольныхъ смертей на каждый будущій періодъ, предполагая при этомъ, что въ общественныхъ условіяхъ не произойдетъ значительной перемѣны. Вотъ почему всѣ усилія законодателей, думавшихъ своими мѣрами уменьшить число самоубійствъ, оказывались постоянно несостоятельными; такъ осталось безплоднымъ вмѣшательство англійскаго правительства въ Бенаресѣ—воспрепятствовать топиться въ рѣкѣ; а въ сажой Англии усилія правительства парализируются присяжными, которые, не колеблясь, нарушаютъ присягу, объявляя виновнаго на самоубійство невиннымъ.

Не только преступленія поражаютъ правильностью своего повторенія, говоритъ Бекль; даже число браковъ, ежегодно совершающихся опредѣляется не характеромъ и желаніями частныхъ лицъ, а общими фактами, надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Опытномъ послѣдняго столѣтія доказано, что число браковъ не имѣетъ никакого отношенія къ лучшимъ чувствамъ, а опредѣляется уровнемъ заработной платы и цѣною на съѣстные припасы. Даже такой случай, какъ забывчивость, отличается общими

характеромъ необходимаго и неизмѣннаго порядка. Парижскій и Лондонскій почтамты обнародовали свои отчеты за нѣсколько лѣтъ о числѣ писемъ, на которыхъ писавшіе забыли выставить свой адресъ: число этихъ писемъ почти одно и то же ежегодно. Такимъ образомъ ежегодно одно и то же число лицъ забываетъ эту простую формальность, такъ что за каждый извѣстный періодъ можно предсказать приблизительно, у сколькихъ человекъ не доставеть памяти въ этомъ пустомъ и по видимому случайномъ обстоятельствѣ.

Такимъ образомъ, если сумма всѣхъ человѣческихъ дѣйствій есть продуктъ состоянія общества въ данной періодъ, то, зная извѣстнымъ образомъ опредѣлившееся общественное состояніе, можно предсказать всѣ тѣ частные случаи человѣческой дѣятельности, которые необходимо должны быть вызваны на свѣтъ этимъ общественнымъ состояніемъ. Кетле говоритъ, что ежегодно мы находимъ почти то же самое число убійствъ, самоубійствъ и проч. не только въ общихъ цифрахъ, но по поламъ, возрастамъ, даже по орудіямъ преступленія. Цифры одного года до того вѣрно воспроизводятъ цифры предыдущаго, что можно предсказать цифры послѣдующаго.

Отсюда съ перваго взгляда современному лѣтописцу, которому не должны быть чужды факты изъ современной жизни русскаго человека, предстоитъ пріятная возможность сдѣлаться пророкомъ въ своемъ любезномъ отечествѣ. Зная напр., что въ настоящемъ году столько-то воровъ и грабителей было сослано въ Сибирь, современный лѣтописецъ можетъ предсказать, что и въ будущемъ году то же самое число воровъ и грабителей будетъ сослано въ Сибирь... Словомъ, принявши основное положеніе Кетле и Бекля, что всѣ факты человѣческой дѣятельности суть необходимые продукты состоянія общества въ данный періодъ, современный русскій лѣтописецъ можетъ изучать факты изъ современной русской жизни и, на основаніи ихъ, предсказывать будущее и пророчествовать, сколько душъ угодно.

Но эта возможность для русскаго лѣтописца быть пророкомъ въ своемъ любезномъ отечествѣ представляется возможностью только съ перваго взгляда. Не говоря уже о томъ, что роль пророка вообще роль рискованная и нелишенная многихъ непріятностей, дѣло въ томъ, что тѣ статистическія данныя, на основаніи которыхъ предстоитъ возможность предсказывать будущее русскаго человека, большею частію такого свойства, что изъ нихъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ и соображеній. Въ этомъ отношеніи наши статис-

тики изолгались самымъ не позволительнымъ образомъ и не только сочиняють и перевирають цифры, но даже иногда сочиняють чуть не цѣлые города. Недавно какой-то Александръ Петровъ, живущій въ Рѣжицѣ, городѣ витебской губерніи, жаловался, что въ памятной книжкѣ витебской губерніи, изданной статистическимъ комитетомъ, сказано, что въ Рѣжицѣ двѣ православныя церкви, между тѣмъ какъ тамъ существуетъ только одна; сказано, что церковь окружена бульваромъ, тогда какъ никакого бульвара нѣтъ во всемъ городѣ; лавки и присутственныя мѣста показаны въ такомъ мѣстѣ, въ какомъ они никогда не существовали; сказано, что въ городѣ есть публичный садъ, котораго въ немъ также никогда не было и проч. Прошу покорно вѣрить подобнымъ статистикамъ и, на основаніи сообщаемыхъ ими свѣденій дѣлать серьезно какія-бы то ни было соображенія...

Остается руководствоваться одними официальными данными и цифрами, которыя отъ времени до времени печатаются въ «Сѣверной Почтѣ» для всеобщаго свѣденія. Разсматривая цифры смертности, браковъ, убійствъ, грабежей и проч., вы вовсе не замѣчаете той правильности и послѣдовательности, которыя указывали бы на то, что появленіе и характеръ этихъ фактовъ обусловливаются постоянными и правильными причинами. Тутъ, напротивъ, все выходитъ какъ-то случайно, а слѣдовательно и самыя причины, вызывающія факты подобнаго характера, также случайны. Несомнѣнно, что съ одной стороны этотъ случайный характеръ нашей дѣятельности обусловливается низкимъ уровнемъ общаго развитія русскаго народа, вслѣдствіе чего онъ болѣе подвергается влиянію всякаго рода случайностей, чѣмъ народы сравнительно болѣе образованные. «Изъ отличительныхъ чертъ прогрессивнаго экономическаго движенія образованныхъ народовъ», говоритъ Милль, «прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, по связи съ явленіями производства, постоянное и безграничное возрастаніе власти человѣка надъ природою. Наши познанія о свойствахъ естественныхъ предметовъ возрастаютъ быстрѣе и заразъ въ большемъ числѣ теперь направленій, чѣмъ въ какую либо предшествующую эпоху, и постоянно открываются просвѣты на невоздѣланныя еще поля, такъ что если гнетъ случайностей еще и силенъ, то онъ уменьшается съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ. А это уменьшеніе случайностей, помимо другихъ серьезныхъ послѣдствій, есть

одна изъ главнѣйшихъ причинъ улучшенія въ физическихъ условіяхъ жизни человѣка».

— Все это, взятое вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, даетъ особенный складъ жизни русскаго человѣка и особенный характеръ его дѣятельности. И какъ у насъ ни бѣденъ запасъ статистическихъ данныхъ, характеризующихъ эту жизнь и эти дѣянья, тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого права обходить ихъ величественнымъ молчаніемъ, потому что въ нихъ все-таки болѣе или менѣе обрисовывается жизнь русскаго человѣка.

Особенная безтолковость замѣчается въ тѣхъ крайнихъ выходахъ, къ которымъ прибѣгаетъ русскій человѣкъ, когда ему жизнь насолить не въ мѣру. Живетъ онъ въ-проголодь десятки лѣтъ, и вдругъ порѣшается съ собой, по видимому, безъ всякой достаточной причины. И отправляетъ онъ себя на тотъ свѣтъ какъ-то особенно просто, безъ всякой рисовки и той тонкой романтической борьбы, какую ухитряются при этомъ непременно находить наши отечественные романтики. Только изрѣдка какойнибудь грамотный оставитъ записку, что ему сдѣлался постылымъ бѣлый свѣтъ, и онъ рѣшился *умертвить себя чрезъ мокрую могилу* т. е. утопиться; а то болѣею частію просто безъ всякихъ разговоровъ сплететъ себѣ петлю изъ собственной пеньки и повѣсится, или подрѣжетъ себѣ жилы на горлѣ *ножемъ, сдѣланнымъ изъ серпа*. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ самоубійства поражаютъ васъ почти геройскимъ хладнокровіемъ. Такъ въ Подтавѣ 29 февраля зарѣзался Гавріилъ Мещеряковъ. «По дознанію оказалось, что Мещеряковъ въ три часа по-полудни, послѣ обѣда, пошелъ въ свою комнату, а жена его, въ ожиданіи приглашенныхъ на вечеръ гостей, легла отдохнуть. Когда гости пріѣхали, то квартировавшій у Мещерякова чиновникъ, Сидоренко, хотѣлъ пройти въ свою комнату, общую съ Мещеряковымъ; но нашелъ дверь въ нее запертою на крючокъ. Выйдя же на дворъ, онъ увидѣлъ въ окно, что Мещеряковъ рѣзалъ бритвою по горлу и кровь лилась ручьемъ, тогда Сидоренко сталъ кричать, чтобъ Мещеряковъ отворилъ дверь. Дверь ему отворилъ самъ Мещеряковъ, но тутъ же, подойдя къ кровати, схватилъ бритву, съ особенною силою рѣзнулъ себя по шеѣ и повалился на полъ». Этотъ медленный мучительный процессъ самоубійства поражаетъ своимъ тупымъ геройствомъ, свойственнымъ нашимъ Муціямъ Спеволамъ.

По обнародованнымъ «Сѣверною Почтою» свѣденіямъ, всѣхъ слу-

чаевъ самоубійства въ сорока восьми губерніяхъ за два мѣсяца (февраль и мартъ) было 184; слѣдовательно въ теченіи цѣлаго года 1104 или по 23 случая самоубійства на каждую губернію. Цифра самоубійствъ относится къ общей цифрѣ ненормальныхъ смертныхъ случаевъ отъ убійства, побоевъ, пьянства и проч., какъ 5 къ 100. Послѣднихъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ было всего: 1991; въ томъ числѣ женщинъ: 261, дѣтей 273; остальные $\frac{3}{4}$ всѣхъ смертныхъ случаевъ выпали на долю взрослыхъ мужчинъ.

Высказанное нами прежде положеніе, что жизнь русскаго человѣка сравнительно болѣе подвергается вліянію самыхъ нелѣпныхъ случайностей, оправдывается совершенно при разсматриваніи отдѣльно смертныхъ случаевъ по губерніямъ. Отыскать правильную зависимость этихъ смертныхъ случаевъ отъ вліянія постоянного общаго закона положительно невозможно; невозможно даже сдѣлать классификаціи этихъ случаевъ по родамъ смерти. Каждый умираетъ по своему, самостоятельно, оригинально, умираетъ отъ какой нибудь нелѣпѣйшей случайности. То упадетъ съ воза и убьется до смерти, то дереву упадетъ, земля обвалится и задушитъ, то на какомъ нибудь завод-колесомъ голову свернетъ или на винокурни упадетъ въ заторный чанъ и тамъ задохнется. Въ баню пойдетъ и угорать до смерти, въ печь попариться полѣзетъ и запарится до смерти, черезъ ледъ вздумаетъ пройти и въ прорубь попадетъ. Въ харьковской губерніи напр., одна дѣвочка *была съедена свиньями*; тотъ же случай повторился близъ Петербурга, въ окрестностяхъ Гатчины. Въ могилевской — крестьянка умерла, проглотивши блинъ, въ Керчь-Еникальскій крестьянинъ Константинъ Волошинъ во время обѣда *удавился кускомъ вареной говядины* и умеръ; вынутый кусокъ говядины былъ *въ два дюйма длины и ширины...* А въ городѣ Мглинѣ, черниговской губерніи, мѣщанинъ въ пьяномъ видѣ, идя по улицѣ, *упалъ лицомъ въ лужу и, не имѣвши силъ встать, утонулъ.*

Вообще отъ пьянства, или «отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ», какъ выражаются официальные отчеты, умираетъ самый значительный процентъ. Всего въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, умерло отъ пьянства 491, т. е. на сто случаевъ ненормальной смерти умираетъ отъ пьянства 14. Процентъ слишкомъ громадный, но онъ будетъ понятенъ, если при этомъ мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что какъ прежде официальные изслѣдователи причинъ смертнаго случая, — какъ скоро таковое изслѣдованіе не представляло

особеннаго интереса, было невыгодно, неудобно, или просто надо было *замять дѣло*—охотнѣ всего объясняли смертный случай апоплексическимъ ударомъ и предписывали предать тѣло землѣ по христіанскому обряду; такъ точно теперь всѣ подобные смертные случаи весьма удобно сваливаются на дешевку. Умеръ, дескать, отъ пьянства, а потому предать тѣло землѣ по христіанскому обычаю. По крайней мѣрѣ въ послѣднихъ отчетахъ мы встрѣчаемъ множество подобныхъ смертныхъ случаевъ, неудовлетворительно объясняемыхъ пьянствомъ и заставляющихъ предполагать иныя, болѣе достаточныя причины. Такъ между прочимъ въ отчетѣ о замѣчательныхъ случаяхъ въ пермской губерніи, мы находимъ записаннымъ слѣдующій странный казусъ:

«Въ городѣ Кунгурѣ, мѣщанинъ Василій Шерстневъ, являсь *въ нетрезвомъ видѣ* (sic) во 2-ю полицейскую часть, *по неимѣнію при себѣ теплой одежды* (?), просилъ позволенія проспать въ арестантской камерѣ, гдѣ онъ удавился на привязанной имъ за полатный брусъ веревкѣ. Наблюденія ночью за Шерстневымъ не было,» прибавляетъ въ видѣ извиненія подобнаго казуса мѣстная полиція, «такъ какъ онъ не былъ арестованъ, а искалъ только себѣ ночлега». (Сѣв. Почта № 172).

Случай чрезвычайно странный. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ обстоятельствѣ, что на Руси, богатой и обильной, пашелся такой голый бѣднякъ, который, не имѣя ночлега, попросилъ погрѣться во 2-ю кунгурскую полицейскую часть. Но страннымъ кажется то, что человекъ, рѣшившійся на самоубійство, захотѣлъ вдругъ погрѣться во 2-й полицейской части и тамъ рѣшился повѣситься, тогда какъ онъ имѣлъ для этого тысячи болѣе удобныхъ мѣстъ; между тѣмъ какъ въ арестантской камерѣ, хотя за нимъ и не надзирали, но легко могли хоть случайно надзирать и помѣшать удавиться?..

Подобныхъ неудовлетворительныхъ объясненій смертныхъ случаевъ пьянствомъ множество, и уже одно это должно сократить процентъ умершихъ отъ пьянства болѣе чѣмъ на половину. Такъ напр., въ камышовскомъ уѣздѣ, жена крестьянина, въ отсутствіи домашнихъ, заперлась въ содержимой мужемъ ея питейной лавочкѣ, зажгла имущество мужа, выпустила изъ боченка вино, а сама удавилась на сплетенной изъ нитокъ петлѣ. *Причину самоубійства относятъ къ пьянству.* Почему жъ пьянству? За чѣмъ поэтому жечь имущество мужа и выливать вино? За чѣмъ вѣшаться, когда было гораздо

проще и совершенно въ характерѣ пьяницы выпить вино, а не разливаетъ его? Тутъ ужъ выходитъ нѣчто слишкомъ геройское для пьяницы...

Умираетъ отъ пьянства, разумѣется, больше всего мужчинъ, но умираютъ отъ этого грѣха и женщины. Умираютъ мужики, умираютъ отъ пьянства и лица привилегированныхъ сословій, и всѣ эти лица названы въ отчетахъ даже по званію, имени, отчеству и фамиліи, тогда какъ о мужикахъ просто, глухо заявляется: умерло отъ пьянства столько-то. Въ спискѣ умершихъ отъ пьянства есть имена чиновниковъ, нѣсколько капитановъ, и даже два или три полковника. Есть въ этомъ числѣ и барышни: такъ въ Перми умерла отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ дьяконская дочь, дѣвица Евпраксія Шилова; а въ Вологодской губерніи умеръ отъ пьянства «*іеромонахъ Діонисіо-мушицкаго монастыря Аристоклій*». (Съв. Почта № 190).

Случаевъ насильственной смерти въ теченіи двухъ мѣсяцевъ было всего: 233. Въ этомъ числѣ самый значительный процентъ выпалъ на долю дѣтей, убитыхъ своими матерями. Нѣтъ ни одной губерніи, въ которой бы не было нѣсколькихъ случаевъ дѣтоубійства, совершенныхъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Въ отчетахъ на каждомъ шагу попадаются подобнаго рода извѣстія:

«Въ виленской губерніи солдатская вдова, Гаевская, родила младенца женскаго пола и зарыла его въ землю живаго (!), а рѣшицкаго уѣзда крестьянская дѣвица, родивъ младенца, умышленно раздавила ему голову.

«Во Владимірѣ въ Рождественскомъ валу найденъ мертвымъ младенецъ съ расшибленнымъ черепомъ, разорваннымъ ртомъ и по локоть оторванною лѣвою рукою; внутренность живота выглевана и растаскана птицей.

«Въ волынской губерніи найдено пять мервыхъ тѣлъ дѣтей; изъ которыхъ одно найдено съ разбитымъ черепомъ и разодранною щекою, другое съ придушеннымъ тряпкою ртомъ, третье съ разбитою головою и съ объѣденными собаками ногою, обѣими руками и брюхомъ; четвертое отнято отъ собакъ, а пятое найдено въ навозѣ...»

При описаніи подобныхъ случаевъ почти всегда прибавляется, что мать рѣшилась задушить своего ребенка, закопать въ навозъ живымъ или бросить на съѣденіе собакамъ изъ чувствъ страха и стыда. Но помимо этого страха и стыда, въ этомъ случаѣ конечно ру-

ководили несчастной матерью и другія соображенія—крайнее неудобство для женщины незамужней быть матерью, невозможность прокормить себя вмѣстѣ съ ребенкомъ, доставить себѣ хоть какое нѣбуть мѣсто въ такъ называемыхъ порядочныхъ домахъ. Этимъ же объясняется и слишкомъ значительная цифра подкидышей: въ одной напр. тверской губерніи, въ теченіи одного мѣсяца было подкинуто болѣе 40 младенцевъ. Всего въ теченіи двухъ мѣсяцевъ было брошено матерями младенцевъ въ церквахъ, сараяхъ, конюшняхъ и проч. 233.

Причину многихъ убійствъ составляютъ семейные раздоры, ревность, вражда между мужемъ и женой, которая разрѣшается часто самымъ трагическимъ образомъ. Менѣе рѣшительные не прибѣгаютъ къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ убійство, а подвергаютъ своихъ постылыхъ женъ самымъ жестокимъ испытаніямъ и увѣчьямъ: зазоветь жену въ баню и тамъ ошиарить кипяткомъ, обольеть ей лицо купороснымъ масломъ, или постоянными цингами да попреками довести несчастную до того, что она сама наложитъ на себя руки. А статистическіе отчеты и объявляютъ потомъ, что такая-то крестьянка *«повѣсилась въ припадкѣ меланхоліи»*. Такъ мы читаемъ въ отчетѣ, что *«дочь государственнаго крестьянина, находящаяся въ замужествѣ, на сырной недѣлѣ пріѣхала съ своимъ мужемъ къ роднымъ проститься по обряду, а послѣ отъѣзда мужа домой, оставшись у отца, утромъ ушла тайно изъ избы въ конюшню, гдѣ перѣзала себѣ горло ножомъ, сдѣланнымъ изъ косы. По дознанію оказалось, что она со дня бракосочетанія своего постоянно скучала, а рѣшилась на самоубійство въ припадкѣ меланхоліи...»*

И множество семейныхъ драмъ разыгрывается въ жизни крестьянина по поводу неудавшагося супружества, семейнаго раздора и проч. Большинство этихъ драмъ было подготовлено тѣми нелѣпыми условіями крѣпостнаго быта, которыя спутывали и уродовали самыя простыя и естественныя отношенія крестьянскаго быта. Результаты подобныхъ условій очевидны и до сихъ поръ даютъ себя тяжело чувствовать крестьянину въ его домашней жизни. Множество домашнихъ драмъ разыгрывается по этому поводу, и почти всегда роль жертвы выпадаетъ на долю женщины. Развѣ иногда ужъ очень не въ терпѣжь станетъ бѣдной женщинѣ переносить постоянныя оскорбленія и побои, и она разомъ захочетъ отмстить своему постылому мучителю. Такъ между прочимъ въ отчетѣ находится свѣденіе, что крестья-

янинъ Трофимъ Ивановъ, отправившись сушить принадлежащій ему овинъ, для сушки уложилъ приготовленную имъ солому около ямы. Жена его зажгла эту солому съ тою цѣлью, чтобы сгорѣлъ ея мужъ. «Преступленіе это она сдѣлала *по молодости*», пренаивно прибавлено въ отчетѣ.

Нѣкоторые изъ подобныхъ случаевъ поражаютъ своею хладнокровною жестокостію. Такъ напр. въ курской губерніи найдена была жертвою, съ признаками насильственной смерти, жена рекрута, Воскобойникова, 25 лѣтъ. При дознаніи мужъ убитой сознался, что, замѣтивъ ее въ блудной связи съ дворяниномъ З, онъ вывелъ ее за слободу и билъ плетью, и когда она ослабѣла, то, взявъ салазки въ одномъ изъ ближайшихъ дворовъ, положилъ на нихъ еще живую жену и повезъ въ квартиру, но замѣтивъ, что она уже умерла, оставилъ ее на дорогѣ...

Подобный же случай возмутительной жестокости былъ недавно, и не въ полѣ, за глухою деревенькою совершился судъ, а въ уѣздномъ городѣ Ш. петербургской губерніи. Случай этотъ разсказанъ въ Сѣв. Почтѣ. Героемъ является и мужикъ, и образованный дворянинъ, и засѣдатель уѣднаго суда Б. Жена его нѣсколько разъ жаловалась исправнику, что мужъ постоянно бьетъ ее и дѣтей. Исправникъ, очевидно, ничего не нашелся сказать противъ этого кромѣ того, что мужъ дескать глава жены, которой она и обязана побаиваться. Однажды 5 марта Б. позвалъ къ себѣ жену для примиренія, и когда она подошла къ кровати, онъ обнялъ ее одною рукою, а другою доставши ремень, надѣлъ ей на шею и сталъ давить, придерживая въ то же время дверь спальни ногою. На крикъ несчастной женщины прибѣжалъ домовладѣлецъ и спасъ ее отъ неминуемой смерти. «При произведенномъ дознаніи, самъ Б. никакого отвѣта не далъ, *ругалъ надзирателя, дворянскаго засѣдателя и понятыхъ, и вымалъ ихъ изъ квартиры*. Домовладѣлецъ же показалъ, что, услышавши крикъ въ комнатѣ Б., немедленно отправился туда и, вошедши, увидѣлъ самого Б. стоящимъ близъ дверей, а жену его окровавленную. *Для охраненія личности Б. отъ нѣястна (!?) въ квартиру его поставлены полицейскіе служители*. Въ приведенномъ нами выше случаѣ, жестокость крестьянина по крайней мѣрѣ хоть понятна: человекъ ослѣпленъ ревностію, мыслию, что жена его находится въ любовной связи съ дворяниномъ; а варварская жестокость засѣдателя ш. уѣднаго суда просто непонятна»

А сколько подобныхъ сценъ совершается въ тихомолку, гдѣ нибудь далеко, въ такихъ уголкахъ, куда даже не проникаетъ бдительное око полиціи, а если и проникаетъ, то вся ея забота ограничивается только огражденіемъ личности преступника отъ пьянства...

Причиною многихъ преступленій и даже убійствъ служить также любовь. Приводимъ два случая:

1) Въ Липецкѣ отставной подпоручикъ Орловъ выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ родственницу свою, дѣвицу Аполлинарію Соколову, которая черезъ четыре дня и умерла. Пронзеденнымъ дознаніемъ открыто, что Орловъ и Соколовъ были влюблены другъ въ друга, но не имѣя возможности вслѣдствіе родственныхъ связей вступить въ бракъ, Соколова сама просила Орлова лишить ее жизни, что онъ въ отчаяніи и исполнилъ.

2) Рядовой Никифоръ Жуковъ, имѣвшій любовную связь съ проживающею въ одной съ нимъ квартирѣ Сычковой, возвратился домой въ пьяномъ видѣ, и когда недовольная имъ Сычкова начала просить хозяйку квартиры отказать Жукову въ квартирѣ, то послѣдній упрямивалъ Сычкову помириться и еще пожить съ нимъ, но когда Сычкова не согласилась на это и рѣшительно сказала Жукову: «Ты мнѣ не нуженъ, и поди, куда хочешь», то Жуковъ поклонился ей въ ноги и упросилъ ее такимъ образомъ проститься съ нимъ; для этого сѣлъ возлѣ Сычковой на лавку, обнялъ ее и уговаривая поцѣловаться, *вдругъ вмѣсто поцѣлуя откусилъ ей конецъ носа...*

За всѣмъ этимъ самое незначительное число убійствъ совершено было съ цѣлю грабежа. Не смотря на то, что общая цифра кражъ и грабежей доходить до громадныхъ размѣровъ, въ большинствѣ случаевъ грабители дѣйствовали очень миролюбиво и прибѣгали къ насилію только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Были случаи грабежей, когда грабители дѣйствовали очень откровенно, составляли организованныя партіи подъ начальствомъ оффиціального предводителя. Такъ въ г. Фатежѣ квартирующие нижніе чины резервнаго эскадрона драгунскаго полка болѣе 10 человекъ, *подъ командою (!) вахмистра Дементьева*, напавъ на чиновниковъ, ограбили у нихъ все верхнее платье, часы и денегъ 2000 руб. сер.

А нѣкоторые случаи кражъ просто поразительны своею ловкостію и даже остроуміемъ. Такъ напр. въ оренбургской губерніи *украденъ въ церкви колоколъ (?), весомъ одиннадцатъ пудовъ, 8 фунтовъ*. Какъ преступники, такъ и самый колоколъ не были отысканы.

Какъ мы уже выше замѣтили, всѣ эти многочисленные случаи кражъ и грабежей болѣею частію имѣли довольно миролюбивый исходъ, рѣдко сопровождались насиліемъ и жестокостями, а случаевъ убійствъ съ цѣлью грабежа представлено въ отчетѣ только два. Около Нижняго Новгорода крестьянинъ ѣхалъ съ своей дочерью, въ лѣсу, на него напали неизвѣстные люди, стали требовать денегъ, и получивши отвѣтъ, что онъ денегъ не имѣетъ, «вытащили его изъ сапей и забили до смерти, нанесли побой его дочери, потомъ сняли съ нихъ всю одежду, оставивъ на дочери одну рубаху и балахонъ, привязали ее веревкою къ трупу отца и на лошади ихъ скрылись...» Въ трокскомъ уѣздѣ 12 неизвѣстныхъ лицъ, напавъ на застѣнокъ Одынцово, изнасиловали 16-тилтнюю дѣвушку, жгли раскаленнымъ желѣзомъ хозяина дома и его жену, вынуждая сознаться, гдѣ хранятся деньги и, забравши слишкомъ 200 руб. и нагрузивши цѣлый возъ вещей, ушли...»

На этомъ пока мы можемъ остановиться. Картина, составленная нами по официальнымъ свѣдѣніямъ, далеко не привлекательнаго свойства. Эти свѣдѣнія убѣждаютъ насъ, что безтолковщина нашей жизни, соединенная съ экономическими неудобствами, порождаетъ такія явленія, которыя ни подъ какия мѣрки здраваго смысла нельзя подвести. И умираетъ русскій человѣкъ отъ этой бѣдности и безтолковщины. Привилегированные классы жалуются на общее безденежье, упадокъ кредита: почти каждый день приходится читать въ газетахъ о банкротствахъ, отъ которыхъ ловкіе практики отдѣлываются только разными мошенническими сдѣлками. По единодушнымъ отзывамъ корреспондентовъ нижегородской ярмарки, торговля сдѣлалась какииъ-то организованнымъ плутовствомъ. Помѣщики жалуются на невозможность вести хозяйство по причинѣ страшной дороговизны рабочихъ рукъ: а рабочіе мрутъ съ голоду отъ низкаго уровня заработной платы. Разверните любой номеръ губернскихъ вѣдомостей, и вы непременно найдете нѣсколько подобныхъ нерадостныхъ разсказцевъ, что вотъ дескать жилъ такой-то человѣкъ, жилъ правда очень бѣдно, да потомъ въ одно прекрасное утро взялъ, да и повѣсился. И за чѣмъ вѣшаться? Вѣшаться грѣшно: вѣрно человѣкъ въ припадкѣ меланхоліи находился...

На эту меланхолію охотнѣе всего сваливаютъ всѣ случаи самоубійствъ, какъ официальные отчеты, такъ и официальные сочинители. Такъ въ Орловскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ пишутъ, что

въ г. Орлѣ застрѣлился столопочальникъ орловской гражданской палаты, Мальчуковскій. Весь день предъ этимъ онъ былъ очень скученъ, и когда служанка попросила у него на погулку хлѣба денегъ, онъ послѣ долгихъ поисковъ далъ ей 3 коп., и она отправилась въ лавку, а когда возвратилась, то увидѣла Мальчуковскаго на полу, посреди комнаты, въ крови; подлѣ него лежалъ штуцеръ, которымъ онъ застрѣлился. На стулѣ, у ногъ трупa найдена записка такого содержанія: *«изъ палаты вымали. родные меня бросили, болеть, денегъ нѣтъ, служить не могу, просить милостыни стыдно: вотъ причина моей смерти.»* Такимъ образомъ причина, побудившая Мальчуковскаго на самоубійство, совершенно ясна: нищета, *«служить не могу»*; но слѣдственная комиссія и тутъ ухитрилась объяснить все дѣло «меланхоліею.» «Чиновники говорятъ, сказано въ дознаніи, что Мальчуковскій страдалъ въ сильной степени меланхоліею; по анотомическому изслѣдованію и врачъ заключилъ, что причиною его самоубійства было болѣзненное состояніе умственныхъ способностей, *выразившееся въ сильной степени меланхоліи...*»

Впрочемъ мы не думаемъ отвергать и того явленія, что *меланхолія* составляетъ одинъ изъ болѣзненныхъ симптомовъ нашего времени. Судя по оффиціальнымъ отчетамъ, число сумасшедшихъ и помѣшанныхъ возрастаетъ. Такъ въ Петербургѣ для этого рода больныхъ нѣтъ помѣщеній въ больницахъ, и ихъ отправляютъ въ сѣвѣжіе дома, гдѣ они содержатся вмѣстѣ съ мелкими ворюжками и тому подобнымъ сбродомъ. Увеличеніе числа сумасшедшихъ и страдающихъ чисто-психическими болѣзнями можно было бы объяснить только сильнымъ внутреннимъ переворотомъ, происходящимъ въ общественномъ организмѣ; но такое объясненіе будетъ неудовлетворительно. Никакого особеннаго переворота нѣтъ. Слѣдовательно ближайшія причины нервно-психическихъ расстройствъ, замѣчаемыхъ въ послѣднее время, надо искать въ той же безтолковщинѣ, которая господствуетъ по всѣмъ направленіямъ нашей жизни. Еслибъ мы понимали свои дѣйствительные интересы, свое настоящее положеніе, еслибъ мы умѣли употребить на дѣло свое время и силы, то, нѣтъ сомнѣнія, мы страдали бы во сто разъ меньше не только припадками сумасшествія, но и вообще всякими другими недугами.

Когда такъ часто печатаются извѣстія о пожарахъ, опустошающихъ цѣлые города и лѣса, мы очень довольны, что напали на брошюру *)

*) Страховые отъ огня общества въ Россіи съ 1828—1864 г. Н. Перово. С.Пб.

г. Перозіо—этого Демосфена всевозможных акціонерныхъ компаній и биржевыхъ спекуляцій. На этотъ разъ г. Перозіо адвокатствуетъ за «Страховыя отъ огня Общества», доказывая, что взаимное страхованіе никуда негодится по сравненію съ тѣмъ благотѣльнымъ охраненіемъ нашей священной собственности, какое оказываютъ намъ Страховыя Общества. Оставляя въ сторонѣ эту интимную часть въ брошюрѣ г. Перозіо, мы можемъ позаниматься у него голыми фактами, которые онъ приводитъ на основаніи отчетовъ пяти Страховыхъ отъ огня Обществъ, существующихъ въ Россіи. Изъ этихъ отчетовъ оказывается, что съ 1848 года, именно съ того времени, какъ стала развиваться дѣятельность страховыхъ компаній, число пожаровъ значительно увеличилось. Такъ въ 1828 году на 1 миллионъ застрахованныхъ имуществъ было понесено убытковъ 1,415 р. 80 к., а въ 1862 году въ той же пропорціи страховые убытки возрасли до 7,308 р.; слѣдовательно число пожаровъ возросло болѣе, чѣмъ въ пять разъ. Въ этомъ отношеніи особенно послѣдніе два года замѣчательны огромными истребленіями отъ огня. Выгораютъ до тла цѣлыя села, посады, города, отъ которыхъ едва остается слѣдъ ихъ прежняго существованія. При деревянныхъ постройкахъ, составляющихъ главную и повсемѣстную архитектурную фizioномію внутренней Россіи, при безобразнѣйшемъ, какое только можетъ быть, устройствѣ и расположеніи крестьянскихъ жилищъ, уѣздныхъ и губернскихъ зданій, при отсутствіи пожарныхъ снарядовъ не только въ деревняхъ, но и въ большей части уѣздныхъ городовъ, при всеобщемъ пьянствѣ и разгильдяйничествѣ нашей богатирской природы, при той жалкой организаціи, какая дана страховымъ компаніямъ, наконецъ при томъ особенномъ настроеніи народнаго чувства, которое избираетъ оружіемъ мести преимущественно огонь,—желаніе *пустить краснаго птуха*,—при всемъ этомъ такіе опустошительные пожары вовсе неудивительны. «Число умышленныхъ пожаровъ, говоритъ г. Перозіо, у насъ весьма значительно, а такъ какъ большую часть умышленныхъ поджигателей составляютъ у насъ содержатели лавокъ и складовъ, гдѣ весьма трудно послѣ пожара узнать настоящую цѣнность вещей, то умышленное поджигательство, въ соединеніи съ неудовлетворительностью оцѣнки имуществъ и убытковъ, дѣйствуетъ весьма спльно на пониженіе прибыли въ страховыхъ обществахъ». (стр. 3). Поэтому при дурномъ устройствѣ страховыхъ компаній развитіе ихъ дѣятельности всегда бу-

дѣтъ увеличивать число пожаровъ. Если допускается неправильная оцѣнка имѣній, принимаемыхъ на страхъ, то это одно обстоятельство можетъ послужить величайшимъ источникомъ общественныхъ бѣдствій. Нѣтъ сомнѣній, что при томъ уровнѣ общественнаго образованія и добросовѣстности, на которомъ мы стоимъ, не мало найдется такихъ спекуляторовъ, особенно во время денежныхъ затрудненій и постоянныхъ банкротствъ, которые воспользуются страхованіемъ, какъ поживой, какъ своего рода благовиднымъ воровствомъ и взяткой. Купцу или мѣщанину, застраховавшему свой домъ или лавку вдвое дороже, чѣмъ они стоятъ, очень естественно можетъ представиться самый удобный случай съечь ихъ и нажать отъ страхового общества двойное состояніе. Но поджигая свой домъ, купецъ, конечно, не станетъ разводить умомъ-разумомъ, пострадаетъ ли его сосѣдъ или нѣтъ, сгоритъ его домъ одинъ или цѣлый городъ. Тѣмъ соблазнительнѣе можетъ показаться такое искушеніе, когда наши судебныя безконечныя проволочки помогутъ поджигателю выйти изъ огня съ цѣлыми полами. Г. Перовіо приводитъ слѣдующій фактъ, случившійся въ нынѣшнемъ году въ Ковно:

«Въ апрѣлѣ нынѣшняго года въ Ковно сгорѣла лавка одного купца еврея; по освидѣтельствованіи, сдѣланномъ мѣстными подлежащими властями, агентомъ и уполномоченнымъ страхового общества и нѣсколькими понятными, оказалось, что пожаръ произошолъ отъ умышеннаго поджога хозяина лавки. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ и актъ объ освидѣтельствованіи. Мы читали этотъ актъ, и обстоятельства, приводимыя въ немъ, какъ доказательства поджога, такъ убѣдительно говорить въ пользу этого мнѣнія, что сомнѣваться невозможно. Такъ напр. обыкновенно лавка запиралась прикатиномъ, а въ этотъ вечеръ хозяинъ самъ заперъ ее, и притомъ, какъ показали два свидѣтеля, разбилъ стекло во вторыхъ дверяхъ, очевидно для того, чтобы вѣтеръ могъ входить въ лавку и усиливать огонь; вовторыхъ, когда прикатинокъ этой лавки, у котораго въ томъ домѣ, гдѣ произошелъ пожаръ, находится водочный заводъ, увидѣлъ выходявшій изъ дверей лавки дымъ и сказалъ о томъ хозяину, то этотъ послѣдній сказалъ, что ему до этого нѣтъ никакого дѣла; въ 3-хъ, когда по обнаруженіи пожара, выломали дверь лавки, то оказалось, что горѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ подъ прилавками; въ 4-хъ, на полкахъ между товаромъ были найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ спички, а въ кускахъ сукна ящики деревянные и бумажные, набитые соломой. Въ актъ приведены еще другія интересныя обстоятельства, но мы не останавливаемся на нихъ, полагая, что и приведенныхъ фактовъ достаточно. Казалось бы, что тутъ и разсуждать нечего для постановленія рѣшенія;—между тѣмъ, по смыслу нашихъ законовъ о

страхованіи, и это совершенно ясное дѣло можетъ тянуться цѣлые годы и пожалуй проигратся страховою компаніею, потому что нѣтъ требуемыхъ закономъ двухъ свидѣтелей поджога. Какая же, послѣ этого, гарантія можетъ существовать для страховыхъ обществъ?*

Такихъ случаевъ, конечно, не мало, а потому пожары можно считать самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ Россіи.

За нынѣшній годъ мы имѣемъ оффиціальныя, свѣденія о количествѣ пожаровъ и причиненныхъ ими убытковъ пока еще только за два мѣсяца: февраль и мартъ. Эти два мѣсяца, когда начинается таять снѣгъ, вскрываются рѣки и идутъ постоянные дожди наименѣе благопріятны для пожаровъ; но не смотря на то, цифра пожаровъ и убытка отъ нихъ въ эти два мѣсяца доходитъ до громадныхъ размѣровъ. Всѣхъ пожаровъ въ 48 губерніяхъ за февраль и мартъ мѣсяцы было:

Въ городахъ.	190		
Понесено убытку	334,401 руб.	80	коп.
Не показано убытку по	41	пожару	
Пожаровъ въ селахъ.	1,308		
Понесено убытку	837,156 руб.	8 ³ / ₄	коп.
Не показано убытку на	230	пожар.	
Всѣхъ вообще пожаровъ.	1,498		
Всего убытку понесено.	1,171,557 руб.	88 ³ / ₄	коп.

Слѣдовательно, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, менѣе другихъ благопріятствующихъ пожарамъ, приходится на каждую губернію по 31 пожару и по 24,407 руб. убытку. Цифра громадная; но едва ли она даетъ даже хоть приблизительное понятіе о дѣйствительныхъ потеряхъ. Не говоря о томъ, что въ этомъ числѣ не показано убытку по 271 случаю пожара, самая показанная цифра слишкомъ сомнительна, потому что составляется большею частію безъ всякаго разбора, такъ, на-обумъ. Въ этомъ убѣждаетъ даже ужъ слишкомъ обстоятельная точность: напр. въ таврической губерніи показано убытку 2484 руб. и 34 *съ половиною коп.* Какъ ужъ могли высчитать эти 34 и эту половину копѣйки понять мудрено. Въ нѣкоторыхъ отчетахъ цифра убытка самымъ очевиднымъ образомъ показана во сто разъ меньше дѣйствительной: такъ въ курляндской губерніи сгорѣло 411 крестьянскихъ домовъ, а убытку показано всего 885 руб. Слѣдовательно каждый крестьянскій домъ оцѣненъ

въ 2 руб. 15 коп. Но очевидно, что какъ ни жакли тѣ избенки, въ которыхъ обитають русскіе мужики, стоимость этихъ избенокъ во всякомъ случаѣ должна быть хоть въ 50 разъ больше. —

Каждый новый номеръ газетъ приноситъ извѣстіе о новыхъ пожарахъ. Недавно нѣсколько дней къ ряду горѣлъ городъ Оренбургъ: сгорѣло всего 660 дворовъ и на нихъ домовъ съ флигелями 1,700. Предположивши даже самую низкую стоимость каждаго дома, общая потеря должна доходить до весьма значительныхъ размѣровъ, и потеря эта должна быть тѣмъ болѣе ощутительною, что сгорѣла собственно та часть города, гдѣ жило бѣднѣйшее населеніе Оренбурга. Тобольскія Губернскія Вѣдомости сообщаютъ о двухъ страшныхъ пожарахъ, истребившихъ большую часть города Тюмени. Первый пожаръ въ нѣсколько часовъ истребилъ лучший кварталъ въ городѣ, за тѣмъ черезъ нѣсколько дней другой пожаръ истребилъ всю затюменскую часть города и цѣлыя сотни семействъ остались безъ крова и безъ куска хлѣба.

Въ костромской губерніи горятъ лѣса, горятъ цѣлыя деревни, какъ напр. сгорѣло богатое село Баки. Былъ также страшный пожаръ въ г. Ворнавинѣ, который распространился въ громадныхъ размѣрахъ, благодаря небрежности мѣстной администраціи. Въ Костромскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что «помощи отъ городскихъ пожарныхъ инструментовъ не было никакой, обыватели не тушили, *голова былъ найденъ въ одномъ изъ дворовъ въ такомъ пріятномъ настроеніи духа, что ему рѣшительно ни до чего не было дѣла.*»

Въ такой же небрежности упрекаетъ харьковскую администрацію корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», описавшій харьковскій пожаръ. «Рядомъ съ пожаромъ», говоритъ онъ, «находится дворъ Черныхова, амбары котораго примыкали къ строенію, уже охваченному огнемъ. Когда пламя начало приближаться къ амбарамъ, жп вущіе во дворѣ Черныхова, требовали воды и кто-то уже везъ бочку пожарной команды во дворъ, какъ не тутъ-то было: амбаръ Черныхова сгорѣлъ съ 390 кул. муки, принадлежащей купцу Баркову и съ имуществомъ домохозяина. Мука и не сгорѣла бы, ее бы успѣли вывезти на имѣвшихся уже подводахъ, но не пустившіе бочки съ водою *не позволили вытаскивать и кулей съ мукою и даже били извошниковъ, явившихся за погибавшемъ товаромъ.*»

Но самый страшный, самый разорительный пожаръ былъ въ Симбирскѣ отъ 12 до 22 августа. Пожаръ этотъ далъ тему для самыхъ

разнообразныхъ толковъ и легендъ. Городъ Симбирскъ въ настоящее время положительно не существуетъ. Соборъ, домъ дворянскаго собранія, женскій монастырь, присутственные мѣста, каразинская библіотека, городская дума, полиція, гимназія, семинарія, елизаветинское училище, комиссаріатъ, хлѣбные и соляные амбары; однимъ словомъ весь городъ сдѣлался жертвою пламени. Сдѣлать оцѣнку убытковъ въ настоящее время невозможно; потому что всѣ имущество, вынесенныя на городскія площади сгорѣли; но вѣроятно цѣна всѣхъ потерь превзойдетъ 4 милліона. Много лицъ схвачено обывателями по подозрѣнію въ поджигательствѣ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Туманная, сырая осень охватила городъ. Небо, словно, снито изъ сѣраго сукна и грѣтъ насъ столько же, сколько это самое сукно, въ время холода. Вмѣсто тучъ на немъ какіе-то воловья тумана и дыма и можно предполагать что наше синее небо выдѣлываютъ кухарки, готовятъ его въ печахъ и въ видѣ гари и ковыли выпускаютъ на свободу изъ трубъ городскихъ квартиръ и зданій. Солнце, всегда монотонное, совѣстится взглянуть на такую обстановку и отвернулось къ намъ затылкомъ. Монотонно и жестко стучитъ дождь по желѣзнымъ крышамъ, точно невидимые костянные пальцы по металлическихъ клавишамъ, а сточныя трубы домовъ поютъ и скрипятъ, на зло всѣмъ расслабленнымъ нервамъ.... Ровными линиями тянутся каменные стѣны улицъ и словно хотятъ для развлечения изогнуться въ калризную линію переулковъ Москвы и Константинополя, а стекла ихъ оконъ, увлажненные сыростью, плачутъ крупными холодными каплями... Громоотводы, воздвигнутые на нѣкоторыхъ зданіяхъ, гордо задираютъ къ верху свой острый носъ съ чувствомъ негодованія на эту сферу, которая вмѣсто бурь и громовъ родитъ только одни дождевыя пузыри и мокрицы. На пышной улицѣ возвышается огромный, великолѣпный домъ. Его каріатиды, недвигая руки къ верху, сложили свои губы въ презрительныя гримасы, сердца въ искусство, которое раздѣло ихъ до нога и заставило терпѣть всѣ мерзости петербургской осени. Они съ завистью глядятъ на жирнаго швейцара у подъѣзда, согрѣваемого своимъ собственнымъ величіемъ и пышною ливреей.

Такъ думалъ я, проходя передъ театральной площадкой, а между тѣмъ вокругъ меня скакала и бѣжала уличная толпа. Официальныя бакенбарды, буржуазныя бороды, эротическія усы, сладострастные лысины, чопорныя кринолины, пышныя коляски, поджарыя влячи, франты, шерманщивки, все это смѣшалось въ одну общую картину осенняго петербургскаго утра. Созерцаніе этой картины навело меня на такого рода размышленіе: ну, что если бы я шелъ теперь по улицамъ со всѣми нашими извѣстными поетами и если бы каждый изъ нихъ пожелалъ воспроизвести „петербургское утро“, то вышелъ бы рядъ любопытныхъ пѣсень на одну тему, пѣсень, въ которыхъ выразилась бы характерная сторона таланта каждаго изъ этихъ пѣвцовъ. Жаль, что наши поэты никогда не сочиняютъ стихотвореній на одну и ту же тему. Мысль эта мнѣ такъ полюбилась, что я рѣшился до извѣстной степени помочь горю и сдѣлаю теперь опытъ импровизаціи, принимая на себя поочередно физиономію разныхъ стихотворцевъ и распѣвая ихъ собственнымъ голосомъ. Какъ опытный пѣвецъ, я не робѣю передъ такой задачей и смѣло спою съ чужаго голоса какую угодно пѣсню. Темою я избираю: „Петербургское утро“.

И такъ, господа; я перестаю хмуриться (видите-ли какъ скоро) и прошу васъ вообразить, что вы переноситесь въ партеръ театра передъ закрытымъ занавѣсомъ.

Занавѣсъ поднимается; слѣдуетъ импровизація.

ОСЕННЕЕ ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО.

Въ VI пьесѣхъ на одну тему.

I.

(по Некрасову.)

Ночь зловѣщую, гнойную, сѣрую.
 Гонить утро... За дѣло пога!
 День пошелся обычною шрою,
 Дышетъ язвой сибирской, холерою
 Воздухъ города... Злость и хандра!..
 Лишь едва человекъ просыпается
 И глаза, раскрывая, глядитъ,
 Ужь въ груди его желчь разливается
 И безсильная злоба кипитъ.
 Слышны нѣ вѣтрѣ глухія рыданія

И тягучій, пронзительный свистъ.
 Надъ трубою огромнаго зданія,
 Точно дьяволъ, торчать трубочкасть.
 На дворъ съ кѣмъ-то дворникъ ругается
 И метлой вычищаетъ крыльцо...
 Вонъ, напротивъ окно открывается—
 Молодое мелькнуло лицо,
 Бѣлый чепчикъ и кофта узорная...
 Послѣ сна дышетъ грудь горячо...
 И коса удивительно черная
 Опустилась змѣей на плечо.
 А на улицѣ жизнь начинается,
 Будни шумнаго, тусклаго дня...
 Вонъ съ конвоемъ чуть-чуть подвигается
 Дюжій парень, цѣпами звѣня;
 Вонъ модистка промчалась съ картонкою;
 Вонъ въ кварталъ забуддыгу ведутъ
 На веревкѣ съ какой-то бабенкою,
 Вонъ извозчикъ, надъ потной кляченкою
 Обновляетъ вновь купленный кнутъ.
 Завернувшись угрюмо шинелями,
 По панелямъ, гдѣ лужи стоять,
 Торопливо съ своими портфелями
 Тамъ плетутся служаки въ Сенатъ;
 Вонъ мальчишка со спичками шведскими,
 Съ цѣлой кипой газетъ почтальонъ,
 Вонъ подъ мышкою съ книжками дѣтскими
 Два ребенка бѣгутъ въ пансіонъ,
 Вонъ закей у воротъ съ комплиментами
 Передъ толстой служанкой стоитъ,
 Съ ридикюлемъ большимъ, съ инструментами
 Повивальная бабка бѣжитъ.
 Въ этомъ городѣ смерти, калѣчества,
 Гдѣ недуги и бѣдность сильны,
 Чтобъ плодилось вновь человечество
 Повивальныя бабки нужны,

II

(по Плещееву.)

Ахъ, отдери занавѣску—
 Мнѣ несносна эта тѣнь.
 Ужъ врывается въ окошко
 День веселый, ясный день.

Ахъ, отдерни занавѣску,
 Темный ставень отвори:
 Ужь игла Адмиралтейства
 Вся горитъ въ лучахъ зори.
 Утро ясно.—въ сердцахъ праздникъ,
 Тянетъ въ городъ улицъ шумъ...
 Отчего жь мнѣ нѣтъ покою
 Отъ моихъ упорныхъ думъ?
 Оттого, что въ это утро
 Гдѣ нибудь,— а гдѣ ихъ нѣтъ?—
 Много бѣдныхъ и голодныхъ
 Проаливаютъ черствый сѣтъ.
 Оттого, что въ это утро
 Тянутъ жизнь средь чердаковъ
 Столько сырыхъ и бездомныхъ,
 Столько горькихъ бѣдяковъ.

III.

(по Фету)

1.

Мы сидѣли на балконѣ.
 Утро къ намъ несетъ любовь,
 До ланитъ выбываетъ кровь
 И рука горитъ въ ладони.
 Вспыхнулъ заревомъ востокъ,
 Яркимъ свѣтомъ городъ залить
 И лучами солнца жалить.
 Кожу нѣжныхъ дѣтскихъ щекъ.
 Другъ мой! страсть намъ вновь знакома,
 Въ насъ любви проснулася блажь...
 Шепчешь ты: пойдѣмъ въ пассажъ;
 Я жь шепчу: останься дома!...

2.

Посмотри кругомъ, малютка:
 Пышный городъ всталъ отъ сна,
 Таеъ въ утреннемъ туманѣ
 Блѣдно-лицая луна.
 Посмотри—при свѣтѣ солнца
 Все сияетъ и блестятъ—
 Эти улицы и зданья,

Мостовая и гранитъ.
 Въ магазинахъ брилліанты.
 Брилліанты въ брошкахъ дамъ,
 Въ брилліантахъ старцы, франты,
 Брилліанты здѣсь и тамъ.
 И теперь, о другъ мой милый,
 Недоволенъ я судьбой
 Оттого, что брилліанты
 Заложили мы съ тобой.

IV.

(по Полонскому.)

Я хандры не могу превозмочь,
 Если финская бѣлая ночь
 Надъ столицею невской проносится...
 Ночи блѣдный и дѣвственный ликъ!
 Я къ нему, какъ къ страданью, привыкъ,
 Ночью легче тоска переносится,
 Но чужда и дика для меня
 Ты, красавица невскаго дня!
 Не люблю твою пѣсню унылую
 И напѣвы зловѣщіе тѣ
 О нуждѣ, о мірской нищетѣ,
 О слезахъ надъ убогой могилею.
 Для чего на меня ты глядишь
 И страданье мое бередишь?
 Пусть вокругъ погибаетъ иселенная,
 Пусть нужда развращаетъ людей,—
 Я поэтъ—не изъ сонма судей,
 Для небесъ моя пѣснь вдохновенная.
 О красавица дня! поспѣши
 Потеряться въ полночной тиши..
 Выплывай же ты ночь ароматная,
 И мой духъ воспарить въ облака
 И пройдетъ роковая тоска
 По ночамъ, для меня непонятная...

V.

(по Тютчеву.)

Надъ Невею погребенной
 День сіяющій встаетъ,

Солнце—стражъ земли безсонный
 Надъ планетою влюбленной—
 Совершаетъ свой обходъ.
 Небеса поютъ и гаютъ,
 Слышенъ гулъ издалека,
 Птицы весело порхаютъ,
 Грезы міра улетаютъ
 Вмѣстѣ съ ночью въ облака.
 Постоянно дни смѣняють
 Ночи трепетную тѣнь,
 Имъ и люди подражаютъ:
 Ежедневно умирають
 И рождаются каждый день

VI.

(по Майкову.)

Да, ты хорошъ, великій Римъ:
 Твои священные останки
 Я посещалъ, какъ пилигримъ.
 Тамъ сладострастные вакханки
 Нерядко мой смущали сонъ,
 Тамъ передъ образомъ мадоннъ,
 Съ благоговѣньемъ капуцина
 Я былъ въ молитву погруженъ,
 Подъ тѣнью кедра и жасмина.
 И Колизей съ семьей аркадъ
 И остовъ арки триумфальной
 Я видѣлъ, трепетомъ объять...
 Мнѣ пѣлъ фонтанъ струей печальной
 Напѣвы грустные Наядъ.
 А лара милая?... О, Боже!
 Могу-ль забыть великій Римъ?..
 Но я на родинѣ... и что же?—
 Мнѣ этотъ тусклый день дороже
 Съ осеннимъ холодомъ своимъ.
 Онъ дорогъ мнѣ подъ сѣнью мрака,
 Безъ итальянской синевы,
 Мнѣ дорогъ плескъ родной Невы
 И яркій куполъ Исаака.
 Бродя по Риму въ поздній часъ,
 Меня манила та картина,
 И на отчизну каждый разъ
 Просилось сердце славянна.

VII.

(по Бенедиктову.)

День осенній надъ столицей.
 Солнце въ тучи прорвалось
 И глядитъ, какъ предъ дѣвницей;
 Вспрянулъ сѣверный колосъ,
 Разодвинулъ быстро пологъ
 И орломъ глядитъ кругомъ:
 Сонъ его всегда недологъ,
 Долгій отдыхъ незнакомъ.
 Просыпается Петрополь
 И бѣжить туда—сюда!
 Что же это? не Европа-ль
 Передъ нами, господа?
 Дождь или грязь—ему нѣтъ дѣла:
 Шумъ, вѣда—и здѣсь и тутъ,
 Мостовая загудѣла
 И летитъ подъ градомъ смѣло
 Петербурга бодрый людъ.
 И толкутся люди эти,
 Точно лѣтніе шмели,
 То въ коляскѣ, то въ каретѣ,
 Въ щегольскомъ кабриолетѣ,
 На извозчикѣ въ пыли;
 Ихъ преслѣдуютъ горячки,
 Имъ дантисты зубы рвутъ,
 А они—и не мигнуть,
 Имъ не дѣлаютъ потачки,
 И хотъ станутъ на корачки,
 А дневной окончатъ трудъ.
 Поговорка есть у янки:
 «Время—деньги»—свищетъ онъ.
 Здѣсь твердятъ со всѣхъ сторонъ
 Горожане, горожанки:
 «Часъ одинъ—есть миллионъ».
 Мы въ расходахъ знаемъ—минуемъ,
 Въ барышахъ повсюду—плюемъ,
 И съ дешовкою «на выносъ»
 Легокъ намъ гражданства грузъ...
 Слышевъ грохотъ барабана,
 Визгъ шарманки, гулъ колесъ;
 Здѣсь оглоблю шарабана
 Бѣдняку вкусять пришлось,

Тамъ—онъ станетъ подь копытомъ
 Городскаго рысака,
 Но до битаго небитымъ
 (Вѣдь бѣда не велика!)
 Дѣла нѣтъ.... Въ лучахъ Авроры
 Оживъ городъ. Блещуть шпоры,
 Взоры, дамскія уборы,
 Каски, канты, козырки,
 На панеляхъ—полотеры,
 Букнисты, куафѣры,
 Дѣти, дамы, старики.
 Въ бѣготѣ, въ всеобщей скачкѣ
 Мчатся людъ во всѣ концы—
 Почтальоны, девки, прачки,
 Омнибусы, дрожки, тачки
 И курьеры и купцы.
 Все кружится, все пускаетъ
 Въ дѣло силу и талантъ,
 Пшеть, судитъ, распекаетъ,
 И работу начинаетъ
 Грозный сѣверный гигантъ.

Импровизація смолкаетъ. Разумѣтся, раздаются рукоплесканія и—занавѣсъ падаетъ.

Читатель, понявшій, въ чемъ состоитъ букетъ этихъ стихотвореній, смѣется, я самъ смѣюсь, но смѣюсь совершенно другому. Я увѣренъ, что если бы всѣ эти стихотворенія, которыми я не придаю никакого значенія (я могу писать ихъ по сотнѣ въ день) были оглашены безъ всякихъ объясненій разнымъ присяжнымъ эстетическимъ критикамъ и редакторамъ, то они помѣстили бы ихъ въ своихъ журналахъ, какъ *серьезныя* пѣсни, какъ настоящія лирическія стихотворенія. Въ этомъ я увѣренъ по опыту, и вотъ почему и смѣюсь...

И такъ, въ Петербургѣ—осень, осенній сезонъ.

Какія же новости пришли къ намъ вмѣстѣ съ осеннимъ сезономъ? Этотъ самый вопросъ предложилъ я недавно одному газетному фельетонисту, который, благодаря своей дѣятельности, обратился въ какую-то ходячую рекламу.

Фельетонистъ хитро улыбнулся, какъ будто у него дѣйствительно былъ огромный запасъ новостей.

— Есть-таки кое-что новое...

— Напримѣръ...

— Блондень будетъ...

— Знаю, знаю... Дальше?

Назначень бенефисъ Шумскаго. Пойдетъ новая драма: „Таня“.

— Это мнѣ известно изъ афишъ. Нѣтъ-ли чего свѣжее?.,

— Вчера случилось трагическое происшествіе: рысаки барона Z...

— Кого нибудь раздавили на улицѣ? Далѣе, далѣе...

На лбу бѣднаго фельетониста отъ напряженія образовалась буква: у! но онъ однако продолжалъ:

— Знаете-ли вы, сколько человѣкъ въ продолженіи прошлой недѣли умерло отъ пьянства?

— Знаю, знаю даже, какая мораль выходитъ изъ этихъ цифръ, когда, дескать, процвѣталъ откупъ и смертности отъ пьянства было меньше... не такъ-ли?

— Намъ, фельетонистамъ, до выводовъ, нѣтъ дѣла, намъ факты, одни только нужны... на васъ вѣдь никогда не угодишь.

Онъ обидился и ушелъ.

Вотъ каковы наши новости. Пусть же знаетъ мой читатель, что въ смыслѣ сборщика разныхъ фактовъ изъ общественной петербургской жизни, я никогда не былъ фельетонистомъ. Темный человѣкъ просто пишеть свой *дневникъ*, безъ всякой претензіи на общественную лѣтопись. Я никогда не былъ журнальнымъ иноходцемъ. Я поэтъ, милостивые государи, въ дурномъ и хорошемъ смыслѣ этого слова: хочется мнѣ писать—пишу, а напала лѣнь или нѣтъ мотивовъ, я молчу, какъ молчалъ въ прошломъ мѣсяцѣ.

Я по своему отношусь къ разнымъ новостямъ городской жизни. Пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый Блондентъ, и его представленія вызвали бы у иного лѣтописца нѣсколько столбцовъ описательной и даже глубокомысленной прозы, а я—я откликнулся на него слѣдующей пѣсенкой:

БЛОНДЕНЪ НА КАНАТЪ!..

Блондентъ, Блондентъ на канатъ!..

Всѣ разобраны мѣста,

Въ ложахъ группы невской знати,

Чернью площадь залита.

Онъ идетъ подъ общій говоръ

На ужасной вышинѣ,

То съ яичницей, какъ поварь,

То съ германцемъ на спинѣ.

Блондентъ, Блондентъ на канатъ!..
 Гуля по площади ростеть:
 — Что за смѣлость въ акробатъ.
 — Точно по полу и деть
 — Вышина—тринадцать сажень...
 — Деньги собралъ, зпачить... радъ...
 — Ну, и зтогъ, что посаженъ
 На спишь—не трусоватъ.
 Блондентъ, Блондентъ на канатъ!
 Ходить смѣло и легко
 Къ изумленью невской знати
 Въ свѣтло-розовомъ трико.
 Говорить аристократка,
 Опуская свой лорнетъ:
 —О, mon Dieu, какъ это гадко—
 Онъ совсѣмъ почти раздѣтъ.
 Блондентъ, Блондентъ на канатъ!
 Смотрить старый ветеранъ:
 Что за диво въ этомъ хватъ?
 Видѣлъ я и обезьянъ,
 Тѣ—почище-съ отхватали,
 Здѣсь же—не на что взглянуть,
 А ему еще медали
 Почаваѣсили на грудь.
 Блондентъ, Блондентъ на канатъ!
 —Мнѣ онъ дастъ материалъ...
 Наше дѣло на утратъ—
 Тутъ въ тупикъ бы каждый сталъ,
 А теперь я строчекъ треста
 Напишу—куда пойдетъ!—
 Такъ въ умѣ фельетониста
 Совершается рассчетъ.
 Блондентъ, Блондентъ на канатъ!
 Женскій голосъ прошептала:
 —Право, очень было бѣ кстати,
 Еслибъ Блондентъ вдругъ упалъ.
 У меня хотъ нервы слабы
 Стали съ самаго вѣнца,
 Но свались онъ—я могла бы
 Досидѣть и до конца.

Скучающій, тоскующій Петербургъ былъ очень заинтересованъ прїѣздомъ Блондента и сходился тысячами на представленія „укротителя Ниагары“, какъ называютъ его рекламы. Героизмъ

и искусство Блондена намъ въ диковинку. Герои наши совершенно въ другомъ родѣ: они изъ художества и изъ славянской удали тотъ вы на рискъ очень опасный безъ всякой корыстной цѣли. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ одинъ изъ такихъ героев въ Кронштадтѣ отличился на славу. Случай очень знаменательный. Въ одномъ кронштадтскомъ „Заведеніи“ гечеромъ собралась толпа: среди толпы нашлись два таланта. Одинъ талантъ — искусно лаятъ по собачьи, а другой—вылъ волкомъ. Начали они показывать свои дарованія къ общему удовольствію публики. Разгоряченные успѣхомъ (о, слава, это ты!) они ради потѣхи бросились бороться другъ съ другомъ. Человѣкъ-волкъ во время *потпшиной* борьбы вцѣпилъ зубами въ лицо противника и *откусилъ ему носъ*. Ихъ растащили. На допросѣ они оба показали, что они друзья, драться вовсе не желали, а только—*шрали*. А носъ? За носомъ послали въ „Заведеніе“, но онъ оказался неудобнымъ для исправленія своей постоянной обязанности, потому что быль растоптанъ ногами убѣжавшихъ зрителей...

Вотъ наши домашнія Олимпійскія игры!..

Кого же тутъ винить? У нашего простаго народа нѣтъ никакихъ развлеченій. Нѣтъ у насъ книгъ для народа, нѣтъ грамотности. Въ театрѣ угощаютъ его французской мелодрамою, представленіемъ пьесъ Дьяченки съ братіей. Полуграмотному бѣдному населенію остаются для развлеченій танцклассы всѣхъ родовъ и дешовка всѣхъ сортовъ... А тутъ только одинъ шагъ до потери носа...

Сейчасъ только я получилъ отъ почтеннѣйшаго моего сотоварища Михаила Бурбонова, уже знакомаго читателямъ „Русскаго Слова“, письмо, которое онъ изъ скромности называетъ *сырымъ матеріаломъ* для моего дневника. Не желая портить колорита и своеобразности таланта этого писателя, я счелъ болѣе приличнымъ статью М. Бурбонова привести здѣсь цѣликомъ, слово въ слово. Вотъ она:

„Извѣстно вамъ, милостивый государь мой, что я воспитывался на мѣдныхъ деньги и въ глубь разныхъ наукъ не погружался. Я, какъ говорить одинъ сочинитель, „натура непосредственная.“ Но съ другой стороны, заинтересованный современными вопросами, стараюсь по возможности слѣдить за ними. Ученыхъ людей я всегда считалъ за растрѣльщикова, коимъ суждено первымъ истреблять всеобщаго непріятеля нашего—невѣжество.

„Поэтому вы поймете, что я съ особеннымъ любопытствомъ принялся за чтеніе книжки Т. Н. Шидля, подъ названіемъ: *заключеніе*...

чужеземная лекція по политической экономіи. Я надѣялся встрѣтить въ этой книжкѣ послѣдніе выводы этой науки, мнѣ весьма мало известной. Читаю—и изумляюсь цвѣтамъ краснорѣчія, благоухающимъ Кіевской бурсой времянь Патра Могилы. Тутъ все есть, что угодно, но только о политической экономіи ни слова.

„Начинаетъ Шилль съ объясненія, что такое истина. „Истина, говорить, свѣтъ, безъ котораго человекъ вѣчно блуждаетъ, какъ во тьмѣ, безъ котораго человекъ не понимаетъ, что онъ человекъ и не постигаетъ, что значитъ быть человекомъ и чѣмъ долженъ быть человекъ“... Чрезмѣрное употребленіе слова: человекъ—служить вмѣсто всякаго точнаго опредѣленія. Въ формѣ стиховъ это принимаетъ такой видъ:

Говорю вамъ истинно:
 Человеку нужна истина
 Человѣчно—человѣчная,
 Человѣчески—открытая,
 Въ человекѣ—безконечная,
 Человекомъ не забытая.

За тѣмъ ученый лирикъ переходитъ совершенно неожиданно къ самому себѣ, и я открываю въ г. Шилль въ нѣкоторомъ родѣ своего сослуживца по военной службѣ.

Не знаю, на сколько это связано съ политической экономіей, но для меня было весьма любопытно узнать отъ г. Шилля о его служебной дѣятельности.

Извѣщая своихъ слушателей, что онъ былъ „простымъ ратникомъ, простымъ солдатомъ“, ученый ратникъ замѣчаетъ, что ему, „можетъ быть, суждено и въ будущемъ сдѣлаться простымъ солдатомъ, въ буквальномъ смыслѣ слова.“ Далѣе г. Шилль весьма похвально разсуждаетъ: „я служилъ не для того, чтобъ *удобнѣе* (курсивъ подлинника) начальству, а для того, чтобъ по мѣрѣ силъ и средствъ, оправдать честное довѣріе его ко мнѣ...“

Увлекаясь, г. Шилль даже похваливаетъ себя, восклицая: „я честно держалъ и несъ родное знамя благой науки, я честно сослужилъ свою службу, не оскверняя руки своей незаслуженнымъ жалованьемъ и оказалъ услугу милому, дорогому отечеству, а черезъ него и всей Божьей общечеловѣческой семьѣ“...

Человѣчество должно быть очень благодарно за все это г. Шиллю, но... но гдѣ же все-таки лекція о политической экономіи?

«Я не великій, не знаменитый дѣятель» продолжаетъ г. Шилль, машина скромничать и забывая, что онъ оказалъ услугу чело-

Честву, и я не промѣню свое дѣло на завидное призваніе народнаго поэта... (стр. 6.)

„Я былъ своего рода юнкеръ», (сранид. 9.) Все это вѣроятно. Но все-таки, какъ крайне любознательный ученикъ, я не въ силахъ былъ понять, какое же соотношеніе между политической экономіей и жалованьемъ, которое получалъ г. Шилль; что есть общаго между этой наукой и тѣми услугами, которыми обязана вселенная г. Шиллю? Робью передъ этичъ вопросомъ, но разрѣшить его не берусь.

Буду слушать далѣе г. Шилля.

„Послѣ похвальнаго слова самому себѣ, г. Шилль дѣлаетъ лирическій, неожиданный переходъ къ русской молодежи, которая, по его словамъ,“ еще очень недавно, позволяла себѣ выходить, простительныя только уличнымъ мальчишкамъ»...

«Новый лирическій прыжокъ отъ „мальчишекъ»:

„Кто вѣруеть въ челоѡвѣчество, тотъ, рано или поздно, увѣруеть въ начало всѣхъ началъ»,... Далѣе г. Шилль очень ловко сравниваетъ себя съ Наполеономъ 1. Имѣя въ виду предыдущія слова г. Шилля о своихъ заслугахъ передъ челоѡвѣчествомъ, мы должны обратить наше вниманіе на его отношеніе къ Наполеону 1. «Прилежный юнкеръ Наполеонъ Бонапарте, говоритъ онъ (о юнкерѣ зри выше), искренне скорбя объ участи челоѡвѣчества (кто, Наполеонъ-то?) оказалъ услугу отечеству, а черезъ него и всему челоѡвѣчеству». И такъ, съ одной стороны челоѡвѣчеству удружилъ г. Шилль, а съ другой Наполеонъ Бонапарте.

Барды! въ струны приударьте,
Въ струны вашихъ сладкихъ лиръ:
Русскій Шилль и Бонапарте
Разъ спасли въ своемъ азартѣ
Челоѡвѣчество и мѣръ.

Можетъ быть, не всѣ историки согласятся съ г. Шиллемъ на счетъ того, что Наполеонъ 1 „искренне скорбѣлъ объ участи челоѡвѣчества», но втихъ историковъ г. Шилль тоже отдѣльваетъ и вотъ какими образомъ: «эти непризванные историки, любящіе бить и востить, но не любящіе, по извѣстной причинѣ (?) военныхъ вообще, особенно генераловъ, не понимая смысла дѣлъ и помысловъ Петра В., не могутъ напр. простить ему того, что онъ былъ между прочимъ солдатомъ барабанщикомъ». (стр. 19.)

Не слыжалъ я о такихъ историкахъ. Странные должны быть... эти историки... Очень благодаренъ я г. Шиллю за это указаніе, но до политической экономіи все-таки, не могу добраться.

Прочелъ я наконецъ всю книжку г. Шилля, а о политической экономіи хоть бы пол-слова. За то много очень лирическихъ мѣстъ, которыя Борисъ Федоровъ удобно могъ бы переложить въ стихи.

— Что такое жизнь? восклицаетъ Г. Шилль, и самъ отвѣчаетъ: „Жизнь—стонъ; жизнь — безвыходное страданіе, жизнь — невыразимая мука; жизнь—постоянная пытка; жизнь—счастіе, жизнь невыразимое блаженство: жизнь... горѣніе. . . виміама, жизнь—невольная, невыразимо сладостная молитва за жизнь.“ (стр. 48.) Наговоривъ въ такомъ родѣ о жизни страницъ пять, г. Шилль признается откровенно, что онъ не понимаетъ жизни. « Я не довольно умень, разумень, мудръ, свѣдущъ, г. говоритъ онъ, чтобъ... чтобъ (позволяю прибавить отъ себя) поучать юношей политической экономіи и рассуждать о теоріи финансовъ или предлагать проекты государственныхъ банковъ.

Одна литературная шалость г. Федора Берга заставляетъ меня невольно обратиться къ русскимъ стихотворцамъ и начать свое обращеніе прямо съ похвалы. Кромѣ шутокъ, они достойны похвалы и вотъ въ какомъ отношеніи.

Русскій стихотворецъ съ того самаго дня, когда у него прорѣзываются зубы вдохновенія (зубы мудрости бывають въ извѣстномъ возрастѣ только у прозаиковъ), тотчасъ начинаетъ создавать, не имѣя никакой охоты дѣлать переводы изъ иностранныхъ поэтовъ.

— Отчего вы ничего не переводите? спросилъ я однажды у одного такого стихотворца, который въ Россіи всегда воспеваля Римъ, а въ Римскомъ Коллизеѣ плакаль о Садовой улицѣ.

Стихотворецъ встряхнулъ волосами и отвѣчалъ:

— Къ переводамъ я рѣшительно неспособень. Начну писать, хочу уловить образъ и мысль поэта, а у меня въ это время рождаются свои образы и свои мысли. Пишу — и что же выходитъ? Выходитъ мое собственное стихотвореніе.

Можетъ быть, все это справедливо; можетъ быть, вмѣсто образцовъ Байрона или Гейне русскій стихотворецъ придумаетъ собственные *самые лучшіе* образы, но дѣло не въ томъ. Наши самобитные творцы поступаютъ, по моему мнѣнію, очень умно и только инымъ образомъ выражаютъ свою мысль. Они очень хорошо поняли, что имъ не по плечу такіе поэты, какъ Байронъ или Гейне, а потому они избрали благую часть — плакать въ Садовой улицѣ о Римѣ или предаваться ботаническому, тепличному лиризму „на выносъ“. Такъ напр. Муза г. Фета, пѣвшая постоянно о мотылькахъ и о треляхъ соловья, вывернула себя

обѣ ноги, задумавши перетаскивать на русскій языкъ Горациа и Байрона.

Точно также стихи Я. Полонскаго были сносны до тѣхъ поръ, пока онъ не выходилъ изъ міра собственныхъ вымысловъ; когда же онъ принялся изъ газетныхъ корреспонденцій сшивать поэмы, то дошелъ до разлада съ своимъ крошечнымъ дарованіемъ и написалъ „Разладъ“.

А г. Розенгеймъ? Что и кого можетъ переводить этотъ этакно-эротическій куплетистъ? Какой чужой поэтъ можетъ вдохновить его?

И за все это мы должны быть чрезвычайно благодарны нашимъ російскимъ куплетистамъ, благодарны за то, что у нихъ достало такта не обезобразивать, не уродовать своими переводами иностранныхъ поэтовъ. Честь и хвала имъ за это. Они поняли, что мы терпѣливо можемъ смотрѣть, если г. Пронскій ломается въ какомъ нибудь фарсѣ—водевилѣ, и въ то же время съ нами сдѣляется въ театрѣ припадокъ морской болѣзни, если тотъ же самый г. Пронскій явится передъ нами въ роли шекспировскаго Гамлета.

Но къ сожалѣнію не всѣ русскіе куплетисты такъ осмотрительны и осторожны. Они часто переводятъ, много переводятъ,—да простятъ ихъ Музы, какъ они переводятъ! Больше всѣхъ отъ нихъ досталось Гейне. Гейне, принимавшій часто близко къ сердцу ругательства нѣмецкихъ критиковъ—филистеровъ, вторично бы умеръ, если бы могъ знать, что дѣлаютъ съ ними русскіе переводчики.

Кромѣ того у этихъ господъ придумана особенная манера дѣлать переводы съ переводовъ. Эту манеру я объяснилъ уже нагляднымъ образомъ въ декабр. книжкѣ „Русскаго Слова“ за прошлый годъ.

Г. Ф. Бергъ снова возвращаетъ меня къ той же темѣ.

Г. Ф. Бергъ помѣстилъ въ Отечествен. Запискахъ переводы изъ *Romanero* Генриха Гейне съ замѣчаніемъ, что *вновь сдѣланные* переводы обозначены звѣздочками. Хорошо-съ. Переводъ *Филиппуцци* отмѣченъ звѣздочками, слѣдовательно онъ *новый* переводъ. Такъ ли, г. Дудышкинъ? Г. Дудышкинъ соглашается, а мы нѣтъ, потому что въ немъ почти цѣлый печатный листъ, а именно 504 стиха принадлежатъ Мею, а г. Ф. Бергъ, ради новизны, подвизалъ къ нимъ только 80 строчекъ собственного издѣлія. Ф. Бергъ даже и эти строчки не счелъ вѣроятно нужнымъ переводить изъ Гейне, а для скорости перевелъ прямо изъ

Мея. Что ж! вѣдь поэтъ этотъ теперь тамъ, откуда никто не приходитъ; слѣдовательно, чего же бояться?

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ взглянуть сперва вотъ на этотъ отрывокъ изъ меевскаго перевода:

На вѣтвяхъ большія птицы—
 Перья съ радужнымъ отливомъ.
 Важно — длинные носы
 Изогнулись; глазами,
 Какъ очки въ оправѣ черной,
 Внизъ глядятъ они, качаясь,
 И молчать; но вдругъ крикливо
 Начинаютъ летать,
 Словно кумушки всѣ вмѣстѣ.

Г. Ф. Бергъ переделалъ это мѣсто такимъ образомъ:

Здѣсь качаются на вѣткахъ
 Все большія птицы; перья
 Ихъ блестяще—ярки; длинны
 Ихъ изогнутые клювы;
 И глаза въ оправѣ черной,
 Какъ очки,—то молчаливо
 Смотрятъ внизъ,—то защебечутъ,
 Словно кумушки всѣ разомъ.

Согласитесь, что есть своего рода самоотверженіе — изъ хорошихъ стиховъ дѣлать дурные!

Смѣлость г. Берга заходитъ еще дальше. Перепечатавъ „Пома-ре“ Гейне въ переводѣ Мея, г. Бергъ *исправляетъ* его стихи такимъ образомъ. У Л. А. Мея сказано:

За кусокъ вчера она
 Грязь мѣсить была должна;

а Ф. Бергъ *исправляетъ* такъ, забывая даже и размѣръ стиха:

За черствый хлѣбъ вчера она

Стихи Л. А. Мея, несомнѣнно одного изъ немногихъ даровитыхъ русскихъ переводчиковъ *исправляетъ* Ф. Бергъ! Странно!..

Съ стихами сладить не умѣя,
 Бергъ «исправляетъ» ихъ у Мея,

Вотъ что иногда у насъ дѣлается... Можно ли послѣ того не пожалѣть, что г. Бергъ позабылъ о своихъ играхъ съ зайчиками, вромѣнявъ ихъ на болѣе опасную игру. Вотъ — другое дѣло, если бы пришлось *исправлять* переводы Н. Грекова изъ Гейне, то у меня у перваго не дрогнула бы рука передъ такой пердѣлкой. Такую работу я даже считаю хорошимъ подвигомъ.

Отчего бы, напр., не переделать слѣдующаго перевода г. Грекова:

Мірѣ, ты дѣва молодая,
Вѣдьма брокенская ты:
Но зависать отъ воззрѣнья
И очковъ твоихъ черты.

—
Съ телескопомъ астронома
Ты другой имѣешь видъ:
Ты ни дѣва, ни женщина, —
Ты тогда — гермофродитъ.

Н. Грековъ, вѣроятно, будетъ мнѣ очень благодаренъ, когда я его стихи переодѣну въ такіе куплеты:

Мірѣ, твой видъ разнообразенъ:
Милъ — инымъ, инымъ же — гадокъ;
Мірѣ для Гейне — безобразенъ,
А для Грекова ты сладокъ.

—
Ты, — твой абрисъ очень тонокъ, —
Не мужчина и не дама,
Ты, скажу тебѣ я прямо:
Боборыкина: „Ребенокъ“

Кромѣ разныхъ диковинокъ, которыми такъ богата русская журналистика, въ ней съ нѣкоторыхъ поръ открылось еще новое странное явленіе, а именно „система отрицательства“. „Русскій Вѣстникъ“, какъ и всегда и во всемъ, первый показалъ этому примѣръ и сталъ открыто отрицаться отъ всего, что говорилъ прежде.

Потомъ на сцену выступили „Отечественныя Записки“, объявившія въ прошломъ году, что г. Громека *никогда* не участвовалъ въ этомъ органѣ. Мы повѣрили. Отчего же было и не повѣрить? Мы рѣшили, что Громека — вѣроятно есть только псевдонимъ Андрея Александровича. Но вдругъ совершенно неожиданно въ нынѣшнемъ году „Отечествен. Записки“ сами проговорились въ своемъ отрицательствѣ, съ помощью своего сотрудника — автора статьи: „Начало конца“.

Изъ этой статьи мы не только узнали, что г. Громека — не мифъ, не псевдонимъ, но что онъ избавилъ все наше отечество отъ язвы нигилизма и что его перо, напоенное ядисомъ, выжгло эти заразительныя раны. Г. Громека послалъ на нигилистовъ литературный потопъ и его хроники были — ковчегомъ, въ кото-

ромъ онъ прислалъ къ журнальному Арарату, т. е. къ „Отечественнымъ Запискамъ“... Чудная, грандіозная картина!.. Пусть эту картину воспроизведетъ какой нибудь художникъ и назоветъ ее:

„Рука Громеки отечество спасла!“

И такъ, отпирательство „Отечественныхъ записокъ“ — открылось и слава г. Громеки перейдетъ въ вѣка.

„Библіотека для Чтенія“ тоже отпирается.

„Нѣтъ, это не она!“ „Библ. для Чтенія“ увѣряетъ насъ, что „это не она!“ Библіотека взволнована тѣмъ обличеніемъ, что въ романѣ „Некуда“ изображена въ каррикатурѣ писательница, которая постоянно пишетъ въ томъ же журналѣ, и въ испугѣ восклицаетъ: „нѣтъ это не она, ей-богу, не она, господа“...

О, милое изданіе! мы вѣримъ тебѣ и г. Боборыкину. Мы повѣрили бы даже его словамъ, если бы онъ сталъ насъ увѣрять въ томъ, что Библіотека для Чтенія — вовсе не „Библіотека для..... Чтенія.“... И такъ:

Публика клеветъ

Слушать не должна;

Понялъ цѣлый свѣтъ:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ —

Это — не она...

Вотъ еще одинъ примѣръ самоотрѣченія. На дняхъ вышло объявленіе отъ типографіи Э. Метцига, гласившее о томъ, что „продается *оттомъ* (?) слѣдующая книга: „Избранные поэты Англіи и Америки.“ Хотя имени переводчика въ объявленіи не было означено, но я былъ увѣренъ, что тутъ скрывается какая нибудь знаменитость. Вѣдь произведенія челоуѣка неизвѣстнаго не станутъ продавать *оттомъ*! Досталъ я эту книжку съ переводами изъ Лонгфелло, Елизаветы Барретъ-Броунингъ и Томаса Гуда. Имена переводчиковъ скрыты подъ такими подписями: А. Н-скій, В. К-въ, В. Д-цкая.

Начинаю читать и, благодаря своей памяти, припоминаю, что всѣ эти переводы я встрѣчалъ уже въ журналахъ съ подписью полной фамилии *Всеволода Костомарова*. Такъ, напр. „Мостъ Вздоховъ“ (Гуда) помѣщенъ въ Современникѣ за 1861 г. „Сонъ Невольника“ (Лонгфелло) во „Времени“ 1861 г. и пр. и пр.

Что же это такое значитъ? Почему Всев. Костомаровъ раздробилъ свое имя на три псевдонима, на три отдѣленія?

Самые же переводы Вс. Костомарова были-бы посредственны, если бы онъ побольше отдѣлывалъ ихъ. Тогда бы у него не встрѣтились выраженія въ родѣ „склизкаго чела.“

Какъ-то, мѣсяца два тому назадъ, въ своемъ „дневникѣ“ я разсказалъ одинъ случай изъ быта одной московской газеты, не называя ее по имени: она была просто названа мною „Мизерной газеткой.“ Вдругъ наплась одна газета въ Москвѣ, которая названіе мизерной приняла на свой собственный счетъ.

Издается въ Москвѣ журналъ „Развлеченіе“. Редакторъ этого органа г. О. Миллеръ почему-то сильно оскорбился моею замѣткой и написалъ на нее отвѣтъ. Хотя въ своемъ отвѣтѣ онъ и замѣчаетъ: „мало-ли въ Москвѣ газетъ!“, но въ то же время прибавляетъ: „мы съ своей стороны вполнѣ увѣрены, что ни одна московская редакція неспособна на такой поступокъ!“

Полно такъ-ли, г. Миллеръ! Какъ это вы отвѣчаете за все московскія изданія... Вотъ что значить моск.вскій патриотизмъ...

Но, позвольте: г. Миллеръ только хитритъ. Г. Миллеру видимо нѣтъ никакого дѣла до другихъ редакцій, онъ только заступается за свою редакцію. Онъ пишетъ: „Такъ какъ обвиненіе, внесенное на одну изъ московскихъ газетъ можетъ пасть и на насъ (вотъ что!), то мы требуемъ (ужь непременно и требуется!) отъ темнаго человѣка, чтобъ онъ прямо назвалъ лицо, сообщившее ему этотъ фактъ, а также и газету, поступившую такъ безчестно.“

Вотъ что я отвѣчу вамъ, г. Миллеръ. Мнѣ дѣйствительно извѣстно лицо, сообщившее извѣстный вамъ фактъ; мнѣ извѣстно его имя, иначе бы я не далъ вѣры его корреспонденціи... Но вы сами говорите: „мало-ли въ Москвѣ газетъ!“ и я, не смотря на ваше требованіе только замѣчу:

Изъ-за чего волнуетесь вы столько?..

Неужели чужая вина васъ такъ гнѣвить? Я же, съ своей стороны, не могу каждой московской газетѣ разсказывать именъ своихъ корреспондентовъ. Дѣло не въ ихъ именахъ, а въ самомъ фактѣ. Вольно же вамъ было принимать его на собственный счетъ; если же это такъ случилось, то вините не меня, а вашу редакторскую подозрительность.

Мнѣ случилось однажды въ видѣ пародіи написать въ формѣ небольшой сцены продолженіе къ роману г. Савронскаго: „Бѣглецы въ Новороссіи“. Что-жъ многіе подумали, что сцена эта была обличительнаго свойства. Я ихъ и не разувѣрялъ, зная, что г. Савронскій не будетъ такъ перетолковывать моей сцены...

Напрасно же редакція „Развлеченія“ ставитъ себя въ такое комическое положеніе, принимая мою замѣтку на свой собственный счетъ. Целкомъ вспомнишь одну изъ Эпиграммъ Пушкина...

Я сейчас хотѣлъ разсказать одинъ случай изъ петербургской жизни или вѣрнѣе изъ жизни петербургскихъ „мужей“, но, вспоминая о подозрительности г. Миллера, подумалъ: а, что, если всѣ мужья подумаютъ, что я обличаю каждый изъ нихъ? Чего добраго!.. Опасаюсь я этого сильно, но... но все-таки разскажу одинъ анекдотъ. Недавно въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ на нѣсколькихъ столахъ играли въ карты. За однимъ столомъ шла интересная игра и партнеры засидѣлись долго. Всѣ они замѣтили, что съ самаго начала вечера у ихъ стола сидѣлъ и сидѣлъ за игрой одинъ господинъ, никому изъ игравшихъ незнакомый. Сначала на это не обратили вниманія. Но вотъ прошло два часа, раздался условный звонокъ, послѣ котораго присутствующие въ клубѣ должны платить штрафъ. Такъ какъ игра затянулась, то игроки остались оканчить нульку. Незнакомый господинъ тоже остался и сидѣлъ вмѣстѣ съ ними.

Наконецъ игра кончена.

— Сколько съ насъ слѣдуетъ штрафу? спрашивали партнеры.

— По пяти руб. двадцати пяти коп. с.,—отвѣчаютъ имъ.

Они отдали деньги. Странный незнакомецъ тоже вынимаетъ деньги и отдаетъ штрафъ.

Гости стали уходить. Всѣхъ ихъ заинтересовалъ господинъ, который просидѣлъ съ ними до поздней ночи и, не играя, заплатилъ штрафъ. Къ нему обратились съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота даромъ сидѣть и платить за это деньги?

— Вамъ это странно, господа, — отвѣчалъ откровенный и наивный незнакомецъ, — странно, потому что вы не знаете.. Я вѣдь человекъ семейный, женатый: домой идти не хочется, ну и сидишь и оттягиваешь время. Эхъ, вы, господа, не знаете...

Онъ махнулъ рукой и вышелъ вмѣстѣ съ другими.

Въ этомъ наивномъ отвѣтѣ, право, есть много трагическаго....

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

къ № 8-му.

1. На Каргашинскую станцію г. Е. Березовскому. По жалобѣ вашей на недоставку книжекъ „Рус. Слова“, исполненной столько же рѣзкихъ, сколько и неосновательныхъ упреконъ противъ Редакціи, была сдѣлана немедленная справка въ Почтовомъ Вѣдомствѣ, которое отвѣчало Редакціи, что журналъ «Рус. Слово» посылается на ст. Коргашино, на имя г. Елеазара Березовскаго; за мартъ отправлена книжка 23 апрѣля въ тукъ на Владиміръ, за май—іюля 2-го тоже въ тукъ на Владиміръ и, какъ изъ возвращенной описи видно, почтъ-пакетъ въ Каргашино полученъ во Владиміръ 8 іюля, посему о сдѣланіи распоряженія къ розысканію журнала представлено С.-Петербургскому Почтамту». Не смотря на этотъ отзывъ, Редакція, не желая получать отъ васъ вновь незаслуженно неприличнаго письма послала вамъ *вторично* неполученныя вами книжки. *)

2. Въ Великіе Луки Г. Харинскому. На жалобу вашу, что книжки журнала получаютъ вами *въ деревнѣ* весьма поздно, Редакція имѣетъ честь отвѣчать, что она приметъ зависящія отъ нея мѣры къ полнѣйшему удовлетворенію васъ.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ «РУССКАГО СЛОВА.»

*) Главная контора «Русскаго Слова» уже нѣсколько разъ доводила до свѣденія своихъ подписчиковъ, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ принимать на себя отвѣтственность за распоряженія Почтоваго Вѣдомства. Въ прямыхъ интересахъ издателя журнала — доставлять свое изданіе гг. подписчикамъ съ возможно большею исправностію, и для того Главная Контора принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры. Каждую вновь вышедшую книжку она немедленно сдаетъ въ газетную экспедицію, подъ росписку особаго чиновника, въ надлежащемъ числѣ экземпляровъ, въ заклеенныхъ пакетахъ, подъ бандеролью, и послѣ этой сдачи уже не можетъ слѣдить за правильностію самой доставки по назначенію адресовъ. Будетъ ли доставлена книжка, своевременно, исправно и въ цѣлости — это нисколько не зависитъ отъ Конторы журнала. Кромѣ того, что всякая неисправность въ этомъ отношеніи прямо вредитъ изданію,

каждая редакція обременяется еще хлопотами и почтовыми расходами по письменнымъ отвѣтамъ на жалобы подписчиковъ, по непрерывному и часто утомительному сношенію съ самимъ Почтовымъ Вѣдомствомъ по справкамъ и разнымъ запросамъ, на которые иногда ожидается отвѣтъ по нѣсколькимъ недѣлямъ и даже мѣсяцевъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ Главная Контора «Русскаго Слова» предпочитаетъ высылать книжки *вторично*, желая лучше понести убытокъ, чѣмъ оставить своего подписчика безъ удовлетворенія. И за всѣмъ тѣмъ остается еще много непоправимыхъ недостатковъ по исправной разсылкѣ журнала. Съ будущаго 1865 года Главная Контора «Русскаго Слова» рѣшилась устроиться на новыхъ основаніяхъ, чтобы употребить всѣ возможные и послѣдніе средства для лучшаго удовлетворенія своихъ подписчиковъ со стороны исправной и своевременной разсылки журнала.

О ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ «РУССКАГО СЛОВА ОТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ.

- Отъ г. Кирьева, изъ г. Липно. 7 р. за 2 полугодіе.
- г. Сивцаго, изъ Витебска. 4 „ за послѣднюю треть.
- г. Лавреньева, изъ м. м. Кладавы 9 „ остальные за годъ
- г. Медвѣдева изъ Астрахани . . . 7 „ за первое полугодіе
- г. Нордена изъ Саратова 7 „ за 2 полугодіе.

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

Д-ра А. Брема

Директора Зоологическаго сада въ Гамбургѣ.

(Отъ издателя нѣмецкаго оригинала).

«Въ наше время стараются доставить естествознанію право гражданства въ народномъ образованіи, намъ стараются наглядно представить всѣ процессы внутренности земнаго шара, изучаютъ силы, двигающія міромъ, прислушиваются къ дыханію растений и къ круговороту крови, но въ то же время совершенно забываютъ царство болѣе совершенно организованныхъ созданій, которые ближе всего стоятъ къ человѣку и дѣляютъ съ нимъ господство надъ землею; цѣль нашей книги пополнить этотъ пробѣлъ.

Указавъ цѣль, мы можемъ представить программу ея выполненія.

Сочиненіе носитъ заглавіе «*жизнь животныхъ*», потому что разсматриваетъ животныхъ въ ихъ естественныхъ отношеніяхъ, а не съ точки зрѣнія точной науки; наша книга разсматриваетъ животное не на диссекціонномъ столѣ анатома, не въ клѣткѣ звѣринца или зоологическаго сада, но среди его родины, въ его отношеніяхъ, въ его семейной и общественной жизни, изучаетъ его способности и нравы, его умъ и характеръ, короче сказать, его свободное существованіе и указываетъ его мѣсто въ ряду созданій съ широкой, космической точки зрѣнія.

Порядокъ изложенія систематиченъ, указана анатомія семейства, на сколько она необходима для характеристики; признаки животнаго приведены вкратцѣ, за то жизнь его описана подробно и конкретно съ исключеніемъ всего баснословнаго и вымышленнаго и вѣдъ всякаго преувеличенія и всякой сантиментальности, которая распространяются теперь вслѣдствіе опаснаго диллетантизма.

Все сочиненіе обнимаетъ предварительно только *млекопитающихъ и птицъ*; первый отдѣлъ состоитъ изъ двухъ томовъ, болѣе 40 листовъ каждый и съ 600 рисунковъ; отдѣлъ этотъ уже появился въ оригиналѣ, и издатель приступаетъ ко второму отдѣлу, т. е. къ птицамъ.

Приступая къ изданію на русскомъ языкѣ такого громаднаго по своему объему сочиненія, какъ «*Жизнь животныхъ*» Брема, возбужденнаго съ прошлаго года такой живой интересъ во всей читающей иностранной публикѣ, желая по возможности передать его русскимъ читателямъ точно въ такомъ же видѣ, какъ оно предлагается иностраннымъ, въ особенности не чрезвычайной отчетливости и живости рисунковъ, издатель вошелъ въ сношеніе съ *библиографическимъ институтомъ въ Гильдбургаузенъ* для полученія права на переводъ и поставки рисунковъ.

Г. Мейеръ, завѣдывающій дѣлами библиографическаго института, изъявилъ желаніе оказать полное содѣйствіе русскому изданію, такъ что можно надѣяться, что русское изданіе по роскоши и отчетливости исполненія нисколько не уступитъ иностранному, при чемъ болѣешіе рисунки, приложенные къ каждому иностранному выпуску, *Библиографическій институтъ* отпечатаетъ на мѣстѣ, а со всѣхъ прочихъ доставитъ мѣдные влише.

Будутъ употреблены всѣ мѣры, чтобъ переводъ вполнѣ передалъ простой и чрезвычайно занимательный рассказъ автора, при чемъ общую редакцію перевода въ литературномъ отношеніи принялъ на себя *В. А. Зайцевъ*.

Желая по возможности скорѣе доставить русской публикѣ хотя начало сочиненія Брема, издатель надѣется выпустить въ непродолжительномъ времени первый выпускъ, въ который войдутъ 4 $\frac{1}{2}$ нѣмецкихъ выпусковъ, обнимающіе *Обезьянъ и Рукокрылыхъ*.

Цѣна будетъ назначена по возможности умѣренная.

В. Монашенскій.

MAR 30 1937

